ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
А.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
К.А. АҚЫШЕВ АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ҒЗИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А.Х. МАРГУЛАНА
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА
НИИ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ К.А. АКИШЕВА

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2019

Көрнекті қазақстандық археолог К.А. Ақышевтың
95 жылдығына арналған Халықаралық археологиялық
ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
Нұр-Сұлтан, 19-20 сәуір 2019 ж.

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

Материалы Международной археологической научно-практической
конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося
казахстанского археолога К.А. Акишева
Нур-Султан, 19-20 апреля 2019 г.

Нұр-Сұлтан
2019

УДК 902/904
ББК 63.4
М 25

Бас редактор/Главный редактор:
Б.А. Байтанаев
Жауапты редактор/Ответственный редактор:
М.К. Хабдулина
Редакциялық алқа/Редакционная коллегия:
У.У. Умиткалиев, Б.М. Хасенова. Д.Т. Тлеугабулов, А.Т. Дукомбайев

М 25 **Марғұлан оқулары – 2019:** *Көрнекті қазақстандық археолог К.А. Ақышевтың 95 жылдығына арналған Халықаралық археологиялық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Нұр-Сұлтан*, 2019. – 704 б.

Маргулановские чтения – 2019: *Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева*. – Нур-Султан, 2019. – 704 с.

ISBN978-601-337-134-4

«Марғұлан оқулары – 2019» Халықаралық археологиялық конференциясы Қазақстанның археология ғылымының негізін қалаушы – Әлкей Хақанұлы Марғұланның 115 жылдығында өткізіліп отыр. Біздің конференция Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетіндегі Археология ғылыми-зерттеу институтына есімі берілген Кемел Ақышұлы Ақышевтың 95 жылдығына арналған. Конференцияның материалдар жинағына ғылыми жобалар бойынша мақалалар, тарихнамалық мақалалар, Еуразия археологиясының өзекті теориялық мәселелеріне арналған бірқатар жарияланымдар енді. Басылым археологтарға, этнографтарға, гуманитарлық мамандық студенттеріне арналған.

Международная археологическая конференция «Маргулановские чтения – 2019» проходит в год 115-летия со дня рождения Алькей Хакановича Маргулана – организатора археологической науки Казахстана. Наша конференция посвящена 95-летию со дня рождения Кималя Акишевича Акишева, чье имя носит НИИ археологии в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. Сборник материалов конференции содержит отчетные статьи по научным проектам, историографические статьи, ряд публикаций посвящен актуальным теоретическим проблемам археологии Евразии. Издание ориентировано на археологов, историков, этнографов, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 902/904
ББК 63.4

© НИИ археологии им. К.А. Акишева,
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019
© Все авторы, 2019

ISBN978-601-337-134-4

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....7

«РОЛЬ ЛИЧНОСТИ» В АРХЕОЛОГИИ

Бейсенов А.З. К.А. АКИШЕВ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАЗАХСКОГО ВРЕМЕНИ.....10
Мурзин В.Ю. АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТЕРЕНОЖКИН – ОСНОВАТЕЛЬ КИЕВСКОЙ ШКОЛЫ СКИФОВЕДЕНИЯ.....39
Талеев Д.А. К.А. АҚЫШЕВТЫҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРТАҒАСЫР АРХЕОЛОГИЯСЫН ЗЕРТТЕУГЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ.....47

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА В МАНГЫСТАУ В 2018 г.....55
Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНОК УЛКЕН ЖЕЗДЫ И ТОКТАУЛ В УЛЫТАУ В 2018 г.....61
Варфоломеев В.В. ПОСЕЛЕНИЯ ТАЛДИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 74
Горячев А.А. РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕРХОВЬЕВ УЩЕЛЬЯ ТУРГЕНЬ В 2017-2018 гг.....88
Горячев А.А., Егорова Т.А. АНДРОНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КОЖАБАЛА-I В ГОРАХ ХАНТАУ.....99
Зайберт В.Ф. БОТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА – МАТРИЦА СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....108
Мамиров Т.Б., Баиров Н.М., Мамиров К.Б., Куандык С.Р., Клышев Е.Е. ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В 2018 г. 112
Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Макен А.Б. ЭЛИТНЫЕ КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКА ТАБЫЛДЫ (ЭПОХА БРОНЗЫ) 120
Лазаретов И.П. ОКУНЕВСКО-ЧЕМУРЧЕКСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ФЕНОМЕН ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА СИНХРОНИЗАЦИИ КУЛЬТУР 132
Лачкова М.К., Усманова Э.Р., Воловинский А.В., Овсянников А.А. КРЕМАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТА ОГНЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВО И ЭКСПЕРИМЕНТ (НА МАТЕРИАЛАХ АНДРОНОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ) 145
Лошакова Т.Н. ОБ ОДНОЙ СЛУЧАЙНОЙ НАХОДКЕ С ПОСЕЛЕНИЯ ТОКСАНБАЙ.....150
Подушкин А.Н. НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКОВ КЫЛЫШЖАР И МЫНТОБЕ 153
Смаилов Ж.Е., Сакенов С.К. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ КУЛЖАБАСЫ.....170
Хаванский А.И. К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ СИНТАШТИНСКИЙ ГРУНТОВЫЙ И ТАНАБЕРГЕН II)..... 181
Таймагамбетов Ж.К. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г... 192

Яковлева Е.С. МАХАНДЖАРСКИЕ ДРЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ ... 201

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Доумани Дупью П., Исин А.И., Рахманкулов Е., Курмангалиев А.К. НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУРГАНАХ С «УСАМИ» ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ 208
Аникеева О.В.. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВРЕМЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АЛАБАСТРОВ ИЗ ФИЛИППОВСКИХ КУРГАНОВ 223
Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Уразова А.Б. ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕГО ИЛЕКА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ) 234
Далалян Т.С. К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ МАССАГЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 243
Дашковский П.К. ИЗУЧЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ САКОВ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОВЕТСКОЙ НОМАДОЛОГИИ В 1960-1980-е гг. 248
Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. НАРУШЕННЫЕ ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЖЕТЫСУ: ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КАСПАН-6 260
Жунисханов А.С. , Доумани Дупью П., Исин А.И., Гумирова О., Айткали А.К., Рахимжанова А. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНЫХ МАССИВОВ КОКЕНТАУ И СЕМЕЙТАУ 271
Зайнов А.М. СОЛТҮСТІК-ШЫҒЫС КАСПИЙ МАҢЫНДАҒЫ САРМАТ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ 280
Ермоленко Л.Н. ИНВАРИАНТНЫЕ ЖЕСТЫ В ИКОНОГРАФИИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ 285
Касенов М.С., Зайнов А.М., Айткали А.К. ҚАРАБАУ ОБАЛАРЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР 296
Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ БАБИШ-МУЛЛА 1 В 2018 г. 301
Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА КАРАТОМАР 316
Лукпанова Я.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРГАННОМ КОМПЛЕКСЕ ТАСКАЛА 328
Лунева В.В. ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕМЕСЛА АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ УЗБЕКИСТАНА 340
Махортых С.В. КАМЕННЫЕ БЛЮДА VII-VI ВВ. ДО Н.Э. ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ 346
Могилов А.Д. ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РЯДОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФИИ 360
Мышкин В.Н. ПОДПРУЖНЫЕ ЗАСТЕЖКИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ У КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ: ХРОНОЛОГИЯ И ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ 369
Сакенов С.К., Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. ПОГРЕБЕНИЕ РУБЕЖА ЭР НА МОГИЛЬНИКЕ АЙДАРЛЫ 378
Самашев З., Кариев Е.М., Ерболатов С.Е. ХУННУ-СЯНЬБЭЙСКИЙ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ БЕРЕЛЯ 385
Свиридов А.Н., Язиков С.В. САРМАТСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ) 394

Сейткалиев М.К., Амиров Е.Ш., Умиткалиев Д.Б. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ БОРАНДАСУ В 2018 г. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ) 404
Чекин А.Г., Тулегенов Т.Ж., Бесетаев Б.Б. К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ЖЕТЫСУ 409

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Амиргалина Г.Т. КЕРАМИКА СО ЗНАКАМИ С ГОРОДИЩ СОРТОБЕ И ДЖАНКЕНТ 418
Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х. «СТОРОЖЕВЫЕ БАШНИ» ИСПИДЖАБА 429
Билалов С.У. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г. 439
Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. НАУЧНАЯ ПРОГРАММА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ИССЛЕДОВАНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ 451
Джумабеков Д.А., Усманова Э.Р., Антонов М.А. АЛТЫНШОҚЫ ТАРИХИ-МӘДЕНИ КЕШЕНІН ЗЕРТТЕУДЕГІ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР 457
Елеуов М., Талеев Д., Есенов С., Молдахмет А. ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚЫШҚАЛАДА 2018 ЖЫЛЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР 460
Калменов М.Д. НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА ЖАЙЫК (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2015 г.) 468
Кожа М.Б., Гурсой М., Сиздиков Б. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОРОДИЩЕ ШАНШАР-АСАРЧИК 477
Котеньков С.А. БЭРОВСКИЕ БУГРЫ – ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ 483
Кызласов И.Л. ДВЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА АЛТАЙСКОМ РУЧЬЕ КАРБАН. К ПОЗНАНИЮ НЕРАСШИФРОВАННОГО ПИСЬМА (ИЗ РАБОТ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЙ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ) 496
Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII-XIV ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ: ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ 516
Махамбетова Л.Ә. СЫР ӨҢІРІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАШЫҚТАРДАН ТАБЫЛҒАН СҮЙЕКТЕН ЖАСАЛҒАН БҰЙЫМДАР (ЖАҢА МАТЕРИАЛДАР НЕГІЗІНДЕ) 523
Нуржанов А.А., Гимранов Д.О. ИССЛЕДОВАНИЯ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГОРОДИЩА КАСТЕК 529
Пилипчук Я.В. КЕМ БЫЛИ БУРТАСЫ? 538
Руденко К.А. О СВЯЗЯХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В XI-XIV ВВ. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ) 548
Самашев С.К. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТАҢБАЛАРДЫҢ ЭТНОӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ МАҢЫЗЫ 561
Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ШАВГАРА (ТУРКЕСТАНСКИЙ ОАЗИС) 567
Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т. К ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЕ СТЕПИ 584
Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ СОРТОБЕ 592

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ананьевская Э. ИЗМЕНЕНИЯ В ПИТАНИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА С БРОНЗОВОГО ПО СРЕДНИЕ ВЕКА (С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНАЛИЗА СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ) 604
Асылбеков Қ.М. АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ НЫСАНДАРДЫ ЗЕРТТЕУ, ҚОРҒАУ МЕН МОНИТОРИНГ ЖҮРГІЗУДЕ ГЕОАҚПАРАТТЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІ ЖӘНЕ ЖЕРДІ ҚАШЫҚТАН ЗОНДТАУ МӘЛІМЕТТЕРІН ҚОЛДАНУ 612
Асылбеков К.М. ЦИФРОВАЯ 3D-ФИКСАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САРЫАРКИ 617
Бедельбаева М.В. ОБРАЗЫ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИЗУЧЕНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ МЕСТНОСТИ ТАЙАТКАН-ШУНАК) 624
Гаврилов Д.А. ДРЕВНЕОРОШАЕМЫЕ ПОЧВЫ КАК ОБЪЕКТ СОВМЕСТНОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ И ПОЧВОВЕДЕНИЯ 636
Хохлов А.А., Китов Е.П. ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТЕПЕЙ КАЗАХСТАНА: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ С НАСЕЛЕНИЕМ НАЧАЛА ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА РЕГИОНА 644
Мұстапаева Д.Ө. АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДЕ ЗЕРДЕЛЕНГЕН ҚАСИЕТТІ ОРЫНДАР ТУРАЛЫ 650
Примкулова Г.Ж. ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ АЙМАҚТЫҚ-ҰЛТТЫҚ ДӘСТҮРЛЕРДІ ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ 657
Сиражева Б.А. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ИНСТРУМЕНТАРИИ ОБРАБОТКИ КОСТИ КАЗАХСКИХ МАСТЕРОВ 664
Усманова Э.Р., Семьян И.А., Лукашов В.Н., Лукашова Е.С., Лукашов Е.Н. ФЕСТИВАЛЬ «ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ» КАК СПОСОБ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ 671
Шарапов Д.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ: ОБЗОР МЕТОДИК 682
Шілдебаева Ж.М. ЖАМБЫЛ ОБЛЫСЫНЫҢ САКРАЛДЫ НЫСАНДАРЫ 693

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Международная археологическая конференция «Маргулановские чтения – 2019» проходит в год 120-летия Каныша Имантаевича Сатпаева, организатора казахстанской науки, Первого Президента Академии наук Казахстана. В 2019 г. исполняется 115 лет со дня рождения Алькей Хакановича Маргулана, организатора археологической службы Казахстана и 95 лет со дня рождения Кималя Акишевича Акишева, знаменитого ученого, легенды евразийской археологии, открывшего миру погребение «Золотого человека».

Археологи Казахстана эти знаменательные даты отмечают конференцией «Маргулановские чтения».

Ежегодная казахстанская конференция «Маргулановские чтения» – это способ оперативного обмена информацией, знакомства с новыми археологическими работами, возможность взглянуть на панораму актуальных проблем археологии Казахстана и Евразии и на новые направления, которые формируются в современном археологическом источниковедении.

Сборник 2019 г. традиционно составлен по культурно-хронологическому принципу. Каждый раздел включает отчетные материалы полевых работ 2018 г., статьи подводящие итоги многолетних исследований отдельных регионов и микрорайонов, и статьи, намечающие перспективы исследования. В каждом тематическом разделе имеются статьи теоретического характера.

В археологии эпохи камня и палеометалла представлена обобщающая статья о роли маханджарских памятников в неолите лесостепного Притоболья и Зауралья. Важным достижением казахстанской науки является открытие и изучение ботайской археологической культуры эпохи энеолита. В.Ф. Зайберт в названии статьи «Ботайская культура – матрица степной цивилизации» обозначил историческое и историко-культурное значение масштабной и разнообразной информации по энеолиту степной Сарыарки. В эпоху энеолита сложился новый исторический тип культуры, в котором заложены предпосылки дальнейшего культурного прогресса, завершившегося сложением принципиально нового социокультурного явления – цивилизации.

Направления культурных контактов, миграций населения эпохи бронзы Казахстана в последние десятилетия получили материальное подтверждение в изучении древностей Жетысу и северного Тянь-Шаня. Масштабные работы по исследованию поселений и погребальных памятников бронзового века ведутся на горных плато Заилийского и Кунгей Алатау. Материалы новых раскопок изложены в настоящем сборнике. На юг от Зауралья расширяются и границы синташтинской археологической культуры. Яркие памятники ее открыты в Казахстанском Притоболье, что позволяет изучать проблему внутренних культурных контактов. Еще одно новое направление в изучении эпохи бронзы Казахстана – открытие и раскопки элитных погребальных сооружений андроновского времени. Этот материал отражен в коллективной статье И.А. Кукушкина, Е.А. Дмитриева, А.Б. Макен.

Широкий культурный и хронологический круг проблем от историографических, вещеведческих до изучения искусства, мировоззрения, расселения и этнической принадлежности древнего населения различных регионов Казахстана охватывает раздел

«Археология ранних кочевников Центральной Евразии». Здесь представлены традиционные направления: изучение савромато-сарматских древностей Приуралья и Западного Казахстана, саков Жетысу. Ряд статей зарубежных археологов освещают скифскую тематику и касаются проблем культурных контактов и взаимовлияний в античную и сарматскую эпохи. Новым в археологии Казахстана является открытие хунну-сяньбийского культурно-хронологического горизонта на могильнике Берел.

Со второй половины XX века началось становление казахстанской археологической медиевистики. Изучение городов Великого шелкового пути оформилось в ведущий раздел археологии Казахстана. Появились специализированные разделы средневековой археологии – нумизматика, гончарная технология, ирригация и развитие земледелия, городское средневековое искусство, археологическая архитектура. К концу XX века средневековая городская археология юга Казахстана стала одной из наиболее изученных в регионе Центральной Азии. В сборнике конференции «Маргулановские чтения 2019 г.» представлены материалы раскопок городов Приаралья, Южного Казахстана и Семиречья. Ряд статей освещает вопросы культурных контактов, взаимовлияний, сравнительного анализа различных аспектов средневековой археологии регионов Центральной Азии и Евразии.

Конференция «Маргулановские чтения 2019 г.» посвящена 95-летию со дня рождения знаменитого археолога К.А. Акишева, чье имя носит научно-исследовательский институт археологии при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. Два имени великих евразийцев соединились в истории и судьбе образовательного и научного центра Казахстана.

К.А. Акишев является основателем археологической школы Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (1999-2003 гг.). Переехав в 1999 г. из Алматы в новую столицу Казахстана, он возобновил свои археологические маршруты, начатые еще в годы освоения целинных и залежных земель. С новых позиций, обладая огромным практическим и теоретическим опытом и знаниями в исследовании древних памятников оседлой и кочевой культур, К.А. Акишев наметил несколько перспективных направлений в археологии Сарыарки. Одно из них – исследование казахских поселений – кыстау.

Заново пройдя маршрутами целинных экспедиций, он обратил внимание на огромное количество казахских поселений, зимовок на берегах степных речек. Их скопление является весомым аргументом в пересмотре концепции номадизма. В настоящее время накоплен значительный материал по поселениям раннего железного века Сарыарки. Этот массив источников требует с новых позиций подойти к трактовке культурно-хозяйственной специфики древнего и средневекового населения степи. Этой теме посвящена статья А.З. Бейсенова «К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени».

Еще одно направление основано работами К.А. Акишева в столичном регионе – это исследование средневековой городской культуры степи. Им было открыто и начато исследование знаменитого ныне городища Бозок, расположенного на юго-западной окраине молодой столицы Казахстана – г. Астаны.

В результате первых пяти лет раскопок городища (1999-2003 гг.) были определены основные хронологические этапы истории бозокского археологического микрорайона.

К.А. Акишев осветил семантику планиграфии раннесредневековой структуры памятника и предложил создать на базе городища Бозок музей под открытым небом. Эта идея получает претворение в настоящее время. В 2018 г. Правительство Республики Казахстан приняло Постановление о создании на территории Казахстана трех музеев-заповедников: Бозок, Ботай и Сарайшик. Начаты работы над ландшафтным и архитектурным дизайном Государственного историко-культурного музея «Бозок». В сборнике конференции представлена статья по раннесредневековым жилищам бозокского археологического микрорайона.

В материалах сборника международной археологической конференции «Маргулановские чтения 2019» освещены результаты полевых работ 2018 г., изложены аналитические статьи по многим аспектам истории и археологии Казахстана и Евразии.

От Редколлегии

«РОЛЬ ЛИЧНОСТИ» В АРХЕОЛОГИИ

А.З. Бейсенов
Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
Алматы, Казахстан
A.Z. Beisenov
Research Center of History and Archeology «Begazy-Tasmola»
Almaty, Kazakhstan

К.А. АКИШЕВ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАЗАХСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Выдающемуся исследователю, археологу К.А. Акишеву был присущ широкий диапазон исследований. Он открыл и изучил многочисленные памятники от эпохи бронзы до этнографической современности. Одно из научных направлений ученого связано с изучением памятников позднего средневековья, относящихся к периоду Казахского ханства. С его именем связана организация Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Казахской Академии наук. К.А. Акишевым и его соратниками проведена большая работа по изучению памятников казахской эпохи. В настоящее время эта работа продолжается археологами Казахстана. Актуальными являются поиски и исследования памятников нового времени, особенно на территории Сарыарки и ряда других регионов Казахстана, где они ранее не были изучены. Автором в ряде регионов Сарыарки обследованы группы казахских зимовок. Планировка и другие особенности жилищных построек показывают близость их типам домов позднего средневековья Сырдарьинского региона.

Ключевые слова: К.А. Акишев, памятники позднего средневековья, Казахское ханство, казахские зимовки, планировка.

Кемал Ақышев және қазақ заманының ескерткіштерін зерттеу мәселелері

Түйін. Аса көрнекті ғалым, археолог, Қазақстан археология ғылымының іргетасын қалаушылардың бірі Кемал Ақышев кең диапазонды зерттеушілердің қатарында. Ол қола дәуірі мен этнографиялық кезеңге дейінгі аралықты алып жатқан көптеген құнды жәдігерлерді ашып зерттеді. Ғұлама ғалымның зерттеген бағыттарының бірі ол кейінгі ортағасырлар заманы ескерткіштері, Қазақ хандығына қарасты мұралар еді. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының ұйымдастырылуы осы К.Ақышевтың есімімен тығыз байланысты. Кемал Ақышев және оның әріптестері қазақ заманы ескерткіштерінің табылуы мен зерттелуінде аса көп еңбек сіңірді. Бұл

сала қазір Қазақстанда өз жалғасын табуда. Жаңа дәуір ескерткіштерін қарастыруда Сарыарқа жерінде және басқадай бұрындары зерттелмеген аймақтарда ізденістер жүргізудің үлкен мәні бар. Автор Сарыарқа жерінде көптеген қазақ дәуірінің қыстауларын ашты. Олардың құрылымдық ерекшеліктері мен басқадай сипаттары кейінгі ортағасырлық ескерткіштерге жақын белгілерді көрсетеді.

Түйін сөздер: К.Ақышев, кейінгі ортағасырлар ескерткіштері, Қазақ хандығы, қазақ қыстаулары, планировка.

K.A. Akishev and issues of studying monuments of Kazakh time

Annotation. A wide range of studies characterized the outstanding researcher, archaeologist KA Akishev. He discovered and studied numerous monuments from the Bronze Age to the ethnographic present. One of the scientific directions of the scientist is associated with the study of monuments of the late Middle Ages, belonging to the period of the Kazakh Khanate. The organization of the South Kazakhstan complex archaeological expedition of the Kazakh Academy of Sciences is associated with his name. KA Akishev and his associates did a great job of studying the monuments of the Kazakh era. Currently, Kazakhstan archaeologists are continuing this work. Relevant are the search and study of monuments of the new time, especially in the territory of Saryarka and a number of other regions of Kazakhstan, where they have not been previously studied. The author in a number of regions of Saryarka surveyed groups of Kazakh winterings. The layout and other features of housing constructions show the proximity to their types of houses of the late Middle Ages of the Syrdarya region.

Keywords: K.A. Akishev, monuments of the late Middle Ages, Kazakh Khanate, Kazakh winterings, planning.

Крупнейший исследователь, один из основоположников археологической науки Казахстана К.А. Акишев был ученым самого широкого исследовательского масштаба и организатором науки. Его научные интересы, исследования и теоретические разработки, включая тысячекилометровые поездки, разведки и раскопки, осмысления и публикации материалов, научные выводы, гипотезы и концепции, обсуждения и предложения по проблемам сохранения и использования памятников, касались очень многих аспектов древней и средневековой археологии и истории Казахстана.

Казахстанскими археологами, его учениками и соратниками, по этому поводу сказано немало (Байпаков, 2004; 2008, с. 6-7; 2014; Бейсенов, 1998; 2014а; 2015а; 2015б, с. 45-46; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 16-17; Бейсенов, Марьяшев, 2014, с. 3-5; Ганиева, 2010; 2014; Жолдасбаев, 2004; 2014; Қожа, 2004; Толеубаев, 2004; Самашев, 2014). Научное наследие К.А. Акишева не только является огромным вкладом в деле изучения прошлого Казахстана, но и содержит в себе многочисленные проблемы и аспекты, которые и сейчас остро стоят на повестке дня. Это напрямую касается и темы прелагаемого сообщения.

Для работ К.А. Акишева, человека сдержанного и немногословного в жизни, характерен лаконичный и выдержанный стиль в публикациях и докладах. Он не писал многостраничные предположения, не увлекался домыслами, умозаключениями, не любил много и пространно говорить. Одно из научных направлений, интересовавших ученого, это памятники позднего средневековья и нового времени, напрямую связанные с

казахами. Научные проблемы и практические аспекты этого периода, как и сами памятники и их разновидности, остаются малоисследованными. К настоящему времени еще не разработана общая методика проведения работ в этой области, в особенности по отношению к памятникам традиционных скотоводческо-кочевнических регионов. В первую очередь это касается казахских зимовок, а также, кладбищ, мазаров, оросительных систем и других сооружений.

В современных исследованиях по казахским памятникам следует исходить из положения о том, что этот пласт состоит из двух неразрывных и взаимосвязанных частей. Первая группа это памятники периода Казахского ханства, датирующиеся, главным образом XV-XVIII вв. Вторая группа памятников должна объединять памятники XIX – начала и первой половины XX вв. Наименее известными, неизученными остаются памятники второй группы, которые, как оказывается, даже не в полной мере рассматриваются в качестве собственно памятников историко-культурного наследия.

На территории Казахстана, практически во всех уголках на его территории, исследователи находят руинизированные остатки поселений-зимовок. Это лишь сохранившаяся часть этих объектов. В ходе социалистических преобразований на территории Казахстана исчезли тысячи казахских зимовок, мазаров, торткулаков. Особенно это было характерно для плодородных равнин Северного Казахстана и ряда многих других районов республики, попавших под форсированное переустройство сельского хозяйства.

Слушая песни Биржан сала Кожагулова, люди непременно слышат имя злосчастного кокшетауского волостного управителя Жанботы Карпыкова, по вине одного излишне ретивого шабармана оскорбившего певца: «Жанбота, өзің болыс, әкең Қарпық!». Пока люди будут слушать казахскую традиционную музыку, имя бедного волостного будет звучать в этой песне всегда, рефреном – «Жанбота, осы ма еді өлген жерің?!». Зададимся вопросом: а где жил этот человек, где был зимний аул, кора, этого волостного, какого была планировка этой зимовки? Из чего построены были дома и кошары? А где кора казахов из окружения Зилгары Байтокова, Есеней Естемесова? Мы не знаем. Так формируются взгляды на историю регионов, а затем стран и народов. Если отдельные авторы царской эпохи или советского периода ничего не написали, то, значит, и нет ничего. До недавнего времени дело обстояло именно так.

Конечно, казахские памятники нового времени изредка становились объектами научных исследований, сделаны научные мнения. Но нельзя сказать, что такие исследования носили и носят постоянный, систематический характер. Сейчас необходим новый подход по отношению к ним.

Немало было сделано учеником К.А. Акишева, археологом С. Жолдасбаевым, изучившим оседлые поселения периода Казахского ханства в Южном Казахстане, а также поздние зимовки в некоторых местностях Жетысу и Центрального Казахстана (Жолдасбаев, 1972; 1974; 1976; 2017). И другие исследователи обращают внимания на разные аспекты казахских памятников, в том числе и на вопросы их сохранения (Ажигали, 2011; Рахимов, 2012; Турганбаева, 2012; Усманова, 2012).

Одновременно, исследователи отмечают во многом недостаточный, низкий уровень разработки темы. Для имеющихся публикаций характерны обзорность, отрывочность данных, аппеляция к общим теоретическим вопросам оседлости и номадизма на территории Казахстана, восходящим, в том числе, и к разработкам К.А. Акишева, краткие

анализы сведений дореволюционного периода, обращение к археологическим материалам древних эпох. Наряду со всем этим, необходимо прежде всего проведение работ источниковедческого характера путем полевых экспедиционных изысканий, создание базы данных по всем регионам. Необходима активизация исследований, проведение работ в условиях новых возможностей. Актуальным является проведение сплошных обследований по регионам, скорее, даже по природным районам, фиксация и изучение этих памятников в связи с особенностями местностей.

Нельзя не согласиться с мнением С.Е. Ажигали о том, что для казахских памятников, являющихся быстро исчезающими объектами, необходима разработка особого положения по их изучению и обеспечению сохранности (Ажигали, 2011). В этой связи, многие стороны практической методики, разработанной для сплошного обследования казахских некрополей (Ажигали, Бекназаров, 2012) Западного Казахстана, могут и должны быть применены и для поселений-зимовок.

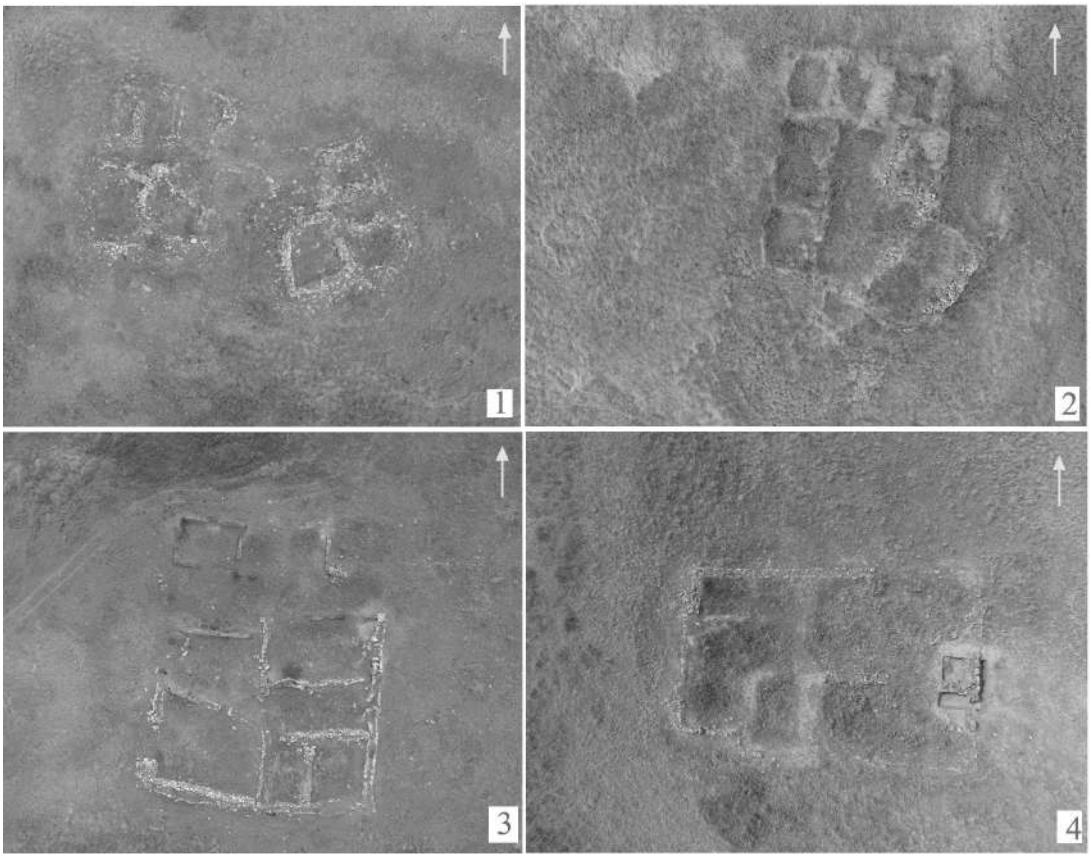


Рис. 1. Казахские зимовки.
Каркаралы. 1 – Басентейин, 2 – Сыбанай, 3 – Кенжебек, 4 – Карашокы.
Фото Д.Т. Шашенова

В последние годы автором обследовано некоторое количество казахских зимовок XIX-первой половины XX вв. в ряде районов Сарыарки (рис. 1). Все эти работы были приурочены к районам локализации полевых археологических исследований и носили кратковременный, эпизодический характер, бегло осматривались лишь ближайшие местности. Тем не менее, наблюдение показало наличие значительного количества казахских зимовок во многих районах: Каркаралы, Актогай, Атасу, Тургай и др. Наряду с этим, выяснилась однозначная ситуация в такой сфере, как фиксация и взятие их в учет с целью дальнейшей охраны и использования. В областных органах госохраны памятников историко-культурного наследия казахские зимовки не числятся в качестве объектов, имеющих какой-либо статус для обеспечения их сохранности. Они не являются памятниками. Поэтому, научная и практическая актуальность вопроса казахских зимовок более чем очевидна именно сейчас, когда сохранение памятников исторического наследия является одной из важнейших задач перед государством и обществом.

К.А. Акишева тема казахских памятников живо интересовала, по-настоящему, как большого ученого-исследователя. Отчасти это довелось заметить и в поле, будучи недолговременным участником его экспедиции в районе Актерека в Жетысу, когда исследователь как обычно кратко, но с большим интересом говорил об увиденных им остатках многочисленных казахских арыков, о глинобитных торткулаках. Кажется, на Актереке, а затем и в районе Бериктаса, много до этого еще и в районе Актаса, К.А. Акишев снял многочисленные такие пункты, но эти материалы не были опубликованы. Так же и с материалами его широких разведок в Акмолинском Приишимье. Осенью 2001 года он с большим интересом говорил об этой разведке, которая «его поразила наличием многочисленных объектов глинобитной архитектуры казахов».

Ишимская экспедиция К.А. Акишева, приведшая к открытию города Бозок близ Астаны, включала, помимо раскопочных работ, многодневные протяженные разведочные маршруты, столь любимые многими археологами, работавшими на просторах Казахстана. Экспедицией открыты, исследованы объекты разных эпох: бронзы, раннего железного века, средневековья. Не остались в стороне и памятники казахского времени. «Разведочными маршрутами по Ишиму и его притокам установлено, что наряду с курганными могильниками, массовым видом памятников являются казахские зимовки. Они имеют вид задернованных всхолмлений правильной формы. По размерам среди них выделяются остатки замков или крупных поселений-усадеб. Рядом видны хозяйственные пристройки, углубления колодцев. На некоторых из них обнаружены руины кузниц, много железных вещей, инструментов кузнечного ремесла, битая посуда, царские монеты, оловянные пуговицы… Планировка многих зимовок читается на современной поверхности. Чаще встречаются поселения, состоящие из трех-четырех автономно расположенных комплексов. Есть и большие поселения – до 20 отдельных усадеб или домостроений» (Хабдулина, 2017, с. 125). Лично видевший казахские памятники разных регионов, в том числе зимовки, остатки кузниц, арыков и многое другое, К.А. Акишев считал, что «этот вид археологического памятника требует масштабного изучения» (Хабдулина, 2017, с. 125). Ишимская экспедиция ныне продолжает свои работы по поиску казахских памятников на территории Приишимья (Свиридов, Ярыгин, Дукомбайев, 2011).

Отмечаемый многими «широкий диапазон исследований», который был очень характерен для К.А. Акишева (Байпаков, 2014, с. 24), а до него для А.Х. Маргулана, всегда чреват одним нехорошим последствием. У такого рода исследователей не хватает времени, точнее, – жизни – для равномерного охвата всего того, что они открывали и изучали. Не говоря о публикациях, но и в архивах, включая личные, домашние, мы не найдем все то, что они открыли, видели, наблюдали, о чем выносили те или иные суждения или хотели сказать в дальнейшем.

Интерес к казахским памятникам у К.А. Акишева возник, как видно, далеко неслучайно. Речь не должна идти об увлечении отдельно взятого исследователя каким-нибудь интересным лично для него научным направлением. Проблема гораздо глубже.

Вся история формирования и деятельности археологического подразделения в Академии Наук Казахстана под названием сначала сектора, затем отдела археологии, ставшего основой создания Института археологии в 1991 г., говорит о том, что проблемы изучения казахских памятников органически связаны с средневековой и позднесредневековой археологией Казахстана. Точнее, данное направление является органической частью всей программы изучения прошлого Казахстана, заложенной учеными республики в самом начале организации археологической службы нашей страны.

Здесь всплывет имя А.Х. Маргулана, и нить от него потянется к именам Струве, Лерха, Ольденбурга, Бартольда, в город на Неве, являвшемся средоточием русской научной мысли. А.Х. Маргулана сейчас именуют археологом, этнографом, историком, филологом, фольклористом, называют, одним словом, энциклопедистом.

А.Х. Маргулан – востоковед (Хабдулина, 2017, с. 122), исследователь типа Ч.Ч. Валиханова, он воспитанник и последователь большой и многогранной, полутаинственной науки, именуемой русским востоковедением. Ошибочно думать, что Маргулан «свою линию» выстроил здесь, в Казахстане, и тем более предполагать, что он к ней «созрел» только после своих раскопок в Казахстане. Несомненно, его археологическая программа по изучению Казахстана сформировалась гораздо раньше, в аудиториях и читальных залах Петербурга, в ходе знакомств и совместных исследований со многими авторитетными учеными того периода.

Такие ученые как К.А. Акишев, а затем уже его ученики и соратники К.М. Байпаков, С. Жолдасбаев, В.А. Грошев, Л.Б. Ерзакович, С.М. Ахинжанов, Т.В. Савельева, А.О. Итенов, Е.А. Смагулов и многие другие, обращавшиеся к теме оседлости и городов, к теме «города и степи», а также исследователи, открывшие многие яркие памятники культур скотоводческо-кочевнического круга, являются исполнителями этой программы.

Обратимся к одному документу, уже опубликованному (Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 52). Речь идет о составленном Маргуланом «Плане археологической экспедиции в Центральный Казахстан на 1946 год», который вполне подтверждает сказанное выше предположение. Документ состоит из 18 пунктов, и, справедливости ради, нужно отметить нереально широкий спектр задач, указанных в них. Практически во всех пунктах, касающихся районов от Баканаса и Чу до Жетыконура, от Шидерты до Ишима и Тургая, ставятся задачи поисков следов «городов и городищ», мавзолеев и курганов. Даже сейчас, при наличии современных транспортно-технических возможностей ни одна экспедиция в мире не пройдет эти маргулановские маршруты за не-

сколько летних месяцев одного года. Маргулан, скорее, это сам понимал и видел свою программу в качества долгосрочной перспективы для всего сектора.

Многие пункты этой программы были выполнены именно так, как ожидал А.Х. Маргулан. Были открыты городища и другие памятники «в среднем и нижнем течении реки Чу» (пункт 1). Работами А.Х. Маргулана и С. Жолдасбаева, затем Ж.Е. Смаилова в Центральном Казахстане, на Улытау (пункт 9), именно там, где ожидалось согласно программе, были открыты и изучены памятники оседлости, города и поселения. Были обследованы Белен-Ана (пункт 3), Жубан-Ана (пункт 6), Ботагай (пункт 11). На Шидерты, где планировалось «установить памятники древности» (пункт 14), работами А.М. Оразбаева и М.К. Кадырбаева была открыта новая археологическая культура, уже к середине 1960-гг. В это же время было осуществлено «археологическое изучение долины Баканаса» (пункт 18) и были открыты здесь многочисленные остатки городов и поселений, – К.А. Акишевым, К.М. Байпаковым, Б. Нурмуханбетовым. Список можно продолжить.

А.Х. Маргулан во второй половине 1940-1950-х гг. писал и выступал с необходимостью изучать степные скотоводческие регионы во взаимосвязи с центрами оседлости. Это краеугольный камень маргулановской концепции изучения прошлого Казахстана. В 1970 гг. был совершен прорыв в археологии Казахстана, осуществленный деятельностью сектора, руководимого К.А. Акишевым. Важное место в нем занимает подготовка и создание Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ) под руководством К.А. Акишева и научные результаты, появившиеся как следствие этого процесса.

Как отмечает М.К. Хабдулина (2005, с. 136), период «1946-конца 60-х гг. выделяется в изучении средневековой городской культуры как особый этап первых обобщений…». Сначала средневековые города и поселения изучаются, помимо работ Хорезмской экспедиции, в рамках деятельности двух Академических экспедиций Казахстана: Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), организованной в 1946 г., и руководимой А.Х. Маргуланом, и Южно-Казахстанской археологической экспедиции, организованной в 1947 г., руководимой до 1952 г. А.Н. Бернштамом, а затем, в 1953-1954, 1957-1959 гг., Е.И. Агеевой (сводку работ по материалам ЦКАЭ и ЮКАЭ см.: Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1969, прим. на стр. 5-6; Байпаков, 2012, прим. 4-6 на стр. 7-8).

В дальнейшем, в начале 1960-х гг., в составе Семиреченской (ранее – Илийская) археологической экспедиции по решению К.А. Акишева создаются отряды по поиску и исследованию памятников оседлости в Жетысу. Отряды возглавляет он же.

В Южном Прибалхашье, в ряде других местностей Жетысу открываются городища и поселения, остатки ирригационных сооружений. Идея и подготовка к многоплановым исследованиям в Южном Казахстане вызревали на территории Жетысу. На глазах участников небольшого отряда К.А. Акишева этот процесс осуществился на памятниках этого региона, наряду с первичными материалами предшествующих исследователей, на первых собственных результатах, методических наблюдениях, полученных здесь, в Жетысу.

Начавшиеся в 1962 г. работы на «баканасах» были завершены к середине 1960-х гг., в результате их в низовьях р. Или были открыты многочисленные памятники,

проведены раскопочные работы (Акишев, Байпаков, 1969; Савельева, 2008а). Исследования открыли существование в низовьях Или развитой земледельческой культуры, базировавшейся на орошаемой основе (Савельева, 2008а, с. 265). Сравнивая данные по дореволюционным казахам-земледельцам реки Чу с илийскими материалами, Т.В. Савельева сделала вывод о том, что «система искусственного орошения и водопользования, применявшаяся казахами-земледельцами в конце XIX в., по всей видимости, была традиционной, сохранялась как опыт средневекового населения р. Чу, а также р. Или, естественно-географические условия которой в низовье такие же, как в низовье р. Чу» (Савельева, 2008а, с. 266).

Следует отметить, что материалы и данные по памятникам оседлости и земледелия на территории Жетысу сейчас значительно возросли. Например, в верховьях р. Талгар долгое время было известно только городище Талгар, сейчас известны еще 8 объектов, в числе которых один торткуль и 7 неукрепленных поселений (Савельева, 2008б, с. 268).

Есть многочисленные научные данные о том, что в таких районах оседлость и земледелие развивалось еще с древней эпохи. Работами отряда К.М. Байпакова на территории одного только Талгарского района Алматинской области в период с начала 1990-х гг. и по настоящее время были открыты десятки поселений сакского и усуньского периодов. Примечательно то, что жители таких поселений еще с сакской эпохи вели комплексное хозяйство, в котором важное место было отведено земледелию орошаемого и богарного типов. Ранние слои поселения Цыганка-8 на основании радиоуглеродного анализа датируются периодом середины VIII-первой трети IV вв. до н.э., поздние – периодом IV-I вв. до н.э. Находящееся неподалеку поселение Тузусай датируется в интервале от V-IV вв. до н.э. до I в. н.э. Помимо многочисленных зернотерок, мотыг, использовавшихся в земледельческом хозяйстве, в слоях обоих поселений найдены многочисленные остатки зерен пшеницы, ячменя и проса. На Тузусае обнаружены остатки зерен риса и рисовой шелухи (Байпаков, 2012, с. 149-156).

К.А. Акишев в предисловии сборника, изданного сектором археологии в 1969 г. (Акишев, 1969, с. 3), уверенно пишет о том, что, начиная с конца 1960-х гг., усилия казахстанских археологов «в будущем должны быть сосредоточены главным образом на изучении памятников средневековой культуры, особенно земледельческой». Что же произошло и в чем причина такого поворота в научной деятельности сектора?

Это непростое решение ученого и организатора науки станет понятным, если вглядеться в содержание большой статьи, написанной им в соавторстве с К.М. Байпаковым и Л.Б. Ерзаковичем и помещенной в этом же сборнике (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1969). Статья посвящена итогам двухлетней работы отряда Семиреченской археологической экспедиции, проведшего в 1966-1967 гг. «рекогносцировку среднего течения Арыси, южных и северных предгорьев Каратау, среднего течения Сырдарьи, низовьев рек Сарысу и Таласа, а также микроразведку Отрарского оазиса» (Там же, с. 6).

В ходе этой работы небольшим отрядом К.А. Акишева в Южном Казахстане были открыты десятки новых памятников средневековой городской культуры, изучена их топография, сняты многочисленные планы, составлены описания, из подъемки и шурфов получен значительной объем керамики и других находок. Это была первая настоящая и объемная работа археологов сектора в этом регионе, направленная на сбор новых данных, систематизацию всех имеющихся материалов, с одной стороны, и нацелен-

ная на корректировку уже доступных к этому времени мнений и выводов, уточнения и исправления ряда существующих положений, вплоть до полного ознакомления с будущим театром широкомасштабных полевых исследований, с другой. Эта вторая часть работ отряда более ясно определяет заведомо сформулированный программно-целевой характер двухлетних полевых исследований, названных К.А. Акишевым, бывшим фронтовым офицером, «рекогносцировкой». Можно добавить еще одно сравнение – так проводилась еще и «разведка боем».

Наряду с решением многих первично-важных вопросов источниковедческого характера, связанных с определением даты объектов и др. моментами, в статье была определена нижняя граница оседлых поселений Средней Сырдарьи и склонов Каратау – период начала I тыс. до н.э. Еще одним важнейшим результатом работ явилось выделение керамики «XV-XVI и XVII-XVIII вв., т.е. эпохи Казахских ханств» (Там же, с. 30). В керамике периода Казахских ханств, в частности в материалах XV-XVI вв., обнаружены многочисленные тамгообразные знаки. Согласно осторожно высказанному предположению авторов, такие знаки имеют связь с казахскими родоплеменными тамгами и, в таком случае, эти данные могут свидетельствовать о том, что «керамические мастерские в различных городах Южного Казахстана принадлежали главам тех или иных казахских родов» (Там же, с. 43). Позже С.М. Ахинжанов рассмотрел вопросы с тамгообразными знаками на керамике позднесредневекого Отрара (Ахинжанов, 1975). Заслуживают особого внимания несколько моментов. Исследователь, который к середине 1070-х гг. располагал значительным объемом материала, выделил возможные варианты объяснения этих знаков: гончарные клейма, знаки заказчика, родовые тамги. При этом выяснилось, что знаки появляются главным образом на керамике XVI в. и они более характерны для одного типа посуды – чаш, удобных для питья кумыса, молока. Сопоставление их с казахскими тамгами показало, что присутствуют знаки, совпадающие с тамгами всех трех казахских жузов. Но больше всего знаков, схожих с тамгами канглы и кыпчаков. В итоге С.М. Ахинжанов высказал мнение, согласно которому знаки на позднесреднеквовой керамике Отрара могут изображать тамги казахских родов.

К важнейшим результатам привели работы следующей Отрарской экспедиции, руководимой К.А. Акишевым и работавшей в 1969-1970 гг. Задачи Отрарской экспедиции ставились уже вплотную к теме Отрара, включая изучение исторической топографии и стратиграфии этого памятника и ряда городищ оазиса. Впервые на памятниках были выполнены крупномасштабные теодолитные съемки, произведена аэрофотосъемка городищ, была также обследована и продатирована новая группа городищ. В книге К.А. Акишева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича 1972 г., куда вошли материалы 80 городищ и поселений, указывалось, что работами Отрарской экспедиции была «разработана стратиграфическая колонка Отрара с первых веков нашей эры до XVII-XVIII вв., составленная на материалах из раскопа, расчлененного на хронологически чередующиеся горизонты культурных напластований» (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 7). Среди материалов памятника исследователи обратили внимание на фрагменты керамики с орнаментом в виде рогообразного завитка «кошкар муйиз», найденные в слоях XV-XVI вв. Этот орнамент хорошо изестен у казахов и других тюркских народов. При этом, как отмечают авторы, «кошкар муйиз» является излюбленным орнаментом

не только для современных тюркских народов, он «восходит к сакскому искусству» (Там же, с. 198-199).

Основными участниками отряда Семиреченской экспедиции и Отрарской экспедиции, выполнивших в те годы многоплановую рекогносцировку памятников оседлости Южного Казахстана, были археологи К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович, Б.Н. Нурмуханбетов, научно-технические сотрудники В.И. Садомсков, Т.В. Воробьева, О.В. Медведев, Н.И. Игонин и др. Еще один факт понимания К.А. Акишевым объема и многоплановости задач предстоящих лет: в 1969-1970 гг. в деятельности Отрарской экспедиции уже предусматривалась проблема оседлых поселений казахов и в этот период уже начала осуществляться работа по поиску и фиксации таких памятников (Жолдасбаев, 1972).

Важность указанных работ, проведенных в 1966-1967, 1969-1970 гг., трудно переоценить, ведь именно отсюда берет начало вся последующая деятельность ЮККАЭ, руководимой с 1971 г. К.А. Акишевым, затем, с 1991 г., его учеником К.М. Байпаковым. Со временем К.М. Байпаков скромно отметит, что «эти работы стали своеобразным прологом к широкомасштабным исследованиям ЮККАЭ, развернувшимся в 1971 г. (Байпаков, 2012, с. 9). В составе ЮККАЭ, ставшей научной преемницей ранней ЮКАЭ 1947-1959 гг., работали со временем многие сотрудники (подробнее см.: Байпаков, 2012, с. 6-7), вложившие колоссальный труд в изучение памятников Южного Казахстана и сопредельных регионов. Изданы многочисленные труды от статей и тезисов до монографий, альбомов, атласов, написаны учебники и учебные пособия, подготовлены материалы для фильмов. Они хорошо известны читателям и нет нужды их здесь перечислять.

На Отраре, наряду с основными плановыми исследованиями памятника, изучался ряд отдельных проблем, очень важных для раскрытия различных сторон средневековой городской культуры Казахстана. Специальное внимание было выделено вопросам водоснабжения и ирригации, изучением которых плодотворно занимался В.А. Грошев. Работал «курганный» отряд под руководством Б.Н. Нурмуханбетова. Постоянно формировались и выезжали разведочные отряды, которые, особенно в 1970-х гг., выполнили большой объем работ. Одной из таких групп являлся палеэтнографический отряд, который в 1970-х гг. ряд сезонов выезжал под руководством С. Жолдасбаева, ученика К.А. Акишева.

В этот период, а также и в последующие годы, С. Жолдасбаев исследовал многие пункты в Южном Казахстане, Жетысу, Центральном Казахстане. Наряду с разведками и кратковременными обследованиями, этим отрядом в 1970-х гг. проводились и масштабные раскопки на ряде памятников времени Казахского ханства. Так, на Культобе, находящемся в Сузакском районе, в течение трех полевых сезонов были вскрыты участки общей площадью около 3000 м^2, выявлены десятки помещений. Городище отождествляется с крепостью Жылан-караул, которая была частично разрушена в конце XVI века в ходе войны с узбеками (Жолдасбаев, 1976, с. 55). Неподалеку от Культобе исследовано городище Ран, где раскоп площадью 625 кв. м вскрыл один жилой комплекс из шести комнат и двух хозяйственных помещений (Там же, с. 56). Эти два городища существовали в одно время, поздние слои их датируются периодом XV-XVIII вв. На поселении Жалгызтам (Жолдасбаев, 1974), относящемуся этому же периоду, раскопом площадью

300 кв. м вскрыты пять помещений, площадка летней кухни, длинной траншеей была исследована крепостная стена, заложены также шурфы в пяти местах. В одном из помещении выявлены стенные ниши, подобные отрарским. В маленькой нише ставили светильник, большая предназначалась для предметов. Следует отметить, как показывают имеющиеся данные, такие ниши отрарского типа имелись и в жилых комнатах зимовок конца XIX – начала XX вв. на территории ряда других регионов. Так, они встречены С. Жолдасбаевым в зимовках Алматинской области (Жолдасбаев, 2017), также в Карагиндинской области (экспедиция автора). На поселении Жалгызтам дома имели плоские односкатные перекрытия. Укладывалось толстое бревно, концы которого лежали на стенах дома, пролеты закрывались поперечными жердями, далее применялись «ветки, камыш, солома, затем всё обмазывалось толстым слоем глины» (Там же, с. 179). Так перекрывались отрарские дома. Между тем, этот способ перекрытия характерен и для зимовок практически всех регионов Казахстана. С той разницей, что в холодных районах слой глины обычно заменяли пласты дерна и земля.

В ходе исследований этих и ряда других городищ и оседлых поселений казахского времени были изучены особенности жилых, хозяйственных строений, получен керамический материал, другие данные. Жители городищ и поселений занимались скотоводством и земледелием. Вместе с тем, казахские памятники исследовались лишь частично, выборочно, в те годы основное внимание уделялось проблеме датировки. Сейчас в археологии как методика, так и цели и задачи исследований, во многом существенно расширены. Как специально указывалось исследователями, в силу отсутствия достаточного объема этнографических материалов, провести широкие сравнения археологических данных из позднесредневековых городов и поселений с особенностями казахских жилищ нового времени в те годы оказалось невозможным (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982, с. 148).

Таким образом, К.А. Акишев стоял во главе всех тех многоплановых и трудоемких работ, когда был взят курс на изучение силами сектора археологии памятников средневековой оседлой культуры Казахстана. К.А. Акишевым в данном направлении была еще к середине 1960-х создана программа многолетних исследований. Эта программа изначально включала проблему поиска и исследования памятников эпохи Казахского ханства – городов, поселений, других объектов.

Задачи по изучению казахских городищ и поселений в те годы были выполнены. Полученный материал однозначно показывал существование пласта XV-XVIII вв., относящегося к периоду Казахского ханства. Не только ожесточенная борьба казахов за присырдарьиинские города, предполагаемая по историческим материалам, в том числе по письменным источникам, но и закрепление их в этом регионе было показано на археологическом материале. Сейчас в Казахстане археологические исследования по этой тематике продолжаются. Обзор этих работ является темой отдельного исследования.

Среди материалов К.А. Акишева такие сооруженияи времени Казахского ханства, как крепости Кыз-Курган и Бала-Курган на Каратау (Акишев, 1994), группа памятников в районе Козыбасы в Жетысу (Акишев, Хабдулина, 1998) требуют специального рассмотрения.

«Каратау», – как подчеркивает К.А. Акишев, – «легендарные горы, не раз воспетые в эпических сказаниях казахов» (Акишев, 1994, с. 40). Здесь, в ущелье Кызылсай, уче-

ным были исследованы две крепости – рабаты. Первая из них, крепость Кыз-Курган, или Кырык-Кыз, сложена из крупного плитняка в виде неправильного круга размерами 80х85 м, на высоту 4 м. В стенах толщиной до 2 м читаются следы бойниц. Въезд на северо-восточной стороне крепости, оформленный в виде двух пилонов длиной 6-8 м, имел, возможно, двое ворот – внутренние и наружные. Внутри крепости находились дома с каменными стенами, заглубленные в землю, имелся колодец. Вторая крепость, Бала-Курган, или Бала Кырык-Кыз, находящаяся севернее, в 1 км от первой, имела размеры 75х37 м, высоту до 3,5 м. На юго-западной, наиболее уязвимой в силу рельефных условий, стороне крепость усилена еще двумя башнями. Внутри крепости имелись дома, служившие, как и в предыдущей, помещениями для гарнизона.

При раскопках внутри крепостей обнаружены монеты, фрагменты керамики. Оба сооружения синхронны и датируются XV-XVI вв. По мнению К.А. Акишева, эти две крепости являлись «войсковыми ставками», которые запирали проход по ущелью Кызылсай. Они сохраняли свои функции с XV по XVIII в. Южнее большой крепости находится могильник Кызыл-Ата из более чем 300 погребений. Среди многочисленных кулпытасов 30 имеют тамги. Судя по этим тамгам, в этих погребениях захоронены представители родов всех трех казахских жузов. По стилю эпитафии и тамг, эта часть захоронений относятся к периоду XVIII в. В целом, могильник Кызыл-Ата является воинским кладбищем, где погребены аскеры Казахского ополчения, погибшие в сражениях с узбеками, а также в ходе борьбы с жонгарами. Привлекая аналогии из Кыргызстана, Восточного Туркестана, Кавказа, К.А. Акишев пришел к мнению, что эти две крепости на Каратау могли возникнуть в XI-XII вв. и функционировали на протяжении XV-XVIII вв. как опорные войсковые ставки Казахского ханства (Акишев, 1994, с. 44).

Работы К.А. Акишева в районе Козыбасы имеют также большое значения для крайне малоизученного раннего этапа истории Казахского ханства. Козыбасы, точнее Чу и Козыбасы, известен как район откочевки в 60-х гг. XV в. из Узбекского улуса в Западный Моголистан султанов Керея и Жанибека, как место первого поднятия знамени Казахского ханства. К.А. Акишев, в отличие от многих других исследователей Казахстана, началом сложения казахской (узбекской и казахской) государственности считает не дату откочевки двух султанов, т.е. 60-е годы XV в., а время образования государства Абулхаира, Узбекского улуса, – 1428 год (Акишев, Хабдулина, 1998, с. 132).

Согласно интересного наблюдения К.А. Акишева, под «Чу» и «Козыбасы», которые Мухаммед-Хайдар приводит в качестве территории первой ставки Керея и Жанибека, подразумеваются не два соседних урочища, а западные и восточные пределы значительного региона, простиравшегося от реки Чу в современной Жамбылской области до гор Козыбасы, Бесбатыр, Дегерес Алматинской области. В работе К.А. Акишева и М.К. Хабдулиной приводятся обследованные археологической экспедицией памятники этой территории. Были открыты десятки объектов, главным образом, жилищные и хозяйственные сооружения, часто образуемые группы в виде поселений. В том числе поселения Бесмойнак-1, Бесмойнак-2, Бугымуиз исследованы на северных склонах горы Жетыжол. Большая группа объектов, состоящих из зимовок, мельниц, циклопических каменных ограждений, ограничивающих земельные участки площадью до 25 га, зафиксированы в долинах рек Актерек, Сулукоянды и Куркуреук. Устройство поселений традиционное, жилые строения двух-трехсекционные и имеют линейную

и Г-образную планировку, к ним пристроены скотные загоны, различные хозяйственные сооружения. Установлено, что в циклопических каменных ограждениях размерами сторон до 200х700 м находились пашни, а в зимнее время содержался скот. Много арыков, самотечных каналов. Один магистральный канал выведен из реки Актерек и имеет протяженность в 3 км. На этой же реке существовал каскад из 16 мельниц. Аналогии таким мельницам имеются в районе позднесредневековых городищ на склонах Каратау, в частности, возле городища Культобе в свое время были найдены две однотипные водяные мельницы. Таким образом, материалы обследованной территории восточной части региона Козыбасы позволили получить представление о жизни населения на раннем этапе Казахского ханства. С периодом Казахского ханства К.А. Акишев связывает и Танбалытас в низовьях Сарысу.

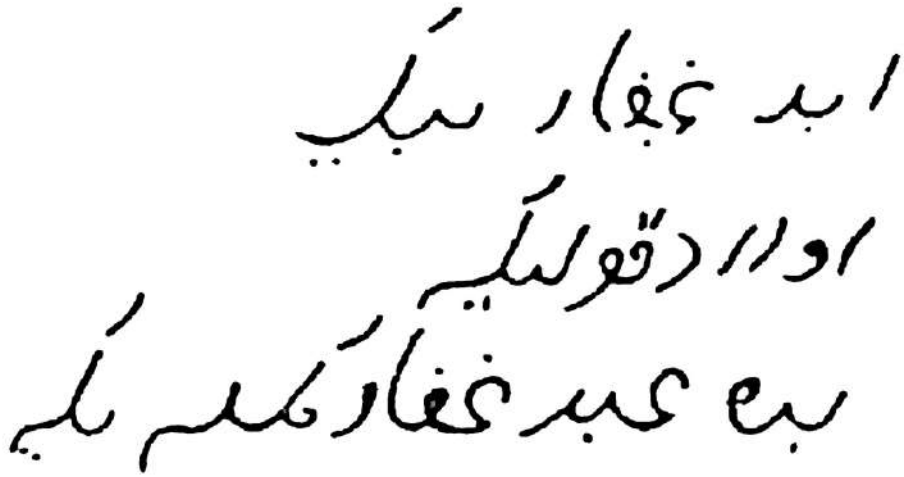


Рис. 2. Танбалытас.
Фрагмент надписи. По (Акишев, Хабдулина, 1998, рис. 3)

Интересно отметить следующий момент. На рисунке, помещенном в статье К.А. Акишева и М.К. Хабдулиной, в арабографической надписи в верхнем левом углу (Рис. 2) можно разобрать имена казахов: Абдугафар Бек (Беки), Оразкул Бек бин Габдугафар… Форма написания имен с титулом «бек», вероятнее всего, указывает на период Казахского ханства. Такая форма для XIX в. не характерна. По-видимому, этот рисунок авторами взят из работы А. Кузнецова. Исследования специалистов на основе материалов, максимально приближенных к оригиналу, даст возможность наиболее правильного и полного прочтения таких отрывков. Танбалытас – памятник разрушенный и не сохранившийся в первоначальном виде. В наши дни его состояние далеко от идеального. Еще в 1974 г. К.А. Акишев застал его «распавшим на две части, при чем верхняя половина, на котором были тамги, погружена в песок». Датировка его была «проблематичной», но указывалось, что «при всех хронологических прогнозах вероятность отнесения его к XI-XVI вв. предпочтительнее» (Акишев, Хабдулина, 1998, с. 138-

139). В наше время по сохранившимся тамгам и надписям хронологически выделяются периоды IX-XI и XIX– начала XX вв. (Рогожинский, 2017).

По вопросам датировки таких или иных памятников на основании тамг можно отметить следующий момент. Не говоря обо всем, даже казахские тамги представляют собой сложную проблему. Основную часть наших знаний составляют материалы довольно позднего времени, главным образом, относящиеся к периоду XVIII-XIX вв. Наибольшая степень достоверности любых вопросов, связанных с тамгами, поэтому, и должна касаться этого периода. Переносить любые аспекты этой темы на более ранние этапы, основываясь на поздние тамги, нельзя. Родоплеменной состав Узбекского улуса XIV-XV вв., из которого и произошел казахский этнос, изучен лишь отчасти, это касается и тамг этого времени. Да и проблема здесь не в том, что неизвестны или малоизвестны (не указаны в источниках) точные названия родов и племен. Проблема в самом феномене рода-племени у средневековых кочевников. Что даст то или иное название рода или племени? Что даст спор, тем более, в наши дни, о том, «кто есть кто»? Любая группа степняков, первоначально имевшая «свое название» и «свою тамгу», впоследствии может войти в состав, например, аргынов, кыпчаков или дулатов. Для этого и «работал» институт шежире у казахов, направленный на созидающий эффект (қарға тамырлы қазақ; бөлінбеген еншісі бар қазақ). Если известны названия групп, «подродов», «колен», входивших в состав найманов, кете, коныратов в XIX веке и попавшие на страницы печати, архивных документов, то это не значит, что можно их механически перенести на ранние периоды. Такова же и обратная сторона процесса. Могут быть ранние казахские тамги, исчезнувшие к XVII или XVIII-XIX вв., по причине того, что их «носители» влились в состав того или иного крупного объединения казахов. Если при «распределении» тамг, тем более при этнических определениях, основываться на хорошо известных и «достоверных» знаках XVIII-XIX вв., как-то «қос әліп», «ашамай», «көз», «бакан» и мн. другое, останется в стороне группа из неопределенных изображений в виде, «огузских», «башкирских», «сарматских», «гуннских» знаков. Тамги, «тамгообразные знаки» не являются сами по себе твердо датирующим материалом, за исключением поздних периодов. Необходим сопутствующий датирующий материал, что хорошо известно в археологических исследованиях.

Интересно также мнение К.А. Акишева о том, что долина Сарыбулак в восточной части Бетпакдалы может быть связана с именем Мамаш хана из династии Касыма хана. В результате своих исследований К.А. Акишев и М.К. Хабдулина сделали заключение о первой территории Казахского ханства. По их мнению, регион занимал более значительную территорию, в 3-4 раза больше, чем ранее предполагалось. На западе граница округ «Чу-Козыбасы» проходила по долине реки Чу и северо-восточным отрогам Каратау, на востоке она охватывала северо-западные гряды Заилийского Алатау с отрогами Бесбатыр, Дегерес, Козыбасы (Акишев, Хабдулина, 1998, с. 141).

Материалы по казахскому памятниковедению, в том числе данные по зимовкам XIX – первой половины XX вв., повзволяют в той или иной мере рассматривать проблему продолжения традиции домостроительства позднего средневековья. Если направление казахского памятниковедения в достаточной мере укоренится по всем регионам страны, это даст уже в ближайшем будущем свои результаты.

Особенности позднесредневековых жилищ, иначе жилищ отрарского типа, были изучены на материалах ряда городищ и поселений (Акишев, 1977; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1975; 1981; 1982; Байпаков, 1994; Ерзакович, 1986, 1993; Смагулов, 2010). Выявлены и исследованы многокомнатные дома с центральным коридором, а также линейной, квадратной (крестообразной), Г-образной планировки. Более характерными являются два основных варианта: линейная и крестообразная. Причем первый вариант абсолютно преобладает, до 75% домов (Акишев, 1975, с. 7). Анализировались такие составляющие позднесредневековых жилищ, как глиняные суфы в жилых комнатах, очаги, отопительная система-каны, тандыры, закрома, особенности стен, ниш в стенах, перекрытия с центральным столбом на опорной базе и мн. другое.

В те годы широкие этнографические параллели провести не было возможным. Привлекались лишь отдельные данные по казахским жилищам, а также скупые сведения из немногочисленных печатных работ. Отмечалось, что «к сожаленью, сравнительный этнографический материал очень беден, ибо целенаправленные исследования казахского оседлого жилища не проводились, а попутные поиски в этом направлении касались главным образом коренного преобразования жизни и быта казахов в советский период» (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 148). Но уже тогда удалось наметить «точки соприкосновения казахского жилища с позднесредневековыми отрарскими жилищами в смысле планировки, интерьера, строительных приемов и материалов» (Там же, с. 148-149). Помимо общих черт в планировке жилого комплекса, перекрытии помещений, обращалось внимание на такие элементы в казахском жилище, как глиняные возвышения-котерме в южных районах, глинобитные нары в западных районах и их аналогии в виде дощатых нар шириной до 2 м, встречающихся в северных районах, печи со стенками-перегородками, восходящие к отрарским канам, жерошак, схожие с отрарскими длинными очагами (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1975, с. 34-35; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 149).

Особый интерес у ученых вызвала казахская печь со стенкой-перегородкой, через которую выходил дым наружу. Именно таким путем обогревались сразу несколько комнат в жилых домах. Стенные печи были распространены в Южном Казахстане, Жетысу, в западных и других районах Казахстана издавна. Сейчас они известны во всех регионах республики. В Центральном Казахстане они называются «жал» или «жал-пеш». Название возникло из того, что с помощью такой, «широкой», печи обогревается вся стена. По данным автора, в восточных районах Центрального Казахстана «жал» прослеживается как минимум с начала XX века. Вопрос о существовании «жал» во всех районах Центрального и Северного Казахстана ранее, в XIX веке, трее бует уточнения. По сведениям информатора из с. Нуркен Каркаралинского района Т. Абдикешова, 1946 г. р., в послевоенные годы в этом селе и соседних населенных пунктах пользовалась уважением печница Казиза-апа, у которой этим ремеслом владел в свое время еще отец. В 1959 или 1960 г. она поставила печь в новом доме семьи Абдикешовых, на зимовке Ески Нуркен. Мастерица специально для печи и стенки-дымохода сама делала глиняные кирпичи небольших размеров («размером не больше, чем красный кирпич»), тогда как стандартные саманные кирпичи для остальных стен дома делали сами хозева. Сын Казизы-апа, умершей в 1970-х гг., Тилеген Балташев живет в указанном селе.

Рис. 3. Дом семьи Ахмета Байтурсынова. Зимовка Машен. Тургай. Фото Д.Т. Шашенова, 2016 г.

На Тургае, по всей видимости, стенные печи были распространены и раньше. На рис 3. приведен фотоснимок внутренней части дома, в котором родился в 1873 г. Ахмет Байтурсынов. Дом был восстановлен его родственниками в 1990-х гг. Для удобства обозрения посетителями сделаны окна на современный манер и, как видно, стена-перегородка печи сделана в укороченной форме, чтобы открыть вид на вторую комнату. Причем стена-перегородка (жал) печи выдержана в старой, этнографической форме, – она не достает до потолка.

Печи-стенки, восходящие к отрарским канам, появились в присырдарьийнском регионе. По мнению исследователей, они зародились вместе с обособлением и самостоятельным функционированием кухонного отделения в доме, чего еще не было в позднесредневековых домах Отрара, или только намечалось (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1975, с. 35-36). Сейчас возможна постановка вопроса о том, что это изобретение казахов, скотоводческих групп населения районов Средней Сырдарьи. Появившись в этом регионе за пределами стен позднесредневековых городов, новшество распространилось в другие районы современного Казахстана и Средней Азии.

Интересны в этом отношении следующие моменты, отмеченные исследователями. Стенные печи были характерны для населения дельты Амударьи, а именно у узбеков даштикыпчакского происхождения, переселившихся туда с территории современного Казахстана в ходе завоевания шибанидов (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 149). Согласно работе К.Л. Задыхиной 1959 г., в домах у населения дельты Амударьи печь рассматриваемого типа носит название «шмылдык-пеш» (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 149, прим. 46). Шымылдык есть матерчатая занавеска в юрте, т.е. та же самая перегородка. У узбеков данной группы эта деталь указывает на их степное

происхождение. По таким данным выходит, что обогреватели «шымылдык» появляется в дельте Амударьи с переселением кочевых узбеков с территории Казахстана, надо полагать, в XVI в. Согласно этому, стенные печи появились в среде населения Казахстана до разделения Узбекского улуса на две части, на «узбеков» и «узбек-казаков». Эту ситуацию дополняют и особенности развития отопительных систем в жилищах среднеазиатского региона, в том числе и Хорезма. Каны, ранее неизвестные, получили здесь распространение после монгольского нашествия и были привнесены из присырдарьинского региона, где они использовались еще задолго до этого, в кыпчакский период. Полагают, что каны в Отраре и других городах появились с приходом на Сырдарью кимако-кыпчакских племен (Ахинжанов, 1975, с. 59). По одной версии, широкое распространение канов в Хорезме тоже может быть следствием прихода даштикыпчакских узбеков во главе с шибанидами (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 146).

Интересны вопросы генезиса жилищ отрарского типа. Одно направление поисков приводит исследователей к жетыасарским жилищам конца I тыс. до н.э., имеющим очаги-алтари в центре помещения и невысокие суфы-лежанки по периметру стен (Смагулов, 2010). Важным является мнение о том, что «истоки типа раннего жетыасарского жилища лежат в домостроительных традициях кочевых в прошлом племен», здесь рассматриваются кочевнические жилища на колесах, крытые повозки. (Там же, с. 88).

Таким образом, ранние истоки жилищ отрарского типа восходят к жетыасарским жилищам, в формировании которых роль сыграли, в свою очередь, передвижные жилища кочевых народов, имеющие внутренние деления на помещения. Можно сделать одну оговорку. Наряду с привлечением данных передвижных жилищ кочевников, в рассмотрении этого вопроса должны применяться материалы поселений раннего железного века. Эти памятники уже известны во многих регионах Казахстана и Евразии. Те же глиняные лежанки вдоль стен жилого помещения, разделение жилища на секторы характерны для сакских и скифских поселений Казахстана, Украины.

Согласно археологическим данным, «в период IV-XII вв. в Отрарском и соседних оазисах существовал и развивался единый тип жилища» (Смагулов, 2010, с. 84), который в дальнейшем, в последующие века, вбирает в себя дополнительные черты. Возможно, близкие черты были характерны и для жилищ других, отдаленных от Сырдарьи, регионов. К отрарскому типу близки жилища X-XII вв. городища Бозок на Ишиме, для которых характерны П-образные суфы (Акишев, Хабдулина, 2011).

Говоря о кочевнических передвижных жилищах и их оседлых прототипах, нелишне было бы обратить внимание на многочисленные материалы юртообразных жилищ средневековых тюркских народов Восточной Европы. На поселении Безыменное-1 в Приазовье неглубокий котлован жилища IX-X вв. разделяется на три части: основная жилая зона, хозяйственная пристройка, входная часть. В жилом секторе в центре расположен очаг, с трех сторон которого, а именно с запада, севера и востока, сделаны глиняные лежанки, выявлена также ниша для предметов. Автор раскопок предполагает, что над котлованом в свое время находилась легкая юртообразная постройка из жердей. Ямки для установки жердей отсутствуют, в силу чего сделан вывод о том, что последние не углублялись в материк (Гриб, 2018). Последнее вполне понятно, если учесть, что в юрте не только каркас, но и центральный шест, бакан, поддерживающий верх-

нюю конструкцию, не заглублялся в землю. Вообще, предполагаемые Е.А. Смагуловым параллели между передвижными кочевническими жилищами и стационарными постройками заслуживают пристального внимания. Не только светодымовые отверстия над очагом в городских жилищах, но и центральный столб, поддерживающий балку перекрытия, напоминает опять же аналогичные детали кочевнических жилищ типа юрты. В позднесредневековых жилищах отрарского типа центральный столб опирался на деревянную базу, вмурованную в суфу. В казахских постройках 1950-1960-х гг., в жилых помещениях, хозяйственных строениях, деревянные столбы обычно не вкапывались в землю, а ставились в незначительные углубления или на горизонтально уложенный плоский камень, немного заглубленный грунт. Старые казахские кыстау Сарыарки, речь о которых пойдет ниже, еще не раскапывались, поэтому ситуацию с перекрытием и столбами, поддерживающими его, еще предстоит выяснить.

Открытые под руководством автора зимовки в ряде районов Сарыарки еще полностью не обработаны, материалы, касающиеся их, не систематизированы. В настоящее время можно лишь предварительно отметить ряд особенностей этих памятников, в том числе касательно планировки домов и некоторых общих черт. Раскопки их, за исключением закладки небольших шурфов в ряде случаев, не производились. Ниже приводятся некоторые основные моменты обследования зимовок.

Топография зимовок связана с природными особенностями района, рельефом местности. Для гористого Каркаралинского района в наибольшем смысле характерна склоновая топография, причем в ряде случаев для зимовок характерно довольно высокое расположение. Для более равнинных районов, Тургая в том числе, обычно расположение зимовок в степях, вдоль рек, на склонах невысоких холмов, на небольших, иногда и неприметных поднятиях. Это обстоятельство связано с характером залегания снега в зимний период в разных регионах Сарыарки. В отличие от степей, где снег распределяется относительно равномерно, в горных районах он плотной массой забивается в низинах, в речных долинах, в пологих саях, в противоположность возвышенностям, где склоны остаются свободными, иногда буквально чернеют (см. термины «карабауыр», «каракунгей»: Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 10). Скотоводы с удивительной точностью умели находить такие места, на самых удобных беткеях выбирали аланкай, т.е. относительно заровненные площадки. Само наличие «гор» не создает условия для удобств, ибо нужно правильное сочетание их с хорошими низинами, а также речными долинами, куда выносятся летовки. Участниками экспедиции Ф. Щербины конца XIX в. Каркаралинский уезд был назван «счастливым» и «одним из самых многоскотных» именно из-за таких условий (Там же, с. 11).

В настоящее время основная масса тасмолинских поселений VIII-V вв. до н.э. обнаружена на территории Каркаралинского района. Это не случайно. Новая модель жизненно-хозяйственного цикла казахов Сарыарки, окончательная сложившаяся в первой половине XIX в., в отличие от средневековой модели, завершившейся к концу XVIII в., во многом была близка к ситуации сакской эпохи. Выбран своеобразный плацдарм для сравнительного изучения археологических материалов и данных этнографического времени. В намеченный ареал работ входит Баянаульский, Каркаралинский и Чингистауский регионы, которые объединяют многие показатели (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017). Исследование вопроса начато.

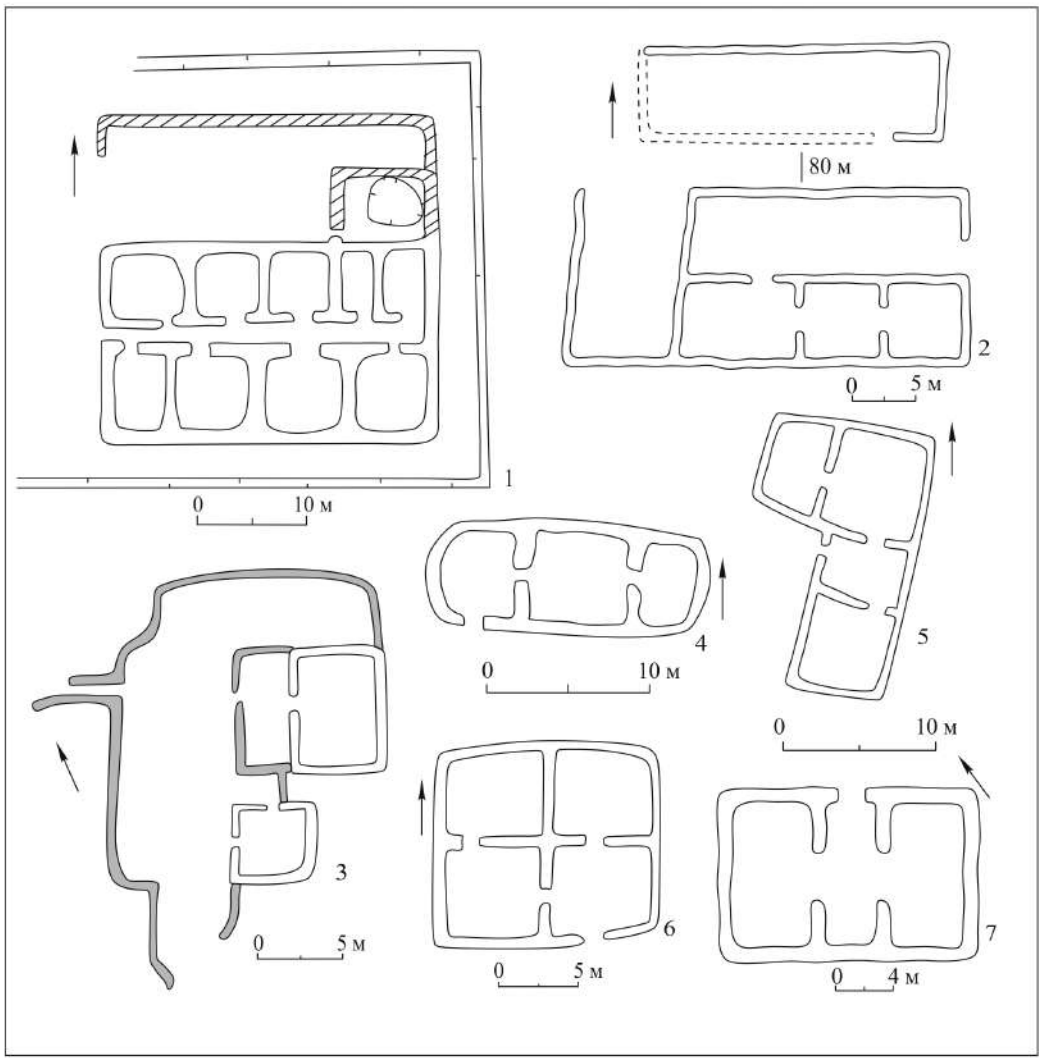


Рис. 4. Зимовки Сарыарки.
1 – Бориктас, *2* – Туйемойнак, *3* – Ески Аксай, дом 1, *4* – Алаколь, дом 8, *5* – Алаколь, дом 5, *6* – Алаколь, дом 6, *7* – Нурбай. *1* – Каркаралы, *3* – долина р. Атасу, остальные – Тургай

По поводу планировки зимовок (рис. 4) следует вкратце отметить несколько моментов. Обращает внимание внешняя схожесть казахских зимовок Сарыарки с позднесредневековыми отрарскими жилыми комплексами. Этого не заметить нельзя. Тут и крупные комплексы с центральным коридором, и дома линейной планировки, и квадратные в плане, т.е. крестовидные, постройки, состоящие из четырех частей, а также и Г-образные жилища. Все эти типы однозначно представлены на Отраре и других городах присырдарьинского региона. Неизученность проблемы, находящейся на начальном

этапе сбора и обработки данных, пока заставляет ограничиваться лишь замечанием по поводу схожести признаков в планировке. Тем не менее, вряд ли это следует считать случайностью. Должно состояться исследование вопроса.

По-видимому, многие особенности планировки старых казахских домов являются общими для всех регионов Казахстана. По материалам С. Жолдасбаева, для многих жилых комплексов Жетысу, в особенности Кербулакского района, характерен линейный тип планировки (Жолдасбаев, 2017, с. 226, рис. 25, с. 227, рис. 26, с. 228, рис. 28). Примечательно, что посетивший этот же Кербулакский район в 1928 г. Н.А. Баскаков также описывает дома линейной планировки (Баскаков, 1971).

Равнинные зимовки обладают многими особенностями, облегчающими работы с ними, в отличие от горных, что создает массу проблем. Первые не только быстрее обнаруживаются, четче читаются особенности их планировки. Здесь, например, на Тургае, в отличие от горных районов Казахского мелкосопочника, изобилующих плитняком, больше используется глина, саман. Из них делаются жилые помещения, а также теплые загоны для скота. Хозяйственные пристройки делаются из менее прочного материала, как то пласты дерна, плетень из дерева, камыша, и таковой же, густо обмазанный глиной. Из последних делаются и стены разного рода, окружающие дом, соединяющие скотный загон и жилую часть. В итоге, лучше сохраняются саманные части усадьбы, в планировке которой теперь уже не составляет большого труда рассмотреть жилую часть. В горных районах камень применяется в значительно большей степени, вследствие этого нелегко бывает вычленить жилую часть комплекса (рис. 1). Вдобавок к этому, зимовки, особенно на верхних склонах, нередко зарастает кустарником, буйной травой и уже это требует какой-либо очистки их даже перед обычной фотофиксацией. Полная научная фиксация таких памятников сопряжена с довольно трудоемкой работой, если, конечно, дело не в формальной фиксации, когда берут координаты, чертят самый обобщенный и ничего незначащий план с парочкой фотокадров. Развалы каменных конструкций могут быть немалыми. Замечено, что в каменных зимовках также присутствует саман, который применяется в возведении жилых помещений. При этом, саман очень часто занимает лишь верхнюю часть строений, имеющих опять же каменное основание, иногда до середины стен.

Дом 1 на Ески Аксай (рис. 4, *3*) имеет саманную, в комбинации с камнем, жилую часть и каменное ограждение тас шарбак. Это строение (шарбак) упорядочено, сейчас имеет высоту 1,2-1,5 м, внутреннее пространство немного углублено, поверхность ровная, задернованность слабая. Бывшая байская зимовка, существовавшая в начале XX в., в ходе социалистических преобразований опустела, жители или погибли, или разошлись, судьба их и их потомков ныне неизвестна. Затем зимовка была снова заселена, здесь был обустроен колхоз. Осмотр показал, что в отношении жилых помещений ничего нового не было построено, но каменные пристройки были подремонтированы, частью обновлены. По сообщению местных жителей из среды старшего поколения, старая зимовка окончательно была оставлена в начале 1960-х гг., когда начался совхозный строй. В отличие от таких зимовок с каменными пристройками, четко фиксируемыми и ныне, на тургайских зимовках, пусть даже и тех, которые также дожили до колхозов, мы бы увидели только основания жилых помещений и теплых загонов.

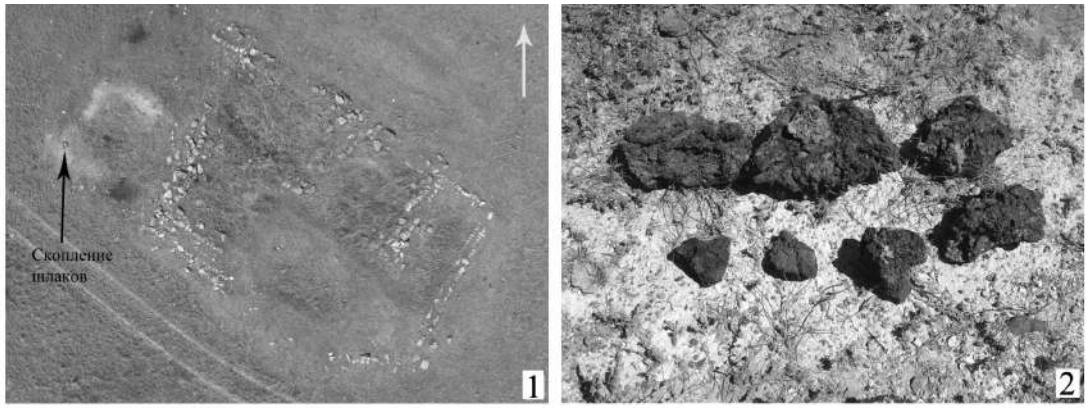


Рис. 5. Зимовка Туменбай.
Каркаралы. *1* – вид сверху, *2* – куски шлака. Фото И.К. Ахиярова

С. Жолдасбаевым на территории Кербулакского района Алматинской области в урочище Шолакжиде обнаружены остатки небольшой кузницы. Спектральный анализ куска шлака, проведенный Э.Ф. Кузнецовой, показал наличие в нем железа на уровне 1% (Жолдасбаев, 2017, с. 46). Летом 2018 г. на востоке Казахского мелкосопочника осмотрены остатки зимовки Туменбай, на площади которой находятся скопления шлаков темно-коричневого цвета (рис. 5). Такие факты еще раз подчеркивают необходимость проведения раскопочных работ на ряде зимовок.

Даже приблизительная датировка памятников требует определенного анализа данных. На основании некоторых явлений, в том числе и на фактах нахождения фрагментов посуды кузнецовской фабрики, обычно любые зимовки относят к периоду конца XIX – начала XX вв. На этом вопрос датировки исчерпывается.

Такая дата зимовок неверна, во всяком случае требует ряда серьезных уточнений. В середине XIX в. М. Красовский лично посещал и осматривал некоторые районы степных округов. В 1962 г. на территории Атбасарского округа он насчитал «в одном Кара-Кенгирском бассейне» 100 казахских домов, «сложенных из дикого камня и землебитного кирпича». Красовский в своей работе эти цифры приводит специально для того, чтобы показать степень искажений и неверности сведений, предоставляемых окружными приказами. Он показал, что по Атбасарскому округу в отчете за 1862 г. показано всего несколько домов, тогда как он только лишь на реке Кара-Кенгир увидел 100 домов. Территория округа намного больше, чем бассейн означенной реки. Значит домов в этом округе было намного больше, что и хотел сказать царский военный чин. На 1863 г. для Каркаралинского округа записано в отчете 105 домов. Следовательно, и здесь должно было быть домов гораздо больше (многие подробности см.: Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 32-33). Не верить Красовскому невозможно. У офицера Генштаба, подполковника Красовского не было смысла выдумывать для казахов несуществующие дома, т.е. зимовки.

Дело в другом. По крайней мере уже в 40-50-х гг. XIX в. в районах Сарыарки расм пространяются зимовки первой группы, на местах которых к последней трети XIX в. появились постройки второй группы. Именно последние более знакомы многим археологам, находящим на них фрагменты кузнецовской посуды.

Рис. 6. Култытасы Центрального Казахстана.
1 – култытас Абеу кажы Ермекулы, близ зимовки Бориктас, Каркаралы.
2 – култытас Ажибека Базылбекулы возле зимовки Ажибек, Каркаралы.
Фото автора и Д.Б. Дуйсенбай

На некоторые вопросы датировки зимовок проливают свет такие источники, как култытасы. По некоторым данным, в особенности по востоку Казахского мелкосопочника, в начале XX могилы людей, напрямую связанных с той или иной зимовкой, начинают сооружаться уже вблизи последней. В более ранние периоды кладбища, одинокие мазары или их небольшие группы располагаются отдельно от зимовых мест, на расстоянии, чаще у водного источника, на жайляу или на кузеках. Затем, похоже, места захоронений приближаются к зимникам. Могила Абеу кажы Ермекулы, отца Алимхана Ермекова, находится на расстоянии около 500 м от старой родовой зимовки Бориктас (рис. 4, *1*). Согласно надписи «кадым», распространенной в ряде районов Сарыарки, Абеу Ермекулы скончался в 1911 г. в возрасте 54 лет. Надпись книжного тюрки может быть передана в современном казахском чтении в следующем виде: «1911 жылы 19 мартта жұма күні қазақ әулеті қара нәсілі Оразғұл руы мархұм Әбәу Ермек қажы ұлы 54 жасында ахірет сафары...» [далее последние одно или два слова не читаются]. Могила Ажибека Базылбекулы находится возле руин старой зимовки, где впоследствии построена новая совхозная зимовка под таким же названием. Могила датируется 1925 годом. Об этом свидетельствует надпись «кадым» следующего содержания (рис. 4, *2*): «1925 жылы 5 ноябрде Темірші елі 6 ауыл руы қамбар Әжібек Базылбек ұлы Қожабек немересі Алатаудан келе жатып Бидайық деген жерде 29 жасында дүниеден қайтты. Алла тағала жанын жаннатта қылсын. Әмин». Возможно, такие данные, по мере увеличения, позволят с большей уверенностью отнести зимовки с рядом расположенными могилами хозяев к началу XX в.

В целом, дату второй хронологической группы, наиболее многочисленной, условно можно определить периодом последней трети XIX – 30-х гг. XX вв. Основным признаком для отделения их от третьей группы является сильная руинизированность строений, задернованность площадок, зарастание кустарником, высокой травой, отсутствие кусков бетона, заводского кирпича, шифера, стекла, наличие фрагментов изделий кузнечного производства. Со второй группой связана основная часть зимовок, расположенных на средних и верхних склонах возвышенностей.

Рис. 7. Фрагменты стен с нишами.
1 – дом 1 зимовки Ески Аксай. *2* – дом 1 зимовки Жарин. Долина р. Атасу.
Центральный Казахстан. Фото Д.Б. Дуйсенбай

Третья группа зимовок, это те постройки, которые использованы в колхозное время. По-новому обживается часть старых зимовок, постройки подновляются, ремонтируются, особенно могут быть переделаны хозяйственные постройки, загоны для скота. Основным внешним признаком является сохранность отдельных участков стен или их нижней части на значительную высоту. Характерна слабая задернованность площадок или отсутствие таковой, наличие на поверхности фрагментов стекла, кусков бетона, шифера. Основные черты в планировке, интерьере не меняются. Наряду с обновленными и заново обжитыми старыми, могут быть построены новые зимовки, повторяющие все основные черты традиционных старых казахских зимовок. Значительная часть зимовок находится на равнинных участках или на нижних склонах возвышенностей, куда транспортные коммуникации менее затруднены, вблизи относительно крупных сел, центров бывших колхозов или совхозов. Эта группа может быть отнесена к периоду начала – 50-х гг. XX в.

В рассматриваемую группу относятся зимовки Ески Аксай и Жарин, находящиеся в долине р. Атасу в Центральном Казахстане. Интересны стенные ниши (рис. 7), которые показывают сохранение старых элементов традиционных казахских жилых строений. Такие же ниши имеются в стенах развалин казахских зимовок Жетысу, осмотренных С. Жолдасбаевым (2017, с. 184, рис. 30). Эти детали в интерьере казахских жилищ Жетысу и Сарыарки восходят к аналогиям в позднесредневековых городищах присырдарьинского региона. Следовательно, необходимо осматривать, по мере возможностей, и зимовки третьей группы. К этой же группе может быть отнесена зимовка Шорманбай

близ с. Нуркен, где в июне 1919 г. родился Герой Советского Союза, летчик-штурмовик Нуркен Абдиров. Согласно данным информаторов, в том числе двоюродного брата героя Т. Абдикешова, эта зимовка, где проживала семья колхозного чабана, стояла вплоть до начала 1960-х гг.

В 60-х гг. XX в. строительство традиционных старых казахских зимовок завершается. В 70-80-х гг. XX в. окончательно разрушаются последние сохранившиеся старинные постройки казахов. Вместе с ними уходит последнее поколение казахских аксакалов, родившихся в эпоху Мекалая патша, т.е. царя Николая II, и знавших подлинные рыночные отношения не понаслышке.

Таким образом, некоторые имеющиеся материалы по казахским памятникам Сарыарки показывают безусловную актуальность исследований в этом направлении.

Автору неизвестны материалы памятников северных, северо-восточных, северо-западных районов республики. Данные, а также далеко еще не полный их анализ, по южной полосе Сарыарки, от Чингизтау до Тургая, показывают связь памятников казахского времени этого региона с районами Средней Сырдарьи, Каратау и Жетысу. Говоря о традиционной связи районов южной полосы Сарыарки с присырдарьинским регионом, нелишне будет вкратце отметить и некоторые другие факты. Кулпытасы с надписью «кадым», нередко называемые «коктас», широко распространены от Чингизтау вплоть до Тургая и на протяжении всей этой полосы имеют один стиль написания. Это сарыаркинский стиль, восходящий к Туркестану, Хазрету, но четко выдерживающий свою колоритную особенность. Стоит внимания и традиция «сорелеу», снова характерная именно для указанной полосы Сарыарки. Многих заслуженных перед народом деятелей аркинские казахи от Чингизтау и Каркаралы до Тургая в XVIII в. отвозили хоронить в Хазрет, предварительно продержав тело на «соре» – специальных постройках временного хранения трупов. В числе их Анет баба, Казыбек би, его сын Бекболат, внук Тиленши, батыры Нияз, Олжабай, Жанибек, Богенбай и другие влиятельные лица того времени (об этой традиции см.: Бейсенов, 2014б), а также десятки людей, имена которых точно неизвестны.

Рис. 8. Семейная усыпальница Т. Чингисова (Жамантай хан).
Вторая половина XIX в. Каркаралы. Фото Д.Б. Дуйсенбай.

На востоке мелкосопочника автору известна группа интересных своей крестовидной планировкой сырцовых оград (рис. 8), являющихся семейными усыпальницами представителей знати. Внешне они напоминают некоторые средневековые крестовидные сооружения Южного Казахстана и Средней Азии (Богомолов, Ильясова, 2010; Смагулов, Ержигитова, Торгоев, 2011; Смагулов, Ержигитова, 2017), в основании которых находится квадрат. Сооружения такой планировки зародились в Центральном Казахстане, вместе с тем, они, скорее, восходят к архитектуре купольных мазаров. Эти и многие другие вопросы памятников казахского времени Сарыарки требует углубленного рассмотрения и анализа. Актуальны раскопки казахских кыстау. В заключение еще раз отметим, что в исторической судьбе населения указанной полосы Сарыарки XIX век ознаменовался важными изменениями во многих сферах жизни. Средневековая модель хозяйственного цикла, всего обустройства жизни и быта для этого населения завершилась к концу XVIII в. Следующий век породил новую модель, в хозяйственной сфере она ориентировала скотоводов на максимальное использование экологических возможностей конкретного района проживания. Зимовки, распределение их по природным районам, урочищам Сарыарки реально свидетельствуют о важной стороне всего этого сложного процесса. Эти и другие памятники казахского времени Сарыарки показывают, что в новых условиях люди придерживались своих старых установок.

Список литературы

Ажигали С.Е. «Казахское памятниковедение» как важнейшее научно-практическое направление в сфере культуры // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Материалы II Международной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан (г. актобе, 14-18 сентября 2011 г.). – Алматы-Актобе: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, 2011. – С. 337-339.

Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А. К методике комплексного исследования архитектурных некрополей и кладбищ Западного Казахстана: предварительные замечания (Из опыта работы ЗККАЭ) // Материалы 1 и 2 Симпозиумов по казахскому памятниковедению. – Алматы-Атырау: «Ағатай», 2012. – С. 24-40.

Акишев К.А. Предисловие // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 3-4

Акишев К.А. Некоторые итоги раскопок городища древнего Отрара // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 5-13.

Акишев К.А. Средневековые рабаты и курумы Каратау // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 1994. №5. – С. 39-44.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. С. 5-43.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 215 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар XVI-XVIII веков по итогам раскопок 1971-1973 гг. // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С. – 3-48.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. – Алма-Ата: Наука, 1981. – 343 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI-XVIII вв.) // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – Москва: Наука, 1982. – 121-136.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Казахское государство XV-XVI вв.: этническая территория, памятники культуры //Евразийское сообщество. – 1998. №1. – С. 131-142.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Древности Астаны: городище Бозок. – Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2011. 260 с.

Ахинжанов С.М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1975. – С.49-59.

Байпаков К.М. Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 1994. №5. – С. 20-33.

Байпаков К.М. Вехи большого пути // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003 гг.). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 67-75.

Байпаков К.М. Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2008. №1. – С. 3-25.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы-раннем средневековье. – Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2012. – 390 с.

Байпаков К.М. Учитель // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.К.Акишева. 22-24 апреля 2014 г. Астана. – Астана: издательство «Сарыарка», 2014. – С. 21-32.

Баскаков Н.А. Жилища приилийских казахов // Советская этнография. – 1971. №4. – С. 104-115.

Бейсенов А. Ақышев Кемал // Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. Том 1. – Б. 236.

Бейсенов А.З. Ғалым және азамат // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы: Институт археологии, 2014а. – С. 37-46.

Бейсенов А.З. Об использовании данных казахской этнографии в археологических исследованиях // II Аргынбаевские чтения. Материалы международной конференции. Алматы, 25 декабря 2014 г. – Алматы: Казахский Национальный Университет. 2014б. – С. 87-90.

Бейсенов А.З. Кемал Ақышев және көне дәуір археологиясының мәселеллері // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. Отв. ред. А.З.Бейсенов. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015а. – С. 5-8.

Бейсенов А.З. Организация и ранний этап исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции //История и культура народов Юго-Западной Сибири и

сопредельных регионов (Монголия, Казахстан, Китай). Материалы международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 20-23 апреля 2015 г. Отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015б. С. 40-47.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Монография. – Алматы: Институт археологии, 2014. – 192 с. +20 с. цв. илл.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.С. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», Алматы. 2017. Том 1. – С. 11-64.

Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Монография. – Алматы: Институт археологии, 2014. – 156 с.+ 46 с. цв. илл.

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Монография. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – 208 с.

Бекназаров Р.А. Система поселения в Северном Приаралье в середине XIX – начале XX вв. // III Международная научная конференция «Кадырбаевские чтения-2012. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. – С. 396-403.

Богомолов Г.И., Ильясова С.Р. К вопросу о зданиях с крестообразной планировкой в Чаче Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2010. №1. – С . 177-186.

Ганиева А.С. Вклад К.А.Акишева в изучении средневековой городской культуры Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2010. №1. – С. 244-250.

Ганиева А.С. К вопросу об истоках государственности в трудах К.А.Акишева // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.К.Акишева. 22-24 апреля 2014 г. Астана. – Астана: издательство «Сарыарка», 2014. – С. 68-76.

Гриб В.К. О раннесредневековом юртообразном жилище на поселении Безыменное-1 в Северном Приазовье // Проблемы археологии и музееведения. – Волгоград, 2018. – С. 217-221.

Жолдасбаев С. 1969-1970 жылдардағы археологиялық барлау кезінде табылған қазақтың тұрақты қоныс жайлары туралы хабар // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 187-193.

Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV-XVIII вв.) // В глубь веков. – Алма-Ата: Наука, 1974. – С. 173-187.

Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV-XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 46-59.

Жолдасбаев С. Қазақ халқының тұңғыш маман археологі Кемал Ақышев // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003 гг.). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 76-84.

Жолдасбаев С. Құрметті Кемал ағай, Сіздің арманыңыз орындалды // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.К.Акишева. 22-24 апреля 2014 г. Астана. – Астана: издательство «Сарыарка», 2014. – С. 37-39.

Жолдасбаев С. Қазақ елінің XV-XVIII ғасырлардағы тұрақты мекен-жайлары. Оседлые поселения казахов в XV-XVIII вв. Settlments of the Kazakh of XV-XVIII cenғ tures. – Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, 2017. Қазақша, ағылшынша, орысша. – 304 б.

Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара как источник для реконструкции этнокультурных процессов на юге Казахстана // Средневекоые города Южного Казахстана. – Алма-Ата: издательство КазГУ, 1986. – С. 100-110.

Ерзакович Л.Б. Об одном типе жилого дома из Отрара XVII в. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 1993. №5. – С. 51-57.

Қожа М. Кемел Ақышев және Отырар // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003 гг.). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 90-94.

Рахимов Е.К. Казахские зимовки-кыстау XIX века (по письменным источникам) // Материалы 1 и 2 Симпозиумов по казахскому памятниковедению. – Алматы-Атырау: «Ағатай», 2012. – С. 141-149.

Рогожинский А.Е. Знаки и надписи на «камня Тамгалытас» на окраине Бетпакдалы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», Алматы. 2017. Том 2. – С. 297-307.

Савельева Т.В. Города Прибалхашья // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летнему юбилею г. Астана. 2 июля 2008 г., г. Астана. – Астана: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2008а. – С. 259-266.

Савельева Т.В. Средневековая городская культура Илийской долины // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летнему юбилею г. Астана. 2 июля 2008 г., г. Астана. – Астана: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2008б. – С. 266-278.

Самашев З. К.А.Ақышев туралы // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.К.Акишева. 22-24 апреля 2014 г. Астана. – Астана: издательство «Сарыарка», 2014. – С. 54-56.

Свиридов А.Н., Ярыгин С.А., Дукомбайев А.Т. Кыстау-зимовки Акмолинского региона // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.К.Акишева. 22-24 апреля 2014 г. Астана. – Астана: издательство «Сарыарка», 2014. – С. 568-575.

Смагулов Е.А. К истории происхождения и развития «жилища отрарского типа» // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2010. №1. – С. 70-90.

Смагулов Е.А., Ержигитова А. А. Древняя цитадель города Туркестана // Между Востоком и Западом: движений культур, технологий и империй. III Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 247-252.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А, Торгоев А.И. Открытие архитектурного комплекса древнего Ясы/Туркестана // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстана и 20-летию Института археологии им. А.Х.Маргулана. 12-15 декабря 2011 г., г. Алматы. – Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2011. – С. 61-71.

Турганбаева Л.Р. К проблеме изучения культово-жидищных комплексов западного Казахстана // Материалы 1 и 2 Симпозиумов по казахскому памятниковедению. – Алматы-Атырау: «Ағатай», 2012. – С. 156.

Төлеубаев Ә.Т. Археологиядағы К.А.Ақышев феномені // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003 гг.). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 85– 89.

Усманова Э.Р. Этноархеологическая реконструкция феномена кыстау // III Международная научная конференция «Кадырбаевские чтения-2012. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. – С. 492-499.

Хабдулина М.К. Предисловие // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003 гг.). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 5-8.

Хабдулина М.К. Беззаветное служение археологии // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003 гг.). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 9-23.

Хабдулина М.К. Средневековое городище Бузок: некоторые проблемы изучения // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 2005. №1. – С. 135-151.

Хабдулина М.К. Проблемы бронзового века в трудах К.А.Акишева // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж.Курманкулова. Отв. ред. А.З.Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 122-129.

Хабдулина М.К. К.А.Акишев и Ишимская археологическая экспедиция // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», Алматы. 2017. Том 1. – С. 119-125.

Шалекенов У.Х. К.А.Ақышев – Қазақстан археологиясының негізін салушылардың көрнекті уәкілдерінің бірі // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003 гг.). – Астана: ЕНУ, 2004. – С. 61-66.

В.Ю. Мурзин
Мелитопольский институт государственного и муниципального управления КПУ», Мелитополь, Украина
V.Yu. Murzin
Melitopol Institute of State and municipal government «KPU», Melitopol, Ukraine
vjmurzin@ukr.net, vjmurzin@gmail.com

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТЕРЕНОЖКИН – ОСНОВАТЕЛЬ КИЕВСКОЙ ШКОЛЫ СКИФОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена основателю киевской школы скифоведения, выдающемуся археологу Алексею Ивановичу Тереножкину.

Ключевые слова: А.И. Тереножкин, К.А. Акишев, скифы, саки, чернолесская культура, Мелитопольский курган, киммерийцы, Великий степной пояс Евразии.

Алексей Иванович Тереножкин – скифтанудың киевтік мектебінің негізін салушы

Аннотация. Мақала скифтанудың киевтік мектебінің негізін салушы, белгілі археолог Алексей Иванович Тереножкинге арналады.

Түйін сөздер: А.И. Тереножкин, К.А. Ақышев, скифтер, сақтар, чернолес мәдениеті, Мелитополь қорғаны, киммерліктер, Еуразияның Ұлы далалық белдеуі.

Aleksey Ivanovich Terenozhkin – founder of the Kiev School of Scythology

Annotation. The article is devoted to the founder of the Kiev School of Scythology, an outstanding archaeologist AlexeyIvanovich Terenozhkin.

Keywords: A.I. Terenozhkin, K.A. Akishev, Scythians, Sakas, Chernoles culture, Melitopol barrow (kurgan, tumulus), Cimmerians, Great Eurasian steppe belt.

Алексею Ивановичу Тереножкину посчастливилось прожить две «археологических жизни», в каждой из которых ему удалось достичь неоспоримых и общепризнанных результатов.

Первая из них была связана с археологией Средней Азии, где он еще в молодые годы провел ряд археологических разведок в долине р. Чу на территории Кыргызстана.

Позднее – с 1937 г. – его научная деятельность оказалась тесно связана с древностями Согдианы и Чача. Венцом этих исследований стали масштабные раскопки Афросиаба, которые позволили уточнить дату основания Самарканда.

Однако эти работы были прерваны войной. А.И. Тереножкин был призван в армию и направлен на краткосрочные курсы в Ташкентское пехотное училище, по окончанию которого отбыл в действующую армию, где вначале попал в Отдельный полк резерва офицерского состава. Прибывшие в полк «покупатели» из 4-ой гвардейской армии обратили внимание на научное прошлое младшего лейтенанта и отобрали его, как челове-

ка высокообразованного, для службы в оперативном отделе штаба армии. Понятно, что служба в штабе была легче, чем на «передке», но офицеры-операторы часто выезжали туда для уточнения обстановки, проверки донесений и пр. и нередко гибли во время выполнения этих боевых заданий. Но Алексею Ивановичу повезло – он выжил и закончил войну в Вене в звании старшего лейтенанта (рис. 1).

Рис. 1. Старший лейтенант А.И. Тереножкин, 1945 г.

После демобилизации он вернулся уже в ставший ему родным Ташкент, в стены Института археологии и истории АН УзССР, а в 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Согд и Чач».

Тогда же, приехав в Ленинград, А.И. Тереножкин познакомился с Варварой Андреевной Ильинской (впоследствии – известным скифологом, доктором исторических наук), которая стала его женой.

В то время Варвара Андреевна уже жила в Киеве. Она в 1944 г. была направлена из Ленинграда в недавно освобожденную столицу Украины на комсомольскую работу, но уже в 1945 г. стала сотрудником Института археологии и истории АН УССР.

Поскольку Варваре Андреевне, перенесшей ленинградскую блокаду, врачи настоятельно рекомендовали не переезжать в Ташкент из-за жаркого климата Средней Азии, в 1948 г. в Киев переехал А.И. Тереножкин (рис. 2), став старшим научным сотрудником Отдела скифо-сарматской археологии АН УССР, а вскоре и его заведующим, который он возглавлял вплоть до своей смерти в 1981 г.

Рис. 2. В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин. Киев, 1948 г.

С именем Алексея Ивановича тесно связано исследование памятников чернолесской культуры (названа так по открытому им в 1949 г. городищу в Черном лесу), которая занимала в позднейшее предскифское время обширные территории лесостепного междуречья Днепра и Днестра. По материалам этих памятников в 1958 г. он защитил докторскую диссертацию «Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье», изданную позднее в виде монографии (Тереножкин, 1961).

Главным итогом этой работы стало то, что А.И. Тереножкину удалось показать непрерывную цепь развития местных культур Правобережной лесостепи от эпохи средней и поздней бронзы (Комаровская и Тшинецкая культуры) до белогрудовской культуры, на фундаменте которой сложилась чернолесская, которая, в свою очередь, послужила основой для местной культуры скифского времени (последнюю А.И. Тереножкин отождествлял с культурой скифов-пахарей Геродота). Согласно исследователю, все звенья этой цепи представляли различные этапы непрерывного развития протославянских племен. В настоящее время эту точку зрения разделяет большинство современных исследователей.

Хотя основные научные интересы А.И. Тереножкина в конце 40-ых и 50-ые годы XX в. были связаны с памятниками Днепровского лесостепного Правобережья, довелось ему поработать и на юге Украины. В 1954 г. он возглавил раскопки Мелитопольского кургана – первого кургана представителя высшей скифской аристократии, исследованного в годы советской власти. В кургане было обнаружены две катакомбы – боковая с женским погребением (рис. 3) и центральная, в тайнике которой А.И. Тереножкин нашел золотую обкладку горита с рельефными сценами из жизни Ахилла, принесшую кургану широкую известность (рис. 4). К сожалению, Алексей Иванович не опубликовал при жизни материалы этого кургана. Это сделал позднее, опираясь на его дневники и отчет, Б.Н. Мозолевский (Тереножкин, Мозолевский, 1988).

Рис. 3. А.И. Тереножкин (справа) и сотрудник Института археологии АН УССР Е.Ф. Покровская (слева) за расчисткой женской могилы Мелитопольского кургана, 1954 г.

Рис. 4. А.И. Тереножкин за обработкой материалов Мелитопольского кургана

Не менее важно и то, что при раскопках этого кургана А.И. Тереножкин впервые в археологической практике применил для глубоких катакомб крепление по образцу шахтного. Этот опыт оказался очень полезен. В 1969 г. я, закончив 1-ый курс Харьковского университета, работал в экспедиции В.И. Бидзили, исследовавшей большой скифский курган Гайманова Могила. При выемке заполнения входных ям катакомб их стены начали трескаться, грозя обвалом. В.И. Бидзиля пригласил в экспедицию А.И. Тереножкина. На моих глазах ситуация изменилась – из ближайшего горно-обогатительного комбината по инициативе Алексея Ивановича была приглашена группа

Рис. 5. А.И. Тереножкин за расчисткой тайника в Северной гробнице кургана Гайманова Могила, 1969 г.

шахтеров, завезен крепежный лес, что позволило создать надежное крепление и обезопасить дальнейшую работу. Теперь без крепления и шахтеров раскопки скифских аристократических курганов и представить себе невозможно.

На Гайкмановой могиле произошел еще один удивительный случай. Расчищая пол Северной гробницы, А.И. Тереножкин обнаружил тайник в котором, среди прочих вещей, находилась знаменитая серебряная чаша (рис. 5). Если мне память не изменяет, то Алексей Иванович был единственным археологом, на счету которого было два открытых в скифских курганах (Мелитополь и Гайманка) тайника.

В связи с началом строительства оросительных систем и других масштабных новостроек на юге Украины в 60-70-ые гг. XX в., Алексей Иванович все чаще работал в степной зоне. Например, он возглавлял экспедицию, исследовавшую курганы в зоне добычи марганца в районе г. Орджоникидзе (ныне г. Покров) Днепропетровской обл. (рис. 6).

Рис. 6. Приезд Б.Н. Гракова в Орджоникидзевскую экспедицию Института археологии АН УССР (начальник – А.И. Тереножкин). Слева – направо: Г.Т. Ковпаненко, Е.В. Черненко, Б.Н. Граков, В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. Начало 60-ых гг. XX в.

Однако все его научные помыслы были связаны с поиском культуры исторических киммерийцев.

Собрав за многие годы большой и разносторонний материал, он пришел к выводу, что культура киммерийцев, первого народа Восточной Европы, имя которого упоминается в письменных источниках, представлена памятниками типа Черногоровского кургана – Новочеркасского клада бронз и датируется IX – началом VII в. до н.э.

Результаты этих многолетних поисков и раздумий Алексея Ивановича были изложены им в его последней монографии (Тереножкин, 1976), которая стала настольной книгой каждого специалиста, изучающего эпоху раннего железа южной части Евразии.

По мере роста научного авторитета А.И. Тереножкина, вокруг него начала формироваться группа его единомышленников и учеников.

В 1973 г., когда я стал аспирантом Института археологии (тогда еще АН УССР), вся научная жизнь в Отделе скифо-сарматской археологии направлялась Алексеем Ивановичем Тереножкиным и Варварой Андреевной Ильинской. К ним тесно примыкала старейший сотрудник Отдела Галина Тихоновна Ковпаненко.

Среднее звено исследователей на тот момент было представлено Евгением Васильевичем Черненко и Борисом Николаевичем Мозолевским. Борис к тому времени не защитил еще диссертацию, однако раскопки Толстой Могилы и находка знаменитой пекторали сделали его фамилию широко известной не только среди археологов.

Наконец, в самом низу этой пирамиды уже начала завязываться молодая аспирантская поросль. Когда я стал аспирантом Отдела, там уже достаточно уверенно чувствовали себя аспиранты Анатолий Степанович Островерхов и Светлана Сергеевна Бессонова. Вскоре наша команда пополнилась – в аспирантуру поступили Надежда Авксентьевна Гаврилюк и Сергей Анатольевич Скорый. Заметный интерес к скифо-сарматской тематике испытывали Сергей Васильевич Полин и Александр Владимирович Симоненко, работавшие в Институте в качестве лаборантов.

Но жизнь не стоит на месте. Теперь уже мы, бывшие аспиранты и лаборанты, представляем старшее поколение украинских скифологов и сарматоведов, а наши ученики и последователи, хотя и младше нас по возрасту, уже давно оформились как самостоятельные и самодостаточные ученые.

Новое, молодое поколение киевских скифоведов уже начинает несколько пересматривать отдельные положения А.И. Тереножкина, прежде всего стремясь удревнить даты, предложенные им для чернолесской культуры (Дараган 2011; Гершкович, 2016). В принципе, это вполне естественный процесс, ибо наука не стоит на месте. Но неизменной остается основная, концептуальная позиция В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина, которые понимали Скифию как раннегосударственное образование, существовавшее на территории степи и лесостепи и объединившее под эгидой ираноязычных кочевников различные по происхождению и языку племена и народы. Наиболее полно эта позиция была выражена в их совместной монографии (Ильинская, Тереножкин, 1983).

В этом состоит основное отличие киевской школы скифологов от, например, московской, создатель которой Б.Н. Граков считал Скифию одноэтничной и, соответственно, ограничивал ее географические рамки лишь пределами северопричерноморских степей.

Но вернемся к более раннему времени. В 70-ые гг. XX в., насколько мне сейчас удается восстановить по памяти, насчитывалось не более 40-50 активных и авторитетных ученых, изучавших памятники скифского времени на территории юга Евразии и трудившихся на обширном пространстве от Львова до Новосибирска. Естественно, все они хорошо знали друг друга лично – встречались на всевозможных археологических конференциях, активно переписывались, обменивались литературой. Во многом их един-

ство, несмотря на некоторые разногласия в решении тех или иных конкретных научных проблем, основывалось на твердом понимании того, что и скифская, и савроматская, и сакская культуры есть лишь локальные варианты единой культуры ираноязычных народов, занимавших в I тыс. до н.э. огромные пространства Великого степного пояса Евразии от Дуная до Западной Монголии включительно.

Наиболее полно и аргументированно эта мысль была высказана в известной и основополагающей статье К.А. Акишева «Саки азиатские и скифы европейские» (Акишев, 1973).

Кстати, с этой работой Кималя Акишевича я впервые познакомился в домашней библиотеке А.И. Тереножкина. Кроме других научных работ этого автора, на полках библиотеки А.И. Тереножкина нашлось место для монографий и переплетенных отдельных оттисков других казахских археологов: А.Х. Маргулана, в частности его фундаментальной монографии о бегазы-дандыбаевской культуре (Маргулан, 1979), статей и монографий М.К. Кадырбаева, Г.А. Кушаева, А.М. Оразбаева и др.

Примечательно, что некоторые из этих исследований были опубликованы на казахском языке. Но у Алексея Ивановича была папка, где хранились напечатанные на пишущей машинке переводы этих работ на русский язык. Уж не знаю, нашел ли он специалиста в Киеве, который готовил для него переводы, то ли вместе с оттисками и статьями на казахском языке переводы присылали ему сами авторы. Думаю, второе было более вероятно, поскольку переводы были напечатаны на бумаге разного качества и цвета.

Как бы там ни было, но Алексей Иванович очень дорожил дружбой с казахскими коллегами, внимательно следил за их полевыми открытиями и научными разработками.

Настоятельно рекомендовал делать это и мне, в ту пору делавшему еще первые шаги в науке. При этом он объяснял, что нельзя «зацикливаться» на одном лишь скифском материале, поскольку это мешает широте мышления и пониманию общих процессов, протекавших на просторах степной Евразии в скифо-сакское время. По мере сил и возможностей я всегда следовал этому мудрому совету, о чем, в частности, свидетельствуют некоторые мои недавно опубликованные работы (Мурзин, 2013; 2014).

Список литературы

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – С. 43-58.

Гершкович Я.П. Суботовское городище. – Киев: Институт археологии НАН Украины, 2016. – 507 с.

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровском лесостепном Правобережье. – Киев: КНТ, 2011. – 848 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. – Киев: Наук. думка, 1983. – 378 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979.– 360 с.

Мурзин В.Ю. Киммерийская проблема в европейском и азиатском контексте // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы, 2013. – С. 137-149.

Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. – Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк», 2014. – 110 с.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. – 248 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 220 с.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – Киев: Наук. думка, 1988. – 264 с.

Д.А. Талеев
Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты
Алматы, Қазақстан
D.A. Taleev
Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
doc19_59@mail.ru

К.А. АҚЫШЕВТЫҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРТАҒАСЫР АРХЕОЛОГИЯСЫН ЗЕРТТЕУГЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ

Түйін. Мақалада басты мәселе ретінде К.А. Ақышевтың Қазақстанның орта ғасыр археологиясын зерттеуге қосқан орасан зор үлесі жайлы мәселе көтерілген. Осы мәселені негіздеу барысында зерттеушінің әр жылдары жарық көрген ғылыми мақалалары мен монографиялық еңбектері пайдаланылды. Зертеу еңбектері қатарында Отырартөбеде жүргізілген қазба жұмыстарының барысы мен нәтижелері жайлы жазылған ұжымдық монографиялардың мәліметтері де қамтылды. Негізгі назар Ақышев басқарған Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Қазақстан археологиясының далалық базасына айналған Отырар мен Отырар оазисінде жүргізген зерттеу және қазба жұмыстары нәтижелеріне аударылды. Еліміздің жас ордасы Астана қаласы X-XI ғасырлардағы қыпшақ билеушілерінің ордасы Бозоқтан бастау алатындығын негіздеген К.А. Ақышев болғандығы айтылады. Ерекше айтатын нәрсе Ақышевтың Қазақстан жерінде мемлекеттіктің қалыптасуы сақ дәуірінен басталып, үйсін патшалығы тұсында жанданғандығын археологиялық материалдар мен қазба мәліметтері бойынша негіздеуі.

Түйін сөздер: Ақышев, археология, орта ғасыр, зерттеулер, қалалар, Отырар, Бозоқ, қазба.

Вклад К.А. Акишева в исследование средневековой археологии Казахстана

Аннотация. В статье освещен огромный вклад Акишева в изучение средневековой археологии Казахстана. При обосновании данной проблемы использовались научные статьи и монографические труды исследователя, изданные в разные годы. В числе археологических работ содержатся данные коллективных монографий о ходе и результатах раскопок Отрартобе. Основное внимание было уделено результатам исследований и раскопок Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции под руководством Акишева в Отраре и Отрарском оазисе, ставшей полевой базой казахстанской археологии. Акишев обосновал, что молодая столица страны Астана образовалась на месте резиденции кипчаков X-XI вв. – Бозок. Акишев по археологическим материалам доказал то, что сложение государственный образований на территории Казахстана началось еще в сакском обществе и активно продолжилось в усуньский период.

Ключевые слова: Акишев, археология, средневековье, исследования,города, Отрар, Бозок, раскопки.

Contribution of K.A. Akishev to the study of medieval archeology of Kazakhstan

Annotation. The article highlights the problem of Akishev's huge contribution to the study of medieval archeology of Kazakhstan. In substantiation of this problem, scientific articles and monographic works of the researcher published in different years were used. Among the archaeological works there are data of collective monographs on the progress and results of the excavations of Otrartobe. The main attention was paid to the results of research and excavations of South Kazakhstan complex archaeological expedition led by Akishev in Otrar and Otrar oasis, which became the field base of Kazakhstan archeology. Akishev justified the fact that the young capital of the country Astana was formed on the site of the Kipchaks of the x-XI centuries. Bozok. Akishev on archaeological materials proved that the formation of public education in Kazakhstan began in the Saka society and actively continued in the Usun period.

Keywords: Akishev, archeology, middle ages, research, cities, Otrar, Bozok, excavation.

Қазақстан археологиясының негізін қалаушылардың бірі де бірегейі К.А. Ақышев осы жылы 95 жасқа келер еді. Ұлттық археология мектебін қалыптастыруға ұйтқы болған Ақышев өзінің ғылыми жолында тас дәуірінен бастап кейінгі орта ғасыр (Қазақ хандығы) археологиясына дейінгі аралықты қамтыған алғашқы мамандардың бірі болды. Ол Қазақстанның қола ғасыры мен ерте темір дәуірі, үйсін ескерткіштерін зерттеуде үлкен ғылыми жетістіктерге жетті. XX ғ. 60-жылдары Жетісу жеріндегі патшалар жерленген Бесшатыр қорымының бірнеше обасын қазып, Қазақстан тарихының ежелгі кезеңінде маңызды орын алатын сақтардың әлеуметтік-экономикалық және саяси өмірін сипаттайтын құнды мәліметтерді ғылыми айналымға қосты. Зерттеулер нәтижесінде сақ-үйсін дәуірінде Жетісу даласында шаруашылықтың жаңа белесі жайлаудағы бақташылыққа негізделген жартылай көшпелі түрінің қалыптасқаны жайлы құнды ғылыми тұжырым жасады (Акишев, Кушаев, 1963, с. 3-6). Көп ұзамай Ақышевтың Есік обасынан «алтын адам» жерлеуін табыуы Қазақ жерінде мемлекеттік құрылымның сақ дәуірінен бастау алатындығын растайтын материалдар берді. Жетісу сақтарында жазудың болуы – оларда өңірдің малшы және егінші тайпалары қатыса отырып құрған мемлекеттіктің алғашқы үлгісінің болғандығының куәсі (Акишев К.А., Акишев А.К., 1986, с. 28).

Әлемдік деңгейдегі маңызы болған бұл жаңалыққа кеңестік ғылымдар елемеген сыңай танытып, ол туралы жалпыға жария етпеуге тырысып бақты. Орыс ғалымдары сол бір үлкен жаңалықты осы күнге дейін қатардағы ғылыми ашылымдар қатарына жатқызып келеді. Қола және ерте темір дәуіріне қатысты жасалған сол кездегі ғылыми табыстарды осы күнгі Қазақстан археологиясы жеткен жетістіктер дүние жүзіне паш етіп келеді.

Ақышевтың Қазақстан ғылымына қосқан үлкен үлесінің бірі де бірегейі орта ғасыр археологиясы болды. Оның орта ғасыр археологиясына қызығушылығы студент кезінен басталған болатын. 1949 жылы А.Н. Бернштам басқарған Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясына қатысқан Кемал Ақышұлы Отырар мен

Жібек жолы бойындағы басқа да көне қала орындарында алғаш болды. Түркістандағы Ахмет Ясауи кесенесінде болды (Хабдулина, 2004, 11). Экпедициядан алған әсерлері болашақ маманның археологияға, оның ішінде орта ғасыр археологиясына деген үлкен қызығушылығын оятты. Осы сапарда болашақ маманның келешегінен үлкен үміт күткен экспедиция жетекшісі А.Н. Бернштам Ақышевқа кандидаттық диссертацияның алғашқы тақырыбын бір парақ қағазға жаздырып, сақтап қоюды тапсырған. Шығыс Еуропа мен Оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық қалаларының тарихы мен археологиясын салыстыруға бағытталған осы тақырып ғаламат талғау болатын. Бірақ, өмірдің ағымы Ақышевты бұл тақырыптан біршама уақытқа алшақтатып алып кетті.

1950 жылы КазМУ-ды бітірген Ақышев жолдама бойынша КССРО ҒА археология институтының Ленинградтағы бөлімшесіне аспирантураға түседі. Қола дәуірінің белгілі маманы М.П. Грязновтың жетекшілігімен ғылыми зерттеу жұмыстарын бастаған Ақышев 1951-1952 жылдары Ә.Х. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының құрамында жеке топ басшысы ретінде Атасу, Ақсу-Аюлы, Былқылдақ, Сарышоқы, Беғазы секілді қола ғасыры ескерткіштерін зерттеуге қатысты. Бірнеше маусымға созылған зерттеулердің қорытындысы бойынша 1953 ж. Мемлекеттік Эрмитаждың ғылыми кеңесінде «Эпоха бронзы Центрального Казахстана» тақырыбына жазылған кандидаттық диссертациясын жемісті қорғап шықты. Археологиядан ғылыми жұмысты дер кезінде аяқтап, өз уақытында қорғау өте сирек кездесетін құбылыс. Қазақстан тарихында аспирантураға бөлінген үш жыл ішінде ғылыми диссертация жазып, оны уақтылы қорғаған тұңғыш қазақ археолог К.А. Ақышев болды. Оның орта ғасыр археологиясына деген қызығушылығы көп ұзамай осы тақырыпқа қайта оралуына жазды. 1966-1967 жылдары Кемекең басқарған Жетісу археологиялық экспедициясының шәкірті К.М. Байпақов жетекшілік еткен отряды Арыс, Сырдария өзендерінің бойында археологиялық іздеу, барлау жұмыстарын жүргізіп, жиырмадан астам ғылымға белгісіз болып келген ортағасырлық ескерткіштерді ашты. Барлау барысында алынған тың мәліметтер зерттелген өңір VII – XVI ғасырлар аралығында тіршіліктің қайнаған ортасы болғандығын көрсетті. Жазба деректерден белгілі Кенжид өңірінің Арыс өзенінің бойында болғандығы анықталды. Өңірдің басты қаласы Субаникет барлау барысында ашылған Шортөбе қалашығымен баламаланды (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, 6).

1969 ж. Отырар мен Отырар өңірінің қалалары мен мекенжайларының тарихи топографиясы мен стратиграфиясын зерттеуді Кемекең басқарған Отырар археологиялық отряды бастады. Экспедиция екі маусым ішінде ғылыми маңызды бірнеше мақсаттарды жүзеге асырды. Алғаш рет Отырардың жасын анықтауға бағытталған стратиграфиялық қазба салынды, Отырардың және оның төңірегіндегі бірнеше қалалар (Сауран, Сығанақ т.б.) мен мекенжайлардың топографиялық жобасы түсірілді. Отырар және Отырар оазисінің ортағасырлық қалалар мен мекенжайлар әуеден фотосуретке түсіріліп, олардың топографиялық құрылымы сипатталды, көпшілігіне барлау шұңқырлары салыну арқылы олардың өмір сүрген уақыттары анықталды. Отырартөбеге салынған стратиграфиялық қазба ондағы мәдени қыртыстар мен құрылыс қабаттары IV-VI ғасырлардан XVII-XVIII ғасырларға дейінгі аралықта кезектесіп қалыптасқандығын анықтады. Отырартөбе мен оның айналасындағы Көкмардан, Құйрықтөбе, Марданкүйік, Ақтөбе секілді қала орындарында мен

Көкмардан зиратында жүргізілген зерттеулер Қазақстан тарихына үлкен жаңалықтар әкелді. Экспедицияның археологиялық зерттеу жұмыстары Отырар өңірі, Сырдарияның оң және сол жағалаулары, Қаратаудың күнгей және теріскей беттерін қамтыды. Нақты айтқанда Отырар, Сауран, Сығанақтың топографиялық жобасы түсіріліп, Мейрамтөбе, Құмиян, Аққорған, Төрткүл I, Қарашық, Шаға, Өзкент, Шаштөбе секілді көптеген қалашықтар мен мекенжайлар зерттеліп, мерзімделді. Отырар мен Отырар аймағында жүргізілген алғашқы археологиялық зерттеулердің нәтижелері мен тұжырымдары 1972 жылы жарық көрген «Древний Отрар» атты монографиялық еңбекте жарияланды. Ақышев шәкірттері, әрі экспедиция мүшелері Байпақов, Ерзаковичпен бірлесіп жазған осы еңбекте бұрын ғылымға белгісі немесе аз белгілі болып келген 80-нен астам қалашықтар мен мекенжайларды тарихи топографиялық, стратиграфиялық тұрғыдан зерттеліп, оларға археологиялық сипаттама берілді. Сондай-ақ қала мәдениетінің қалыптасып, даму деңгейі мен қалалардың мерзімдерін анықтауға негіз болатын тың мәліметтер алынды. Осы еңбектің қорытынды бөлімінде Ақышев Отырар мен Отырар оазисінің ескерткіштерін зерттеудің келешек жетістіктері жайлы болжам жасады. Ол Қазақстандағы ежелгі отырықшы егіншілік пен қалалық өркениеттің орталығы болған Отырар оазисі мен оған жақын жатқан өңірді зерттеу және мәдениеттің бастауын іздеу Сыр бойындағы кейінгі қола ғасыры мен сақ ескерткіштеріне апаратындығын атап көрсетті. Сырдарияның құрғап қалған сағалары Жаңадария мен Іңкәрдарияның бойындағы б.з.д. VIII-III ғасырлар аралығында қам кірпіштерден салынып, төбесін күмбездеп жапқан Түгіскен, Боланды 2, Шірікрабад, Бәбішмола 2 кесенелері ежелгі Қазақстан тұрғындарының қам кірпіш жасаудың техника-техналогиясын игерумен шектелмей олардан салтанаты ғұрыптық құрылыстар сал білгендігінің куәсі. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 201-202).

Өңірде жүргізілген зерттеу жұмыстары Қазақстан жерінде қала мәдениетінің қалыптасып дамуын зерттеуге жемісті жол ашатынын әбден көзі жеткен Кемал Ақышұлы 1970 ж. республика басшысы Д.А. Қонаевтің қабылдауына жазылды. Бірінші хатшымен екеуара сұхбаттың барысында Отырар мен Отырар маңындағы ескерткіштерде ұзақ жылға созылатын, жан-жақты зерттеу жұмыстарын жүргізуге қолдау алды (Есжан, Байсариева, 2012, с. 69). Сол жылы Қаз КСР ҒА президиумының 24 желтоқсандағы қаулысы бойынша Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы құрылды (Байпақов, 2012, с. 20). Экпедиция басшысы болып тағайындалған К.А. Ақышев Отырар экспедициясы бастаған зерттеулерді әрі қарай жалғастырып кетті. Аты айтып тұрғандай экспедиция тас дәуірінен бастап XVIII ғасырға дейінгі аралықтағы ескерткіштерді зерттеуді қамтыды. Сонымен қатар өңірдің суландыру жүйелері, нумизматика, палеоэтнография, палеозоология, палеоантропологиялық бағыттағы зерттеулер де жоспарланды.

Ұзақ жылдарға созылған тұрақты зерттеу нысаны болып Отырартөбе қалашығы және оның маңындағы ортағасырлық ескерткіштер белгіленді. Осы жылдардан бастап Отырар қазақстандық археологтарын практикалық тұрғыдан дайындайтын зертхана-ға айналды. XX ғ. 90-шы жылдарына дейін маман ретінде қалыптасқан Қазақстан археологтарының 90% (қандай дәуірмен айналысқанына қарамай) Отырартөбедегі қазбада тәжірибеден өтті. Бұл күнде өмірден өтіп кеткен Ә.Х. Марғұланнан бастап, А.Г. Максимова, Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, Т.Н. Сенигова, К.А. Акышев, М.Қ. Қадырбаев,

Х.А. Алпысбаев, Л.Б. Ерзакович, Ә. М. Оразбаев, Ю.И. Трифонов, С.М. Ақынжанов, В.А. Грошев, Б.Н. Нұрмұханбетов К.М. Байпақов секілді археологтар өздерінің маусымдық зерттеулерін осы Отырардан бастаған. Осы күнгі Қазақстан археологиясының еліміз бен алыс, жақын шет елдерге танымалы мамандары Н.П.Подушкин, Р.З. Бурнашева, С.Ж. Жолдасбаев, Н.О. Алдабергенов, Ж.Қ. Құрманқұлов, Т.В. Савелева, Т.В. Трифонова, Е.А. Смағұлов, Ә.А. Ақышев, К.Н. Бурханов, А.Н Подушкин, П. Қаратаев, М. Қожа, Д.А. Талеев, Д.А. Воякин секілді өкілдері өздерінің кәсіби тәжірибелерін К.А. Ақышевтың басшылығымен осы Отырардан бастаған. 1971 жылдан бастап Ш.Ш. Уалиханов атындағы тарих, археология және этнография институтының археология бөлімінің экспедициялары өздерінің маусымдық зерттеулерін Отырардағы қазбадан бастау дәстүрге айналды. Дәл осындай дәстүр жаңа ғасырдың басына дейін жалғасты. К.А. Ақышевтың жетекшілігімен басталған Отырар мен оның маңындағы Қостөбе, Көкмардан, Құйрықтөбе, Алтынтөбе секілді қалашықтардағы зерттеулер Қазақстан тарихының жаңа беттерін ашқан тамаша жетістіктерге жетті.

1976 жылы Ақышевтың Есік, Бесшатыр секілді сақ дәуірі қорымдарын жүргізілген қазбалардың нәтижелері мен Отырардың тарихи топографиясы мен мерзімделуін анықтау бағытында жүргізілген зерттеулердің жетістігін қамтыған «Ертедегі ескерткіштер елесі» атты қазақ тілінде жазылған тұңғыш монографиялық еңбегі жарық көрді. Қазақ тілді студенттердің стол үстінде жататын оқулығына айналған бұл кітаптың болғаны жайлы бұл күнде біреу білсе, біреу білмейді. Өкінішке орай ол кітаптың таралымы тым аз болды. Сол себепті көпшіліктің ол кітапқа қолы жете бермеді (Ақышев, 1976).

К.А. Ақышев басшылық еткен экспедиция (ОҚКАЭ) 1971-1976 жылдары аралығында Отырартөбенің XVI-XVIII ғасырларға жататын жоғарғы мәдени қабатының жеті гектарға жуық бөлігін қазды. Қазба барысында қаланың тұрғын үйлер құрылыстары мен олардың ішкі жобалары, құрылыс салу дәстүрі, қол өнерінің даму деңгейі, тұрғындардың әлеуметтік жағдайы жайлы көптеген құнды мәліметтер алынды. Зерттеу жұмыстарының нәтижелері көптеген ғылыми мақалалар мен «Позднесредневековый Отырар» атты ұжымдық монографияда тұжырымдалды (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981).

1981 жылы Алматыда Қазақстан мен Орта Азияның XIII-XVIII ғасырдағы қалалық мәдениетіне арналған одақтық деңгейдегі конференция өтті. Конференцияда Отырартөбенің кейінгі орта ғасырға жататын мәдени қабатында жүргізілген қазба жұмыстары нәтижелеріне жоғары баға берілді. Сонымен қатар кейінгі орта ғасыр археологиядағы жаңа бағыт ретінде мойындалды және осы саладағы алда атқарылатын міндеттер белгіленді. Кемал Ақышұлы осы конференцияда жасаған баяндамасында Қазақстанның ортағасырлық қалаларын зерттеудің маңызына ерекше тоқталды. Баяндамада автор Отырар мен оның маңындағы өңір ежелгі отырықшы, суғармалы егіншілік пен қала мәдениетінің орталығы болғаны және оның бастауын іздеу Сыр бойының ерте қола ғасыры мен сақ ескерткіштеріне алып баратыны жайлы тұжырымын тағы да қайталап айты (Есжан, Байсариева, 2012, б. 70-71).

Отырартөбенің жоғарғы құрылыс қабатында кең көлемде жүргізілген қазба жұмыстары орталық төбенің үштен бір бөлігін қамтыды. Кейінгі ортағасырлық құрылыс қабатының стратиграфиясы анықталды. Осы кезеңнің қабатын зерттеудің маңыздылығы Оңтүстік Қазақстан өңірінің Қазақ халқының этникалық тамыры мен

Қазақ мемлекеттігінің қалыптасуын анықтауда болды. Бірнеше жылдарға созылған археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелері негізінде жазылған монографияда кейінгі ортағасырлық қала өмірінің түрлі сипаттары, қала құрылысы, тұрғын үйлердің ішкі және сыртқы жобалары, қоғамдық құрылыстардың сәулеті сараланып, қаланың суғару жүйелерінің ерекшеліктері сипатталды. Сонымен қатар кейінгі ортағасырлық Отырар тұрғындарының тіршілік көзі болған егіншілік және саудамен қатар қолөнері өндірісінің сипатына да ерекше назар аударылған (Байпақов, 2014, с. 24-25).

Зерттеу жұмыстары Дешті қыпшақ, Сыр өңірі мен Жетісуда XVI-XVIII ғасырларда қалыптасқан күрделі саяси-экономикалық жағдайды сипаттайтын материалдар берді. Кітаптың арнайы бөлімі табылған тұрмыстық заттарды, соның ішінде қыш бұйымдарды талдауға арналды. Сырлы және сырланбаған керамика, олардың қолданылу мақсаты, өрнектерінің нақыштық және принциптік ерекшеліктері сипатталды. Қазбадан шыққан металдан, ағаштан, шыныдан, тастан жасалған бұйымдар мен зергерлік заттарға да түсініктеме берілді. Көмбеден табылған теңгелер мен бірге табылған теңге дайындауға арналған арнайы кесіктер Отырарда теңге соққан шеберхананың болғандығын анықтауға мүмкіндік берді. Қазба барысында ашылған тұрғын үй кешендері мен қоғамдық құрылыс орындарының сәулеткерлік сипаты, ішкі құрылыстарының салтанаты XVI-XVIII ғасырлар аралығында Отырарда мәдени өрлеудің қарқынды дамығанын көрсетті. Осындай сипаттаманы XVI ғасырдан бастап Қазақ хандығында саяси-экономикалық өрлеудің қарқынды жүргендігін баяндайтын жазба деректер де растайды.

К. Ақышұлы бастаған экспедиция Отырардағы зерттеулерін XIII-XV ғасырлар қабатын қазумен жалғастырды. Құрылыс қабатын тұтастай кең көлемде қазу әдісі қала кварталдары, тұрғын үй түрлері, қала құрылысының жобасы мен сипаты секілді түсініктермен астасып, қаланың тұтастай бір кезеңдегі топографиясын пайымдауға мүмкіндік берді. Зерттеу материалдары XIII-XV ғасырлар аралығындағы қала тіршілігінің даму динамикасын анықтауға жағдай жасады. Құмырашылардың шеберханалары орнында жүргізілген қазба жұмыстары ерекше қызығушылық туғызды. Қазба барысында алынған материалдар негізінде осы өңірдегі қыш ыдыстар өндірісінің даму деңгейі жайлы құнды мәліметтер алынды. Күйдірілген кірпіш өндірісі, металл өңдеу кәсібі, шыны жасау, зергерлік кәсіп жайлы да жаңа мәліметтер жиналды. Осы жылдар аралығындағы зерттеулер қорытындылары «Отырар XIII-XV ғ.» атты монографияда тұжырымдалды (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987).

Жалпы 1971-1993 жылдары аралығында Отырартөбеде жүргізілген зерттеулер барысында XIII – XVI және XVI – XVIII ғасырларға жататын тұрғын үйлер кварталдары, XIII ғ. соңы мен XIV ғасырдың басына жататын құмыра жасайтын шеберхана орны, кірпіш күйдірген пештер ашылып, XIII-XV ғасырлардың моншасы мен мұнаралы мешіттің орындары зерттелді. XII-XIII ғасырлардың екі моншасы мен XVI ғасырдағы жұма мешіттің орны да қазылды. Солардың көпшілігінде қатыру, қалпына келтіру жұмыстары жүргізіліп, олар өткен тарихымыздың белгісіз беттерінен айғақтайтын туристік нысандарға айналды.

Кемекеңнің Қазақстан ғылымын дамытуға, ұлттық археологиялық мектепті қалыптастыруға, археологиялық зерттеулер арқылы төл тарихымыздың белгісіз беттерін ашуға қосқан үлесін ескерген билік орындары 1997 жылы ол кісіні «Парасат» орденімен марапаттады. Өз аузынан естіген мәліметім бойынша орденді табыстаған елба-

сы Кемекеңе тапсырыс жасаған. Тапсырманың сипаты жаңа қалыптасқан Астананың тамырын негіздейтін археологиялық деректер табу болған. Бұрыннан өзінің жадында жүрген ойын президент қолдағанына қатты қуанған Ақышев іске жедел кірісіп кетті. Сол тапсырманы жүзеге асыру мақсатымен ол Сарыарқа археологиялық экспедициясын құрып, Нұра мен Есіл өңірінде археологиялық іздеу, барлау жұмыстарын бастап кетті. Сарыарқа даласына қатысты өзіне бұрыннан таныс жазба деректерді қайта қарап шықты. Сосын И.Р. Шангин жазбаларындағы Есіл өзенінің Ақмоланың батыс шетінен өтетін Қараөткел кешуін тауып алып, бір кезде Ә.Х. Марғұлан айтып кеткен Бұзық қалашығының (Марғұлан, 1978, б. 26) сол өткелге жақын маңнан іздеді. Көп ұзамай қаладан батысқа қарай 5 км жердегі Бұзық көлінің жағасында орналасқан ортағасырлық қалашықты тапты. Астананың бастауы болуға ескерткішті жақын маңнан тапқанына қатты қуанған К. Ақышұлы бастапқыда оны Ақжол деп атады. Кейіннен жазба деректер мәліметі мен жергілікті топонимикалық ерекшеліктерді ескере келіп, ескерткіштің атын Бозоқ деп өзгертті. К. Ақышевтың жетекшілігімен 1999-2003 жылдар аралығында жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесі Бозоқтың VIII-IX ғасырлардан XVI-XVIII ғасырлар дейін әуелі резиденция ретінде, сосын егіншілік, балық аулаған және керуен жолы бойындағы сауданы бақылаған қыпшақтардың мекеніне айналған. Ал XIV ғасырдан бастап Бозоқ Нұра мен Есіл өзендері аралығындағы исламданған қыпшақ элитасының рухани орталығына айналды (Акишев, Хабдулина, 2011, с. 5). 2004 жылы Бозоқтың басында өткен халықаралық семинар өткізілді. Ресей, Өзбекстан, Қырғызстан Қазақстанның белгілі ғалым археологтары қатысқан далалық семинарда Бозоқта жүргізілген қазбалардың нәтижелері тұжырымдалды. Семинар соңында қабылданған қаулыда X-XI ғасырлардан тіршілігін бастаған Бозоқ қалашығы еліміздің жас ордасы Астананың бастауы болғандығы негізделді.

Жетісу жеріндегі өзі зерттеген сақ, үйсін ескерткіштері мен оларға қатысты жазба деректерді саралай келе Кемал Ақышев Қазақстан жерінде мемлекеттіктің қалыптасу жолдары жайлы өзінің тұжырымын жасады. Қазақстан жеріндегі ерте феодалдық мемлекеттің қалыптасуы VI ғ. соңында құрылған Батыс Түрік қағанатынан басталады деген осы күнгі пікірге күмән келтіріп, осы туралы өзінің болжамын ұсынды. Жетісу өңірінде көп жылдардан бері жүргізген археологиялық зерттеулері нәтижелерін тұжырымдай келе Ақышев сақ дәуірінде қалыптаса бастаған таптық қоғам мен мемлекеттік құрылым үйсін патшалығы тұсында жанданған деп негіздейді.

Әдебиеттер тізімі

Акишев К.А. Ертедегі ескерткіштер елесі. – Алматы. Қазақстан, 1976.

Акишев К.А. Переспективы изучения позднесредневековых городов Казахстана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983.

Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (Этюды исследования). – Алматы, 2013. – 192 с.

Акишев К. А., Акишев А.А. Искусство саков Семиречья // Сквозь века. – М., «Знание», 1986.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. – Алма-Ата: «Наука», 1972. 216 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. – Алма-Ата, 1981.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. – Алма-Ата, 1987. – 265 с.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата,1963. – 298 с., таб.

Акышев К.А., Хабдулина М.К. Ежелгі Астана: Бозоқ қалашығы. – Астана, 2011. – 260 бет.

Байпаков К.М. Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. Мат-лы Междунар.науч.-прак. конф., посвящ. 40-летию работ Южно-Казахст. комплексной археолог. экспедиции. – Алматы, 2012. – С. 16-51.

Байпақов К.М. Учитель.... // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, повяшенный 90-летию со дня рождения вадающегося археолога К.А. Акишева. – Астана: Издательство «Сарыарка», 2014. – 736 с.

Есжан Е., Байсариева Г. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Отырарды зерттеу тарихынан // Древности Отрара и Отрарского оазиса, Казахстана и Евразии. Мат-лы междунар.науч.-прак. конф., посвящ. 40-летию работ Южно-Казахст. комплексной археолог. экспедиции. – Алматы, 2012. – С-67-73.

Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978.

Хабдулина М.К. Беззаветное служение археологии // Мабилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924-2003). – Астана, ЕНУ, 2004.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

О.А. Артюхова, Т.Б. Мамиров
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
O.A. Artukhova, T.B. Mamirov
Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
paleo_artuhova@mail.ru, tmamirov@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ КАМЕННОГО ВЕКА В МАНГЫСТАУ В 2018 г.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05135338).

Аннотация. В данной статье приводятся предварительные результаты полевых работ 2018 г. в Мангыстауской области. Археологические исследования, проведенные в 1965-1969 гг. Палеолитическим отрядом Мангышлакской комплексной экспедицией ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР под руководством А.Г. Медоева, выявили огромное количество памятников каменного века в хронологическом диапазоне от древнего палеолита до неолита. Близость Каспийского моря, имеющего сложную палеогеографическую историю, наличие неисчерпаемых ресурсов кремня – идеального сырья для изготовления каменных орудий, обусловили заселенность полуострова с начала человеческой истории и до наших дней. В результате полевых исследований были локализованы на местности и привязаны к географическим координатам пункты сбора коллекций, которые в настоящее время хранятся в КазНУ им. аль-Фараби и остаются необработанными и неопубликованными по настоящее время.

Ключевые слова: археология, культура, палеолит, неолит, стратиграфия, индустрия, коллекция.

2018 жылы Маңғыстаудағы тас ғасырын зерттеу бойынша археологиялық жұмыстардың нәтижелері

Түйін. Бұл мақалада Маңғыстау облысындағы 2018 жылғы дала жұмыстарының алдын ала нәтижелері келтірілген. 1965-1969 жылдары ҚазКСР ҒА Қ.И. Сәтбаев атындағы ГҒИ-ның Маңғышлақ кешенді экспедициясының А.Г. Медоевтің басшылығымен палеолит отряды жүргізген археологиялық зерттеулері ежелгі палеолит дәуірінен бастап неолит дәуіріне дейінгі көптеген хронологиялық ескерткіштерді ашты. Күрделі палеогеографиялық тарихы бар Каспий теңізінің жақындығы, тас құралдарын дайындауға арналған керемет шақпақтас сарқылмайтын ресурстарының болуы, түбектің адам тарихының басынан бастап бүгінгі күнге дейін қоныстануына себеп болды. Дала зерттеулерінің нәтижесінде жергілікті жерлерде оқшауланып, қазіргі уақытта ҚазҰУ-да сақталған коллекцияларды жинау пункттері географиялық координаттарға байланған, сондай-ақ қазіргі уақытта өңделмеген және жарияланбаған болып қала береді.

Түйін сөздер: археология, мәдениет, палеолит, неолит, стратиграфия, индустрия, коллекция.

Results of archaeological works on study of the monuments of the stone age in Mangystau in 2018

Annotation. This article presents the preliminary results of the field works in Mangystau region in 2018 year. Archaeological researches which conducted in 1965-1969 by the «Paleolithic detachment of Mangyshlak complex expedition of Institute of geological sciences named after K.I.Satpayev of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR under the leadership of A.G. Medoyev, revealed a huge number of Stone Age monuments in the chronological range from the ancient Paleolithic to the Neolithic. The proximity of the Caspian Sea, which has a complex paleogeographic history, the presence of inexhaustible resources of flint, an ideal raw material for the making of stone tools, determined the population of the peninsula from the beginning of human history to the present day. As a result of the field researches, were localized on the ground and tied to geographic coordinates the collection points, which are currently stored in the Kazakh National University named after al-Farabi and remain unprocessed and unpublished to the present.

Keywords: archeology, culture, Paleolithic, Neolithic, stratigraphy, industry, collection.

Каменный век Мангыстау, особенно его древний период, с палеолитическими культурами протолеваллуа-ашель, леваллуа-ашель I и II, Шахбагата I (поздний палеолит), Шахбагата II (эпипалеолит), стоянками Шахбагата (Шакпаката), Кумакапе, Султан-эпе, стал уже неотъемлемой частью учебников по истории и археологии Казахстана. В этом заслуга, прежде всего А.Г. Медоева, который на протяжении 1966-1969 гг. руководя Палеолитическим отрядом Мангышлакской комплексной экспедиции ИГН им. К.И.Сатпаева АН КазССР открыл десятки памятников плейстоценового и голоценового времени. По результатам проведенных работ, А.Г. Медоев сделал ряд культурно-хронологических обобщений, которые прочно вошли в казахстанскую и мировую историографию (Медоев, 1982; 1972; 1980).

К сожалению, в научный оборот было введено очень небольшое количество материала. Основная масса собранных в прошлом веке артефактов оставалась не обработанной, геоморфологическая привязка пунктов сбора представляла затруднения. В публикациях не были указаны и точные координаты местонахождений. После проработки архивных материалов А.Г.Медоева, хранящихся в архиве Института археологии им. А.Х. Маргулана, касающихся работ на полуострове Мангыстау, был составлен список памятников и пунктов сбора образцов каменных индустрий.

Основной задачей полевых работ в первый год выполнения грантовой темы была локализация памятников и пунктов сбора каменных артефактов на местности, определение их координат в системе глобального позиционирования.

Работы были сосредоточены на побережье залива Сарытас; в хребтах Каратау и Актау были сделаны рекогносцировочные маршруты.

Комплексы каменной индустрии, выявленные А.Г. Медоевым, локализованы на сравнительно небольшой площади к югу от залива Сарыташ (север полуострова Тупкараган) на плато, морских террасах и надпойменных террасах сухих долин Шакпаката и Кумакапе. В горной части Мангыстау были обследованы стоянки у родников Тущибек, Онды, Шаир и др., давшие многотысячные коллекции каменных артефактов эпохи мезолита и неолита.

Выделенные в долине Шакпакаты каменные индустрии, А.Г. Медоев связывает с различными геоморфологическими позициями. Так, по мнению исследователя, «Коллекции культуры протолеваллуа-ашель получены с двух основных местонахождений: русло безымянного лога с колодцем Шахбагата и фрагмент четвертой надпойменной террасы долины Шахбагатасай. Единичные, но очень представительные образцы извлечены из-под рыхлого чехла, прикрывающего здесь абразионную морскую поверхность» (Медоев, 1982, с. 17).

«Образцы леваллуа-ашеля I и II, Шахбагаты I и II залегают на древних береговых валах, морской абразионной террасе, третьей надпойменной террасе долины Шахбагатасай и частично на плато, а также ступенчатых склонах плато Тюбкараган» (Медоев, 1982, с. 17-18).

В последние годы существенно изменились представления о возрасте морских террас Каспия (Dolukhanov и др., 2009). Иначе выглядит и история возникновения и расселения первобытных гоминид и человека современного типа по земному шару.

Согласно полевым записям и схемам А.Г. Медоева, привязка пунктов сборов по азимуту и расстоянию шла от киоска и старого колодца в безымянном русле. Локализация киоска не представляет сложности, так как он является надземной частью мечети Шакпаката. Киоск реставрирован, но имеет прежнее (на период 1966-1969 гг.) основание.

Локализация колодца Шакпаката, представляла определенные сложности, так как в безымянном русле расположено три колодца. Согласно замерам на схемах, сопоставлениям со старыми фотоснимками и опросам местных жителей был установлен искомый колодец. Дальше по схемам были выяснены местоположения всех пунктов сбора А.Г. Медоева (рис. 1).

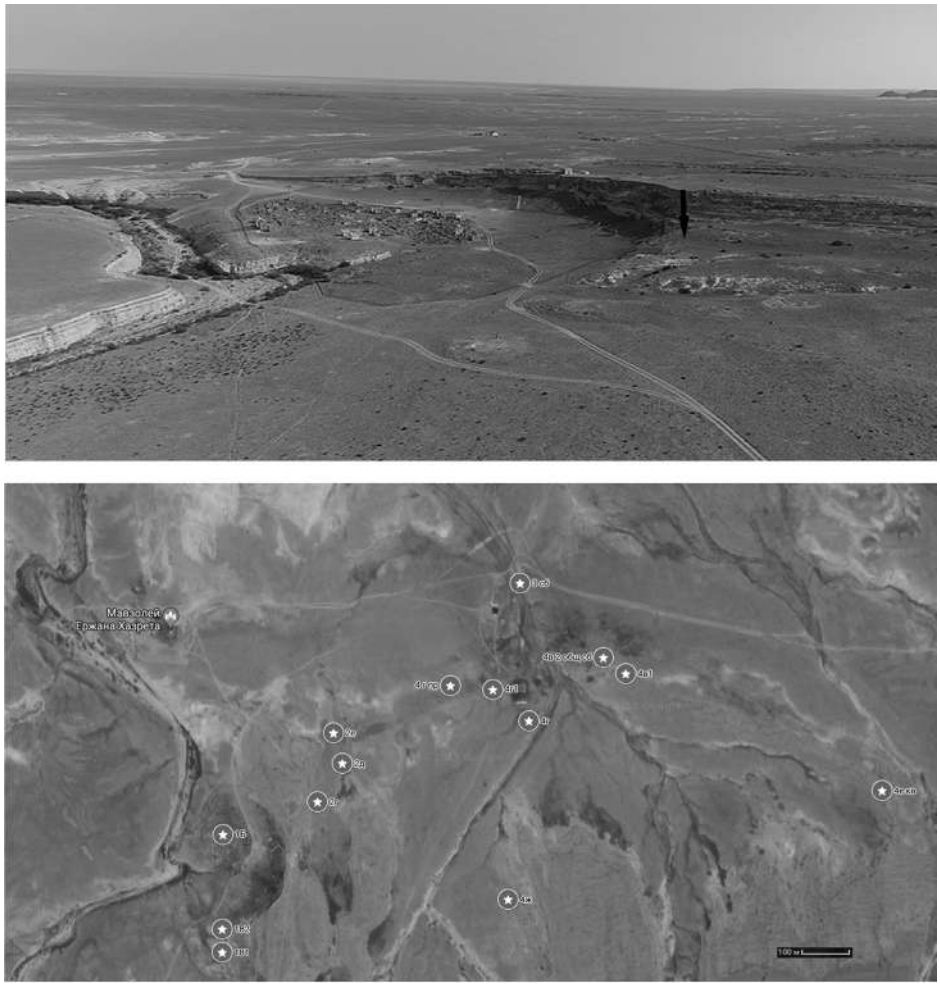


Рис. 1. Вид на пункты сбора каменных артефактов в долине Шакпакатасай и их локализация (по А.Г. Медоеву)

Пункт сбора 1, был определен в 191 м к востоку от колодца Шакпаката. Поверхность, на которой производились сборы, выровненная рыхлая. По Г.М. Потаповой – это аккумулятивная равнина, по А.Г. Медоеву – позднеплиоценовая терраса долины Шахпаката, в которой в рыхлых отложениях залегали ископаемые артефакты. Наши наблюдения говорят в пользу точки зрения Г.М. Потаповой, что это аккумулятивная равнина, которая была затапливаема водами раннехвалынского моря. Необходимо продолжить исследования этого пункта для уточнения геологического возраста поверхности.

Пункт сбора 2 расположен в 249 м к юго-востоку от колодца Шакпаката, поверхность та же, что и у предыдущей точки.

В пункте 3 А.Г. Медоевым сборы не проводились, но он указан как место концентрации палеолитических артефактов. Пункт расположен в 159 м на юго-восток от колодца Шакпаката. Геоморфологическое положение – мысовидный выступ между двумя рус-

лами, на низкой аккумулятивной (позднеплиоценовой?) террасе, перекрытой рыхлыми морскими осадками.

В пункте 4 были проведены сборы, он локализован в 201 м к югу от колодца Шакпаката. На поверхности много выходов сырья и артефактов.

В пункте 5 в 142 м к юго-западу от колодца Шакпаката, на левом борту сая с выходами кремневых конкреций, также обнаружено много артефактов.

Пункт 6 расположен в 190 м к юго-западу от колодца Шакпаката. Представляет собой небольшой холм с выходами сырья и артефактами.

Пункт 7 находится на наибольшем расстоянии от колодца Шакпаката к востоку, в 60 м к юго-востоку от точки 2 на правом берегу русла.

Восточнее пункта 7 находится плато, также с артефактами на поверхности.

Пункт 8, находится в 541 м к юго-западу от точки 2, на правой террасе русла к западу от мечети Шакпаката. Поверхность террасы рыхлая с с обломками кремня.

Следующие пункты сбора определялись от киоска мечети Шакпаката.

Пункты 1а, 2а и 3а расположены на краю плато к северу от киоска.

Еще одна группа палеолитических комплексов расположена юго-западнее киоска на террасах, геоморфологически ниже уровня плато.

Пункт 1б расположен на низине между подземной мечетью и кладбищем. Поверхность террасы полностью изменена антропогенной деятельностью. В настоящее время артефакты перемешаны с обломочным материалом, использовавшимся для реконструкций надмогильных сооружений на территории кладбища.

Пункт 2б находится в 152 м к западу от киоска, в настоящее время – в центре кладбища:

Пункты 3б и 4б расположены в 220-260 м к юго-западу от киоска на пологом участке очень денудированной второй террасовой поверхности, падающей в сторону лога.

На первой аккумулятивной надпойменной террасе с абсолютной высотой поверхности 0 м, был заложен шурф для выявления стратиграфии и ископаемых артефактов. В шурфе выявлены отложения:

1 слой – 0-30 см – супесь палево-серая карбонатная рыхлая, насыщенная обломками кремня, среди которых встречаются артефакты – нуклеус, краевые и полукраевые отщепы, осколки и обломки;

2 слой – 30-70 см – супесь карбонатная желтовато-серого цвета с мелкими обломками известняка и редкими обломками кремня;

3 слой – 70-100 см – кремнистый прослой, содержщий крупные обломки и целые конкреции.

Другое направление работ – локализация памятников неолитического времени, открытых А.Г. Медоевым вдоль хребтов Западный и Восточный Каратау. Практически все крупные стоянки, такие как Шаир, Онды, Тущибек 1, привязаны к крупным родникам или целому каскаду родников, вокруг которых в настоящее время выросли крупные поселки.

Таким образом, стоянки, вдоль подножий хребтов Каратау с наличием большого количества подъемного материала (нуклеусы, скребки, пластины с ретушью, проколки и др.) в настоящее время являются аварийными. На них были сделаны выборочные сборы и констатирована потеря этих археологических объектов как памятников.

Еще одна группа местонахождений, таких как Косбулак, Акмыш, Жаксытамды, Жамантамды, также привязанны к родникам. Данные объекты менее подвержены антропогенному воздействию, однако находки на них единичны, здесь были временные стоянки охотников.

Список литературы

Медоев А.Г. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука. – 1972. – С. 139-153.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 174 с.

Медоев А.Г. Проблемы палеолита Казахстана (начальный этап) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 161-162.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. – 64 с.

Dolukhanov P.M., Chepalyga A.L., Shkatova V.K. and Lavrentiev N.V. Late Quaternary Caspian: Sea-Levels, Environments and Human Settlement // The Open Geography Journal. – 2009. – № 2. – P. 1-15.

О.А. Артюхова, Т.Б. Мамиров
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
O.A. Artukhova, T.B. Mamirov
Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
paleo_artuhova@mail.ru, tmamirov@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНОК УЛКЕН ЖЕЗДЫ И ТОКТАУЛ В УЛЫТАУ В 2018 г.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта BR05236565).

Аннотация. Продолжается изучение стратифицированных памятников каменного века в Центральном Казахстане – палеолитического местонахождения Улкен Жезды и голоценовой родниковой стоянки Токтаул, на которой присутствуют комплексы артефактов от мезолита до энеолита. Стоянка Токтаул функционировала в течение всего голоцена, что уникально для родниковой стоянки в аридных условиях Казахского мелкосопочника. Стоянки каменного века в погребенном состоянии в Сарыарке встречаются крайне редко. Комплексное исследование стоянки Улкен Жезды позволяет закрыть значительный пробел в наших знаниях о заселении Центрального Казахстана человеком современного типа, системах жизнеобеспечения, эволюции культур каменного века в этом аридном регионе в центре Евразии. Междисциплинарный подход к их исследованию открывает новые перспективы в развитии первобытной археологии Казахстана.

Ключевые слова: археология, каменный век, палеолит, неолит, стоянка, стратиграфия, каменные артефакты.

2018 жылы Ұлытаудағы Үлкен Жезді және Тоқтауыл тұрақтарын зерттеулері

Түйін. Орталық Қазақстандағы тас дәуірінің стратификацияланған ескерткіштерің зерттелері жалғасуда – палеолитикалық Үлкен Жезді және мезолиттен энеолитке дейінгі артефактілер кешені бар голоцендік бұлақты тұрақ Тоқтауыл. Тоқтауыл тұрағы голоцен бойы қолданылды, бұл Сарыарқа аридті жағдайындағы бұлақты тұрақтар үшін бірегей. Мәдени қабаты бар тас ғасыры тұрақтар Сарыарқада өте сирек кездеседі. Үлкен Жезді тұрағын кешенді зерттеу Еуразияның орталығында осы аридті аймақта тас ғасыры мәдениетінің эволюциясы, өмір тіршілігін қамтамасыз ету жүйелері, орталық Қазақстанның қоныстануы туралы біздің білімдерімізде айтарлықтай олқылықтарды жабуға мүмкіндік береді. Казақстан археологиясының алғашқы қауымының дамуында пәнаралық көзқарас және оларды зерттеу жаңа перспективалар ашады.

Түйін сөздер: археология, тас ғасыры, палеолит, неолит, тұрақ, стратиграфия, тас артефактілер.

Researche of the sites Ulken Zhezdi and Toktaul in Ulytau in 2018

Annotation. The studies of stratified monuments of Stone Age in Central Kazakhstan are continuing. The Paleolithic location of Ulken Zhezdy and the Holocene site Toktaul are contain complexes of artifact from Mesolithic to Eneolithic. The site Toktaul was functioned over all of the Holocene, which is unique for the arid conditions of the Kazakh Uplands. The stratified monuments of the Stone Age are extremely rare in Saryarka. A comprehensive study of the site Ulken Zhezdy makes it possible to close a significant gap in our knowledge about of the population of Central Kazakhstan by a human, a life support systems, and the evolution of Stone Age cultures in this arid region in the center of Eurasia. An interdisciplinary researches opens up new perspectives in the development of primitive archeology of Kazakhstan.

Keywords: Archeology, Stone Age, Paleolithic, Neolithic, site, stratigraphy, stone artifacts.

В 2018 г. ИА им. А.Х. Маргулана были продолжены работы на стратифицированных памятниках каменного века Улкен Жезды и Токтаул в микрорайоне Талдысай Улытауского района Карагандинской области РК.

Стратифицированная стоянка эпохи палеолита Улкен Жезды расположена в месте слияния истоков реки Жезды – Улкен Жезды и Бала-Жезды. История изучения этого памятника в 2012-2017 гг. и предварительные результаты изложены в предыдущем сборнике «Маргулановских чтений» (Артюхова, Мамиров, 2018а).

Напомним, что на этом местонахождении были раскопаны кости крупных млекопитающих (первобытного тура, сайги и др.), и «клад» каменных артефактов палеолитического облика, содержащий скребла различных типов, два целых бифасиально обработанных наконечника копий или дротиков, немногочисленные скребки различных модификаций, разнообразные зубчато-выемчатые изделия и т.д. Артефакты были сконцентрированы на глубине 1,1 м в отложениях аккумулятивной надпойменной террасы. Их связь с фаунистическими остатками не прослеживается. Появилась острая необходимость получения датировок «клада» и остатков фауны естественнонаучными методами.

Проблемы датировки заключаются в том, что долина р. Жезды была заложена в дочетвертичное время и заполнена мел-палеогеновыми, неогеновыми и четвертичными отложениями, в которые врезаны современные русла водотоков. Голоценовые и верхнечетвертичные отложения в изучаемом месте маломощные, контакт их с нижележащими неогеновыми отложениями визуально не прослеживается. Спорово-пыльцевой анализ отложений, проведенный специалистами ИГН им. К.И. Сатпаева НАН РК, результатов не принес.

Перед началом раскопочных работ были зачищены отвалы у стены и дно прошлогоднего раскопа.

В отвале было выявлено 45 каменных артефактов, восемь костных остатков и один фрагмент керамики. Среди каменных артефактов можно выделить следующие орудия: нож с обушком на техническом сколе, скребок высокой формы на проксимальном фрагменте массивного скола, отщепы с ретушью, скребла и др. Фрагменты кости мелкие, плохо диагностируемые. Эти предметы явно попали отвал из верхнего, энеолитического слоя.

В отчетный период раскоп прошлых лет был увеличен в западном и северном направлениях с целью получения более представительных разрезов.

Стратиграфия отложений террасы на участке местонахождения Улкен Жезды неоднозначна. В разрезе четко видно падение напластований к югу, очевидно, местонахождение было приурочено к погребенному руслу, которое до раскопок практически не читалось на поверхности террасы. По всей площади раскопа прослеживается несколько прослоев из прокаленного суглинка, перекрытых золой и сажистыми образованиями. Прослои сильно изогнуты, очевидно, фиксируют древнюю дневную поверхность террасы (рис. 1). Возможно, именно в этом месте Бала Жезды раньше впадала в Улкен Жезды.

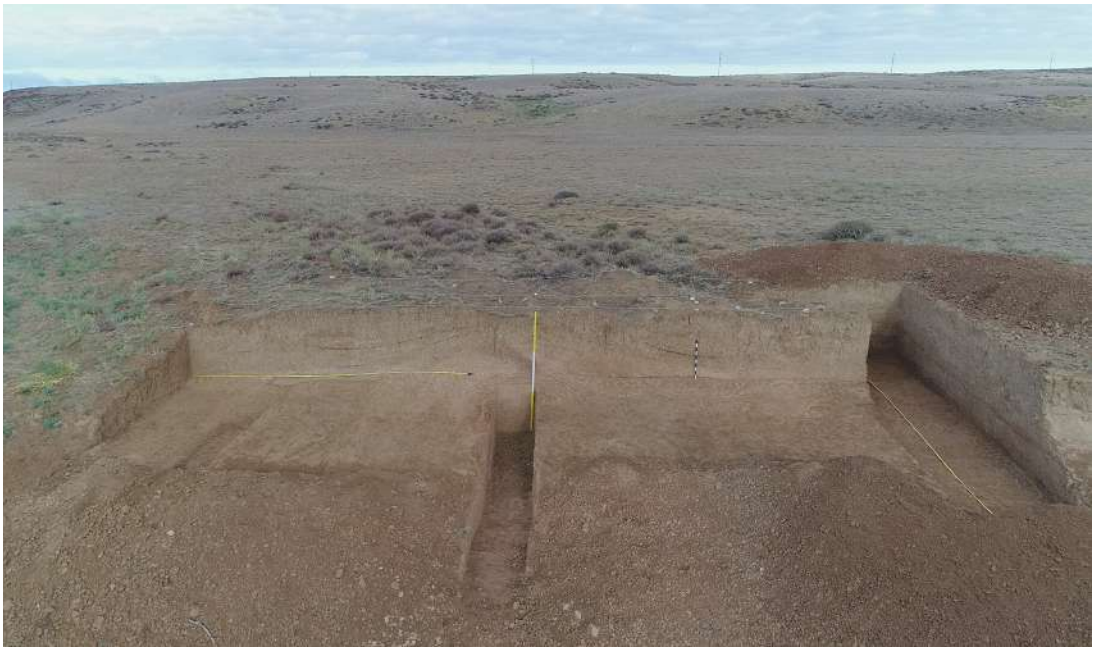


Рис. 1. Местонахождение Улкен Жезды, раскоп 2018 г.

Анализ на С14 угольков из наиболее мощного верхнего прокаленного прослоя, проведенный в Институте Анализа Акселератора (Япония) в 2018 г., показал калиброванный возраст 5420-5321 cal B.P. (62.2%). Скопления каменных артефактов 2014 и 2015 гг. были выявлены ниже этого прослоя.

В 2018 г. были отобраны образцы на радиоуглеродный анализ из других прокаленных прослоев. Самый нижний образец взят из северной стенки на глубине 215 см от дневной поверхности. Также были отобраны серии образцов на ОСЛ-датирование (оптически стимулируемое датирование) в диапазоне глубин 130-135 см и 200 см.

Для уточнения стратиграфии слагающих террасу отложений и их дополнительного изучения была заложена поперечная траншея длиной 6 м, шириной 1 м и глубиной 1,3 м от дна раскопа.

Артефакты, выявленные при раскопках в 2018 г., представлены невыразительными мелкими осколками и чешуйками, осколками костей. Они сосредоточены преимущественно в почвенном слое до глубины 20-25 см.

Улкен Жезды является уникальным для Центрального Казахстана погребенным памятником. Артефакты, залегающие в отложениях террасы на глубине 1,2-1,3 м по технико-типологическим характеристикам относятся к позднему палеолиту с сильным архаичным (мустьерским) компонентом, что сближает их с поздними сериями комплекса стоянок Семизбугу в Северном Прибалхашье (Артюхова, 2013). В настоящее время проводится анализ образцов, отобранных для получения радиокарбоновых и ОСЛ датировок.

Каменные артефакты, собранные на поверхности террасы, нарушенной в процессе земледельческого ее использования и разрушения культурного слоя, а также в современном почвенном слое, в технико-типологическом плане близки памятникам энеолита Центрального Казахстана и Тургая.

Еще одним объектом исследования стала многослойная голоценовая стоянка Токтаул. Стоянка приурочена к роднику в верхней части межсопочной седловины и функционировала в течение всего голоцена, что уникально для родниковой стоянки в аридных условиях Казахского мелкосопочника.

Стоянка раскапывалась в 2002-2012 гг. (Артюхова, Мамиров, 2016; 2017).

К 2018 г. площадь раскопа составляла 512 м^2. Раскопки проводились по квадратам 2×2 м с оставлением бровок, которые были сохранены на случай применения новых видов естественнонаучных анализов определения вмещающих пород и до сих пор читаются на дневной поверхности. Было получено более 70000 каменных артефактов, более 5000 фрагментов костей животных различных размеров и сохранности (Артюхова, Мамиров, 2018б).

Исследование памятника проводилось комплексно, с привлечением специалистов по естественнонаучным дисциплинам.

Палеозоологический анализ костных остатков проводили к.б.н. Л.А. Тютькова (Тютькова, 2013), к.б.н. П.А. Косинцев (Косинцев, 2013), Л.Л. Гайдученко (Гайдученко, 2013).

Геологию и геоморфологию изучала группа ученых под руководством д.г.-м. наук Б.Ж. Аубекерова (Аубекеров и др., 2007).

Спорово-пыльцевой анализ проводила д.г.-м. наук С.А. Нигматова (Нигматова, 2013).

Современные и ископаемые почвы на памятнике изучал к.б.н. Д.А. Гаврилов (Гаврилов и др., 2013).

В 2018 г. на памятнике была заложена канава шириной 1 м в направлении С-Ю для уточнения геоморфологии и стратиграфии памятника (рис. 1, 2). Было пройдено 34 м^2, глубиной от 40 до 68 см. Раскопки велись послойно, по 10 см, с просеиванием грунта через сито.

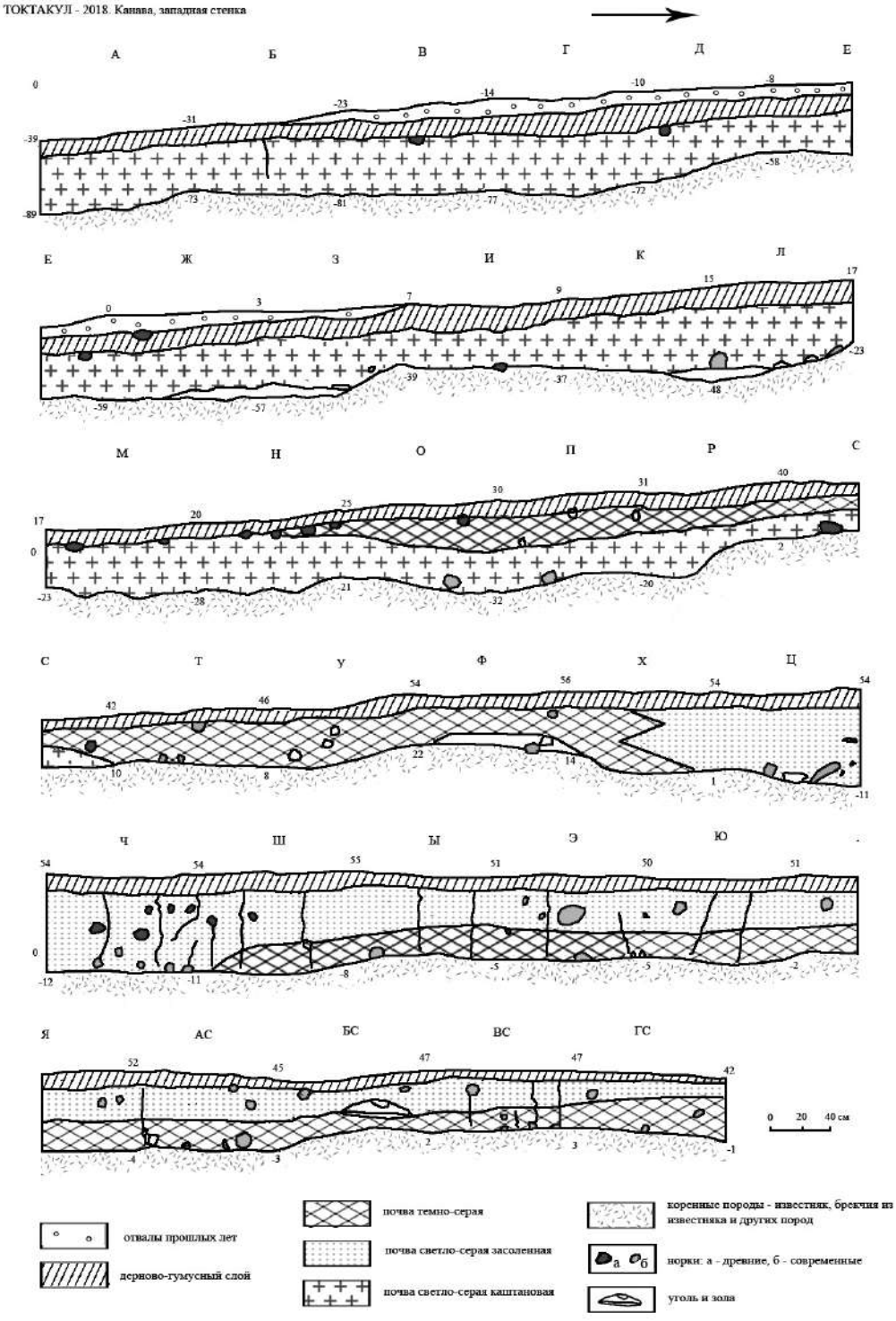


Рис. 2. Стоянка Токтаул, стратиграфия раскопа 2018 г.

Рис. 3. Стоянка Токтаул, раскоп 2018 г.

Выяснилось, что рыхлые отложения нивелировали выступающий рельеф коренных пород, образующих кольцо вокруг родника. Ранее это незначительное поднятие трактовалось как фитогенный бугор (Аубекеров и др., 2007). Выявлена и резкая граница между распространением каштановой почвы и сероземом.

В ходе раскопок было обнаружено 3843 каменных артефактов (из них 177 орудий и нуклеусов), около 200 костных остатков и 3-4 мелких фрагмента керамики.

Канава вскрыла три тафономические зоны:

а) вниз по склону к югу от выступа коренных пород (протяженность 16 м^2, кв. А-Р). Здесь развита светло-серо-каштановая почва, мощность рыхлых отложений от 50 до 65 см. Поверхность выглядит не нарушенной хозяйственной деятельностью человека. Находки здесь немногочисленны: от 16 до 40 каменных изделий на м^2. Кости животных единичны, но имеют неплохую сохранность. Здесь же найден один незначительный фрагмент керамики. Материковая карбонатная порода плотная очень светлая желтовато-серого цвета;

б) на поверхности выступа коренных пород (протяженность 4 м^2, кв. С-Ф). Мощность рыхлых отложений от 32 до 38 см. Количество находок от 31 до 58 экз. на 1 м^2. Материковые отложения состоят из обломков разного размера, заполненных скрепленными известковыми отложениями;

в) от выступа коренных пород на север, к роднику наблюдается незначительный уклон поверхности, маскирующий четко выраженный уступ коренных пород. На этом участке пройдено 12 м^2. В разрезе прослеживается увеличение мощности рыхлых отложений. Удалось проследить, как в кв. Н на светло-серо-каштановую почву накладывается темно-серая почва и полностью замещает ее в кв. С. Далее к северу в кв. Х

происходит полное замещение темно-серого почвенного слоя светло-серым засоленным. Ближе к роднику, в кв. Ч вновь появляется темно-серый почвенный слой, но уже в погребенном состоянии. В квадрате Ш материковый слой становится рыхлым и приобретает серовато-рыжий цвет. На порядок возрастает количество археологических остатков – до 458 экз. на 1 м^2.

По глубинам находки распределены следующим образом:

В дерновом слое (0-10 см) было обнаружено 195 артефактов, из которых орудий 12 экз.: концевой скребок на пластине со скошенным лезвием, скребок со стрельчатым лезвием, скребки на отщепах (целые и фрагментированные), заготовки и фрагменты наконечников стрел и дротиков и полукраевой скол с ретушью (рис. 4, *1, 5, 7-9, 11*). Техника первичного раскалывания представлена заготовкой нуклеуса с подготовленной ударной площадкой, двумя техническими сколами. Остальные артефакты – это целые отщепы (41 экз.), целые и фрагментированные пластины (21 экз.). В дерновом слое встречены также плохо диагностируемые костные остатки, остатки зуба и небольшой фрагмент керамики.

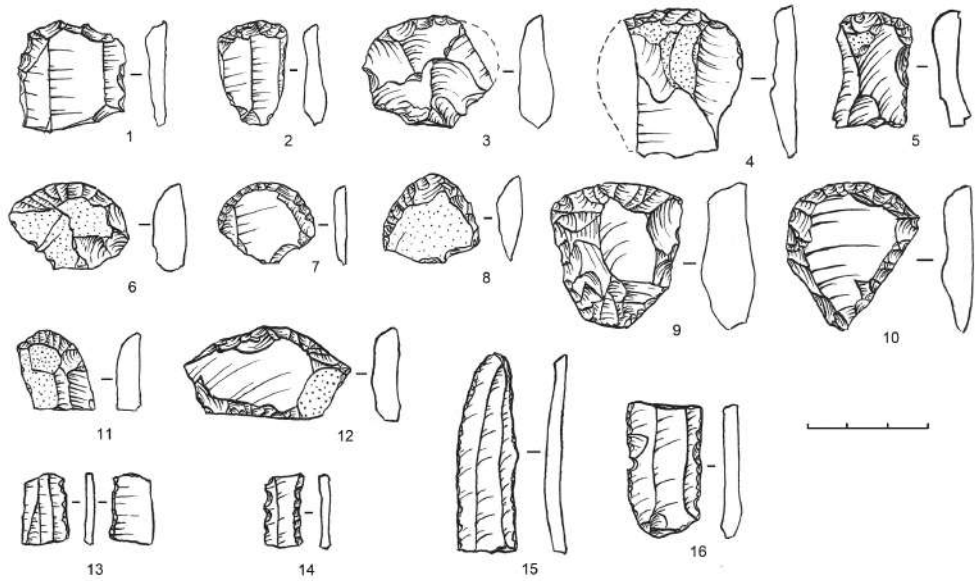


Рис. 4. Стоянка Токтаул, каменные артефакты (глубина 0-20 см)

В верхней части почвы, на глубине 10-20 см выявлен 461 каменный артефакт, костные остатки, два фрагмента керамики, одна металлическая подвеска этнографического времени. К орудиям отнесены 26 предметов: скребки из отщепов, концевые скребки на пластинах, целые и фрагментированные бифасиальные наконечники стрел и дротиков, фрагмент скребла на отщепе, фрагменты пластин с ретушью по краям (рис. 4, *2,-4, 6, 12-16*). Диагностируемые артефакты: нуклеус, 19 технических сколов, целые отщепы (103 экз.), целые и фрагментированные пластины (92 экз.). Остальные 220 предметов – обломки породы, плохо диагностируемые осколки отщепов.

В середине почвенного слоя (на глубине 20-30 см) содержится больше каменных артефактов – 914 экз., фрагменты костей животных, один фрагмент керамики. Орудия (43 экз.) (рис. 5): скребки из отщепов, концевой скребок на пластине со скошенным лезвием, целые и фрагментированные бифасиальные наконечники стрел и дротиков, целые и фрагментированные скребла, фрагменты пластин с ретушью по краям (одна из них – фрагмент геометрического микролита – «трапеции»), угловой резец на пластине, острие, отщепы с ретушью плохо диагностируемые. О технике раскалывания можно судить по нуклеусам (4 экз.). Они односторонние одноплощадочные для получения пластин. Присутствуют и технические сколы (23 экз.). Заготовки без вторичной обработки: целые отщепы (185 экз.), целые и фрагментированные пластины (141 экз.).

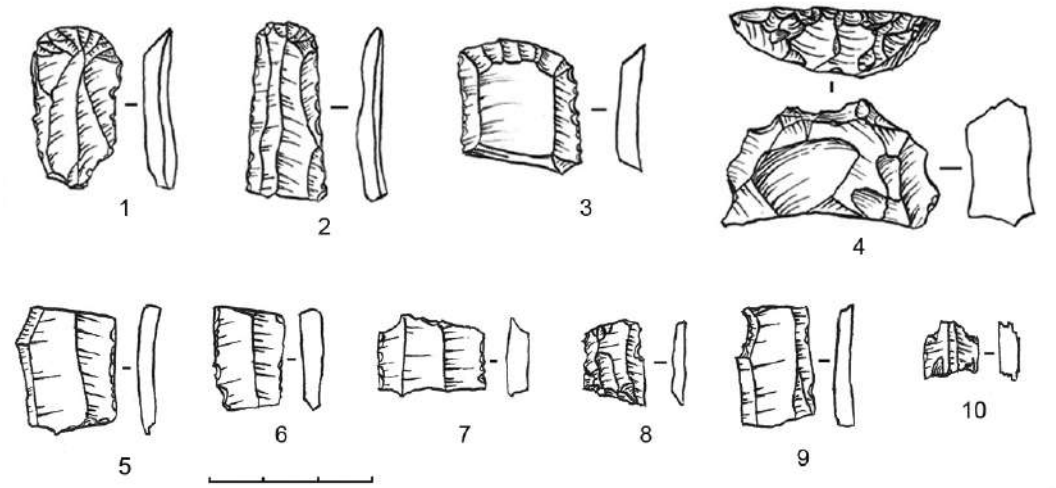


Рис. 5. Стоянка Токтаул, каменные артефакты (глубина 20-30 см)

На глубине 30-40 см, преимущественно в погребенной почве, выявлено 1133 каменных артефакта, раздробленные кости животных, два фрагмента керамики. Орудия более многочисленны (54 экз.) (рис. 6-7): концевые скребки на пластинах, целые и фрагментированные бифасиальные наконечники стрел и дротиков, ножевидные орудия, фрагменты скребел, зубчато-выемчатые орудия на отщепах, фрагменты пластин с ретушью по краям, массивное острие на фрагменте полукраевого скола, острие на пластине, обломки орудий на отщепах. Нуклеусов (5 экз.), среди них выделяется нуклеус-лекало для снятия отщепов из трещиноватого кремнистого сырья. Технических сколов 39 экз. Целых отщепов без вторичной обработки – 224 экз., целых и фрагментированных пластин – 167 экз. Остальные экземпляры – невыразительные осколки отщепов и обломки горных пород.

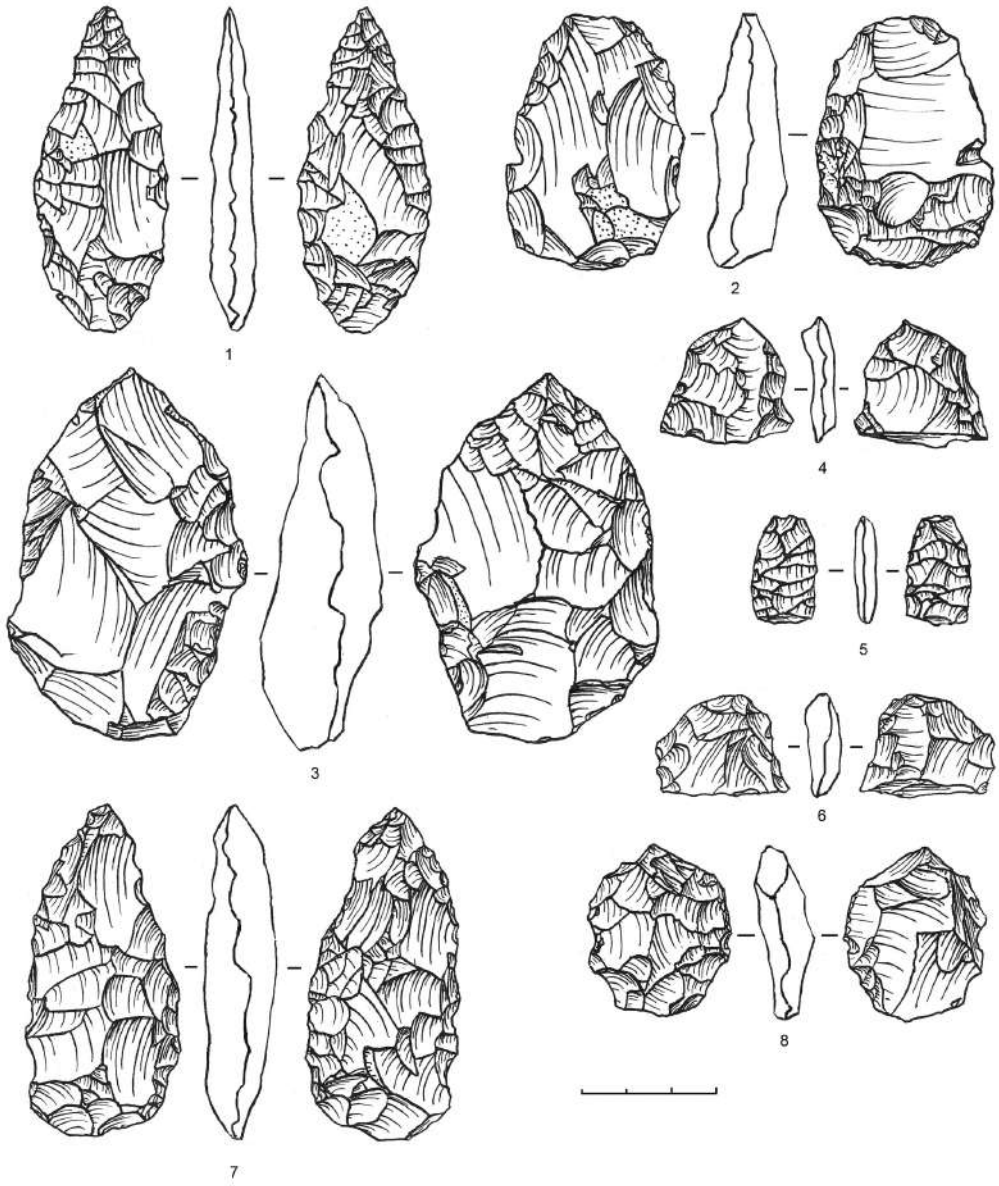


Рис. 6. Стоянка Токтаул, каменные артефакты (глубина 30-40 см)

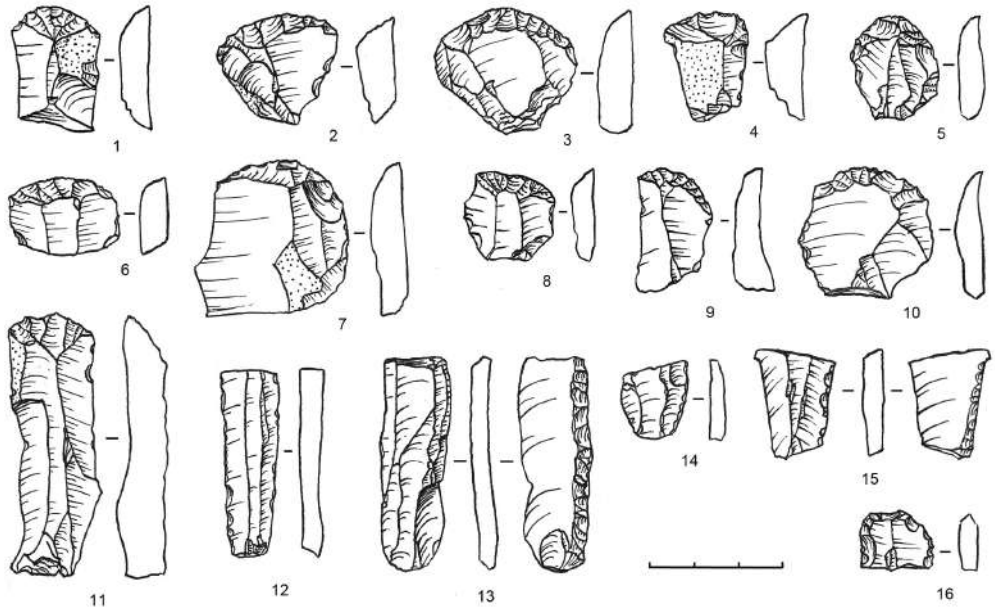


Рис. 7. Стоянка Токтаул, каменные артефакты (глубина 30-40 см)

В нижней части погребенной почвы (40-50 см) выявлено 798 каменных артефактов, обломки костей животных. Орудия (25 экз.): скребки на отщепах, концевые скребки на пластинах, скребок высокой формы на нуклевидном обломке, скребла на отщепах и техническом сколе с призматического нуклеуса, фрагменты пластин с ретушью по краям, фрагмент бифасиального наконечника стрелы с выемчатым основанием и отщепы с ретушью (рис. 8, *2-4, 6-8, 12-14*). Техника первичного раскалывания представлена нуклеусами (7 экз.) среди которых нуклеус из валуна овальной формы со снятыми во встречных направлениях сколами, фрагмент призматического нуклеуса с частью фронта, техническими сколами (23 экз.). Сколы-заготовки: целые отщепы (150 экз.) и целые и фрагментированные пластины (115 экз.).

В слабо выраженных углублениях, в коренных отложениях на глубине 50-60 см содержались 328 каменных артефактов. Среди них 14 орудий (рис. 9*, 9-11*): выпуклое боковое скребло на отщепе, двойной скребок на фрагменте пластины с ретушью крутой в нижней части и пологой в верхней, обломок скребка со стрельчатым лезвием, фрагменты бифасиальных изделий, зубчато-выемчатые орудия, фрагменты пластин с ретушью, угловой резец на пластине и двойной скребок на отщепе. Кроме орудий, в этом интервале глубин имеются два нуклеуса, четыре технических скола, 71 целый отщеп. 67 целых и фрагментированных пластин.

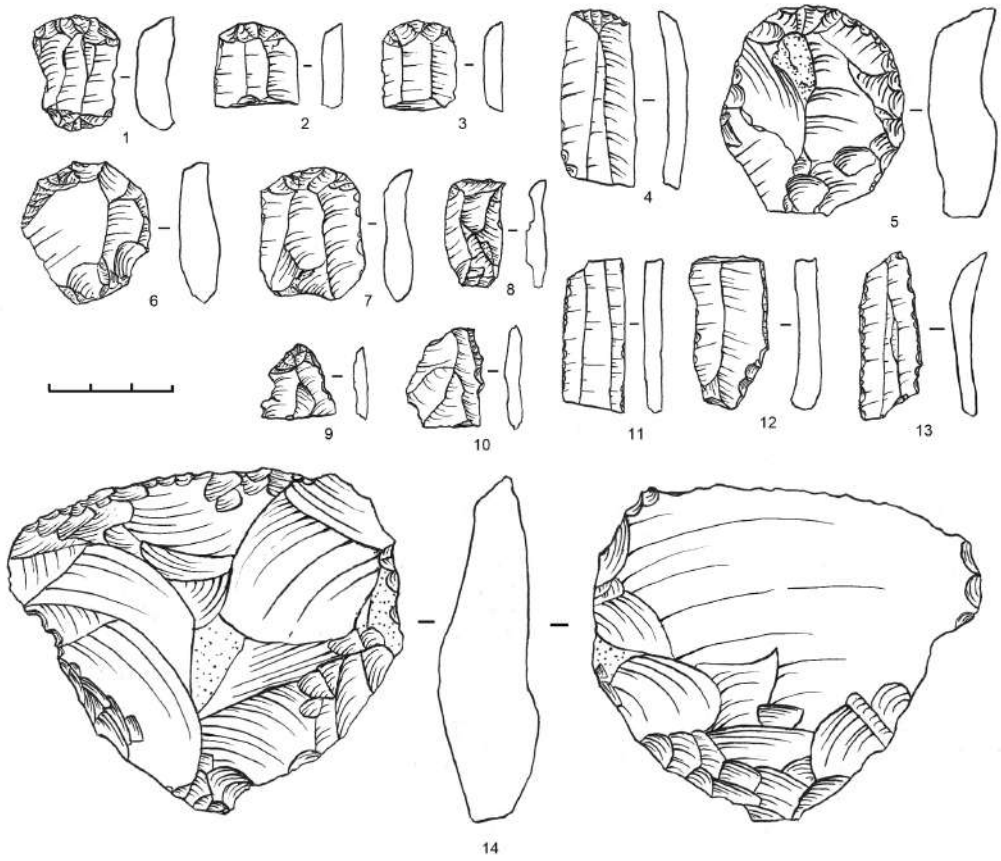


Рис. 8. Стоянка Токтаул, каменные артефакты (глубина 40-55 см)

При зачистке дна раскопа на глубине 60-70 см выявлено 11 каменных артефактов. Среди них четыре орудия, два целых отщепа и пять осколков. Орудия: скребок на отщепе с вогнутым поперечным лезвием, скребок на обломке массивного отщепа, обломок скребка на отщепе с полукрутой параллельной ретушью на дистале, острие на дистальном фрагменте пластины с лицевой ретушью по краям.

К северу от канавы заложен шурф глубиной 1,4 м. Вскрыты следующие отожения:

1 – дерн мощностью 7-8 см;

2 – гумусированный почвенный темно-серый слой с необработанными обломками кремнистого песчаника мощностью 15-16 см;

3 – прослой темно-бурого ожелезненного гумусированного глинистого мергеля с обломками кремнистого песчаника, мощностью до 10 см;

4 – светло-серый известковый мергель, переслаивающийся с коричневыми ожелезненными глинистыми образованиями мощностью около 60 см;

5 – прослойка белого известкового мергеля мощностью около 5 см;

6 – темно-бурый ожелезненный известковый мергель мощностью до 30 см;

7 – коренные породы – известковая брекчия.

Ожелезнение отложений показывает, что эта зона подвергалась регулярным сезонным подтоплениям родниковыми водами.

Данный шурф показал, что в непосредственной близости к роднику уменьшается мощность рыхлых отложений, против ожидания близко к поверхности подходят коренные породы, вместе с тем насыщенность культурного слоя артефактами очень велика.

В результате исследований 2018 г. удалось обосновать выявление на памятнике нескольких зон обитания, различающихся планиграфически и стратиграфически.

Наиболее ранние и немногочисленные (мезолитические) артефакты фиксируются за пределами кольца из известняковых пород (травертинов?) в низах светлой серо-каштановой почвы, а также в нижней части погребенной темно-серой почвы внутри этого кольца. Кроме различных скребков и пластин с ретушью, здесь встречаются боковые скребла, резцы, острия на пластинах.

В эпоху неолита освоение окрестностей родника было наиболее интенсивным. К этому времени относится больше половины всех каменных артефактов, полученных в 2018 г. Они приурочены, преимущественно, к средней части серо-каштановой почвы за пределами кольца, к глубинам 30-50 см. Очевидно, в эпоху климатического оптимума голоцена родниковые воды заполняли понижение, ограниченное кольцом из карбонатных отложений. Хозяйственная деятельность была сосредоточена за его пределами, на суше. Среди орудий доминируют скребки на отщепах и пластинах, пластинки с ретушью (вкладыши), резцы, бифасиальные изделия.

Третий период связан с энеолитическим временем. Артефакты этого периода сосредоточены вблизи современного родника на глубине до 30 см. От изделий предыдущих эпох они отличаются худшим качеством сырья, преимущественно местного (кремнистые алевролиты и аргиллиты), более крупными размерами, большим количеством отходов – обломков и осколков. Среди орудий доминируют скребки на отщепах (концевые скребки на пластинах немногочисленны), целые и фрагментированные бифасиальные наконечники стрел и дротиков. Весте с артефактами изредка встречаются кусочки руды.

В дерновом слое повсеместно встречаются предметы, связанные с этнографическим временем и современностью.

Применение междисциплинарного подхода к изучению памятников каменного века в Центральном Казахстане позволяет получить ценные научные данные о начале человеческой истории на территории нашей страны.

Список литературы

Артюхова О.А. Мустье Центрального Казахстана. – Алматы, 2013. – 2016 с.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Стоянка Токтаул как уникальный памятник каменного века Центрального Казахстана // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Выпуск 5. – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2016 – 309 с. – С. 165-171.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Каменный век Улытау в исследованиях ЦКАЭ в 2001-2012 гг. // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археоло-

гической экспедиции Академии наук Казахстана. – Т.2. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 27-32.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Исследования палеолитического местонахождения Улкен Жезды в Центральном Казахстане // Сборник Материалов Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие» (19-20 апреля 2018 года). – Алматы-Актобе, 2018а. – С. 52-61.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Исследования памятников каменного века в верховьях р. Жезды // Роль музеев в реализации программы «Рухани жаңғыру». – Жезказган, 2018б. – С. 69-74.

Аубекеров Б.Ж., Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Нигматова С.А., Кузнецова Л.Л., Перевозов С.В. Геоморфологические условия и история родника Токтаул (в Центральном Казахстане) // Проблемы экологической геоморфологии: Материалы Международной научно-практической конференции «IV Жандаевские чтения» 2007 г. – Алматы: Казак университети, 2007. – С. 78-82.

Гаврилов Д.А., Гольева А.А., Орлова Л.А. Почвенно-археологическое исследование стоянки Токтаул (Центральный Казахстан) // Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. – С. 90-102.

Гайдученко Л.Л. Остеологические материалы стоянки Токтаул (предварительное сообщение) // Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. – С. 83-89.

Косинцев П.А. Результаты определения костей. Токтаул // Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. – С.73-82.

Нигматова С.А. Палинологический анализ. Токтаул. Талдысай // Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. – С. 103-112.

Тютькова Л.А. Палеозоологическое заключение по стоянке Токтаул // Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. – С. 43-72.

В.В. Варфоломеев
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан
V.V. Varfolomeyev
E. A. Buketov Karaganda State University
Karaganda, Kazakhstan
vicvarfolomeev@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЯ ТАЛДИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работа выполнена в рамках гранта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан AP05131853 «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)».

Аннотация. В 2018 г. по проекту AP05131853 «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)» проводились исследования поселений в Талдинском археологическом микрорайоне на территории Шетского района Карагандинской области. Изучались поселения эпохи поздней бронзы Аккезен, Ажар, Ажар 2, Саурамбай, Шокпартас, Шортандыбулак. Были открыты поселения раннего железного века Бада и Байбала 2. Поселения эпохи бронзы относятся к культуре бегазы-дандыбай, в древности они составляли единую урбанизированную систему, которой соответствуют синхронные могильники Каражартас, Керпей 2, Танкара, Танкара 2, Бада. На роль центра претендует городище Аккезен. Существование таких крупных урбанизированных центров как Кент, Семиярское, Аккезен позволяет ставить проблему существования цивилизации в казахских степях во второй половине II тыс. до н.э.

Ключевые слова: Казахстан, бронзовый век, памятники, культура бегазы-дандыбай, палеоэкономика, общество, урбанизация, цивилизация.

Талды археологиялық шағын ауданы елді-мекендері. Зерттеулердің алдын ала нәтижелері

Түйін. 2018 жылы AP05131853 «Қазақстанның ең ежелгі қалалары (қола дәуірінің қала және мәдени-шаруашылық орталықтарын зерттеу)» жобасы бойынша Қарағанды облысының Шет ауданы аумағындағы Талды археологиялық шағын ауданындағы елді-мекендерді зерттеу жұмыстары жүргізілді. Аққезең, Ажар, Ажар 2, Саурамбай, Шоқпартас, Шортандыбұлақ сияқты қола дәуірінің елді-мекендері зерттелді. Ерте Темір дәуіріне жататын Бада және Байбала 2 қоныстары ашылды. Қола дәуірінің елді-мекендері бегазы-дәндібай мәдениетіне жатады, көне заманда олар бірыңғай кенттенген жүйені құрады, оған Қаражартас, Керпей 2, Таңқара, Таңқара 2, Бада сияқты синхронды обалар сәйкес келеді. Орталық рөліне Аққезең қалашығы үміткер болып табылады. Кент, Семиярское, Аққезең сияқты ірі кенттенген орталықтардың

болуы б.з.д. II мыңжылдықтың екінші жартысында қазақ даласында өркениеттің болуы мәселесін алға қоюға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Қазақстан, қола дәуірі, жәдігерлер, бегазы-дәндібай мәдениеті, палеоэкономика, қоғам, кенттену, өркениет.

Settlements of Taldy archaeological township. Preliminary results of researches

Annotation. In the year 2018 upon the project AP05131853 «Most ancient cities of Kazakhstan (investigation of the city and cultural and economic centers of the Bronze Age)» there were conducted the researches of settlements in Taldy archaeological township in the territory of Shetskiy district of Karaganda region. The settlements of the Late Bronze Age such as Akkezen, Azhar, Azhar 2, Saurambai, Shokpartas, Shortandybulak were studied. There were discovered the settlements of the Early Iron Age as Bada and Baibala 2. Settlements of the Bronze Age belong to the culture of Begazy-Dandybai, in ancient times they constituted the uniform urbanized system to which there correspond the synchronous burial grounds as Karazhartas, Kerpei 2, Tankara, Tankara 2, Bada. The ancient settlement Akkezen claims to be the center. Existence of such large urbanized centers as Kent, Semiyarskoye, Akkezen makes it possible to put forward a problem of civilization existence in the Kazakh steppes in the second half of the II millennium BC.

Keywords: Kazakhstan, Bronze era, monuments, Begazy-Dandybai culture, paleoeconomy, society, urbanization, civilization.

В 2018 г. в ходе выполнения работ по проекту AP05131853 «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)» проводилось обследование бассейна р. Талды в пределах Талдинского археологического микрорайона от с. Талды до с. Акбауыр Шетского района Карагандинской области (рис. 1). По материалам Центрально-Казахстанской археологической экспедиции

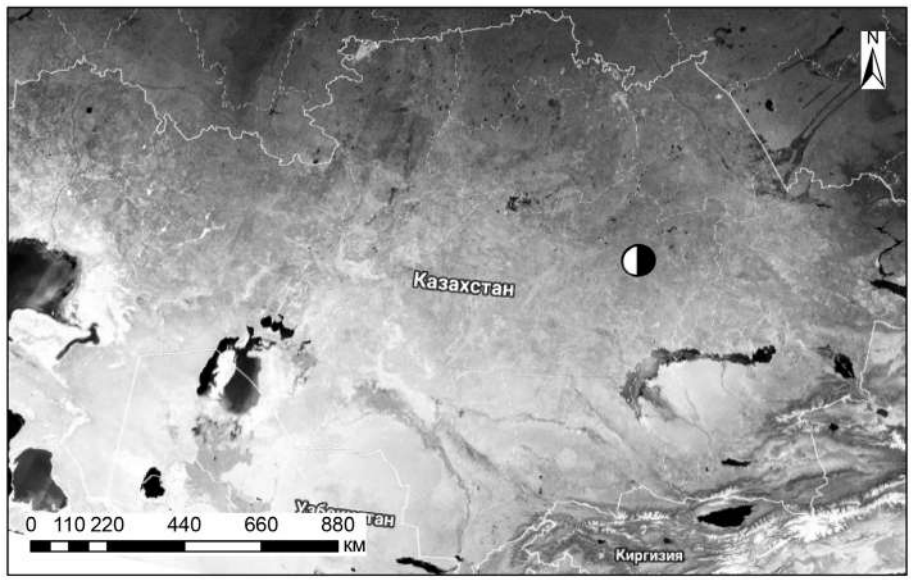


Рис. 1. Талдинский микрорайон на карте Казахстана

здесь были известны поселения эпохи бронзы Аккезен, Акбауыр, Байбала, Сенкибай, Шортандыбулак (Маргулан, 1979, с. 55, 194-196). В результате сплошного разведочного обследования микрорайона в 2018 г. на расстоянии около 30 км были обследованы поселения Аккезен и Шортандыбулак. Поселения Сенкибай и Акбауыр не обнаружены, поселение Байбала почти разрушено водами р. Талды и установить его культурную принадлежность и дату не представляется возможным. Однако, были открыты новые поселенческие памятники эпохи бронзы – Ажар, Ажар 2, Шокпартас, Саурамбай (рис. 2) и поселения раннего железного века Бада и Байбала 2.

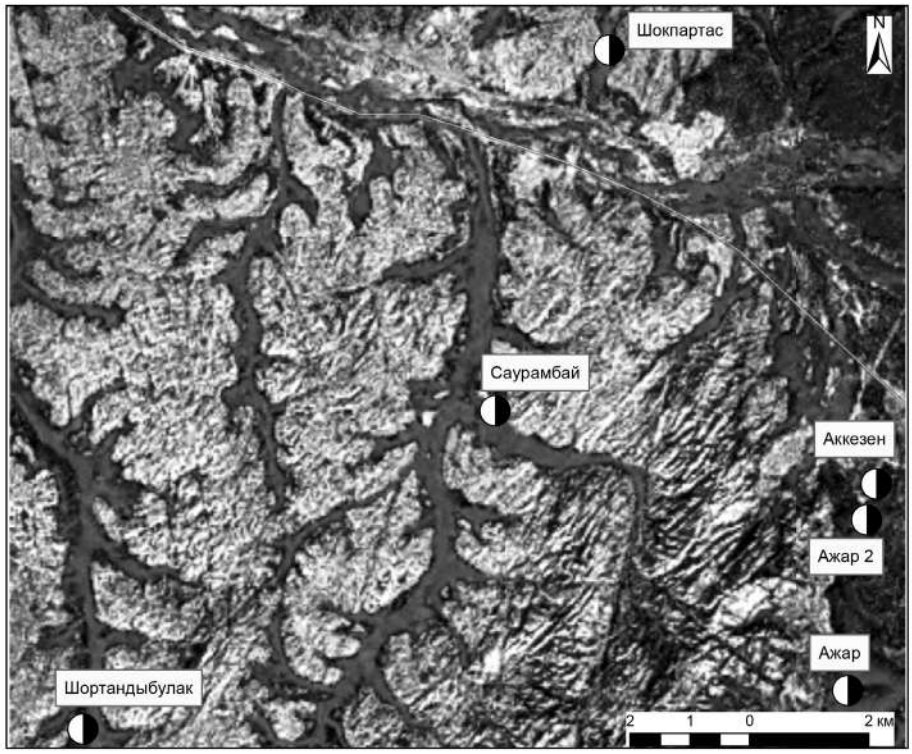


Рис. 2. Поселения эпохи бронзы Талдинского микрорайона

Поселение Аккезен занимает невысокий увал, вытянутый по линии ЮЗ –СВ на левобережье р. Талды в 6,5 км к юго-востоку от аула Байбала, в 0,7 км к ВЮВ от зимовки Заимка (Бада) (рис. 3).

Памятник состоит из двух групп сооружений. Западная группа занимает пологую возвышенность, на которой отмечена 71 постройка в виде каменных конструкций и западин жилищных котлованов глубиной до 1 м. С востока возвышенности протекает ручей, на правом берегу которого зафиксировано девять каменных построек. Таким образом, памятник состоит из остатков 80 построек. На северной периферии памятника находится курган с «усами», а на площадке памятника находится еще восемь каменных курганов. Площадь памятника по замерам по крайним древним постройкам составила 10 га (рис. 3). А.Х. Маргулан, описывая поселение в монографии 1979 г. (Маргулан, 1979, с. 194-196), не приводит артефактов из этого памятника, но относит его к

бегазы-дандыбаевской культуре, вероятно, на основании сходства каменных построек Аккезена с жилищами других памятников. С целью получения материалов для установления датировки и культурной принадлежности на памятнике нами было заложено три шурфа.

Рис. 3. Поселение Аккезен. План. Съемка 2018 г.

Шурф №1 размером 3×6 м был заложен в западной части памятника. Глубина шурфа до материка 0,6 м, заполнение золистое, зафиксирована часть каменной стены. В зольнике были найдены многочисленные кости животных, фрагменты керамических сосудов и бронзовая бляшка на шпеньке (рис. 4, *1*) имеющая аналогии в памятниках бегазы-дандыбаевской культуры.

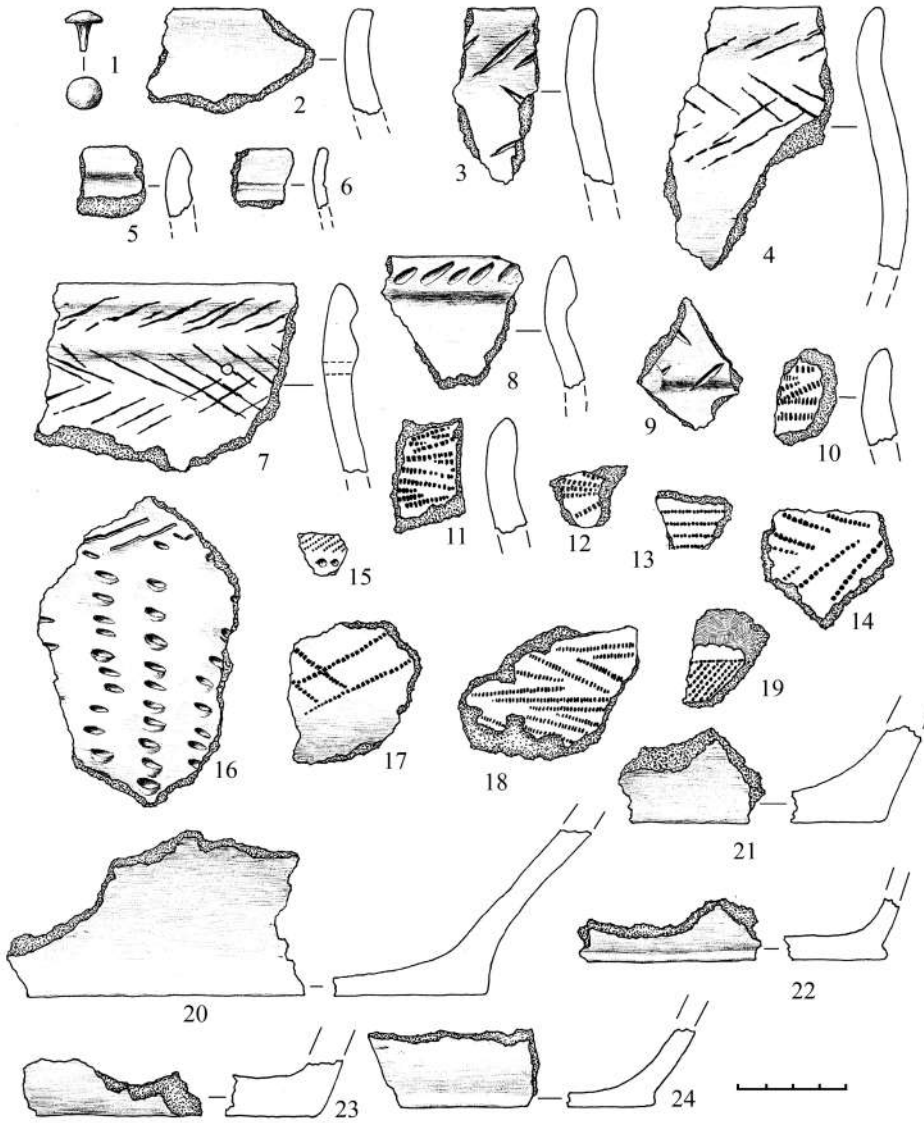


Рис. 4. Поселение Аккезен. Бронзовая бляшка и керамика

Шурф №2 размером 3×3 м был размечен у сооружения 1. Размеры строения 16×12 м, у юго-западного угла в наклонном положении стоит каменная стела высотой около 1 м. Культурного слоя в шурфе не обнаружено.

Шурф №3 размером 3×3 м был заложен на восточной периферии западной группы строений. Глубина – 0,5 м, заполнение золистое с костями животных и фрагментами керамики.

Керамика из шурфов №1 и №3 ручной лепки, нелощёная, толстостенная (рис. 4, *2-24*). Она имеет аналогии в посуде валикового типа, характерного для поздней и финальной бронзы Евразии и, в частности, для бегазы-дандыбаевской культуры.

Поселение Ажар находится на левобережье р. Талды в 5 км к ССЗ от аула Акбауыр, в 6,6 км к северо-западу от с. Кызылтау, в 2,6 км к ЮЮВ от зимовки Заимка (Бада). Расположено на невысоком возвышении окруженном с юга, запада и востока зарослями березы, осины и кустарника. С юга поселение защищено от ветров скалистыми отрогами гор Котыр-Кызылтау. Площадь поселения около 2,5 тыс. м^2, на ней выявлено 11 жилищных котлованов и построек из камня. На поверхности встречались мелкие фрагменты керамики, раздробленные кости, найдены пест, обломок терочной плитки, два обломка лощил из галек. На памятнике был заложен шурф размером 3×3 м. Стратиграфия шурфа: 0-20 см – дерн, 20-60 см – золистый слой, ниже – материк в виде желтой щебенистой глины. У северной стенки шурфа была зафиксирована яма глубиной около 20 см от уровня материка. Заполнение ямы золистое. Из шурфа получены многочисленные кости животных и фрагменты керамики (рис. 5). Вся посуда валикового типа.

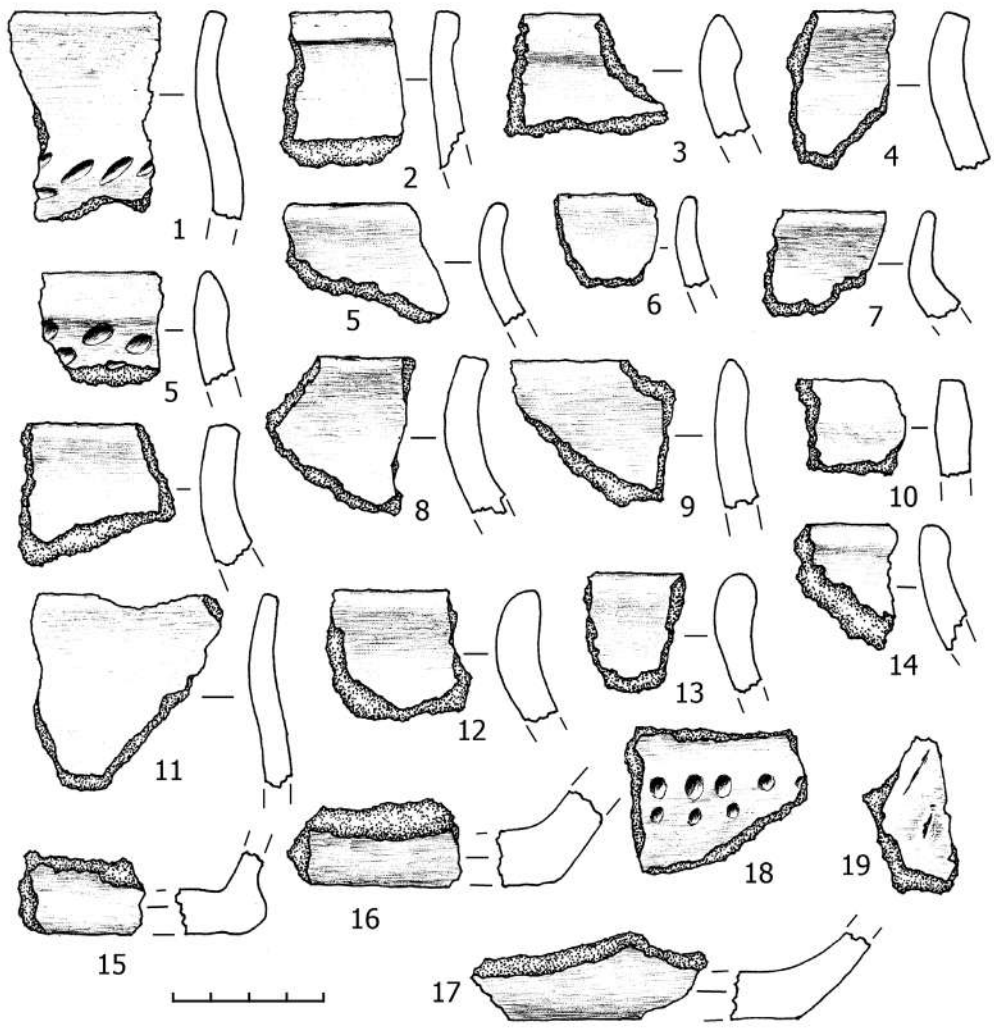


Рис. 5. Поселение Ажар. Керамика

Поселение Ажар 2 находится на левобережье р. Талды, в 7 км к юго-востоку от аула Байбала, в 0,9 км к юго-востоку от зимовки Бада между отрогом гор Котыр-Кызылтау и пересохшим ручьем. На площадке памятника зафиксировано три жилищных котлована и одна постройка из камня. Судя по распространению на поверхности фрагментов керамики, площадь поселения около 7 тыс. м^2. На поверхности памятника найдены одно каменное лощило и фрагмент ладьевидной терки, изготовленной из гранита, размером 124×129×54 мм.

На памятнике был заложен раскоп площадью 54 м^2. Стратиграфия раскопа следующая: 0-10-12 см – верхний гумусный слой, 12-50 см – слой серой золы с находками, ниже – материк в виде светло-серого песка. В южных квадратах под слоем золы залегал слой плотного черного илистого стерильного грунта.

В квадратах В3 и Г3 был расчищен угол каменной стены шириной около 60-80 см. Плиты кладки были уложены на древней поверхности. Котлован жилища не зафиксирован.

Из раскопа происходят:

Бронзовый нож (рис. 6, *1*) с валиковым упором у основания рукояти, с плоским черешковым насадом. Он был найден под дерном, на глубине 20 см. Длина предмета 120 мм, длина рукояти 24 мм. Лезвие удлиненно-треугольной формы, острие обломано. От валика по лезвию проходит нервюра длиной 54 мм. Шаровидный пращевой камень, диаметром 44 мм, без подработки. Заготовка наконечника стрелы из кварцита, длина 70 мм, наибольшая ширина 33 мм, толщина до 21 мм. Пращевой камень из темно-серого песчаника, длина 50 мм, наибольший диаметр 32 мм. Лощил (15 экз.) из галек, со следами поперечной сработанности. Фрагмент каменного диска диаметром около 42 мм, диаметр отверстия 9 мм. Каменный шарик, диаметром 18 мм. Пестов – 12 экз., как целых, так и во фрагментах. Найдено также два небольших куска медного шлака и один мелкий кусочек бронзы.

Из раскопа 2018 г. получено 412 фрагментированных остатков глиняной посуды (рис. 6, *3-34*). По технико-технологическим особенностям изготовления, составу формовочных масс, приемам обработки внутренней и внешней поверхности, орнаментации и технике ее выполнения она разделена на три группы.

Группа I. По фрагментам днищ выделено 19 сосудов, по венчикам – 93. Посуда ручной лепки, с грубо обработанной поверхностью без лощения, с высоким содержанием песка, шамота и органики в тесте. Фрагменты шеек с венчиками принадлежат сосудам горшечных форм плавной профилировки, с внутренним изгибом стенок в придонной части (рис. 6, *3-28*). На восьми сосудах присутствует валик. Причем на семи фрагментах он рассечённый, а на одном – гладкий. Способ оформления валика – налеп или формовка. В группе I орнаментировано 29 венчиков, 64 не имеют орнамента. Элементы орнаментации сосудов этой группы – перекрещивающиеся отрезки линий, ряды коротких вдавлений, семечковидные и ногтевые вдавления, зигзаг, елочка. Техника нанесения орнамента – резная, техника крупного гребенчатого штампа, вдавления, оттиски ногтя и пальцевые защипы. Судя по составу теста, к этой группе принадлежит и фрагмент налепной ручки сосуда, крепившейся вертикально (рис. 6, *29*). Посуда группы I принадлежит к типу валиковой керамики общности культур валиковой керамики поздней бронзы Евразии.

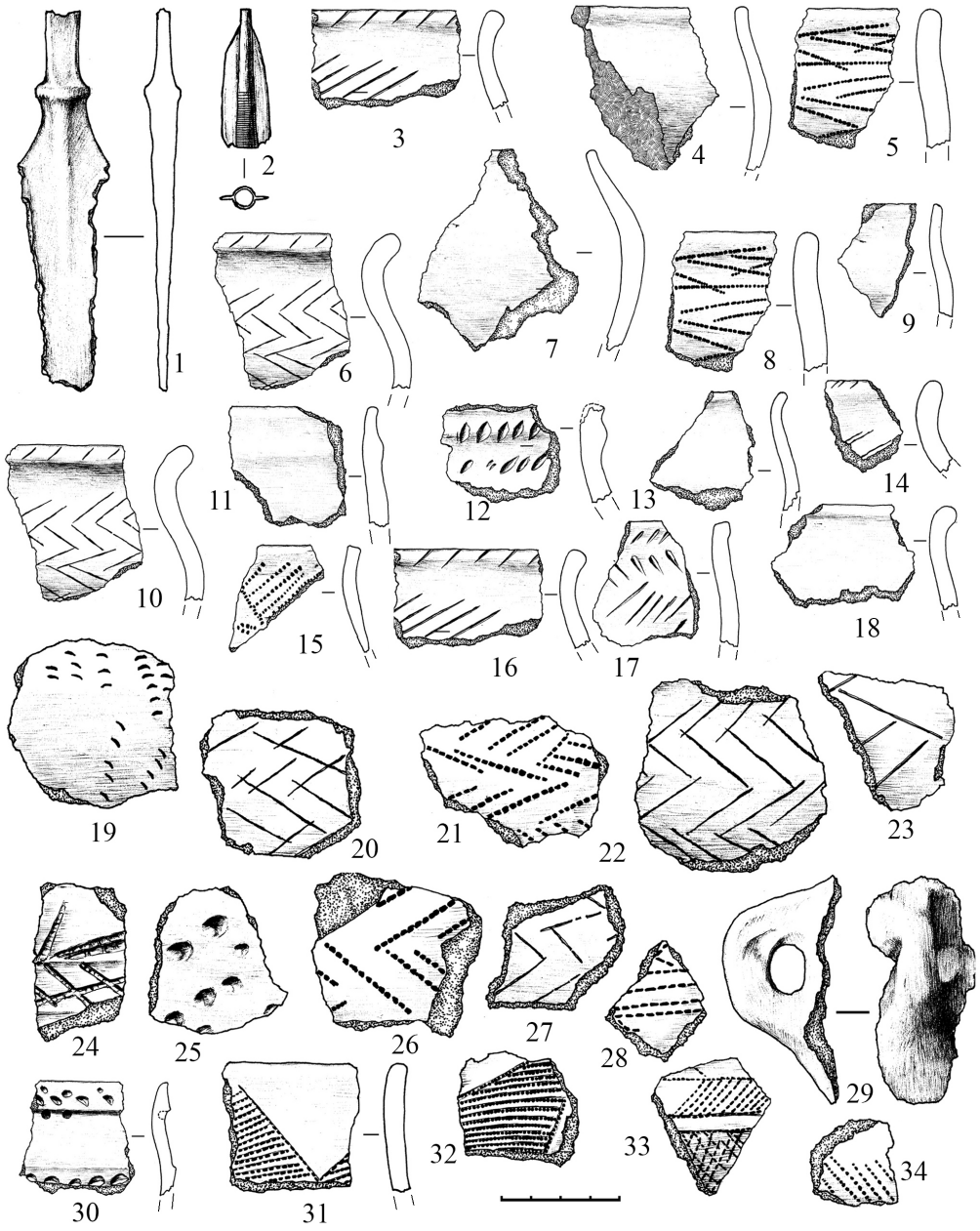


Рис. 6. Поселения Ажар 2 и Бада. Вещи и керамика.
1, 3-34 – поселение Ажар 2; 2 – поселение Бада

Группа II представлена 11 фрагментами. Они происходят от тонкостенных сосудов с мелкогребенчатым орнаментом в виде шахматного декора, треугольников, сетки (рис. 3, *30-34*). Один сосуд имел приостренный венчик в виде воротничка и с ямочными вдалениями под вротничком. По плечику были нанесены овальные оттиски. Керамика группы II имеет аналогии в посуде андроноидных культур Западной Сибири.

Группа III представлена одним фрагментом сосуда среднеазиатского происхождения, изготовленного на гончарном круге.

В керамической коллекции из Ажара 2 присутствует небольшое количество андроновской керамики. Вероятно, на этом месте в период средней бронзы было андроновское поселение.

Поселение Бада расположено на левобережье р. Талды, в 6,5 км к юго-востоку от аула Байбала, в 0,2 км к ВЮВ от зимовки Бада, на северо-восточном склоне гор Котыр-Кызылтау. Зафиксирован один жилищный котлован размером 7×6 м и часть стены каменной постройки. На площади около 500 м^2 найдены кремневые отщепы, орудия на отщепах, восемь каменных мотыг, каменные диск и лощило, а также бронзовый двулопастный втульчатый наконечник стрелы с короткими опускающимися жальцами (рис. 6, *2*). Длина наконечника 43 мм, ширина 24 мм, острие не заточено, сохранился литник.

Кремневый материал на площадке поселения Бада невыразителен и указывает, очевидно, на существование в этом месте кратковременной стоянки первой половины голоцена. Другие находки (каменные мотыги, наконечник стрелы с опускающимися жальцами) имеют аналогии в памятниках раннего железного века Сарыарки (Бейсенов, Ломан, 2009).

Поселение Байбала 2 находится в 1 км к югу от р. Талды, в 3 км к ВЮВ от с. Байбала, в 0,6 км к югу от грейдера Нура-Талды – Акшокы (Кызылтау), на восточном склоне скалистой гряды горного массива Танкара, у истоков сезонного ручья, поросшего ивами и березами.

На площади около 500 м^2 фиксируются отдельные камни стен постройки и две жилищных западины. Было заложено два шурфа, из которых происходит несколько неорнаментированных фрагментов керамики. Глубина шурфов – 0,2 м. Находки залегают над материком, под слоем дерна. Как и поселение Бада этот памятник, в основном на основании топографических условий расположения (высокий уровень и удаленность от современных источников воды) отнесен нами к раннему железному веку.

Поселение Шокпартас находится на правобережье р. Талды в 1,7 км к северо-востоку от аула Байбала, в 5 км к северо-западу от зимовки Бада и расположено на узкой площадке между ручьем и скалистой сопкой. Площадь поселения около 3 тыс. м^2, выявлено семь жилищных котлованов и одна постройка из камня. На памятнике был заложен раскоп площадью 54 м^2 в котором была исследована часть жилища земляночного типа. Материалы, полученные из раскопа, свидетельствуют, что площадка памятника была обитаема в энеолите и в период поздней бронзы. Из переотложенного слоя происходит большая коллекция каменного инвентаря энеолитического облика, демонстрирующего отщеповую технику. В качестве сырья использовались яшма и яшмоиды красного и желтого цветов, кварциты, халцедон, алевролит. Найдено 526 предметов из этого сырья. Но готовые изделия составляют только около 6% комплекса. Это ядрища амор-

фных типов для получения отщепов и двусторонне-обработанные орудия – бифасы, представленные изделиями асимметричных форм, орудия на отщепах в виде крупных и мелких скребел, скребков, скобелей, ножей. Остальное – отщепы, заготовки, куски сырья. Этому инвентарю хронологически соответствуют несколько фрагментов ложно-тестильной керамики.

Комплекс поздней бронзы с остатками жилища представлен многочисленными фрагментами керамической посуды валикового типа, каменными орудиями типа молотов, наковальней для проковки металлических изделий, костями домашних и диких животных.

Найден роговой трехдырчатый псалий без орнамента, концы обломаны. Длина 78 мм, в середине предмета имеется овальное отверстие длиной 18 мм, шириной 6 мм. По краям концов следы круглых поперечных отверстий (рис. 7, *1*).

Пращевое керамическое ядро овоидной формы, длиной 50 мм, диаметр сечения по основанию тупой части 39 мм (рис. 7, *2*). Фрагмент керамического диска с отверстием (рис. 7, *3*). Диаметр диска 60 мм, диаметр отверстия 5-6 мм, толщина 31 мм. Найдены также два каменных шарика диаметром около 15 мм.

Из раскопа на Шокпартасе получено 14 небольших медных и железосодержащих кусков шлака и две ошлакованные плитки гранита.

Из слоя поздней бронзы получено два археологически целых сосуда и 403 фрагмента керамики, из которых 63 фрагмента стенок с орнаментом. Выделено 40 сосудов. Они составляют две группы. Группа I – посуда саргаринско-алексеевского типа (рис. 7, *4-26; 29-38*). Представлена фрагментами округлобоких горшков орнаментированных рельефными украшениями в виде рассеченных налепных или формованных валиков, сосцевидным налепом, резными линиями, оттисками пальца или ногтя, елочным орнаментом (рис. 7, *4-26; 29-38*).

К группе II отнесены фрагменты двух сосудов андроноидного типа (рис. 7, *39*).

Поселение Саурамбай находится в одноименном логу на левобережье р. Талды, в 3,6 км к ЮЮВ от аула Байбала, в 3,9 км к ЗСЗ от зимовки Бада. Площадь поселения более 1 га, выявлено 20 жилищных котлованов и построек из камня. На памятнике было заложено два шурфа. Получена керамика нуринско-федоровского и валикового типа. Поселение двухслойное, ранний слой представлен посудой нуринско-федоровской культуры (рис. 7, *27*), поздний – керамикой валикового типа (рис. 7, *28*).

Поселение Шортандыбулак находится на левобережье р. Талды, в 8,5 км к ЮЮЗ от аула Байбала, в 9,7 км к ЮЮВ от аула Жанажурт, на левом берегу ручья Шортандыбулак, левого притока р. Талды, в глубине гор Котыркызылтау. Раскопки проводились в 70-е гг. XX в. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией АН КазССР. Результаты раскопок подробно опубликованы (Маргулан, 1979, с. 198-215).

Площадь поселения, определенная по остаткам сооружений и находкам керамики и костей на поверхности, составляет 30 тыс. м^2. На этом пространстве насчитывается 40 жилищных котлованов и построек из камня.

В поселении Шортандыбулак Центрально-Казахстанской экспедицией раскопаны два жилища – 14 и 21.

В культурных слоях обоих жилищ обнаружены многочисленные находки: керамика, бронзовые изделия, образцы резной кости, орудия труда, украшения и предметы обихода.

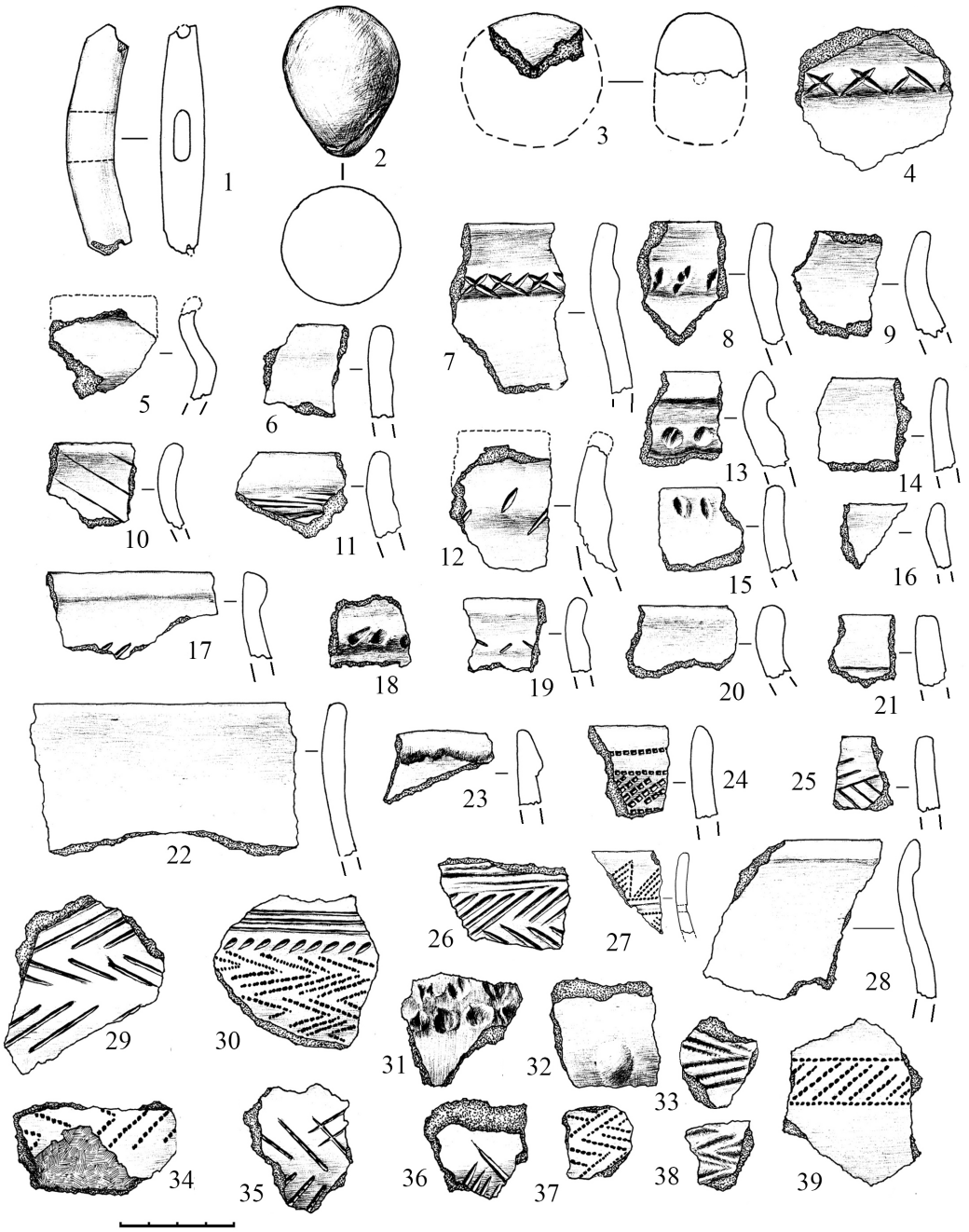


Рис. 7. Поселения Шокпартас и Саурамбай. Керамика.
30, 31 – Саурамбай, остальное – Шокпартас. 1 – рог; 2, 3 – глина

Судя по описанию и иллюстрациям А.Х. Маргулана, керамический материал представлен фрагментами не менее 300 сосудов ручной лепки. На уровне современной изученности керамики из памятников бегазы-дандыбаевской культуры в Шортандыбулаке следует выделять посуду двух культурных типов – саргаринского (валикового – группа I) и импортную, андроноидную, группа II.

Посуда группы II небольших размеров, тонкостенная, украшена оттисками штампов в виде полуциркульных, лунообразных и треугольных вдавлений, глазчатых кружков, горошин, рядов Х-образных фигур, слегка покрытых черной мастикой. В этой группе керамика украшалась в мелкогребенчатой технике и технике фигурных штампов. Она имеет аналогии в материалах андроноидных культур Западной Сибири и в Центральном Казахстане является импортом (Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 167-197).

Поселения Аккезен, Ажар, Ажар 2, Саурамбай, Шокпартас, Шортандыбулак на основании керамики валикового типа, найденной на всех поселениях, отнесены к бегазы-дандыбаевской культуре. Это же подтверждают и другие материалы: бронзовый нож-кинжал из Ажара 2, роговой псалий и керамическое пращевое ядро из Шокпартаса, бронзовая бляшка из Аккезена и многочисленные находки из Шортандыбулака, имеющие аналогии в материалах городища Кент (Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014).Эта культура в настоящее время датируется XIV-X вв. до н.э. (Варфоломеев, Лоеман, Евдокимов, 2017, с. 312). Учитывая, что на талдинских поселениях не найдено посуды самого позднего – донгальского – этапа бегазы-дандыбаевской культуры, который на основании современных исследований датируется XI-X вв. до н.э., дата поселений может быть сужена до XIV-XII вв. до н.э.

Таким образом, в Талдинском археологическом микрорайоне известно шесть поселений бегазы-дандыбаевской культуры, существовавших в один археологический период и, очевидно, синхронно. Примечательно, что талдинские поселения, как и кентские, находятся не на реке, а в ущельях и на склонах гор. Объединяют обе группы памятников и природно-географические условия: гранитные слабооблесенные сопки, с многочисленными ручьями.

На карте талдинские пселения образуют треугольник, в углах которого находятся поселения Шортандыбулак, Шокпартас и Ажар (рис. 2).

Какова же была иерархия и функции этих населенных пунктов в древности? Самый крупный населенный пункт – Аккезен. Его площадь – не менее 10 га, и на ней фиксируется 80 построек, причем больших размеров, некоторые достигают 200 м^2 и более. Другие поселения гораздо меньше по площади и количеству жилищ. На современном этапе изученности талдинских поселений на статус центра претендуют Аккезен и Шортандыбулак. Вероятно, в Талдинском микрорайоне протогородским центром был Аккезен, который, судя по количеству жилых построек, населяло несколько тысяч жителей. Его сельскохозяйственную округу составляли пять поселений: Шортандыбулак, Шокпартас, Саурамбай, Ажар и Ажар 2. Расстояние от Акккезена до Шортандыбулака – 9 км, до Саурамбая – 4,3 км, до Шокпартаса – 5,6 км и до Ажара – 2,3 км. Аккезен и Ажар 2 разделяет примерно 100-200 м, возможно, это был один населенный пцнкт.

Такой признак города, как ремесленные кварталы, вероятно, фиксируется на поселении Шокпартас, где найдены следы металлургии меди и железа: шлаки медные и

железные, ошлакованные камни (детали теплотехнических устройств), мелкие кусочки медной руды. Возможно, Шокпартас был удаленным ремесленным кварталом. Рудной базой металлургического производства, вероятно, были древние медные рудники Каражал и Алабуга, известные на южных склонах гор Котыркызылтау, примерно в 15 км к югу от Аккезена (Маргулан, 1979, с. 199).

Храмовые сооружения или памятники монументальной архитектуры на Аккезене пока не выявлены. Можно лишь отметить сооружение №1, размеры которого 16×12 м, а у юго-западного угла в наклонном положении стоит каменная стела высотой около 1 м. Возможно, стела указывает на сакральный характер этой постройки. Но знаменательно другое. В 15 км к северо-западу от Аккезена находится бегазы-дандыбаевский мавзолей Каражартас. До раскопок мавзолей представлял собой оплывший земляной холм, размерами 30×20 м, высотой до 1,5 м, на поверхности которого выступали 5-6 каменных рядов стен и края облицовочных плит. Размеры внешнего периметра стен составляет 14×14,5×14,3×13,5 м, высота кладки – до 15 рядов, ширина – до 0,34 м. Снаружи мавзолей был облицован фрагментарно сохранившимися плитами, установленными вертикально. Размеры плит до – 2,5 × 0,8 × 0,1 м. Проведенные подсчеты использованного строительного материала позволяют констатировать, что их общий вес мог достигать 650–700 т, а реальные трудозатраты превышают рядовые захоронения более чем в 650–700 раз. С учетом сложности и трудоемкости строительных работ полученные показатели дают реальную картину высокой социально-экономической дифференциации общества, приближая погребенного лидера к раннецарскому рангу или другому соответствующему титулу того времени (Бейсенов, Кукушкин, Дуйсенбай, 2017, с. 451-453; Кукушкин, Дмитриев, 2016, с. 78-81; Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин, 2017, с. 582-583; Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин, 2018. с. 102-110). Очевидно, бегазы-дандыбаевские мавзолеи можно относить к категории построек из разряда монументальной архитектуры, которые подчеркивали высокопрестижный статус захороненного. Кроме Каражартаса в долине р. Талды находятся еще четыре могильника бегазы-дандыбаевской культуры – Керпей 2, Бада, Танкара, Танкара 2 – места упокоения лидеров многочисленного клана, местом дислокации которого были урочища Талдинского микрорайона.

Торговая деятельность устанавливается по находкам импортной андронидной и станковой керамики на поселениях Ажар 2 и Шокпартас.

Аккезен и поселения его округи составляли второй после Кентского урбанизированный центр, сформированный бегазы-дандыбаевской элитой. Принимая во внимание предварительные результаты исследований огромного Семиярского поселения на правобережье Иртыша (Мерц, 2017, с. 494-509), представляется обоснованным говорить о существовании в степях Сарыарки во второй половине II тыс. до н.э. протоцивилизации или цивилизации.

Список литературы

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2014. – 192 с.

Бейсенов А.З., Кукушкин И.А., Дуйсенбай Д.Б. Каражартас, могильник // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – Вып. 1. – С. 451-453.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: «Інжу-Маржан» полиграфия. 2009. – 264 с.

Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре Казахских степей. – Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. – 338 с.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Казахстанская «пирамида» // Мәдени мұра. №5(68). 2016. – С. 78-81.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Каражартас. Погребальное сооружение бегазы-дандыбаевской «знати» // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. – Барнаул-Белокуриха, 2017. – С. 582-583.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Каражартас – новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований) // Археологические вести. – 24. – Спб., 2018. – С. 102-110.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – 360 с.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. –3 (4). – 2017. – С. 494-509.

А.А. Горячев
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
A.A. Goriachev
Institute of Archaeology after A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
aga.2805@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕРХОВЬЕВ УЩЕЛЬЯ ТУРГЕНЬ В 2017-2018 гг.

Работа подготовлена по результатам исследований в рамках проектов по темам: ИРН № AP05135512 «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла» и ИРН № BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

Аннотация. В полевых сезонах 2017-2018 гг. в верховьях ущелья Тургень были проведены комплексные исследования древних поселений высокогорной зоны. В рамках программы были раскопаны жилища эпохи бронзы андроновского (XV-XIV вв. до н.э.) и позднебронзового (XIII-X вв. до н.э.) периодов, а также полуземлянка раннего железного века усуньского времени (II в. до н.э. – II в. н.э.). Материалы исследований позволили произвести реконструкции устройства древних жилищ и систематизировать данные по технологиям домашних промыслов и ремесел у древнего населения высокогорной зоны Заилийского Алатау.

Ключевые слова: ущелье Тургень, археологический комплекс, эпоха бронзы, ранний железный век, поселение, керамика, орудия труда.

Түрген шатқалының бас жағындағы 2017-2018 жж. далалық зерттеу нәтижелері

Түйін. 2017-2018 жж. далалық маусымда Тұрген шатқалының жоғарғы жағында биік таулы аймақтың ежелгі қонысына кешенді зерттеу жүргізілді. Бағдарлама барысында андроновтық (б.з. дейінгі XV-XIV ғғ.) және кейінгі қола (б.з. дейінгі XIII-X ғғ.) кезеңінің тұрғынжайлары жәнеде ерте темір дәуірінің үйсін заманының (б.з. дейінгі II ғ.– б.з. II ғ.). жартылай жертөлесі қазылды. Зерттеу материалдары ежелгі тұрғынжай құрылысын қайта қалпына келтіруге және Іле Алатауының биік таулы аймағының ежелгі тұрғындарының үй жағдайындағы промыслов и ремесел шаруасының технологиясы бойынша алынған мәліметтерді жүйелеуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер. Түрген шатқалы, археологиялық кешен, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, қоныс, қыш, еңбек құралы.

Results of field researches in the upper reaches of Turgen gorge in 2017-2018

Annotation. Comprehensive researches of Ancient settlements of the Alpine zone were conducted in the field seasons of 2017-2018 in the upper reaches of the Turgen gorge. In the

framework of the program dwellings of the Bronze Age of the Andronovo (XV-XIV centuries BC) and the late Bronze Age (XIII-X centuries BC) periods were excavated, also there was a semi-dugout of the Early Iron Age of the Wusun time (II century BC – II century BC). The research materials allowed to reconstruct the structure of Ancient dwellings and systematize the data according to technologies of domestic crafts and handicrafts of the Ancient population of the mountainous zone of the Zailiyskiy Alatau.

Keyword: Turgen gorge, archaeological complex, the Bronze Age, the Early Iron Age, settlement, ceramics, tools.

Археологические памятники в верховьях ущелья Тургень обнаружены в 70-80-е гг. XX в. Семиреченской археологической экспедиций (рук. К.А. Акишев). Были отмечены сакские курганы в ущелье и на плато Асы, паспортизированные для «Свода памятников истории и культуры Алматинской области» в 1984 г.(рук. Б.Н. Нурмухамбетов). С 1996 г. комплекс археологических памятников в верховьях ущелья Тургень исследовался Тургенским научным отрядом. В результате этих работ были получены материалы археологического комплекса Тургень-II, состоящего из поселений и могильника эпохи бронзы и раннего железного века (Горячев, 2011а, с. 256-266). Выявлены материалы усуньских поселения и могильника Кызылбулак-IV (Горячев, 2013, с. 325-341). В устье урочища исследованы могильники эпохи бронзы Кызылбулак I и II (Горячев, 2011б, с. 103-118).

Историческое освоение ущелья Тургень происходило по общему сценарию динамики заселения людьми северных склонов хребта Заилийского Алатау. В древности эти процессы были связаны с расширением хозяйственной деятельности людей в высокогорной зоне. Серия древних маршрутов проходила с севера сквозь ущелье Караш либо с востока через плато Асы по проходным горным ущельям. Верховья Киши-Тургень состоят из двух урочищ – Ойжайляу, Кызылбулак, плато Батан и Калкан. Здесь обнаружено 13 древних поселений, стоянок, свыше 30 могильников (Горячев, Сараев, 2016, рис. 2).

Ключевыми памятниками микрорайона являются археологические комплексы Тургень-II и Кызылбулак-IV, расположенные в центральной части урочища Кызылбулак. Они представляют собой крупное древнее поселение со святилищем, функционировавшее периодически от андроновского этапа эпохи бронзы до усуньского периода раннего железного века (Горячев, Сараев, 2016, с. 94-110; Марьяшев, Горячев, 2017). В эпоху бронзы поселение Кызылбулак-IV было центральным в данном ущелье. Западнее поселения на комплексе Тургень-II расположено святилище, состоящее из храмовых и жилых помещений. На выходе из ущелья к северо-западу устроен могильник эпохи бронзы и раннего железного века Кызылбулак-I (Марьяшев, Горячев, 1999, с. 44-56).

В полевых сезонах 2017-2018 гг. ставилась задача изучения жилищ бронзового и раннего железного века, хозяйственной структуры древнего населения верховьев ущелья Тургень. Урочище Кызылбулак расположено в горном разломе между трех альпийских плато Асы, Ушбулак и Дон-Джайляу. Общая его протяженность по оси З-В около 6 км. Максимальное расширение в средней части и устье 500-700 м. По южному борту урочища произрастают тянь-шаньские ели и берут начало многочисленные горные родники. Древние поселения в урочище Кызылбулак устроены по северному борту и занимают площадки древних морен по правому берегу одноименного ручья и склоны с южной экспозицией (рис. 1, *1, 2*). В январе на их территории практически нет снега,

а почва прогревается до положительных значений температур, создавая необходимые условия для постоянного проживания.

Поселение эпохи бронзы Тургень-II занимало площадку размерами 150×40 м (рис. 1, *1*). В 2017 г. было исследовано жилище 4, контур которого определялся по границам котлована, глубиной 1-1,2 м, вырытом в материковом грунте и врезанном в склон (рис. 2, *1, 2*). Вход в помещение был устроен с юго-западной стороны и обращен к ручью. Столбовые ямы располагались по контуру котлована через 2-2,5 м. Они разделили помещение на хозяйственный отсек у входа, центральный зал с очагом и четыре жилых комнаты вдоль северо-восточной и юго-восточной стенок.

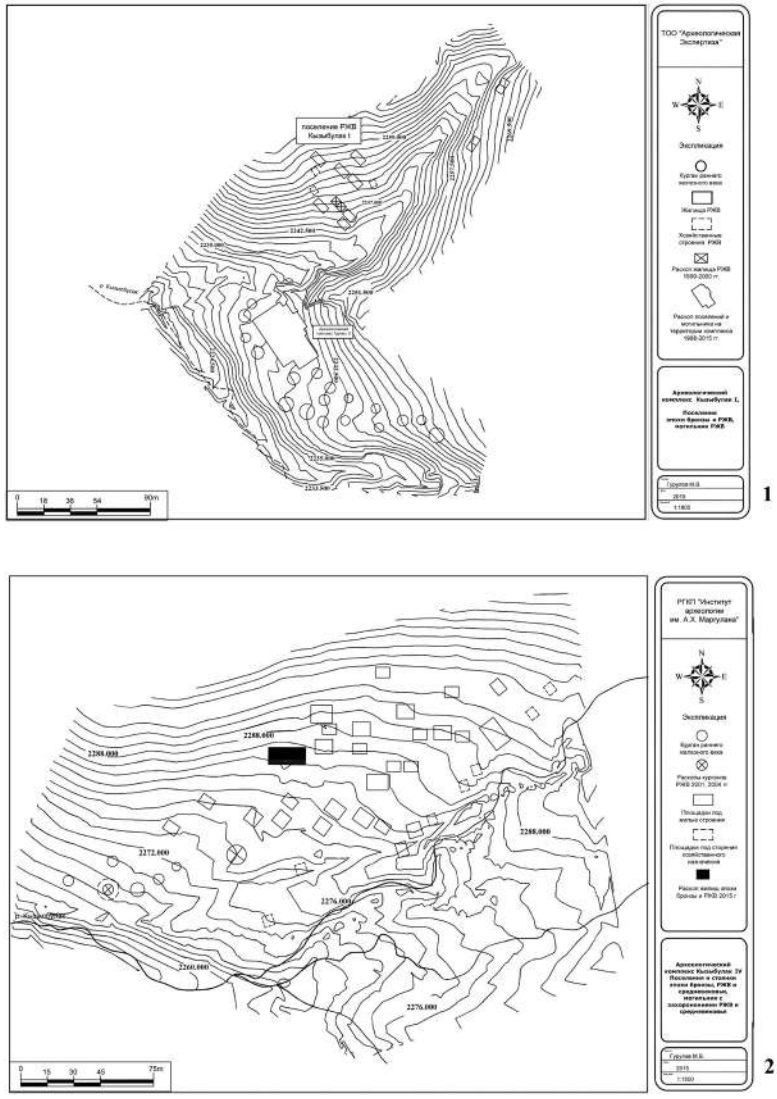


Рис. 1. Топографические планы древних поселений урочища Кызылбулак:
1 – археологический комплекс Тургень-II и поселение раннего железного века Кызылбулак-I; 2 – топографический план археологического комплекса Кызылбулак-IV

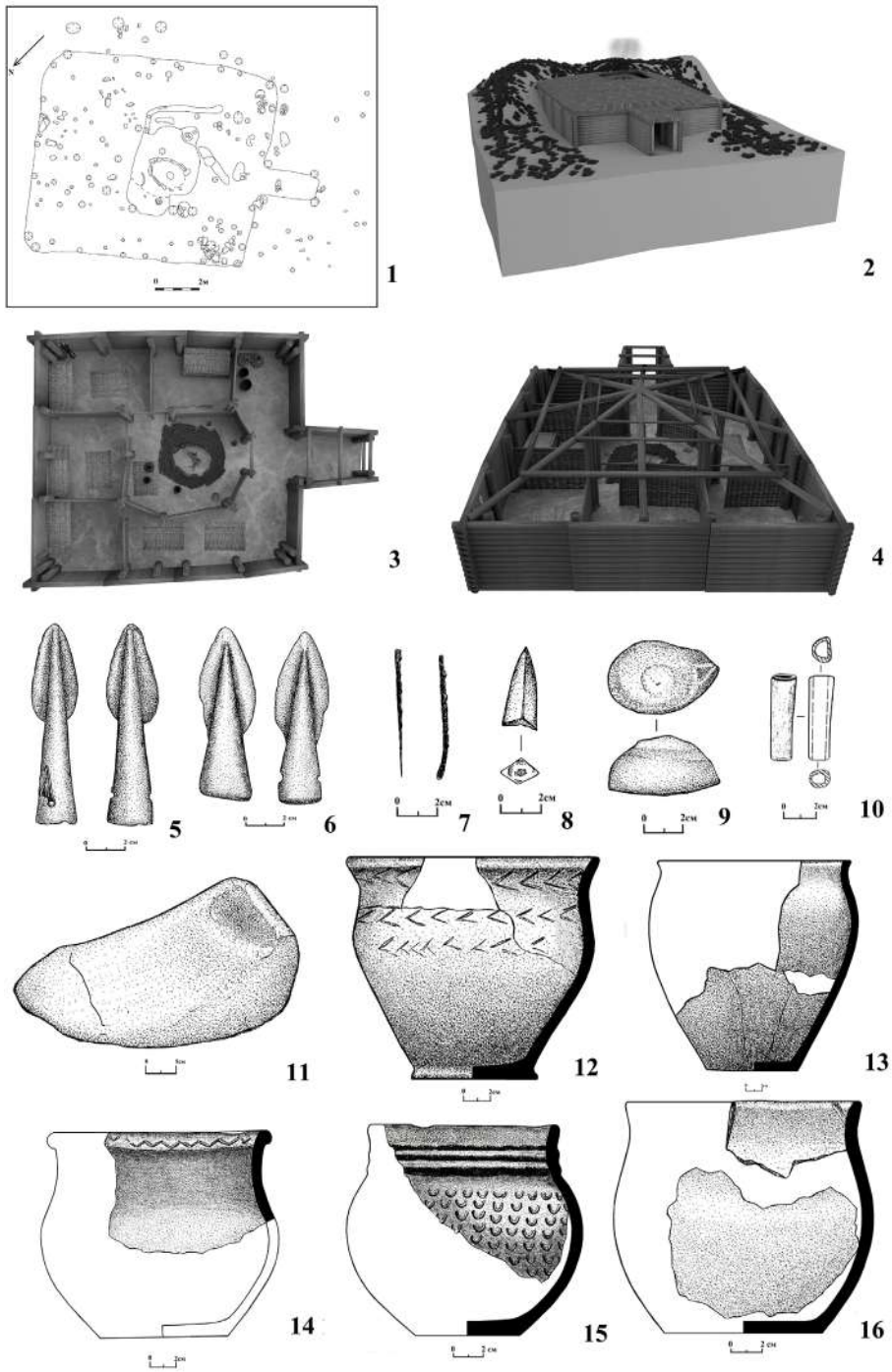


Рис. 2. Материалы жилища 4 эпохи бронзы поселения Тургень-II. Раскоп 2017 г.:
1 – план раскопа жилища 4; 2 – реконструкция общиего вида жилища;
3 – реконструкция внутреннего устройства помещения; 4 – реконструкция устройчства стен и крыши строения; 5-7 – бронза; 8-10 – кость; 11 – камень; 12-16 – керамика

Жилище представляло собой полуземлянку каркасно-столбовой конструкции прямоугольной формы, размерами 10,5×9,4 м, ориентированную углами по странам света (рис. 2, *3*). Справа от входа выявляется узкое помещение, вероятно, хозяйственного назначения, размерами 4×2 м. Слева от входа обозначен коридор, ведущий вдоль юго-западной стенки к жилым комнатам. Пол жилища в виде озоленного плотного слоя глины с органическими добавками, резко понижался к очагу, расположенному в центральном зале подквадратной формы, размерами 5×4,5 м. Здесь располагался очаг овальной формы размерами 1,7×2 м, обложенный каменными плитами, установленными на ребро. Пространство вокруг очага покрыто зольным слоем, пол имеет красновато-кирпичный цвет от обкладки гранитом. Общие размеры обкладки 3,5×3,5 м. Вокруг очага отмечена серия хозяйственных ям разных размеров, найдены многочисленные кости мелкого рогатого скота разных особей. В 1,5 м к югу от очага зафиксировано захоронение взрослой особи козла. По периметру центрального зала фиксируются крупные столбовые ямы – опорные конструкции четырехскатной крыши (рис. 2, *4*).

Из центрального помещения прослеживается плавное повышение пола в жилую комнату вдоль юго-восточной стенки, размерами 4×2,8м. Комната была дополнительно утеплена с помощью вырытого в полу воздухопроводного канала – кана, идущего почти от очага. Еще три жилых помещения размерами по 3 м в ширину и 3,5-3,8 м в длину были расположены вдоль северо-восточной стенки.

За пределами жилища с восточной стороны от входа зафиксировано захоронение младенца без черепа в грунтовой яме овальной формы размерами 70×40 см. Вдоль юго-восточной стенки обнаружены шесть грунтовых ям округлой формы, в трех из которых найдены скопления костей мелкого рогатого скота, в одной (у южного угла) захоронение ягненка. Еще две ямы содержали фрагменты разбитой керамической посуды.

Костяные изделия (рис. 2, *8-10*) в виде наконечника стрелы листовидной формы, многочисленных ручек из трубчатых костей животных, проколок, астрагалов крупного и мелкого рогатого скота со следами использования или обработки их поверхности составляли значительную серию инструментов (Горячев, Чернов, 2007, рис. 6, 1, 7).

Среди каменных изделий выделяется ритуальное орудие труда, по форме схожее с зернотеркой (рис. 2, *11*). В верхней части изделия имеется неглубокая чашевидная лунка овальной формы. Интерес представляет также фрагмент каменного изделия, украшенного рисунками с изображением головы солнцеголового антропоморфа (Марьяшев, Горячев, 2002, рис. 1-13).

В жилище обнаружены также бронзовые изделия – игла, проколка и два наконечника дротиков или штандартов листовидной формы (рис. 2, *5-7*). По типологии подобных изделий центрально-азиатского региона они относятся к втульчатым наконечникам копий категории Б (Аванесова, 1991, с. 47-48), характерных для федоровской культурной традиции.

Керамический материал представлен 200 фрагментами, из них удалось восстановить формы шести горшков и одного баночного сосуда (рис. 2, *12-16*). Около 15% всей керамики принадлежит орнаментированной посуде. Видами орнамента являются косые и вертикальные насечки**,** каннелюры, ямки, ногтевые вдавления, зигзагообразные линии, «подковки», «елочки», «кресты» и треугольники, часть которых выполнена мелкогребенчатым геометрическим штампом.

Ближайшие аналогии типу устройства жилища и данной керамике можно встретить в материалах поселения предгорной зоны Заилийского Алатау – Бутакты-I (Горячев, Мотов, 2018, с. 24-31). Керамика с подобными признаками достаточно широко распространена в материалах поселений и могильников атасуского этапа андроновского времени Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 111, 115). В своей работе по типологии форм сосудов Е.Е. Кузьмина датирует их XV-XIII вв. до н.э. (Кузьмина, 1986, с. 161), хотя сегодня возможна и более ранняя датировка в пределах XVI-XIV вв. до н.э. (Гаас, Горячев, 2016, таблица 2).

Поселение Кызылбулак-IV расположено в 300 м к востоку от поселения Тургень-II вверх по течению ручья в районе его максимального расширения и занимает широкую площадку древней морены и склон северного борта с южной экспозицией (рис. 1, *2*). На территории памятника предварительно выявлено 28 площадок под жилые конструкции по всему его периметру, восемь курганов раннего железного века и шесть площадок под хозяйственные постройки. Жилые конструкции устроены в три яруса и сосредоточены преимущественно в склоне борта над площадкой древней морены. Курганы расположены в юго-западной части комплекса и рассредоточены по правому берегу ручья Кызылбулак.

В полевом сезоне 2017 г. раскоп углублен в центральной части поселения до уровня 60-120 см от уровня современной поверхности. В результате были расчищены домостроение и хозяйственное помещение бронзового века (рис. 3, *1, 2)*. Жилище представляло собой полуземлянку, размерами 8,4×5,8 м, врезанную в горный склон с южной экспозицией (рис. 3, *3, 4*). Вход в него расположен с восточной стороны в виде прямого недлинного коридора (1,5×1 м), слегка повышающегося от внутренней части помещения к выходу. По центру жилища от западной стенки до входа на расстояние от 70 см до 2,5 м прослеживается ряд столбовых ямок, опорной конструкции двухскатной крыши (Кузьмина, 1994, с. 78).

В центральной части помещения обнаружена очажная яма, внутри которой был установлен крупный котловидный сосуд с отбитым дном. У северной стенки жилища зафиксирована крупная хозяйственная яма овально-прямоугольной формы, размерами 1×0,85 м. Внутри нее отмечена разделанная туша мелкого рогатого скота (барана). Жилые комнаты размерами 3×2,5 м были устроены в западной части помещения. Между комнатами определяется неширокий проход (3×0,8м) к задней западной стенке, где, вероятно, имелся дополнительный выход к хозяйственной пристройке.

В 1,5 м к западу от жилища зафиксирована выровненная площадка подовальной формы, размерами 6×5,5м. Постройка была врезана в склон подножия сопки (рис. 3, *2)*. Все пространство основания строения состоит из слоистого озоленного слоя суглинка серо-коричневого цвета. По периметру пола отмечены шесть столбовых ямок на удалении в 1-2 м друг от друга.

Вещевой материал представлен фрагментами керамики, бронзовой иглы, костей животных, каменных орудий труда (рис. 3, *5-27*). Керамика состоит из посуды горшковидной и баночной форм и относится к позднебронзовому периоду, для которого характерны широко раздутое тулово, плоское дно, орнаментация валиками по шейке сосудов в различных вариациях, косые насечки по венчику и стенкам сосуда.

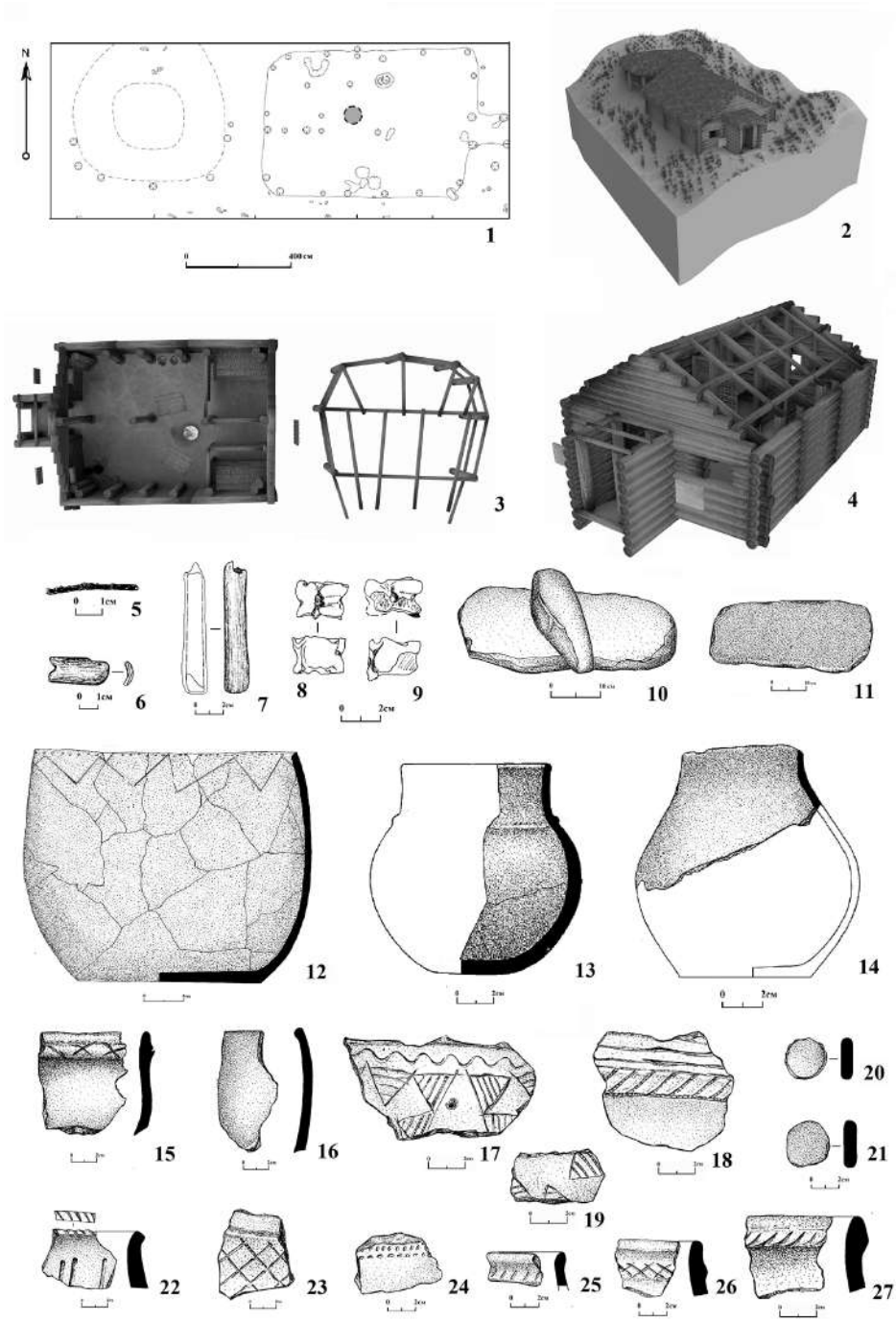


Рис. 3. Материалы жилища эпохи поздней бронзы поселения Кызылбулак-IV. Раскоп 2017 г.: 1 – план раскопа жилища 4; 2 – реконструкция общего вида жилища; 3 – реконструкция внутреннего устройства помещения; 4 – реконструкция устройства стен и крыши строения; 5 – бронза; 6-9 – кость; 10, 11 – камень; 12-27 – керамика

Костные останки животных характерны для состава стада у скотоводов горной зоны. Среди остеологического материала поселения в целом преобладают кости мелкого (свыше 70%) и крупного (около 20%) рогатого скота. Оставшаяся часть состоит из (5%) останков лошадей и (3%) диких травоядных – козлов, оленей и хищников (1%). Ряд костей животных – костяные изделия: проколки, ручки инструментов, астрагалы, трепала и т.д.

Определенные традиции домостроительства в эпоху бронзы были заимствованы населением горной зоны Заилийского Алатау у жителей Средней Азии и Центрального Казахстана. Некоторые аналогии в планиграфии, устройстве очага и каркасно-столбовой конструкции прослеживаются в материалах жилищ Бугулы-II и Суук-Булак в Центральном Казахстане (Маргулан и др., 1966, с. 248-255), Замараево в Южном Зауралье (Сальников, 1954, с. 246). Характер очага относится ко второму типу андроновских очагов, широко распространенных в позднебронзовый период (Кузьмина, 1994, с. 80). Таким образом, исследованное строение соотносится с традицией устройства каркасно-столбовых конструкций жилищ, бытовавших как в андроновское время, так и в позднюю бронзу.

В 2018 г. на территории площадки в восточной части комплекса на глубинах от 40 до 100 см расчищен слой поселения раннего железного века (рис. 4, *1, 2*). Жилище раннего железного века в виде полуземлянки, размерами 6,2×5,4 м, было врезано в горный склон с южной экспозицией. Примечательно, что данное помещение было встроено в контуре более древнего жилища эпохи бронзы, пробив его пол на глубину 20-30 см. Помещение определяется по следам опорных столбовых конструкций, расположенных по периметру через каждые 1,5-2 м. Глубина столбовых ям составляла от 10 до 35 см. Внутри этих столбовых конструкций прослеживается пол, представляющий собой утрамбованный суглинок светло-желтого цвета.

Стены жилища составляли каркасно-столбовую конструкцию, сложенную из бревен тянь-шаньской ели, диаметром 20-25 см. В северо-восточном и северо-западном углах к столбовым конструкциям дополнительно наращивались вертикально установленные столбы, диаметром 10-15 см, укрепляя участки стен, которые испытывали максимальную нагрузку от давления грунта склона. Места соединения углов стен и кровельных перекрытий по традиции производились «в лапу».

Устройство крыши относится к категории двухскатной кровли, опиравшейся на продольное бревно, лежащее на опорных столбах, врытых по центру продольной оси помещения. Данная традиция продолжается в высокогорной зоне ущелья Тургень с эпохи бронзы (рис. 4, *3*).

Вход в помещение был устроен с восточной стороны. С южной стороны от входа расчищена кладка из мелких речных камней, скрепленная отзолённым суглинком. Размеры кладки составляют 2,5×1,3 м. С северной стороны зафиксирован развал конструкции глинобитной печи тандырного типа. Диаметр печи округлой формы составляет ~ 1 м, глубина ~ 70 см. По верхней части печь, вероятно, была обложена каменной выкладкой.

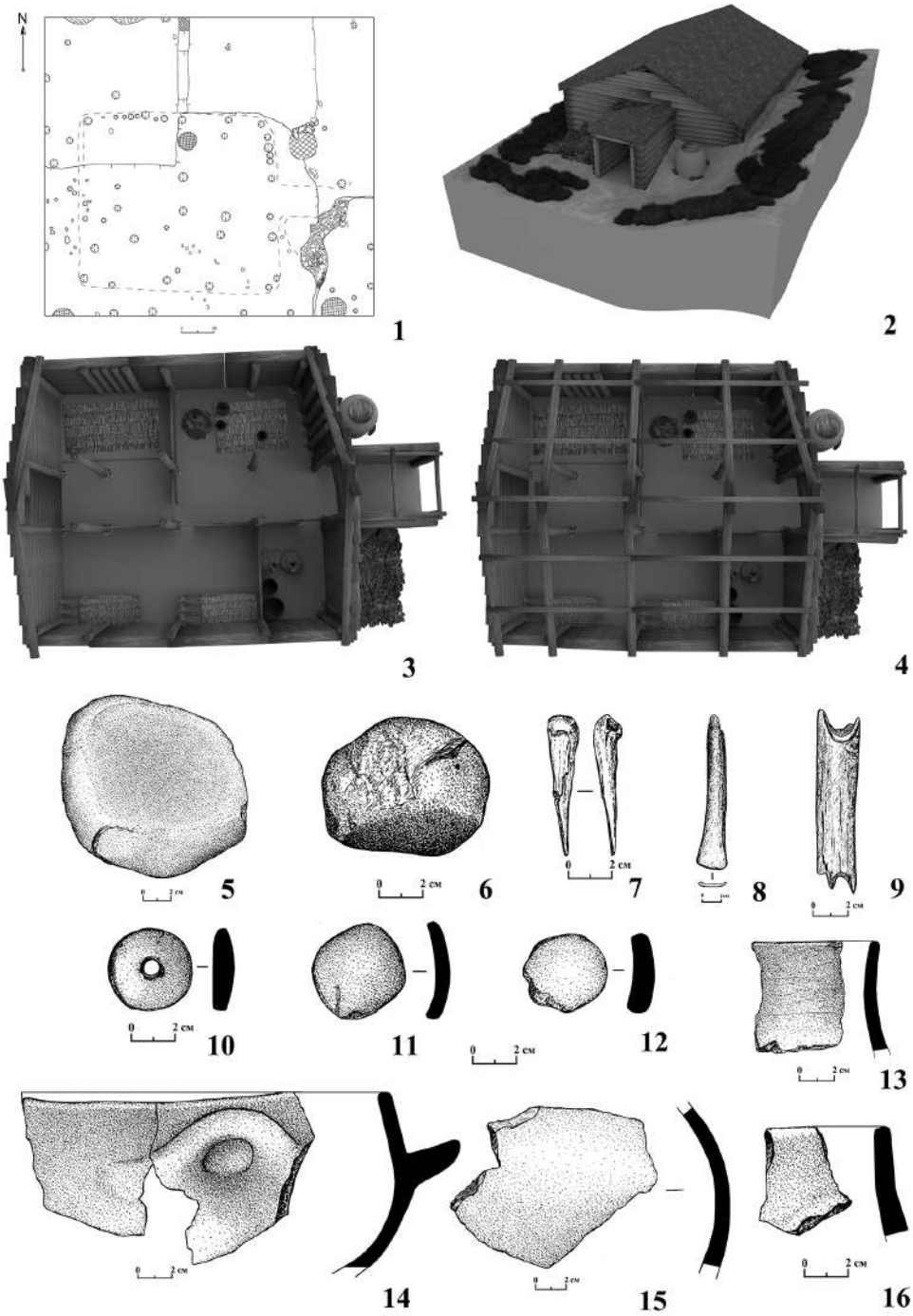


Рис. 4. Материалы жилища раннего железного века поселения Кызылбулак-IV. Раскоп 2018 г.: 1– план раскопа жилища 4; 2 – реконструкция общего вида жилища; 3 – реконструкция внутреннего устройства помещения; 4 – реконструкция устройства стен и крыши строения; 5, 6 – камень; 7-9 – кость; 10-16 – керамика

Вход в жилище, длиной 2 м и шириной 1 м, выводил в общий зал, расположенный в северо-восточной части помещения. В его юго-восточной стороне было отделено небольшое хозяйственное помещение, размерами 2,5×1,5 м. В общем зале сохранились остатки небольшого очага в виде округлого пятна прокала, диаметром 60 см. Жилые комнаты устроены в западной стороне помещения. В одной комнате, размерами 3×3 м, прослеживается возвышение над полом, типа суфы. Вторая комната, находящаяся южнее, имела размеры 2,4×4,5 м. В жилых комнатах отмечена серия зольников и прокалов, которые маркируют остатки сгоревших деревянных конструкций. Внутри помещения зафиксировано скопление фрагментов каменных орудий труда, костей животных и керамики.

Подобные конструкции раннего железного века в высокогорной зоне Заилийского Алатау встречаются впервые. Наиболее близкими по устройству представляются жилища поздней бронзы горной зоны и предгорных долин (Горячев, Сараев, 2017, с. 127-136), что свидетельствует о преемственности традиций домостроительства древнего населения различных исторических периодов. Керамика из жилища наиболее близка материалам поселений предгорной зоны Заилийского Алатау (Байпаков, 2008, с. 74-79), что позволяет соотнести их с памятниками усуньского периода долины реки Или (Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI).

Хозяйственная система древнего населения верховьев ущелья Тургень в эпоху бронзы и раннем железном веке характеризуется развитием яйлажного скотоводства. Наличие крупных стационарных поселений дает основание полагать, что наряду со скотоводами в высогорной зоне Заилийского Алатау постоянно проживали мастера-ремесленники кожевенного, ткацкого, гончарного и кузнечного ремесел. Результаты исследований показывают, что необходимые ресурсы и сырье для этого в верховьях ущелья Тургень были в достаточном количестве. Анализ традиций домостроительства, ремесел и домашних промыслов эпохи бронзы и раннего железного века показывает хозяйственно-культурную преемственность древних технологий населения данного микрорайона.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: «Фан», 1991. – 198 с.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усуни долины реки Или. – Алма-Ата: «Наука», 1963. – 310 с.

Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. – Алматы: Credo, 2008. – 173 с.

Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия история, филология. 2016. – Т. 15, № 5. – С. 85-123.

Горячев А.А. Археологический комплекс Тургень. Эволюция древних культур // «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию ИА им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 2011а. – Т. I. – С. 256-266.

Горячев А.А. К вопросу о традициях погребальной обрядности в эпоху бронзы в верховьях ущелья Тургень // История и археология Семиречья. – Алматы: ОФ «Родничок», 2011б. – Вып. 4. – С. 103-118.

Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургень-II // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 3. – Алматы: Хикари, 2013. – С. 325-341.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древний археологический комплекс ущелья Тургень // «Актуальные проблемы археологии Евразии». Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию ИА им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 2016. – С. 94-110.

Горячев А.А., Сараев В.В. Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. – Т.2. – Алматы, 2017. – С. 127-136.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: МГП «Калина» ВИНИТИ РАН, 1994. – 464 с.

Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 436 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кульсайского типа в горной зоне Семиречья // История и археология Семиречья. – Алматы: Изд-во «XXI век», 1999. – С. 44-56.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы изучения поселений эпохи бронзы Северного Притяньшанья // http://e-history.kz/ru/books/journal, 2017. №3.

Сальников К.В. Андроновские поселения Зауралья // СА. Вып. XX. 1954. – С. 213-252.

А.А. Горячев, Т.А. Егорова
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
A. A. Goryachev, T.A. Egorova
Institute of Archaeology after A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
aga.2805@mail.ru, ega.0108@mail.ru

АНДРОНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КОЖАБАЛА-I В ГОРАХ ХАНТАУ

Работа подготовлена в рамках проекта на тему: ИРН № AP05135512 «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла».

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот новые материалы археологических раскопок 2018 года на могильнике Кожабала-I в горах Хантау. Раскопки могильника бронзового века урочища Кожабала демонстрируют погребальные традиции характерные для групп племен алакульской и федоровской культур андроновской культурно-исторической общности в XVI-XV и на рубеже XIV-XIII вв. до н.э. Материалы памятника предполагают тесные хозяйственно-экономические и этнокультурные связи населения Жетысу и Центрального Казахстана в бронзовом веке.

Ключевые слова. Хантау, урочище Кожабала, эпоха бронзы, могильник, курган-ограда, погребальный обряд, вещевой материал.

Хантау тауларындағы Қожабала-I андронов қорымы

Түйін. Мақалада Хантау тауындағы Қожабала I қорымындағы 2018 жылы жүргізілген археологиялық қазбадан алынған жаңа материалдар ғылыми айналымға енгізіледі. Қожабала шатқалындағы қола дәуірі қорымындағы қазба б.з. дейінгі XIY-XIII ғғ. мен XYI-XY ғғ. андроновтық тарихи-мәдени қоғамның алакөл және феодоров мәдениеті тайпалары топтарына тән жерлеу дәстүрін көрсетеді. Ескерткіш материалдары қола дәуіріндегі Жетісу мен Орталық Қазақстан тұрғындарының шаруашылық-экономикалық және этномәдени байланысының өте жақын екенін байқатады.

Түйін сөздер: Хантау, Қожабала шатұалы, қола дәуірі, қорым, қорған-қоршау, жерлеу дәстүрі, заттық материал.

Burial Site Kozhabala-I in Khantau Mountains

Annotation. New materials of archeological excavations in 2018 in the burial Kazhabala-I in the Khantau mountains are introduced in the article into scientific circulation. Excavations of the burial ground from the Bronze Age to the tract of Kazhabala demonstrate funerary traditions, characterized for groups of tribes of the Alakul and the Fedorov cultures of the Andronovo cultural-historical community in the XVI-XV and at the turn of the XIV-XIII centuries BC the Materials of the monument determine economic and cultural ties of the population of Zhetysu and Central Kazakhstan in the Bronze Age.

Keywords. Khantau, tract Kazhabala, Bronze Age, burial site, Kurgan-fence, burial rites, clothing material.

Горы Хантау являются северо-западной оконечностью массива Шуилийских возвышенностей. Урочище Кожабала расположено в южной части хребта и представляет собой всхолмленную равнину, окруженную небольшими сопками. В его центральной части в древности был устроен могильник эпохи бронзы Кожабала-I. Памятник был открыт в 1989 г.археологической экспедицией Джамбулского историко-краеведческого музея (рук. К. Байбосынов и Р.Б. Исмагилов). Всего было исследовано 10 конструкций курганов-оград, в которых зафиксировано 15 захоронений. Материалы могильника Кожабала-I позволили авторам датировать его позднефедоровским этапом эпохи бронзы (Ковтун, 1999, с. 27-31). Еще четыре кургана-ограды с пятью захоронениями были раскопаны на памятнике в 2009 году в ходе составления археологической карты Мойынкумского района (Горячев, 2009, с. 92-98). Выяснилось, что территория урочища активно осваивалась, начиная с эпохи бронзы. Было обнаружено два древних поселения и пять могильников эпохи бронзы и раннего железного века. Памятники урочища составляли единый археологический комплекс с материалами древних поселений и могильников ущелья Сункар (Горячев, Сараев, 2018, с. 45-50).

В 2018 г. на могильнике Кожабала-I была произведена детальная топографическая съемка квадрокоптером F-4 и выявлено 150 захоронений бронзового века и 10 курганов раннего железного века (рис. 1, *1*). Археологические раскопки охватили четыре кургана эпохи бронзы в центральной и северной части могильника, где было исследовано 15 погребальных конструкций, в которых зафиксировано около 20 захоронений. Общая площадь всех раскопов составила 360 м².

В центральной части могильника исследована конструкция из трех оград эпохи бронзы (15-20) с серией каменных пристроек для детских подзахоронений (рис. 1, *2*). Внутри каждой из них обнаружено от 1 до 3 захоронений в каменных ящиках. Стенки оград сложены из каменных плит, вкопанных на ребро или уложенных плашмя камней.

Основу конструкции представляла восточная ограда 15 подовальной формы размерами 5,75×4,9 м, ориентированная по оси С-Ю. С северной и северо-западной сторон к ней были пристроены две небольшие оградки 16 и 17 округлой и квадратной форм диаметром 3,2 м и размерами 1,7×1,7 м. В каждой ограде отмечено по одному погребальному сооружению в каменном ящике (2,2×1м; 1,2×0,7 м; 1×0,7 м). Все могилы ориентированы по оси запад – восток. Глубина погребальных камер варьирует от 35-50 см в детских захоронениях до 60-105 см в могилах взрослых.

Позднее цепочка каменных оград была продолжена в западном направлении пристройкой (ограда 18) квадратной формы размерами 5,1×5,1 м, ориентированной по странам света. Эта часть конструкции выглядела монументально и, вероятно, содержала достаточно значимое захоронение в каменном ящике, который зафиксирован в развороченном состоянии. Могила размерами 1,8х0,9 м ориентирована по оси запад–восток.

Цепочка оград была продолжена пристройкой с западной стороны к данной конструкции еще одного погребального сооружения (ограда 19) подквадратной формы размерами 3,4×3,3 м. Внутри данной ограды обнаружен тройной каменный ящик со смежными стенками (1,8×1,5 м). Размеры могил – 1,5×0,55 м, 1,4×0,65 м, 1,4×0,65 м.

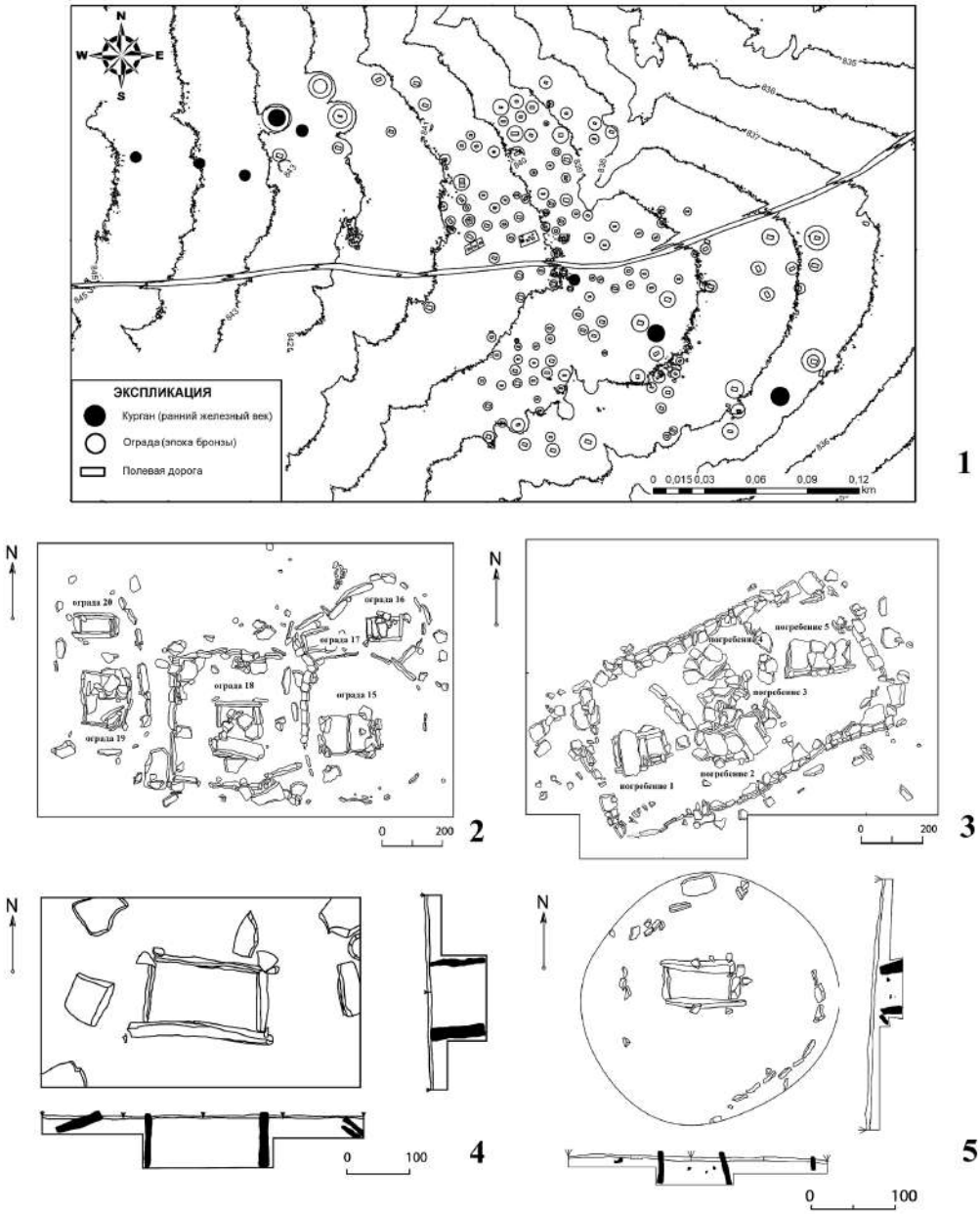


Рис. 1. Могильник Кожабала-I. Раскоп 2018 г. Планы могильника и погребальных конструкций: 1 – топографический план могильника; 2 – план раскопа 1; 3 – план раскопа 2; 4 – план раскопа 3; 5 – план раскопа 4

С северной стороны данной ограды найдена еще одна конструкция (20) размерами 3,2×3,2 м с каменным ящиком (1,15×0,42 м) в центре без плит перекрытия.

Все погребальные камеры были сооружены из 4 вертикально вкопанных каменных плит каждая. Отмечено, что западные и восточные стенки были выше северных и южных на 20-30 см в верхней части конструкции и на 10-15 см закапывались глубже дна могил. Сверху они перекрывались двумя-тремя крупными плитами поперек могилы. В некоторых случаях поверх плит фиксировались остатки наброски из камней мелких и средних размеров. Заполнение могильных ям представляло собой рыхлый супесчаный суглинок, перемешанный со следами ограбления могил (фрагменты каменных плит перекрытия, костей погребенных, керамики и бронзовых украшений, в некоторых случаях угольков).

В погребальных конструкциях основной цепочки оград отмечены парные захоронения. Причем одно захоронение – скопление фрагментов кремированных костей, а другое – трупоположение в скорченном виде на левом боку, головой на запад (судя по сохранившимся непотревоженным костям ног погребенных). Вещевой материал в могилах представлял собой чаще всего фрагменты керамической посуды, бронзовых бляшек или бронзовых и пастовых бусин, украшавших одежду погребенных. Отмечено in situ установка керамической посуды в изголовье погребенных у западных стенок могил, обычно ближе к лицевой стороне.

В 5 м к западу от данной конструкции исследована большая ограда 21 прямоугольной формы, ориентированная по оси ЮЗ–СВ (рис 1, *3*). Ее общие размеры составили 10,5-11 м в длину, 6,3 м – в ширину. Внутри ограда разделена на три секции размерами 3,6-3,65 м х 6-6,3 м. Стенки ограды сложены из каменных плит крупных размеров. Вдоль северо-западной и юго-восточной стенок под них укладывались плашмя относительно крупные плиты для укрепления стенок. Внутри каждой секции фиксируется по одной погребальной конструкции типа каменный ящик. Погребение во второй секции смещено от центральной оси к югу, а в северной части обнаружены два детских подзахоронения.

Устройство каменных конструкций могил и заполнение погребальных камер аналогичны ранее описанному сооружению. В отличие от него каждое погребение содержало захоронение только одного человека. Размеры могил в длину 2,2-2,3 м и 53-65 см, в ширину 0,9-1,05 м и 40-45см. Глубина могил 30см для захоронений детей и 80 см для взрослых.

В крупном погребении центральной части ограды были погребены кремированные останки умершего и полностью отсутствовали следы вещевого материала. В остальных могилах хоронили по обряду трупоположения в скорченном виде на левом боку, головой на запад.

При составлении топографического плана могильника обнаружено, что среди погребальных конструкций, исследованных специалистами на памятнике, в центральной и северо-западной части имеется около 10 недавно вскрытых погребальных камер. Характер раскопов, когда были перекопаны западные части могильных ям, где преимущественно размещено большинство вещевого материала в могилах бронзового века позволяет считать эти раскопы грабительскими. В ходе исследований было принято решение дочистить полностью две из ограбленных погребальных конструкций. Согласно

сквозной нумерации захоронений они получили нумерацию «Ограда 22» и «Ограда 23» соответственно.

Ограда 22 расположена в центральной части могильника в 12 м к северо-западу от ограды 21 (рис. 1, *4*). В отличие от других ограбленных могил погребение в ограде 22 было вскрыто почти полностью по всему периметру. В отвале близ могилы были обнаружены фрагменты костей скелета, отдельные зубы нижней челюсти и бронзовые бусы.

Ограда 22 представляла собой округлую каменную конструкцию диаметром 4,8 м, составленную из крупных плит, вкопанных на ребро. Большинство плит ограды зафиксированы в поваленном состоянии. В ее центре сооружен каменный ящик, составленный из 4 массивных плит, вкопанных на ребро, ориентированный по оси запад-восток. Размеры каменного ящика 2,25×1 м.

В заполнении могильной ямы, представленном супесчаным суглинком, встречались фрагменты костей скелета, бронзовые бусы, нашивные бляшки, фрагмент браслета со спиралевидным окончанием и две каменные крышки, которыми обычно накрывалась керамическая посуда в могилах. На дне могилы на глубине 95 см также отмечены фрагменты косных останков погребенного, однако его положение при захоронении не восстанавливается.

Ограда 23 расположена в северной части могильника. Диаметр ее составляет ~ 6 м (рис. 1, *5*). Она была сложена из крупных и средних каменных плит, вкопанных вертикально, либо массивных камней, уложенных на уровень древней поверхности. Погребение в ограде 23 представляло собой каменный ящик, сложенный из четырех массивных плит вкопанных на ребро. Размеры могильной конструкции, ориентированной по оси запад-восток составили 2,1×1 м. Заполнение могильной ямы представляло собой смешанный грунт супесчаного суглинка с крупными и мелкими фрагментами каменной конструкции могилы. В заполнении до дна (51 см) обнаружены сильно раздробленные кости скелета, фрагменты бронзовых бусин и отдельных мало различимых металлических пластин.

Погребальные конструкции могильника Кожабала-I находят свои аналогии как в материалах Жетысу, так и Центрального Казахстана. Наиболее близки конструкциям из оград 15-20 и 21 погребальные сооружения известных комплексов в системе Шуилийских гор из урочищ Ой-Джайляу и Тамгалы (Горячев, 2013, с. 3-28). По характеру надмогильных сооружений они также схожи с материалами могильников Карасай, Айшрак, Былкылдык II, Шет I из Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 67, 92, 117; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 86-89). Все указанные памятники со сложными конструкциями каменных оград относятся специалистами к алакульской культурной традиции. Однако в материалах Хантау встречается обычай совместного захоронения трупа и кремированных останков, который широко известен в памятниках федоровской культурной традиции андроновской общности региона (Горячев, 2011, с. 103-118).

В этом отношении интересен и вещевой материал могильника Кожабала-I. В материалах древних захоронений отмечены пастовые и бронзовые бусы, нашивные бляшки различных форм, фрагменты бронзовых браслетов, накосниц и разнообразный керамический материал (рис. 2, 3).

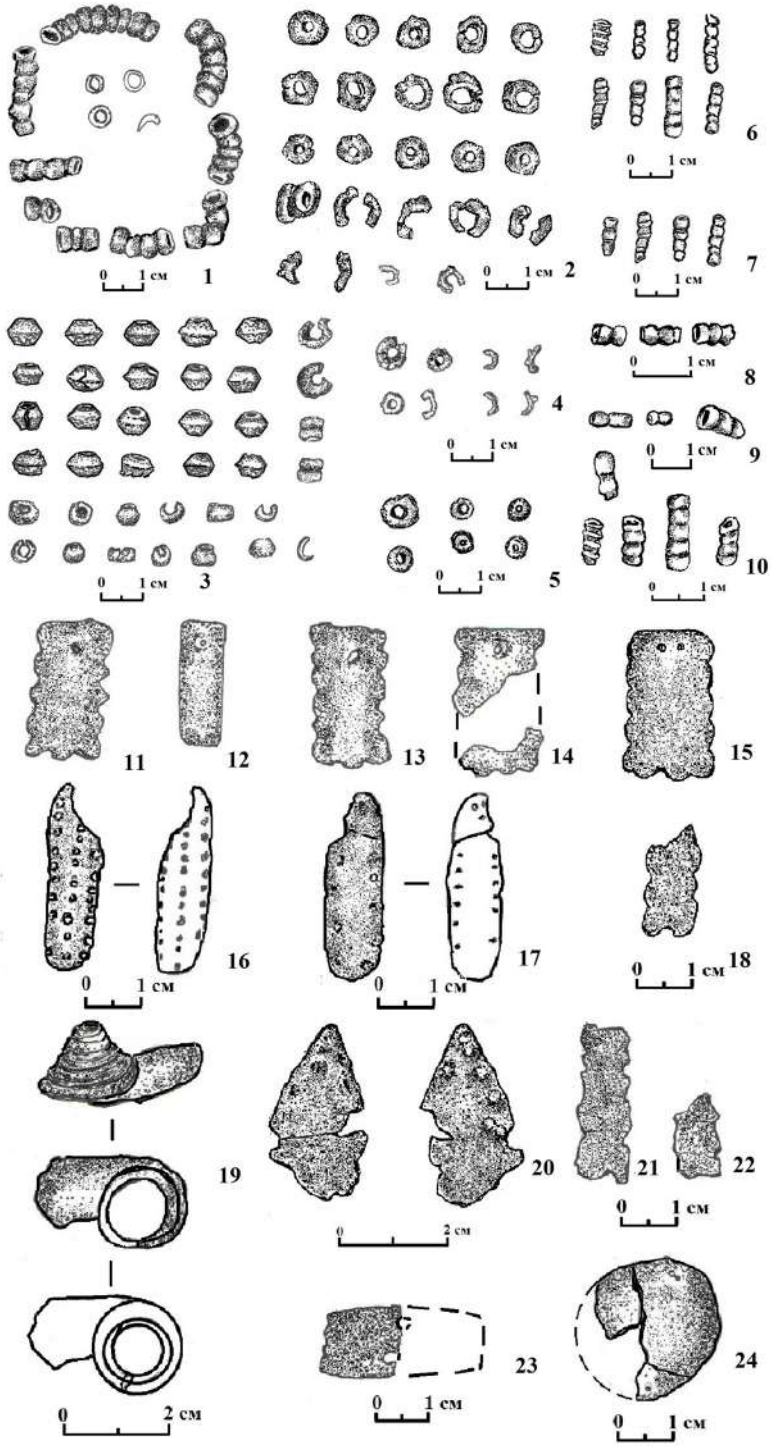


Рис. 2. Могильник Кожабала-I. Раскоп 2018 г. Металлические и глинянные изделия из погребений: 1-5 – бронзовые бусы; 6-10 – пастовые бусины; 11-24 – бронзовые украшения

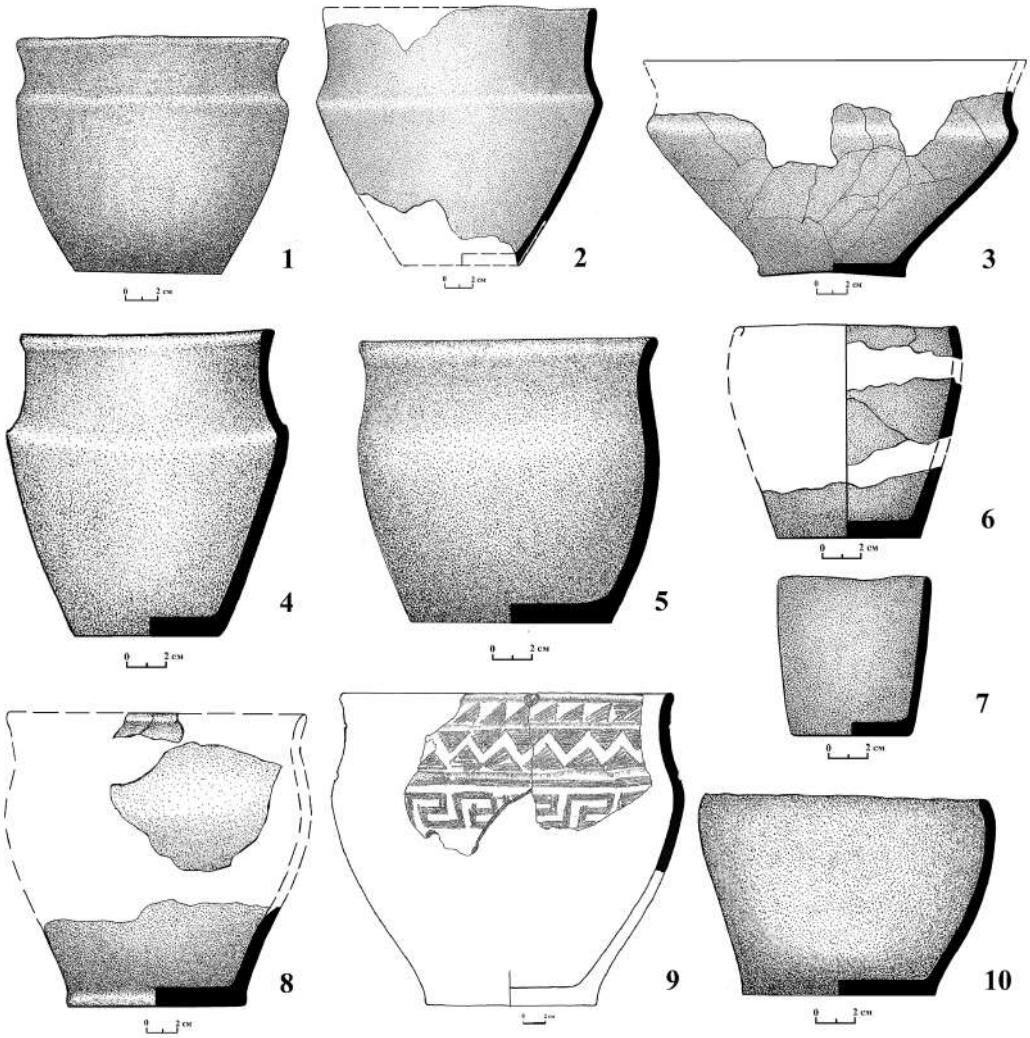


Рис. 3. Могильник Кожабала-I. Раскоп 2018 года. Керамическая посуда из погребений

Бронзовые бусы из погребений (121) обнаружены большей частью в оградах 18, 19 и 21. Бусины округлой или битреугольный формы изготовлены из бронзовой проволоки, толщиной 3мм. Диаметр бусин до 1 см, размеры внутренней овальной окружности 0,4-0,5×0,3 см (рис. 2, *1-5*). Пастовые бусы (25) изготовлены из глины и состоят из двух-шести секций, ребристого типа овальной формы. Размеры бусин 0,5-1,3 см в длину и 0,3 см по диаметру внутреннего сечения (рис. 2, *6-10*). Пастовые и бронзовые бусы биконической и прямоугольной форм являются наиболее распространенным изделием, встречаемым в большей части всех исследованных в регионе погребений. Они являлись важным элементом декора одежды племен эпохи бронзы Центральной и Средней Азии (Аванесова, 1991, рис. 61).

Бронзовые нашивные бляшки (14) также встречаются во всех крупных погребальных конструкциях. Они изготовлены из узкого бронзового листа прямоугольного в сечении толщиной 0,1см и имеют разнообразные формы – округлые (1), прямоугольные (2), овальные, украшенные точечным орнаментом (2), стреловидные (2) и фигурные (7). Длина бляшек от 2,5 см до 3,8 см, ширина 1-1,8 см. В верхней части, как правило, бляшки имеют отверстие, диаметром 2-3мм, для пришивания к материи (рис. 2, *11-18, 20-23*). Подобные бляшки (кроме округлых – рис. 2: *24*) принято именовать лапчатыми подвесками (Аванесова, 1991, рис. 48). Они широкого известны в андроновских культурах Южного, Центрального и Северного Казахстана (Куприянова, 2008, с.198, рис. 9, *14-17:* Карабаспакова, 2011, с. 170, табл. 61). Э.Р. Усманова относит их к категории лапчатых подвесок с зубчатыми краями, которые являлись характерным украшением обуви у племен федоровской культурной традиции (Усманова, 2010, с.156-157, рис.160) или были деталям накосных украшений.

Среди бронзовых украшений обнаружены фрагменты браслета со спиралевидными окончаниями, характерными для федоровской культурной традиции (Зданович, 1988, с. 170), хотя технология изготовления подобных браслетов достаточно широко представлена в материалах и алакульских памятников казахстанских степей (Аванесова, 1991, с. 68, 69).

Керамическая посуда в материалах могильника в 2018 году представлена 12 целыми или реконструированными графически сосудами и фрагментами отдельных частей еще 3 сосудов (рис. 3). Вся посуда лепная, широкогорлая, плоскодонная изготовлена из глины хорошей отмучки с примесью мелкого речного песка и органическими добавками. Обжиг неравномерный, костровой. Тесто на изломе, как правило, темно-серого или грязно-кирпичного цвета.

Среди керамики встречаются широко распространенные сосуды баночных форм. Горшковидные сосуды демонстрируют разнообразие форм профилировки, найдены как остроребериые, так и горшки с уступчиком по плечику. Подобная посуда ближе к алакульско-атасуской группе керамики. Но на регулярной основе обнаруживается посуда с плавно профилированным плечиком. Среди них выделяются фрагменты одного орнаментированного сосуда из погребения в ограде 15 (рис. 3, *9*).

Орнамент на сохранившихся фрагментах сосуда построен в три яруса, которые отделены друг от друга желобчатой линией. Полоса орнамента верхнего регистра составлена из прямоугольных треугольников, выполненных штампом. Полоса орнамента среднего регистра приходится на шейку сосуда и состоит из двух рядов треугольников, обращенных вершинами друг другу и отстоящих друг от друга таким образом, что между ними возникает зигзагообразная дорожка. Третья полоса декора нижнего регистра расположена на плечике сосуда и представлена трехлинейными дорожкой и меандровой полосой, выполненных точечным штампом. Подобная орнаментальная традиция характерна для алакульских комплексов как Жетысу (Марьяшев, Горячев, 1993, с. 5-11), так и Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 115).

В публикациях материалов могильник Кожабала-I датировался позднефедоровским периодом, а хронологический период функционирования памятника относился в рубежу XIII-XII вв. до н.э. Новая периодизация погребальных памятников федоровской культурной традиции, полученная на основе радиоуглеродного и дендрохронологиче-

ского анализов захоронений горной зоны Заилийского Алатау, удревняет хронологические рамки этого периода на территории южных регионов Казахстана в пределах XV-рубежа XIV-XIII вв. до н.э. (Гаас, Горячев, 2016, с. 112-113, табл. 1; 2). Погребальные конструкции с алакульскими материалами в оградах 15-21 позволяют удревнить время возникновения могильника до XVI в. до н.э.

Таким образом, возникновение и существование могильника Кожабала-I можно связывать с процессом интенсивных контактов групп племен Жетысу и Центрального Казахстана, усвоивших как алакульские, так и федоровские культурные традиции андроновской культурно-исторической общности. Полученные материалы позволяют выделить два этапа в функционировании памятника – XVI-XV вв. до н.э. и XIV-XIII вв. до н.э.

Список литературы

Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 198 с.

Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия история, филология. 2016. Т. 15. №5. – С. 85-123.

Горячев А.А. Археологические памятники эпохи бронзы на южных склонах гор Хантау // Вестник КазНПУ им. Абая. 2009. № 4 (23). – С. 92-98.

Горячев А.А. К вопросу о традициях погребальной обрядности в эпоху бронзы в верховьях ущелья Тургень // История и археология Семиречья. – Алматы: «ОФ Родничок», 2011. – Вып. 4. – С. 103-118.

Горячев А.А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК. Серия обществ. и гум. наук. 2013. № 3. – С. 3-28.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древние археологические комплексы южной части гор Хантау // Самарский научный вестник 2018. Т. 7. № 2 (23). – С. 45-50.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 248 с.

Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. – 220 с.

Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожа-Бала // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Никалс, 1999. – С. 27-31.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как текст: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). – Челябинск: ООО Авто Граф , 2008. – 244 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 466 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. – С. 5-19.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. – Караганда: ТаиС, 2010. – 176с.

В.Ф. Зайберт
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Алматы, Казахстан
V. Zaibert
al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

БОТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА – МАТРИЦА СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Поселение Ботай исследуется на протяжении почти 40 лет специалистами самых различных областей. В статье приводятся основные результаты изучения ботайской культуры, которая в настоящее время получила и политическое признание. Ботайская культура – это бренд всаднической культуры Казахстана, так как именно в степях Северного и Центрального Казахстана в IV тыс. до н.э. было одомашнена лошадь.

Ключевые слова: поселение Ботай, ботайская культура, доместикация лошади, культурогенез, степная цивилизация.

Ботай мәдениеті – далалық өркениеттің матрицасы

Түйін. Ботай қонысы 40 жылдың көлемінде әртүрлі сала ғалымдарымен зерттеліп келеді. Мақалада ботай мәдениетін зерттеудің бүгінгі күні саяси тұрғыда да мойындалған негізгі нәтижелері келтірілген. Ботай мәдениеті – Қазақстанның жылқы өсірушілер мәдениетінің бренді болып табылады, себебі дәл осы Солтүстік және Орталық Қазақстан даласында б.д.д. IV мыңжылдықта жылқы қолға үйретілді.

Түйін сөздер: Ботай қонысы, ботай мәдениеті, жылқыны қолға үйрету, мәдениегенез, далалық өркениет.

The Botai culture is matrix of steppe civilization

Annotation. Experts from various fields of science have been researching the Botai settlement for almost 40 years. The article presents the main results of the study of the Botai culture, which has now received political recognition. Botai culture is the brand of equestrian culture of Kazakhstan. Because the horse was domesticated precisely in the steppes of Northern and Central Kazakhstan in the 4th millennium BC.

Keywords: Botai settlement, Botai culture, domestication of the horse, cultural genesis, steppe civilization.

В связи с выходом в свет статьи президента страны: «Семь граней Великой Степи» ботайская культура получила политическое признание как бренд всаднической культуры Казахстана. Это явилось результатом почти сорокалетних исследований поселения Ботай и других памятников одноименной культуры в процессе применения комплексных археологических и естественных методов, примененных зарубежными

учеными-специалистами палеозоологами, палеогенетиками, палеоантропологами, палеогеографами и др. Археология, генетика и лингвистика являются сегодня корректирующими векторами в целом исторической науки.

Одним из археологических источников доведенного многолетними исследованиями (1980-2019 гг.) различных научных отраслей до уровня этнографического – являются поселение Ботай и ботайская культура IV-III тыс. до н.э.

Творческие связи казахстанских ученых-археологов с зарубежными коллегами позволили использовать инновационные методы в исследованиях энеолита Казахстана и расширить тем самым нашу информацию о характере и насыщенности культурного слоя в различных зонах уникального по масштабам поселения специфическими остатками человеческой деятельности и животных.

Комплексные международные исследования существенно повышают верификацию выводов исследований и их объективность:

– определена культурная принадлежность, абсолютная и относительная хронология памятников ботайского типа, реконструированы экономические, социально-этнические, духовные составляющие ботайской культуры, формы и направления развития, причины кризиса культуры и векторы ее трансформации, инструментально доказан приват доместикации лошади и кумыса в Евразии; разработана теория археологической ботайской культуры с ее внутренними археологическими, этнографическими, идеологическими, социальными контекстами; Ботайская культура явилась истоком степной цивилизации и началом культурогенеза казахов и многих других современных этносов Евразии.

Культурогенез, как адаптационный, испытывающий инновационные и автохтонные традиции имел свои внутренние правила или причинно-следственные мотивационные установки.

Историческое значение результатов исследований ботайской культуры заключается в следующем:

1. В степях Северного и Центрального Казахстана впервые на планете в IV тыс. до н. э. была одомашнена лошадь.

2. Человечество перешло после нескольких миллионов лет эволюции от пешей коммуникации к конной. Этот момент и был началом степной цивилизации, динамичным ускорителем мирового исторического процесса. Начиная с IV тыс. до н. э. – времени сложения ботайской культуры ранних коневодов Евразии – вплоть до индустриальной эпохи XVII-XVIII вв. лошадь играла основную роль в эволюции цивилизационных процессов не только в Великой степи, но и в остальной ойкумене Старого Света.

3. Ботайское население перешло к полуоседлому образу жизни. Впервые в степях люди стали строить капитальные деревянные сооружения с использованием оригинальных архитектурных приемов. Жилые полу наземные дома строились из дерева, глины, костей лошади, бересты и земляных пластов. Дома доходили по площади до 120 м^2. Они были многоугольными по форме, а сводчатое перекрытие держалось очень прочно без опорных столбов. Это – эврика в домостроительной технологии.

4. Ботайцы за две тысячи лет до эпохи бронзы пользовались медными инструментами и предметами. Они были искусными мастерами, медиками, художниками и ювелирами. Трепанация черепа в условиях того времени граничит с фантастикой. Ряд из-

делий выполнены таким совершенным образом, что невозможно зачастую представить себе технологии каменного века.

5. Население ботайской культуры впервые выработало календарные циклы скотоводов в степи. Зимой они жили в больших поселениях (20-30 га) и стационарных домах, а весной часть жителей поселков вместе с лошадьми уходили в открытые степные районы Тургайской ложбины и отрогов Улутау в Джезказганском регионе. Фактом является рисунок на глиняном горшке, изображающий два колеса и стилизованное изображение лошади между ними. Для временного жилья использовалось легкое жилище, сделанное из тала и шкур лошадей, а эврикой для создания первых юрт была обыкновенная плетеная из тальника корзина, которая своей простой и прочной конструкцией завораживала людей, давая им приспособления для лова рыбы, остова, обмазанного глиной (будущий сосуд). Нагляден макет перевернутой вверх дном корзины как прообраз ботайского жилища или юрты.

Показателен перечень артефактов и выявленных историко-культурных процессов, отражающих фактор значимости ботайской культуры:

– застежки пут для лошадей из кости и дерева;

– скальпели для кастрации жеребцов в виде трубчатых проколок из птичьих костей;

– костяные и волосяные удила;

– недоуздки из ремней;

– укрюк – длинная палка с петлей на конце – орудие табунщика для ловли лошадей;

– транспорт колесный;

– шестереночные каменные диски для скручивания веревок;

– каменные диски с отверстием в центре в качестве маховиков станковых сверл;

– костяные долота – стамески;

– цилиндрические костяные штампы;

– пластина из самородной меди;

– боласы – метательные каменные шары для охоты на мелких животных, птиц и парнокопытных и др.,

– метательные дротики, лук и стрелы, копья, специальные уникальные ювелирные изделия – каменные бусины.

Историко-культурные феномены:

– первичный экономический придомный комплекс – жилищно-производственное помещение коневода и примыкающий к нему загон для лошадей (дойных кобылиц и жеребят);

– инструментально доказан приват доместикации лошади и кумыса в Казахстане;

– домостроительная и хозяйственная архитектура многоугольной круговой планировки купольного типа;

– глубокие круглые ямы для консервации мяса лошадей;

– очажная печь или прото-тандыр – защитный усеченный конус над костром в жилищах, сделанный из обмазанной глиной корзины без дна;

– трепанация на черепе живого человека;

– сформулированы причины кризиса ботайской культуры и векторы еетрансформации;

– определены абсолютные даты более 50 образцов угля и кости из памятников ботайской культуры.

Все значительные и малые открытия первых коневодов внедрялись в повседневную практику, закреплялись в процессе традиционного воспитания, передавались из поколения в поколение на протяжении тысячелетий и распространялись по степным и лесостепным просторам Евразии.

Депрессия древней культуры проявлялась в двух процессах – в исходе населения в другие экологические ниши и культурной переориентации.

Возрождение культуры происходило в обновленном этническом и духовном содержаниях. В новых, для себя условиях, этнос был открыт для культурной и идеологической инновации, создавался соответствующий календарный цикл. Устанавливался регулярный положительный баланс между окружающей средой и воспроизводством материальных и человеческих ресурсов.

Изменяли логику традиционной жизни лишь события на уровне эрных, пассионарных явлений и открытий – эры пешей коммуникации – конной – машинной и ноосферно-информационной.

Миграционные процессы за пределами культурно-хозяйственного ареала социумов происходили в основном в кризисные моменты, а мотивациями к миграциям являлись определенные технические возможности и открытия в системах коммуникации – конно-верховой, конно-транспортной и т.д.

С этого момента резко усиливаются исторический динамизм и пассионарность развития – благодаря мощной конфедерации племен ранних конников Казахстана и степей Евразии в целом.

В процессе культурогенеза (как всеобщей системе адаптации общества в окружающей среде) и этногенеза вырабатывались матричные для всей степной экосистемы средства жизнеобеспечения, календарные циклы, социальные структуры и духовные составляющие.

Степная цивилизация развивалась как самовоспроизводящаяся система, независимая от оседло-земледельческих цивилизаций и культур. Не случайно возникнув в эпоху медно-каменного века как конная конфедерация в системе многоотраслевого хозяйства и домашних промыслов, в эпоху бронзы и раннего железного века степная цивилизация характеризовалась уже всеми основными отраслями деятельности – скотоводством, земледелием, металлургией и др.

Культурогенез подготовил к началу раннего железного века преобладающий и определяющий ход истории, роль политогенеза. Именно поэтому степная цивилизация, трансформировавшаяся в раннюю историю казахского этноса и государства Казахского ханства, не знали пропастей и периодов забвения в своей истории. Страна Казахстан не была транзитной территорией как об этом писалось в недавние времена, а пространством, где происходили мировые историко-культурные процессы, оказавшие судьбоносную роль в истории многих народов планеты.

Т.Б. Мамиров, Н.М. Баиров, К.Б. Мамиров, С.Р. Куандык, Е.Е. Клышев
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
T.B. Mamirov, N.M. Bairov, K.B. Mamirov, S.R. Kuandyk, E.E. Klyshev
Institute of archaeology named after A. Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
tmamirov@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В 2018 г.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05134087).

Аннотация. В данной статье приводятся предварительные данные о полевых работах 2018 года в Таскалинском районе Западно-Казахстанской области. В ходе исследований были открыты новые местонахождения каменного века и проведены археологические раскопки на памятниках Ешкитау, Вавилино 1 и Деркул 1. Исследование стоянок Вавилино 1 и Деркул 1 имеет большое значение ввиду аварийности памятников и наличия сохранившихся культурных слоев, что является редкостью для территории Западного Казахстана. На памятниках были получены более 10 тысяч каменных артефактов, костных останков, фрагментов керамики. По предварительным данным памятники датируются неолитом – энеолитом, абсолютный возраст памятников будет установлен по результатам радиоуглеродного анализа. Работы на стоянках Ешкитау, Вавилино 1 и Деркул 1 показали свою перспективность и получат свое продолжение в ближайшие годы.

Ключевые слова: неолит, энеолит, стратиграфия, костные останки, культура, индустрия, керамика.

2018 жылы Батыс Қазақстанда тас ғасырын зерттеулері

Түйін. Бұл мақалада Батыс Қазақстан облысы Тасқала ауданындағы 2018 жылғы дала жұмыстары туралы алдын ала деректер келтіріледі. Зерттеу барысында тас дәуірінің жаңа орындары ашылып, Ешкітау, Вавилино 1 және Деркул 1 ескерткіштерінде археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Вавилино 1 және Деркул 1 тұрақтарын зерттеу ескерткіштердің апаттылығына және сақталған мәдени қабаттарының болуына байланысты үлкен маңызға ие, бұл Батыс Қазақстан аумағында сирек кездесетін болып табылады. Ескерткіштерде 10 мыңнан астам тас артефактілер, сүйек қалдықтары, керамика фрагменттері алынды. Алдын ала деректер бойынша ескерткіштер неолит – энеолит кезеңдерімен белгіленеді, ескерткіштердің абсолюттік жасы радиокөміртекті талдау нәтижелері бойынша анықталады. Жұмыстар Ешкітау, Вавилино 1 және Деркул 1 тұрақтарында өздерінің болашағын көрсетті және алдағы жылдары өздерінің жалғасын алады.

Түйін сөздер: неолит, энеолит, стратиграфия, сүйек қалдықтары, мәдениет, индустрия, керамика.

Researches of the Stone Age in the Western Kazakhstan in 2018

Annotation. This article provides preliminary data of field researches at 2018 in the Taskala district of the West Kazakhstan region. During the research, were discovered and carried out the archaeological excavations of monuments of the Stone Age: Eshkitau, Vavilino 1 and Derkul 1. The study of the sites Vavilino 1 and Derkul 1 is of great importance due to the accident rate of the monuments and the presence of preserved cultural layers, which is rare in Western Kazakhstan. More than 10 thousand stone artifacts, bone fragments, and fragments of ceramics were obtained on the monuments. According to preliminary data, the monuments date from the Neolithic-Eneolithic time, the absolute ages of the monuments will be established according to the results of radiocarbon analysis. Works on the sites Eshkitau, Vavilino 1 and Derkul 1 showed their prospects and will be continued in the coming years.

Keywords: Neolithic, Eneolithic, stratigraphy, bone remains, culture, industry, ceramics.

В 2018 г. ИА им. А.Х. Маргулана было возобновлено изучение памятников каменного века на территории Западно-Казахстанской области. Исследования велись в рамках грантовой темы «Каменный век Северо-Восточного Прикаспия» Комитета науки МОН РК.

Работы проводились в Таскалинском районе на палеолитической стоянке-мастерской Ешкитау и стоянках позднего каменного века Вавилино 1, Деркул 1. Раскопки на памятнике Ешкитау носили рекогносцировочный характер, был заложен разведочный раскоп, проведены тахеометрическая съемка местности с составлением топоплана, а также осмотр района на перспективы обнаружения палеолитических местонахождений. Палеолитические местонахождения были выявлены на высоких террасах и сопках левого берега р. Деркул, с выходами кварцитовидного песчаника.

Собственно раскопочные работы велись на двух памятниках – Вавилино 1 и Деркул 1. Памятники были впервые открыты в 1986 г. Приволжской экспедицией Саратовского государственного университета под руководством Н.М. Малова (Малов, 1987, с. 4-5, 15-16), повторно обследованы в 1988 г. (Малов, 1988, с. 486; Малов, 1989, с. 85-86). В 1991 г. исследования на памятниках были проведены Оренбургской археологической экспедицией под руководством Н.Л. Моргуновой (Моргунова, 1991; Моргунова, 1995, с. 224).

Стоянка Вавилино 1 расположена на правом берегу р. Деркул в 2 км к юго-востоку от пос. Бастау (ранее пос. Вавилино). Большая часть памятника разрушена антропогенной деятельностью: искусственным валом для водотока, бывшими огородами, газопроводом (рис. 1).

На стоянке Вавилино 1 был заложен раскоп площадью 16 кв. м, раскопочные работы велись послойно по 10 см, с просеиванием грунта через сито. В слое, глубиной до 50 см, выявлены более 1000 каменных артефактов, фрагментов керамики и костных останков (табл. 1).

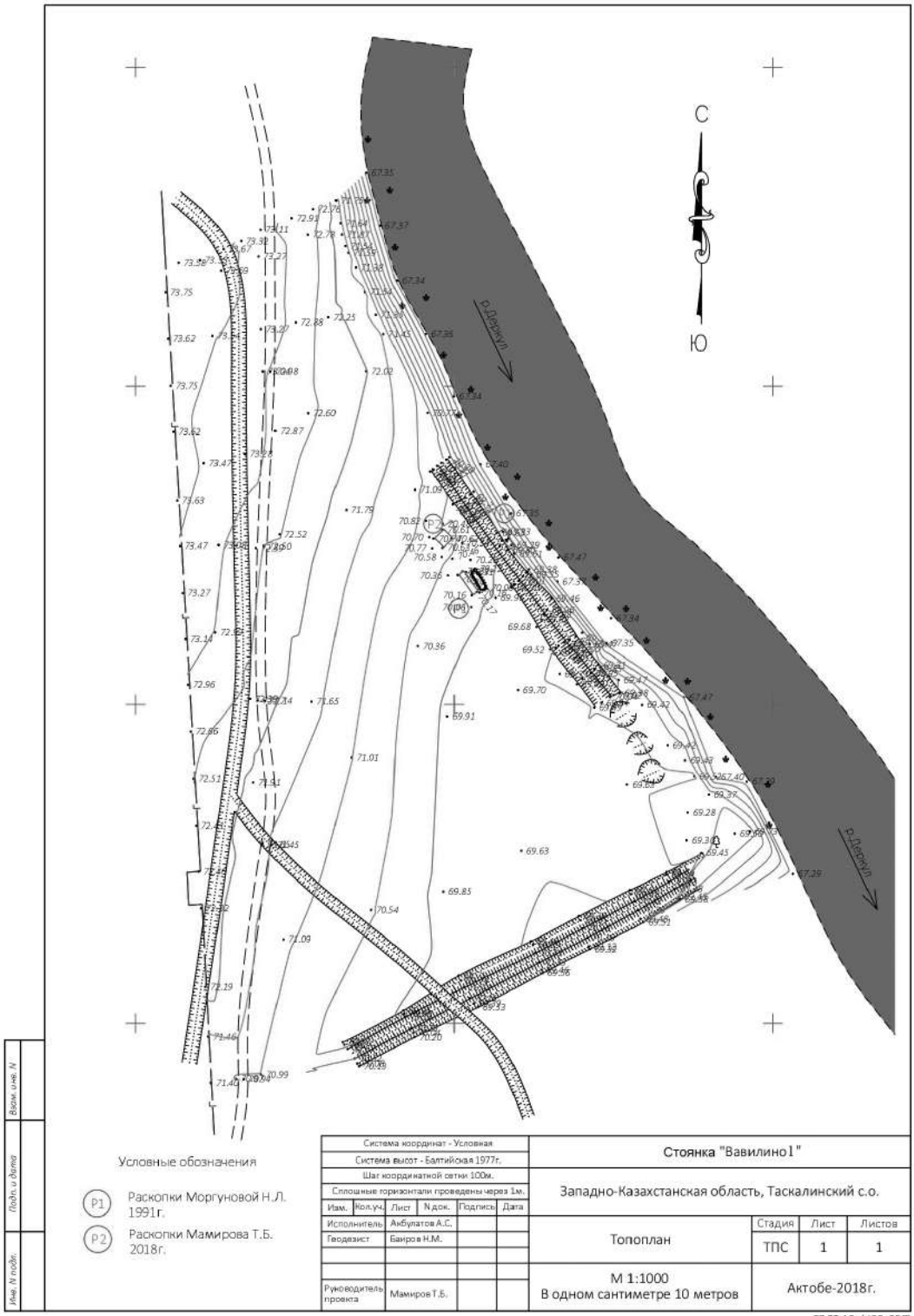


Рис. 1. Топоплан стоянки Вавилино 1

Таблица 1

Количество артефактов по глубинам на стоянке Вавилино 1

Глубина (см)	Артефакты (экз.)*		
	Кварцитовидный песчаник	Кремнистые породы	Фрагменты керамики
0	1		
0-10	115	3	3
10-20	262	46	1
20-30	344	40	6
30-40	124	43	5
40-50	34	18	3

На глубине 0-10 см выявлено 118 артефактов. Основная масса артефактов выполнена из кварцитовидного песчаника (115 экз.). В коллекции 12 орудий, выделяются следующие:

– три концевых скребка, первый размерами 17,4×13,5×4 мм на выветрелом пластинчатом сколе с зубчатым лезвием, второй размерами 15,3×18,5×5,6 мм на пластинчатом сколе со скошенным лезвием и третий размерами 15×14,8×3,2 мм на пластинчатом сколе с подретушированными краями;

– скребок угловой на округлом вторичном отщепе размерами 30,5×31,5×11,6 мм;

– три фрагмента пластин с ретушью, первый медиальный фрагмент пластины с усеченным дисталом и шипом, размерами 13,5×12,1×4,3 мм, второй, проксимальный фрагмент пластины с перехватом, зауженным основанием размерами 16,1×12,3×2,7 мм и третий медиальный фрагмент пластины с ретушью размерами 9,5×12,7×4,8 мм.

Орудия из кремнистого сырья – 3 экз., представлены двумя концевыми скребками, размерами 17,7×13,2×4,6 мм и 13,9×12,1×3,1 мм, последний выполнен на пластине со скошенным лезвием. В коллекции также один медиальный фрагмент пластины, размерами 11,5×6,4×2,5 мм с ретушью.

Отходы производства представлены фрагментами пластин без вторичной обработки, целыми и фрагментированными сколами, чешуйками, техническим сколом, нуклевидными обломками.

На данной глубине было выявлено также три малоинформативных фрагмента керамики.

На глубине 10-20 см выявлено 308 каменных артефактов из кварцитовидного песчаника (262 экз.) и кремнистых пород (46 экз.).

Из кварцитовидного песчаника, выделяются следующие орудия (21 экз.): концевые скребки, угловой скребок, фрагменты пластин с ретушью (7 экз.), геометрический микролит (трапеция), на медиальном фрагменте пластины с усеченными ретушью концами, отщепы с ретушью и др.

Отходы производства представлены фрагментами сколов, вторичными отщепами, чешуйками. В коллекции два технических скола и тринадцать нуклевидных обломков.

Из кремнистых пород выявлено 19 орудий, представленных скребками различных модификаций, фрагментами пластин и сколов с ретушью, проколкой.

Отходы производства являются фрагментами пластин без вторичной ретуши, техническим сколом, целыми и фрагментарными сколами, чешуйками.

В коллекции имеется один фрагмент керамики, размерами 25,5×15,8×8 мм.

На глубине 20-30 см обнаружено 384 каменных артефакта. Из них из кварцитовидного песчаника – 344 экз. Орудия – 22 экз., составляют 6,4% от всех изделий из данного сырья, представлены следующими типами: концевые скребки (7 экз.), фрагменты пластин с ретушью (9 экз.), геометрический микролит – треугольник с ретушью сторон, размерами 15,8×9,5×3 мм, массивное скребло на вторичном целом сколе, выемчатое орудие, острие на сколе, размерами 33,2×21,3×10 мм и два скола с ретушью.

Отходы производства – фрагменты пластин без вторичной обработки, целые и фрагментированные отщепы, чешуйки, технические сколы и нуклевидные обломки.

Орудийный набор составляет 35% от артефактов из кремнистого сырья, содержит концевые скребки, перфоратор, пластину и фрагменты пластин с ретушью, фрагменты сколов с ретушью.

Отходы производства представлены медиальными фрагментами пластин без ретуши, нуклевидными обломками и осколками, фрагментами сколов, чешуйками.

В коллекции насчитывается шесть мелких фрагментов керамики, средними размерами 1-2 см.

На глубине 30-40 см обнаружено 167 каменных артефактов, из кварцитовидного песчаника – 124 экз. Орудий из кварцитовидного песчаника - 4%, они представлены скребками размерами 22,3×11,7×3 мм, 16,4×13,2×4,7 мм, 14,1×15,5×4,7 мм, фрагментами пластин и сколов с ретушью.

В коллекции находится один одноплощадочный односторонний призматический нуклеус для пластин размерами 61,9×33,7×19,5 мм.

Категория «отходы производства» содержит фрагменты пластин без вторичной обработки, целые и фрагментированные отщепы, чешуйки, технические сколы.

Орудийный набор из кремнистых пород составляет 23,2% от артефактов из кремнистого сырья, представлен скребками, фрагментами пластин и сколов с ретушью. В коллекции есть геометрический микролит (сегмент) размерами 25,9×6,7×1,5 мм с обработкой дуги противолежащей ретушью.

Отходы производства – фрагменты пластин без вторичной обработки, фрагменты сколов, чешуйки.

В коллекцию включены пять фрагментов керамики плохой сохранности.

На глубине 40-50 см обнаружено 52 артефакта. Артефакты из кварцитовидного песчаника (34 экз.) представлены двумя орудиями: медиальным фрагментом пластины с ретушью размерами 9,6×12,5×3,8 мм и боковым скребком на фрагменте вторичного скола размерами 16,6×15,2×4,7 мм.

Отходы производства включают в себя фрагменты пластин без вторичной обработки, массивный вторичный скол, проксимальный фрагмент вторичного скола, чешуйки и осколки.

В коллекции содержатся три фрагмента керамики плохой сохранности.

Артефакты из кремнистого сырья (18 экз.), представлены двумя концевыми скребками, размерами 14×14,73×9 мм и 18,4×16×4,3 мм и проксимальным фрагментом пластины с ретушью, размерами 18,4×8,8×3 мм.

Отходы производства представляют собой фрагменты пластин и отщепов без ретуши, чешуйки.

Основным каменным сырьем для орудий послужили кремнистые породы и кварцитовидный песчаник. Соотношение артефактов из сырьевого материала в процентном отношении распределяется следующим образом: в верхних слоях кремнистое сырье составляет всего 2,5%, дальше по глубине его количество растет до 34,6% в нижних слоях. Имеются фрагменты керамики плохой сохранности.

На памятнике были взяты пробы на ряд анализов для определения абсолютного возраста и реконструкции палеоклиматических условий времени его существования. Индустрия отличается по составляющей сырья, для кварцитовой характерна отщеповая индустрия, для кремнистой – пластинчатая. Наличие в окрестностях выходов кварцитовидного песчаника позволила древним людям использовать его в большом количестве, в том числе производить на стоянке орудия, об этом свидетельствует наличие нуклевидных форм, а также множество отходов производства в виде фрагментов пластин, отщепов и чешуек.

Обнаруженные в ходе раскопок костные останки представлены фрагментированными экземплярами. По определению П.А. Косинцева[1], на стоянке можно идентифицировать принадлежность зубов взрослой особи лошади на глубине 40-50 см, а также соотнести фрагменты зубов и костей с лошадью либо куланом на глубине 10-20 см, 20-30 см и 30-40 см.

Работы на памятнике только начаты, полученный материал немногочисленный, типологически выделяются неолитические (концевые скребки, фрагменты пластин с ретушью, геометрические микролиты, призматический нуклеус для пластин и др.) и энеолитические артефакты (скребки, сколы с ретушью на кварцитовидном песчанике). Неолитический материал сопоставляется со слоем 2 Б Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004, с. 137).

Памятник Деркул 1 расположен на левом берегу одноименной реки в пределах 1 км от пос. Бирлик (ранее пос. Кузнецово). Через памятник проходит водозащитный вал, который вскрыл северную часть памятника, южнее памятника расположены водосборники.

На памятнике Деркул 1 был заложен раскоп площадью 16 м^2, ввиду насыщенности культурными остатками, до глубины 170 см был уменьшен до 8 м^2. В результате было обнаружено большое количество каменных находок (более 11000), костных останков животных и фрагментов керамики (табл. 2).

---

[1]Авторы выражают благодарность П.А. Косинцеву, Д.В. Малахову за палеозоологические определения костных останков на памятниках Вавилино 1 и Деркул 1.

Таблица 2

Количество артефактов по глубинам на стоянке Деркул 1

Глубина (см)	Артефакты (экз.)*		
	Кварцитовидный песчаник	Кремнистые породы	Фрагменты керамики
0-10	548	5	18
10-20	738	11	14
20-30	827	20	14
30-40	968	17	12
40-50	828	23	8
50-60	711	8	12
60-70	821	11	3
70-80	1107	20	12
80-90	722	13	9
90-100	454	11	6
100-110	434	8	1
110-120	925	13	17
120-130	841	4	26
130-140	463	3	14
140-150	231	6	28
150-160	129	10	26
160-170	127	2	3
170-180	31	4	

* После глубины 10-20 см, материал представлен с площади 4 кв. м.

Концентрация находок очень большая, поэтому грунт тщательно просеивался через сито для извлечения всех артефактов. Сырьевая база практически однородная (98,3%) – кварцитовидный песчаник желтовато-серого и светло-серого оттенка. Выходы сырья расположены севернее на сопке, сложенной кварцитовидным песчаником. Здесь были встречены изделия палеолитического облика. Артефакты из кремнистого сырья использованы единично (1,7%).

На поселении Деркул 1 было выявлено большое количество костных останков. Ведущим научным сотрудником Республиканского общественного объединения «Казахстанская ассоциация сохранения биоразнообразия» Д.В. Малаховым были проанализированы костные останки с глубины 120-180 см. Среди таксономически или морфологически определимых образцов в раскопе присутствуют как кости домашних животных (лошади, КРС, МРС), так и диких животных (олени, лисицы и возможно лошади Пржевальского), а также птиц. Кости МРС и КРС больше всего встречаются в верхних слоях (120-150 см), в нижних (150-180 см) напротив, больше костей лошадей и возможно лошади Пржевальского.

Интересной является находка на глубине 20-30 см плохо сохранившейся второй фаланги большого пальца ноги человека.

Судя по большой мощности культурного слоя, на памятнике происходило быстрое накопление аллювия в энеолитическое время. Это была долговременная стоянка-ма-

стерская энеолитического времени. Наличие большого количества костных останков на памятнике свидетельствует о сложении хорошо оформившейся системы производящего хозяйства с определенной долей охоты на диких животных.

Абсолютный возраст памятника будет установлен после получения серии радиоуглеродных дат, палеоклиматическая обстановка в районе памятника в древности в настоящее время реконструируется специалистами Института почвоведения и агрохимии СО РАН.

Работы по исследованию каменных коллекций и керамики поселения Деркул 1 продолжаются и они дополнят предварительные сведения. Исследования на стоянках Ешкитау, Вавилино 1 и Деркул 1 показали свою перспективность и получат свое продолжение в ближайшие годы.

Список литературы

Малов Н.М. Отчет об археологических разведках, произведенных в Каменском районе Уральской области в 1986 г. – Саратов, 1987 // Архив ИА КН МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 2146.

Малов Н.М. Разведки на Деркуле // Археологические открытия 1986 г. – М.: Наука, 1988. – 486 с.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988 г. – Саратов, 1989 // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 2234.

Моргунова Н.Л. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул у с. Кузнецово Каменского района Уральской области по Открытому листу, выданному Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова /от 24.06.91 г./ // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 1, д. 2362.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург: Южный Урал, 1995. – 224 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 200 с.

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.Б. Макен
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан
I.A. Kukushkin, E.A. Dmitriev, A.B. Maken
E.A. Buketov Karaganda State University
Karaganda, Kazakhstan
sai@ksu.kz, yevgenii1992@mail.ru, adil.95.kz-95@mail.ru

ЭЛИТНЫЕ КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКА ТАБЫЛДЫ (ЭПОХА БРОНЗЫ)

Аннотация. Могильник Табылды находится в Шетском районе Карагандинской области, в 90 км юго-восточнее г. Караганды. Погребальное поле устроено на относительно ровной площадке правобережья реки Талды. В 2018 г. на некрополе было исследовано 3 крупных земляных кургана. В одном из сооружений выявлено парное захоронение лошадей, снабженных щитковыми псалиями. Все погребения совершены в каменных ящиках. Ориентировка умерших предполагает западное и северо-восточное направления. Керамическая коллекция состоит из сосудов горшечных и баночных форм. Вещевой инвентарь представлен бронзовым ножом-кинжалом, каменным наконечником копья и характерными женскими украшениями. Отмеченные особенности погребального обряда могут свидетельствовать о смешении как минимум двух культурных традиций, которые представлены двумя группами населения: раннеалакульским, для которого характерна западная ориентировка с некоторыми отклонениями и срубным с северо-восточными румбами. Об этом могут свидетельствовать орнаментированные щитковые псалии и керамический комплекс. По ряду своих характеристик могильник Табылды может быть отнесен к позднепетровскому (нуртайскому) этапу развития алакульской культуры Центрального Казахстана и датирован второй половиной XIX-XVIII вв. до н.э.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, алакульская культура, курган.

Табылды қорымының элиталы қорғандар (қола дәуірі)

Түйін. Табылды қорымы Қарағанды облысының Шет ауданында, Қарағанды қаласынан оңтүстік-шығысқа қарай 90 км жерде орналасқан. Жерлеу алаңы Талды өзенінің оң жағалауындағы тегіс алаңда орналасқан. 2018 жылы қорымда 3 ірі жер обасы зерттелді. Құрылыстардың бірінде қалқанды псалиялармен жабдықталған жылқылардың жұппен көмілуі анықталды. Барлық жерлеу тас жәшіктерде жүргізілді. Өліктерді бағдарлау батыс және солтүстік-шығыс бағыттарын болжайды. Керамикалық жинақтүрлі формадағы ыдыстардан тұрады.Заттық мүліктер қола пышақ-қанжармен, найзаның тас ұшымен және әйел әшекейлеріне тән ұсынылған. Жерлеу салтының белгіленген ерекшеліктері халықтың екі тобы ұсынған кем дегенде екі мәдени дәстүрдің араласуын көрсетуі мүмкін: ерте Алакөл, оған Батыс бағдарлары кейбір ауытқулармен тән және Срубны солтүстік-шығыс бағдарлары. Бұл туралы

ою-өрнектелген қалқан псалиялар мен керамикалық кешен куәландырады. Өзінің бірқатар сипаттамалары бойынша Табылды қорымы Орталық Қазақстанның Алакөл мәдениеті дамуының кейінгі Петровка (Нұртай) кезеңіне және б.з.д. XIX-XVIII ғғ. екінші жартысына жатқызылуы мүмкін.

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, қола дәуірі, Алакөл мәдениеті, қорған.

Elite barrows of a burial ground Tabyldy (the bronze age)

Annotation. Tabyldy burial ground is located in Shet district of Karaganda region, 90 km South-East of Karaganda. The burial field is located on a relatively flat area of the right Bank of the Taldy river. In 2018, 3 large earthen mounds were investigated on the necropolis.In one of the structures revealed the twin burial of horses, equipped with dashboard psalia is found. All burials were made in stone boxes. Orientation of the deceased suggests Western and North-Eastern directions. The ceramic collection consists of pots and jars. The ware stock is presented by a bronze knife-dagger, a stone tip of a spear and characteristic female jewelry. The noted features of the funeral rite may indicate a mixture of at least two cultural traditions, which are represented by two groups of the population: the early Alakul, which is characterized by a Western orientation with some deviations and the Srubny with the North-Eastern orientation. This can be evidenced by the ornamented psalia and ceramic complex. According to a number of its characteristics, the burial ground of Tabyldy can be attributed to the late Petrovo (Nurtay) stage of development of Alakul culture of Central Kazakhstan and dated to the second half of XIX-XVIII centuries BC.

Keywords: Central Kazakhstan, bronze age, Alakul culture, mound.

Концентрация погребальных памятников с раннеалакульскими признаками отмечается в трех районах Карагандинской области: в Каркаралинском районе исследованы могильники Сатан, Нуртай, Бозенген, в Бухаржирауском – Аяпберген, Ащису, Танабай, в Шетском – Нура-Талды I, Кызылтау, Котыртас, Талдинский-1. Очевидно, что все эти некрополи не могут относиться к одному узкому хронологическому горизонту и имеют свою временную градацию, которая отражается в специфике наиболее устойчивых признаков, характерных для тех или иных погребальных комплексов. По нашим наблюдениям, основное количество раннеандроновских памятников Центрального Казахстана относится к позднепетровскому периоду, где колесничные традиции проступают уже не столь явно и контрастно. Однако, практика строительства крупных социально-стратифицированных погребальных сооружений, в том числе с колесничной атрибутикой еще не утратила своего значения и, возможно, инициирована притоком волны нового населения, связанного со срубным миром, что как-будто подтверждается исследованиями элитных курганов могильника Табылды.

Могильник Табылды находится в Шетском районе Карагандинской области, в 90 км юго-восточнее г. Караганды, в 10 км северо-восточнее пос. Талды. Погребальное поле устроено на относительно ровной площадке правобережья реки Талды, несколько повышающейся к северо-востоку. В результате обследования памятника визуально зафиксированы 19 сооружений, вытянутых с запада на восток, часть которых имеет системы пристроек. Изучение планиграфии позволяет констатировать, что некрополеобразующие сооружения находятся в восточной части погребального поля, где сосредоточе-

ны наиболее крупные тафокомплексы, предполагающие высокий социальный статус умерших (№№ 1-3). Системы оград и пристроек в западной половине памятника представляют собой самостоятельные погребальные комплексы рядовых членов древнего общества. В 2018 г. на некрополе было исследовано три крупных кургана (рис. 1-2).

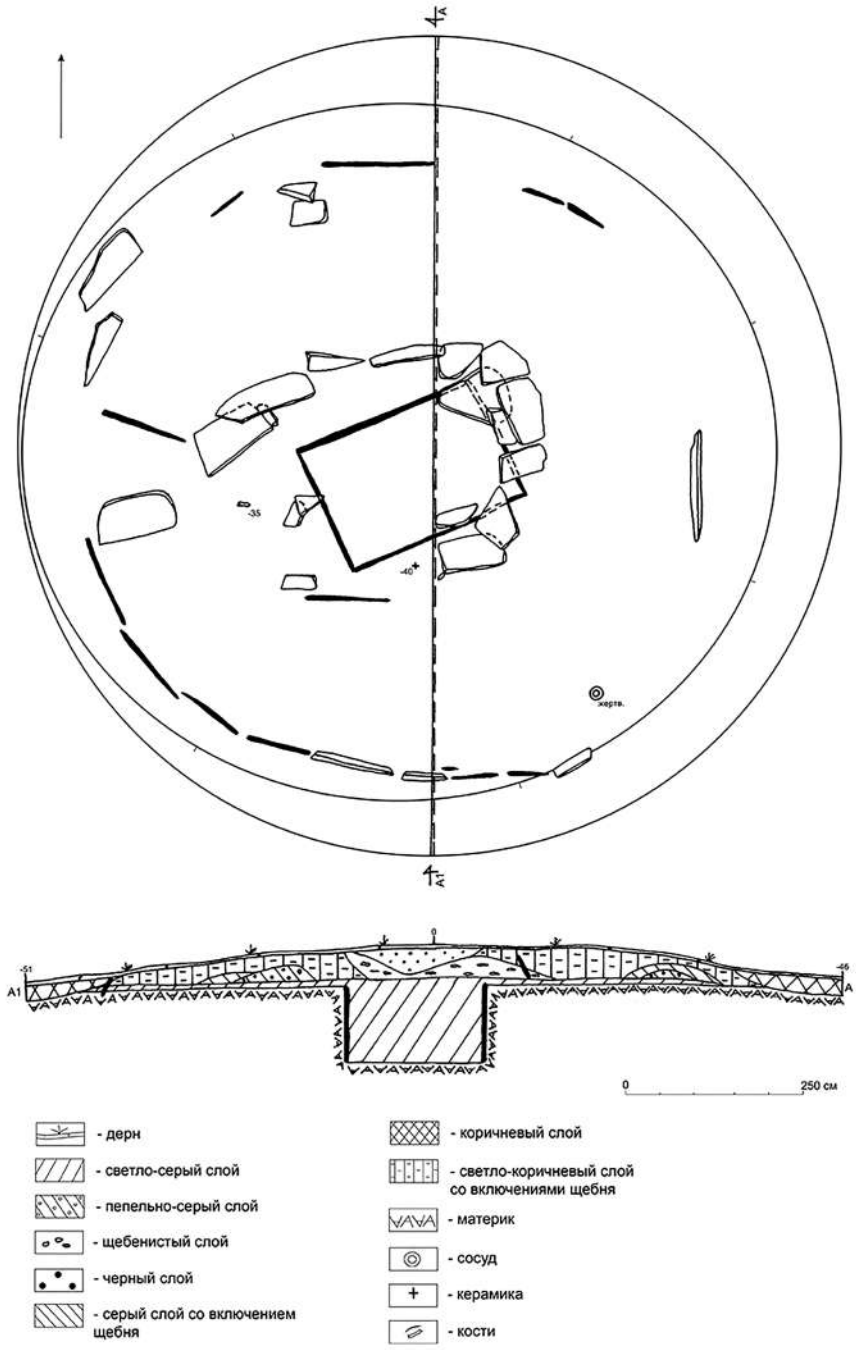


Рис. 1. План и профиль кургана 1

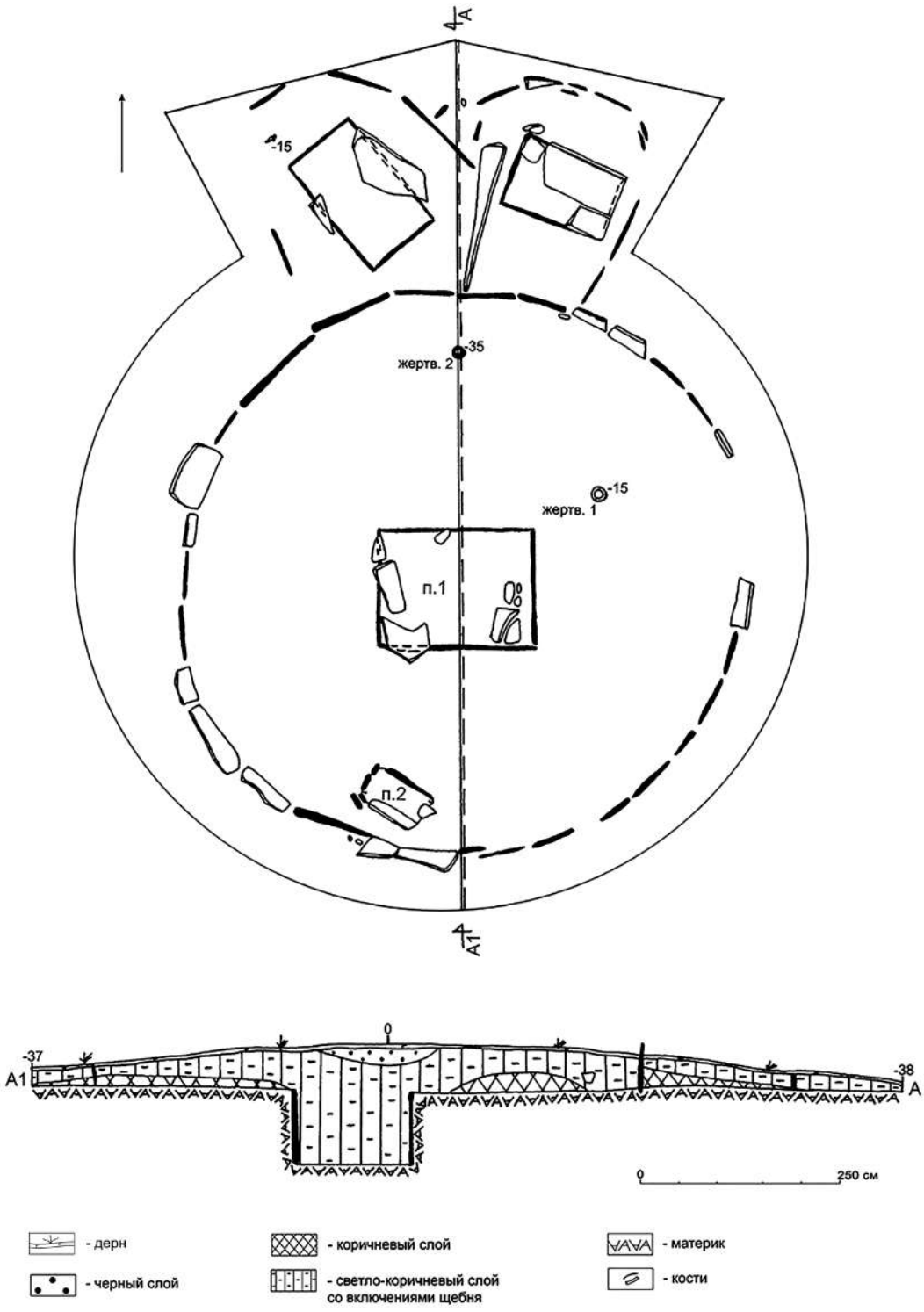


Рис. 2. План и профиль кургана 2

Сооружение 1 до раскопок представляло собой слегка оплывший земляной курган, диаметром 11,5 м, высотой до 0,5 м, в полах насыпи которого визуально зафиксированы крупные плиты кольцевого ограждения, установленные на ребро, края которых выступали до 0,4 м над уровнем современной дневной поверхности.

В процессе снятия насыпи, в юго-восточном секторе раскопа, на глубине 0,2 м зафиксирован жертвенник в виде керамического сосуда (рис. 3, *4*), рядом которым обнаружен крупный фрагмент закрытой банки (рис. 3, *7*), вероятно, использовавшимся в качестве крышки.

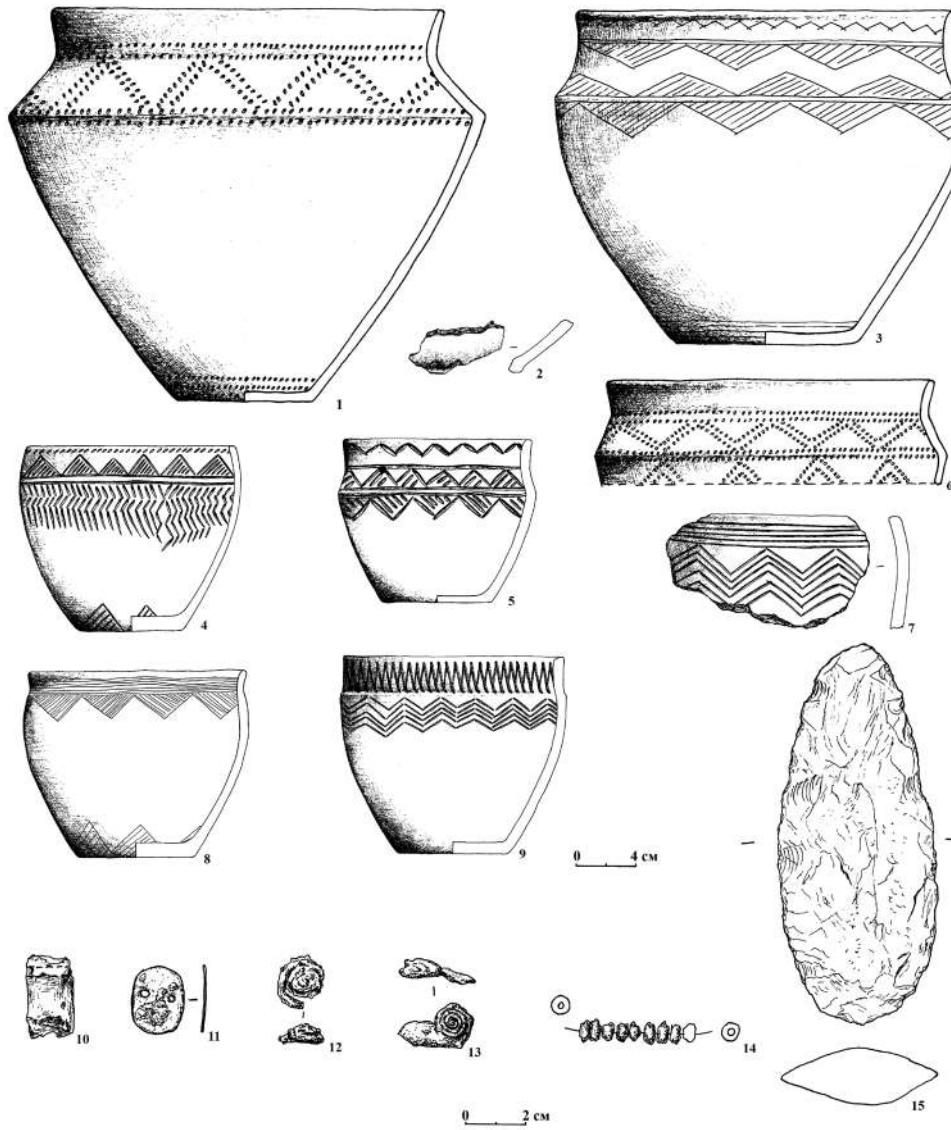


Рис. 3. Вещевой материал курганов 1 и 2: *1-9* – керамика; *10* – костяная подвеска; *11* – металлическая бляшка; *12-13* – фрагменты металлического браслета; *14* – бусы; *15* – каменный наконечник копья

После снятия насыпи на подкурганной площадке расчищена фрагментарно сохранившаяся кольцевая ограда округлой в плане формы диаметром 9 м, состоящая из плит, установленных на ребро, высотой до 0,75 м. Значительные повреждения отмечены с восточной стороны, где большинство плит отсутствовало (рис. 1).

На глубине 0,6 м от условного нуля зафиксированы границы каменного ящика прямоугольной в плане формы, размерами 2,77×2×1 м, сооруженного из пяти массивных плит и ориентированного длинной осью по линии СВ–ЮЗ. По периметру могилы отмечены остатки разбитых плит перекрытия. В центральной части погребальной камеры на краях плит отмечены куски перегнившей древесины. В процессе выборки заполнения могилы на глубине 0,3-0,8 м обнаружены разрозненные кости скелета человека, а также фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 3, *1, 6*), сосредоточенные преимущественно у торцовой северо-восточной стенки. В восточном углу, на дне могилы, под упавшей плитой перекрытия обнаружен in situ каменный наконечник копья (рис. 3, *15*). Предположительно, судя по сосредоточению фрагментов керамики, погребенный был ориентирован в северо-восточном направлении.

Сооружение 2 до раскопок представляло собой земляной курган диаметром 8,5 м, высотой до 0,5 м. По краям насыпи отмечены отдельные плиты кольцевой ограды, установленные на ребро и выступающие на 0,2 м над уровнем современной дневной поверхности. С северной стороны к ограде примыкали 2 пристройки, соединенные друг с другом.

В процессе снятия насыпи, с восточной стороны внутриоградного пространства, на глубине 0,15 м был обнаружен жертвенник №1, в виде отдельно состоящего керамического сосуда (рис. 3, *9*), а в северной части контрольной бровки, у плит кольцевой ограды, на глубине 0,35 м, обнаружен жертвенник №2, в виде второго керамического сосуда (рис. 3, *8*).

В юго-западном секторе раскопа, ближе к южной части ограды, расчищено впускное детское захоронение, совершенное в каменном ящике, размерами 0,85×0,5×0,3 м, ориентированном по линии ЗСЗ–ВЮВ. В процессе выборки заполнения могилы, в восточном углу, обнаружен керамический сосуд (рис. 3, *5*).

После снятия насыпи, на подкурганной площадке была расчищена кольцевая ограда округлой в плане формы, диаметром 7 м, состоящая из вертикально врытых в материк плит, высотой до 0,65 м. С восточной стороны ограждение было разомкнуто, а в других местах, под давлением «тела» насыпи часть плит накренилась наружу. В центральной части внутриоградного пространства выявлено погребение, совершенное в каменном ящике прямоугольной формы, размерами 1,95×1,45×1 м, ориентированном длинной осью по линии З–В (рис. 2). В процессе выборки заполнения, в южной половине, была расчищена крупная плита перекрытия могилы, под наклоном завалившаяся внутрь, а в северной части на глубине 0,5 м обнаружен фрагмент керамики от придонной части сосуда (рис. 3, *2*). Под плитой, на дне расчищены in situ нижние конечности человека, который, судя по их расположению, был уложен в скорченном положении, на левом боку, головой в западном направлении.

С севера, к основной ограде примыкали две пристройки: западная и восточная.

Западная пристройка, подовальной в плане формы, размерами 3,4×2,8 м, состоящая из вертикально врытых в материк плит, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Во внутреннем пространстве обнаружена одиночная кость барана, а на уровне материка, зафикси-

рованы фрагменты плит разбитого перекрытия, под которыми выявлена погребальная камера в виде прямоугольного в плане каменного ящика размерами 1,77×1,44×0,65 м, сооруженного из четырех плит и ориентированного по линии СЗ–ЮВ. В центральной и северо-западной частях погребения обнаружены разрозненные фрагменты керамики от одного сосуда (рис. 3, *3*) и кости посткраниального скелета человека, а также фрагменты спиралевидных низко конических окончаний металлического браслета (рис. 3, *12-13*), диаметрами 1,2 см, фрагмент подвески в 1,5 оборота, фаланга пальца животного со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 3, *10*).

К западной ограде была пристроена более поздняя восточная оградка. Она имела близкую к овальной в плане форму, размерами 2,85×2,2 м и была сооружена из вертикально врытых в материковый слой плиток. Ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. В центральной части, на глубине 0,2 м от уровня материка, выявлены плиты перекрытия могилы, частично отсутствовавшие в южной части. Под ними находился каменный ящик трапециевидный в плане формы, размерами 1,35×0,9×0,8 м, сооруженный из четырех плит и ориентированный по оси ЗСЗ–ВЮВ. В процессе выборки заполнения могилы на глубине 0,6 м от краев ящика, в западно-северо-западной половине обнаружена крупная плита рухнувшего перекрытия, закрывавшая внутреннее пространство. Под ней выявлены кости посткраниального скелета ребенка, пастовая и металлические биконические колечковидные бусы (рис. 3, *14*), металлическая бляшка подовальной в плане формы, размерами 2,3×1,7 см, с двумя противолежащими отверстиями (рис. 3, *11*).

Исследованное сооружение 3 до раскопок представляло собой земляной курган диаметром 13,2 м, высотой до 1 м. В полах насыпи отмечена кольцевая ограда, состоящая из плит, установленных на ребро и выступающих до 0,5 м над современной поверхностью. По окружности зафиксирован кольцевой ров.

После снятия насыпи, в восточном секторе внутриоградного пространства на глубине 0,3 м обнаружено парное захоронение лошадей, уложенных спинами друг к другу и ориентированных в северо-восточном направлении. На черепах расчищены in situ уздечные наборы в виде двух пар щитковых псалиев с металлическими скобами, уложенных поверх голов упряжных лошадей (рис. 4).

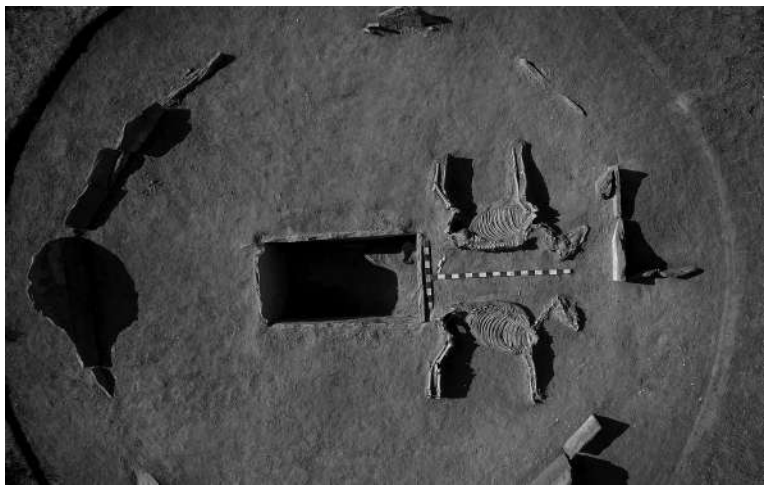


Рис. 4. Могильник Табылды. Курган 3. Имитация колесничной упряжки

Расчищенная ограда имела округлую в плане форму, диаметром 8,25×8,5 м и состояла из плит, высотой до 0,75 м, врытых в материковый слой на ребро.

В центральной части внутриоградного пространства зафиксирован каменный ящик, размерами 2,45×1,44×1 м, ориентированный по линии СВ–ЮЗ, в процессе выборки заполнения которого обнаружены фрагменты керамики и металлические изделия (нож-кинжал, подвеска в 1,5 оборота, бронзовые и пастовые бусы). Судя по месту концентрации фрагментов сосудов, в том числе днищ, погребенные были уложены головами в северо-восточном направлении.

С северо-востока к ограде примыкала пристройка, где на глубине 0,25 м от уровня материка выявлен каменный ящик подтрапециевидной в плане формы, размерами 1,5×0,9×0,7 м и ориентированный длинной осью по линии СВ–ЮЗ. На дне, в центре могилы, обнаружены отдельные кости человеческого скелета, разбитый керамический сосуд, роговое навершие и металлическая скоба с фрагментами дерева на концах.

Исследованные на могильнике Табылды элитные курганы с кольцевыми оградами, располагались компактной группой. Каждый из них содержал центральное высокостатусное погребение, совершенное по обряду трупоположения в крупном каменном ящике. Причем, статусность захоронений была оформлена разными способами.

В первом кургане кроме преобладающих параметров могильного ящика, отмечен каменный наконечник копья, обнаруженный в непотревоженном положении, острием на северо-восток, что как и скопление керамики у северо-восточной торцовой стенки косвенно может указывать на северо-восточную ориентировку умершего. Находка реликтового копья, возможно, передававшегося из поколения в поколение, видимо, является своего рода символом власти или же предполагает участие каких-то постэнеолитических групп в этнокультурных процессах региона. Любопытно, что в погребальной камере отмечены керамические сосуды, которые резко выделяются из алакульской серии своей ярко выраженной остроребернostью профиля и своеобразным орнаментом в виде двойного горизонтального зигзага, выполненного крупно-гребенчатым штампом более характерным для срубной культуры (Епимахов, 2018).

В центральном погребении кургана 2 по непотревоженным нижним конечностям установлена западная ориентировка умершего, который был уложен в скорченном положении на левом боку. В насыпи кургана зафиксировано два жертвенных сосуда и впускное детское захоронение, а с северной стороны отмечены две пристройки с одиночными погребениями. Преобладает западная ориентировка. Видимо, внешняя сторона престижности была подчеркнута не только размерами курганной насыпи, а также жертвенниками и дополнительными захоронениями, указывающими на высокий статус умершего в социальной, возможно, культовой сфере родоплеменного общества.

Отличительной особенностью третьего кургана является парное размещение двух упряжных лошадей на подкурганной площадке, указывающих на прямую связь с колесничными традициями. Очевидно, это захоронение представителя родовой военной аристократии, составляющей социальную группу воинов-колесничих. Лошади были уложены спинами друг к другу на правом и левом боку соответственно. Такое расположение животных, запряженных в колесницу, широко распространено в наскальном изобразительном искусстве, что предполагает если не синхронизацию, то близкую датировку характерных петроглифов и погребальных комплексов. В погребальных па-

мятниках Центрального Казахстана размещение лошадей спинами друг к другу отмечено в могильниках Аяпберген и Ащису.

Своего рода сенсацией стало обнаружение на черепах парных лошадей, символизирующих колесницу, четырех псалиев с округлыми щитками, группирующихся попарно. Причем каждая пара соответствовала конкретной лошади. Лицевая часть всех псалиев имеет богатую и сложную орнаментацию, рабочая часть на одной паре изделий снабжена четырьмя вставными шипами, а щиток соединяется с треугольной планкой, вырезанной в одной плоскости и имеющей выступы-зацепы. Вторая пара псалиев уникальна и не имеет аналогий. На обоих экземплярах шипы отсутствуют, а место планки занимает полая трубка, вырезанная вместе со щитком из одного цельного фрагмента заготовки.

Данные находки открывают широкие перспективы для предметных реконструкций системы оголовья лошади и специфики управления, интерпретация которых носит довольно дискуссионный характер и трактуется исследователями по-разному.

В самом захоронении найдены костные останки двух индивидов, а также бронзовый нож, наконечник стрекала и женские украшения, что предполагает парное разнополое погребение. Показателен и дополнительный жертвенник в виде черепа и конечностей коровы в сопровождении сосуда, установленного вверх дном. Судя по днищам керамических сосудов, сохранивших в могиле свое первоначальное положение, и ориентировке парных лошадей, умершие были захоронены в северо-восточном направлении. На это указывает и пристройка, где погребение также ориентировано с юго-запада на северо-восток. Подобное расположение более характерно для западной филиации погребальных памятников с колесничной атрибутикой, известных по раннесрубным (покровским) комплексам.

Погребальный инвентарь из курганов представлен бронзовым ножом-кинжалом, металлическими и пастовыми бусами, фрагментом браслета, подвесками в 1,5 оборота, в одном случае с плакировкой золотым листом, наконечником стрекала, скобами, костяным навершием, бронзовой бляшкой.

Бронзовый нож-кинжал имеет слабо выраженный черешок, едва намечающийся перехват с клинком листовидной формы. Формально-типологические признаки данного предмета имеют наиболее полные аналогии с изделиями второго типа по А.Д. Дегтяревой, распространенному в синташтинских, петровских, покровских, абашевских, потаповских древностях, морфологические особенности которых близки к стереотипам Циркумпонтийской металлургической провинции (Дегтярева, 2010, с. 104), Наибольшее сходство табылдинский экземпляр имеет с ножом из Синташтинского могильника (Дегтярева, 2010, рис. 46, *17*), определенное – с изделием из некрополя Степное VII (Куприянова, Зданович, 2016, рис. 54, *3*).

Браслеты с закрученными в низко коническую или плоскую спираль окончаниями широко известны в алакульской культуре и зафиксированы на всех этапах ее развития. Являются одним из важных элементов женского погребального гарнитура, причем отмечаются даже в детских погребениях. Ближайшие территориальные аналогии известны, к примеру, на могильниках Танабай (Кукушкин, Дмитриев, 2018, рис. 3, *1, 2, 7, 8, 12, 13*), Былкылдак I (Маргулан и др., 1966, с. 125, табл. XII), Койшокы IV, Ак-Мустафа (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 73, 86, рис. 42, *4, 5*, рис. 56), Актобе II, Бозенген,

Нуртай (Ткачев, 2002а, рис. 69, *25, 26, 30, 31*, рис. 96, *28, 35*, рис. 121, *21, 22, 25, 26*), Балыкты (Ткачев, 2002б, с. 22, рис. 136, *28, 29, 32-35, 37-40*).

Подвески в 1,5 оборота, как разновидность головного украшения появляются довольно рано и отмечены в разнокультурных и разновременных комплексах от Трансильвании до Алтая, а на юге доходят до Ирана (Аванесова, 1991, с. 53). В Центральном Казахстане они известны по материалам могильников Нуртай, Бозенген, Актобе II и др. (Ткачев, 2002а, рис. 71, *24, 25*, рис. 96, *5, 6, 16, 18, 26*, рис. 121, *9*).

Не менее широкое распространение имеют и пастовые (фаянсовые) бусы, которые по последним исследованиям связывают с массовым импортом из Египта, где местные мастерские изготовляли фаянсовые бусы в огромных количествах (Лихтер, Усманова, 2017).

Керамическая коллекция могильника Табылды представлена 16 экземплярами в целом и фрагментарном состоянии (14 горшков и 2 закрытые банки). Десять сосудов имеют уступчик при переходе шейки в слегка раздутое тулово, прямую или слегка отогнутую наружу шейку. Украшены геометрическим орнаментом, состоящим из цепочек треугольников, нередко направленных вершинами к основанию друг друга, ромбов, меандровых вариаций, пирамидок, горизонтального и вертикального зигзага. Наличие качалки, зафиксированнойе по шейке и в придонной части, имеет большее распространение в раннеалакульских памятниках Северного Казахстана. Орнамент нанесен техникой прочерчивания и гладким штампом. В целом, посуда характерна для алакульской гончарной традиции.

Несколько особняком стоят 2 сосуда из кургана 1, которые имеют биконическую форму тулова, ярко выраженную остроребернность плеча и довольно резко отогнутую наружу шейку. Орнаментированы парными горизонтальными зигзагами, выполненными крупнозубчатым гребенчатым штампом. Данные признаки более характерны для петровских и раннесрубных древностей (Епимахов, 2018) и могут свидетельствовать о смешении двух гончарных традиций – алакульской, как основной, и, видимо, привнесенной раннесрубной.

Отмеченные особенности погребального обряда могут свидетельствовать о смешении как минимум двух культурных традиций, которые представлены двумя группами населения: раннеалакульским, для которого характерна западная ориентировка с некоторыми отклонениями, и срубным с северо-восточными румбами. Если приток раннеалакульского населения на территорию Сарыарки предполагается с севера (Северный Казахстан, Южное Зауралье), то проникновение раннесрубного связано с западными импульсами (Приуралье, Поволжье) и последующими миксационными явлениями с доминантой алакульского этнокультурного компонента в дальнейшем. Об этом свидетельствуют и краниологические исследования, которые выявили, что, в целом, раннеалакульская (петровская) казахстанская серия непосредственно объединяется с единокультурной Южного Урала и раннесрубной (покровской) из Спиридоновки II, а алакульская – с уральской срубно-алакульской (Солодовников и др., 2013, с. 128).

На реалистичность данного предположения может указывать распространение срубных традиций в памятниках алакульской культуры на территории Казахстана далеко на восток, вплоть до Верхнего Притоболья и Петропавловского Приишимья (Ткачев, 2018, с. 120, Виноградов, 2011, с. 145).

По нашему мнению, материалы могильника Табылды относятся к завершающей фазе петровской культуры, соответствующей нуртайскому/кулевчинскому этапу, который можно отнести к раннеалакульским древностям в их финальной стадии развития. В этот период происходит явное отмирание признаков характерных для раннего этапа петровской культуры, соответствующей ранней фазе раннеалакульского этапа. Полностью исчезают кремневые наконечники стрел и крупные грунтовые могилы, широкое распространение получают каменные ящики. В керамическом комплексе наряду с посудой ребристого профиля, имеющей тенденцию к уменьшению, широко представлены сосуды с уступчатым плечом, зачастую преобладающие в количественном отношении в керамических коллекциях могильников. В Центральном Казахстане к этому периоду могут быть отнесены могильники Нуртай, Бозенген, Танабай, Аяпберген, Кызылтау и некоторые другие.

Для этого периода характерны единичные захоронения парных упряжных лошадей, символизирующих колесничную запряжку, которые разово совершались только в одном, наиболее крупном некрополеобразующем кургане могильника и были связаны с центральным погребением. Парные упряжки лошадей начинают размещать с торцовой части погребальной камеры или на перекрытии, и гораздо реже вдоль длинных сторон могильной камеры. Видимо, такие погребальные комплексы на поздней фазе раннего алакуля, выделяющиеся своими размерами на погребальном поле, могли принадлежать военным лидерам, ведущим свое происхождение из среды родоплеменной аристократии, изначально входящей в сообщество воинов-колесничих. В целом, эти признаки маркируют собой деградацию института колесничества и постепенный переход к классическому алакульскому периоду (Кукушкин, Дмитриев, 2018, с. 37).

Таким образом, по ряду своих характеристик элитарные курганы могильника Табылды могут быть отнесены к позднепетровскому (нуртайскому) этапу развития алакульской культуры Центрального Казахстана. В настоящее время, для абсолютной датировки петровских древностей большое значение имеет серия дат, полученных по поселению Устье I и могильнику Кулевчи VI, доверительный интервал которых укладывается в 1880-1750 гг. до н.э. (Молодин и др., 2014, с. 142), что согласуется с новой AMS датой для могильника Сатан (3468(35)BP), доверительный интервал которой по сигме 1 укладывается в 1877-1701 гг. до н.э. В связи с выше изложенным, считаем возможным датировать материалы курганов могильника Табылды второй половиной XIX – XVIII вв. до н.э.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Ташкент: ФАН, 1991. – 202 с.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск: Абрис, 2011. – 175 с.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 2010. – 162 с.

Епимахов А.В. Восточная периферия срубной общности // XXI Уральское археологическое совещание. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 106-107.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 247 с.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 2 (41). – С. 28-40.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 196 с.

Лихтер Ю.А., Усманова Э.Р. Бусы из египетского фаянса из казахстанских памятников андроновской общности // История и археология Семиречья. – Алматы, 2017. – С. 40-54.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13: Археология и этнография. – Новосибирск, 2014. – Вып. 3. – С. 136-167.

Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Ломан В.Г. Краниологические материалы эпохи бронзы Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 113-131.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. – Ч. 1. – 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002б. – Ч. 2. – 243 с.

Ткачев В.В. Срубная культура на территории Западного Казахстана // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. – Челябинск: Изд-во Челяб. Гос. ун-та, 2018. – С. 112-124.

Лазаретов И.П.
Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
Lazaretov I.P.
Institute of the History of Material Culture RAS
St. Petersburg, Russia
Lazaretov@yandex.ru

ОКУНЕВСКО-ЧЕМУРЧЕКСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ФЕНОМЕН ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ И ПРОБЛЕМА СИНХРОНИЗАЦИИ КУЛЬТУР[1]

Аннотация. Из всех комплексов эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая памятники окуневской культуры Хакасско-Минусинской изучены в наилучшей степени. Выделено пять последовательных хронологических горизонтов ее существования, определены их характерные признаки. Сопоставление окуневских комплексов с памятниками Тувы, Монголии, Север-Западного Китая и Казахстана позволяет синхронизировать отдельные группы курганов разных территорий и выявить пробелы в существующей археологической периодизации. Формирование общности культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы объясняется мощным миграционным потоком со стороны Северо-Западного Прикаспия в конце первой половины III тысячелетия до н.э. Распространение нового населения шло через Казахстан двумя потоками. Одна группа продвинулась на Алтай, а затем в Хакасско-Минусинскую котловину. Другая, распространилась в Северо-Западном Китае, Монголии и, далее, в Туве. Ключевую роль в понимании особенностей и деталей данного процесса должны играть комплексы Восточного Казахстана.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, эпоха бронзы, окуневско-чемурчекская общность.

Окунев-чемурчек қауымдастығы: ерте қола дәуірі феномені және мәдениеттерді жұптастыру мәселесі

Түйін. Алтай-Саянның ерте қола дәуірі барлық кешендерінің ішінде Хакас-Минусинск окунев мәдениеті ескерткіштері жақсы зерттелген. Оның бес бірізді хронологиялық көкжиектері бөлініп көрсетілді, олардың тән сипаттары анықталды. Окунев кешендерін Тыва ның, Моңғолияның, Солтүстік-Батыс Қытайдың және Қазақстанның ескерткіштерімен салыстырылуы әртүрлі аймақтардағы қорғандардың жекелеген топтарын жұптастыруға және қазіргі археологиялық кезеңдеудегі ақтаңдақтарды анықтауға мүмкіндік береді. Алтай-Саян мәдени қауымдастығының ерте қола дәуірінде қалыптасуы б.д.д. III мыңж. алғашқы жартысының соңында Солтүстік-Батыс Каспийден күшті миграциялық ағынмен түсіндіріледі. Жаңа халықтың таралуы Қазақстан арқылы екі ағынмен жүрді. Бір топ Алтайға, соңынан Хакас-Минусинскіге жылжыды. Екінші топ Солтүстік-Батыс Қытайда, Моңғолияда және одан әрі Тывада таралды. Бұл процестің ерекшеліктері мен тетіктерін түсінуде негізгі рөлге Шығыс Қазақстанның кешендері ие болуы тиіс.

[1] Обоснование необходимости объединения комплексов Саяно-Алтая эпохи ранней бронзы в окуневско-чемурчекскую общность дано в ряде предшествующих работ автора (Лазаретов, 2017а, 2017б).

Түйін сөздер: Алтай-Саян, қола дәуірі, окунев-чемурчек қауымдастығы.

Okunevo and Chemurchek commonality: phenomenon of Early Bronze age and cultural synchronization issues

Annotation. Monuments of Okunevo culture from Minusinsk basin are studied in the best degree among all complexes of early Bronze age of Sayan-Altai. Five consecutive chronological horizons of existence of Okunevo culture were highlighted and their characteristic signs were defined. Collation of the Okunevo complexes with sites in Tuva, Mongolia, north-west of China and Kazakhstan allows us to synchronize separate groups of of mounds from different areas and identify several omissions in the existing archaeological periodization. Formation of the cultural community of Sayan-Altai cultures at the age of Early Bronze could be explained by the forceful migration flow from the North-West of Caspian region at the end of first half of III millenium b.c. Spreading of the new population has gone with two streams through the territories of Kazakhstan. One group advanced to Altai, then to Khakasia and Minusinsk basin. Another one spreaded in the North West of China, Mongolia and Tuva. Key role in the understanding of the features and details of that process should play the complexes of eastern Kazakhstan.

Keywords: Sayan-Altai, Bronze age, Okunevo-Chemurchek commonality.

Долгое время эпоха ранней бронзы оставалась белым пятном на археологической карте Саяно-Алтая. Только в 60-х годах XX в. на территории Хакасско-Минусинской были проведены масштабные раскопки и выделена самостоятельная окуневская культура (Максименков, 1964, 1975). Тогда же подверглись исследованию первые комплексы эпохи ранней бронзы Синьцзяна. В тот момент они еще не были должным образом задокументированы и осмыслены. В 80-е годы памятники, аналогичные окуневским, были выявлены на Алтае (каракольская культура) и на территории Тувы (чаа-хольская культура). Их количество пока невелико, по 15-20 захоронений на регион (Кубарев, 2009; Стамбульник, Чугунов, 2006). Конструкции погребальных сооружений, обряд захоронения, вещевой инвентарь окуневской, каракольской и чаа-хольской культур проявляют очевидное сходство между собой. Это позволяет говорить об их синхронности, несомненном родстве и единстве происхождения. Благодаря совместным работам международной экспедиции в самом конце XX – начале XXI вв. на территории Казахстана и Монголии было исследовано свыше 25 погребальных и ритуальных комплексов эпохи ранней бронзы. По материалам этих раскопок выделена чемурчекская культура, охватывающая территории Монголии, Синьцзяна и Восточного Казахстана[1]. Дана ее развернутая характеристика и определена примерная датировка (Ковалев, 2005).

Из всей совокупности комплексов эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая, на данный момент, окуневская культура Хакасско-Минусинской котловины изучена в наибольшей степени. Исследовано свыше 60-ти курганов (в среднем по 10-15 погребений в каждом), несколько десятков отдельных могил или впускных захоронений. Получен огромный вещевой материал: керамическая посуда, каменные и бронзовые орудия, изделия из кости и рога, украшения из клыков животных. Мировую известность окунев-

[1] В Китае для данных памятников принято название культура кеэрмуцы, в Монголии – культура хэмцег. Комплексы эпохи ранней бронзы Казахстана собственного наименования пока не имеют.

ской культуре принесли каменные изваяния и стелы, гравировки и красочные росписи, скульптура и предметы мелкой пластики (Леонтьев, Капелько, Есин, 2006). Период ее существования (XXV-XVIII вв. до н.э.), по самым скромным оценкам, охватывает промежуток не менее 800 лет (Поляков, Святко, Степанова, 2018, с. 20). С учетом комплексов южных районов Хакасско-Минусинской котловины, не затронутых андроновской экспансией, этот интервал может еще более увеличиться, за счет смещения верхней границы. При этом культура демонстрирует потрясающую динамику внутреннего развития практически во всех ее проявлениях: погребальных сооружениях, конструкциях могил, обряде захоронения, художественном стиле и инвентаре. Исследование группы ранних памятников в 90-е годы позволило разделить ее на два хронологических этапа: уйбатский и черновский (Лазаретов, 1997). В дальнейшем к ним добавился поздний этап – разливский (Савинов, 2005). Сейчас выделяется уже 5 последовательных хронологических горизонтов развития культуры (1 – уйбатский, 2 – тасхазинский, 3 – лебяженский, 4 – черновский, 5 – разливский). На этом фоне появляется реальная возможность распространить некоторые наблюдения и выводы, полученные для Хакасско-Минусинской котловины, на смежные регионы Саяно-Алтая.

Окуневская курганная традиция в период своего существования постоянно видоизменялась. В комплексах уйбатского хронологического горизонта центральное погребение представляло собой обширную и довольно глубокую грунтовую яму или яму с заплечиками с мощным каменно-земляным надмогильным сооружением, образующим высотную и пространственную доминанту. Все последующие захоронения, при меньших размерах, имели аналогичную конструкцию и размещались двумя цепочками вокруг центрального погребения. К уйбатскому хронологическому горизонту относится и абсолютное большинство захоронений в катакомбах. На тасхазинском хронологическом горизонте центральное погребение уже оформляется в виде массивного каменного ящика, установленного на дне глубокой грунтовой ямы и перекрытого плитами на уровне ее материковых заплечиков. Сопутствующие захоронения имеют такую же конструкцию, либо представляют собой грунтовые ямы с одной-двумя вертикальными плитами в торцах. Классические ямы с заплечиками выходят из употребления, а захоронения в катакомбах встречаются лишь в виде исключения. На третьем (лебяженском) хронологическом горизонте погребения в катакомбах полностью исчезают. Центральные захоронения в виде заглубленных каменных ящиков как бы «всплывают» ближе к поверхности, а их надмогильные сооружения постоянно уменьшаются в размерах. Сопутствующие погребения совершаются в стандартных каменных ящиках или узких грунтовых ямах, перекрытых плитами на уровне дневной поверхности. В комплексах черновского и разливского хронологических горизонтов центральное погребение конструктивно, по размеру и заглубленности ничем не отличается от сопутствующих захоронений. Оно даже не всегда является самым ранним в кургане.

Изменения затронули и внутреннее устройство самих каменных ящиков. В финале лебяжинского хронологического горизонта появляются новые специфические детали их оформления. Дно ящиков часто выстилается плитами и имеет заметный уклон в сторону ног погребенного. В головной части некоторых могил встречаются каменные «подушки» из врытых на ребро или уложенных под наклоном плит песчаника. В таком виде ящики существовали на протяжении всего черновского и разливского хронологических горизонтов.

В комплексах уйбатского и тасхазинского хронологических горизонтов прослеживается четкая дифференциация погребального обряда по половому признаку. Все женщины и девочки помещались в могилы на правом, реже на левом боку с подогнутыми ногами, а мужчины и мальчики – на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. В самых ранних уйбатских курганах имеются также единичные случаи захоронений мужчин на правом боку. На лебяженском, черновском и разливском хронологических горизонтах все погребенные мужчины и женщины имеют единую позу – на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. Младенцев помещали в могилу на спине с вытянутыми ногами. Остатки деревянных планок и бересты позволяют предполагать, что это были погребения в колыбелях. Следы берестяных подстилок, лиственничной коры и циновок, плетеных из травы, неоднократно встречались в окуневских захоронениях. В нескольких случаях отмечены фрагменты покрывал, сделанные из тех же материалов. Сами костяки и дно могил часто несут следы посыпки охрой.

Сопутствующим хронологическим индикатором могут считаться проявления различных манипуляций с трупами. Большинство ранних окуневских могил были одноактными. Дополнительные захоронения обычно располагались на перекрытии уже существующих могил, образуя ярусные погребения. Особенно удобны для этих целей были ямы с заплечиками, поскольку их перекрытия находились ниже уровня дневной поверхности. На лебяженском, черновском и разливском хронологических горизонтах стало практиковаться подхоронение в обычные могилы. Теперь, погребенных в них укладывали непосредственно поверх ранних костяков, нередко с ориентацией в противоположную сторону. Иногда кости смещали к одной из стенок ящика, а на освободившееся место укладывали новых покойников. В таких могилах могло быть захоронено до 10-15 взрослых и детей. В отдельных случаях к основному погребению даже пристраивали дополнительный каменный ящик, куда, по прошествии некоторого времени, перемещали кости первых скелетов, очищая место для следующих захоронений. Такая могила могла использоваться многократно. Регулярная практика подхоронений и перемещений покойников породила зафиксированный у окуневцев «культ головы». В ряде могил лебяженского и черновского хронологических горизонтов обнаружены «лишние» черепа, не принадлежавшие захороненным в них людям. В тоже время, имеются погребения с полными скелетами, где черепа покойников намеренно изъяты. Сам скелет и сопроводительный инвентарь при этом остались непотревоженными. К этому же периоду приурочены случаи раскраски лиц погребенных красной охрой (Лазаретов, Морозов, Поляков, 2018). В курганах разливского хронологического горизонта у покойников отмечена массовая посмертная трепанация черепов.

В рамках данной статьи нет необходимости давать развернутое описание окуневского погребального инвентаря во всем его многообразии. Остановимся на тех категориях вещей, которые имеют непосредственное отношение к проблеме межкультурных связей. Окуневская керамика подразделяется на несколько типов по манере оформления перехода ко дну и степени профилированности верхней части посуды. Эти критерии носят количественный характер и не являются безусловными. Можно только отметить, что сосуды с плавным переходом ко дну и прямым венчиком чаще встречаются в ранних комплексах, а профилированная посуда в большей степени тяготеет к поздним. Изменения же орнаментации сосудов являются качественным хронологическим показателем.

Так, ярким индикатором раннего возраста комплексов можно считать присутствие на керамике украшения в виде ряда «жемчужин», выдавленных под венчиком с внутренней стороны сосудов. В курганах уйбатского, тасхазинского и лебяженского хронологических горизонтов таким способом украшено большинство посуды. В черновских памятниках уже преобладает орнаментация в виде нескольких линий, прочерченных или нанесенных штампом, плотно сгруппированных в зоне венчика и в придонной части сосудов. В пределах одного кургана эти две манеры украшения посуды обычно не совстречаются. В комплексах разливского хронологического горизонта обнаружено только три сосуда, два из которых украшены ямками под венчиком. Ранним признаком для окуневской посуды является ее раскраска охрой. Эта особенность массово встречается только на сосудах уйбатского и тасхазинского хронологических горизонтов.

Из каменных и металлических изделий, в контексте нашей темы, упоминания заслуживают ножи, височные кольца и мраморные шарики с отверстием. Другие категории предметов слишком редко встречаются в погребениях Саяно-Алтая, либо существуют в неизменном виде на протяжении длительного времени. В Хакасско-Минусинской котловине на ранних хронологических горизонтах окуневской культуры преобладали двулезвийные ножи листовидной или подтреугольной формы с четко выраженным, иногда приостренным насадом. В поздних памятниках их сменяют простые листовидные изделия без черешка. В некоторых случаях, на нижней кромке таких ножей наносились насечки, служившие для лучшего сцепления с деревянной рукоятью. Переход от черешковых ножей к листовидным, по-видимому, произошел на лебяженском хронологическом горизонте. Височные кольца отличаются по размерам и материалу. Для ранних комплексов характерны изделия диаметром 2-3 см, для поздних – 4-7 см. Большинство колец изготовлены из бронзы, но среди ранних предметов малого диаметра есть несколько изделий из серебра (Хаврин, 1997). В погребениях уйбатского и тасхазинского хронологического горизонтов окуневской культуры довольно часто встречаются белые мраморные шарики. Они маркируют захоронения мужчин и мальчиков, обладавших особым социальным статусом. Размер изделий не превышает 3–5 см, а диаметр отверстия 0,3–0,5 см. В комплексах позднейших периодов мраморные шары с отверстием встречаются крайне редко. Нам известно лишь три таких случая. Размер изделий, обнаруженных в них, составляет уже 6–7 см, а диаметр отверстия заметно больше, чем у ранних предметов.

Теперь попытаемся сопоставить памятники окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины с материалами синхронных комплексов Саяно-Алтая. В Туве, на могильном поле Аймырлыг исследовано несколько погребений эпохи ранней бронзы, образующих три скопления (Стамбульник, Чугунов, 2006). Это были самостоятельные могильники или отдельные курганы, расположенные на значительном удалении друг от друга. Захоронения производились в каменных ящиках стандартного размера и глубины, впущенных с уровня древней поверхности. Погребенные уложены на правом боку с подогнутыми ногами и ориентированы головой в северном направлении. Следов оград не прослежено, отсутствуют планы, позволяющие уточнить схему взаиморасположения могил. Сразу отметим, что стандартные каменные ящики с перекрытием на уровне древней дневной поверхности появляются в окуневской культуре не ранее ее третьего (лебяженского) хронологического горизонта. В погребениях найдены керамические и

каменные сосуды, бронзовые ножи и шилья, оселок, поделки из кости и камня. Ножи относятся к разным типам. Один из них листовидный, без черешка, соответствует поздним вариантам окуневских изделий, другой имеет треугольное лезвие и четко выраженный насад, как у ножей из ранних комплексов. Керамическая посуда представлена формами и орнаментальными схемами хорошо известными нам по памятникам Хакасско-Минусинской котловины. Два сосуда орнаментированы под венчиком пояском «жемчужин» или налепных сосцевидных выступов. Три горшка украшены в верхней части горизонтальными линиями, прочерченными или выполненными оттисками зубчатого штампа. Подобная совстречаемость различных типов орудий и особенностей керамической посуды в окуневской культуре возможна только в период лебяженского и черновского хронологических горизонтов. Началом черновского хронологического горизонта, вероятно, следует датировать ритуальный комплекс (объект 10) могильника Красная Горка 15 (Лазаретов, Поляков, 2018). Сочетание на одном сосуде декора в виде «жемчужин» и прочерченных горизонтальных линий возможно только в этот период. Тасхазинскому хронологическому горизонту окуневской культуры может соответствовать погребение в заглубленном каменном ящике, исследованное в 2017 г. М.Е. Килуновской на могильнике Кара-Туруг 2 (объект 42). Захоронение ограблено, вещевой материал в нем отсутствует, но поза погребенного (на правом боку с подогнутыми ногами) и его ориентировка (ЗСЗ) полностью отвечают стандартам чаа-хольской культуры. Комплексов, аналогичных раннему (уйбатскому) хронологическому горизонту окуневской культуры, до сих пор на территории Тувы не выявлено.

На Алтае, памятники эпохи ранней бронзы исследованы в трех пунктах: Озерное, Каракол и Беш-Озек (Погожева, Кадиков, 1979; Кубарев, 1988; 1992). Захоронения совершены в каменных ящиках, развернутых по линии запад-восток. Погребенные в них люди ориентированы головой в западный сектор и лежат вытянуто на спине. Только в одном случае (Озерное, Школьный-1, могила 1) можно реконструировать положение покойника на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх (Кубарев, 1998, с. 285). Этот курган, по-видимому, является наиболее ранним в представленной выборке. В качестве аналогий ему можно привести курган 3 могильника Лебяжье и курган 26 могильника Итколь II (Максименков, 1981; Поляков, 2010). Общим для этих комплексов является устройство центрального захоронения в виде заглубленного каменного ящика с перекрытием на уровне материковых заплечиков. Сопутствующие погребения располагались по периферии кургана и представляли собой каменные ящики стандартного размера с перекрытием на уровне дневной поверхности. Такое сочетание двух типов погребальных конструкций внутри одной ограды в Хакасско-Минусинской котловине возможно только на лебяженском хронологическом горизонте. По аналогичной схеме строился курган в могильнике Озерный (Кубарев, 1998). Однако в нем центральное захоронение совершено в довольно глубоком ящике, плиты которого выступали над уровнем дневной поверхности, что является относительно поздним признаком. Сосуд из погребения 1 могильника Озерный имел выраженную профилировку, был украшен рядом ямок под венчиком, что свойственно посуде черновского и разливского хронологических горизонтов. Что касается захоронений кургана 2 могильника Каракол, то они демонстрируют полный спектр поздних признаков, характерных для комплексов черновского и разливского хронологических горизонтов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Это уклон дна могил в сторону ног покойников и обычай

выстилать ее дно каменными плитами, земляные «подушки» и горизонтальные полосы краски на плитах ящиков, раскраски черепов и традиция подхоронений в существующие могилы поверх уже имеющихся скелетов. Последний показатель указывает и на относительно поздний возраст коллективного погребения 5 в Озерном. Датировка других захоронений, обнаруженных вне курганных комплексов, нуждается в уточнении.

В данный момент на Алтае не атрибутировано захоронений, которые можно было бы синхронизировать с комплексами уйбатского или тасхазинского хронологических горизонтов окуневской культуры и отнести к раннему пласту каракольской культуры. Нам хотелось бы обратить внимание алтайских коллег на погребения арагольского и улитинского типов, уже выделенных из массива афанасьевских комплексов (Степанова, 2010). Общими для них и каракольских памятников оказывается положение погребенных на спине с вытянутыми ногами, подстилки и покрывала из органических материалов, посыпка охрой, плоскодонная посуда, высокий процент безинвентарных могил. Недостает только конструкций в виде каменных ящиков. Но ведь их нет и в памятниках самого раннего, уйбатского хронологического горизонта окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины! Для погребений этого периода как раз характерны захоронения в грунтовых ямах, ямах с заплечиками и катакомбах. И в комплексах арагольско-улитинского типа они представлены. Классические ямы с заплечиками исследованы в алтайских могильниках Арагол, Карасу-2, Бойтыгем-II (Степанова, 2010, с. 28, рис. 1: 6; Могильников, 1987, с. 26; Абдулганеев, Ларин, 1994, с. 26). Ничем иным, как катакомбой является конструкция объекта № 15 могильника Айрыдаш I (Суразаков, 1987, с. 7, рис. 1). Ее погребальная камера заглублена ниже уровня входной ямы и отделена от нее наклонной плитой. Это вовсе не стела, вкопанная у борта могилы. Черешковый нож из этого погребения полностью соответствует ранним окуневским стандартам. Данные памятники могут рассматриваться в качестве исходного пласта каракольской культуры Алтая, вероятно, даже более раннего, чем комплексы уйбатского и тасхазинского хронологических горизонтов Хакасско-Минусинской котловины. Именно их следует иметь ввиду при решении вопросов ее происхождения.

На территории Монголии в последние годы изучено свыше 20 комплексов эпохи ранней бронзы. Выделяются две разновидности памятников: курганы «булганского» типа и «ритуальные» ограды (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014а, 2014б). Курганы «булганского» типа представляют собой большой каменный ящик, частично выступающий над поверхностью земли. Размеры ящиков 2(3,5) х 1,5(2,5) м. Глубина до 1,5 м. Стенки могил в ряде случаев несут следы геометрической росписи, выполненной красной охрой. По периметру ящик обложен каменной насыпью прямоугольной или овальной формы. К востоку от кургана располагались ритуально-поминальные площадки – квадратные оградки с «жертвенником» (прямоугольной ямой или ящиком) в центральной части. Погребальные ящики курганов «булганского» типа хорошо видны на поверхности и неоднократно подвергались разграблению. Вещевой материал представлен не слишком выразительными фрагментами керамических и каменных сосудов, единичными орудиями и украшениями. Однако уже сама погребальная конструкция в виде каменного ящика, ее предназначение для последовательных коллективных захоронений указывают на относительно поздний возраст курганов «булганского» типа в рамках чемурчекской культуры Монголии. Каменные ящики с перекрытием на уровне дневной поверхности,

традиция многоактных захоронений в Хакасско-Минусинской котловине появились не ранее лебяженского хронологического горизонта окуневской культуры и существовали вплоть до ее финала.

На роль раннего пласта чемурчекской культуры Монголии могут претендовать так называемые «ритуальные» ограды (Хул уул 1, Хуурай говь 2, Хундий говь, Хар хошуу). В центре этих сооружений располагалась грунтовая яма, заполненная землей, угольками и фрагментами костей животных. Три ограды сопровождались стелами, установленными у середины короткой юго-восточной стенки. Во всех четырех исследованных комплексах присутствовали «впускные» захоронения, устроенные, по мнению А.А. Ковалева, спустя 200–300 лет после сооружения самих оград. К этому же времени относится и момент заполнения их внутреннего пространства каменной закладкой (Ковалев, 2014а). Единственным аргументом является результат радиоуглеродного анализа образцов угля из заполнения ям и костей человека из «впускных» могил. Данное сопоставление не вполне корректно. Дерево заведомо окажется древнее. Отметим поразительное единообразие «впускных» могил. Все захоронения устроены в грунтовых ямах. Погребенные лежат на правом боку с подогнутыми ногами и ориентированы головой в северо-западный сектор. Среди сопроводительного инвентаря в трех могилах присутствуют идентичные орудия из тазовых костей животных, в двух – белые каменные шары с отверстиями. Это указывает на принадлежность перечисленных захоронений к одному хронологическому горизонту. Такая ситуация возможна в только том случае, если ограды и обнаруженные в них захоронения синхронны и образуют единый погребальный комплекс. Аналогичные ямы в центре погребальных оград хорошо известны по материалам окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины (Кызласов, 1986, с. 270–278; Зяблин, 1981, с. 118–121; Лазаретов, 1997, с. 25–26, табл. VII). Они предназначались для проведения обряда очищения и подготовки сакрального пространства непосредственно перед совершением захоронений. Напомним, что такие особенности как сплошная закладка камнем пространства ограды, грунтовые ямы и присутствие в мужских захоронениях мраморных шариков с отверстиями являются ярким индикатором ранних окуневских комплексов в пределах ее уйбатского и тасхазинского хронологических горизонтов. Мы полагаем, что данные «ритуальные» ограды являются сугубо погребальными комплексами и представляют собой ни что иное, как ранний пласт чемурчекской культуры Монголии, синхронный курганам уйбатского хронологического горизонта.

О комплексах чемурчекской культуры Северо-Западного Китая имеются отрывочные и не всегда достоверные сведения. Исследовано несколько прямоугольных оград и отдельных могил с коллективными захоронениями, устроенными в больших и довольно глубоких каменных ящиках, перекрытых плитами на уровне древней дневной поверхности (Ковалев, 2015). Конструктивно они близки курганам «булганского» типа Монголии и, вероятно, относятся к позднему периоду существования культуры. В 2017 году на территории Северо-Западного Китая был раскопан курган эпохи ранней бронзы с захоронениями в грунтовых ямах и катакомбах. Его культурная принадлежность нуждается в уточнении, однако, по погребальным конструкциям он ближе всего к памятникам арагольско-улитинского типа Алтая. Возможно, именно такие комплексы следует иметь ввиду при идентификации самого раннего пласта чемурчекской культуры.

На территории Восточного Казахстана курганы эпохи ранней бронзы исследованы в могильниках Канай, Айна-Булак I, Айна-Булак VI, Копа, Булгартаботы, Ахтума (Ковалев, Мерц, 2015; Ковалев, Самашев, Сунгатай, 2014). Это были прямоугольные ограды со сплошной каменной закладкой. Могилы – обширные грунтовые ямы, иногда с дополнительной обкладкой стенок плоскими камнями (цисты). Погребенные в них люди лежат на правом боку с подогнутыми ногами и ориентированы головой в восточный сектор. Захоронения разграблены, инвентарь скудный и не слишком выразительный, но конструктивно и по обряду погребения эти комплексы скорее соответствуют раннему пласту чемурчекских памятников Монголии, курганам уйбатского и тасхазинского хронологических горизонтов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Каменных конструкций, сопоставимых с поздними курганами «булганского» типа Монголии или Северо-Западного Китая, с ящиками каракольской, чаа-хольской и окуневской культур в Восточном Казахстане пока не выявлено.

Имеющиеся у нас данные по возможной синхронизации комплексов эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая представлены в сводной таблице (табл. 1).

Судя по антропологическим и палеогенетическим данным население, оставившее памятники окуневско-чемурчекской общности, не было связано с предшествующей афанасьевской культурой. Формирование новой общности шло на основе миграционного процесса, захлестнувшего в конце первой половины III тыс. до н.э. территории, ранее занимаемые афанасьевцами. Истоки этого явления А.А. Ковалев видит в комплексах эпохи позднего-финального неолита Франции, Испании и Швейцарии (Ковалев, 2005, с. 180-181; Ковалев, 2012, с. 150-156). На наш взгляд, в поисках прародины окуневско-чемурчекского феномена нет необходимости обращаться к столь отдаленным западноевропейским аналогиям. Более перспективными территориями для поиска прародины окуневско-чемурчекского феномена представляются районы Северо-Западного Прикаспия. Там, в памятниках позднеямного и переходного ямно-катакомбного времени можно обнаружить практически полный список инноваций, проявившихся в культурах эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая. В Северо-Западном Прикаспии в конце первой половины III тыс. до н.э. фиксируется совместное проживание населения нескольких культурных образований: степных северо-кавказцев, поздних ямников, ранних катакомбников, ямно-катакомбников и полиритуальных групп (Шишлина, 2007, с. 288). В комплексах представлены все типы погребальных конструкций (грунтовые ямы, ямы с заплечиками, катакомбы), разнообразные ориентировки, положение на боку с подогнутыми ногами и вытянуто на спине, на спине с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. Причем, эти обрядовые группы могут совстречаться в одном могильнике, кургане и даже погребении. Наиболее выразительной особенностью ямно-катакомбных захоронений является исключительная бедность или полное отсутствие заупокойного инвентаря (Фисенко, 1970, с. 59-61). На территории Северо-Западного Прикаспия можно обнаружить аналоги целому ряду металлических и костяных изделий окуневско-чемурчекской общности: серебряные и бронзовые височные кольца, черешковые ножи, четырехгранные шилья, костяные колечки с насечками. Там, во многих захоронениях присутствует посыпка охрой, остатки подушек, подстилок и покрывал из органических материалов.

Продвижение нового населения на территорию Саяно-Алтая происходило через Восточный Казахстан. Именно здесь следует искать следы пребывания исходного оку-

Схема синхронизации комплексов Саяно-Алтая эпохи ранней бронзы

Хакасско-Минусинская котловина (окуневская культура)	**Тува** (чаа-хольская культура)	**Алтай** (каракольская культура)	**Монголия** (культура хэмцег)	**Северо-Западный Китай** (культура кеэрмуци)	**Восточный Казахстан** (эпоха ранней бронзы)
5. Разливский хронологический горизонт	Аймырлыг XII Аймырлыг XIII Аймырлыг XXXI Аймырлыг-карьер Красная Горка 15 (объект 10)	Каракол Озерное Беш-Озек	Курганы «булганского» типа	Курганы «булганского» типа	?
4. Черновский хронологический горизонт					
3. Лебяженский хронологический горизонт		Озерное, могильник Школьный-1	?	?	
2. Тасхазинский хронологический горизонт	Кара-Туруг 2 (объект 42)	?			Канай Айна-Булак I Айна-Булак VI Копа Булгартаботы Ахтума
1. Уйбатский хронологический горизонт	?	?	Хул уул 1 Хуурай говь 2 Хундий говь Хар хошуу		
		Арагольско-улитинский тип памятников	?	?	?
Афанасьевская культура					

невско-чемурчекского субстрата. Индикатором его появления могут служить погребения в ямах с заплечиками и катакомбах. Судя по комплексам арагольско-улитинского типа Алтая, отдельным курганам Монголии и Северо-Западного Китая, самые ранние захоронения в ямах с заплечиками и катакомбах могут быть приурочены к курганам с круглой крепидой и сопровождаться круглодонной посудой. Вполне возможно, что прямоугольная форма оград и плоскодонная баночная посуда получили массовое распространение позднее, уже как следствие адаптации и самоидентификации пришлого населения в новых условиях.

Миграционный поток, вероятно, шел по двум направлениям. Одна группа из Восточного Казахстана продвинулась на Алтай, а затем в Хакасско-Минусинскую котловину. Другая, через Синьцзян и Монголию проникла в Туву. Это население не было монолитным в антропологическом отношении и к тому же активно вступало в брачные связи с местными монголоидными группами. На раннем этапе существования общности отмечается исключительное разнообразие курганной архитектуры, конструкций погребальных сооружений, поз и ориентировок покойников. В дальнейшем, происходил процесс их унификации по территориальному принципу. В Синьцзяне и Монголии сформировались курганы «булганского» типа с одним большим каменным ящиком, выступающим над поверхностью и предназначенным для последовательных захоронений. Там же, и на территориях Восточного Казахстана и Тувы единственно возможным становится положение покойников на правом боку с подогнутыми ногами. При этом в Туве, а также на Алтае и Хакасско-Минусинской котловине возобладала идея ограды-кладбища с многочисленными индивидуальными захоронениями в стандартных каменных ящиках. Иным образом унифицировались позы погребенных: на Алтае покойников теперь хоронили только вытянуто на спине, в Хакасско-Минусинской котловине – на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. При этом, повсеместно продолжали свое существование великолепная статуарная и изобразительная традиции, обычай устройства к востоку от погребальных комплексов ритуальных оградок и отдельных «святилищ», с идентичными архитектурными решениями, что позволяет говорить о единстве религиозной доктрины и сопряженных с ней культовых обрядов у населения окуневско-чемурчекской общности, занимавшей огромные пространства, прилегающие к горам Алтая (Лазаретов, 2017а, 2017б).

Памятники Восточного Казахстана во многом являются ключевыми для понимания сложнейших миграционных процессов и конкретного механизма трансформаций всех археологических культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы. Здесь еще только предстоит выявить исходный окуневско-чемурчекский субстрат, определить его облик и направления связей. Открытым пока остается и вопрос о поздних комплексах культуры. Будут они схожи с курганами «булганского» типа Синьцзяна и Монголии или их развитие шло в русле тенденций, возобладавших на Алтае, в Туве и Хакасско-Минусинской котловине? Решение этих проблем возможно только после проведения масштабных и целенаправленных раскопок на территории собственно Казахстана.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 24-36.

Зяблин Л.П. Окуневский курган на могильнике Малые Копены III // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981. – С. 118-121.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005. – С. 178-184.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. – Спб., 2012. – 160 с.

Ковалев А.А. Чемурчекские памятники Синьцзяна: артефакты, комплексы, погребальные сооружения // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть 2. – СПб., 2015. – С. 240-279.

Ковалев А.А., Мерц И.В. Ограда № 9 могильника близь бывшего аула Канай в Восточном Казахстане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть 2. – СПб., 2015. – С. 215-227.

Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатай С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане (1998-2000 годы) Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть 1. – СПб., 2014. – С. 9-162.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть 1. – СПб., 2014а. – С. 163-234.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования чемурчекских курганов в Булган сомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003-2010 годах // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Часть 1. – СПб., 2014б. – С. 235-393.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск. 1988. – 172 с.

Кубарев В.Д. Два новых памятника каракольской культуры в Горном Алтае // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск, 1992. – С. 134-137.

Кубарев В.Д. Древние росписи Озерного (каракольская культура Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. – Новосибирск, 1998. – С. 277-289.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая – Новосибирск, 2009. – 264 с.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М. 1986. – 295 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 19-64.

Лазаретов И.П. Окуневская культура и чемурчекский феномен // Орос, Монгол, Хятадын хил залгаа бүс нутгийн эртний нийгмүүдийн соёлын хувьсал ба харилцан нөлөөлөл: Төв Ази ба Умард Хятадын хадны зураг. – УлаанБаатар. 2017а. – С. 89-96.

Лазаретов И.П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Берокурихе. Том. 1. – Барнаул. 2017б. – С. 277-282.

Лазаретов И.П., Морозов С.В., Поляков А.В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. – СПб., 2018. – С. 51-56.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Святилище раннего бронзового века в Туве // Археологические вести. Вып. 24. – СПб., 2018. – С. 83-93.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006. –235 с.

Максименков Г.А. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИА. Вып. 101. 1964. – С. 19-23.

Максименков Г.А Окуневская культура // Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 40 с.

Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981. – С. 91-110.

Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 23-34.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. – СПб., 2010. – С. 75-80.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. №1 (21). Вып. 5. 2018. – С.14-22.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 80-84.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. – Барнаул, 2005. – С. 28-34.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 292-302.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул, 2010. – С. 24-37.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С. 3-22.

Фисенко В.А. Погребения ямно-катакомбного типа и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия // СА. № 1. 1970. – С. 58-66.

Хаврин С.В. Спектральный анализ окуневского металла // Окуневский сборник. – СПб., 1997. – С. 161-167.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс. до н.э.) – М., 2007. – 400 с.

М.К. Лачкова[1], Э.Р. Усманова[1], А.В. Воловинский[2], А.А. Овсянников[3]
[1] КарГУ им. Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан
[2]РГУ «Қоғамдық келісім» при Президенте РК
Астана, Казахстан
[3]ОКУ ДВД Карагандинской области
Караганда, Казахстан
M.K. Lachkova[1], E.R. Usmanova[1], A.V. Volovinskiy[2], A.A. Ovsyannikov[3]
Buketov Karaganda State University
Karaganda, Kazakhstan
[2]«Kogamdyk kelisim» RSI under President of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
[3]OFM DIA of Karaganda region
Karaganda, Kazakhstan
emmadervish2004@mail.ru
lachkova.marina@mail.ru
avolovinskiy@mail.ru

КРЕМАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТА ОГНЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВО И ЭКСПЕРИМЕНТ (НА МАТЕРИАЛАХ АНДРОНОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ)

Аннотация. В статье описывается эксперимент, проведенный с целью представления и понимания одного из способов обращения с умершим – трупосожжения в андроновской погребальной практике. Предполагается наличие группы людей, которые оформляли и исполняли обряд кремации в андроновской культурной среде.

Ключевые слова: кремация, эксперимент, андроновская культура, погребальный ритуал.

Кремация отқа табынудың көрінісі ретінде: куәлік және эксперимент (Лисаковск өңірінің андрон ескерткіштері материалдарында)

Түйін. Мақалада Андронов жерлеу рәсімінде қайтыс болған күйдірілген күйіктермен күресудің біреуінің элементтерін таныстыру және түсіну мақсатында жүргізілген эксперимент сипатталады. Андронов мәдени ортасында кремация рәсімін әзірлеп, орындаған адамдар тобы болады деп болжануда.

Түйін сөздер: кремация, эксперимент, Андронов мәдениеті, жерлеу рәсімі.

Cremation as a demonstration of the cult of fire: evidence and experiment (based on the materials of the Andronovo monuments of the Lisakovsk district)

Annotation. The article describes an experiment conducted with the aim of presenting and understanding the elements of one of the ways of dealing with the deceased —cremation in Andronovo funeral practice. It is assumed that there will be a group of people who designed and performed the cremation rite in the Andronovo cultural society

Keywords: cremation, experiment, Andronovo culture, funeral ritual.

Кремация как один из способов погребения умершего человека известна во многих культурах. Как неотъемлемый элемент погребальной обрядности трупосожжение занимает одно из ведущих мест в ритуалах эпохи бронзы. Этот способ обращения с умершим использовался в тюркской, индоиранской, хеттской, греческой, италийской, балтийской и в ряде других погребальных традициях (Худавердян, Обосян, 2017, с. 9) Как правило, кремировали своих усопших преимущественно представители оседлых культур с производящим типом экономики (Берсенева, 2018, с. 212).

Применение огня в погребальном обряде могло иметь различные семантические культовые причины, например:

– индуисты использовали кремацию как способ очистки и подготовки души усопшего для дальнейшего ее перерождения;

– нанайцы при погребении усопших разводили два костра: «огонь мертвых» для жертвоприношения душе усопшего, и «огонь живых», возле которого сидели родственники усопшего (Подосинов, 1999, с. 442).

Так или иначе, огонь воспринимался средством отделения двух миров – мира живых от мира мертвых.

Кремация – это процесс, в котором можно определить несколько фаз:

– подготовка тела умершего к сожжению;

– процесс сожжения тела умершего;

– сбор и очищение (в случае необходимости) кремированных костей;

– последующее размещение кремированных останков (не обязательно захоронение в земле) (Берсенева, 2018, с. 217).

Некоторые погребальные традиции практиковали не полное сожжение тела, достаточно было лишь опалить мягкие ткани – подобное наблюдается в современной Индии. Зачастую тело не только не сгорает полностью, но даже не все части тела бывают затронуты огнем. После кратковременной процедуры сжигания (в подобных случаях – возможно только опаление тела), полусожженное тело умершего по обряду бросается в реку.

В андроновских погребениях первой половины II тыс. до н.э. могильников Новоильиновский 2 и Лисаковский 1 (преимущественно в федоровской погребальной обрядности, случаи кремации в алакульской традиции – единичны) фиксируется только третья фаза процесса кремации: непосредственно кремированные кости, помещенные в погребальную камеру.

По всей видимости, тело умершего подвергалось воздействию огня длительное время. Кремированные кости представлены в виде фрагментов небольших размеров до 2–3 см длиной. Очевидно, что андроновский обряд кремации отличался от современного обряда кремации в Индии.

Для полного понимания процесса кремации был проведен эксперимент по сжиганию туши поросенка. Этот эксперимент основан на эксперименте, проведенным британским судмедэкспертом Джон де Хаан в 1989 г. (д/ф BBC – A case of a spontaneous human combustion, 1998). Использовались горючие материалы, которые были доступны и могли применяться людьми андроновского сообщества: сухой навоз, ветки, войлок.

Ход эксперимента. Эксперимент проводился в районе раскопа могильника Новоильиновский 2 (Костанайская обл., Тарановский р-он, пос. Новоильиновка). Была взята

туша поросенка в возрасте 3–4 месяцев, весом 20 килограмм. С целью сожжения была уложена поленница (использовано 12 кг дров) по подобию поленниц, предназначенных для погребального процесса в индийской традиции. Размер поленницы 1,3×1,1 см, высота – 60 см. Во время эксперимента температура воздуха была около 30 **°C**, ветер северный, 15 м/с.

На поленницу была положена туша поросенка, завернутая в войлок, который создавал так называемый эффект «свечки», обеспечения длительного процесса горения и тления для лучшего уничтожения тканей тела (Усманова, 2005, с. 85-86, консультация старшего криминалиста ОКУ ДВД Карагандинской области, майора полиции А.А. Овсянникова). Поленница была уложена в земляную конструкцию глубиной свыше 15 см, которая обеспечивала вентиляцию. Для лучшего обеспечения процесса горения туша была обложена сухим навозом. Поверх навоза обложена хворостом (рис. 1).

Рис. 1. Экспериментальная конструкция погребального костра для кремации

В 17.35 был произведен одновременный поджог костра с двух сторон. Сильное горение сопровождалось высоким задымлением. В первые 10 минут прогорел хворост, навозное покрытие и войлок со стороны морды и живота, на спине и в районе задних конечностей – войлок только обуглился. В 17.55 наблюдалось понижение уровня огня, и было принято решение добавить навоз в костер. После чего вновь наблюдалось усиление огня и повысился уровень задымления. В 18.07 уровень горения вновь уменьшился, в костер добавили хворост и поленья, установленные в форме шалаша поверх туши. Спустя 10 минут это привело к усилению горения. Спустя еще 10 минут огонь вновь утих, начался процесс тления. В 18.55 стало заметно, что в районе головы про-

горели ткани, стали видны кости черепа. В 19.30 в костер был добавлен древесный уголь – примерно 1 кг. В течение часа еще дважды в костер добавлялись небольшие порции навоза по мере его прогорания. В 20.40 в результате увеличения температуры из-за меньшей массивности костей скелета от туши отделились передние конечности. К этому моменту стало визуально заметно что тело уменьшилось в размерах примерно на четверть. К 21.00 прогорел войлок и ткани туши в районе спины. Показался хребет в верхней части спины, ближе к черепу. В 21.40 в районе спины ближе к хвосту и задним конечностям было добавлено еще навоза (около 0,5 кг). Вначале навоз загорелся, что усилило процесс тления. В 22.30 по периметру и сверху тушу вновь обложили навозом. После чего туша под покрытием из навоза продолжала тлеть в течение полутора часов.

В ходе эксперимента было выяснено, что чем сильнее повреждение тканей тела, тем проще поддерживать процесс именно тления, а не активного горения. Именно этот факт в сочетании с вентиляцией и температурным режимом приводит к выпариванию жидкости из тканей и стабилизируется динамика изменений.

В 00.44, после восьми часов поддержания процесса тления сгорели мягкие ткани головы, кости черепа и хребта полностью обнажились. В 1.30 прогорела часть тела со стороны живота, показались ребра. К этому моменту задняя часть с конечностями подвергалась минимальным изменениям. В результате чего в 2.20 к этой части тела был вновь добавлен навоз, что привело вначале к повышенному задымлению, постепенно сошедшему до минимального уровня.

В 2.45 наблюдалось усиление ветра, в результате чего интенсивность горения повысилась, что привело к повторному подъему уровня задымления. В 3.30 на улице начался дождь, чтобы предотвратить потухание, было решено возвести над кострищем невысокий шалаш. В сочетании с ветром это имело эффект принудительной вентиляции, что привело к более активному горению и последующему разрушению тканей тела. В 4 часа утра, после прекращения дождя, шалаш был убран, полусгоревшая туша была полностью покрыта дополнительным слоем навоза. Процесс тления, сопровождавшийся незначительным выделением дыма, продолжался до 8 часов утра.

После потухания и остывания костра пепел с кострища был просеян с целью выделения кремированных костей. Обгоревшие фрагменты крупных костей скелета оказались разрушены на мелкие фрагменты длиной до 3 см, серого цвета, которые легко раскалываются при ударе (рис. 2).

Вес оставшихся костей составлял 350 грамм, что равняется 1,75% от первоначальной массы тела. Состояние костей сопоставимо по внешнему виду с костями кремированного человеческого скелета, найденных в андроновских погребениях федоровской и алакульской культурной традиции могильников Новоильиновский 2 и Лисаковский 1.

Вывод. Полученные результаты эксперимента могут свидетельствовать о существовании подобного способа организации процесса кремации тела умершего человека в ритуалах андроновского общества. По всей видимости, в андроновском сообществе существовала группа людей, которая обеспечивала совершение обряда кремации, и обладавшая знаниями танатологического свойства, знаниями по физиологии тела человека и химических реакций горения (Усманова 2018, с 178). Сакральное значение ритуала кремации, скорее всего связано с культом огня, одним из главных культовых выражений в религиозной жизни древних обществ.

Рис. 2. Результат эксперимента: кремированные кости поросенка

Список литературы

Берсенева Н.А. Социальные аспекты практики кремации в обществах эпохи бронзы Южного Урала. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 2. – С. 211-225.

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 720 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда-Лисаковск, 2005. – 232 с.

Усманова Э.Р. Памятники Лисаковской округи эпохи бронзы: диалог культур в погребальной практике // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 177-179.

Худавердян А.Ю., Обосян С.Г. К вопросу о реконструкции обряда кремации у носителей эпохи поздней бронзы и раннего железного века Армении // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2017. №1 (250). – С. 9-15.

Т.Н. Лошакова
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
T. Loshakova
Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakstan
loshakovat@mail.ru

ОБ ОДНОЙ СЛУЧАЙНОЙ НАХОДКЕ С ПОСЕЛЕНИЯ ТОКСАНБАЙ

Аннотация. Статья посвящена случайной находке со склона останца поселения Токсанбай, расположенного на территории Северо-Восточного Прикаспия. Речь идет о фрагменте керамического сосуда с рельефным изображением в виде головы животного. Изображение выполнено реалистично, и представляет из себя голову барана (муфлона). Поселение Токсанбай относится к эпохе бронзы, однако изображения такого рода датируются более поздним временем. Использование изображений животных на керамических сосудах, как рельефных, так и начертанных на плоскости, довольно широко использовалось людьми на огромной территории от каменного века до позднего средневековья, наделяя их, нередко, сакральным смыслом.

Ключевые слова: эпоха бронзы, поселение, сосуд, сакральный, Токсанбай, баран, изображение.

Тоқсанбай қонысында бір кездейсоқ табылған зат туралы

Түйін. Мақала Солтүстік-Шығыс Каспий маңы аумағында орналасқан Тоқсанбай қонысынан қалған жұрнақтың бөктерінен табылған кездейсоқ бұйымға арналған. Жануардың басы бедерленген қыш ыдыстың сынығы Бейненің шынайылығы сонша, оның қойдың (муфлонның) басы екенін ажыратуға болады. Тоқсанбай қонысы қола дәуіріне жатқызылғанымен, бұндай бейнелер бертінгі уақытқа тән. Тас дәуірінен бастап кейінгі орта ғасырларға дейінгі уақыт аралығында әлемнің көптеген жерлерінде адамдар қыш ыдыстарға қасиет дарыту үшін олардың бетіне жануарлар бейнелерін бедерлеп немесе сызба түрінде салып отырған.

Түйін сөздер: қола дәуірі, қоныс, ыдыс, қасиетті, Токсанбай, қой, бейне.

On the random finding from Toksanbay settlement

Annotation. The article discusses a random finding from the slope of the Toksanbay settlement remnant situated in the territory of the northeastern Caspian Sea. A fragment of a ceramic vessel with a relief image in the form of an animal's head. The image is very realistic and it is in the form of ram's head (mouflon). Toksanbay settlement belongs to the Bronze Age, but the image of this type dates to the later periods. The use of animal images on ceramic vessels on the relief and inscribed on a plane, was quite widely used by people from a wide territory from the Stone Age to the late Middle Ages. People imposed certain sacred meanings on them.

Keywords: Bronze Age, settlement, vessel, sacral, Toksanbay, ram, image.

При проведении археологических работ на поселении Токсанбай был обнаружен фрагмент керамики с анималистическим изображением (рис. 1).

Рис. 1.

Находка очень интересная, первая такого рода для территории Северо-Восточного Прикаспия, оказалась вне археологического слоя – была поднята при исследовании склонов останца, на котором располагается поселение.

Фрагмент керамического сосуда украшен рельефным налепным изображением в виде головы барана (муфлона?). Изображение выполнено реалистично. На удлиненной и немного заостренной морде животного отмечены ноздри и тонкой линией рот. С особой тщательностью, изображены закрученные рога. Глаза не отмечены. Под мордой животного, нанесены тонкие линии, сходящиеся под углом друг к другу, так мастер показал шерсть животного. Изображения такого рода, как правило, несут в себе еще и функциональную нагрузку, часто являясь ручками. Стоит отметить, что такие ручки не совсем практичны для частого использования сосуда в быту, а тщательность с какой выполнено изображение, дает возможность предположить культовое назначение сосуда. Выполненные высокохудожественно они несут в себе идеологическую нагрузку, связанную с сакральной ролью изображенного животного.

Поселение Токсанбай существовало в эпоху бронзы. Однако такие реалистичные изображения на сосудах для этого времени и территории не характерны.

Зооморфные ручки, в виде изображения животного, получили широкое распространение в первых веках н.э. на огромной территории Евразии, но известны еще на памятниках энеолита, и продолжали иметь место в средневековье (Енциклопедія, 2004, с. 153; Абрамова, 1969; Бакушев, 2010, рис.1; Литвинский, 1968; Байпаков, 1980, с. 32-45).

Понимание роли и семантического значения таких ручек связано с содержанием образа барана для древнего населения, который играл значительную роль во многих культурах (Мифы народов мира, 1997, с. 557-558; Баруздин, 1962, с. 54-66; Литвинский, 1968; Байпаков, 1980, с. 32-45; Гаджиев, 1986, с. 71-89; Кузьмина, 1985. с. 202-203) и продолжал быть значимым до настоящего времени, что отражалось, как в орнаментальном искусстве, мотивы которого используются до сих пор, так и в религиозных обрядах, в том числе и на территории Казахстана (Маргулан, 1986; Смагулов, 1994, с. 82-91).

Список литературы

Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. №2. – С. 69-84.

Байпаков К.М. Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1980. – С. 32-45.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). – Алматы: Баур, 2005. –236 с.

Бакушев М.А., Давудов Ш.О. Сосуды с ручками в виде голов баранов с памятников прикаспийского Дагестана // Вестник института ИАЭ. – 2010. – №4. – С. 85–89.

Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). – Фрунзе: Изд. АН Киргизской ССР, 1962. – С. 54-66.

Гаджиев М.С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I-VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового Дагестана. – Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1986. – С. 71-89.

Енциклопедія трипільскої цивилизації. – Київ: тов «Укрполіграфмедія», 2004.

Кузьмина Е.Е. Погребальный обряд пастушеских племен Евразийских степей в свете данных индо-иранской традиции // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». – Баку, 1985. – С. 202-203.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). – Душанбе: «Дониш», 1968. – 120 с.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. – Алма-Ата: Өнер. – 1986. – Т. I. – 256 с.

Мифы народов мира. / Гл. ред. Токарев С.А. – М.: Российская энциклопедия, 1997. – Т.2. – С. 557-558.

Смагулов Е.А. Палеосемантика центральной композиции казахского орнамента // Известия НАН РК. 1994. № 5 (197). – С. 82-91.

А.Н. Подушкин
Южно-Казахстанский государственный педагогический университет
Шымкент, Казахстан
A.N. Podushkin
South Kazakhstan State Pedagogical University
Shymkent, Kazakhstan
p_a_n_alex@mail.ru

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МОГИЛЬНИКОВ КЫЛЫШЖАР И МЫНТОБЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу новых археологических комплексов катакомб могильников Кылышжар (юго-западная группа насыпей) и Мынтобе, полученных в результате работ археологического отряда Южно-Казахстанского государственного педагогического университета в 2017-2018 гг. Приводится полная характеристика артефактов, освещаются вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности изучаемых памятников, которые позволяют связать их с государством Кангюй и датировать I в. до н.э. – III в. н.э.

Ключевые слова: Южный Казахстан, арысская культура, катакомбные погребения, сарматы, Кангюй.

Қылышжар және Мынтобе мазарының жаңа археологиялық кешен

Түйін. Мақала 2017-2018 жж. Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университетінің археологиялық бөлімшесінің жұмысы нәтижесінде алынған Қылышжар қорғандарының (оңтүстік-батыс жағалаулар топтары) және Мынтобе қалаларының жаңа археологиялық кешендерін талдауға арналған. Артефакт материалының толық сипаттамасы келтірілген, зерттелетін ескерткіштердің хронологиясы мен этномәдени ерекшелігі туралы мәселелер қарастырылып, оларды Қангжу мемлекетімен және бірінші ғасырмен байланыстыруға мүмкіндік береді б.з. дейінгі I ғ.– б.з. III ғ.

Түйін сөздер: Оңтүстік Қазақстан, Арыс мәдениеті, катакомб қабірлері, сарматтар, қаңлы.

New archaeological complexes of Kylyzhzhar and Mintobe burial grounds

Annotation. The article is devoted to the analysis of new archaeological complexes of the catacombs of the Kylyzhzhar burial grounds (southwestern embankment group) and Myntobe, obtained as a result of the work of the archaeological team of the South Kazakhstan State Pedagogical University in 2017-2018. A complete description of the artifact material is given, the issues of chronology and ethno-cultural identity of the studied monuments are highlighted, which allow you to associate them with the state of Kangju and date the I century BC – III century BC.

Keywords: South Kazakhstan, Arys culture, catacomb burials, Sarmatians, Kangyui.

Археологический отряд ЮКГПУ продолжил исследование юго-западной группы насыпей могильника Кылышжар, которая зафиксирована на правой лёссовой надпойменной террасе реки Арысь. Курганы расположены бессистемно, они находятся на площадке размерами 200×370 м, фиксируемой с восточной и западной сторон размытыми оврагами (отдельные насыпи спланированы в цепочку). Общее количество курганов около 30, их планировка различна: встречены каплевидные, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте курганы; отмечены также округлые насыпи, с пологими, почти не выраженными склонами. Все курганы однородные по составу, они сложены из лёсса, их средние размеры от 8-10 до 30 м и более в основании при высоте от 0,8 до 2,5 м.

Курган 1. Почти в центре под насыпью обнаружена погребальная «Т»-образная трехчастная катакомба «с дромосом с заплечиками», которая включает: основной дромос в виде большой грунтовой прямоугольной ямы; малый узкотраншейный дромос, вырезанный в полу основного дромоса; аркообразный проем, связывающий малый дромос с погребальной камерой (заложен горизонтальными рядами прямоугольного кирпичом-сырцом); сводчатую полую погребальную камеру трапециевидной планировки (в западной стенке камеры, на уровне пола, отмечена вырезанная в лёссе ниша). Вся конструкция вытянута по линии С-Ю, на дне камеры открыто коллективное погребение, включающее четыре костяка (два мужских, один женский и один девочки-подростка): два из них расположены вдоль северной, восточной стенок камеры, один в центре и один у места соединения малого дромоса и заложенного кирпичом-сырцом проема (рис. 1). Обряд погребения: трупоположение на спине, головой преимущественно на восток. В числе особенностей обряда отметим факт фиксации остатков прямоугольного деревянного гробовища, в котором находился костяк 1, а также наличие «жертвенной пищи» в виде передней части туши овцы вблизи этого костяка (рис. 1, *8*).

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

– кувшин столовый керамический грушевидной формы с высокой горловиной, выраженными плечиками и вертикальной петлевидной ручкой на тулове сосуда. Изделие выполнено на гончарном круге из качественного теста, обжига хорошего. Сосуд покрыт светло-желтым ангобом, а в нижней части украшен светло-коричневым ангобом (рис. 1, *1*).

– серебряная пластина-оклад венчика деревянного сосуда; пластина крепилась на венчике посредством серебряных гвоздиков с круглыми шляпками (всего 16 гвоздиков) и серебряная декоративная пластина прямоугольной формы на кожаное изделие с четырьмя штырьками-фиксаторами и овальной заклепкой с обратной стороны (рис. 1, *1-3*).

– серьга бронзовая петлевидная из круглой проволоки с окончанием в виде приплюснутой лопатки (рис. 1, *6*), две петлевидные бронзовые подвески из прямоугольной в разрезе проволоки с приплющенными окончаниями, соединенными вместе (рис. 1, *4-5*) и круглая серебряная ворворка (рис. 1, *7*).

Местонахождение инвентаря отмечено на рисунке 1.

Курган 2. В центре под насыпью, с незначительным смещением в западный сектор, на глубине 3,5 м от уровня дневной поверхности была обнаружена «Т»-образная трехчастная катакомба, которая включает узкотраншейный бесступенчатый дромос, арко-

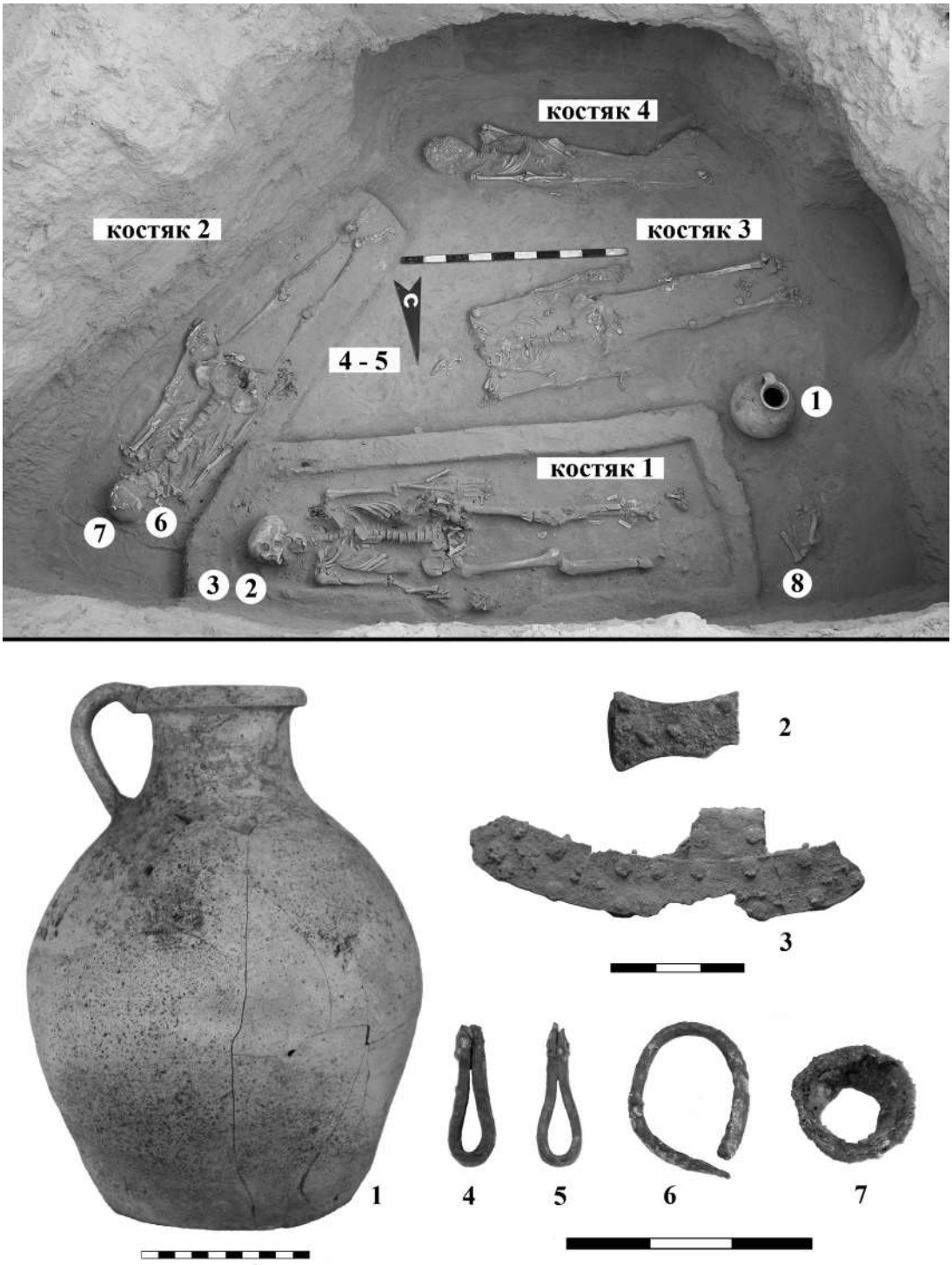


Рис. 1. Археологический комплекс катакомбы 1 юго-западной группы курганов могильника Кылышжар

образный в разрезе лаз, связывающий дромос с погребальной камерой (проем лаза в древности был заложен прямоугольным кирпичем-сырцом) и сводчатую полую овально-прямоугольной планировки погребальную камеру.

Катакомба вытянута по линии С-Ю, на дне камеры открыто одиночное погребение, основательно потревоженное древними грабителями: разрушенные останки костяка и погребального инвентаря в беспорядке располагались на полу у восточной стенки камеры (рис. 2, *1*). Обряд погребения (предположительно): трупоположение на спине. В числе иных особенностей обряда отметим факт фиксации фрагментов дерева и угля, а также наличие костных останков овцы.

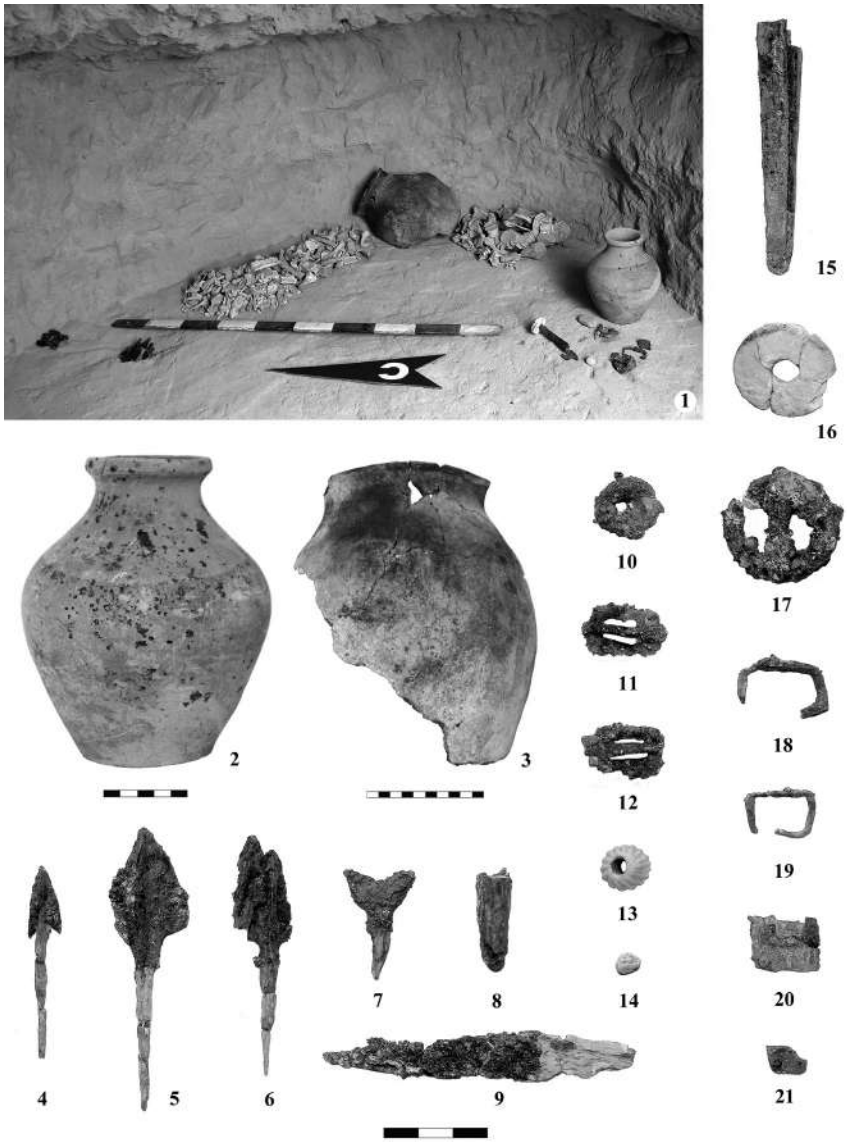


Рис. 2. Археологический комплекс катакомбы 2 юго-западной группы курганов могильника Кылышжар

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

– кувшин столовый керамический грушевидной формы, с выраженной горловиной без ручек. Сосуд выполнен из качественного, почти без примесей, теста, на быстро вращающемся гончарном круге, обжига хорошего. Кувшин декорирован красно-коричневым ангобом, поверх которого в нижней части сосуда, начиная от плечиков, нанесен черный ангоб посредством погружения кувшина в ангобную массу (за счет чего образовался ровный поясок, разделяющий два цвета ангоба). Кроме всего, вся поверхность сосуда украшена брызгами насыщенного черного ангоба (рис. 2, *2*);

– часть крупного кухонного грушевидного горшка без ручек (форма восстанавливается). Сосуд сделан вручную из грубого, с большими примесями дресвы, шамота и растительности теста; обжига кострового. Нижняя часть горшка покрыта ангобом желто-коричневого цвета, внешняя поверхность носит следы использования на открытом огне (рис. 2, *3*);

– железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с опущенными и прямыми жальцами (4 экземпляра; рис. 2, *4-6*) и железный черешковый двулопастной вильчатый наконечник стрелы (рис. 2, *7*; на черешках всех наконечников отмечены следы от деревянных древков);

– железный черешок кинжала (рис. 2, *15*), круглое каменное навершие от него с отверстием в центре (рис. 2, *16*), две железные скобы (рис. 2, *18-19*) и железное окончание от черешка ножа/кинжала (рис. 2, *8*);

– крупная круглая железная пряжка с подвижным язычком (атрибут конской экипировки; рис. 2, *17*), две прямоугольные железные пряжки с подвижным язычком (атрибуты кожаной обуви; рис. 2, *11-12*) и круглая железная пряжка без язычка (рис. 2, *10*);

– часть железной втулки с остатками дерева (атрибут ножен кинжала; рис. 2, *20*) и часть бронзовой декоративной пластины со шляпками от заклепки (рис. 2, *21*);

– крупная ребристая бусина из египетского фаянса (рис. 2, *13*) и небольшой фрагмент мела (рис. 2, *14*).

Курган 5 имеет правильную округлую планировку, склоны его пологие, слабо выраженная насыпь сложена из лёсса. У кромки насыпи, в ЮЗ секторе, на глубине 3 м от уровня дневной поверхности была обнаружена погребальная конструкция в виде «Г»-образной трехчастной катакомбы, она включает (рис. 3) узкотраншейный бесступенчатый дромос, который полностью не перекрывается насыпью кургана и находится за его пределами (рис. 3, *1*); лаз-проем аркообразного вида, связывающий дромос с погребальной камерой, который со стороны дромоса заложен семью горизонтальными рядами прямоугольного кирпича-сырца (кладка на глиняном растворе); сводчатую полую погребальную камеру неправильной прямоугольной планировки (рис. 3, *2*).

Вся конструкция вытянута по линии С-Ю, на дне погребальной камеры открыто коллективное погребение, включающее один костяк в анатомическом порядке в центре камеры, и останки 14 погребенных, чьи кости в беспорядке выложены вдоль западной, северной стенки камеры и в ее восточном углу (рис. 3, *2*) Фиксируемый по одному костяку обряд погребения: трупоположение на спине с ориентацией головы на восток. Обилие костяков в катакомбе предполагает осуществление разновременных впускных захоронений, последним из которых стало погребение в анатомическом порядке (предположительно женщины средних лет).

Рис. 3. Археологический комплекс катакомбы 5 юго-западной группы курганов могильника Кылышжар

Другие обрядовые действия сводятся к следующему: один костяк из группы вдоль северной стенки камеры лежал на подсыпке из чистого речного песка; еще один костяк из этой же группы располагался на выстилке из обугленных остатков цитварной полыни (дармина); под группой костей у западной стенки погребальной камеры отмечены угли.

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

1. Кувшин столовый грушевидной формы с выраженной горловиной и желобчатой в разрезе вертикальной петлевидной ручкой, крепящейся нижним основанием у начала горловины, а верхним – на горловине сосуда ниже венчика. Кувшин изготовлен на вращающейся подставке из качественного теста, обжига хорошего. Кувшин покрыт ангобом светло-коричневого цвета, и поверх украшен вертикальными потеками, пятнами и брызгами более темного ангоба. Кроме всего, на горловине изделия хорошо фиксируется концентрический рельефно-выпуклый валик (рис. 3, *3*).

2. Железный черешковый нож с остатками дерева, следами окрашенной в красный цвет кожи на рукояти и слегка изогнутой спинкой (рис. 3, *5*).

3. Пряжка железная круглая с подвижным язычком, пряжка железная рамчатая прямоугольная с подвижным язычком и железный перстень с округлой печаткой, а также бусина каменная круглая красного цвета из сердолика со сквозным отверстием (рис. 3, *6-8*; *10*).

4. Аморфный фрагмент тонкого листового золота, игральные асыки-астрагала (3 экземпляра) и обугленные семена цитварной полыни (дармина, лат. Artemisia cina; рис. 3, *9*, *11-13, 4*).

Местонахождение погребального инвентаря следующее: кувшин столовый в вертикальном положении обнаружен у изголовья костяка, который находился в анатомическом порядке (в районе кисти правой руки у этого костяка найден железный перстень); железный нож зафиксирован в скоплении костей в восточном углу камеры; пряжки железные круглая и прямоугольная найдены в скоплении костей вдоль западной стенки камеры, здесь же были игральные кости и каменная бусина; золотая пластина обнаружена под черепной коробкой одного костяка из скопления группы у северной стенки камеры (рис. 3).

Курган 6 неправильной овально-каплевидной планировки, он вытянут по оси С-Ю. Ближе к западной кромке насыпи, в ЮЗ секторе, на глубине 3 м от уровня дневной поверхности была обнаружена погребальная конструкция в виде «Г»-образной в зеркальном отражении двухчастной катакомбы, которая включает: траншейного типа относительно широкий бесступенчатый дромос и сводчатую полую погребальную камеру правильной овально-прямоугольной планировки, трапециевидную в разрезе. Место соединения дромоса с камерой заложено прямоугольным кирпичом-сырцом (кладка на глиняном растворе; рис. 4). Вся конструкция вытянута по линии С-Ю, на дне погребальной камеры открыты останки ограбленного в древности одиночного погребения, судя по всему, принадлежащего женщине средних лет (рис. 4, *3*). Фиксируемое направление оставшихся берцовых костей, а также расположение инвентаря, позволяет реконструировать обряд погребения: это трупоположение на спине с ориентацией изголовья на восток.

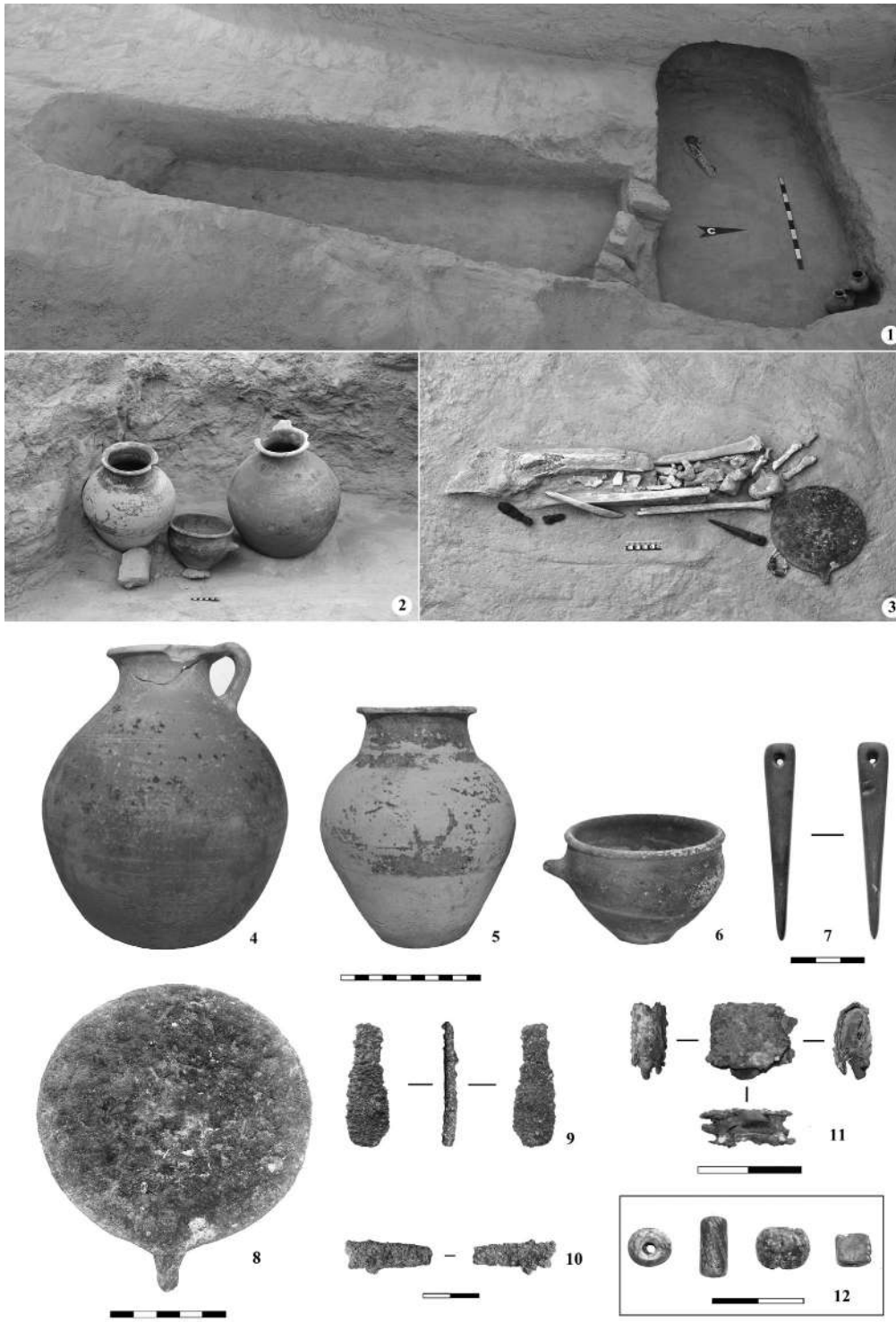


Рис. 4. Археологический комплекс катакомбы 6 юго-западной группы курганов могильника Кылышжар

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

1. Кувшин столовый шаровидно-грушевидной формы с невысокой горловиной, венчиком, отогнутым наружу и вертикальной петлевидной ручкой, крепящейся нижним основанием у начала горловины, а верхним к венчику: при этом изгиб ручки слегка возвышается над венчиком. Сосуд изготовлен на вращающейся подставке (фиксируются горизонтальные широкие концентрические полосы). Качество теста и обжига качественные, изделие с внешней стороны покрыто коричневым ангобом и украшено концентрическими прочерченными по сырой глине двумя полосами под нижним основанием ручки. Кроме всего, нижняя часть тулова и донца сосуда декорирована вертикальными «рифами» (рис. 4, *4*).

2. Кувшин столовый грушевидной формы с короткой выраженной горловиной, без ручек, с венчиком, отогнутым наружу. Сосуд выполнен на гончарном круге из качественного теста, хорошо обожжен; украшен в верхней части снаружи и изнутри (венчик, горловина) ангобом темно-коричневого и коричневого цвета (рис. 4, *5*).

3. Миниатюрный сосуд в форме горшка с конусовидным носиком-сливом. Сосуд сделан на гончарном круге из качественного теста, хорошо обожжен, снаружи украшен ангобом черного и темно-коричневого цветов, изнутри отмечены ангобные потеки коричневого цвета (рис. 4, *6*).

4. Бронзовое дисковидное круглое зеркало с короткой боковой ручкой-штырем (поверхность изделия носит следы ритуальной порчи) и каменный сурматаш из галечника темно-серого цвета традиционной формы в виде удлиненного штырька с конусовидным острым рабочим окончанием и отверстием для подвешивания в верхней части. Артефакт хорошо полирован, на одной поверхности имеет следы проработки в виде небольшой бороздки (рис. 4, *7*).

5. Фрагмент железного изделия ложковидной формы неизвестного назначения и часть лезвия железного бытового ножа (рис. 4, *9-10*).

6. Бронзовая пластинчатая обойма на венчик деревянного сосуда с двумя гвоздиками-клепками (отмечены следы дерева во внутреннем пространстве обоймы; рис. 4, *11*) и бусины стеклянные от наборного ручного браслета круглой, цилиндрической и четырехгранной формы (4 экземпляра; рис. 4, *12*).

Местонахождение инвентаря следующее: все сосуды компактной группой в вертикальном положении найдены стоящими на полу погребальной камеры в северо-восточном углу погребальной камеры (рис. 4, *2*); комплект из бронзового дисковидного зеркала, каменного сурматаша и бусин располагался в ногах погребенной, справа костей плюсны (рис. 4, *3*); железные изделия обнаружены у правого коленного сустава.

Курган 7 имеет неправильную овально-каплевидную планировку, он вытянут по оси С-Ю; при этом северный склон имеет большую крутизну, нежели южный (насыпь сложена из лёсса). Почти в центре насыпи, на глубине 4 м от уровня дневной поверхности, была обнаружена большая погребальная конструкция в виде «Т»-образной четырехчастной катакомбы «с дромосом с заплечиками», которая конструктивно включает: основной (большой) дромос в виде грунтовой прямоугольной ямы; малый узкотраншейный дромос, вырезанный в полу основного дромоса; проем аркообразного вида, связывающий малый дромос с погребальной камерой (проем был заложен горизонтальными рядами кладкой на глиняном растворе прямоугольным кирпичом-сырцом);

сводчатую полую погребальную камеру трапециевидной планировки со сглаженными углами.

Вся конструкция с незначительным отклонением вытянута по линии С-Ю, при этом разрушенная кирпичная закладка проема, связывающего дромос и камеру, разбросана в беспорядке по дромосу и частично камере (рис. 5, *1*). На дне камеры, ближе к юго-западной стенке, открыты останки основательно ограбленного коллективного погребения, включающего костные останки двух погребенных (женщины средних лет и ребенка). Предполагаемый обряд погребения: трупоположение на спине, головой, вероятно, на восток.

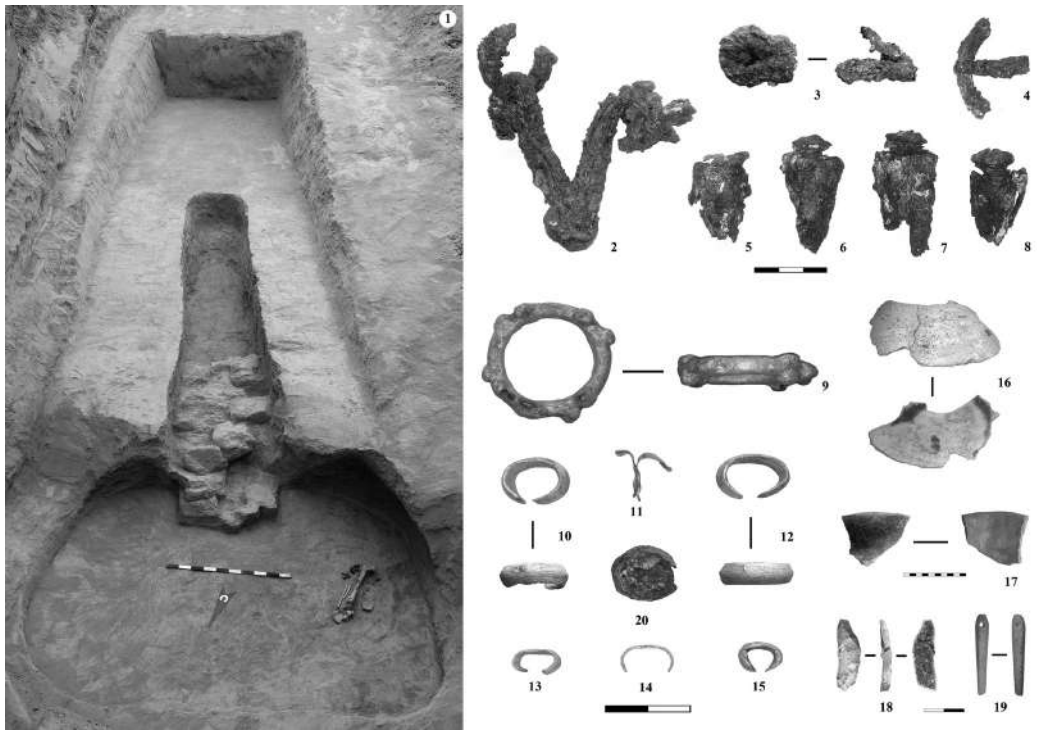


Рис. 5. Археологический комплекс катакомбы 7 юго-западной группы курганов могильника Кылышжар

Погребальный инвентарь представлен следующими артефактами:

1. Фрагмент керамики от сосуда типа большого водоносного кувшина. Найден вблизи группы погребального инвентаря, у берцовых костных останков. Кувшин изготовлен на гончарном круге (фиксируются горизонтальные полосы от быстровращающегося круга, образующие параллельные «рифы»). Качество теста и обжига качественные, изделие с внешней стороны покрыто светло-желтым ангобом и украшено концентрическими прочерченными по сырой глине полосами; внутренняя часть фрагмента носит следы костровой копоти (в том числе на изломе; рис. 5, *16*).

2. Фрагмент венчика и горловины от столового горшка. Изделие выполнено вручную из качественного теста, хорошо обожжено; снаружи фрагмент покрыт ангобом темно-коричневого цвета, и слегка залощен (рис. 5, *17*).

3. Кованые железные двукольчатые удила с кольцевыми железными псалиями (рис. 5, *2*).

4. Железные конусовидные округлые изделия, вовнутрь которых помещен, судя по всему, подвижный вращающийся также конусовидный штырь с овальной шляпкой (по конструкции напоминает короткий толстый гвоздь). Всего в груде артефактов зафиксировано четыре таких железных изделия, два относительно больших и два меньшего размерами. Все они обнаружены в комплекте с удилами – можно предположить, что подобные изделия имеют отношение к конскому снаряжению (уздечный набор?). Отметим также факт вкрапления в железную массу указанных изделий элементов (частиц) ярко-зеленого цвета (медь или бронза; рис. 5, *5-8*).

5. Пряжка железная бесщитковая рамчатая лировидной формы с подвижным язычком. Рамка сделана из овально-прямоугольного в разрезе тонкого прута. Изделие имеет отпечатки тонкой кожи (замши), окрашенной в желтый и ярко-красный (малиновый) цвета. Возможно, это обувная пряжка, на что указывают ее малые размеры, расположение в районе окончания берцовых костей и отпечатки кожи (рис. 5, *3*).

6. Фрагмент железной круглой рамчатой пряжки с подвижным язычком (форма не восстанавливается; рис. 5, *4*).

7. Кольцо бронзовое круглое литое с композицией из сочетаний трех бугорков-возвышенностей, крайне стилизованно имитируют морду животного. При этом одна пара бугорков напоминает протому, где головы обращены затылочной частью друг к другу, а другая пара воспроизводит их последовательно (расположены в одном направлении, друг за другом). На кольце четко фиксируется литник, который расположен напротив импровизированной протомы (рис. 5, *9*).

8. Овальные незамкнутые полукольца (скобы?) из желтого металла, напоминающего бронзу с вкраплениями мелких фрагментов красного металла. Функциональное назначение неизвестно, однако можно предположить, что такие изделия фиксировали тонкую кожу к деревянной основе. Всего обнаружено пять экземпляров (два относительно больших, три малых; рис. 5, *10, 12-15*).

9. Часть декоративного бронзового изделия из тонкой расплющенной проволоки и декоративная бронзовая полусферическая круглая в основании бляшка (рис. 5, *11* и *20*).

10. Каменный сурматаш в виде удлиненного небольшого штырька с обломанным конусовидным рабочим окончанием и отверстием в верхней утолщенной части. При этом, предмет использовался по прямому назначению (подведение бровей) и после поломки, о чем свидетельствует соответствующая полировка концевого притупленного окончания. Судя по миниатюрным размерам, он принадлежал ребенку (рис. 5, *19*).

11. Ножевидная пластина-отщеп и одновременно скребок со слегка обломанным концом из кремня. Судя по технике изготовления и патине на поверхности пластины, она относится к мезолитическому времени. Как погребальный атрибут выступала в виде огнива (предмет для получения огня; рис. 5, *18*).

Весь погребальный инвентарь компактной бессистемной группой обнаружен вблизи останков берцовых костей погребенной женщины.

Могильник Мынтобе располагается на гребневидных лессовых останцах правой надпойменной террасы реки Сырдарья и левой надпойменной террасы реки Келес, у впадения реки Келес в реку Сырдарья. Он представляет собой вариант могильника,

сочетающего в себе расположение цепочкой и бессистемного расположения насыпей. Могильник включает в себя около тысячи курганов («мынтобе» с казахского «тысяча холмов», что приблизительно соответствует количественной составляющей этого объекта). Встречены насыпи как правильной шатрово-сферической формы и чёткой профилировки, так и слабо выраженные курганы с пологими склонами.

Насыпи однородные по составу, сложены из лёсса. Средние размеры курганов могильника Мынтобе от 10 до 20 и более м в основании при высоте от 1,5 до 2,5 м; кроме всего, в составе могильника фиксируются крупные насыпи «царского» типа, чей диаметр в основании составляет 25-40 м, а высота 3,5-5 м; некоторые группы курганов могильника вытянуты одной-двумя параллельными цепочками более чем на километр по верху гребневидных лёссовых останцев.

Курган 1 имеет правильную округлую планировку, склоны пологие, слабо выраженная насыпь сложена из лёсса. Ближе к кромке насыпи, в юго-западном секторе, на глубине 2,7 м от уровня дневной поверхности была обнаружена «Т»-образная трехчастная катакомба, которая включает: траншейного типа бесступенчатый дромос, который частично не перекрывается насыпью кургана и выходит за его пределы; короткий лаз-проем аркообразного вида, связывающий дромос с погребальной камерой (лаз со стороны дромоса был заложен несколькими горизонтальными рядами прямоугольного и квадратного кирпича-сырца темно-коричневого цвета); сводчатую полую погребальную камеру неправильной овально-прямоугольной планировки, которая в месте соединения с лазом имела ступеньку (рис. 6, *1*).

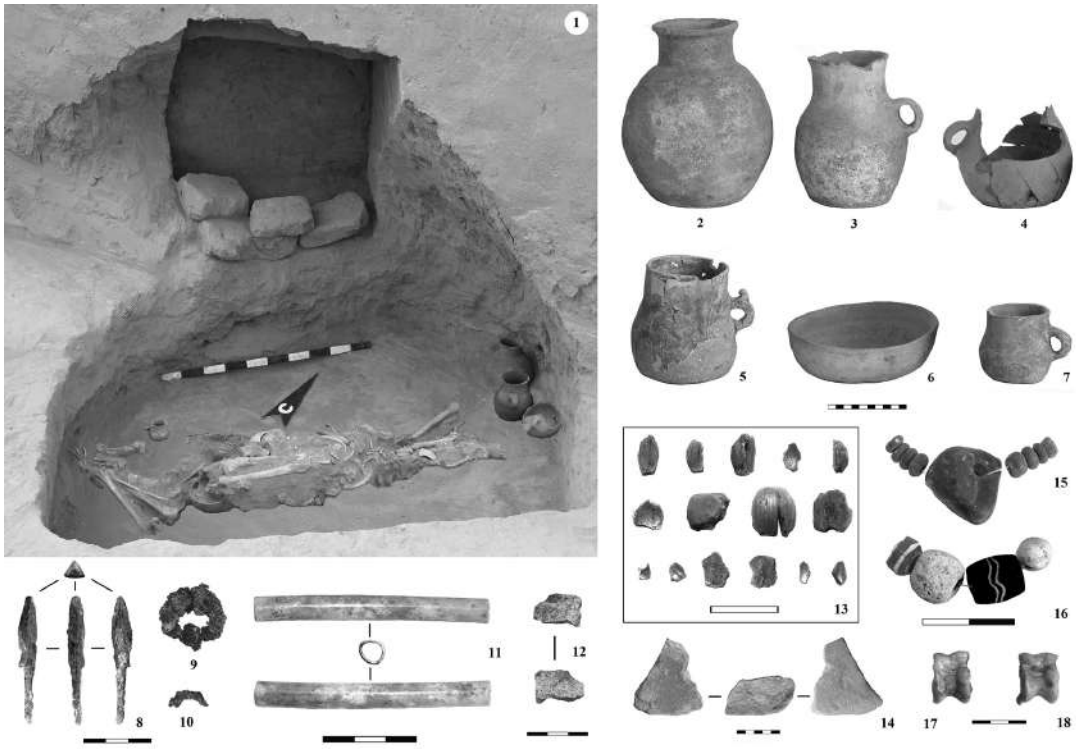


Рис. 6. Археологический комплекс катакомбы 1 могильника Мынтобе

Вся конструкция вытянута по линии СВ–ЮЗ. На дне камеры, на глубине 2,5 м было открыто основательно потревоженное древними грабителями погребение, включающее останки четырех костяков, которые смещены в беспорядке к южной стенке камеры (рис. 6, *1*). В частности, зафиксированы: костяк 1 (принадлежит мужчине средних лет), костяк 2 (принадлежит женщине средних лет), костяк 3 (принадлежит девочке двух – трёх лет), костяк 4 в анатомическом порядке (принадлежит девочке младенческого возраста).

Судя по расположению основной группы сосудов в восточной части камеры (у стенки), которые обычно ставились в головах умерших, обряд погребения можно реконструировать как трупоположение на спине с ориентацией на восток.

Погребальный инвентарь включает:

1.Керамику:

– кувшин без ручек грушевидный, с невысокой горловиной. Сделан вручную из достаточно грубого теста с большими примесями шамота и песка, обжига посредственного. Сосуд украшен у основания горловины концентрической прочерченной по сырой глине «змейкой» (рис. 6, *2*);

– кружка 1 грушевидная, с выраженной горловиной и вертикальной петлевидной ручкой на тулове. Сделана вручную из качественного теста, хорошо обожжен (покрыта ангобом коричневого цвета; рис. 6, *3*);

– кружка 2 шаровидная почти без горловины с вертикальной петлевидной ручкой на тулове. Сделана из качественного теста вручную, обжига качественного; покрыта ангобом светло-коричневого цвета (рис. 6, *4*);

– кружка 3 грушевидная, почти без горловины, с вертикальной петлевидной зооморфной ручкой на тулове в виде головки барана в верхней части. Сосуд сделан вручную, асимметричен и достаточно сильно деформирован. Кружка покрыта ангобом белесого цвета, а сверху украшена мазками темно-коричневого цвета (рис. 6, *5*);

– кружка 4 миниатюрная банкообразная, почти без горловины с вертикальной петлевидной ручкой на тулове. Сосуд сделан вручную из качественного теста, хорошо обожжен (покрыт ангобом светло-коричневого цвета; рис. 6, *7*);

– чаша классической формы с невысокими бортиками. Сосуд выполнен на медленно вращающейся подставке с подправкой вручную из качественного теста, слегка асимметричен; хорошо обожжен (рис. 6, *6*).

2. Часть железного перстня с квадратной печаткой и костяная полированная игольница в виде полой трубчатой кости (рис. 6, *10-11*).

3. Наборный браслет 1 (детский). Включает округлые бусы из красного камня (8 экз.), и темно-коричневого с прожилками цвета треугольную каменную подвеску с отверстием (рис. 6, *15*).

4. Наборный браслет 2 (детский). Состоит из двух крупных округлых бусин из египетского фаянса, стеклянной граненой голубой бусины с двумя параллельными прожилками белого цвета, каменной округлой полупрозрачной бусины из полосчатого агата (рис. 6, *16*).

5. Бусины янтарные овально-биконические; бусины из ярко-голубого стекла (форма не восстанавливается); бусина уплощенная квадратной формы с подглазурной позолотой (рис. 6, *13*).

6. Железный черешковый трехгранный наконечник стрелы и железная рамчатая круглая пряжка без подвижного язычка для обуви (рис. 6, *8-9*).

7. Игральные кости-астрагалы (2 экз.) и отщеп кремневый неолитического времени (огниво; рис. 6, *12, 17-18*).

8. Фрагмент каменной ладьевидной зернотерки (рис. 6, *14*).

Местонахождение артефактов: основная масса предметов быта, украшений, найдены в беспорядочной костной массе на разных уровнях, и только керамические сосуды располагались следующим образом: кружка 4 миниатюрная, в ногах частично сохранившегося детского костяка 4; кувшин, кружки 1 и 2 в вертикальном положении, находились у восточной стенки погребальной камеры; кружка 3 и чаша также обнаружены в завале из костей. Фрагмент каменной ладьевидной зернотерки обнаружен в насыпи кургана.

Остановимся на некоторых аналогиях и параллелях археологическому материалу из катакомб могильников Кылышжар и Мынтобе. В качестве уверенных хроноиндикаторов выступают несколько значимых артефактов, дающих основание для соответствующих выводов.

Керамический комплекс из катакомб могильников Кылышжар и Мынтобе иллюстрирует классические формы, декор и назначение посуды арысской культуры Южного Казахстана I в. до н.э. – IV в. н.э. (Подушкин, 2000, с. 132-135). При этом некоторые параллели (зооморфная посуда, чаши, кувшины, горшок с носиком-сливом) уводят к памятникам древнего Чача (Григорьев, 1948, с. 51-52, табл. III, *24-27*), поселениям юго-западной Ферганы первых веков н.э. (усадьба Кайрагач; Брыкина, 1982, с. 66, табл. 22, *2*; Литвинский, 1973, с. 103, табл. 2 и 3) и материалам могильников Западного Памира (Литвинский, 1973, с. 100, табл. 43, *9*).

В качестве датирующего материала из катакомб Южного Казахстана однозначно выступают железные черешковые наконечники стрел с «опущенными» и прямыми жальцами, которые широко встречаются в погребальных памятниках сарматов I в. до н.э. – III в. н.э. (Хазанов, 1971, с. 39; табл. XX:,*20-21*; табл. XXI, *22* и *24*; Скрипкин, 1990, с. 135-141, рис. 24, *33, 35 – 36, 54*; Мошкова, 1989а, с. 185; табл. 81, *11, 16, 37, 40б*; Симоненко, 2010, с. 96-99; рис. 68, *1, 3*; рис. 69). Подобные железные черешковые трехлопастные наконечники стрел находят аналогии и в среднеазиатских материалах первых веков до – первых веков н.э. (Литвинский, 1965, с. 77-81; рис. 4; Горбунова, 2000, с. 40-41; рис. 1, *3, 5, 16*; рис. 2, *1, 4*). Трехгранному железному черешковому наконечнику стрелы отмечены аналогии в памятниках джетыасарской культуры I в. до н.э. – III в. н.э. (Раппопорт и др., 2000, рис. 20, *26*).

Железные мечи и кинжалы без перекрестия с каменными навершиями характерны для конца среднесарматской и всей позднесарматской культуры рубежа – III в. н.э. (Мошкова, 1989б, с. 195-197, табл. 81, *59, 60-61*; Симоненко, 2010, с. 46, рис. 29-30; рис. 37: мечи «с рукоятью-штырем» 2-го типа); зафиксированы они в указанное время и в погребальных памятниках Средней Азии (Обельченко, 1972, с. 57-62, рис. 1; Обельченко, 1973, с. 159-171: курганы 1, 2, 6 и 8 Агалыксайского могильника, могильники близ Самарканда, которые датируются первыми веками до н.э. – первыми веками н.э.; Обельченко, 1978, с. 119-121), Средней Сырдарьи (Максимова и др., 1968, с. 184; рис. 3; табл. IV, *1; 3*).

Бронзовые дисковидные зеркала с ручкой-штырем без бортика и выступа в центре известны в погребальных памятниках позднесарматской культуры первых веков до н.э. – первых веков н.э. (Скрипкин, 2017, с. 168, рис. 168, *14*; Мошкова, 1989б, с. 195-197, табл. 80, *24*). Зафиксированы они в указанное время и в погребальных памятниках Средней Сырдарьи (Максимова и др., 1968 с. 233, табл. XIX, *1-2*). Аналогии серебряным обкладкам на деревянные изделия (в том числе на венчики деревянных сосудов) имеются в материалах могильника Покровка 10 позднесарматского времени (Южное Приуралье, II-III вв. н.э.; Малашев, Яблонский, 2008; с. 50, рис. 155, *1-3*).

Бусы с подглазурной позолотой, изготовленные в Египте, а затем – в Северном Причерноморье, широко известны в сарматских памятниках первых веков до н.э. – первых веков н.э. (Алексеева, 1984, с. 238-239, табл. CLVI, *1-10; 20; 22; 26*). Отмечены они и в джетыасарской культуре этого же времени (Левина, Довгалюк, 1995, с. 205-212: рис. 1-3). К числу хроноиндикаторов следует отнести большую ребристую бусину из египетского фаянса. Подобные бусины в сочетании с другими изделиями из египетского фаянса в составе наборных ожерелий и ручных браслетов широко распространены в среде сарматов Евразии в I в. до н.э. – III в. н.э. (Алексеева, 1975, с. 25; Алексеева, 1984, с. 237; Мошеева, 2010, с. 152; Литвинский, Седов, 1984, с. 64).

Железные круглые и «лировидные» пряжки с подвижным язычком как артефакты бытового назначения и конской экипировки (сбруя) отмечены в сарматских памятниках Северного Причерноморья первых веков н.э. (Симоненко, 2010, с. 234, рис. 188, *13*), и в материалах могильника Жаман-Тогай этого же времени (Максимова и др., 1968, с. 184, табл. III, *7-8, 14)*. Железные двукольчатые удила с кольцевыми псалиями находят аналогии в погребениях среднесарматского времени Северного Причерноморья (Скрипкин, 2017, с. 185, рис. 41, *10*; Симоненко, 2010, с. 151-153, рис. 131с; 132). Косметический прибор в виде каменного остроконечника-штырька сурматаша отмечен в памятниках Средней Азии и Казахстана в первых веках н.э. (Литвинский, 1978, с. 127-132; Горбунова, 1981, с. 178-180, рис. 37, *3*).

Наконец, бронзовые кольца с гроздьями шариков («шишечек») находят прямые аналогии в Нижнем Подонье сарматского времени (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 378, рис. 122, *8*).

Полученный материал из катакомб юго-западной группы курганов могильника Кылышжар, основываясь на особенностях погребальной конструкции, этнокультурных параллелях, позволяют отнести его к кругу племен I в. до н.э. – IV в. н.э. в рамках государственного объединения Канцзюй (Кангюй). Раскопки могильника Мынтобе (катакомба 1) также связаны с археологическими материалами (керамика, вооружение, предметы быта и культа), относящимися к культуре государства Канцзюй (Кангюй) и погребальными комплексами номадов сармато-сюннуского этнического облика. Новые археологические материалы проливают свет на наименее изученный период в истории Казахстана и региона Южного Казахстана в контексте материальной, духовной культуры у таких этносов, как поздние саки, сюнну, сарматы, кангюй. Они также помогут ученым осветить некоторые моменты этногенеза казахов на ранних его этапах. Как практическая идентичность, так и синхронность упомянутых материалов говорят о том, что перед нами один историко-культурный и хронологический пласт, иллюстрирующий устойчивые системы материальной культуры государства Кангюй в формате арысской культуры Южного Казахстана (Подушкин, 2000).

Список литературы

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, вып. Г 1-12. – М.: «Наука», 1975. – 104 с.

Алексеева Е.М. Бусы и подвески // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М.: «Наука», 1984. – С. 237-239.

Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. – М.: «Наука», 1982. – 196 с.

Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма. – М.: Наука, 1981. – С. 178-183.

Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.) // РА. № 2. 2000. – С. 40-51.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) / А.А. Горбенко, В.М. Косяненко. Донские древности. – Вып. 11. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2011. – 512 с.

Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении (к истории культуры древних саков) // ИАН КазССР. Серия археол., №46, вып. 1. – Алма-Ата, 1948. – С. 47-78.

Левина Л.М., Довгалюк Н.П. Бусы из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. – Выпуск V. Жетыасарская культура. Часть 5. – М., 1995. – С. 202-228.

Обельченко О.В. Агалыксайские курганы // ИМКУ. – Вып. 9. – Ташкент, 1972. – С. 56-72.

Обельченко О.В. Курганы в окрестностях Самарканда // «Афрасиаб», вып. II, АН УзбССР. – Ташкент, 1973. – С. 157-172.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из Согда // СА. № 4. 1978. – С. 115-127.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2. 1965. – С. 75-91.

Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. – М.: «Наука», 1973. – 202 с.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М., 1984. – 137 с.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. – Вып. IV. – М. «Наука», 1978. – С. 1-179.

Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968. – 258 с.

Малашев В.Ю, Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). – М., «Восточная литература» РАН, 2008. – 365 с.

Мошеева О.Н. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 11. – Волгоград, 2010. – С. 147-169.

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989а. – С. 177-191.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989б. – С. 191-202.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. – Туркестан, 2000. – 201 с.

Раппопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. – Москва, 2000. – 384 с.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – Спб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 328 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Издательство Саратовского университета, 1990. – 299 с.

Скрипкин А.С. Сарматы. – Волгоград, 2017. – 293 с.

Хазанов А.М. Очерки военного сарматов. – М.: «Наука», 1971. – 172 с.

Ж.Е. Смаилов[1], С.К. Сакенов[2]
[1]ТОО «Казархеология»
Алматы, Казахстан
[2]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
J.E. Smailov[1], S.K. Sakenov[2]
[1]Kazarhaeology LLP
Almaty, Kazakhstan
[2] L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
zh.smail@mail.ru,
sergazi_82@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ КУЛЖАБАСЫ

Аннотация. В статье представлены основные конструктивные особенности погребальных сооружений эпохи поздней бронзы на могильнике Тамгалытас-Бурлышокы. Памятник расположен в Жамбылском районе Алматинской области. Раскопано четыре погребальных сооружения и одна курганная насыпь с каменной оградой. Составлена типология погребальных сооружений. На основании анализа полученных данных была определена принадлежность могильника к бегазы-дандыбаевской культуре.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, бегазы-дандыбаевская культура, могильник, погребение, каменная ограда, каменный ящик, керамика.

Құлжабасы тауларындағы беғазы-дәндібай мәдениетінің жерлеу ескрткіштері

Түйін. Мақалада Тамғалытас-Бұрлышоқы қорымында кейінгі қола дәуірінің жерлеу құрылыстарының негізгі конструктивті ерекшеліктері келтірілген. Ескерткіш Алматы облысының Жамбыл ауданында орналасқан. Төрт жерлеу құрылысы және бір тас қоршауы бар қорған үйіндісіне зерттеу жұмыстары жүргізіліп, оларға сипаттама берілді. Жерлеу құрылыстарының типологиясы жасалды. Деректерге талдау жасап, салыстырмалы әдістерге сүйене отырып қорым беғазы-дәндібай мәдениетіне тиесілі деп болжанды.

Түйін сөздер. кейінгі қола дәуірі, беғазы-дәндібай мәдениеті, қорым, жерлеу, тас қоршауы, тас жәшік, қыш ыдыс

Burial monuments of Begazy-Dandybai culture in Kuljabasy piedmont

Annotation. The article presents the main design features of the burial structures of the Late Bronze Age at the Tamgalytas-Burlyshoky burial ground. The monument is located in Zhambyl district of Almaty region. Four burial structures and one kurgan mound with a stone wall were excavated. Compiled typology of burial structures. Based on the analysis of the obtained data, the affiliation of the cemetery to the Begaz-Dandybayev culture was determined.

Keywords: late Bronze Age, Begaz-Dandybay culture, burial ground, burial, stone fence, stone box, ceramics.

Эпоха бронзы занимает важное значение в изучении древней истории Казахстана. Исследования последних лет позволяют расширить ареал распространения нуринской и бегазы-дандыбаевской культур. Так памятники вышеназванных культур были исследованы в Кегене и Кордае. Значительное количество памятников этих культур расположены в Хантау, Ой Джайлау.

В полевом сезоне 2018 года проведены археологические исследования могильника эпохи поздней бронзы Тамгалытас. Могильник находится в Алматинской области, Жамбылском районе в 2,5 км к северо-западу от современного села Тамгалытас. Исследовательская группа предлагает новое название памятника – историко-культурный комплекс «Тамгалытас-Бурлышокы». Новое название необходимо для того, чтобы избежать путаницы с уже известным памятником Тамгалы, который находится в 30 км южнее. Первую часть названия принято было оставить, так как оно уже зафиксировано в археологическом регистре и в паспорте памятника. Оно связано с расположенным рядом селом «Тамгалытас»[1]. Второе название привязано к местной топонимике – в 300 метрах к востоку от памятника находится сопка «Бурлышокы». Название высокой сопки связано с местонахождением полиметаллической руды. В 40-е годы XX в. в округе Бурлышокы проведены геологоразведочные работы под руководством К.И. Сатпаева. В ходе этих работ выявлены следы древних разработок металла.

Памятник состоит не только из каменных оград эпохи поздней бронзы, при проведении тщательной пешей археологической разведки были обнаружены новые разновременные памятники. Основная часть комплекса представлена видимыми на поверхности 26 каменными оградами, датируемыми эпохой поздней бронзы (рис. 1). Кроме них на территории могильника нами зафиксировано несколько крупных курганных насыпей с каменными кольцевыми оградами, по некоторым архитектурным особенностям они относятся к периоду средней бронзы. Рядом зафиксирована группа курганов железного века, расположенных цепочкой.

В состав комплекса входят петроглифы, которые обнаружены на загоревших от солнца каменных плитах естественных скальных возвышенностей. Петроглифы датируются разными историко-культурными периодами: от эпохи бронзы до этнографической современности. Это ярко свидетельствует о том, что территория в районе расположения комплекса «Тамгалытас-Бурлышокы» была обитаема в течение тысячелетий. Сюжеты наскальной живописи эпохи бронзы включают сцены охоты на туров, солнцеголовых божеств (рис. 1, *3*). В большом количестве зафиксированы рисунки горных козлов (тау-теке), это излюбленные мотивы ранних кочевников, имеются тамги казахских родов. Надписи выполнены ойратским письмом. Краткая характеристика антропоморфных изображений, над головой которых нимб в форме полумесяца, опубликована А.Е. Рогожинским (2009, с. 60-61). При проведении опроса среди жителей села Тамгалытас выявлено, что каменное антропоморфное изваяние древнетюркской эпохи, расположенное возле сельской школы, было обнаружено близ сопки Бурлышокы. Эпохой средневековья, очевидно, датируются зафиксированные возле родника Узынтас несколько средневековых сооружений, а также хорошо прослеживаемые арыки. На территории комплекса выявлено около 16 захоронений XVIII-XIX вв., у скальных гряд

[1]В советское время село называлось «село Горный».

1

2

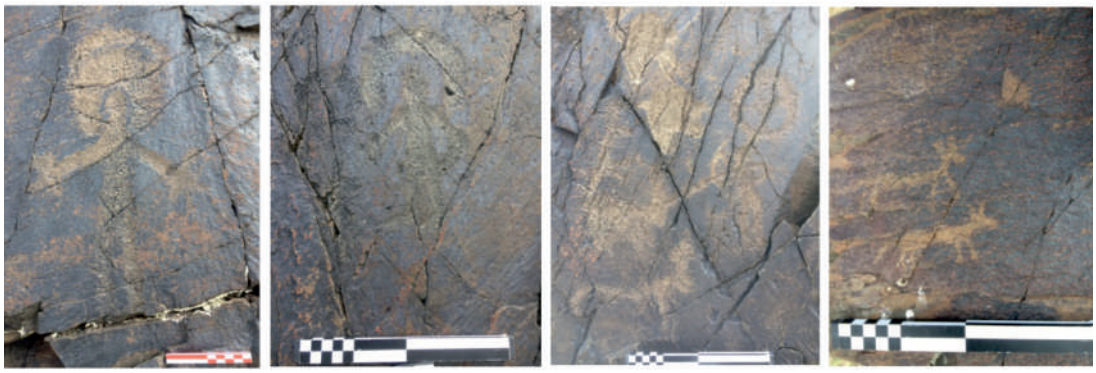


Рис. 1. Историко-культурный комплекс «Тамгалытас-Бурлышокы»: 1) долина реки Ак-кайнар; 2) вид могильника сверху; 3) наскальные изображения

обнаружены следы строений нескольких казахских зимовок, датируемых этим же временем.

Итак, историко-культурный комплекс «Тамгалытас-Бурлышокы» представлен несколькими разновременными объектами: 1) Курганы и ограды, относящиеся к нуринско-федоровской культуре (бронзовый век); 2) Каменные ограды нескольких типов, датируемые эпохой поздней бронзы; 3) Могильник раннего железного века; 4) Древнетюркские ограды; 5) Несколько сооружений средневековой эпохи, соединенные друг с другом арыками; 6-7) Жилые постройки казахов XVIII-XIX вв. («қыстау»), а также погребения данного времени.

Для археологического изучения выбраны каменные ограды эпохи поздней бронзы двух типов: круглой и квадратной форм с разными вариантами конструкций. На первом этапе был снят топографический план, все видимые археологические объекты зафиксированы и пронумерованы.

Каменная ограда №11 (1тип, вариант 1). Находится рядом с полевой дорогой. Объект был выбран специально, так как данное каменное строение находится в аварийном состоянии. До раскопок насыпь фиксировалась как небольшой холмик. После снятия дернового слоя на поверхности обнажились каменные плиты, выложенные плашмя, и составляющие три ряда вписанных друг в друга каменных стен. В центре ограды поставлен каменный ящик. Он сделан из нескольких плоских гранитных плит, размерами 2×1 м. Плиты северо-западной части не сохранились. Каменный ящик был полностью расчищен, никаких остатков обнаружено не было. Ящик длинными осями ориентирован на запад-восток. Пространство между каменными ограждениями было тщательно расчищено (рис. 2, *1-2*).

Каменная ограда №12 (1 тип, вариант 2). До раскопок на поверхности земли были хорошо видны каменные плиты, поставленные на ребро. Каменная ограда круглой формы диаметром 3 метра. После расчистки в центральной части зафиксировано могильное пятно овальной формы. Данный объект состоит из нескольких оград, выложенных из плоских камней. Фиксируется три ряда каменной кладки. Плиты клали плашмя, хорошо подгоняя друг к другу. Центральная каменная конструкция сооружена из каменных плит, поставленных на ребро. Она имеет овальную форму размерами 3,25×2,5 м. Диаметр второго каменного сооружения составляет 3,6 м. Пространство между стенами первой и второй каменных конструкции составляет 0,5 м. Архитектурная особенность второй каменной постройки в том, что плиты выложены в несколько рядов. Третья ограда сохранилась частично. По остаткам в некоторых местах реконструируется ее круглая форма. В центральной части на уровне 0,4 м зафиксирована грунтовая могильная яма. При расчистке она оказалась разграбленной. Могильная яма небольшой глубины 0,3 м, размерами 1,7×0,8 м. Длинными осями ориентирована северо-восток–юго-запад.

Каменная ограда №15 (2 тип, вариант 1). На поверхности были видны четкие очертания каменной конструкции квадратной формы размерами: северная – 5,4 м, южная – 4 м, западная – 4,6 м, восточная – 5 м (рис. 2, *3*). Квадратная ограда выложена из крупных каменных плит, поставленных на ребро. Внутрь каменной ограды вписаны два концентрических ряда оград диаметрами 4 м и 2,5 м. Вся площадь надмогильного сооружения полностью расчищена до материка. В центре сооружен каменный ящик из четырех каменных плит крупного размера. Длинные стенки – 1,2 м, короткие – 0,9 м.

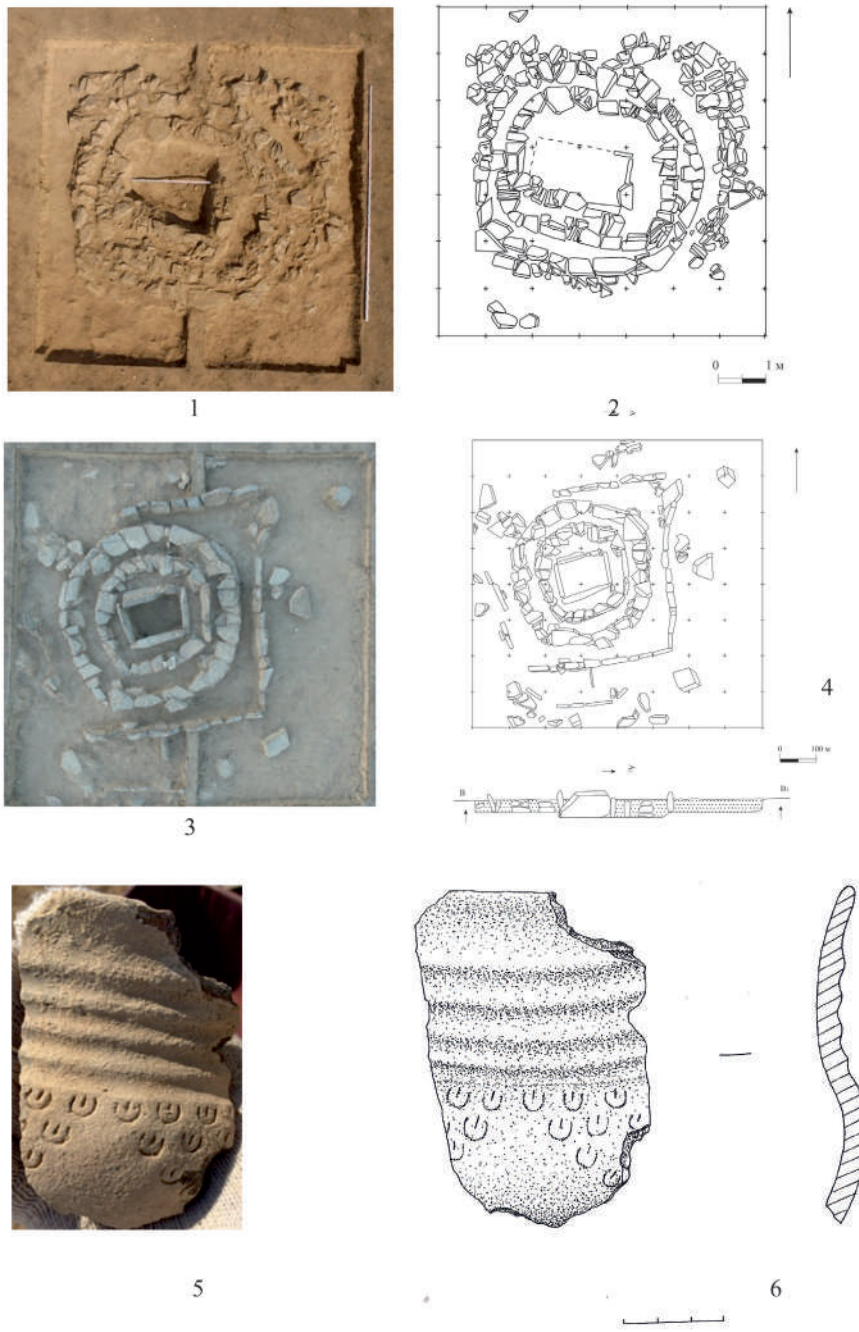


Рис. 2. Историко-культурный комплекс «Тамгалытас-Бурлышокы»: 1) Конструкция каменной ограды №11; 2) план каменной ограды №11; 3) каменное сооружение №15 вид до раскопок и после; 4) План и разрез каменного сооружения №15; 5-6) фрагмент керамики

Каменный ящик полностью расчищен, он оказался разграбленным. Высота каменного ящика составляет 1 м, он немного углублен в землю на –0,30 м.

Ящик огражден рядами круглых оград, выложенных из плоских камней. Все каменные плиты подогнаны друг к другу. Архитектурной особенностью данного объекта является наличие нескольких концентрических построек, вписанных друг в друга (рис. 2, *5*).

Между квадратной и круглой конструкцией ограждения, в северной и западной стенках, обнаружены несколько фрагментов керамики. Один из которых орнаментирован, а все остальные без орнамента. Орнаментированный фрагмент керамики принадлежал сосуду чашевидной формы. Стройность профилю придают четыре линии каннелюр, расположенные между горловиной и предплечиком. В зоне плечика имеется орнамент в виде штампов полукруглой формы с черточкой в центре, которые композиционно составляют равнобедренные треугольники вершинами вниз (рис. 2, *6*).

Каменная ограда №16 (2 тип, вариант 2). На поверхности земли была видна каменная конструкция, которая состояла из плоских гранитных плит, врытых на ребро (рис. 3, *1*). Каменная ограда имела квадратную форму, состояла из двух частей. После выявления всех деталей каменной конструкции, в дальнейшем можем назвать их «скальными мавзолеями», термин который использовал в своих работах А.Х. Маргулан (1998, с. 153). Мавзолей состоит из нескольких архитектурных частей.

Центральная каменная ограда. Сооружение неправильной квадратной формы. Ориентировано по сторонам света. Северная стена – 2,4 м, южная – 2,4 м, западная – 2,5 м, восточная – 2,8 м (рис. 3, *2*). В центральной части на глубине 0,25 м, слабо фиксируется могильное пятно, ориентированное длиной осью по линии СЗ–ЮВ. Могильная яма полностью расчищена, на глубине 0,25–0,45 м зафиксированы плоские камни. После расчистки могильной ямы от камней выявлено, что захоронение было разграблено. Размеры могильной ямы 1,76×0,8×0,76 м.

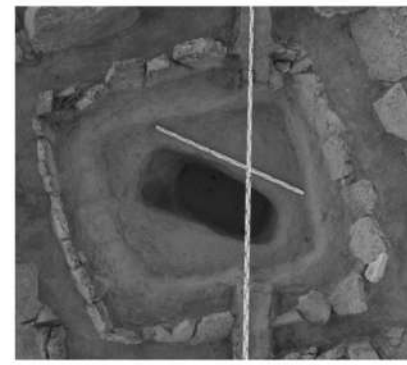
Внешняя каменная ограда. Внешняя конструкция сооружена из крупных гранитных плит. Сооружение неправильной квадратной формы имеет следующие размеры стен: северная – 4,8 м, южная – 3,15 м, западная – 3,8 м, восточная – 4,5 м (рис. 3, *3*).

Под западной стенкой обнаружен сосуд, относящийся к бегазы-дандыбаевскому типу. Венчик сосуда отогнут наружу, стройность придает шейка, которая оформлена несколькими линиями канелюр (рис. 3*, 4,7*).

Третья архитектурная часть состоит из нескольких пристроенных к внешней ограде жертвенников. Впритык к северной части внешней ограды расчищен каменный ящик прямоугольной формы. Размерами 1,6×0,60 м, стенки сооружены из плоских гранитных плит, кроме северной образованной длинной стеной внешней ограды (рис. 3, *5*). При расчистке каменного ящика обнаружено несколько плохо сохранившихся костей животных. К западной стороне данного ящика пристроен небольшого размера отсек из гранитных плит размерами 0,4×0,6 м. К южной стене пристроена еще одна конструкция полуовальной формы. Она выложена из камней (рис. 3, *6*). После расчистки данного жертвенника он оказалось пустым.

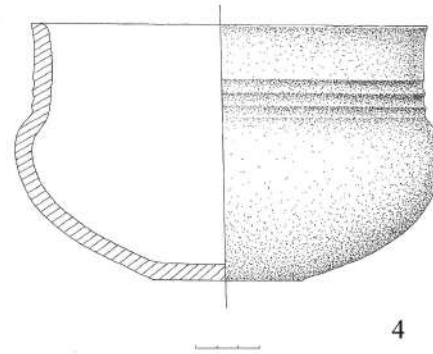
Большая ограда №24. На восточной окраине могильника эпохи поздней бронзы Тамгалытас-Бурлышокы, для научного исследования выбрана самая большая каменная ограда с земляной насыпью, диаметром 18 м, высотой 1,5 м. Насыпь выбиралась по

1



2

3



4

5

6

7

Рис. 3. Историко-культурный комплекс «Тамгалытас-Бурлышокы». Каменная ограда №16: 1) вид до раскопок; 2) центральная ограда; 3) план комплекса 4) керамический сосуд; 5) каменный ящик в северной части; 6) жертвенник в южной части; 7) сосуд, обнаруженный у западной стенки

секторам, с оставлением поперечных и продольных бровок (рис. 4, *1*). При углублении на уровень 0,2 м по краям зафиксирована крепида из каменных из плит, поставленных на ребро. В данном случае мы наблюдаем в сооружении курганной насыпи следующее: для крепиды использовали очень тонкие и плоские плиты. После вертикальной установки они дополнительно укреплялись плитами, которые уложены горизонтально. Общий диаметр внешней каменной конструкции, выполняющей роль крепиды, составил 14 м. Внутри крепиды в северо-восточных и юго-восточных секторах зафиксирована вторая линия кладки из плит уложенных плашмя (рис. 4, *2*). Через несколько метров от внешней каменной конструкции мы фиксируем более мощную каменную ограду. Отличительная черта данного строения в том, что здесь использовались массивные и ровные гранитные плиты, плотно подогнанные друг к другу. В некоторых частях размеры плит достигают длины 1,5 м, при толщине 0,2 м. Диаметр внутренней каменной ограды составил 9 м.

На внутренней площадке данного строения, выложенного из мощных гранитных плит, расчищено два каменных ящика. Один каменный ящик стоял ближе к югу, другой – к северу (рис. 4, *1*).

Южный каменный ящик сделан из четырех массивных гранитных плит. Длинные стенки 1,9 м, толщина их 0,15 м. Размеры плит торцовых стен около метра, толщиной 0,2 м. Каменный ящик длинной осью строго ориентирован по линии запад–восток. Размеры его 1,9×1 м, высота 1 м (рис. 4, *4–6*). После расчистки было выявлено, что он пуст, вероятно, разграблен. Это облегчалось тем, что края каменного ящика фиксировались на поверхности насыпи, он был легким объектом для грабителей, а плоские гранитные плиты перекрытия лежали на поверхности насыпи.

Каменный ящик (северный) также сооружен из четырех массивных гранитных плит. Южная стенка не сохранилась, ее разрушенные остатки обнаружены вблизи. Размеры плиты северной стены составляют: длина 1,9 м, толщина 0,25 м. Торцовые стены выложены несколькими плоскими метровыми плитами (рис. 4, *7,9*). Для сооружения восточной торцовой стены использовались две плоские метровые плиты, поставленные на ребро. Причем одна плита достаточно крупная, длиной 0,8 м, толщиной 0,25 м. Западная торцовая стена также состояла из нескольких плит. Она достаточно прочная, длиной 0,8 м, толщиной 0,2 м. Данную плиту подпирали еще две плоские гранитные плитки. Над вертикально поставленными каменными плитами дополнительно сделана обкладка плитами, положенными плашмя. Размеры каменного ящика 1,9×0,8 м, высота 0,9 м. Ось ящика немного отклонена по линии северо-запад–юго-восток (рис. 4, *8*). Каменный ящик расчищен до дна. Погребение разграблено.

Каменные ящики не углублены в землю, а поставлены на поверхность древней почвы. Затем насыпался слой грунта, который утрамбовывался, процесс фиксируется по оставленным поперечным бровкам и на плане. Для возведения центральной площадки использовалась светло-желтая глина. Третьим этапом строительства стало возведение внутренней каменной ограды. В некоторых местах положенные массивные плиты сползли в сторону. Это свидетельствует, что в некоторых местах при осадке утрамбованного грунта плиты просто сползли на бок (рис. 4, *3*). После завершения строительства внутренней каменной ограды стали возводить общую насыпь. Для этого центральная конструкция была окружена вертикально поставленными гранитными

Рис. 4. Историко-культурный комплекс «Тамгалытас-Бурлышокы». Большая ограда №24: 1-2) вид сверху; 3) профиль насыпи; 4-6) южный каменный ящик; 7-9) северный каменный ящик

плитами, которые выступали как крепида. Скорее всего, первоначально насыпь была полусферической формы. В течение многих веков края насыпи хорошо задерновались, а грунт на вершине подвергался постоянному влиянию погодных условий, что привело к обнажению краев каменных ящиков.

На данном этапе исследования могильника мы выделяем два основных типа с разными вариациями. Критерием выделения стали внешние конструктивные особенности погребальных сооружений. Первый тип – конструкции круглой формы, второй тип – квадратной формы.

Тип I, вариант 1 – трехлинейная ограда, выложенная из гранитных плит, поставленных плашмя, круглой формы; Тип I, вариант 2 – двухлинейная ограда, внешняя выложена из плит, положенных плашмя. Внутренняя сооружена из плит, поставленных на ребро, в форме полуовала; Тип II, вариант 1 – трехлинейная ограда. Две внутренние линии сооружены из плит, положенных горизонтально. Третья наружная линяя сооружена из гранитных плит, поставленных на ребро, квадратной формы; Тип II, вариант 2 – двухлинейная ограда квадратной формы из каменных плит, поставленных на ребро. Могильник интересен тем, что на территории одного могильника визуально выделяется разнообразие погребальных сооружений. Типология погребальных сооружений могильника неполная, она требует дальнейшего детального исследования.

Среди исследованных погребальных сооружений к раннему этапу относится большая ограда №24. Опираясь на конструктивные особенности данного объекта, мы склонны отнести большую ограду №24 к переходному периоду от федоровского к позднебронзовому периоду. В архитектуре данного комплекса сохраняются архаичные элементы предыдущей эпохи. Это прежде всего каменные ограды, каменные ящики. Новые архитектурные элементы при строительстве погребального комплекса указывают нам на некоторые изменения традиции: первое – появление крепиды, функция которой заключалась в том, чтобы сдерживать земляную насыпь; второе – наземное погребальное сооружения; третье – возведение искусственной площадки, на которой в последствии сооружали каменную ограду.

В этом регионе случаи использования каменных плит известны на могильниках эпохи бронзы Таутары (Карабаспакова, 2011, С.102), Тамгалы (Рогожинский, 1999, С.9), Ой-жайлау (Горячев, 2010, С.200). Традиция использования каменных плит при строительстве погребальных комплексов известна на ранних стадиях развития андроновской культурно-исторической общности. Это связано с ландшафтом и доступностью материала. Использование гранитных плит при строительстве погребальных комплексов наивысшего расцвета достигло в эпоху поздней бронзы у племен бегазы-дандыбаевской археологической культуры Центрального Казахстана.

По архитектурным особенностям, комплекс датируется позднебронзовым веком. Вертикально поставленные каменные плиты, как в ограде №16, квадратной формы, говорят о проникновении в позднебронзовом веке мобильных скотоводов из центральных регионов Казахстана, которые передвигались в поисках новых месторождений металла, а также мест сбыта и обмена скотоводческой продукции. В своих работах Карабаспакова К.М., основываясь на типологии погребальных сооружений и керамического материала памятников поздней бронзы изучаемого региона, связывает их с бегазы-дандыбаевской культурой Центрального Казахстана (1989, с. 97)

Каменные ограды №12, 14, 15, по архитектурным особенностям, аналогичны каменным оградам Центрального Казахстана, в частности могильникам Аксу-Аюлы, Бугылы, Сангру (Маргулан и др., 1966). Сходство могильника Тамгалытас-Бурлышокы с кругом памятников бегазы-дандыбаевской культуры выражается прежде всего в композиции в виде двойных, тройных квадратов, вписанных один в другой, в конструкции стен, выполненных горизонтальной кладкой и облицованных вертикальными плитами, врытыми на ребро.

Большую каменную ограду №24 мы относим к переходному периоду, а все остальные ограды датируем эпохой поздней бронзы. Аналогичные архитектурные особенности мы прослеживаем в Центральном Казахстане – Байбала II (Маргулан, 1998, с.113). Некоторые архитектурные детали данного погребального комплекса в последующие периоды станут составной частью погребального обряда. В раннесакское время при сооружении погребальных комплексов использовались каменные ограды, в некоторых могильниках встречаются два ряда оград, а погребальной камерой служили каменные ящики. Некоторые архитектурные элементы данных погребальных комплексов служат связующими элементами поздней бронзы с ранним железным веком. Сбор археологических фактов переходного периода в дальнейшем позволит решать ряд научных задач связанных с крупными этнокультурными изменениями в переходные периоды от финальной бронзы к раннему железному веку.

Археологический материал приводит к мысли, что все исследованные погребальные сооружения возводились по определенным стандартам, что говорит о высокой организации общества. На основании всех полученных данных можно прийти к выводу, что могильник Тамгалытас-Бурлышокы датируется XIII-IX вв. до н.э.

Список литературы

Горячев А. А. Новые материалы по погребальной обрядности эпохи бронзы из могильника Ой-Джайляу-VII в горах Киндыктас //Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. – Алматы, 2010. – С. 191-202.

Карабаспакова К. М. Этнокультурные связи населения эпохи поздней бронзы Семиречья (По материалам могильника Арасан)//Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). – Алма-Ата, 1989. – С. 95-97.

Карабаспакова К. М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы, 2011. – 220 с., илл.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: «Наука», 1966. – 435 с.

Маргулан А.Х, Сочинения. В 14 томах. Том 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана /составители Д.А. Маргулан, Д. Маргулан, – Алматы: Атамұра, 1998, – 400 стр., илл

Рогожинский А.Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. – Алматы, 1999. – С.7-43.

Рогожинский А.Е. Наскальные изображения «солнцеголовых» из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 53-65.

А.И. Хаванский
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
A.I. Khavansky
Institute of Archeology named of A.H. Margulan
Almaty, Kazakhstan
Arkaim01@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ СИНТАШТИНСКИЙ ГРУНТОВЫЙ И ТАНАБЕРГЕН II)

Работа подготовлена в рамках ПЦФ BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности (по археологическим источникам)».

Аннотация. В статье рассматриваются культурные контакты населения синташтинской культуры, оставившего могильники Синташтинский грунтовый в Зауралье и Танаберген II в Западном Казахстане. В качестве источников использовались орнамент и форма глиняной посуды. Используя соотношение различных видов орнамента в каждом погребении (закрытом комплексе) удалось построить относительную хронологию погребений и выявить периоды в развитии синташтинских традиций. Между различными периодами одного и разных могильников были вычислены коэффициенты сходства. Было выявлено, что население, оставившее оба могильника, активно контактировало друг с другом. Причем, в отдельные период синташтинское население Западного Казахстана оказывало существенное влияние на синташтинское население Зауралья и, вполне вероятно, частично мигрировало в этот регион. С течением времени происходит консолидация синташтинских керамических традиций.

Ключевые слова: Западный Казахстан, синташтинская культура, культурные контакты, керамика.

Сынтасты халқының ішкі мәдени байланыстары мәселесіне (Сынтасты Топырақ және Танаберген II қорымдары мысалында)

Түйін. Синташта топырағының жерленген жерлерін Батыс Қазақстанда Орал және Танабергенде II қалдырған Синташта мәдениетінің мәдени байланыстары қарастырылады. Көздер ретінде әшекейлері мен керамика түрі пайдаланылды. Әрбір көмудегі (жабық кешен) әртүрлі ою-өрнек арақатынасын пайдалана отырып, жерлеудің салыстырмалы хронологиясын құруға және Синташта дәстүрлерін дамыту кезеңдерін анықтауға болады. Бір және әр түрлі жерленген жерлердің әр түрлі кезеңдерінде ұқсастық коэффициенттері есептелген. Екі жерді тастап кеткен халық бір-бірімен белсенді байланыста болғаны анықталды. Сонымен қатар, кейбір кезеңдерде Батыс Қазақстандағы Синташта тұрғындары Орал тауларының арғы

жағындағы Синташта халқына айтарлықтай әсер етті және, мүмкін, ішінара осы аймаққа көшіп келді. Уақыт өте келе, Синташта керамикалық дәстүрлерінің бірігуі бар.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, Синташта мәдениеті, мәдени байланыстар, керамика.

To the question of the internal cultural contacts of the population of Sintashta culture (on the example of burial grounds Sintashta and Tanabergen II)

Annotation. The article discusses the cultural contacts of the population of the Sintashta culture, which left the burial grounds of the Sintashta groundwater in the Trans-Urals and Tanabergen II in Western Kazakhstan. Ornaments and the form of pottery were used as sources. Using the ratio of different types of ornament in each burial (closed complex), it was possible to build the relative chronology of the burials and identify periods in the development of the Sintashta traditions. Between different periods of one and different burial grounds, similarity coefficients were calculated. It was revealed that the population, which left both burial grounds, was in active contact with each other. Moreover, in some periods, the Sintashta population of Western Kazakhstan had a significant impact on the Sintashta population of Zauralye and, quite likely, partially migrated to this region. Over time, there is a consolidation of the Sintashta ceramic traditions.

Keywords: Western Kazakhstan, Sintashta culture, cultural contacts, ceramics.

Вопрос контактов носителей различных культур и отражения этих контактов в археологическом материале возникает постоянно. В то же время проблематика контактов носителей одной археологической культуры, но живущих на разных территориях, относящихся к различным локальным вариантам, разработана не так глубоко. Это связано прежде всего с тем, что очень сложно выделить критерии и признаки контактов, когда они идут внутри культуры. Различия в этом случае будут носить не столько качественный, сколько количественный характер. Кроме того, оценка степени сходства и различия должна носить объективный и системный характер, а не опираться только на сходство отдельных признаков или вещей. Избранный материал должен быть массовым и анализироваться с помощью статистико-комбинаторных методов. Поэтому в качестве материала, на базе которого исследовалась проблема внутренних культурных контактов, была избрана керамика из археологических раскопок (рис. 1).

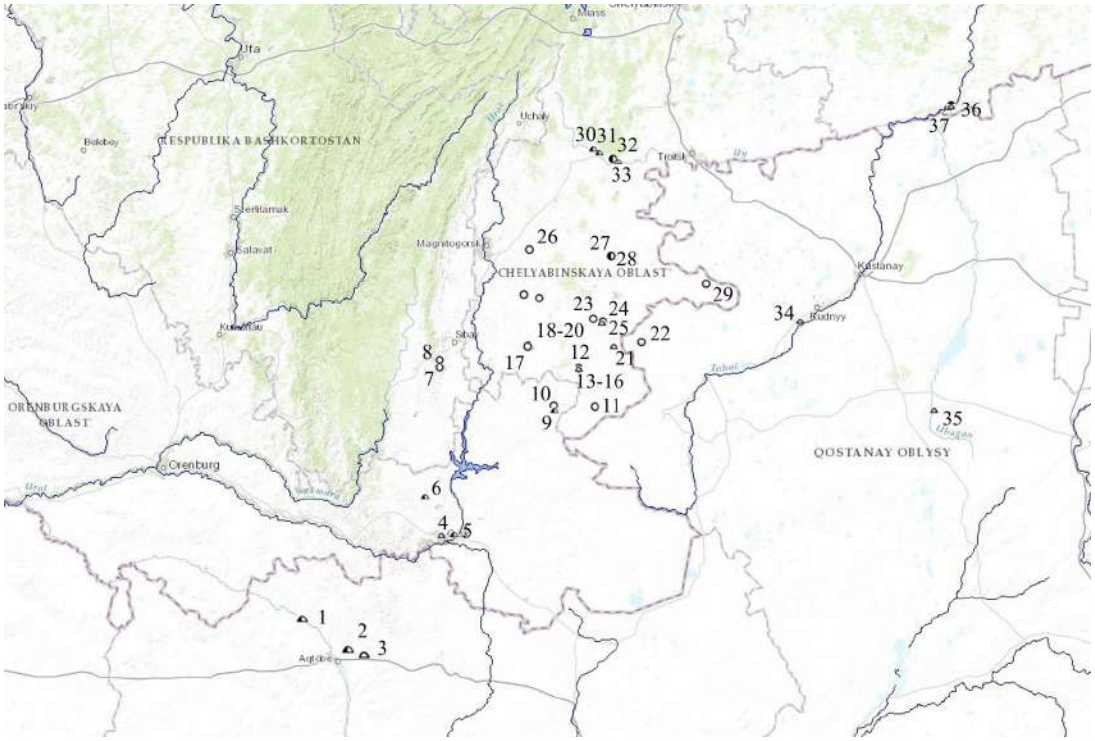


Рис. 1. Карта памятников синташтинской культуры: 1 – мог. Танаберген II, 2 – Жаман-Каргала I, 3 – Красносельский, 4 – погребение у г. Орска, 5 – мог. Новокумакский, 6 – мог. Ишкиновка II, 7 – пос. Улак I, 8 – пос. Селек, 9 – мог. Солончанка Ia, 10 – пос. Аландское, 11 – пос. Берсуат, 12 – Синташтинское поселение, 13 – Синташтинский грунтовый могильник, 14 – курган Синташтинский I, 15 – курган Синташтинский II, 16 – курган Синташтинский III, 17 – пос. Аркаим, 18 – пос. Каменный Брод, 19 – мог. Большекараганский, 20 – мог. Александровский IV, 21 – мог. Княженское IV, 22 – пос. Камысты, 23 – пос. Журумбай, 24 – пос. Каменный Амбар, 25 – мог. Каменный Амбар V, 26 – пос. Бахта, 27 – пос. Устье, 28– мог. Солнце II, 29 – пос. Исиней, 30 – мог. Степное I, 31 – мог. Степное XXV, 32 – пос. Степное, 33 – пос. Стрелецкое, 34 – мог. Халвай, 35 – мог. Бестамак, 36 – мог. Убаган I, 37 – мог. Озерное III

Методика

В данном исследовании сделана попытка проследить культурные контакты на примере двух могильников: Танаберген II в Западном Казахстане (Ткачев, 2007) и Синташтинский грунтовый в Зауралье (Генинг, Зданович, Генинг, 1992). Для этого была построена периодизация погребений обоих могильников. Затем между различными периодами одного и разных могильников по соотношению различных видов орнамента и форм сосудов были вычислены коэффициенты сходства (КС).

Периодизация и внутренняя относительная хронология могильников синташтинской культуры строится на основании методики Ю.Б. Цетлина (Цетлин, 2008, с. 15-18). Эта методика с корректировкой, применительно к погребальным памятникам была

успешно использована в исследованиях, посвященных памятникам Южного Урала и Западного Казахстана эпохи поздней бронзы (Хаванский, 2010; 2016; 2018).

В силу того, что данная методика разрабатывалась и применялась для поселенческой керамики, в нее пришлось внести определенные коррективы. Во-первых, в качестве минимальной единицы хронологии выступает погребение (закрытый комплекс) (а не пласт культурного слоя). Во-вторых, особое внимание уделяется расположению различных мотивов на различных частях сосудов (на неолитической керамике это было трудно сделать, как в силу фрагментированности поселенческого материала, так и в силу простоты формы неолитических сосудов).

В соответствии с этим подходом к построению относительной хронологии комплексов, сначала нужно было установить относительную хронологию погребений в каждом могильнике, а потом уже эти могильники синхронизировать между собой.

Для построения относительной хронологии по погребениям необходимо выяснить вопрос о возможности рассматривать синташтинские погребения как закрытые комплексы. Для этого мы имеем следующие данные.

1) Совместное захоронение нескольких погребенных в одной могиле, что, скорее всего, обусловлено единовременностью их смерти. Коллективные захоронения совершены только в крупных могильных ямах.

2) Отсутствуют факты, указывающие на отодвигание костей предыдущего умершего и его инвентаря с целью захоронения следующего, что часто встречается в других культурах, где практикуется погребение в склепах;

3) Численность погребенных соответствует размерам могильной ямы.

На этом основании синташтинские погребения возможно рассматривать как закрытые комплексы.

Для большей надежности результатов при построении относительной хронологии использованы только те погребения, в которых было два или более сосуда. Эти погребения составляют группу т.н. «базовых» погребений. Те погребения, в которых был найден только один сосуд (группа «дополнительных» погребений), из анализа, однако, не исключаются. Они вводятся в него позднее, когда уже реконструирована относительная хронология могильника по группе «базовых» погребений. Принадлежность каждого погребения «дополнительной» группы к определенному периоду выяснялась путем определения степени сходства керамики в нем по составу и соотношению элементов орнамента с керамикой каждого «базового» погребения. Полученный вывод проверялся путем сравнения качественных особенностей орнамента по узорам, мотивам и композициям, а также по форме сосудов.

Такой подход к построению относительной хронологии позволял, во-первых, получить вполне надежные данные по относительной хронологии керамических комплексов и, соответственно, содержащих их погребений по каждому могильнику, во-вторых, синхронизировать разные могильники друг с другом, в-третьих, осуществить «привязку» к реконструированной относительной хронологии «базовых» погребений тех погребений, которые содержали только по одному сосуду.

Конкретная методика построения относительной хронологии керамических комплексов погребений в могильнике включает следующие несколько ступеней. Для наглядности проиллюстрируем этот процесс (рис. 2).

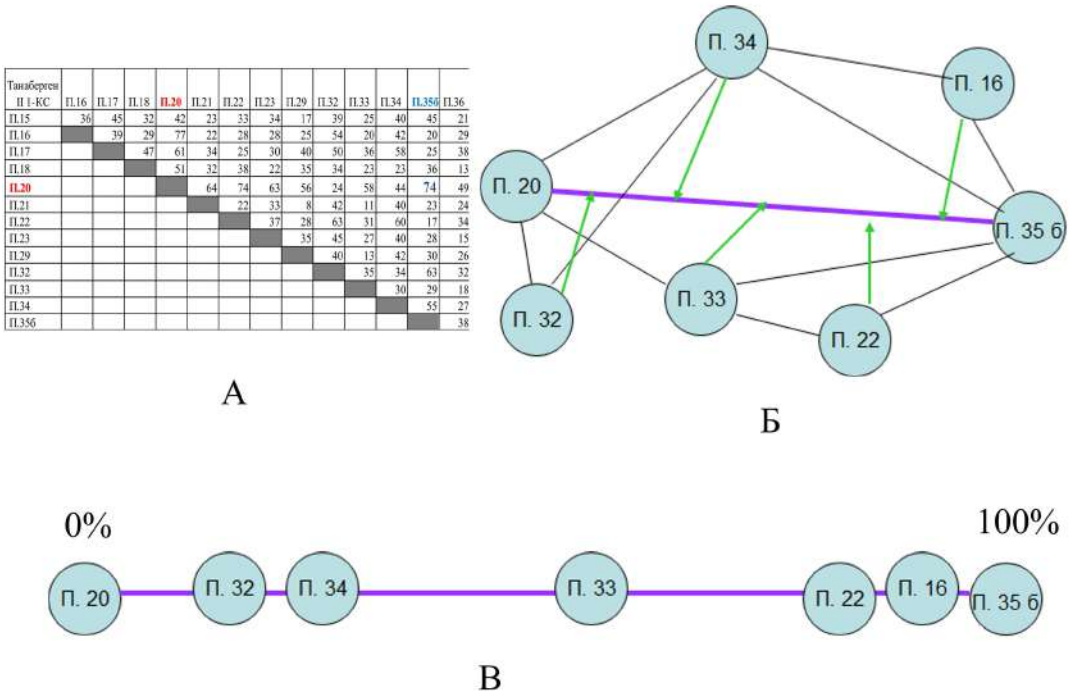


Рис. 2. Схема построения относительной хронологии погребений по различным видам орнамента: А – таблица коэффициентов расстояний; Б – график связей между погребениями по коэффициентам;
В – проекция погребений на условную хронологическую ось

Ступень I. Построение локальной внутренней периодизации отдельного могильника.

I.1. Расчет в процентах доли встречаемости каждого элемента орнамента в одном закрытом комплексе (погребении) от общего числа случаев, в которых были встречены все элементы орнамента в данном погребении.

I.2. Определение коэффициента сходства (КС) между погребениями данного могильника по составу и процентному соотношению элементов орнамента на сосудах вычисляется по формуле КС= Kmin+Mmin+…+Nmin. Минимальное значение КС может быть равно 0, а максимальное – 100% (Телегин, 1977). При этом сам автор высчитывал долю каждой орнаментальной традиции, исходя из количества сосудов. Однако им было не учтено, что при нахождении на одном сосуде нескольких элементов орнамента сумма всех долей разных типов орнамента на керамике будет превышать 100%. Как показали наблюдения Ю.Б. Цетлина, более удобным является анализ, исходящий из общего числа случаев встречаемости проявлений данной конкретной традиции (Цетлин, 2008, с. 16). В данном случае используется величина, противоположная КС (или 1-КС), которую можно назвать коэффициентом удаленности (или расстояния между разными

погребениями) (Цетлин, 2008, с. 16). Поэтому при определении места погребения на условной оси времени в данной работе использовалось значение 1-КС.

I.3. Определение «места» каждого погребения на условной оси времени среди других погребений данного могильника.

I.3а. Выделение на условной оси времени ее начала и конца. Те погребения, которые имеют между собой наибольшее расстояние по сходству находятся на противоположных концах условной хронологической оси.

I.3б. Определение места каждого погребения на условной хронологической оси (КМ). Место погребения определяется по формуле: X=[(a2-b2+c2):2c2]×100 (Цетлин, 2008, с. 17), где «a» – расстояние от исследуемого погребения до начала оси времени (самого раннего погребения), «b» – расстояние от исследуемого погребения до конца оси времени (самого позднего погребения), «c» – длина самой оси времени, «X» – расстояние по времени от начала оси до данного погребения, выраженное в процентах от длины данной условной оси времени.

I.4. Выделение хронологических этапов в рамках могильника. Поскольку разные погребения располагаются на условной оси времени не равномерно, а группами, в качестве отдельного хронологического этапа рассматривается группа таких компактно расположенных погребений, отделенная от другой такой же группы промежутком в 5% и более. Данный численный порог является условным и введен в качестве «рабочего» до тех пор, пока не выявлены более объективные критерии для выделения разных временных отрезков.

Ступень II. Построение общей периодизации для нескольких могильников.

II.1. Определение коэффициента удаленности (1-КС) между всеми погребениями двух сравниваемых могильников.

II.2. Выбор из всей совокупности результатов нескольких погребений, которые относятся к разным могильникам и имеют между собой минимальное расстояние (1-КС) по сходству, указывающее, скорее всего, на то, что данные погребения в обоих могильниках были близки по времени.

II.3. Синхронизация хронологических осей сравниваемых могильников по этим погребениям между собой. При этом более короткая хронологическая ось приводится к масштабу более длинной оси, после чего пересчитывается относительное положение каждого погребения на общей условной оси времени. В результате получается общая хронологическая ось, показывающая наиболее вероятную относительную последовательность сооружения погребений во всех исследованных могильниках.

Теперь еще раз нужно вернуться к описанию процедуры разделения этой общей последовательности погребений во времени на отдельные хронологические периоды. Этот вопрос уже обсуждался раньше, но тогда речь шла о методе выделения разных этапов в истории функционирования конкретного могильника. Теперь же стоит задача выделения более общих периодов отдельно для различных регионов (территориальных групп памятников). Ввиду того, что эти периоды будут отражать развитие историко-культурных процессов в этих достаточно обширных регионах, они по своему содержанию будут более условны, чем этапы, отражавшие историю каждого из могильников. Для того, чтобы выделить периоды развития историко-культурных процессов в регионах необходимо рассмотреть, как распределяются погребения всех могильников

данного региона на условной хронологической оси. Чтобы группы погребений были выделены более объективно, используется метод построения гистограмм (Каменецкий, Узянов, 1977). «Пики» на гистограмме показывают группы погребений и, следовательно, периоды. Если таким образом периоды не выявляются, однако необходимо показать динамику развития орнамента, то можно выделить условные периоды по тем границам, которые дает гистограмма. Так выделяются хронологические отрезки в рамках одной культурной традиции.

В настоящее время считается доказанным, что культурные традиции в гончарстве (в том числе, культурные традиции создания форм сосудов с определенными очертаниями и культурные традиции создания орнамента на сосудах, выраженные в элементах, узорах, мотивах и композициях) характеризуются значительной устойчивостью в условиях относительно стабильного существования. Изменения этих традиций обусловлены культурными контактами между разными группами древнего населения (Бобринский, 1978; Волкова, 1996; Цетлин, 2008; 2012). Поэтому оценивая в количественной форме степень близости культурных традиций в формах и орнаментации сосудов по разным памятникам, разным регионам, разным хронологическим периодам, мы получаем конкретную информацию о степени культурной близости самих носителей этих традиций и информацию о тенденциях изменения этой культурной близости в пространстве и во времени.

Результаты исследования

Для могильника Танаберген II результаты периодизации подтверждаются данными стратиграфии и анализом инвентаря, в частности типологией ножей-кинжалов (Хаванский, 2018, в печати). Формат статьи не позволяет подробно обосновать периодизацию Синташтинского грунтового могильника. Отметим только, что данные стратиграфии также подтверждают ее. Так, п. 14 было впущено в п. 12 (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 161-168). В построенной периодизации п. 12 находится в начале хронологической оси, оно было совершено первым в Синташтинском грунтовом могильнике (Период 1). В то же время п. 14 находится на отметке 64% от начала хронологической оси и совершено в Период 3.

Результаты периодизации погребений могильников Синташтинского грунтового и Танаберген II представлены на рис. 3. Т.о. в могильнике Танаберген II выделяются три периода, а в Синташтинском грунтовом могильнике – четыре периода. В первом-третьем периодах могильники функционировали синхронно. В Синташтинском грунтовом могильнике есть поздний Период 4, который отсутствует в могильнике Танаберген II.

Коэффициенты сходства (КС) по элементам орнамента между разными периодами в графической форме представлены на рис. 4. Из них видно, что в могильнике Танаберген II преемственность культурных традиций между всеми периодами довольно высока. В Синташтинском грунтовом могильнике сильные связи только между вторым и третьим периодами. Вероятно, это свидетельствует о контактах с населением, имеющим какие-то другие традиции. Между синхронными периодами разных могильников КС растут, что говорит о том, что с течением времени культурные традиции сближаются между собой. Весьма интересны КС между разными периодами разных могильников. Здесь ранний период могильника Танаберген II связан сильными связями с более поздним периодом могильника Синташтинский грунтовый. Это свидетельствует о том, что на-

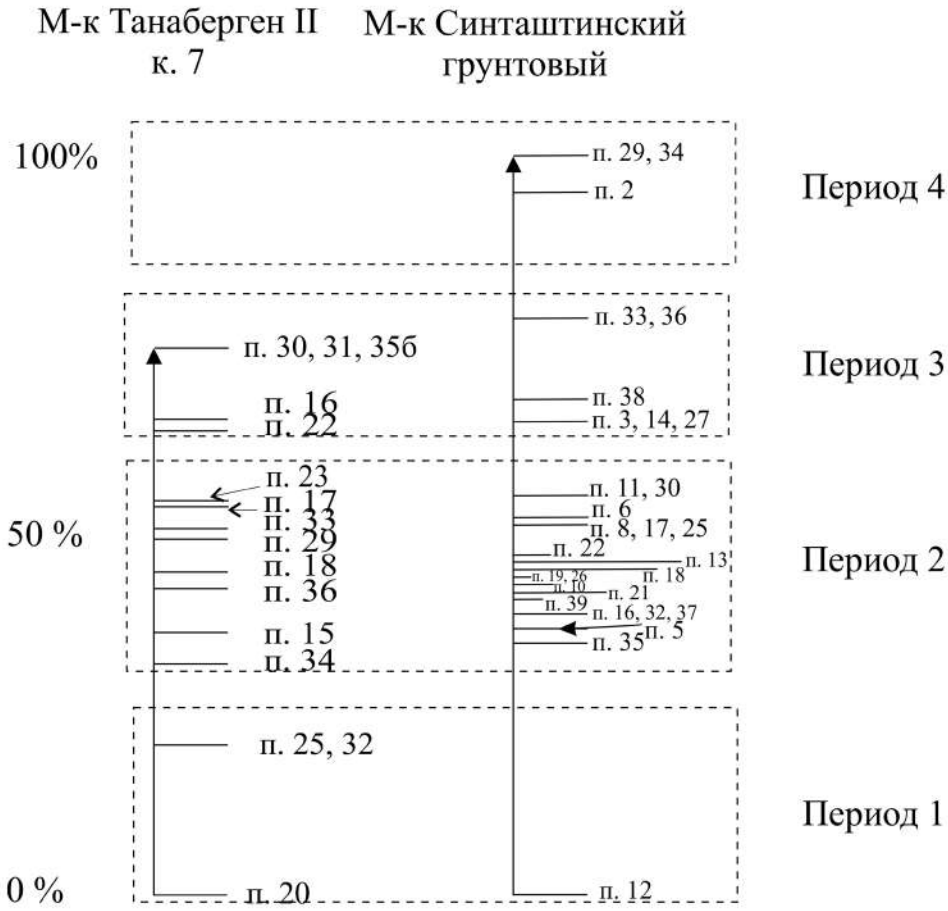


Рис. 3. Относительная хронология погребений могильников Танаберген II и Синташтинский грунтовый, хронологические периоды истории могильников

селение Западного Казахстана влияло на население Зауралья. В Зауралье это влияние проявляется позже, с учетом территориальной удаленности.

По узорам орнамента ситуация следующая (рис. 5). Здесь с течением времени также усиливаются связи между населением, оставившим оба могильника. В каждом могильнике наиболее полная преемственность наблюдается между вторым и третьим периодами. Между разными периодами разных могильников ситуация следующая. Более ранний период Синташтинского грунтового могильника связан сильным КС с более поздним периодом могильника Танаберген II. Это может говорить о том, что население Западного Казахстана воспринимало некоторые культурные традиции однокультурного населения Зауралья.

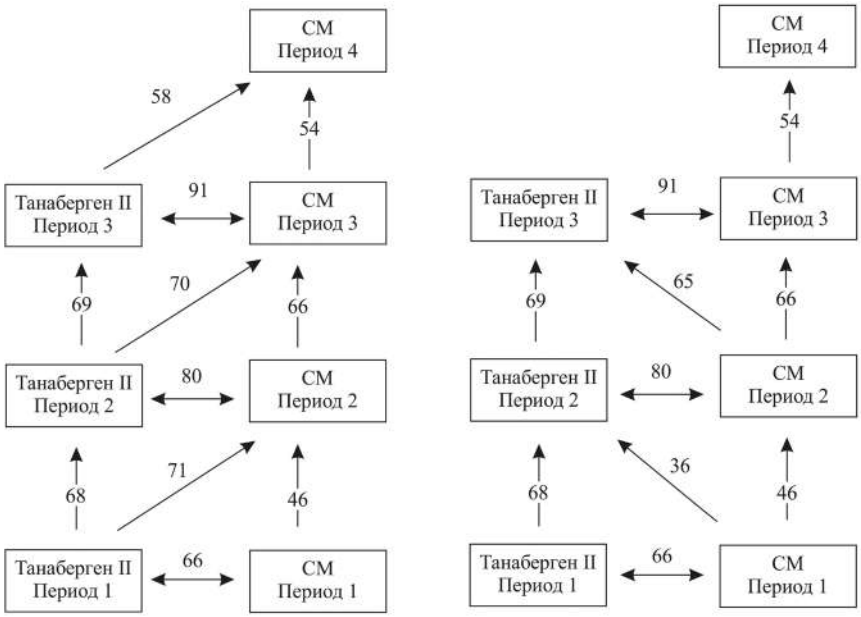


Рис. 4. График связей различных хронологических периодов могильников Танаберген II и Синташтинский грунтовый по элементам орнамента на керамике

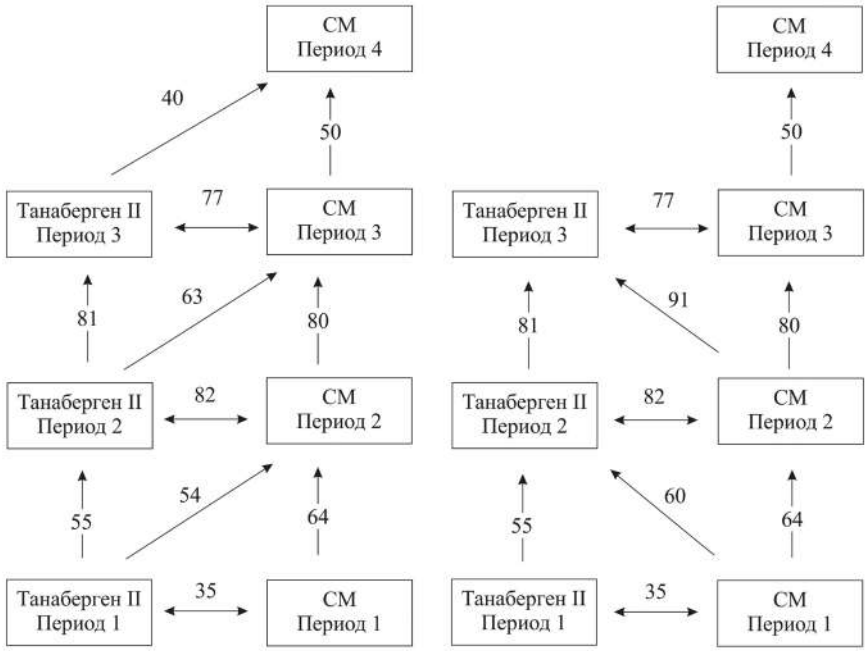


Рис. 5. График связей различных хронологических периодов могильников Танаберген II и Синташтинский грунтовый по узорам орнамента на керамике

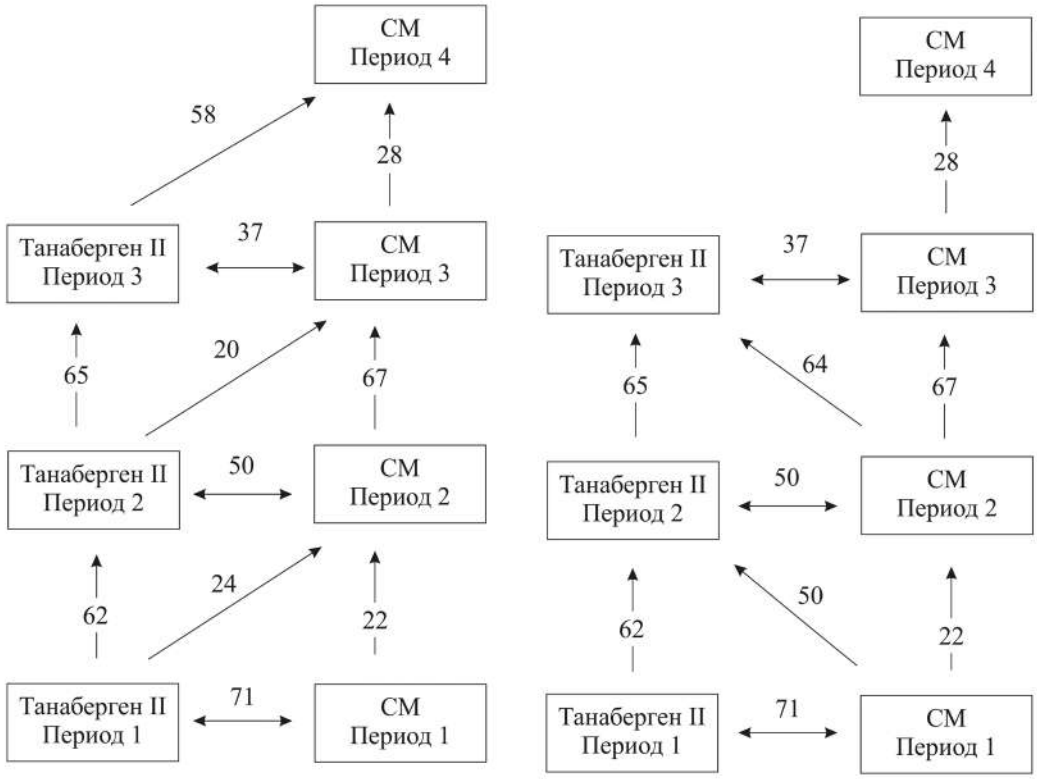


Рис. 6. График связей различных хронологических периодов могильников Танаберген II и Синташтинский грунтовый по форме глиняных сосудов

На уровне форм сосудов КС показывают такую картину (рис. 6). С течением времени КС между синхронными периодами разных могильников становятся все меньше, что свидетельствует о дивергенции культурных традиций в области формы глиняных сосудов. В могильнике Танаберген II все периоды имеют между собой сильные КС, что свидетельствует о сильной преемственности в традициях населения, оставившего этот могильник. В Синташтинском грунтовом могильнике высокие КС наблюдаются только между 2 и 3 периодами. Ранние периоды Синташтинского грунтового могильника имеют более высокие КС с поздними периодами могильника Танаберген II, чем в обратном случае. Но говорить о воздействии зауральского населения на западноказахстанское вряд ли возможно – между периодами могильника Танаберген II КС всегда сильнее.

Можно ли предположить, какое инокультурное население оказывало воздействие на синташтинцев Зауралья? Именно в погребениях, относящихся к поздним периодам 3 и 4 представлена глиняная посуда с весьма отчетливыми (ранне)алакульскими (срубно-алакульскими) чертами: горшки имеют ребристый профиль и вогнутое плечо, которое образует уступ. Отметим погр. 14 (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 159, рис. 76, *3, 4*), погр. 29 (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 198, рис. 103, *1*), погр. 38 (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 224, рис. 121, *4*).

Выводы

1. Население, оставившее могильник Танаберген II, имело более монолитные культурные традиции в области формообразования и орнаментации керамики.

2. Население, оставившее Синташтинский грунтовый могильник, было более неоднородным в области культурных традиций.

3. С течением времени происходит сближение культурных традиций населения, оставившего оба могильника, в области орнаментации керамики, но расхождение – в области формообразования. Возможно, одной из причин расхождения были контакты населения, оставившего Синташтинский грунтовый могильник, с ранними алакульцами (Хаванский, 2012).

4. Можно говорить о том, что культурные контакты между группами синташтинцев, проживающими в Зауралье и Западном Казахстане происходили непрерывно. Причем в определенные периоды именно западноказахстанское население оказывало влияние на зауральское. С учетом того, что изготовлением глиняной посуды в древности занимались как правило, женщины, вероятно, эти культурные контакты происходили путем семейно-брачных отношений.

Список литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: «Наука», 1978. – 272 с.

Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. – М.: «Наука», 1996. – 122 с., илл.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Каменецкий И.С., Узянов А.А. О правилах построения гистограмм // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. – Свердловск. – 1977. – с. 38-49.

Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука. – 1977. – С. 59-64.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 484 с., ил.

Цетлин Ю.Б., Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. – Тула: Гриф и К, 2008. – 352 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Хаванский А.И. Хронологическое соотношение синташтинского и раннеалакульского населения (на материале керамических комплексов) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009) / Отв. редакторы И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. – М.: Гриф и К., 2010. – С. 464-476.

Хаванский А.И. Возможности «керамической» хронологии // «Актуальная археология 3: новые интерпретации археологических данных». – СПб, 2016. – С. 125-129.

Хаванский А.И. Относительная хронология и периодизация синташтинских погребальных памятников Западного Казахстана в бассейне реки Илек // Археология Казахстана, 2018 (в печати).

Таймагамбетов Ж.К.
Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
Taimagambetov Zh. K.
National museum of the Republic Kazakhstan
Astana, Kazakhstan

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г.

Аннотация. В статье рассмотрены предварительные итоги международной археологической экспедиции Национального музея РК по изучению памятников каменного века в Казахстане в 2018 г. Рассмотрены результаты работ Казахстано-Германской, Казахстано-Японской и Казахстано-Российской экспедиции в отдельности на территории Жамбылской, Туркестанской, Алматинской и Восточно-Казахстанской областях.

Ключевые слова: палеолит, стратиграфия, разведка, артефакт, нуклеус, пластина, отщеп.

ҚР Ұлттық музейінің палеолит ескерткіштерін зерттеуі бойынша халықаралық біріккен экспедициясының 2018 жылғы қорытындысы

Түйін. Мақалада ҚР Ұлттық музейінің халықаралық археологиялық экспедициясының 2018 жылы Қазақстан тасдәуірі ескерткіштерін зерттеудің бастапқы нәтижелері талқыланады. Қазақ-Неміс, Қазақ-Жапон және Қазақ-Орыс экспедицияларының Жамбыл, Түркістан, Алматы және Шығыс Қазақстан облыстарында жүргізілген жұмыстарының қорытындысы.

Түйін сөздер: палеолит, стратиграфия, барлау, жәдігер, нуклеус, пластина, жаңқа.

The results of the international expedition of the National museum of the Republic of Kazakhstan for the study of palaeolithic sites in 2018

Annotation. The article discusses the preliminary results of the international archaeological expedition of the National Museum of the Republic of Kazakhstan for the study of Stone Age monuments in Kazakhstan in 2018. Theresults of the Kazakh-German, Kazakh-Japanese and Kazakh-Russian separately on the territory of Zhambyl, Turkestan, Almaty and East Kazakhstan regions.

Keywords: palaeolithic, stratigraphy, survey, artefact, core, blade, flake.

Международная археологическая экспедиция Национального музея РК по исследованию памятников палеолита начала свой полевой сезон весной 2018 г., на основе научных договоров с Германией, затем с Японией и в конце сентября месяца завершила

совместными работами с Россией. Финансирование по трем международным научным проектам проводилось за счет зарубежных партнеров.

Казахстанско-Германская археологическая экспедиция Национального музея РК и Тюбингенского университета в рамках проекта «PALAEOSILKROAD» начала разведочные работы в хребте Каратау Туркестанской и Жамбылской областях. Руководителями являлись доктор Йовита Рада и профессор Таймагамбетов Ж.К. Помимо сотрудников музея в экспедиции принимали участие докторанты, аспиранты и студенты из Германии, США, Англии, Греции, Японии, Казахстана.

Цель экспедиции заключалась в поиске истоков древнего «Шелкового пути», т.е. контактов, выявлении пещерных палеолитических стоянок в пределах 120-13 тыс. лет назад и создании модели палеоклиматической обстановки, как важного фактора в заселении человеком исследуемого региона.

Исследования проводились в 2 этапа: 1 этап проводился с 1 мая по 25 июня 2018 г., 2 этап с 1 августа по 25 августа. На втором этапе были проведены разведочные работы в карстовых районах Джунгарского Алатау Алматинской области (Таймагамбетов, 2018).

В методологическом плане, основная наша задача – выявление и исследование пещер в карстовых районах, известняках с использованием существующих геологических карт и дистанционное зондирование при помощи дрона (квадрокоптера). Далее, пешие маршруты в труднодоступные места, где невозможно проехать на автомобиле из-за разлива горных рек и завалов камней, а кое-где и попросту нет дороги. При обнаружении пещер, где есть возможность, закладывались разведочные шурфы и небольшие раскопки, для выяснения и описания стратиграфии, выявление культурных отложений, артефактов, если таковые имеются, а затем включение результатов исследования в базу данных. Особо отметим, мы не ставили целью полностью раскопать пещеру, а лишь осуществили закладку шурфа и небольшой раскоп, для определения культурно-исторической принадлежности памятника.

Свои исследования в мае этого года, мы начали с разведок обеих сторон хребта Большого Каратау и его ущелий в Южно-Казахстанской области, позднее Туркестанской. Только за один месяц напряженной работы нами обнаружены 16 ранее неизвестных пещер, из них, в археологическом плане представляют интерес пещера Үш өзен, Қантагі, Жәудік сай и одноименный грот, пещеры Кеңсай, Жетіотау, Құмрауңгір, Құндызуңгір, Қатынқамал, Қызылжартас, Тұттыбулақ. К сожалению, последняя пещера, в свое время выявленная археологом Х.А. Алпысбаевым безвозвратно уничтожена «археологами» Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Отметим, что комплексное исследование пещер Казахстана по-существу только делает первые шаги и начинает планомерно изучаться. Исследование пещер Казахстана важна не только с точки зрения свода источников по древней истории Казахстана, но прежде всего и для решения вопросов культурогенеза в аридной зоне, контактов между первобытными коллективами, обитавшими на стыке гор, степи и пустыни.

Справедливости ради, стоит отметить о известных, но малоизученных двух пещерах в хребте Каратау – Караунгур, эпохи неолита и мезолита и пещере Ушбас, относящейся к эпохе верхнего палеолита (Алпысбаев, 1972, с. 12-13). В последнем, еще в 1958 г. Х.А.Алпысбаевым (Алпысбаев, 1972, с. 12-13) при шурфовке у входа в пещеру были

найдены типичные для позднего палеолита орудия – боковые резцы из черного кремня, отщепы со следами ретуши и сработанности. Вместе с орудиями были обнаружены обломки костей ископаемых животных, типичных для позднепалеолитического фаунистического комплекса – кости бизона, носорога, ископаемой сайги, лисицы и корсака. Явно, что пещера, ввиду своих небольших размеров служила первобытным охотникам лишь временным убежищем. По истечении нескольких лет, внутри пещеры был заложен еще один разведочный шурф, который дал совершенно неожиданную археологическую находку. На скальном полу пещеры обнаружен небольшой удлиненный алевролитовый отщеп. Длина отщепа – 8,5 см, толщина 0,5 см. На одной из его граней обнаружено 10 нарезок, своего рода шкала неизвестного назначения, счет (?). Впоследствии артефакт исследовал археолог Федор Григорьев, который и выдвинул свою гипотезу происхождения странного предмета. «Человек овладел счетом в эпоху позднего палеолита… При раскопках верхнепалеолитических поселений нередко встречаются изделия **с** ритмическими насечками, выполняющими счетные функции. Не исключено, что находка из Ушбаса имела такое же значение – использовалась для счетных операций… Камешек с нарезками из пещеры Ушбас – еще одно свидетельство того, что человек верхнего палеолита умел считать, знал цифру 10, и это числовое понятие наряду с числами 5, 7, 14 было наиболее распространенным в его счетной практике». Эта находка, по мнению Ф.П. Григорьева, свидетельствует также о том, что знания о счете появлялись у разных групп первобытных людей независимо друг от друга в разных регионах планеты. Об этом свидетельствуют факты, изложенные в прекрасной монографии советского археолога Б.А. Фролова «Числа в графике палеолита».

Оказалось, что подобные находки на территории Южного Казахстана уже были, правда, относящиеся к более позднему периоду каменного века. В пещере Караунгур при раскопках неолитической стоянки, найден костяной стержень с пятнадцатью черточками-делениями. А вот «линейка» из Ушбаса, которой более 40 тысяч лет, совсем другое дело. И по-прежнему оставляет немало загадок. Потому мы и взялись за комплексное исследование этой пещеры, с целью получения новой информации и получения свидетельства для абсолютного датирования памятника.

Пещерная стоянка Караунгур датируется V тыс. до н.э. Открыта и предварительно исследована Х.А. Алпысбаевым в 1959 г. Памятник находится в скальном сводчатом гроте из серых известняков, на высоте 7 м от русла реки. Размеры грота: ширина входа 20-25 м, высота свода 2-16 м, максимальная длина – от входа на юго-восток 21 м, на северо-восток 9 м. Свод грота в центре имеет понижение до 1,5 м. Выявлены культурные напластования мощностью до 5 м. Выделены два основных периода функционирования: нижние слои с остатками кострищ и верхние слои с характерной для неолита, каменной индустрией. Орудия труда изготавливались на месте из кремня, песчаника и горного хрусталя. Наиболее распространенные орудия – округлые удлиненные скребки на пластинах и отщепах (концевые скребки); пластины с боковой выемкой (анкош); проколки, сверла (провертки), пластины с притупленными краями; нуклеусы, топоры-тесла, ножи-скребки, песты, наконечники стрел. Преобладают по численности микропластины. Большинство изготовлены из кремния хорошего качества. Из костяных изделий доминируют иглы с ушком, шилья, проколки, гладилки-лощила, орудия из лопаточных костей животных. Особого внимания заслуживают костяное мерило с деле-

ниями – иглообразный стержень с 15 горизонтальными черточками, просверленные раковины, клыки кабана с нарезкой, различные бусы и подвески. Основу хозяйственной деятельности древних насельников Караунгура составляли скотоводство и охота. Об этом свидетельствует остеологический материал, представленный костями домашнего быка, собаки, кулана, медведя, оленя, джейрана, косули, волка, кеклика. Памятник относится к неолитическому времени и характеризует собой локальный южно-казахстанский вариант материальной культуры неолита, связанного с одной стороны с памятниками типа Ащисайской и Валихановской верхнепалеолитических стоянок, с другой – с памятниками кельтеминарской культуры, относящимися к эпохе неолита. Находки в пещере Ушбас и Караунгур свидетельствуют, что древние насельники Южного Казахстана умели считать уже в эпоху верхнего палеолита, а приобретенные ими навыки числовых операций передавались из поколения в поколение, со временем все, более совершенствуясь и усложняясь. Находки в Караунгуре дали традиционный для таких памятников материал – очаги и кострища, а рядом с ними – вышеуказанные фаунистические остатки. Обнаружены и фрагменты круглодонных керамических сосудов, покрытые красной краской и орнаментированные зубчатым штампом. Находки неолитической посуды единичны для юга Казахстана, что наряду с другими артефактами ставят пещерную стоянку Караунгур в ряд уникальных археологических памятников нашей страны.

Осенью 1992 г. пещера Караунгур была дополнительно обследована совместной Казахстано-Российской комплексной археологической экспедицией руководимой профессором Ж.К.Таймагамбетовым и академиком А.П. Деревянко. Были заложены два разведочных шурфа. В одном из шурфов, ближе к ручью обнаружены культурные остатки как неолитического, так и более позднего времени. Глубина шурфа 3,5 м. Более подробно вся информация о пещере Караунгур, включая материалы Х.А.Алпысбаева опубликована в монографии Ж.К.Таймагамбетова, Нохриной Т.И. «Археологические комплексы пещеры Караунгур», изданной в 1998 г. в г.Туркестане (Таймагамбетов, Нохрина, 1998).

Бесспорных данных о погребении человека того времени в пещере Караунгур нет. Однако обращают на себя внимание следующие факты: находки зубов человека, принадлежавшие как минимум двум особям, остатки вещества красного цвета и украшения из ракушек. Если рассматривать эти явления в комплексе, то можно предположить о существовании какого-то обряда (возможно захоронения), связанного с появлением человеческих зубов в пещере Караунгур. У нас имеются несколько гипотез.

Первая – в пещере Караунгур были произведены захоронения первобытного человека, причем не целого скелета, а отдельных частей, в данном случае – черепа. Такой экстраординарный обряд известен, к примеру, в Месопотамии, где на поселении Ярым-тепе и Телль-Арпачия зафиксированы захоронения черепов. В Казахстане же, на энеолитическом поселении Ботай также был захоронен отдельный череп с несколькими позвонками (Зайберт, 1993). Здесь же, имеются доказательства о существовании каннибализма, впоследствии замененными жертвоприношениями в виде животных. В пещере Караунгур, кроме нескольких зубов, мы не располагаем никакими другими материалами, которые могли бы свидетельствовать в пользу данной гипотезы.

В качестве второй гипотезы, можно рассматривать связь зубов с обрядом инициации. Возрастные инициации состояли из цикла обрядов и манипуляций, которые долж-

ны были развить и укрепить в юноше качества свойственные взрослым мужчинам. Среди них физические испытания, выбивание зубов, обычно верхних резцов и другие, к примеру, у племен народов Австралии и Океании. Выбитый зуб тщательно и бережно сохраняли. Проведенные нами анализы показали, что зубы, обнаруженные в Караунгуре, принадлежат женщинам 20-30 лет, следовательно, не могли быть связаны с посвятительными обрядами.

Согласно третьей гипотезе зубы могли использоваться в магических обрядах и носиться как амулеты. В этой связи интерес представляет погребальный культ меланезийцев, когда части костей умершего раздавали родственникам, которые носили их как украшения. Отметим, что на одном из зубов в Караунгуре было сделано отверстие для подвешивания.

Безусловно, что предложенные гипотезы не исчерпывают всех интерпретационных возможностей подобных находок. Для успешного разрешения этой задачи необходима их серийность.

Казахстанско-Японская археологическая экспедиция Национального музея РК и Научно-исследовательского института Нара во главе с профессором Садакатцу Кунитаке проводила работы по уточнению стратиграфического разреза на стоянке им.Ч.Валиханова в Южном Казахстане. Впервые, из-за отсутствия воды в р. Арыстанды удалось заложить разведочную траншею сверху вниз до основания реки. Сроки работ: 1 июля – 30 июля 2018 г.

Ранее было выявлено 6 культурных слоев, залегающих in situ. В этом году, впервые на стоянке в нижних отложениях выявлены еще три культурных слоя, а общее число их достигло 9-ти, что свидетельствует об обитании первочеловека на протяжении длительного времени в одном и том же месте. Слои располагаются в горизонтальных плоскостях на разных уровнях от современной дневной поверхности и разделяются стерильными прослойками разной мощности.

В свое время, в районе расположения стоянки были выделены четыре надпойменные террасы р. Арыстанды (Вислогузова, 1961). Первая терраса (высота ее от уреза воды 1,5-1,8 м) сложена галечниками в основании и суглинками сверху; вторая (2-2,5 м) – гравийно-галечными отложениями с редкой примесью валунов; третья (9-12 м) – суглинками; четвертая (20 м) – суглинками, переслаивающимся с галечником.

Однако, эти представления о геологическом и геоморфологическом строении района палеолитической стоянки в настоящее время, с учетом выявленных культурных слоев будут пересмотрены. Предыдущие раскопы, а также нынешние разрезы траншеи, заложенные в старом раскопе Х.А. Алпысбаева показали, что в строении разреза участвуют три пачки:

– верхняя – до глубины 3 м – имеет двучленное строение и по своему генезису относится к склоновым, делювиальным накоплениями. Верхняя половина делювиа – рыхлая, макропористая, с многочисленными следами от корней растений и кротовинами. Нижняя половина имеет меньше следов от корней растений, она боле плотная;

– средняя пачка – это хорошо диагностируемые лессово-почвенные слои, отражающие этап эолового (преимущественно) и почвенного осадконакопления. Эта часть разреза накапливалась в стабильных, достаточно засушливых (аридных) условиях. Нижняя часть разреза на глубине 5-10 м относится в раскопе 3 к склоновым делювиальным

накоплениям и хорошо подчеркивает палеорельф того времени. На этом участке выше по течению р. Арыстанды, вероятно, существовал мыс, на склонах которого в сторону долину происходило накопление делювия;

– нижняя (третья) пачка относится к аллювию Праарыстанды. В сложении этой пачки участвуют слои разнозернистого гравийного песка с прослоями галечника. Отложения в общем напоминают современный аллювий р. Арыстанды.

Таким образом, разрезы раскопов следует интерпретировать иначе, чем это представлялось ранее (рис. 1). Понятиям об аллювиальном генезисе отложений, вмещающих культурные слои стоянки, противоречит также неодинаковое строение второй террасы. Так, на правом берегу она (или уровни, соответствующие второй террасы) сложены лессами; по левобережью – в разрезах террасы наблюдается нормальный песчано-гравийный и галечниковый аллювий.

Рис. 1. Стоянка им. Ч. Валиханова. Раскопки нижних слоев

Последовательность геологических событий по вновь полученным данным можно предполагать следующим образом.

Крупная депрессия тектонического происхождения, расположенная между горами Большого и Малого Каратау, залегает гипсометрически много ниже средней высоты положительных форм гор Каратау и служит естественной ловушкой (ветровая тень) для пыли, выносимой как с юга – со стороны Восточных Кызылкумов, так и с севера – песчаных массивов Моинкум. Даже в настоящее время пыльные бури, проносясь над хребтами гор Каратау, оставляет в зоне затишья большую часть своих осадков, которые перекрывают днища депрессий и склоны прилегающих гор. Река Арыстанды пересекает эту депрессию в меридиональном направлении с севера на юг, проложив свое русло в периферийной зоне лессового плато и коренного склона, меловыми и палеогеновыми породами.

Именно сочетание в разрезе правобережья р. Арыстанды аллювиальных, делювиальных, лессовых пачек позволяет нам считать, что р. Арыстанды действовала периодически и временами почти полностью исчезала во время аридных этапов, когда долина заполнялась делювиальными и эоловыми (лессовыми) отложениями. Этот район находится в пустынной зоне, но его положение, как «метеорная» впадина, и относительная приподнятость над присырдарьинскими и предчуйскими песчаными пустынями определяли несколько отличающиеся микроклиматических условия, в которых существовали полупустыни на открытых пространствах и участки с тугаями и небольшими лесами на склонах гор Каратау, о чем свидетельствуют данные Л.Н. Чупиной (1963).

Формирование эоловых отложений и почв средней пачки совпадает с глубокой аридной фазой конца среднего и начало верхнего плейстоцена. Саму стоянку следует считать на аллювиальной, а лессовой.

Стратификация толщи на основе педогенных признаков (данные М.И. Дергачевой) подтвердила в целом предложенное стратиграфическое описание разреза, однако позволила уточнить ее расчленение и выделить в верхней части разреза толщу современной почвы (до глубины 1,5-2), лессовую толщу (до 3,8 м), формировавшуюся в более аридных условиях, чем предыдущая (с глубины 3,9 до 6 м и ниже до 10 м).

В Жамбылской области, в районе с.Тамды, впервые обнаружена стратифицированная стоянка верхнепалеолитического времени, Бүйрек-бастау булақ. В результате раскопа 2018 г., на площади 16 м^2 выявлены каменные орудия, среди которых пластины и отщепы с ретушью, проколки и резцы, а также большое количество нуклеусов, предназначенных для снятия пластин и отщепов (рис. 2). Для определения абсолютного возвраста памятника взяты образцы угля и почвы и отправлены в лабораторию Японии (Taimagambetov, Kunitake, 2018).

Рис. 2. Стоянка Буйрекбастау-булак. Залегание артефактов

Совместная Казахстанско-Российская комплексная археологическая экспедиция Национального музея РК и Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук РФ проводила исследования по гранту РФФИ №18-09-00031 «Северо-восток Средней Азии в позднем плейстоцене (MIS 5-MIS 2): развитие археологических культур и изменения природной среды». Экспедиция начала работы с 15 августа 2018 г. и завершила свою работу в конце сентября. Были продолжены исследования по вскрытию многослойной палеолитической стоянки Ушбулак в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области, начатые в предыдущих годах, и проведены разведочные работы по выявлению новых памятников каменного века (Таймагамбетов, Шуньков, Анойкин и др., 2016).

Основные работы велись на двух раскопах 1(верхний) и 2(нижний).

В этом году раскоп 1 продолжался на площади 6м^2, который был начат ранее и углублен до 4 м. Дополнительно была получена коллекция из 282 каменных изделий, в основном пластинчатого характера разных размеров и фрагменты фаунистических остатков.

Второй раскоп велся на площади 4,5 м^2, где была сделана прирезка 3×5 м в юго-восточной части раскопа. Он также был продолжением работ предыдущих лет и доведен до глубины 3,1 м от дневной поверхности. Отметим, что именно в юго-восточной части раскопа был получен наиболее полный стратиграфический разрез отложений. Ввиду того, что стратиграфия была описана в работах ранее опубликованных, и будет описана в нижнем шурфе, акцентируем внимание на двух нижних – это слой 6 и 7. Слой 6 в верхней части представлен легкими серыми суглинками и насыщен артефактами, в нижней появляются линзы и прослои ярко-охристые с включениями мелкого щебня. Мощность слоя 0,9-1,1 м. Слой 7 мощностью 0,3-0,4 м представлен щебнисто-дресвянистой толщей ржавого цвета. В двух слоях выявлено более 5,5 тыс. артефактов. Отметим, что большинство из них получено в процессе промывки вынутой почвы. Археологический материал – сырье со следами апробации, заготовки, нуклеусы, сколы и орудия со вторичной подработкой. Остеологический, определимый материал принадлежит крупному быку, лошади, кулану, архару, горному козлу.

Кроме того, для выявления границ стоянки и распространения артефактов в ее пределах, ниже по руслу родника был заложен разведочный шурф размером в 2 м^2 и пройден до глубины 2,2 м. Выявлено пять основных горизонтов.

Слой 1. Горизонт современного дерна. Мощность – 0,03-0,11 м;

Слой 2. Суглинок светло-серый с охристыми пятнами вторичного ожелезнения. Отмечены линзы супеси и скопления дресвы. Мощность – 0,8-0,9 м;

Слой 3 в верхней части представлен супесью с слабо выраженной линзовидно-слоистой текстурой, а нижняя часть содержит суглинки с темно гумусированными прослоями. Мощность -0,7-0,8 м;

Слой 4 – Дресвяно-песчаная пачка с обильным включением щебнистого материала и прослоями желто-коричневого тяжелого алевротистого суглинка. Нижняя часть слоя содержит крупнозернистые пески серого цвета с мелким щебнем. Мощность – 0,3 м;

Слой 5. Суглинок плотный, тяжелый. Мощность -0,1 м.

Всего в шурфе обнаружено 1616 каменных изделий, среди которых – нуклевидных форм 5 экз., 45 изделий с вторичной обработкой, 513 пластин, 880 отщепов, чешуек 103 и осколков выявлено 70 экз.

В 15 км. севернее стоянки Ушбулак обнаружено новое местонахождение раннего палеолита и одно в погребенном состоянии, предварительно заключительного этапа позднего палеолита. Разведочные работы в Шиликтинской котловине подтвердили перспективность поиска палеолитических местонахождений в устьях долин небольших водотоков, выходящих из хребтов Маныpак, Саур и Тарбагатай.

Уникальность стратифицированной стоянки Ушбулак в том, что каменная индустрия позволяет объединить подобные памятники Южной Сибири, Северной Монголии, Западного Китая в один макрорегион и проследить пути миграции первобытных людей в северной части Центральной Азии более 40 тысяч лет тому назад.

Исследуемая палеолитическая стоянка Ушбулак имеет большое значение для изучения эволюции культуры палеолитического человека, начиная от ранней стадии позднего палеолита и перехода к голоцену.

Результаты раскопок на стоянке Ушбулак показали, что в настоящее время она является наиболее перспективным в регионе объектом. Работы будут продолжены в этом году.

Список литературы

Алпысбаев Х.А. Предварительные итоги изучения памятников каменного века в пещерах Южного Казахстана. //Успехи среднеазиатской археологии. – Л., 1972. – Вып.1. – С. 12-13.

Вислогузова Л.А. Бассейн реки Арыстанды // Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1961. – С. 10-23.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск, 1993.

Таймагамбетов Ж.К. У пещер своя история. Краткие итоги Международной археологической экспедиции Национального музея РК и Тюбингенского университета по поискам пещер в хребте Каратау //Мәдени мұра. № 3.(78). Астана, 2018. – С. 100-104.

Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И. Археологические комплексы пещеры Караунгур. – Туркестан: Мирас, 1998. – 186 с.

Таймагамбетов Ж.К., Шуньков М.В., Анойкин А.А. и др. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С.208-213.

Taimagambetov Zh., Kunitake S. General Archaelogical Survey for Paleolithic Sites in Karatau in Southern Kazakhstan // Japanese Palaeolithic Research Association. no.14. Tokyo 2018. P. 33-49 (на япон. яз.)

Е.С. Яковлева
Институт истории УрО РАН, Южно-Уральский филиал,
Челябинск, Россия
E.S.Yakovleva
The South Ural Branch of Institute of History and Archaeology,
Urals Branch of RAS
Cheliabinsk, Russia
lugsamildanah@yandex.ru

МАХАНДЖАРСКИЕ ДРЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Аннотация. Работа посвящена проблеме взаимодействия неолитических культур лесотепного Притоболья в конце раннего – начале позднего неолита. Рассматриваются коллекции зауральских памятников, включающих керамику маханджарской культуры; выстраивается хронологический контекст материалов залегания маханджарской керамики с иными – козловским, кошкинским, боборыкинским и полуденским – типами; проводится анализ следов межкультурного взаимодействия в морфологии и орнаменте посуды. Предлагается объяснение механизма взаимообмена признаками в материальной культуре в процессе социокультурных взаимодействий и передачи традиции. Для этого пояснения предлагается понятие «рекомбинация признаков». Полученные результаты позволяют более полно оценить характер материального источника с неоднородным культурным составом и сложным типологическим обликом, включая атипичные формы в контекст изучения передачи традиций и появления инноваций, в том числе путем заимствования из инокультурной среды.

Ключевые слова: маханджарская культура, социокультурные взаимодействия, неолит, лесостепное Притоболье.

Маханджар ескерткіштері орманды-далалық Тобыл маңындағы неолиттік мәдениеттер контекстінде

Түйін. Бұл жұмыс орманды-далалық Тобыл маңындағы неолиттік мәдениеттердің ерте неолиттің соңындағы-кейінгі неолиттің басындағы өзара байланыстары мәселесіне арналған. Маханджар мәдениетінің керамикасын қоса алғанда Оралдың шығысындағы ескерткіштердің коллекциялары қарастырылады; маханджар керамикасы материалдарының орналасуының өзге – козлов, кошкин, боборыкин және полуден типтерімен хронологиялық контекст жасалады; ыдыстардың морфологиясы мен өрнектерінде мәдениетаралық өзара ықпалдастық іздерін талдау жүргізіледі. Материалдық мәдениетте әлеуметтік-мәдени процесстер мен дәстүрлер алмасу процесінде сипаттардың өзара алмасу механизмінің түсіндірмесі ұсынылады. Бұл түсіндірме үшін «сипаттардың рекомбинациясы» түсінігі беріледі. Алынған нәтижелер мәдени құрамы біркелкі емес және күрделі типологиялық түрі бар материалдық деректердің сипатын толығымен бағалауға мүмкіндік береді. Бұған дәстүр алмасу және иннова-

цияның пайда болуы сонымен қатар басқа мәдени ортадан алу контекстінде типтік емес формалар кіреді.

Түйін сөздер: маханджар мәдениеті, әлеуметтік-мәдени өзара ықпалдастықтар, неолит, орманды-далалы Тобыл маңы.

Mahanjar ancientry in the context of the interaction of Neolithic cultures in the forrest-steppe of the Tobol region

Annotation. The work is devoted to the problem of interaction of the Neolithic cultures of the forest-steppe Tobol region from the end of the early to the beginning of the late Neolithic. Collections of Trans-Ural's monuments, which are including ceramics of the Mahanjar culture, are considered; the chronological context, in which occur materials of Mahanjar ceramics with other types – Kozlovsky, Koshkinsky, Boborykinsky and Poludensky types, is determined; the analysis of traces of intercultural interaction in the morphology and ornament of cereamics is carried out. An explanation of the mechanism of interchange of features in material culture in the process of socio-cultural interactions and transmission of tradition is proposed. For this explanation, the concept of «feature recombination» is suggested. The results allow us to more fully assess the specifity of the material source with a heterogeneous cultural composition and complex typological appearance, including atypical forms in the context of studying the transmission of traditions and the emergence of innovations, including through borrowing from a multicultural environment.

Keywords: Mahanjar culture, sociocultural interactions, Neolithic, forrest-steppe of the Tobol region.

В настоящее время на территории лесостепного Притоболья выявлены восемь памятников, керамические коллекции которых содержат керамику маханджарского типа. Вся совокупность источников недавно была нами обобщена к публикации (Яковлева, в печ.), и ниже будут сделаны замечания о культурном ландшафте, с которым вступали во взаимодействие носители данной традиции.

Пространственный анализ распространения маханджарской керамики показывает предсказуемое преобладание ее в степи/южной лесостепи с уменьшением доли в составе коллекции по мере удаления на север: на поселениях Верхняя Алабуга 3 и Убаган 2, 3, 5 маханджарская керамика составляет основной, если не единственный, культурный компонент, в то время как на поселении Ук 6 – самом северном в регионе памятнике, включающем степной компонент, таковых сосудов только два среди преобладающих боборыкинских форм.

На периодизационной шкале зауральского неолита маханджарская культура занимает нишу с конца раннего неолита и до середины позднего: с 6049±130 л.н. для Кочегарово 1 до – 5662±120 л.н. для Екидин 24, остальные, пока немногочисленные, даты занимают этот промежуток (Мосин, 2016, с. 79). В этом ключе важно заметить, что, будучи в целом поздненеолитическим компонентом в лесостепной зоне, маханджарская культура на каком-то непродолжительном этапе сосуществует и взаимодействует с носителями ранненеолитических традиций, о чем в целом уже было упомянуто (там же). Обоснованно говорить об этом позволяют материалы поселения Кочегарово 1.

Данный памятник раскапывался значительной площадью (порядка 2 тыс. м²) и, в пределах неолитической эпохи, позволил выявить по крайней мере два этапа обитания: первый – конца раннего неолита и второй – первой половины-середины позднего неолита. Совокупность абсолютных дат, планиграфических и стратиграфических наблюдений позволяет синхронизировать маханджарские сосуды с козловскими и кошкинскими, связанными с первым этапом.

Кроме непосредственно совместного залегания в одних объектах (сооружения 1 и 3, яма 1) на одной глубине в предматериковом слое, сосуды указанных типов имеют «точку пересечения» в виде «взаимопроникновения» некоторых признаков. При односложной культурной атрибуции памятника ряд таких деталей мог бы быть незаметным, но в контексте многокомпонентности керамического комплекса (первого этапа) они приобретают более глубокое содержание.

Так, в морфологии некоторых сосудов есть отступления от привычных форм. Два прочерчено-накольчатых миниатюрных сосуда (рис. 1, *1, 2*) имеют донца ярко-выраженной конической формы, в таком виде несвойственной ни козловскому, ни тем более кошкинскому типам керамики. Причем закрытые баночные сосуды козловской или кошкинской традиции, как правило, вовсе круглодонны, а к коническим формам тяготеют горшечно-баночные или иные более усложненные формы посуды. Кроме того, у одного из этих сосудов имеется достаточно выраженное плечо и мощный край венчика, утяжеленный не столько крупным наплывом, сколько просто толщиной края с ровным срезом. Так же наличествуют и орнаментальные «ошибки». Так, мотив треугольников, вполне характерный для козловской традиции, обычно образуется путем «взаимонаклона», а не нанесения фигуры на заштрихованный фон. В коллекциях с незначительным или отсутствующим маханджарским компонентом, например, пос. Ташково 1, в таком виде он как будто не встречается.

Еще два сосуда в коллекции имеют традиционные для зауральского неолита формы, но специфические элементы в орнаментации (рис. 1, 3, 5). Мотив треугольников на них образован за счет крупного зигзага, нанесенного на заштрихованного горизонтальными линиями поле. Такой мотив встречен на маханджарских сосудах в коллекциях поселений Верхней Алабуги 3 (рис. 1, 9) и Бестамак. Зигзаг – в целом очень характерный для керамики этого типа признак, в отличие от козловской и кошкинской традиций.

Также имеется сосуд с неустановленной культурной принадлежностью (рис. 1, 4), сочетающий зауральский козловско-полуденский орнамент из оттисков гребенчатого штампа, наколов и прочерчивания, с треугольником-«разделителем», и горшечную форму, характерную для маханджарской керамики – со слабо выпуклой, чуть отогнутой горловиной. Данный сосуд имеет в тесте примесь талька, а глина – со специфическим красноватым оттенком, что указывает на контакты с горно-лесной зоной, по-видимому, Южного Зауралья.

Представляется, что такие «ошибки», регулярно возникающие при взаимодействии носителей разных традиций, особенно заметные при значительности различий в материальной культуре, имеет смысл не отметать из-за трудностей культурной атрибуции, а включить в контекст проблемы наследования культурных признаков. Для данного процесса нами предлагается понятие «рекомбинация признаков». Рекомбинация (от лат. re– – возобновление, combination – соединение) – в биологии означает «пере–

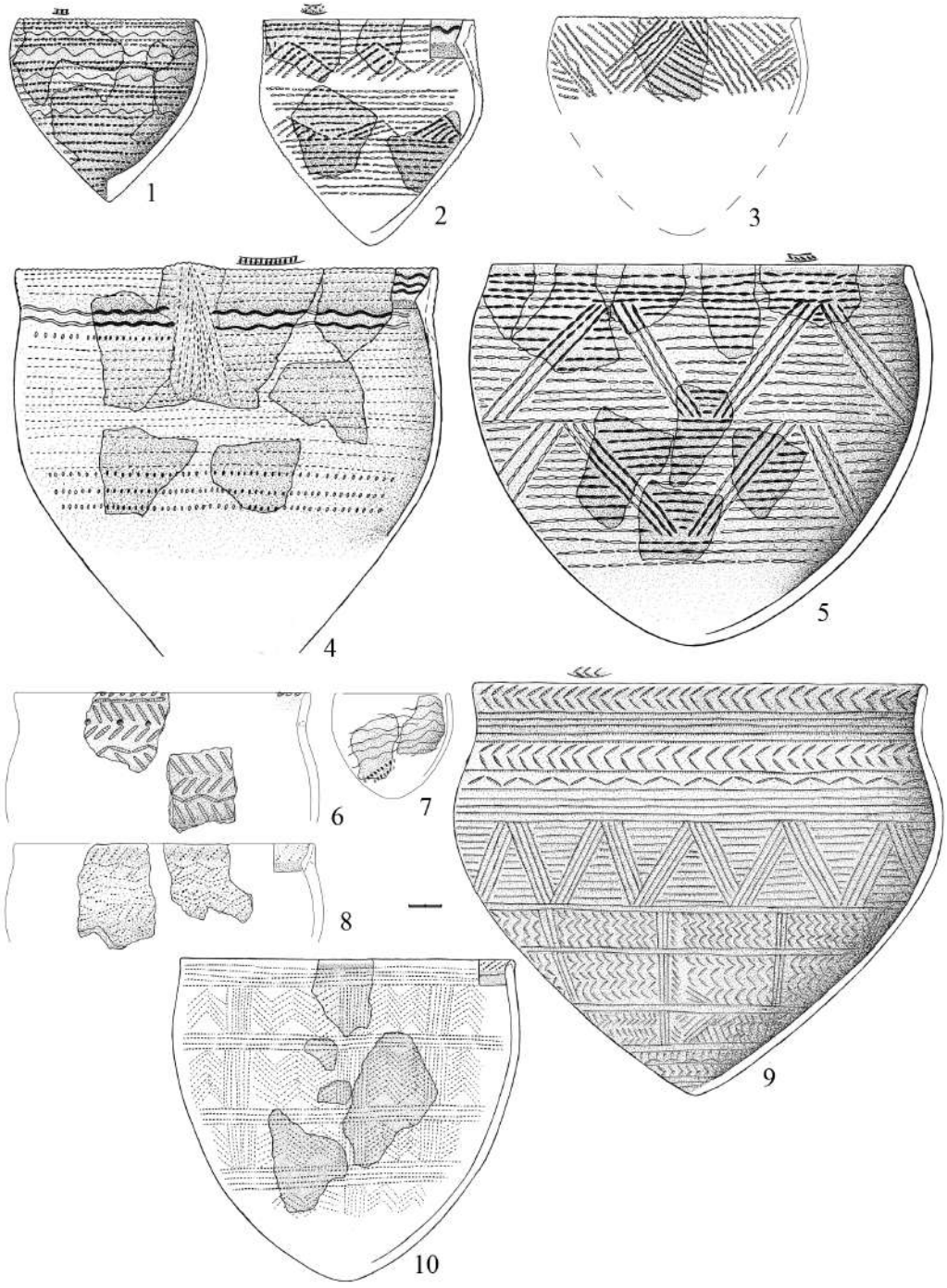


Рис. 1. 1-5 – ранненеолитическая керамика пос. Кочегарово 1; 6-8 – пос. Убаган 3; 9 – пос. Верхняя Алабуга 3; 10 – поздненеолитическая керамика пос. Кочегарово 1

распределение генетического материала родителей в потомстве, приводящее к наследственной комбинативной изменчивости живых организмов» (Биологический энциклопедический словарь, 1986). То есть, данный процесс связан с передачей наследственной информации и возникновением изменчивости. Такой термин очень хорошо отражает суть вопроса в археологическом материале: с одной стороны, имеются культурные традиции (археологические культуры/типы в своем социальном измерении) продолжительностью тысячу и более лет, с другой – в материале происходят изменения, механизм которых требует объяснения, а не простой констатации факта.

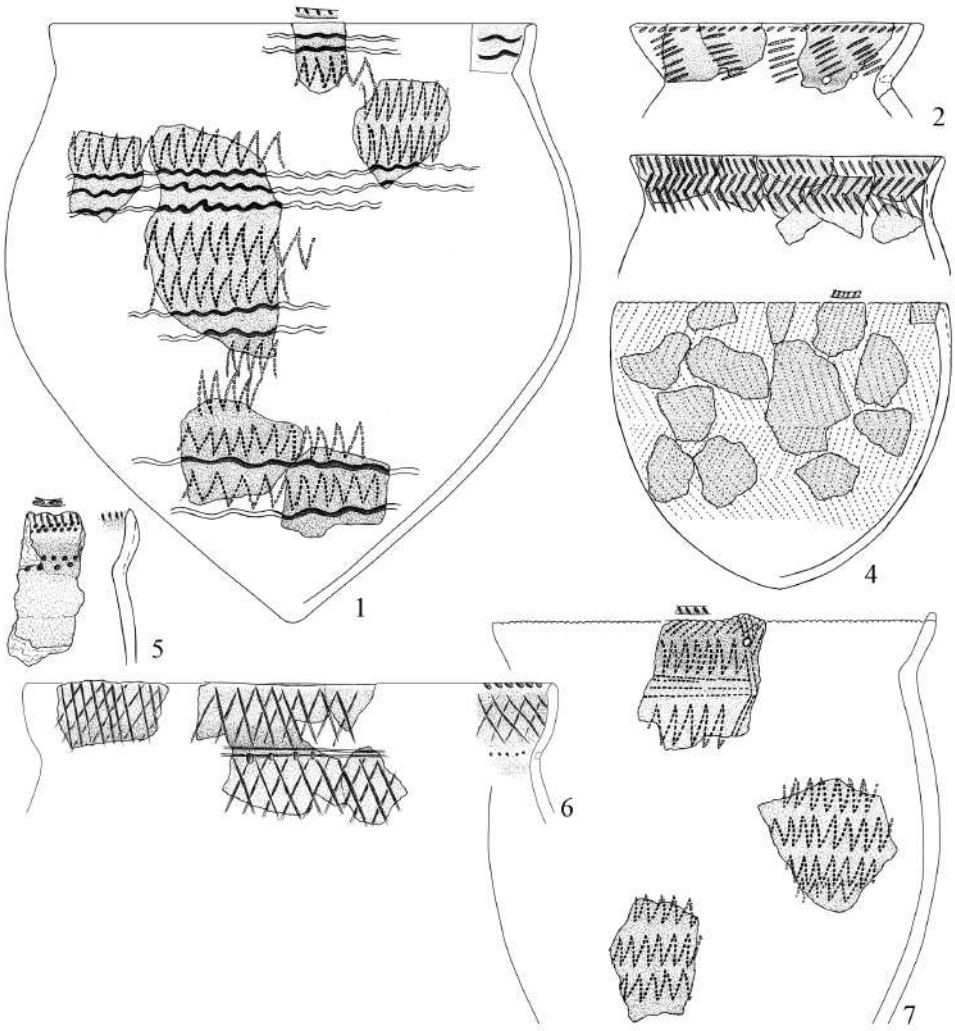
Возвращаясь к маханджарским комплексам в лесостепном Притоболье, а конкретно, к поселению Кочегарово 1, подытожим, что сосуды с «чужеродными» элементами в морфологии и орнаментации считаем наиболее ярким проявлением процесса рекомбинации признаков в процессе социокульутрных взаимодействий в контактной зоне лесостепи.

Еще один памятник, где маханджарская керамика встречена вместе с прочерчено-накольчатой – это пос. Убаган 3 (рис. 1, 6, 7); однако достоверный контекст для них невозможно установить, и версия их одновременности остается только возможностью. Кроме указанных типов керамики, также имеются остатки двух сосудов полуденского типа (рис. 1, 8) характерного лесостепного облика – с узорами, нанесенными в технике оттисков гребенчатым штампом, без следов прочерчивания.

На поселениях Усть-Суерка 4, Ук 6 и Ташково 1 следы проникновения степных культур на север малочисленны: для двух последних выявлены по два сосуда маханджарского типа, а на Усть-Суерке 4 таковых два, а также два – «атипичного» облика. Один горшок (рис. 2, 1) имеет в целом полуденский облик, вероятно, с коническим дном, и орнамент из чередующихся полос прочерченных волнистых линий и лент шагающей «гребенки»; но хорошо оформленная, отогнутая горловина без следов наплыва с внутренней стороны выбивается из общей канвы. Второй (рис. 2, 5) имеет, несомненно, маханджарский профиль, однако «ушко» и вертикальный разделитель скорее отсылают к материалам козловско-полуденского круга.

Полагаем, что этот «взаимообмен» элементами керамического облика так же объясняется рекомбинацией признаков в процессе социокультурных взаимодействий. Культурный фон данных памятников представлен преимущественно боборыкинской традицией для Усть-Суерки 4 и Ук 6, и полуденской – для Ташково 1. Кроме указанных, в коллекциях имеются сосуды и остальных неолитических типов, но для первых двух памятников боборыкинская керамика является преобладающей, а для Ташково 1 имеющиеся абсолютные даты прочерчено-накольчатой керамики делают возможность сосуществования с маханджарской керамикой маловероятной, поэтому два маханджарских венчика (рис. 2, 2, 3) синхронизируются с поздненеолитическим комплексом. Причем малочисленность степного компонента в составе коллекции Ташково 1 отразилась в типологически «спокойном» облике полуденских сосудов (рис. 2, 4).

Кроме упомянутого, есть разрозненные артефакты в коллекциях, которые напрямую не говорят о наличии влияния маханджарской традиции, но имеют отдельные черты, свойственные ей, например, боборыкинские венчики с характерным профилем (пос. Ташково 1, пос. Долговское 3). Из этого пока рано делать конкретные выводы, но стоит иметь в виду.



	Пос. Верх. Алабуга 3	Ст. Дюпа	Пос. Убаган-2,3,5,	Пос. Пикушка 1	Пос. Усть-Суерка-4	Пос. Охотино	Пос. Лисья Гора	Гор. Увал-5	Пос. Кочегарово 1	Пос. Долгонское 3	Пос. Дачный 2	Пос. Ташково 1	Пос. Ук 6	Ст. Исток 4	Пос. Исетское Правобережное	Ст. Кедровый мыс 1
МАХАНДЖАР	3/100%		11 (26) / 50 (86)%		4 (5) / 5,8(4,6)%	2(?)/13%	1/5,2%	4/6,6%	14/14%			2/2,5%	2/1,6%			
«ГРЕБЕНЧАТАЯ»		2/22%	3 / 20 (10)%	4 / 9%	7 (17) / 10(15,7)%	13(14)/ 86,6(93)%	2/10,5%	2/3,3%	19/19%	4/13%	5(6)/ 38(33)%	5/6%		4/5%		2/5,7%
ПОЛУДЕНСКАЯ									17/17%	10/33%	3(5)/ 23(27)%	14/17,5%	2/1,6%	14/17%	23/64%	21/60%

8

Рис. 2. 1, 7 – пос. Усть-Суерка 4; 2-5 – пос. Ташково 1; 6 – пос. Дачный 3; 8 – распространение типов гребенчатой керамики в лесостепном Притоболье

Наконец, последнее, о чем стоит сказать, это некоторая закономерность в распространении типов гребенчатой керамики в лесостепном Притоболье. Можно заметить, что в большей части коллекций маханджарским сосудам сопутствует полуденская керамика с «гребенчатоштампованным» орнаментом, и, напротив, доля «классической» полуденской посуды резко возрастает там, где нет степных следов (рис. 2, 8). Эти наблюдения преждевременно называть установленным фактом, но некоторая тенденция присутствует. Хотя генезис лесостепного – «гребенчатого» – типа полуденской керамики историографическое «белое пятно», можно предположить, что соседство и взаимодействие с носителями маханджарской культуры наложило определенный отпечаток на облик поздненеолитической посуды полуденского времени, например, в предпочтении штампованной техники орнамента, широком распространении мотива «ёлочки» и элементов сложного геометризма (рис. 1, 8, 10; 2, 4).

Таким образом, следы носителей степных традиций в лесостепном Притоболье заняли компактную хронологическую нишу с конца раннего неолита до середины позднего, вступая во взаимодействие с носителями ранне– и поздненеолитической культур Зауралья.

Список литературы

Яковлева Е.С. Следы маханджарской культуры в лесостепном Притоболье // Самарский научный вестник, в печати.

Мосин В.С. Хронология неолита Зауралья: новые даты, старые проблемы // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. 25-29 октября, 2016 г. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2016. – С. 78-79.

Логвин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита-энеолита: дис. … д-ра ист. наук. Сургут, 2002. – 426 с.

Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2(17). – С. 21-28.

Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. IV. – Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. – 236 с.

Вохменцев М.П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье / Науч. ред. В.С. Мосин. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2016. – 137 с.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

А.К. Айткали[1], А.С. Жунисханов[2], П. Доумани Дупью[2], А.И. Исин[3], Е. Рахманкулов[4], А.К. Курмангалиев[5]
[1]PhD докторант Университета Акдениз
Анталия, Турция
[2]АОО «Назарбаев Университет»
Астана, Казахстан
[3]Государственный Университет им. Шакарима
Семей, Казахстан
[4]Фрилансер
Астана, Казахстан
[5]Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
A.K. Aitqaly[1], A.S. Zhuniskhanov[2], P. Doumani Dupuy[2], A.I. Isin[3], Ye. Rakhmankulov[4], A.K. Kurmangaliev[5]
[1]PhD doctoral student Akdeniz University
Antalya, Turkey
[2]«Nazarbayev University»
Astana, Kazakhstan
[3]Semey State University named after Shakarim
Semey, Kazakhstan
[4]Freelance
Astana, Kazakhstan
[5]National museum of the Republic Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
E-mail: azza_semsk@mail.ru, aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz, paula.dupuy@nu.edu.kz, assem51@mail.ru, mr.doublecherry@mail.ru armanqayrat2017@gmail.com

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУРГАНАХ С «УСАМИ» ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье публикуются некоторые данные касательно курганов с «усами», которые были зафиксированы в 2014-2015 гг. в ходе археологической разведки на территории горных массивов Кокентау и Семейтау. Рассматриваемые районы относятся к административной территории г. Семей Восточно-Казахстанской области. Кроме того, публикуются материалы раскопок, произведенных в 2018 г. В ходе исследования, в составе могильника Каратобе, был раскопан комплекс курганов с «усами»

№6. Изложены предварительные выводы касательно культурно-хронологической принадлежности памятника.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, Сарыарка, горы Семейтау и Кокентау, могильник, ранний железный век, курган с «усами», раскопки, культурная и хронологическая принадлежность.

Шығыс Қазақстандағы «мұртты» обалар туралы жаңа деректер

Түйін. Мақалада Шығыс Қазақстан облысы Семей қаласына қарасты Көкентау және Семейтау тау алаптарында жүргізілген археологиялық барлау жұмыстарының мұртты қорғандарға қатысты алғашқы нәтижелері берілген. Бұдан басқа, мақалада 2018 жылы атқарылған қазба жұмыстарының материалдары жарияланууда. Археологиялық қазба барысында Қаратөбе қорымында мұртты қорғандары бар №6 кешен зерттелді. Бұл ескерткіштің мәдени және хронологиялық ерекшеліктері жайлы алдын-ала тұжырымдар баяндалған.

Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан, Сарыарқа, Семейтау және Көкентау таулары, қорым, ерте темір дәуірі, «мұртты» қорғандар, қазба жұмыстары, мәдени және хронологиялық сәйкестік.

New materials about barrows with stone ridges of East Kazakhstan

Annotation. The article publishes some materials on mounds with a stone ridges which were recorded in 2014-2015 in the process of archaeological exploration in the territory of the mountain ranges of Kokentau and Semeytau. The considered areas belong to the administrative territory of Semey city of East Kazakhstan region. In addition, the materials of the excavations produced in 2018 are published. In the course of the study, a barrow with stone ridges number 6 was excavated as part of the Karatobe burial ground. The article presents the preliminary conclusions regarding the cultural and chronological identity of the monument.

Keywords: East Kazakhstan, Saryarka, Semeytau and Kokentau mountains, burial ground, early Iron Age, barrow with stone ridges, excavations, cultural and chronological identity.

Курганы с «усами» – комплекс, заключающий в себе конструкцию, которая состоит из одного или нескольких курганных насыпей и отходящими в восточном направлении двух дуговидных гряд. Эти особые строения распространены на очень обширную территорию, которая включает Урало-Казахстанские степи. Однако, основной ареал бытования памятников, главным образом, связан с Казахским мелкосопочником. Важно отметить, что Сарыарка на северо-востоке ограничена долиной Иртыша. Зафиксированные нами курганы с каменными грядами, локализованы именно здесь, т.е. в пределах административного округа г. Семей Восточно-Казахстанской области. Более подробно остановимся чуть ниже.

В Казахстане открытие и исследование курганов с «усами» началось в первой половине XX в. Неоценимый вклад в изучение различных аспектов этих памятников внесли такие классики казахской археологии как А.Х. Маргулан, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев, С.М. Ахинжанов, Ф.Х. Арсланова и другие. На современном этапе в Казахстане вопросами распространения, типологией, конструктивными особенностями и, в целом, расширением источниковедческой базы занимается А.З. Бейсенов. Согласно новейшим

данным только на территории Центрального Казахстана открыто более 400 курганов с каменными грядами (Бейсенов, 2017, с. 32). За пределами Казахстана, в Южном Зауралье, этим объектам уделяют пристальное внимание С.Г. Боталов, И.Э. Любчанский, А.Д. Таиров, Н.А. Мажитов, В.П. Костюков, И.В. Грудочко и др. Уральскими учеными зафиксировано свыше 110 памятников с каменными грядами (Любчанскии, 2006, с. 386).

Касательно семантики памятников большинство исследователей сходятся во мнении, что они связаны с практикой поминальных ритуалов, в основе которых лежат верования, сопряженные с солярным культом и обрядом приношения в жертвы коня. При этом сосуды, изготовленные из глины и находимые, чаще всего, под насыпями малых курганов, говорят в пользу акта ритуального возлияния. Короткие или длинные дорожки, отходящие от насыпи (реже от насыпей), могли указывать путь душам умерших героев (Толеубаев и др., 1998, с. 218-219).

Стоит обратить также внимание на то, что главная полемика среди ученых развернулась относительно вопросов генезиса этого типа памятников. Так, время зарождения данной традиции А.З. Бейсенов, И.А. Кукушкин, М.К. Хабдулина увязывают с ранними кочевниками сакского периода (Грудочко, 2016, с. 292-293). Тем самым, ученые поддержали точку зрения М.К. Кадырбаева, высказанную еще в период первичного накопления материалов по данной теме. Последний хронологические рамки существования памятников указывал в рамках очень длительного времени – с VII-VI вв. до н.э. до середины I тыс. н.э. (Кадырбаев, 1959).

Уральские археологи напротив настаивают на времени появления и существования курганов с «усами» в период с IV по VIII вв. н.э. Одновременно с этим этнокультурная принадлежность памятников обозначается как раннетюркская (С.Г. Боталов) и гуннская (И.Э. Любчанский) (Хабдулина, 2008, с. 188). Не вдаваясь в детали полемики, отметим, что вопросы генезиса курганов с каменными грядами все еще не решены. Требуются представительные серии калибровочных дат по новым объектам для решения хронологии данного типа памятников.

Перейдем непосредственно к описанию районов, где нами были зафиксированы курганы с «усами». Впервые в 2014-2015 гг. на территории административного округа г. Семей нами осуществлена разведка археологических памятников. Основной задачей изысканий было открытие и предварительное изучение археологических объектов, выяснение их характеристик. Разведка производилась путем визуального обследования местности и фиксацией координат памятников с помощью устройств глобального позиционирования (GPS, Глонасс). В качестве маршрута продвижения выбраны территории вдоль горных массивов Семейтау и Кокентау. Основная причина по которой выбраны именно эти места – наиболее подходящее расположение для занятия производственной и хозяйственной деятельностью.

Горный массив Семейтау протяженностью 45 км дугообразно вытянут с СЗ на ЮЗ и располагается в 40 км юго-западнее г. Семей, самая высокая точка под названием Каракуыс достигает высоты 606 м. Ориентированные отвесными бортами по направлению к р. Иртыш, горы Семейтау величественно возвышаются над окружающей равниной. Соответственно крутизне и пологости гор, склоны на западе покрыты наносами и растительностью. На востоке вершины горного рельефа завершаются обнаженными

выступами камней и россыпями порфирита на плоскостях. В западном направлении горные выступы постепенно переходят в холмистую местность с двумя каменистыми вершинами Кыземшек. Горы Семейтау, в особенности в восточной оконечности, выделяются развитым рельефом и наличием в изобилии горных ключей. К западу от горного массива протекают реки Шаган и в противоположной стороне – Мукыр, которые весною впадают в Иртыш. Также, у подножья западной части горного массива находится небольшая долина р. Карасу, где талые воды сохраняются до середины лета. В грунтовом слое преобладает почва цвета золы, кое-где она сменятся желтым и еще реже – красным оттенком. В горных ложбинах растут березняк, около водных источников – таль. Кустарники представлены редким колючим тростником, караганником и таволгой. На склонах гор и в степи растут ковыльно-типчаковые растения, бурачок и полынь. Как правило, для пашни выбирались низины с густым пластом бетеге и көде.

В 30 км к югу от Семейтау расположена другая высокая гранитная горная гряда Кокентау, протяженностью с севера-запада на юго-восток 15 км, шириной 10 км. Она также оторвана от остальных гор и выделяется вертикальными выступами среди окружающей ее степи. Главная возвышенность Ушайыр (т.е. вилка) имеет острые разорванные вершины. Горный массив с юга на север труднопроходим. Однако в средней части главного кряжа имеется коридор в виде перевала Кеңасу. В горах много источников пресной воды, которые объединяются в две речки Куандыккарасу и Мырзабек. Грунт сухой желтоватого оттенка, ниже 40 см на равнинах идет песок и камни на возвышенностях. Далее, ниже 70 см материковый пласт в виде белой глины. В низинах с густо растущей травой и рыхлой почвой, когда-то имелись пашни. На сопках и в труднодоступных ложбинах растут сосна, караганник, таволга, шиповник. Из кормовых трав на склонах и хребтах горы растут: ковыль, типчак, полынь, бурачок, лебеда и т.д. (Материалы по киргизскому землепользованию, 1909, с. 9-10, 20-21).

В археологическом отношении эти места являются белым пятном на территории Восточного Казахстана. Сказанное послужило веской причиной для сосредоточения археологических работ в данных районах. Первые сведения, касающиеся именно этих районов, получены в 1903 году, в итоге сбора данных Семипалатинским Областным Статистическим Комитетом. В статье Н. Коншина, представляющей собой сводку информации полученной Комитетом, имеется лишь несколько скудных строк об этих местах. Указывалось, что в урочищах Семейтау много курганов и кругов из камней, а в горах Кокентау есть какие-то надписи на скалах (Записки Семипалатинского подотдела, 1903). Действительно, полевые разведочные работы показали, что указанные территории насыщены разновременными памятниками, начиная от эпохи камня (мезолит, неолит) и заканчивая памятниками этнографического времени. Рассматриваемые районы включают в себя разновременные крупные поселения, могильники, мастерские и несколько гротов с петроглифами. Обнаружено 6 курганов с «усами», однако это число может быть увеличено, так как разведочными работами покрыты лишь две трети территории горных массивов. Все они, за исключением двух, обнаруженных в составе могильника Семейтау, по структуре однотипны, комплексы состоят из двух небольших курганов в диаметре не превышающие 20 м, расположенных по линии В-З, дугообразные короткие дорожки их отходили от восточных насыпей. Структурой отличные от прочих, курганы с «усами» могильника Семейтау, также разнились между собой.

Первый комплекс имел одну большую насыпь диаметром до 30 м, с глубокой воронкой в центре, высотой около 2 м, с длинными каменными грядами и окончаниями в виде небольших оград. Второй комплекс состоял из двух небольших насыпей диаметром не превышающих 15 м, и от каждой в восточном направлении отходили короткие гряды до 20 м (Айткали, и др., 2016, с. 26, рис. 1). Заметим, что на данный момент все курганы с «усами» найдены в восточной половине горного массива Семейтау, лишь один у подножья горы Кокентау.

В 2018 г. было решено исследовать комплекс № 6 в составе могильника Каратобе, исследование которого началось еще 2014 г. (Айткали, и др., 2014, 151-160). Могильник локализован у подножья северо-западной оконечности горы Кокентау (рис. 1).

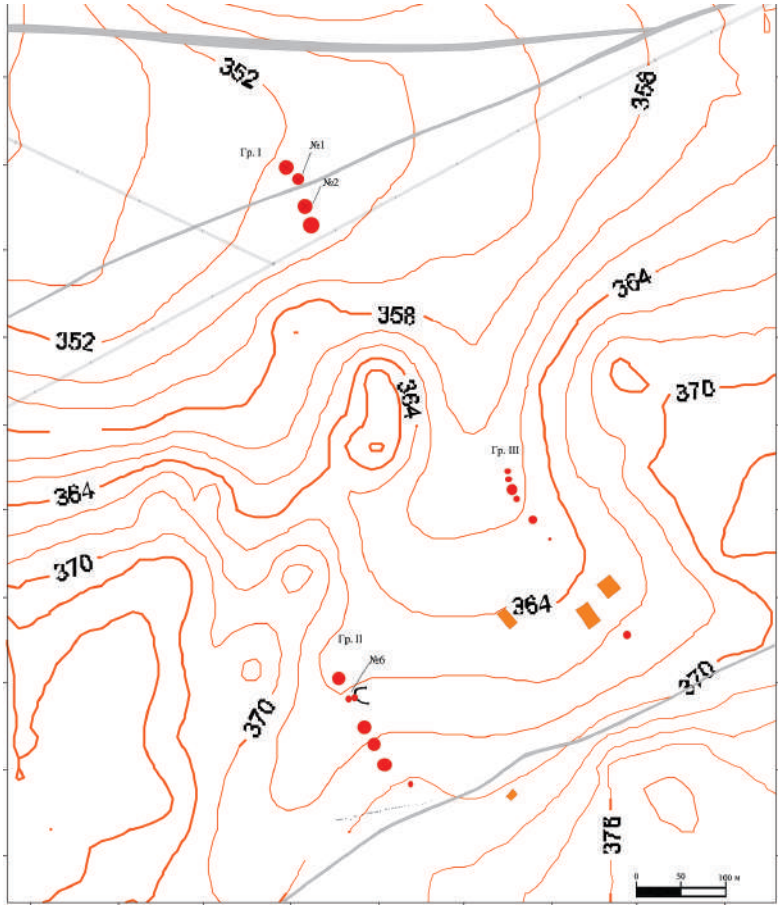


Рис.1. План могильника Каратобе

Название могильник получил от близлежащей заброшенной зимовки Каратобе. Могильник состоит из трех изолированных друг от друга небольших групп, расположенных по линии С-Ю с небольшими отклонениями. По обновленным данным, в совокупности, в трех группах насчитывается 17 объектов. Визуально между объектами трех групп есть некоторые отличия, выраженные в особенностях намогильных сооружений.

Первую и вторую группу посередине разделяет небольшая возвышенность, вытянутая по направлению В-З. Каменно-земляные насыпи обеих групп аналогичны, по краям их на некотором расстоянии имеются двойные кольцевые выкладки, с «воротами» в СВ стороне. Поэтому в первой публикации материалов раскопок мы объединили эти две группы (I и II) в единую западную цепочку. Эти дополнительные детали не зафиксированы в третьей группе курганов (восточная цепочка). В составе второй группы и был обнаружен курган с «усами».

Комплекс состоял из двух вплотную расположенных подквадратных насыпей по линии З-В. (рис. 2). Визуально было заметно, что западная насыпь комплекса в диаметре превосходила восточную. Параметры западной насыпи: С-Ю – 8,8 м, В-З – 6,7 м. Параметры восточной насыпи: С-Ю – 7,5 м, В-З – 6 м. За пределами насыпей на некотором расстоянии на уровне дневной поверхности прослеживалась двухрядная кольцевая выкладка. Непосредственно с восточной части двухрядной кольцевой выкладки на восток дугообразно были вытянуты две каменные гряды, которые к концу расширяясь, образовывали небольшую оградку. Параметры южной гряды: длина – 13,4 м, ширина в средней части – 0,9 м, в конце – 3,2 м. Параметры северной гряды: длина – 15,5 м, ширина в средней части – 1,5 м, в конце – 2,4 м.

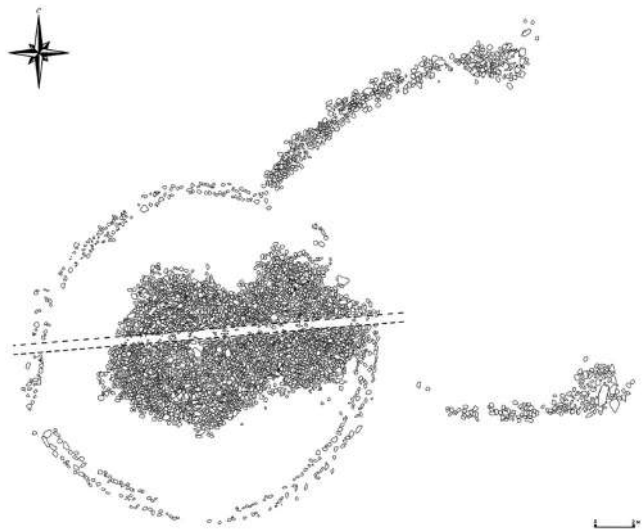


Рис. 2. Могильник Каратобе. Комплекс №6. Вид после снятия дерна

Необходимо отметить, что в оградке в конечной части южной гряды обнаружена лежащая стела размерами 1,2×0,4 м. По-видимому, когда-то она стояла вертикально, так как основание имело ровную и широкую поверхность. К сожалению, из-за нехватки времени, концевые оградки не были вскрыты. Планируется их доследование в следующий полевой сезон.

В процессе разбора восточной насыпи на уровне древней поверхности был найден небольшой ритуальный сосуд (рис. 3). Параметры сосуда: общая высота – 22,5 см, Д. венчика – 12 см, Д. плечика – 16 см, Д. основания – 10,5 см. Толщина стенок: венчик – 0,8 см; верхняя / средняя часть тела – 0,9 см, нижняя часть тела – 1,1 см, основание – 1,3 см.

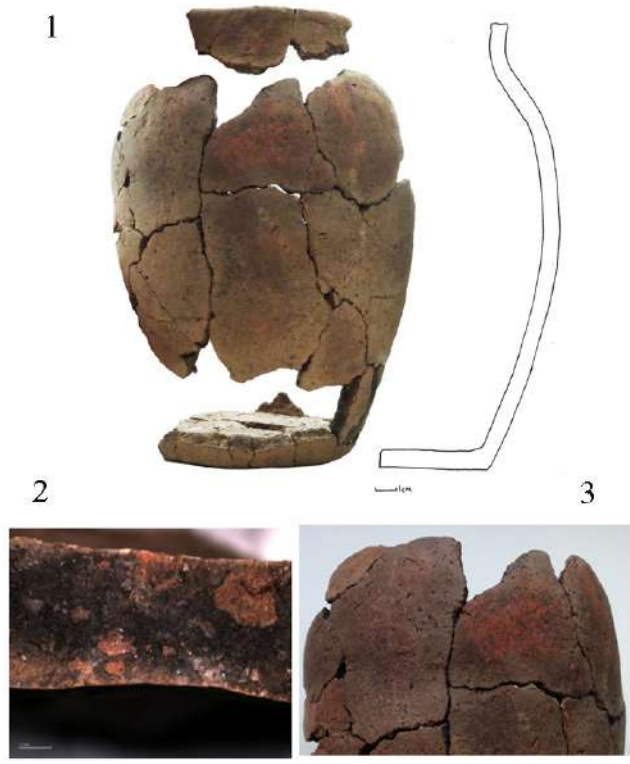


Рис. 3. Могильник Каратобе. Комплекс №6. Восточный курган. Керамика.
1 – реконструкция сосуда; 2 – увеличенное изображение сосуда в изломе;
3 – деталь сосуда с пестрым окрасом поверхности демонстрирующий низкотемпературный обжиг

Удалось реконструировать более 50% сосуда, получив практически полный профиль от основания до венчика. Сосуд имел высокие плечи, плоское основание, короткую шейку и мягко вывернутый венчик. Сосуд вмещал до 2-3 литров. Отверстие сосуда лишь немного превышало диаметр основания, что делает его почти симметричным по внешнему виду. Сосуд имел полукруглые ручки, которые крепились к плечикам. Ручки были маленькие до такой степени, что они, вероятно, были декоративными или использовались для подъема посуды из очага. Однако осмотр поверхности сосуда не выявил признаков интенсивного использования. Зафиксированы следы от косых линий, которые украшают венчик. Сосуд был изготовлен вручную с использованием метода лоскутного налепа. Конструирование полого тела начиналось со дна из одной лепешки, лоскуты были нарощены с внешней стороны. Свидетельство использования катушки можно было увидеть вдоль тела, которое сохранило горизонтальные волнистые линии. Внутренние стенки сосуда сохранили отпечатки пальцев. С помощью тростника или другой травы была выровнена поверхность посуды. Обжиг костровый, низкотемпературный (<800 градусов С). Цвет в изломе светло-коричневый (красноватый), местами темно-серый. Использование гранита в качестве закалочного агента предполагает, что сосуд был изготовлен с использованием местных ресурсов хребта Кокентау.

Также на этом же уровне в восточной части насыпи были обнаружены лошадиные зубы и точильный камень со следами эксплуатации (рис. 4а).

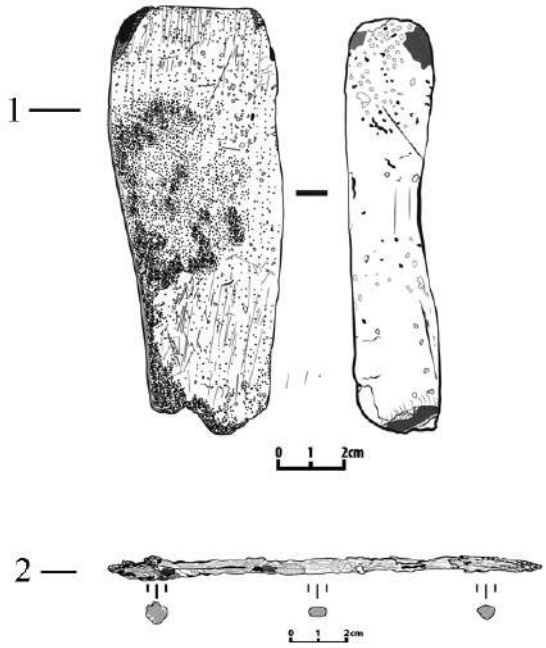


Рис. 4. Могильник Каратобе. Комплекс №6. 1 – точильный камень (восточный курган); 2 – железная булавка (западный курган)

В ходе разбора западной насыпи на уровне древней поверхности был зафиксирован верхний край перекрытия могильной ямы. Он состоял из крупных продолговатых плит уложенных поперек ямы. Заполнение ямы преимущественно состояло из крупных продолговатых и среднего размера каменных плит. Местами на разных уровнях заполнения встречались угольки. Яма длинной осью была ориентирована по направлению ЮЗ–СВ. Параметры могильной ямы: длина – 275 см, ширина – 140 см, глубина – 110 см. На дне был расчищен полный скелет человека в анатомическом порядке «in situ» (рис. 5). Погребенный был положен прямо на спину, руки вдоль тела, ориентация головы на ЮЗ. У изголовья с правой стороны найдены крестец овцы с хвостовыми позвонками и немного выше черепа три фрагмента поломанной железной булавки (рис. 4б). Других предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

По типологии курганов с «усами» А.З. Бейсенова, исследованный нами комплекс можно отнести ко второму типу памятников, который характеризуется тем, что две насыпи расположены по линии запад-восток, западное (погребальное) сооружение больше восточного, от последнего отходят короткие «усы» (Бейсенов, 2017, с. 32, рис. 1). К тому же, раскопками в Центральном Казахстане установлено, что рассматриваемый тип распространен именно в этом регионе, т.е. на территории Казахского мелкосопочника.

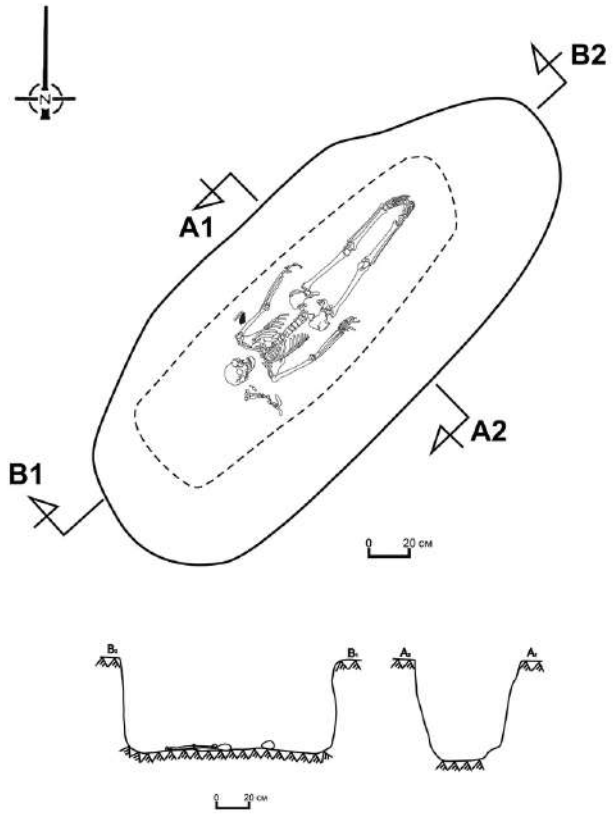


Рис. 5. Могильник Каратобе. Комплекс №6. Западный курган.
План могильной ямы и разрезы

Ближайшие аналогии погребальному обряду захоронения в западном сооружении комплекса №6 могильника Каратобе мы находим в относительно близко расположенных могильниках Центрального Казахстана Тандайлы-2 и Жамантас. В обоих случаях под западными насыпями вскрыты ямы с человеческими останками, а под восточными найдены кости животных и фрагменты керамики. Оба захоронения по результатам калибровки датированы в пределах VIII-V вв. до н.э. В Тандайлы-2 найдено три наконечника: два двулопастных втульчатых, с шипом и без, один черешковый трехгранно-трехперый (Бейсенов и др., 2016, с. 235). В могиле кургана Жамантас обнаружено бронзовое зеркало с боковой ручкой раннесакского времени (Беисенов и др., 2017, с. 229-230). Комплексы отнесены к тасмолинской культуре Центрального Казахстана. Образцы под восточными насыпями обоих курганов показали поздние даты в пределах предтюркского и тюркского времени.

Таким образом, в нашем случае, мы имеем дело с сочетанием двух древних традиций, когда поздний элемент, т.е. курган с «усами», пристраивался к более раннему погребальному сооружению. Судя по находкам костей лошади и сосуда под восточной насыпью, можно предполагать, что курган был сооружен в предтюркскую или тюркскую эпоху. Погребальный обряд, рассматриваемого нами захоронения под западной на-

сыпью идентичен вышеназванным двум комплексам Тандайлы-2 и Жамантас. Однако, с датировкой погребения не все так однозначно. Обратимся к материалам предыдущих курганов, раскопанных в составе могильника Картобе.

Как уже было сказано выше, работы на могильнике Каратобе впервые начаты в 2014 г., в том же сезоне, было вскрыто три кургана. Из них два кургана (№2, №3) с непотревоженными погребениями дали весьма интересные материалы.

В целом, исследованные курганы по особенностям конструкции наземных и внутримогильных сооружений, сопроводительного инвентаря (железные булавки, бараньи позвонки), ориентации погребенных в западный сектор демонстрируют устойчивость погребального обряда могильника Каратобе. Очертание насыпей давало возможность с полной уверенностью установить их квадратную форму, поскольку прямые края были хорошо выражены почти что во всех частях (Айткали и др., 2014, 151-160). Квадратной формы насыпи имеют курганы с «усами» из районов Южного Зауралья, такие как Солончанка I, Городищенский IX, Оленина Отнога, Новоактюбенский I (Любчанскии, 2006, с. 390-395).

Другая архитектурная особенность курганов могильника Каратобе, как уже говорилось выше, состоит в том, что все они на некотором расстоянии от насыпи имели двухрядные каменные кольца с входами в СВ стороне. Данный элемент не прослеживался в комплексе №6, так как в этом месте камни были сдвинуты с первоначального места установки. Рассматриваемая деталь отмечена в трех случаях (к. 50, 55, 67) на могильнике Караша II (Жамбылская область) (Максимова, 1976, с. 181). Кроме того, тождественен состав сопроводительного инвентаря и некоторые детали погребального обряда. Памятники А.Г. Максимовой датированы I-III вв. н. э., но позднее они были по-новому рассмотрены А.К. Акишевым в пределах IV-III вв. до н.э. (Алимбай, Акишев, 2009, с. 362). Кроме того, аналогии наземным и внутримогильным сооружениям кургана могильника Каратобе можно найти в территориально близко расположенных памятниках кулажоргинского типа (III в. до н.э. – I в. н.э.) Верхнего Прииртышья и в курганах раннего этапа (III-II вв. до н.э.) усуньской археологической культуры долины р. Или (Черников, 1975, с. 135-148; Акишев, Кушаев, 1963, с. 194-202).

В кургане №2 могильника Каратобе в богатом погребении в каменном ящике найдены керамический сосуд, нашивка головного убора в виде золотой пластины с комбинированным геометрическим и растительным орнаментом, золотая серьга в комплекте с двумя золотыми пронизями с рифлениями и ромбической формы подвеской из бирюзы, железная булавка с шаровидным навершием с золотым покрытием. На шейных позвонках костяка расчищено ожерелье из камней (4 сердоликовые, 2 пастовые, 1 меловая (?) бусы, и бусы, крытые листовым золотом (4 шт.) с ромбовидным орнаментом (рис. 6, 7, 8).

Керамика по составу и технике изготовления подобна вышеописанной, которая найдена в комплексе №6. Аналогии последнему можно найти в могильниках Центрального Казахстана и Зауралья: Тасмола I (к. 19), Сангуыр II, Ельшибек, Оленина Отнога, Александровские (к. 1), комплекс «37 воинов» (к 4) (Боталов и др., с. 24, 122-123). Найденные тут горшки часто не украшены. Декор поверхности, когда он имеется, ограничивается верхней частью шейки или венчика.

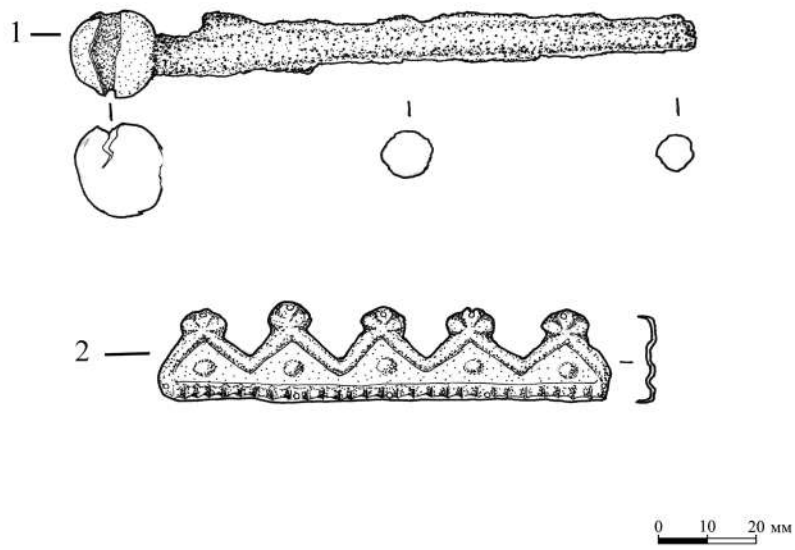


Рис. 6. Могильник Каратобе. Курган №2. 1 – железная булавка, 2 – золотая накладка головного убора

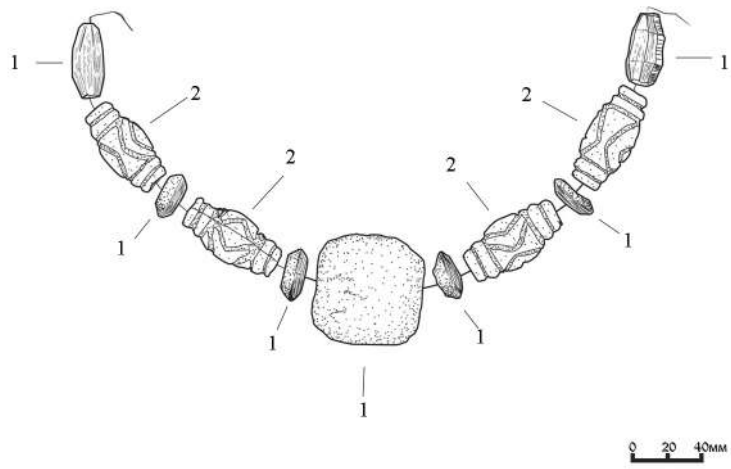


Рис. 7. Могильник Каратобе. Курган №2. Ожерелье. 1 – камень, 2 – листовое золото

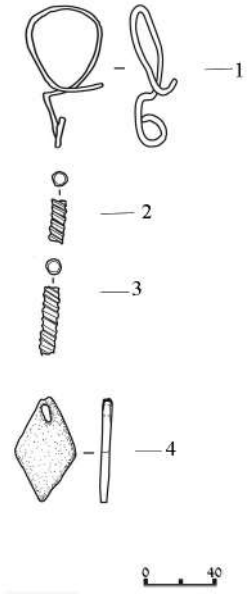


Рис. 8. Могильник Каратобе. Курган №2. Серьга с пронизями и подвеской. 1-3 – золото, 4 – камень

Золотая серьга, составленная из перпендикулярных колец из кургана №2, по-видимому, относится к категории поздних серег – не ранее второй половины I тыс. до н.э. (Бейсенов, 2014, с. 125-126). Подобные обнаружены на территории Жетысу в могильниках Сары-Булак и Коктума, датированные IV-I вв. до н.э. (Акишев, 1983, с. 136-141). Растительный и геометрический декор на накладке головного убора и на золотых бусах ожерелья выполнены в орнаментальной традиции, отличной от звериного стиля сакского времени. Напомним, что позднее растительная орнаментация получила широкое евразийское распространение в древнетюркскую эпоху. Оно стало отражением имущественного положения и социального престижа. Но вопрос происхождения подобной орнаментации пока остается открытым. Как один из источников указываются пазырыкцы (Кубарев, 2005, с. 130).

В кургане №3 могильника Каратобе в грунтовой яме вокруг головы погребенного найдено множество (32 шт.) бусин, изготовленных из разноцветных камней, чуть выше черепа – железная булавка (рис. 9). Бусы из камней, изготовленные из агата и сердолика, по форме можно распределить на пронизи, поперечное сечение которых имеет округлую и квадратную формы. Последние появляются на Урале в VI в. до н.э. В раннепрохоровское время они встречены в могильнике Старые Киишки (к. 13, п. 10) и датируются IV-III вв. до н.э. Представляет интерес пронизь в форме «пиявки» (рис. 9, *2*), похожие найдены в могильнике Нижняя Павловка (к. 3), датируется прохоровским временем (Аникеева, Бытковский, 2013, с. 298-299). Другая подвеска из прозрачного сердолика (рис. 9, *4*) имеет уплощенную форму и вниз сужается конусом, в верхней части утончается и переходит в верхушку со сквозным отверстием. Соответствующий аналог встречен в могильнике раннего этапа (III-II вв. до н.э.) усуньской культуры Унгир-Кора I (к. 28) (Акишев, Кушаев, 1963, таблица III, 3). Помимо вышеназванных аналогий, следует обратить особое внимание на материалы могильника Тасарал 3 (к. 6), находящегося в северо-западном Прибалхашье, где обнаружены бусы близкие по фор-

ме и материалу изготовления (Бейсенов и др., 2016, с. 259, рис. 1). Радиоуглеродные данные по курганам могильника укладываются в промежутке VIII-III вв. до н.э. При этом наибольшие показатели вероятности указывают на период второи половины VI – первои половины IV вв. до н.э.

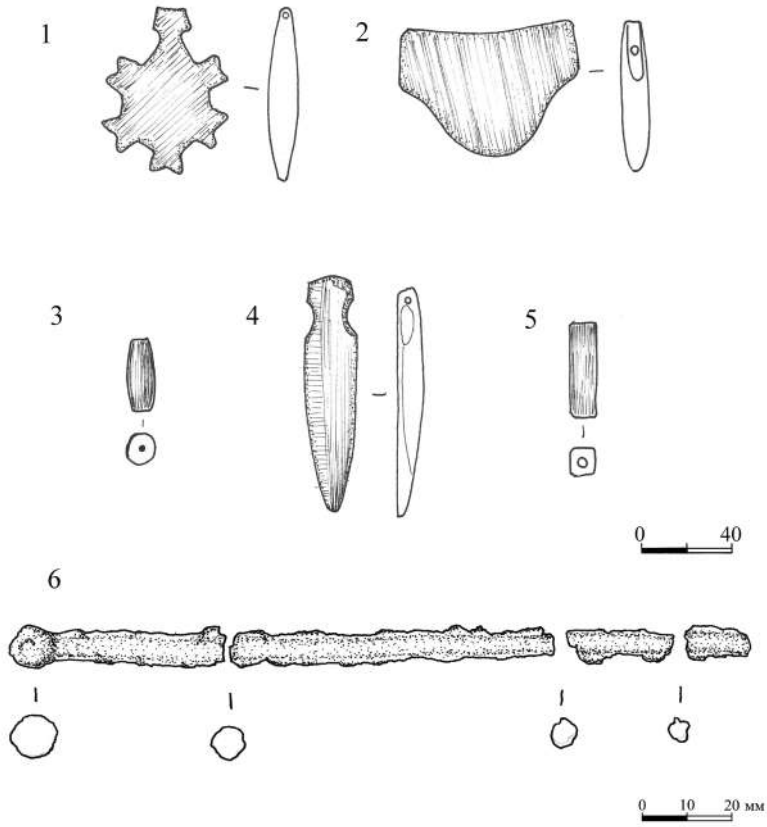


Рис. 9. Могильник Каратобе. Курган №3. 1-5 – камень, 6 – железная булавка

Предварительно, в первой публикации, мы датировали могильник Каратобе в пределах II в. до н.э. – II в. н.э. Однако, в свете недавних открытий, совершенных на территории Центрального Казахстана, не исключается их удревнение в пределах первой половины I тыс. до н.э.

Мы убеждены, что будущие раскопки в этих многообещающих археологических районах позволят пролить свет на ритуальные и погребальные традиции жителей поздней древности и раннего средневековья Восточного Казахстана.

Список литературы

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Бесетаев Б.Б. Курганы второй половины I тыс. до н.э. горного Массива Семейтау // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур:

сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмуханбетова. – Алматы, 2016. – С. 26-33.

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 г. // «Кадырбаевские чтения-2014» материалы IV Международной научной конференции. – Астана, 2014. – С. 151-160.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алматы, 1963. – 214 с.

Акишев К. Древнее золото Казахстана. –Алма-Ата: Онер, 1983. – 264 с.

Алимбай Н., Акишев А.К. Археологические коллекции Центрального Государственного музея. Иллюстрированный научный каталог. Т. 1. Культура ранних кочевников Казахстана. – Алматы, 2009.

Аникеева, О.В., Бытковскии О.Ф. Происхождение и распределение каменных бус из раннесарматских погребении Южного Зауралья // Этнические взаимодеиствия на Южном Урале. – Челябинск: Рифеи, 2013. – С. 286–303.

Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. No 6 (32). – С. 121-126.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В. Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы 2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2016. – С. 233-239.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Кулькова М.А. Радиоуглеродные даты из могильника сакского времени Тасарал 3 (Центральный Казахстан) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2016. – С. 256-264.

Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. – Алматы, 2017. – С. 31-37.

Беисенов А.З., Дуисенбаи Д.Б., Святко С.В. Курган с «усами» Жамантас // Самарскии научныи вестник. 2017. No3 (20). Т. 6. – С. 227-231.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск, 2006. – 232 с.

Грудочко И.В. Вопросы культурной принадлежности и хронологии курганов с «усами» // Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск, 2016. – С. 291-299.

Кадырбаев М.К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Труды ИИАЭ АН Каз ССР. Т.7. – Алма-Ата, 1959.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005. – 400 с.

Любчанскии И.Э. Курганы с усами: типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006. – С. 386-408.

Максимова А.Г. Курганные могильники Караша I и II // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 163-182.

Толеубаев А.Т.,Бейсенов А.З., Омаров Г.К. Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы, 1998. – С. 218-224.

Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2008. – №2. – С. 181-194.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132-148.

Архивные материалы:

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 10. Семипалатинская область: Семипалатинский уезд: спец. часть (с нормами киргиз. землепользования) и общ.стат. табл. – СПб., 1909. –207 с. Электронная библиотека Русского географического общества.

Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 1. – Семипалатинск, 1903. Электронная биВ блиотека Русского географического общества.

О.В. Аникеева
Государственный научно-исследовательский институт реставрации
Москва, Россия
O.V. Anikeeva
State Research Institute for Restoration
olganikeeva@yandex.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВРЕМЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АЛАБАСТРОВ ИЗ ФИЛИППОВСКИХ КУРГАНОВ

Аннотация. На основании определения и изучения состава и структуры камня двух алабастров из погребений могильников Филипповка 1 и 2.установлено, что они были изготовлены из мраморного оникса по минералого-петрографическим характеристикам идентичного кальцитам из месторождений древнего Египта. Исследование особенностей технологических приемов изготовления и сравнительный анализ распространения одновременных алабастров в Египте, Восточном Средиземноморье и Западной Азии позволил определить время их изготовления.

Ключевые слова: ранние кочевники, Южный Урал, минерало-технологический анализ.

Филиппов қорғандарынан табылған алабастрлардың шығу тегі мен жасалу мерзімі

Түйін. Филипповка 1 және 2 жерлеу орындарынан табылған екі алабастрлардың тастың құрамы мен құрылымын анықтау мен зерттеу негізінде минералогиялық-петрографиялық сипаттары жағынан ежелгі египет кенорындарының кальциттеріне ұқсас мрамор ониксінен жасалғандығы анықталды. Бір кезеңге жататын Египеттің, Шығыс Жерорта теңізінің және Батыс Азияның алабастрларын жасалу технологиясы әдістерінің ерекшеліктері мен таралуын салыстырмалы талдау олардың жасалу уақытын анықтауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: ерте көшпенділер, Оңтүстік Орал, минералогиялық-технологиялық талдау.

The origin and production time of the alabastra from the Filippovka burial mounds

Annotation. The composition and structure of two alabastra from the burial mounds Filippovka 1 and 2 were studied. Both are made of marble onyx, identical in its mineralogical and petrographical characterstics to calcites from Ancient Egyptian quarries. Technological analysis of the manufacturing process and comparison with distribution of contemporary alabastra in Egypt, eastern Mediterranean, and western Asia helped determine the production time of each vessel.

Keywords: early nomads, Southern Ural, mineralogical and technological study.

Введение. Два каменных алабастра были найдены при раскопках филипповских курганов в 2012-2013 гг. Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством

Л.Т. Яблонского. Они пополнили коллекцию из четырех сосудов, которые были получены из курганов кочевников V-IV вв. до н.э., раскопанных в Южном Приуралье ранее (Аникеева, Трейстер, Яблонский, 2010, с. 36-38).

В этой работе на основании изучения состава камня, технологии изготовления и сравнительного анализа распространения таких синхронных сосудов в Египте, Средиземноморье, Передней Азии и древнем Иране сделана попытка выяснить их вероятное происхождение и время изготовления.

Алабастры получили название от города Алабастрон, где, по словам древнегреческих ученых Феофраста, Плиния, Афинея добывался алебастр – камень, широко использовавшийся в Египте, как для строительных целей, так и для изготовления разнообразных культовых и прикладных предметов (Лукас, 1958, с. 334).

Общая форма каменных алабастров описывается округлым или уплощенным дном, удлиненным, прямосторонним, округлым или мешковатым туловом, которое, как правило, плавно сужается к округлому или угловатому плечу. Горло – цилиндрическое или конусовидное, расширяющееся вверх, переходы в устье и тулово варьируют. Устье, как правило, имеет форму горизонтального диска или форму шляпки гриба. Под плечом на тулове с двух сторон симметрично расположены ручки на основании или без него.

Один алабастр найден при доследовании останца кургана 1 могильника Филипповки 1 в погребении 2 справа от стоп погребенной (Яблонский, 2014а, с. 6). Он находился в футляре из плетеных прутьев вместе с предметом, слепленным из крошки перламутра и минеральных агрегатов и имеющим контуры треугольника. При футляре лежали золотые трубочка (поверхность покрыта елочным орнаментом) и два золотых полых усеченных конуса (оба края окантованы рядом зерни и треугольниками из зерни, к нижнему краю припаяны полукруглые петельки из проволоки). Алабастр был раздавлен при обрушении перекрытия, так как после расчистки и консервации фрагментов его форма восстанавливается полностью.

Второй сосуд из центрального погребения кургана 1 могильника Филипповка 2 найден в заполнении у западной стенки южного сектора погребальной камеры (Яблонский, 2014б, с. 88).

1. Происхождение. Для выяснения происхождения любого предмета из камня необходимы визуальный минералогический анализ для установления минерала или породы, выявление структурно-текстурных особенностей состава физико-химическими методами и сравнительный анализ полученных характеристик с данными аналогичных минералов или пород из вероятных мест добычи. Характерная форма сосудов позволяет предположить, что они изготовлялись в Египте из местного декоративно-поделочного камня, широко известного в египтологии, археологии и искусствоведении под названием «египетский алебастр» (Лукас, 1958, с. 119-120).

Сложность атрибуции предметов из «египетского алебастра» определяется тем, что на сегодняшний день «египетский алебастр» относится к терминам некорректного использования, так как обозначает любые изделия из мягкого плотного светлого камня. В научной литературе этот термин имеет много синонимов: marble, marble onyx, oriental alabaster, travertine, ancient Egyptian alabaster и т.д. Поэтому, если при исследовании камня специалист не имеет возможности точно установить минеральный состав камня,

под этим термином надо понимать следующие различные поделочные камни – мраморный оникс, кальцит, гипс и ангидрит (Аникеева, Крупская, 2012, с. 253-254).

По данным визуального минералогического анализа оба филипповских алабастра сделаны из светлого медового мраморного оникса. Это просвечивающая плотная порода цвета слоновой кости карбонатного состава с заметным рисунком. Камень первого алабастра имеет неотчетливую полосчатую текстуру: полосы расположены перпендикулярно оси сосуда или с незначительным отклонением от нее. Рисунок камня второго алабастра более отчетлив – горизонтальные радиальные полосы белого, серого и желтого цвета.

Камень, добывавшийся с глубокой древности для изготовления таких сосудов в месторождениях Египта, уникален: он состоит из чистого кальцита. Важным диагностическим признаком этого кальцита является замещение ионов кальция ионами магния в кристаллической структуре минерала с образованием изоморфного ряда кальцит ↔ магнезиальный кальцит. Другие самостоятельные минеральные фазы в структуре кальцита отсутствуют (El-Hinnawi, Loukina, 1972, p. 217).

Анализ литературы по месторождениям поделочных камней, внешне неотличимых от «египетского алебастра» и разрабатывающихся в древности в соседних регионах, показал, что поделочные кальциты или мраморные ониксы этих месторождений являются гетерогенными или образованы в парагенезисе с другими минералами (Аникеева, Крупская, 2012, т. 1, с. 257-258). Сейчас мне удалось найти единственную разновидность мраморного оникса визуально идентичного египетскому кальциту. Это мраморный оникс из месторождения около городка Хармандали, рядом с древней лидийской столицей Сардис в Западной Анатолии. Месторождение использовалось с эпохи ранней бронзы до лидийского и персидского периодов (Rooseveld, 2008, p. 293). К сожалению, какие-либо опубликованные данные по структуре и физико-химическим характеристикам этого декоративного камня отсутствуют.

Для изучения структурных особенностей состава мраморного оникса филипповских алабастров была применена методика рентгенофазового анализа. Она была предложена и опробована для определения происхождения алабастров из Ново-Кумакского и Прохоровского могильников Южного Приуралья (Аникеева, Крупская, 2012, т. 1, с. 254-257). Метод рентгеновской дифракции показал ряд преимуществ для анализа камня археологических артефактов и музейных экспонатов:

1) объем навески для анализа минимален и составляет 3-5 мг,

2) рентгеноструктурный анализ по методу Ритвельда позволяет рассчитать кристаллохимический состав кристаллических фаз и выявить примеси с содержанием выше 0.5%,

3) анализ результатов позволяет рассчитать количественные и структурные взаимоотношения выявленных минеральных фаз, количество изоморфных примесей в составе изучаемых минералов.

Изучение минерального состава филипповских алебастров показало, что они состоят из магнезиального кальцита. Количество изоморфного магния в составе одного из них достигает 20%, во втором – 40%. Их минералого-кристаллографические характеристики ложатся в поле магнезиальных кальцитов, добывавшихся в древнем Египте в месторождениях Вади Геррави, Хатнубе, Вади-Ассиут (Klemm D., Klemm R., 2001, p. 632).

Рис. 1. Алабастр из могильника Филипповка 2: курган 1 погребение 2

2. Технология изготовления.

Алабастр из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1 (рис. 2, 1) имеет округлое дно, удлиненное тулово мешковидной формы, плавно сужающееся вверх и переходящее в горловину через округлое плечо (рис. 2, 1, табл. 1, 5). Этот переход отчетливый, с нечетким, но прослеживающимся ободком. Горло расширяется вверх конусом и переходит в венчик. Венчик имеет форму плоского диска с ровными округлыми краями (рис. 2, 2). В верхней части тулова симметрично расположены две ручки выступа. Они имеют форму уплощенных полусфер и расположены вертикально на плоском трапециевидном основании с ровными отчетливыми контурами (рис. 2, 3). Так как сосуд был найден раздавленным, то в процессе сборки у меня появилась уникальная возможность увидеть и изучить характерные следы обработки камня как на внешних, так и на его внутренних поверхностях. Поверхности горла и устья выведены вручную, о чем свидетельствуют удлиненные следы инструмента типа долота или стамески. Особенности микрорельефа показывают, что внешняя поверхность тулова выводилась ручной шлифовкой и полировкой. Внутренняя поверхность сосуда выбиралось с помощью механического станка, так как на внутренних поверхностях стенок и дна остались радиальные штриховые следы инструмента, а в центре днища имеется плоское округлое возвышение, фиксирующее крепление станка (рис. 2, 4).

Алабастр из центрального погребения кургана 1 могильника Филипповка 2 (рис. 1, табл. 1, 6) имеет округлое дно, удлиненное тулово с прямыми стенками, плавно сужающееся кверху и через округлое плечо, переходящее в горло. Переход между горлом и туловом отчетливый, но без ободка. Горловина конусовидно расширяется и плавно переходит в венчик. Венчик имеет форму плоского диска, наружные края которого плавно расширяются вниз. В верхней части тулова симметрично расположены две маленькие ручки, имеющие в плане округлую форму плоских полуовалов. Они расположены вертикально на плоском трапециевидном основании,

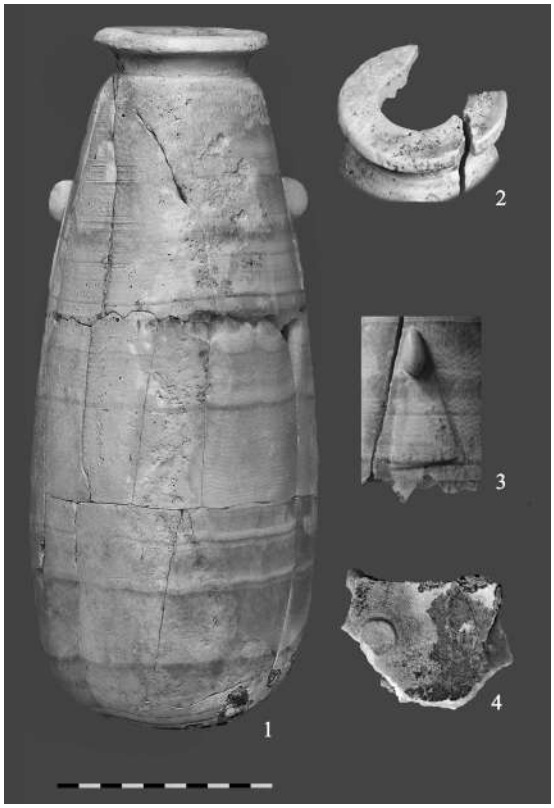


Рис. 2. Алабастр из могильника Филипповка 1: курган 1(останец) погребение 2: 1 – общий вид, 2 – венчик, 3 – одна из ручек, 3 – фрагмент внутренней поверхности дна сосуда

контуры которого прослеживаются неотчетливо. Диаметр венчика слегка уступает среднему диаметру тулова.

Сравнительный анализ. М.Ю. Трейстер проанализировал особенности форм и пропорций четырех алабастров, найденных в раннесарматских погребениях Южного Приуралья ранее (Трейстер, 2012, с. 98-105). С использованием его данных, была составлена таблица 1 для шести алабастров из Южного Приуралья, в которой кроме размеров приведены характеристики формы тулова, горла, венчика, ручек всех шести алабастров, необходимые для корректного сравнительного анализа. Алабастры из Чкаловского (табл. 1, 3) и Прохоровского (табл. 1, 4) могильников резко отличаются от четырех алабастров по всем характеристикам, поэтому в этой работе рассматриваться не будут.

Алабастр из Филипповки 1 (табл. 1, 5, рис. 2) по размерам и форме тулова, форме и технике выведения горловины и ручек соотносится с алабастром из Нового Кумака (табл. 1, 1, Трейстер, 2012, цв. табл. 1.13). Он отличается изящным и меньшим по размерам и пропорциям венчиком в форме плоского диска с ровными краями. Его тулово удлиненное, стенки округлые и в форме тулова отчетливо прослеживается форма мешка.

Алабастр из Ново-Кумакского кургана на основании надписи на его тулове датирован М.Ю. Трейстером первой половиной царствования Артаксеркса I, т.е. 465-445 гг. до н.э. При поисках аналогий этой формы алабастра ученый рассматривал алабастры этой формы, найденные в только погребениях V в. до н.э. в Средиземноморье, Крыму, Персии. Надо отметить, что среди семи аналогий пять происходят с территории Ахеменидского государства (Трейстер, 2012, с.101-102).

Алабастр из Филипповки 2 (рис. 1, табл. 1, 6) по размерам, форме тулова, горла, ручек близок экземпляру из Кырык-Обы-II (Трейстер, 2012, табл. 1.59, рис. 1.46). Их объединяют небольшие размеры, удлиненное тулово с прямыми стенками, расширяющееся вниз, плавные переходы между плечом, горлом и венчиком, значительные размеры дисковидного венчика, края которого скошены вниз, намеченные неотчетливые очертания трапециевидного основания. Различия незначительны и заключаются в том, что ручки филипповского алабастра имеют форму плоских полуовалов, а венчик кырык-обинского алабастра более массивный (соотношение внешнего диаметра венчика и среднего диаметра тулова равно 1) и в контурах венчика прослеживаются очертания шляпки гриба.

Прототип формы алабастра с ушками появляется в Египте в конце Среднего Царства и продолжает использоваться с небольшими вариациями в течении Нового Царства, т.е. 2040-1069 гг. до н.э. (Bissing, 1939, p. 135; Amyx, 1958, p. 214, n. 105; Rooseveld, 2008, pp. 287-289). Далее отмечается лакуна в использовании формы. Вновь алабастры удлиненной формы, с прямыми стенками, ушками и дисковидным венчиком появляются в конце VIII в. до н.э. Они широко распространяются в течении XXVI династии (664-525 гг. до н.э.) в Малой Азии, особенно в Ассирии и на Левантийском побережье. Сосуды изготавливались из камня, стекла, глины и других материалов.

В VII-VI вв. до н.э. форма алабастра распространяется в Восточном Средиземноморье, где отмечается большое видовое разнообразие алабастров, выраженное в различном оформлении ручек и горловины с венчиком. В литературе это явление получило название «восточного феномена» (Bissing, 1939, s. 134, 136 n. 13; Riis, 1956, pp. 29-30 Aston, 1994, pp. 162–163, nos. 218-219; Rooseveld, 2008, p. 288).

Каменные алабастры интересующей нас формы с определенным декором венчика и ручек, сделанные из кальцита (табл. 1, 1, 2, 5, 6, рис. 1 и 2) в Греции, Италии, Палестине, Сирии, Бактрии малочисленны и происходят из погребений V в. до н.э. (Трейстер, 2012, с. 100-103).

Практически одновременно с Египтом во II тыс. до н.э. каменные сосуды, подобные алабастру, появляются в Месопотамии и Раннединастической Шумерской Ассирии и изготавливаются как из «египетского алабастра», так и из местных декоративных пород (Riis, 1956, pp. 29-30, Carter, 1991, p. 213). Для ранних форм характерно округлое в форме мешка тулово с массивными стенками, отсутствие ручек или одна ручка на тулове, слабо выделенное горло и небольшой массивный венчик, часто имеющий форму шляпки гриба. Внешний диаметр венчика, как правило, в несколько раз меньше среднего диаметра тулова, а толщина стенок сосудов достигала 10 мм (Amyx, 1958, p. 215; Payne, 1971, p. 269-270, n. 3; Papuci-Wladyka, 1980, Venit, 1985, p.

188; Neeft, 1993, p. 552). Найденный в Храме Фратадара (близ Персеполя) каменный сосуд имеет форму алабастра и на основании надписи, обозначающей объем сосуда, относится к ново-вавилонскому периоду – 626-538 гг. до н.э. Он сделан из полосчатого доломитизированного мрамора, широко распространенного в Турции и Ираке. Его очертания и пропорции прямо соответствуют ассирийским каменным сосудам, на тулове имеются две массивные шаровидные ручки без основания. Его ассирийское происхождение не вызывает сомнений (Schmidt, 1957, p. 108, Pl. 83, 3).

Исследователи, занимавшиеся типологией алабастров ахеменидского времени из Персеполя, Суз и Халикарнаса, считают, что алабастры с бочковидным туловом (в форме мешка или луковицы), массивными шаровидными или конусовидными ручками, расположенными на треугольном основании или без него, являются среди алабастров с дарственными надписями самыми ранними (Jeppesen et al., 1981, p. 41–42, figs. 37-38; Posener, 1936, p. 146; Schmidt, 1956, p. 86). Очертания тулова наследует форму ассирийских каменных и керамических фляг и бутылей, а выделение формы горла и появление двух ручек свидетельствуют о влиянии египетских традиций. (Newton, 1862-63, p. 203; Riis, 1956, p. 30; Schmidt, 1956, p. 86).

Единое мнение по поводу происхождения алабастров этой формы с египетскими иероглифами и клинописью на древнеперсидском, эламском и вавилонском языках отсутствует. Высказаны предположения, что они могли вырезаться и надписываться в Египте или они изготавливались в Египте, но надписывались в Персии, либо они производились и надписывались в Персии по египетским образцам иностранными (египетскими или ионийскими) ремесленниками (Posener, 1936, p. 134; Schmidt, 1956, p. 88).

Широкое распространение получают каменные алабастры в западной Анатолии в VI – IV вв. до н.э. Ранние экземпляры найдены в Лидии в захоронении царя Алиатта. Всего в элитных погребениях Лидии VI-IV вв. до н.э. найдено 56 алабастров из камня, пять из драгоценных металлов, два из стекла, 13 из глины (Ratte, 1993, p. 1-5).

В западной Анатолии известно 200 алабастров, 150 из них сделаны из «египетского алебастра». Они найдены в 60 погребениях VI-IV вв. до н.э. как во Фригии, так и на побережье от Троада до Лисии. Преобладающее большинство их происходит из курганных захоронений VI-IV вв., единичные экземпляры из Гордиона и Дидима не связаны с использованием в погребальном обряде. Пик их использования приходится на конец VI-V вв. до н.э. (Rooseveld, 2008, p. 291).

Общей формой анатолийских алабастров остается сосуд с округлым дном, удлиненным туловом, округлым или угловатым плечом, цилиндрическим, вывернутым или как песочные часы горлом, горизонтальным дисковидным венчиком и двумя ручками в виде ушек на трапециевидном основании. Они могут отличаться по размерам, степени округлости, нюансам выведения горла и венчика, но, как правило, имеют тонкие стенки с прекрасной финишной обработкой поверхности вручную или с незначительным применением механической обработки (Rooseveld, 2008, p. 289, fig. 18.2).

Таким образом, для египетских алабастров характерны удлиненное тулово с прямыми стенками, слегка сужающееся вверх. В верхней части тулова находятся ручки в форме ушек. Венчик имеет размеры, сравнимые с диаметром тулова,

толщина стенок не превышает 7 мм, в среднем составляет 5-6 мм. Плечо и горло отчетливо выражены (Bissing, 1939, p. 135; Amyx, 1958, p. 214).

Для ранних алабастров из Месопотамии и Шумерской Ассирии характерны массивная мешковатая форма тулова и округлые стенки, толщина которых достигает 10 мм. Венчик имеет форму шляпки гриба и его диаметр уступает среднему диаметру тулова, ручки-полусферы могут находиться на основании или без него или отсутствуют (Jeppesen et al., 1981, p. 41–42; Schmidt, 1956, p. 88)

Каменные алабастры распространяются в западной Анатолии в первой половине I тыс. до н.э. в результате целого ряда политических, торговых и культурных взаимодействий в восточном Средиземноморье. Это «открытие» Египта в конце правления XXVI династии, расширение финикийской (Кипр, Родос) и греческой торговли (возникновение греческой колонии Навкратис на берегах Нила), успешные военные действия Лидии, захватывающей большую часть западной Анатолии, и расширение политических контактов между Египтом, Лидией и Ассирией, завоевание западной Азии ахеменидской Персией.

Вероятно, поэтому в форме анатолийских алабастров причудливо переплетаются и совмещаются как египетские, так и ассирийские технологические приемы изготовления. Среди них встречаются как алабастры с удлиненным, почти цилиндрическим туловом, узким горлом и грибовидным широким венчиком, так и алабастры в мешковидным туловом, которое венчают длинное горло и плоский дисковидный венчик. Из 150 каменных алабастров Западной Анатолии ¾ имеют две ручки на трапециевидном основании (Rooseveld, 2008, p. 292, tabl. 18.1).

4. *Выводы.* Алабастры из Филипповки 2 (табл. 1, 6, рис. 1) и Филипповки 1 (табл. 1, 5, рис. 2) по технологическим приемам выведения тулова, венчика и ручек, безусловно, относятся к анатолийским алабастрам. Техника выведения, размеры и местоположение ручек с основаниями под ними у обоих сосудов идентичны таковым у анатолийских алабастров.

Тулово сосуда из Филипповки 2 наследует форму египетских сосудов, форма венчика выполнена в ассирийских традициях. Как показано выше, он по технологии изготовления практически идентичен алабастру из Кырык-Обы II, который по данным М.Ю. Трейстера можно датировать второй четвертью – серединой V в. до н.э. на основании сравнительного анализа распространения алабастров с близкими характеристиками. Он основывался на том, что алабастры этого варианта в Южной Италии происходят только из комплексов V в. до н.э. Найденные им аналоги в погребениях Греции, Италии, Палестине, Сирии, Бактрии представлены единичными экземплярами алабастров этой формы и датируются также в пределах V в. до н.э. (Трейстер, 2012, с. 101-102).

Однако широкое распространение алабастров этого вида в погребениях западной Анатолии конца VI в. до н.э. – первой половины IV в. до н.э. позволяют предположить вероятность изготовления таких сосудов в анатолийских ремесленных центрах и расширить диапазон производства таких алабастров.

В технологии изготовления второго алабастра из Филипповки 1, пожалуй, более отчетливо проявляются ассирийские традиции: довольно массивное тулово и небольшой венчик с узким горлом, сильно уступающий в размерах среднему

Таблица 1.

Характеристики каменных алабастров из раннесарматских погребений Южного Урала (размеры в см)

№№ п/п	место находки	длина сосуда	диаметр тулова	диаметр горла	наружный диаметр венчика	внутренний диаметр венчика	форма плеча, горла	форма и размеры ручек	форма тулова	форма венчика
1	Новый Кумак, курган разрушен	39	16	8,5	13,5	7	округлое, горло конусовидное, расширяется вверх, с ободком внизу	ушки-полусферы трапеция основания четко выражена	округлое мешковидное, с отчетливым расширением вниз	массивный диск в форме шляпки гриба
2	Кы-рык-Оба II, к 2, п 4	12	4,5	2,7	4,5	2	округлое слабо выражено, горло цилиндрическое с плавными переходами	ушки-полусферы контуры трапеции основания неровные, но отчетливые	удлиненное прямостороннее, расширение вниз слабое	массивное промежуточное между №1 и №6
3	Чкаловский, к 1, п 1	17	4,5	2,5	4	-	угловатое слабо выражено, горло цилиндрическое с ободком внизу	усеченные пирамиды на прямоугольном основании	удлиненное округлое без расширения вниз	отбито
4	Прохоровка к Б, п 3	26	7,5	2,5	4,3	3,5	удлиненное угловатое, горло не выражено	полусферы без основания на тулове	удлиненное прямостороннее, расширение вниз слабое	без горла, край вывернут наружу
5	Филиповка 1 к 1, п 2	31	12	5	7	3,5	округлое, горло конусовидное с четкими переходами, расширяется вверх, внизу ободок намечен	ушки-полусферы, трапеция основания четко выражена	удлиненное мешковидное, с отчетливым расширением вниз	изящное в форме плоского диска с ровным округлым краем
6	Филиповка 2 к 1, п 2	19	5,5	3,6	4,8	3,1	округлое, горло конусовидное, переход в тулово отчетливый без ободка	ушки (плоские полуовалы), контуры трапеции основания намечены	удлиненное прямостороннее, с расширением вниз	в форме плоского диска, наружные края слегка скошены вниз

диаметру тулова. Однако форма венчика плоская, дисковидная с ровными краями, отражает влияние египетской техники изготовления. Внутренняя поверхность тулова выбиралась с помощью механического станка, так как на поверхностях стенок отчетливо прослеживаются радиальные штриховые следы инструмента, а в центре днища имеется плоское округлое возвышение, фиксирующее крепление станка и отчетливые радиальные следы механического высверливания (рис. 2, 4).

Механическая обработка внутренних и внешних стенок каменных сосудов появляется в начале IV в. до н.э. и становится доминирующей техникой обработки к рубежу IV – III вв. до н.э. (Young, 1951, s. 115, 118, 124; Roos, 1974, p. 178). Хотя экземпляры сосудов с ручной обработкой поверхности камня встречаются и продолжают существовать в течение IV в. до н.э. (Roos, 1974, p. 174).

У алабастра из Филипповки 1 только внутренняя полость обработана механически, а на поверхностях горла и венчика читаются следы ручной обработки камня. Это позволяет предположить, что этот алабастр был изготовлен на ранних стадиях введения механической обработки камня и датировать время его изготовления второй четвертью – серединой IV в. до н.э.

Алабастр из Нового Кумака по анализу текста и способу выполнения дарственной надписи датирован М.Ю. Трейстером первой половиной царствования Артаксеркса I, т.е. 465-445 гг. до н.э. (Трейстер, 2012, с. 101-102). Однако, при обсуждении вероятного места его изготовления, нельзя исключить вероятность производства таких статусных предметов в Персии по египетским образцам иностранными (египетскими или ионийскими) ремесленниками (Posener, 1936, p. 134; Schmidt, 1956, p. 88). Об этом свидетельствуют анализ возникновения этой формы, преобладание унаследованных ассирийских нюансов декора алабастра и тот факт, что из семи приведенных М.Ю. Трейстером аналогов ново-кумакского алабастра пять происходят с территории Ахеменидской Персии (Трейстер, 2012, с. 100).

Список литературы

Аникеева О.В. Крупская В.В. Анализ каменного материала двух алабастров из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.). – М.: Таус, 2012. – Т.1. – С.253-261.

Аникеева О.В., Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. Алабастр из мраморного оникса из Прохоровки // Нижневолжский археологический вестник. – 2010. – № 11. – С. 27-52.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 721 с.

Трейстер М.Ю. Алебастровые сосуды из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.) – М.: Таус, 2012. – Т.1. – С. 98-105.

Яблонский Л.Т. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 232. 2014а. – С.3-7.

Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2 (предварительное сообщение) // Всадники Великой степи: традиции и инновации. Труды филиала

Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. IV. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014б – С. 88-94.

Aston, B.G. Ancient Egyptian Stone Vessels. – Heidelberg: Heidelberger Orientverlag. 1994. – 196 p.

Amyx, D.A. The Attic Stelai: Part III. Vases and other containers. – Hesperia 27.3. 1958. – P. 163–254.

Bissing, F.W., Freiherr von. Studien zur ältesten Kultur Italiens. IV. Alabastra. Studi Etruschi. – van den Hout, Theo P.J. 1939. – S. 131-178.

El-Hinnawi E.E., Loukina S.M. A Contribution to the Geochemistry of «Egyptian Alabaster» // Tschermaks mineralogisch und petrographische – Mitteilungen. 1972. – Bd. 17. – P. 215-221.

Jeppesen, K., Hojlund F., Aaris-Sorensen K. The Maussolleion at Halikarnassos, I. The Sacrificial Deposit // Reports of the Danish Archaeological Expedition to Bodrum. Jutland Archaeological Society Publications, XV:1. – Copenhagen. 1981. – PP. 32-51.

Klemm D.D., Klemm R. The building stones of ancient Egypt – a gift of its geology // African Earth Sciences. 2001. V. 33. – P. 631-642.

Neeft, K. Aegina. Aphaia-Tempel, 16. Corinthian alabastra and aryballoi. Archäologische Anzeiger. – Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1993. – S. 543-569.

Newton, C.T. A Distory of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidæ. – London. 1862–63 – 234 p.

Papuci-Wladyka, E. Corinthian alabastra and aryballoi from the Cracow collections // Prace Archeologiczne. Vol. 29. 1980. – P. 39-57.

Payne, H. Necrocorinthia. Reprinted ed. College Park. – Maryland. 1971. – 304 p.

Posener G. La première domination perse en Egypte: recueil d'inscriptions hiéroglyphiques. Bibliothèque d'étude, t. 11. – Le Caire: Institut français d'archéologie orientale. 1936-198 p.

Ratté, C. Lydian contributions to Archaic East Greek architecture. In Les grands ateliers d'architecture dans le monde égéen du VIe siècle av. J.-C.: actes du colloque d'Istanbul, 23–25 mai 1991, Varia Anatolica – Istanbul. 1993. – P. 1-12.

Riis P.J. Sculptured alabastra // Acta Archaeologia. Vol. 27. 1956. – P. 23-3.

Roos, P. The Rock-tombs of Caunos, 2. The Finds. Studies in Mediterranean Archaeology XXXIV:2. – Göteborg. 1974. – P. 163-178.

Rooseveld C.H. Stone Alabastra in Western Anatolia // New Approach to Old Stones:Recent Studies of Ground Stone Artifacts. – London, 2008. – P. 285-297.

Schmidt E.F. Persepolis II. Contents of the treasury and other discoveries. OIP. Vol. LXIX. – Chicago-Illinois, 1957. – 162 p.

Venit, M.S. Two early Corinthian alabastra in Alexandria // Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 7. – P. 183–189

Young R.S. Sepulturae intra urbem // Hesperia 20. 1951. – S. 67–134.

А.А. Бисембаев, А.И. Хаванский, А.Б. Уразова
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Актобе, Казахстан
A.A. Bissembayev, A.I. Khavansky, A.B. Urazova
Institute of Archeology named after. A.H. Margulan
Aktobe, Kazakhstan
abissembaev@mail.ru,
arkaim01@yandex.by, urazova-asel@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕГО ИЛЕКА (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

Работа выполнена при поддержке темы ПЦФ BR05236565«Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

Аннотация. Статья посвящена последним исследованиям памятников ранних кочевников Илекского локального микрорайона Приаральско-Мугалжарского региона, восточной половины Западного Казахстана. Изучению были подвергнуты курганы, подвергшиеся значительному антропогенному воздействию и находившиеся под угрозой разрушения. Природно-географические аспекты Западного Казахстана являются определяющими факторами в распределении памятников раннего железного века, являющихся самыми многочисленными в регионе. Материалы, полученные при исследовании могильника Бисоба – каменные жертвенники, предметы из золота, комплекс вооружения, маркируют принадлежность данной территории в середине I тыс.до н.э. главенствующей группе кочевников, избравшей для проживания максимально комфортную экониш у. Новые материалы позволяют заполнить определенные пробелы в истории населения раннего железного века Западного Казахстана. Ранее проведенные полевые работы на могильниках Шпаки II Кайынбулак II, Кураша I показывают иерархизированность кочевого общества середины I тысячелетия до н.э.

Ключевые слова: сарматы, Западный Казахстан, Илекский локальный микрорайон, Приаральско-Мугалжарский регион, Бисоба, Шпаки, Кураша.

Еліктің орта ағысындағы ерте көшпенділер ескерткіштерің зерттелуі

Түйін. Мақала Арал маңы Мұғалжар өнірінің Елек локалды шағын ауданындағы Батыс Қазақстанның шығыс бөлігіндегі ерте көшпенділердің ескерткіштерінде жүргізілген соңғы зерттеулерге арналған. Зерттеуге антропогендік ықпалға қшырап, жойылып кету қауіпі төнген қорғандар алынды. Батыс Қазақстанның табиғи-географиялық аспектілері осы өнірдегі саны жағынан көп саналатын ерте темір дәуірі есскерткіштерінің орналасу тәртібін анықтайтын факторларға жатады. Бисоба бейітінде жүргізілген зерттеу жұмыстанырың нәтижесінде табылған тас құрбандық бұйымдары, алтыннан жасалған бұйымдар, қару-жарақ кешені секілді материалдар аталған территорияның б.з.д. I мыңж.ортасында көшпенділердің

басымдылық етуші топтарына тиесілі болғандығын бнлгілейді. Жанадан анықталған материалдар ерте темір дәуірінде Батыс Қазақстанды мекен етеен тұрғындардың тарихындағы ақтандақ тұстарды толықтыра түседі. Бұған дейін Шпаки II,Қайынбұлақ II,Құраша I бейіттерінде жүргізілген қазба жұмыстары б.з.д. I мынж. ортасындағы көшпелі қоғамда иерархиялықтың болғандығын көрсетеді.

Түйін сөздер: Сарматтар, Батыс Қазақстан, Елек локалды ықшам ауданы, Арал маңы –Мұғалжар өнірі, Бисоба, Шпаки, Құраша.

Research of monuments of early nomads Average Ilek (some results and prospects)

Annotation. The article is devoted to the latest research of monuments of early nomads of the Ileksky local microdistrict of the Aral-Mugalzhar region, the eastern half of Western Kazakhstan. The mounds undergone significant anthropogenic impact and were under threat of destruction were studied. The natural and geographical aspects of Western Kazakhstan are the determining factors in the distribution of monuments of the early Iron Age, which are the most numerous in the region. The materials obtained in the study of the Bisoba burial ground – stone altars, gold objects, a weapon complex, mark the belonging of this territory in the middle of the 1st millennium BC. the dominant group of nomads, who chose to live the most comfortable ekonishu. New materials allow to fill certain gaps in the history of the population of the early Iron Age of Western Kazakhstan. Earlier field work on the Shpaki II Kaiynbulak II, Kurash I burial grounds show the hierarchism of the nomadic society of the middle of I millennium BC.

Keywords: Sarmatians, Western Kazakhstan, Ilek local microdistrict, Aral-Mugalzhar region, Bisoba, Shpaki, Kurasha.

Начиная с 2015 г. в бассейне среднего Илека проводятся исследования памятников ранних кочевников, подпадающих под категорию «аварийные», в связи с активизацией и расширением хозяйственной деятельности. Данные объекты, зафиксированные разведочными мероприятиями еще в 70-80-х гг. XX в., на сегодняшний день подвергаются ежегодной распашке, теряя первоначальный облик и размеры.

Ранее авторами статьи были введены в оборот объекты, исследовавшиеся в 2015-2017 гг. – могильники Шпаки II, Кайынбулак II, курган Кураша I, с яркими чертами погребального обряда и своеобразным инвентарным комплексом (Бисембаев и др., 2018, с. 102-123; Бисембаев и др., 2018, с. 28-41). Тогда же исследовательским коллективом была подчеркнута особенность Илекского локального микрорайона с многочисленностью и яркостью памятников, объяснимая с позиций природно-географического характера: Илек – магистральный левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану, и, таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Среднее течение проходит по территории Приаральско-Мугалжарского региона, восточной части Западного Казахстана и весьма насыщено право– и левобережными притоками, обеспечивавшими жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов (Бисембаев и др., 2015, с. 180-181). Территория Актюбинской области в географическом аспекте может быть обозначена как «Приаральско-Мугалжарский регион». При значительном территориальном выражении всего Западного Казахстана, последовательной смене крупных природно-географических зон – от лесостепи в долине

Урала до пустынь Северного Приаралья, рассмотретние памятников различных эпох, и наиболее многочисленных в регионе – раннекочевнических, весьма перпективно, исходя из природно-географического районирования.

Природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы (Акишев, 1972, с. 31) – основы экономики номадных обществ. Собственно, у кочевых образований на левом берегу Урала в VI-IV вв. до н.э. сложился крупный племенной союз, консолидирующая группа (элита) которого, избрала местом своего обитания среднее течение магистральной артерии, по обоим берегам наиболее крупного левобережного притока. Иллюстрацией этому служат яркие комплексы Кырык Оба, Лебедевка, Покровка и т.д. Особенность данной ситуации была подмечена К.Ф. Смирновым, еще в период первых исследований в бассейне Илека, и вынесшим географическую локализацию в название монографии (Смирнов, 1975).

При развитии кочевого скотоводства в его локальных и региональных вариантах, важное значение приобретает гидросеть, ее густота, насыщенность и обеспечение потребностей кочевого хозяйства по полному циклу. Важным фактором, напрямую связанным с гидрографическими условиями, и оказывающим самое непосредственное влияние на динамику скотоводческого хозяйства, демографические аспекты (концентрация или дисперсность в локализации кочевых группировок) является объем биомассы растительного покрова. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Приаральско-Мугалжарский регион содержит элементы четырех зон. По берегу Урала незначительно, но присутствует лесостепь. Далее проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь. Аридность и континентальность климата, нарастающие с севера на юг и с запада на восток, являются важными характеристиками, определяющими уровень роста растительности, связанной с кормовой базой численностью разводимого скота, и соответственно, с численностью проживавшего населения. Приспособление человека в сложных условиях привело к созданию максимально эффективной экономики, сообразно окружающей среде, и в конечном итоге, выразилось в увеличении численности населения в середине I тыс. до н.э. Памятники ранних кочевников по территории левобережья Урала численно доминируют над памятниками других эпох, занимая возвышенные территории – гребни водоразделов, вторые надпойменные террасы, платообразные возвышенности, археологические объекты ранних кочевников образуют комплексы памятников от одиночных и парных курганов, до могильников с сотнями насыпей. По исследуемой территории обозначенных микрорайонов присутствуют свои элитарные группы памятников, являвшиеся, соответственно, консолидирующими центрами племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы.

В этом отношении могильник Бисоба, расположенный на полях АО «Родники», севернее одноименного населенного пункта, первоначальными размерами курганов, как раз обозначал мелкую внутрирегиональную, микрорайонную лидирующую группу.

Постоянная, ведущаяся и сегодня регулярная распашка, значительно снивелировала зафиксированные разведкой 70-х гг. размеры и очертания главных курганов. Небольшие по размерам, они совсем потеряли отличительные признаки. В полевом сезоне 2018 года были исследованы три кургана – №№ 3, 8, 9. Могильник, зафиксированный еще в начале XX века С.П. Банновым, расположен севернее пос. Родниковка Мартукского района Актюбинской области, приурочен к правому берегу Илека, в его среднем течении, находясь на обширном плато южнее начала Киялы-Буртя и севернее Терис-Бутака. Объекты могильника раскапывались в 1977 и 1986 гг. (Китов, Мамедов, 2014, с. 14-15), позволив получить первичную на тот момент характеристику памятника.

Курган №8 при диаметре 48 м имел сохранившуюся после многолетней распашки высоту 2 м, что изначально говорит о высокой степени трудозатрат при его возведении, и соответственно, о принадлежности погребенных к элитным группам населения. При исследовании насыпь была снята тремя траншеями с оставлением стратиграфических профилей по линии З–В. В насыпи кургана в западной части были выявлены захоронения костей лошади, но без элементов узды, в юго-восточной части находились кости животных: мелкого и крупного рогатого скота и интересный экземпляр акинака со следами вторичного использования. В северной части кургана кроме костей лошади обнаружены две пары двусоставных двукольчатых железных удил.

Рис. 1. Могильник Бисоба, курган №8, погребение 1. 1 – парное захоронение с южной ориентировкой и котлом №1 в центральной траншее; 2 – одиночное захоронение с копьем и котлом №2 в центральной траншее

В центральной части кургана был сооружен «помост» из дерева и коры, диаметром около 17-18 м, со следами посыпки мелом. На помосте расчищено погребение №1, содержащее останки трех человек, с южным сектором ориентировки (рис. 1, *1-2*), которых сопровождали три деформированных, разных по размеру котла, с ручками, имевшими грибовидные выступы, акинаки, наконечники стрел, зеркало, развалы сосудов, массивный экземпляр наконечника копья, железная портупейная обойма сплакированная листком золотой фольги с зигзагообразным орнаментом, золотое кольцо на мизинце левой руки второго погребенного (рис. 2, *1-3*). Второе погребение находилось под «помостом», юго-западнее центра. Погребение №3 конструктивно отличается, так как имеет западную ориентировку погребенного, выполнено в виде глубокой и значительной по размерам катакомбы (?) с обрушившимся сводом, протянутой по линии З–В, и перпендикулярным по линии С–Ю входом-«дромосом» с входными ступенями. Сопровождающий инвентарь представлен круглым каменным жертвенником с ножками в виде голов волка, наконечниками стрел, крупным плоским бронзовым зеркалом, гадальными камешками, железными стержнями (рис. 3).

Рис. 2. Могильник Бисоба, курган №8, погребение 1-2. Центральная траншея. 1 – бронзовый котел; 2 – железный наконечник копья; 3 – железная поясная обойма с золотой обкладкой

Курган №3, находившийся рядом с самым большим объектом могильника, немного западнее, имел сохранившуюся после распашки высоту около 20 см и диаметр 24 метра. В насыпи находились кости лошади и предметы конской упряжи из железа и бронзы. Центр кургана изрезан норами грызунов, потревоживших погребения, вынеся часть предметов к поверхности могильных ям. Погребения 1 и 3 имели южную ориентировку захороненных, и весьма богатый сопровождающий инвентарь – каменный жертвенник на двух ножках, интересный экземпляр акинака с бабочковидным перекрестием

Рис. 3. Могильник Бисоба, курган №8, погребение 3

и зооморфным навершием, зеркалами, наконечниками стрел и остатками сосудов. Из погребения 1 подняты пять экземпляров оригинальных зооморфных бронзовых подвесок, размерами около 3,5×2,5×1,5 см и представлявшими собой соединение двух фигур животных в двух плоскостях – горизонтальной и вертикальной. С одной стороны – это грифон с головой, повернутой назад и небольшим плоским хвостом. С другой стороны – это черепаха (скорпион, ящерица?). При этом хвост грифона служит ее головой, а голова грифона – согнутым в кольцо хвостом. Идентичные подвески авторам раскопок не известны (рис. 4).

Курган №9, расположенный в юго-восточной части могильника, погребальных ям не содержал, вероятно, представляя собой ритуальное сооружение, что подтверждается сильным, до 15 см толщиной, слоем прокаленной почвы, мешанины из золы и угольков в различных частях этого сооружения, присутствием меловых вкраплений. По внешним параметрам был схож с курганом №3, но несколько выше, до 0,3 м к началу раскопок.

Ориентировки погребенных – запад и юг, инвентарные комплексы, содержащие каменные жертвенники, акинаки, наконечники стрел, бронзовые котлы и предметы конской упряжи, зеркала и лепные сосуды, относящиеся к рубежу VI-V вв. до н.э., пополняют общую базу памятников Илекского локального микрорайона этого времени.

Могильник Бисоба в перечне объектов среднего течения Илека, исследовавшихся в 2015-2017 гг., середины – начала второй половины I тыс. до н.э. занимает важное место. Наиболее близким по локализации и по топографической ситуации – расположение на обширном плато с выходом к руслам пересохших и действующих родников и ручьев, является могильник Шпаки II, на котором апробировались новые подходы в сохранении и сборе информации. На кургане №3, расположенном в центральной части могильника и имевшем сильно распаханную насыпь, диаметром около 22 метров и высотой менее одного метра, без выходов на поверхности камня или дерева, были отработаны подходы фиксации материала и попытка построения трехмерной модели. Для чего последова-

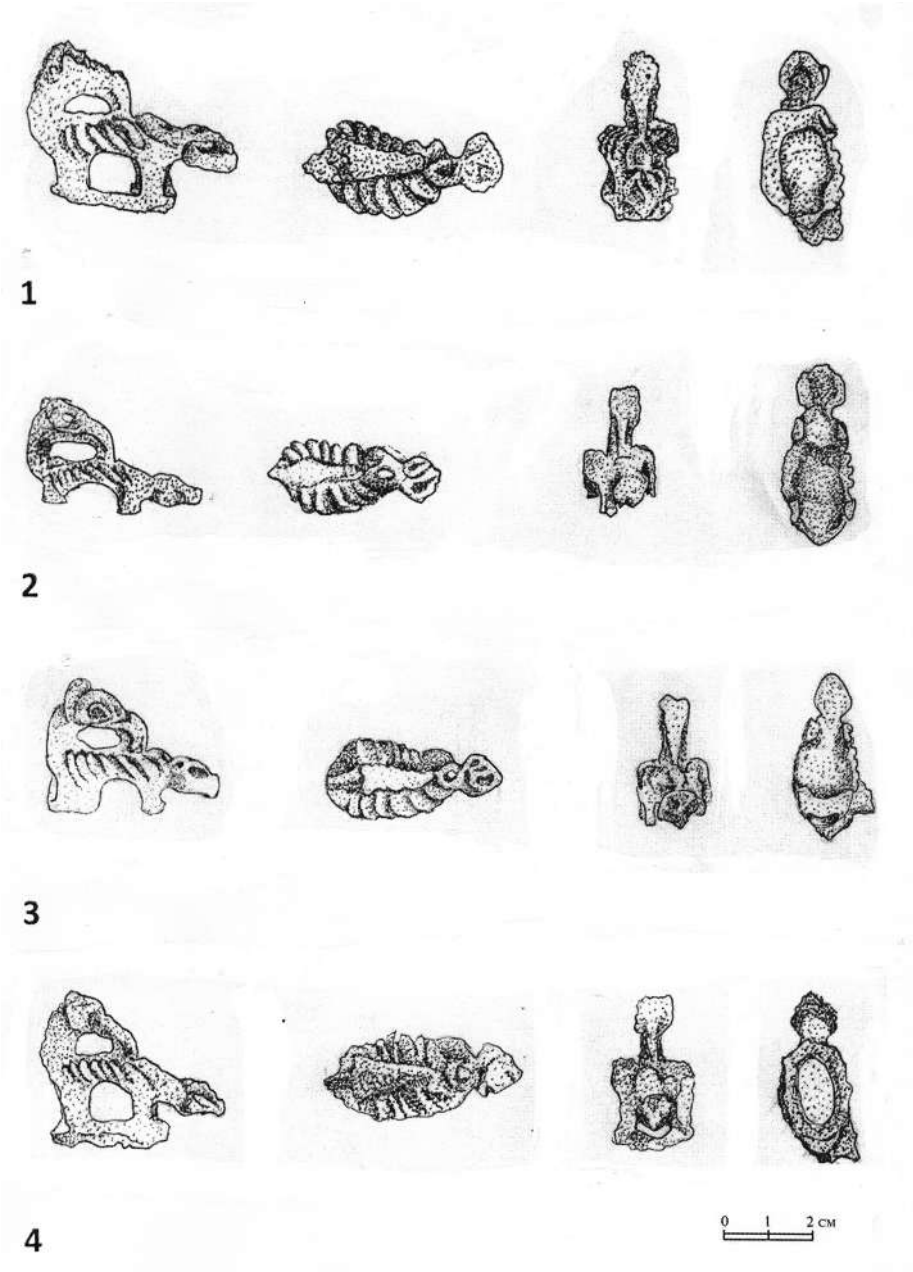


Рис. 4. Могильник Бисоба, курган №3, погребение 1. Бронзовые двухплоскостные зооморфные украшения конской сбруи

тельно был вынесен весь грунт насыпи, включая и бровки, после полного документирования. Фотофиксация велась вкруговую, с одних и тех же точек, после снятия слоев насыпи. С целью сохранения элементов подкурганных конструкций, первоначально по периметру насыпи были заложены радиальные шурфы (Бисембаев и др., 2017, с. 110-112; Дуйсенгали, Бисембаев, Мамедов, 2017, с. 38-43). Курган Кураша I и могильник Кайынбулак II территориально несколько удалены, но, так или иначе, приурочены к бассейну среднего течения Илека (Бисембаев и др. 2016, с. 134-137).

Таким образом, подводя определенные итоги, можно выделить следующее. При большой территориальной выраженности Западного Казахстана, вполне оправдано внутрирегиональное районирование – т.е. локализация и картографирование выявленных памятников ранних кочевников в рассматриваемом регионе позволяет провести предварительное районирование, вычленение группы микрорайонов, привязанных к бассейнам степных рек левобережья Урала. В перспективе направление исследований будет ориентировано на сравнительный анализ между такими крупными микрорайонами восточной части Западного Казахстана как Илекским, Темиро-Эмбенско-Сагизским, Орь-Иргизским и Уило-Кобдинским, в целом обозначаемой как Приаральско-Мугалжарский регион. Общий анализ выявленных объектов, раскопанных памятников, позволяет говорить о выделении на территории обозначенных микрорайонов своих элитарных групп памятников, являвшихся, соответственно, консолидирующими центрами более мелких племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы. Претензии на элитарность выражены в присутствии в исследованных объектах престижных предметов – изделий из драгоценных металлов, импорта, культовых предметов – каменных жертвенников, значительного диапазона предметов вооружения и т.д., а также в масштабах, размерах и усложненных чертах погребального обряда (размеры курганной насыпи, глубина и размеры могильных ям и пр.).

Факторы природно-географического характера, представляющие собой исторический фон, обусловивший, в конечном итоге, расположение, количественный состав и специфику памятников кочевого населения в раннем железном веке. В этой связи появляется возможность внутрирегионального сравнения памятников по локальным микрорайонам, применение как внутренней корреляции, по признакам погребального обряда и основным элементам материальной культуры, так и внешней, связанной со сравнением с памятниками крупных соседних регионов – Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Южного Приаралья, Центрального и Северного Казахстана. Представители Илекской группировки ранних кочевников середины – начала второй половины I тыс. до н.э. являлись консолидирующим ядром племенных объединений восточной части Западного Казахстана – Приаральско-Мугалжарского региона. Изучение памятников данной группы, проводимое авторами в последние годы, позволяет говорить об этом, дальнейшее накопление материала, позволит систематизировать данные и выйти на уровень обобщений.

Список литературы

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: «Наука», 1972. – С. 31-46.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н. Характеристика условий левобережья Урала как экониши кочевого населения второй половины I тыс. до н.э. // Степи Северной Евразии: материалы VII Международного симпозиума / под научной редакцией чл.-корр. РАН А.А. Чибилева. –Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный дом «Димур», 2015. – С. 180-181.

Бисембаев А.А., Бидагулов Н.Т., Амелин В.А., Баиров Н.М., Уразова А.Б. Некоторые итоги исследований в Приаральско-Мугалжарском регионе в 2015 году // Материалы V Международной конференции «Кадырбаевские чтения-2016», 6-7 октября 2016 года. – Актобе, 2016. – С. 134-137.

Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Фоменко А.С. «Попытка применения фотограмметрии в качестве археологического метода фиксации при исследовании памятника ранних кочевников Шпаки II» // Материалы международной научно-методической конференции «XI Оразбаевские чтения» по теме «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран» приуроченной к 95 летию А.М. Оразбаева. Часть I. Алматы: «Қазақ университеті», 2017. – С.110-112.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона // Мир Большого Алтая, № 4 (1) 2018. – С. 102-123.

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Жанузак Р.Ж. Исследование памятников ранних кочевников Приаральско-Мугалжарского региона в 2015-2017 гг. // Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие» Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Алматы-Актобе, 2018. – С. 28-41.

Дуйсенгали М.Н., Бисембаев А.А., Мамедов А.М. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона (предварительное сообщение) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2017.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – 352 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: «Наука», 1975. – 176 с.

Т.С. Далалян
Институт археологии и этнографии НАН РА
Ереван, Армения
T.S. Dalalyan
Institute of Archaeology and Ethnography NAS, RA
Yerevan, Armenia
torqdal@yahoo.com

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ МАССАГЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Массагеты упоминаются в древнегреческих, латинских, византийских, древнеармянских письменных источниках, начиная с 5-го века до н.э. «Отец истории» Геродот считает массагетов скифским племенем и пишет, что «живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Аракс». Известно, что в древности существовало несколько одноименных рек, которые назывались Аракс. Согласно одной из толкований сведений Геродота, в данном случает имелась ввиду современная Сыр-Дарья. Древние авторы в своих произведениях перечисляли несколько массагетских племен, описывали обычаи массагетов и их эпические сказания. В докладе не только рассматриваются эти сообщения, но и затрагивается проблема «до-массагетских» племен на территории Средней Азии и Казахстана. По всей видимости, древнейшие сведения, касающиеся этих племен, относятся к началу первого тысячелетия до н.э.

Ключевые слова: массагеты, саки, кочевники, Томирис, Геродот, асы.

Батыс Қазақстан аймағында массагеттердің таралу мәселесіне. Тарихи-мәдениеттанулық контекст

Түйін. Массагеттер туралы ежелгі грек, латын, византиялық, ежелгі армян жазба деректерінде б.д.д. 5-ші ғасырдан бастап айтылады. «Тарихтың атасы» Геродот массагеттерді скифтердің тайпасына жатқызады және «олар Аракс өзенінің шығыс жағында шығыста өмір сүреді» деп жазды. Көне дәуірде Аракс деп аталатын бірнеше өзен болғаны белгілі. Геродоттың деректері түсіндірмелерінің біріне сәйкес бұл жағдайда қазіргі Сырдария өзені айтылған. Ежелгі дәуір авторлары өз шығармаларында бірнеше массагет тайпаларын атаған, массагеттердің дәстүрлерін және олардың этникалық аңыздарын сипаттаған. Баяндамада бұл хабарламалар ғана қарастырылып қоймай, Орта Азия мен Қазақстандағы «массагеттерге дейінгі» тайпалар мәселесі де қозғалды. Бұл тайпаларға қатысты ежелгі деректер б.д.д. бірінші мыңжылдыққа жатқызылуы мүмкін.

Түйін сөздер: массагеттер, сақтар, көшпенділер, Томирис, Геродот, астар.

On the issue of the distribution of Massagets in the territory of Western Kazakhstan. Historical and cultural context

Annotation. Massagets are mentioned in ancient Greek, Latin, Byzantine, Ancient Armenian written sources, dating back to the 5th century BC. The «father of history» Herodotus considers the Massagets to be a Scythian tribe and writes that «they live in the east towards the rising of the sun across the Araks River». It is known that in ancient times there existed several rivers of the same name, which were called Araks. According to one of the interpretations of the information of Herodotus, in this case it was meant the modern Syr-Darya. The ancient authors in their works listed several Massaget tribes, described the customs of the Massagets and their epic tales. The report not only addresses these messages, but also addresses the issue of «pre-Massaget» tribes in Central Asia and Kazakhstan. Apparently, the most ancient information relating to these tribes, refer to the beginning of the I millennium BC.

Keywords: Massagets, Sakas, Nomads, Tomiris, Herodotus, Aces.

С древнейших времен Кочевники Казахстана и Средней Азии, из-за мобильности и постоянных передвижений, назывались оседлым населением соседних оазисов и земледельческих регионов различными прилагательными, означающими «быстрый», «скороходный» и тд. Так, согласно Авесте – святому писанию зороастрийской веры, в степях Казахстана, на территориях, лежавших севернее [земель] бактрийцев, согдийцев и хорезмийцев, обитали кочевые «туры с быстрыми конями». Примечательно, что этноним асов, о которых пойдет речь чуть позже, также происходит от авестийского слова *āsu*, что означает «быстрый».

Компаративисты-лингвисты установили, что древнейшие части Авесты были созданы именно на рубеже II и I тыс. до н.э. Несколько веков спустя, в древнеперсидских клинописных источниках туры именуются уже саками. В древнеперсидской версии Бехистунской трехъязычной надписи Ахеменидского царя Дария I-го говорится о трех группах саков: саках-парадарайя «заморские саки», саках-хаомаварга «саки, изготавливающие напиток хаому», саках-тиграхауда «саки, носящие остроконечные шапки». В научной и около-научной литературе существует множество версий, имевших целью географически локализовать указанные племена. Согласно одному мнению, районы обитания саков-парадарайя находились в Приаралье, низовьях Сырдарьи и Амударьи.

Этноним *сак* этимологически связывают со скифским корнем *сакха-*, что означает «олень», или же с иранским словом, означающим «могучий муж, отважный человек». Первую этимология обосновывается В.И Абаевым тем, что олень считался тотемным животным скифских племен, среди которых почитание и культ оленя выражались как в материальной, так и в духовной культуре. Так, например, в скифском искусстве «звериного стиля» изображения оленя занимают исключительное место. К тому же, в Нартском эпосе прародительница всех героев-нартов, *Сата́на*, рождается от женщины, имеющей облик оленя, а слово *саг-лаг* означает «удалец». Интересно, что в осетинском сохранилось также слово *сагсур* «быстроногий, лихой», буквально – «нагоняющий оленя», что являлось украшающим эпитетом, родившимся в практике охоты на оленя. В прочем, британский ученый-иранист Г. Бейли производит этноним *сака* от созвучного глагола *сак*– «мочь, иметь силу», который сохранился в авестийском языке.

Хотя древнеперсидские ахеменидские источники саками называют всех скифских племен, в современной науке саки, в более узком смысле, наряду с массагетами, считаются восточной ветвью скифов. В китайских источниках саки называются племенами *сэ*. Древнегреческие источники именуют саков «азиатскими скифами». В отличие от скифов Северного Причерноморья, в материальной культуре саков и массагетов не находим следов эллинского влияния.

Древнеримский автор I в. Плиний Старший писал: «По ту сторону Яксарта (древнее название Сырдарьи – Т.Д.) живут скифские племена. Персы вообще называют их саками… Количество скифских народов бесконечно... Знаменитейшие из них саки, массагеты, даи, исседоны... аримаспы».

Про исседонов и аримаспов античные источники передают скудные сведения, относительно даев – известно, что от этого племени происходил парфянский род Аршакидов, что касается массагетов, то они, пожалуй, являются одним из тех среднеазиатских народов древности, которые создали достаточно сильное царство и смогли нанести поражение даже могущественной ахеменидской армии.

О массагетах Геродот писал, что на значительной части обширной равнины, примыкающей с востока к Каспийскому морю и занимающей необозримое пространство, обитают массагеты, против которых совершил свой последний поход Ахеменидский царь Кир.

В рассказе Геродота, помимо исторических сведений, можно выявить также следы эпических сказаний, которые были распространены, по всей видимости, на древнем Востоке. Эпический образ царицы массагетов Томирис, которая отвергла брачное предложение Кира, и из-за этого начались ожесточенные военные столкновения между персами и массагетами, схож с эпическим образом месопотамской царицы Семирамиды, которая, из-за безответной любви, начала войну против скифского Барзана (согласно Диодору Сицилийскому) или армянского Ара (согласно Мовсесу Хоренаци). Разница эпического сюжета указанных двух традиций состоит в том, что в первом случае, то есть в среднеазиатской версии, инициатором агрессии является мужская сторона, во второй, месопотамской, версии – женская.

Далее, в эпическом рассказе Геродота очевидны параллели с армяно-аланским раннесредневековым эпосом, в частности, с эпическими сказаниями, которые условно называются «Варазман и Сата́на» или «Арташес и Сатиник». Если в кавказской традиции границей между воюющими друг с другом аланской и армянской армиями служит река Кура, то в персидской-среднеазиатской традиции, переданной Геродотом, это – река Аракс (по всей видимости, Сыр-Дарья). В кавказской версии Арташесу удается взять в плен брата царевны Сатиник, наследника аланского престола, в то время как в геродотовской версии Кир берет в плен сына царицы Томирис, Спаргаписа. В кавказской версии, однако, Арташес в итоге освобождает юношу и женится на Сатиник, которая становится первой из его жен. В Геродотовской версии, напротив, сын Томирис погибает, но царица одерживает верх над персами, а самого Кира убивают.

Очевидно, что данное эпическое сказание, переданное Геродотом, отражает также исторические реалии. Как видим, массагеты стали первым народом, остановившим военную экспансию Ахеменидского царя Кира. Согласно Геродоту, «народ этот (т.е. массагеты) считается многочисленным и воинственным, живет на востоке по ту сто-

рону реки Аракс против исседонов… По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов. Они ничего не сеют, питаются домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Аракс. Они пьют молоко. Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой такой, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное». Живут массагеты в повозках, и даже домашняя утварь их приспособлена к кочевой жизни.

Отметим, что армянские средневековые источники, описывая культ и религиозные обряды прикаспийских кочевых племен, приводят схожие с Геродотом сведения. Так, историк 7-го века Мовсес Каланкатуйский подробно пишет о путешествии албанского епископа в северо-западные районы Каспия, в страну хуннов-гуннов, которых он называет □□□ [hon]. Согласно историку, прикаспийские хунны были язычниками, верховным божеством у них считался Тангри-хан, которому приносили в жертву лошадей. Очевидно, что Тангри-хан, как олицетворение божественного неба, напоминает массагетского божество солнца.

Про язык массагетов практически ничего не известно. То, что древние авторы сравнивают их со скифами, еще не означает, что эти народы говорили на одном и том же языке (или даже на родственных языках). Геродот, ничего не говоря о языке массагетов, отмечает лишь, что «по одежде и образу жизни они похожи на скифов. Сражаются они верхом на лошадях и пешие: знают оба способа войны; сражаются луками и копьями; обычно вооружены боевыми секирами. Все предметы у них из золота и меди: всё, что требуется для копий, стрел и секир, изготовляется из меди; головные уборы, пояса и перевязи украшаются золотом. Также из меди делают они грудные панцири для лошадей; напротив, уздечки, удила и фалеры изготовляют из золота. Железа и серебра они вовсе не употребляют, потому что этих металлов нет в их стране, тогда как золото и медь в изобилии».

Данные Геродота подтверждаются археологией: действительно, железный век у кочевников Казахстана наступил на 200-300 лет позже, нежели у причерноморских скифов. Предполагается, что медь могла добываться в горах Кара-Тау на Мангышлаке и в Джезказгане, где имеются древние медные рудники.

Этноним массагетов (греч. *θασσαγετοι*) этимологически связывается с этнонимом *сак*. Окончание *-эт* считаестя лингвистами окончанием, обозначающим множественность, который в данном случае указывал на собирательное значение существительного. Что касается корня *мас-*, то лингвисты придают ему значение «большой»; таким образом слово *массагет*, должно быть, означало «большие саки», т.е. «великие саки». В раннесредневековых армянских источниках с 4-го по 7-ой век массагеты именуются маскутами. Данная форма этнонима имеет прозрачное объяснение через тот же корень *мас* «большой, великий» и скифское слово *sæg*$_w$□*t* или *sægut* «серна, антилопа». Согласно другой этимологии, этническое название *маскут* сближается с тюркским словом *baz*□*q*, что означает «человек плотного сложения и среднего роста», а в осетинском языке то же слово звучит *mæz*□*q* или *m*□*z*□*q* и означает «коренастый, кряжистый, массивный».

Предание о царице Томирис, а также другие сведения, показывают, что в быту массагетов существовали значительные элементы матриархата, в частности пережиточные формы группового брака. Аналогично, в быту саков тоже прослеживается множество

матриархальных элементов, женщины играли видную роль в общественной жизни. Греческий историк Ктесий (около 400 г. до н. э.) пишет, что сакские женщины отважны и разделяют с мужьями тяготы войны. Согласно Диодору Сицилийскому, во время войны с мидянами над саками царила Зарина, которая затеяла бурную культурную деятельность в своей стране, основала множество городов.

На рубеже нашей эры, греческий географ Птолемей среди сарматов упоминает племя асов (по-гречески *'Ασαῖοι*), а Страбон по соседству с тохарами упоминает племя *''Ασιοι*. Как уже было отмечено в начале доклада, этноним *ас* связывают с авестийским корнем *āsu* «быстрый». Асы обитали как на севере, так и на северо-востоке от Каспийского моря, в степях нижнего Поволжья и Приуралья. Иногда они считались восточной ветвью аланов. Последние, после монгольских нашествий, всё чаще выступают под названием *ас*, особенно в арабских и европейских источниках. По сведению восточного автора Ибн Руста (10-ый в.), «аланы делятся на четыре племени. Почет и власть принадлежат племени Дахсас (Рухсас), а царь аланов называется «багаир». В.Ф. Минорский корректирует арабскую букву «д» на «р» (которые по своему графическому образу практически идентичны) и читает данный этноним как Рохсас, эта форма объясняется как «светлые асы». Предполагается также, что название города Астрахань происходит от сложного слова Ас-тархан, где ас – это этноним асов, а тархан – тюркское слово со значением титула привилегированного сословия тюркской знати. Впрочем, данная этимология некоторыми учеными отвергается.

Подводя итоги предварительного исследования можно сказать, что в одном докладе, безусловно, невозможно решить все вопросы, связанные с этнонимами и топонимами региона. Мы попытались лишь дать общий обзор сведений всех древних источников и наметить несколько направлений, по которым могут быть сделаны будущие исследования.

П.К. Дашковский
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
P.K. Dashkovskiy
Altay state University
Barnaul, Russia
dashkovskiy@fpn.asu.ru

ИЗУЧЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ САКОВ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОВЕТСКОЙ НОМАДОЛОГИИ В 1960-1980-е гг.

Работа выполнена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/4.6).

Аннотация. В статье представлен историографический анализ концепций ученых, изучавших в 1960-1980-е гг. мировоззрение саков Казахстана и Средней Азии. Особое внимание уделяется разработкам ученых, базирующихся на интерпретации археологических источников, выступавших основным источником реконструкции особенностей верования и обрядов кочевников скифо-сакского периода. В центре внимания оказались концепции Д.С. Раевского, К.А. Акишева, А.К. Акишева, Е.Е. Кузьминой, Б.А. Литвинского и ряда других ученых. В работе отмечается, что при изучении культуры скифо-сакских племен в 1970-1980-е гг. особое распространение получил структурно-семиотический подход, который был направлен на изучение знаковой информации, отраженной в погребальной обрядности, предметах материальной культуры и искусства номадов. Не меньшее внимание уделено анализу опыта проведения учеными индо-иранских религиозно-мифологических параллелей при изучении мировоззрения саков Казахстана и Средней Азии. В результате отмечается, что методологические и методические основы изучения мировоззрения кочевников Евразии, заложенные в советской исторической науки, получили дальнейшее развитие в последующий период.

Ключевые слова: мировоззрение, кочевниковедение, саки, Казахстан, Средняя Азия.

Қазақстан мен Орта Азия сақтарының дүниетанымының кеңестік номадтануда 1960–1980 жж. зерттелуі

Түйін. Мақалада 1960-1980 жж. Қазақстан мен Орта Азия сақтарының дүниетанымын зерттеген ғалымдардың тұжырымдарының тарихнамалық талдауы ұсынылған. Скиф-сақ кезеңінің көшпенділерінің сенімдері мен ғұрыптарының ерекшеліктерін реконструкциялаудың негізгі дереккөзі болып табылатын археологиялық материалдардың интерпретациясына негізделген ғалымдардың еңбектеріне ерекше көңіл бөлінді. Д.С. Раевскийдің, К.А. Ақышевтың, А.К. Ақышевтың, Е.Е. Кузьминаның, Б.А. Литвинскийдің және бірқатар басқа да ғалымдардың тұжырымдары негізгі назарға алынды. Бұл жұмыста 1970-1980 жж. скиф-сақ тайпаларының мәдениетін зерттеу-

де құрылымдық-семиотикалық әдіс кең таралғандығы айтылады. Бұл бағыт көшпенділердің жерлеу ғұрпында, материалдық мәдениеті мен өнерінің заттарында көрініс тапқан белгілердің ақпаратын зерттеуге бағытталды. Қазақстан мен Орта Азия сақтарының дүниетанымын зерттеуде ғалымдардың үнді-ирандық діни-мифологиялық параллельдер жүргізу тәжірибесін талдауға да аса мән берілді. Нәтижесінде, кеңестік тарих ғылымында негізі салынған Еуразия көшпенділерінің дүниетанымын зерттеудің әдіснамалық және әдістемелік негіздері одан кейінгі кезеңдерде жалғасын тапқандығы атап өтіледі.

Түйін сөздер: дүниетаным, көшпендітану, сақтар, Қазақстан, Орта Азия.

The study of the world view of sakas of Kazakhstan and Central Asia in the soviet nomadology in the 1960-1980 s.

Annotation. The article presents a historiographical analysis of the concepts of scientists who studied the worldview of the Saks of Kazakhstan and Central Asia in the 1960s-1980s. Particular attention is paid to the development of scientists based on the interpretation of archaeological sources, which were the main source of reconstruction of the features of beliefs and rituals of nomads of the Scythian-Saka period. The concepts of D.S. Raevsky, K.A. Akishev, A. K. Akishev, E.E. Kuzmina, B.A. Litvinskiy and a number of other scientists were the focus of attention. The paper notes, in the study of the culture of the scythian-saka tribes in 1970-1980. The structural-semiotic approach, which was aimed at studying the iconic information reflected in the funeral rites, objects of material culture and art of the nomads, was particularly widespread. No less attention is paid to the analysis of the experience of scientists of the Indo-Iranian religious and mythological parallels in the study of the worldview of the saks of Kazakhstan and Central Asia. As a result, it is noted that the methodological and methodical basis for the study of the worldview of the nomads of Eurasia, laid in the Soviet historical science, was further developed in the subsequent period.

Keywords: worldview, nomadologiy, saki, Kazakhstan, Central Asia.

Изучение мировоззрения кочевников Евразии скифо-сакского периода в 1960-1980-е гг. стало одним из заметных направлений развития кочевниковедения в СССР. При этом в 1950-е гг. основное внимание уделялось изучению верований кочевников Алтая скифской эпохи, что было связано с изучением результатов раскопок элитных погребальных комплексов пазырыкской культуры. Начиная с 1960-х гг. в центре внимания ученых оказываются мировоззренческие системы кочевников других регионов, в т.ч. саков Казахстана и Средней Азии. Это связано с тем, что в данный период происходит изучение значительного массива «рядовых» и элитных курганов саков, которые послужили ценнейшим источников для реконструкции не только этнокультурных процессов, но и социально-политической структуры и мировоззрения номадов. Кроме того, в 1960-1980-е гг. обозначилась возможность на новом методологическом уровне проводить исследования не только в рамках парадигмы исторического материализма, историко-этнографического подхода, но и опираясь на структурно-семиотическое направление (Дашковский, 2014а). В этой связи не случайно изучению мировоззрения сакских племен ученые начинают уделять все больше внимания. В данной публикации остановимся на наиболее концептуальных разработках исследователей 1960-1980-х гг., в которых пред-

ставлены особенности религиозных верований и обрядов саков Казахстана и Средней Азии. Именно 1960-1980-е гг. в определенной мере можно считать «золотым веком» развития советского кочевниковедения.

Нужно обратить внимание на то, что сакские племена хорошо известны исследователям еще по античным источникам (Кадырбаев, 1977; Пьянков, 2013; Вайнберг, 1999; и др.), хотя сведений о них в письменных источниках намного меньше, чем о скифах Причерноморья. В этой связи ученые на начальном этапе изучения проблемы вынуждены были во многом опираться на анализ археологических материалов. В данном случае важно отметить, что целенаправленное исследование религиозных традиций саков с опорой, как на письменные, так и на археологические источники предпринял Б.А Литвинский. Результаты его исследований нашли отражение в научных статьях и монографиях (Литвинский, 1972; 1981; 1982; 1991; и др.). Более того, выводы ученого стали использоваться при реконструкции мировоззрения других ираноязычных народов, проживавших на обширных евразийских степных просторах, в том числе в Центральной Азии. В этой связи целесообразно кратко осветить основные выводы кочевниковеда относительно религиозной системы саков.

Опираясь на широкий круг данных по погребальному обряду саков Памира Б.А. Литвинский, при реконструкции религиозных верований кочевников, широко использовал письменные источники, прежде всего, Авесту и Ригведу, а также сведения античных авторов. Кроме того, особое внимание он уделял этнографическим источникам по религиозным традициям народов Средней Азии и Ирана, в которых сохранились ремисценции более ранних иранских воззрений и обрядов. Такой методический поход к изучению религии саков позволил ученому сделать ряд выводов. Прежде всего, Б.А. Литвинский (1972, с. 148-155) поднял вопрос о сущности религии саков и ее соотношении с зороастризмом. Надо отметить, что вопрос о влиянии зороастризма на мировоззрение саков возникал и ранее в отечественной и зарубежной науке, в результате чего сложилось две позиции. Согласно первой зороастризм, несомненно, являлся религией саков (Бернштам, 1952; и др.). Вторая концепция базировалась на положении, что мировоззрение саков, как и савроматов, содержало только элементы зороастризма (Смирнов, 1964, с. 250-253; и др.). Б.А. Литвинский (1972, с. 151) в результате своих многолетних исследований внес существенные уточнения в данную дискуссию. Кочевниковед отметил, что сам зороастризм представлял собой сложную и многослойную религиозную систему, которая к тому же подвергалась изменениям во времени. В этой связи важно учитывать ранний индоиранский пласт, который нашел свое выражение в религиозных традициях древних иранцев, в том числе и в самом зороастризме. Наличие культа солнца, огня, представлений об особой ритуальной роли лошади в мировоззрении саков позволяет, по мнению ученого, говорить о распространении учения Зороастра у части сакских племен.

Аналогичную позицию по данной проблеме высказывал и М.И. Артамонов (1973, с. 38-46). Указывая на находки в Средней Азии и Казахстане жертвенников, светильников и котлов, ученый высказался в поддержку возможного распространения зороастризма у саков. В то же время Б.А. Литвинский, в отличие от М.И. Артамонова и ряда других исследователей, особо обращал внимание на то, что вести речь о «единой сакской религии» вряд ли правомерно. Более оправданным представляется говорить о религиоз-

ных традициях отдельных конфедераций или даже племен номадов, в основе которых, правда лежал один общий мировоззренческий индоиранский пласт (Литвинский, 1972, с. 155). Данный вывод ученого позднее был спроецирован на религиозные системы кочевников Центральной Азии, прежде всего, Тувы и Алтая. В этой связи археологи стали указывать на элементы зороастризма и даже распространение самой религии у носителей саглынской и пазырыкской культур (Грач, 1980; Кубарев, 1991; Боковенко, 1996; Полосьмак, 2001; и др.). Однако, несмотря на типологическое сходство системы мировоззрений саков и кочевников Центральной Азии скифской эпохи, тем не менее, вопрос о степени влияния именно зороастризма на религию последних оставался открытым. В результате в последующий период, исследователи продемонстрировали вывод о том, что применительно к религиозно-мифологическим системам кочевников Центральной Азии более правомерно говорить о влиянии маздаизма в его митраистском варианте, а не зороастризма, хотя в обоих этих традициях есть ряд общих черт, обусловленных одной мировоззренческой основой (Кузнецов, 2001, с. 119; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 279; Дашковский, Культякова, 2007, с. 37; Дашковский, 2014б).

Отдельного внимания заслуживает успешный опыт ученого в реализации сравнительно-типологического и сравнительно-исторического метода в своих религиоведческих исследованиях. Показательным примером в этом отношении служит изучение таких категорий вещей как сакские жертвенники и костюмы т.н. «золотых людей» из могильников Иссык (Казахстан) и Тилля-Тепе (Афганистан) (Литвинский, 1982; 1991). Ученый отметил, что жертвенники (курильницы – *П.Д.*) были связаны с культом огня, широко распространенном у разных народов. В то же время, анализ имеющихся материалов позволил ему установить типологическую близость сакского культа огня с аналогичной практикой и представлениями индоиранцев и индоевропейцев (Литвинский, 1991, с. 84). Примечательно также, что в процессе краткого историографического рассмотрения данной проблемы ученый высказал критические замечания в адрес исследователей, которые пытались связывать сакские жертвенники напрямую с зороастризмом (Литвинский, 1991, с. 69-70). Вероятно, Б.А. Литвинский к началу 1990-х гг. стал склоняться к позиции, согласно которой и в зороастризме и в религиозных традициях саков, есть сходные черты, обусловленные более ранней мировоззренческой основой иранских народов, которая восходит к индоевропейскому пласту.

Несколько ранее, в 1982 г. Б.А. Литвинский рассмотрел мировоззренческий аспект одеяний «золотых людей» из некрополей Иссык и Тилля-Тепе. В своем историко-религиоведческом анализе ученый привлек не только материалы по индоиранским и индоевропейским народам, к числу которых относились сакские и юэчжийские племена, но и гораздо более широкие аналогии. Применение широких исторических и этнографических данных о народах, которые проживали в разные периоды, а также отличались хозяйственно-культурным типом, уровнем социально-экономических отношений и политической организации, было достаточно распространенным явлением в отечественной науке советского периода. Аналогичный подход в изучении мировоззрения древних обществ можно наблюдать и в ряде современных исследований. Подобное направление научных изысканий, несомненно, имеет дискуссионность. В тоже время, такие широкие параллели могут поставить вопрос о мифологических универсалиях – мифологемах (речь идет прежде всего, о научной школе В.Н. Топорова), хотя суще-

ствование последних оспаривается некоторыми современными специалистами (Березкин, 2003). Не останавливаясь подробно на дискуссии относительно универсальности мифологического мышления и мифологемах, отметим, что Б.А. Литвинский, несмотря на приведенные мифологические параллели, тем не менее, акцентировал внимание на индоиранских и индоевропейских пластах в мировоззрении саков и юэйчжей (Литвинский, 1982, с. 68 и др.). Кроме того, ученый частично коснулся в рамках рассматриваемой проблематики взаимосвязи религиозного и социального факторов в истории кочевых народов Евразии скифской эпохи, тем самым, обозначив возможное направление дальнейших изысканий. Более подробно данная проблема будет неоднократно подниматься последующими исследователями, как на указанных материалах, так и на более широкой источниковой основе по кочевым народам Центральной Азии (Акишев А.К., 1984; Лелеков, 1987; Дашковский, 2005; 2007; и др.),

Заметным событием в отечественной скифологии стала публикация искусствоведческой монографии М.И. Артамонова «Сокровища саков» (1973). В данной работе, несмотря на определенный научно-популярный характер, представлена общая характеристика развития искусства кочевых народов Средней и Центральной Азии скифо-сакского периода, которых он справедливо считал ираноязычными. Свою книгу автор начал готовить еще во второй половине 1960-х гг. но публикация ее состоялась только в 1973 г. А.И. Артамонов обратил внимание на культовый характер скифо-сибирского искусства и склонялся к мифологической интерпретации его образов, указывая на то, что трактовка их с точки зрения охотничьей магии не состоятельна. В то же время предметы, выполненные в зверином стиле могли являться не только воплощением космических сил, но и апотропеями-амулетами (Артамонов, 1973, с. 235). Пытаясь продемонстрировать взаимосвязь религиозного и социального факторов развития кочевниковед указывал на то, что появление тенденции к антропоморфизации мифологических сил свидетельствует о сложных социально-политических процессах и начале государственности. При этом им подчеркивается, что социальный фактор постепенно отодвигал культово-магический аспект искусства номадов, делая его в определенной степени бытовым. Однако в полной мере наметившаяся тенденция не была реализована по объективным историческим обстоятельствам (Артамонов, 1973, с. 235).

Следует также особо указать на мнение И.М. Артамонова (1973, с. 221-232) относительно механизма формирования скифо-сибирского звериного стиля, в котором отчетливо прослеживается переднеазиатский (греко-персидский) компонент. Сама эта идея, безусловно, не нова и ранее неоднократно высказывалась С.И. Руденко, С.В. Киселевым и М.П. Грязновым. В то же время А.И. Артамонов акцентировал внимание на переработке многих иноземных образов искусства в кочевой среде. Например, вместо льва у номадов получили распространение образ тигра, волка, а на смену быку приходит изображение лося. При этом именно местная, с точки зрения М.И. Артамонова (1973, с. 235), среда содержала в себе комплекс верований, в котором были сильны еще тотемические мотивы.

Важным этапом в изучении мировоззрения кочевых народов Евразии скифской эпохи явилась научная деятельность выдающегося отечественного скифолога Д.С. Раевского. Сфера его научных интересов касалась, прежде всего, реконструкции мировоззрения скифов Причерноморья и родственных ираноязычных кочевых племен (Ра-

евский, 1977; 1978; 1985; 1988; и др.). В этой связи не случайно одна из первых его крупных работ посвящена характеристике религиозно-мифологических представлений именно скифов и саков, мировоззрение которых имело общую более раннюю индоиранскую основу (Раевский, 1977; 1985).

Важно отметить, что Д.С. Раевский одним из первых отечественных ученых попытался использовать структурно-семиотический подход в мировоззренческих реконструкциях (Дашковский, 2014а). В исследованиях скифолог опирался как на теоретические разработки К. Леви-Стросса), так и на работы отечественных исследователей, занимающихся знаковыми системами. В последнем случае речь идет, прежде всего, о разработках В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, Е.М. Мелетинского и ряда других специалистов по знаковым системам. Учитывались Д.С. Раевским (1985, с. 24) и достижения отечественных психологов, прежде всего, Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, обосновавших теорию исторического развития познавательных процессов. В результате своих теоретических и методических изысканий Д.С Раевский пришел к выводу о возможности рассматривать скифскую мифологию как структурно-семиотическую систему. Анализ такой системы, отраженной в различных источниках, через расшифровку семиотических кодов и знаков позволит реконструировать мифологическую модель мира кочевников (Раевский, 1985, с. 11-32 и др.). При этом исследователь подчеркивал, что в рамках обозначенного подхода каждый предмет несет не только функциональную, но и знаковую нагрузку в контексте всей семиотической системы. В конечном итоге мифология рассматривается как тотальная моделирующая система, которая может проявлять себя в произведениях искусства, материальной культуре, ритуалах, социальных отношениях и т.п. (Раевский, 1985, с. 11-32 и др.). При этом сам ученый преимущественно сосредоточил свое внимание на анализе семиотики скифского звериного стиля.

Отмеченные теоретические принципы Д.С. Раевского будут использоваться значительным кругом специалистов, занимающихся изучением мировоззрения кочевников Евразии эпохи поздней древности и раннего средневековья (Акишев А.К., 1984; Суразаков, 1984; 1987; Кубарев, 1991; Саенко, 1992; 1994; Полосьмак, 2001; Дашковский, 2002; 2011; Тишкин, Дашковский, 2003; Войтов, 1996; Ермоленко, 2008; и др.).

Следует также отметить, что Д.С. Раевский (1977; 1983; 1985) представил не только развернутую мифологическую картину мира скифов Причерноморья, но сделал ряд ценных выводов относительно религиозных воззрений саков Средней Азии. Так, скифолог выделил целый комплекс т. н. схождений в религиозно-мифологических представлениях скифов и саков. Первая группа схождений касалась непосредственно мифологических сюжетов и мотивов. Вторая же группа относилась к сфере реализации космологической модели, которая отражалась в указанных мотивах и социально-политических институтах. К числу сходных мифологических позиций ученый отнес сюжеты, связанные с космологической генеалогией, священными дарами, трехчастным делением общества и мира (Раевский, 1977, с. 123-130). Наличие сходных мифологических мотивов в одних случаях можно объяснить восхождением скифской и сакской мифологий к индоиранской основе, а в других – близостью воззрений самих этих народов (Раевский, 1977, с. 132). Такой вывод ученого позволил обозначить путь дальнейших мировоззренческих исследований, связанный с широким привлечением аналогий по

скифам Причерноморья при изучении религиозных традиций не только саков Средней Азии и Казахстана, но и кочевников, населявших в скифское время просторы Центральной Азии.

Почти одновременно с Д.С. Раевским структурно-семиотический подход стал внедряться в исследования по скифологии Е.Е. Кузьминой (1976-1980; 1983; 1984; 2002). В работах исследовательницы во всей полноте демонстрируется изучение не отдельных представлений или образов искусства кочевников, а всей религии в целом, как определенной знаковой системы. Не случайно, что в одной из первых своих работ по данной проблематике Е.Е. Кузьмина (1976) обратила внимание на то, что при изучении скифского искусства необходимо исходить из «реконструкции всей системы мировоззрения ираноязычных народов». В этой связи, она проанализировала тексты Ригведы и Авесты и выявила особенности символизма, синкретизма, культа предков, магии, дуализма в религиозно-мифологической концепции ираноязычных народов (Кузьмина, 1976). Полученные данные исследовательница постепенно стала использовать при рассмотрении верований и обрядов скифов Причерноморья и саков Средней Азии и Казахстана. Важно отметить, что исследовательница специально затронула сначала в тезисной, а затем в развернутой форме, вопрос о методическом аспекте изучения духовной культуры скифо-сакских племен (Кузьмина, 1980; 1983). В частности, она предлагала опираться, с одной стороны, на разработки структуралистов, а с другой – на достижения отечественной психологии (Д.С. Выгодский, Т. Рибо, Вяч.Вс. Иванов и др.). Именно психология позволяет заключить, что искусство отражает особенности мировосприятия и идеологии (Кузьмина, 1980). Важным методическим приемом является привлечение индоевропейских и индоиранских аналогий при анализе верований и обрядов саков и скифов. Более того, исследовательница предлагала отказаться от тотемического и магического подходов к рассмотрению скифского звериного стиля и акцентировать внимание именно на мифологической его составляющей. При этом привлечение указанных аналогий, по мнению Е.Е. Кузьминой (1983), не должно быть механическим. Оно должно быть основано только на стремлении установить наиболее общие мифологемы, характерные для индоиранских народов в разные периоды. Достаточно успешно такой методический прием был реализован при изучении семантики сцен терзания в искусстве и культа коня у скифо-сакских племен (Кузьмина, 1977а; 1979). Так, сцена терзания животных в сакском искусстве имела истоки в индоиранской традиции и выступала как символ весеннего возрождения, соотносимого с праздником Ноуруз. При этом у среднеазиатских кочевников произошла определенная переработка под влиянием бактрийской традиции самого сюжета терзания, точнее его персонажей. В результате вместо сцены борьбы льва и быка, характерного для древневосточного искусства, стали появляться такие персонажи как тигр, козел, двугорбый верблюд, грифон (Кузьмина, 1979). Аналогичные индоиранские истоки выделяются Е.Е. Кузьминой (1977а, 1977б) и при изучении культа коня у скифо-сакских племен. Исследовательница подчеркивала, что у индоиранских народов конь занимал одно из центральных мест в мифологической картине мира. Он являлся инкарнацией различных божеств, выполнял роль «вестника богов» при инвеституре правителей, выступал жертвенным животным, а также проводником душ умерших. Не случайно реминисценции указанных традиций прослеживаются у скифов и саков, что хорошо подтверждается археологическими ма-

териалами (Кузьмина, 1977а, с. 61-65). Примечательно, что исследовательница неоднократно обращала внимание на то, что значительная роль лошади в мировоззрении древних народов, обусловлена ее особой ролью в хозяйственной деятельности (Кузьмина, 1977б; 1996; 2001). Сделанные Е.Е. Кузьминой выводы и методические наработки позволили в последующем ученым существенно продвинуться уже в изучении искусства и мифологии ираноязычных кочевых народов Центральной Азии.

После первого успешного применения структурно-семиотического подхода Д.С. Раевским и Е.Е. Кузьминой, он стал постепенно использоваться как теоретическая и методическая основа другими исследователями. Так, А.К. и К.А. Акишевы смогли его достаточно успешно применить при изучении мифологии сакских племен, после исследования уникального элитного погребального комплекса Иссык (Акишев К.А., 1978). Именно этой проблематике были посвящены кандидатская диссертация А.К. Акишева и многочисленные работы К.А. Акишева и А.К. Акишева (Акишев К.А., 1978; Акишев А.К., 1975; 1978; 1980; 1984; Акишев К.А., Акишев А.К., 1980; 1981).

В своей монографии «Искусство и мифология саков» А.К. Акишев обобщил накопленный к тому времени им опыт и результаты реконструкции мировоззрения номадов. В этой связи, важно отметить, что ученый рассматривал погребенного человека не только как представителя элитного (царского) рода, но и как жреца. Костюм погребенного человека отражал целый комплекс мифологических представлений, в т.ч. и модель мира. Важно отметить, что вся религиозная система саков трактовалась скифологом как «сакский митраизм» (АкишевА.К., 1984, с. 16-18, 172). С таким заключением кочевниковеда вполне можно согласиться. Неслучайно, другими исследователями отмечается мощный иранский комплекс верований у кочевников Центральной Азии в скифскую эпоху, который связан именно с митраизмом, а не зороастризмом (Кузнецов, 2001; Дашковский, 2011; 2014б; Дашковский, Культякова, 2008; и др.). Именно в контексте иранской, а иногда и шире индоиранской, мифологической традиции и рассматривал А.К. Акишев (1984, с. 28-53) различные образы сакского искусства, ряд из которых носил синкретичный характер.

Важно отметить, что, по мнению археолога, у саков наблюдался процесс сложения культа царя, что было во многом обусловлено консолидацией кочевых племен. Более того, «иссыкский царь» рассматривался как земное воплощение бога Митры, одна из важнейших черт которого заключалась в его солярности (Акишев А.К., 1984, с. 79-89). Правитель саков, по мнению ученого, являлся еще первосвященником, непосредственно вовлеченным в религиозную деятельность. Более того, вождь в силу свой особой сакральности и особенностей мифологического мышления рассматривался как Универсум, поэтому его смерть ознаменовывала крах мира и наступление хаоса (Акишев А.К., 1984, с. 100-102). Позднее изучение сакрализации кочевых правителей скифо-сакского периода, позволит исследователям зафиксировать аналогичные тенденции и в других кочевых обществах Центральной Азии (Дашковский, 2007; Васютин, Дашковский, 2009; и др.). В целом разработки А.К. Акишева по реконструкции религиозно-мифологических представлений саков отличаются обилием вполне корректных историко-религиоведческих параллелей в индоиранской традиции. В то же время ученый понимал гипотетичность многих своих выводов и предположений (Акишев А.К., 1984, с. 173 и др.). Это касается не только реконструкции частных образов искусства и отдельных

представлений, но и в определенной степени идеологизации религии саков. В частности, основные положения работы были подготовлены еще в период марксисткой идеологии, хотя в методологическом отношении работа построена преимущественно в русле структурно-семиотического и историко-религиоведческого подхода. В то же время, в области оценки социальных отношений саков у А.К. Акишева явно просматривается марксистский классовый подход. Аналогичной позиции придерживался и К.А. Акишев, согласно точке зрения которого, находка «Золотого человека», свидетельствовала о том, что можно говорить о сакских царях без кавычек. Он считал, что золотые одежды преследовали политико-пропагандистские цели. Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора указывало не только на посмертное, но и прижизненное обожествление царя-жреца, воплощавшего образ Митры. Курган вождя, как представлял ученый, являлся своеобразным символом единства, центром страны и мира саков. Земные преемники царя «использовали ритуалы погребального обряда как религиозное воздействие на массы с целью идеологически обосновать незыблемость династии сакских царей» (Акишев К.А. , 1978, с. 56-57; 1986, с. 24-25; Акишев К.А., Байпаков, 1979, с. 75–76; Акишев К.А., Акишев А.К., 1981, с. 146). Интересно также отметить, то почти одновременно с монографией А.К. Акишева (1984) была опубликована книга С.С. Бессоновой (1983), посвященная изучению религии скифов Причерноморья. В этой работе как раз был реализован более традиционный подход к реконструкции мировоззрения, основанный преимущественно на традиционных принципах сопоставления письменных и археологических данных.

Исследования духовной культуры скифо-сакских племен в рамках структурно-семиотического подхода и на основе широкого круга индо-иранских религиозно-мифологических параллелей фактически придали новый импульс в развитии мировоззренческого направления номадологии. В то же время, несмотря на значительные позитивные результаты таких исследований, ученые указывают и на некоторые недостатки представленных концепций. Определенной критике подвергся не только структурно-семиотический подход к реконструкции мировоззрения, не позволяющий проследить его динамику, но и методологический принцип индо-иранских аналогий. В последнем случае речь идет о том, что признавая историческую объективность проведения таких параллелей, нужно учитывать, что понятие «индо-иранские аналогии» достаточно широкое как в хронологическом, так и в территориальном отношении. В этой связи в условиях разрушения старых связей и установления новых у древних иранцев и ариев, говорить о «полном ритуальном и идеологическом единстве» можно достаточно условно (Запорожченко, 2007, с.4). В целом же отметим, что благодаря выдающейся плеяде советских ученых, в числе которых был и К.А. Акишев, удалось к концу 1980-х гг. выработать целостную концепцию мировоззрения сакских племен Казахстана и Средней Азии с учетом как отдельных письменных источников, так и интерпретации значительного массива археологических материалов. Заложенные в рассмотренный период принципы мировоззренческих реконструкций в отношении древних обществ в определенной мере продолжают использоваться в кочевниковедении и на современном этапе.

Список литературы

Акишев А.К. Семантика и функция искусства «звериного стиля» саков Семиречья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1975. – С. 57-60.

Акишев А.К. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА. 1978. Вып. 154. – С. 39-48.

Акишев А.К. Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1980. – 19 с.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: «Наука», 1984. – 176 с.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: «Искусство», 1978. – 131 с.

Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика иссыкского головного убора // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980. – С. 14-31.

Акишев К.А., Акишев А.К. Интерпретация иссыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. –М.: «Наука», 1981. – С. 144-153.

Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 160 с.

Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: «Искусство», 1973. – 280 с.

Березкин Ю.Е. Об универсалиях в мифологии // Теория и методология архаики: I. Стратиграфия культуры; II. Что такое архаика: Материалы теоретического семинара. – СПб.: СПГУ. 2003. – С. 24-36.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. – М.; Л.: Наука, 1952. – 207 с. (МИА №26).

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. –Киев: Наукова думка, 1983. – 140 с.

Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: ГЭ, 1996. – С. 39-41.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. – VII в. до н.э. – VIII в. н.э. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 359 с.

Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные концепции). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. – 152 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: «Наука», 1980. – 256 с.

Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: автореф. дис. к.и.н. – Барнаул, 2002а. – 24 с.

Дашковский П.К. К вопросу о формировании мировоззренческого статуса правителей кочевых обществ Евразии в скифо-сакский период // Археология Южной Сибири: идеи, методы открытия. – Красноярск, 2005. – С. 147-149.

Дашковский П.К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия Алтайского государственного университета. Серия история. Барнаул, 2007. № 4. – С. 46-52.

Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 244 с.

Дашковский П.К. Структурализм и археология: теоретико-методологические основы мировоззренческих реконструкций в скифо-сакской номадологии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014а. – Вып. VII. –С. 9-28.

Дашковский П.К. Иранский религиозный комплекс верований в мировоззрении кочевников Сибири и Центральной Азии в скифо-сакский период // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: кол. монография под ред. П.К. Дашковского. –Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2014б. Т. I. Поздняя древность – начало XX в. – С. 11-19.

Дашковский П.К., Культякова Д.В. Влияние иранского религиозного комплекса на мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в скифскую эпоху // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. I. – С. 24-44.

Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. – Томск: ТГПУ, 2008. – 288 с.

Запорожченко А.В. Шаманские реминисценции в духовной культуре индоиранцев. –Новосибирск: НГПУ, 2007. – 194 с.

Кадырбаев М.К. Племенные союзы эпохи раннего железа: 1. Письменные сведения о племенах и их расселении в VII-IV вв. до н.э. // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. – Алма-Ата: «Наука», 1977. Т.1. – С. 187-195.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: «Наука», 1991. – 270 с.

Кузнецов Б.И. Бон и маздаизм. – СПб.: «Евразия», 2001. –224 с.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одой из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: «Наука», 1976. – С. 52-65.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев: Наукова думка, 1977а. – С. 96–119

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: «Наука», 1977б. – С. 28-53.

Кузьмина Е.Е. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 78-73.

Кузьмина Е.Е. Проблема реконструкции идеологических представлений сако-скифов // Идеологические представления древних обществ. – М.: Наука, 1980. – С. 75-79.

Кузьмина Е.Е. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. 1983. №1. – С. 95-106.

Кузьмина Е.Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. 1984. №1. – С. 93-108.

Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. – М.: РИК, 2002. – 288 с.

Лелеков Л.А. О символизации погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 25-31.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские народы и распространение буддизма (II в. до н.э. – III в. н.э., письменные источники и лингвистические данные) // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: «Наука», 1968. – С. 128-135.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: «Наука», 1972. – 269 с.

Литвинский Б.А. Семантика древних верований памирцев // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. – М.: «Наука», 1981. – С. 90-121.

Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (Опыт истолкования в свете истории религии) // СЭ. 1982. №4. – С. 34-43.

Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М.: Наука, 1991. – С.66-87.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2001. – 336 с.

Пьянков И.В. Средняя Азия и евразийская степь в древности. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. – 736 с.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: «Наука», 1977. – 216 с.

Раевский Д.С. Из области скифской космологии (опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой могилы) // ВДИ. 1978. №3. – С. 115-133.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. – М.: «Наука», 1985. – 256 с.

Раевский Д.С. Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии: автореф. дис. … докт. ист. наук. – М., 1988. – 33 с.

Саенко В.Н. Космологический аспект погребального обряда // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992. – С. 159-161.

Саенко В.Н. Скифский курган как семиотическая система // Проблемы скифо-сакской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1994. – С. 164-167.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: «Наука», 1964. – 380 с.

Суразаков А.С. Космогонические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов второй археологической конференции. – Кемерово: КГУ, 1984. – С. 66–69.

Суразаков А.С. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южносибирских и центральноазиатских племен // Проблемы археологии Северной Азии. – Кемерово: КГУ, 1987. – С. 39-41.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.

Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva,
Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
gdzhuma@mail.ru, galiya2002@gmail.com

НАРУШЕННЫЕ ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЖЕТЫСУ: ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КАСПАН-6[1]

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131573.

Аннотация. В статье приводятся данные по кургану раннего железного века Каспан-6 в Жетысу с захоронением женщины. Конструкция кургана позволяет сделать предположение о том, что могильная яма некоторое время стояла открытой и была закрыта после совершения определенных манипуляций с останками умершей. Над могильной ямой было возведено сооружение из плотной глины. В целом погребально-поминальный обряд представлял собой сложный поэтапный цикл. На основе полученных данных поднимается вопрос о постпогребальных действиях на совершенном захоронении. Предполагается, что они имели ритуальный характер. Некоторые параллели погребальной конструкции выявлены в восточной части евразийского пояса степей. Приводятся антропологические данные.

Ключевые слова: курган, погребение, постпогребальные действия, ритуал.

Жетісудағы сақ кезеңінің бұзылған әйел жерлеулері: Қаспан-6 қорымының материалдары бойынша

Түйін. Мақалада Жетісудағы ерте темір дәуірінің әйел адам жерленген Қаспан-6 қорғанының мәліметтері келтіріледі. Қорған құрылысы мола шұңқырының бастапқыда біраз уақыт марқұмның мүрдесіне қатысты нақты бір әрекеттер жүргізілгенге дейін ашық болып, содан кейін жабылды деп болжам жасауға мүмкіндік береді. Жерлеу шұңқырының үстіне тығыз саз балшықтан құрылыс тұрғызылған. Жалпы алғанда жерлеу-аза тұту рәсімі өзіндік күрделі бірнеше сатыдан тұрды. Алынған мәліметтер негізінде жүргізілген жерленеудегі жерлеуден кейінгі әрекеттер мәселесі көтеріледі. Бұлар рәсімдік сипатта болған деген болжам жасауға болады. Жерлеу құрылысына қатысты ұқсастықтар далалық еуразия белдеуінің шығыс бөлігінде анықталған. Антропологиялық мәліметтер келтіріледі.

Түйін сөздер: қорған, жерлеу, жерлеу әрекеттері, рәсім.

[1]Благодарим А.З. Бейсенова за возможность работать на элитных могильниках сакского времени Жетысу, открытых Талдыкурганской экспедицией под его руководством в 2009 г.

Destroyed female burials of the saka period in Jetysu: on the materials of the Caspan-6 burial grounds

Annotation. The article introduces data on the Early Iron Age mound Kaspan-6 in Jetysu with the burial of a woman. The mound construction implies that the bone chamber was open for some time and was closed after certain manipulations with the remains of the deceased. A thick clay structure was erected above the bone chamber. Generally, the commemoration rite was a complex, phased cycle. Based on the obtained data, the question of post-burial acts on the burial is topical. It is assumed that they were of ritual character. Some parallels of the burial structure were revealed in the eastern part of the Eurasian steppe belt. The anthropological data are given.

Keywords: mound, burial, post-burial activities, ritual.

Введение. Сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана на протяжении пяти полевых сезонов исследуются окрестности села Каспан (Кербулакский р-н, Алматинская обл.). В первые годы работы были сконцентрированы на изучении могильника с элитными курганами сакского времени Каспан-6[1]. Раскопки выполнялись международной командой под руководством А.З. Бейсенова. Результаты работ регулярно освещались в публикациях (Бейсенов и др., 2015; 2018; Beisenov et al, 2017; Джумабекова и др., 2017; 2018).

В последние годы археологи стали больше обращать внимание на выявление обрядов некросферы, манипуляций с останками умерших (Яценко, Килуновская, 2016, с. 8). Такой же вопрос – было ли совершено прагматичное ограбление могилы или был совершен определенный ритуал с останками умершего, и в какой период было это совершено – возник и у нас в ходе исследования кургана №4 могильника Каспан-6 в Жетысу.

Специалисты предполагают, что постпогребальные действия с умершими не сводились только к ритуалам очищения и обезвреживания, а также к ограблениям, имели место и другие, более экзотичные (Яценко, Килуновская, 2016, с. 11).

Описание памятника. Участок, на котором расположены цепочки могильников, обозначенные Каспан-1-6, относится к юго-восточной части Жетысу. Могильники образованы параллельными цепочками курганов; вытянуты по линии С-Ю в межгорной долине р. Быжы на правом ее берегу. На поверхности фиксируются, в основном, крупные курганы. Рядовые, видимо, уничтожены в результате активной хозяйственной деятельности.

Цепочку Каспан-6 образуют четыре наиболее крупных кургана. Между ними находятся более мелкие - меньшие по размеру объекты, частично распаханные, которые сложнее увидеть на поверхности. Второй и третий крупные курганы (с юга на север) отклоняются от линии цепочки к западу.

Курган №4 диаметром 39 м, высотой 2,5 м (рис. 1). Западная и северная стороны кургана более пологие. В центре кургана фиксируется затянувшаяся воронка. На вершине кургана под дерном находилась стела, лежавшая горизонтально, вытянуто по линии С-Ю (Джумабекова, Базарбаева, 2017). Она выявлена немного в стороне от самого центра кургана – западнее. Размеры стелы: 83×45 (36) ×22 см.

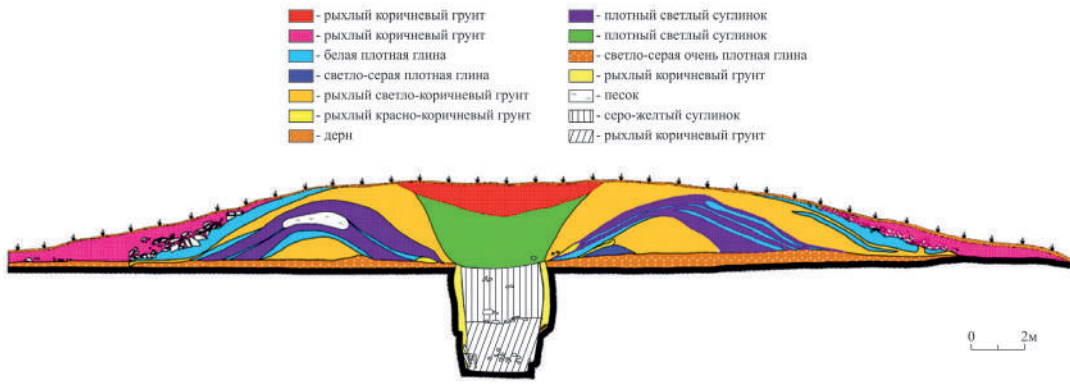


Рис. 1. Каспан-6, курган №4. Разрез

В бровке фиксируется заполнение воронки над могильной ямой в виде рыхлого светло-коричневого грунта. Ниже располагается плотный светлый суглинок. В разрезе кургана по краям могильной ямы – вокруг нее – читается вал. Границы вала обозначены несколькими линзами – тонкими прослойками плотной глины, заполнение вала – рыхлый грунт светло-коричневого цвета.

В бровке прослеживается четыре слоя вала вокруг ямы, возможно, свидетельствующие о том, что вал насыпали в четыре этапа, каждый раз поверхность – склоны вала – уплотняли или укрепляли, что выражается в тонких прослойках очень плотной серо-желтой глины, возможно, заливаемой в жидком (?) состоянии поверх более рыхлой структуры насыпи. Такие линзы, образующие корки глины, достигают местами толщины 6 см. Последний (внешний) слой глиняной заливки (?) фиксируется под камнями крепиды на глубине 0,40–0,45 м, продолжаясь на всю высоту крепиды по склону. У внутреннего склона вала, вокруг краев могильной ямы фиксируется небольшой валик (высотой до 0,2 м) светло-серой плотной глины и поверх него — линза рыхлого красно-коричневого грунта. Возможно, это выкид из могильной ямы.

В стратиграфическом разрезе читается платформа кургана – подготовленная площадка в виде утрамбованной влажной или залитой (?) плотной глины светло-серого цвета, на которой был сооружен сам курган. Под ней фиксируется материк в виде относительно рыхлого желто-серого грунта. Вокруг кургана фиксируется каменное кольцо. Между валом и камнями кольца – рыхлый серо-коричневый грунт. Между внутренним склоном вала и заполнением воронки – также рыхлый грунт серо-коричневого цвета. В процессе раскопок над могилой выявлена полностью вошедшая в широкую двухметровую бровку глиняная конструкция, первоначально, возможно, имевшая вид купола. Его вершина выявлена ниже вершины кургана на 1,1 м.

Диаметр купола достигает 2 м вверху и 3,8×4 м в основании, высотой 2 м. На глубине 1,10 м от вершины выявлена выкладка по центру кургана над могильной ямой. Размеры ее составляют 2×4,5 м. Она ориентирована сторонами по странам света (длинная ось вытянута по линии З-В). Таким образом, вершина купола была укреплена слоем мелких и средних по размеру камней, лежащих в слое плотной, отмученной, стерильной глины, первоначально, возможно, жидкой (?). Ниже выявлен еще слой камней, образующий

компактную выкладку, овальную в плане, ориентированную по линии ВВЮ–ЗЗС. Камни преимущественно среднего и мелкого размеров, фиксируются в один слой, на глубине до 1,5 м. Именно в зоне выкладки фиксируется очень плотный глинистый грунт, светлый, серо-желтого цвета. В слое видны тонкие прослойки глины, очень твердые, отличающиеся по цвету от остальной глины. Прослойки плотной глины, возможно, отражают этапы заливки (?) конструкции – ее сооружения. Вероятно, они образовались, когда жидкая глина отстаивалась, подсыхала.

Более мелкие и также бессистемно камни лежали в подпрямоугольном в плане объекте – яме, примыкающем к могильной яме кургана с южной стороны. В целом глиняный конгломерат над могильной ямой представляет собой очень твердую и плотную глиняную заливку (?) с прослойкой из камней, которые, вероятно, выполняли функцию уплотнителя, и слоем небольших камней на самом верху конструкции. Белые тонкие плотные прослойки в конгломерате, возможно, отражают определенное состояние глиняной заливки – отстаивание, затвердевание. В результате заливки купол получился очень плотным, твердым. Глиняная конструкция стоит на плотном глиняном слое, который маркирует контуры могильной ямы.

Палинологический анализ 65 образцов* [*Анализ выполнялся Нигматовой С.А., к.б.н., д.г.-м.н.] показал, что для разреза кургана №4 характерен достаточно однотипный набор пыльцы и спор, но с разной степенью их концентрации. Палинологический анализ позволяет предположить искусственное создание нескольких слоев кургана различной плотности, а также возможность неоднократного увеличения размеров кургана в течение нескольких месяцев или лет, при его естественном проседании (Джумабекова и др., 2017).

Могильная яма имела заливку (?), которая как бы в застывшем состоянии чуть выступала над– и за пределы могильной ямы, в результате чего образовалось небольшое возвышение вокруг краев ямы.

По выявленной границе ямы зафиксированы четыре границы слоев, несколько различающихся по цвету и плотности, что, возможно, отражает этапы заполнения-заливки ямы или высыхания ее заполнения. Вокруг могильной ямы выявлены два ряда столбовых ямок по уровню ниже платформы кургана. Некоторые ямки сдвоенные. Помимо округлых ямок выявлены подквадратные в плане столбовые ямки. Внешний круг столбовых конструкций образован более крупными ямками. Они, видимо, происходят от опор деревянной конструкции, вбитых в свободное пространство между валом и могильной ямой (рис. 2). Размеры ямы по устью составили 3,75×4,4 м, ориентирована углами по сторонам света.

В южном объекте – небольшой яме с южной стороны основной могильной ямы – камни в устье ямы находились также в плотной однородной глине серо-желтого цвета с четкими границами в виде прямоугольника с закругленными углами, вытянутого в общем по линии З-В. В восточной части линию правильного прямоугольника дополняет изначально более жидкая заливка глины серого цвета. Глина отходит коркой, под которой сохранилась гладкая поверхность высохшей первоначально жидкой глиняной заливки, с трещинами. Прослеживается два слоя затеков высохшей глины. Само заполнение южной ямы образовано супесью. Размеры составили 1,5×2,25 м.

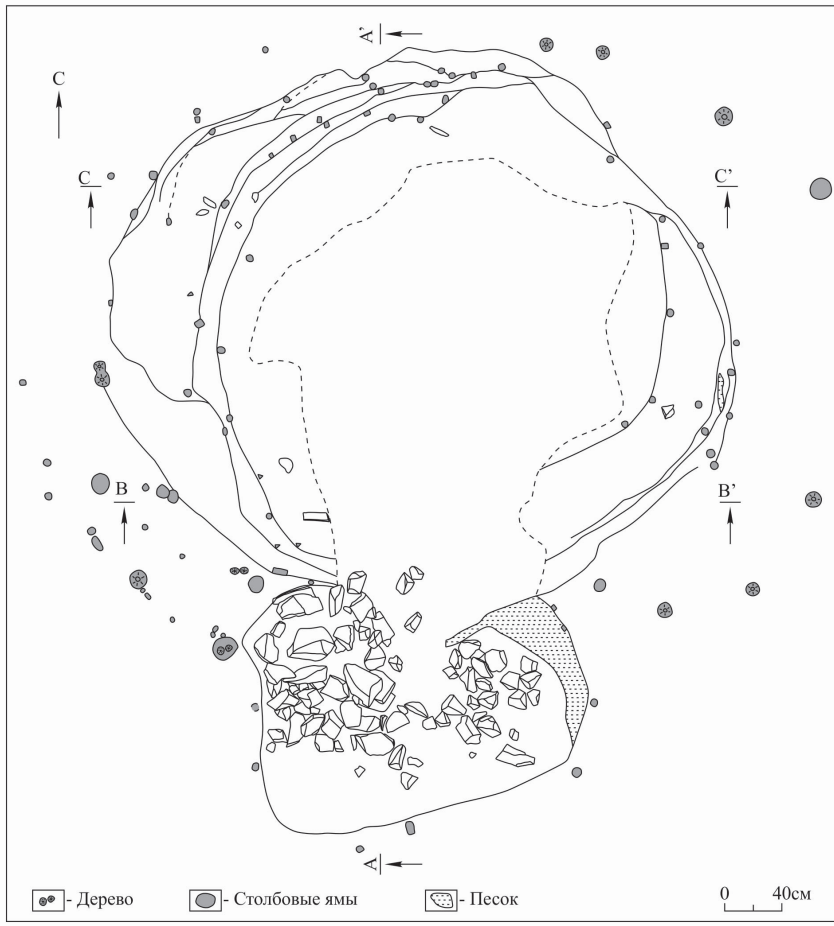


Рис. 2. Каспан-6, курган №4. План погребальной камеры на уровне погребенной поверхности

В заполнении основной могильной ямы обнаружено несколько слоев каменной выкладки или остатков каменной конструкции. Они выявлены на разных глубинах. На глубине от -0,14 до -0,82 м зафиксирована каменная конструкция в виде овала с общим уклоном камней с севера на юг. В основе ее лежат крупные камни в один слой, поверх которых набросаны более мелкие камни. Ниже выкладки в могильной яме зафиксирован слой глины менее плотный, чем заливка, но довольно плотный, однородный, серо-желтого цвета.

По стенкам ямы выявлены вертикальные трещины, куполообразно сужающиеся от дна к устью, по которым проходят стебли растений. Их количество соответствует выявленным в устье ямы границам слоев.

На отметке -0,98 м в южной части у стенки ямы зафиксирован скелет животного – возможно, лисы. На глубине -1,7 м в слое очень плотной глины выявлен еще один слой мелких камней. По стенкам ямы прослеживался слой песка и темно-розового очень

тонкого слоя, около 1-2 мм. Мощность слоя песка увеличивается ко дну по мере «стекания» вниз до 40 см. На глубине -1,7-1,9 м выявлены небольшие камни в слое очень плотной глины, ниже грунт стал более рыхлый. На глубине от -1,83 до -2,49 м в яме выявлено скопление камней, вытянутое по линии З-В, в основном, плиточных.

На глубине от -2,63 до -3,23 м выявлены камни внутримогильной конструкции. В основе ее просматривается ограда из стоящих плит вдоль западной стенки ямы. В восточной части они не фиксируются. Предполагаемая ограда образована горизонтально уложенными плитами средних размеров. Мелкие камни в ряд расположены вдоль восточной стенки ямы. Внутри ограды, в западной половине, находилась конструкция типа ящика, вытянутого по линии СЗ–ЮВ. Сверху и вокруг он был заложен крупными и средними по размеру плитами и затем – мелкими камнями. С юго-восточной стороны стенка ящика не определяется.

На глубине от -2,88 до -3,19 м после удаления мелких камней более четко обозначился каменный ящик: вдоль западной стенки могильной ямы плиты стояли ЗЗС стенки ящика в несколько рядов вертикально. Торцовая ССЗ стенка конструкции образована лежащей узкой пятиугольной плиткой. Одна из плит продольной ССВ стенки стоит вертикально, следующая за ней плита – лежит, возможно, она упала. Торцовой ЮЮВ стенки ящика не сохранилось. В юго-западном углу выявлено семь плит, стоящих в наклонном положении в три ряда плотно друг к другу, по высоте выше уровня пола на 15–20 см, на разной высоте.

В северо-восточном углу ямы зафиксирован слой песка по дну ямы, в ЮЗ, СЗ и ЮВ углах ямы зафиксированы столбовые ямки с остатками дерева диаметром 3-4 см.

Реконструкция этапов создания погребального комплекса. Можно предположить четыре этапа сооружения могильной ямы, судя по ее границам, либо она стояла открытой какое-то время и состояние стен отражает заполнение ее – стеканием грунта. Они выражаются в нескольких уровнях стен (как и читалось сверху по трещинам и различию в плотности и цвету грунта). Стены на поверхности сохранили многочисленные вертикальные стебли растения, которыми, возможно, укрепляли стены ямы, либо стенки зарастали этой растительностью. Трещины по стенам идут с сужением кверху. По дну также фиксируются несколько границ ямы по трещинам и наплывам глины.

Дно могильной ямы определилось по сыпучему серому грунту с щебнем. В придонной части, особенно в западном конце, зафиксировано скопление бронзового (медного) бисера, фрагментов дерева, остатки жердей, в том числе – основание вертикально стоящей жерди в СЗ части могильной ямы. Кости человека разрозненные, в плохом состоянии. In situ, видимо, сохранился лишь фрагмент черепа в восточном конце ямы. Из находок также можно назвать гребень из рога/кости. Яма по дну приобрела подпрямоугольную в плане форму.

Крепида, которой укрепляли склоны насыпи на определенном этапе, идет по полам кургана под дерном по склону насыпи вниз, упираясь в платформу. Общая мощность достигает 0,7 м. Нижняя граница крепиды очень ровная – выражена одной линией по склону насыпи кургана.

На расстоянии около 3 м от края насыпи внутрь выявлено кольцо из камней шириной в среднем 3,5 м. Камни средние и мелкие по размеру. Лежат в один слой по склону

насыпи, реже – в 2-3 слоя (мелкие). Более крупные камни уложены нижним слоем, мелкие – подсыпаны сверху. Высота кладки камней кольца достигает 0,7 м.

С восточной стороны могильной ямы были выявлены стелы. На отметке 0,7 м выше устья ямы была выявлена первая плита, фасом обращенная на СВ. Размеры плиты: 94×133×4-20 см. Стояла на узком торце, треугольная в сечении. По уровню ее вершины выявлена еще плита, лежащая на длинной стороне поперек линии С-Ю, стела, размерами 7-34×118×14-16 см, со следами сколов для придания нужной формы. Ее подпирала небольшая плита, расположенная по линии З-В, вытянуто-ромбовидной формы, один конец заужен, сколот резко углом, на другом – образован скругленный профиль как бы обозначенных, намеченных головы и плеч. Размеры: 137×23-44×13-16 см.

Стелы найдены в упавшем состоянии, с восточной стороны ямы, на внутренней границе вала вокруг могильной ямы. Разница высот между стелами 1 и 3 составляет 0,8 м.

В результате раскопок можно предположить, что курган возводили на предварительно выровненной и утрамбованной или залитой жидкой глиной площадке – платформе. В центре площадки выкопана была могильная яма. На дне и вокруг могильной ямы сохранились столбовые ямки от деревянной конструкции. После совершения захоронения яму также заполняли жидкой или влажной глиной.

Обсуждение материала. В публикации по палеоантропологическим данным погребенных из каспанских курганов указано, что индивид из кургана № 4 мужчина (Бейсенов и др., 2018). Однако, консультация у одного из соавторов данной статьи Е.П. Китова показывает, что в тексте статьи и в сводной таблице пропущено два знака вопроса (??). Определение производилось по широкой, крупной, лобной кости, которая с равной вероятностью может соотноситься и с мужскими и с женскими черепами. Но так как инвентарь представлен бисером и гребнем, погребение с большой степени вероятности, скорее всего, относится к женскому.

По мнению Е.П. Китова, среди черепов сакского круга часто встречаются широколицые индивиды с широкой черепной коробкой, как мужских так и женских скелетов[1]. Усиленные надбровные дуги, которые часто являются мужским признаком, сочетаются с тонкими верхними краями верхней орбиты. Поэтому вероятность ошибки при наличии лишь фрагментированных остатков, как в случае с останками в кургане № 4, резко повышается.

Несколько фактов вызывают вопросы:

– воронка на вершине кургана;

– не выявлена грабительская «дудка»;

– полностью разрушенный (предположительно) каменный ящик либо другое сооружение на дне могильной ямы;

– совершенно потревоженное, нарушенное погребение;

– очень плотная и твердая глиняная конструкция над могильной ямой.

Воронка на вершине кургана, как и на других объектах могильника, свидетельствует об ограблении могилы. Однако, как опыт «общения» с глиняной конструкцией над могильной ямой, так и отсутствие в ней грабительского хода, как и в стенках могильной

[1] Благодарим за устную консультацию палеоантрополога Е.П. Китова.

ямы, позволяет предположить, что грабители, столкнувшись с непробиваемой твердой глиной над могильной ямой, отказались от своего замысла.

То, как разметали ящик на дне могильной ямы вместе с погребенным человеком предполагает наличие свободного пространства для таких действий. То есть могила должна была быть какое-то время открытой. Косвенным аргументом в пользу этого могут выступать столбовые ямки по дну и вокруг могильной ямы, предполагающие некую деревянную конструкцию.

Конструкция и следы постпогребальных действий на каспанском кургане находят параллели в материалах из различных регионов Евразии синхронного круга. Так, курганные комплексы переходного уюкско-алды-бельского типа (VI-V вв. до н.э.) в долине р. Ээрбек, как предполагается, тревожились неоднократно, «первоначально они были разрушены до сооружения курганной насыпи». Курганы могильника Белое Озеро-3 в Уюкской котловине «грабились» до сооружения курганной насыпи и после разрушения были запечатаны слоем глины из озера.

На могильнике Кош-Пей для запечатывания могилы использовалась глина, а в кургане № 3 над могилой был сооружен шатер из жердей (Семенов, Килуновская, 2016, с. 26, 28). Здесь также перед погребением была зачищена поверхность земли до материка, на которой затем был уложен слой глины и разведен огонь, затем была выкопана яма (Семенов, Килуновская, 2016, с. 29-30). На краю ямы реконструируются временные деревянные конструкции. В верхней части ямы кургана № 3 и над ней была выявлена решетчатая конструкция, возможно, это было куполообразное сооружение наподобие юрты, покрытое затем курганной насыпью. Здесь же был выявлен дромос. Грунт, снятый при очистке погребальной площадки, уложили как платформу вокруг валика выброса и частично поверх него, сверху этой земляной «подушки» в кургане № 3 был уложен слой камней. Далее сверху курган досыпали грунтом (Семенов, Килуновская, 2016, с. 31). В курганах № 1 и 2 не выявлен грабительский лаз и предполагается, что обрушение перекрытия сруба произошло в результате истлевания дерева и внутреннее пространство сруба долгое время оставалось пустым.

Важным представляется то, что здесь реконструируется обряд разрушения погребений, погребальная яма запечатывается и сооружается курган после истлевания скелетов, т. е. наземное сооружение было закончено только после «ограбления». Открытые могильные ямы на определенных этапах некросферы ритуала реконструируются для могильника Догээ-Баары-2 (Семенов, Килуновская, 2016, с. 33).

О том, что воронки во многих курганах Горного Алтая, которые подверглись разграблению еще до разложения трупов, не засыпались проживавшими здесь родственниками, высказывает предположение П.И. Шульга (2003, с. 104). Некоторые курганы после ограбления засыпали, что зафиксировано в Туве, на Северо-Западном Алтае, в Сентелеке. П.И. Шульга высказывает предположение о связи этого явления с ликвидацией правящих семей без смены населения, со сменой правящего рода кочевников (2003, с. 105).

Рассматривая различные интерпретации древнего осквернения могил в скифское время, М.А. Очир-Горяева полное разрушение останков погребенных объясняет верой в то, что это «разрушение необходимо для возрождения жизненной силы всего рода, семьи, племени» (2016, с. 126).

С.В. Полин считает, что главными являются все-таки корыстные мотивы ограбления (2018, с. 211). Курганы грабились на протяжении всего периода их существования, но прежде всего – современниками, свидетелями и участниками погребальных церемоний или их ближайших потомков (Полин, 2018, с. 206).

Судя по тому, что кости скелета в кургане № 4 могильника Каспан-6 были совершенно разбросаны, можно сделать вывод о том, что разрушение останков умершего человека происходило после скелетирования трупа, когда хрящи и связки разрушились. Согласно заключению экспертов, средняя продолжительность скелетирования трупа колеблется от 205 до 829 дней (54-1074 дня) в зависимости от месяца начала процесса разложения (в марте-июне месяце полное скелетирование происходит в течение одного года только в 65% случаев) (Марченко, Кононенко, 1991).

На открытом воздухе – как предполагается в нашем случае – в теплое время года уничтожение мягких тканей происходит в течение 2-4 недель. При низких температурах полное скелетирование происходит за 8-10 месяцев (Пашкова, Резников, 1978, с. 272).

Если допустить, что «разграбление» захоронения происходило по истечении этого срока, когда останки хранились незасыпанными, под защитой только деревянной конструкции, а позже возводился сам курган, то это предполагает длительный период погребально-поминальной обрядности. Само устройство надмогильное – из стерильной, хорошо отмученной глины, влажной, с несколькими этапами возведения, вероятно, более реально строить в теплое время года. В условиях Жетысу это возможно в период с апреля по октябрь.

Заключение. Таким образом, можно предположить, что в каспанском кургане № 4 фиксируется специально совершенное разрушение погребального комплекса вскоре после скелетирования умершего и попытку ограбления кургана после его окончательного возведения в более позднее время.

Помимо высказанных предположений о том, что нарушенное погребение является следствием постпогребальных действий ритуального характера на основе зафиксированных элементов погребального комплекса, косвенным подтверждением этому представляются выводы палеоантрополога о скелетах в курганах Каспана-6.

В каспанском кургане № 1 были выявлены кости скелета женщины с перфорационными отверстиями. Датировка кургана № 4 – V в. до н.э., кургана № 1 – VI-V вв. до н.э. (Бейсенов и др., 2018). Следует отметить, что этот памятник также относится к разряду элитных. Авторы публикации отмечают, что подобные манипуляции обычно связаны с погребениями индивидов мужского пола. Поэтому можно предположить высокую роль женщины в определенных обстоятельствах. Вероятно, правы авторы в том, что мумификация могла быть связана с прощальными традициями с умершим представителем правящей элиты, с целью сохранить тело для захоронения в определенное время (Бейсенов и др., 2018, с. 156).

Можно привести ряд примеров с тем, как высокое или особое социальное положение женщины прослеживается по археологическим данным. Приведем один – парное захоронение мужчины и женщины в кургане 9 могильника Берел. Несмотря на потревоженность памятника, удалось зафиксировать, что из сопроводительного вещевого комплекса женщины сохранились золотые серьги, зеркало в чехле на поясе, терочник,

костяной наконечник стрелы, в этот же предметный комплекс входила бронзовая курильница с восемью окатанными камнями и семенами кориандра внутри (Самашев, 2011, с. 69; 133). О статусе женщины может свидетельствовать как культовый атрибут – курильница с символическим содержимым, так и выявленные следы манипуляций с трупом. Трепанация была также отмечена на черепе женского скелета из берелского кургана № 16 (Китов, 2013, с. 238, 240).

Таким образом, материал двух курганов могильника Каспан-6 в Жетысу позволяет ставить вопрос о статусе женщины в раннесакское время и постпогребальных действиях на элитарных захоронениях саков.

Особое значение приобретает реконструкция постпогребальных действий, шире – некросферы ритуала в аспекте анализа статуса женщины в обществе сакского времени. Статус свободной женщины, представительницы высокого социального слоя, являющейся символом жизни, плодородия, отражался в погребениях. В сакральном пространстве кургана в период перехода умершего к иной форме существования (известна отмечаемая многими исследователями семантическая близость смерти и свадьбы, близость ритуалов погребальных и инициации, идея о последующем возрождении) особенно ярко проявлялась роль женщины в обществе.

Список литературы

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринова Е., Крешиоли Л. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 59-70.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Китов Е.П., Кулькова М.А. Исследование сакских курганов в урочище Каспан в Жетысу // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 3 (23). – С. 138-162.

Джумабекова Г.С., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б., Джуманазаров Н.Ш., Базарбаева Г.А. Предварительные итоги археологических исследований бассейна реки Быжы (участок «Каспан», Жетысуский Алатау) // Отан тарихы. 2018. № 3. – С. 43-57.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – Вып. 5. – С. 127-142.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Нигматова С.А. Археологическое и палинологическое изучение курганов могильника Каспан-6 в Жетысу // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – С. 135-143.

Китов Е.П. Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел (новые данные о мумификации?) // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Филиал Института археологии в г. Астана, 2013. – Т. II. - С. 237-241.

Марченко М.И., Кононенко В.И. Практическое руководство по судебной энтомологии / под ред. А.Ф. Рубежанского. – Харьков, 1991. – 69 с.

Очир-Горяева М.А. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. — СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. – С. 113-128.

Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 320 с.

Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. – СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. 2018. – С. 206-215.

Самашев З. Берел. – Алматы: «Таймас», 2011. – 236 с.

Семёнов Вл.А., Килуновская М.Е. «Разрушение», «разграбление», «ритуал» — погребальный обряд в контексте древних культур (по археологическим памятникам Тувы) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. – СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. – Труды ИИМК РАН. Т. 46. – С. 15-36.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с., ил.

Яценко С.А., Килуновская М.Е. Нарушенные погребения: проблемы изучения // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. – СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. – С. 7-14.

Beisenov A.Z., Kreshioli L., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Barinova E. The early iron age burial ground Kaspan-6 in Jetusy // Theory and practice of archaeological researches. – 2017. – № 2 (18). – С. 97-108.

А.С. Жунисханов[1], П. Доумани Дупью[1], А.И. Исин[2], О. Гумирова[3], А.К. Айткали[4], А. Рахимжанова[5]
[1]АОО «Назарбаев Университет»
Астана, Казахстан
[2]Государственный Университет им. Шакарима
Семей, Казахстан
[3]Республиканская детская газета «Дружные ребята»
Алматы, Казахстан
[4]PhD докторант, Акдениз Университет
Анталия, Турция
[5]Фрилансер
Алматы, Казахстан
A.S. Zhuniskhanov[1], P. Dupuy[1], A.I. Isin[2], O. Gumirova[3], A.K. Aitqaly[4], A. Rakhimzhanova[5]
[1]«Nazarbayev University»
Astana, Kazakhstan
[2]Semey State University named after Shakarim
Semey, Kazakhstan
[3]Republican children's newspaper «Friendly guys»
Almaty, Kazakhstan
[4]PhD student, Akdeniz University
Antalya, Turkey
[5]Freelance
Almaty, Kazakhstan
aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz, paula.dupuy@nu.edu.kz, assem51@mail.ru, ru.chey@mail.ru, azza_semsk@mail.ru, anel.rakhimzhanova@nu.edu.kz

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНЫХ МАССИВОВ КОКЕНТАУ И СЕМЕЙТАУ

Аннотация. В статье даны предварительные результаты археологической разведки проведенных на территории горных массивов Кокентау и Семейтау относящиеся г. Семей Восточно Казахстанской области. Административная территория города Семей является одним из слабо изученных районов Казахстана.

В ходе разведывательных работ на предмет наличия археологических памятников были осмотрены территории горы Кокентау и центральная и восточная часть горы Семейтау в результатах которого было зафиксировано нами более пятидесяти археологических памятников разных исторических эпох, начиная от неолита до этнографической современности. Были определены границы некоторых археологических памятников. Был составлен топографический план 4 археологических комплексов. Проведенные исследовательские работы показали большие перспективы для дальнейших исследований в аспекты освоение социумов небольших территории в разные истори-

ческие периоды. Обозначены перспективные памятники для дальнейшего комплексного исследования. Также, в ходе археологической разведки были выявлены факты незаконного металлопоиска и разрушения объектов историко-культурного наследия.

Ключевые слова: археология, этнография, бронзовый век, ранний железный век, средневековья, поселения, курганы.

Көкентау және Семейтау тау алаптарында жүргізілген археологиялық барлау жұмыстарының алғашқы нәтижелері

Түйін. Мақалада Шығыс Қазақстан облысы Семей қаласына қарасты Көкентау және Семейтау тау алаптарында жүргізілген археологиялық барлау жұмыстарының алғашқы нәтижелері берілген. Семей қаласының әкімшілік аумағы археологиялық тұрғыдан Қазақстандағы аз зерттелген аймақтардың бірі. Барлау жұмыстарының барысында археологиялық ескерткіштерді анықтау мақсатында Көкентау тауының барлық бөлігі, Семейтау тауының орталық жәны шығыс бөліктері қарастырылды, нәтижесінде елуден аса түрлі неолит дәуірінен бастап этнографиялық кезеңге дейінгі түрлі тарихи кезеңдерді қамтитын ескерткіштер тіркілді. Кейбір археологиялық ескерткіштердің шекаралы бекітілді. Бес археологиялық кешеннің топографиялық жоспары жасалынды. Жүргізілген зерттеу жұмыстары тарихтың түрлі кезеңдерінде адамдардың шағын аймақты игеру үдерісін зерттеудің өзектілігін көрсетті. Болашақта кешенді зерттеуді талап ететін ескерткіштер анықталды. Сондай-ақ, археологиялық барлау жұмыстары барысында заңсыз металіздегіштер арқылы тарихи-мәдени мұра ескерткіштерінің бұзылу фактілері тіркелді.

Түйін сөздер: археология, этнография, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, ортағасыр, қоныстар, обалар.

Preliminary results of archaeological exploration in the Kokentau and Semeytau Mountains

Annotation. The article provides preliminary results of archaeological exploration carried out on the territory of the Kokentau and Semeytau mountains relating to the city of Semey in the East Kazakhstan region. The administrative territory of the city of Semey is one of the poorly studied regions of Kazakhstan. During reconnaissance work, the territories of Mount Kokentau and the central and eastern parts of Semeytau were examined for the presence of archaeological monuments. As a result, we identified more than fifty archaeological monuments from different historical eras, ranging from at least the Neolithic into ethnographic period. A topographic plan was drawn up for 5 archaeological sites. The conducted research has shown great prospects for further research in the aspects of the development of societies of small territories in different historical periods, and on the connections these societies maintained with neighboring groups during different eras of prehistory through trade, ritual traditions, human mobility, and technological transmission. Finally, it is important to note that during the archaeological survey, facts of destruction of objects of historical and cultural heritage were revealed.We aim to protect this region for future generations by leading scientific and careful archaeological research and excavations at select sites.

Keywords: archeology, ethnography, bronze age, early iron age, middle ages, settlements, barrows.

В полевом сезоне 2018 г. в рамках проекта КН МОН РК «Инвестиционный потенциал сакральной географии Казахстана: космический мониторинг, IT технологии и историко-культурный анализ в создании электронного атласа республики» специалисты Назарбаев Университета совместно с коллегами из Семейского университета им. Шакарима проводили археологические разведочные работы в горных массивах Кокентау и Семейтау, административно относящихся к г. Семей.

Горные массивы Кокентау и Семейтау издревле являются чрезвычайно благоприятными для жизни человека территориями. Широкие долины с хорошим почвами, круглогодичные пастбища с разнообразной растительностью, многочисленные месторождения полезных ископаемых привлекали к себе человека, появившегося здесь в послеледниковый период.

Первые письменные свидетельства об археологических памятниках горных массивов Кокентау и Семейтау связаны с именем Н.Я. Коншина. В своей статье «О памятниках старины Семипалатинской области» он пишет: «Семипалатинская область в археологическом отношении изучена крайне мало, что, конечно, объясняется главным образом отдаленностью края от культурных центров. Чтобы содействовать такому изучению, Семипалатинский Областной Стат. Комитет в 1900 г. осуществил собрание археологических сведений и разослал, помимо некоторых частных лиц, всем управителям казахских волостей, атаманам казачьих станиц и сельским старшинам области» (Коншин, 1903, с. 1). В этой статье он приводит данные о надписях на скалах в горах Коконь в Кокеньской волости и о курганах в Семейтауской волости на урочище Карамолла (Коншин, 1903, с. 4-5). Эта же информация дублируется в книге «Археологическая карта Казахстана», (Археологическая карта Казахстана, 1960), изданной в 1960 г. для служебного пользования.

Первые археологические работы были произведены в 2014-2015 гг. сотрудниками Семейского отряда Восточно-Казахстанской археологической экспедиции Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в рамках грантовой программы «Древности Восточного Казахстана: культурно-исторические процессы в гунно-сарматскую эпоху». Были осуществлены раскопки могильника Каратобе (Айткали и др. 2014). Всего было раскопано пять каменных курганов эпохи ранних кочевников (Айткали и др., 2014). Все раскопанные курганы, к удивлению, оказались не разграбленными. Таким образом, впервые для этого региона был выявлен уникальный материал гунно-сарматского времени, среди материалов особенно ценными оказались предметы инвентаря, состоящие из золота и драгоценных камней. Краеведами были частично зафиксированы петроглифы в горах Кокентау (Илиуф, 2012).

В 2017 году сотрудниками Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана и Центра исторических исследований им. М. Козыбаева Университета Шакарим г. Семей были раскопаны оградки бронзового века (Айткали и др., 2017). Стоит отметить, что это первые раскопки памятников эпохи бронзы в этой местности. В результате работ найдены бронзовые серьги, обтянутые листовым золотом, а также обломки керамических сосудов (Dupuy P., 2018). Первичные результаты исследования археологических памятников Кокентауского массива дали весьма интересные в научном плане материалы. Было установлено, что наземные конструкции исследованных курганов идентичны усуньским курганам Жетысу, а погребальный обряд показал схожесть с курганами Ку-

лажоргинского типа. Изотопный анализ костных останков показал, что в рационе питания древних кочевников горного массива Кокентау имелись растительные добавки в виде проса (Ananyevskaya, 2018). Также в одном из курганов найдены семена, которые на данный момент изучаются специалистами Национального центра биотехнологии (Астана).

Несмотря на длительную историю изучения Восточного Казахстана административная территория города Семей, куда входят горные массивы Кокентау и Семейтау, является с археологической точки зрения одной из слабо исследованных территорий. Вместе с тем на сегодняшний день в этой части региона известно значительное количество погребальных, поминальных и других комплексов, а также местонахождений предметов и наскальных изображений, относящихся к различным историческим периодам от каменного века до этнографической современности.

Методика проведения работ

Научно исследовательские работы проводились в два этапа. Первый этап – историко-библиографические исследования, изучение документов и материалов. С целью определения типов археологических памятников, характерных для данной местности, а также для получения общей картины расположения объектов археологического наследия в зоне исследуемого участка, были изучены архивные, библиографические материалы.

В результате историко-библиографических исследований было установлено, что на исследуемой территории находятся следующие археологические объекты:

1. Петроглифы в урочище Кокентау (Коншин Н. Я. О памятниках старины в Семипалатинской области);

2. Могильник эпохи бронзы Кокен (Айткали А.К. и др. Новые памятники эпохи бронзы горного массива Кокентау);

2. Курганный могильник Карамолла в Семейтауском горном массиве (Коншин Н. Я. О памятниках старины в Семипалатинской области);

3. Курганный могильник Каратобе (Айткали А и др. Айткали А. К., Жунисханов А. С., Каирмагамбетов А. М., Ахметов М. Г., Рахманкулов Е. Ж. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микро археологическом районе Кокентау в 2014 году);

4. Курганный могильник Семейтау (Айткали А. И др. Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау);

5. Курганный могильник Суыкбулак (Айткали А. И др. Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау);

Исходя из полученной в ходе историко-библиографических исследований информации, было сделано предположение, что на участке обследования могут находиться неизвестные ранее археологические памятники.

В результате предварительного изучения документов и материалов, а также иных картографических материалов: Топографические карты генштаба, полученные с сайта Loadmap.net (Масштаб 1:200000), Карты Google (Google Maps, Google Earth), SAS. Планета, были заранее намечены наиболее перспективные участки данных регионов.

Второй этап – полевые работы. Была сформирована мобильная группа специалистов, снабженная автомашиной повышенной проходимости и необходимым оборудова-

нием: электронный тахеометр Leica, цифровой фотоаппарат, GPS-навигатор, рулетки, шанцевый инструмент, чертежные принадлежности и т.д.). До обследуемого участка группа добиралась на автомобиле. Затем был произведен визуальный осмотр участка и определение его координат с помощью систем глобального геопозиционирования GPS. Участок был осмотрен с целью поиска подъемного археологического материала, поиска выходов культурного слоя, а также обнаружения характерных особенностей микрорельефа, сопутствующих памятникам археологии (курганные насыпи, рвы, западины от сооружений). Соседние с обследуемым участком территории также осматривались и изучались для поиска археологических артефактов.

Для выявления культурного слоя в поселениях бронзового века были заложены шурфы. Шурфы закладывались в наиболее перспективных участках, где было найдено многочисленное количество фрагментов керамики бронзового века и эпохи ранних кочевников. Шурфование проводилась в строго по археологической методике.

В процессе полевых работ велась вся необходимая полевая документация. Определение географических координат осуществлялось с помощью GPS-навигатора Garmin. Подробная фотофиксация всего процесса и результатов работ проводилась на цифровые фотоаппараты. Также нами были сняты топографические планы пяти археологических комплексов.

Археологическое обследование территории

В ходе полевых археологических изысканий было выполнено обследование территории горного массива Кокентау и Семейтау, расположенных в юго-западном направлении от города Семей на территории Знаменского сельского округа.

В ходе археологической разведки был полностью обследован горный массив Кокентау. Кокентау – гора, представляющая собой естественное обнажение гранитоидов, которая тянется с северо-запада на юго-восток на 15 км, и в ширину достигает 10 км. Северный склон горы ущелистый, состоит из рыхлых отложений. Южный склон – покатый. В щебнистом красновато-буром грунте растут ковыль, полынь, а в ложбинах – караганник, шиповник и другая растительность. Ландшафтные характеристики говорят о том, что район великолепно подходит для пастбищных угодий.

Горный массив Семейтау был обследован частично, основные работы велись в центральной, восточной и юго-восточной частях горного массива. Горный массив размещается в одной из самых крайних точек восточной части Казахского мелкосопочника, в 40 км к юго-западу от г. Семей. Гора протяженностью 45 км дугообразно тянется с северо-запада на юг, самая высокая точка – Каракус – 606 м. Семейтау является водоразделом малых рек Чаган, Мырзабек, Мукыр. С запада расположено несколько соленых озер: Каратастуз, Балыктыкол, Шуга. Условия в данной местности благоприятны для занятия скотоводством.

Описание памятников Кокентауского горного массива.

1. Могильник Исахан. Эпоха раннего железа.

Находится в 2 км к юго-востоку от зимовки Исахан, на левом берегу реки Босага. Насчитано 3 грунтовых кургана, средний диаметр которых без вала – 18 метров, а с валом – 34 м. Также рядом находятся развалины с. Надеждовка, где по рассказам местных жителей жили работники, которые добывали уран.

2. Могильник Босага. Эпоха раннего железа.

Находится в 2,5 км к юго-западу от зимовки Босага, на левом берегу реки Босага. Насчитано 10 каменных курганов, расположенных по направлению Восток-Запад. Диаметр курганов варьируется от 10 м до 25 м.

3. Могильник Сарша Эпоха раннего железа.

Находится в 2,5 км к северу от зимовки Сарша, на левом берегу реки Босага. Насчитано 10 каменных курганов, расположенных по направлению Север-Юг. Диаметр курганов варьируется от 18 м до 45 м.

4. Поселение и могильник Кызылкия. Разновременный памятник (от эпохи бронзы до этнографической современности).

Находится в 600 м к востоку от зимовки Кызылкия. На территории памятника насчитано 27 жилищных впадин с остатками фундамента из камней, в том числе «многокамерное» жилище. Также нами севернее от поселения были зафиксированы курганы эпохи бронзы и раннего железного века, а также различные культовые сооружения в виде пяти– и восьмиконечников.

5. Древнетюркская оградка Ушайыр. Средневековье.

Объект расположен в 0,7 км к югу от зимовки Кокен. Объект неоднократно был потревожен, в середине оградки имеется глубокая воронка. С восточной части к ней примыкают два каменных изваяния. Одно изваяние из красного гранита, на нем изображены только очертания лица и линия подбородка, отделяющая голову от монолита. Второе изваяние поменьше и выполнено из гранита более светлого оттенка, где отчетливо выделена форма головы, высечены очертания лица.

6. Поселение и могильник Кокен Разновременный памятник (от неолита до этнографической современности).

Находится в центральной части зимовки Кокен. На территории памятника насчитывается многочисленное количество жилищных впадин с остатками фундамента из камней, в том числе «многокамерное» жилище. Также нами зафиксированы курганы эпохи бронзы и раннего железного века. Был заложен шурф, где найдены фрагменты керамики бронзового и раннего железного века. По всей территории памятника встречается нуклеусы и отщепы. Возле одного из жилищ найдены следы древней мастерской, где изготавливались орудия труда.

7. Древнетюркский поминальный комплекс Кокен. Древнетюркское время.

Находится в центральной части зимовки Кокен. Комплекс представляет собой прямоугольное сооружения, имеются ров и вал с наружной стороны. С восточной стороны комплекса стоит одиночный каменный курган. Размеры: 47×45 м.

8. Поселение и могильник Каратобе (Память Ленина) Разновременный памятник (от неолита до этнографической современности).

Находится в 1 км к югу от зимовки Память Ленина (исконное название Каратобе). На территории памятника насчитывается многочисленное количество жилищных впадин с остатками фундамента из камней, в том числе «многокамерное» жилище. Также нами зафиксированы курганы эпохи бронзы, раннего железного века и казахские могилы. По всей территории памятника встречаются нуклеусы и отщепы. Возле одного из жилищ найдены следы древней камнерезной мастерской, где изготавливались каменные плиты для погребальных камер эпохи бронзы.

9. Могильник Қандар сайы (Репинка). Эпоха раннего железа.

Находится в 0,6 км от зимовки Репинка (исконное название Қандар сайы). Состоит из двух параллельных цепочек, каждая из которых имеет по 3 и 4 кургана, сложенных из камней. Курганы ориентированы по направлению СВ-ЮЗ. Диаметр варьируется от 7 м до 10 м. Также в этом могильнике нами были зафиксированы культовые сооружения в виде восьмиконечников.

Описание памятников Семейтауского горного массива.

10. Могильник Тасбулак. Эпоха бронзы и раннего железа.

Находится в 2 км к югу от села Щербакова (Қыземшек) на 50 км трассы Семей-Кайнар. Могильник состоит из разновременных курганов эпохи бронзы и железа. Также в этом могильнике нами были зафиксированы полудрагоценные камни – агат, которые имели следы обработки. Возможно здесь функционировала мастерская по выработке агата.

11. Могильник Қыземшек. Эпоха бронзы.

Находится на СВ окраине аула Щербаковка на 49 км. трассы Семей-Кайнар. Могильник состоит из каменных плит (Рис. В. 9), часть которых была разрушена при строительстве автодороги Семей-Қайнар. По рассказам местных жителей, при строительных работах находили наконечники стрел.

12. Могильник Карабие. Эпоха раннего железа.

Находится в 2,16 км южнее от зимовки Карабие. Могильник состоит из 4 каменных курганов, один из которых – курган с «усами». Курганы ориентированы по направлению В-З. Курган с «усами» находится на восточной периферии могильника. Диаметр основной насыпи равен 15 м, расположенная с восточной стороны малая насыпь имеет диаметр 6 м. От нее отходят «усы». Длина около 50 м.

13. Могильник Сарыбулак. Эпоха раннего железа.

Находится в 3,31 км к востоку от зимовки Сарыбулак. На левом берегу речки Сарыбулак. Состоит из 31 кургана, расположенных тремя группами.

Группа I. Состоит из двух курганов, ориентированных по направлению С-Ю, один из которых – курган с «усами». Диаметр основной насыпи – 10 м, расположенная с восточной стороны малая насыпь имеет диаметр 6 м, от которой отходят «усы». Длина «усов» около 34 м.

Группа II. Состоит из 13 курганов, ориентированных по направлению СВ-ЮГ. Диаметры курганов варьируется от 6 до 10 м.

Группа III. Состоит из одного центрального кургана из больших жертвенных камней с западной стороны и цепочки из 17 грунтовых курганов, расположенных с СЗ стороны, растянутых по линии Север-Юг. Основной курган представляет собой каменную насыпь округлой формы, диаметром 33 м и высотой 3 м. В центре имеется воронка. По словам членов краеведческого общества «Прииртышье» в воронке ими была найдена бронзовая подпружная пряжка кимакского времени. Диаметры грунтовых курганов (спутники) варьируются от 5 м до 10 м.

14. Могильник Шеткызыл. Эпоха раннего железа.

Находится в 0,27 км к северо-востоку от зимовки Шеткызыл. Состоит из 18 курганов, расположенных тремя группами.

Группа I. Состоит из 5 курганов, ориентированных по направлению Север-Юг. Диаметры курганов варьируется от 6 до 10 м.

Группа II. Состоит из 5 курганов, ориентированных по направлению СВ-ЮГ. Диаметры курганов варьируется от 10 до 6 м.

Остальные курганы разбросаны по всему могильному полю бессистемно.

15. Поселение Мойылды. Эпоха бронзы.

Находится в 0,5 км юго-западу от жайлау Мойылды. Зафиксированы жилищные западины землянок и фундаменты домов этнографического времени. Среди подъемного материала можно указать на яшму, которая имела следы обработки.

16. Могильник Бестобе. Эпоха раннего железа.

Находится в 3 км от зимовки Суыкбулак. К западу от могильника проходит грейдер «Семей-Суздаль». Могильник состоит из 5 больших курганов, ориентированных по линии ССВ-ЮЮЗ. Диаметр варьируется от 17 м до 25 м.

Как показывают результаты археологической разведки и изучение материалов по археологии горных массивов Кокентау и Семейтау, они является одним из перспективных районов для комплексного археологического изучения. В археологической науке такие территории именуются как археологические микрорайоны.

Комплексное изучение археологических памятников, сосредоточенных в микроархеологических районах с высокой концентрацией разновременных культурных пластов – одно из перспективных направлений в современной археологии.

Целенаправленное изучение разновременных памятников в пределах определенной компактной территории с целью построения культурно-хронологической концепции осуществлялось еще в начале XX в. Стоит отметить, что в этом направлении весьма продуктивно работал С.А. Теплоухов, представивший развернутую картину последовательного развития археологических культур Минусинской котловины от эпохи энеолита до монгольского времени. Этот подход дал определенный всплеск и в последующие годы начал широко распространяться в археологии (Дашковский П.К. и др. 2007, с. 8). В соседней России не только появляются статьи и монографии, но и проводятся тематические конференции на данную тематику: «Археологические изучение микрорайонов: итоги и перспективы» (Воронеж, 1990), «Археологические микрорайоны Западной Сибири» (Омск, 1994, 1998), «Археологические микрорайоны Северной Евразии» (Омск, 2004).

Также работы в этом направлении успешно проводят зарубежные археологи. В своих исследованиях они совершенствуют подходы, связанные с методологией, реконструируют процесс адаптации человека к определенным экологическим нишам.

Изучение таких памятников как Кокен и, вообще, изучение археологических микрорайонов позволяет получить важнейшую информацию для реконструирования религиозных и мировоззренческих представлений, хозяйство и быт древних насельников.

Археологические памятники Кокентау и Семейтауского горного массива требует скорейших комплексных исследований. По причине природных и антропогенных факторов имеются факты разрушения памятников. По всему периметру горного массива видны следы свежих грабительских раскопок.

Близость города Семей представляет уникальную возможность развития туристического кластера, учитывая что Кокентау уже является часто посещаемым местом.

Список литературы

Айткали А. К., Жунисханов А. С., Каирмагамбетов А. М., Ахметов М. Г., Рахманкулов Е. Ж. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микро археологическом районе Кокентау в 2014 году // «Кадырбаевские чтения-2014». Материалы IV Международной научной конференции. – Астана: «Мега принт», 2014. – С. 151-160.

Айткали А. Предварительные результаты исследования курганов гунно-сарматского времени могильника Котыркора в микрорайоне Кокентау // Материалы международной научно-практической конференции «VII Оразбаевские чтения» «Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее», приуроченной к 550-летию образования казахского ханства, 20-летию ассамблеи народа Казахстана 28-29 апреля 2015 г. – С. 348-350.

Айткали А., Жунисханов А., Бесетаев Б. Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмуханбетова. – Алматы, 2016. – С. 26-33.

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каримов М. К., Исин А. И. Рахманкулов Е.Ж. Новые памятники эпохи бронзы горного массива Кокентау // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XVI Междунар. науч.-практ. конф. 28-29 сентября 2017 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск: «МедиаАльянс», 2017. – С. 18-23.

Ananyevskaya, E, Aytqaly, AK, Beisenov, AZ, Dmitriev, EA, Garbaras, A, Kukushkin, IA, Loman, VG, Sapolaite, J, Usmanova, ER, Varfolomeev, VV, Voyakin, DA, Zhuniskhanov, AS, Motuzaite Matuzeviciute, G. 2018. Early indicators to C4 plant consumption in central Kazakhstan during the Final Bronze Age and Early Iron Age based on stable isotope analysis of human and animal bone collagen. Archaeological Research in Asia 15:157–73.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960 г.

Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан): монография / П.К. Дашковский, З.С. Самашев, А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2007. – 96 с. + вкл.

Dupuy P., Rakhmankulov E. Bronze age ceramics of the Kkoken cemetery (Sary-arka region, Kazakhstan)// «АЛТАЙ – ТҮРКІ ӘЛЕМІНІҢ АЛТЫН БЕСІГІ» Редактор Даниал Ахметов. – Өскемен; 2018. – 123-125 pp.

Коншин Н.Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Зап-Сиб. отдела ИРГО вып. I Семипалатинск. 1903. – С. 1-32.

Илиуф Х. Ш. Древности Кокентау. Материалы Международной научно – практической конференции, посвященной 70-летию музея «Роль музеев на современном этапе и перспективы развития». – Павлодар, 2012. – С. 29-35.

А.М. Зайнов
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
A.M. Zainov
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
amang84@mail.ru

СОЛТҮСТІК-ШЫҒЫС КАСПИЙ МАҢЫНДАҒЫ САРМАТ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ

Түйін. Мақалада Солтүстік-шығыс Каспий маңындағы ерте темір, кейінгі темір дәуірінің ескерткіштерінің археологиялық зерттелу тарихы жарияланған. Дерек көздері ретінде ғылыми еңбектер, археологиялық зерттеу жұмыстарының ғылыми есептері пайдаланылған. Мақала қарастырылып отырған аймақтың темір дәуірінің зерттелу тарихына жалпылама шолу ретінде жазылды.

Түйін сөздер: ерте темір, темір дәуірі, сарматтар, Солтүстік-шығыс Каспий маңы, қорған.

История изучения сарматских памятников Северо-Восточного Прикаспия

Аннотация. В статье освещена история изучения памятников раннего железного и позднего железного века Северо-Восточного Прикаспия. В качестве источников использовались научные труды, научные отчеты археологических исследований. Статья была написана как обобщенный обзор истории исследования эпохи железа рассматриваемого региона.

Ключевые слова: ранний железный век, железный век, сарматы, Северо-Восточный Прикаспий, курган.

The history of the Sarmat Monuments in the North-East Caspian

Annotation. The article highlights the history of the study of monuments of the early Iron and Late Iron Age of the northeast Caspian. Scientific sources and archaeological research reports were used as sources. The article was written as a generalized review of the history of the study of the iron era in the region under consideration.

Keywords: early iron age, iron age, sarmatians, northeastern Caspian Sea, kurgan.

Солтүстігі Жалпы Сырт, шығысы Үстірт географиялық аудандарымен шектеліп жатырған Солтүстік-шығыс Каспий маңы физикалық-география тұрғысынан микро және мизо нысандармен, оңтүстігінде эолдық нысандармен, ал Каспий теңізінің жағалауында бэр төбешіктерімен сипатталады.

Солтүстік-шығыс Каспий маңының темір дәуірі Қазақстан археологиясындағы нашар зерттелген кезеңдердің бірі.

1887-1888 жж. Батыс Қазақстан облысының территориясында орыс археологы, антрополог, этногроф А.Н. Харузин археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді.

А.Н. Харузиннің археологиялық зерттеулері жалпы Батыс Қазақстан аймағындағы қорғандарға жүргізілген археологиялық зерттеулердің алғашқысы болатын. Бұл жұмыстардың нәтижесі «Бөкей Ордасының қорғандары» еңбегінде жарияланған. А.Н. Харузин барлығы 36 қорған зерттелгенін, оның ішінде Хан ордасы маңынан 6 қорғанға, Жаңа-Қазан (Ново-Казанка) елді-мекені маңынан 27 қорғанға және Таловка селосынан маңынандағы қорғандарға қазба жұмыстары жүргізілгенін жазады.

А.Н. Харузиннің қазба жұмыстарына Орынбор ғылыми архивтік комиссияның белгілі өкілдерінің бірі француз зерттеушісі, коллекционер И.А. Кастанье 1910 жылғы «Орынбор өлкесіндегі қырғыз даласының көнелері» (Древности киргизской степи Оренбургсого края) жинағында тоқталып өтеді.

XX ғасырдың 50-60-шы жылдарына дейінгі темір дәуіріне қатысты зерттеулер кездейсоқ жәдігерлермен және шағын қазба жұмыстарымен шектелді.

Қаралып отырған аймақтағы сармат дәуірінің ескерткіштері туралы деректерді археолог З. Самашев, Е.П .Китов, А.М. Мамедов, Я.А. Лукпанованың еңбектерінен, А.Н. Мелентьев, Л. Галкин, И.Б. Васильев және т.б.ғылыми есептерінен көруге болады.

1967-1969 жж. Солтүстік Каспий маңында КСРО ҒА Астрахань экспедициясының Завольже тобы А.Н. Мелентев жетекшілігімен барлау жұмыстарын жүргізді. Экспедиция жұмыстарының нәтижесінде ерте темір кезеңіне жататын қола жебе ұштары, қола дөңгелекше, темір қанжар, қыш ыдыстар, қола айна мен өзге де заттар табылды.

1975, 1977, 1979, 1980, 1981, 1983,1984 жж. Гурьев облысы (қаз. Атырау обл.) территориясында КСРО ҒА археология институтының Еділ-Орал археологиялық экспедициясы Л.Л.Галкиннің жетекшілігімен археологиялық барлау жұмыстары барысында темір дәуірінің қорғандары, қыстақ пен тұрақтар анықталды, заттай материалдардан керамика фрагменттері, қола және темір жебе ұштары, моншақтар т.б.анықталды.

1980 жылдың күзінде И.Б. Васильев Солтүстік Каспий маңы бойынша алғашқы ауқымды барлау тексерісін ұйымдастырды. Археологиялық жұмыстар Астрахань облысымен қатар Гурьев облысындағы (қаз. Атырау обл.) Ганюшкин (қаз. Құрманғазы ауданы) ауданында жүргізілді. Бұлар Таутөбе, Тентексер, Исатай, Нарымбай, Шонай және т.б.мекендері болатын. Жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде әр түрлі археологиялық кезеңдердің (мезолит, неолит, энеолит, қола дәуірі, орта ғасыр) ескерткіштерімен қатар ерте темір дәуірінің заттай материалдары жиналды.

1982, 1983 жж. И.Б. Васильевтің Солтүстік Каспий маңындағы жұмыстары жалғасты. Басқа дәуірлермен қатар ерте темір дәуірінің ескерткіштері анықталды.

1989-1990 жж. археолог З.С. Самашев бастаған археологиялық топ Құлсары қаласынан солтүстік-шығысқа қарай 60 км жердегі Иманқара тауының маңынан шамамен 40 шақты әр түрлі типологиялық, мәдени-хронологиялық тұрғыда әр кезеңдегі жерлеу және ғұрыптық ескерткіштерді анықтап, зерттеу жұмыстарын жүргізеді.

Тәуелсіздік алған жылдардан кейін Қазақстан археологиясының жаңа беттері ашылды.

1999 жылы Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы археолог З.С. Самашевтің жетекшілігімен Атырау облысы, Құлсары қаласынан солтүстік-шығысқа қарай 65 км жерде орналасқан Аралтөбе қорғанына археологиялық қазба жұмыстарын жүргізіп үлкен жетістікке жетті. №2 жерлеу орнынан алтын жұқалтырдан жасалған көп көлемде

әшекейлік заттар, жолбарыс (тигрогрифон) бейнесіндегі айылбас т.б., сонымен қатар жақсы сақталған бүркіттің сүйегі табылды.

Солтүстік-шығыс Каспий маңының көп бөлігін алып жатқан Атырау облысы территориясында 2000 жылдан бері қарай Атырау облысы тарихи-мәдени мұраны қорғау, қалпына келтіру және пайдалану жөніндегі мемлекеттік инспекциясы, Атырау облысы тарихи – өлкетану мұражайы және Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті қолдауымен археологиялық экспедициялар және қазба жұмыстары жүргізілді.

2006 жылы Атырау обылысы Қызылқоға ауданы, Қарабау ауылының жанындағы Жолайшағыл құмтөбелі қабірінен алтыннан жасалған зергерлік заттарды мектеп оқушысы кездейсоқ тауып алып Х.Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетіне өткізеді. Осы жылы аталған университет археолог М.С. Қасенов жетекшілгімен барлау экспедициясын жүргізіп Жолайшағыл құмдарынан алтыннан, асыл тастан, темірден, қыштан жасалған заттар табады. Табылған заттар ерте темір дәуірінде осы аймақты мекен еткен сармат тайпаларынікі деп топшыланды.

Атырау облысы Индер ауданындағы Қылыш қорғандар тобына жататын Қылыш-2 қорғанына 2012 жылы Атырау облыстық музейі, 2013 жылы Қылыш-4 қорғанына «Атырау Этно-археология» ЖШС (археолог Хамит Айтқұл), 2015 жылы Қылыш -3 қорғанына археолог М.С. Қасенов қазба жұмыстарын жүргізді. Жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде сармат тайпаларынікі деп анықталған қыш ыдыстың фрагменттері, қола жебе ұштары, қола айна, моншақтар және т.б. материалдық заттар табылды.

Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті тарих мамандығында оқитын студенттердің оқу-тәжірибесі негізінде Атырау облысы, Индер ауданындағы Жангелді қорғандар тобының Жангелді II қорғанына (2014 ж.), Райым төбе қорғанына (2016 ж.), Қызылқоға ауданындағы Қарабау қорғандарына (2017, 2018 жж.) археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Аталған археологиялық қазба жұмыстарына археологтар М.С. Қасенов, мақала авторы жетекшілік етті. Биіктігі – 1 м, диаметрі 42 м. Жангелді қорғанындағы жерлеу орнынан қола жапсырма, 100-ге жуық алтын жапсырмалар, темір семсер мен қанжар және 40-қа жуық темір жебе ұшы, спираль тәріздес алтын білезік, алтын сақина, қола айна, қыш құмыра, Райым төбе қорғанындағы жерлеу орнынан қола бұйымның фрагменттері, S тәріздес дедерленген сүйек жапсырманың фрагменті, Қарабау қорғандарынан қола жебенің ұштары, ірі және ұсақ көлемдегі моншақтар, алтын салпыншақ т.б. материалдық заттар анықталды. Табылған заттар сармат тайпаларының материалдық заттарына сәйкес келетін.

2015 жылы археолог Д.А. Воякин жетекшілігімен Атырау облысы, Индер ауданы, Жарсуат ауылынан солтүстік-шығысқа қарай 24 км жерде, Индер поселкесінен оңтүстік-шығысқа қарай 16 км жерде орналасқан Қызылқабақ қорғанына археологиялық зерттеу жүргізеді. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде б.з.б. IV-II ғғ. жататын археологиялық материалдармен қатар екі жерлеу орны табылды.

Осы жылдың қыркүйек-қазан айларында Атырау облысы Индер ауданындағы Борсық қорғандар тобына археолог А.З. Бейсеновтың жетекшілігімен зерттеу жұмыстары жүргізілді. Зерттеу нәтижесінде қорғандар тобының 16 қорғаннан тұратындығы, 15 қорғанның батыстан шығысқа қарай аз ғана ауытқушылықпен бір бойда орналасқандығы

анықталды. Тек №7 қорған тізбектен тыс солтүстікке қарай, №6 қорғаннан 30 метр қашықтықта орналасқан. Далалық зерттеу жұмыстары аясында №4-6 қорғандарға және №7 қорғанға қазба жұмытары жүргізілді. Зерттеу жұмыстарының нәтижесіне қанжардың қалдығы деп анықталған темір заттың қалдықтары, жақсы күйдірілген керамикалық ыдыс – құты,сүйек қасық, қайрақ тас, қола қазан табылды. Керамикалық ыдыс, қола қазан, сүйек қасық, шыршықты сүйір төбесі бар темір пышақ сияқты ілеспе инвентарлармен қатар №6 қорғанның орталық обасының солтүстік бұрышынан анықталған деформацияланған қола қазанға сүйене отырып №4-6 қорғандар шамамен орта сармат, кейінгі сармат кезеңіне жатқызылды (б.з.б. II-I ғғ. – б.з. I-II ғғ.).

2017 жылы Атырау облысы, Қызылқоға ауданында орналасқан Миялы қорғандар тобына Атырау обылыстық тарихи-өлкетану мұражайы археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізген болатын. Жетекшісі археолог М.С. Қасенов. Зерттеу жұмыстары үлкен олжаға кенелді. Темір дәуірінің ескерткіштеріне жатқызылған қорғандардан қола қазан, алтын жапсырмалар, қола жебе ұштары т.б. заттар табылды.

Мақаланың басында жазылып кеткендей, қарастырылып отырған аймақ Қазақстандағы өте аз зерттелген, зерттелген жұмыстардың нәтижесінде табылған заттардың көпшілігі әлі де болса нақты ғылыми тұжырымдамаларды талап етіп отыр. Дегенмен де, мақалада көрініс тапқан аймақтағы зертеу жұмыстарының тарихы Солтүстік-шығыс Каспий маңының темір дәуірінде ежелгі көшпелі тайпалар мекендеген орталықтардың бірі болғандығын дәлелдейді.

Әдебиеттер тізімі

Китов Е.П., Мамедов А.М. Ерте темір дәуіріндегі Батыс Қазақстанның көшпелі тұрғындары. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 27-37 бб.

Қасенов М.С. Кадырбаевские чтения -2014//Жангелді II қорғаны. Материалы IV Международной научной конференции. – Астана «Мега принт»; 2014. 145-151 бб

Самашев З.С. Древние всадники Западной Азии // Труды Центрального музея. –Т. II. Алматы, 2004. 230-266 бб.

Атырау облысы аумағында жаңадан сәулет және археология ескерткіштерін анықтау мақсатында жүргізілген зерттеу жұмыстарының ғылыми есебі. Атыару 2009. // Атырау облысы тарихи-өлкетану музейінің жалпы қор бөлімі.

Бейсенов А.З. Отчет по научно-исследовательской работе по теме: «Археологические исследования курганной группы Борсык» Алматы 2015 / Атырау облысы Тарихи-мәдени мұраны қорғау, қалпына келтіру және пайдалану жөніндегі мемлекеттік инмпекциясының қоры.

Васильев И.Б. Работы Прикаспийский экспедиции. Археологические открытия 1980 года. М., 1980. 139 б.

Галкин Л.Л. Отчет о работе Средне-волжской экспедиции Института археологии АН СССР проведенной в 1975 году в Гурьевской области Казахской ССР 1975 г. // Атырау облысы тарихи-өлкетану музейінің жалпы қор бөлімі.

Галкин Л.Л. Отчет полевых исследованиях в Гурьевской области. 1977 г. // Атырау облысы тарихи-өлкетану музейінің жалпы қор бөлімі.

Галкин Л.Л. Отчет о работе Волга-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР проведенной в 1981 г. в Гурьевской области Казахской ССР 1975 г. // Атырау облысы тарихи-өлкетану музейінің жалпы қор бөлімі.

Қылыш II қорғанына 2012 жылы жүргізілген археологиялық қазба жұмысының ғылыми есебі. Атырау 2013 ж. // Атырау облысы Тарихи-мәдени мұраны қорғау, қалпына келтіру және пайдалану жөніндегі мемлекеттік инмпекциясының қоры.

Мелентьев А.Н. Разведка в Волго-Уральском междуречье. Археологические открытия 1967 года.//М.: 1968. 111 б.

Отчет о научно-исследовательской работе Археологические исследования обьектов историко-культурного наследия по теме «Курганный комплекс Миялы» Атырау-2017. // Атырау облысы тарихи-өлкетану музейінің жалпы қор бөлімі.

Л.Н. Ермоленко
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
L.N. Ermolenko
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
lyubov.ermolenko@mail.ru

ИНВАРИАНТНЫЕ ЖЕСТЫ В ИКОНОГРАФИИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ КОЧЕВНИКОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ

Аннотация. В статье анализируются некоторые устойчивые положения рук (жесты) в иконографии каменных изваяний – памятников древних и средневековых кочевников евразийских степей. Положения рук средневековых изваяний обусловлены действием с предметами (атрибутами). Иконография скифской скульптуры характеризуется разнообразием инвариантных положений рук. При этом они могут быть как сопряженными с предметами, так и независимыми от них. Прослеживается производность положений рук, связанных с предметами, от жестов свободных рук. Жесты рук «сарматских» статуй и изваяний сакской эпохи обособлены от изображенных на этих изваяниях предметов. Сделано предположение о том, что прототипом жеста «сарматских» статуй байтинского типа мог послужить жест поздних скифских изваяний. Выявлены аналогии рассматриваемым жестам в антропоморфной пластике разных эпох, обобщены попытки применения этологического подхода к изучению жестов, запечатленных на изваяниях.

Ключевые слова: антропоморфные каменные изваяния, жест, этологический подход.

Далалық Еуразия көшенділерінің тас мүсіндерінің иконографиясындағы тұрақты қимылдар

Түйін. Мақалада тас мүсіндердің – далалық Еуразияның ежелгі және ортағасырлық ескерткіштерінің иконографиясындағы қолдардың тұрақты қалпы (қимылдар) талданады. Ортағасырлық тас мүсіндердің қолдарының қалпы заттармен (атрибуттармен) әрекетіне байланысты. Скифтік мүсіндердің иконографиясы қолдардың тұрақты қалпының әртүрлілігімен сипатталады. Олар заттарға байланысты болуы да байланысты болмауы да мүмкін. Бос қолдардың қимылдарынан заттармен байланысты қолдардың туынды қалпы байқалады. «Сарматтық» ескерткіштер мен сақ кезеңінің мүсіндерінің қол қимылдары оларда бейнеленген заттармен ерекшеленеді. Байтин типті «сарматтық» мүсіндердің қол қимылдарының прототипі кейінгі скифтік мүсіндердің қимылы болуы мүмкін деген болжам жасалды. Қарастырылып отырған қимылдарға әртүрлі дәуірлердегі антропоморфтық пластикада ұқсастықтар

анықталды, тас мүсіндердегі бейнеленген қимылдарды зерттеуге этологиялық әдісті қолданудың талпыныстары жалпылай қарастырылған.

Түйін сөздер: антропоморфты тас мүсіндер, қимыл, этологиялық әдіс.

Invariant gestures in the iconography of stone statues of Eurasian steppe nomads

Annotation. The article analyzes some standard hand positions (gestures) in the iconography of stone statues – monuments of ancient and medieval nomads of the Eurasian steppes. The hand positions of the medieval statues are determined by the actions with objects (attributes). The iconography of Scythian sculpture is characterized by a variety of invariant hand positions. However, some of them can be either related to objects or independent of them. The author traces derivation of the hand positions related to objects from the gestures of free hands. The hand gestures of the «Sarmatian» statues and those of the Saka period are independent of the objects depicted in them. It is suggested that the gesture of the late Scythian statues could serve as a prototype for that of the Baite type «Sarmatian» statues. The paper reveals analogues of the gestures in question in the anthropomorphic sculpture of different periods and summarizes attempts to apply the ethological approach to the study of gestures depicted on statues.

Keywords: anthropomorphic stone statues, gesture, ethological approach.

Под жестом, как известно, понимается движение человеческого тела или его частей, наделяемое определенным смыслом. Значимость жестов как разновидности невербальных, кинетических (от греч. *kinetikos* – движение) средств общения вызывает интерес к ним ученых – специалистов разных наук о человеке (этологов, антропологов, психологов, лингвистов и т. д.), а также авторов популярных работ прикладного характера (А. Пиз и др.).

Большинство практикуемых современными людьми жестов являются приобретенными, культурно обусловленными, понятными лишь в той культурной среде, где они приняты. Существуют жесты, по всей видимости, обусловленные биологической природой человека, которые отмечены у представителей разных культур и социумов. Проявлениями таких жестов занимается, прежде всего, этология человека. Этологи считают, что выражающие нечто (экспрессивные) движения возникают в процессе ритуализации – филогенетической и культурной (Эйбл-Эйбесфельдт, 1995, с. 45). Исследуя вопрос о биологических основах эстетики, И. Эйбл-Эйбесфельдт констатирует: «В произведениях искусства разных стран и народов встречаются изображения одних и тех же жестов» (Эйбл-Эйбесфельдт, 1995, с. 45). На конкретных примерах он характеризует общий смысл, присущий тому или иному жесту, позе, мимике. В этой связи уместно процитировать остроумное высказывание В. Р. Дольника по поводу того, что древний «рисунок *должен был быть понятен сам по себе и поэтому был очень этологичен* (курсив мой. – Л. Е.). Он точно передавал характерные для человека (и животных) позы, причем умеренно преувеличивал (иногда гипертрофировал. – Л. Е.) те детали, которые, с точки зрения художника, были самыми информативными» (Дольник, 2004, с. 70).

Исследователи, изучающие каменные антропоморфные изваяния, обращали внимание на одинаковые положения рук персонажей скульптурных изображений раз-

ных эпох. Так, Я.А. Шер отметил, что обычный для тюркской скульптуры образ человека (воина), одной рукой поднявшего сосуд к груди, а другой опирающегося на оружие, прикрепленное к поясу, встречается также в иконографии скифских изваяний (Шер, 1966, с. 32). Еще более распространенным оказался воссозданный на некоторых средневековых изваяниях Жетысу «образ человека, держащего в сложенных на животе руках сосуд» (ечь идет об изваяниях кыпчакской традиции.) Продолжительная хронология (вплоть до современности) и обширная география аналогий (степи Азии, Индонезия, Африка, остров Пасхи) свидетельствуют, по мнению Я.А. Шера, о конвергентном появлении этого образа во времени и пространстве (Шер, 1966, рис. 17-20, с. 60-62).

Я.А. Шер справедливо полагает, что позиция рук изваянного персонажа, обусловленная действием с атрибутами, важна для понимания смысла образа. Антропоморфный образ, в атрибутике которого имеются сосуд и оружие, по его предположению, возник в скифскую эпоху и был узнаваем в кочевой среде. Сходный жест скифских и тюркских изваяний вызывает у исследователей ассоциацию с актом участия воина «в каком-то ритуальном пиршестве» (Шер, 1966, с. 33). По всей видимости, образ (и жест, как значительный его компонент) также воспринимался в обществах, где существовал обычай изготовления подобных изваяний. В случае скифов это подтверждается известным сообщением Геродота о ежегодном воинском обряде, в котором испитие «вина» уподоблялось почести. Сосуд с пьянящим напитком служил своего рода воинской наградой у хунну и, возможно, у тюрков (Ермоленко, 2004, с. 63). Автор настоящей статьи ранее предположила, что жест, запечатленный на тюркских изваяниях воинов, мог также восприниматься как адоративный, обращенный к божеству войны (Ермоленко, 2004, с. 64).

Что касается жеста держания сосуда обеими руками возле живота, то Я.А. Шер отметил его связь с иконографией предков (Шер, 1966, с. 62). При этом существенно, что культ предков – явление древнее, свидетельства его формирования относятся еще к неолиту, однако прямых соответствий данному жесту в пластике этой и некоторых других эпох не обнаруживается. Изображалось лишь симметричное положение рук со сведенными на животе или располагающимися по обеим сторонам живота кистями, без каких-либо предметов (атрибутов) в них. Подобный жест известен в скульптуре Малой Азии периода докерамического неолита (Корниенко, 2011, рис. 7, *1*) (рис. 1, *1*); в антропоморфной пластике северобалканской культуры винча (Гимбутас, 2006, рис. 7, *6*, 8), существовавшей в эпохи неолита и энеолита; на энеолитических статуях-менгирах типа Казанки из Крыма и Приазовья (Telegin, Mallory, 1994, fig. 5; Тощев, 2007, рис. 42, *3*), в антропоморфной пластике других эпох. Из поздних артефактов можно привести скульптурные рукояти церемониальных ножей-туми культуры Чиму (XII-XV вв.) в Южной Америке (Art Institute of Chicago [электронный ресурс]).

Опосредованность жестов рук предметами, являющимися продуктом культуры, позволяет расценивать такие жесты как намеренные, имеющие культурное происхождение. Однако их генезис мог корениться в непроизвольных движениях, в том числе, прикосновениях к той или иной части тела. «Естественные» жесты семантизировались в процессе культурной ритуализации, «соединялись» с предметами (при этом реализовалась «инструментальная» функция рук) и переосмысливались.

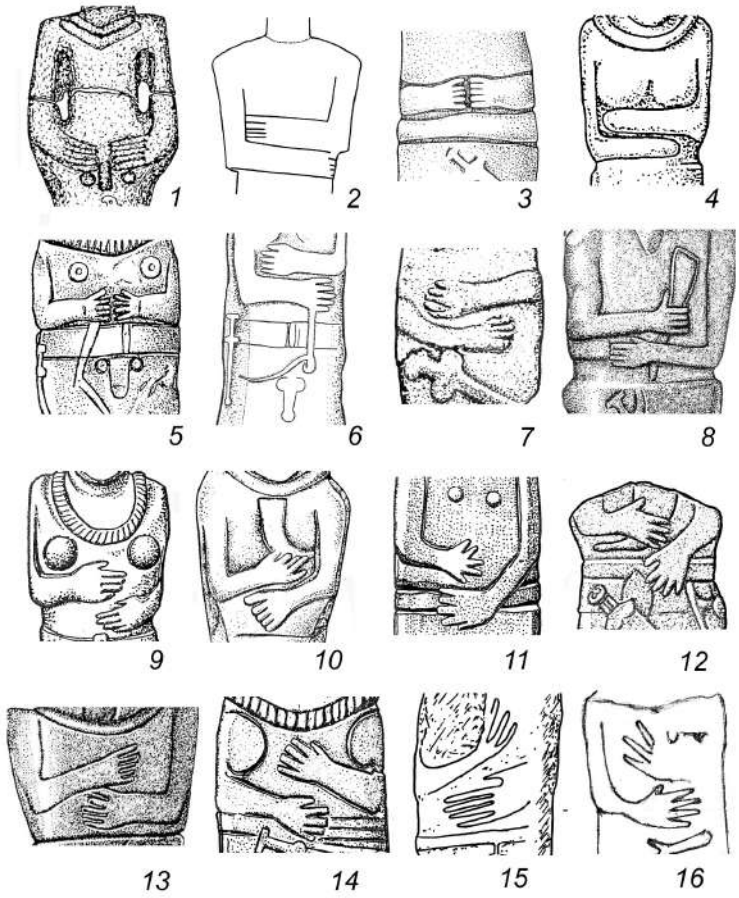


Рис. 1. Жесты в иконографии изваяний древних кочевников Евразии и аналогии к ним. 1 – изваяние докерамического неолита, г. Шанлыурфы (по: Корниенко, 2011, рис. 7, *1*); 2 – кикладская скульптура (по: Davis, 1984, fig. 1); 3-14 – скифские изваяния: 3, 5-14 (по: Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 1, *1*, 2, *2*, 5, *9*, 6, *8*, 7, *10*, 13, *19*, 20, *33*, 32, *61*, 51, *86*, 77, *128*), 4 (по: Ольховский, 2005, ил. 74, *2*); 15, 16 – изваяния сакской эпохи (по: Ермоленко, Курманкулов, 2011, рис. 1, *3, 4*)

В иконографии скифской скульптуры положение рук бывает как сопряженным с атрибутами, так и независимым от них (последнее относится к изваяниям, на которых не изображен ритон). Позиции свободных от предметов рук разнообразны. Причем, такие жесты, как сведенные на животе «встык» или расставленные кисти рук, сложенные поперек торса руки, предплечье одной из которых лежит на предплечье другой (рис. 1, *3, 4*), свойственны также архаичной антропоморфной пластике. Аналогии элементу сведенных рук в композиции скульптурных изображений разных эпох, начиная с неолита, были приведены выше. Жест в виде сложенных рук с сомкнутыми предплечьями характерен, например, для мраморных кикладских идолов раннего бронзового века (раннекикладский период II) (Marthari, 1999, p. 160; Davis, 1984, fig. 1) (рис. 1, *2*).

Следует отметить, что положения рук скифских изваяний безотносительно к тому, показаны в руках предметы (атрибуты) или нет, могут быть идентичными (рис. 1, *3-12*). О производности некоторых позиций рук с атрибутами от аналогичных жестов свободных рук, очевидно, свидетельствуют следующие признаки: на некоторых изваяниях кисть руки изображена не сжимающей плеть или ритон, а расправленной, как бы прижимающей предмет к телу (рис. 1, *5, 6, 12*); руки изваяния из с. Ясиноватое лишь приближены к изображенному между ними ритону (Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 8, 16, 21, *34*, 28, *57*, 30, 43, 117). Возможно, поэтому В.С. Ольховский выделил варианты «взаиморасположения» рук скифских изваяний без учета соединения жеста с атрибутами (Ольховский, Евдокимов, 1994, табл. 9).

Жест несопряженных с предметами рук играл значительную роль не только в иконографии скифской скульптуры. Примечательно, что руки изваяний сакской эпохи и «сарматских» статуй не совмещены с атрибутами и жест их важен сам по себе.

В.С. Ольховский обнаружил аналогии некоторым жестам скифских изваяний в памятниках скульптуры раннего железного века с других территорий. Так, на материалах из Закавказья (в основном Армении) им выявлены соответствия наиболее распространенному в иконографии раннескифских изваяний жесту (сведенные на животе кисти рук, вариант 1, по В.С. Ольховскому) (Ольховский, 2005, с. 124, 125, ил. 102, *6*, 104, *1*, 106, *2*, 107). Этот и другие признаки иконографического сходства позволили В.С. Ольховскому предположить, что «антропоморфный канон раннескифской скульптуры» сформировался в Закавказье и смежных областях Малой Азии (Ольховский, 2005, с. 125). Добавим, что аналогии жестам скифских изваяний обнаруживаются в антропоморфной скульптуре раннего железного века не только из Западной Азии, но также из Средней и Южной Европы (Stary, 1997, Abb. 5–7, 14, 15).

В связи с проблемами генезиса скифской скульптуры и инокультурных влияний В.С. Ольховский сопоставил скифские изваяния с группами более ранних памятников. Он не находил сходства между скифскими изваяниями и стелами из Хаккари (IX в. до н.э. или ранее) (Ольховский, 2005, с. 127). Кроме того, исследователь считал, что подобие между скифскими и изваяниями чемурчекской культуры «проявляется лишь на уровне отдельных элементов предметного репертуара» (Ольховский, 2005, с. 119). Однако эти оценки разделяются не всеми авторами. Так, А.А. Ковалев констатировал наличие у чемурчекских изваяний (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.) признаков «раннескифских антропоморфов» (Ковалев, 2007, с. 34) и предположил, что «… именно чемурчекские образцы послужили основой для формирования скифской статуарной традиции» (Ковалев, 2012, с. 156). Исследователь охарактеризовал ряд идентичных элементов в иконографии чемурчекских и скифских изваяний, не упомянув, однако, о позиции рук.

Л.А. Соколова обнаруживает черты сходства со скифскими изваяниями не только у чемурчекских статуй, но и стел из Хаккари. В качестве общего для всех трех групп изваяний признака она называет жест «согнутых рук, расположенных одна над другой» (Соколова, 2015, с. 179). С таким заключением Л.А. Соколовой можно согласиться только отчасти. В действительности чемурчекским скульптурам, стелам из Хаккари и скифским изваяниям свойственны не один, а несколько видов общих жестов. Например, на стелах из Хаккари имеются аналогии первому, третьему, десятому вариантам жестов

скифских изваяний (по классификации В.С. Ольховского). Едва ли не всем вариантам жестов скифских изваяний можно найти соответствия в чемурчекской пластике.

Все же ввиду временного разрыва и ярко выраженного стилистического своеобразия трех сравниваемых групп изваяний представляется, что сходство жестов в их иконографии (как и некоторых других общих элементов) вполне могло иметь независимое происхождение.

В отличие от скифских изваяний положениям рук «сарматских» статуй выявлено немного соответствий. Наиболее древние свидетельства изображения рук в подобной позиции относятся к неолиту – эпохе мегалитических храмов Мальты. Жест отмечен на скульптурах богинь из храма Хаджар-Ким, в том числе известной «мальтийской Венеры» (Гимбутас, 2006, рис. 21, 7, *65*).

В качестве аналогии положению рук, характерному для большинства «сарматских» изваяний байтинского типа (правая рука опущена, левая согнута), В.С. Ольховский привел жест, запечатленный на статуе Дария I из Суз. По его мнению, этот жест мог появиться в иконографии «сарматских» изваяний под влиянием искусства ахеменидской Персии (Ольховский, 2005, с. 150, ил. 156). Между тем многие исследователи считают, что статуя Дария I создана египетскими мастерами, и ряд ее изобразительных особенностей, в том числе позиция рук, сообразованы с канонами египетского искусства (Ладынин, 2011, с. 5). Кроме того, в согнутой к груди левой руке статуи персидского царя находился атрибут. Как уже говорилось, руки «сарматских» изваяний показаны свободными.

В.С. Ольховский, используя классификацию жестов, разработанную им для скифских изваяний, соотнес позицию рук изваяний байтинского типа с вариантом 14. При этом исследователь почему-то не рассматривал этот элемент иконографии скифских изваяний в качестве возможного прототипа для «сарматских», хотя отметил общие компоненты предметного репертуара той и другой групп изваяний (пояс, горит, клинковое оружие, гривна) (Ольховский, 2005, с. 149). Указав, что значительное количество изваяний байтинского типа изготовлено с использованием технико-изобразительного приема сквозных отверстий, отделяющих руки от торса и разделяющих ноги, В.С. Ольховский лишь констатировал наличие такого приема в скифской скульптуре крымской группы (IV-III вв. до н.э.) (Ольховский, 2005, с. 143).

Что касается жеста скифских изваяний, который мог послужить образцом для скульптур байтинского типа, то нужно иметь в виду не только вариант 14 (левая рука согнута, правая опущена), но и вариант 13, отличающийся обратным расположением рук. Характерно, что практически все асимметричные положения рук в иконографии скифских изваяний представлены зеркальными разновидностями (Ермоленко, 2008, с. 49-50). Согласно подсчетам В.С. Ольховского, жест варианта 13, за единственным исключением, зафиксирован только на крымских изваяниях (5 экз.), жест редко встречающегося варианта 14 – на одном изваянии из Крыма и двух с Северного Кавказа (Ольховский, Евдокимов, 1994, табл. 9). Так или иначе, из иконографии поздних скифских изваяний вполне мог быть заимствован жест. В отсутствии ритона положение согнутой руки «сарматских» статуй несколько изменилось: ее предплечье обычно изображается лежащим поперек туловища (рис. 2, *5*). Если наше предположение верно, то жест свободных рук изваяний байтинского типа является дериватом идентичной позиции рук с предметами.

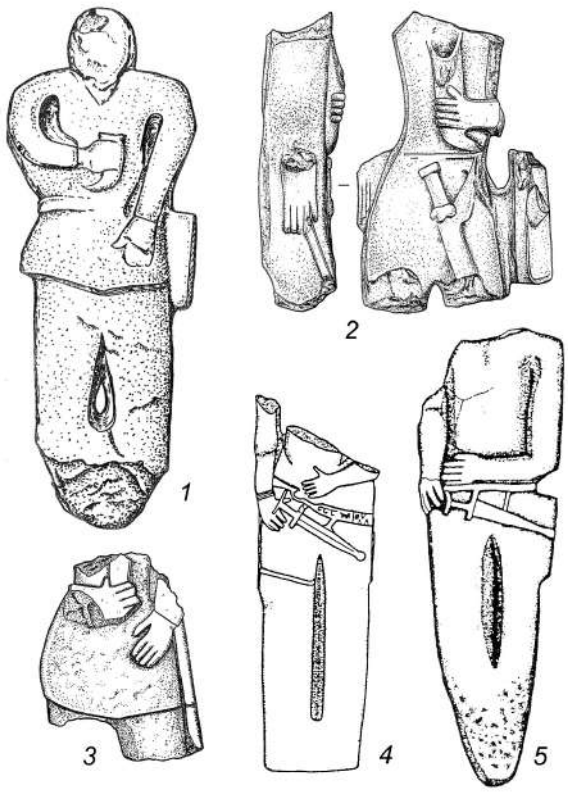


Рис. 2. Идентичные жесты скифских и «сарматских» изваяний.
1-3 – скифские изваяния (по: Ольховский, Евдокимов, 1994, ил. 57, *97*, 65, *110*, 73, *121*); 4, 5 – «сарматские» изваяния (по: Ольховский, 2005, ил. 143, *2,* 144, *1*)

Об актуальности похожего (отличающегося деталями и зеркальностью) жеста в сарматской среде, возможно, свидетельствуют фигурки с двумя кинжалами из Сапоговского клада, которые считаются изображениями представителей высокого ранга (Кисель, 2003, с. 291).

Вопрос о сходстве жестов изваяний сакской эпохи с некоторыми вариантами положений рук скифских и «сарматских» изваяний меретсайского типа уже обсуждался автором в ряде публикаций (Ермоленко, Курманкулов, 2011, с. 158; Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2016, с. 129, 130, рис. 1; Бобров, Советова, Ермоленко, 2018, с. 105, 112, 113, рис. 5, 8). Напомним, что нами было предложено выделять две разновидности жестов, воспроизводимых на изваяниях сакской эпохи: 1) кисть одной руки прижата к груди, другой – к животу (к верхней его части); 2) кисти рук сведены на поясе. Жест первой разновидности представлен двумя зеркально различающимися вариантами так же, как и соответствующий жест скифских изваяний (рис. 1, *13-16*)

О второй разновидности жеста неоднократно говорилось выше, подчеркивалась древность его проявлений в иконографии антропоморфной скульптуры и распространенность.

По поводу первой разновидности жеста следует заметить, что наиболее древним (и относительным) соответствием является положение рук статуи-менгира из Керносовки (Telegin, Mallory, 1994, fig. 9). Идентичное положение рук с гипертрофированными кистями демонстрируют человеческие существа, изображенные на двух сторонах кельта из Усинской долины (Ненахов, 2011, с. 128). Д.А. Ненахов датировал кельт не позднее III в. до н.э., но при анализе изображений провел аналогии с некоторыми чеканмурчекскими изваяниями (Ненахов, 2011, с. 130).

Бросается в глаза, что жесты обоих антропоморфов на усинском кельте зеркальны. Возможно, это объясняется тем, что одна из широких сторон кельта воспринималась в древности как «передняя», и на ней размещалось «прямое» (более крупное?) изображение, а другая – как «задняя», на которой наносилось «обратное» изображение (ср.: Успенский, 1995, с. 303). В основе своей зеркальность позиций рук антропоморфов в декоре кельта, также как изваяний сакской эпохи и скифских, могла быть отражением зрительной позиции художника, по необходимости, внутренней или внешней. Б.А. Успенский писал: «Признаком внутренней (по отношению к изображению) позиции художника могут служить и формы *зеркального* изображения, особенно характерные для архаического искусства» (Успенский, 1995, с. 255).

Акцент в рассматриваемом жесте изваяний сакской эпохи как будто сделан на кистях, которые выделяются размером и кажутся еще больше из-за слегка расставленных пальцев. Однако посредством этой гиперболы могли быть акцентированы те части тела, в прикосновении к которым и заключалась суть жеста. Изучение жеста в таком аспекте требует обращения к этологии, о которой шла речь в начале статьи.

Надо сказать, что, помимо собственно этологических работ, попытки применения этологического подхода к анализу антропоморфных изображений (в том числе каменных изваяний), осуществлялись также в искусствоведческой и археологической литературе. Данные этологии, например, использованы автором настоящей статьи для обоснования тезиса о том, что на лицах многих тюркских изваяний воинов передана гримаса гнева (Ермоленко, 2006, с. 86). К этологии автор прибегла также при интерпретации одного из жестов, воспроизведенных на скифских изваяниях – жеста рук, кисти которых сведены на поясе. Жест был отождествлен с фертообразной позицией рук – «изобразительным эквивалентом угрожающего жеста», который мог иметь и адорационный смысл (Ермоленко, Советова, 2009, с. 85). Подобное значение можно предполагать и для точно такого же жеста изваяний сакской эпохи (жест второй разновидности). Однако о значении жеста первой разновидности, характеризующегося положением кисти одной руки возле груди, другой – возле живота, судить сложно. На неискушенный взгляд, это – жест благоговения. Такое толкование жеста вполне сообразуется со значением, допущенным нами для жеста второй разновидности – сведенных на поясе кистей рук.

Для постижения смысла жеста представляется существенным, что он встречается в скульптуре раннего железного века в контексте образа воина. Близкая позиция свободных рук показана на статуе хиршенланденского (Hirschenlanden) воина (Stary, 1997, Abb. 7) и фрагменте стелы из Хаккари (Соколова, 2014, рис. 2, *1*). Сложенные в похожем жесте руки, прижимающие к торсу предметы, воспроизведены на скульптуре воина из Капестрано (Stary, 1997, Abb. 14) и на нескольких стелах из Хаккари (Соколова, 2014, рис. 2, *7-9, 11*).

Заканчивая рассмотрение первой разновидности жеста изваяний сакской эпохи, позволим себе привести неизобразительную аналогию, относящуюся к погребальному обряду. Речь идет о соответствующем расположении костей верхних конечностей мужского скелета из восточного подбоя погребального сооружения (объект № 1), раскопанного на городище Чирик-рабат (Дарменов, Утубаев, 2017, рис. 1). Умерший был погребен в богато украшенной одежде и с оружием – мечом и кинжалом. В одной с ним могиле были захоронены подросток и женщина, причем тело женщины было положено на тело подростка. Погребение датировано III-II вв. до н.э. Авторы публикации высказали предположение, что исследованные ими захоронения в подбоях продолжают традицию погребальной обрядности ираноязычных кочевников евразийских степей (Дарменов, Утубаев, 2017, с. 32).

Таким образом, рассмотренные в статье инвариантные положения рук (жесты) каменных антропоморфных изваяний – памятников кочевников степей Евразии, встречаются в антропоморфной пластике разных эпох. Очевидно, подобные жесты наделялись социально важным смыслом, который даже для одинаковых жестов в разных временных и культурных контекстах мог быть неодинаковым. При реконструкции значения жеста, воспроизведенного в памятниках архаичного и традиционного искусства, может оказаться продуктивным этологический подход.

Из проанализированных в статье жестов наибольшую древность и распространение имел жест в виде сведенных на животе (или расставленных) кистей рук. Жест этот в частности использовался в иконографии скифской скульптуры, на материале которой прослеживается трансформация некоторых жестов, обусловленная соединением рук с предметами (атрибутами). В развитии скульптуры имели место и обратные процессы: жест, утративших связь с атрибутами рук, претерпевал определенные изменения, что нашло отражение в иконографии «сарматских» изваяний. Одинаковые жесты, запечатленные в разновременных скульптурных изображениях, не обязательно являются свидетельством преемственности традиции, так как они вполне могли иметь конвергентное происхождение.

Список литературы

Бобров В.В., Советова О.С., Ермоленко Л.Н. Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха). – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2018. – 127 с.

Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 572 с. -

Дарменов Р.Т., Утубаев Ж.Р. Подбойный тип погребальных сооружений на городище Чирик рабат // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2017. – 1(311). – С. 25-33.

Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. Изд-е 4-е, дополн. – СПб.: ЧеРо-на-Неве, Петроглиф, 2004. –352 с.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004. – 132 с.

Ермоленко Л.Н. О смысле некоторых приемов стилизации деталей лица древнетюркских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3 (27). – С. 82-88.

Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 2008. – 288 с.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. Сборник научн. трудов, посвящ. 80-летию со дня рождения Я.А. Шера. Вып. 25. – Кемерово, 2011. – С. 156-161.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 129-135.

Ермоленко Л.Н., Советова О.С. О «фертообразных» воинских изображениях рёлкинской культуры // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Сборник, посвященный юбилею Л.А. Чиндиной. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2009. – С. 82-88.

Кисель В.А. Заметки о специфике рукопашного боя у сарматов // Археологические вести. – 2003. – № 10. – С. 290-304.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен (статья 1999 г.) // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 25-76.

Корниенко Т.В. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // Археологические вести. – 2011. – Вып. 17. – С. 70–95.

Ладынин И.А. Статуя Дария I из Суз: к интерпретации памятника в свете религиозно-идеологических представлений Египта и переднего Востока // Вестник древней истории. 2011. № 1 (276). С 3-27.

Ненахов Д.А. Кельт с антропоморфными изображениями из Усинской долины в Западном Саяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Том 10, выпуск 3: Археология и этнография. С. 127131.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. – М., 1994. – 188 с.

Соколова Л.А. Антропоморфные стелы Чемурчека и Хаккари – стилистический анализ // IV International Congress of Eurasian Archaeology. 1–5 October-2012, Agsu–Azerbaijan. – Baku, 2015. – С. 175-184.

Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.

Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. – Запорожье: ЗНУ, 2007. – 304 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 138 с.

Эйбл-Эйбесфельдт И. Биологические основы эстетики // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики: Пер. с англ. – М.: Мир, 1995. – С. 30-74.

Art Institute of Chicago. – URL: https://www.artic.edu/artworks/18757/ceremonial-knife-tumi (дата обращения: 09.01.2019).

Davis J.A Cycladic Figurine in Chicago and the Non-funeral Use of Cycladic Marble Figurines // Cycladica: Studies in Memory of N. P. Goulandis, ed. By J.L. Fitton. – London: British Museum Press, 1984. – P. 15-23.

Marthari M. Cycladic Marble Idols: The Silent Witnesses of an Island Society in the Early Bronze Age Aegean // J. Jensen (ed.) Gods and Heroes of Bronze Age: Europe at the Time of Ulisses (25th Council of Europe Art Exhibition). – London: Thames and Hudson, 1999. – P. 159-163.

Stary P.E. Anthropoide Stelen im früheisenzeitliche Grabkult. – Marburg: Philipps-Universität Marburg, 1997. – 31 S.

Telegin D.Ya., Mallory J.P. The Anthropomorphic Steale of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans. – Washingthon: The Institute of the Study of Man, 1994. –129 p.

М.С. Касенов[1], А.М. Зайнов[2]
[1]Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті
Атырау
[2]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
M. S. Kasenov[1], A.M. Zainov[2]
[1]Kh. Dosmukhamedov Atyrau State University
Atiray
[2]L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
kasenov.1959@mail.ru, amang84@mail.ru

ҚАРАБАУ ОБАЛАРЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР

Түйін. Мақалада Атырау облысы Қызылқоға ауданындағы Қарабау обасында жүргізілген археологиялық зерттеулер баяндалады. Зерттеуді 2018 жылғы Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетінің мамандары жүргізді. Тоналғанына қарамай, қазба жұмыстары кезінде құнды жәдігерлер табылып, ғылыми маңызы зор болды.

Қазба кезінде табылған жәдігерлер, аймақтың ежелгі көшпенділерінің тарихы мен мәдениетін жаңаша саралауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Ерте темір дәуірі, мәдениет, дәстүр, жерлеу салты, сармат тарихы, мекендеу аймағы.

Исследования курганов Карабау

Аннотация. Статья рассматривает итоги исследования кургана Карабау, в Кызылкогинском районе Атырауской области, изученного в 2018 году сотрудниками Атырауского государственного университета им. Х. Досмухамедова. Несмотря на разграбления захоронения, анализируется результаты раскопок имеющие разностороннее научное значение.

В ходе раскопок получена ценная информация, позволяющая по новому взглянуть на историю и культуру ранних кочевников региона.

Ключевые слова: Ранний железный век, культура, обычай погребения, история сарматов, ареал проживания.

Carabayu mounds research

Annotation. This article deals with the conciusion of kesearchof Karabay in Kzilkogakegion of Atyrau oblast. It was university gated in 2018 by kescarchersof Kh. Dosmukhamedov Atyrau State University.

Despite of vuins of bury, it is analyzed the different valuable kesults of excavation. During excavation it was taken valuable information and data which helps to look and reveal new cultural values of nomadic tribes of thekegion.

Keywords: Vuins of bury, different valuable, cultural values, of nomadic tribes, of thekegion.

Қарабау обалары тобы 5 обадан тұрады. Атырау облысы, Қызылқоға ауданы, Қарабау ауылының солтүстігінде – 8 км, жазық алқапта орналасқан. Құмшағылдар арасындағы сазды-құмайты алаңқайда тізбектеліп жатыр. Олар сазды-құмайты топырақтан үйілген, сырты ормен қоршалған. 2005 жылы ашылған. Қарабау жерінде бұл зерттеліп отырған тұңғыш қорған (Қорғанша, 2006 ж. есебі).

Қарабау 1 обасы. GPS координаты: N 48° 32, 146; ЕО 52° 55, 152. Оның пішіні дөңгелек келген, көлемі: диаметрі 62 м., биіктігі – 2 м. Айналдыра ені 7 м, тереңдігі 1 м, болатын ормен қоршалған. Қорған топырақтан үйілген. Оңтүстік жағына ор қазылмған, 3 метрлік қақпа жол бар.

Қарабау 2 обасы. GPS координаты: 48°31. 895; ЕО 52° 55. 627. Оба 1 – дің солтүстігінде, 100 метр қашықта орналасқан. Обаның көлемі: диаметрі– 70 метр, биіктігі – 4 метр. Сыртындағы орының ені – 6 метр, тереңдігі – 1 м Ортасында терең ойыс шұңқыр бар, диаметрі – 15 метр, тереңдігі 1 метр.

Қарабау 3 обасы. координаты: N 48°32. 272; ЕО 52° 56. 271. Оба 2 -нің солтүстігінде, 100 метр қашықта орналасқан. Обаның көлемі: диаметрі – 45 метр, биіктігі – 1,5 метр. Сыртындағы орының ені – 6 метр, тереңдігі – 0,5 м. Батыс жағында ор қазылмған ені 6 метрлік қақпа жол бар. (I-II сызба).

Қарабау 4 обасы. GPS координаты: N 48°32. 262; ЕО 52° 56. 211. Оба 3 – тің солтүстігінде, 100 метр қашықта орналасқан. Обаның көлемі: диаметрі -21 метр, биіктігі – 0,5 метр.

Қарабау 5 обасы.GPS координаты: N 48°32. 262; ЕО 52° 56. 211. Оба 4 -тің солтүстігінде, 10 метр қашықта орналасқан. Обаның көлемі: диаметрі – 23 метр, биіктігі – 0,3 метр.

Қарабау 3 обасындағы зерттеулер. GPS координаты: N 48°32. 272; ЕО 52° 56. 271. Қарабау ауылынан солтүстікте – 9,8 км. Обаның көлемі: диаметрі – 45 метр, биіктігі-1,5 метр. Сыртындағы орының ені-6 метр, тереңдігі – 0,5 м. Батыс жағында ор қазылмған ені – 6 метрлік жол бар.

2007 жылы Қарабау-3 обасына археологиялық зерттеу жұмысы жүргізілді. Обаның жобасы алынды. Кесінді қазба салынып, оның жоғарғы қабатының жабындысы анықталды. Қазба кезінде оның ағаш пен қамыстан жабылған, жабынды қабаты анықталды. (Қарабау, 2007 ж. есебі).

2017 жылғы 1-12 маусым аралығында қазба жұмыстары жалғасты. Зерттеу жұмысына Х.Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университетінің, тарих мамандығының 1–3 курс студенттері практика кезеңінде қатысты. (Атырау, 2018 ж. есебі). (I-II сызба).

Обаның беткі қабатын өсімдік жамылғысы басқан. Топырақ жамылғысы негізінен бозғылт құмдақты, сары топырақтан тұрады. Солтүстік бөлігіне қазба салынды. Шығыстан батысқа қарай оба ортасына ені – 4 метр кесінді қазба салынды. Беткі қабаты бульдозер көмегімен алынды. Ол жер қабатына дейін 1,5 метр қалыңдықта қазылды.

1,30 метрден соң, қалыңдығы 10 см., болатын қоңыр түсті ағаш шірінді қабаты жапқан. Одан төмен 10 см-ден соң қамыс пен шөптің шірінді топырақ қабаты ашылды. Бұл қабір бетін жапқан жабынды болған.

Оба ортасынан 3 қабір орны анықталды. Олардың екеуіне қазба жұмысы жүргізіліп толық тазартылды.

Қабір 1. Оба ортасында диаметрі 4 метр болатын қабір шұңқыры байқалды. 2 метр тереңдіктен соң шашылған адам және мал сүйектері ұшырасады. Қабырдің сыртқы қабырғасын мен көлемін дәл анықтау мүмкін емес, өйткені сусымалы құмайты топырақ опырылып құлаумен, қабір шекарасын жойған. Қабір ортасынан қар түсті биіктігі 40 см., құмыра табылды. Ол қаты қирап, сынған.

300 жуық қола жебе ұштары бір жерде шоғырланып жатыр. Олардың кейбіреулерінің ұнғымаларында, ағаш сабтарының қалдықтары сақталған.

Оның маңында қола айна және тасбақаның «сауыт» сүйегі табылды. Қабір ішінен адам мен мал сүйектерінің қалдықтары ретсіз шашылып жатыр. Сонымен бірге нашар сақталған темір найза ұшы, темір қалдықтары шықты. Күлдің де қалдықтары ұшырасады. Қабір тонауға ұшыраған. Оңтүстік батыс тұсынан жер деңгейінен, қойдың жауырын сүйегі шықты. Бұл құрбандыққа шалынған мал сүйегі болса керек.

Қабір 2. Қабір 1 шығысында, 2 метр қашықта жатыр. Оның бетін ағаш және қамыспен жапқан. 2 метр тереңдіктен, диаметрі – 2,4 метр қабірден 2 адам қаңқасы шықты. Бастары солтүстіке қараған. Ер мен әйел сүйектері жақсы сақталған. Қабірлер толық қазылған жоқ.

Қабір еденінің 7 жерінде тіреу бағананың ойықтары сақталған. Диаметрлері: 10–15 см. Бұл құмайты қабір қабырғасын қаланған қамыс бойраны тіреп ұстаған тіреу бағаналарың қадалған орны. Сонымен бірге қабір төбесін жапқан жабынды қамысты да ұстап тұрған. Жабынды қалындығы 25 см.

Ер адам қаңқасы – шалқасынан жатыр, қолдары шынтағынан бүгіліп, екі жанына созылып қойылған, аяқтары тізелерінен сәл бүгіліп, талтайып қойылған. Бойы -1,75 м Аяғының ұшынан диаметрі: 1–1,5 см, болатын 3 моншақ табылды.

Әйел адам қаңқасы. Ол ер адамның сол жағында жатыр. Бойы 1,60 м. Шалқасынан жатыр. Қолдары екі жанына созылып қойылған, аяқтары тізелерінен сәл бүгіліп талтайып қойылған. Оң құлағы тұсынан алтын салпыншақ, сол иығы тұсынан 3 алтын жұқа дөңгелек қаңылтыр табылды, диаметрлері – 2 мм Аяғының басынан диаметрі – 3–4 мм, болатын әр түсті және әр түрлі 100 жуық майда моншақтар табылды. Табаны тұсынан көлемі: 10 х12 см, қалыңдығы 2,5 см, әктас табылды.

2 қабірдің шығысынан жатқан 3 қабір жартылай тазаланып, кескіні анықталып, адамдар қаңқалары шықты. Қабір толық қазылған жоқ. Келешекте жалғасатын қазба жұмысы обаның сырын толық ашады деп ойлаймыз.

Қарабау 3 обасындағы қабірлер б.э.д.II ғ. тән. Қорыта келгенде Қарабау жеріндегі 100 жуық обалар бар. Олар қола, темір және ортағасыр дәуірлері уақытына жатады. Келешектегі археологиялық зерттеулер өңірдегі ескерткіштері туралы толығырақ мәліметтер бермек.

1 қабірден шыққан заттарға сипатама жасайық.

Қыш көзе. Биіктігі 36 см, ернеуінің диаметрі 18 см, түбінің диаметрі -15 см, бүйірінің диаметрі 30 см. Бүйірлі болып, ернеуі сәл сыртқа қайырлған. Мойын тұсына тұтқа орналасқан, жуандығы 2 см, ұзындығы 11 см. Сырты жылтыр, сапалы жасалған. Сазына құм қосылып жасалған, қара түсті.

Қола айна. Диаметрі: 15 см, қалыңдығы 0,3 см болды. Тұтқа ұзындығы -8 см., ені 2–2,5 см. Артқы бетіне сызықты 4 шеңбер салынған. Нашар сақталған.

Темір шар. Көлемі: 3,5 х 2,5 см. Бір бүйірі кесілген.

Қола жапсырма. Диаметрі: 3 см, қалыңдығы– 0,6 см.

Сүйек жапсырма. Ұзындығы – 4 см, ені 1см. Бетінде шеңберлі оюлары бар.

Қола жебелер. 300 дана. Үш қырлы болып жасалған. Ағаш саптарының қалдықтары сақталған, түптері ғана қалған.

Темірден жасалған заттар. Үзенгі сынығы, тоға, темір кездік т. б. темір заттар қалдықтары жиналды. Нашар сақталған.

Найза ұшы. Темір. Сақталған ұзындығы -25 см, диаметрі -3 см, қалыңдығы –1 см. Нашар сақталған.

2 қабір заттары:

Алтын салпыншақ. Ұзындығы – 4 см., түтік түрінде жасалған – 4–1 см, басы жапырақ түрінде өрнектелген.

Алтын жапсырмалар. 3 дана. Диаметрі: 0,5 см, қалыңдығы -1 мм болады.

Өңделген тас. Көлемі: 3х2 см, қалыңдығы -1,5 см. Жартылай сынған. Ақшыл сары түсті. Беті мен қыр тегістеліп, сәнделген.

Моншақ ақық (сердолик). Қызғылт түсті. Ұзындығы – 2,5 см. Диаметрі: 0,5 – 1,2 см.

Моншақ. Паста. Қара түсті. Диаметрі 1,5х1,2 см.

Моншақ**.** Паста. Көлемі 1,1–1,2 см. Қара түсті. Бетіне өрнек салынған.

Моншақ. Паста. Көлемі – 2 см. Қара түсті. Бетіне ақ шеңбер өрнектер салынған.

Моншақ. Паста. Ұзындығы – 2 см, диаметрі: 0,8 см. Қара түсті.

Моншақ. Диаметрі: 1 см. Ақ түсті. Жартысы сынған.

Моншақтар майда. 300 дана. Диаметрі: 1–4 мм. Әр түрлі пішінде. Ақ, сары, көк, жасыл, қара, түсті. Тастан, минералдан, т. б. затардан жасалған.

Әк тас. Көлемі: 10 х12 см, қалыңдығы – 2,5 см.

Ақ хрустал. Өңделген. Көлемі:1х 2 см.

Қоңырау. Қола, көлемі: биіктігі -1,5 см, диаметрі: 2,5 см.

Ұршық бас. Диаметрі: 4 см, қалыңдығы – 0,6 см. Қара түсті қыш.

Қарбау-3 обасына жүргізілген археологиялық қазбадан табылған деректер, бұл обаның біздің эрамызға дейін II ғасырларда болғанын айғақтайды.

***

Сарматтар б.з.б. VII ғасырдан б.з. IV ғасырына дейін ұланғайыр территорияны мекендеп, кейін Қазақстан жеріндегі тайпалар мен халықтар құрамына енген.

Тайпалар орналасуы әлі толық зерттелмеген. Қазақстанның Батыс аудандарының ескерткіштері, орталығы Солтүстік Каспий маңында болған, аттары б.з.б. II ғасырда грек-рим тарихшыларына жақсы мәлім аорстар мен роксоландардың арғы аталарына тән болуы керек деген болжам бар.

Сарматтар әлемі тарихта әлі жүйелі зерттелмеген бір сала. Қазақстанның батыс және солтүстік аудандарының территориясындағы әуелгі темір дәуірінің бізге белгілі ескерткіштерінің бәрі екі тарихи кезеңге – б.з.б. VII-V және б.э.д. IV-II ғасырларға жатады.

Біріншілері шартты түрде савромат мәдениетінің ескерткіштері деген атпен біріктірілген, екіншілері соңғы кездегі грек деректемелеріндегі сарматтарға жатқызылады. Археологияда б.з.б. IV-II ғасырлардың ескерткіштерін алғашқы қазба жұмыстары жүргізілген жердің атымен Прохоров ескерткіштері деп те атайды.

Атырау жеріндегі Жайық, Сғыз, Жем және Ойыл өзендері өңіріндегі сармат тайпаларының жүздеген обалары мен тұрақтары жүйелі зерттелмеген. Келешектегі зерттеулер ерте темір дәуірі туралы жаңа тың деректер бермек.

Әдебиеттер тізімі

Атырау облысы Қызылқоға ауданы жеріндегі Қарабау аулындағы Қарабау 3 обасында жүргізілген археологиялық қазба жұмысының ҒЫЛЫМИ ЕСЕБІ. Атырау, 2018 ж. (Касенов М.С.).

Атырау облысының тарих және мәдениет ескерткіштерінің жиынтығы. Қызылқоға, және Индер аудандары. Атырау – Алматы, 2012. № 60. 63 бет.

Қорғанша қаласындағы, Жолайшағыл құмтөбелі қабіріндедегі археологиялық зерттеу жұмысының және Атырау облысында жүргізілген археологиялық барлау жұмысының 2006 жылғы есебі. Атырау – 2007 ж. (Касенов М.С.).

Қарабау обасындағы жүргізілген археологиялық зерттеу жұмысының 2007 жылғы есебі. (Касенов М.С.).

Ж. Курманкулов[1], С.Б. Болелов[2], Ж. Утубаев[1]
[1]Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
[2]Государственный музей искусства народов Востока
Москва, Россия
Z. Kurmankulov[1], S.B. Bolelov[2], Z. Utubaev[1]
[1]Institute of Archeology A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
[2]State Museum of Oriental Art
Moscow, Russia
utubaev_z@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ БАБИШ-МУЛЛА 1 В 2018 Г.

Аннотация. В этой статье представлен новый аспект информации о городе Бабиш-Мулла, расположенном на канале Жанадарья, одном из притоков реки Сырдарьи. Во второй половине I тысячелетия до н.э. на городище Бабиш-Мулла активно велись оседлое земледелие и скотоводство. Впервые памятник был исследован Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в 1957-60 гг. В 2018 году планировалось ввести новые материалы в научный оборот благодаря обновлению результатов исследований и появлению новых аспектов. Информация, полученная во время раскопок, расширила наши возможности по реконструкции ритуальных церемоний, хозяйственного и социального уклада того периода. Это, в свою очередь, требует расширения источниковой базы на результатах плановых работ.

Ключевые слова: культура, городище, цитадель, дворец, ритуал, керамика.

2018 ж. Бабиш-Мулла I қалашығында археологиялық зерттеулер

Түйін. Мақалада Сырдария өзенінің бір тармағы болып саналатын Жаңадария арнасында орналасқан Бәбіш мола қалашығына жаңаша қарауға мүмкіндік береді. Б.з.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында өмір сүрген Бәбіш мола қалашығы отырықшы-егіншілікпен және мал шаруашылығымен айналысқан. Алғаш, ескерткішке 1957-60 шы жылдары Хорезм археология-этнографиялық экспедициясы қазба жұмыстарын жүргізген. 2018 жылы қайта зерттеу жұмыстары жаңғыртылып, жаңа көзқарастар пайда болғандықтан табылған материалдарды ғылыми айналымға енгізу жоспарланды. Қазба жұмыстары барысында алынған ақпараттар сол дәуірдің ғұрыптық рәсімдерін, шаруашылық және әлеуметтік құрлысын толығымен қалпына келтіру мәселелері бойынша мүмкіндігімізді кеңейте түсті. Бұл өз кезегінде жоспарлы жұмыстар нәтижесінде деректік базаны кеңейту мақстатын жүзеге асыруды қажет етеді.

Түйін сөздер: мәдениет, қалашық, цитадель, сарай, ғұрыптық рәсім, керамика .

Archaeological research in the city Babish-Mulla 1 in 2018

Annotation. This article is given a new aspect of information about Babish Mola town located on Zhanadarya Channel, one branch of Syr Darya River. At the second half of first millennium BC, sedentary agriculture and cattle-breeding were actively engaged at the Babish Mola settlement. Firstly, the monument was studied by the Khorezm archeological-ethnographic expedition during 1957-60. In 2018, it was planned to introduce new materials into the scientific circulation due to upgrade research results and appeared new aspects. The information obtained during the excavations was expanded our ability to restore the ritual ceremonies, economic and social construction of that period. In turn, the implementation of the expanded database requires a scheduled work.

Keywords: culture, hillfort, citadel, palace, ritual, ceramics.

В 2018 г. основные работы Чирикрабатской археологической экспедиции проводились на городище Бабиш-Мулла 1 и в его ближайшей округе. В качестве объектов раскопок было избрано небольшое всхолмление к югу от городища и «Большой Дом», занимающий центральное положение в пределах цитадели Бабиш-Муллы 1.

Укрепленное городище Бабиш-Мулла является центром Бабишмуллинского оазиса, базировавшегося на боковых широтных руслах Жанадарьи, которое расположено в 40 км к северу от Чирик-рабата (координаты: 44°25’8.06» с. ш.; 63° 6’49.07» в. д.).

Комплекс археологических памятников, который получил общее название Бабиш-мулла, впервые был обследован отрядом Хорезмской экспедиции в 1946–1948 гг. (Толстов, 1948а). На площади 70-80 км^2 были выявлены различные памятники античной эпохи: городища, неукрепленные поселения, отдельные усадьбы, наземные погребальные сооружения.

В 2016 г. маршрутной группой Чирик-рабатской археологической экспедиции была повторно исследована и произведена топографическая съемка памятников в округе комплекса Бабиш-Мулла.

Бабиш-Мулла – крупное городище неправильных очертаний, обнесенное крепостной стеной (толщина 5,3 м), возведенной из сырцового кирпича на пахсовом цоколе (рис. 1, А). Крепостная стена имела полукруглые башни. На внутреннем пространстве городища прослеживаются следы жилой застройки. В юго-западной части городища обнаружены остатки отдельно расположенного сырцового здания и нескольких пристенных помещений – построек каркасно-столбовой конструкции. В северной части городища расположена квадратная в плане цитадель размерами 100×100 м, ориентированная углами по сторонам света. Стена и башни прорезаны тремя рядами стреловидных бойниц, находившихся на высоте 1,15 м над уровнем стрелковой площадки у подножия стены. Высота бойниц – 40 см, боковые их стороны образованы двумя наклонно поставленными кирпичами, основание горизонтальное. В то же время тройные бойницы стены «цитадели» крепости Бабиш-Мулла 1 напоминают бойницы крепости Джанбас-кала (Хорезм) (Толстов, 1948б, с. 88). Не исключено, что прототипом для тех и других послужили фортификационные сооружения Бактрии, где аналогичные формы, например, зафиксированы в крепостных стенах памятников античного времени Балхского оазиса, там же встречены ложные «стрелки» бойниц, известные в памятниках чирикрабатской культуры (Пугаченкова, 1976, с. 137-140).

А

Б

Рис. 1. Городище Бабиш-Мулла, А; Бабиш-Мулла 8, Б

Въезд в цитадель, который был фланкирован двумя полукруглыми массивами башнеобразных пилонов, находился с южной стороны. Он был защищен мощным предвратным сооружением «донжоном» (30×30 м). С юга к донжону и цитадели примыкает территория города, обнесенная мощной стеной, прорезанной стреловидными бойницами и укрепленной полукруглыми башнями.

В центре цитадели расположено квадратное в плане (44×44 м) монументальное здание – «Большой дом», по всей видимости, дворец. Его стены были построены из сы-

рцового кирпича на пахсовом цоколе. В них были бойницы, располагавшиеся по три веером. Углы сооружения были укреплены башнями без внутренних помещений.

В 1957-1960 гг. отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на городище Бабиш-Мулла велись стационарные раскопки. Основным объектом исследований была цитадель, в которой был полностью раскопан входной комплекс (так называемый «донжон») и восточная часть центрального здания (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 23-40; Толстов, 1962, с. 139–154; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 53–58; Вайнберг, Левина, 1993). При раскопках крепости были выявлены три строительных периодов, судя по керамике, относящихся к IV-II вв. до н.э.

Бабиш-Мулла 8.

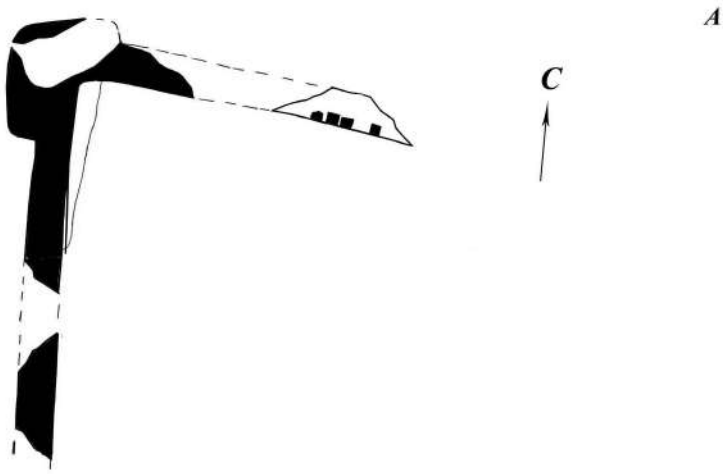
Объект, который получил название Бабиш-Мулла 8, расположен в ближайшей округе Бабиш-Мулла 1, приблизительно в 200-250 м к югу от внешней крепостной стены городища. До раскопок в рельефе четко прослеживалось центральное здание и участки внешней стены на некотором расстоянии от него. При визуальном осмотре памятника, который до раскопок выглядел как небольшое всхолмление в центре прямоугольной площадки, обнесенной стеной, было высказано предположение, что это остатки небольшой укрепленной усадьбы с центральным зданием и обширным двором, обнесенным капитальной внешней стеной. В ходе раскопок наши предположения подтвердились только отчасти.

Раскопки были начаты на центральном невысоком бугре, в центре обширного двора, обнесенного, как это было видно еще до раскопок, оборонительной стеной. Сразу же после снятия верхнего слоя надувного лесса и натеков в центре двора были обнаружены стены небольшой постройки, сложенные из форматного сырцового кирпича (рис. 1, Б; рис. 2, А). В основном, кирпич квадратный или близкий к квадратному размерами 40×40×12 см; 40×38×12 см; 37×39×11 см. Изредка в кладке стен встречается и прямоугольный кирпич: 38×43×12 см; 37×45×12 см.

В ходе проведенных раскопок сооружение вскрыто полностью. Оно было прямоугольным в плане размерами 5,5×3,75 м и ориентировано почти строго по линии В-З. Вход в здание шириной 0,9 см был с северной стороны в северо-западном углу. Ширина восточной и западной стены сооружения – 0,8-0,9 м – два кирпича; северной и южной – 0,5 м – один кирпич (рис. 2, Б). В центральной части здания, на расстоянии 0,75 м от северной стены и 1,1 м от восточной стены открыто почти квадратное в плане (1,35×1,5 м) возвышение-подиум. Также, как и стены, оно сложено из форматного сырцового кирпича, но более крупного размера: 45×49×12 см; 44×45×12-13 см; 43×39×12 см. Высота подиума от уровня пола здания, который в виде плотной глиняной обмазки толщиной 3-5 см зафиксирован на отметках +12-14 от реперной точки[1], была не более 20-25 см, то есть два кирпича. К сожалению, подиум сохранился не полностью, часть его уничтожена довольно большой норой (рис. 2, А).

Максимальная сохранность стен здания не превышает сорока сантиметров от уровня пола. Самый высокий уровень сохранившейся кирпичной кладки стены – +53 от репера отмечен в центре северной стены. Таким образом, мощность культурного слоя внутри сооружения – 40 см (рис. 2). Строго говоря, культурного слоя, который бы соответствовал периоду интенсивного обживания постройки, здесь нет. Заполнение помещения представляет собой слои кирпичной и глиняной средней и высокой плотности

[1] За относительный репер на объекте был принят уровень такыра к востоку от здания.



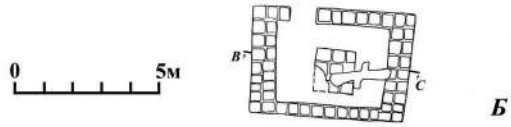


Рис. 2. Бабиш-Мулла 8. План и разрез

(деструктированный кирпичный завал) крошки, перемежающиеся глинисто-песчаными прослойками и линзами. В восточной части здания отмечен слой плотной глины серо-желтого цвета – натек. Максимальная мощность этого слоя – 20 см, зафиксирована непосредственно у восточной стены здания. В заполнении центрального помещения найдено совсем немного костей животных и небольшое количество мелких фрагментов керамики, в основном столовых сосудов. Среди них следует отметить фрагмент «рыбного блюда» и столовых чаш покрытых плотным темно-коричневым ангобом (рис. 3; *1,2,11*). Обращает на себя внимание очень небольшое количество фрагментов кухонной посуды. За пределами здания культурного слоя, относящегося к периоду жизни памятника, также практически нет. Вместе с тем, к востоку от центральной постройки выявлены пятна прокаленной поверхности на уровне материка и незначительный по мощности (не более 10 см) культурный слой – рыхлая пылевидная супесь серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы и мелкими древесными угольками (рис. 2, А). Здесь найдено некоторое количество фрагментов керамики, в том числе кухонных сосудов (рис. 3; *18-26*).

В северо-западной части объекта на отдельных участках выявлены следы оборонительной стены памятника. Кроме того, определяются контуры прямоугольной в плане северо-западной выносной башни. Размеры ее определены приблизительно – 3,9 м по западному фасу и 3,5 м по северному фасу. Судя по всему, внутрибашенного помещения не было и, собственно, башня являлась просто выступом оборонительной стены, который отстоял от основной линии стены на 1 м. Следы оборонительной стены удалось зафиксировать только на отдельных участках. Ширина ее была 1,25-1,3 м. Как можно предполагать, нижняя ее часть была сложена из пахсы, однако на северном отрезке зафиксированы следы квадратных сырцовых кирпичей размером: 45×42×?; 43×41×?; 40×40×? (рис. 2, Б).

В ходе раскопок объекта Бабиш-Мулла 8 не обнаружено каких-либо артефактов, по которым можно было судить о функциональном назначении памятника. С определенной долей уверенности можно говорить, что центральное здание было нежилым. Во всяком случае, ни бытовых, ни хозяйственных очагов, ни внутри постройки, ни рядом с ней не обнаружено. Об этом же говорит практически полное отсутствие культурного слоя, который свидетельствовал бы о жизнедеятельности. Особого внимания заслуживает квадратный кирпичный подиум в центре здания. Следов горения на его поверхности не обнаружено, таким образом вряд ли это был алтарь огня, но предположение о том, что это сооружение каким-то образом могло быть связано с каким-то ритуалом, как кажется, вполне имеет право на существование. О характере культа мы можем только догадываться.

Городище Бабиш-Мулла 1. «Большой Дом».

В 2018 году были начаты раскопки центрального здания на цитадели городища Бабиш-Мулла 1 (рис. 4). Раскоп был заложен в северо-западной части монументального здания, которое традиционно считается Дворцом правителя области в бассейне Жаны-дарьи. Общая площадь раскопа – 128 кв. м. Глубина вскрытия на некоторых участках превышала 2 м. В ходе раскопок вскрыт участок обводного коридора здания и, частично, два помещения, соединенные проходом в северо-западном углу здания. Все стены сложены из крупноформатного сырцового кирпича: 42×42×12-13 см; 39×40×12

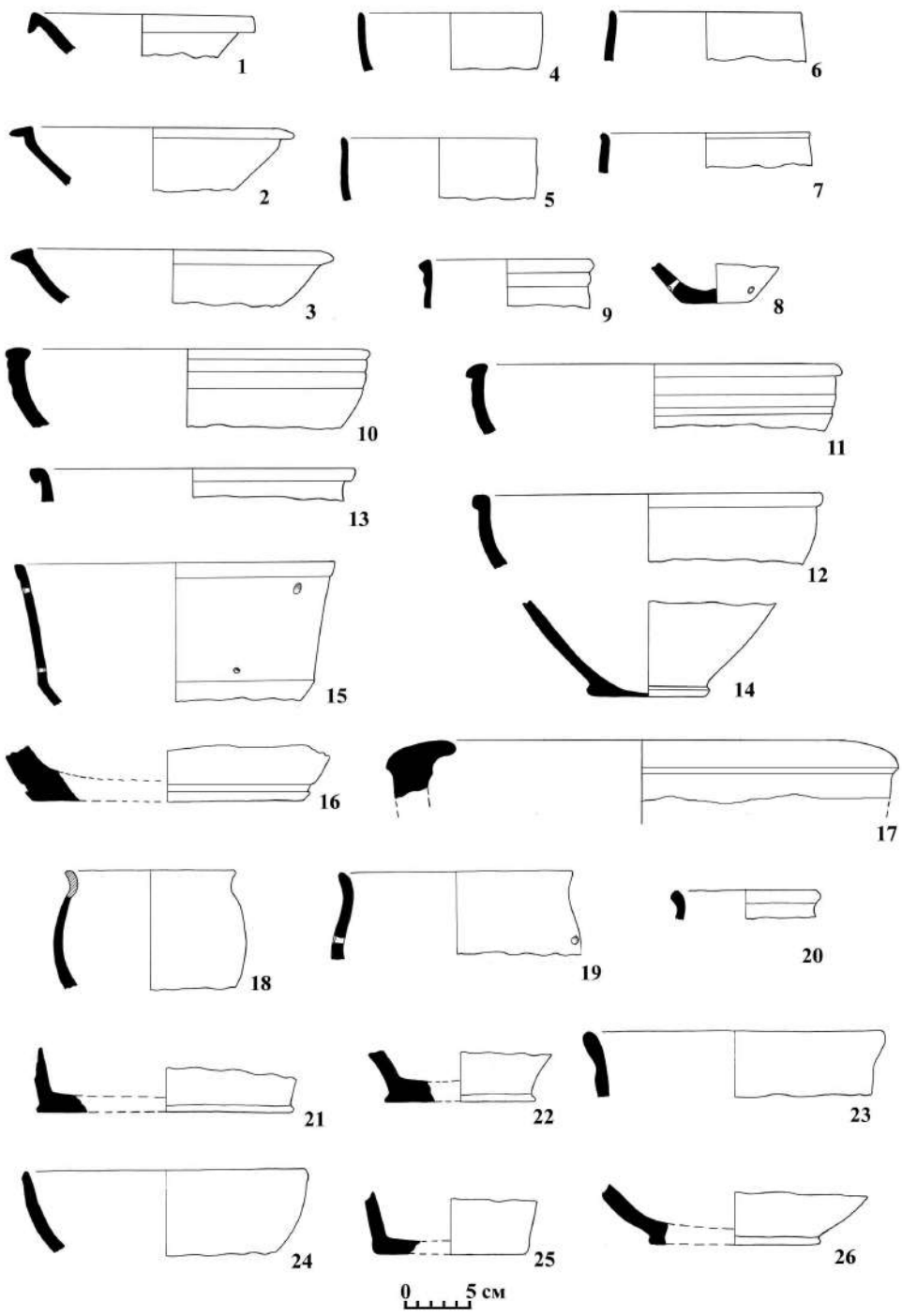


Рис. 3. Бабиш-Мулла 8. Керамика

см; 38×39×12 см; 43×44×12-13 см. Следует отметить, что наряду с квадратными кирпичами использовались и прямоугольные: 47×38×13 см; 45×35×12 см; 49×37×12 см. Кладка регулярная, ряды уложены в перевязку, при этом сдвиг верхнего ряда относительно нижнего составлял полкирпича.

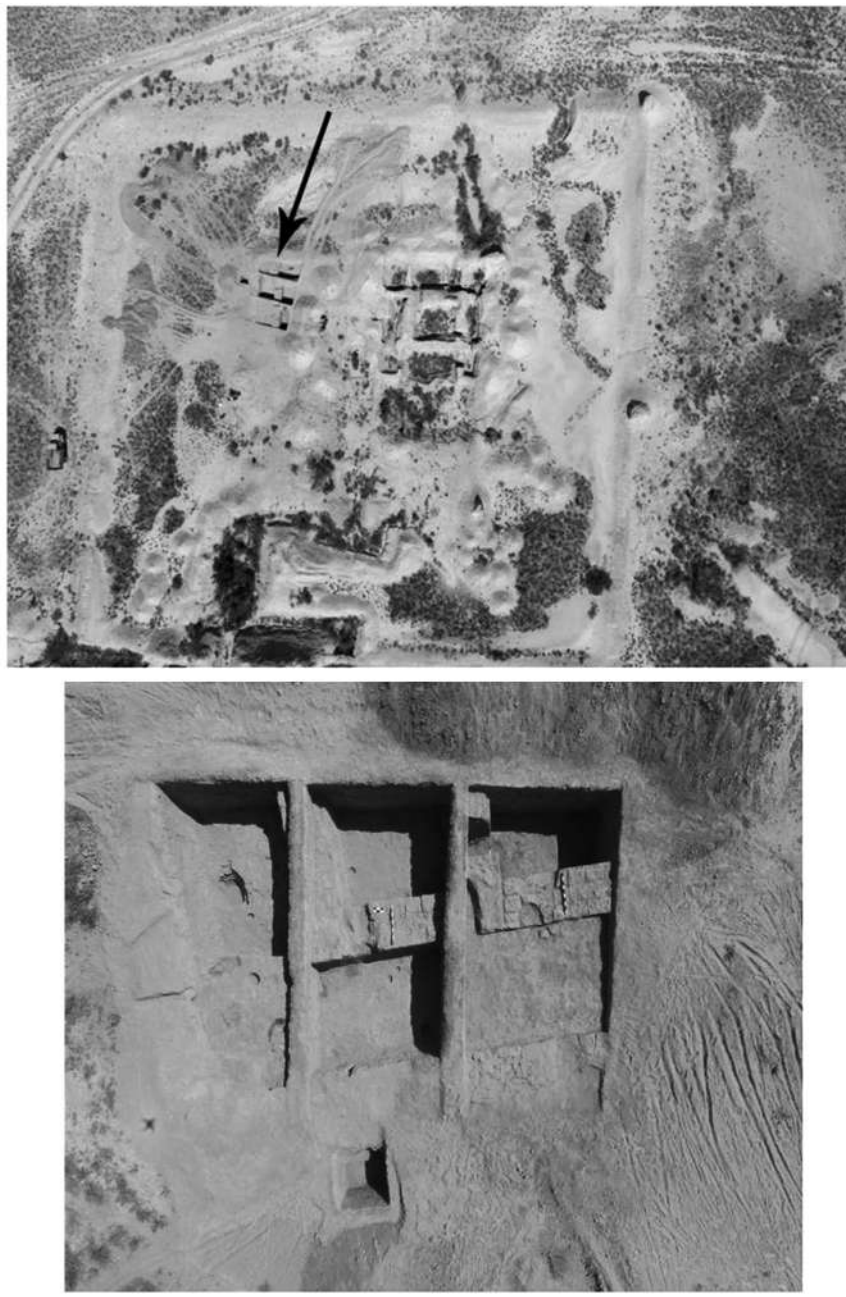


Рис. 4. Бабиш-Мулла 1. «Большой дом». Раскоп 1

По всей площади раскопа опустились до уровня полов, соответствующих основному периоду жизни здания. На разных участках раскопа они зафиксированы на отметках – 198-210 от реперной точки[1].

Кладка стен помещения выявлена сразу после снятия незначительного верхнего слоя надувного лесса и такырной корки. После поверхностной зачистки внешней стены здания на северо-западном участке (толщина стены здесь пока достоверно не определена) на северном отрезке стены четко определились контуры трех бойниц. Одна из них, шириной 20 см, расчищена на расстоянии 2,2 м от внутреннего северо-западного угла здания. Она была ориентирована строго перпендикулярно относительно линии внешней стены. Две другие бойницы (ширина 20 см), обнаруженные на расстоянии 4,2 м и 4,8 м от угла здания, соответственно, были ориентированы под углом к линии внешней стены (рис. 5). Можно предполагать, что на этом участке стены было три бойницы, расположенные веерообразно. Сохранились только нижние их части, по этой причине высоту установить невозможно. Следует отметить, что ложе у всех бойниц было горизонтальным.

В процессе раскопок по стратиграфическим данным предварительно выделяются два периода существования здания: основной период жизни (более ранний) и период частичного обживания. Судя по стратиграфической ситуации в западной и северо-западной части раскопа эти два периода разделяет некоторый промежуток времени, в течение которого частично были разрушены стены некоторых помещений (рис. 6-7).

1 период (основной период жизни здания)[2]

В ходе раскопок до уровня пола основного периода обживания открыт участок обводного коридора здания, который как можно предполагать, охватывал по периметру всю западную часть «Большого дома». Ширина его на вскрытых отрезках – колеблется от 2,5 м до 2,7 м (рис. 5). Уровень верхнего пола коридора в виде плотной глиняной обмазки серого цвета зафиксирован на отметках -215-213 на северном участке, и на отметках – 212-210 от реперной точки.

На расстоянии 4,45 м от западного угла коридора и на расстоянии 1,4 м от восточной бровки раскопа, вплотную к северной стене коридора открыта овальная в плане яма, спущенная с верхнего уровня пола. Борта ямы пологие, сужающиеся в нижней части. Размеры ее в верхней части – 1,2 × 1 м; в нижней – 0,9 × 0,75 м. Глубина ямы – 0,4-0,55 см. Яма была заполнена слоем рыхлой комковатой супеси серого, светло-коричневого цвета с небольшим количеством мелких, невыразительных фрагментов керамики. Рядом с ямой, также на уровне верхнего пола, выявлена система столбовых ямок, которые образуют неправильный полукруг вокруг нее. Две столбовые ямки наибольшего диаметра расчищены к востоку от ямы. Одна ямка диаметром 31 см и глубиной не более 7-10 см обнаружена на расстоянии 1 м от борта ямы у северной стены коридора. Вторая ямка диаметром 36 см и глубиной не менее 20 см обнаружена на расстоянии 1,1 от борта ямы и тридцати см от южной стены коридора. Еще две столбовых ямки меньшего диаметра зафиксированы к югу от ямы на расстоянии 0,7 м от борта и также в тридцати см от

[1]За условный репер на раскопе была принята высшая точка на северо-западной части здания.

2 Пока основной раскоп не доведен до материка и стратиграфия памятника полностью не получена нумерация периодов дается условно.

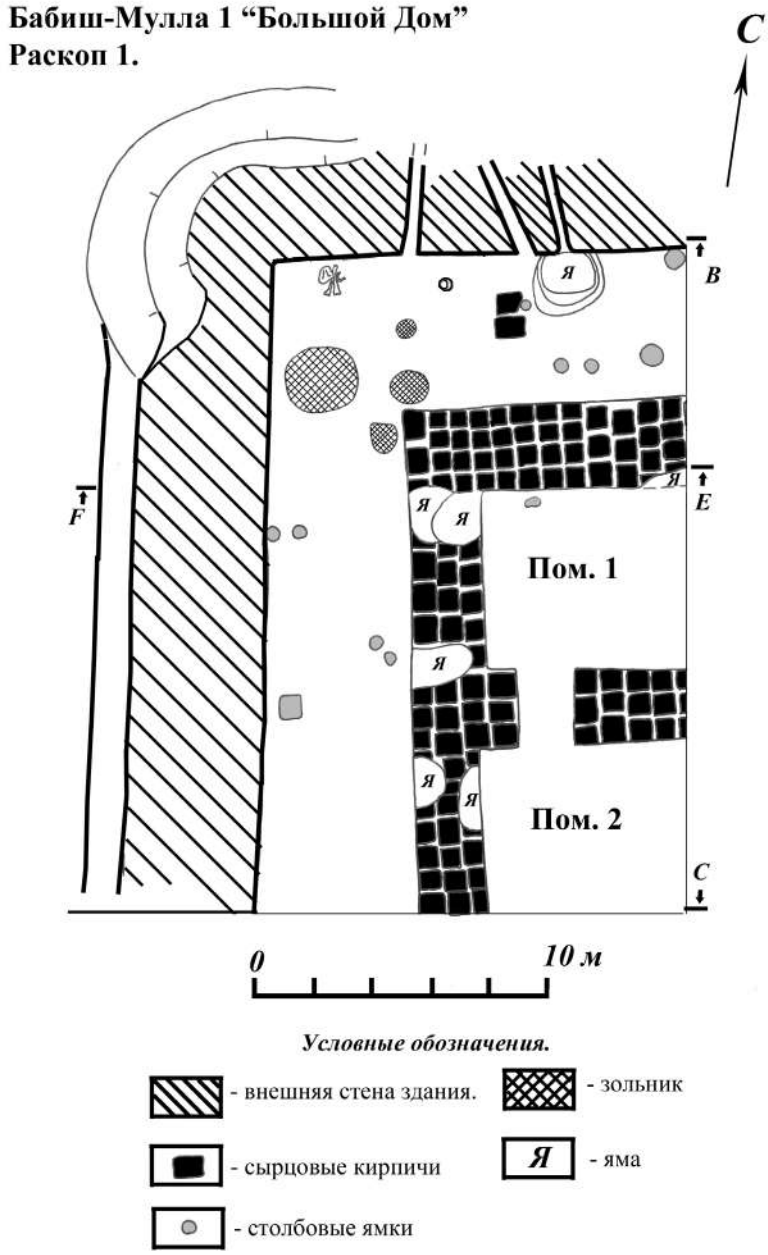
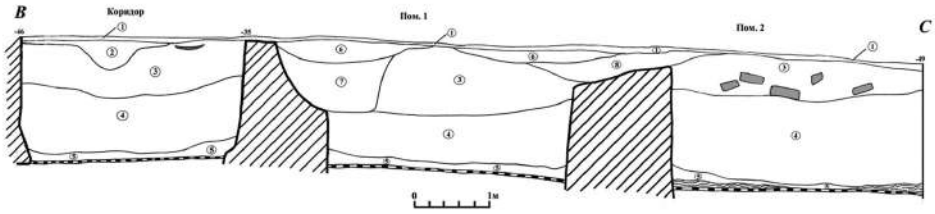


Рис. 5. Бабиш-Мулла 1. «Большой дом». Раскоп 1. План

Бабиш-Мулла 1 "Большой Дом"
Раскоп 1. Разрез по линии С-Ю (В-С) Восточная бровка.



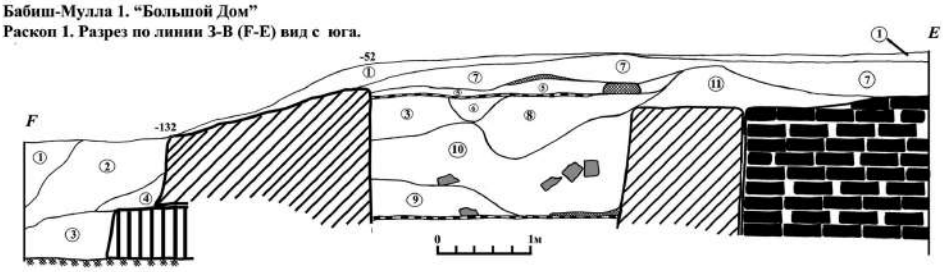
Условные обозначения.

1 - слой плотного слоистого суглинка красно-коричневого цвета.
2 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета.
3 - слой кирпичного завала.
4 - слой плотного кирпичного завала.
5 - слой рыхлой комковатой супеси с кирпичной крошкой (эллювиальные отложения).
6 - плотного слоистого суглинка коричневого цвета с супесчаными натеками
7 - слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета с включениями крупной кирпичной крошки.
8 - слой плотного суглинка светло-коричневого цвета с крупными фрагментами сырцового кирпича.

- слой плотной слоистой супеси с высоким содержанием песка (натек).
- уровень пола
- сырцовый кирпич.
- кирпичная стена в разрезе.

Рис. 6.

Бабиш-Мулла 1. "Большой Дом"
Раскоп 1. Разрез по линии З-В (F-E) вид с юга.



Условные обозначения.

1 - слой плотной слоистой супеси.
2 - слой кирпичного завала.
3 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета.
4 - слой плотного комковатого суглинка с включениями кирпичной крошки
5 - слой рыхлой слоистой супеси серого цвета с угольками и известковыми включениями (стяжками).
6 - слой мелкой кирпичной крошки с фрагментами кирпича.
7 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета с крупными фрагментами сырцовых кирпичей.
8 - слой рыхлого кирпичного завала; кирпичная крошка, храгменты кирпичей.
9 - слой рыхлой комковатой супеси серого цвета.
10 - слой плотного кирпичного завала.
11- слой плотной глины серого цвета с включениями натечных слоев и фрагментов сырцового кирпича (деструктированный кирпичный завал).

- уровень пола
- сырцовый кирпич.
- кирпичная стена в разрезе.
- пахса
- материк

Рис. 6-7. Бабиш-Мулла 1. «Большой дом». Раскоп 1. Разрез

южной стены коридора. Диаметр этих ямок 18-22 см, глубина – 20-25 см. Наконец, еще одна ямка расчищена практически у западного борта ямы на расстоянии 0,7 м от северной стены коридора (рис. 5). Назначение описанной выше ямы определить довольно сложно. Она, безусловно, не была мусорной или хозяйственной; не вызывает сомнения факт, что она функционировала на протяжении основного периода существования здания, так как она спущена с жилого уровня. Очень может быть, в этой яме стационарно был установлен крупный тарный сосуд – хум. В этом случае особый интерес представляют столбовые ямки вокруг нее. Очень осторожно можно предположить, что столбы, которые были здесь установлены, поддерживали плоское перекрытие коридора по периметру отверстия в кровле, устроенного над хумом. Тогда вполне вероятно, что в хуме собирали дождевую воду, стекавшую с крыши.

В западном отрезке обводного коридора, открытого в этом году, также обнаружено несколько столбовых ямок. На расстоянии 4,4 м от северо-восточного угла, у западной стены коридора зафиксировано две столбовые ямки диаметром 17 и 20 см, которые расположены рядом друг с другом. На расстоянии 6,6 м от северной стены коридора расчищены еще две спаренные столбовые ямки также диаметром 17 и 20 см. Они расположены практически вплотную друг к другу (рис. 5). Эти ямки на уровне верхнего пола глубиной не более 8-12 см являются следами вертикальных столбов, которые могли поддерживать балки перекрытия. Очень может быть, эти столбы были поставлены на заключительном этапе основного периода жизни памятника, когда по какой-то причине нужно было укрепить балки перекрытия. Еще одна прямоугольная в плане столбовая ямка обнаружена на расстоянии 7,3 м от северной стены коридора, в двадцати см от западной стены. В отличие от всех остальных, эта ямка была квадратной в плане – 40×40 см, глубиной немногим более 30 см. Она была заполнена рыхлой супесью серо-коричневого цвета, с довольно высоким содержанием органики (возможно древесный тлен).

В западной части раскопа, за пределами здания, вплотную к внешнему фасу западной стены с целью определения ширины внешней стены был заложен шурф, который доведен до материка. В результате проведенных раскопок точно определена толщина западной стены здания – 2,2 м. Кроме того, установлено, что она была построена на пахсовом цоколе высотой 52-54 см, который возведен непосредственно на материке, уровень которого в шурфе зафиксирован на отметке – 262 от реперной точки. Общая мощность культурных напластований за пределами здания – 1,28 м. Непосредственно на поверхности материка залегает слой сравнительно рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета с небольшим количеством керамики и костей животных мощностью 37-50 см. Этот слой перекрывается кирпичным завалом различной плотности, образовавшемся в результате разрушения стены. Толщина слоя завала, вплотную примыкавшего к внешней стене – 50-70 см (рис. 7).

Несколько другая стратиграфическая ситуация зафиксирована в западном отрезке обводного коридора. Здесь верхний пол в виде плотных глиняных обмазок толщиной 2-3 см зафиксирован на отметках – 212-209 от реперной точки. Непосредственно на уровне пола у западной стены залегает слой рыхлой комковатой супеси серого цвета с небольшим количеством мелких фрагментов керамики. Максимальная мощность этого слоя – 40 см, отмечается у западной стены. В центральной части коридора он практически сходит на нет, во всяком случае, у восточной стены коридора этот слой не про-

слеживается. Вместе с тем, у восточной стены, непосредственно на уровне пола, в поперечной бровке четко фиксируется небольшой зольник длиной, по лини бровки, – 74 см. Толщина зольного слоя не более 7-8 см. По всей видимости, это следы напольного очага (рис. 7). Эти слои перекрываются слоем кирпичного завала, толщина которого у восточной стены не менее 1 м. Завал довольно плотный, но не однородный. Так у западной стены он более рыхлый и представляет собой слой кирпичной крошки с мелкими фрагментами сырцового кирпича.

Поверх этих слоев отмечен жилой уровень, который соответствует позднему периоду частичного обживания здания, который фиксируется на отметках – 66-72 от реперной точки (рис. 7).

В юго-восточной части раскопа частично вскрыты два помещения, точные размеры которых пока не определены (рис. 5).

Помещение 1. В 2018 году раскопана северо-западная часть помещения. От обводного коридора оно отделено кирпичными стенами шириной – 1,2-1,4 м. Пока установлена только ширина этого помещения по линии З-В – 3 м. Уровень пола в этой части помещения в виде многочисленных, последовательно положенных глиняных обмазок (зафиксировано не менее 4) толщиной 2-3 см, зафиксирован на отметках – 198-200 от реперной точки. В юго-западном углу помещения расчищен проход шириной – 0,9 м, который соединял его с помещением 2, расположенным южнее. Стены помещения были тщательно оштукатурены. Слой глиняной штукатурки толщиной 10-12 см (не менее 8-9 слоев) четко фиксируется на всех стенах помещения. На некоторых из них четко видны следы побелки.

Стратиграфическая ситуация в этом помещении мало отличается от того, что было зафиксировано в западном отрезке коридора. Непосредственно на уровне пола залегает слой рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета толщиной – 10-20 см. Этот слой перекрывается слоем кирпичного завала мощностью 1,4-1,5 м. Этот слой также не однородный нижняя часть более плотная, верхняя более рыхлая – кирпичная крошка, мелкие фрагменты и целые сырцовые кирпичи. В восточной бровке раскопа четко фиксируется довольно большая поздняя яма – диаметр по линии бровки – 1,35-1,45 м (рис. 6). Заполнение ямы представляло собой слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета с кирпичной крошкой и небольшим количеством керамики и костей животных. Яма была спущена с верхнего уровня кирпичного завала. Глубина ее – 60 см, дно зафиксировано на отметке – 135 от реперной точки. Следует отметить, что она частично уничтожила северную стену помещения 1; и слой завала, и поздняя яма были перекрыты слоями глинисто-песчаных натеков. Непосредственно над ямой толщина этого слоя достигает 30 см.

Помещение 2. Это помещение расположено к югу от помещения 1 и соединялось с ним проходом шириной 0,9 м в северо-западном углу. Размеры помещения в настоящее время определить не представляется возможным. Ширина стен этого помещения – 1,2 -1,25 м. Также как и в помещении 1 стены были тщательно оштукатурены, и здесь также зафиксированы следы побелки. Стратиграфическая картина, выявленная в помещении 2, немного отличается от той, что зафиксирована в помещении 1. Здесь на уровне пола, у северной стены в центральной части помещения отмечен плотный слой суглинисто-песчаный натеков коричневого и красно-коричневого цвета толщиной 10-12 см

(рис. 6). Кроме того, нижняя часть западной стены помещения явно была подмыта. Во всяком случае, четко прослеживается сравнительно глубокая не менее 20–25 см выемка в кирпичной кладке, которая образовывается тогда, когда в помещении долгое время стоит вода. Поверх этого слоя отмечен незначительный по мощности слой рыхлой супеси с кирпичной крошкой, максимальная толщина которого не более 12-14 см. Этот слой в свою очередь перекрывается мощным слоем плотного кирпичного завала мощностью 1,6-1,7 м.

Второй период (финальный этап жизни здания).

Следы позднего частичного обживания «Большого дома» зафиксированы в северо-западной части раскопа. Жилой уровень этого периода отмечен в обводном коридоре. В северном отрезке на уровне – 80-84 от реперной точки, в северо-западном отрезке на отметках – 66-70 от реперной точки. По сути это верхний уровень кирпичного завала, который обживался на финальной стадии жизни здания. В северо-западном углу обводного коридора немного выше жилого уровня второго периода на отметке – 72 от реперной точки расчищено захоронение, как можно предполагать, очищенных костей: череп, длинные кости и нижняя челюсть немного в стороне от основного скопления. С уровнем позднего обживания памятника связан напольный очаг, обнаруженный на расстоянии 2 м от западной стены обводного коридора. Это небольшое углубление диаметром 70-75 см, заполненное золой (рис. 5). Дно очага, прокаленное до красно-оранжевого цвета, зафиксировано на отметках – 83-84 от реперной точки. Рядом с очагом обнаружен небольшой зольник в виде скопления золы и мелких древесных угольков на уровне позднего пола диаметром не менее 1 м. Приблизительно в 40 см к югу от очага, также на уровне позднего обживания памятника, была расчищена небольшая, овальная в плане ямка диаметром не более 50 см и глубиной 40-45 см. Она была заполнена рыхлой супесью с кирпичной крошкой и незначительным содержанием золы в слое. В этой ямке найдено 60 бараньих астрагалов, рядом с ней обнаружено еще одно скопление астрагалов уложенных кучкой здесь их было не менее 20.

Строительных конструкций, которые можно было бы отнести к заключительному периоду жизни памятника, в пределах раскопа не обнаружено. По всей видимости, к этому этапу относятся многочисленные ямы, частично уничтожившие стены 1-го периода, которые были заполнены рыхлым комковатым суглинком и кирпичной крошкой с небольшим количеством керамики и костей животных.

Раскопки на объекте только начаты, и пока еще рано делать далеко идущие выводы. Сегодня ясно, что западная часть и по планировке и, надо думать по функциональному назначению отличалась от восточной. Предварительно можно говорить о светском характере здания, возможно, это была жилая часть дворца, которым, вне всякого сомнения, являлся «Большой Дом» на городище Бабиш-Мулла 1.

Список литературы

Вайнберг Б.И. Левина Л.М. Чирикрабатская культура. – Низовья Сырдарьи в древности. – М., 1993. – Вып. I. – 130 с. + илл.

Пугаченкова Г.А. К познанию античной раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. – М.: «Наука», 1976. – С. 125-162.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.; Л., 1948а. – 326 с.

Толстов С.П. Древней Хорезм. – М., 1948б. – 441 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 322 с.

Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. – М., 1960. – Вып. 4. – С. 3-63.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. – М., 1963. – Вып. 6. – С. 3-91.

А.В. Логвин, И.В. Шевнина, А.М. Сеитов
Костанайский государственный университет
им. А. Байтурсынова,
Костанай, Казахстан
A.V. Logvin, I.V. Shevnina, A.M. Seitov,
A. Baitursynov Kostanay State University,
Kostanay, Kazakhstan
logvin_a@mail.ru, shevnina_i@mail.ru, sajrim@mail.ru

РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА КАРАТОМАР

Аннотация. Статья посвящена впускному погребению № 5А синташтинского кургана 1 могильника Каратомар. Памятник расположен в Тарановском районе Костанайской области (Северный Казахстан), на левом берегу Тобольского рукава Каратомарского водохранилища, у северо-восточной окраины поселка Халвай. Исследования проводились Тургайской археологической экспедицией летом 2017 г. Курган диаметром 25 м, высотой 0,9 м. В насыпи зафиксирована яма №5А, которая оказалась сильно нарушенной норой грызуна. Умерший, по всей видимости, находился в вытянутом положении, головой на юг, на деревянных носилках, остатки которой фиксировались по краям ямы. Среди находок железные меч, наконечники и ложковидное изделие. Яркой находкой является бронзовая пряжка с изображением нападения пантеры на верблюда. Форма могильной ямы, погребальный обряд, носилки, и инвентарь характерны для конца раннесарматской (прохоровской) культуры и имеют широкие аналогии. Пряжка имеет аналогии с экземплярами, известным в раннесарматских погребениях от Средней Азии до Нижнего Поволжья. Погребение относится к раннесарматской культуре в диапазоне II-I вв. до н.э.

Ключевые слова: Северный Казахстан, могильник Каратомар, раннесарматская культура, пряжка.

Қаратомар қорымының 1 қорғандағы ерте сармат жерлеуі

Түйін. Мақала, Синташты қорғанының 1 Қаратомар қорымының №5А ескі қорым үстіне көмуіне арналған. Ескерткіш Қостанай облысы Таран ауданында (Солтүстік Қазақстан), Тобылдың сол жақ жағалауында, Қаратомар су қоймасының солтүстігінде, Халвай ауылының солтүстік-шығысында орналасқан. Зерттеуді 2017 жылдың жазында Торғай археологиялық экспедициясы жүргізді. Қорымның диаметрі 25 м, биіктіктігі 0,9 м. №5А шұңқыры анықталды, бірақ шұңқырды кеміргіштер қазып бұзылған. Өлген адам ағаш зембілдер үстінде ұзыннан жатқызылған, басы оңтүстікке қаратылған. Зембілдер қалдықтарының белгілері қорымның жиектерінде қалған. Табылған бұйымдар арасында темір қылыш, ұштар мен қасық тәрізді бұйымдар бар. Табылған бұйымдардың ішіндегі таңғаларлық бұйым – бұл түйеге шабуылдаған жолбарыс бейнеленген қола белдік. Зираттың нысаны, жерлеу рәсімі, зембілдер және құрал-жабдықтар ертесарматтық (Прохоров) мәдениетке тән және ұқсастығы да

кең таралған. Табылған белдік Орта Азиядан Төменгі Волга аймағына дейінгі Сарматтық жерлеу орындарындағы үлгілерге ұқсас. Қорым б.з.д II-I ғасырлар аралығында ерте сармат мәдениетіне жатады.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, Қаратомар қорымы, ерте сарматтық мәдениет, белдік.

The early Sarmatian burial of kurgan 1 of Karatomar burial ground

Annotation. The article is devoted to the inlet burial №5A of the sintashta kurgan 1 of Karatomar burial ground. The site is located at Taran district of Kostanay region (Northern Kazakhstan), on the left bank of Tobol branch of Karatomar reservoir, by the north-east outskirts of Halvay village. The studies were conducted by the Turgay archaeological expedition in the summer of 2017. The diameter of the kurgan is 30 m and 0,9 m in height. In the mound was recorded the pit №5A, which had been heavily disturbed by a rodent burrow. The deceased apparently was in supine elongated position with the head toward the south, on a wooden stretcher, which remains recorded at the edges of the burial pit. Among the burial goods there are iron sword, arrow heads and spoon-shaped artifact. The bright finding is being a bronze buckle with image of a panther attacking a camel. The shape of the burial pit, funeral rite, andstretcher and burial inventory are typical for the end of early Sarmatian (prohorovka) culture and have wide analogies. The buckle has analogies with instancesknown in early Sarmatian burials from Central Asia to lower Volga river. Theburial is related to early Sarmatian culture in the range of 2nd-1st centuries BC.

Keywords: Northern Kazakhstan, Karatomar burial ground, early Sarmatian culture, buckle.

Могильник Каратомар находится на территории Тарановского района Костанайской области (Северный Казахстан), на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища у северо-восточной окраины разрушенного поселка Халвай, в 5,5 км к ЮЗ от курганов Халвай 3 и 5. Могильник был обнаружен весной 2017 г., в результате плановой разведки. Летом 2017 г. Тургайской археологической экспедицией были начаты раскопки синташтинского кургана №1, диаметром 25 м, высотой 0,9 м. Статья посвящена погребению № 5А.

В насыпи кургана на глубине – 1 м, была зафиксирована яма №5А овальной формы, которая прорезает восточную часть ямы № 5 (рис. 1, *1*). Ее размеры 2,55×0,85 м, глубина 0,4 м. Ориентирована по линии С-Ю. Яма сильно нарушена норой грызуна. Часть костяка отсутствует. Части черепа находились на тазу, часть ноги в норе. Костяк находился в вытянутом положении, головой на юг. Пол и возраст погребенного человека, установить не удалось. Погребенный находился на деревянных носилках, остатки которой фиксировались по краям ямы. Вдоль ноги у восточной стенки были положены две части поломанного меча, а кончик лезвия находился в ногах человека, у северного торца ямы. С западной стороны вдоль тела находился колчан с 6-7 железными наконечниками с древками и ложковидное изделие из железа. В восточной стенке, на глубине 0,3 м, за носилками зафиксирована бронзовая пряжка. Носилки были изготовлены из двух продольных брусков с пазами в которые вставлены поперечно рейки. Размер пазов 1×5 см.

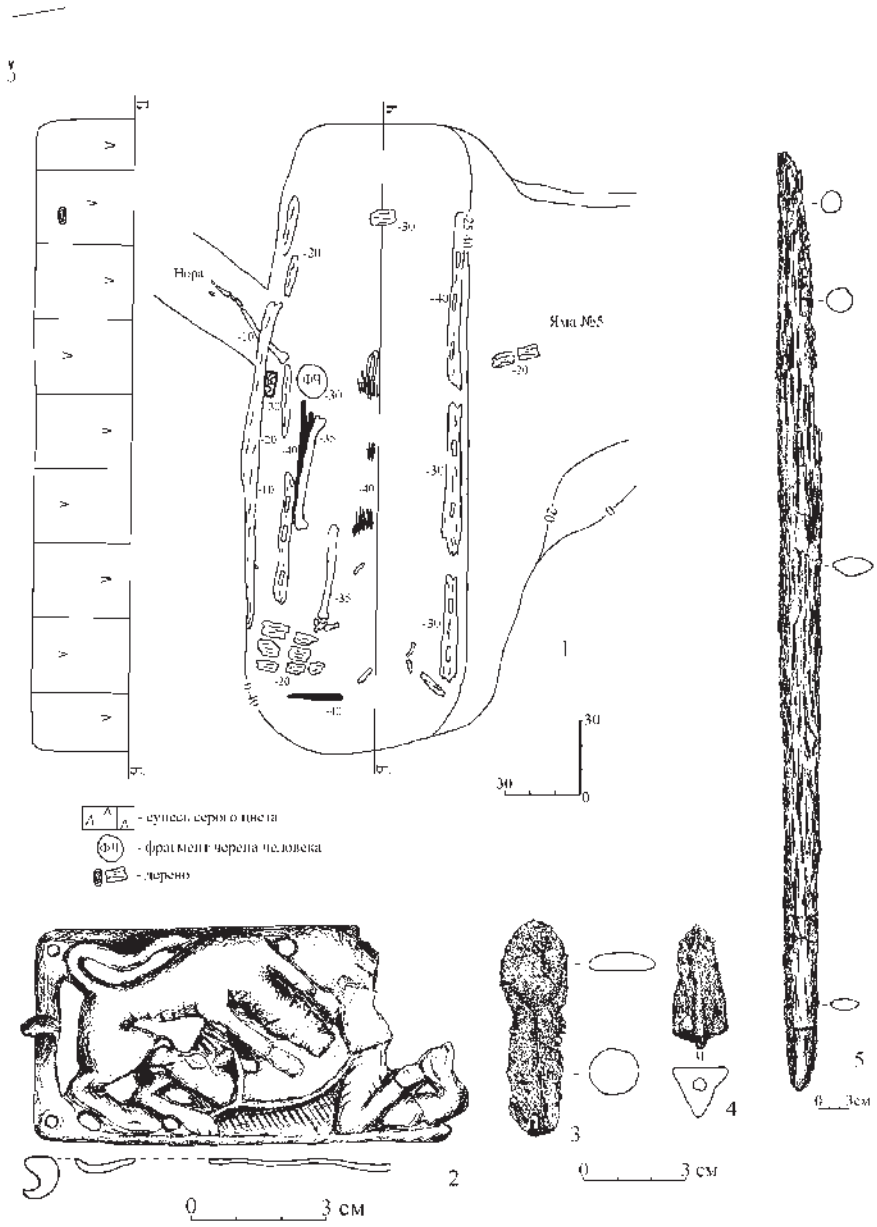


Рис. 1. Могильник Каратомар. Курган 1. Яма №5А (Тарановский р-н, Костанайская область): 1 – план и профиль могильной ямы, 2 – пряжка, 3 – ложковидное изделие, 4 – наконечник стрелы, 5 – меч; 2 – бронза, 3-5 – железо

Железный меч без навершия и перекрестия, плохой сохранности, длиной 94,5 см (рис. 1, *5*). Рукоять меча длиной 16 см, толщиной от 2 до 3 см, в сечении округлой формы. Клинок длиной 78,5 см, шириной у основания – 3,8 см, в срединной части – 4 см, у острия – 2,8 см, сечение линзовидное. Основание клинка плавно переходит в рукоять.

Железные наконечники стрел (около 6-7 экз.), сильно коррозированные, трехлопастные с черешковым насадом, края лопастей срезаны под тупым и прямым углом к черешку (рис. 1, *4*). Наконечники длиной от 7 до 10 см, черешки некоторых стрел довольно длинные, достигают 5-7 см. Длина пера – 3,4 см. На черешках видны остатки дерева от древков.

Железное ложковидное изделие, длиной 6,4 см, представляет собой вытянутую втулку с овальным уплощенным окончанием (рис. 1, *3*). Втулка раскованная, длиной 3,7 см, толщиной – 1,4-1,5 см, в сечении округлой формы. Внутренней диаметр втулки 0,6 см. Овальное окончание вытянутое, длиной 2,7 см, шириной 2 см, слегка выпукло-вогнутое, толщиной 0,6 см.

Бронзовая ажурная рамчатая пряжка, литая, прямоугольной формы с закругленными углами (рис. 1, *2*; 2; табл. 1, *1-2*). Одна треть изделия обломана. Пряжка длиной 9,6 см, шириной 4,9 см, толщиной от 0,25 до 0,8 см. С лицевой стороны изделия, слева по углам рамки имеются два сквозных отверстия округлой формы, диаметром 0,25 см, предназначенные для крепления к ремню. С той же стороны на узкой стороне рамки отлит высокий крюк-застежка. Внутри рамки заключен рельефный рисунок, сюжетом которого является сцена нападения кошачьего хищника на верблюда. Тело хищника (далее пантера)[1] изогнуто, задняя часть и спина показаны в профиль, а передняя часть, включая шею, голову и лапы – в анфас, сверху. Пантера, привстав на задние лапы, навалилась на жертву сверху, пастью вцепилась в основание ее шеи, левой лапой ухватилась за передний горб, а правой за шею. Задние лапы хищника согнуты в коленях и опираются на нижнюю часть рамки, а длинный изогнутый хвост приподнят и соприкасается с верхней частью рамки. На боку, в виде коротких, слегка изогнутых углублений, изображены ребра животного. Шерсть на шее пантеры показана косыми вертикальными линиями. Глаза хищника в виде небольших впадин. Так как правая сторона пряжки обломана, от фигуры верблюда сохранилась только его передняя часть с горбом, и фрагмент задней ноги. Верблюд при нападении упал на передние ноги, поджал их, вытянул шею и приподнял голову над землей. Его морда вплотную примыкает к задней левой ноге пантеры (возможно он кусает ее). Шёрстный подвес на шее, изображен тонкими косыми линиями в виде штриховки, а на верхней части ноги, шерсть показана вертикальной «елочкой». Голова верблюда выполнена довольно схематично, заметна горбоносая морда, разрез пасти в виде горизонтальной линии, овальное ухо с ложбинкой. На голове «шапка» густой шерсти, подчеркнутая несколькими горизонтальными линиями. На задней части его головы в виде вертикальной, сломанной под тупым углом рельефной полоски, изображен ремень упряжки с поводом, основная часть которого тянется вдоль шеи в сторону горба.

Форма могильной ямы, погребальный обряд (южная ориентировка, поза), характерны для раннесарматской (прохоровской) культуры и имеют широкие аналогии (Смирнов, 1964, с.82; 1975, с.160-161; Мошкова, 1974, с. 11; Скрипкин, 1990, с. 184; Гуцалов, 2004, с. 110). Остатки деревянных конструкций (носилки, гробы), встречаются в сарматских погребениях с IV в. до н.э., широко распространяются с III-II вв. до н.э. Такие погребальные ложа представляют собой носилки, легкие решетчатые, и иногда дощатые гробы (Смирнов, 1989, с.172;1975, с. 122; Мошкова, 1963, с. 22-23, табл. 3,10; 4, 5-8;

[1] Пантера – род крупных хищников семейства кошачьих, состоящий из четырех видов: тигр, лев, леопард и ягуар (Павлинов, 2003, с. 213).

Рис. 2. Могильник Каратомар. Курган 1. Яма №5А (Тарановский р-н, Костанайская область). Бронзовая ажурная пряжка

Моргунова и др., 2003, с. 70, 146, 155, рис. 44, 18; 89; 94; Гуцалов, 2004, с. 95, 102, 110; 2009, с. 111; Глебов, 2011, с. 35; Железчиков, Кригер, 1978, с. 218-219, рис. 1).

Носилки из Каратомарского погребения схожи с ложем из погребения кургана 7 могильника Мечет-Сай на Илеке, которые представляют собой прямоугольную раму, состоящую из двух продольных брусьев, скрепленных поперечными планками, концы вставлялись в прямоугольные пазы, расположенные на брусьях (Смирнов, 1975, с. 122, рис. 44, 45). Остатки носилок встречаются в наземных мавзолеях чирикрабатской культуры в Низовьях Сырдарьи (Вайнберг, Левина, 1993, с. 52-53, рис. 66). Гробы различных конструкций, а также носилки широко использовали в Восточном Туркестане и Средней Азии в древности и раннем средневековье (Восточный Туркестан…, 1995, с. 329-338).

Остается неясным вопрос о распространении гробов и носилок в погребальном обряде ранних сарматов. С.Ю. Гуцалов, затрагивая данную проблему, обращает внимание на центрально-азиатский регион, где подобный обряд широко практиковался с конца III в. до н.э. в хуннских и близких им по культуре памятниках (Гуцалов, 2004, с. 123; 2009, с. 111-113). Однако следует заметить, что в отличие от легких конструкций сарматов, для хуннских погребений характерны наглухо сколоченные гробы из досок, с днищами и крышки (Миняев, 2007, с. 19-22, рис. 9; 10; Давыдова, 1996, с. 10-13; Могильников, 1992, с. 260, табл. 111). Б.А. Литвинский, считает, что распространению гробов в Средней Азии, способствовали среднеазиатско-сарматские связи (Восточный Туркестан…,1995, с. 329-338). Использование гробов известно и в более раннее время. На северо-востоке Китая и прилегающих территориях, исследованы скифские погребения в гробах, относящиеся к эпохе Чуньцю-Чжаньго (VIII-III вв. до н.э.), и отождествляемые С.С. Миняевым с «протосюннускими» (Миняев, 2007, с. 82–84).

Таким образом, традиция хоронить в гробовых конструкциях и носилках, существовала еще со скифо-сарматского времени, но наибольшую популярность приобрела с

момента выхода на политическую арену хунну. Именно с этого времени в культуре сарматских племен широко представлены различные категории инвентаря, а также элементы погребального обряда (колоды, северная ориентировка), обнаруживающие аналогии в центрально-азиатском и южно-сибирском регионах (Клепиков, Скрипкин, Сергацков, 2008, с. 53-58; Скрипкин, 2010, с. 195-232). На фоне вышеперечисленных новшеств с востока, возросшее с этого времени применение гробов, носилок и подобных конструкций, вероятно, тоже следует связывать с населением Южной Сибири, Центральной и Средней Азии.

Каратомарский меч был положен в могилу уже в сломанном состоянии. Возможно, данный факт отражает обычай порчи вещей, характерный для погребальной традиции ранних сарматов, в памятниках которых нередко находят преднамеренно сломанные зеркала, мечи, ножи, котлы и др. (Глебов, 2011, с. 36). Меч из каратомарского кургана, сопоставим с мечами и кинжалами второго типа (по типологии А.М. Хазанова), имеющими плавный переходот клинка к рукояти (Хазанов, 1971, с. 17). Однако, этот переход на каратомарском мече настолько плавный, что трудно определить, где начинается рукоять. Наш меч наиболее близок экземпляру из кургана 10 могильника Агалыксай из Средней Азии (Обельченко, 1978, с. 120, рис. 3, *1*). Оружие этого типа известно еще с раннесарматского времени, но чаще всего применялось в I-II вв. н.э. (Хазанов, 1971, с. 21; Скрипкин, 1990, с. 132-133).

Железные стрелы с лопастями, срезанными под прямым углом к черешку, наибольшей популярностью пользовались с III в. до н.э. по I в. н.э., а с лопастями, срезанными под тупым углом черешку, встречались значительно реже (Хазанов, 1971, с. 37-38). Стрелы с длинными черешками характерны для раннесарматского времени (Скрипкин, 1990, с. 141).

Использование ложковидных изделий из металла и кости, широко распространилось во II–I вв. до н.э. (Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 156; Скрипкин, 2010, с. 210), по-видимому, под влиянием хунну (Матющенко, Татаурова, 1997, с. 59). Такие изделия встречаются в погребениях Нижнего Поволжья, Южного Урала (Скрипкин, 2000, с. 22, 24; Садыкова, 1962, с. 101, 105, 115, 119, табл. VI, 11; VIII, 9; Пшеничнюк, 1983, с. 114, табл. XI, 3), Казахстана (Мамедов, Виноградов, 2009, рис. 1, 11; ОАК, 1901, с. 142, рис. 256), Средней Азии (Мандельштам, 1992, табл. 42, *13*), Алтая (Шульга, 2003, рис. 6, *4*), Тувы (Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, *4*), Среднего Енисея (Дэвлет, 1980, рис. 6, 38-45; Пшеницына, 1992, табл. 94, *43–44, 50*),Забайкалья и Западной Сибири (Могильников, 1992, табл. 106, *72, 81*; табл. 124, *54*; Матющенко, Татаурова, 1997, с. 59-60, рис. 36, *11*; 53, *6*).

Назначение таких вещей до сих пор не вполне понятно. Их называют «ложковидные застежки», «ложковидные подвески» (Сингаевский, 2007, с. 171; Скрипкин, 2000, с. 22, 24), «наконечники ремней» (Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 150) а иногда и «корнекопалки» (Садыкова, 1962, с. 119; Пшеничнюк, 1983, с. 114; Акбулатов, 1998, с. 9). Маловероятно, чтобы такие маленькие изделия были пригодны для копания почвы. В основном ложковидные предметы относят к поясным наборам. Одни исследователи считают, что это застежки для подвешивания различных вещей (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 172-173), другие полагают, что это наконечники ремешков (Дэвлет, 1980, с. 14; Сингаевский, 2007, с. 161). В целом, не исключается их полифунк-

циональность: «костыльки», кочедыки, застежки, подвески, культовые предметы и т.п. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 172–173; Сингаевский, 2007, с. 161-173).

Особый интерес представляет ажурная пряжка со сценой нападения пантеры на верблюда. В науке известно всего с десяток подобных находок, относящихся к раннесарматскому времени (табл. 1, *3-12*). В стилистическом отношении пряжки данного типа близки, изображения на них выполнены схематично (Королькова, 2006, с. 94, рис. 55, *1-6*). В Средней Азии такие пряжки происходят из Лявандакского и Шахривайронского могильников (Обельченко, 1992 с. 35–36, 179–186). Такие же образцы встречаются и в северных регионах степи. Одна найдена в Центральном Казахстане в кургане 1 могильника Карамурун II (Кадырбаев, 1966, с. 364, 402, рис. 64). Три другие из Западного Казахстана, это пряжки из захоронения Тастагым (Акишев, 1976, с. 186-194, рис. 2), могильника Талдысай I (курган 5) (Мамедов, Виноградов, 2009, рис. 2, *4*) и могильника Жусандыой (Katalog, 2013, с. 774, №522). Типологически схожийобразец найден в кургане у дер. Ванюши в Челябинской области (Таиров, 2004, рис. 12, *49*). Подобные находки встречаются и в Нижнем Поволжье. К их числу относится экземпляр из могильника Писаревка II (погребение 2, курган 6) (Мамонтов, 2002, с. 252, рис. 2, *11*), могильника Петрунино II (погребение 14, курган 1) (Сергацков, 1995, с. 152, рис. 4, *14*) и могильника Кривая Лука VII (погребение 28, курган 9) (Скрипкин, 2010, с. 226, рис. 6, *9*).

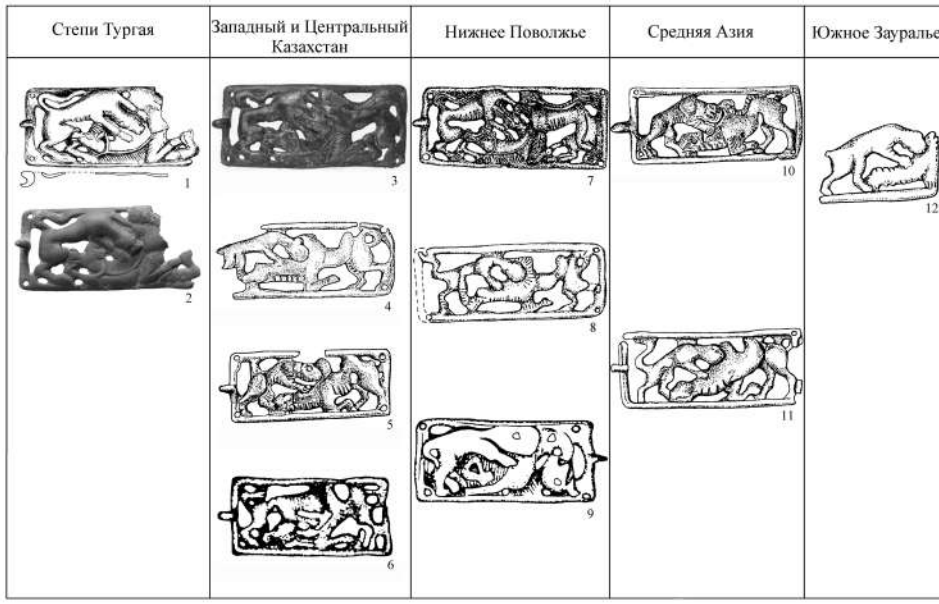


Табл. 1. Каратомарская пряжка и ее аналогии: 1–2 – яма №5А кург.1 мог. Каратомар, 3 – мог. Жусандыой (по Katalog, 2013), 4 – кург. 1 мог. Карамурун II (по Е.Ф. Корольковой, 2006), 5 – погр. Тастагым (по Е.Ф. Корольковой, 2006), 6 – кург. 5 мог. Талдысай I (по А.М. Мамедову и С.М. Виноградову, 2009), 7 – погр. 2 кург. 6 мог. Писаревка II (по В.И. Мамонтову, 2002),8 – погр.14 кург.1 мог. Петрунино II (по И.В. Сергацкову, 1995), 9 – погр. 28 кург. 9 мог. Кривая Лука VII (по А.С. Скрипкину, 2010), 10 – кург. 16 мог. Лявандак и 11 – кург. 2 мог. Шахривайрон (по Е.Ф. Корольковой, 2006), 12 – кург. у дер. Ванюши (по А.Д. Таирову, 2004)

Наибольшее сходство каратомарская пряжка имеет с изделиями из Жусандыой и Писаревки. Почти совпадает ширина (жусандыойская – 4,8×10,8 см, писаревская – 4,8×11,3 см), изображение горбоносой морды, «шапки» шерсти, упряжки и других деталей. Отметим, что на писаревской пряжке более детализированы части животных.

Как известно, в результате многократных копирований поясных пряжек и блях, их последующая копия отличалась от предыдущего оригинала уменьшенными размерами и более смазанными деталями (Артамонов, 1973, с. 143; Дэвлет, 1980, с. 19). Пряжки с сюжетом нападения пантеры на верблюда (кроме писаревской, жусандыойской и каратомарской), меньше по размеру, схематичнее и менее детализованные. Отсутствиеизображения упряжи, повода, «шапки» шерсти и других деталей, возможно, свидетельствует об их относительно позднем изготовлении или неумелой копии. Создается впечатление, что эти три экземпляра были более близки к прототипу. Возможно, что писаревская пряжка являлась исходной моделью для каратомарской и жусандыойской.

В настоящее время хронология пряжек этого типа в диапазоне II-I вв. до н.э., в основном,не вызывает сомнений в научном мире (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 58-59; Королькова, 2006, с. 94; Глебов, 2016, с. 73). Уточнить время бытования каратомарской находки, позволяет датировка погребения с пряжкой из Писаревки II, откуда происходит лучковая фибула с подвязным приемником, относящаяся ко II-I вв. до н.э. (Мамонтов, 2002, с. 255-256).

В настоящее время, пряжки рассматриваемого типа, обнаружены на территории от Средней Азии и Казахстана до Нижнего Поволжья, и не имеют аналогий в других частях Евразии (Brosseder, 2011, p. 385). Не вдаваясь в подробности дискуссии о происхождении и распространении подобных изделий у сарматов, можно лишь упомянуть, что М.А. Дэвлет и А.С. Скрипкин, предполагают восточное происхождение такихпряжек, мода на которые сформировалась у хунну, а затем распространилась у других племен (Дэвлет, 1980, с. 18-19; Скрипкин, 2000, с. 25; 2010, с. 211). Иначе представляет себе эту проблему Е.Ф. Королькова, высказавшая мысль о казахстанско-южноуральском или сибирском происхождении такого типа ременной гарнитуры (Королькова, 2006, с. 93). Схожую мысль высказывал О.В. Обельченко, считая, что пряжки с мотивом нападения пантеры на верблюда относятся к скифо-сарматскому искусству Южного Приуралья и Центрального Казахстана (Обельченко, 1992, с. 185-186). А.К. Акишев включил тастагымскую пряжку в круг савроматских памятников Южного Приуралья (Акишев, 1976, с. 193). В.П. Глебов рассматривает пряжки с таким сюжетом как самостоятельный «сарматский» или «сарматско-среднеазиатский» тип, в рамках общей моды на ношение зооморфных поясных блях в конце раннесарматского времени, поддерживая идею А.С. Скрипкина о существовании локальных центров производства таких изделий у кочевников Дона, Поволжья и Средней Азии, ориентированных на восточные образцы (Глебов, 2016, с.75; Скрипкин, 2010, с. 211-212).

На определенную связь рассматриваемых пряжек с звериным стилем савроматского времени, может указывать не только сюжет, поза животных, трактовка шерсти на ногах и шее, но и другие детали, которые присутствуютна экземплярах из Писаревки, Каратомар и Жусандыой. Это воспроизведение горбоносой морды и «шапки» шерсти на голове верблюда. На карамурунской пряжке у верблюда заметен хохолок, на что обращал внимание А.К. Акишев (Акишев, 1976, с. 190). Перечисленные элементы в образе

верблюда характерны для звериного стиля сако-савроматского времени (Королькова, 2006, с. 89-90). По-видимому, это свидетельствует о преемственности художественной традиции ранних кочевников восточно-евразийских степей.

Таким образом, совокупный анализ погребального обряда и инвентаря погребения кургана 1 могильника Каратомар, позволяет отнести его к концу раннесарматской культуры в пределах II-I вв. до н.э. Каратомарское погребение отражает лишь часть целого процесса этнокультурных изменений в степной Евразии в конце I тыс. до н.э., когда происходила трансформация раннесарматской культуры под влиянием восточного импульса. На сарматских материалах обозначенного периода, наблюдается яркий пласт восточных инноваций в вооружении, поясной гарнитуре, предметах быта, украшениях и т.д. Главным образом, эти изменения связаны с экспансией хунну, приведшей к передвижениям многих племен, падению Греко-Бактрийского царства и другим событиям. Все это способствовало не только усилению различных контактов между племенами, но и миграции кочевников с востока на запад, что подтверждается в письменных источниках, на археологическом и антропологическом материалах (Скрипкин, 2010, с. 84-92; 2014, с. 219-221; 2000, с. 26-29; 2010, с. 86-91, 215-219).

Список литературы

Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала, VII в. до н.э. – IV в. н.э.:автореф. …канд. ист. наук. 07.00.06 – Уфа, 1998. – 25 с.

Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 183-195.

Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Под. ред. Б.А. Литвинского. – М.: «Восточная литература» РАН, 1995. – 523 с.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. – М.: ИЭИА, 1993. Вып. 1. – 129 с.

Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. – С. 34-48.

Глебов В.П. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья // К.Ф. Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова. – Оренбург:ОГПУ, 2016. – С. 69-79.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск, 2004. – 136 с.

Гуцалов С.Ю. О центрально-азиатских культурных компонентах в погребениях кочевников Южного Приуралья III в. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. История и исторические науки. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2009. №3. – С. 104-115.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том 2: Иволгинский могильник // Археологические памятники сюнну. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1996. – Вып.2. – 176 с.

Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. – М.: Наука, 1980. Вып.Д4–7. – 66 с.

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. № 4. – С. 218-228.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303-433.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолГУ, 2002. Вып. 5. – С. 47-81.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергацков И.В. Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». – Оренбург: ОГПУ, 2008. – С. 50-63.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 272 с.

Мамедов А.М., Виноградов С.М. Катакомбные погребения раннего железного века могильника Талдысай I (Актюбинская область) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: ЮУрГУ, 2009. – С. 102-106.

Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолГУ, 2002. Вып. 5. – С. 251-259.

Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до н.э. и первые века н.э. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 107-116.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196-205.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: «Наука», 1997. – 198 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники сюнну. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. Вып.3. – 233 с.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: «Наука», 1992. – С. 254-273.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: «Наука», 1992. – С. 292-311.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург: ОГПУ, 2003. – 392 с.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. – М.: АН СССР, 1963. Вып. Д1–10. – 56 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: «Наука», 1974. – 52 с.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолГУ, 1999. Вып. 2. – С. 149-167.

Обельченко О.В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. – С. 115-127.

Отчет Императорской археологической комиссии (ОАК) за 1901 г. – СПб.: Типография главного управления уделов, 1903. Отдел II. – С. 117-148.

Павлинов И.Я. Систематика современных млекопитающих. – М.: Московский государственный университет, 2003. – 297 с.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: «Наука», 1992. – С. 224-235.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. Т.1. – С. 88-122.

Сергацков И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. 1995. № 1. – С. 148-158.

Сингаевский А.Т. Поясные подвески VII в. до н.э. – I в. н.э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул. Серия: «История. Политология», 2007. № 4/3. – С. 161-173.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов: Саратовский государственный университет, 1990. – 240 с.

Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. – Волгоград: ВолГУ, 2000.Вып. 3. –С. 17-40.

Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. – Волгоград: ВолГУ, 2010. – 370 с.

Скрипкин А.С. О восточных связях сарматов во II-I вв. до н.э. // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. – С. 216-222.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: «Наука», 1989. – С. 165-177.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: «Наука», 1964. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: «Наука», 1975. – 176 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М.: «Наука», 1971. – 171 с.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII-II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар: 2004. – С. 3-21.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2003. – 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. – 329 с.

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia //Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in the Inner Asia. – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. – P. 349-424.

Katalog: Objekte 490–530 // Unbekanntes Kasachstan Archologieim Herzen Asiens. – Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2013. – P. 757-777.

Я.А. Лукпанова
Западно-Казахстанский центр истории и археологии
Уральск, Казахстан
Ya.A. Lukpanova
Western Kazakhstan centre of history and archaeology
Uralsk, Kazakhstan
Yana_2004_75@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРГАННОМ КОМПЛЕКСЕ ТАСКАЛА

Аннотация. В статье предлагается предварительное сообщение по исследованию курганного могильника Таскала, раскопанного в полевых сезонах 2016, 2018 гг. Основная цель статьи заключается во введении в научный оборот новых материалов периода средней бронзы, катакомбной культуры. Раскопано шесть курганов, обнаружено 12 погребений, совершенных в прямоугольных ямах, ямах с уступами. Основными маркерами раннего периода выделяются следующие характерные признаки: посыпка охрой, плоскодонные горшки с елочным орнаментом, оттиски зубчатого штампа, стилизованного под шнур, вдавливания. К раннему периоду относятся погребение 2, 3 из кургана 1, погребение 1 из кургана 2, погребения из курганов 3, 4, 6. Погребенные головой ориентированы на СВ, в основном лежали на правом боку, на спине. Более поздний период характеризуется уменьшением и упрощением погребальной конструкции, не используется охра, керамика фрагментирована, встречаются горшки без орнамента. К позднему периоду катакомбной культуры относятся погребения 2, 3 из кургана 2, возможно к этому же периоду относятся погребения из кургана 5.

Ключевые слова: бронзовый век, катакомбная культура, керамика, охра, погребение, курган.

Тасқала қорғандық кешенінде археологиялық зерттеулер

Түйін. Мақалада 2016, 2018 жылдың далалық маусымдарында қазылған Таскала қорғандарын зерттеу туралы алдын ала есеп беріледі. Мақаланың негізгі мақсаты – орташа қола дәуірінен жаңа материалдарды, катакомб мәдениетін ғылыми айналымға енгізу. Алты оба қазылды,солардан тіктөртбұрышты шұңқырлар мен кесек жасалған шұңқырлар табылды, он екі жерлеу анықталды. Ерте кезеңнің негізгі сипаттамалары келесі сипаттамалардан тұрады: охра шашырауы, «шырша» әшекейлері бар жазық ыдыстар, сымға стильдендірілген таяқшаның 1мөртабандары және шымшу. Алғашқы кезеңге 1 қорғаннан 2, 3 жерлеу, 2 қорғаннан 1 жерлеу, 3, 4, 6 обалардан табылған жерлеулері жатады. Бастарымен жерленгендер көбінесе СШка бағдарланған. Кейінгі кезеңде жерлеу құрылымын азайту және жеңілдету сипатталады, охра қолданылмайды, керамика фрагменттелген,кейбір ыдыста ою-өрнек кесдеспейді. 2-ші обаның 2, 3-ші жерлеулері катакомб мәдениетінің кеш кезеңіне жатады, мүмкін 5-ші обаның жерлеулері де сол кезеңге жатады.

Түйін сөздер: қола дәуір, катакомб мәдениеті, керамика, жоса, жерлеу, оба.

Archaeological research on the ground mound of Taskala

Annotation. The article offers a preliminary report on the study of the Taskala burial mound, excavated in the field seasons 2016, 2018. The main purpose of the article is to introduce into scientific circulation new materials from the period of middle bronze, the catacomb culture. Six burial mounds have been excavated, twelve burials have been discovered, made in rectangular pits, ledges. The main characteristic features of the early period are the following characteristics: ocher sprinkling, flat-bottomed pots with Christmas tree ornaments, impressions of a toothed stamp stylized as a cord, and indentation. The early period includes burial 2, 3 from barrow 1, burial 1 from barrow 2, burials from barrows 3,4, 6. Those buried with their heads are oriented towards the NE, mainly on the right side, on the back. The later period is characterized by a reduction and simplification of the burial structure, ocher is not used, ceramics are fragmented, there are pots without an ornament. The late period of the catacomb culture includes burials 2, 3 from barrow 2, and possibly the same period includes burials from barrow 5.

Keywords: bronze Age, catacomb culture, ceramics, ocher, burial, mound.

В полевом сезоне 2016, 2018 гг. археологический отряд Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии (далее ЗКОЦИА) под руководством автора провел аварийно-спасательные раскопки курганного комплекса Таскала, расположенного на северной окраине пос. Каменка Западно-Казахстанской области. Курганы оказались в зоне планируемого строительства нового микрорайона, территория к моменту раскопок была разделена на участки и проведены коммуникации (вода, газ).

Могильник состоял из шести земляных насыпей (рис. 1, *1*). Курганы 2-6 вытянуты цепочкой с запада на восток. Курган 5 располагался южнее кургана 3. Отдельно выделялся по величине курган 1, он располагался обособлено северо-восточнее могильника. Так как памятник находился на окраине поселка, он неоднократно подвергался антропогенному воздействию, на кургане 1 была расчищена свалка, он аварийный, насыпь не раз перекапывалась, насыпи остальных курганов повреждены в результате деятельности грызунов.

Могильник исследован полностью, в 2016 г. были раскопаны курганы 3-6, в 2018 г. – 1, 2. Его координаты: N 51°07’18.1» E 050°17’45.8». Курганы 1, 2, 4, 5 раскапывались с применением техники, с оставлением одной бровки С-Ю.

Насыпи, кроме кургана 1, были задернованы и возведены на погребенной почве над могилами, без каких-либо конструкций. Дерн – черный гумус, ниже фиксировалась насыпь кургана, представляющая собой слабогумусированную супесь желто-серого цвета, погребенная почва – слой гумусированной супеси серого цвета с вкраплениями мела. Материк – светло-коричневый суглинок.

Курган 1 имел округлую форму, самый крупный в могильнике, высота 0,96 м, диаметр по современной поверхности 31,2 м. Поверхность перекопана, в северной, южной, западной периферии кургана проходит траншея, деформировавшая насыпь, позже выяснилось, что это окопы времен Гражданской войны, сооруженные в целях обороны от наступавшей Чапаевской дивизии. В процессе археологического исследования в насыпи было зафиксировано значительное количество патронов и гильз, мусора, захоронений животных (собак, кошек) прошлого века. В 2016 г. был снят верхний слой за-

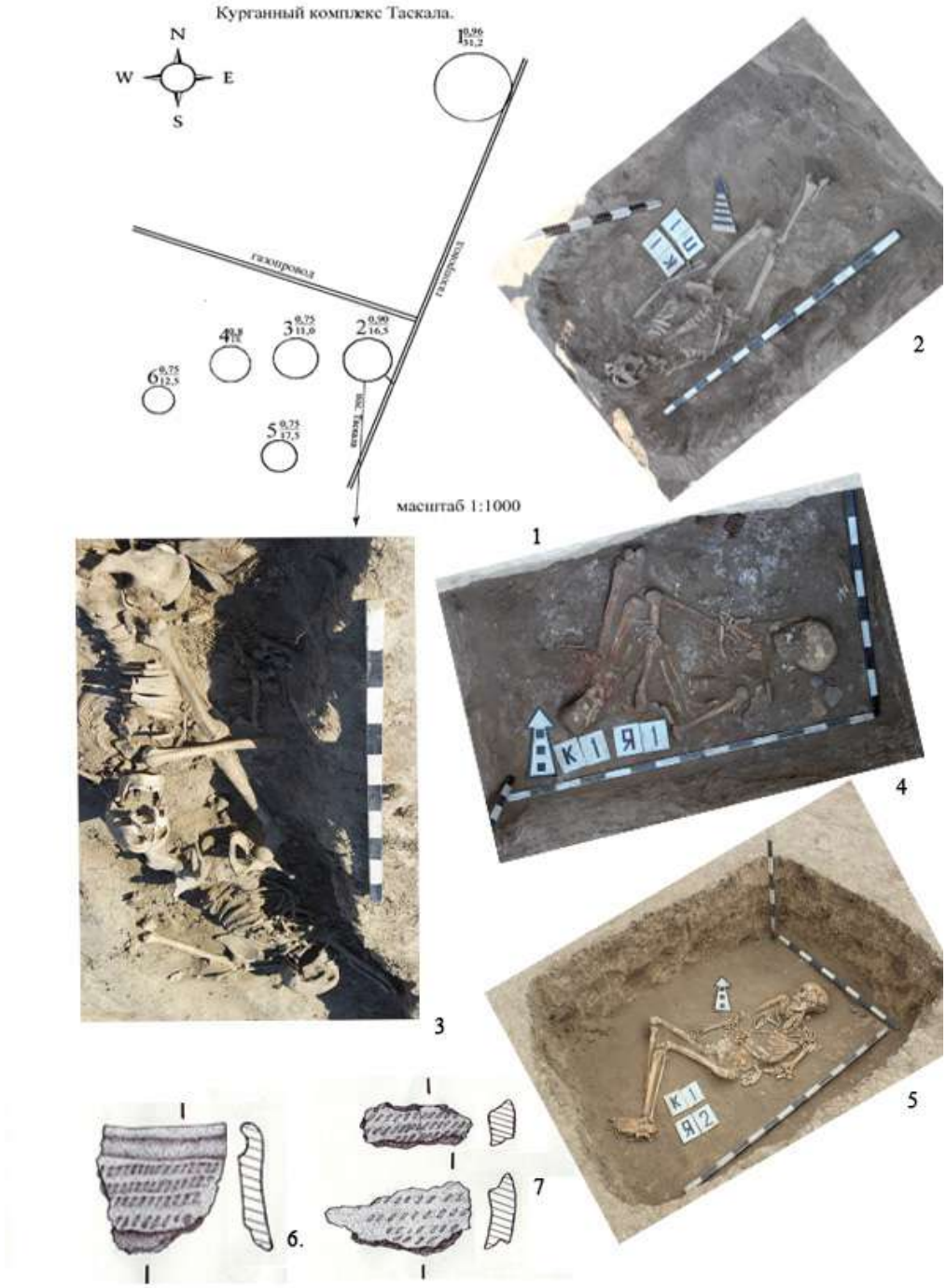


Рис. 1. Курганный комплекс Таскала: 1 – план могильника Таскала; 2 – курган 1, погребение 1; 3 – останки воинов Гражданской войны; 4 – курган 1, яма 1, погребение 2; 5 – курган 1, яма 2, погребение 3; 6 – фрагменты лепного сосуда, погребение 2; 7 – фрагменты лепного сосуда, погребение 3

падного сектора и обнаружено **погребение №1** взрослого человека (рис. 1, *2*), головой ориентированного на юго-запад. Инвентарь отсутствовал, поэтому очень сложно определить принадлежность данного погребения к той или иной эпохе. В северной периферии кургана, в западном секторе были зафиксированы останки воина времен Гражданской войны в насыпи, предположительно, мужчины. Рядом были выявлены фрагменты гимнастерки, патроны и гильзы «Кайнофф». В западном секторе в процессе снятия насыпи, у западной окраины кургана был исследован окоп, где были обнаружены останки еще двух погибших воинов (рис. 1, *3*), головой они были ориентированы на юг, череп одного из них пробит в области затылка вокруг них обнаружены патроны «Кайнофф» и гильзы, обоймы пятизарядного оружия винтовки Мосина, патронные сумки, сапоги, крестик. После снятия насыпи, расчистки окопов, в кургане было выявлено два могильных пятна.

Погребение №2. Могильное пятно прямоугольной формы, было зафиксировано в центральной части кургана под бровкой. Могильная яма длинными сторонами ориентирована по направлению СВ-ЮЗ с легким отклонением на В. Ее размеры 1,8×1 м. Могила была выложена органической выкладкой по контуру светло-серого цвета, с фрагментами коры и дерева. Стены ямы прямые, дно ямы зафиксировано на глубине 2 м от уровня материка. В заполнении ямы выявлены фрагменты керамики, дерева.

На дне ямы было обнаружено погребение взрослого человека (рис. 1, *4*), предположительно мужчины, покоившегося на органической подстилке светло-серого цвета, головой ориентирован на ВСВ. Скелет лежал в скорченном положении на правом боку, правая рука вытянута вдоль тела, левая рука согнута в локтях, лежала на левой берцовой кости, ноги согнуты. Кости скелета посыпаны охрой.

У изголовья под СВ стенкой найдена челюсть МРС, зуб лошади, с левой стороны черепа, зафиксирован фрагмент предмета из песчаника (точильный камень) с валиком, фрагмент лепного сосуда толщиной 1,1 см, нижняя челюсть МРС и фрагменты дерева (рис. 1, *6*).

Погребение №3. Могильное пятно прямоугольной формы было обнаружено в западном секторе в 2 м от ЦР к западу. Яма длинными сторонами ориентирована по направлению СВ-ЮЗ. Ее размеры по дну 1,9×1,2 м. Дно ямы зафиксировано на глубине 0,6 м от материка. На дне ямы, в центральной части обнаружен скелет взрослого человека, головой ориентированного на СВ (рис. 1*, 5*). Он располагался на спине, в скорченном виде, с наклоном головы и ног вправо, ноги согнуты в коленях, голова лежит на правом плече, правая рука вдоль корпуса, кисти сложены на бедренных костях правой ноги, левая рука согнута. Скелет покоился на светло-серой камышовой циновке, посыпанной охрой, кости человека также были посыпаны охрой. У изголовья с левой стороны черепа были выявлены фрагменты лепного сосуда с наколотым орнаментом в виде косых насечек (рис. 1, *7*).

Курган 2 диаметром 16,5 м, высотой 0,9 м. Насыпь однородная, в 1,35 м на С и в 0,5 м на запад от ЦР на глубине 0,5 м под бровкой обнаружен лепной горшок с плоским дном и отогнутым венчиком, тулово не орнаментировано. В западном секторе выявлено два могильных пятна.

Могильное пятно №1 неправильной округлой формы было зафикисировано в центральной части кургана в 1 м к югу от ЦР. Как выяснилось позже, изначально яма имела

овальную форму сторонами ориентированную по оси СЗ-ЮВ, позже погребение было потревожено захоронением, вклинившимся с восточной стороны. Яма 1 состояла из двух могил.

Погребение №1 выполнено в яме подовальной формы длинными сторонами ориентированной на СЗ, глубина ямы 0,7 м от материка, могила потревожена погребением, выполненным с восточной стороны. In situ сохранились конечности взрослого человека у западной стенки. Возле стоп выявлены кусочки охры, человек лежал в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на ЮВ. Инвентарь отсутствует.

Погребение №2 зафиксировано в яме прямоугольной формы, с прямыми стенками. Дно ямы – на уровне 1,30 м от материка. Размеры по дну 1,8×1,1 м. В яме обнаружены разбросанные кости взрослого человека, у северной стенки – череп, нижняя челюсть, кости конечностей. В юго-восточном углу выявлены тазовые кости ребра, фрагменты позвонков человека, здесь самое большое скопление костей. Вдоль южной стенки ямы были сложены нижние конечности взрослого человека, фрагмент черепа. У западной стенки ямы обнаружена бедренная кость, две чашки, позвонок. Инвентарь отсутствует (рис. 2, *1*).

Погребение №3. Могильное пятно №2 прямоугольной формы было выявлено в западном секторе кургана. Яма длинными сторонами ориентирована по направлению СВ-ЮЗ. Ее размеры 2,1×1,5 м. Дно ямы зафиксировано на глубине 2 м от материка. В заполнении ямы выявлены фрагменты керамики, дерева. На дне ямы было обнаружено погребение взрослого человека, покоившегося на органической подстилке светло-серого цвета (рис. 2, *2*). Скелет лежал в скорченном положении на спине, голова повернута направо, ноги подвинуты направо, череп лежит на правом плече, руки сложены вдоль корпуса, кисти соединены и покоятся на левой берцовой кости. Вокруг скелета все посыпано охрой, яма застелена органикой светло-серого цвета. Правая кисть лежала вдоль тазовых костей. С правой стороны правого предплечья обнаружены костяное кольцо и фрагмент лепного сосуда (рис. 2, *3, 4*).

Курган 3 имел округлую форму, современный диаметр 11 м, высотой от дневной поверхности 0,75 м. Насыпь стерильная, в процессе снятия не было зафиксировано ни одного предмета.

Погребение было совершено в юго-западном секторе ближе к центру кургана. Могильное пятно неправильной овальной формы. Яма длинными сторонами ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Ее размеры 2,15×2,4 м. Могила была с уступом (заплечиком) по всему периметру, ширина уступа 0,3 м, уровень глубины уступа – 1,06 м от ЦР. В южной части ямы на уступе на глубине 0,98 м, обнаружены кости МРС (барана?). Высота стенок уступа 0,3 – 0,35 м. В заполнении были обнаружены фрагменты дерева, кости животного, точильный камень (?) подпрямоугольной формы (рис. 2, *6*).

Дно ямы выявлено на глубине 1,98 м. На дне могилы на органической подстилке с охристой посыпкой лежал скелет взрослого человека, в скорченном положении, на левом боку, головой ориентирован на СВ. Правая рука согнута в локте, кисть лежит перед грудью, она заведена под лучевые кости левой руки. Левая рука протянута к коленям. Ноги согнуты в коленях, сведены вместе (рис. 2, *5*).

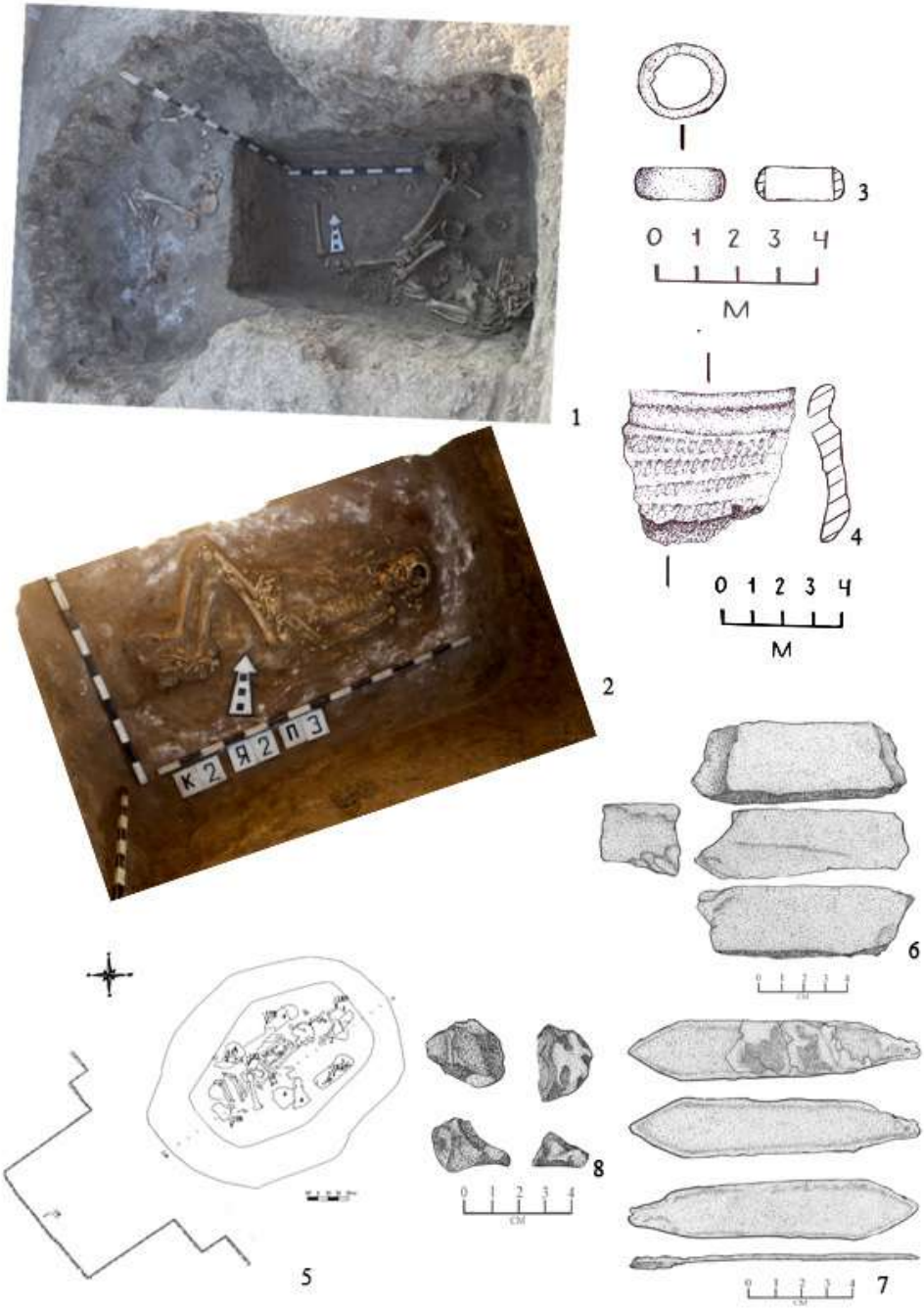


Рис. 2. Курганный комплекс Таскала: 1 – курган 2, яма 1, погребение 1, 2; 2 – курган 2, яма 2, погребение 3; 3 – костяное кольцо; 4 – фрагмент лепного горшка; 5 – курган 3, погребение 1; 6 – точильный камень; 7 – бронзовый, лавролистный нож; 8 – микролиты

У изголовья был обнаружен лепной горшок, с плоским дном, разбитый. Горло сосуда невысокое, с уступчиком на переходе в тулово. На поверхности венчика – орнаментация в виде косых линий, нанесенных острым предметом по сырой глине. Верхняя часть тулова и нижняя часть горла горшка украшена гребенчатым орнаментом в виде елочки, выполненным штампом с узким зубчиком. В горшке были зафиксированы длинные кости конечностей МРС (рис. 3, *1*). С правой стороны погребенного чуть ниже бедра выложен бронзовый лавролистный нож, обернутый в материю желтого цвета. Нож имеет выраженные плечики – упор для рукояти. Сечение лезвия эллипсовидное. Максимальная высота сечения – до 0,3 см. Нижняя половина лезвия имеет выраженную оковку по обеим граням (рис. 2, *7*).

С левой стороны погребенного, на уровне лицевой части черепа на глубине 1,83 м, обнаружены фрагменты дерева. В затылочной области черепа обнаружена сера, под ней лежали два микролита с обработанными сторонами (кремний?) (рис. 2, *8*), под сгибом левой ноги берцовой кости лежал альчик.

Курган 4 с сохранившимся современным диаметром 18 м, высотой от дневной поверхности до 0,8 м.

В южной части ближе к центру кургана обнаружено одно могильное пятно прямоугольной формы с округлыми углами. Яма ориентирована длинными сторонами по оси СЗ–ЮВ. Ее размеры 2,5×1,56 м.

Могила была с уступом (заплечиком) по всему периметру, ширина уступа 0,25 – 0,3 м, уровень глубины уступа – 1,3 м от ЦР. В западной части ямы на уступе на глубине – 1,28 м, обнаружены фрагменты обожженного дерева. Высота стенок уступа 0,5 м. Высота стенок ямы 0,72 м.

В заполнении вдоль северной стенки на глубине – 1,74 м от ЦР были зафиксированы фрагменты дерева, у южной стенки на глубине 1, 23 м была обнаружена кость животного (МРС).

Дно ямы зафиксировано на глубине 2,02 м от ЦР. На дне могилы на органической подстилке с охристой посыпкой лежал скелет взрослого человека, в скорченном положении, на левом боку, головой ориентирован на ЮВ. Левая рука была вытянута вдоль корпуса, правая рука слегка согнута в локте, кисти рук лежали на уровне бедер, ноги согнуты в коленях, собраны (рис. 3, *2*).

У изголовья с южной стороны был обнаружен лепной горшок с раздутым туловом, шаровидной формы, с плоским дном. Горло сосуда невысокое, с плавным переходом в тулово. Край венчика выделен тонкой линией орнамента в виде ногтевых насечек. Горло горшка орнаментировано шнуровым орнаментом, плечо украшено четырьмя поясами ногтевых насечек. Придонная часть орнаментирована вертикально расположенными ногтевыми насечками (рис. 3, *3*). Между стенками сосуда были зафиксированы трубчатые кости конечностей МРС. На мизинце левой руки зафиксировано кольцо из кости (рис. 3, *4*). Скелет со всех сторон был обложен деревом и вероятно накрыт деревянным перекрытием, так как фрагменты дерева были зафиксированы на шейных позвонках и ключице, на кисти правой руки, на черепе, на ногах погребенного.

Курган 5 расположен в южной части могильника. В плане курган имел округлую форму, с сохранившимся современным диаметром 17,5 м, высотой от дневной поверх-

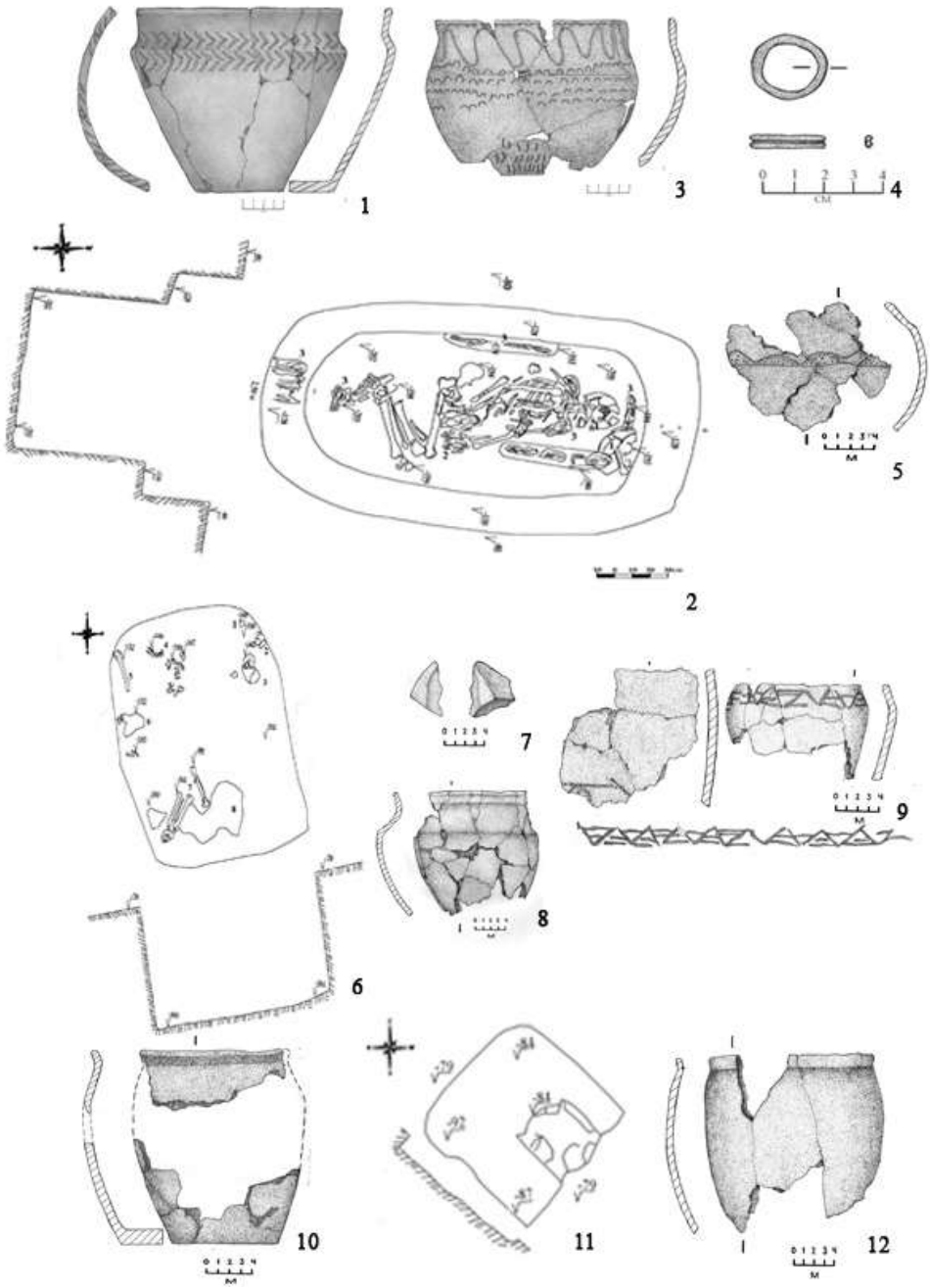


Рис. 3. Курганный комплекс Таскала: 1 – курган 3, яма 1, лепной сосуд; 2 – курган 4, яма 1, погребение 1; 3 – лепной сосуд; 4 – костяное кольцо; 5 – курган 5, фрагменты лепного сосуда с насыпи кургана; 6 – курган 5, яма 1, погребение 1; 7 – камень; 8 – лепной сосуд; 9 – курган 5, яма 2, погребение 2, лепной горшок; 10 – курган 5, яма 3, погребение 3, фрагменты лепного сосуда; 11 – курган 5, яма 4; 12 – яма 4, фрагмент лепного горшка

ности до 0,75 м. В насыпи были обнаружены фрагменты лепного горшка (рис. 3, *5*), на них прослеживается орнамент, нанесенный острым предметом в виде полукругов на одной линии, внутреннее пространство которых заполнено точками. Под насыпью было выявлено три могильных пятна и яма, возможно оставленная при исполнении погребального обряда. Все они были расположены в южной части кургана

Могильное пятно 1 было зафиксировано ближе к центру кургана. Яма 1 прямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная длинными сторонами по оси С-Ю с некоторым отклонением на СВ и ЮЗ. Ее размеры 1,8×1,5 м. Стенки прямые. Дно зафиксировано на глубине 1,65 от ЦР. Высота стенок 0,95 м. В заполнении ямы зафиксированы кости человека, фрагменты лепного горшка, дерево. На дне ямы было выявлено потревоженное **погребение № 1** взрослого человека (рис. 3, *6*), некогда покоившегося на органической подстилке светло-серого цвета. Кости погребенного разбросаны, непотревоженными остались берцовые и пяточные кости в ЮЗ углу ямы. В 0,9 м к востоку от них зафиксирована бедренная кость. У западной стены ямы обнаружена тазовая кость, звено позвоночника. В северо-западном углу ямы зафиксирована плечевая кость погребенного и кость МРС. В северной части ямы зафиксированы разбросанные звенья позвонка МРС. В северо-западном углу ямы обнаружен камень подтреугольной формы – песчаник. В 0,2 м южнее выявлен разбитый череп человека. Рядом с черепом зафиксированы фрагменты лепного горшка (рис. 3, *7,8*).

Могильное пятно 2 овальной формы зафиксировано в юго-восточном секторе. Яма вытянута по оси С-Ю с некоторым отклонением на СВ и ЮЗ. В заполнении были зафиксированы фрагменты лепного горшка, кости человека и животных. Глубина зафиксирована на уровне – 1,07 м от ЦР. Стенки прямые, высота их 0,37 м. У восточной стенки ближе к СВ углу обнаружен разбитый горшок, с орнаментом по венчику в виде треугольников (рис. 3, *9*), в центральной части ямы обнаружена лопатка лошади в южной части ямы зафиксировано потревоженное **погребение №2,** принадлежащее ребенку, кости разбросаны, выявлены фрагменты черепа, тазовые кости, также обнаружены фрагмент черепа животного, в юго-западном углу – зуб лошади.

Могильное пятно 3 расположено в юго-западном секторе кургана, подовальной формы. Яма длинными сторонами ориентирована по оси СЗ – ЮВ, ее размеры 0,58×0,5 м. Яма плотно забита фрагментами дерева, костями младенца, костями животных. Дно неровное, зафиксировано на уровне 1,02 от ЦР. На дне обнаружено потревоженное **погребение №3,** сохранились остатки черепа младенца. Вероятно, ребенок был ориентирован головой на СЗ, ближе к ЮЗ углу ямы обнаружены кости конечностей ребенка. У северо-восточной стенки выявлен лепной горшок (рис. 3, *10*).

Яма 4 квадратной формы, расположена в юго-восточном секторе, она ориентирована углами по сторонам света, размерами 0,5×0,5 м (рис. 3, *11*). В заполнении ямы были зафиксированы фрагменты лепного горшка. Дно ямы выявлено на глубине – 0,92 м от ЦР, у ЮВ стенки в яме обнаружены только фрагменты лепного горшка (рис. 3, *12*).

Курган 6 расположен в западной части могильника, самый крайний. В плане имел округлую форму, с сохранившимся современным диаметром 12,5 м, высотой от дневной поверхности до 0,75 м (рис. 4, *1,2*).

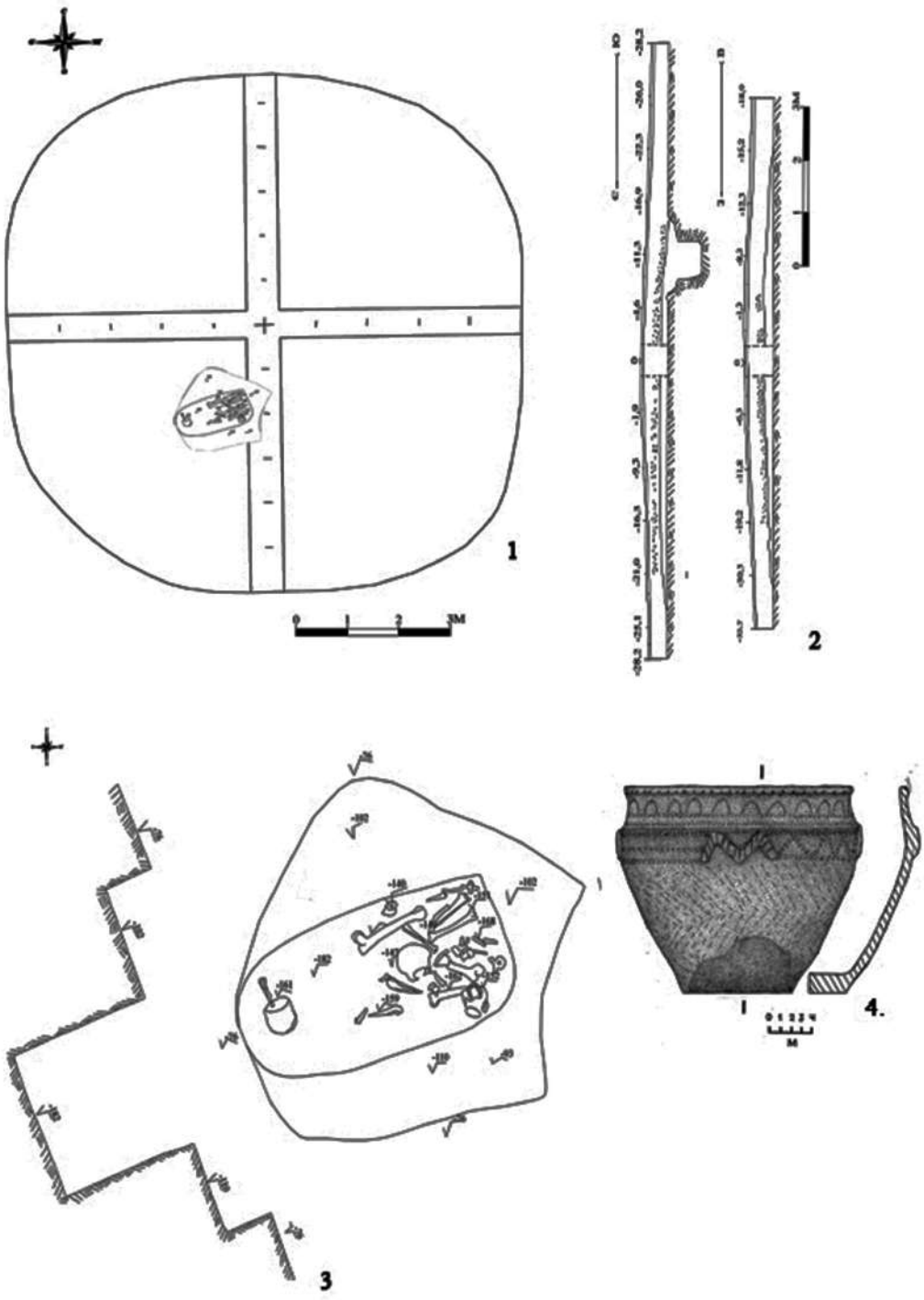


Рис. 4. Курганный комплекс Таскала: 1 – план кургана 6; 2 – профили кургана 6; 3 – яма 1, погребение 1; 4 – лепной сосуд

В юго-западной части было выявлено одно могильное пятно в форме неправильного прямоугольника. Позже после расчистки выяснилось, что это была площадка вокруг ямы, вероятно оставленная грабителями. Могильная яма овальной формы, длинными сторонами ориентирована по оси СВ – ЮЗ. Ее размеры 1,80×145 см. Прямоугольной формы с прямыми стенками. Дно зафиксировано на глубине – 1,82 от ЦР. В заполнении зафиксированы кости человека, фрагменты керамики, дерево. На дне было выявлено разграбленное погребение взрослого человека, некогда покоившегося на органической подстилке светло-серого цвета (рис. 4, *3*). Кости скелета красного цвета от охры, потревожены и сложены вдоль СВ стены ямы. В ЮЗ части ямы выявлен лепной горшок с плоским дном. Горло сосуда невысокое, с уступчиком на переходе в тулово. Край венчика украшен косыми насечками, горло сосуда орнаментировано зубчатым штампом в виде дуг, в переходе к тулову шнуровой орнамент в виде параллельных линий, нанесенных шнуром по сырой глине. Верхняя часть тулова горшка украшена шнуровым орнаментом, в виде двух параллельных линий, в пространство между которыми нанесен шнуровой орнамент в виде треугольников и трех отрезков, разделенных налепленным валиком в виде перевернутой буквы W с четырех сторон сосуда. Это придавало керамиє ке особый, парадный вид. Вся остальная часть сосуда была орнаментирована гребенчатым орнаментом в виде елочки, выполненный штампом с узким зубчком. В горшке были зафиксированы длинные кости конечностей МРС (рис. 4, *4*).

В целом раскопано шесть курганов, выявлено двенадцать погребений, из них два детских погребения, два, судя по инвентарю, предположительно, женских погребения. Из шести курганов, по конструкции могильных ям, погребальному ритуалу более близки друг к другу погребения из курганов 3, 4, 6, погребения из курганов 1, 2 также имеют схожие черты погребального обряда. Отдельно выступает курган 5.

Г.А. Кушаев выделял три этапа бронзового века в Западном Казахстане: древнеямная, катакомбная, срубная культуры (Кушаев, 1993, с. 42), самыми ранними памятниками могильника являются погребения катакомбной культуры, характеризующиеся прямоугольными ямами, ямами с заплечиками, в ямах как правило присутствуют следы красной охры, порошок серы, (Кушаев, 1993, с. 43-44; Мамонтов, 2000, с. 260), керамика плоскодонная, с ребром, «преобладающая часть посуды» орнаментирована, основной мотив орнамента «ёлка», шнуровой орнамент, вдавливание (Мочалов, 2006, с. 15; Малов, Филипченко, 1995, с. 60). Курганы 1, 2, 3, 4, 6 относятся к раннему периоду средней бронзы, за исключением кургана 5 и погребения 1 кургана 1, погребения 2, 3 кургана 2 могильника Таскала. Более поздний период средней бронзы характеризуется уменьшением и упрощением могильных ям, не используется охра, керамика фрагментирована, встречаются горшки без орнамента. К позднему периоду катакомбной культуры относятся погребения 2, 3 из кургана 2, возможно к этому же периоду относятся погребения из кургана 5.

Список литературы

Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. – Уральск: Диалог, 1993. – 171 с.

Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника Химкомбинат, Группа Б // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2000. – Вып. 3. – С. 252-267.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. – Спб., 1995. – Вып. 4 – С. 52-62.

Мочалов О.Д. Керамика эпохи бронзы севера степи – лесостепи Волго-Уральского междуречья (по материалам могильников): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Казань, 2011. – 39 с.

В.В. Лунева
Институт искусствознания АН РУз
Ташкент, Узбекистан
V.V. Luneva
Institute of Fine Arts
Tashkent, Uzbekistan
92-75@mail.ru

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕМЕСЛА АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В статье рассматриваются артефакты из археологических раскопок античного Узбекистана (I в. до н.э. – IV в. н.э.), значительную интересную группу среди которых составляют предметы декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла, внесшие значительный вклад в историю мировой культуры и искусства. Это изделия из металла: ювелирные украшения, миниатюрные скульптурки, зеркала; предметы из глины: керамика, терракотовая пластика, печати, пряслица, грузила: изделия из кости: нагрудные подвески и поясные пряжки, шахматные фигурки и игральные кости, гребни для волос, а также изделия из камня, всевозможные бусы из множества различных минералов, косметические и туалетные диски, литейные формы для отливки ювелирных украшений. Особо отмечены местные изделия, фактами подтверждающие их изготовление на месте, в числе которых многочисленные находки, связанные с металлопроизводством – шлаки, двухканальные сопла, фрагменты частей кузнечных мехов, полуфабрикаты, инструменты мастеров керамических печей. В числе работ привозного характера – изделия с компонентами эллинистических, индобуддийских, египетских и кочевнических мастеров. Приемы изготовления изделий свидетельствуют о разнообразии их материала, форм и высокого уровня мастерства и технологии.

Ключевые слова: Бактрия, Хорезм, Фергана, античность, металлопроизводство, керамика, украшения.

Өзбекстанның антикалық қалаларының сәндік-қолданбалы өнері және көркемдік қолөнері

Түйін. Мақалада антикалық Өзбекстанның (б.д.д. I ғ. – б.д. IV ғ.) археологиялық қазбаларының артефактілері қарастырылады, олардың ішінде қызығушылық тудыратын топ әлемдік мәдениет пен өнердің тарихына маңызды үлес қосқан сәндік-қолданбалы өнер және көркемдік қолөнер бұйымдары болып табылады. Бұл металдан жасалған бұйымдар: әшекей бұйымдар, миниатюралық мүсіндер, айналар; қыштан жасалған заттар; қыш, терракот пластикасы, мөрлер: сүйектен жасалған бұйымдар: шахмат фигуралары және ойын тастары, тарақтар, сонымен қатар тастан жасалған бұйымдар, көптеген әртүрлі минералдардан жасалған моншақтар, косметикалық дискілер, зергерлік бұйымдарды құюға арналған қалыптар. Жергілікті дай-

ындалған бұйымдар ерекше атап өтілген, олардың жергілікті дайындалуын металл өндірісімен байланысты көптеген табылмалар – кен қорытпаларының қалдықтары, екі каналды шүмектер, ұста көріктерінің бөліктері, жартылай фабрикаттар, керамикалық пеш шеберлерінің құралдары дәлелдейді. Басқа жерерде жасалып, алып келінген жұмыстар қатарында – элиндік, үндібуддалық, египеттік және көшпенді шеберлердің компоненттері бар бұйымдар. Бұйымдардың жасалу әдістері олардың материалы мен формаларының әртүрлілігін, шебердің және технологияның жоғары деңгейін көрсетеді.

Түйін сөздер: Бактрия, Хорезм, Ферғана, антикалық кезең, метал өндірісі, қыш, әшекей бұйымдар.

Decorative-applied art and artistic crafts of ancient states of Uzbekistan

nnotation. This article is dedicated to artifacts from the archaeological excavations of ancient Uzbekistan (1st century BC to 4th centuries AD). The objects of decorative – applied art and artistic crafts are most interesting group, which made a significant contribution to the history of world culture and art. There are items made from different materials such as metal (jewelry, miniature sculptures, and mirrors), clay (ceramics, terracotta plastic, seals, spindle, and sinker), bone (chest pendants, belt buckles, chess pieces and dice, combs for hair), and stone (all kinds of beads from variety of minerals, cosmetic toilet discs, casting molds for jewelry). Most of mentioned artifacts had been made on site. There are numerous finds confirming this fact, such as finds related to metal production like slags, two-channel nozzles, fragments of parts of blacksmith furs, semi-finished products, tools of craftsmen, ceramic furnaces. There are also the items, which were imported and contain Hellenistic, Indo-Buddhist, Egyptian and nomadic components. Techniques of manufacturing are testify the diversity of materials, forms and high level of craftsmanship and technology.

Keywords: Bactria, Khorezm, Fergana, antiquity, metal production, ceramics, decorations.

Среди артефактов из археологических раскопок античного Узбекистана (I в. до н.э. – IV в. н.э.) значительную группу, достойного внимания, заслуживают предметы декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла, которые внесли весомый вклад в историю мировой культуры и искусства. Интересны изделия из металла: ювелирные украшения, миниатюрные скульптурки, зеркала; предметы из глины, керамики, терракотовой пластики, а также печати, пряслица, грузила. Много изделий из кости: нагрудные подвески, шахматные фигурки и игральные кости, гребни для волос, а также изделия из камня, всевозможные бусы из множества минералов, косметические туалетные диски, литейные формы для отливки ювелирных украшений.

В категорию художественного металла входят золотые ювелирные украшения из клада Северной Бактрии (юг Узбекистана). «Наиболее ценная часть клада – ожерелье буддийского типа, украшенное бирюзой и альмандинами, пектораль с изображением головы Геракла и пряжка с драконом. Ювелирные изделия клада Дальверзин-тепе – одного из крупных городов Кушанской империи – яркое свидетельство взаимовлияния эллинской, буддийской и скифо-сакской культур».

К разряду декоративной пластики металла относится редкая не имеющая аналогов, миниатюрная комбинированная серебряная скульптурка мужчины в конусовидном головном уборе, верхняя одежда которого подпоясана тоненьким пояском с деревянной вставкой, из Кампыртепа. В своей основе скульптурка имеет местную среднеазиатскую иконографию, и, эллинистическую, называемую хрисоэлефантинной технологию изготовления (Словарь античности, 1989, с. 626).

Из металла (бронзы, серебра, железа) изготавливали ключи, топоры, монеты, поясные пряжки, колокольчики, бубенчики, подвески, зеркала. В данной группе изделий наименьшая группа – зеркала. Они представлены как разноформатные, дисковидные с валиком по краю, литые, без ручки и с ручками, боковыми, ручками-штырями, с петелькой для подвешивания. Зеркала с ручками исследователи относят к сарматскому типу, а с орнаментом по периметру и с отверстием для шнура считают китайскими.

Колокольчики и бубенчики разных форм и размеров из металла (бронза, серебро, золото) местного и привозного характера имели широкое распространение в античном Узбекистане. Важно отметить, что многие изделия из металла изготавливали в Северной Бактрии, о чем свидетельствуют находки, связанные с металлопроизводством, шлаки, двухканальные сопла, фрагменты частей кузнечных мехов, полуфабрикаты (Рузанова, 2016, с. 20-33).

К массовому материалу античности относятся изделия, изготовленные из глины. Это в основном керамика, занимающая важное место в то время в жизни населения. Керамика изготавливалась на гончарном круге, а в технологическом плане – она легкая, прочная и тонкостенная, отличающая многообразием форм и типов. Орнамент на керамике наносили волнистыми линиями, знаками свастики. На керамику иногда наносили штампики в виде листа, ромба, ступни (символ буддизма), розетки (с глазком в центре, а также в виде многолепесткового цветка). Были найдены также штампики в форме буквы U, в виде прямоугольников, в углах которых наносили точки. «Штампики антропоморфного и зооморфного характеров встречаются одними из первых в Бактрии и представляют, скорее всего, оттиски гемм» (Цепова, 2000, с. 113).

О производстве керамики местными мастерами свидетельствуют найденные остатки функционировавших керамических печей из Айртама и Дальверзинтепа (Тургунов, 1973, с. 64).

Богат и разнообразен ассортимент из обожженной глины – терракоты, что подтверждают найденные изделия в виде небольших фигурок. Их в основном изготавливали подобными всевозможным божествам древних религий. Женские образы в терракоте изображались в образе Великой богини, одни – в эллинистических, другие – в среднеазиатских традициях. Мужскими персонажами в основном были, всадники на конях, связанные с культом предков в одеждах кушанской знати, и статуэтки бодхисатв характеризующие индийские образы. Всевозможные зооморфные терракоты характеризуют индийские и среднеазиатские традиции.

Значительный интерес представляют изделия из кости. В античное время большое распространение имели булавки-шпильки, или, как их называли многие исследователи, – костяные стерженьки (стили) (Скугарова, 2001, с. 44) которые имели форму длинного стержня, с одной стороны заостренного, а с другой – имевшего навершие декоративного мотива (кукиш, кулак, кисть руки с плодом граната). К другой разно-

видности резьбы по кости относятся гребни из слоновой кости с изображениями и с резьбой, гравировкой, рисунками тушью. Так, гребень с гравировкой из Дальверзинтепа (I-II вв. н.э.) с буддийскими сюжетами исполнен, скорее всего, индийскими мастерами. Интересен костяной гребень из Кампыртепа, который, в отличие от гравированного дальверзинского, украшен рисунком черной тушью, что не характерно было для индийской традиции, а свидетельствует в пользу северобактрийского ремесла, кроме того «присутствующий на нем женский персонаж, несомненно, принадлежит местному бактрийскому этническому типу, о чем определенно свидетельствуют другие произведения кушано-бактрийского искусства, на которых изображены женщины. Это, например, знаменитый скульптурный фриз из Айртама, а также поздние – или посткушанские, настенные росписи из Дильберджина» (Никоноров, 2000, с. 133).

Уникальны миниатюрные (бык-зебу – 1,8×2,2×1,9 см; слон – 2,4×2,9×1,8 см) шахматные фигурки, вырезанные из слоновой кости. Они считались самыми древними в мире. Фигурки изображены в виде слона и быка-зебу. «В Средней Азии столь древние шахматные фигурки найдены впервые. Это свидетельствует о раннем проникновении шахмат на территорию Средней Азии и о том, что южные районы Узбекистана являлись второй родиной этой игры» (Древности…, 1991, рис. 90).

Уникальны пластины из кости из Орлатского могильника (Согд) со сценой охоты, которые приводят данные об одежде согдийцев, что свидетельствует о высоком профессиональном уровне местных мастеров (Пугаченкова, 1989, с. 96-110).

Часть изделий камнерезного искусства и ремесла включает большое количество бусин из разных минералов (сердолика, лазурита, бирюзы, оникса) Это печати, геммы, литейные формы для ювелирных украшений, туалетные диски для косметики, в нижней части которых находились целительные масла и мази. В верхней же части диски украшены декоративной резьбой нередко фантастических образов. Так, на одном из дисков Дальверзинтепа изображен «гиппокамп с приподнятым раздвоенным хвостом. На спине его – мужской образ в профиль» (Древности…, 1991, рис. 83).

В коллекции Института искусствознания хранятся две каменные литейные формы, найденные на Дальверзинтепа в помещении 2. Одна из них – односторонняя, небольшая (62×30×15 мм) в форме неправильного прямоугольника, выполнена из тщательно отполированного мрамора темно-серого цвета с зеленоватым налетом. Имеет литейные углубления на одной стороне, на которой вырезаны три полукружья. К углублениям ведут литники, по которым заливался металл. В углах видны сквозные отверстия, в которые входили штифты, скрепляющие две половинки. Отлитые модели становились накладными частями ювелирного изделия, а соединенные половинки являли собой уже самостоятельное украшение. Пример тому – ялангтушские колокольчики и кампыртепинские заколки-шпильки для волос. Другая формочка – двусторонняя, более грубой обработки, из светло-серого сланца. Размеры: 50×83×66 мм. Литейные углубления имеются на одной широкой плоскости и на одной узкой продольной. На боковой стороне вырезано тоненькое изящное колечко для пальца с литнитком, на торцевой плоскости обработанное более тщательно. На широкой плоскости видны восемь углублений: два штифта для скрепления формы, четыре полукружия разных диаметров, два углубления в форме лепестков и два щитка для перстня. Следов литников нет. Возможно, они имелись на второй половинке формы, хотя отсутствие их на выпуклой поверхности

площадки с углублениями дает основание полагать, что эта сторона была предназначена не для отливки, а для тиснения из тонких золотых пластин, которые специальными инструментами вдавливались или вбивались в форму применяя при этом для смягчения воск.

Литейная форма для изготовления серег с амфоровидной подвеской найдена в Фергане (Литвинский, 1973, с. 32).

Для изготовления декоративных тканей в ту пору применяли ткачество и прядение, относившиеся к древнейшим ремеслам античного Узбекистана. Ткачество развивалось в городах. Так, на раскопках Дальверзинтепа, Кампыртепа найдены ткацкие грузила дисковидной и пирамидальной форм из обожженной и необожженной глины (Шагалина, 2002, с. 117). Кроме них обнаружены фрагменты тканей и большое количество пряслиц конической, биконической, грушевидной, цилиндрической форм. Согласно находкам из Кампыртепа, там было свое прядение из хлопка и шерсти разных цветов. Шелковая ткань – либо переднеазиатская, либо местная (Лунева, 2002, с. 91-100).

Необычайна археологическая находка из Кампыртепа, названная исследователями «глазок-ловушка», сделанная из слоновой кости в форме человеческой руки, надетой на бронзовый стержень. «Большой палец правой руки примкнут к указательному, образуя рабочее отверстие. Являясь частью устройства для размотки коконов тутового шелкопряда, «глазок-ловушка» предназначен для сбора тонких коконовых нитей по 10-12 штук в одну ткацкую нить. Ладонь «руки» хранит следы скольжения нитей» (Древности…, 1991, рис. 222).

Фактами, подтверждающими изготовление грузил на месте, являются найденные очаги для их обжига. По этому поводу М. Болганова отмечает, что очажное устройство представляло собой сооружение в виде тандыра, перевернутого вверх дном обложенного по периметру сырцовым кирпичом и поставленного на горловину хума или хумчи. «В северо-западном углу помещения рядом с таким тандыром найдено 37 усеченно-пирамидальных глиняных ткацких грузил, которые, явно, были предназначены для обжига» (Болганова, 2005, с. 16-18).

Изделия из стекла, которые отличаются многообразием и разнообразием бус, были найдены на всей территории античного Узбекистана. Так, в Северной Бактрии обнаружены позолоченные бусы, в которых золото находится или между двумя слоями стекла или – снаружи. Мастера широко использовали технику тянутой трубки, навивку стеклянной нити на основу, в результате чего бусина приобретала сложную рельефную поверхность. Помимо этого, применяли сгибание, тянутую палочку, прессование в форме. Хорезмские бусы, встречающиеся на раскопках в изобилии, похожи на бактрийские, согдийские, ферганские и северопричерноморские, но отличаются от них меньшими размерами и пропорциями. Только в Хорезме использовали стеклянные пластины для одежды и поясов (Трудновская, 1952, с. 130, рис. 1, *2-4*). Доказательством существования такого рода пластин служит находка нешлифованных (плоских) с неровными краями (следы брака) пластин, которые обломались при разрезании, а также выпуклых шлифовальных заготовок, граненных и шлифованных готовых изделий.

Таким образом, исследование археологических артефактов декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла античного Узбекистана свидетельствуют об их разнообразии и оригинальном исполнении, равно как приемы изготовления изделий

доказательством разнообразия материалов, форм, так и высокого уровня мастерства и технологий.

Думается, что эти ценности всегда будут вдохновлять современных художников для создания произведений, связанных с традициями богатого прошлого нашего народа в своих новых работах. Ибо настоящее вдохновение мы питаем у своих корней и передаем его окружающему миру, делая его духовно и интеллектуально богаче и щедрее.

Список литературы

Болганова М.С. К типологии очагов Кампыртепа // Культурная толерантность и самобытность традиций в искусстве Узбекистана. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию академика АН РУз, профессора Г.А. Пугаченковой. – Ташкент: Boskon, 2005. – С. 16-18.

Древности Южного Узбекистана. Каталог. – Токио: Университет Сока, 1991. – 335 с.

Лунева В.В. Пряслица Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Ташкент: San`at, 2002. Вып. 3. – С. 91-100.

Литвинский Б.А. Украшения Западной Ферганы. – М.: Наука, 1973. – 211 с.

Никоноров В. Уникальный гребень из Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Ташкент: San`at, 2000. Вып. 1. – С. 131-138.

Пугаченкова Г.А. Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1989. – С. 96-110.

Рузанова С.А. Металлопроизводство на территории Северной Бактрии (результаты исследования материалов с поселения Кампыртепа) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. – С. 20-33.

Словарь античности. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.

Скугарова Н.Г Костяные заколки из Кампыртепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. – Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. – С. 44-51.

Томаева Л. Музей антиквариата и ювелирного искусства Узбекистана. – Внешторгиздат. Изд. №3000Т.

Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. – Ташкент: Изд-во Гафура Гуляма, 1973. – С. 52 – 77.

Трудновская С.А. Украшения позднеантичного Хорезма // ТХАЭЭ. – 1952. Т. 1. – С. 113-134.

Цепова О. Декоративная керамика Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Ташкент: San`at, 2000. Вып. 1. – С. 107-122.

Шагалина Н.Д. Грузила с Кампыртепа и их классификация // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Ташкент: San`at, 2002. Вып. 3. – С. 109-117.

С.В. Махортых
Институт археологии НАН Украины
Киев, Украина
S.V. Makhortykh
Institute of Archaeology Ukrainian Academy of Sciences
Kyiv, Ukraine
makhortykh@yahoo.com

КАМЕННЫЕ БЛЮДА VII-VI ВВ. ДО Н.Э. ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению каменных блюд из скифских памятников лесостепного Поднепровья (29 экз.), которое было главным центром распространения этих предметов на юге Восточной Европы в VII-VI вв. до н.э. Наиболее многочисленными являются блюда близкой к овалу формы без боковых выступов (17 экз.), а также с одним боковым выступом (7 экз.), в ряде случаев оформленным в виде головки животного. Идея создания «зооморфных» блюд связана своим происхождением с древним Востоком и была заимствована скифами в конце VII в. до н.э. на заключительном этапе их переднеазиатских походов. Блюда с одним и двумя боковыми выступами не находят аналогий в восточных районах Евразии и являются местными причерноморскими разновидностями этой категории скифской материальной культуры. Хронологически рассматриваемые находки подразделяются на две группы: раннюю (конец VII и/или первая половина VI в. до н.э.) и позднюю (середина – вторая половина VI в. до н.э.), при этом период наиболее широкого распространения каменных блюд в лесостепном Поднепровье приходится на первую половину – середину VI в. до н.э.

Ключевые слова: скифы, лесостепная Украина, VI-VI вв. до н.э., каменные блюда.

Орманды-далалық Днепр бойындағы скифтік ескерткіштерден табылған б.д.д. VII-VI ғғ. тас ыдыстар

Түйін. Мақала Орманды-далалық Днепр бойындағы скифтік ескерткіштерден табылған тас ыдыстарға (29 дана) арналған. Аталған өлке б.д.д. VII–VI ғғ. Шығыс Еуропаның оңтүстігінде бұл заттардың таралуының басты орталығы болған. Ең көп таралған түрі овалға жақын формада бүйірі шығыңқы емес (17 дана), сонымен қатар бір бүйірі шығыңқы (7 дана), кей жағдайларда жануарлардың басы түрінде көркемделген ыдыстар. «Зооморты» бейнелері ыдыстарды жасау идеясы ежелгі Шығыспен байланысты және олардың Алдыңғы Азияға жорықтарының соңғы кезеңінде скифтермен әкелінген. Бір және екі бүйірлері шығыңқы ыдыстар Еуразияның шығыс аудандарында ұқсастықтары жоқ және скифтік материалдық мәдениеттің бұл категориясының жергілікті қаратеңіз маңы түрлері болып табылады. Қарастырылып отырған табылымдар хронологиялық жағынан екі топқа бөлінеді: ерте (б.д.д. VII ғ. аяғы және/немесе VI ғ. бірінші жартысы) және кейінгі (б.д.д. VI ғ. ортасы – екінші жартысы), және де тас ыдыстардың орманды-далалық Днепр бойында кең таралған кезеңі б.д.д. VI ғ. бірінші жартысы – ортасына келеді.

Түйін сөздер: скифтер, орманды-далалық Украина, б.д.д. VI-VI ғғ., тас ыдыстар.

Scythian stone dishes of VII-VI centuries bc in the Ukrainian forest-steppe

Annotation. The article examines stone dishes (29 items) from the Scythian burials of the forest-steppe Dnieper region. This region is the main area of distribution of these objects in the south of Eastern Europe in the VII-VI centuries BC. The most numerous categories of artifacts are: 1) oval-shaped dishes without side protuberances (17 items); 2) oval-shaped dishes with a protuberance on the one side (7 items). In some cases, the protuberance on the latter category of dishes was shaped as an animal head. The concept of «zoomorphic» dishes originates from the Ancient East and was adopted by the Scythians in the end of the 7th century BC at the final stage of their Near Eastern campaigns. Dishes with protuberances on the one or two sides do not find analogies in the eastern regions of Eurasia and constitute the local North Black Sea variations of this category of Scythian material culture. The finds examines in the article are divided into two groups: 1) the early group (the late VII and/or the first half of the 6th century BC); and 2) the late group (from the middle to the second half of the 6th century BC). The period of the most widespread distribution of stone dishes in the forest-steppe Dnieper region falls on the first half – the middle of the 6th century BC.

Keywords: Scythians, the forest-steppe Ukraine; VII-VI centuries BC, stone dishes.

Каменные блюда относятся к числу важных компонентов скифского культурного комплекса, происхождение которого связывается с Казахстаном и Средней Азией (Мурзин, 1984, с. 88; Галанина, 1997, с. 164). Наиболее полно эта категория материальной культуры на юге Восточной Европы представлена в погребальных памятниках позднего VII в. до н.э., и в особенности VI в. до н.э. лесостепного Поднепровья. Специальному рассмотрению этих находок и посвящена данная работа.

Всего на рассматриваемой территории известно 29 каменных блюд, 18 (62%) из которых встречены в захоронениях на правом, а 11 (38%) – на левом берегу Днепра. Для их изготовления использовался, главным образом, песчаник серого или светло-серого цвета. Как правило, в погребениях находилось по одному блюду, хотя в некоторых случаях, например в Перепятихе и гробнице 2 Репяховатой Могилы, встречено по два каменных блюда (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 21; Скорий, 1990, рис. 9, *4, 5*).

Следует отметить, что, помимо погребальных памятников, обломки каменных блюд обнаружены и на поселениях Днепровской лесостепи: в Киевском Поднепровье (Хоӈтов), бассейнах р. Ворскла (Бельск, Олефирщина), Северский Донец (Люботин) и др. (Ковпаненко, 1967, рис. 24, *12*; Шрамко, 1987, рис. 23, *12*; 43, *7*; Максимов, Петровская, 2008).

Рассматриваемые блюда встречены как в индивидуальных (11 случаев), так и в парных или коллективных захоронениях. При этом, если первые в целом характерны для лесостепного Поднепровья (Аксютинцы, кург. 470 и 2 (1886); Бобрица, кург. 87, п. 2; Волковцы кург. 477; Герасимовка, кург. 2; Гуляй-Город, кург. 33; Купьеваха, кург. 14, п. 1; Лазурцы, кург. 418, п. 3; Листопадово, кург. 2, п. 1; Макеевка, кург. 488; Поповка, кург. 5), то последние преобладают на правом берегу Днепра (10 случаев – Бобрица, кург. 35, Гуляй-Город, кург. 38*;* Журовка, кург. 406, 407, 447; Захарейкова Могила, п. 1; Перепятиха, Репяховатая Могила, п. 2; Синявка, кург. 100; Фляркoвка), а в Днепровском

Левобережье достоверно известно три таких погребения (Герасимовка, кург. 1; Гладковщина, кург. 4, п. 1; Поставмуки, кург. 6).

По всей вероятности, популярный тезис о «бесспорной» связи находок блюд с женскими захоронениями нуждается в корректировке. Так, например, в курганах Посулья известен ряд одиночных погребений с каменными блюдами и разнообразными уздечными принадлежностями, которые не содержали каких-либо предметов женского обихода (Аксютинцы, кург. 470, 2 (1886); Волковцы, кург. 477; Поповка, кург. 5). Следует также отметить, что в могильнике Новозаведенное-II на Северном Кавказе находки блюд зафиксированы как в мужских (кург. 5, 13), так и женских (кург. 10) погребениях конца VII – начала VI вв. до н.э. (Петренко, Маслов, 1999, с. 250).

В тех случаях, когда удалось установить положение блюд в могилах, то они располагались возле головы (Бобрица, кург. 87 п. 2; Поставмуки, кург. 6; Синявка, кург. 100), рук (Бобрица, кург. 35; Журовка, кург. 407; Поповка 5), и реже ног погребенных (Лазурцы, кург. 418, п. 3). Однако, наиболее часто рассматриваемые предметы помещались в одном из углов погребальной камеры, как правило, в северо-западном или северо-восточном (Аксютинцы, кург. 2 (1886); Волковцы, кург. 477; Гуляй-Город, кург. 38; Журовка, кург. 447; Захарейкова Могила, п. 1; Репяховатая Могила, п. 2 и др.)

На блюдах или рядом с ними располагались кусочки серы, красной или белой краски (Бобрица, кург. 35; Герасимовка, кург. 1; Журовка, кург. 406, 407; Синявка, кург. 100); зеркала (Гуляй-Город, кург. 38; Поставмуки, кург. 6; Репяховатая Могила, п. 2), а также ожерелья из бус (Герасимовка, кург. 1) и глиняные сосуды (Аксютинцы, кург. 2 (1886), Макеевка, кург. 488). В кургане 477 могильника Волковцы поверх блюда и рядом с ним находились железный нож, бронзовые уздечные бляхи, несколько пар петельчатых удил, а также железные и костяные зооморфные псалии, а в кургане 14 могильника Купьеваха – зеркало, несколько кусочков серы, железные гвоздевидные булавки, шило, пряслице, ожерелье из бус, глиняный сосудик и бронзовое литое кольцо.

Большинство рассматриваемых каменных блюд имеет овальную или близкую к овалу форму с невысоким бортиком по верхнему краю и гладким плоским дном без выступов или ножек. По наличию или отсутствию боковых выступов, среди них могут быть выделено несколько групп. **Первую** из них образуют блюда без выступов, **вторую** – блюда с одним боковым выступом и **третью** – блюда с двумя выступами на обеих поперечных сторонах бортика.

В ряде случаев, данные о типологической принадлежности каменных блюд, выявленных в раннескифских погребениях Днепровской лесостепи, отсутствуют, например, Герасимовка, кург. 1, Лазурцы, кург. 418, п. 3. Помимо этого, некоторые находки дошли до нас во фрагментированном состоянии, и их форма не восстанавливается с уверенностью, например, Бобрица, кург. 87, п. 2. Отсутствуют также надежные сведения об облике и хронологии блюда, выявленного в кургане Великая Могила около г. Васильков на Киевщине (Максимов, Петровская, 2008), в связи с чем, оно не рассматривается в этой работе.

Первая группа каменных блюд без боковых выступов является наиболее многочисленной среди рассматриваемых предметов. Она насчитывает 17 экз. (59% от общего количества имеющихся находок). На Правобережье среднего Поднепровья найдено 10 экз. (59%), в том числе в бассейне Тясмина (7 экз.) – Бобрица, кург. 35; Гуляй-Город,

кург. 33, 38; Журовка, кк. 406, 407; Макеевка, к. 488; Перепятиха; Репяховатая Могила, п. 2; Флярковка) а на Левобережье 7 экз. (41%) – Аксютинцы к. 470; Волковцы к. 477; Герасимовка, к. 2; Гладковщина, к. 4 п.1; Люботин, к. 1 Караванской группы и к. 1 Центральной группы; Поставмуки, к. 6) (рис. 1, *1-8*) (Ильинская, 1975, с. 14, 15, табл. IX, *8*; Ильинская, 1968, с. 34, 50, табл. XLVI, 7; Галанина, 1977, табл. 10, *1*; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 21, 2; Ковпаненко, 1981, с. 15; Ковпаненко, 1984, рис. 2, *8*; Скорий, 1990, рис. 9, *4, 5*; Бандуровский, Буйнов, 2010, рис. 53, *5*; 60, *5*; Рябкова, 2010, рис. 4, *1*; Григорьев, Скорый, 2012, рис. 12, *11*).

Длина большинства экземпляров варьирует от 22,3 до 44,5 см, тогда как ширина и высота блюд составляет соответственно 15,9-22,3 см и 2,2-4,2 см. Самое крупное блюдо найдено в к. 1 Караванской группы г. Люботин – 50×33 см, а наименьшее в к. 406 у с. Журовка – около 17,4×12 см (рис. 1, *1, 8*).

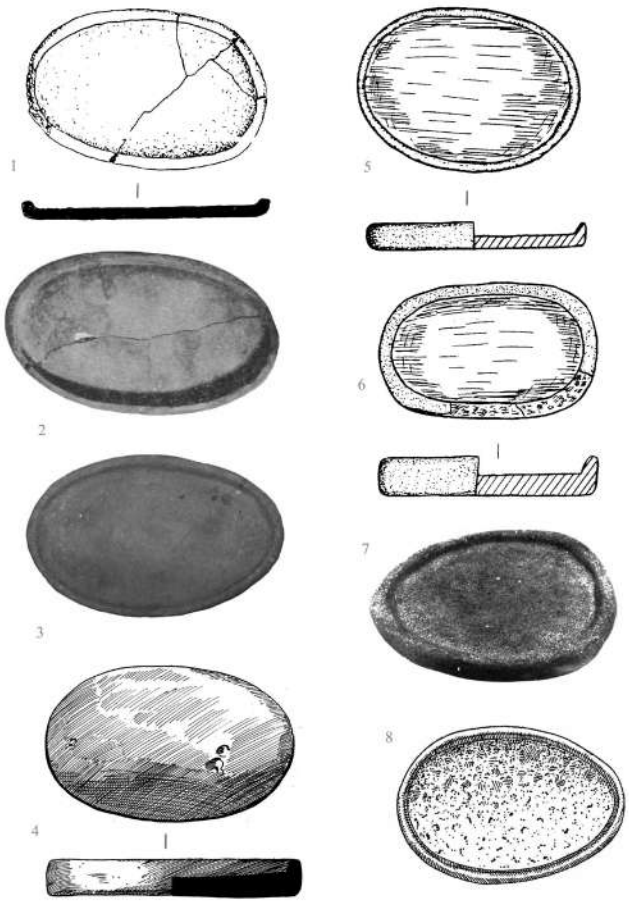


Рис. 1. Каменные блюда первой группы лесостепного Поднепровья:
1 – курган 1 Караванской группы Люботин; 2 – погребение 2 Репяховатовой Могилы; 3 – курган 407 Журовка; 4 – курган 488 Макеевка; 5, 6 – Перепятиха; 7 – курган 4 погребение 1 Гладковщина; 8 – курган 406 Журовка.
Масштаб изображений произвольный

Следует отметить различное оформление каменных блюд **первой группы,** среди которых, в дальнейшем, возможно выделение нескольких типов. Одни имеют правильную овальную форму (Журовка, к. 407, Репяховатая Могила, п. 2; Макеевка, к. 488), другие трактованы в виде широкого овала (Перепятиха, Люботин, к. 1 Караванской группы), третьи отличаются клиновидным окончанием одной из поперечных сторон (Люботин к.1 Центральной группы) и т.д. (рис. 1, *1-5*; 2, *3*).

Первая группа каменных блюд является также неоднородной и в хронологическом отношении. Входящие в ее состав предметы бытовали на протяжении «позднего» VII в. до н.э., а также практически всего VI в. до н.э., при этом пик их использования приходится на первую половину – середину VI в. до н.э**.** Следует отметить, что находки каменных блюд известны и в захоронениях V в. до н.э. Днепровской лесостепи: Бобрица к. 66, Перещепино к. 9 и др. (Петренко, 1967, с. 36, табл. 25, *30*; Мурзін, Ролле, Білозор, 1996, рис. 9; Махортых, 2012, с. 146).

К числу наиболее ранних памятников, содержащих находки каменных блюд, в лесостепном Поднепровье относятся кк. 1, 2 у с. Герасимовка, Люботин к.1 Караванской группы и Перепятиха, датирующиеся в рамках конца VII – начала VI вв. до н.э. (Скорий, 1990, с. 68; Черненко, 2000, с. 302). В составе сопровождающего их инвентаря есть зеркала с бортиком по краю и центральной ручкой, уздечные бляхи в виде четырехлепестковых розеток, артефакты, связанные своим происхождением с Древним Востоком и пр.

С упомянутыми выше захоронениями по времени сближается к. 406 у с. Журовка, который В.А. Ильинская относила к ранней группе старших журовких курганов и датировала началом VI в. до н.э. (Ильинская, 1975, с. 60). Исследовательница синхронизировала его с такими курганами послекелермесского времени Днепровского лесостепного Левобережья как №470 у с. Аксютинцы и №5 у с. Поповка, также имеющими в составе погребального инвентаря каменные блюда.

С.А. Скорый связывает распространение захоронений с каменными блюдами в Правобережной лесостепи с проникновением на эту территорию в самом конце VII в. до н. э. или в начале VI в. до н.э. второй (т.н. кавказской) волны скифов-кочевников, которую маркируют целый ряд ярких памятников, дата которых почему-то полностью совпадает по времени с упомянутой выше миграцией населения – Перепятиха, Журовка, кк. 406, 407, Репяховатая Могила, Макеевка, к. 488 и др. (Скорий, 2003, с. 77). По моему мнению, это предположение нуждается в дополнительном обосновании. Во-первых, овальные каменные блюда с бортиками не получили широкого распространения на Северном Кавказе и относятся там к числу довольно редких находок – к. 3 Краснознаменского могильника, к. 29 Келермесского могильника (Галанина, 1997, с. 164, табл. 41, *412*; Петренко, 2006, табл. 58, *157*). Примечательно, что на территории Предкавказья также практически неизвестны находки каменных блюд с боковыми выступами, которые довольно хорошо представлены в лесостепном Поднепровье. Исходя из этого, связывать распространение каменных блюд в украинской лесостепи непосредственно с миграцией северокавказских скифов вряд ли является оправданным. Во-вторых, синхронизация в рамках одной хронологической группы таких памятников с каменными блюдами как Перепятиха, Люботин к. 1 Караванской группы, Журовка, к. 406, Герасимовка, кк.1, 2 с одной стороны, и Макеевка, к. 488, Репяховатая и Захарейкова Могилы, с другой, пред-

ставляется мне не корректной. Сравнительный анализ вещевых наборов упомянутых выше приднепровских архаических комплексов показывает их отличие друг от друга по типам зеркал, керамическим наборам, предметам вооружения и конского снаряжения, а, следовательно, принадлежность к различным хронологическим этапам в рамках VI в. до н.э. (Махортых, 2016, с. 148, 150). В первом случае, преимущественно, к первым десятилетиям, а в другом, второй и/или третьей четверти этого столетия.

Позднейшую серию погребений с блюдами **первой группы** из лесостепного Поднепровья, по моему мнению, образуют такие памятники как кк. 33, 38 у с. Гуляй-Город и Макеевка, к. 488 на Правобережье, а также Волковцы, к. 477 и Поставмуки, к. 6 – на Левобережье. Их датировка, главным образом, в рамках середины – второй половины VI в. до н.э., обосновывается предметами, выявленным в составе их погребального инвентаря, а именно, зеркалами т.н. «ольвийского» типа, уздечными принадлежностями, античной керамикой и пр. (Онайко, 1966, с. 58; Ильинская, 1975, с. 68; Галанина, 1977; Махортых, 2016а, с. 340).

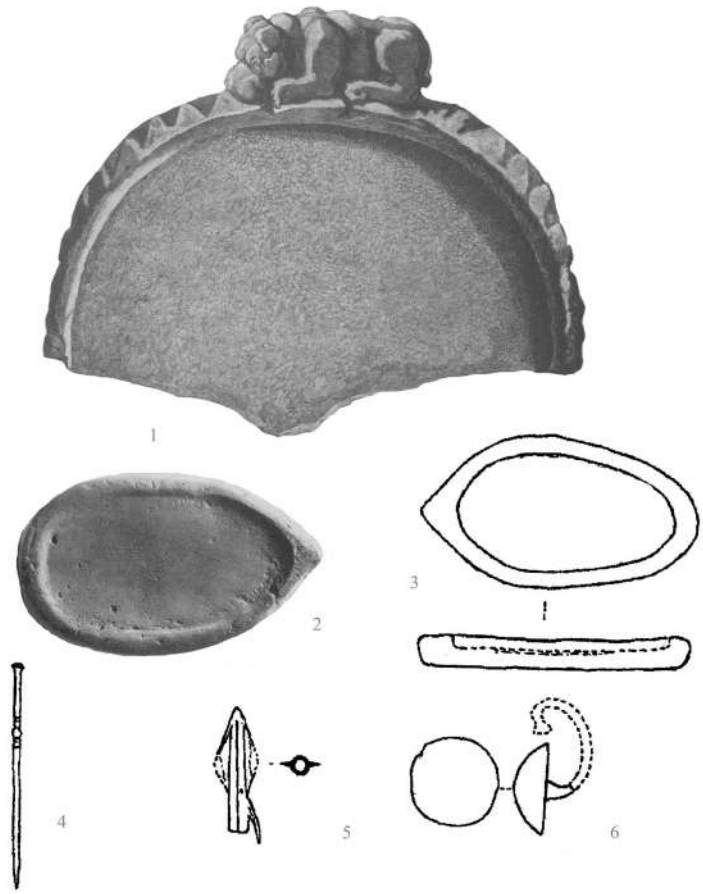


Рис. 2. Каменные блюда и сопровождающий их погребальный инвентарь:
1 – Шпола; 2 – могила 1/1910 г. Ольвийского некрополя;
3-6 – курган 1 Центральной группы Люботин. Масштаб изображений произвольный

Несмотря на наличие бронзового двухлопастного наконечника с ромбической головкой, в рамках VI в. до н.э. следует датировать и Люботинский к. 1 Центральной группы (рис. 2, *3-6*). Об этом свидетельствуют выявленные вместе с ним бронзовые украшения – серьга (тип 4) и булавка (тип 15 вариант 1) по типологии В.Г. Петренко, а также форма суживающегося к одному концу каменного блюда, аналогии которому обнаруживаются в могиле 1/1910 Ольвийского некрополя, относящейся к 540-530 гг. до н.э. (Петренко, 1978, с. 15, 27; Скуднова, 1988, кат. 46).

Вторую группу (7 экз.) каменных блюд лесостепного Поднепровья образуют изделия близкой к овалу формы с невысоким бортиком и боковым выступом с одной из сторон, зачастую оформленным в виде схематической головки животного. Входящие в состав этой группы предметы выявлены в п.1 к. 2 у с. Листопадово, к. 100, Синявка, п. 2 Репяховатой Могилы, к. 447, Журовка, п. 1, к. 14 Купьевахи, а также в кургане, раскопанном близ с. Веремеевка (рис. 3, *1, 2, 5-7*; 4, *3*) (Бобринской, 1901, рис. 78; Бобринской, 1905, рис. 31; Іллінська, 1968, рис. 8, *3*; Бокий, 1977, рис. 3, *1*; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 21, *1*; Ковпаненко, 1981, рис. 42, *24*; Бойко, Берестнев, 2001, рис. 27, *14*). С определенной долей условности к этой же группе, я отношу фрагмент каменного блюда из окрестностей г. Шпола, которое по краю украшено фигурой лежащего хищника (Бобринской, 1894, рис. 21) (рис. 2, *1*).

Большая часть анализируемых находок (5 экз. или 71%) связана с Днепровским лесостепным Правобережьем, тогда как на Левобережье блюда этой разновидности менее многочисленны (2 экз. – 29%). Вместе с тем, на этой территории обломки каменных блюд с выступами выявлены на Бельском городище и поселении у с. Олефирщина (Ковпаненко, 1967, рис. 24, *12*; Шрамко, 1987, рис. 43, *7)*.

В степной зоне Северо-Восточного Причерноморья каменное блюдо овальной формы с боковым выступом и невысоким бортиком по краю, происходит из кургана 6 у с. Николаевка Луганской области (Чередниченко и др. 1971) (рис. 4, *2*).

«Зомоорфные» блюда, входящие в состав **второй группы,** не имеют аналогов в раннескифских памятниках Евразии. Однако, если обратится к переднеазиатским, и в частности ассирийским древностям, то среди них, разнообразно оформленные каменные сосуды, в том числе и с зооморфными изображениями, довольно широко использовались представителями элитных слоев общества в течение т.н. позднего ассирийского периода (Searight, Reade, Finkel, 2008, fig. 31, *429*; 37, *468-470;* 41, *479;* 42, *481*; 49, *513 – 518*) (рис. 5, *2-4*). Имеются среди этих изделий и блюда с выступом, оформленным в виде головки животного (рис. 5, *1*). Они найдены в северном Ираке, в том числе и в постройках, разрушенных в конце VII в. до н.э. во время падения столицы Ассирийского государства Ниневии (Searight, Reade, Finkel, 2008, p. 67, fig. 39). На мой взгляд, именно знакомство номадов Северного Причерноморья с этими артефактами на заключительном этапе их переднеазиатских походов и явилось источником происхождения наиболее архаичных зооморфных приднепровских каменных блюд **второй группы**.

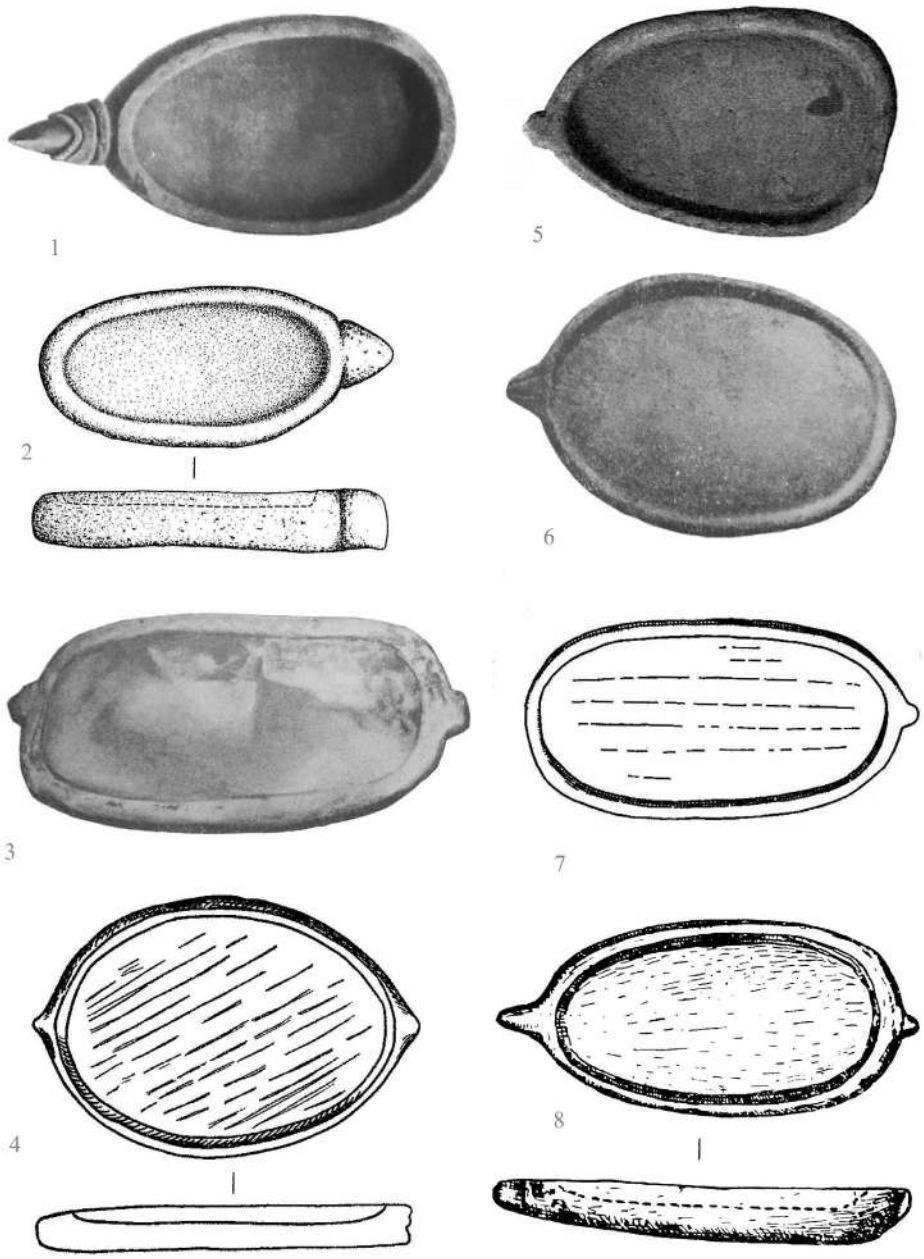


Рис. 3. Каменные блюда второй и третьей групп лесостепного Поднепровья:
1 – курган 100 Синявка; 2 – курган 14 Купьеваха; 3 – Захарейкова Могила;
4 – курган 2 (1886 г.) Аксютинцы; 5 – курган 447 Журовка; 6 – погребение
2 Репяховатовой Могилы; 7 – Веремеевка; 8 – Роменские курганы.
Масштаб изображений произвольный

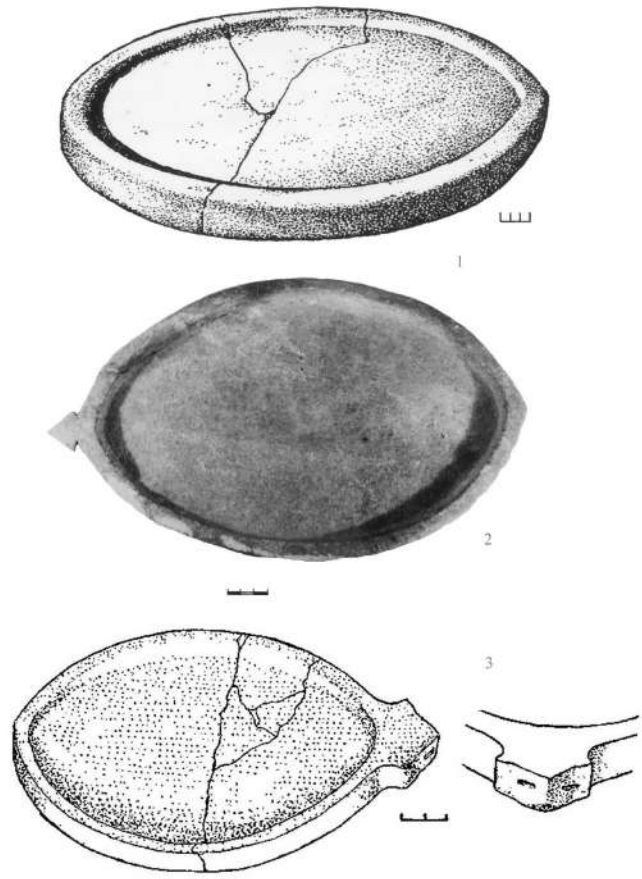


Рис. 4. Каменные блюда из степных и лесостепных областей Украины:
1 – Флярковка; 2 – курган Николаевка; 3 – погребение 1 курган 2 Листопадово

Вместе с тем, имеющиеся отличия в оформлении переднеазиатских и причерноморских разновидностей зооморфных каменных блюд (различная форма и глубина, наличие или отсутствие выделенного дна, своеобразное содержание зооморфных изображений, несмотря на их близкий сакральный смысл) свидетельствуют о локальном своеобразии последних и заимствовании скифами, главным образом, идеи воспроизведения зооморфного декора каменных блюд, реализованной на базе северопричерноморских производственных центров.

Следует также упомянуть точку зрения К.Ф. Смирнова, согласно которой савроматч ские каменные алтарики на ножках были созданы под воздействием знакомства с алтарями Ближего Востока в ахеменидскую эпоху (Смирнов, 1964, с. 168).

К числу наиболее архаичных каменных блюд **второй группы** относятся предметы из Листопадово, Купьевахи, а также случайная находка из Шполы. На основании обнаруженных вместе с ними бронзовых зеркал с цетральной ручкой, пастовых бусин в виде конических розеток, а также некоторых других предметов, эти комплексы следует датировать в рамках начала – первой трети VI в. до н.э. (Махортых, 2018, с. 37). Хро-

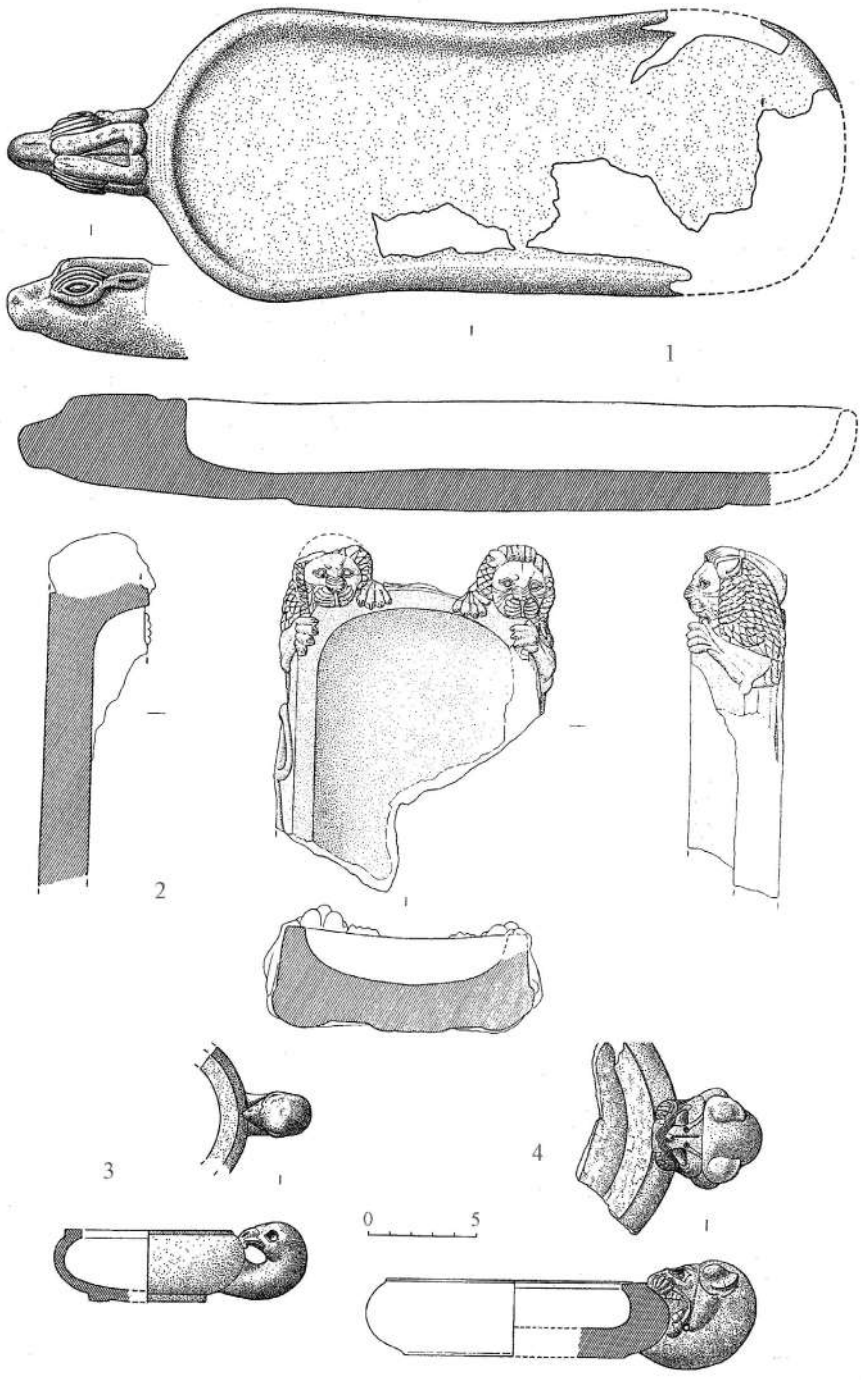


Рис. 5. Ассирийские каменные сосуды:
1, 2 – Северный Ирак, Ниневия?; 3, 4 – Ниневия

нологически к ним, вероятно, примыкает и к. 100 у с. Синявка, который датируется в пределах первой половины VI в. до н.э. (Ковпаненко, 1981, с. 131).

К более поздним памятникам (вторая и/или третья четверти VI в. до н.э.), содержащим блюда **второй группы,** относятся п.2 Репяховатой Могилы, к. 447, Журовка, а также предметы из Веремеевки. Примечательно, что в Репяховатой Могиле, а также в к. 447 Журовки блюда располагались в северо-восточном углу могилы вместе с посудой и зеркалами. Их датировка основывается на обнаруженном в этих погребениях инвентаре (разнообразная античная керамика, зеркала с боковой ручкой разных типов и пр.), а также морфологических особенностях самих боковых выступов, которые со временем утрачивают признаки зооморфизма и уменьшаются в размерах.

Третья группа рассматриваемых каменных блюд с двумя боковыми выступами на обеих поперечных сторонах бортика является самой малочисленной. Она насчитывает три экземпляра, два из которых происходят из Посулья (Аксютинцы к.2/1886, Роменские курганы), а один – из бассейна Тясмина (Захарейкова Могила, п.1) (рис. 3, *3, 4, 8*) (Ильинская, 1968, рис. 41, *6*; табл. 19, *3*; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 34). Входящие в состав этой группы находки отличаются довольно крупными размерами. Их длина и ширина варьирует от 30×20,4 см до 50×28 см, тогда как высота составляет 3,1-6,5 см. Блюда были плоскими с низким бортиком, прямоугольным выступом на одном конце и треугольным, с тремя желобками – на другом (Захарейкова Могила), а также с выступами, имеющими заостренные окончания, одинаковые или отличающиеся своими размерами (посульские находки).

Рассматриваемые предметы являются редкими на юге Восточной Европы, и также как и блюда **второй группы** не известны из восточных районов Евразии. Ближайшие соответствия им происходят с территории Прикубанья (курганный могильник «Украинский – 1», к. 5, п. 6), где каменное блюдо с двумя выступами сопровождалось бронзовым зеркалом «ольвийского» типа, имеющим боковую каннелированную ручку, украшенную фигурками лежащего оленя и стоящего кощачьего хищника (рис. 6, *5*) (Цоюкур, 2008, рис. 23, *1, 3*). Это зеркало находит аналогии в п. 36 Ольвийского некрополя (Скуднова, 1988, 113, кат. 170), что позволяет определять дату блюда с боковыми выступами последней третью VI в. до н.э.

В рамках середины – второй половины VI в. до н.э., по моему мнению, следует датировать и находки каменных блюд **третьей группы** из лесостепного Поднепровья (Захарейкова Могила, п. 1 и Аксютинцы, к. 2 (1886). Этой дате не противоречат выявленные вместе с ними глубокие грушевидные черпаки, железные трехпетельчатые и костяные трехдырчатые псалии с загнутым концом или схематическими зооморфными изображениями, бронзовая уздечная пронизь украшенная головкой барана, наконечник ножен из железа и пр., аналогии которым известны в памятниках юга Восточной Европы упомянутого выше хронологического горизонта (Ильинская, 1968, табл. 39, *5*; Галанина, 1977, табл. 23, *2*, *3*; Козенкова, 1995, табл. 15, 2; Петренко, Маслов, Канторович, 2006, с. 408, рис. 4, 1,3; Гречко, 2012, с. 79; Махортых, 2017, с. 180, рис. 10, *13-16*; Махортых, 2017а, с. 187).

Проведенный выше анализ каменных блюд VII-VI вв. до н.э. из скифских памятников лесостепного Поднепровья позволил прийти к следующим выводам:

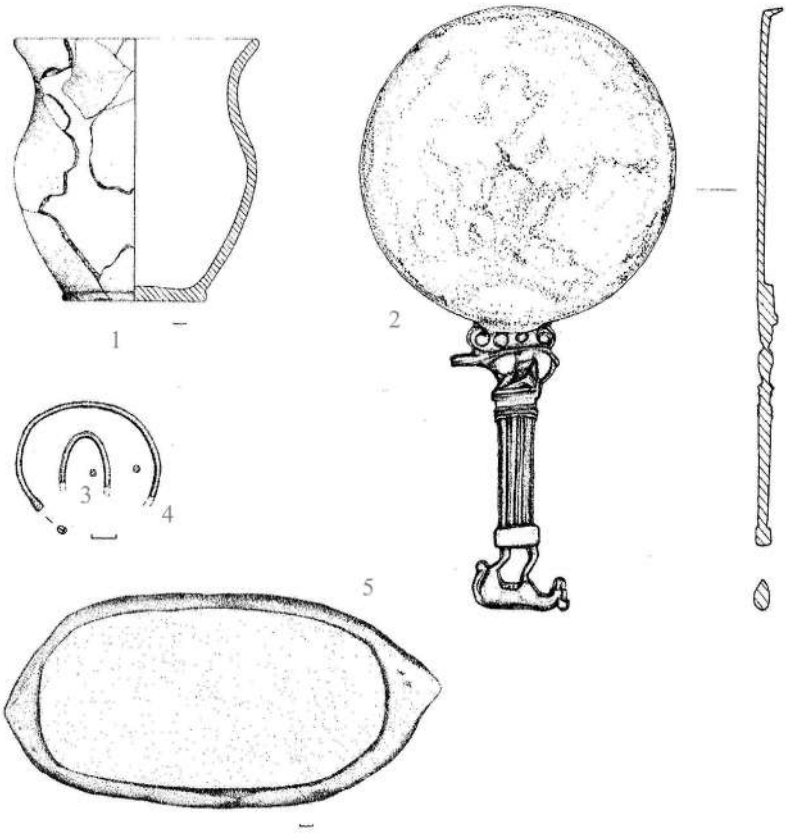


Рис. 6. Инвентарь погребения 6 в кургане 5 могильника «Украинский – 1» (Прикубанье)

– лесостепные области Украины являются главным центром распространения каменных блюд на юге Восточной Европы (29 экз). Они встречены в погребальных комплексах как на правом (18 экз. или 62%), так и левом берегу Днепра (11 экз. или 38%).

– наиболее многочисленными являются блюда близкой к овалу формы без боковых выступов (17 экз.), а также с одним боковым выступом (7 экз.), зачастую оформленным в виде головки животного. Последние, т.н. «зооморфные» блюда связаны своим происхождением с Древним Востоком и были заимствованы скифами в конце VII в. до н.э на заключительном этапе их переднеазиатских походов.

– каменные блюда с одним и двумя боковыми поперечными выступами не находят аналогий на обширных просторах Евразии и являются местными причерноморскими разновидностями этой категории скифской материальной культуры.

– хронологически рассматриваемые находки подразделяются на две группы: раннюю (конец VII и/или первая половина VI в. до н.э) и позднюю (середина – вторая половина VI в. до н.э.), при этом период наиболее широкого распространения каменных блюд в лесостепном Поднепровье приходится на первую половину – середину VI в. до н.э.

Список литературы

Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. – СПб. : Изд-во ГЭ, 2003. – 416 с.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. – К.: ИА НАНУ, 2000. – 242 с.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – СПб: типография В.С. Балашева, 1894. Т. 2. – 225 с.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – СПб: типография главного управления уделов, 1901. Т.3. – 171 с.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) в 1904 году // ИАК. 1905. Вып. 17. – С. 77-98.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII-IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха. – Харьков: Каравелла, 2001. – 144 с.

Бокій Н. М. Розкопки курганів у верхів'ьях басейну Тясмина // Археологія. 1977. №22. – С. 65-73.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. – М.: Наука, 1977. – 68 с.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. – М.: Палеограф, 1997. – 316 с.

Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus. 2012. № 3. – С. 75–106.

Григорьев В., Скорый С. Курганы у с. Гладковщина – памятники эпохи скифской архаики в Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. – Kraków: Profil-Archeo, 2012, – С. 441-459.

Іллінська В.А. Із неопублікованих матеріалів скіфського часу в лівобережному лісостепу // Археологія. 1968. № 21. – С. 147-163.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. – Киев: Наукова думка, 1975. – 222 с.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. – Киев: Наукова думка, 1968. – 267 с.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Маѳтусов // Скифия и Кавказ. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 31-63.

Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. – Киев: Наукова думка, 1967. – 187 с.

Ковпаненко Г.Т. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. –М.: Наука, 1984. – С. 107-113.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – Киев: Наукова думка, 1981. – 158 с.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант (систематизация и хронология) – М.: ИА РАН, 1995. – 165 с.

Максимов Е.В., Петровская Е.А. Древности скифского времени Киевского Поднеѳпровья. – Полтава: ИА НАНУ, 2008. – 126 с.

Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum plus. 2012. №3. – С. 145-160.

Махортых С.В. Современное состояние изучения хронологии раннескифской культуры // Археологія і давня історія України. 2016. Вип. 2 (19). – С. 140-151.

Махортых С.В. Бронзовые колокольчики VII-VI вв. до н.э. из скифских памятников юга Восточной Европы // Стародавнэ Причорномор'я. 2016а. XI. – С. 339-345.

Махортых С.В. Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточн ной Европы в VII—VI вв. до н. э. // Археологія і давня історія України. 2017. Вип. 2 (23). –С. 166-184.

Махортых С.В. О скифо-кавказском направлении контактов населения ананьинской культуры в VII-VI вв. до н.э. // Археология Евразийских степей. 2017а. № 3. – С. 183-208

Махортых С.В. Распределители ремней конской упряжи VII-VI в Закавказье и Пер редней Азии // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). – С. 35-50.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – К.: Наукова думка, 1984. – 132 с.

Мурзін В.Ю., Ролле Р., Білозор В.П. Про подальші дослідження Перещепинського могильника // Археологія. 1996. №4. – С. 141-149.

Онайко Н.А, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. – М.: Наука, 1966. –118 с.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V-III вв. до н.э. – М.: Наука, 1967. – 178 с.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. – М.: Наука, 1978. – 143 с.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. – М.: Палеограф, 2006. – 177 с.

Петренко В.Г., Маслов В.Е. Роговые блюда могильника Новозаведённое-II // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. – М.: ИА РАН. 1999. – С. 250-259.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. – М.: ИА РАН, 2006. –С. 388-423.

Рябкова Т. В. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Археологический альманах. 2010. № 21. – С. 178-188.

Скорий С. А. Курган Переп'ятиха. – Киев: Наукова думка, 1990. – 124 с.

Скорый С.А**.** Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. – Киев: ИА НАНУ, 2003. –161 с.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. – Л.: Искусство, 1988. – 184 с.

Цокур И.В. Курганный могильник «Украинский-1» (Динской р-н Краснодарского края) // Наследие Кубани. 2008. Вып. 1. – С. 156-239.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев: Наукова думка, 1987. – 182 с.

Чередниченко Н.Н., Братченко С.Н., Шарафутдинова Н.С., Алекшин В.А. Отчет о работе Ворошиловградской экспедиции 1971 г. // Научный архив ИА НАНУ. 1971/31. – 48 с.

Черненко Е.В. Люботинский курган // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. – М.: ИА РАН, 2000. –С. 297-303.

Searight A., Reade J., Finkel I. Assyrian stone vessels and related material in the British Museum. – Oxford: Oxbow Books, 2008. – 192 p.

А.Д. Могилов
Институт археологии НАН Украины
Киев, Украина
O.D. Mogylov
Institute of archeology NASU
Kyiv, Ukrayna
mogilovod@gmail.com

ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РЯДОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФИИ

Аннотация. Статья посвящена характеристике поминальной обрядности рядового населения Скифии. Рассматривается распространение тризны в бескурганных могильниках в различных регионах юга Восточной Европы в скифское время. Наиболее часто тризна представлена костями животных, а также разбитыми лепной посудой и античными амфорами. Реже известны орудия труда или украшения. В Причерноморье, вблизи античных центров, встречается и античная столовая посуда, а также кости рыб и дельфинов. Редки находки человеческих костей. Наиболее распространен этот обычай в степи Северного Причерноморья, населенной кочевыми скифами. Для Восточноевропейской лесостепи он мало характерен, и распространен на юге региона. Это явление может маркировать проникновение кочевых скифов на север, в Днепровскую лесостепь, населенную местным аборигенным населением, имеющим предскифские корни. Известен обряд тризны и у меотского населения Северо-Западного Предкавказья. Причем в приморской зоне данного региона он сочетается с распрок странением культовых камней – эсхар.

Ключевые слова: грунтовое погребение, скифы, тризна, могильник, скифская эпоха, погребальный обряд, Северное Причерноморье.

Скифтердің орта тап өкілдерінің еске алу ғұрпы

Түйін. Мақала скифтердің орта тап өкілдерінің еске алу ғұрпының сипаттамасына арналған. Шығыс Еуропаның оңтүстігінің әртүрлі аумақтарында скифтік кезеңде жерлеу орны жоқ қорымдарында ас берудің таралуы қарастырылады. Ас беру көп жағдайда жануарлардың сүйектерімен, сонымен қатар сындырылған қыш ыдыстармен және антикалық амфоралармен ұсынылған. Еңбек құралдары мен әшекей бұйымдары сирегірек кездеседі. Қара Теңіз жағалауында антикалық орталықтарға жақын жерлерде антикалық ас ішетін ыдыстар да, сонымен қатар балықтар мен дельфиндердің сүйектері де кездеседі. Адам сүйектерінің кездесуі сирек. Бұл ғұрып көшпенді скифтер мекен еткен Солтүстік Қара Теңіз жағалауында кең таралған. Шығысеуропалық орманды-далада сирек кездеседі, және аймақтың оңтүстігінде кең таралған. Бұл құбылыс көшпенді скифтердің солтүстікке, жергілікті абориген тұрғындар мекендеген, скифтерге дейінгі тарихы бар Днепр бойының орманды-даласына енуін көрсетеді. Ас беру ғұрпы Солтүстік-Батыс алдыңғы Кавказ меоттық

тұрғындарында болғандығы белгілі. Бұл аймақтың теңіз маңындағы аудандарында бұл ғұрып эсхар – ғұрыптық тастардың таралуымен астасып жатыр.

Түйін сөздер: топырақ жерлеу орындары, скифтер, ас беру, қорым, скиф дәуірі, жерлеу ғұрпы, Солтүстік Қара Теңіз жағалауы.

The funeral repast ceremony of the simular population of the Scythia

Annotation. The article is devoted to the characteristics of the commemoration rituals of the ordinary population of Scythia. The distribution of trellis in burial grounds in various regions of southern Eastern Europe during the Scythian period is considered. Most often, the trizna is represented by the bones of animals, as well as broken stucco dishes and antique amphoras. Less commonly known tools or adornment. In the Black Sea region, near the ancient centres, there is also antique tableware, as well as the bones of fish and dolphins. Rare finds of human bones. The most characteristic is the spread of this custom for the steppe of the Northern Black Sea region inhabited by nomadic Scythians. For the Eastern European Forest-steppe, it is not typical, and is common in the south of the region. This phenomenon may mark the penetration of nomadic Scythians to the north in the Dnieper Forest-Steppe, inhabited by the local aboriginal population with pre-Scythian genesis. Known the rite of the tribunal and the Meotian population of the North-Western Caucasus. And in the coastal zone of this region, it is combined with the spread of cult stones – eschars.

Keywords: ditch grave, Scythians, trizna, burial ground, Scythian epoch, funeral ceremoe ny, Northern Black Sea region.

Смерть человека, переход его в потусторонний мир, занимали важное место в жизни и религиозных представлениях многих древних народов. В их верованиях, душа умершего отнюдь не исчезала, а просто переходила в другую плоскость бытия, в иной хтонический мир, где продолжала существовать, и, в представлениях живых соплеменников, нуждаться в целом наборе вполне утилитарных средств. Отображением этих представлений стал обычай помещения в могилу заупокойных «даров»: прежде всего различных вещей, еды, но иногда и животных, и даже других, зависимых от усопшего, людей. Достаточно ярко этот процесс иллюстрируется в культурах скифского круга, известных на широких просторах Евразии, и в частности, в Северном Причерноморье. Связь живых с усопшим предком отнюдь не прекращалась с актом погребения. Существовала и разнообразная поминальная обрядность, призванная (порой достаточно длительное время после похорон) содействовать, с одной стороны, достойному потустороннему бытию усопшего (например, путем проведения специальных ритуалов или чтения соответствующих молитв и гимнов[1]). А, с другой стороны, эти действия имели вполне практический эффект и для живых, содействуя сплочению общины, легитимности передачи собственности и функций в обществе от предков к потомкам; наконец, смягчая психологическую травму, полученную родственниками при смерти соплеменника.

К сожалению, значительная часть скифских погребально-поминальных ритуалов, сегодня уже не известна нам. Но другие дошли до нас из древних письменных источников или археологических памятников. К последним относиться обряд **тризны** по

[1]Этот обряд существует и сегодня в различных религиях в форме весьма объемного набора заупокойных молитв.

усопшему. До нас дошли, прежде всего, ее материальные элементы – остатки погребального пира. Наиболее впечатлительна, конечно, тризна из курганов степной элиты, включавшая порой десятки животных и сотни сосудов (Полин, Алексеев, 2018, с. 277-450). Особенно многочисленны бывают античные винные амфоры. Видимо алкоголь, приводящий к специфическим состояниям сознания, в представлениях древних народов, помогал узреть невидимые образы потустороннего мира. В значительно меньших масштабах тризна известна у рядового населения Скифии. Привлекает внимание наличие ее и в **грунтовых могильниках** юга Восточной Европы. Эти захоронения принадлежали **рядовому населению**, этнический состав которого в отдельных регионах был разным. Длительное время бытовали взгляды о курганах как о едва ли не единственном типе погребальных сооружений в Скифии. Масштабные раскопки, расширение источниковедческой базы, показывают нам, однако, значительное распространение подобного способа захоронения в различных регионах Скифии: как в степи, так и в лесостепи. А у меотов Прикубанья данный обычай преобладал. В таких памятниках, практически во всех регионах, материальные следы тризны сводятся к наличию костей животных, битой (в исключительных случаях – целой) лепной и античной посуды. Реже фиксируются украшения или орудия труда. Очень необычны человеческие кости. Оставляли тризну рядом с могилой, среди камней надмогильного заклада, иногда – в пространстве между погребениями. В случае, если некрополь был «смешанным», то есть включал и грунтовые захоронения, и курганы, тризна зафиксирована также на подкурганной поверхности, в насыпи, в крепиде или околокурганном рве.

В ***степи Северного Причерноморья*** тризна является одним из наиболее характерных явлений. Для IV в. до н.э., по данным В.С. Ольховского, она характерна для 265 подкурганных комплексов из учтенных на время публикации 1357 (что составляет 19,5%). Наиболее часто она фиксируется в насыпи – 51,7%, далее – во рву: 20,7%, на уровне древней поверхности – 15,7%, одновременно во рву и насыпи – 0,75% (Ольховский, 1991, с. 122, 123). В рядовых курганах Нижнего Поднепровья, из сводки Е.П. Бунятян, тризна отмечена в 30,1% комплексов (Бунятян, 1985, с. 46). В захоронениях Мамай-Горы она отмечается рядом с погребениями (Андрух, Тощев, 1999, с. 142). Для *бескурганных* и *грунтово-курганных* некрополей региона этот обычай является достаточно распространенным. В Скельках фрагменты керамики и амфор отмечены по всей площади могильника. Зафиксированы также две площадки с тризной (фрагменты амфор, кости животных, в том числе панцири черепахи) и жертвенное место со скоплением костей лошади (Попандопуло, 2011, с. 73, 74). В ряде случаев, в могильниках с каменными конструкциями тризна зафиксирована среди камней выкладки. Так на Хортице фрагменты лепной керамики и амфор расчищены среди плит кромлеха (Остапенко, 2007, с. 150-153). В Гадючьей Балке следы тризны отмечены в четверти комплексов (в трех закладах и одном кургане). Представлена она костями и в одном случае амфорным боем (Могилов, 2018, с. 289). В Кичкасских могильниках она выявлена в 11 комплексах скифского времени (27,5%). Еще по разу в насыпи был горшок, (который можно рассматривать и как отдельное приношение); а также тризна в кургане эпохи бронзы, не содержавшем скифских комплексов, что для степи вовсе не является редким явлением (Ольховский, 1991, с. 122, 123). В том числе в Кичкасе упомянутые находки были сделаны в насыпи кургана 6 раз, и еще 5 – среди камней заклада или под ними. Ассорти-

мент находок представлен, прежде всего, фрагментами амфор, а также лепной посуды и костями животных (в большинстве случаев – коня). Необычными следует признать точильные камни, отмеченные в двух случаях, а также скребок (Могилов, 2018, с. 295). Тризна была в трех курганах «смешанного» курганно-грунтового могильника на Днепрозаводстрое. Она отмечена в насыпи, среди крепиды, а также во рву и среди камней заклада. Дважды это были кости животных (определены костные останки коня). Еще по разу – амфорные и лепные фрагменты. Следует выделить и отдельные людские останки (Могилов, 2018, с. 293), что хоть и не является частым явлением, но все же эпизодически встречается среди степных скифских древностей разных рангов (Прохорова, 1994, с. 20; Бокий, Могилов, 2014, с. 31, 32). Известны разрозненные людские кости и в меотских курганах-святилищах, где трактуются обычно как следы людских жертвоприношений (см. напр. Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 16, 25, 30, 55, 58, 68, 81).

В Николаевке в Северо-Западном Причерноморье, на поверхности могильника отмечаются скопления фрагментов амфор. Не во всех случаях их можно соотнести с определенным комплексом. Но все же в грунтовом могильнике выявлено 12 захоронений (17,7%) с тризной над могилой, и один случай (1,5%) с находками в закладе катакомбы. Для курганов характерны одно или два специальных культовых места с каменными жертвенниками и многочисленными фрагментами керамики, где поминали усопших, а также находки амфорного боя в насыпи. Ассортимент остатков тризны представлен, прежде всего, фрагментами амфор, отмеченных во всех случаях. Попадались также части рыбного блюда и сероглиняной миски. Два раза расчищены кости животных (атрибутирована корова) (Мелюкова, 1975).

Тризна известна и в бескурганных некрополях Нижнего Дона. В Каратаевском могильнике отмечены отдельные находки керамики, которые не увязываются с отдельными комплексами (Ильюков, 2002). В расположенном рядом Ливенцовском могильнике много погребений, видимо, имели в древности небольшие насыпи, которые маркируются кольцевыми ровиками с тризной. Последняя представлена костями крупных копытных (чаще – коня), развалами гераклейских амфор, лепным боем (Беспалый, 1997, с. 28, 29). Более насыщен такими находками памятник Дугино. В некоторых случаях такие находки могут быть приношениями умершим или даже кенотафами. В других – вполне могут трактоваться и как следы тризны. На памятнике зафиксированы и два перпендикулярных непересекающихся ровика, один из которых почти прямой, а второй – чуть изогнут. Их длина 4,8 и 3,3 м, ширина 0,5-0,6 и 0,3-0,55 м, глубина 2,1 и 3,3 м. В одном из ровиков найдено скопление амфор (развалы двух и фрагменты по меньшей мере трех сосудов) 2-й – 3-й четверти IV в. до н.э. (Прокофьев, 2014, с. 278-282). В грунтово-кур4 ганном Беглицком могильнике также отмечены следы тризны. Часть ее сосредоточена в околокурганных рвах. В случаях, когда насыпи не уцелели, ровики были единственными свидетельствами их существования. Иногда, из-за небольшой глубины, не фиксировались и сами рвы. И о них можно судить только по расположенной по кругу тризне. Иногда последняя фиксировалась среди крепиды. Отмечены черепа коней, кости овцы, коровы, лошади, а в кургане 6 – челюсть собаки. Также обнаружены керамический бой (амфоры, гончарная сероглинянная посуда, лепная керамика) и зернотерка. Грунтовые могилы в ряде случаев имели особые поминальные комплексы, представляющие собой

каменные вымостки и оградки у которых расчищены черепа и другие кости коней, бусы (Прохорова, 1979, с. 143; 1980, с. 124; 1994, с. 20; 1997, с. 19, 20, 33). Находки встречались и на площади памятника: обломки синопских и гераклейских амфор, бронзовая серьга, кости быка (Прохорова, 2002, с. 160, 161).

Нередка тризна и в каменных ящиках Восточного Крыма, обычно, среди камней их выкладок. В Золотом амфорный бой упоминается в трех комплексах (6% от их общего числа) (Масленников, 1995, с. 15-16). В некрополе Мысырь следы заупокойного культа отмечены в шести погребениях (62,5%). Прежде всего, это фрагменты амфор. В единичных случаях отмечены прясла, а также части солонки, красноглиняного сосуда, бусы (Масленников, 1995, с. 21-24). В некоторых случаях, правда, это может быть и следами ограблений, так как рядом с амфорным боем упоминаются и кости людей. Известна тризна и в Фронтовом (Цвек, 1968, с. 201). Также под выкладкой погребения 1 (1957 г.) у Рыбного (Лесков, 1961, с. 263).

Для грунтовых захоронений ***Восточноевропейской лесостепи***, тризна, наоборот не слишком характерна. В курганных комплексах этого региона она, в свою очередь, вовсе не редка. Встречены такие находки как в насыпях, так и во рвах. Представлена тризна обычно фрагментами амфор и костями животных. Интересны находки зеркала и костей человека (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 42). Обычна она и для комплексов IV в. до н.э. Северскодонецкой группы (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 31), где выявлена в 46 курганах (Гречко, 2010, с. 45). Для ***грунтовых*** захоронений севера ***Днепровского Правобережья***, однако, этот обычай мало характерен. Не зафиксирован он в Пирогово (Петровська, 1970; Кубишев, Скиба, Скорий, 1995). Не характерен для Грищенцев (Петренко, 1962). Не отмечен в Пекарях (Гречко, 2013), Обухове (Гороховский, 1979), Великой Бугаевке (Лысенко, 2010, с. 106, 107). Не упоминается он и в Западноподольской группе: Постоловка, Лисичники (Гребеняк, 1915, с. 15; Смирнова, 1967, с. 229). Южнее и ближе к степи, на Тясмине, тризна становиться уже более обыденным явлением. Она отмечается в насыпи и на грунте в курганах 12 и 29 в Черном Лесу, где представлена обломками амфор и лепной посуды, а также костями животных. Кроме этого, ножка амфоры расположена у одного из грунтовых захоронений (Тереножкин, 1952, с. 124-127), что дает суммарную долю комплексов с тризной – 25%. Известна она и в Светловодском могильнике – одном из крупнейших некрополей Скифии, где раскопано 154 грунтовых захоронеий и 5 курганов. Весьма важно, что по целому ряду погребальных признаков этот памятник выявляет схожесть со степными собственно скифскими памятниками. Тризна в Светловодске связана с 4,3% могил, датируемых IV в. до н.э. При этом, в курганах данный процент заметно больше 28,5%. Здесь зафиксированы только части амфор. В то время, как в грунтовом некрополе процент таких погребений 3,3% (здесь в равной мере представлены и лепные сосуды, и амфоры). Так в трех случаях (между могилами 82-85, а также возле гробницы 117) зафиксированы остатки разбитых горшков. Возле захоронений 43 и 109, а также между могилами 141 и 142 расчищены фрагменты амфор. К северу от погребения 80 расчищена челюсть лося. В виду отсутствия здесь иных костей, от традиционно употребляемых в пищу мясных частей туши, она может быть рассмотрена как элемент каких-то заупокойных магических действий. В курганах следы тризны зафиксированы два раза. В насыпи 2 были фрагменты амфоры, а во рву кургана 5 расчищена верхняя часть амфоры.

Не характерна тризна для грунтовых захоронений ***Украинского лесостепного Левобережья***. Можно упомянуть только три амфорных фрагмента, найденных недалеко от грунтовых погребений на Перещепинском поле в Бельске (Кулатова, Супруненко, 2010, с. 142). Не свойственна она и для однотипных погребений ***Среднего Дона***.

У меотов ***Прикубанья*** следы заупокойного культа также изредка известны рядом с могилами. Во II Мингрельском могильнике, содержавшем погребения, впущенные в курганы, упоминается тризна в насыпи (Мельник и др., 1987, с. 145, 146). В кургане у Майкопского кирпичного завода (рядом с которым были и грунтовые могилы) в верхней каменной выкладке попадались кости животных и фрагменты керамики, ниже зафиксированы следы больших костров (Дитлер, 1977, с. 70-75). Ярким проявлением погребально-поминальной обрядности меотского населения бассейна Кубани, хоронившего своих усопших в грунтовых могильниках (часто устроенных и в насыпях курганов более раннего времени), являются курганы-святилища. Обычно они не содержали погребения в отдельных могилах, но здесь проводился широкий спектр культово-заупокойных действий и приношений (Эрлих, 2011, с. 82-91). Нельзя исключать, что некоторые скопления керамики и костей животных в них связан с тризной по усопших. Богатство отдельных приношений здесь, свидетельствует о том, что ритуальные действия совершались в честь знатных покойников. Подобные комплексы известны на р. Псенаф у Майкопа (Эрлих, 2013, с. 476-477; Эрлих, Габуев, Днепровский, 2015, с. 444-447), возле II Тенгинского городища (Эрлих, 2001, с. 145-147; 2002, с. 313, 314; 2003, с. 267, 268; 2011, с. 13-45). Обилием различных приношений, скоплений костей животных, а иногда и людей, а также керамики и иных находок отличаются и комплексы близ Уляпа (Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013)

Встречаются следы заупокойной тризны и у варварского населения ***Северо-Восточного Причерноморья***. Погребальные памятники этих племен отличаются от соседних меотских прикубанских, прежде всего, широким применением камня. Весьма интересны находки эсхар (культовых камней с круглыми отверстиями) рядом с некоторыми погребениями региона. Вполне вероятно их использование в заупокойных поминальных обрядах. Ассортимент находок в тризне составляют кости животных, лепная и амфорная керамика. Наличие останков рыб и дельфинов а также фрагментов столовой античной посуды, иллюстрирует близость к морю и эллинским колониям. Довольно представительна тризна у Лобановой щели, где она формирует мощный культурный слой, копившийся в течении длительного времени. Он состоит из амфорного боя (до 80%), лепной (10%) и гончарной (5%) керамики. Наиболее ранние образцы относятся к VI-V вв. до н.э. Массовы находки IV – начала III вв. до н.э. Отдельные предметы могут быть датированы III-II вв. до н.э. и римским временем. Среди амфор преобладают издеа лия Гераклеи, встречаются фрагменты сосудов Хиоса, Фасоса, Менды. Зафиксированы обломки чернолаковых а также сероглиняных сосудов. Лепная керамика представлена фрагментами горшков, мисок. На некрополе обнаружен эсхар – жертвенный камень с круглым отверстием в центре. Находки костей рыб и дельфинов свидетельствуют о развитом рыбном промысле населения (Дмитриев, Малышев, 1999, с. 19, сл.). У ОПХ «Анапа» тризна выявлена возле четырех погребений (22% от их общего числа). Два раза в каменной выкладке отмечены лепные и амфорные фрагменты, а также кости; еще дважды рядом с могилами упоминаются кости коня и амфорный бой (Алексеева,

1991, с. 62-65). У пос. Воскресенский на могильнике выявлена эсхара (Алексеева, 1991, с. 56-60). Подобная плита размерами 78×41 см с круглым отверстием диаметром 7 см в центре была обнаружена и на Владимировском некрополе. Известны здесь и скопления фрагментов керамики рядом с захоронениями. В нескольких местах, между ящиками зафиксированы отдельно стоящие сосуды, в один из которых положена серьга (Шишлов, Федоренко, 2006). Следы тризны выявлены у базы отдыха «Ивушка» в Широкой Балке, где между гробницами зафиксировано скопление керамики (как местной лепной, так и импортной тарной и столовой). Важны находки фрагментов амфор 1-й половины V и рубежа IV-III вв. до н.э., дающие важные даты могильника, подвергшегося сильнов му ограблению. В другом некрополе в этой местности, на Холме Динамии, в культурном слое между захоронениями обнаружен обломок эсхары с отверстием (Малышев и др., 2004, с. 274).

Тризна в захоронениях рядовых общинников позволяет рассматривать и некоторые аспекты взаимоотношений кочевых скифов и оседлого населения Украинской лесостепи, в частности, проникновение номадов на север. Как отмечалось, данный обычай весьма характерен для степных бескурганных некрополей. А в лесостепи он, наоборот, редок, причем немногочисленные примеры локализируются как раз на юге региона – по соседству с ираноязычными номадами. Достаточно актуальной сегодня кажется постановка вопроса, о тризне (вместе с другими признаками (Скорый, 2003, с. 46, 53)), как присущего степным номадам маркера, обозначающего их присутствие в Восточноевропейской лесостепи.

Список литературы

Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. – М.: «Наука», 1991. – 144 с.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. – Запорожье, 1999. – Кн. I. – 231 с.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). – Киев, 2000. – 236 с.

Беспалый Е.И. Раскопки в Ливенцовке и Зверево в 1994 г. // ИАИАНД 1994 г. 1997. Вып. 14. – С. 28-29.

Бокий Н.М., Могилов А.Д. Новое о Мельгуновском кургане // Наукові записки. Серія Історичні науки. 2014. Вип. 21. – С. 26-39.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). – Киев, 1985. – 228 с.

Гороховский Е.Л. Погребение скифского времени на Киевщине // Археологія. 1979. №32. – С. 105-107.

Гребеняк В. Нові археологічні нахідки на території Східної Галичини // Записки НТШ. 1915. Т. CXXII. – С. 1-28.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. – Київ, 2010. – 285 с.

Гречко Д.С. Грунтовое погребение скифского времени у с. Пекари в Поросье // Восточноевропейские древности. – 2013. – Вып. 3. – С. 69-81.

Дитлер П.А. Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода № 2 // Сборник трудов по археологии Адыгеи. – Майкоп, 1977. – С. 68-110.

Дмитриев А.В., Малышев А.А. Могильник VI-II вв. до н.э. в устье Лобановой Щели // ИАА. 1999. Вып. 5. – С. 17-52.

Ильюков Л.С. Каратаевский могильник // АЗ. – 2002. – Вып. 2. – С. 168-202.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного правобережья (Киево-Черкасский регион). – Киев: Наукова думка, 1989. – 333 с.

Кубишев А.І., Скиба Л.Ә., Скорий С.А. Поховання скіфського часу Пирогівського могильника // Археологія. – 1995. – № 1. – С. 101-111.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. – Київ, 2010. – 198 с.

Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в IV-III веках до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. – М.: ГМВ, 2013. – 184 с.

Лысенко С.Д. Новые памятники милоградской культуры на Киевщине // Археологічні пам'ятки Фастівщини. Матеріали та дослідження. – Фастів, 2010 (Пресс-музей, № 26-27). – С. 106-127.

Малышев А.А., Дмитриев А.В., Медникова М.Б., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г. Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. – 2004. – Вып. 7. – С. 272-301.

Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. – 1995. – Вып. 8. – 124 с.

Мельник В.И., Орловская Л.Б., Савченко Е.И. Сатеев О.И., Сорокина И.А., Ульянова О.А. Работы Мингрельского отряда // АО-1985 г. – М.: Наука, 1987. – С. 145-147.

Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. – М.: Наука, 1975. – 259 с.

Могилов О.Д. Скіфські поховання з вуздою з Дніпровського Припоріжжя // АДІУ. 2018. Вип. 2(27). – С. 287-315.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). – М., 1991. – 256 с.

Остапенко М.А. Скифские бескурганные могильники Степного Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. – Москва–Киев–Запорожье, 2007. – С. 143-179.

Петренко В.Г. Могильник скифского времени у с. Грищенцы // МИА. – 1962. – №113. – С. 142-151.

Петровська Ә.О. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Киәва // Археологія. – 1970. – Т. XXIV. – С. 129–145.

Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. – Киев – Берлин: Видавець Олег Філюк, 2018. – 930 с.

Попандопуло З.Х. Скифский грунтовый могильник Скельки. – Запорожье, 2011. – 115 с.

Прокофьев Р.В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. – Ростов-на-Дону, 2014. – 398 с.

Прохорова Т.А. Спасательные работы на Беглицком некрополе // АО 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 143.

Прохорова Т.А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе // АО 1979 г. – М.: Наука, 1980. – С. 124.

Прохорова Т.А. Раскопки Беглицкого некрополя в 1993 году // ИАИАНД в 1993 г. – 1994. –Вып. 13. – С. 20-22.

Прохорова Т.А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе в 2001 г. // ИАИАНД в 2001 г. – 2002. – Вып. 18. – С. 160-161.

Прохорова Т.А. Некрополь на Беглицкой косе // Таганрог. Сборник статей. – Таганрог, 1997. – С. 18-32.

Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. – Киев, 2003. – 161 с.

Смирнова Г.И. Некоторые вопросы раннескифского периода на Среднем Днестре (По поводу статьи М. Душека) // Archeologicke rozhledy. 1967. Vol. XIX. №2. – S. 223-235.

Тереножкін О.І. Розвідки і розкопки в 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. 1952. Т. VII. – С. 110-135.

Цвек О.В. Могильник скіфського і сарматського часу на Керченському півострові // Археологія. 1968. Т. XXI. С. 199-205.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребальный обряд племен Северо-Западного побережья Кавказа в конце VII – V вв. до н.э. (по материалам Владимирского могильника) // Аргонавт. 2006. №2. – С. 63-73.

Эрлих В.Р. О работе Кавказской археологической экспедиции // АО 2001 г. – М.: Наука, 2002. – С. 313-314.

Эрлих В.Р. Работы Кавказской археологической экспедиции ГМВ // АО 2002 г. – М.: Наука, 2003. – С. 267-268.

Эрлих В.Р. Святилища некрополей Тенгинского городища-II-IV в. до н.э. – М.: Наука, 2011. – 212 с.

Эрлих В.Р., Габуев Т.А. Днепровский К.А. Работы Кавказской экспедиции Государственного музея Востока в 2011-2013 гг. // АО 2010-2013 гг. – М., 2015. – С. 444-447.

Эрлих В.Р. Археологический комплекс Псенафа. К проблеме хронологии // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 476-479.

В.Н. Мышкин
Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия
V.N. Myshkin
Samara, Russia
Samara State University of Social Sciences and Education

ПОДПРУЖНЫЕ ЗАСТЕЖКИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ У КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ: ХРОНОЛОГИЯ И ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00137.

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей территориального распространения подпружных застежек, украшенных зооморфными изображениями, которые использовались кочевниками Южного Приуралья в VI-IV вв. до н.э. Выполненный анализ показал, что такие застежки использовались преимущественно в конце VI-V вв. до н.э. В этот период только в восточных районах южноуральских степей – в верхнем и отчасти среднем течении р. Урал, верхнем и среднем течении р. Илек и низовьях р. Орь – встречены экземпляры с изображением сражающихся верблюдов, стоящего верблюда, хищной птицы, терзающей животное, голов хищных птиц, повернутых друг к другу. Застежки в виде свернувшихся в кольцо хищников встречены, преимущественно, на западе степей Южного Приуралья. В этих же районах встречены экземпляры со щитками в виде припавших к земле хищников и фигур трех хищников, обращенных головами к единой центральной части, многократно повторенным изображением головы хищного животного. В конце V–IV в. до н.э. застежки с зооморфными изображениями обнаружены только в западных районах южноуральских степей.

Ключевые слова: Южное Приуралье, ранние кочевники, подпружные застежки.

Скифтік кезеңдегі Оңтүстік Орал маңы көшпенділерінің зооморфты бейнелері бар тартпа қапсырмалары: хронологиясы мен таралу аймағы

Түйін. Мақала б.д.д. VI-IV ғғ. Оңтүстік Орал маңы көшпенділері пайдаланған зооморфтық бейнелермен әшекейленген айылбастардың таралу аймағының ерекшеліктерін зерттеуге арналған. Жүргізілген талдау нәтижесінде бұндай тартпа қапсырмалары б.д.д. VI ғ соңы –V ғ. пайдаланылғандығы анықталды. Бұл кезеңде оңтүстік орал даласының шығыс аудандарында – Орал өзенінің жоғарғы және ішінара орта ағыстарында, Елек өзенінің жоғарғы және орта ағыстарында және Ор өзенінің төменгі ағысында ғана шайқасып жатқан түйелердің, тұрған түйенің, аңды боршалап жатқан жыртқыш құстың, бір-біріне қаратылған жыртқыш құстың бастары-

ның бейнелері бар тартпа қапсырмалары кездескен. Дөңгелек болып оратылған жыртқыш түріндегі қапсырма, көбінесе, Оңтүстік Орал маңы жазығының батысында кездеседі. Бұл аудандарда жерге бауырлаған жыртқыштар бейнесінде және бастары біртұтас болып келетін орталық бөлікке бағытталған үш жыртқыш фигурасы түріндегі, жыртқыш аңның басының бейнесі бірнеше рет қайталанатын тартпа қапсырмалары кездеседі. Б.д.д. V ғ соңы –IV ғ. зооморфты бейнелері бар айылбастар оңтүстік орал жазығының батыс аудандарында ғана табылған

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал маңы, ерте көшпенділер, тартпа қапсырмалары.

Girth buckles with zoomorph images of nomads of the Southern Urals of scythian time: chronology and territory of distribution

Annotation. The article is devoted to the study of the features of the territorial distribution of girth buckles decorated with zoomorphic images used by nomads of the South Ural in VI-IV cc. BC. The analysis showed that such girth buckles were used mainly at the end of the VI-V century BC. Specimens depicting battling camels, a standing camel, a bird of prey tearing an animal, heads of birds of prey, turned to each other encountered only in the eastern regions of the South Ural steppes – in the upper and partly middle course of the river Ural, upper and middle reaches of the river Ilek and the lower reaches of the river Or during this period. Girth buckles in the form of predators coiled into a ring are met mainly in the west of the steppes of the Southern Urals. Exemplars in the form of predators crouching to the ground and figures of three predators with their heads turned to a single central part, with a repeated image of the head of a predatory animal were found in these same areas. Girth buckles with zoomorphic images were found only in the western regions of the South Ural steppes at the end of the V – IV century BC.

Keywords: Southern Urals, early nomads, girth buckles.

Кочевники Южного Приуралья в VI-IV вв. до н.э. для застегивания подпруги при фиксации седла на спине коня использовали подпружные застежки без подвижного язычка. Стандартный седельный набор чаще всего включал в себя три металлические детали: левую двухчастную застежку, состоящую из пряжки и петли, и правую одночастную застежку. Во второй половине V-IV вв. кочевники Южного Приуралья начали использовать одночастные подпружные застежки, представлявшие собой пряжку с горизонтально расположенным выступом-фиксатором (Мышкин, 2016, с. 11). Значительная часть застежек украшена изображениями, выполненными в зверином стиле.

В данной публикации рассмотрены особенности распространения подпружных застежек, щитки которых оформлены в виде различных зооморфных изображений, у кочевников Южного Приуралья на протяжении двух периодов (конец VI-V вв. до н.э. и в конец V-IV вв. до н.э.) Выборка, использовавшаяся при подготовке данной статьи, состоит из 37 предметов.

В анализируемой выборке в зависимости от мотивов зооморфных изображений выделены следующие группы подпружных застежек.

1. Застежки со щитками, на которых представлена *сцена борьбы двух верблюдов* (рис. 1, *1-5*), представлены восемью экземплярами. Шесть из них (рис. 1, *3-5*) обнаружены в памятниках (Бесоба, кург. 5; Пятимары I кург. 8), датированных концом VI

– первой половиной V в. до н.э. (Кадырбаев, 1984, с. 89, 91; Кузнецова, Курманкулов, 1993, рис. 3, *11*; Смирнов, 1964, рис. 28, *6,* с. 50; 1975, с. 32-33, 35) и располагавшихся в восточных районах южноуральских степей: в бассейне верхнего и среднего течения р. Илек (рис. 3). Две бляхи (рис. 1, *4*) происходят из кургана 1 могильника Филипповка I (Пшеничнюк, 2012, рис. 28, 5, с. 24, 72). Этот комплекс располагался на западе южноприуральских степей (рис. 4) и датирован временем в пределах конца V в. – середины IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012, с. 87; Трейстер и др., 2012, с. 85).

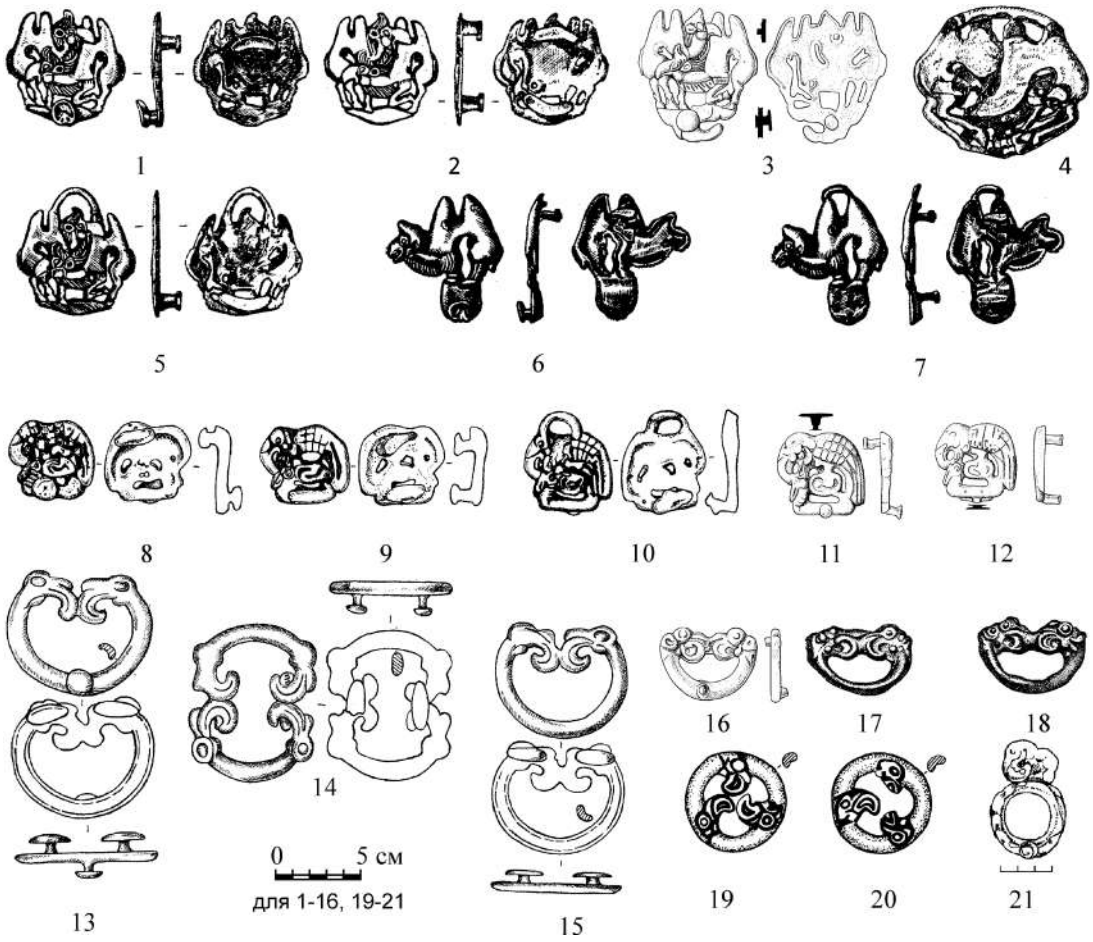


Рис. 1. Подпружные застежки из памятников Южного Приуралья: 1-2, 5 – Бесоба, курган 5; 3 – Пятимары I, курган 8, погребение коня 3; 4, 21 – Филипповка I, курган 1, погребение 1; 6-7 – Бесоба, курган 9; 8-10 – Сынтас I, курган 1, погребение 1; 11-12 – Новый Кумак, курган 7, погребение 1 (раскопки М.Г. Мошковой); 13-15 – Три Мара, курган 3, погребение коня; 16 – Новый Кумак, курган 19, погребение 1 (раскопки М.Г. Мошковой); 17-18 – Бесоба, курган 2; 19-20 – Лебедевка VII, курган 16, погребение 7; 21 (1-21 – бронза)

(Рисунки по: 1-2, 5 – Кузнецова, Курманкулов, 1993. С. 47. Рис. 3, *8, 11, 13*; 3 – Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 21, *6*; 4, 21 – Пшеничнюк, 2012. Рис. 28, *5*, 37, *3*; 6 – 7

– Кадырбаев, 1984. Рис. 5, *1-2*; 8-10 – Кадырбаев, Курманкулов, 1976. Рис. 2, *1-3,* 11-12 – Мошкова, 1962. Рис. 6, *8*; 13-15 – Смирнов, 1981. С. 75. Рис. 4, *4* – 6; 16 – Мошкова, 1962. Рис. 14, *8*; 17-18 – Кадырбаев, Курманклов, 1977. Рис. 4, *1-2*; 19-20 – Железчиков и др., 2006. Рис. 73, *2 а, г*)

2. Две бляхи, оформленные в виде ф*игуры стоящего верблюда* (рис. 1, *6-7*), найдены в кургане 9 могильника Бесоба, располагающемся в верховьях р. Илек в восточных районах южноуральских степей (рис. 3), дата которого – конец VI-V вв. до н.э. (Кадырбаев, 1984, рис. 5, *1-2*, с. 90-91).

3. Металлические бляхи (5 экз.), щиток которых оформлен в виде *фигуры хищной птицы, которая терзает животное* (рис. 1, *8-12*), содержали два погребальных комплекса (Сынтас I, кург. 1, Новый Кумак, кург. 7, погр. 1). Дата этих памятников приходится на конец VI – начало V в. до н.э. (Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 143-144; 1977, с. 103; Мошкова, 1962, с. 211, рис. 6, *8*; Смирнов, Петренко, 1963, с. 17). Они располагаются на востоке южноуральских степей: в верховьях р. Илек и при впадении р. Орь в Урал (рис. 3).

4. Металлические застежки, имеющие рамку в виде полукольца, верхняя часть которой завершается рельефным изображением *двух голов хищных птиц/грифонов, обращенных друг к другу*. Вариацией этого сюжета является, вероятно, рельефное изображение *четырех голов хищных птиц/грифонов, расположенных попарно на противолежащих участках кольцевидной рамки*. Учтено шесть таких принадлежностей седельного комплекта (рис. 1, *13-18*). Все они происходят из курганов (Новый Кумак, кург.19, погр.1, Бесоба, кург. 2, Три Мара, кург. 3), датированных временем в пределах VI-V в. до н.э. (Мошкова, 1962, рис. 14, *8*, с. 211, 223-224; Кадырбаев, Курманкулов, 1977, рис. 4, *1,* 2, с. 105, 113; Смирнов, 1981, рис. 4, *4-6,* с. 74-75, 78) и расположенных в верховьях р. Илек и при впадении р. Орь в р. Урал, то есть на востоке южноприуральских степей (рис. 3).

5. Бронзовые кольца (рис. 1, *19-20*), украшенные рельефным изображением *голов трех хищных птиц или грифонов*, обращенных внутрь кольца, выступающих за пределы рамки и расположенных с ней в одной плоскости. Две такие застежки найдены в погребении 7 кургана 16 могильника Лебедевка VII, расположенного в западных районах южноуральских степей на левобережье р. Урал (рис. 4). Дата комплекса – конец V-IV в. до н.э. (Железчиков и др., 2006, рис. 73, *2д-г*, с. 33-34, 38) или IV в. до н.э. (Мошкова и др., 2011, с. 310).

6. Кольцевидная пряжка с боковым щитком в виде стилизованного *изображения головы хищной птицы* (рис. 1, *21*) найдена в кургане 1 могильника Филипповка I (Пшеничнюк, 2012, с. 72, рис. 37, *3*), расположенного в западных районах южноуральских степей в низовьях р. Илек при его впадении в р. Урал (рис. 4). Курган датирован концом V – серединой IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012, с. 87; Трейстер и др., 2012, с. 85).

7. Подпружные застежки, щиток которых представляет собой изображение *фигуры свернувшегося в кольцо хищника* (рис. 2, *6-10*). Учтено 7 экземпляров таких застежек. Четыре из них (рис. 2, *6-7*) входили в состав погребального инвентаря курганов 2 и 18 могильника Кырык-Оба II, которые датированы концом VI – серединой V в. до н.э. (Гуецалов, 2011, рис. 1, *19*, с. 83, 93; 2010, рис. 6, *1*, с. 58, 64). Еще две такие бляхи (рис. 2, *8-9*) случайно найдены около сел Пьяновка и Иркуль на западе Оренбургской области.

Находки датированы VI в. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963. табл. 21, *2, 7*, с. 14-15, 31). Одна бляха (рис. 2, *10*) является частью седельного набора, обнаруженного в кургане 9 могильника Бесоба, время возведения которого, по мнению М.К. Кадырбаева, приходится на конец VI-V вв. до н.э. (Кадырбаев, 1984, с. 90, 91, рис. 5, *1-2, 6*). Локализация находок (рис. 3): четыре бляхи обнаружены в степях на левом берегу р. Урал, в его среднем течении, одна – в верховьях р. Большой Кинель, одна – в верховьях р. Иркуль (приток р. Кандыз), еще одна – в верховьях р. Илек.

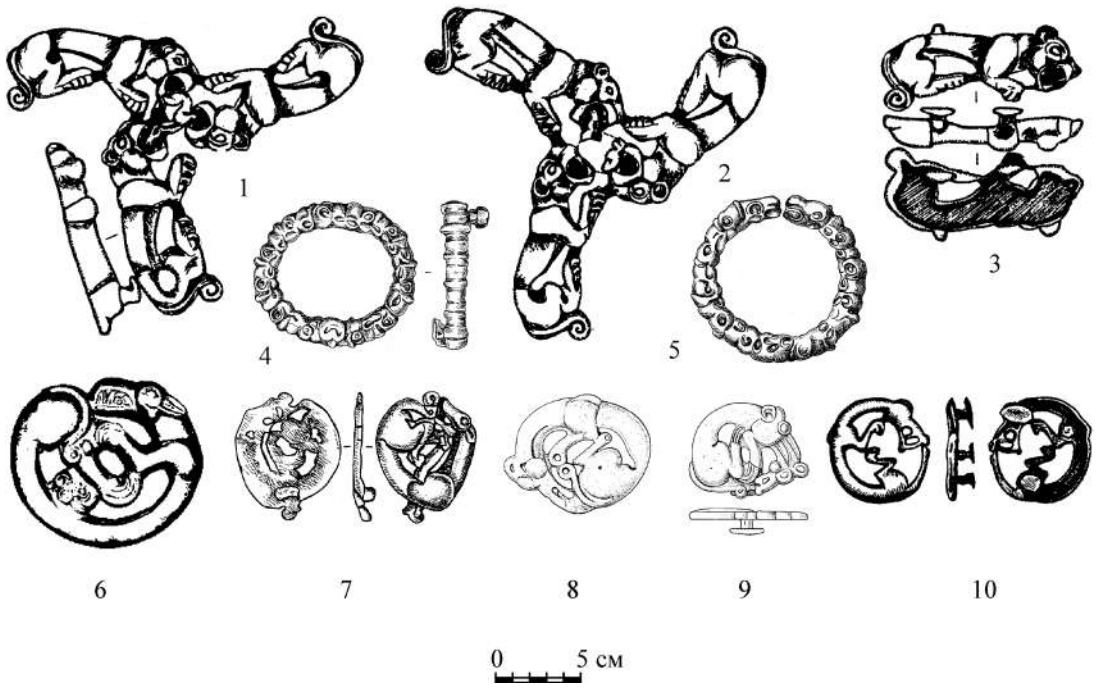


Рис. 2. Подпружные застежки из памятников Южного Приуралья: 1-3 – Илекшар I, курган 1, кони 1-2; 4-5 – Покровка 2, курган 2, погребение коня; 6 – Кырык-Оба II, курган 2; 7 – Кырык-Оба II, курган 18; 8 – Иркуль, случайная находка; 9 – Пьяновка, случайная находка; 10 – Бесоба, курган 9 (4-5 – бронза, золото; 1-3, 6-10 – бронза)

(Рисунки по: 1-3 – Гуцалов, 2009а. С. 77. Рис. 4, *1,3-4*; 4-5 – Моргунова, Трунаева, 1993. С. 85. Рис. 17, *1-2*; 6 – Гуцалов, 2011. Рис. 1, *19*; 7 – Гуцалов, 2010. Рис. 6, *1*; 8 – Смирнов, Петренко, 1963. С. 31. Табл. 21, *7*; 9 – Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 21, *2*; 10 – Кадырбаев, 1984. С. 92. Рис. 5, *6*)

8. В виде *фигуры лежащего хищника* оформлены щитки двух подпружных застежек (рис. 2, *3*) из кургана 1 могильника Илекшар I, датированного концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Гуцалов, 2009, с. 75) и расположенного в западных районах южноуральских степей на левом берегу р. Урал, в его среднем течении (рис. 3).

9. Радиально отходящие от единого центра *фигуры трех лежащих хищников, обращенных головами к единой центральной части и терзающих какое-то животное*, представлены на двух металлических застежках (рис. 2, *1-2*) из кургана 1 могильника

Илекшар I, который отнесен к концу VI – первой половине V в. до н.э. (Гуцалов, 2009, с. 75) вместе с застежками в виде фигуры лежащего хищника (рис. 3).

10. Пряжка и несомкнутое кольцо, служившее, вероятно, петлей двухчастной застежки, украшенные рельефным изображением *многократно повторенных голов животных, расположенных одна за другой* (рис. 2, *4-5*), найдены в кургане 2 могильника Покровка 2. Этот курган датирован концом VI-V вв. до н.э. (Моргунова, Трунаева, 1993, с. 16-17). Памятник расположен на левобережье р. Хобды, левого притока р. Илек (рис. 3) на западе южноуральских степей.

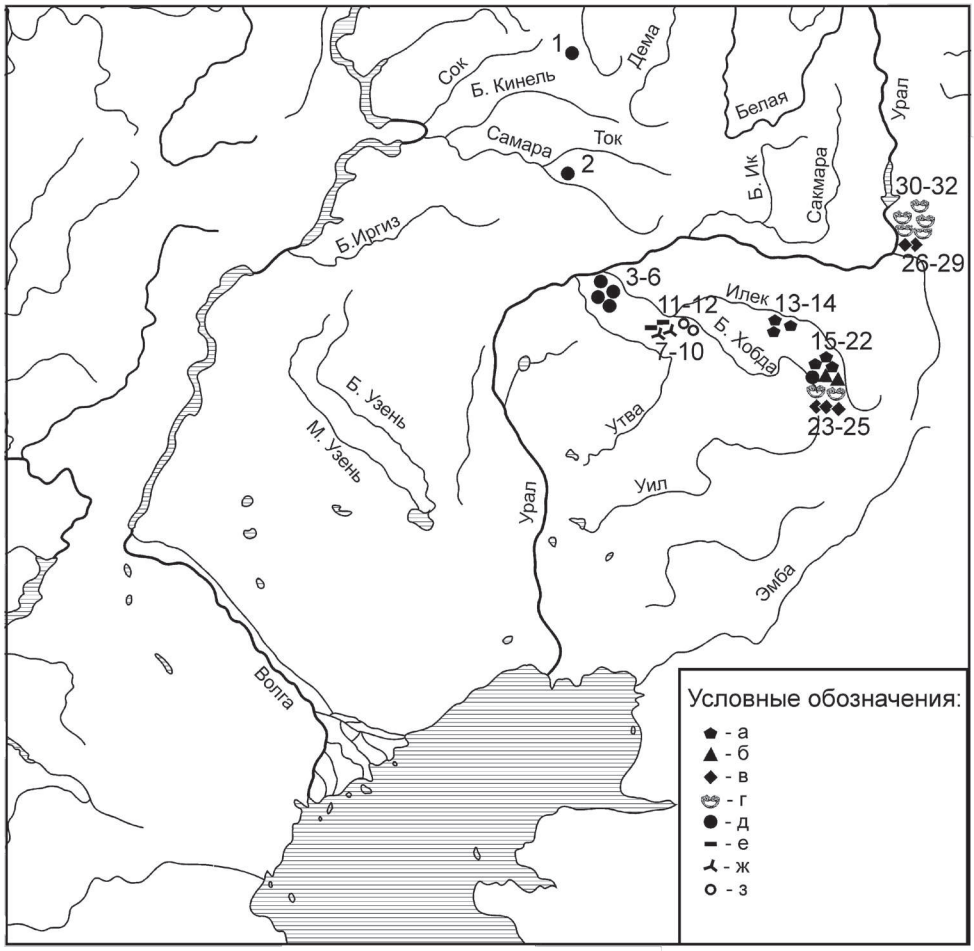


Рис. 3. Встречаемость подпружных застежек в памятников Южного Приуралья (конец VI – V в. до н.э.): 1 – Иркуль, случайная находка; 2 – Пьяновка, случайная находка; 3-6 – Кырык-Оба II, курганы 2, 18; 7–10 – Илекшар I, курган 1, кони 1-2; 11–12 – Покровка 2, курган 2, погребение коня; 13–14 – Пятимары I, курган 8, погребение коня 3; 15–22 – Бесоба, курганы 2, 5, 9; 23–25 – Сынтас I, курган 1, погребение 1; 26 – 29 – Новый Кумак, курган 7, погребение 1, курган 19, погребение 1; 30 – 32 – Три Мара, курган 3, погребение коня

Хронология. Приведенный выше перечень находок подпружных застежек и дат погребальных комплексов, в которых они были найдены, демонстрирует неравномерность распределения этих предметов седельного набора на хронологической шкале. Абсолютное большинство рассматриваемых находок происходит из памятников, датированных временем в пределах конца VI – первой половины V в. до н.э. Реже они датированы более широко – концом VI-V вв. до н.э. Лишь единичные экземпляры обнаружены в курганах, которые отнесены к концу V-IV вв. до н.э. В погребальных комплексах этого времени обнаружено 5 подпружных застежек, что составляет 13,5 % от общего числа учтенных находок.

Условные обозначения: а – застежки со щитками, в виде сцены борьбы двух верблюдов; б – застежки со щитками, в виде стоящего верблюда; в – застежки со щитками, в виде хищной птицы, терзающей животное; г – застежки, украшенные изображением двух голов хищных птиц, обращенных друг к другу; д – застежки в виде фигуры свернувшегося в кольцо хищника; е – застежки в виде фигуры лежащего хищника; ж – застежки в виде фигуры трех лежащих хищников, обращенных головами к единой центральной части; ж – застежки, украшенные многократно повторенных голов животных, расположенных одна за другой

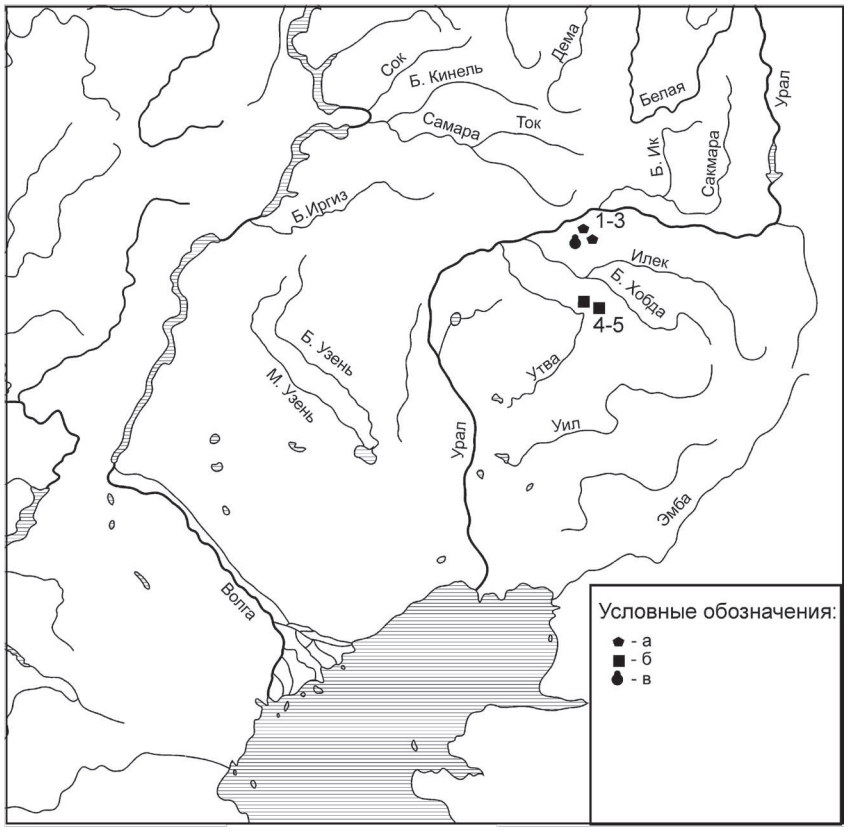


Рис. 4. Встречаемость подпружных застежек в памятниках Южного Приуралья (конец V – IV в. до н.э.): 1-3 – Филипповка I, курган 1; 4-5 – Лебедевка VII, курган 16, погребение 7.

Условные обозначения: а – застежки со щитками в виде сцены борьбы двух верблюдов; б – застежки с изображением голов трех птиц, обращенных внутрь кольца и расположенных в одной плоскости с ним; в – застежки с кольцевидной рамкой и стилизованным изображением головы птицы на боковом щитке

Территория распространения. Картографирование (рис. 3, 4) показало, что существуют различия в локализации застежек с различающимися зооморфными изображениями. При этом фиксируется изменение территории распространения на протяжении двух периодов (конец VI-V вв. до н.э. и конец V-IV вв. до н.э.) их использования кочевниками.

Первый период (конец VI-V вв. до н.э.). Застежки с изображением сражающихся верблюдов (рис. 1, *1-3, 5*), стоящего верблюда (рис. 1, *6-7*), хищной птицы, терзающей животное (рис. 1, *8-12*), а также двух голов хищных птиц, повернутых друг к другу (рис. 1, *13-18*), найдены только в восточных районах южноуральских степей: в верхнем и отчасти среднем течении р. Урал, верхнем и среднем течении р. Илек и низовьях р. Орь (рис. 3).

Подпружные застежки в виде свернувшихся в кольцо хищников (рис. 2, *6-10*) встречены, преимущественно, в западных (рис. 3) степных и лесостепных районах Южного Приуралья. Только одна такая бляха, включенная в выборку, найдена в памятнике, расположенном в верховьях р. Илек, то есть в восточных районах южноуральских степей. Подпружные застежки со щитками в виде припавших к земле хищников (рис. 2, *3*) и фигур трех лежащих хищников, обращенных головами к единой центральной части (рис. 2, *1-2*), а также детали седельного набора с изображением многократно повторенной головы хищного животного (рис. 2, *4-5*) происходят из погребальных комплексов, расположенных в западных районах южноуральских степей (рис. 3).

Второй период (конец V-IV вв. до н.э.). Подпружные застежки с зооморфными изображениями в памятниках этого периода обнаружены только в западных районах Южного Приуралья (рис. 4). Это бляхи с изображением сражающихся верблюдов (рис. 1, *4*), пряжка с кольцевидной рамкой и стилизованным изображением головы птицы на боковом щитке (рис. 1, *21*), кольца (рис. 1, *19-20*) с рельефным изображением голов трех птиц, обращенных внутрь кольца и расположенных в одной плоскости.

Отмеченные различия в территориальном распределении подпружных застежек придают локальное своеобразие культуре кочевников, населявших западные и восточные районы степей Южного Приуралья. Зафиксированные особенности локализации данных предметов могут быть обусловлены особенностями формирования культуры скотоводческих племен этого региона, направлением и характером внешних связей, а также социально-политическими и культурными трансформациями в кочевнических сообществах.

Список литературы

Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // РА. 2009. №3. – С. 73-78.

Гуцалов С.Ю. Погребение сооружения могильника Кырык-Оба в Западном Казахстане // РА. 2010. №2. – С. 51-66.

Гуцалов С.Ю. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. 2011. №1. – С. 81-96.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI – II вв. до н.э.). – М.: Восточная литература, 2006. – 159 с.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84-107.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1976. – С. 137-156.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1977. – С. 103-115.

Кузнецова Э.Ф., Курманкулов Ж.К. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. – С. 44-52.

Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. – М., 1993. – С. 15-17.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. – Ростов-наДону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. III. – С.302-317.

Мышкин В.Н. О некоторых особенностях использования подпружных застежек кочевниками Южного Приуралья в скифское время // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. Том. 15. Вып. 1. – С. 1– 20.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1981. – С. 68-90.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9. – М.: АН СССР, 1963. – 40 с.

Трейстер М.Т., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.). – Т. II. М.: Таус, 2012. – С. 85-156.

С.К. Сакенов[1], А.Н. Свиридов[2], С.А. Ярыгин[1]
[1] Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
[2] Институт археологии РАН
Москва, Россия
S.K. Sakenov[1], A.N. Sviridov[2], S.A. Yarygin[1]
[1]L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
[2]Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian
sergazi_82@mail.ru
a_sviridov@mail.ru
yarygin.sa@gmail.com

ПОГРЕБЕНИЕ РУБЕЖА ЭР НА МОГИЛЬНИКЕ АЙДАРЛЫ

Аннотация. Изучение памятников гунно-сарматского периода в северной Сарыарке является одним из актуальных направлений современной казахстанской археологии. Раскопки нового комплекса могут существенно дополнить информацию по этому вопросу. В данной статье представлен новые материалы, полученные при исследовании кургана № 1 могильника Айдарлы, расположенного в Зерендском районе Акмолинской области. Согласно погребальному ритуалу и инвентарю, захоронение можно датировать периодом III в. до н.э.– I в. н.э. и сравнить с некоторыми комплексами среднесарматского времени.

Ключевые слова: погребение, Северный Казахстан, кочевники, сарматы.

Айдарлы қорымында дәуірлер тоғысындағы жерлеу

Түйін. Қазіргі таңдағы Қазақстан археологиясында Солтүстік Сарыарқаның ғұн-сармат уақытындағы ескерткіштерді зерттеу өзекті мәселелерінің біріне жатады. Археологиялық зерттеу барысында ашылған жаңа кешендер, аталмыш мәселеге қатысты мәліметтермен толықтырылып шешу жолдарын табуға мүмкімдік туғызады. Мақалада Ақмола обылысында, Зеренді ауданында зерттелген Айдарлы қорымының №1 қорғанының материалдары берілген. Авторлар, қорғанның жерлеу ғұрпына және заттарына сүйене отырып б.з.б. III ғ. – б.з. I ғ. мерзімін аңықтап, орта сармат көне кешендерімен байланыстырады.

Түйін сөздер: погребение, Сөлтүстік Қазақстан, көшпенділер, сарматар.

Burial of the turn of er on Aydarly burial ground

Annotation. The study of the sites of the Hun-Sarmatian period in the northern Saryarka region is one of the current trends in modern Kazakhstan archeology. The excavation of a new complex can significantly supplement information on this issue. This paper presents then a new corpus of materials recovered from the funerary barrow number 1 of the Aidarly cemetery, located in the Zerenda district of the Akmola region. According to the funerary ritual and

the goods, the burial can be dated back between the 3rd cent BC and the 1st cent AD and can be compared to some complexes of the Middle Sarmatian period.

Keywords: burial, North Kazakhstan, nomads, Sarmatians.

В 2010 г. сотрудниками Ишимской стационарной археологической экспедиции ЕНУ им. Л.Н. Гумилева проводились археологические работы в Зерендинском районе Акмолинской области. Одним из объектов исследования стал могильник Айдарлы.

Памятник расположен на выровненной площадке террасы левого берега реки Кошкарбай в районе ее излучины, в 3 км на СВ от с. Айдарлы. Могильник состоит из трех земляных курганов. Поверхность курганов сильно задернована. В качестве объекта исследования выбран курган №1, ограничивающий комплекс с севера и располагающийся отдельно на небольшом отдалении от курганов №2 и №3, рядом с грунтовой дорогой (рис. 1).

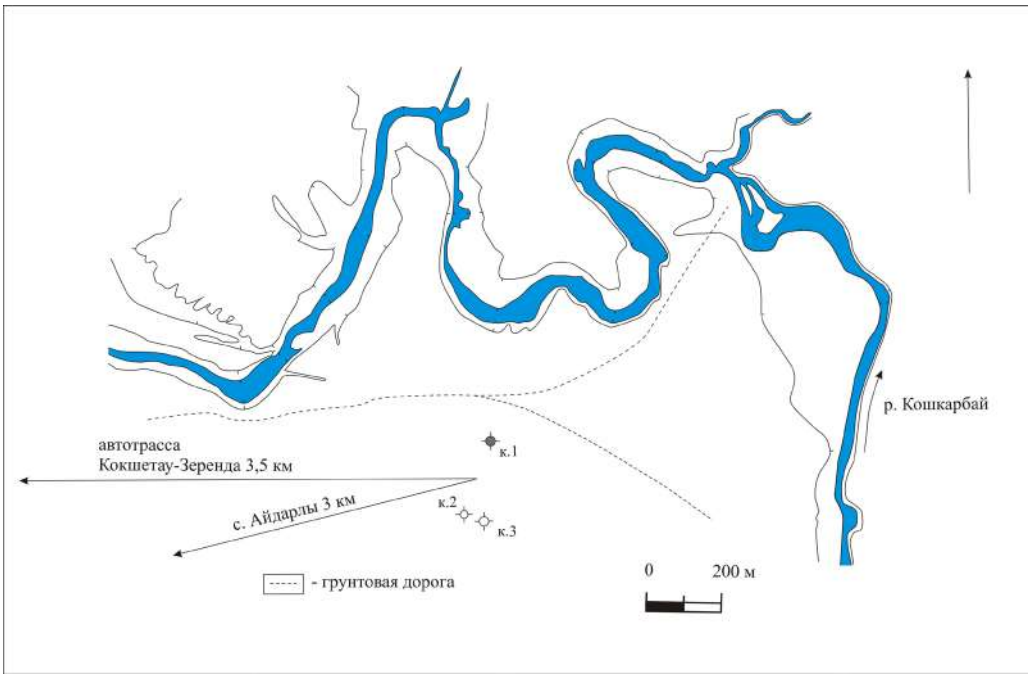


Рис. 1. Могильник Айдарлы. Топоплан

Исследованный курган имел диаметр 22 м, высоту 0,8 м. Раскопки велось вручную по секторам, бровки разбиты по сторонам света.

Насыпь кургана грунтовая, древняя поверхность разрушена врезом могильной ямы. Врез шириной 2,2 м в западном профиле бровки линии С-Ю и 1,6 м в северном профиле бровки линии З-В.

Выкиды из могильной ямы оформлены в виде двух дугообразных валиков из светлого грунта шириной 2,4 м, высотой 0,25 м. Валики расположены с СВ и ЮЗ сторон от могильной ямы.

В профиле бровки хорошо читалось заполнение могильной ямы в виде светло-серого грунта. Данная конструкция, представляющая собой ядро кургана, была перекрыта темно-серым переотложенным грунтом, при этом диаметр полученной конструкции составил 12 м. Остальная часть насыпи, до краев по периметру была сложена черным гумусированным грунтом.

Могильное пятно начало фиксироваться с глубины 0,2 м от уровня древней поверхности. Его диаметр по линии СВ-ЮЗ составил 2,2 м, по линии СЗ-ЮВ 1,6 м. На самом краю могильного пятна, в южной части обнаружена каменная плита размерами 0,3×0,2 м (рис. 2).

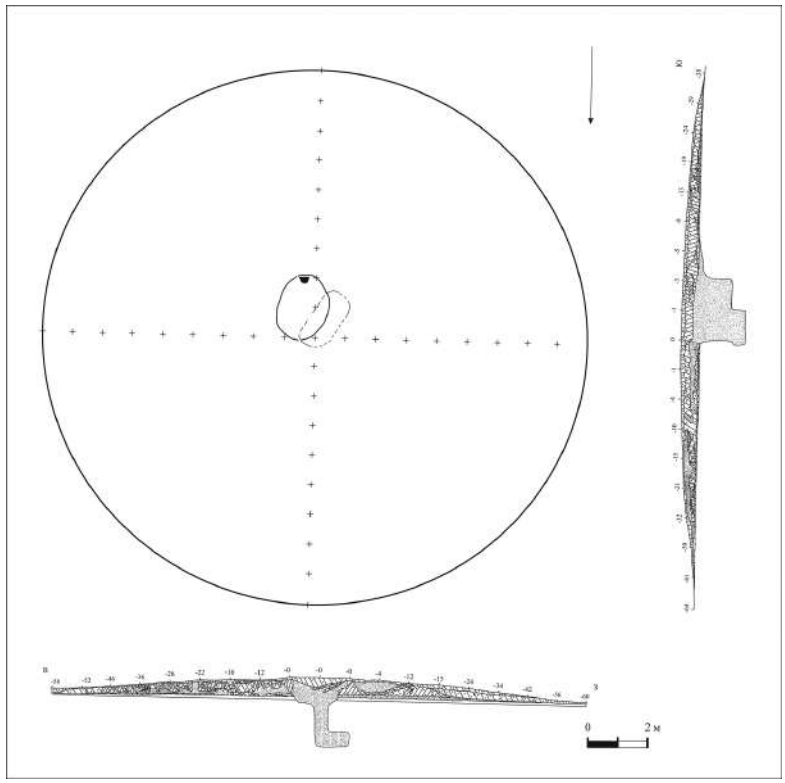


Рис. 2. Могильник Айдарлы. Курган 1. План и разрез кургана

В процессе дальнейшего разбора заполнения могильной ямы было определено, что погребение совершено в подбое. Вход в подбой оформлен широким овальным в плане колодцем с размерами по осям СВ-ЮЗ (длина) – 2,1 м, СЗ-ЮВ (ширина) – 1,6 м. Глубина входа от уровня древней поверхности до ступеньки 1,65 м. Подбойная камера расположена под СЗ стенкой входной ямы, и ориентирована параллельно (рис. 3).

Высота подбоя от дна могильной ямы до свода камеры 1,2 м, ширина по дну 0,8 м, на высоте ступеньки 1 м. Дно могильной ямы прямоугольное в плане с округленными углами, вытянуто длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Края могильной ямы и входной камеры слегка смещены относительно друг друга на 0,1 м по оси ЮЗ.

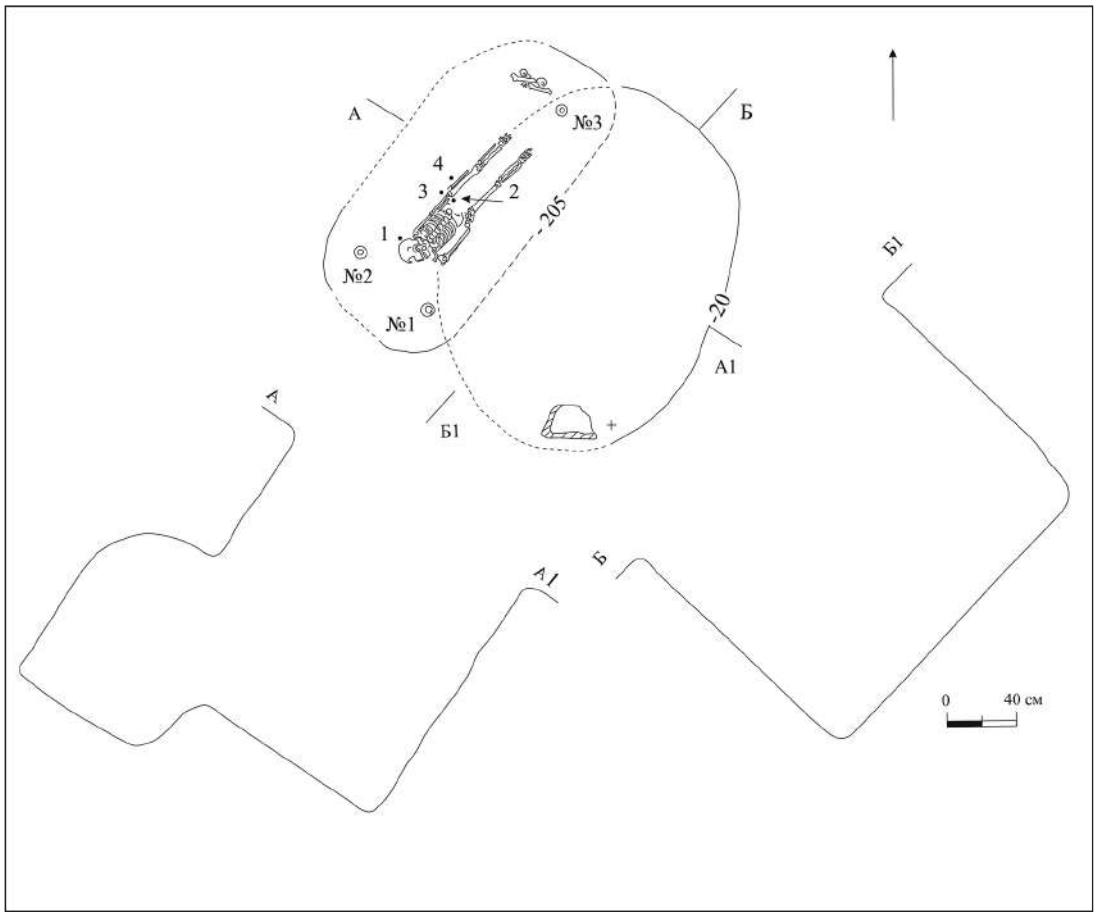


Рис. 3. Могильник Айдарлы. Курган 1. План и разрез могильной ямы

Ширина ступеньки, являющейся дном входного колодца 0,6 м. Свод камеры подбоя выполнен в виде сферы. Ступенька, вероятно, была покрыта органикой, что определяется по скоплениям следов тлена на всей ее поверхности.

Погребенный лежал на дне подбоя, вытянуто на спине, ориентирован головой на ЮЗ, лицом на юг, и был полностью закрыт сводом погребальной камеры. Руки расположены вытянуто вдоль туловища, кисти на тазовых костях.

С левой стороны вдоль берцовой кости зафиксированы остатки железного ножа (рис. 4, *4*). После расчистки выяснилось, что нож однолезвийный с пластинчатой рукоятью, длиной 18,5 см, выполнен из цельной железной пластины. Судя по сохранившимся фрагментам дерева и деревянного тлена нож имел легкое расширение-упор шириной 2,5 см. Длина рукоятки 10 см, длина клинка 8,5 см. Навершие рукояти оформлено в виде Г-образного крючка, необходимого для четкой фиксации деревянной рукояти на железной основе. Лезвие клинка заточено с одной стороны, острие клинка имеет треугольную форму. Толщина тыльной части лезвия 4 мм, наибольшая ширина клинка 1,8

см. На поверхности средней части лезвия благодаря взаимодействию с железом сохранился фрагмент тканевой ленты. Ее точная фиксация и расположение ножа дает нам возможность предположить следующее: нож привязывался с помощью ленты к штанине в районе бедра левой ноги.

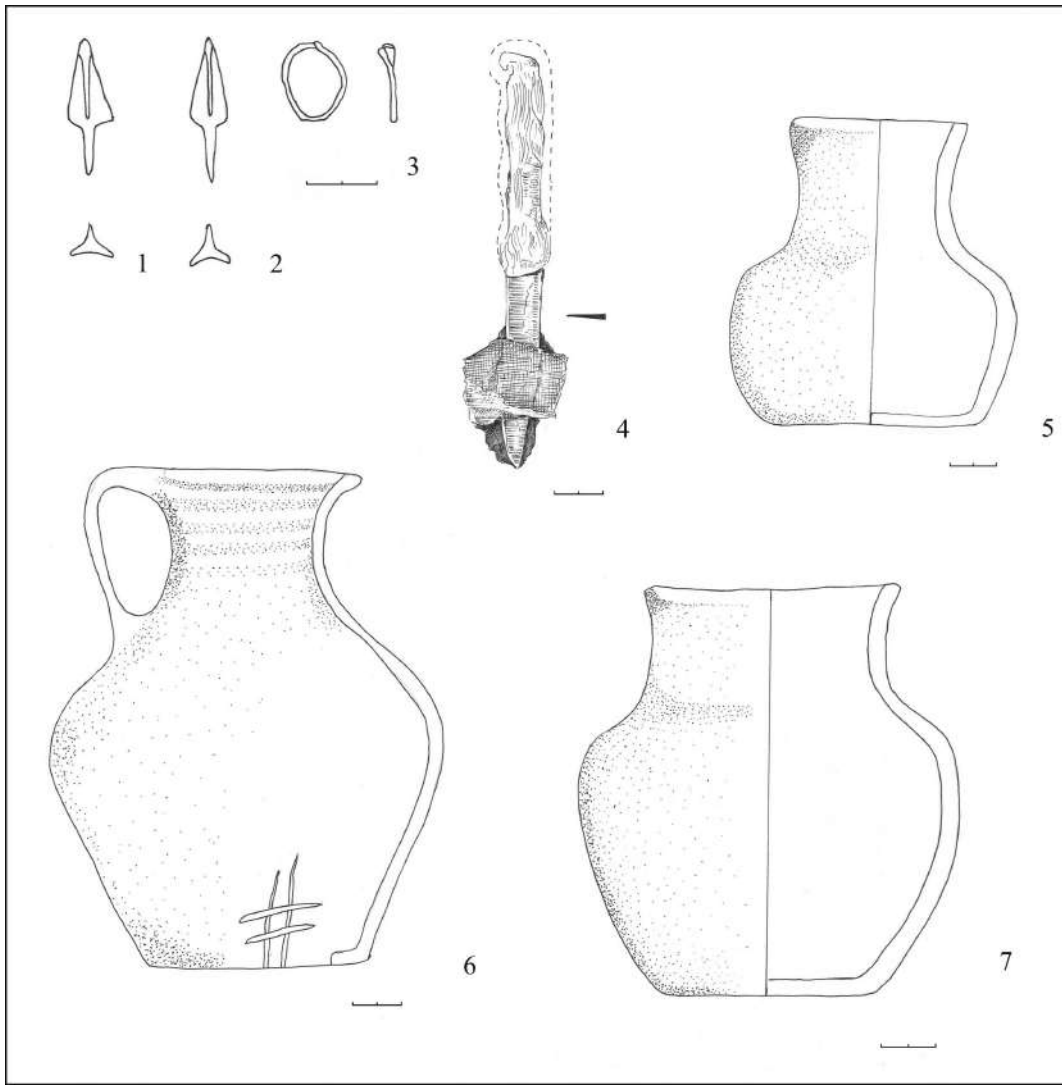


Рис. 4. Могильник Айдарлы. Курган 1. 1, 2 – железные наконечники стрел; 3 – серебряная серьга; 4 – железный нож; 5-7 – керамические сосуды

С левой стороны черепа в районе височной кости обнаружено кольцо из бронзовой проволоки, вероятно, серьга (рис. 4, *3*). Диаметр проволоки, круглой в сечении – 0,2 см, диаметр кольца – 2,3×1,8 см. Подверглась деформации, один конец заострен, второй имеет лопаточковидное окончание шириной около 0,3 см. В районе пояса выявлено сильно коррозированное железное кольцо, видимо являвшееся деталью пояса.

При расчистке скелета под левой кистью зафиксированы три железных трехлопастных черешковых наконечника стрелы (рис. 4, *1*). Один из наконечников сильно корродирован. Длина фиксируемых наконечников – 4,1 и 4,2 см, длина черешка – 1,6 и 1,8 см, длина головки 2,5 см. Ширина в нижней части двух лопастей 0,7 см.

В погребении обнаружено три керамических сосуда, расставленных по краям дна подбоя – №1 в южном углу, №2 в западном углу, №3 рядом с жертвенными костями в ногах погребенного.

Сосуд №1 является столовым одноручным кувшином с шаровидным туловом (рис. 4, *6*). Имеет высокую цилиндрическую горловину и широкое дно, ручка является продолжением верха венчика. В придонной части сосуда нанесен знак в виде парных пересекающихся линий, размер знака 2×1,5 см. Диаметр горла сосуда 4,7 см, диаметр венчика – 6,8 см. Диаметр донца – 7 см, максимальный диаметр тулова – 14,5 см. Высота сосуда от донца до высокого края горлышка – 18,5 см. Ширина ручки 1,1 см.

Сосуд №2 имеет асимметричное тулово и скошенное устье горлышка, венчик слегка отогнут наружу (рис. 4, *7*). Цвет грязно-бежевый. Диаметр горла сосуда по внешнему краю венчика – 9 см, ширина венчика – 0,4-0,5 см. Диаметр донца – 8 см, максимальный диаметр тулова – 13,4 см. Высота сосуда от донца до высокого края горлышка – 15,5 см, высота от донца до наиболее низкой части края горлышка – 14,2 см.

Сосуд №3 гончарный, имеет высокую шейку и раздутое тулово, широкое днище (рис. 4,*5*). Ярко-красного цвета, некоторые внешние части закопчены. Основание венчика отогнутого наружу, маркировано слабо выраженным валиком. Диаметр горла сосуда по внешнему краю венчика – 7,5 см, ширина венчика – 0,6 см. Диаметр донца – 8,7 см, максимальный диаметр тулова – 12,3 см. Высота сосуда – 12,2 см. Высота шейки 5,8 см, диаметр шейки 6,1 см.

Жертвенная пища в виде берцовой и тазовой кости МРС была расположена в ногах погребенного ближе к северному углу могильной ямы.

Погребальный обряд и инвентарь исследованного погребения находит аналогии среди сарматских памятников Южного Зауралья и синхронных с ними комплексов Северного Казахстана. В Северном Казахстане южная, юго-западная ориентировка погребенных встречена в памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. в курганах 3, 5 могильника Саркара, погребении 32 могильника Жабай Покровка (Хабдулина, 1994, с. 72-73, табл. 40, 42, 43).

Наконечники стрел, обнаруженные в погребении, имеют аналогии в памятниках Северного Казахстана, они известны из погребения в кургане 3 урочища Саркара, датированного I в. до н.э. – I в. н.э., в погребении 4 могильника Ондырыс II, датированного рубежом эр (Хабдулина, 1994, с. 72; Свиридов, 2008, С. 240-247). В Южном Приуралье датируются III-I вв. до н.э. (Гуцалов, 2004, с. 56, табл. 14). Согласно типологии А.М. Хазанова, относятся к 5 типу – наконечники стрел с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку. Такие наконечники получают полное господство и заменяют все остальные типы в I в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов, 1971, с. 38).

Сосуды аналогичные №1 датируются М.К. Хабдулиной II в. до н.э. – I в. н. э. и относятся к группе т.н. «привозной керамики». Исследователь отмечает, что ряд исследованных сосудов имеет знаки на тулове, трактуемые как гончарные клейма (Хабдулина, 1994, с. 64).

Аналогии сосудам № 2-3 можно найти в раннесарматских и среднесарматских комплексах Южного Зауралья (Скрипкин, 1990, рис. 8-9, 11).

Совокупность деталей обряда и инвентарь позволяют датировать памятник широким периодом от III/II в. до н.э. до I в. н.э. и соотнести с кругом древностей позднепрохоровского или среднесарматского периодов. Уточняет хронологическую позицию кургана подбойный тип могилы, который более характерен для более поздних погребений Северного Казахстана. Некоторые южные черты в инвентаре подтверждают уже отмеченное ранее сходство погребальных комплексов рубежа эр с территории Зауралья и Северного Казахстана с синхронными Присырдарьинскими памятниками (Боталов, Гуцалов, 2000, с.146-151; Хабдулина, 1994, с. 85-86).

Таким образом, курган 1 могильника Айдарлы – еще один погребальный комплекс рубежа эр, обнаруженный в достаточно удаленном регионе Северного Казахстана, население которого в обозначенный период демонстрирует культурные связи с сарматскими племенами Зауралья и Приуралья, а также с кочевым и оседлым населением Южного Казахстана.

Список литературы

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей / Сер. Этногенез уральских народов. – Челябинск: Рифей, 2000. – 269 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск: 2004. – 136 с.

Свиридов А.Н. Исследование погребения рубежа эр в Акмолинском Приишимье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2008. – № 2. – С. 240-247.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1990. – 298 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Ракурс, 1994. – 170 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов – Москва: Наука, 1971. – 171 с.

З. Самашев[1], Е.М. Кариев[2], С.Е. Ерболатов[2]
[1] Государственный историко-культурный заповедник-музей «Берел»
Астана, Казахстан
[2] Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова
Усть-Каменогорск, Казахстан
Z. Samashev[1], Ye. Kariyev [2], S. Yerbolatov[2]
[1] «Berel» State Historical and Cultural Reserve Museum
Astana, Kazakhstan
[2] S. Amanzholov East Kazakhsan State University
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

ХУННУ-СЯНЬБЭЙСКИЙ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ БЕРЕЛЯ

Аннотация. Рассматриваются некоторые итоги научных исследований памятников хунно-сяньбийского периода Береля в Казахском Алтаев. В пределах могильника такого рода объекты как правило располагаются в прикурганном пространстве элитарных памятников пазырыкского времени и до недавнего времени их раскопки носили эпизодический и случаный характер – по большей части их исследовали попутно в ходе расчистки околокурганной территории и в силу схожести ряда признаков погребального обряда идентифицировались они как объекты раннетюркского периода или жертвенники, приуроченные к курганам. Целенаправленные и систематические исследования этих памятников начаты в 2015 году и продолжаются по сей день, в ходе научных работ, по ряду характерных черт погребальных конструкций и обряда, они предварительно соотнесены к кругу памятников хунно-сяньбийского культурно-хронологического горизонта.

Ключевые слова: Берел, хунно-сяньбийский культурно-хронологический горизонт, погребально-поминальные ограды, археологические исследования, этнокультурная атрибуция.

Берелдің хунну-сяньбэй мәдени-хронологиялық көкжиегі

Түйін. Қазақ Алтайындағы Берел қорымындағы хун-сяньбий кезеңінің ескерткіштерінің ғылыми зерттеулерінің кейбір нәтижелері қарастырылады. Мұндай нысандар әдетте қорым аясында пазырық кезеңі элитарлы ескерткіштердің қорған маңы кеңістігінде орналасады және кейінгі уақытқа дейін оларды қазу эпизодтық және кездейсоқ сипатта болды – көп жағдайда оларды зерттеушілер қорған маңы аймағын тазалау барысында және жерлеу ғұрпының бірқатар сипаттарының ұқсастықтарына қарай олар ерте түркі кезеңінің нысандары немесе қорғандарға орайластыра салынған ғұрыптық орындар деп сипатталатын. Бұл ескерткіштерде мақсатты және жүйелі зерттеулер 2015 ж. басталды және бүгінге дейін жалғасуда. Ғылыми жұмыстар барысында жерлеу құрылыстарының бірқатар сипаттары мен ғұрыптары

бойынша олар алдын ала хун-сяньбин мәдени-хронологиялық ескерткіштер қатарына жатқызылды.

Түйін сөздер: Берел, хун-сяньбэй мәдени-хронологиялық көкжиегі, жерлеу-еске алу қоршаулары, археологиялық зерттеулер, этномәдени атрибуция.

Hun-Syanbian cultural and chronological horizon of Berel

Annotation. The article discusses some results of scientific research on the Hun-Syanbin period monuments of the Berel necropolis in the Kazakh Altai. In the necropolis such objects are usually located near the elite monuments of the Pazyryk time and, until recently, their excavations were episodic and random – for the most part, they were investigated along the way during the clearing of the adjacent territory and, by the similarity of the burial rite, they were identified as objects of the early Türkic period or altars of the kurgans. Purposeful and systematic research of these monuments started in 2015 and continue to this day, in the course of scientific work, on a number of characteristic features of the burial structures and the rite, they are identified as monuments of the Hun-Syanbian cultural-chronological horizon.

Keywords: Berel, cultural-chronological horizon of Hun-Syanbian time, funeral and memorial constructions, archaeological studies, ethno-cultural attribution.

С 2015 г. на могильнике Берел в Казахском Алтае осуществляются системные исследования небольших по параметрам погребально-поминальных выкладок-оградок, которые сейчас, в предварительном порядке, определяются нами как памятники, относящиеся к хунну-сяньбийскому культурно-хронологическому горизонту.

Основная масса указанных объектов, выявленная на сегодняшний день, расположена вокруг двух «царских» курганов № 1 и № 2 пазырыкского времени, на самом острие третьей надпойменной террасы р. Бухтарма, в виде треугольной платформы (рис. 1). Небольшое количество выкладок-оград этого времени, также приуроченные к курганам раннего железного века, зафиксировано и в остальных трех группах памятников могильника.

Планиграфически они представляют собой систему плотно сгруппированных по три-четыре и более каменных выкладок. Основу их первоначального сооружения составляют одно-двухслойные и однорядные каменные оградки(«ограды-крепиды» – по: Соенов, 2000, с. 48), которые имеют, преимущественно, округлые, а также овальные и прямоугольные в плане очертания. Наземная конструкция выкладок-оградок возводилась из колотого сланца с определенным содержанием речного галечника методом продольной и поперечной кладки. В структуру наземных сооружений некоторых объектов включены вертикально установленные стелы.

Следует заметить, что материалы одного из таких объектов могильника Берел, раскопанный еще в 1865 г. В. Радловым, были датированы советскими исследователями V-VI вв. н.э. и отнесены к началу «берельского этапа эпохи древних тюрков» на Алтае (Гаврилова 1965). Они до сих пор широко используются многими исследователями в различных культурно-хронологических реконструкциях (см. историографию: Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018), однако, новые материалы Береля могут внести определенные коррективы на сложившиеся взгляды, связанные с атрибуцией археологических памятников периода «Великого переселения народов», особенно, раннетюркского времени в истории Центральной Азии и Южной Сибири.

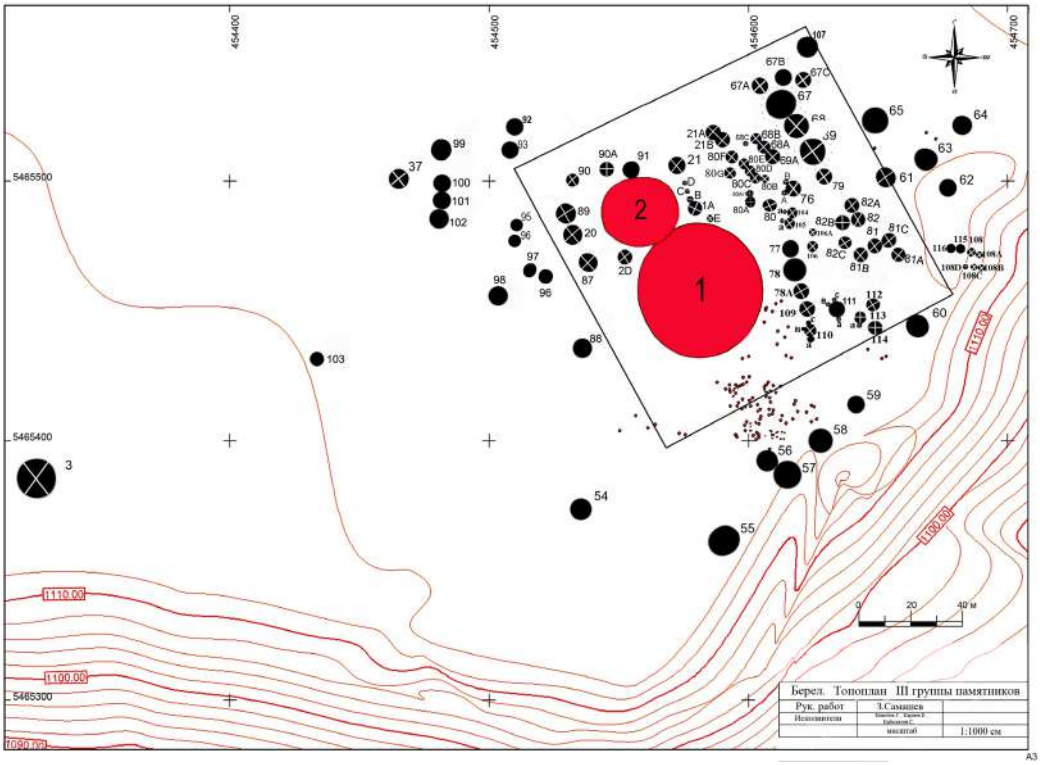


Рис. 1. Топографический план группы памятников №3 могильника Берел

На территории могильника Берел к настоящему времени исследовано 58 выкладок, которые содержали 30 погребений в каменных ящиках (15) и в грунтовых ямах (15), в том числе два парных погребения мужчин и женщин.

Умершие были положены вытянуто на спине, головами ориентированы, преимущественно на ВСВ (26), в четырех случаях – на ЗЮЗ и ССЗ. Ноги одного из погребенных в каменном ящике находились в скорченном состоянии. Однако, допустимо, что согнутые колени связанных ног покойного первоначально могли находиться в вертикальном положении.

Важным моментом для реконструкции погребально-поминальной обрядности является то, что здесь зафиксированы три случая погребения умерших в деревянных рамах.

В 17 выкладках-оградках захоронения людей и животных и каких-либо следов совершения ритуальных действий не обнаружено. Только в одном случае на дне каменного ящика найдены остатки железного стержня. Таких выкладок-оградок с прямоугольно вытянутыми ямами или составными каменными ящиками с перекрытием, можно квалифицировать как кенотафы или сооружения, приготовленные для будущих захоронений.

В 10 оградках зафиксировано 13 скелетов лошадей, из которых 8 захоронены в одиночку, остальные со погребены с умершими. В двух случаях кони были положены в могильной яме на бока, непосредственно над погребенными и головами были ориентированы в ту же строну, что и сами покойники (рис. 2).

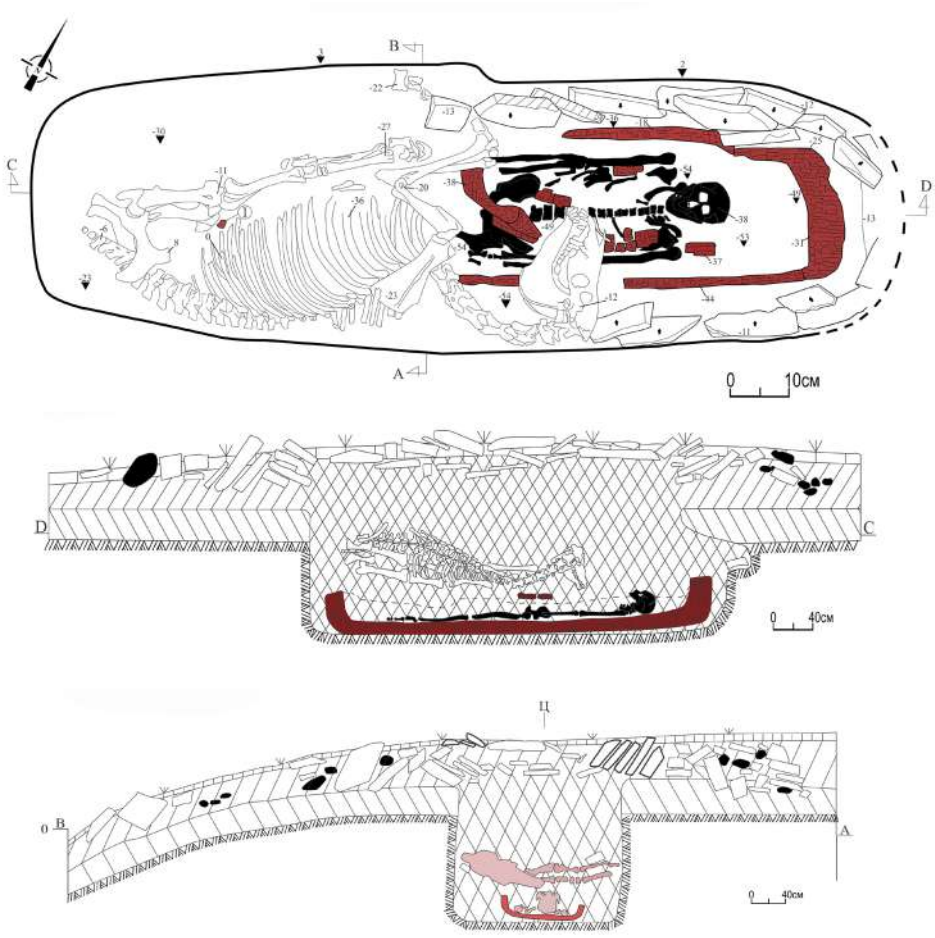


Рис. 2. Погребение коня над человеком в ограде №108

Случай парного погребения лошадей (старый жеребец, 20-25 лет и двухгодовалый жеребенок) отмечен во входной яме объекте №13, где зафиксировано наличие подбоя. Здесь же отметим, что среди костей лошади найден обломок ханьского времени зеркала из сплава различных металлов – меди, олова, свинца и др. и орнаментированное т.н. остроугольной лентой, спиралью и другими мотивами (рис. 3, *1*). Китайские зеркала дают базовые хронологические ориентиры, но в то же время известно, что они употреблялись довольно продолжительное время. Например, обломок зеркала в Эрмитаже с такими же орнаментальными мотивами датируется III в. до н. э. (Лубо– Лесниченко, 1975, с. 38, рис. 3).

Из указанных оград-выкладок происходит интересный набор оружия легковооруженного конного воина для ведения наступательного дистанционного и ближнего боя, которые, собственно, являются основным хронологическим маркером для выделения «хунну-сянбийского» периода в раннесредневековой истории Казахского Алтая (Самашев, 2018, с. 56-72).

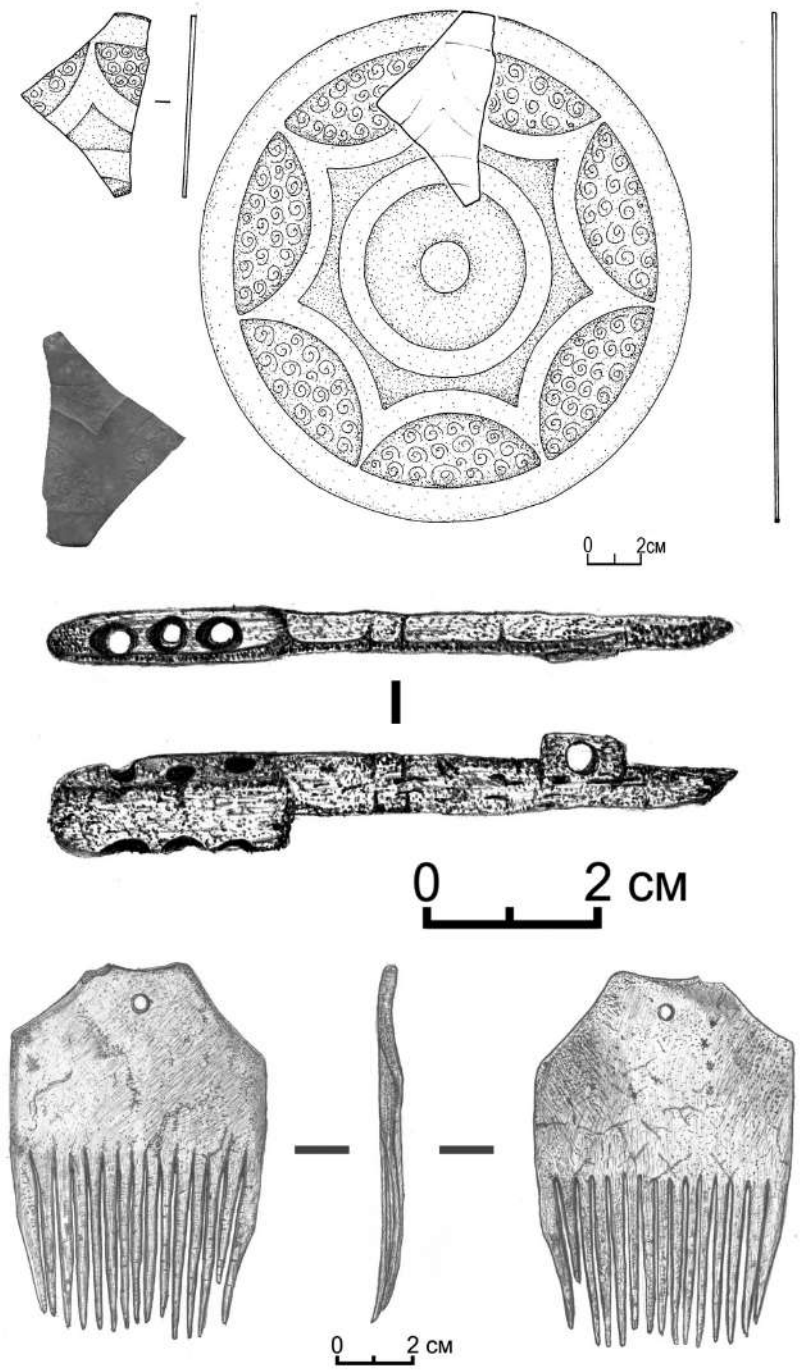


Рис. 3. Находки из хунно-сяньбийских выкладок: *1* – китайское зеркало из объекта №13; *2* – косметическая кисточка или фиксатор волос из объекта №81; *3* – роговой гребень из объекта №81

Из числа предметов вооружения, прежде всего следует отметить два трехлопастных черешковых с ярусами железных наконечников стрел. Один из них находился вместе с парой трехлопастных ассиметрично-ромбовидных железных наконечников и костяными накладками на лук в яме ограды №40А, рядом с останками человека (рис. 4, *1в*). Другой ярусный наконечник стрелы найден на территории могильника Берел. Оба наконечника типологически близки, но отличаются друг от друга в деталях: верхний ярус образца из выкладки №40А короткий, а у другого чрезмерно длинный и этому соответствуют параметры нижних ярусов. У второго наконечника очень короткий нижний ярус – скорей всего, выполнял, роль стабилизатора (рис. 4, *1а*). Этот тип наконечников стрел можно отнести к категории бронебойных, они предназначены для стрельбы на длинную дистанцию и, видимо, рассчитаны на точность попадания в цель (Худяков, 2005, с. 23). Укажем также на находки костяных наконечников стрел (рис. 4, 2).

Наиболее выразительной категорией находок из берельских выкладок-оградок следует считать несколько комплектов длинных и узких концевых костяных накладок на лук с арочными вырезами, которые относятся к гуннскому типу, следовательно, являются важными культурно-хронологическим и этническим индикаторами (рис. 4, 4).

Кроме оружия дистанционного боя отметим находку массивного железного однолезвийного «кинжала-ножа» вместе с погребенным человеком. Кончик кинжала отломан, широкая спинка оружия слегка изогнута в сторону лезвия, рукоять заметно скошена (рис. 4, 3). Сохранившаяся длина оружия – около 30 см, длина рукояти 6-7см, ширина – 2-3 см.

Среди ранее выявленных берельских находок встречаются различные другие типы железных наконечников стрел, палаши и панцирные пластины.

Последние свидетельствуют и об использовании хунну-сянбийцами некоторых типов защитного вооружения и, естественно, о том, что у них в составе кавалерии были и тяжеловооруженные воины-катафрактарии.

Легковооруженная конница составляла основное ядро сяньбийского войска, хотя, если судить по материалам упомянутых выше раскопок В. В. Радлова и находкам в других регионах Центральной Азии, Китая и дальнего Востока в его составе были и защищенные панцирными доспехами элитные подразделения (Худяков, 2005, с. 50, рис.XII; Горбунов, 2005, с. 200 – 223).

В контексте развития военного дела и в целом культуры кочевых народов средневековья необходимо отметить и некоторые предметы конского снаряжения, которые происходят из берельских выкладок. К ним, в первую очередь, относятся удила. Железные кованые удила происходят из нескольких оград-выкладок. Удила из одиночного конского захоронения, совершенного в ограде №82В (рис. 4, *5*) относятся к классическому типу из двух прямоугольных в сечении звеньев, соединенных между собой крючкообразно загнутыми концами. На кольцевидном окончании одного звена сохранилась продолговатая, тонкая, прямоугольная в сечении с закругленными углами петелька для крепления повода. Другие удила, хорошо сохранившиеся, с аналогичными характеристиками, но без дополнительных обойм на кольцевидных окончаниях звеньев, найдены среди камней конструкции ограды, которая не содержала могильную яму.

Среди исследованных памятников Береля, относящихся к периоду «пребывания» здесь хунну-сяньбэй, некоторым разнообразием сопроводительного инвентаря выде-

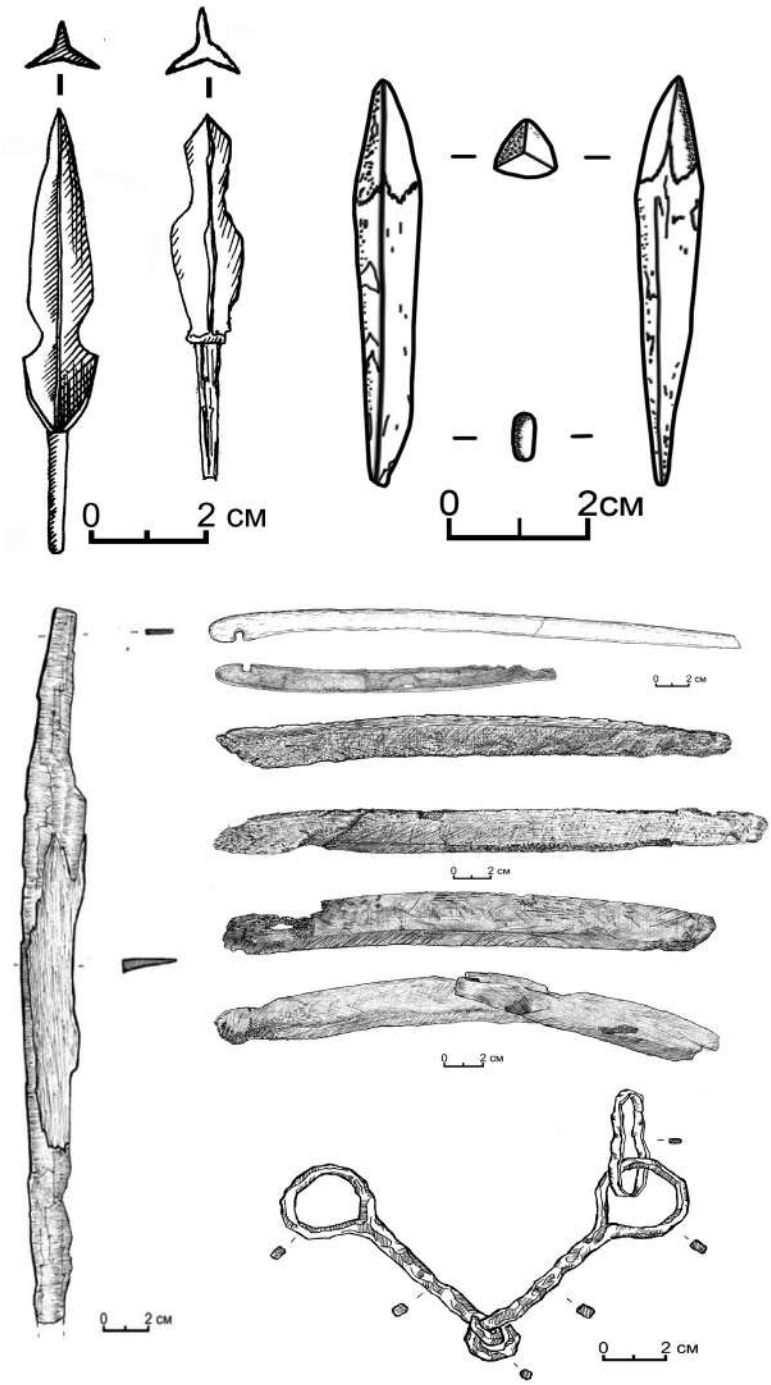


Рис. 4. Находки из хунно-сяньбийских выкладок: *1* – железные ярусные наконечники стрел; *2* – костяные наконечники стрел; *3* – железный кинжал; *4* – накладки сложносоставного лука гуннского типа; *5* – железные удила

ляется объект №81, где зафиксировано женское захоронение в грунтовой яме с интересным набором украшений костюма: серебряная орнаментированная по всему периметру тиснением с оборотной пластина – диадема, серебряные проволочные серьги со вставными камнями, бусы из цветных камней, золотые шейные подвески, косметическая щетка, крупные диски из известнякового материала, гребень, амулеты из зубов хищников и серебряные диски с тиснением и др. (рис. 3, *2, 3*), которые дают некоторые представления об особенностях культуры сяньби.

Находки на могильнике Берел позволяют ставить вопрос о выделении промежуточного культурно-хронологического горизонта – «хунну-сяньбийского», между эпохами хунну и древних тюрков.

Ясно, что события изучаемого периода в регионе необходимо рассматривать на обширном фоне сложных и противоречивых этнокультурных процессов в соседних регионах Центральной Азии.

Берельские материалы (прежние и новые) и их хронологические раскладки в целом укладываются в расширительные рамки так называемой эпохи Великого переселения народов (II в. до н.э. – VI вв. н.э.).

Необходимо также учитывать возможные влияния на формирование этнокультурного облика населения Казахского Алтая различные контакты и взаимодействия с носителями синхронных культур Алтайской горной системы и Южной Сибири (таштыкская, кокпашская, булан кобинская и другие) и, естественно, событий в древнекитайских царствах, особенно, в эпоху Хань (206г.до н.э. – 220 г. н.э.) , периодов Троецарствия (220-280 гг. н.э.) , Цзинь (265-316 гг. н.э.) и последующих, вплоть до Танской династии.

Однако, предлагаемые культурно-хронологические горизонты необходимо в будущем обосновать и аргументировать более глубоко, с использованием комплекса новейших археологических, антропологических данных, письменных и других источников, а также выработать четкие критерии их выделения. Данная процедура требует поиска новых археологических свидетельств. Это, в первую очередь, касается вопроса выделения хунно-сяньбийско (и жужанского) культурно-хронологических горизонтов. Не исключается вероятность сосуществования ранних пластов «хунну-сяньбийского» горизонта с поздними проявлениями как пазырыкской, так и сармато-хуннской эпох.

Поэтому при решении проблем относительно точной датировки и этнокультурной атрибуции памятников периода «сяньби», особое значение имеет анализ вооружения и военного дела в контексте погребально-поминальной ритуалистики и всей совокупности других категорий предметов материальной культуры, которые происходят из берельских выкладок-оград.

Список литературы

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV – VI вв. н.э // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Сборник научных трудов. – Новосибирск, 2005. – С. 80-199.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965. – 145 с.

Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Сборник научных трудов. – Новосибирск, 2005. – С. 200-223.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением статьи И.В. Богдановой-Березовской. М., 1975. – 170 с. + 109 илл. Серия: Культура народов Востока.

Самашев З. Оружейный комплекс сяньби в контексте культуры (по материалам некрополя Берел в Казахском Алтае) // Великая степь: военное наследие. – Астана: РГУ «Военно-исторический музей ВС РК» МО РК, 2018. – С. 56-72.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 5. – Горно-Алтайск, 2000. – С. 48-62.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. Т. 10. – Л. 1969. – С. 208-236.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка) // Археологические памятники Алтая. – Вып. 3. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с. : ил.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск, 2005. – С. 7-18.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II-V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Сборник научных трудов. – Новосибирск, 2005. – С. 19-55.

А.Н. Свиридов, С.В. Язиков
Институт археологии РАН
Москва, Россия
A.N. Sviridov, S.V. Yazikov
Institute of Archaeology RAS
Moscow, Russia
a_sviridov@mail.ru, sergei.yazikov2012@yandex.ru

САРМАТСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3 (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Аннотация. В полевом сезоне 2018 года вторым Севастопольским отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН проводились спасательные археологические исследования на могильнике Фронтовое 3, расположенном в Нахимовском районе г. Севастополь.

В процессе раскопок выявлен грунтовый разновременный некрополь. Несколько погребений датируются эпохой бронзы, большинство погребений относится к концу I – концу IV в. н.э. Исследовано 332 погребения, представленных подбойными и грунтовыми могилами, грунтовыми склепами, погребениями животных в грунтовых ямах, несколькими погребениями в амфоре. Всего в могильнике Фронтовое 3 обнаружено 4678 индивидуальных находок – керамические и стеклянные сосуды, предметами ременной гарнитуры, украшениями, оружием и т.д.

Ключевые слова: могильник, Фронтовое 3, Юго-Западный Крым, подбойная могила, сарматские традиции.

Фронтовое 3 қорымының жерлеу ғұрпындағы Сарматтық дәстүрлер (Оңтүстік-Батыс Қырым)

Түйін. 2018 жылдың далалық маусымында РҒА АИ Қырым экспедициясының Севастополь отрядымен Севастополь қ. Нахимов ауданында орналасқан Фронтовое 3 қорымында құтқару археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілді.

Қазба жұмыстары барысында әр кезеңдерге жататын топырақ некрополь анықталды. Бірнеше жерлеу орындары қола дәуірімен мерзімделеді, жерлеу орындарының көбі б.д. I ғ. – IV ғ. аяғына жатады. Ақымдық және түбіне жерленген, топырақ сағаналар, топырақ шұңқырларда жануарларды жерлеу, құмырадағы бірнеше жерлеу түріндегі 332 жерлеу орындары зерттелді. Фронтовое 3 қорымында 4678 жеке табылмалар – керамикалық және шыны ыдыстар, белдік кешенінің бұйымдары, әшекейлер, қару және т.б. табылды.

Түйін сөздер: қорым, Фронтовое 3, Оңтүстік-Батыс Қырым, ақымдап жерлеу, сармат дәстүрлері.

Sarmatian traditions in the funeral rite of burial of the Frontovoe 3 (South-Western Crimea)

Annotation. In the field season of 2018, the second Sevastopol detachment of the Crimean rescue expedition of IA RAS conducted rescue archaeological research on the burial ground

Frontovoe – 3. The site is located in Nakhimovsky district of Sevastopol. Cemetery of different historical epochs has been investigated. There are 332 burials. The most burials dated with the end of 1st – end of 4th centuries AD but some graves related to the Bronze Age. There are different burial traditions: undercut grave, underground vault and underground grave, animal burials, burial in amphorae. 4678 artefacts were found such as clay and glass vessels, belt subjects, decorations, weapons and other.

Keywords: burial ground, Frontovoe 3, South-Western Crimea, undercut grave, sarmatian tradition.

Вторая половина первого тысячелетия до н.э. ознаменовалось продвижением сарматских племен с территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на юг, юго-запад и запад. Во II-I вв. до н.э. сарматы появляются и в Крыму (Гущина, 1967). В первые века первого тысячелетия процесс сарматизации в Северном Причерноморье и Крыму значительно усиливается. Сарматские традиции начинают смешиваться с местными позднескифскими. Это наиболее ярко прослеживается в погребальном обряде и материальной культуре населения (Гущина, 1967, с. 40; Храпунов, 2002, с. 78; Пуздровский, 2007, с. 12-14)

Одним из ярких маркеров является наличие могильных ям с подбоями. Для Центрального и Юго-Западного Крыма начиная с первых веков н.э. значительную долю погребальных сооружений составляют именно могильные ямы с подбоем. В среднем процент подбойных могил конца I – середины III в. в Крыму оценивается исследователями по доступной им выборке в пределах 32-59% (Гущина, 1967, с. 40-43; Дашевская, 1991, с. 26; Храпунов, 2016, с. 12). Некоторые могильники состоят только из подобного рода погребальных конструкций. К таким памятникам относиться могильник Скалистое 2 (Дашевская, 1991, с. 26). Ориентировка погребенных в могилах первых веков преобладает ЮЗ, Ю, СВ, В (Гущина, 1967, с. 45; Гущина, 1970; Гущина, Журавлев, 2016).

Среди инвентаря погребений первых веков н.э. Юго-Западного и Центрального Крыма достаточно часто встречаются предметы сарматского круга – это находки железных мечей и кинжалов, бронзовых зеркал, подвесок, нашивок и др. (Стрежелецкий и др., 2003-2004; Гущина, Журавлев, 2016; Храпунов, 2002 и др.).

Новый памятник с элементами сарматского обряда был открыт в 2018 г. Могильник получил название Фронтовое 3 и располагается в 1 км к СЗЗ от одноименного села Нахимовского района города Севастополя (рис. 1). Исследования производились вторым Севастопольским отрядом Крымской новостроечной экспедиции Института археологии Российской академии наук. Раскопки на могильнике носили охранно-спасательный характер в рамках проведения работ на памятниках культурного наследия, попадающих в зону строительства автомобильной трассы «Таврида».

Могильник оставлен населением, проживавшим в регионе в римское время. В погребальном обряде сочетаются античные, позднескифские, сарматские и, возможно, германские компоненты на позднем этапе функционирования.

Всего на могильнике исследовано 332 погребения (рис. 2). Основная часть погребений относится к римскому времени и может быть датирована концом I – концом IV вв. н.э., несколько погребений могут быть датированы эпохой бронзы. Погребения расположены системно. Более ранние комплексы, конца I – 1-й пол. II вв. концентрируются

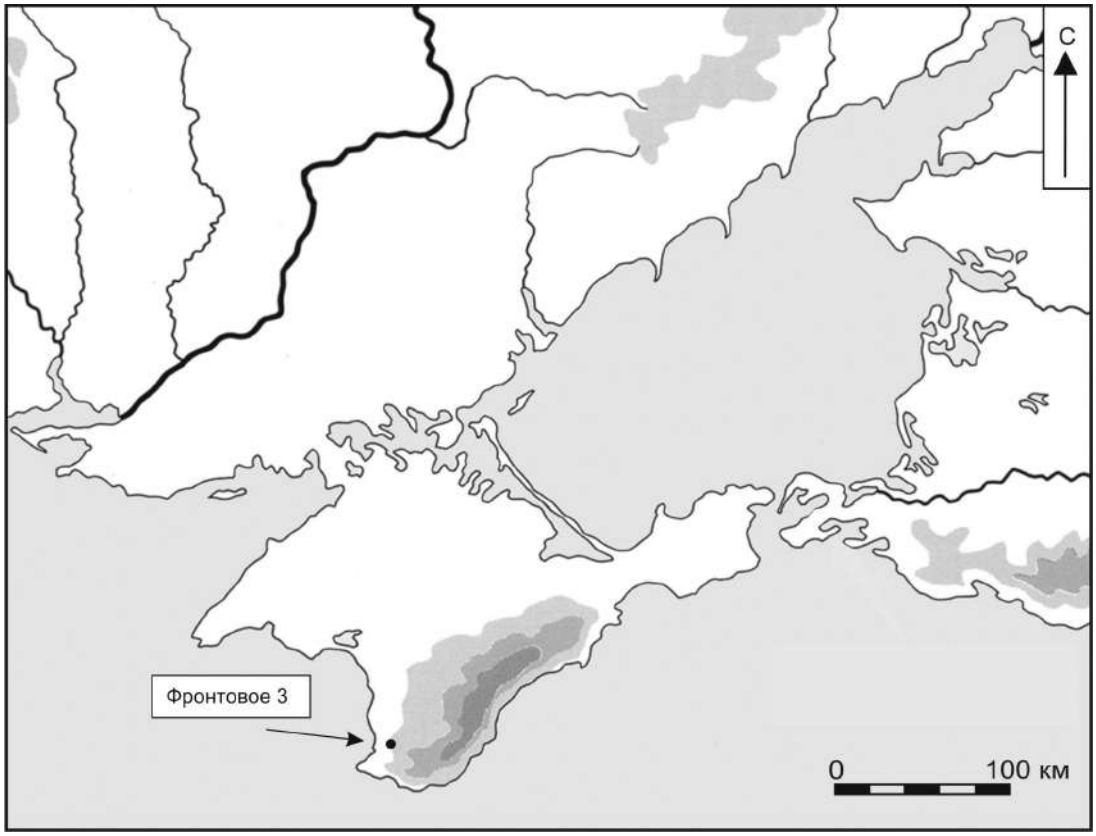


Рис. 1. Расположение памятника на карте Крымского полуострова

на северо-западе памятника. С востока и юга их окружают погребения, датируемые вплоть до 1-й половины или середины III в. Погребения, датируемые не ранее 2-й половины III в. располагаются далее на юго-восток, плотность расположения могил становится заметно более разряженной. Крайняя юго-восточная часть некрополя является самой поздней, здесь нет индикаторов ранее 2-й четверти IV в. Именно в ранней части могильника сарматские традиции присутствуют наиболее ярко.

Одной из отличительных особенностей могильника Фронтовое 3 является однообразие погребального обряда. Подавляющие большинство конструкций представлено подбойными могилами, всего их 305. Второй по численности группой являются грунтовые склепы, их насчитывается 12. Немногочисленны грунтовые ямы, всего их 7. Помимо этого исследовано одно погребение в амфоре и три ямы с погребениями животных – одной лошади и двух собак.

Подбойные могилы составляют около 93% всех выявленных погребальных комплексов (рис. 3, 4). Входные ямы прямоугольные и узкие, длиной в большинстве случаев до 2,2-2,4 м. В центральной части могильника наиболее четко прослеживается рядность расположения ям в линии, вытянутые с северо-востока на юго-запад.

Рис. 2. Вид на могильник Фронтовое 3 с юго-запада в процессе исследования

В большинстве преобладают подбои, выполненные в северо-восточной стенке входной ямы (74% от общего числа подбойных могил) (рис. 4, *1-3, 11-13*). Гораздо меньше подбоев в юго-западной стенке (6,2%) (рис.4, *4-5,10*) и с обеих сторон (19,6%) (рис. 4, *6-9,15*). Подбойные камеры имеют размер от 0,43 до 0,7 м. Длина подбоя зачастую превышает длину входной ямы, доходя до 2,6 м. Дно камеры находится на уровне дна входной ямы или ниже на 0,15-0,4 м. Чаще в стенке, противоположной стене с подбоем, оставлялась ступенька шириной 0,2-0,3 м и высотой от 0,15 до 0,45 м.

В большинстве случаев подбойные камеры имели заклад из камня, сооруженного различными способами. В ранних могилах устройство перекрытия пространства для погребенного имеет некоторые отличия. Иногда каменный заклад отсутствует или выполнен в виде одного неполного ряда камней.

В подбойных камерах захоронения произведены в основном по обряду ингумации, кремация зафиксирована в 14 могилах. При этом в восьми случаях для кремационного погребения использовалась отдельная яма с подбоем (рис. 4, *11-12*), несколько могил были комбинированы, для кремационного и ингумационного погребения была сооружена своя погребальная камера. В четырёх случаях кремационное погребение было произведено в одном подбое с трупоположением. В двух погребениях сожжённые на стороне кости были помещены поверх костяка человека. (рис. 4, *13*).

Погребенные чаще всего расположены вытянуто на спине, либо в слегка скорченном положении с завалом на правый или левый бок.

Руки погребенных расположены либо вытянуто вдоль тела, либо слегка согнуты и расположены на тазовых костях. В небольшом количестве случаев руки были согнуты под острым углом. Ноги в большинстве вытянуты, встречены случаи, когда ноги сведены в районе колен или ступней.

Рис. 3. Погребения в подбоях. 1 – №327, 2 – №294

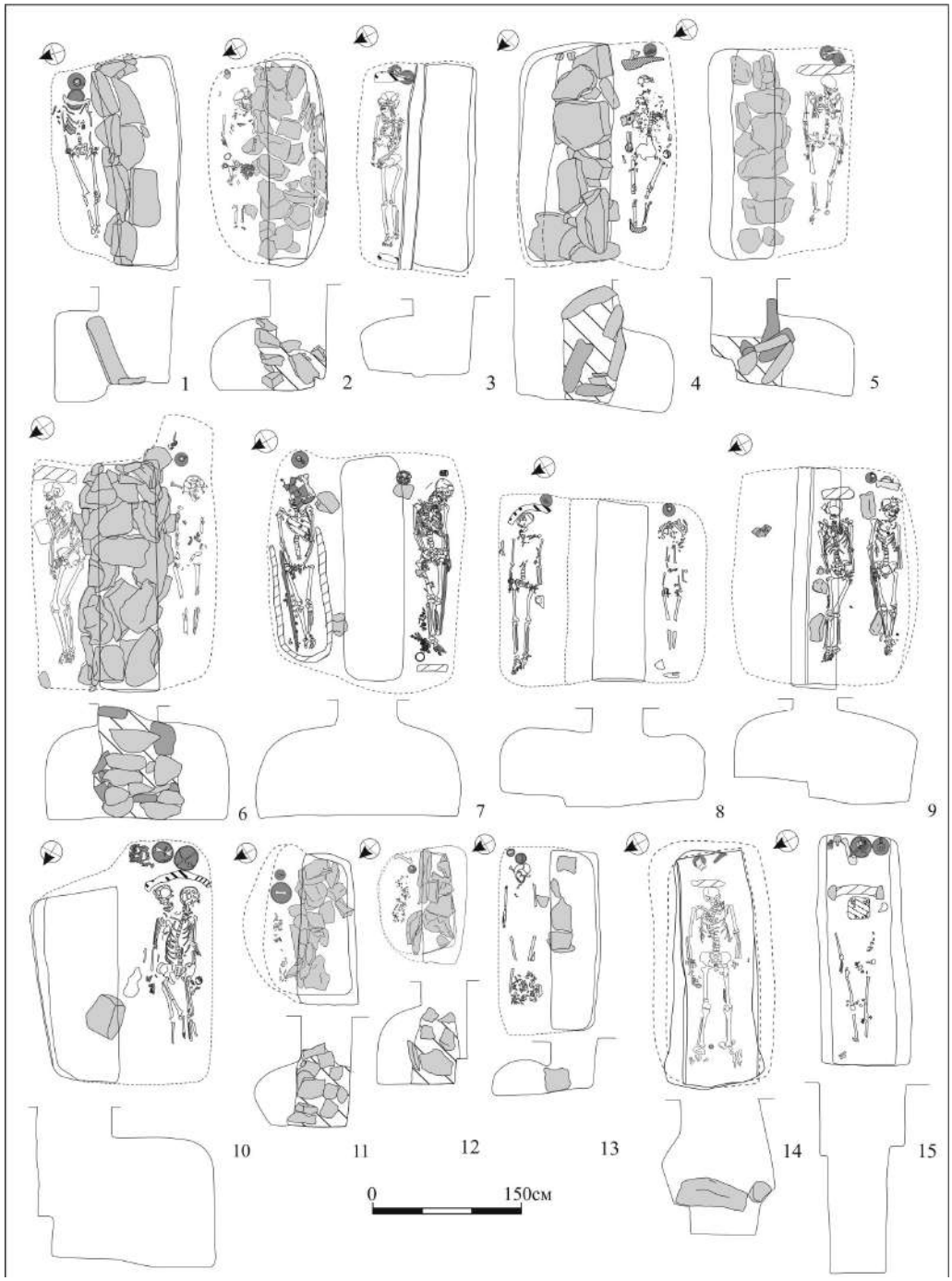


Рис. 4. Планы погребальных сооружений. 1 – №117, 2 – №64, 3 – №36, 4 – №298, 5 – №25, 6 – №321, 7 – №319, 8 – №325, 9 – №297, 10 – №317, 11 – №72, 12 – №30, 13 – №281, 14 –№ 44, 15 –№140.

Большинство погребений одиночные, за исключением шести случаев. Где погребенные были уложены парно (рис. 4, *9,10*), и одного где расчищены останки четырех человек. Ориентировка погребений в большинстве случаев выполнена в юго-восточный сектор. Древесные остатки в подбойных могилах зафиксированы в основном в виде органического тлена за черепом погребенного либо в ногах. Остатки гробов зафиксированы в четырех погребениях. В семи могилах выявлены остатки колод. Простые грунтовые ямы рассматриваемого времени представлены тремя могилами; это продолговатые ямы с заплечиками в длинных стенках, ориентированные по линии ЮВВ-СЗЗ (рис. 4, *14-15*). Входные ямы – прямоугольной формы длиной до 2,4-2,6 при ширине 0,55-0,65. На высоте около 0,4-0,7 м от дна могилы располагались ступеньки шириной до 0,3 м. В двух случаях заплечики служили опорой для перекрытия погребений каменными плитами, в одном, вероятно, деревянными плахами, следы которых не сохранились.

Практически во всех погребениях находился типичный для памятников Юго-Западного Крыма подобного круга сопроводительный инвентарь. Всего в могильнике Фронтовое 3 обнаружено 4678 находок из металла, керамики, стекла, кости – посуда, украшения, ременная гарнитура, оружие, орудия труда, предметы культа и туалета[1].

Рис. 5. Керамическая и стеклянная посуда из погребений с подбоями могильника Фронтовое 3

[1]Изучение материалов могильника еще не закончено. Многие предметы, в основном, изделия из железа, находятся на реставрации.

Керамические сосуды представлены коллекцией из 578 единиц (рис. 5, *1-7*). Для погребенных в подбойных могилах характерна в основном краснолаковая посуда. Преобладают кувшины, реже встречены тарелки и миски**.** Из других категорий краснолаковой посуды встреченных в погребениях следует отметить кружки, столовые амфоры и блюда.

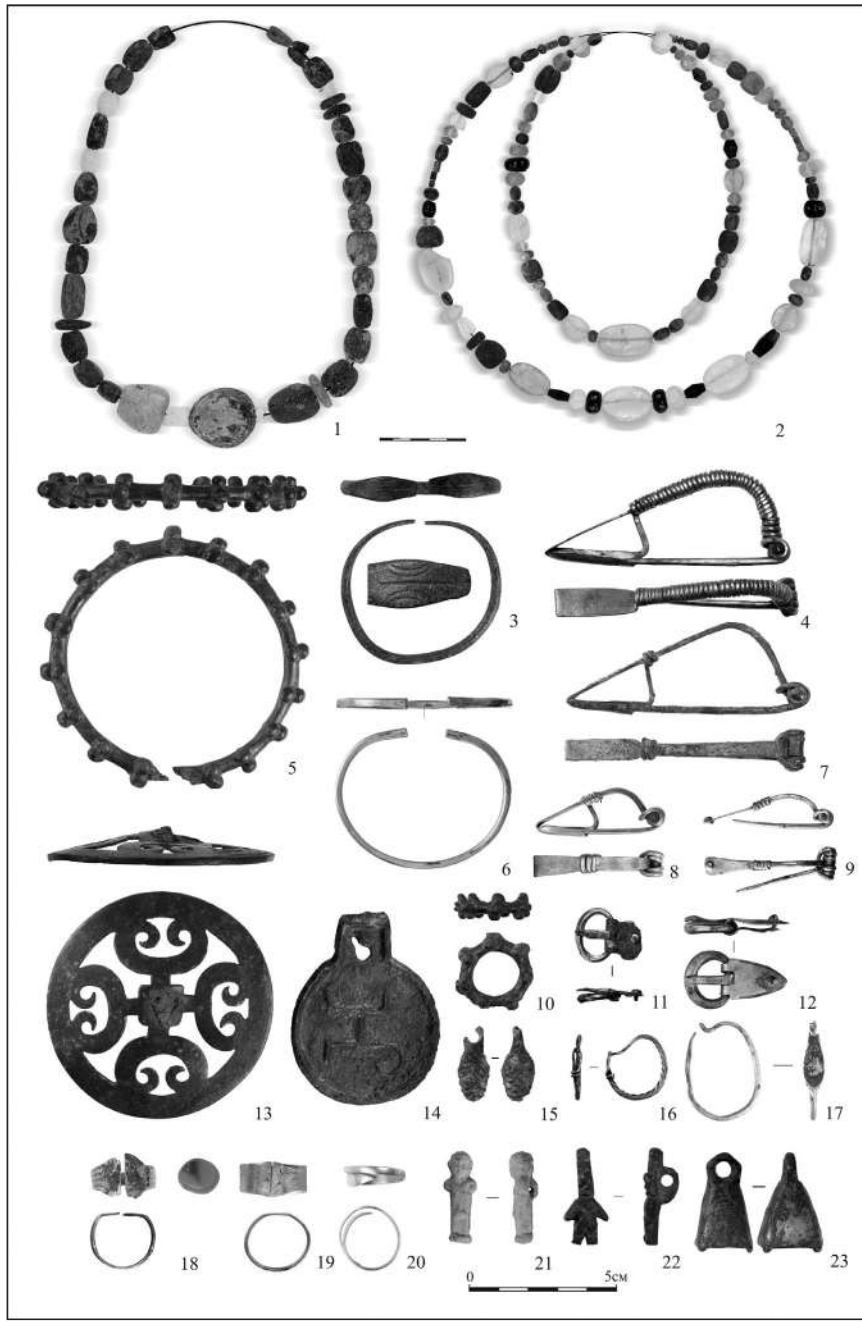


Рис. 6. Изделия из бронзы из погребений с подбоями могильника Фронтовое 3

Коллекция стеклянных сосудов насчитывает около 230 экземпляров разной сохранности (рис. 5, *8-16*). Самую большую группу составляют бальзамарии (55 эк.). Обнаружены так же стаканы, сферические тонкостенные кубки, кувшины, колбы, чаши, баночки с приземистым округлым туловом и отогнутым наружу венчиком. Интересны сосуды, являющиеся переднеазитским импортом.

Украшения в большинстве представлены бусами, при этом в ранних комплексах известны крупные ожерелья из янтаря, горного хрусталя, гагата, сердолика (рис. 6, *1-2*). Много находок перстней, колец, браслетов, серег, подвесок, фибул, пряжек, лунниц изготовленных из бронзы, реже железа, белого и желтого металла (рис. 6; 7, *8-12*). Из ранней зоны известны комплексы с золотыми подвесками, зачастую украшенными сканью, зернью, вставками из камней и стекла. Среди них 12 лунниц (рис. 7, *7*), пять подвесок – полые цилиндры на трех петлях (рис. 7, *3-6*); большинство имеет закрытые торцы и украшены еще богаче, чем лунницы. На двух подвесках, происходящих из одного погребения, присутствуют выпуклые изображения женщины с младенцем (рис. 7, *1-2*).

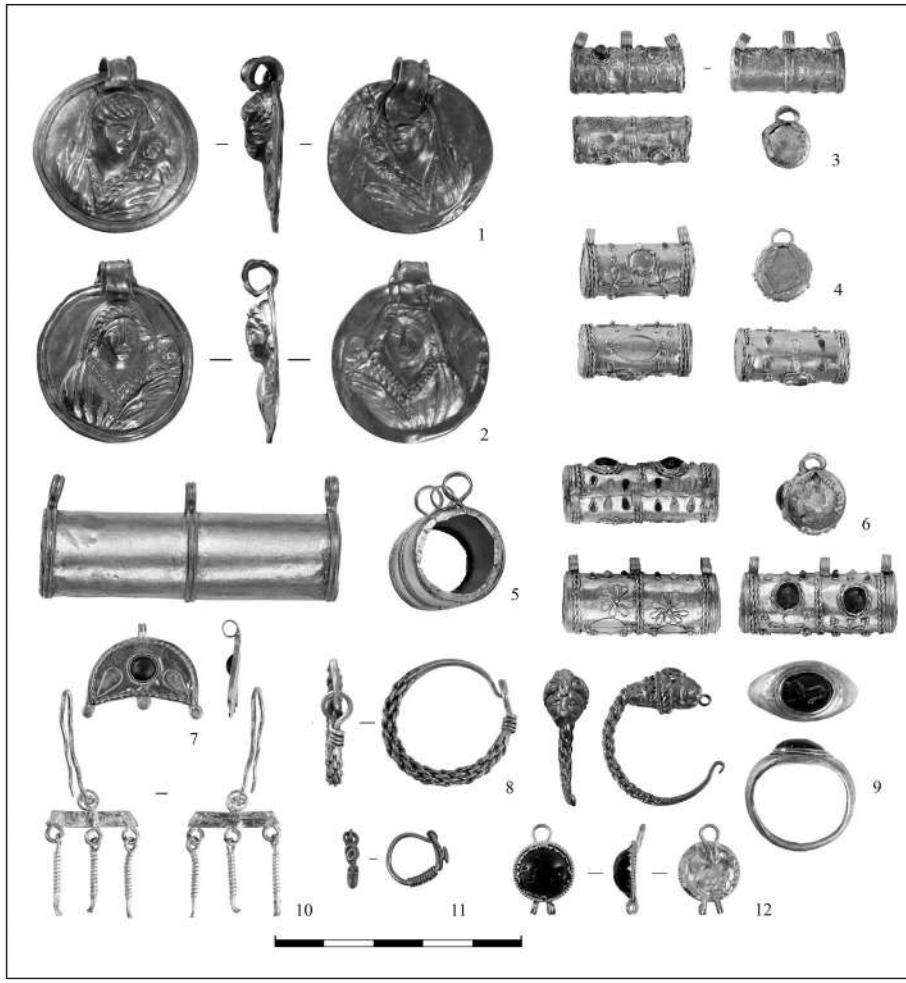


Рис. 7. Изделия из желтого металла из погребений с подбоями могильника Фронтовое 3

Большая коллекция вещей, связанных с туалетными принадлежностями, предметами личной гигиены косметическими средствами, и бытовыми предметами которые представлены бронзовыми пинцетами, бронзовыми зеркалами, костяными пиксидами иногда с остатками пудры, бронзовыми иглами. В некоторых погребениях подобные предметы обнаружены были компактно рядом с остатками деревянных шкатулок. Целые или фрагментарные ножи встречены почти во всех погребениях. Как правило, они располагались рядом с костью животного и керамическими сосудами за головой погребенного. В некоторых случаях зафиксированы остатки ножен с петельчатыми подвесками. Зеркала характерны двух типов, в виде плоских дисков диаметром до 8 см и небольших зеркал с петельками и рельефным орнаментом (рис. 7, *14*).

Из погребений в подбоях происходит около 10 длинных мечей без перекрестий и навершия, в одном из погребений меч был уложен в ножны с обкладками из желтого металла. В погребениях с оружием часто находились предметы конской упряжи, в виде железных кольчатых удил и остатки оголовья. В одном из погребений обнаружены центральные и концевые накладки от сложносоставного лука.

Погребальный обряд и находки из некрополя Фронтовое 3 в целом обычны для могильников первых веков н.э. Юго-Западного и предгорного Крыма, но учитывая уникальную сохранность комплексов, а также его полное исследование позволит уточнить целый ряд дискуссионных моментов археологии региона в позднеримское время.

Список литературы

Гущина И.И. О сарматах в Юго-Западном Крыму (По материалам некоторых могильников I-IVвв.) // СА. 1967. №1. – С. 40-51.

Гущина И.И. Раскопки могильника Бельбек 3 в Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124. – С. 39-49.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек 4 в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. – М.: Исторический музей, 2016. Ч.1. – 272 с.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. – 141 с. (САИ; вып. Д1-7).

Пуздровский А.Е. Крымская СкифияIIв. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 480 с.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // Стратум плюс. 2003-2004. № 4. – С. 27-277.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). Люблин, 2002. – 313 с.

Храпунов И.Н. Население горного Крыма в позднеантичное время // ВДИ. 2016. Том 76. №1. – С. 118-134.

М.К. Сейткалиев, Е.Ш. Амиров, Д.Б. Умиткалиев
ТОО «Археологические исследования»
Караганда, Казахстан
M.K. Seitkaliev, Ye.Sh. Amirov, D.B. Umitkaliev
Archaeological Researches LLP
Karaganda, Kazakhstan
seytkaliev@archeoexpertise.kz, amirov@archeoexpertise.kz

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ БОРАНДАСУ В 2018 г. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Аннотация. В 2018 г. ТОО «Археологические исследования» осуществило разведочные работы в зоне промышленного освоения на территории Енбекшиказахского района Алматинской области. В результате археологической разведки был выявлен могильник Борандасу. В этом же году был полностью исследован курган №1 этого могильника. В ходе раскопок была выявлена своеобразная архитектура насыпи. Основу кургана составляли пять менгиров. Тело насыпи состояло из камней средних размеров. Курган был частично разрушен. Могильная яма ограблена. Часть менгиров смещена с первоначального места расположения. В кургане были найдены каменные изделия – мотыга и грузило для сетей. Раскопки позволили сохранить историко-культурный и познавательный потенциал могильника Борандасу. Памятник относится к культуре сако-усуньских племен долины реки Или.

Ключевые слова: курган, раскопки, саки, усуни, менгир, ранний железный век.

Борандасу қорымындағы 2018 ж. археологиялық зерттеулер (алғашқы жарияланым)

Түйін. «Археологиялық зерттеулер» ЖШС 2018 жылы Алматы облысы Еңбекшіқазақ ауданы аймағындағы өнеркәсіптік игеру аумағында барлау жұмыстарын жүргізді. Археологиялық барлау нәтижесінде Борандасу қорымы анықталды. Дәл осы жылы бұл қорымның №1 обасы толығымен зерттелді. Қазба барысында үйіндінің өзіндік архитектурасы анықталды. Қорғанның негізін бес менгир құрап тұрды. Үйінді орташа көлемдегі тастардан тұрды. Қорған ішінара бүлінген болды. Қабір шұңқыры тоналған. Менгирлердің бір бөлігі алғашқы орындарынан жылжып кеткен. Қорғанда тас құралдар – кетпен және ауларға арналған салмақ табылды. Қазба жұмыстары Борандасу қорымының тарихи-мәдени және танымдық әлеуетін сақтап қалуға мүмкіндік берді. Ескерткіш Іле өзені аңғарының сақ-үйсін тайпалары мәдениетіне жатады.

Түйін сөздер: қорған, қазба жұмыстары, сақтар, үйсіндер, менгир, ерте темір дәуірі.

Archaeological research on the burial ground of Borandasu in 2018 (advance publication)

Annotation. In 2018, Archaeological Research LLP carried out exploration work in the industrial development zone in the territory of Enbekshikazakhsky district of Almaty region. As a result of archaeological exploration, the burial ground of Borandas was revealed. In the

same year, the number 1 burial mound of this burial ground was fully investigated. The mound is characterized by original architecture. The basis of the mound was 5 menhir. The body of the mound consisted of medium-sized stones. The mound was partially destroyed. The grave pit was robbed. Part of the menhirs is shifted from the original location. Stone products were found in the mound – a hoe and sinker for a fishing net. The excavations made it possible to preserve the historical, cultural and cognitive potential of the burial ground of Borandasu. The monument belongs to the culture of the Saka-Wusun tribes of the Ili river valley.

Keywords: kurgan, Excavations, Saka, Wusun, Menhir, Iron Age.

Могильник Борандасу был открыт сотрудниками ТОО «Археологические исследования» в ходе изыскательских работ по выявлению объектов историко-культурного наследия в зоне строительства ВЭС. До начала работ значительная площадь могильника находилась в удовлетворительном состоянии, планируемое строительство ВЭС на территории памятника представляло несомненную угрозу сохранности отдельных частей, таких как курган №1, так и ритуально-поминальных конструкций, расположенных вокруг него. В связи с этим, проведение археологических исследований на кургане №1, позволило сохранить большой объем научной информации, касающейся погребально-поминального обряда и духовной культуры родовой элиты сако-усуньских племен Семиречья.

Курганный могильник Борандасу находится в 14,2 км к ЮВ от одноименного пос. Енбекшиказахского района Алматинской области. Памятник расположен в межгорной равнине, ограниченной с юга хребтом Согеты и с севера грядой Алтынэмель (рис. 1). Памятник представляет собой вытянутую на 4,5 км в широтном направлении (с небольшим отклонением) неровную цепочку из четырех курганов различного размера, диаметр которых колеблется от 4 до 10 м, высота от 0,3 до 0,7 м. Поверхность насыпей слабо задернована. Курганы сооружены из колотого камня и гальки различного размера. Почти все насыпи могильника в различной степени пострадали в ходе активной деятельности грызунов. Каких-либо следов разрушения образованных в процессе ограбления или повреждения насыпи грабителями, за исключением кургана №1, не фиксируется. На вершине кургана №4 в позднее время была сооружена конструкция из камней, вероятно, служившей местным пастухам пространственным ориентиром.

Курган №1 является одним самых крупных погребальных сооружений в могильнике. Состояние кургана определялось как удовлетворительное. В центральной части фиксируется грабительская воронка диаметром 2 м и глубиной 0,3 м. В заполнении воронки найден современный бытовой мусор. Также из-за скопления большого числа нор грызунов частично повреждена юго-западная пола кургана. Поверхность насыпи слабо задернована. Курган сложен из колотого камня и гальки различного размера. Насыпь округлой в плане формы, профиль правильной полусферической. Зафиксированный на момент исследования размер составляет: диаметр – 10 м, высота – 0,7 м от уровня современной дневной поверхности до самой высокой точки кургана. Южный склон насыпи имеет более пологий спуск в сравнении с северным. У юго-западной полы вкопан менгир (стела), изготовленный из крупнозернистого песчаника красно-бурого цвета. Размеры менгира, фиксируемые на поверхности: длина – 1,4 м; ширина – 0,5 м. Полные данные по метрике стелы получены после извлечения ее из насыпи и составили: длина – 2,1 м; ширина – 0,65 м; толщина – 0,2 м. Второй менгир, сделаный из песчаника серого цвета и расколотый пополам, найден на вершине кургана у северного борта гра-

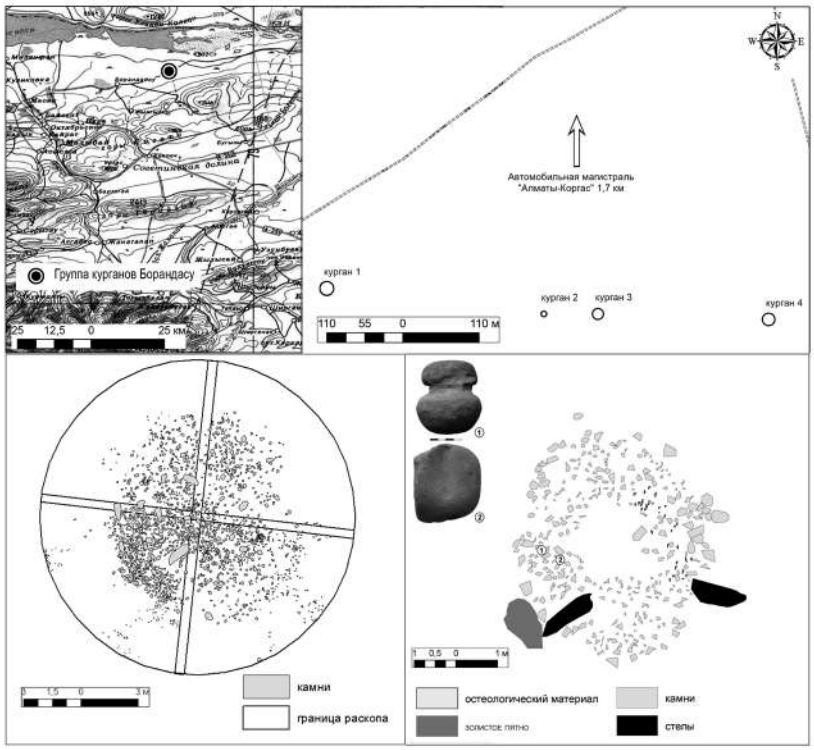


Рис. 1

бительской воронки. Его размеры составляют: длина – 1,4 м; ширина – 0,45 м; толщина – 0,2 м. Стела №3 была найдена в ходе раскопок насыпи, у ее восточной полы, в секторе «Б». Менгир изготовлен из гранитной плиты светло-серого цвета, разерами: длина – 1,4 м; ширина – 0,45 м; толщина – 0,2 м. В ходе тщательного визуального осмотра близлежащей к объекту исследования территории было обнаружено еще два менгира. Стела №4 изготовлена из крупнозернистого песчаника красно-бурого цвета найдена в 30 м к СЗ от кургана, разерами: длина – 1,4 м; ширина – 0,4 м; толщина – 0,2 м. Стела №5, из того же материала что и предшествующая, выявлена в 40 м к ССЗ от кургана, разерами: длина – 0,9 м; ширина – 0,3 м; толщина – 0,2 м. Все найденные менгиры имели одинаковую вытянутую трацевидную форму.

Раскоп был разбит двумя пересекающимися по центру кургана бровками, образованные таким образом четыре сектора были обозначены буквенными индексами. Стратиграфические бровки шириной 0,4 м были строго ориентированы по странам света. Снос насыпи производился вручную пластами мощностью 0,1-0,2.

С поверхности кургана и за его пределами был снят верхний дерновый слой с целью определения точных границ насыпи и выявления возможных конструктивных элементов. После снятия дернового слоя был выявлен сплошной слой камней образующих верхний «панцирь» насыпи. Структура панциря была нарушена в центральной части грабительской раскопом – представляющим собой вертикальный колодец размером 2,8×2,8 м, заполнение которого представляло собой смесь мелкого камня, щебня, су-

песи и современного бытового мусора. Выкид из грабительской воронки выявлен в секторе «А» в виде широкого «языка», сформированного из щебня и супеси. В ходе просеивания грунта из грабительского раскопа найдены мелкие фрагменты сильно деградированных костей и зубов, не подающихся морфологическому определению.

После расчистки панциря и уборки камней, сползших в процессе разграбления кургана к подножью насыпи, была выявлена ее изначальная форма и размеры. Оригинальная конструкция кургана представляла собой насыпь в форме широкого овала, ориентированной длиной осью по меридиану. Первоначальные размеры кургана составляли: высота – 0,7 м; диаметр – 6,5 м. После всех процедур фиксации метрики и морфологии, насыпь была снята, под которой была выявлена концентрическая ограда, сложенная из колотого камня. Ограда представляла собой конструкцию в виде широкого овала, ориентированную по линии С-Ю, длиной – 3 м; шириной – 2,5 м. Стены сложены преимущественно из камней песчаника и базальта темных цветов. Крупные камни формируют своего рода фундамент у основания ограды, в то время как размер их плавно уменьшается к ее вершине. Стены в профильном сечении трапециевидные. Какого-либо входа или разрыва в стенах не наблюдается. После расчистки ограды, за ее пределами в секторе «В» на уровне древней поверхности выявлено пятно золы дуговидной в плане формы. Для получения дополнительной информации методами естественных наук были привлечены специалисты естественнонаучного профиля, которые произвели забор проб и образцов выявленного золистого слоя.

В процессе расчистки камней ограды в наносном слое в секторе «В» у стен найдены два каменных изделия. Первый найденный артефакт представлял собой мотыгу, изготовленную из окатанной гальки, размером 9,5×8,3 см и толщиной 3,6 см. У верхнего края, по внешним сторонам изделия выточены две выемки для крепления изделия к деревянной рукояти. Выемки соединены продольным желобком, вырезанным для наиболее плотного крепежа рабочей головки к рукояти. Второй предмет представлял собой фрагмент алтарика, вырезанного из мелкозернистого песчаника светло-коричневого цвета, размером 9,8×8,2 см и толщиной 6 см. После того как предмет был поврежден и по этой причине перестал функционировать по своему прямому назначению, его вторично использовали как грузило для сети. Для этого вдоль длиной оси фрагмента было просверлено сквозное отверстие для крепления его к основе сети.

После снятия стратиграфических бровок и фиксации планиграфии ограды произведен ее разбор до уровня древней дневной поверхности с последующей горизонтальной зачисткой по ее уровню. В центре кургана на уровне древней поверхности выявлены две ямы. В ходе вскрытия заполнения одной из них (яма №2), выяснилось что она образовалась в ходе активной жизнедеятельности грызунов на этом участке раскопа и представляет собой скопление нор-сурчин. Вторая яма представляло собой погребальную камеру овальной в плане формы выротой по центру ограды. Могила, размером 1,2×1 м, ориентирована длиной осью по линии В-З. Заполнение ямы неоднородное, что, вероятнее всего, обусловлено ограблением кургана. Верхняя часть могилы заполнена мелким камнем, дресвой и супесью. В средней и придонной части фиксируется смесь дресвы и камней различной фракции.

Стенки ямы неровные, выгнутые, слегка расширяются к придонной части. Неровное дно располагалось на глубине 0,8 м от уровня древней дневной поверхности. За исключением разрозненных и сильно фрагментированных костей не подлежащие визуально-

му морфологическому определению, каких либо остатков сопровождающего инвентаря или элементов погребально-поминальной обрядности в могиле не обнаружено. После окончания всех работ центральная часть раскопа была рекультивирована и засыпана отработанным грунтом.

Могильник Борандасу занимает особое место в ряду памятников сако-усуньского времени Шелекской группы курганов. Это обусловлено в первую очередь его изолированным положением по отношению к другим некрополям этого времени в микрорайоне. Что вероятно, указывает на захоронение в нем особой группы людей, осознававших и подчеркивающих свое специфическое положение (этническое, классовое и т.п.) по отношению к основной части населения. В пользу данного наблюдения говорит и сложный характер устройства погребально-поминальной конструкции исследованного кургана, не находящей близких аналогий как в общей массе изученных погребений Шелекской группы, так и в целом в Семиречье.

К сожалению, вследствие ограбления кургана, раскопки не дали археологического материала, однако исследователями была довольно хорошо изучена погребально-поминальная конструкция. Изучение и анализ стратиграфической и планиграфической ситуации показали, что исследованный курган представлял сложное архитектурное сооружение, конструкция и строительство которого тщательно продумывались древними строителями, и являло собой последовательное и многоактное мероприятие.

На первом этапе строительства по центру сакральной площадки рылась могильная яма, куда помещался умерший, сопровождающий инвентарь и судя по найденным костным останкам – заупокойная пища. После помещения в могилу погребенного и ее обустройства она засыпалась землей. Отсутствие находок каких-либо остатков древесины предполагает, что каких-либо погребальных конструкций в виде перекрытий, сруба или колоды не предусматривалось. На следующем этапе, вокруг могилы сооружалась из колотого камня концентрическая ограда, по внешней границе которой устанавливались стелы (менгиры). После ее сооружения или по прошествии определенного времени совершались поминальные действия. В пользу данного заключения, говорят следы активного горения, выявленные за пределами ограды. Далее вся сакральная площадка закрывалась насыпью из супеси и дресвы, которой придавали форму кургана и обкладывали камнем образующим сплошной панцирь. Через некоторое время курган подвергся разграблению и разрушению. Древние грабители преследовали цель не просто разграбить погребение, но и осквернить, об этом свидетельствует тот факт, что некоторые стелы, опоясывающие ограду, были расколоты, а также какие-то из них оттащены на десятки метров в сторону от кургана. Уже в позднее время нашими современниками был расширен древний грабительский раскоп. Разрушения, причиненные людьми памятнику, усугубила деятельность грызунов, от нор которых ощутимо пострадала западная пола кургана.

Таким образом, полученная в ходе исследований научная информация существенно обогащает имеющиеся данные о конструкции и особенностях строительства сакских погребально-поминальных сооружений.

А.Г. Чекин[1], Т.Ж. Тулегенов[1], Б.Б. Бесетаев[2]
[1]Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»
[2]Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан
A.G. Chekin[1], T.Zh. Tulegenov[1], B.B. Besetayev[2]
[1]State Historical and Cultural Reserve Museum «Issyk»
[2]Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
alexei.ch73@mail.ru,
tur4ik_kz@mail.ru,
besetaev86@mail.ru

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ЖЕТЫСУ

Аннотация. Погребально-поминальные комплексы раннего этапа сакского времени на территории Жетысу на сегодняшний день малоизучены. Несмотря на значительные успехи за последние десятилетия культурно-хронологические аспекты раннего этапа сакских культур мало разработаны. В большинстве случаев вещи, относящиеся к данному времени, происходят из «кладов» или «случайных находок».

В данной статье публикуются материалы доисследования погребально-поминального комплекса №14 на территории г. Есик в 2018 г., начатого Б. Нурмуханбетовым в 1991 г. Конструкция представляет собой сооружение из камня, состоящее из двух частей – непосредственно надмогильное сооружение округлой формы и примыкающий к ней жертвенный комплекс или «кенотаф» такой же формы. Схожие по конструкции сооружения находят аналогии в Восточном Казахстане и Южной Сибири, как и предметный комплекс вещей.

Ключевые слова: Жетысу, раннесакское время, культура, погребально-поминальный комплекс.

Жетісудағы ерте сақ кезеңінің тұрғындарының мәдени ерекшеліктері мәселесі

Түйін. Бүгінгі таңда Жетісу территориясындағы ерте сақ кезеңінің жерлеу-ғұрыптық кешендері толыққанды зерттелмеген. Кейінгі онжылдықтардағы жетістіктерге қарамастан, ерте сақ уақытына тиесілі мәдени-хронологиялық аспект мәселелері өз деңгейінде біржақты бірегей пікірге келе қойған жоқ. Аталмыш кезеңнің заттық кешендері көп жағдайда «көмбе» немесе «кездейсоқ олжа» ретінде ғана кездесіп отыр.

Есік қаласының аумағында 1991 ж. Б. Нұрмұханбетов қазба жұмыстарын жүргізіп бастаған №14 жерлеу-ғұрыптық кешеніне 2018 ж. зерттеу жұмыстары жалғасын табады. Жерлеу-ғұрыптық кешеннің жер үсті құрылысы тастан салынған екі бөліктен құралғандығы анықталады: біріншісі – дөңгелек пішінде келген қабір үсті құрылысы, екінші бөлігі – ғұрыптық құрылыс немесе «кенотаф». Ұқсас жерлеу-ғұрыптық құрылыс пен заттық кешендері Шығыс Қазақстан мен Оңтүстік Сібір жерінде кездеседі.

Түйін сөздер: Жетісу, ерте сақ кезеңі, мәдениет, жерлеу-ғұрыптық кешен.

To the question about the cultural accessories of the people of the early saka time

Annotation. The funeral-memorial complexes of the early stage of the Saka period in Zhetysu territory are poorly studied today. Despite significant progress over the past decades, the cultural and chronological aspects of the early stage of Saka cultures have been little developed. In most cases, things related to a given time come from «treasures» or «random finds».

This article publishes materials from the additional investigation of the funeral-funeral complex No. 14 in 2018 on the territory of Esik, started by B. Nurmukhanbetov in 1991. The design is a stone structure consisting of two parts: a directly grave structure of circular shape and an adjoining to it is a sacrificial complex or «cenotaph» of the same form. Structures of similar construction find analogies in East Kazakhstan and Southern Siberia, as well as the subject complex of things.

Keywords: Zhetysu, Early Saka time, culture, funeral-memorial complex.

Памятники раннесакского времени на территории Жетысу встречаются довольно редко, по этой причине археологи не выделили их в отдельную «культурную общность». Возможно, это связано с тем, что ранний период не был предметом специального изучения. Поэтому отчеты и публикации по погребальным сооружениям сакского времени IX-VII вв. до н.э. разнесены по времени, и их свод отсутствует. Между тем предложенная формулировка – «аржано-майэмирский период» утвердилась в научной литературе. М.К. Кадырбаев предложил памятники этого периода разделить на локальные варианты одной раннескифской культурно-исторической области (общности), куда вошли памятники Сибири, Северного и Южного Казахстана (Кадырбаев, 1968, с. 36). Но так ли схожи типологически эти памятники, чтобы их объединить? Вполне возможно они имеют больше различий, чем общих черт, и верная, с точки зрения методологии, посылка приведет к неверным выводам.

Первый вопрос, который встает перед исследователями данной проблематики – это где находится центр того культурного импульса, который породил огромное количество, на первый взгляд, внешне схожих погребальных памятников раннесакского времени?

По мнению А.К. Акишева такими центрами были Центральный Казахстан и Южная Сибирь: «…материальная культура Семиречья и Южного Казахстана, известная под названием сакской, создана племенами-пришельцами – потомками андроновцев Центрального Казахстана и Южной Сибири. Сакская культура зародилась еще на родине андроновцев, а окончательно сформировалась и оформилась на новых местах расселения» (Акишев К.А., Кушаев, 1963, с. 126).

Стоит отметить, что в классическое сакское время (V–IV вв. до н.э.) Жетысуский регион локализуется в плане погребально-поминального обряда. Происходят изменения в погребальном обряде и инвентаре в целом. Однако вопрос остается открытым.

Памятники раннего этапа сакской культуры на территории Жетысу малоизучены. Это связано с тем, что эталонные памятники данного периода встречаются редко. Отсутствие среди открытых памятников комплексов раннесакского времени даже породило заключение о малой заселенности Жетысу в эту эпоху – до середины I тыс. до н.э. Тем не менее «отсутствие» памятников какого-либо периода в конкретной географиче-

ской зоне не следует считать безусловным доказательством необитаемости или малой обитаемости этих территорий в древности.

Без достоверно определенных погребальных комплексов раннесакского времени сколько-нибудь объективная и целостная характеристика этого исторического периода не была бы возможной. Между тем памятники эти долгое время обнаружить не удавалось. Раннесакское время в истории Иссыского региона являлось, по существу, «белым пятном» – не было известно ни одного погребения, которое могло бы быть достоверно отнесено к этому периоду. О том, что памятники этого периода имели место, свидетельствовали единичные случайные находки кладов, относящиеся к VIII-VI вв. до н.э. (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 38-63; Чекин и др., 2018, с. 90).

В 1991 г. в ходе полевых работ казахстанско-американской экспедицией на территории г. Есик (нач. Б. Нурмуханбетов) был вскрыт жертвенный отсек кургана 14 могильника Иссык (Нурмуханбетов, 2017, с. 256-257).

Рис. 1. Жертвенный отсек. Раскоп 1991 г. (по: Б. Нурмуханбетову)

Памятник представлял собой каменный прямоугольник размером 10×30 м и был ориентирован по линии С–Ю с небольшим отклонением на запад. Жертвенный отсек находился в южной части объекта, часть которого (около 3 м) была снесена под карьер (рис. 1). Центральная и северная часть кургана не были вскрыты, поэтому характер и тип погребального сооружения остались невыясненными. Однако отсутствие насыпи над курганом свидетельствует о грунтовом погребении. Найденный инвентарь состоял из пятнадцати бронзовых наконечников стрел, двух медных ножей (в отчете только один) и одного бронзового удила с рифленым орнаментом на грызлах (рис. 2, 3). Подобные удила с рифленым орнаментом встречаются в Центральном (Кадырбаев, 1966, с. 330, рис. 24) и Восточном Казахстане (Бесетаев, 2016, с. 44, рис. 2), Приаралье (Вишневская, 1973, с. 156-157, табл. 26; Итина, Яблонский, 1997, с. 114, 123, рис. 12, 27) и Жетысу (рис. 4).

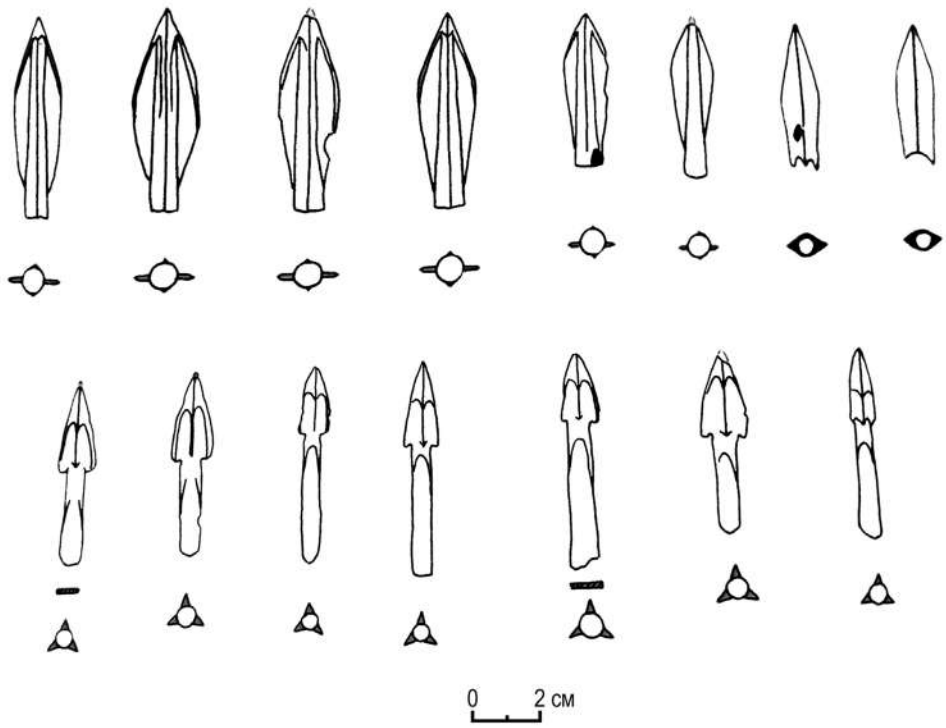


Рис. 2. Наконечники стрел (по: Б. Нурмуханбетову)

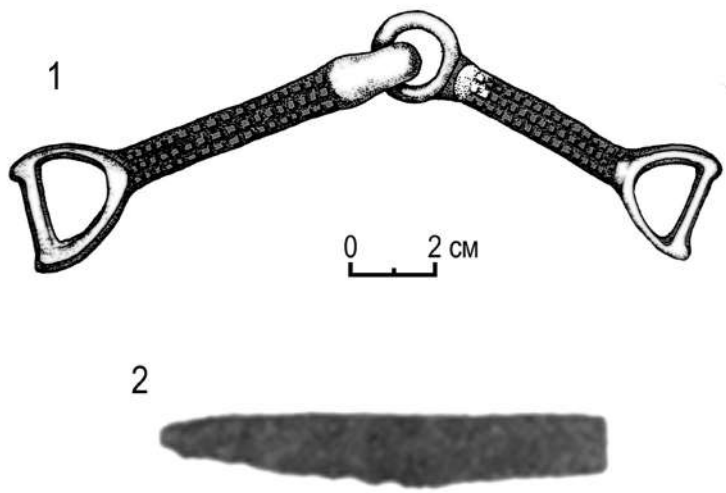


Рис. 3. Найденные находки в 1991 г.: 1 – бронзовые удила; 2 – медный обломок ножа (по: Б. Нурмуханбетову)

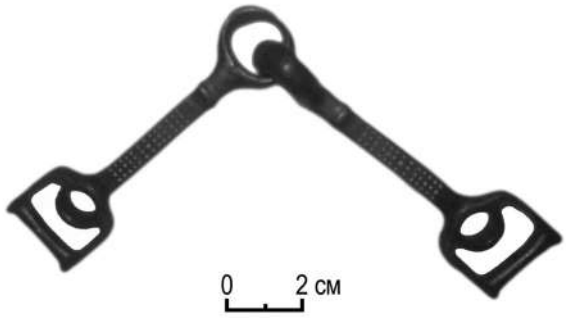


Рис. 4. Бронзовые удила с рифленым орнаментом
(случайная находка из Узынагаш, Алматинская область)

В 2018 году возникла возможность доисследования данного объекта.

После снятия дерна выявлена округлая в плане надмогильная конструкция из крупных плоских камней. В отличие от земляных курганов здесь была обнаружена каменная кладка (рис. 5, 6). Камни крупные, уложены по периметру. В плане читались три круга, расстояния между которыми забутованы более мелким камнем. Конструкция сооружена из окатанных камней (сероватый среднезернистый гранит) различных размеров от 25×10×8 см, до 65×35×25 см. Надмогильное сооружение представляет собой однослойную выкладку.

Рис. 5. Погребально-поминальный комплекс №14

Рис. 6. Наземное сооружение объекта №14. «Крепида»

На объекте после зачистки выявлены три четко оконтуренные могилы, ориентированные по линии З-В. Вскрытие могил производилось с восточной стороны. Размеры: 110×180 см, глубина – 1,10 м от дневной поверхности. При углублении в одной могиле на разных глубинах обнаружены каменный жертвенник (рис. 7) и удила (рис. 8).

Рис. 7. Каменный жертвенник

Рис. 8. Бронзовые удила

Погребально-поминальный комплекс представляет собой сооружение из камня, состоящее из двух частей – непосредственно надмогильное сооружение округлой формы диаметром 15×16 м и примыкающий к ней жертвенный комплекс или «кенотаф» такой же округлой формы диаметром 6×7 м. Аналогичные конструкции ранее были выявлены в Южной Сибири. В большинстве случаев курганы алды-бельской культуры располагаются парами – по два сооружения, вплотную примыкающих друг к другу (такая закономерность зафиксирована на могильниках Алды-Бель I, Чинге I, Хемчик-Бом III и V). Продольная ось каждого такого сдвоенного комплекса идет по линии север-юг (нередко с отклонениями). Сдвоенные комплексы чаще располагаются особняком, составляя как бы отдельные могильники (Грач, 1980, с. 22-30).

Следует отметить, что курганы (надмогильные сооружения) относящиеся к раннесакскому периоду имеют одну отличительную особенность – наличие конструктивно-семантического элемента – «крепиды» – кольца из камней более крупных размеров, нежели тех из которых сложен курган. Также довольно четко прослеживаются аналогии погребально-поминального комплекса с памятниками майэмирской культуры. Эта культура представлена каменными курганами с насыпью из массивных скальных обломков с двойным или одинарным кольцевым ограждением. Как и в предшествующий карасукский период погребения выполнялись в каменном ящике или в грунтовой яме. Могильные ямы четырехугольной формы ориентировались с запада на восток. Они были сложены из крупных скальных обломков весом до 30-40 кг.

Обе эти особенности характерны для нашего объекта. Другой отличительной чертой курганов алды-бельской и майэмирской культур является перекрытие могильных ям каменными плитами, где это не позволяли размеры камня, присутствовал так называемый «ложный свод». Такой же свод был зафиксирован при раскопках центрального захоронения в погребально-поминальном комплексе. Обобщенное описание памятников алды-бельской культуры дано А.Д. Грачем (Грач, 1980, с. 14). Для них характерны округлые или подовальные курганы из валунов или обломков горных пород с крепидой в основании из более крупных камней, размерами в среднем от 8 до 12 м и высотой до 1 м. Часто встречаются попарно (реже по три) расположенные курганы, вплотную примыкающие друг к другу по линии оси север-юг. На площади кургана находится

несколько погребений (от 1 до 7 и более), причем центральное погребение, как правило, сделано в каменном ящике из массивных плит, а остальные, принадлежавшие людям младших возрастных категорий, подросткам и детям, располагались дугой вокруг него, преимущественно с южной, западной или северной стороны (Грач, 1980, с. 24-25). Еще одной отличительной чертой погребального ритуала курганов алды-бельской культуры является помещение вблизи уровня древней поверхности у края могильных ям центральных захоронений, уздечных наборов, включавших удила со стремевидными окончаниями. Точно такие же особенности обряда мы отметили на погребально-поминальном комплексе, т.е. помимо центрального захоронения были обнаружены еще два с южной и северной стороны, а также конские удила со стремевидным окончанием стержня под насыпью вблизи от древней поверхности. А.Д. Грач обращал внимание на сходство предметов материальной культуры алды-бельской культуры с культурами расположенными по соседству и далеко к западу и юго-западу от Тувы. Это сходство выявляется при сопоставлении комплектов инвентаря алды-бельских курганов с алтайским Майэмиром и с памятниками тасмолинской культуры Центрального Казахстана. В то же время нельзя не отметить, что конструкция и погребальный обряд курганов тасмолинской культуры отличаются от алды-беля (Грач А.Д., 1980, с. 24-30). Такие представительные погребения среднего слоя, которые можно было бы сопоставить с «царскими» курганами Бесшатыра, ранее не были известны в Иссыкском регионе. Раскопки погребально-поминального комплекса дали уникальный материал по конструктивным особенностям захоронений раннего сакского периода на территории Жетысу.

Основной материал дал жертвенный комплекс, где были найдены наконечники стрел, нож и удила. Подробную характеристику предметов первого периода раскопок 1991 года дал Б. Нурмуханбетов. Расположение бронзовых раннесакских удил, в том числе со стремевидными окончаниями, а также комплексов из черешковых наконечников с трехгранно-трехлопастным в сечении пером и втульчатых наконечников, ромбическим сечением пера и двулопастных удлиненно-ромбической и вытянуто-пятиугольной формы характерно для памятников алды-бельской культуры в Туве (Нурмуханбетов, 2017, с. 252–254).

В целом, с учетом последних данных, комплексы из Тувы и Приаралья позволяют предположить, что хронологические рамки описанных типов наконечников стрел от середины VIII в. до н.э. и не позже VII в. до н.э. Стоит обратить внимание на то, что сводчатая головка трехлопастных и трехгранно-трехлопастных черешковых наконечников – сравнительно поздний признак в пределах раннего этапа скифо-сакского времени.

На первом этапе раскопок были обнаружены также артефакты из главного сооружения: каменный жертвенник – терка, однокольчатые удила и фрагменты охры. Уникальность подобных удил заключается в том, что внешние кольца разные по форме. Одно из окончаний имеет стремевидную форму, а второе – округлое. Подобные удила встречаются на территории Монголии (Грач, 1980, с. 26) и Жетысу (Максимова, 1960, с. 62). Разные по форме окончания удила ближе к девятому типу по П.И. Шульге (2008, с. 71).

Таким образом, в погребально-поминальном комплексе №14 были найдены удила с окончаниями трех типов. При перекрестной датировке с наконечниками стрел мы должны констатировать факт того, что однокольчатые удила с округлым окончанием стержня имеют нижнюю датировку в Жетысу VII в. до н.э.

Каменные жертвенники, аналогичные найденному, имели довольно широкое хождение. Они встречаются в погребениях раннего сакского этапа в Приаралье, Северном и Центральном Казахстане и крайне редко в Жетысу.

Список литературы

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: АН КазССР, 1963. – 320 с.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 38-63.

Бесетаев Б.Б. Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2016. №2 (33). – С. 41-52.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). – М.: Наука, 1973. Т. 8. – 160 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия», 1997. – 187 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – С. 303-433.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 21-36.

Максимова А.Г. Курганы сакского времени могильника Джувантобе // КСИИМК. – М.: АН СССР, 1960. № 80. – С. 60-64.

Нурмуханбетов Б.Н. Комплекс раннесакского времени из Жетысу // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т.2. – С. 252-257.

Чекин А., Тулегенов Е., Иванов С., Бесетаев Б. «Третий клад» эпохи раннего железного века из г. Иссык (предварительная публикация) // Материалы международной научно-методической конференции «X Оразбаевские чтения». – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – С. 90-98.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннеҥ скифское время. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2008. – 276 с.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Г.Т. Амиргалина
Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата
Кызылорда, Казахстан
G.T. Amirgalina
Kyzylorda State University named after Korkyt Ata
Kyzylorda, Kazakhstan
E-mail: amirgalina81@mail.ru

КЕРАМИКА СО ЗНАКАМИ С ГОРОДИЩ СОРТОБЕ И ДЖАНКЕНТ

Работа выполнена в рамках научного проекта МОН РК Рег.№0118РК00571 «Этнокультурные связи тюрков-огузов с оседло-земледельческими племенами Приаралья в процессе становления городской культуры в низовьях Сырдарьи (I тысячелетие н.э.)», финансируемого по гранту Комитета науки МОН РК.

Аннотация. В данной статье рассматривается керамический материал со знаками с городищ Сортобе и Джанкент. Описание объекта исследования представляется отдельно по памятникам и раскопам, дается краткое описание каждого из найденных на указанных выше памятниках знаков, выявляются аналогии им и дается краткая попытка их интерпретации. В керамическом материале джетыасарских городищ, Сортобе и Джанкента прослеживается сходство и преемственность. Среди керамики из этих городищ есть изделия со знаками, которые более всего прослеживаются на Сортобе и Джанкенте. Изучению этих знаков, посвящена данная статья. В конце текста статьи приложена таблица знаков и рисунки.

Ключевые слова: Джетыасар, болотные городища, Сортобе, Джанкент, керамика, знак, тамга.

Сортөбе және Жанкент қалашықтарынан табылған белгілері бар керамика

Түйін. Мақалада ортағасырлық Сортөбе және Жанкент қалашықтарынан табылған белгілері бар керамикалық материал қарастырылады. Зерттеу объектісінің сипаттамасы ескерткіштер мен қазбалар бойынша жеке ұсынылады. Автор жоғарыда көрсетілген ескерткіштерден табылған белгілердің әрқайсысына қысқаша сипаттама беріп, оларға ұқсас аналогтарын анықтайды және оларды түсіндіруге қысқаша әрекет жасайды. Жетіасар мәдениеті қалашықтары, Сортөбе және Жанкент қалаларының керамикалық материалдарында ұқсастықтар мен сабақтастық байқалады. Олардан табылған керамикалық бұйымдар арасынан Сортөбе және Жанкент қалаларының керамикалық бұйымдарында салынған белгілері көптеп кездеседі.

Мақала осы белгілерді зерттеуге арналған. Мақала мәтінінің соңында белгілер мен суреттер кестесі қоса берілген.

Түйін сөздер: Жетіасар, Батпақтағы қалашықтар, Сортобе, Жанкент, керамика, белгі, тамға – таңба.

Ceramics with signs from towns Sortobe and Dzhankent

Annotation. This article discusses ceramic material with signs from the sites of Sortobe and Dzhankent. The description of the object of study is presented separately for monuments and excavations, a brief description of each of the signs found on the above monuments is given, analogies are revealed to them and a brief attempt is made to interpret them. Similarity and continuity can be traced in the ceramic material of the Jetyasar settlements, Sortobe and Jankent. Among the ceramics from these sites there are products with signs, which are most of all traced on Sortobe and Dzhankent. The study of these signs is devoted to this article. At the end of the text of the article is attached a table of signs and pictures.

Keywords: Dzhetyasar, marsh settlements, Sortobe, Jankent, ceramics, sign, tamga.

Керамический комплекс, выявленный на раннесредневековых городищах Сортобе и Джанкент, находит аналогии в керамике джетыасарской культуры, преимущественно в материалах третьего, завершающего ее этапа. На городище Сортобе прослеживается джетыасарский керамический материал VI-VIII вв. и керамический материал аналогичный керамике IX-X вв. с городища Джанкент. Как показывают результаты двухгодичного исследования городище Сортобе (2017-2018 гг.) могло существовать в VIII-X вв., затем, в связи с изменением русла реки Сырдарья, вполне возможно, что население города было вынуждено переселиться в одно из «болотных городищ» – Джанкент (Курманкулов, 2011, с. 31). В керамическом материале джетыасарских городищ Сортобе и Джанкента прослеживаются сходство и преемственность. Среди керамики из этих трех памятников есть изделия со знаками, которых больше всего на Сортобе и Джанкенте. Изучению этих знаков посвящена данная статья.

Раннесредневековое городище Сортобе расположено в Кармакшинском районе Кызылординской области в 10 км западнее от поселка Жусалы на одном из изгибов реки Сырдарья, и находится в аварийном состоянии. Впервые памятник был исследован в 2006 г. научным сотрудником ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК А. Абу (Әбу, 2008, с. 40-43). В 2007 г. на городище были проведены рекогносцировочные работы разведывательным отрядом Чирик-Рабатской археологической экспедиции под руководством Ж. Курманкулова и научными сотрудниками ТОО «Международный научно-исследовательский центр «Археолог» под руководством М. Елеуова. В 2017 г. по заказу Государственного коммунального учреждения «Управление культуры, архивов и документации Кызылординской области» на городище начались исследовательские работы, которые продолжены и в 2018 году. Исследования заключались в изучении двух объектов – раскопа 1 (далее Р1) – разрез южной стены (восточный склон холма) и раскопа 2 (далее Р2) – жилой комплекс, откуда получен интересный керамический материал.

Знаки на керамике с городища Сортобе. Керамика со знаками из Р1 – разреза южной стены городища, представлена двумя предметами.

1. Фрагмент венчика крупного корытообразного сосуда (индивидуальный шифр: Сорт. – 2017, Р1, кв. 1, -30 см). На внешней поверхности посуды ниже края венчика имеется антропоморфный налеп в виде фигуры человека с раскинутыми руками и ногами (рис. 1, *1*). Следует заметить, что эта фигура также напоминает основание очажной подставки, имеющихся в жилищных помещениях Сортобе, которые ближе всего схожи с цельной шкурой барана. Величина налепа – 7,5 см. Подобные налепы ранее неоднократно встречались на крупных хумах из джетыасарких городищ, которые по определению Л.М. Левиной названы «танцующими» фигурками (Левина, 1996, с. 247, рис. 170). По ее сведениям, подобные налепы встречаются на посуде, датируемой концом II и III этапов джетыасарской культуры – VII-IX вв. н.э. (Левина, 1971, с. 229). Л.К. Левина отмечает, что подобные налепы также характерны для керамики памятников низовий Сырдарьи и западного Семиречья (там же, с. 62).

Рис. 1. Керамика со знаками с городища Сортобе

2. Фрагмент лепной кружки цилиндрической формы с утерянной горловиной (индивидуальный шифр: Сорт. – 2017, Р1, помещение 1, -136 см). По центру тулова имеются следы отломанной ручки. На внешней поверхности дна кружки по сырой глине прочерчен знак в виде овала, прорезанный поперек прямой линией (рис. 1, *2*). Аналогичный знак выявлен на керамике городища Сидак (Смагулов, 2014, с. 185, рис. 1, *47, 74*; рис. 2, I – *87*, II – *87*).

Керамика со знаками с Р2 – жилого комплекса – представлена пятью предметами.

3. Дно лепного сосуда (индивидуальный шифр: Сорт. – 2018, Р2, кв. Г3 -173 см). На внешней поверхности его дна имеется прочерченный по сырой глине орнамент, в виде схематизированного изображения птичьей лапки (рис. 1, *3*). Подобный знак широко

представлен среди знаков орхоно-енисейского письма (Кызласов, 1998, с. 76, рис. 1, знак № 2, с. 78, рис. 4, знак № 3). Подобный знак встречается и на известной Иссыкской надписи с серебряной чаши из кургана Иссык IV в. до н.э. (Акишев, 1978, с. 58). По мнению некоторых исследователей, знаки данной надписи во многом соответствуют древнетюркским руническим звуковым символам, а именно орхоно-енисейскому знаку, обозначающему звук «iÇ», связанный с тюркской глагольной основой «пить» (Алили, 2014, с. 55, 57). Знак в виде «следа птичьей лапы», сложенный из круглых оттисков, фиксируется и на хуме из Сидака (Смагулов, 2013, с. 214, рис. 3, *1*).

4. Горловина лепного кувшина с выгнутым наружу венчиком, носиком-сливом и налепной ручкой (индивидуальный шифр: Сорт. – 2018, Р2, кв. В3 -195 см). На внешней поверхности сосуда у основания слива имеется резной орнамент в виде креста. Знак нанесен на сырую глину (рис. 1, *4*). Крест – наиболее распространенный знак на керамике из рассматриваемой нами коллекции. Он отмечен на внешней поверхности дна сосуда баночной формы с городища Джеты-асар № 3 (джетыасарская культура) (Левина, 1971, с. 17, рис. 3, *160*) и на плечике широкогорлого кувшина из городища Шурали-сай (каунчинская культура) (Левина, 1971, с. 157, с. 155, рис. 53, *45*). Крест часто встречается на керамике и игральных костях городища Сидак (Смагулов, 2014, с. 185, рис. 1,*59,72*). Резной крест на керамике также напоминает знак «Х» орхонского алфавита (Кызласов, 1998, с. 78, рис. 4, № 19).

5. Лепная кружка цилиндрической формы со слегка выгнутой наружу горловиной (индивидуальный шифр: Сорт. – 2018, Р2, кв. Г3, -242 см). По центру тулова налеплена кольцеобразная ручка. На внешнем дне кружки имеется резаный по сырой глине знак, основу которого составляет крест, взятый в круг. Круг образован из двух резных дуг (рис. 1, *7*). В числе клановых знаков из городища Сидак в одном случае встречается похожий знак, основу которого составляет крест, взятый в круг (Смагулов, 2013, с. 185, рис. 1,*46*). Такой же знак есть в верхнеенисейском алфавите, дающий значение звука d/ed (Кызласов, 1998, с. 76, рис. 1, №7).

6. Фрагмент лепной миски открытой формы со слегка выгнутым наружу венчиком (индивидуальный шифр: Сорт. – 2017, Р2, разрез, -398 см). Дно оформлено круглой площадкой слегка вогнутой во внутреннюю сторону. По его центру прослеживается процарапанный по ангобированной и обожженной поверхности знак, на первый взгляд, похожий на печатную букву «М» и вместе с тем, поминающий арабскую букву «ع» – айн (рис. 1, *5*). Поиск аналогий остановлен на средневековом сосуде из цитадели с городища Туркестан, на котором имеется руническая надпись, где дважды повторяется этот элемент (Смагулов, 2013, с. 97-98, рис. 11, *1-3*). Такой же знак встречается и на фрагментированном сосуде из городища Сауран (Кызласов, 2013, с. 165, рис. 1-2).

7. Фрагмент дна лепного сосуда (индивидуальный шифр: Сорт. – 2018, Р2, кв. Б4). На его внешней поверхности имеется резной знак в виде креста (рис. 1, *6*). Крест нанесен на посуду до обжига.

Знаки на керамике с городища Джанкент. Керамика со знаками из Р1 – разреза внешней стены – представлена восемью предметами.

1. Лепной хум крупных размеров (инвентарный шифр: Дж-2005, Р1, помещение 5). На внешней поверхности посуды в области плечиков имеются два противоположно размещенных налепных знака в виде креста (рис. 2, *1*). Аналогии такому кресту можно

проследить на крупных сосудах памятников каунчинской культуры (I до. н.э. – началом VIII вв. н.э.) Ак-тобе 2 и Алимбай-тепе (Левина, 1971, с. 120, рис. 36, *15*; с. 155, рис. 53, *63*).

Рис. 2. Керамика со знаками с городища Джанкент

2. Лепной кувшин (индивидуальный шифр: Дж-2007, P1, помещение 5) практически целый с прямой горловиной, слегка раздутым туловом и налепной ручкой. На внешней поверхности кувшина у нижнего основания ручки имеются три процарапанных знака в два ряда. Верхний знак напоминает перевернутые рога, основание которых начинается с нижнего края ручки сосуда. Второй ряд сложен из двух знаков, первый из которых – две параллельные линии, следующий – крест, на котором края двух пересеченных линий соединены прямой линией (рис. 2, *2*). Все три знака процарапаны по внешней поверхности обожженной посуды у основания ручки. Точных аналогов первому знаку не удалось найти, с натяжкой прослеживается его схожесть со знаком

на сосуде с изображением лежащего козла из Сидака, где в виде полукружий передано туловище животного (Смагулов, 2013, с. 220-221, рис. 9, *3*). Вполне возможно, что этот знак «передает» схематизированный образ барана или «бараньих рогов», который в виде резного орнамента широко распространен на джанкентской керамике (Амиргалина, 2014) и в целом на керамике присырдарьинского региона кангюйского периода. Второй и третий по очередности знаки находят аналогии среди знаков святилища Сидак (Смагулов, 2013, с. 185, рис. 1, *34-35, 39*). Тамга, схожая с третьим знаком на нашем сосуде, но с дополнительной палочкой спереди, нанесена на хум, где «хранились очищенные кости умерших» (Смагулов, 2014, с.175, с. 185 рис. 1, *34*). Этот знак, по определению авторов, является тамгой родственника одного из отрарских правителей-тюрок (там же).

3. Фрагмент лепного хума (индивидуальный шифр: Дж-2013, Р1). На внешней поверхности черепков, относящихся к плечику хума, имеются процарапанные после обжига знаки в виде двух букв из арабского алфавита «ﺍ» – алиф и «ﻭ» – уау (рис. 2, *3*). Не исключено сходство данных знаков с орхоно-енисейскими знаками, где «ﺍ» соответствует орхоно-енисейскому «S» (Алили, 2014, с. 54), а знак «ﻭ» схож со знаком орхонского алфавита из Восточного Туркестана (Кызласов, 1998, с. 78, рис. 4, № 9).

4. Фрагмент лепного хума (индивидуальный шифр: Дж-2014, Р1, 95/103, -152 см). На внешней поверхности черепка имеются два процарапанных после обжига знака, расположенных на одной линии. В одном случае это две параллельные линии, в другом – зафиксирована лишь часть знака из двух параллельных линий, на конце одного из которых имеются два резных круга, соединенных между собой (рис. 2, *4*). Первый знак аналогичен сидакским клановым знакам (Смагулов, 2013, с. 185, рис. 1, *39*), аналогии второму знаку пока не обнаружены.

5. Фрагмент венчика лепного сосуда (инвентарный шифр: Дж-2014, Р1, 95/106). На внутренней поверхности черепка имеются процарапанные после обжига знаки, расположенные по косой линии. Первый знак – три параллельные линии (рис. 2, *5*), второй знак напоминает арабскую букву «ﻉ» – айн.

6. Сосуд, сформованный на гончарном круге, покрытый белой глазурью, с утерянным венчиком (индивидуальный шифр: Дж-2015, Р1, кв. 98/96, -396 см). На внешней стороне плоского дна поверх глазури процарапан знак, точнее надпись, напоминающая арабскую вязь (рис. 2, *6*).

7. Лепной кувшин (индивидуальный шифр: Дж-2016, Р1, кв. 100/103, -396 см) с высокой, суженной к устью горловиной, выгнутым наружу венчиком, с раздутым, но приземистым туловом. На плоском дне имеется резной орнамент из двух линий, расположенных почти параллельно друг другу, но на разных уровнях, они соединены между собой дугообразной линией. Знак нанесен по сырой глине (рис. 2, *7*). Поиск аналогий данному знаку не дал результатов.

8. Фрагмент дна лепного (индивидуальный шифр: Дж-2018, Р1, кв. Б4, -98 см) сосуда. На внешней поверхности черепка имеется резной орнамент, основу которого составляет круг неправильной формы с шестью радиусами. За кругом с двух противоположных сторон от него отходят по две параллельные друг другу линии. Знак нанесен по сырой глине (рис. 2, *8*). Вполне возможно, что данный знак аналогичен знаку № 5 из Сортобе, описанный выше.

Керамика со знаками из Р2 – разреза внешней оборонительной стены – представлена тремя предметами.

9. Два фрагмента дна лепных кружек (индивидуальный шифр: Дж-2012, Р2), обнаруженных недалеко друг от друга. На внешних поверхностях обеих черепков по центру нанесены резные знаки в виде схематизированных восьмерок. Знаки нанесены до обжига по сырой глине (рис. 2, *10-11*). Данный знак аналогичен двум знакам на черепке сосуда из городища Сауран (Каратобе). Авторы исследования этого сосуда определяют время его бытования примерно X веком (Кызласов, 2013, с. 165-166, рис. 1 – 2). Схожие знаки можно проследить и среди множества тамг, обнаруженных на керамике святилища Сидак (Смагулов, 2014, с. 185, рис. 1, *73*).

10. Фрагмент дна лепной кружки (индивидуальный шифр: Дж-2012, Р2). На внешней поверхности донца прослеживается резной орнамент. На обломке дна сохранен лишь его фрагмент, напоминающий лепесток и еще одну дополнительную линию (рис. 2, *13*).

11. Лепная кружка цилиндрической формы со слегка выгнутой наружу горловиной (индивидуальный шифр: Дж-2012, Р2, разрез, кв. 104/103-104, -374 – 380 см). По центру тулова имеются следы отломанной ручки. В придонной части кружки под ручкой из четырех дугообразных линий вырезан орнамент в виде двух полумесяцев. На внешней поверхности дна посуды имеется резной знак в виде креста, ограниченный с одной стороны дугой (рис. 2, *14*). Оба знака нанесены по сырой глине. Второй знак напоминает незавершенный знак № 5 с городища Сортобе, описанный выше.

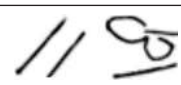
12. Лепная кружка цилиндрической формы со слегка выгнутой наружу горловиной (индивидуальный шифр: Дж-2014, Р2, разрез, кв. 103/101-103, -364-530 см). По центру тулова налеплена кольцеобразная ручка. На внешней поверхности ее дна имеется резной знак в виде креста, нанесенный по сырой глине (рис. 2, *12*).

Керамика со знаками из Р6 – внутреннего юго-западного угла цитадели – представлена одним предметом.

13. Лепная кружка с коротким горлом, раздутым туловом, четко оформленным дном и ручкой, напоминающей форму стилизованного животного (индивидуальный шифр: Дж-2016, Р6, кв. 101/102, -244 см). Кружки подобной формы встречаются среди джетыасарской керамики с поселения Актобе 2 (Левина, 1971, с. 132, рис. 44, *93-95*). Внешняя поверхность тулова кружки украшена резным растительным орнаментом. На внешней поверхности дна посуды имеется резной знак из круга, по центру которого нанесены две параллельные линии, не смыкающиеся с линией круга (рис. 2, *9*). Аналогий ему пока не найдено.

Таким образом, в нашей коллекции керамического материала из Сортобе и Джанкента имеется 21 изделие с 27 знаками, 10 из которых происходят из Сортобе, 17 – из Джанкента. Все эти знаки представлены ниже в таблице (табл. 1).

Среди керамики со знаками с городищ Сортобе и Джанкент пока не прослеживаются особенные, часто повторяющиеся знаки. На Сортобе выявлено десять видов знаков, из которых дважды встречается знак в виде креста, все остальные представлены по одному разу. На керамике Джанкента зафиксировано 17 видов знаков, из которых схематизированная восьмерка и косые параллельные линии повторяются дважды. Нанесенные знаки не ограничиваются определенной категорией керамики. Вид знака также не связан с формой или типом посуды. Все знаки нанесены на внешнюю поверхность посуды, за исключением одного случая на Джанкенте (рис. 2, *5*).

№	Городище	Объект	Знак
1	Сортобе 2017	Раскоп 1 -398 см	
2	Сортобе	Раскоп 2	
3	Сортобе	Раскоп 2 -175 см	
4	Сортобе	Раскоп 2 -173 см	
5	Сортобе	Раскоп 1, -136 см	
6	Сортобе 2017	Раскоп 1, -30 см	
7	Сортобе 2018	Раскоп 2 -242 см	
8	Джанкент	Раскоп 2, -364 см	
9	Джанкент	Раскоп 1	
10	Джанкент	Раскоп 1	
11	Джанкент 2012	Раскоп 2	
12	Джанкент 2012	Раскоп 2	
13	Джанкент	Раскоп 1	
14	Джанкент 2014	Раскоп 1, -152 см	
15	Джанкент 2016	Раскоп 6, -244 см	
16	Джанкент 2007	Раскоп 1	
17	Джанкент 2016	Раскоп 1, -396 см	

18	*Джанкент 2018*	Раскоп 1, -98 см	
19	*Джанкент*	Раскоп 2, -380 см	
20	*Джанкент 2012*	Раскоп 2, -380 см	
21	*Джанкент 2012*	Раскоп 2	
22	*Джанкент 2005*	Раскоп 1	
23	*Джанкент 2013*	Раскоп 1	
24	*Джанкент 2015*	Раскоп 1	

В рассматриваемой коллекции керамики прослеживается три способа нанесения знаков: 1 способ – знак наносился по сырой глине до обжига и ангобирования путем прочерчивания; 2 способ – знак наносился уже на готовый обожженный и ангобированный сосуд путем процарапывания; 3 способ – знак из кома сырой глины налеплен на сосуд до обжига и ангобирования. При первом способе нанесения знака в качестве инструмента могла быть использована палочка из разного материала, степень твердости которого не имела особой значимости. Напротив, при втором способе нанесения знака, вероятно, использовался твердый инструмент, для удобства процарапывания твердой поверхности.

Представленные выше аналогии знакам из городищ Сортобе и Джанкент, найдены среди материалов географически близкой джетыасарской (II-го и III-го этапов, датируемые IV-VIII вв. н.э.) и каунчинской (I до. н.э. – началом VIII вв. н.э.) культур, среди материалов (второй половины VII в. – первой половины VIII в.) городища Сидак, среди материалов X века городища Сауран и керамики, датируемой IX-X вв., из Туркестана. Аналогии знакам на керамике прослеживаются и на более отдаленных памятниках, среди которых курган Иссык (IV в. до н.э.). Похожие знаки фиксируются и на верхнеенисейских надписях (VIII – XI вв. н.э.) из Тувинской котловины и среди орхонского алфавита из Восточного Туркестана (VIII в. н.э.) (Кызласов, 1998, с. 76-77). Знаки в виде «ᛗ», «ᚷ», «ᛞ», «ᛁ» аналогичны руническим знакам ачикташского алфавита (VII-IX-X вв. н.э.), который, по определению И.Л. Кызласова, принадлежит к западной ветви рунического письма. Кроме того, нахождение на Джанкенте двух сосудов с элементами арабского письма подтверждают мысль ученого о том, что в мусульманизированных присырдарьинских городах наряду с арабской письменностью продолжала существовать и более ранняя ачикташская руническая письменность (Кызласов, 2013, с. 172), которой могли владеть ремесленники-гончары. Однако, по этнографическим исследованиям гончарного производства Е.М. Пещеревой в пределах Средней Азии

(Таждикистан, Узбекистан), следует, что особых наносимых на керамику знаков, женщины не имеют, а используют ряд определенных знаков известных всем (Пещерева, 1959, с. 109), среди которых наиболее часто встречающиеся – прямой и косой кресты и косые параллельные лини. Вместе с тем в Средней Азии гончары до сих пор используют знак в виде арабской буквы «و» – уау (там же), смысл и значения знака на керамике определяют, с одной стороны, как показатель собственности, с другой – как элемент магической охраны (там же, с. 110). А если говорить о знаках на керамике как о магических элементах, то можно отметить и потеки на керамических сосудах с Сортобе и Джанкента, нанесенные на плечики крупных хумов таким способом, что длинные капли растекались по внешней поверхности посуды, достигая дна.

Знаки на керамике из городищ Сортобе и Джанкент, схожи с множеством знаков или тамг с памятников Присырдарьинского региона и Южного Казахстана. Аналогичные знаки встречаются не только на керамике, но и среди письменных источников, среди которых отдаленные орхонские и енисейские руны. Широк и хронологический диапазон памятников с аналогичными знаками. Безусловно, внешняя схожесть одиночных знаков на нашей керамике с орхонскими и енисейскими руническими буквами не позволяют однозначно говорить об их связи с последними. В этой связи будет вполне уместным упомянуть этнографические данные Е.М. Пещеревой из Средней Азии, по сведениям которой у каждой женщины, изготавливающей керамическую посуду для продажи, есть свой знак – нишон (каз. нышан – знак), которыми они помечают посуду. Однако разные мастерицы могли наносить на свою керамику один и тот же нишон, а ответить с какой целью они его наносили, женщины не могли (Пещерева, 1959, с. 110). Таким образом, были ли знаки на керамике из городищ Сортобе и Джанкент знаками собственности, родовыми тамгами или руническими буквами пока сложно определить.

Список литературы

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: «Искусство», 1978. – 132 с.

Алили Э. Испытание клятвы: новая интерпретация Иссыкских надписей // «Mangilik El» Международный научно-популярный исторический журнал. Астана, 2014. № 1. – С. 52-57.

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. – Алматы, Издательство: «Арыс», 2014. С. 188-240.

Әбу А.Ж. Сыр елінің тарихынан сыр шертер жәдігер // ҰҒА Хабаршысы. Қоғамдық ғылымдар сериясы. №1. – 2008. С. 40-43.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков // РА. 1998. №1. –С. 77-83.

Кызласов И.Л. Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы, 2013. № 3. – С. 164-173.

Құрманқұлов Ж.Қ., Аржанцева И.А., Тәжекеев Ә.Ә. Сырдарияның төменгі ағысы бойындағы оғыз қалалары жетіасар мәдениетімен байланысы // Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің хабаршысы. Қызылорда, 2011. № 2. – С. 27-32.

Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. – М., 1971. –252 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М., 1996. – 396 с.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. – М.-Л., Издательство: АН СССР, 1959. –375 с.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения. 2011-2012 гг. // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы, 2013. № 3. – С. 82-99.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Графити Сидака // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы, 2013. № 3. – С. 210-226.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Тамгообразные знаки из доисламских слоев памятников Туркестанского оазиса (Средняя Сырдарья) // «Кадырбаевские чтения» – 2014». Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Актобе, 2014. – С. 175-188.

Б.А. Байтанаев, А.А. Ергешбаев, А.Х. Шаяхметов
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
B.A. Baytanaev, A.A.Ergeshbayev, A.Kh. Shayakhmetov
Institute of archeology named after A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
baytanaev@mail.ru, aza.kz.85@mail.ru, toliktommy@gmail.com

«СТОРОЖЕВЫЕ БАШНИ» ИСПИДЖАБА

Аннотация. Целью данной работы является изучение памятников Караултобе Испиджабского историко-культурного округа. В работе приведены предварительные результаты разведочных и раскопочных археологических работ. Методы осуществления данных археологических исследований соответствуют современным стандартам. Для обследования памятников использовались методы наземной и воздушной разведки памятников, а также зондаж некоторых Караултобе. В ходе раскопок использовались стратиграфические шурфы и раскопы. Работы проводились в среднем течении долины реки Арысь и в предгорьях Каратау Туркестанской области Республики Казахстан. Объектами исследования являлись памятники в виде комплексов сооружений оборонительного характера Испиджабского историко-культурного округа. Стратиграфические данные, полученные при изучении всех объектов, показали, что они представляют собой искусственно возведенные насыпи с различными размерами. Выяснилось, что в некоторых случаях курганная насыпь вторично использована в качестве сигнального пункта путем усиления насыпи. В дальнейшем результаты, полученные во время исследования Караултобе Испиджабского округа, могут быть использованы в научных публикациях, учебниках и при создании сводов памятников.

Ключевые слова: Караултобе, стратиграфия, наслоения, разведочные работы, раскопочные работы, средневековье, археология, типология.

Испиджабтың «Күзет мұнаралары»

Түйін. Аталмыш жұмыстың мақсаты Испиджаб тарихи-мәдени аймағындағы Қарауылтөбе ескерткіштерін зерттеу болып табылады. Жұмыста барлау және археологиялық қазба жұмыстарының алғашқы нәтижелері баяндалған. Археологиялық жұмыстар барлық заманауи әдістемелерге сай жүргізілген. Зерттеу жұмыстарында жерден және әуеден барлау әдістемесі пайдаланылған. Археологиялық жұмыстар барысында стратиграфиялық қазбалар жасалынды. Жұмыстар Қазақстан Республикасы Түркістан облысы бойынша Қаратау тау бөктері мен Арыс өзені алқабының орта ағысында жүргізілді. Зерттеу нысаны Испиджаб тарихи-мәдени аймағындағы қорғаныс жүйе кешендері ретіндегі ескерткіштер болып табылды. Нысандарға жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында алынған стратиграфиялық деректер бойынша олар әртүрлі өлшемді және жасанды түрде көтерілген төбешіктер екені айқындалды. Кейбір жағдайларда қорғандағы үйінділерді қайта нығайтып, көтеру арқылы белгі беру бекеті ретінде пайдаланғаны анықталды. Алдағы уақытта Испид-

жаб аймағындағы Қарауылтөбелерді зерттеу кезінде алынған нәтижелері ғылыми мақалалар, оқулықтар жазуға және ескерткіштердің жиынтығын құру барысында пайдалануға болады.

Түйін сөздер: Қарауылтөбе, стратиграфия, қабаттар, барлау жұмыстары, қазба жұмыстары, ортағасыр, археология, типология.

«Watchtowers» of Ispidzhab

Annotation. The purpose of this work is to study monuments like Karaultobe of Ispidzhab historical and cultural district. The paper presents preliminary results of exploration and excavation archaeological works. The methods for carrying out these archaeological research are in accordance with modern standards. Methods of ground and aerial reconnaissance of monuments, as well as overture of some Karaultobe were used for the survey of monuments. During the excavation, stratigraphic shafts and excavations were used. The works were carried out in the middle reaches of the Arys River valley and in the foothills of Karatau of Turkestan region of the Republic of Kazakhstan. The research objects were monuments in the form of complexes of defensive structures of Ispidzhab historical and cultural district. Stratigraphic data obtained from the study of all objects showed that they are artificially built embankments with different sizes. It was found that in some cases, the mound embankment was re-used as a signal point by reinforcing the embankment. In the future, the results obtained during the Karaultobe study of Ispidzhab district can be used in scientific publications, textbooks and in creation of codes of monuments.

Keywords: Karaultobe, stratigraphy, layers, exploration works, excavation works, the Middle Ages, archaeology, typology.

В 2018 г. было начато археологическое изучение памятников типа Караултобе в Испиджабском историко-культурном округе. Полевые изучения Караултобе на юге Казахстана проводились ранее. Но до недавнего времени полевые работы ограничивались фиксацией памятника и сбора единичных артефактов.

Исследователи исторической топографии Южного Казахстана всегда обращали внимание на высокие одиночные холмы, называющиеся в народе «Караултобе». Подобные сооружения связаны с располагавшимися рядом городами и являлись частью градостроительства и, несомненно, фортификации.

Первой вехой в изучении Караултобе стала деятельность Туркестанского кружка любителей археологии. Один из курганов Караултобе, расположенный в 2 км к востоку от пос. Колтоган, на кромке левой надпойменной террасы реки Арысь, недалеко от группы курганов могильника Борижары, впервые был обследован Н.П. Остроумовым. Здесь в 1893 г. во время установки топографического знака был обнаружен глиняный сосуд, прикрытый металлической крышкой, в котором находился клад монет и украшений (Остроумов, 1899, с. 118-137). Данный памятник значится в Своде памятников истории и культуры Южного Казахстана как курган Караултобе, и отмечено, что холм, господствующий над долиной реки Арысь, служил в качестве сигнального места в позднесредневековом периоде (Свод памятников… 1994, с. 103, №143).

Некоторые известные на сегодняшний день Караултобе на территории юга Казахстана были зафиксированы именно при составлении свода памятников. Один из потен-

циальных Караултобе описан при составлении свода памятников Южно-Казахстанской области в комплексе с курганным могильником Ордабасы, расположенном на кромке одного из бугровидных останцев-выступов левой террасы реки Бадам. Данный курган был самым крупным среди цепочки курганов, который господствовал над окружающей местностью, и отмечается, что в XVIII-XIX вв. он использовался в качестве места сбора и сигнального холма (Свод памятников… 1994, с. 97, № 117). Следующий памятник в своде памятников ЮКО интерпретирован как «курган», расположенный в 2,5 км к юго-западу от пос. Чубаровка, недалеко от поймы реки Арысь, вдоль автодороги Шымкент-Темирлановка. Причем памятник датирован сакским временем и не исключено, что в позднее время насыпь с внушительными размерами могла использоваться как сигнальное место (Свод памятников… 1994, с. 114, № 173).

В 2007 г. при исследовании кургана, расположенного в г. Шымкенте на пересечении улиц Рыскулова-Кунаева, предполагалось, что под насыпью данного объекта располагалось погребальное сооружение. Однако стратиграфические исследования на памятнике показали, что в эпоху средневековья он использовался как сторожевой холм оборонительного характера. На дореволюционных картах данный объект обозначен как «Караул-тобе». Насыпь холма состояла из слоев с утрамбованным грунтом и обмазкой. В верхней части была устроена массивная глиняная платформа. С вершины этого холма хорошо просматривалась вся округа, особенно городище Шымкент (Байтанаев, 2012, с. 174-176).

Летом 2008 г. археологической экспедицией произведены стратиграфические исследования Караултобе, находящегося в 4 км к северо-востоку от пос. Сайрам, на высоком обрывистом берегу Тассая. Памятник представлял собой сильно оплывший конический бугор правильной формы. Диаметр памятника у подошвы около 70 м и высота его около 6 м. По полученным данным, время его функционирования относится к эпохе средневековья – X-XI вв. Холм выполнял функцию дозорной возвышенности и вместе с другими Караултобе оборонял оазис от внешних врагов (Байтанаев, Ергешбаев, 2010, с. 124-128).

В 2011 г. в 40 км к СВ от Шымкента был изучен памятник типа Караултобе, представляющий собой искусственную насыпь высотой 8 м при диаметре 100 м у основания, возведенную на высоте, с которой хорошо просматривается территория. Помимо следов горения, на верхней поверхности памятника были обнаружены подземные ходы-лабиринты под Караултобе. Ввиду отсутствия находок, памятник предварительно датирован временем подъема городской культуры под эгидой династии Саманидов и Караханидов (Байпаков, Воякин, Амиров, 2012, с. 94-98).

Сооружениям типа Караултобе отводилась роль сторожевых сооружений, которые размещались по оазису в пределах видимости из города и соседних возвышений. Наряду с длинными валами, высокими стенами, как это наблюдается в ряде памятников Южного Казахстана, эти объекты являлись частью обороны. Появление подобных систем обороны традиционно связывают с арабскими завоеваниями. Именно в этот период образовывается новый тип городов с новыми элементами фортификации (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 143-162).

Для защиты городов вне их территории в средневековый период, по мнению В.А. Лаврова, использовались три типа оборонительных сооружений: рибаты с неболь-

шим гарнизоном из местного населения, которые были усилены стенами, караван-сараи со строениями вдоль стен и хисны, защищавшие подступы к городу (Лавров, 1950, с. 79). А.Н. Бернштам, основываясь на данных арабских географов, дает определение хиснам, как сооружениям, мало отличающимся от тепе – замков, только имеющим большие размеры и примыкающие к ним укрепленные площадки (Бернштам, 1941, с. 39). В трудах средневековых арабских географов и в фундаментальных трудах прошлого столетия нет определения отдельно стоящему сторожевому сооружению. Имеются отдельные упоминания раннесредневековых Караултобе (Караултепа) у В.А. Нильсена, но не приводится характеристика сооружения, говорится только о назначении поселения – сторожевой характер (Нильсен, 1966, с. 111). Из этого можно сделать выводы, что название Караултобе имеет местное для Туркестанской области значение.

Одной из важнейших задач исследования Караултобе в полевом сезоне 2018 г. стали проведение поиска и фиксация археологических объектов подобного типа в предгорьях Каратау и долины реки Арысь. Археологическая разведка осуществлялась путем визуального обследования местности, предварительного изучения картографического материала, в отдельных случаях опираясь на опросные сведения, так как в народе некоторые из них носят название «Караултобе». Применялся метод естественного выявления аналогичных холмов путем осмотра горизонта с вершины одного из Караултобе, так как с данной позиции должен был просматриваться следующий холм. Таким образом, в процессе археологической разведки выявлялись потенциальные холмы Караултобе с последующей фиксацией точного расположения относительно местности.

Археологическая разведка проводилась по левому и правому берегу реки Арысь, в предгорьях Каратау, охватывая ее восточный и западный склоны. Исследованы округи средневековых и раннесредневековых городищ, таких как городище Ханкурган, Бала-Бугунь, Бабаата, Сыргесалдытобе, Жуантобе, Караспантобе и др. Всего выявлено 29 объектов (рис. 1). В отдельный комплекс выделены караульные дозорные пункты, сконцентрированные вокруг городища Бабаата, которое имело индивидуальную оборонительную систему.

Для определения структуры и типологии Караултобе были произведены разведочные раскопки. Полевые работы сконцентрированы на Караултобе Аккойлы-1 и 2, на Караултобе Кумышбулак, расположенном по левому берегу реки Арысь, в зоне урочища Бургенды вдоль небольшой речки Кумышбулак родникового питания, на Караултобе Мадани-1 и 2, расположенные по правому берегу реки Арысь. На всех объектах проводились стратиграфические исследования. На Караултобе Аккойлы-1 и 2 изучена верхняя площадка путем закладки раскопа с фиксацией горизонта по секторам.

Караултобе Аккойлы-1 возвышается над местностью. Данный объект является базовым Караултобе. Диаметр его у основания, как отмечалось выше, составляет 60-70 м, высота достигает до 6 м. Самый крутой склон – северо-восточный, юго-западная, юго-восточная части пологие. Насыпь холма местами потревожена поздними ямами. Изучение профилей стратиграфического шурфа 1, устроенного на Караултобе Аккойлы-1, показали, что холм имеет искусственно созданную структуру из единовременно сооруженных слоев, что характерно для подобного рода памятников. Сравнительный анализ результатов работ с изученными холмами, такими как Караултобе Сайрама и Шымкента, показывает, что при возведении этих холмов предварительно была подго-

товлена основа, представляющая из себя отдельные прослойки, между которыми идет довольно плотный утрамбованный слой. Чередуя эти слои, добивались определенной высоты.

Дозорный Караултобе Аккойлы-2 расположен в 4,5 км к югу от базового Караултобе Аккойлы-1. Диаметр у основания 50 м. Высота составляет 3,5 м. Наиболее крутой склон – северо-восточный. Как показали профили шурфа-2, под рыхлыми оплывами толщиной до 70 см идет насыпной грунт с соответствующей трамбовкой до уровня IV яруса. Насыпной грунт представлял собой отдельные прослойки темно-коричневого оттенка, между которыми идет слой утрамбованной глины. По нижним слоям можно судить, что поверхность предварительно была нивелирована. По фрагментам керамики раннего периода ясно, что под холмом располагалось погребение. Позднее уже в средневековый период холм был перестроен путем усиления насыпи кургана и использован как сторожевой пункт. Судя по высоте и сравнительно небольшому диаметру объекта, подобные холмы могли использоваться как промежуточные сторожевые пункты, которые располагались между основными базовыми дозорными башнями. На основе данного объекта имеется курганная насыпь, как это наблюдается в некоторых Караултобе Испиджаба.

Караултобе Ордабасы расположен в 2 км к востоку от пос. Ордабасы, недалеко от родника Кокбулак, по левому берегу реки Бадам на гряде естественного происхождения. Гряда имеет вытянутую форму в направлении С-Ю с небольшими отклонениями. Караултобе представляет собой бугор трапециевидной формы с небольшой площадкой на поверхности. Диаметр холма у основания 75 м. Объект описан при составлении Свода памятников Южно-Казахстанской области в комплексе с курганным могильником Ордабасы, расположенном на кромке одного из бугровидных останцев-выступов левой надпойменной террасы реки Бадам. Данный курган был самым крупным среди цепочки из пяти курганов, который господствовал над окружающей местностью. Исследователи отнесли курганный могильник к сакскому времени. Отмечается, что в XVIII-XIX вв. он использовался в качестве места сбора и сигнального холма (Свод памятников… 1994, с. 97, №117). Рядом с Караултобе и могильником Ордабасы, в нескольких сотнях метров восточнее от него, имеется современный памятник, возведенный в честь курултая ханов, султанов и биев 1728 г. для создания ополчения джунгарскому нашествию (История Казахской ССР... 1979, с. 22). Судя по стратиграфии памятника можно предположить, что здесь была довольно-таки высокая конструкция из глинобитного кирпича. Вполне возможно, что эта конструкция была намного выше, которая впоследствии подверглась естественному разрушению. Наличие фрагмента керамики раннесредневекового периода между кирпичами в межкладочном растворе позволяет предположить, что данное сооружение было воздвигнуто в эпоху раннего средневековья.

Материалы, обнаруженные во время раскопок на Караултобе Аккойлы-1 и 2, на Караултобе Кумышбулак и на Караултобе Мадани-1, дали основание полагать, что время возведения данных памятников – средневековый период.

Материалы Караултобе Аккойлы-1 представлены небольшим количеством керамики и металлических изделий из шурфа и раскопа на поверхности. Были обнаружены: фрагмент боковины сосуда – водоносного кувшина, изготовленного на гончарном круге. Тесто плотное, обжиг ровный, в изломе светло-коричневого оттенка. Судя по харак-

теристикам, этот сосуд относится к позднему средневековью и не связан со временем возведения данного холма. Среди находок раскопа имеются: фрагмент боковины водоносного сосуда, а также медный перстень, найденный в рыхлых отложениях на 60-70 см. Также найдены два фрагмента медных монет. Оба фрагмента размерами 1-1,5 см, сохранность плохая. На аверсе выделяется квадратный ободок – имитация квадратного сквозного отверстия, характерного для раннего средневековья. Третье медное изделие размерами 8 см, выполнено в виде кольца.

Материалы Караултобе Аккойлы-2 представлены фрагментами керамических сосудов, выявленных на уровне до 1,5 м. Керамика происходит из рыхлых оплывов и предварительно датируется средневековым периодом. Были обнаружены узкогорлый кувшин с прямым венчиком со слегка отогнутым наружу краем, к которому крепилась вертикальная ручка с небольшой бороздой по поверхности. Качество теста хорошее, с большей долей вероятности данный сосуд относится к развитому средневековью. Также были зафиксированы обломки кувшинов, кружек и горшков с плохой сохранностью. При визуальном обследовании в охранной зоне данного объекта был получен подъемный материал: это навершие ручки светильника-чирага треугольной формы с несколькими гранями. Ручка покрыта бирюзовой глазурью, на поверхности имеется прочерченный орнамент. Второй фрагмент – от донца кувшина, изготовленного на гончарном круге. Сосуд был покрыт коричневым ангобом и залощен. Подъемный материал предварительно датирован X-XII вв., что подтверждает временное обживание данного участка именно в этот период, когда, скорее всего, производились этапы строительства, либо эксплуатации данного холма (рис. 2, *1-5*).

С уровня II яруса происходит обломок медной тюргешской монеты с квадратным отверстием в центре. Также найдена верхняя часть кольца с инкрустацией, камень не сохранился (рис. 2, *6-7*).

Материалы Караултобе Кумышбулак немногочисленные. С уровня V яруса найдены боковины кувшина ручной лепки. Также обнаружен один маленький фрагмент боковины тонкостенного сосуда с плотным тестом, в изломе серого оттенка. На поверхности имеется прочерченный по сырому тесту орнамент. С уровня VII яруса зафиксирован фрагмент медного бубенца. В северо-западной части насыпи под дерновым слоем найден обломок медной монеты, сохранность очень плохая.

При зачистке грабительского лаза на поверхности холма найден фрагмент серебряной монеты диаметром 2,5 см. На монете изображено подражание сасанидскому царю. Надпись рядом с лицом практически не видна (рис. 2, *8*). На обратной стороне монеты изображен алтарь огня, над ним лицо царя, справа и слева от алтаря видны два жреца. Монета Бухархудатского типа (Ртвеладзе, 1986, с. 156-157). Монеты Бухархудатов чеканились и в период Арабского халифата и позже находились в рыночном обороте, вплоть до XII в. Б.Д. Кочнев относит подобные монеты ко второму типу (Кочнев, 1990).

Материалы Караултобе Мадани-1 представлены подъемным материалом. Обнаружены обломки одной медной монеты, радиус которой составляет около 7 см. Датировка – эпоха Караханидов. Еще один фрагмент медного изделия, скорее всего подвеска, либо поясная накладка.

При осмотре поверхности холма Караултобе Карабулак был получен подъемный материал, представленный двумя фрагментами монет. Они датированы второй половиной

X – началом XI в. (рис. 2, *9-10*). Серебряный фрагмент монеты, похоже, принадлежал ко времени правления династии Буидов, самой могущественной среди династий Аббасидского халифата до прихода к власти Сельджукидов, просуществовавшая в период с 932/5 по 1055/62 годы (Босворт, 1971, с. 137-140; Казанцев, 2006, с. 72-75).

Материалы из слоев Караултобе Ордабасы малочисленны. Было обнаружено несколько фрагментов в районе кладки и в средней части памятника. На глубине VI яруса в самой кладке был обнаружен фрагмент горловины водоносного кувшина, типичного для раннесредневекового периода. Сосуд был сформован на гончарном круге, тесто имело хорошее качество и высокотемпературный обжиг. В средней части памятника в слоях по уровню VIII яруса были обнаружены два обломка керамических сосудов. Эти обломки имели высокотемпературный обжиг.

В западной части памятника обнаружены фрагменты костей, железной руды и предметов обихода. Фрагменты железной руды магнитятся, возможно, они являются случайными в данной части памятника. Поверхность данных фрагментов никак не обработана, следов выбивания их из породы обнаружено не было. Интересным является находка бронзового зеркала. Этот фрагмент имел закругленную форму и украшение орнаментом с наружной стороны. Внутренняя часть начищалась до блеска и использовалась по назначению (рис. 2, *11*).

Исходя из полученных археологических материалов, в большинстве своем Караултобе функционировали после арабского завоевания, при утверждении первых мусульманских династий в Средней Азии. Остается на данный момент открытым вопрос возведения некоторых Караултобе и в раннесредневековое время. Резюмируя данные, полученные в ходе исследовательских работ, были созданы основы типологической классификации. По внешним признакам исследуемых объектов типа Караултобе на сегодняшний день выделены два типа, условно названные как базовые и дозорные Караултобе.

Базовые Караултобе, как правило, отличаются внушительными размерами, четкой трапециевидной формой, что придает холму отличную видимость на горизонте. Диаметр их достигает до 130 м, высота от 8 до 18 м. Таковыми являются Караултобе Аккойлы-1, Карабулак, Чубаровка-1 и 2, Акдала, Дармино, Машат, Шаян. Из параметров вышеуказанных объектов можно вычислить средний размер: это сторожевые пункты диаметром у основания 80-100 м, высотой 8-10 м. Одним из таких памятников является Караултобе Колтоган, который расположен на высокой надпойменной террасе реки Арысь, по ее правому берегу, в 4,5 км к востоку от пос. Колтоган Туркестанской области. Округлый в плане бугор имеет диаметр у основания 130 м, высоту почти 18 м. На поверхности имеется площадка диаметром 30-35 м, которая придает холму трапециевидную форму, характерную для подобного типа памятника. Судя по топографии, возведение данного объекта проводилось в два этапа: в первую очередь была подготовлена ровная платформа высотой 3,5 м, на поверхности которой поднимали основной холм диаметром около 100 м. В рельефе местности вокруг объекта, особенно в северо-восточной части, выделяются участки, откуда брали грунт для возведения сооружения.

Второй тип – дозорные Караултобе имеют сравнительно небольшие размеры, их диаметр у основания составляет около 50 м, высота обычно не превышает 4,5-5 м. Однако этих параметров было достаточно, чтобы они функционировали вокруг определенных

центров, так как в качестве места для дозорных пунктов выбирались естественные возвышенности. Иногда, как показали, исследования в качестве дозорных пунктов использовались курганные насыпи путем их усиления. То есть не было необходимости возводить новый объект в определенных участках, где на самой ключевой отметке располагались ранние захоронения, это в свою очередь экономило время и трудовые ресурсы. Некоторые дозорные Караултобе, такие как Караултобе Аккойлы-2, Мадани-3, Кумышбулак и Норжанкорган, зафиксированы в комплексе курганных групп и, вполне возможно, они были использованы вторично в качестве сигнального пункта ввиду расположения относительно местности. К тому же насыпь этих объектов немного отличалась от курганной насыпи, где визуально наблюдаются контуры дополнительного усиления холма путем образования на поверхности площадки, за исключением Караултобе Мадани-3. Ввиду его расположения на высокой отметке, не было необходимости усиления холма, что подтверждено стратиграфией. К тому же возведение подобной насыпи было бы слишком трудоемким ввиду преобладания камней в почве.

Как показали исследования, с вершин базовых Караултобе появляется отличный обзор всей прилегающей территории и имеется хорошая видимость следующего аналогичного холма, исходя из этого, можно предположить, что они в комплексе работали на целый оазис. Дозорные Караултобе больше сконцентрированы вокруг городов.

В ходе археологической разведки по правому берегу реки Арысь зафиксирована серия Караултобе, сконцентрированных вокруг городища Ханкурган. Все они являлись дозорными пунктами, отличаясь сравнительно небольшими размерами, нежели базовые. Фиксация этих объектов прояснила картину данного микрооазиса, где караульные пункты, располагаясь на довольно высоких отметках, фланкировали город, расположенный в самой низине, – это городище Ханкурган на левом берегу реки Арысь. В то же время эти пункты входили в единый комплекс караульных башен всего оазиса, так как с данных позиций четко просматриваются соседние пункты, как, например, Караултобе Аккойлы-1.

Караултобе в районе городища Баба-ата были условно интерпретированы как комплекс караульных башен. По полученным данным, следует предположить, что город имел индивидуальную оборонительную систему, представленную памятниками типа Караултобе. Возможно, это обусловлено его географическим положением, располагаясь в низине урочища Капшигай с нулевым обзором прилегающей территории, он в то же время являлся пограничным постом.

Далее стоял вопрос о хронологии данных объектов. Обследование объектов типа Караултобе показали, что на прилегающих к ним территориях находятся раннесредневековые памятники, как, например, в районе караульных пунктов Чубаровка-1, 2, 3 средневековых городов не зафиксировано. Находящиеся в этом районе памятники – городище Чубаровское, поселение Узынтобе – раннесредневековые, что наводит на мысль о появлении их именно в этот период.

Стратиграфические исследования на ряде памятников типа Караултобе показали, что изученные объекты представляют собой искусственно созданную насыпь. Сравнительный анализ результатов работ с изученными холмами, таких как Караултобе Сайрама и Шымкента, показывает, что при возведении этих холмов предварительно была подготовлена основа. Она представляла собой отдельные прослойки, между которыми

шел плотный утрамбованный слой-горизонт (Байтанаев, Ергешбаев, 2010, с. 124-128). Чередуя эти слои, добивались определенной высоты. Важно отметить, что в насыпи холмов выделяются этапы строительства. Это довольно плотная заготовка (трамбованный слой), поверх которой идет насыпной грунт, образовавший общие контуры будущего бугра памятника.

В результате исследований Караултобе Испиджабского историко-культурного округа, были выявлены два типа памятников: базовые и дозорные, имеющие различную структуру. Караултобе являлись важнейшими элементами системы предупреждения городов. Археологические материалы, обнаруженные на памятниках Караултобе Испиджабского историко-культурного округа, в большинстве своем датируются X-XII вв. В небольшом количестве обнаружены и ранние находки, появившиеся на Караултобе, расположенные в непосредственной близости к раннесредневековым городищам и поселениям. Раскопки некоторых из памятников дали результаты, на основании которых можно с уверенностью говорить о больших трудовых затратах и продолжительном использовании Караултобе по назначению. Дальнейшие исследования в Испиджабском историко-культурном округе, несомненно, покажут наличие новых данных о возведении и использовании памятников подобного типа. Задачами будущих исследований является составление полного перечня памятников этого типа. Также очень важным является комплексное исследование Караултобе в дальнейшем и выявление различных связей со средневековыми памятниками округа.

Список литературы

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Амиров Е. Подземные лабиринты Караултобе // Промышленность Казахстана. 2012. №4. – С. 94-98.

Байтанаев Б.А. История Шымкента: 2200 лет по археологическим источникам. – Алматы, 2012. – 251 с.

Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А, Стратиграфия и хронология Караултобе Сайрама // Кадырбаевские чтения: Материалы II Международной научной конференции. – Актобе, 2010. – С. 124-128.

Беленицкий А.М., Бентович Н.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л.: «Наука», 1973. – 389 с.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. – Алма-Ата, 1941. – 66 с.

Босворт К.Э. Мусульманские династии. – М.: «Наука», 1971. – 324 с.

Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР: Труды Семиреченской археологической экспедиции: Таласская долина. – Алма-Ата, 1949. – Том I. – С. 174-197.

Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас ‘уд-бека (XIII в.). – М.: «Наука», 1972. –184 с.

История Казахской ССР (с древнейших времен и до наших дней): В 5-ти томах. Т.3.: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Великого Октября. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1979. – 514 с.

Казанцев А.Г. Исламские монеты VII-XVI вв. Обзор. – Екатеринбург, 2006. – 189 с.

Кочнев Б.Д. Клад монет бухархудатского типа из Миankаля // Нумизматика Узбекистана. – Ташкент, 1990. – С. 49-78.

Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. – Москва, 1950. – 179 с.

Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1969. – 651 с.

Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). – Ташкент, 1966. – 336 с.

Остроумов Н.П. Археологическая поездка в селение Мамаевку // ПТКЛА. Ташкент, 1899. № 4. – С. 118-137.

Ртвеладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Альбом. –Ташкент, 1986. – 184 с.

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы, 1994. – Том 1. – 368 с.

Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1988. – 1600 с.

С.У. Билалов
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Алматы, Казахстан
S.U. Bilalov
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
seidaly.bilalov@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г.

Данная работа выполнена в рамках научного проекта МОН РК Рег.№0118РК00571 «Этнокультурные связи тюрков-огузов с оседло-земледельческими племенами Приаралья в процессе становления городской культуры в низовьях Сырдарьи (I тысячелетие н.э.)», финансируемая по гранту Комитета науки МОН РК.

Аннотация. В статье освещается некоторые результаты археологического изучения оборонительных сооружений средневекового городища Джанкент, расположенного в Казалинском районе, Кызылординской области. По средневековым восточным источникам городище в последний период своего существования функционировал как столица Огузского государства в низовьях Сырдарьи. В статье дается описание особенностей планиграфии главных въездных ворот городища Джанкент. Предварительные итоги полевых археологических исследований на главных въездных воротах памятника, показывают что, при возведений крепостных стен, использовалась строительная методика соседнего региона в низовьях Амударьи, которые подтверждают особенности строительных конструкций Джанкента, имеющие сходства с архитектурными традициями городской культуры Центральной Азии. Ближайшие свои аналогии планировка Джанкента находит в Хорезме. В первую очередь, это городище Топрак-кала, которое дает ближайшие аналогии для Джанкента по внутренней планировке и расположению Цитадели. И хотя Топрак-кала датируется более ранним периодом, сравнение планировочных особенностей двух памятников вполне правомерно, т.к. очевидно, что пространственно-планировочная модель, использованная в поздней перепланировке Джанкента, сформировалась гораздо раньше.

Ключевые слова: Джанкент, оборонительные сооружения, фортификация, въездные ворота.

Archaeological research at defense structures of the medieval town Jankent in the field season 2018

Annotation. The article highlights some of the results of the archaeological study of the defensive structures of the medieval settlement of Dzhankent, located in Kazaly district, Kyzylorda region. According to medieval eastern sources, the mound in the last period of its existence functioned as the capital of the Oguz state in the lower reaches of the Syr

Darya. The article describes the features of the planigraphy of the main entrance gate of the ancient settlement Jankent. The preliminary results of field archaeological research at the main entrance gates of the monument show that, during the erection of the fortress walls, the construction techniques of the neighboring region in the Lower Amudarya were used, which confirm the features of the Jankent building structures that have similar architectural traditions of the urban culture of Central Asia. His closest analogies are the design of Jankenta in Khorezm. First of all, it is the settlement of Toprak-Kala, which gives the closest analogies for Jankent on the internal layout and location of the Citadel. And although Toprak-Kala dates from an earlier period, the comparison of the planning features of the two monuments is quite legitimate, since it is obvious that the spatial-planning model used in the late re-planning of Jankent was formed much earlier.

Keywords: Jankent, defensive structures, fortification, entrance gates.

2018 ж. ортағасырлық Жанкент қалашығының қорғаныс құрылыстарында жүргізілген археологиялық жұмыстар

Түйін. Мақалада Қызылорда облысы, Қазалы ауданында орналасқан ортағасырлық Жанкент қаласында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының кейбір нәтижелері баяндалады. Ортағысырлық Шығыс деректері мәліметтері бойынша Жанкент қаласы тіршілік еткен соңғы кезеңінде Сырдарияның төменгі ағысындағы Оғыз мемлекетінің аснасы болған. Мақаланың негізгі бөлігінде Жанкент қаласының бас қақпасының жоспарлануы сипатталған. Ескерткіштің басты қақпасына жүргізілген археологиялық зерттеулердің алдын ала қорытындылары бойынша, бекініс қабырғаларын тұрғызу кезінде Әмудариянның төменгі ағысындағы көршілес өңірдің құрылыс әдістемесін пайдаланғанын Жанкент құрылыс конструкциялары растап шықты. Аталған әдістеме Орталық Азияның қалалық мәдениетінің архитектуралық дәстүрлерімен сабақтасып, ұқсас тұстары көптеп кездеседі. Жоспарлануы жағынан Жанкент қаласының аналогиясын Хорезмнен көреміз. Ең алдымен Топрақ-қала қалашығының ішкі жоспарлануы, цитаделінің орналасуы бойынша Жанкентпен қатты ұқсастық бар. Алайда, Топрақ-қала ерте кезеңнің ескерткіші болып табылады, дегенмен, екі ескерткіштің жоспарлану ерекшеліктерін салыстыру заңды әдістеме, өйткені Жанкенттің қайта жоспарлануы кезінде қолданылған кеңістіктік-жоспарлау моделі көптеген ғасырлардан бері қалыптасқан тарихи модель болып табылады.

Түйін сөздер: Жанкент, қорғаныс құрылыстары, фортификация, басты қақпа.

Археологические исследования на средневековом городище Джанкент ведутся с небольшими перерывами вот уже 14 лет. Все это время на памятнике работает казахстанско-российская археологическая экспедиция, проводимая совместно Кызылординским государственным университетом им. Коркыт Ата (Казахстан) и Институтом Этнологии и Антропологии РАН (Москва, Россия)[1]. С 2011 г. на постоянной основе в археоло-

[1] Изначально в 2005 г. в рамках тройного соглашения в работах принимали участие и сотрудники Института археологии имени А.Х. Маргулана МОН РК. Затем в 2006 г. группа бывших сотрудников этого института образовала ТОО «Археологическая экспертиза», которая и продолжила работы на Джанкенте. Работы ТОО «Археологическая экспертиза», к сожалению, никак не согласовываются с тем планом работ, который был оговорен изначально, и ведутся с многочисленными нарушениями.

гических работах принимает участие доктор археологии Тюбингенского университета Эбергарда и Карла, профессор Генрих Харке. За время работ экспедиции было опубликовано два сводных отчета по работам на памятнике, несколько десятков статей по результатам исследований на Джанкенте на русском, казахском и английском языках, издана коллективная монография «Комплексное исследование городища Джанкент: работы 2011-2014 гг.» (Алматы, Арыс, 2014) и книга-альбом «Цивилизации, затерянные в песках» (Астана, 2013). Материалы, полученные в ходе работ на Джанкенте представлены были на многих конференциях в Казахстане России, и Европе.

Городище Джанкент расположено в 1,5 км южнее от аула Жанкент (Казалинского района, Кызылординской области). Размер площади памятника, согласно топографической съемке 2005 г. 16 га. 375 (420) × 225 м (рис. 1). Памятник имеет «Т»- образную форму, вытянутую с востока на запад, со значительным расширением в восточной половине. Стены построены из *пахсы*[1]. Они хорошо сохранились лишь в восточной части. Вдоль них видны следы башен, расположенных друг от друга на расстоянии 25-40 м. Ворота находились по центру восточной и западной стен. Посередине восточной стены находится хорошо сохранившееся предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15 м длиной (с юга на север), с воротами перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями.

Северо-западный угол города занимает цитадель – возвышение квадратной формы, размером 110×110 м. Городище разделяет на две части главная улица, идущая с запада на восток параллельно внешним стенам. По характеру рельефа визуально выделяются плотно застроенный северный участок городища и значительно менее застроенный, ровный и низинный южный участок. В северо-восточном секторе городища прослежен примыкающий к северной стене прямоугольный холм размером 60×70 м и высотой около 3-4 м. К северной стене с внешней стороны примыкает огражденная невысокими валами полукруглая в плане территория.

В полевом сезоне 2018 г. на городище Джанкент был заложен раскоп на главных въездных воротах городища, в центральной части восточной оборонительной стены.

Фортификационные сооружения Джанкента представляют собой сплошной глиняный массив укрепленный выносными полукруглыми башнями. На цитадели городища расстояние между башнями равна 15-17 м, на рабаде расстояние между башнями составляет от 25 до 40-45 м.

Размеры городища равны 320×400 м (рис. 1). Наиболее хорошая сохранность оборонительных стен наблюдается в восточной стене. На сегодняшний день восточная стена, возведенная из пахсовых блоков, возвышается над окружающей поверхностью городища на 3-5 м.

До заложения раскопа №7 предполагалось что восточная стена городища была заново возведена в XVIII в. ханом Младшего жуза Абулхаиром, который просил у императорского двора сделать Джанкент его резиденцией в низовьях Сырдарьи (Рычков, 1762).

Однако, по материалам, обнаруженным во время археологических работ, мы приходим к выводу, что,восточная обводная стена памятника еще во времена существования городища (IX-XI вв.) подверглась капитальному перестроению.

[1] Пахса – блоки и слои глины, смешанной с водой и органическими и растительными добавками, чаще всего с рубленной соломой (саманом).

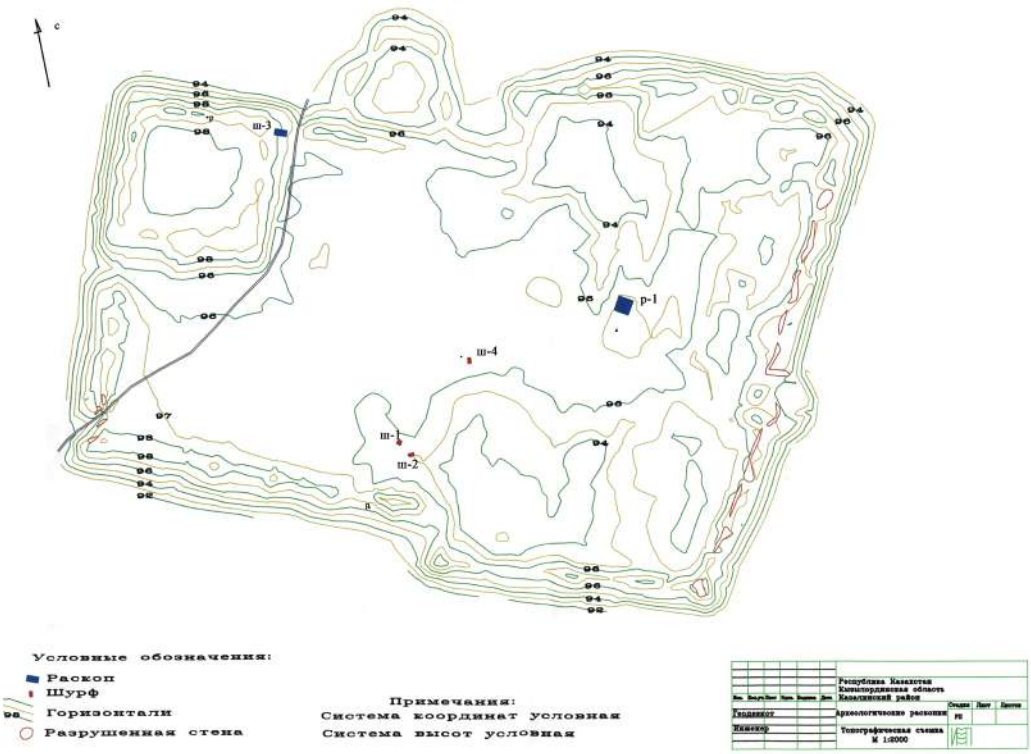


Рис. 1. Джанкент. Общий план городища (топограф А. Черняев)

Восточная обводная стена вместе с валами и сохранившейся частью стен возвышается над окружающей поверхностью на 8-9 м.

По всему периметру городища снаружи окружала ров шириной не менее 30-40 м о котором свидетельствует низина вдоль восточной и южной стен памятника.

Длина восточной стены составляет 420 м. Стену визуально можно разделить на северную и южную части.

Северная часть длиннее южной на 1/4, 235 м и 185 м соответственно. Начиная с крайней северной угловой башни усилена пятью выносными полукруглыми башнями. Размеры башен относительно друг друга одинаковы и составляет от 40 до 45 м, сохранились на 2,5-3 м в ширине и 3-5 м по длине, высота от обводного вала от 2 до 4 м. За крайней южной башней (северной части стены) стена продолжается еще на 45-50 м.

Южная часть обводной стены начиная с крайней южной башни вдоль стены усилена тремя выносными полукруглыми башнями. Расстояние между башням также составляет от 40 до 45 метров, башни также сохранились на 2-4 м по ширине и 5-6 м по длине, высота от вала обводной стены от 3 до 4,5 метров.

Длина южной части стены составляет от 175 до 190 м. ближе к въездным воротам стена поворачивает на запад на 10-12 м и на месте торца северной части стены образует проход в городище (рис. 1, 2).

Рис. 2. Джанкент. Общий вид городища. Вид с востока. Аэрофото Мартина Гофрилла по международному проекту Djetiasar Documentation Project

Въездные ворота памятника фланкировались двумя выносными башнями, ширина которых составляла 2-3 м, в длину северная сохранилась на 6-7 м, южная 5-6 м. Между фланкирующими башнями сохранилось строение в виде дуги соединяющей башни между собой. Вероятнее всего это остатки предвратного уступа на котором располагался разводной мост через окружающий ров. Расстояние между фланкирующими башнями 35-40 м.

С южной стороны на углу, где южная часть стены поворачивает на запад пристроена полукруглая стена «щит», высота данной стены сохранилась на высоту 3,5-4,5 м, ширина у основания достигает 2,5-3 м в верхней части сужаясь составляет 50-70 см, длина полукруга 22-25 м.

Таким образом въезд в городище был лабиринтообразным, то есть, входящие с начало упирались в стену-щит поворачивали на право, затем огибая стену-щит поворачивали на лево, и упирались в северную часть стены, повернув на лево шли через узкий коридор, между стеной-щитом и восточной стеной упирались в «Г»- образный поворот южной части стены снова поворачивали на право и только тогда могли попасть в город (рис. 3).

Въездные ворота Джанкента таким образом вероятно спланированы по аналогии античных и средневековых хорезмских городищ. Таких как Джанбас-кала (Лавров, 1950, с 16-18), Топрак-кала (Толстов, 1948, с 119-123), Кургашин кала (Лавров, 1950, с 32.), Гульдурсун (Толстов, 1948, с 177).

Раскоп №7 (далее Р-7) был заложен с южной стороны северной фланкирующей башни, на углу где северная часть обводной стены образует прямой угол с башней. Размеры Р-7 изначально составляли 9×3 м так как раскоп задумывался как разрез снаружи обводной стены. Однако, после вскрытия нескольких фрагментов строений было принято решение расширить раскоп в южном направлений, и окончательный размер раскопа составил 9 × 14 м.

Рис. 3. Джанкент. Схема въездных ворот городища. Аэрофото Мартина Гофрилла по международному проекту Djetiasar Documentation Project

Раскоп условно поделен на квадраты по 3 × 3 м, с обозначением с запада на восток А, Б, В, Г, Д с север на юг сквозная 1, 2, 3 то есть А1, Б1, В1... и крайне южное А 3, Б 3, В3 и т.д. Условным репером была выбрана точка на восточной стене городища над раскопом.

А 1	Б 1	В 1	Г 1	Д 1
А 2	Б 2	В 2	Г 2	Д 2
А 3	Б 3	В 3	Г 3	Д 3

Схема обозначения квадратов

В ходе археологических работ вскрыто насколько фрагментов строений выложенных из сырцовых кирпичей и пахсовых блоков (рис. 4).

Как отмечалось выше верхняя часть сохранившихся стен и выносных башен сложена из пахсовых блоков. Высота блоков варьирует от 90-100 см до 120-150 см, однако, очень сложно проследить ширину блоков, это скорее всего связано с тем что, блоки клали ленточным образом. То есть готовую смесь глины (пахсы) заливали заранее заготовленную опалубку и во время кладки так же ее сильно утрамбовывали. Таким способом заливался некоторое расстояние (часть) стены шириной до 4-5 м, затем снимали опалубку с затвердевших пахсовых блоков и устанавливали над залитыми блоками для следующего ряда блоков.

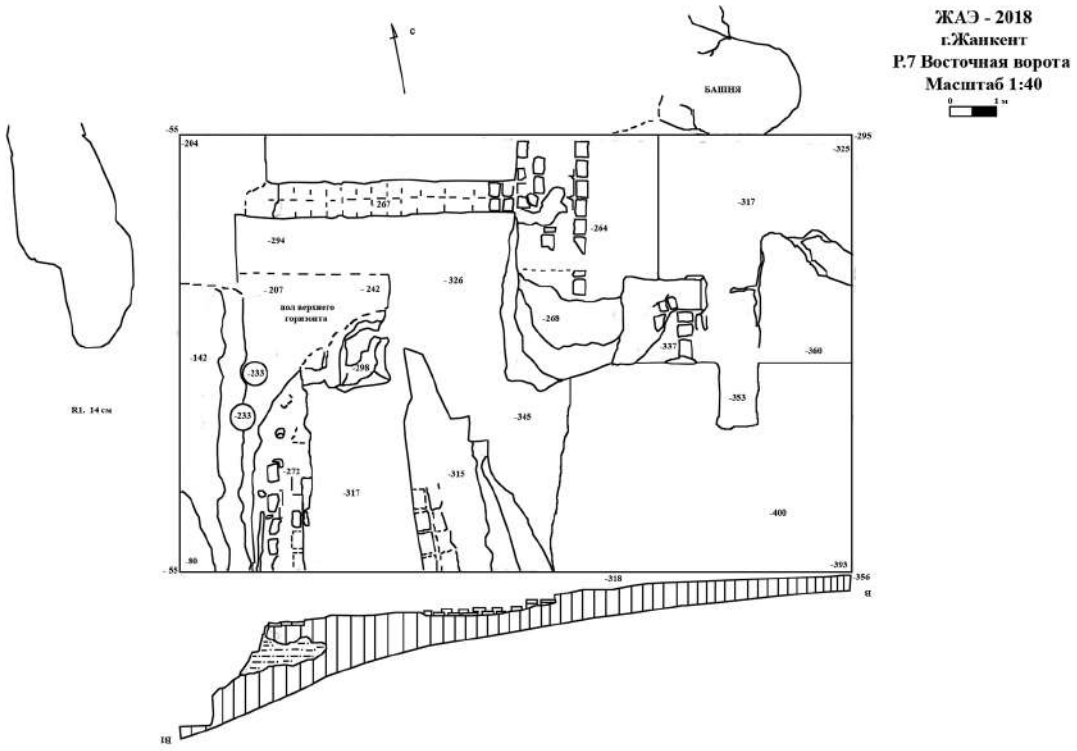


Рис. 4. Джанкент. Раскоп №7. Общий план

Между рядами в обязательном порядке стелили слой камыша в несколько сантиметров. Камыш уникальный природный гидроизолирующий строительный материал, который так же служил как армирующий строй материал между рядами блоков.

После снятия верхнего наносного слоя в квадратах А3, А2, Б1 начало проявляться «тело» пахсовой стены, которое возведено в несколько рядов. Ряды блоков различаются по цвету и плотности примененного строительного материала. Верхний ряд блоков сохранился на несколько см (20-25), только в юго-западном углу сохранность блоков доходит до 80-90 см высоты. Верхние блоки светло-голубого цвета и по структуре очень плотные (рис. 5).

Под верхним рядом блоков пролегает второй ряд блоков из светло-желтой глины, которая по структуре не очень плотная и при расчистке рассыпается на мелкие глиняные комья. В нижней части второго ряда так же прослеживается 2-3 ряда сырцовых кирпичей размеры которых сложно определить так как они по краям сильно рассыпаются. Толщина второго ряда варьирует от 60-ти до 70-ти см. В северо-западном углу квад. А3 где был сделан разрез отчетливо проявляется структура неплотного второго ряда пахсовых блоков. Вероятно второй ряд блоков местами просто выкладывали на не отмученную мокрую глину. Об этом свидетельствует рассыпчатая структура светло-желтого ряда блоков.

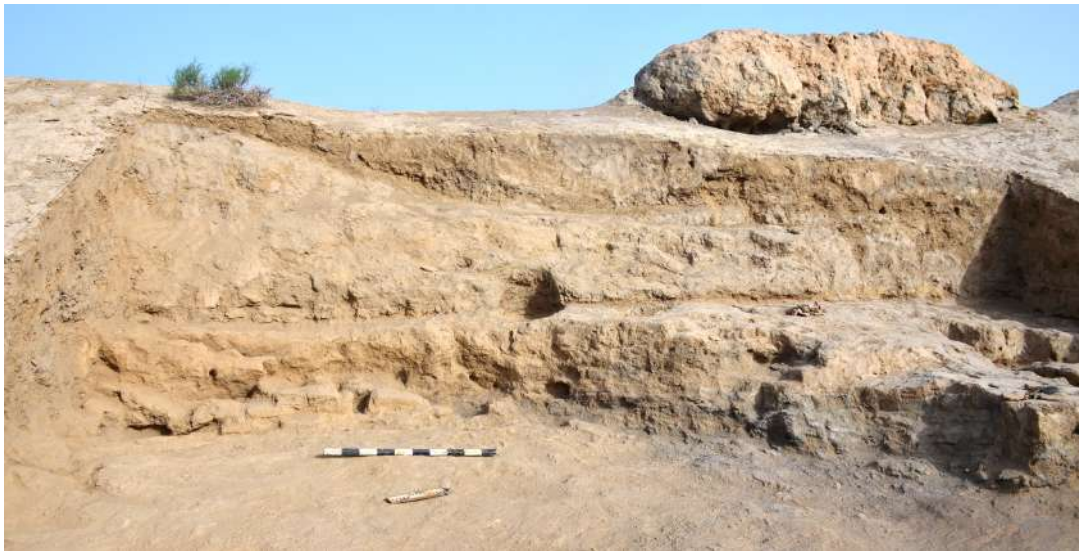


Рис. 5. Джанкент. Раскоп №7. Фас восточной обводной стены. Вид с востока

Третий ряд пахсовых блоков залегает на глубине -224 см от основного репера. В квад. А3 фрагмент 3-го ряда пахсовых блоков расчищена площадью 3 × 1 м. толщина третьего ряда небольшая до 25-30 см однако, по структуре (очень плотная) и по цвету (светло-голубая) она очень схожа с первым рядом блоков сверху. Третий ряд блоков был выложен на золисто-глинистую свиту слоев вперемежку с сухим грунтом.

Свита золисто-глинистых слоев начала проявляться в квад. В2 на глубине -267 см от основного репера (далее ▼). Во время археологических работ в квад. В3 золисто-глинистые слои были расчищены до основания верхних блоков (рис. 6).

Рис. 6. Джанкент. Раскоп №7. Свита золисто-глинистых слоев под обводными стенами. Вид с юга

Таким образом общая картина возведения оборонительных стен выстраивается следующим образом: на заранее поднятую почву (под стены) выкладывается золисто-глинистые свита слоев до нужной высоты. В данном случае 4-5 м от окружающей поверхности, затем на нее выкладывают пахсовые блоки шириной от 4-5 м до 8-9 м и высотой до 5-6 м, которые мы видим в сохранившихся рядах пахсовых блоков с западной стороны раскопа на расстояний 1-го м от края раскопа.

Ширина третьего ряда пахсовых блоков достигала 4-5 м от восточного края вскрытой части стены, то есть она совпадает с толщиной вала восточной обводной стены городища.

В ходе археологических раскопок углубляясь далее в квад. Б3, В3, Г3, Д3 было вскрыто кладка из сырцовых кирпичей шириной 70-75 см, длина достигала 5,5 м. Кладка пролегала на глубине -284 см от ▼. Кладка сохранилась на высоту 35-40 см, размеры кирпичей стандартны для памятников средневековья восточного Приаралья, 21-23 × 32-3 × 6-7 см толщина глиняного раствора между рядами достигает 10 см. Это свидетельствует о характере возводимого строения, то есть не для жилого помещения, скорее всего это было нужно для скорейшего достижения нужной высоты стен (рис. 7).

Рис. 7. Джанкент. Раскоп №7. Кладка из сырцовых кирпичей под обводными стенами. Вид с запада

Точно такая же методика возведения стен в 2014 году была зафиксирована на Раскопе №2 в разрезе северной стены. В квадрате 103-105/106-107 на глубине -510 см от ▼. Однако, размеры сырцовых кирпичей несколько отличались 41 × 25 × 8 см.

Вышеописанная кладка выкладывался перпендикулярно восточной стене и упирается в еще более массивную кладку из сырцовых кирпичей размером на данном этапе исследования 5х5 м, размеры кирпичей также отличаются 29 × 30 × 7 см. Вероятно эта конструкция является основанием фланкирующей северной башни центральных ворот

городища. Однако, над кирпичной кладкой в северном разрезе раскопа хорошо прослеживается глиняная забутовка, что дает нам предположить изначально фланкирующая башня имела другие размеры (меньшие?) затем она была разрушена и заново отремонтирована или скорее всего заново возведена другая башня более крупного размера (рис. 8).

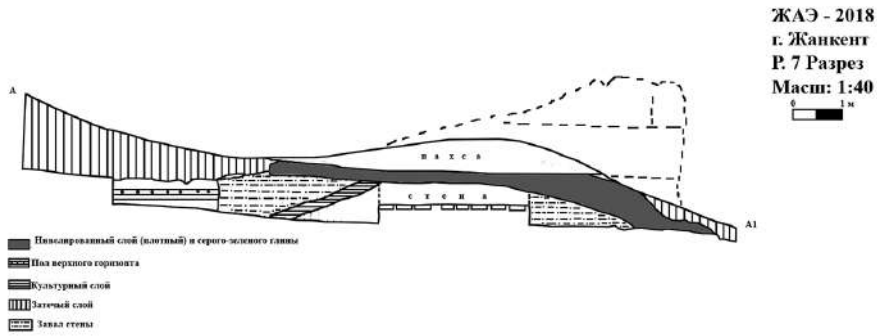


Рис. 8. Джанкент. Раскоп №7. Северный профиль

В южной части раскопа, ближе к западному профилю прямо в теле обводной стены зачищены 2 ямы диаметром 57 и 53 см глубиной от 15 до 40 см. Обе ямы вероятно были вырыты для установки хумов (квад. А2). Ямы пролегаю на глубине -228 см от ▼ (рис. 9).

Рис. 9. Джанкент. Раскоп №7. Ямы в теле восточной стены. Вид с запада

В квад. А3 прямо под пахсовыми блоками расчищены несколько рядов выкладки из сырцовых кирпичей (21×31×6 см). В ходе расчистки было определено, что данная выкладка было заложена как нивелировочный слой между вторым и третьим рядом пахсовых блоков, также в этой прослойке хорошо прослеживается камышовая прослойка на глубине -227 см от ▼.

Далее после расчистки квадратов Б3 и В3 на глубине -308 см ▼, выявлена нерегулярная кладка или завал сырцовых кирпичей. Так же это скопления сырцового материала можно трактовать как вымостку в проходе главных ворот (рис. 10).

Рис. 10. Джанкент. Раскоп №7. Общий вид раскопа. Вид с птичьего полета

В восточной части раскопа в квад. Д3 и Д2 расчищена выкладка из пахсовых блоков плохой сохранности. Выкладка сильно накренилась на восток, вероятно выкладка на одном уровне с третьим рядом пахсовых блоков квадрата А1, по крайней мере глубина залегания совпадает с глубиной залегания третьего ряда пахсовых блоков.

Предварительные итоги археологических работ на городище Джанкент, позволяет нам утверждать что оборонительные сооружения средневекового городища Джанкент является одним из главных элементов ее городской структуры. Также эти сооружения служили важным гарантом существования не только городища но и всего огузского государства. Таким образом крепостные стены представляли собой показатель экономического потенциала и уровня военно-инженерного дела. Строго продуманное расположение на местности не только служило целям самообороны городища, но и содействовало успешному функционированию округи – рабада.

На данном этапе археологические исследования были остановлены и будут продолжены в следующих полевых сезонах.

Список литературы

Аржанцева И.А., Тажекеев А.А. и другие. Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.). – Алматы: Изд-во «Арыс», 2014. – 320 с.

Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А. Археологические работы на городище Жанкент (предварительные итоги) // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. – Актобе, 2006. – С. 29.

Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. – М., 1950. – 177 с.

Толстов С.П. *Древний Хорезм*. Опыт историко-археологического исследования. – М.: Издание МГУ им. М.Ю. Ломоносова, 1948. – 352 с. + 87 табл.

Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н. (Москва) Западные земли Самаркандского Согда. Типология археологических памятников. // Проблемы истории, филологии, культуры (Journal of historical, philological and cultural studies). 4 (38) Октябрь–Ноябрь–Декабрь. МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК, 2012.

С.Г. Бочаров[1], А.Г. Ситдиков[2]
[1]Казанский федеральный университет
[2]Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
Казань, Россия
S. Bocharov, A. Sitdikov
[1]Kazan Federal University
[2]A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology AS TR
Kazan, Russia
sgbotcharov@mail.ru, sitdikov_a@mail.ru

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ИССЛЕДОВАНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Исследование проведено в рамках выполнения государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2021 гг.)»

Аннотация. В статье презентуются первые предварительные результаты исследовательской программы по изучению материальной культуры Золотой Орды (XIII-XV вв.) и тюрско-татарских государств ее наследников (XV-XVIII вв.) реализуемой Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан. Исследования проводятся на ключевых городах и поселениях, в том числе и в столичных центрах связанных с историей различных тюркских народов на территории Крымского полуострова (Каффа, Эски-Юрт, Бахчисарай, Ак-Мечеть), Западной Сибири (Искер), Северного Кавказа (Маджар), Среднего (Болгар, Касимов, Курмыш) и Нижнего Поволжья (Укек, Селитряное городище, Красноярское городище, Мошаик). Авторы надеются, что археологическое исследования памятников западной части Улуса Джучи вызовут интерес у казахских специалистов и хотели бы в дальнейшем проводить совместные исследования по изучению объектов в восточной части Золотоордынского государства.

Ключевые слова: Золотая Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, археологические исследования, столичные города, историческая топография.

Алтын Орданы зерттеу Татарстан Республикасы Ғылым академиясы А.Х. Халиков атындағы Археология институтының ғылыми бағдарламалары

Түйін. Мақалада Татарстан Республикасы Ғылым академиясы А.Х. Халиков атындағы Археология институты жүзеге асыратын Алтын Орданың (XIII-XV ғғ.) және оның түркі-татар мемлекеттері мұрагерлерінің материалдық мәдениетін зерттеу бойынша бағдарламаның алғашқы нәтижелері ұсынылуда. Зерттеулер негізгі қалалар мен қоныстарда оның ішінде Қырым жартыаралы (Каффа, Ескі жұрт, Бақшасарай, Ақ мешіт), Батыс Сібір (Іскер), Солтүстік Кавказ (Маджар), Орта (Болғар, Касимов; Құрмыш) және Төменгі Волга бойы (Үкек, Селитряное қалашығы, Красноярск қа-

лашығы, Мошаик) аймақтарында әртүрлі түркі халықтарының тарихымен байланысты астаналық орталықтарда жүргізілуде. Авторлар Жошы Ұлысының батыс бөлігі ескерткіштерін археологиялық зерттеулер қазақ мамандарының қызығушылығын тудырады деген үмітте және Алтын Орда мемлекеттерінің шығыс бөлігі нысандарын зерттеу бойынша бірлескен зерттеулер жүргізуге ниетті.

Түйін сөздер: Алтын Орда, Қазан хандығы, Қырым хандығы, археологиялық зерттеулер, астаналық қалалар, тарихи топография.

Scientific program of the A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Tatarstan Republic on Golden Horde state studies

Annotation. The article presents the first preliminary results of a research program on archaeology of the Golden Horde (13th-15th centuries) and the Türkic-Tatar States (15th-18th centuries) implemented by the A.Kh. Khalikov Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Tatarstan Republic. Studies are conducted in key cities and settlements, including capital cities connected with the history of various Turkic peoples on the territory of Crimean peninsula (Caffa, Eski-Yurt, Bakhchisarai, Ak-Mechet), Western Siberia (Isker), North Caucasus (Madjar), Middle (Bolgar, Kasimov, Kurmysh) and the Lower Volga Regiosn (Ukek, Silitrjanoe site, Krasnoyarskoe site, Moshaik). The authors hope that the archaeological study of the monuments of the western part of Ulus Juchi will arouse interest among Kazakstan specialists and would like to further joint research on the study of objects in the eastern part of the Golden Horde State.

Keywords: Golden Horde, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Siberian Khanate, archaeological research, capital cities, historical topography.

Археологическое изучение золотоордынских памятников сегодня является одной из главных и приоритетных задач Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, молодой научной организации, которой в этом году исполняется пять лет. Археология Золотой Орды позволяет современной гуманитарной науке постоянно наращивать комплекс историко-археологических источников, что в конечном итоге способствует новому прочтению истории различных народов Российской Федерации в средние века.

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проводит раскопки ключевых и значимых золотоордынских памятников не только на территории Республики Татарстан, где наиболее масшабными работами охвачено Болгарское городище (Ситдиков и др., 2015, с.16; Ситдиков и др., 2016, с.14; Ситдиков и др., 2017, с. 13; Бочаров, 2018, с. 252) (рис. 1, *3*), но и за ее пределами. Археологические исследования проведены в городах Каффа (совр. Феодосия) (Бочаров, 2015а, с. 809; Бочаров, 2015б, с. 173; Бочаров, 2016а, с. 123) (рис. 1, *10*), Бахчисарай (Бочаров, Сейтумеров, 2017, с. 21) (рис. 1, *11*), Ак-Мечеть (совр. Симферополь) (Бочаров, 2016б, с. 5), поселении Эски-Юрт (Республика Крым) (рис. 1, *12*). Изучаются города Искер (Тюменская область) (Адамов, 2015, с. 291; Адамов, 2016, с. 16), Касимов (Рязанская область) (Ахметгалин и др., 2016, с. 182) (рис. 1, *1*), Курмыш (Нижегородская область) (рис. 1, *2*), Укек (Саратовская область) (Кубанкин, 2016, с. 170) (рис. 1, *4*), Селитряное городище – первая столица золотоордынского государства (Валиев и др., 2013, с. 212) (рис. 1, *6*), Красноярское городище (Пигарев,

2016, 164) (рис. 1, *7*), город Мошаик (Астраханская область) (рис. 1, *8*), Маджарское городище (Ставропольский край) (Бочаров, Ситдиков, 2016, с. 192; Бочаров, Обухов, Ситдиков, 2018а, с. 404; Бочаров, Обухов, Ситдиков, 2018б, с. 31; Бочаров, Обухов, 2018, с. 125) (рис. 1, *9*). В тезисном объеме рассмотрим некоторые результаты полученные в ходе проведения археологических работ на перечисленных памятниках за последние время.

За восемь лет с 2010 по 2018 г. на Болгарском городище (расположенно в Спасском районе Республики Татарстан на левом берегу реки Волга) (рис. 1, *3*) были проведены значительные археологические работы охватившие все части города, его фортификационные сооружения, жилые, хозяйственные и производственные комплексы (Ситдиков и др., 2015, с.16; Ситдиков и др., 2016, с.14; Ситдиков и др., 2017, с.13; Бочаров, 2018а, с. 252). Основным результатом этих исследований было включение средневекового города Болгара в 2014 г. в список объектов Всемирного наследию ЮНЕСКО.

На Селитренном городище изучались как жилые, так и производственные комплексы в северо-восточной (исторически – центральной) части памятника на «Больничном бугре» у берегового обрыва реки (Валиев и др., 2013, с. 212). Ранняя столица Золотой Орды располагалась на правом берегу реки Ахтуба, одного из ответвлений Волги в 120 км севернее г. Астрахань (рис. 1, *6*).

Остатки одного из крупных городов Золотой Орды, памятника археологии Красноярского городища находятся в Астраханской области, в дельте Волги (рис. 1, *7*). В настоящее время он полностью застроен современным селом. По мнению ряда исследователей. является остатками города Сарая – самой первой и ранней столицы золотоордынских ханов на Нижней Волге в XIII в. Работами на территории городища 2014-2015 гг. удалось выявить наличие мощного и насыщенного находками культурного слоя золотоордынского периода, находящегося под осадочными слоями в низинной части поселка, примыкающей к реке Маячная (Пигарев, 2016, с. 164).

Городище Маджары является остатками средневекового города Маджар на Северном Кавказе (рис. 1, *9*). Оно занимает площадь около 110 га, современное русло реки Кума делит городище на две неравные части. Меньшая левобережная часть находится под застройкой юго-восточной окраины города Буденновск (Ставропольский край). Бóльшая правобережная часть занимает земли сельскохозяйственного назначения муниципальных образований сел Покойное и Прасковея.

Исследования 2015 г. велись на раскопе XI (по общей нумерации раскопок на городище) и шурфе 1 (Бочаров, Ситдиков, 2016, с. 192); в 2016 г. изучался раскоп XII и шурф II; в 2017 г. были завершены работы на раскопе XII и проведены земляные работы на раскопе XIII (Бочаров, Обухов, Ситдиков, 2018б, с. 31). Начатые в 2015 г. археологические исследования золотоордынского города Маджар даже на небольшой площади показали широкое разнообразие археологических находок и высокую интенсивность наполнения ими культурного слоя городища. В ходе работ были найдены импортные красноглиняные и поливные сосуды китайского, среднеазиатского, византийского, крымского, русского и иранского производства, которые наглядно иллюстрируют культурные и торговые связи города Маджар в средние века и отмечают его ключевое географическое положение на пересечении путей из Китая и Средней Азии в Причерноморье и из столичного золотоордынского Поволжья в Закавказье и Византию (Боча-

ров, Обухов, Ситдиков, 2018а, с. 404). На памятнике зафиксированы культурные напластования охватывающие хронологический период от начала до 90-х гг. XIV в. Найдены фундаменты монументальных кирпичных зданий. Зачищен участок средневековой городской улицы, вымощенной битым и бракованным кирпичом, и часть кирпичной стены жилой усадьбы (Бочаров, Обухов, 2018, с. 125).

Одно из ключевых мест в археологических исследованиях ИА им. А.Х. Халикова АН РТ занимает город Каффа, средневековые культурные напластования которого находятся в северо-западной части современного города Феодосия (Республика Крым) (рис. 1, *10*). Это город, основанный итальянцами на землях Золотой Орды. Каффа (1275-1475 гг.) – не просто важнейшая фактория Генуи, но и один из крупнейших городов Северного Причерноморья, основной экономический и административный центр территории, получившей название Генуэзской Газарии. Будучи основан лишь в 1270-х гг., город быстро развивается в 1280-х - 1300-х гг., и уже в середине XIV в. он превратился в самый крупный центр генуэзцев на черноморских берегах. В нем сошлись не только морские, но и сухопутные пути, которые соединяли Золотую Орду и Русь с европейским Западом. По письменным источникам XIII и XIV вв. можно судить о постепенном росте значимости его правителей в окружающих землях. Так, например, консулу Каффы в 1316 г. еще запрещалось вмешательство в дела других факторий генуэзцев в Причерноморье, а уже в 1343 г. в источниках упомянут титул консула Каффы и «всей Газарии». Спустя век Статут Каффы 1449 г. постулирует главенствующее положение главы города уже во всей административной иерархии генуэзцев по берегам Черного моря (Бочаров, 2015а, с. 809). Таким образом, за два столетия из небольшой генуэзской фактории Каффа превращается в крупный черноморский город с мощнейшей фортификацией, представленной не только хорошо укрепленной цитаделью, но и существенными внешними оборонительными сооружениями. Несмотря на то, что именно «латиняне» были основателями города и доминировали в торговле и политике, они никогда не составляли в нем большинства населения. Многочисленные выгоды жизни в торговом городе стали привлекательны для многих народов. В нем было большое количество представителей греческой, армянской, еврейской и сарацинской (восточной в широком смысле) общин (Бочаров, 2016а, с. 123). Во второй половине XIV в. город достигает пика своего развития. На протяжении второй половины XIV – первой половины XV вв. Каффа играла ведущую роль не только в торговой, но и политической жизни Черноморского региона (Бочаров, 2015б, с. 173). После 1365 г. администрация Каффы на Крымском побережье Черного моря, на землях ранее принадлежавших Золотой Орде, создает новое политическое образование – систему городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе, которое получило название Генуэзская Газария и охватывало всю береговую черту полуострова (Бочаров, 2018б, с. 77).

Археологические исследования в Каффе охватили фактически все объекты средневековой городской инфраструктуры, включая фортификационные сооружения, церковные здания, производственные и жилые комплексы.

Выполняемая ИА им. А.Х. Халикова АН РТ научная программа по изучению памятников археологии Золотой Орды и тюркских ханств – наследников этого государства продолжается и далека от завершения. Как видно из списка использованной в этой статье литературы, ученые принимающие участие в ее реализации пытаются оперативно

и достаточно быстро публиковать материалы своих исследований. Планируется расширить ряд памятников охваченных полевыми работами. В 2018 г. сотрудниками ИА им. А.Х. Халикова АН РТ проведены рекогносцировочные исследования уйгурского городища Бий-Балык на территории Республики Монголия. К 2020 г. планируется начать изучение последней золотоордынской столицы, основанной ханом Джанибеком – Царёвского городища в Волгоградской области (рис. 1, *5*). Мы надеемся, что совместное археологическое изучение памятников Улуса Джучи будет значимо и востребовано не только для специалистов из регионов Российской Федерации но и привлечет к сотрудничеству по этой тематике наших коллег из Республики Казахстан.

Список литературы

Адамов А.А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. 2015. №4 (14). – С. 291-300.

Адамов А.А. Хронология городища Искер (анализ имеющихся материалов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. № 12. Ч. 3. – С. 16-20.

Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдиков А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. №4 (18). – С. 182-201.

Бочаров С.Г. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. // Былые годы (Bylye Gody). 2015а. № 38. Is. 1. – С. 808-824.

Бочаров С.Г. Заметки путешественников XIV-XV веков о городе Каффа // Поволжская археология. 2015б. №4 (14). – С.172-189.

Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340-1774 гг. // Поволжская археология. 2016а. №2 (16). – С. 120-137.

Бочаров С.Г. Ак-Мечеть. Историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрско-татарские государства. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016б. Вып. 7. – С. 5-10.

Бочаров С.Г. Археологические исследования горнов на Болгарском городище в 2016 году (Раскоп CCXVI) // Поволжская археология. 2018а. №2 (24). – С. 253-269.

Бочаров С.Г. Археология Генуэзской Газарии XIII-XV вв. Определение термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2018. № 15 (264). Вып. 43. – С. 64-79.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. №2 (24). – С. 125-133.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдиков А.Г. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам археологических исследований (2015-2017 гг.) // Материалы Международной научной конференции XXX Крупновские чтения «Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье». – Карачаевск: Изд. КарГУ, 2018а. – С. 404-407.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдиков А.Г. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015-2017). Итоги и перспективы // Археология евразийских степей. 2018б. № 5. – С. 31-38.

Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрско-татарские государства. – Казань: Центр инновационных технологий, 2017. – Вып. 9. – С. 21-30.

Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. 2016. Отв. ред. П.М. Кольцов. – Элиста: Изд. Калмыцкого государственного университета. – С. 192-197.

Валиев Р.Р., Пигарёв Е.М., Мухамадиев А.Г., Ситдиков А.Г. Археологические исследования «Больничного бугра» Селитренного городища 2006-2009 гг. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). – С. 212-251.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв. – М.: «Наука», 1985. – 244 с.

Кубанкин Д.А. К вопросу о хронологии Укека и памятников его округи // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы VII Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. – Кишинев, Stratum plus, 2016. – С. 170-176.

Пигарев Е.М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. №2 (16). – С. 164-174.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп CXCIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. – Казань: Издательский дом Казанская Недвижимость, 2015. – С. 16-18.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп CXCIX // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. – Казань: Издательский дом Казанская Недвижимость, 2016. – С. 13-15.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куклина А.А., Яворская Л.В. Раскоп CCXVI // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. – Казань: Издательский дом Казанская Недвижимость, 2017. – С. 13-15.

Д.А. Джумабеков, Э.Р. Усманова, М.А. Антонов
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті
Қарағанды, Қазақстан
Dzhumabekov D.A., Usmanova E.R., Antonov M.A.
Karaganda state university named of after E.A. Buketov
Karaganda, Kazakhstan
azmukhan@mail.ru

АЛТЫНШОҚЫ ТАРИХИ-МӘДЕНИ КЕШЕНІН ЗЕРТТЕУДЕГІ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР

Түйін. Мақалада авторлар Ұлытау өңірінде орналасқан Алтыншоқы тарихи-мәдени кешенінде жүргізілген зерттеулері бойынша жаңа мәліметтерді сараптайды. Алтыншоқы тауы тарихта «қарсақпай жазуы» деген атпен белгілі тарихи жәдігер табылған орын. Бұл жерде Әмір Темір тасқа жазу қалдырған және үлкен оба тұрғызған. Бұл обаның салыну мақсаты әлі күнге дейін арнайы зерттеу нысаны ретінде қарастырылмаған.

Түйін сөздер: мәдени ландшафт, тарихи-мәдени кешен, Ұлытау, Алтыншоқы, Қарсақпай жазуы, Әмір Темір.

Новые данные по исследованию историко-культурного комплекса Алтыншокы

Аннотация. В статье авторы приводят новые данные по исследованию историко-культурного комплекса Алтыншокы расположенного в Улытауском регионе. Именно на горе Алтыншокы располагался исторический памятник, известный в исторический науке под названием «Карсакпайская надпись». В свое время Эмир Тимур велел здесь соорудить обо и оставить памятную надпись. Данное сооружение в современной науке не являлось объектом специального исследования и значение его до сих не определено.

Ключевые слова: культурные ландшафты, историко-культурный комплекс, Улытау, Алтыншокы, Карсакпайская надпись, Эмир Тимур.

New data on the study of the historical and cultural complex Altynshoky

Annotation. In the article, the authors cite new data on the study of the historical and cultural complex Altynshoky located in the Ulytau region. It was on the Altynshoky mountain that a historical monument was located, known in historical science under the name «Karsakpay inscription». At one time, Emir Timur ordered here to build about and leave a memorable inscription. This structure in modern science has not been the object of special research and its significance has not yet been determined.

Keywords: cultural landscapes, historical and cultural complex, Ulytau, Altynshoky, Karsakpay inscription, Emir Timur.

Кеңестік дәуірде Ұлытау-Жезқазған өңірінің тарихи-археологиялық ескерткіштеріне алғашқы назар аударған Қ.И. Сәтбаев болатын. Оның ғылыми мақалалары Жезқазған-Ұлытау өңірінің тарихын зерттеуге арналған бастамалардың бірі деп есептеуімізге болады (Сәтбаев, 2007, бб.44-51, 69-75).

Ұлытау өңірінің ортағасырларда куә болған тарихи оқиғалардың бір эпизодына тоқталғымыз келіп отыр. Ол Әмір Темірдің Тоқтамыс ханға жорығымен байланысты.

Академик Қ. Сәтбаевтің тапқан маңызды ескерткіштерінің бірі – Әмір Темір жаздырып қалдырып кеткен тас плита, Алтын шоқы тауының оңтүстік – батыс бөлігінен табылған. Бұл тарихи жәдігердің табылуы және тарихи маңызы туралы Қ.И.Сәтбаев 1938 жылы «Доисторические памятники в Джезказганском районе» атты мақаласында жазып, 1941 жылы «Народное хозяйство Казахстана» журналында жариялаған еді (Сәтбаев, 2007, 69 б.). Мақалада Ұлытаудан 30 шақырым жерде Сөрелі және Жетіқыз өзендерінің алқабында орналасқан Алтыншоқы тауында кірпіштен және амфиболиттік плиталардан жасалған көне құрылыстың қалдықтары бар екендігін мәлімдейді. Құрылыс қалдықтарының жанынан араб қарпімен жазылған жазуы бар тас плита орналасқан, ондағы жазудың алғашқы кіріспесінен басқа бөліктерін оқу мүмкін болмады деп жазады (Сәтбаев, 2007, 74 б.). Мақалада бұл тарихи орынның 1391 жылы Темірдің Алтын Ордаға жорығын сипаттайтын Шарафаддин Язди жазбаларында айтылатыны тілге тиек етіледі.

Ортағасырлық сарай тарихшысы Шараф-ад-дин Йаздидің «Зафар наме» кітабында Темірдің Тоқтамысқа қарсы жорығы жақсы сипатталған. Осы жазбада Темірдің 15 сәуірде Кішітауға келгені, екі күннен кейін Ұлытауға жеткені айтылады. Даланы шолу үшін тауға шығып, кейін сол жерге тастарды үйіп биік белгі орнатады. Тас қашау шеберлері естелік ретінде сол күндердің мерзімін қалдарды дейді (История Казахстана в персидских источниках, 2006, бб.310-311).

Тастағы тарихи жазудың сыры көпке дейін беймәлім болып келіп, 1937 жылы профессор Поппэ алғашқы нұсқасын ұсынған болатын. Тастағы жазудың 11 жолдан тұратындығы, алғашқы 3 жолы араб әрпімен, қалған 8 жолы ұйғыр әліпбиімен шағатай тілінде жазылғандығы анықталды (Григорьев, Телицин, Фролова, 2004).

Алтын Орда тарихын зерттеушілер Әмір Темірдің Тоқтамысқа қарсы жорығын сипаттауда осы тас жазудағы мәліметтерді дерек ретінде қолданып келді. Профессор Н.Поппэ Темірдің 200 мың әскермен жорыққа шыққанын анықтаған болатын. Кейіннен зерттеуші Пономарев А.И. профессор Поппэнің оқу нұсқасына кейбір түзетулер енгізіп, екі жүз мыңды дұрысында үш жүз мың деп оқылуы керектігін жазды. Соңғы текстологиялық зерттеулерде осы нұсқаның дұрыстығын дәлелдеп отыр (Григорьев, Телицин, Фролова, 2004). Алтын Орданың саяси тарихына арналған соңғы зерттеулерде «Қарсақпай тасындағы» жазудың жаңа оқылымындағы үш жүз мың әскер деген деректерді негізге алып отыр (Миргалеев, 2003).

Алтын шоқы тауындағы тастағы жазбаның тарихының негізгі сипаты осындай болса, таудың басына үйілген тас құрылыс туралы отандық тарих ғылымында негізделген зерттеулер жоқ. Жергілікті жердің тұрғындары мен аймақтың тарихшы-өлкентанушыларының түрлі аңыз-әпсаналық нұсқалары көпшіліктің арасына таралып, тарихи оқиғаның нақты сюжеті түрлі қиял-ғажайып бағытында айтылады. Ондай нұсқалардың ішінде Әмір Темірдің Алтыншоқы тауында алтын балқытқан, немесе қару-жарақ жасаған деген тәрізді бағыттары басымырақ. Бұған себеп болып отырған таудың басындағы тастардың балқыған қалдықтары себеп болып отыр.

Қарағанды мемлекеттік университетінің бір топ ғалымдары 2015 жылдан бастап Алтыншоқы тауындағы тастардың қалдықтарын зерттеумен шұғылданып келеді. Тас құрылыстың жалпы көлемі мен оның алғышқы қалыбын анықтау мақсатында 2018

жылы арнайы экспедиция жұмысын жүргізді. Тарихи жәдігердің өлшемдері алынып, сызбасы және геодезиялық полигонның негізінде квадрокоптер (DJI Phantom 4) арқылы көрсетілген тарихи-мәдени кешеннің топографиялық картасы әзірленді. Зерттеудің алғашқы нәтижелері арнайы басылымдарға жарияланған болатын. Балқытылған тас қалдықтары Қарағанды мемлекеттік университетінің химиялық зертханаларында зерттелініп, оның қорытындылары бойынша құрылыс жылу-техникалық мақсаттағы, бірақ та металлургиялық балқытуға арналмағаны анықталды. Зерттеушілердің пікірі бойынша бұл құрылыс ұзақ уақыт қуатты от жағуға арналған пеш тәрізді, нәтижесінде тастар балқып, құжға айналған. Құрылыста жанған от орталық бөліктегі тастарды және жазуы бар тасты қамтымаған. Бұл химиялық зертхана зерттеулері және геологиялық зерттеулер балқытуға қажет көлемдегі металдың жоқтығын анықтады. Бұл Алтыншоқы кешенінің арнайы металлургиялық мақсатта қолданылмаған анықтап берді (Фомин, 2018, б.64-73).

Әрине, Алтыншоқы тауындағы тастан қаланған жылу-техникалық құрылыстың мақсатын анықтау келесі зерттеулердің негізгі өзегі болмақ. Бұл рәсімдік немесе әскери мақсатта салынған құрылыс болуы мүмкін. Дегенмен Сарыарқа өңіріндегі, оның ішінде Ұлытау жерінде Алтын Орда тарихына, Әмір Темір тарихына байланысты құнды тарихи жәдігердің болуы міндетті түрде зерттеу жұмыстарын жалғастыруды талап етеді. Биылғы жылы Алтын Орда мемлекетінің құрылуына 750-жыл толуына байланысты мұндай зерттеулердің өзектілігі арта түсері сөзсіз.

Әдебиеттер тізімі

Григорьев А. П., Телицин Н. Н., Фролова О. Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, Вып. XXI. СПб. СПбГУ. 2004 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Timur/frametext.htm

История Казахстана в персидских источниках. Том 4. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромасковичем и С.Л. Волиным / Отв. редактор М.Х. Абусеитова. Переработанное и дополненное. Подготовка к новому изданию, введение, перевод, комментарии, составление указателей М.Х. Абусеитова и Ж.М. Тулибаевой. – Алматы: «Дайк-пресс», 2006. – 620 с.

Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана.-Казань: «Алма-Лит», 2003. – 164 с.

Сатпаев К.И. Историко-археологические данные в Джезказганском районе // Избранное. В 5-ти т./ Сост.М.К.Сатпаев. – 2-е изд. сокр. – Шымкент: «Оңтүстік полиграфия», 2007. Т.5. – 416 с.

Фомин В.Н., Усманова Э.Р., Жумашев Р.М., Покусаев А.В., Мотуза Г.З, Омаров Х.Б.,Ким Ю.Ю., Ишмуратова М. Ю. Химико-технологический анализ шлаков из комплекса Алтыншокы // Вестник Карагандинского университета. Серия химия. №3(91). 2018. – С.64-73.

Усманова Э.Р., Жумашев Р.М., Джумабеков Ж.А., Антонов М.А., Каспаров А.Р. Загадка сопки Алтыншокы: об одном эпизоде похода Тимура против Токтамыша в 1391 г. // Вестник истории, литературы, искусства (гл.ред. И.Х. Урилов). Отд-ние ист.-филол. Наук РАН. Т.13. – С.7-24.

М. Елеуов[1], Д. Талеев[2], С. Есенов[3], А. Молдахмет[3]
[1]әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
[2]Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
[3]ҚР Ұлттық музей
M. Eleuov[1], D. Taleev[2], S. Esenov[3], A. Moldakhmet[3]
[1]Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
[2]Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
[3]National Museum of the RK
Astana, Kazakhstan
madiareleuov@mail.ru,
doc19_59@mail.ru, syrym.e@mail.ru, arhadkz@mail.ru

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚЫШҚАЛАДА 2018 ЖЫЛЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

Түйін. Мақалада 2018 жылғы ортағасырлық Қышқала қаласында мен оның төңірегіндегі археологиялық зерттеулердің нәтижелері баяндалған. Жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстардың нәтижесінде қаланың нақты орналасқан жері, экологиялық ахуалы және Қышкала топографиясы бойынша жаңа материалдар жиналды. Қазба жұмыстары барысында жоғарғы мәдени қабатынан бұзылған кесененің және сегіз қырлы құрылыстың қалдықтары ашылды. Барлау барысында Қышқала маңында бұрын белгісіз 7 қала мен елді мекен табылды.

Түйін сөздер: Қызылорда, Қышқала, Қыштөбе, зерттеу, қазба, барлау, топография.

Исследования на городище Кышкала в 2018 г.

Аннотация. В статье изложены результаты археологических исследовании 2018 г. на средневековом городище Кышкала и его окрестностях. В результате проведенных научно-исследовательских работ были собраны новые материалы по месту расположения, экологической ситауции и по топографии Кышкала. Из верхнего слоя были раскопаны останки разрушенного мавзолея и восьмигранного сооружения. В ходе разведки в окрестности Кышкала были обнаружены семь раннее не известных городищ и поселений.

Ключевые слова: Кызылорда, Кышкала, Кыштобе, исследование, раскопка, разведка, топография.

Research on the ancient city of Kyshkala 2018

Annotation. The article presents the results of the archaeological study of 2018 in the medieval settlement of Kyshkala and its surroundings. As a result of the research, new materials were collected by location, ecological situation and Kyshkala topography. The

remains of a destroyed mausoleum and an octahedral structure were excavated from the upper layer. During the exploration in the vicinity of Kyshkala, 7 previously unknown sites of ancient towns and settlements were discovered.

Keywords: Kyzylorda, Kyshkala, Kyshtobe, research, excavation, exploration, topography.

2018 жылы Қызылорда облысының мәдениет, мұрағаттар және құжаттама басқармасына қарасты «Қызылорда облыстық тарихи және мәдени ескерткіштерді қорғау жөніндегі» коммуналдық мемлекеттік мекемесінің тапсырысы бойынша ортағасырлық Қышқала қаласында археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілді. Ғылыми-зерттеу жұмыстары «Археолог» халықаралық ғылыми – зерттеу орталығы» жауапкершілігі шектеулі серіктестігінің Тұран археологиялық экспедициясы тарапынан жүзеге асырылды. Экспедиция жетекшісі профессор М. Елеуов, т.ғ.к., Д. Талеев, ғылыми қызметкер С. Есенов, А. Молдахмет және жұмысшы ретінде ауыл тұрғынады қатысты.

Ортағасырлық Қышқала қаласы Қызылорда облысының Сырдария ауданына қарасты Қоғалыкөл ауылынан оңтүстікке қарай 2 шақырым жерде Сырдария өзенінің оң жағалауындағы жазық алаңда орналасқан. Географиялық координаттары: 44º44’27’’ СЕ, 65º11’03’’ ШБ, теңіз деңгейінен биіктігі 122 м.

Қаланың қазіргі таңдағы көзбен көруге болатын ауамағы шаммен 30 гектердан аса аумақты қамтиды. Қаланың сыртқы қорғаныс қабырғалары сақталмаған немесе мүлде болмаған. Ал қаланың орталық алаңдарында биіктігі 2-2,5 м дейін жететін, пішіндері төртбұрыш, домалақ келген төбешіктер мен құрлыс қалдықтарының іздері анық байқалады. Негізгі құрылыстар қаланың шығыс және оңтүстік аумақтарында орналасқан. Қала орталығындағы құрлыс қалдықтарының үстінде күйдірілген қыш кесектің сынықтар көптеп кездеседі. Сол себепті болар жергілікті тұрғындар ескі қаланың орнын «Қыштөбе» деп атайды. Бүгінгі таңда ескерткіштің үстін қалың шеңгел, жыңғыл және сексеуіл басқан.

Қышқаланың орналасқан жері мен оның табиғи ортасы жайлы Ә.Қоңыратбаев: «Қызылорда қаласының 25 – 30 км жердегі Жетікөлдің қалың қамыс арасында тұйық аралы болаған. Жетікөлдің батыс бөлігі әлі күнге дейін бар, оның көлденеңінен 20 шақырым. Томарөткел деп аталуының себебі, оның жағасында үлкен өзек болған, соған сексеуілден қалап көпір салған. Бұл көпірдің орнынан қазір тас жол өтеді. Өзекте су бар. Қалың, қамыс, сексеуіл басқан бұл тұйық аралда құпия салынған теңге ұстаханасы болған» – деп баяндайды (Қоңыратбаев, 2004, 336).

1990 жылдарда Қышқалада зерттеу жұмыстарын жүргізген Т. Мәмиев Қоғалы ауылынан оңтүстік – шығыста орналасқан қаланың қалдығын жыңғыл, сексеуіл басқанын айта келіп, оның алып жатқан көлемі туралы: «Шығыстан батысқа қарай 1 км, солтүстіктен оңтүстікке қарай 1,58 км,... қаланың ортасынан арық өтеді, қаланы айнала Қожарық, оңтүстігінен солтүстікке қарай Тораңғыларнасы (Жаңадария) өтеді,...

Ішкі цитадель құрлыстары тығыз орналасқан. Мұнаралар қаланы қоршай бір қашықтықта орын теуіп, айнала ор қазған» – деп сипаттайды (Мәмиев, 1999, 52)

Қаланың оңтүстік – шығыс жағын Жаңадария өзені шайған, қазіргі күнде де бірқатар құрлыстарды шайып жатыр. Солтүстүк жағы осы заманғы канал мен арықтарды қазу барысында, егістік алқаптарды тегістеу кезінде бұзылып, тегістеліп кеткен. Оның оңтүстік – батыс бөлігінде 4 га жуық аумақты алып жатқан Қоғалыкөл ауылының зи-

раты орналасқан. Зираттың қоршауының ішінде шашылып жатқан ыдыс сынықтары, қыш кесектер кездеседі, соған қарағанда ол жердегі құрлыстар да қабірлерді қазу кезінде ашылып, тегістеліп кеткен болса керек. Қала арқылы әртүрлі бағытта бірнеше жолдар өткен, жолдар бірнеше жерде қаланың құрлыстарын бұзып өткен. Қышқала әртүрлі себептерге байланысты бұзылып жатқан ескерткіш, оның бұзылу тарихы бірнеше ғасырларға созылған, шамасы қаланың қамалы, қорғаныс жүйесінің элементтері (цинтадел, қақпа, мұнара, ор т.б.) моңғолдардың шапқыншылығы кезінде бұзылған болса керек.

XIV-XX ғасырдың 50 жылдарына дейінгі аралықта ортағасырлық қаланың құрлыстары, суландыру жүйелері (канал, арық, құдық, т.б.) табиғи құбылыстардың әсерінен бұзылған.

Экспедиция барысында Қоғалыкөл ауылының жергілікті тұрғындарымен сұхбаттасып жалпы Қышқала туралы қаланың құрлыстарының бұзылуына қатысты мәліметтерді жазып алдық. Қоғалыкөл ауылының жергілікті тұрғыны, 1943 жылы туылған Рүстемов Қамар, руы Дуана Қожа, осы жерде туып өскен, еңбек еткен, қазір зейнеткер. Оның айтуына қарағанда 1958 жылға дейін осы төңіректегі ауылдардың халқы Қышқалаға тиіспеген, сол кезде қаланың әр жерінде жартылай бұзылған, бұзылып жатқан құрлыстар сақталған. Халық қаланың орнын, бұзылып жатқан құрлыстарды киелі жер ретінде құрметтеп оларды бүлдірмеген. Қышқаланың құрлыстарын бұзып, олардан қыш кесектерді қазып алу 1958 жылдан басталған. Сол жылы осы төңіректегі шағын бірнеше ауылдарды біріктіріп Қоғалыкөл ауылы құрылған кезден бастап жергілікті басшылар ауданнан басшылар жаңадан құрылған ауылдың құрлыстарын (мектеп, кеңсе, қамба, т.б.) және үйлерді салуға Қышқаланың құрлыстарын бұзып одан шыққан қыш кесектерді пайдалануға кеңес берген. Қышқаладағы қыштан салынған құрлыстарды бұзып, қыш кесектерді құрлысқа кеңінен пайдалану әсіресе 60 – жылдарда кең өріс алған. Ауыл тұрғындары жеке үй салған кезде де көне қала ғимаратарының кірпіштерін пайдаланған. Осы жылдардағы Қышқаладағы құрлыстарды бұзуға трактор және басқа да ауыр техникаларды пайдаланған. Сол науқан кезінде қабырғасы қыш кесектен қаланған көптеген құрылыстар жермен – жексен болып толық не жартылай бұзылған. Ауылдағы құрылыстардың іргесін, қабырғаларын қалауға негізінде бүтін қыш кесектерді пайдаланған, ал сынған кесектер бұзып алған жерде төбе – төбе болып үйіліп қала берген. Құрылыстардың көшілігі сол жылдарда бұзылып кеткен. Бұзылған құрылыстардың үстінде не жан – жағында әр түрлі көлемдегі шұңқырлар, әртүрлі бағытта қазылған олардың орындары осы күнге дейін сақталған. Қышқаланың құрылыстарын бұзып, қыш кесектерін алу кезінде қаланың оңтүстік бөлігіндегі құрлыстардың арасынан бірнеше жерден ою – өрнекті қыш кесектермен әшекейленген құрылыстар кездескен, олардың бұзылған орындары осы уақытқа дейін сақталған.

Қала құрылысының бұзылуы туралы мәлімет берген келесі азамат 1943 жылы туылған, руы Жаппас, осы жерде 1950 жылдан бері тұрып келе жатқан Аширов Исламбек. Оның айтуына қарағанда Қышқаладағы құрылыстарды бұзып, онан алған қыш кесектерді ауылға арбамен, машина, трактормен тасып, жаңа құрылыстарды салуға пайдаланған.

Қоғалыкөл ауылының тұрғындарының айтуына қарағанда кейбір жылдарда Қышқалаға орыс ғалымдары, Байқоңырдан келген әскери адамдар келіп қазба жүргізген, бірақ қазба жұмыстарына жергілікті адамдарды қатыстырмаған. Қазба кезінде табылған зат-

тарды ешкімге көрсетпей өздерімен бірге алып кеткен. Қазба жүргізген жерде сынған ыдыс сынықтары, бүтін, сынық күйдірілген кесектер шашылып жатқан. Өткен ғасырдың 80 – 90 – жылдарында Қышқалаға бірнеше рет қазақстандық ғалымдарда келіп, кей біреулері шағын көлемде қазба жұмыстарын жүргізген. Қышқаладан кездейсоқ табылған, қазбада жүргізілген жерден табылған ыдыстардың сынықтары, бүтін ыдыстар соңғы жылдарға дейін жеке адамдардың үйінде, ауласында сақталған. Бірқатар заттар жергілікті мектептің бір бөлмесінде ұзақ жылдар сақталып, жаңа мектеп салынғаннан кейін олардың қолды болып кеткенін мұғалімдерден естідік.

Жалпы Қышқалада бұзылған құрылыстардың орындары көп. Олар негізінде сол құрылыстардың күйдірілген кесектерін қазып алу кезінде бұзылған. Осындай құрылыстардың үстінде, кейбір бөліктерінде әртүрлі көлемдегі, аумақтағы шұңқырлар, әртүрлі бағытта көлденең қазылған орлардың орны сақталған, олардың төңірегінде, ішінде бүтін, сынған күйдірілген кесектер, ыдыстардың сынықтары шашылып жатыр.

Қышқала туралы аңыз әңгімелер жинау мақсатында Қоғалыкөл ауылының әртүрлі жастағы бірқатар тұрғындарынан сұрастырдық, бірақ олардың барлығы бұл қалаға қатысты қызықты мәлімет беретін қарттардың қазіргі күнде жоқ екенін айтумен ғана шектелді.

2018 жылы Қышқала ескерткішінде археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Зерттеудің негізгі мақсаты оның материалдық және рухани мәдениетін, шаруашылық дәстүрін, әлеуметтік – экономикалық ахуалының негізгі элементтеріне қатысты археологиялық мәліметтер мен материалдар алу.

Қаланың тарихи-мәдени өмірі мен материалдық мәдениетіне қатысты тың нәтижелер алу мақсатында ескерткіштің екі бөлігінде қазба салынды.

1 – қазба. Ескерткіштің солтүстік-батыс шетін алып жатқан қала бейіті аумағында орналасқан екі биік төбешіктің біріне салынды. Қазбаны тазарту барысында жобасы төртбұрышты келген құрлыс қалдығы ашыла бастады. Үстіңгі жағында күйдірілген кірпіштер мен бір беті сырланған, бетіне өрнек салынған кірпіш сынықтары шашылып жатқан төбешіктің көлемі 30×32 м. Кейін анықталғандай кезінде едәуір келбетті кесененің орны болған төбенің солтүстік-батыс шетінен салған қазбаның жалпы көлемі 12×12 м. Қазылған тереңдігі 0,25×0,8 м. Жүргізілген қазба барысында қас беті солтүстікке қараған бір кездегі тамаша кесененің қираған орнының бір бөлігі ашылды. Кесененің алдыңғы жағына төселген тікбұрышты кірпіш төсендісінің үстіне құлаған ғимараттың қас бетінің құландысы сол құлаған күйінде бетімен төмен қарап жатыр екен. Аркалы есігінің үстіңгі жағы мен оның шеттерін безендірген төртбұрышты кесіп салынған өрнекті қыш сылақтар мен оның айналасында сыртынан ерекше тас бояумен өрнектелген (майолика) мозайкалары беттерімен төмен қарай жатыр. Қабырға қашан құлағанын уақытын дәл анықтау әзірге мүмкін емес. Өйткені құландының жоғарғы бет жағы мен қабырғалардың кірпіштерін жергілікті халық бірнеше рет бұзып алған. Алғашқыда қала тіршілігі тоқтағаннан кейін көп ұзамай бұзылған кесененің қыштарын соңғы рет кеңес дәуірінде (1960–1970 жж.) колхоздарды біріктіріп, совхоз құру науқанына байланысты салынған кеңсе, мектеп, клуб құрылыстарына пайдаланған деседі. Қазба уақыты шектеулі болғандықтан ашыла бастаған ғимараттың негізгі қабырғалары мен оның нақты көлемі толық ашылған жоқ. Себебі, осы жылы салынған қазба ғимараттың алдыңғы ауласы мен оның үстіне құлаған құландыларды ғана аршумен

шектелді. Құлаған кірпіш сынықтарынан түзілген биіктігі 1 м, кей тұста одан да биік болатын құландылары аршылды. Кесененің құлаған күйі сол қалпында сақталған бөлігі 8,5×5,5 м көлемді алып жатыр. Негізгі құрылыс материалы ортағасырлық дәстүрлі 26×26×5; 27×27×6 см көлемдегі күйдірілген кірпіштер. Құрылыстың жоғарғы жағы мен есіктің айналасын бетіне кесіп өрнек салған тақталар құрандысы жапсырылған. Өрнектері сегізбұрыш түріндегі мұсылмандық стилдегі және қошқармүйіз оюлары түріндегі қазақи өрнектердің камбинациясымен топтастырылған. Безендіру тақталарының көлемі бірдей емес, көпшілігі 57×57×8; 50×50×8; 50×51×8 см өлшемде. Арасында 45×45×8 см көлемдегі тақталар да кездеседі. Тақталардың бетіне салынған өрнектер әр тақтаның көлемінде шектелмей көрші тақтадағы өрнектерге ұласып кетеді. Кейбір тақталардың орта тұсында түрлі көлемде салынған көздердің орындары қалған. Шамасы көздер тақталарға әк слақтарымен жапсырылған. Олардың орнында қалған әк сылақтары сақталған. Ал тақталардың шеттері мен есіктің арқаларын безендірген мозайкаларды құрастыруда көк, ақ, сары, жасыл, қалампыр түстес бояулар пайдаланған. Төртбұрыш, домалақ, сопақша, ром тәріздес, гүл тәріздес келген өрнектер әк сылағының бетіне құрастырылған. Арасында араб қарптерінің стиліндегі өрнектер де жиі кездеседі. Тұтас композициялық көріністі байқау мүмкін болмады. Өйткені, әк сылақтар ұзақ уақыт бойы әсер еткен ылғал және ыстық ауа мен үстінен басып жатқан ауыр топырақтың салдарынан күлдіреп кеткен. Бет жағын безендіруде мозайкадан басқа әртүрлі өлшемдегі және әртүрлі формадағы тақталар да қолданылған. Ғимараттың ішкі қабырғалары мен арканың беттері әк сылағының бетіне орналастырылған түрлі-түсті және түрлі пішінді жапсырмалармен қапталған. Құрылысқа арнайы өлшемде және қажетті пішінде әдейілеп жасалған кірпіштер де пайдаланылған. Олардың арасында бетіне кесіп салынған геометриялық нақыштары бар кірпіштер де кездеседі.

Осы қазбаның ашылған бөлігіндегі құрлыстың жобасы мен оны безендірген ішкі сыртқы өрнектеріне қарағанда кесене немесе қандайда бір сәулетті ғимарат болуы ықтимал деген болжам жасауға болады.

2 – қазба. Қазба қала шахристанының шығыс бөлігінде, қазіргі ауыл тұрғындарының қорымы орналасқан жерден 0,6 км шығыста жатқан төбелерінің біріне салынды. Төбенің оңтүстік-шығыс бөлігіне солтүстіктен оңтүстікке қарай бағыттала салынған қазбаның жалпы көлемі 26×22 м тереңдігі 1-1,2 м.

Қазба барысында сегіз бұрышты құрылыс нысаны толығымен ашылды. Ашылған нысанының сыртқы құрылысы әртүрлі ұзындықтағы сегіз қабырға мен төрт мұнарадан тұрады. Төменгі жағы 27×27×6; 26×26×5 см көлемдегі күйдірілген кірпіштен қаланған сыртқы қабырғалардың ені 1 м, сақталған биіктіктері 10–60 см.

Құрылыстың сыртқы барлық қабырғаларының ені 1 м болып келеді және олардың ішкі–сыртқы жиектері күйдірілген бүтін (көлемі 27×27×5) кесектерден өріліп, ортасы кесек сынықтарымен, қою лай араластыра отырып толтырылған.

Құрылыстың төрт бұрышында тұрғызылған диаметрі 1,6-1,9 м келетін дөңгелек мұнаралары бар. Барлық мұнаралардың сырқы жиектері арнайы дайындалған көлемі 20×20×10 см келетін, жартылай иілген күйдірілген кірпіштермен өріліп, ортасы кесек сынықтармен толтырылған. Арнайы дайындалған кесектер үшбұрышты қалыпта және бір қырын доғалдау қылып шеңбер тәрізді құрылысты өруге ыңғайлы етіп құйылған.

Ашылған нысанның қабырғаларына ішкі жағынан жапсарлас етіп салынған бірнеше бөлменің наубайы көрінеді. Нысанның ішкі жағы толық ашылып бітпегендіктен, ішкі құрылыстарының ерекшеліктері мен бөлмелер саны анықталған жоқ. Қазіргі жағдайда құрлыстың ашылған бөліктерінен шамамен 10 бөлменің орны байқалады. Құрлыс нысанының тең ортасында аумағы 12×12 м келетін сегіз қырлы ашық алаң және осы алаңның құрлысына сәйкес келетін аумағы 2,5×2,5 м күйдірілген кірпіш төселген сегіз қырлы еденің орны сақталған.

Қабырғалары тең есес сегіз бұрышты төрт мұнаралы бұл құрылыстың қандай ғимараттың орны болғаны әзірге белгісіз. Қазбадан қыш ыдыстардың сынықтары өте сирек кездескеніне қарағанда бұл ғимарат әсте тұрғын үй қалдығы емес. Шамасы мұсылман үлгісіндегі қандайда бір діни кешеннің, немесе қоғамдық құрылыстың орны болуы мүмкін. Қазіргі таңдағы ашылған құрлыс қалдығы Ирандағы Амин-Абад керуен-сарайына (XVI-XVIII ғғ.) ұқсас келетіндігін аңғаруға болады. (Всеобщая история искусств, 1961, с. 95).

Қазбаны тазарту кезінде еден деңгейінен бірқатар қыш ыдыстың сынықтары кездесті. Табылған ыдыстардың арасында бүтін немесе археологиялық бүтін ыдыстар кездеспеді, барлығы тек сынық күйіндегі бөлшектері ғана. Жалпы саны 100 аса ыдыс бөшлектері кездесті. Оның ішінде 12 бояулы, қалғаны бояусыз ыдыс сынықтары. Ыдыстардың көпшілігі домалақ пішінді және шарықта жасалған. Өте аз мөлшердегі қолмен жапсырылған ыдыс қалдықтары да бар. Ыдыстардын дені сары балшықтан ұсақ құм мен қышқақ араластыра отырып иленген. Ыдыстар бірқалыпты жақсы күйдіріліп, сыртына ангод жағылған. Ыдыстың сыртқы ерекшеліктеріне қарай отырып Қазақстанның оңтүстік өңірлеріндегі ескерткіштерде жиі кездесетін ортағасырлық қыш ыдыстармен ұқсастығы байқалады (Смагулов, с. 372-373, рис. 59-60). Сырлы бояумен боялған ыдыстардың сыртқы ерекшеліктері мен жасалу технологиясы да жалпы Сыр өңіріндегі отағасырлық Сығанақ сияқты ірі қалалардан табылған жәдігерлерге өте жақын келеді (Жолдасбаев т.б., 2016, 127, 131-132). Қыш ыдыс сынықтарының сыртқы үлгілеріне қарай отырып шамамен XV – XVI ғасырдағы ортағасырлық ескерткіштер қатарына жатқызуға болады (Қызылорда облысы..., 2018, 19-26).

Барлау жұмыстары. Ғылыми зерттеу жұмыстарының барысында Қышқаланың маңындағы аумаққа археологиялық барлау жұмыстары жүргізілді. Барлау барысында үш қалашық пен төрт мекенжайдың орындары анықталып, олардың сипаттамасы мен топографиялық жобасы түсірілді.

1. Құлболды қалашығы. Қоғалыкөл ауылының солтүстік-батысында 1 км жерде орналасқан. Солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай созылып жатқан алаңды төбе. Орталық бұрышы солтүстік-ығыс шетінде орналасқан. Географиялық координаттары: 44º47’25,81’’ СЕ, 65º10’17,72’’ ШБ., т.д.б. 123 м. Көлемі солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай 260 м, солтүсті-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай 150 м., биіктігі 7-8 м. Қалашықтың орталық бөлігінің үстінде Құлболды ишанның кесенесі орналасқан. Үстіңгі жағында қыш ыдыстардың сынықтары сирек кездеседі. Ескерткіштің топографиялық ерекшеліктері мен кездескен ыдыс сынықтарына қарап ескерткішті VI-IX ғғ. жатқызуға болады.

2. Іңкәрдария 1 мекенжайы. Осы аттас елді мекеннен 2 км солтүстік –батыста, қалаға апаратын тас жолдың оң жағасынан солтүстік шығысқа қарай 750 м жерде орналасқан.

Географиялық координаттары: 44º41’27,58’’ СЕ, 64º46’41,99’’ ШБ, теңіз деңгейінен биіктігі т.д.б. 114 м. Төрткіл түріндегі мекенжай бұрыштары дүниенің төрт тарабына бағыттас орналасқан. Көлемі 50х45 м, биіктігі 1 м. Айнала ормен қоршалған.

3. Іңкәрдария 2 мекенжайы. Осы аттас елді мекеннен солтүстік-батысқа қарай 3 км, Іңкәрдария 1 мекенжайынан солтүстік-шығысқа қарай 650 м жерде. Географиялық координаттары: 44º41’38,71’’ СЕ, 64º4.’11,47’’ ШБ, теңіз деңгейінен биіктігі т.д.б. 116 м. Бұл да төрткіл түріндегі мекенжай. Бұрыштарымен дүниенің төрт нүктесіменен бағыттас орналасқан. Көлемі 80х65 м, биіктігі 1 м. Айнала ормен қоршалған.

4. Тастөбе мекенжайы. Қышқала қалашығынан солтүстік- шығысқа қарай 2 км, Жаңадария каналынан осы бағытта 500 м жерде орналасқан. Географиялық координаттары: 44º43’46,18’’ СЕ, 65º11.’59,74’’ ШБ, теңіз деңгейінен биіктігі т.д.б. 123 м. Көлемі 30×30 м, биіктігі 7-8 м. Оңтүстік шетінде 25×15 м болатын қосымша құрылыс іздері байқалады.

5. Тазтөбе (Жұмабай) мекенжайы. Бесарық ауылынан оңтүстік –батысқа қарай 10 км, Қоғалы көл ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 15 км шамасында Жаңадарияның сол жағалауынан біршама жерде орналасқан. Географиялық координаттары: 44º39’02’’ СЕ, 65º16.’48,45’’ ШБ, теңіз деңгейінен биіктігі т.д.б. 123 м. Бөңгеденіп келген мекенжайдың жалпы аумағы 2 га, диагоналінен есептегенде 180, 200 м, биіктігі 9,10 м. Оңтүстік-батыс шетінде құдықтың орнына ұқсас дөңгелек келген шұңқыр бар. Оның диаметрі 4-5 м, тереңдігі 1,5-2 м. Ескерткіштің жобасы GPS құралының көмегімен түсірілді. Бұрын белгісіз болып келген, бірақ бесарық ауылының адамдары біледі. Қазба жұмыстары жүргізілмеген. Үстінен жиналған қыш ыдыстардың сынықтары қолдан жапсырылып жасалған сырланбаған ыдыс сынықтары. Сырлы ыдыстар сынығы кездеспейді. Топографиялық ерекшелігі мен ыдыс сынықтарының пішіндері осы өңірдің VII-VIII ғасырлар ескерткіштеріне ұқсас.

6. Қорғаншы қалашығы. VI-XI ғғ. Бесарық ауылынан оңтүстік-батысқа қарай 28 км, Қоғалыкөл ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 20 км жерде, көне арнаның оң жағалауында орналасқан. Географиялық координаттары: 44º35’46,23’’ СЕ, 65º04’58’’ ШБ, теңіз деңгейінен биіктігі т.д.б. 120 м. Сыртында қорғаныс қабырғасы бар ұзын қорғанды қала орны. Жалпы аумағы 8 га шамасында. Орта тұста орналасқан цитаделінің көлемі 65×75 м, биіктігі 2-2,5 м. Төрт бұрышында төрт мұнараның орны байқалады. Қақпасы оңтүстік шетінде. Қаланың ұзын қорғанының ішіндегі аймақта қыш ыдыстардың ұсақ сынықтары өте көп кездеседі. Арасында дирмен тастар мен темір шлақтары да бар. Сырлы ыдыстың сынықтары сирек және ұсақ ыдыстардың сынықтары. Оңтүстік-шығыс бұрышына салынған барлау шұңқырынан көзе, шарықта жасалған қыш ыдыс сынықтары, темір қортпасы, қазанның, шығыр құмырасының табаның бөліктері, т.б. көптеген ыдыстардың сынықтары шықты.

7. Мыңшоқы қалашығы. 10-14 ғғ. Бесарық ауылынан оңтүстік-батысқа қарай 18 км, Қорғаншы қалашығынан солтүстік-батысқа қарай 8 км жерде орналасқан. Географиялық координаттары: 44º37’04,25’’ СЕ, 65º10.’31,71’’ ШБ, теңіз деңгейінен биіктігі т.д.б. 123 м. Төрткүл түріндегі қалашықтың көлемі 90х90 м, мәдени қабатының биіктігі 0,5-0,8 м. Бұрын белгісіз болып келген. Жоғарғы бетінде күйдірілген кірпіштер мен қыш ыдыстардың сынықтары шашылып жатыр. Үстінен табылған қыш ыдыстар мен

бірнеше мыс бақырлар қалашықтың жоғарғы қабатының 14 ғасырға жататынын біл-діреді (Қызылорда облысы..., 2018, 28-30).

2018 жылы жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде Қышқаланың орналасқан жері, қазіргі таңдағы экологиялық ахуалы мен топографиялық құрылымы анықталып, си-паттамасы жасалды. Жоғарғы қабатынан бұзылған кесене мен сегіз қырлы құрылыстың қалдығы ашыла бастады. Ашылған құрлыстарда уақытша сақтау, бекіту, қоршау жұмы-стары жүргізілді. Археологиялық баралау жұмыстарын жүргізу барысында Қышқала-ның төңіреңгінен ортағасырлық 7 ескерткіш нысаны анықталды.

Әдебиеттер тізімі

Мәмиев Т. Кейінгі ортағасырлардағы Арал өңірінің қалалары (XIII – XVIII ғ.ғ). Та-рих ғылымының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін жазылан диссертация. – Ал-маты, 1999 – 151 б.

Всеобщая история искусств.Т. II, кн. 2. Искусство средних веков. Москва: Искус-ство, 1961. – 1028 с.

Жолдасбаев С. Ж., Жетібаев К.М., Бахытбаев М.М., Мургабаев С.С. Сығанақ жәді-герлері. – Түркістан: Тұран, 2016 – 182 бет.

Қоңыратбаев Ә.Қ. Жент және Баршынкент // Қоңыратбаев Ә. Көп томдық шығар-малар жинағы. – Алматы : Мер Сал Баспа үиі, 2004. – Т. 2. Түріктану және шығыстану мәселелері. – 518 б.

Қызылорда облысы Сырдария ауданындағы Қышқала қалашығына археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу қызметі тақырыбы бойынша 2018 жылы атқарылған ғылыми- зерттеу жұмыстары жайлы есеп (аралық). – Алматы, 2018. – 94 б.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы: АО АБДИ компани, 2011. – 436 с., ил.

М.Д. Калменов
Западно-Казахстанский государственный университет им. М.Утемисова
Уральск, Казахстан
M.D. Kalmenov
M. Utemisov West Kazakhstan State University
Uralsk, Kazakhstan
kalmenoff@mail.ru

НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА ЖАЙЫК (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2015 г.)

Аннотация. В статье рассматриваются результаты археологического исследования, проведенного в полевом сезоне 2015 г. в южной части некрополя городища Жайык. Некрополь расположен на Свистун-горе, которая в этом месте имеет вид широкого плато и восточнее от реки Жайык (Урал), которая оканчивается так называемыми Меловыми Горками. В ходе работы были вскрыты 16 погребальных объектов. Могилы относятся по выявленным археологическим материалам к XIII-XIV вв. Каких-либо артефактов жертвенного характера на площади раскопов не обнаружено.

Ключевые слова: Городище Жайык, археологические исследования, некрополь городища, серьга в виде знака «?».

Жайық қалашығының некрополі (2015 ж. археологиялық зерттеу нәтижелері бойынша)

Түйін. Мақалада Жайық қалашығы бейітінің оңтүстік бөлімінде 2015 жылғы дала маусымында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесі берілген. Бейіт Жайық (Урал) өзенінің шығысында, Желтау тауының (Свистун гора) кең жазығында орналасқан. Зерттеу жұмыстары барысында 16 жерлеу нысандары ашылды. Бұл нысандар археологиялық материалдарға сүйене отырып XIII-XIV ғғ. жатқызылды.

Түйін сөздер: Жайық қалашығы, археологиялық қазба жұмыстары, қалашық бейіті, «сұрақ» белгісі пішінді сырға.

Necropolis of the Zhaiyk settlement (According to the results of archaeological research in 2015)

Annotation. The article discusses the results of an archaeological study conducted in the 2015 field season in the southern part of the necropolis of the Zhaiyk settlement. The necropolis is located on the Whistler mountain, which in this place has the appearance of a wide plateau and east of the river Zhaiyk (Ural), which ends in the so-called Cretaceous Hills. In the course of the work, 16 burial sites were uncovered. The burial graves are attributed to the XIII-XIV centuries according to the identified archaeological materials. No artifacts of a sacrificial nature were found on the excavated area.

Keywords: Zhaiyk settlement, archaeological research, necropolis of ancient settlement, earring in the form of «?».

В полевом сезоне 2015 г. были продолжены археологические исследования на некрополе городища Жайык.

Раскоп был заложен в 300 м к юго-западу от круглого погребального сооружения, севернее от «Большого мавзолея». В предыдущие полевые сезоны было исследовано несколько погребальных объектов (Байпаков и др., 2002; Смагулов, 2002; Байпаков и др.,2005; Калменов, 2014; Калменов, Бижанова, 2015; Калменов, 2016). Как показывает опыт работы предыдущих лет, для выявления объектов наибольший эффект дают раскопки методом «ковра», и в этом сезоне, нами был использован такой метод. Во время рекогноцировочной разведки в 2013 г. был заложен шурф размером 2×2 м, на глубине 80 см были выявлены контуры погребальной ямы. На этом месте и был заложен раскоп. Первоначально раскоп был заложен на площади 12×12 м, по оси С-Ю, а в дальнейшем площадь раскопа расширена по направлению на север, достигнув размера 30×10 м. На этом участке после снятия верхнего слоя (20-30 см) были выявлены контуры расположенной цепочкой 17 могильных ям.

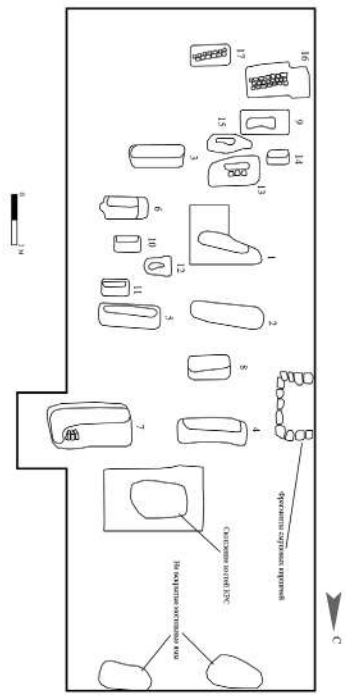


Рис. 1. План раскопа 2015 г. Некрополь городища Жайык

Малоинформативность мусульманского погребального обряда населения городища Жайык, до сих пор «отпугивает» нас от попытки дополнительного освещения истории исламизации Золотой Орды с использованием материалов захоронений. В ходе исследования, четко наблюдались два основных требования мусульманского погребального канона – отсутствие инвентаря в погребении и поворот лица покойного

на Мекку (соблюдение киблы) (Бисембаев, Гуцалов, 1998). Преобладающей формой могильных ям является простой прямоугольной. В ряде случаев стенки ямы незначительно сужаются или расширяются ко дну. Однако, едва ли можно считать такие отклонения специфичными чертами погребального обряда, обусловленными различиями этнического или религиозного характера. Преобладают могильные ямы, имеющие уступ и подбойные могилы. По глубине могильные ямы достигают до 1 м.

Деревянная конструкция в виде перекрытия встречена в нескольких могилах. Перекрытия встречаются как в простых по форме могильных ямах, так и в могилах с уступами вдоль длинных стен. Перекрытия обычно представляют собой доски различного размера поперечно положенные. Остатки гробов зафиксированы в одной могиле. Ориентировка лиц у всех покойников южная. Особых расхождений в позе погребенных нет. В восьми ямах похоронены дети.

Погребение № 1 было обнаружено во время заложения разведочного шурфа в 2013 г. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 2,1×0,9×0,9 м, на глубине 48-50 см имеется уступ, имеющий ширину 40 см. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на ССЗ, лицом на ЮЮЗ, правая рука согнута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть расположена на левом крыле таза. Ноги вытянуты на ширине плеч. Погребальный инвентарь отсутствует.

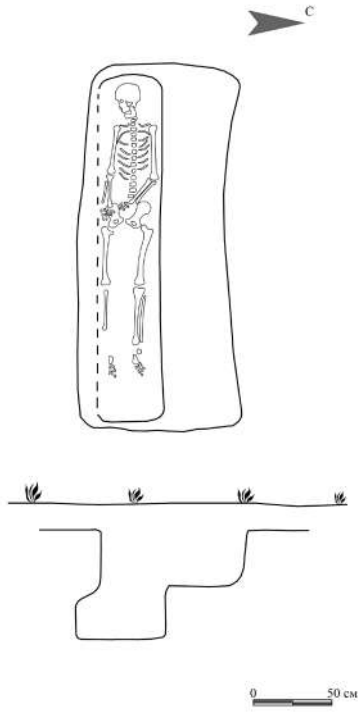


Рис. 2. Погребение 1.
Некрополь городища Жайык

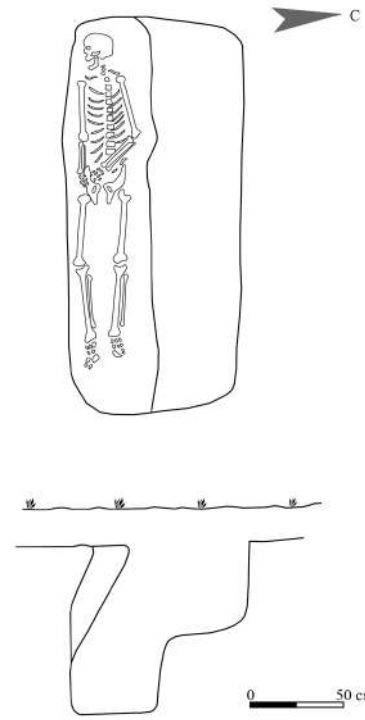


Рис. 3. Погребение 2. Некрополь
городища Жайы

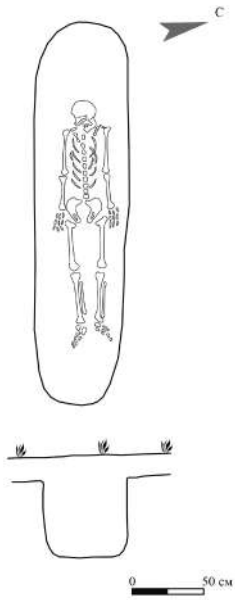


Рис. 4. Погребение 3.
Некрополь городища Жайык

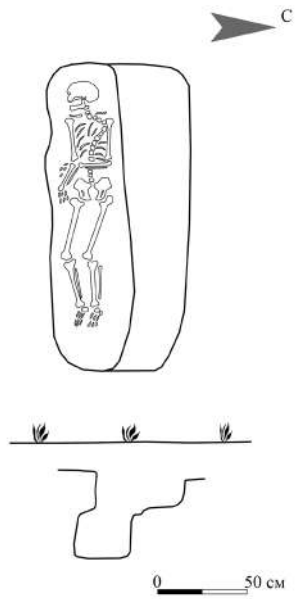


Рис. 5. Погребение 4.
Некрополь городища Жайык

Погребение № 2. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 2,2×0,7×0,6 м. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, обе руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты на ширине плеч. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 3. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 1,7×0,6×0,5 м. На глубине 25 см имеется уступ, имеющий ширину 40 см. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, лицом на юг. Позвоночник искривлен. Правая рука расположена под тазовыми костями. Кости нижних конечностей слегка согнуты и отставлены вправо. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 4. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 2,3×0,9×0,7 м, на глубине 40 см имеется уступ, имеющий ширину 43 см. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, лицом на юг. Правая рука расположена под тазовыми костями, левая согнута в локте и кисть лежит на левом крыле таза. Ноги вытянуты на ширине плеч. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 5. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 1,3×0,5×0,6 м. на глубине 30 см имеется уступ, имеющий ширину 20 см. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, лицом вверх. Обе руки вытянуты вдоль тулова. Ноги вытянуты на ширину плеч. С правой стороны черепа была найдена серьга, она изготовлена из металлической проволоки в виде знака вопроса. В нижней части имеется намотка с креплением бусины, возможно, жемчужины. В районе левой ключицы погребенного найдена бусинка из стеклянной пасты бежевого цвета. Серьги являются довольно распространенной категорией, они выполнялись из металлической проволоки различного диаметра. Материал, из которого изготавливались, – бронза,

серебро, изредка золото. По форме делятся на два типа: круглые и в виде знака вопроса. На круглых серьгах иногда бывает надета бусина. У выполненных в виде знака вопроса серег, в нижней части имеется намотка, крепятся бусины, жемчужины, полудрагоценные камни и т. Встречаются в большинстве случаев в женских погребениях, в мужских, если имеется, то одна серьга с левой стороны. Возможно, это проявление общекочевого обычая, нечто вроде моды, тем более, что этот момент известен и в ранних погребениях. Аналогичные серьги обнаружены в могильнике Мокринский I, в погребении кургана № 9 (Жумаганбетов, 1995).

Погребение № 6. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 1,3×0,7×0,7 м, на глубине 43 см имеется уступ, имеющий ширину 30см. На верхнем горизонте ямы замечены остатки деревянных конструкций в виде перекрытий. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, лицом на юг. Правая рука расположена под тазовыми костями, левая вытянута вдоль тулова. Ноги вытянуты на ширину плеч. Погребальный инвентарь отсутствует.

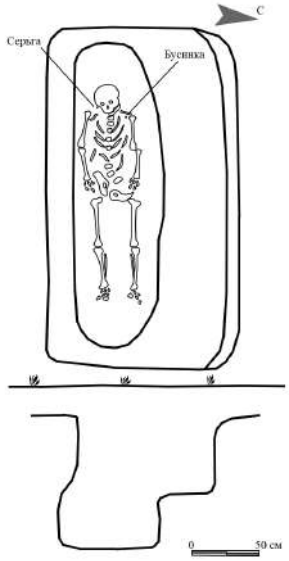


Рис. 6. Погребение 6.
Некрополь городища Жайык

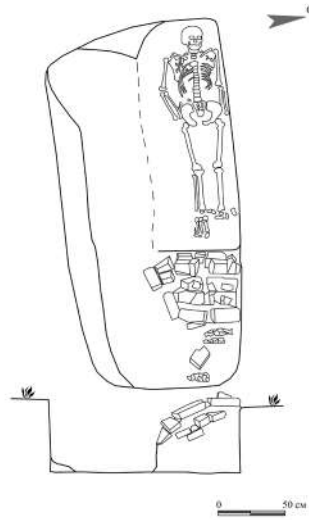


Рис. 7. Погребение 7.
Некрополь городища Жайык

Погребение № 7. По конструкции данный памятник очень интересный, возможно, здесь присутствует несколько захоронений с остатками деревянных гробов. Из-за отсутствия времени нами было вскрыто только верхнее погребение. Размеры ямы – 2,3×1,5×0,4 м. После удаления верхнего горизонта (20-25 см) обнаружен череп погребенного, чуть ниже располагались остатки деревянного гроба. В районе нижних конечностей были сконцентрированы остатки выкладки из жженых кирпичей. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, лицом вверх. Правая рука чуть согнута и расположена под тазовыми костями, левая вытянута вдоль тулова. Ноги вытянуты на ширину плеч. Погребальный инвентарь отсутствует.

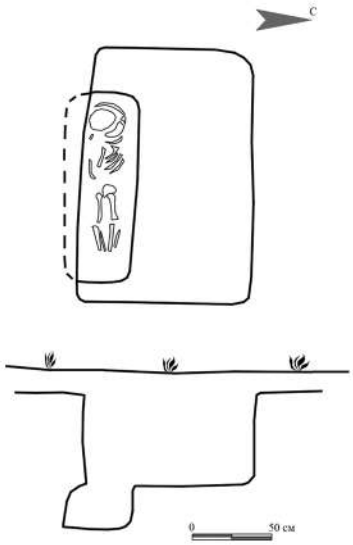


Рис. 8. Погребение 12.
Некрополь городища Жайык

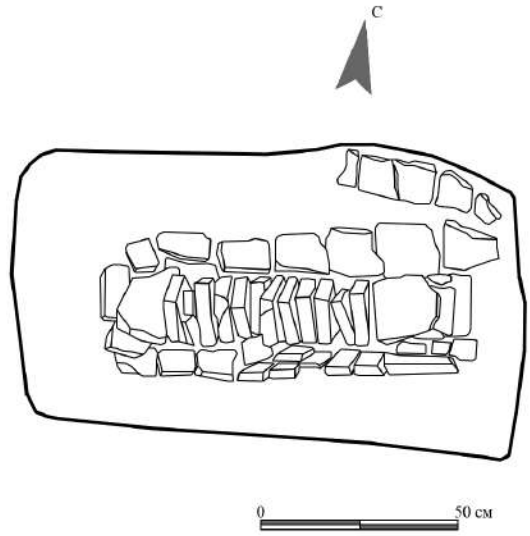


Рис. 9. Погребение 16.
Некрополь городища Жайык

Погребение № 8. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 1,3×0,5×0,4 м, на глубине 30 см имеется невысокий уступ, имеющий ширину 15 см. На верхнем горизонте ямы замечены остатки деревянных конструкций в виде перекрытий. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, лицом на юг. Верхняя часть костяка сильно потревожена. Обе руки лежат не в анатомическом и разбросаны по краям камеры. Ноги вытянуты на ширину плеч, судья по костям, погребение принадлежит подростку. Погребальный инвентарь отсутствует.

Далее погребения принадлежит детским захоронениям.

Погребение № 9. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 0,9×0,3×0,25 м. Погребение пустое, в ходе зачистки памятника не были обнаружены кости. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 10. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 0,55×0,3×0,3 м, на глубине 25 см имеется невысокий уступ, имеющий ширину 10 см. Во время зачистки погребальной камеры присутствовали лишь нижние конечности погребенного, остальные кости отсутствовали. Погребального инвентаря нет.

Погребение № 11. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 1,1х×0,3×0,7 м, на глубине 45 см имеется невысокий уступ, имеющий ширину 30 см. Погребенный располагается вытянутым на спине, ориентирован головой на запад, лицом на юг. Руки, позвоночник и ребра разбросаны. Череп раздавлен. Ноги вытянуты на ширину плеч. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 12. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 0,9×0,6×0,5 м, на глубине 30 см имеется невысокий уступ, имеющий ширину 40 см. Погребенный сохранился очень плохо. Череп раздавлен, остальные части скелета рассыпаны и

измельчены, возможно, погребенный был младенцем. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 13. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 0,8×0,3×0,3 м, на глубине 20 см имеется невысокий уступ, имеющий ширину 30 см. Сверху уступа поставлены плашмя три жженых кирпича, квадратной формы, размеры которых – 25×22×4; 23×22×3; 24×23×4 см. Состояние погребенного аналогично вышеописанному. Череп раздавлен, остальные части скелета рассыпаны и измельчены, возможно, погребенный был младенцем. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 14. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 1×0,3×0,6 м, на глубине 23 см имеется невысокий уступ, имеющий ширину 25 см. В ходе зачистки погребальной ямы обнаружено только несколько измельченных костей конечности. Они были обнаружены на западном и восточном участке ямы. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 15. Могильная яма прямоугольной формы, размеры – 0,9×0,3×0,5 м, на глубине 20 см имеется невысокий уступ, имеющий ширину 23 см. В ходе зачистки погребальной ямы обнаружена только концентрация измельченных костей в западном секторе ямы. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребения № 16 и ***№17*** из-за отсутствия времени не были вскрыты. После снятия верхнего горизонта они представляют собой выкладку из кирпичей.

На южной и северной бровках раскопа прослеживаются следы, возможно, от погребальных ям. В западной бровке раскопа четко читаются контуры остатка сырцового сооружения.

Исследованные погребальные могилы относятся по выявленным археологическим материалам к XIII-XIV вв.

Происходившие в XII-XIV вв. бурные политические события получили свое отражение и в археологическом материале, что позволило исследователям разделить памятники на три хронологические группы: I) домонгольскую (XII – начало XIII в.); II) золотоордынскую, языческую (середина XIII – первая треть XIV в.); III) золотоордынскую мусульманскую (середина XIV – начало XV в.) (Иванов, Кригер, 1988; Федоров-Давыдов, 1966). В погребальном обряде интересующего периода одна черта выделена Г.А. Федоровым-Давыдовым, как принесенная с востока – сооружение подбоев. Им подытоживаются и выделяются черты, значительно участившиеся и появившиеся в золотоордынский период, а именно – северная ориентировка погребенных, без костей коня, каменные выкладки над могилами и подбои (Федоров-Давыдов, 1966). Эти моменты подчеркиваются в сочинениях европейцев – Плано Карпини и Вильгельма Рубрука (Путешествия…, 1993). В курганной группе Кривая Лука XVI на правобережье Волги в Астраханской области при исследовании кургана № 5 зафиксированы следы сложных обрядовых действий. В насыпи кургана по периметру был сложен восьмиугольник из бревен. Стратиграфические наблюдения показали, что между сооружением ямы, бревенчатой конструкции и возведением насыпи существовал продолжительный промежуток времени (Федоров-Давыдов, 1984).

Таким образом, подводя итоги анализа погребений с некрополя городища Жайык, можно сделать определенные обобщения и выделить наиболее яркие черты в погребальном обряде. Золотоордынский период отмечен изменениями в обряде, которые

прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную. Упрощается форма могильных ям. Кроме того, в золотоордынский период в различных регионах появляются погребения, эволюционно восходящие к датируемым несколько более ранним временем из Южной Сибири. Правда, известно их пока немного (Федоров-Давыдов, 1984; Кызласов, 1980; Боталов, 1992). Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности начинают отчетливо проступать результаты исламизации кочевого общества. Часть населения, особенно локализовавшаяся около городских центров начинает хоронить своих покойников, максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы, обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря (Халикова, 1986). При этом, по погребениям прослеживается поло-возрастная дифференциация – женские и детские захоронения совершаются по упрощенному ритуалу. Другая часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжает хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, ориентируя по прежним направлениям и продолжая укладывать в могилы инвентарь.

Таким образом, следует подчеркнуть, что крупные события в политической жизни кочевников степной полосы Евразии, получившие отражение в перестановках доминирующих племенных групп, приводили также к изменениям в этнокультурных процессах, что в свою очередь отразилось и на археологическом материале. При всех изменениях, общие тенденции погребальной обрядности поддаются реконструкции и позволяют прослеживать смену ритуальных моментов по хронологическим периодам.

Список литературы

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №. 1. –Уральск. 2002. – С.72-75.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. – Алматы: 2005.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 1998. № 1. – С. 152-161.

Боталов С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // РА, 1992. № 2. – С. 230-239.

Жумаганбетов Т.С. Золотоордынские памятники Степного Приуралья // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1995. № 4. – С. 32-34.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). – М., Наука, 1988. – 103 с.

Калменов М.Д. Круглое погребальное сооружение с городища Жайык // Материалы Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2014». – Актобе. 2014. – С. 201-208.

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. «Об одном погребении, найденном на городище Жайык» // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале». – Челябинск. 2015. – С. 311-314.

Калменов М.Д. Городище Жайык – памятник средневековой городской культуры (по результатам археологических изысканий 2012-2015 гг.). – Уральск, 2016.

Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА, 1980. № 2. – С. 80-93.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – Алматы, 1993. – 248 с.

Смагулов Е.А. Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области//Известия МОН РК, серия обществ. наук, №1. 2002. – С. 91-103.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., МГУ, 1966. – 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан, 1984. – С. 98-108.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань, 1986. – 180 с.

М.Б. Кожа, М. Гурсой, Б. Сиздиков
Международный Казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави
Туркестан, Казахстан
M.B. Kozha, M. Gursoy, B.Sizdikov
K.A. Yasawi International Kazakh-Turkish University
Turkestan, Kazakhstan
mukhtar_kozha@mail.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОРОДИЩЕ ШАНШАР-АСАРЧИК

Аннотация. В статье излагаются материалы, собранные в ходе исследования городища Шаншар-Асарчик осенью 2018 г. Произведено повторное обследование городища, которое включало снятие плана центральных развалин комплекса лазерным тахеометром Trimbel и воссоздание топоплана центральных частей памятника. Анализируется новый подъемный материал с городища. На основе датировки керамики воссоздается картина функционирования комплекса. В I в. до н.э. была построена крепость, которая ныне располагается в восточной части городища. Где-то в первые века н.э., возможно, в связи с изменением русла Сырдарьи жители покинули поселение. Со временем с приходом воды в старое русло реки рядом с развалинами старой крепости возводится новый укрепленный город. Наличие «длинной стены» и другие фортификационные элементы памятника позволяют предполагать, что городище являлся значимым центром Средней Сырдарьи. По находкам керамики время функционирование крепости в западной части городища, скорее всего, относится к VI-VIII вв. н.э. Отсутствие поливной керамики дает основание считать, что жизнь на городище перестает функционировать до IX вв.

Ключевые слова: Шаншар-Асарчик, Сырдарья, археология, Казахстан, Коксарай.

Шаншар-Асаршық қалашығында жүргізілген жаңа зерттеулер хақында

Түйін. Бұл мақалада Шаншар-Асаршық қалашығында 2018 ж. күзінде жүргізілген зерттеу жұмыстары баян етіледі. Археологиялық кешенін орталық бөлігінде қайта зерттеу жүргізіліп лазерлік тахеометр Trimbel сызбалар жасалды. Барлау жұмысы кезінде табылған керамика үлгілері талданады. Осының негізінде археологиялық кешеннін бөліктерінің қызмет ету мезгілдері туралы болжам жасалады. Б.э. дейінгі I ғ. ескерткіштің шығыс бөлігінде салынған қорған пайда болады. Б.э. бірінші ғғ. Сырдарияның арнасынын өзгеруіне орай болса керек қорған тұрғындары мекенжайларын тастап кетеді. Ескі арнаға су оралуына орай байырғы қорған қасына жаңа қорған бой көтереді. «Ұзын қорған» және басқа фортификациялық элементтерге қарағанда бұл Сырдариянынорта ағысындағы елеулі орталық болған. Крамика үлгілеріне қарағанда ескерткіштің батыс бөлігіндегі қорған VI-VIII ғғ. жатады. Сырлы керамика үлгілері табылмағанына қарағанда қалашық IX ғғ. дейін тіршілік болған.

Түйін сөздер: Шаншар-Асаршық, Сырдария, Археология, Қазақстан, Көксарай.

New data about the city of Shanshar-Asarchik

Annotation. This article is about the materials collected during the research of the Shanshar-Asarchik city in autumn 2018.Produced repeatedly survey to the city which included to the removal plan of the central ruins of the complex with a Trimbel laser tachymeter and the reconstruction to the top-plan of the monument's central parts. Analyzed new lift material from the settlement. Based on the dating of ceramics, a picture of the functioning of the complex is recreated. In the 1st c. BC a fortress was built, which is now located in the eastern part of the settlement. Somewhere in the first centuries AD, probably due to a change in the riverbed of the Syrdarya, residents left the settlement. Over time, with the arrival of water in the old riverbed, next to the ruins of the old fortress was built a new fortified city. The presence of a «long wall» and other fortification elements of the monument suggest that the city was a significant center of the Middle Syrdarya. According to the findings of ceramics, the time of the functioning fortress in the western part of the settlement, most likely, refers to the VI-VIII centuries. The absence of glazed ceramics gives reason to believe that life in the settlement ceases to function until the IX centuries.

Keywords: Shanshar-Asarchik, Syrdarya, Archeology, Kazakhstan, Koksaray.

К концу XX в. в районе Средней Сырдарьи (Отрарский район Туркестанской области) было выявлено неординарное по ряду параметров городище Шаншар-Асарчик (Кожа, 2005, с. 23-28; 2007, с. 91-94, 81-82). Примечательна топография городища, состоящая из различных военно-оборонительных сооружений (рис. 1). Общая площадь развалин составляет около 140 га. Комплекс объединен внешней стеной и рвом протяженностью около 4,8 км.

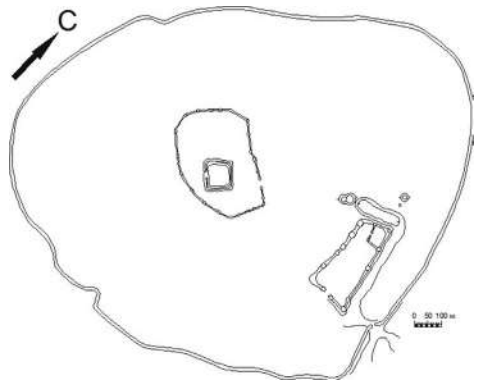


Рис. 1. Городище Шаншар-Асарчик. Схематический план 2000 г.

В западной половине городища возвышается крепость подпрямоугольной формы 80×85×95×82 м. Оплывшие и частично засыпанные песком стены имеют ширину 10-15 м, высоту 2-3 м. По углам располагаются башни. В середине юго-западной стены прослеживаются остатки ворот, фланкированные башнями. Диаметр следов башен 6-8 м. Судя по рельефу местности к воротам крепости был сделан пандус. Территория, прилегающая к крепости общей площадью около 9 га окружена стеной протяженностью около 1 км. На ней четко различаются следы 23 башен.

В 310 м к востоку от первой крепости находится второе укрепление четырехугольной формы (340×90×225×140 м) с 11 башнями. Северо-восточный угол восточной крепости (50×50 м) огорожен стенами. Въезд в нее располагается на западной стене и фланкирован башнями. С юго-запада и юго-востока к нему примыкает площадка, окруженная стеной с 11 башнями. Въезд расположен в середине юго-восточной стены. К северу от вышеописанной крепости, прямо за ложбиной-рвом прослеживаются бугры, остатки производственных печей, где и был собран в 2000 г. подъемный материал, позволяющий определить время существования, по крайней мере, второго укрепления. Керамика представлена фрагментами венчиков и придонной части крупных сосудов. Судя по фрагментам венчиков, они принадлежат трем хумчам, диаметр устья которых равнялся 23 см, 25 см, 26 см. Толщина стенок сосудов от 1 до 1,7 см. Керамика сделана на гончарном круге. Глина хорошо отмучена. Обжиг равномерный красноватого цвета. Сосуды имели округлый валикообразный венчик и короткую шейку, отделенную от тулова невысоким рельефным валиком, покрыты снаружи светлым ангобом. По венчику проведена раскраска темно-коричневым ангобом шириной от 1 до 2,5 см. Профиль венчиков близок к профилю венчиков парфянских хумов Старой Нисы, датируемый I в. до н.э. (Массон, 1951, с. 416-418). Фрагменты хумчи из исследуемого городища украшены горизонтальными поясками или валиками, что характерно для крупных сосудов Хорезма раннекангюйского времени (IV-II вв. до н.э.). (Воробьева, 1959, с. 92-95). На основании этого было высказано предположение, что крепость в восточной части городища является более ранней, нежели западная и датируется I в. до.н.э. – первой половиной первого тысячелетия н.э. (Кожа, 2007, с. 92). В ходе библиографических поисков нами выявлено, что памятник был обозначен на карте Н.В. Руднева, опубликованной в газете «Туркестанские ведомости» в 1903 г. (№ 86, 26 октября). На ряде крупномасштабных советских топографических карт городище обозначено как развалины крепости Асарчик.

Осенью 2018 г. предприниматель Жанысбеков Оразхан Кенжегулулы спонсировал нашу поездку к развалинам Шаншара, в ходе которой произведено повторное обследование городища, которое включало снятие плана центральных развалин комплекса лазерным тахеометром Trimbel и воссоздание топоплана центральных частей памятника (рис. 2).

В то же время собран новый подъемный материал. Необходимо отметить отсутствие как и при первом, так при повторном сборах подъемного материала образцов глазурованной керамики. Среди находок интересен новый фрагмент хумчи с диаметром устья 34 см, толщиной стенки 1,0 см. Сосуд имеет короткую шейку, отделенную от тулова невысоким рельефным валиком. Изготовлен на гончарном круге. Л.М. Левина, отмечая схожие образцы керамики на городище Ак-тоган, пишет, что сосуды типа хумов с валиком под горлом напоминают хумы Хорезма кангюйского времени. Керамика городища Ак-тоган датируется рубежом или последними веками до н.э. – III-IV вв. н.э. (Левина, 1971, с. 206). Описывая особенности керамики первого этапа (рубеж или первый век до н.э. – конец III – начало IV в. н.э.) культурных областей Сырдарьи, Л.М. Левина пишет, что сосуды типа хумов отрарско-каратауской культуры, в отличие от каунчинских, часто имеют выделенную шейку и уступ или валик под ней (Левина, 1971, с. 227). Однако такие хумы и хумчи с валиком отсутствуют в описании ранней керамики Южного

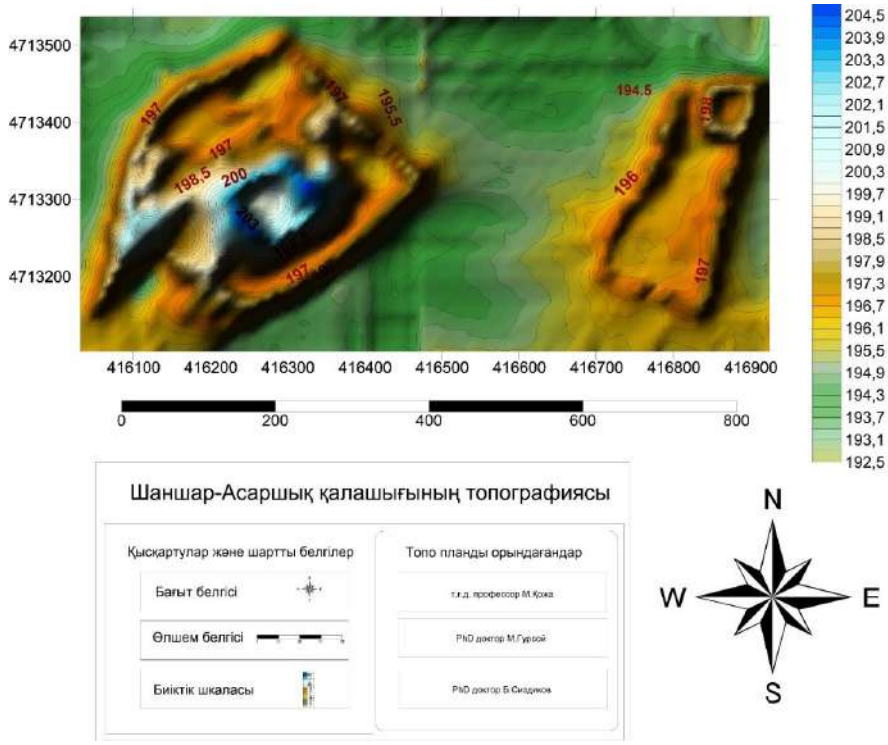


Рис. 2. Городище Шаншар-Асарчик. Топоплан 2018 г.

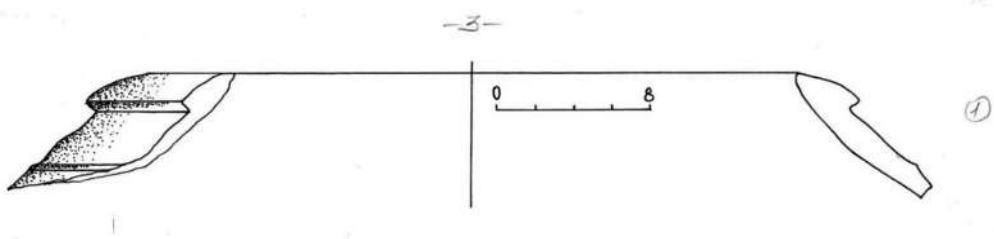


Рис. 3. Городище Шаншар-Асарчик. Керамика 2018 г.

Казахстана (I-IV вв. н.э.) в монографии К.М.Байпакова и А.Н. Подушкина, что может служит аргументом в пользу более ранней датировки городища Шаншар (Байпаков, Подушкин, 1989, с. 110-151).

Интересны два фрагмента керамики с загибающими внутрь краями. Первый из них ручной лепки и является частью кухонной посуды, второй – тонкостенный (4,5-5 мм), сделан на гончарном круге и относится к столовой керамике. Подобные профили края мисок и кружек встречены в керамике Отрарского оазиса I-VI вв. н.э. (Байпаков, Подушкин, 1989, с. 116, 118).

Подобраны два напрясла. Оба изготовлены из фрагментов керамики в виде кружков с отверстием в центре. Однако напрясла не могут служить датирующим материалом и бытовали в течение всех периодов сырдарьинских культур.

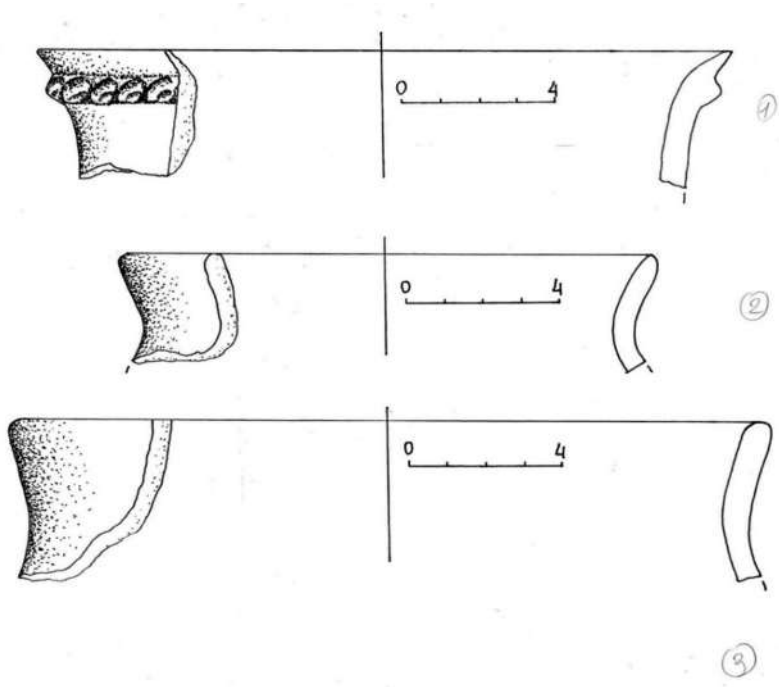


Рис. 4. Городище Шаншар-Асарчик. Керамика 2018 г.

Примечателен фрагмент кухонного горшка с с орнаментом в виде налепного валика с защипами на нижней части наружной стороны венчика. Такая орнаментация была характерна для третьего этапа отрарско-каратауской культуры (VI-VIII вв. н.э.) (Левина, 1971, с. 224).

Таким образом, находки 2018 г. с территории городища Шаншар-Асарчик в совокупности с ранее известными материалами позволяют реконструировать схематическую картину функционирования комплекса. В I в. до н.э. была построена крепость, которая ныне располагается в восточной части городища. Находка в этой части городища в 2000 г. фрагмента керамического сосуда для хранения вина позволяет предполагать выращивание винограда в данной местности. Керамические изделия станковой работы, находки пряслиц говорят о развитии ремесел. Где-то в первые века н.э., возможно, в связи с изменением русла Сырдарьи жители покинули поселение. Со временем с приходом воды в старое русло рядом с развалинами старой крепости возводится укрепленный город. Наличие «длинной стены» и другие фортификационные элементы памятника позволяют предполагать, что Шаншар-Асарчик являлся значимым центром на территории Средней Сырдарьи. По находкам керамики время функционирование крепости в западной части городища, скорее всего, относится к VI-VIII вв. н.э. Отсутствие поливной керамики дает основание считать, что жизнь на городище перестает функционировать до IX вв.

Список литературы

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. –160 с.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 63-220.

Кожа М.Б. Городище Шаншар (Асарчик) // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. – Алматы: «Баур», 2007. – С. 92-94.

Кожа М.Б. О забытых и новых памятниках Отрарского района ЮКО (Дополнения к «Своду памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область») // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Труды II-ой Международной научно-практической конференции. – Алматы: Принт S, 2005. – С. 23-28.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М., 1971. – 251 с.

Массон В.М. Хумы Нисы // ТЮТАКЭ. – Т.II. – Ашхабад: Изд. Туркменской ССР, 1951. – С. 413-436.

С.А. Котеньков
Институт океанологии им П.П. Ширшова
Астрахань, Россия
S.A. Kotenkov
P.P. Shirshov Institute of Oceanology
Astrakhan, Russia
s_kotenkov@mail.ru

БЭРОВСКИЕ БУГРЫ – ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Аннотация. На просторах Северного Прикаспия имеются удивительные положительные формы рельефа – бугры Бэра. Они заметно выделяются на фоне окружающего равнинного рельефа. Впервые эти бугры описал академик К.М. Бэр, и он же сделал предположение о том, как они образовались. В прикаспийских степях самыми многочисленными археологическими объектами являются курганы, начало сооружения которых относятся к эпохе энеолита. Начиная с эпохи бронзы древнее население волжской дельты стало использовать бэровские бугры в качестве мест захоронений. Первым исследователем, начавшим археологическое изучение бугров Бэра в Северном Прикаспии, был Лев Гумилев. На природных возвышенностях, он обнаружил десятки поселений, грунтовых могильников, отдельных местонахождений. Необходимо объединить усилия российских и казахстанских археологов для изучения бугов Бэра – уникальных природных и археологических объектов.

Ключевые слова: бугры Бэра, Северный Прикаспий, дельта реки Волга, городища, поселения, грунтовые могильники, курганы.

Бэр төбелері – Солтүстік Каспий маңының әлеуетті археологиялық ескерткіштері

Түйін. Солтүстік Каспий маңы жазығында рельефтің тән қаларлық формалары – Бэр төбелері бар. Олар қоршаған жазықтық рельефке байланысты ерекше байқалады. Алғаш бұл төбелерді академик К.М. Бэр сипаттап жазған, және ол бұл төбелердің қалай пайда болғандығы туралы да болжам жасаған. Каспий маңы жазығында көптеген археологиялық нысандар қорғандар болып табылады. Олар неолитте тұрғызыла бастады. Қола дәуірінен бастап Волга сағасының көне тұрғындары Бэр төбелерін жерлеу орындары ретінде пайдалана бастады. Солтүстік Каспий маңында Бэр төбелерін археологиялық зерттеуді бастаған алғашқы ғалым Лев Гумилев болды. Табиғи төбелерде ол ондаған қоныс, топырақ обалар тапты. Бэр төбелерін – ерекше табиғи және археологиялық нысандарды зерттеуге ресейлік және қазақстандық археологтардың күштерін біріктіру қажет.

Түйін сөздер: Бэр төбелері, Солтүстік Каспий маңы, Волга өзенінің сағасы, қалашықтар, қоныстар, топырақ обалар, қорғандар.

Baer knolls – potential archaeological monuments of the Northern Caspian

Annotation. In the vast expanses of the Northern Caspian, there are forms of relief – the Baer hillocks. They appreciably standing out against the background of the surrounding lowland relief. For the first time these hillocks, were described by Academician K.M. Baer, and he also made an assumption about how they formed. In the Caspian steppes, the most numerous archaeological objects are the barrows, the beginning of the construction of which, belong to the Eneolithic era. Since the Bronze Age, the ancient population of the Volga delta began to use Baer hillocks as burial sites. The first researcher who began the archaeological study of the Baer hillocks in the Northern Caspian was Lev Gumilev. On natural ridges, he found dozens of settlements, burial grounds, sites. It is necessary to unite the efforts of Russian and Kazakhstan archeologists to study the Baer hillocks – unique natural and archaeological objects.

Keywords: Baer hillocks, Northern Caspian, delta of the Volga river, ancient cities, settlements, burial grounds, barrows.

Необычные формы рельефа, так называемые «Бэровские бугры», представляющие собой параллельные, песчаные и супесчаные гряды широтного и субширотного направления, расположены в Прикаспийской низменности между устьями Кумы и Эмбы. Они правильной и однообразной формы, ориентированы длинными осями с запада на восток.

Большую роль в изучении бугров сыграл академик Карл Бэр, сравнивший их с волнами открытого моря, охарактеризовавший их морфологию, морфометрию, взаиморасположение, геологическое строение. Впоследствии, эти уникальные памятники природы были названы именем своего исследователя. Процесс их формирования начался навеванием толщи в межхвалынскую регрессию, продолжился частичным размыванием и накоплением морского песка в позднехвалынскую трансгресию, завершился в послехвалынскую регрессию «достроением» делювиально-морскими отложениями (Белевич, 1991, с. 101).

Существуют несколько гипотез относительно происхождения бугров Бэра и бугровых отложений, систематизированные А.А. Свиточ и Т.С. Клювиткиной. Исследователи условно разделили существующие генетические гипотезы на группы: морские, эрозионные и эоловые, а также полигенетические и экзотические (тектоническую и ледниковую) (Свиточ, Клювиткина, 2007, с. 28-34).

В Северном Прикаспии бугры образуют ряд скоплений, самое крупное из них – это группировка Нижнего Поволжья. Помимо нее, бэровские бугры, либо сходные с ними структуры отмечались во многих районах Северного Прикаспия: вдоль северного побережья Каспия, у Новобогатинска и Атырау (Гурьева), дельтах Сагиза (Макат, Доссор, Тентяк-Сор) и Эмбы (Леонтьев, 1965, с. 90-91) (рис. 1).

Наибольшее распространение бугры имеют на территории западного ильменно-бугрового района (западных подстепных ильменей) и в дельте реки Волга. Волжская дельта занимает площадь ок. 20000 км², в ней начитывается сотни рукавов и проток, густо заросших камышом (Лоция Каспийского моря, 1997, с. 14).

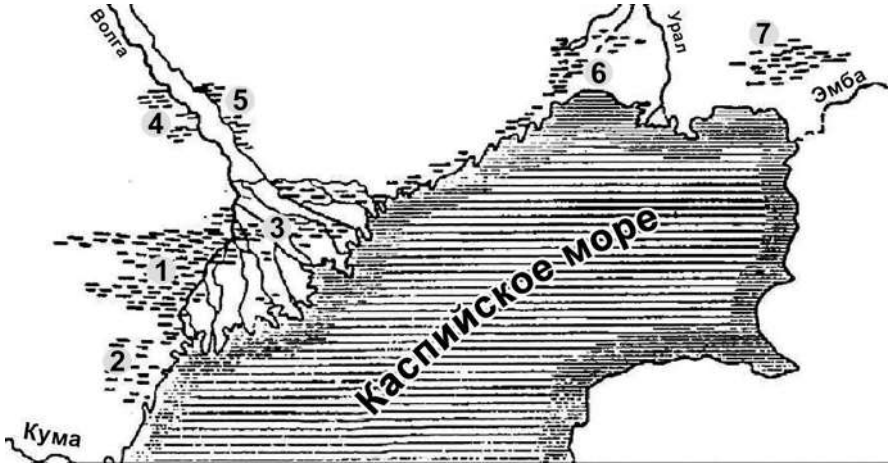


Рис. 1. Районы распространения бугров Бэра: 1 – «подстепные ильмени»; 2 – Черные Земли; 3 – дельта Волги; 4 – Енотаевский р-он; 5 – Харабалинский р-он; 6 – Новобогатинский р-он; 7 – Тентяк-сор (Леонтьев, 1965, рис. 1)

На относительно ровном ландшафте дельты несколькими обособленными ареалами разной величины и конфигурации выделяются удлинённые прямолинейные и параллельные друг другу гряды или бугры. Более длинные бугры часто состоят из двух-трех более мелких.

Гряды имеют слабовыпуклые вершины и асимметричные склоны разной крутизны. Северные склоны более крутые (от 4°-6° до 10°-12°), а южные выположенные (3°-4,5°). Асимметрия строения установлена и по длинной оси гряд: восточные склоны круче западных. Высота гряд колеблется от 6-8 до 20-22 м, редко до 45 м, длина от нескольких сот метров до 7-8 км, ширина 200-300 м. Иногда эти грядовые возвышенности чередуются межбугровыми понижениями, залитыми водой, образуя уникальный ильменно-бугровой ландшафт (Головачев, 2017, с. 140).

В прикаспийских степях самыми многочисленными археологическими объектами являются курганы, начало сооружения которых относится к эпохе энеолита. Большое количество курганных насыпей расположены в Волгоградской области, Калмыкии, степных районах Казахстана, на севере Астраханской области: в Черноярском, Ахтубинском, Енотаевском районах. Но в районах волжской дельты: Володаровском, Икрянинском, Камызякском, Лиманском, на южных окраинах Наримановского и Красноярского районов, курганы, до настоящего времени, не обнаружены. Южная граница их распространения на правобережье Волги проходит в районе с. Сеитовка Красноярского района, а на левобережье у с. Верхнелебяжье Наримановского района Астраханской области. В целом, это согласуется с северной границей дельты Волги. Подавляющее большинство памятников археологии в дельте связаны, именно, с буграми Бэра и расположены непосредственно на них.

Древним обитателям волжской дельты не было необходимости заниматься трудоемким процессом – строительством курганных насыпей над умершими соплеменниками. Для устройства погребений в неограниченном наличии имелись уже готовые природ-

ные возвышенности. Начиная с эпохи бронзы древнее население стало использовать бэровские бугры в качестве мест захоронений. В центре мироздания индоевропейцев – на горе, вблизи воды, располагалось дерево, простиравшееся в небеса, имевшие четырехчленную структуру по горизонтали (восток, север, запад, юг) и трёхчленную по вертикали (небесный, земной и подземный миры) (Дрёмов, 1989, с. 126).

И рукотворная насыпь и природный бугор одинаково отображали средний земной ярус, являясь моделью видимого земного пространства.

Куда бы ни попадали древние скотоводы, везде земля представлялась им выпуклым миром, шаровым элементом, сферой, находившейся в окружении мирового океана (Евсюков, 1988, с. 27) (рис. 2, *1, 2*). Над возвышенностью находилось небо, верхний мир, а под возвышенностью – подземный мир мертвых (Рыбаков, 1988, с. 74).

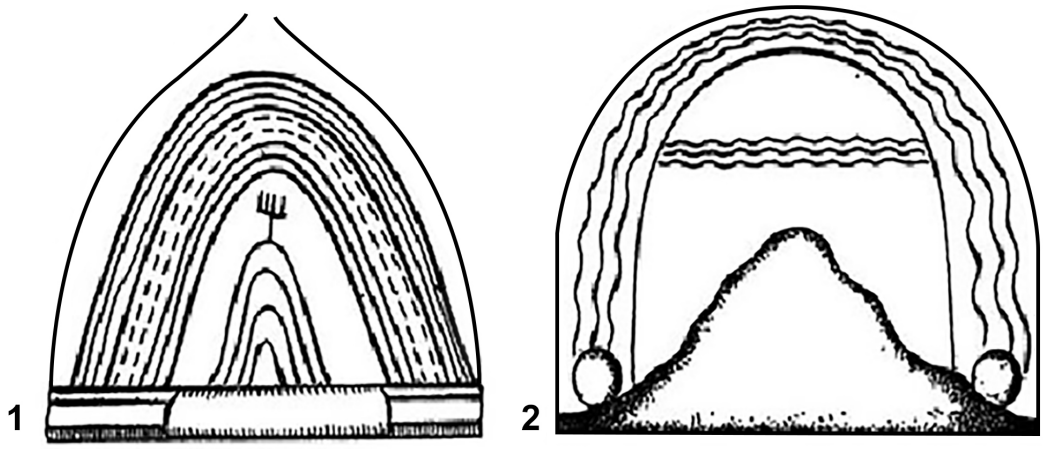


Рис. 2. Мировая гора в представлениях древнего человека:
1 – изображение на неолитической керамике. Средиземноморье
(Евсюков, 1988, с. 27); 2 – реконструкция по мифологии иранцев
(Евсюков, 1988, с. 27)

Бэровские бугры, также как и курганы, имевшие полусферическую форму, вероятно, достаточно легко вписывались в представления о трех горизонтальных ярусах вселенной (рис. 3, *1, 2*).

В степи, как известно, курганы зачастую содержат многочисленные впускные погребения самых разных эпох. Также и на буграх Бэра обнаруживаются разновременные захоронения от эпохи бронзы до современности. Даже в наше время местное население продолжает сохранять традиции сооружения некрополей именно на этих природных возвышенностях. Так, один из бэровских бугров у с. Алтынжар Володаровского района стал местом погребения известного казахского народного музыканта, композитора, домбриста, автора кюев – Курмангазы Сагырбайулы (1818-1896).

Рис. 3. Возвышенности Северного Прикаспия: 1 – рукотворная насыпь – курган №1 (курганная группа «Пришиб-1»), снято с севера, Енотаевский (степной) район Астраханская область; 2 – природная насыпь – бэровский бугор «Чёртово Городище», памятник археологии XIII-XIV вв. снято с севера, Икрянинский (дельтовый) район Астраханская область

Первым исследователем, начавшим археологическое изучение бугров Бэра, был Л.Н. Гумилев, занимавшийся в начале 60-х гг. прошлого века поисками Хазарии в Северном Прикаспии.

В 1959 г. в составе экспедиции Иштвана Эрдейи он проводил исследования по определению места столицы Хазарского каганата – города Итиль на левобережье Волги (на левом берегу р. Ахтубы), в Харабалинском районе Астраханской области. Ученый сразу обратил внимание, что на «естественных» буграх у сел Сероглазка и Баста встречаются археологические материалы от эпохи бронзы до эпохи средневековья. Та же картина наблюдалась и у села Селитренное. Одноименное городище – «Сарай хана Батыя» находилось на буграх («Красном», «Больничном», «Кирпичном» и др.), располагавшихся по линии трех параллельных полукругов, где археологический материал «можно было найти на каждом шагу». В тот год «не удалось найти столицу хазар», но Л.Н. Гумилев принял решение перенести поиски Хазарии в южном направлении, в дельту Волги, отметив бугры Бэра, как основные места поисков (Эрдейи Иштван, 1959, л. 3-8). Возможно, поселение на месте городища Сарай-Бату (Сарай-ал-Махруса), возникло еще в домонгольское время. Об этом свидетельствуют обнаруженные на его территории наряду с джучидскими монетами 70-х гг. XIII – сер. XV вв., находки более ранних монет: ольвийской, медных римских IV в. н.э., серебряного куфического дирхема X в., китайских медных VII-XIII вв., Ильдегизидов (1180-1225 гг.), хорезмшаха Мухаммада (1200-1220 гг.), Ширваншахов начала XIII в. (Недашковский, 2010, с. 90, 92).

В сентябре 1960 г. Л.Н. Гумилев провел рекогносцировку по левому берегу р. Ахтубы, далее по реке Кигач, у берегов которой на бэровских грядах обнаружил большие скопления разновременной керамики. Затем экспедиция направилась к востоку от дельты на территорию Казахстана, в сторону Рын-Песков. На песчаных выдувах урочища Азау были найдены фрагменты гузской керамики, у пос. Сазды обнаружена керамика от раннего железного века до эпохи средневековья, а также караванная дорога (рис. 4). Завершилась экспедиция поездкой в сторону Каспийского моря, на берегах которого Л.Н.Гумилев пришёл к мысли, что колебания уровня Каспия, отмеченные географа-

ми, происходившие в историческое время могли повлиять на судьбу Волжской Хазарии (Гумилев, 1966, с. 46-50).

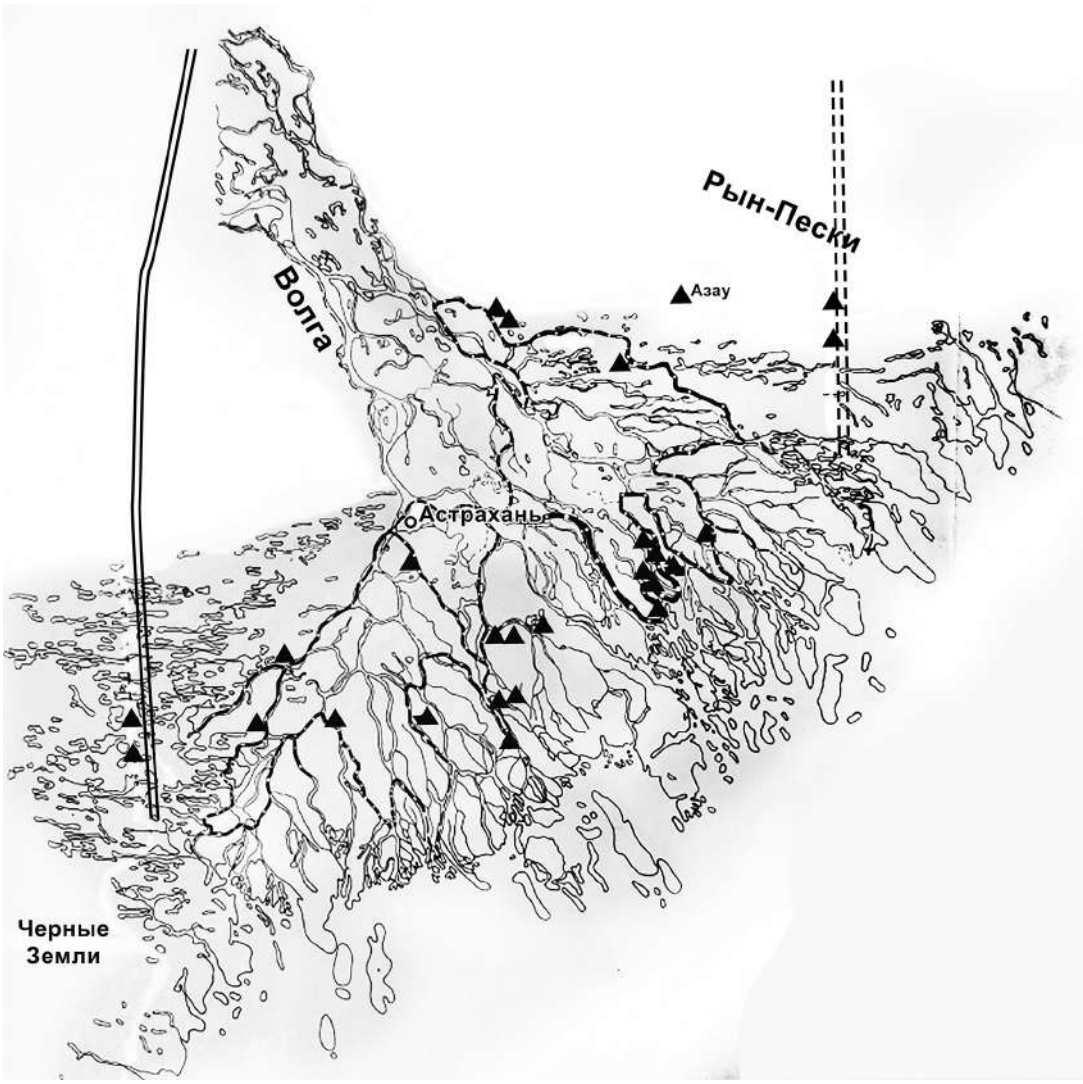


Рис. 4. Археологическая карта по материалам экспедиций 1960-62 гг. (Гумилев,1962, л. 52, рис. 41)
▲– Археологические объекты, обнаруженные в Рын-Песках и дельте Волги (на бэровских буграх). ‖ – Ханская дорога; ⁞ – Караванная тропа; ⁞ – Маршруты экспедиций Л.Н. Гумилева в 1960-62 гг.

Последующие 1961-1963 гг. проводились работы в волжской дельте, где ученым было обследовано свыше 80 природных возвышенностей в Икрянинском, Володаровском, Красноярском, Камызякском районах, где были обнаружены поселения, грунтовые могильники, отдельные местонахождения артефактов (рис. 4).

Учитывая большую площадь работ и ограниченность во времени, Л.Н. Гумилёв активно общался с местным населением, уточняя места находок артефактов. Получив нужные сведения, он выезжал на заинтересовавшие его холмы, проводил сбор подъемного материала, доисследовал разрушаемые участки археологических объектов. Во время раскопок на бугре «Степана Разина» (рис. 5, 1; 6, *10*;), группа археологов во главе с Л.Н. Гумилевым проживала в селе Подразино в доме казахской семьи Шантаевых, а жители окрестных сел, школьники принимали активное участие в археологических раскопках. В ходе исследований здесь были обнаружены погребения хазарского времени (рис. 5, *2*). Местные жители понимали важность работ на данном бугре, открывавших новую страницу истории региона и до сих пор с уважением вспоминают Льва Николаевича Гумилева и членов его экспедиции, с которыми долгое время переписывались. Старожилы чрезвычайно гордятся тем, что помогали археологам в их научных изысканиях.

Рис. 5. Исследования на бугре «Степана Разина» Володаровского района Астраханской области в 1961 г.:
1. Бугор «Степана Разина», снято с севера (Гумилёв, 1961, л. 8, рис. 3).
2. Л.Н. Гумилев на раскопках погребения хазарского времени (Гумилев, 1961, л. 28, рис. 30)

Также ученым были раскопаны древние захоронения на буграх «Билинга», «Казённый», «Степана Разина», «Корень» в Володаровском районе, «Тутинский», «Бараний» в Камызякском районе (Рис. 6, *7-12*) (Гумилев, 1961, л.1, 2, 3; Гумилев, 1962, л. 1-15; Гумилев, 1963, л. 2, 22).

В 1962 г., начав исследование восточного сектора волжской дельты, исследователь прошел по реке Сумнице Широкой в сторону Каспийского моря до Иголкинского банка (канала). В районе работы землечерпалки, углублявшей фарватер канала, в выкидах у острова Дальнего им были обнаружены кости животных, фрагменты керамики, об-

катанные водой, красноглиняные и сероглиняные сосуды. Данные находки позволили автору предположить наличие в этом месте остатков поселения хазарского времени. Затем исследователь поднялся по реке Кигач, до с. Котяевки Курмангазинского района Атырауской области, к северу от которого на одном из бугров, рядом с мусульманским мазаром, обнаружил фрагменты золотоордынской красноглиняной гончарной керамики (Гумилев, 1962, с. 4, 5).

Преемственность устройства мусульманских святых мест (могил святых) – аулия на буграх Бэра, заселенных еще в золотоордынское время, сохранилась и на территории Астраханской области. В настоящее время данных святых мест насчитывается более 40, из которых более половины расположены на природных возвышенностях (Сызранов, 2007, с. 143, 169-170; Викторин, 2003, с. 52, 58).

До начала работ Л.Н Гумилева на территории Астраханской области были известны только три археологических объекта: городища «Чёртово», «Селитренное» и «Ак-Сарай». За 5 лет им был обследован огромный массив прикаспийских территорий – ок. 65 тыс. км^2, где им были обнаружены десятки археологических и исторических объектов. Исследователь выбрал верный вектор поисков Хазарии в зоне Прикаспия, которым впоследствии прошли новые поколения археологов, в числе которых и автор статьи, исследовавшие на этом направлении ряд уникальных археологических объектов.

Несмотря на многочисленные переиздания книги Л.Н. Гумилева «Открытие Хазарии» (1966) об исследованиях в Северном Прикаспии, в астраханской краеведческой литературе, о фактах пребывания известного ученого на астраханской земле, не нашлось ни строчки.

Потомок семьи Шантаевых – преподаватель колледжа Бекмурзаева С.А. провела вместе со своими учениками большую работу по увековечиванию памяти о работах Л.Н Гумилева на бугре «Степана Разина»: изучала творческое наследие учёного, встречалась с участниками экспедиции, знакомилась с находками и отчетами в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). Весь собранный материал пополнил экспозиции Л.Н. Гумилева, в созданном при ее участии музее Цветновской сельской школы Володарского района Астраханской области.

Работу, начатую Л.Н. Гумилевым на бэровских грядах, позднее продолжили астраханские археологи Е.В. Шнайдштейн, В.В. Плахов, С.А. Котеньков, Д.В. Васильев, С.Б. Артемьев, С.А. Пантелеев, Д.В. Кутуков, А.Д. Юрьев и др. (Недашковский, 2010, с. 123-155).

К настоящему времени в дельтовых районах Волги городища, поселения, грунтовые могильники и отдельные местонахождения выявлены более чем на 200 бэровских буграх. Часть из них (83) включена Л.Ф. Недашковским в комплекс объектов «Городища Шареный бугор и его округи» (Недашковский, 2010, с. 123-155). Больше всего археологических памятников на буграх зафиксировано в Икрянинском (42), Приволжском (50), Камызякском (26) и Красноярском (29) районах. Меньшее количество – в Лиманском (10) и Володарском (5) районах. Если дельтовые грунтовые могильники, как и степные курганные насыпи, располагаются несколько «хаотично», зачастую вдали от берегов рек, то дельтовые городища встречаются, почти исключительно, по берегам наиболее крупных водотоков. В целом, большинство поселений и могильников группируются вокруг наиболее крупных городищ (рис. 6).

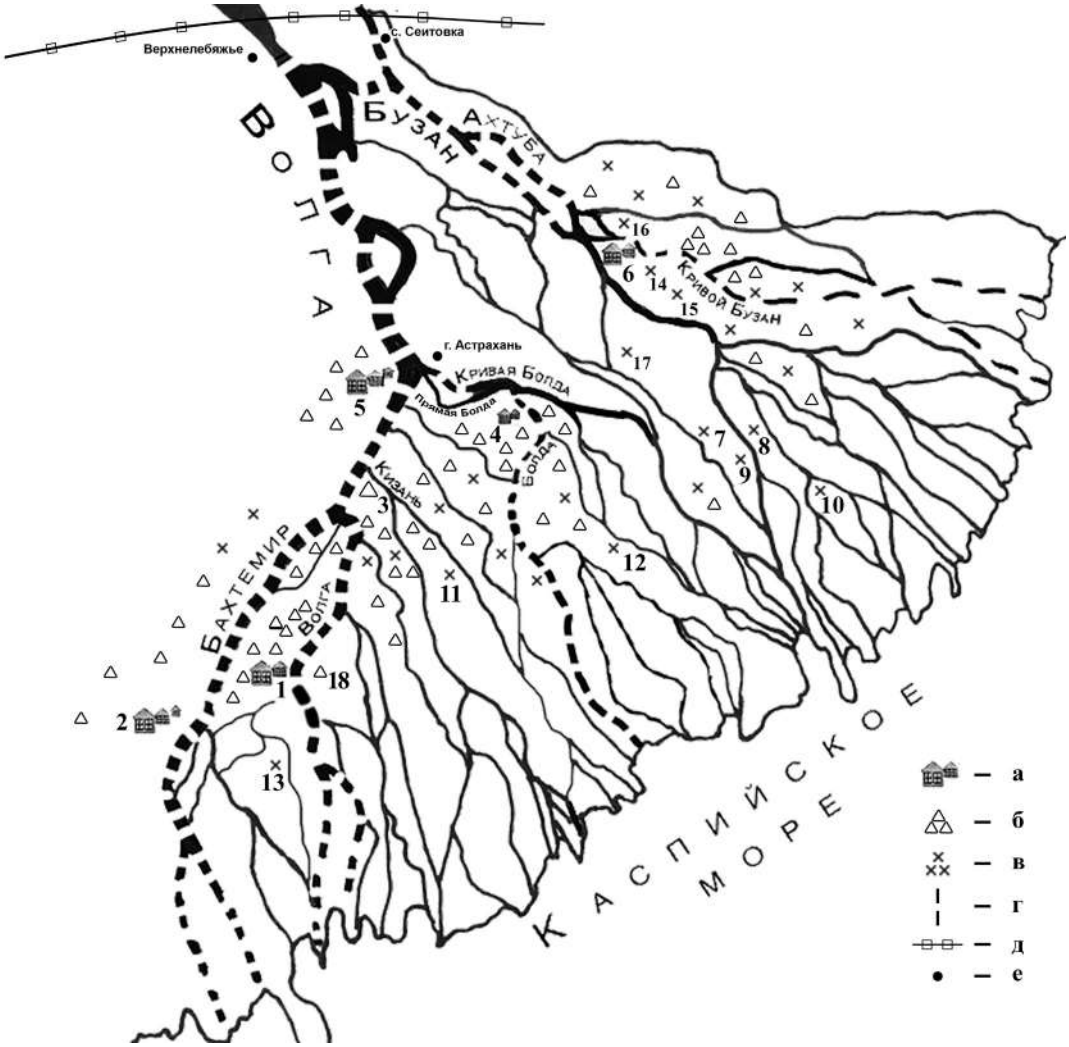


Рис. 6. Схема расположения основных городищ, поселений и грунтовых могильников на бэровских буграх волжской дельты.

а – средневековые городища: 1 – «Самосдельское»; 2 – «Чёртово»; 4 – «Мошаик»; 5 – «Шареный бугор»; 6 – «Красноярское».

б – средневековые поселения: 3 – «Тумак – Тюбе»

в – могильники и одиночные погребения: 7 – «Билинга»; 8 – «Казённый»; 9 – «Корень»; 10 – «Степана Разина»; 11 – «Тутинский»; 12 – «Бараний»; 13 – «Большой Морской»; 14 – «Вакуровский»; 15 – «Маячный»; 16 – «Калмыцкий»; 17 – «Лбище»; 18 – «Караколь».

г – маршруты Волго-Каспийского торгового пути в IX-XIV вв.

д – северная граница волжской дельты

е – современные населенные пункты

Первые крупные поселения в Волжском понизовье оформляются в хазарское время, в VIII-IX вв. Они группировались на берегах Волги, Ахтубы и их протоках и, вероятно, служили для обслуживания водного торгового пути. Для прохода из Каспия в дельту Волги использовались несколько удобных и глубоководных протоков Волги – Бахтемир, Старая Волга, Болда и Бузан. Основная концентрация ранних поселений приходится на расположенные по сторонам этих протоков бугры Бэра – места, максимально удобные для проживания и защищенные самой природой на случай катастрофических весенних паводков. Вероятно, бугры являлись сторожевыми пунктами, т.к. с их вершин на несколько километров хорошо просматривались не только окрестные степные просторы, но и русла рек, как вверх, так и вниз по течению. Населенные пункты для торговых караванов во многом служили своеобразными ориентирами во время переходов через протоки дельты.

Самосдельское городище (VIII-XIV вв.) – единственное городище, расположенное не на бэровском бугре, а на небольшом мысу, на правом берегу Старой Волги (рис. 6, *1*). Его местоположение – исключение из правил, объяснимое временем возникновения. Уровень Каспийского моря (последствия дербентской регрессии) в VIII в. был запредельно низок, и особой нужды опасаться наводнений и весенних паводков не было. В окрестностях Самосдельского городища, по обоим берегам рек Бахтемир и Старая Волга, на буграх Бэра выявлены поселения с находками IX-XIV вв. (Котеньков, 2012, с. 65-70). Л.Н. Гумилев в 1962 г. проводил разведки на бугре «Караколь» (Гумилев, 1962, л. 3; рис. 6, *18*), всего в 5 км к западу от этого городища, и не обратил внимание на это место, т.к. оно находилось в низине. К тому же поверхность городища была замыта наносными слоями, образованными ежегодными паводками. Памятник был выявлен в 70-х гг. XX в., когда в зоне фермы, расположенной на его территории, были вырыты противопожарные траншеи вокруг сенника, обнажившие древние культурные слои. Автор этих строк, следуя по маршруту экспедиций Л.Н. Гумилева, в 1990 г. первым начал проводить исследования на этом уникальных городище (Котеньков С.А., 1991, с. 20-45).

К западу Самосдельского городища, на правом берегу р. Бахтемир расположено **Чертово городище** (VIII-XV вв.) (рис. 6, *2*).

В предмонгольский период города, где теперь находятся Чертово и Самосдельское городища, осуществляли контроль над главными протоками дельты Волги: Бахтемиром (современный Волго-Каспийский канал) и Старой Волгой. Отметим, что на левом берегу притока Бахтемир, на бугре «Большой Морской» (рис. 6, *13*) обнаружены ближайшие к морскому побережью погребения сарматской эпохи (Котеньков С.А., Котеньков И.С., 2012, с. 71).

Поселение Тумак-Тюбе (XI-XIV вв.), расположенное на левом берегу р. Волга, доминировало над местом слияния рек Старой Волги и Бахтемира (рис. 6, *3*). От этого населенного пункта по протоке Старая Волга, минуя Самосдельское городище, можно было напрямую выйти в Каспийское море. К востоку и юго-востоку от Тумак-Тюбе, в междуречье рек Волга и Кизань, на буграх Бэра выявлены поселения и грунтовые могильники, содержащие материалы домонгольского и золотоордынского времени (Котеньков С.А., Котеньков И.С., 2012, с. 71).

Городище Мошаик (IX-XIV вв.) расположено в месте слияния двух рек Кривой и Прямой Болды на восточной окраине г. Астрахани (рис. 6, *4*). Поселение на месте го-

родища возникло в предмонгольский период для контроля прохода в Каспийское море по р. Болда. Юго-восточнее Мошаика в междуречье рек Кутума и Болды, на бэровских буграх обнаружены поселения и грунтовые могильники с материалами сарматского и золотоордынского времени (Котеньков, 2012, с. 72, 73).

Городище Шареный Бугор (Хаджи-Тархан), (XIV-XVI вв.) находится на правобережье Волги на территории Трусовского района г. Астрахани и занимает гряду из нескольких бугров (рис.6, *5*). На его территории, наряду с основными золотоордынскими материалами, также обнаружены и погребения раннего железного века. От городища Шареный Бугор, по р. Волга и протоке Бахтемир проходил прямой путь в Каспийское море (Котеньков С.А., Котеньков И.С., 2012, с. 73).

Красноярское городище (VIII-XV вв.) доминирует над местом слияния Бузана и Ахтубы, откуда по Кривому Бузану можно было выйти к Каспийскому морю (рис. 6, *6*). Территория начала обживаться еще в эпоху бронзы. Остатки поселений и некрополей золотоордынского городища сохранились на окрестных бэровских буграх «Вакуровский» «Маячный», «Калмыцкий», в междуречьях проток Альча, Маячная, Караульная и Прорва (рис. 6, *14-16*). Здесь же встречаются также и раннесредневековые кочевнические погребения (Котеньков, 2012, с. 73, 74).

Традиция устройства поселений на буграх Бэра, отчетливо проявившаяся в хазарское время, позже не прерывалась ни в домонгольское, ни в золотоордынское время. Она сохранялась даже после вхождения региона в состав Московского царства в XVI в. Город Сарай был построен на ближайших к буграм берегах р. Ахтуба, а исторические центры г. Астрахани – Кремль и Белый город были возведены на «Заячьем» бугре, вплотную выходящем к левому берегу Волги.

Бугры Бэра – уникальные природные образования, представляющие научную и историческую ценность, продолжают активно использоваться и по сей день (80% из них в той или иной степени разрушены). На них расположена основная часть современных поселений. Территория бугров постоянно отводится под сельхозугодья для устройства пастбищ, садов, огородов, бахчей. Эти природные гряды – основной источник грунта на время противопаводковых мероприятий и при проведении «нулевых циклов» строительных работ; на них располагаются карьеры и добывают глину все кирпичные заводы Астраханской области. В настоящее время многие из бугров не просто утратили свой первозданный вид, но и оказались полностью снивелированными. Соответственно, невосполнимый ущерб был нанесен и археологическим объектам, располагавшимся на этих грядах. Среди полностью уничтоженных памятников – «Шареный бугор», на месте которого в свое время находилась столица Астраханского ханства – г. Хаджи-Тархан. Единственный грунтовый могильник, с уникальными погребениями сарматского, хазарского, золотоордынского времени, который археологам удалось полностью исследовать, располагался на бэровском бугре «Лбище» Володарского района (рис. 6, *17*) (Недашковский, 2010, с. 145-146).

Под защитой природоохранного статуса на территориях памятников природы регионального значения находится всего четыре бэровских бугра. А также сохраняются бугры Бэра в природном заказнике «Ильменно-бугровой» на территории Икрянинского и Наримановского районов (Головачев, 2017, с. 149).

Учитывая, как природную, так и огромную историческую ценность бэровских бугров, все строительные работы в их охранной зоне должны проводиться лишь при обязательном согласовании с госорганами охраны памятников, после полного обследования специалистами-археологами.

Нам представляется необходимым объединить усилия российских и казахстанских археологов в деле изучения этих уникальных природных гряд, на предмет выявления археологических объектов, для придания им статуса особо охраняемых историко-культурных территорий. Первый шаг в этом направлении сделан. Евразийский университет им Л.Н. Гумилева (Казахстан) и Русское географическое общество заключили Соглашение о сотрудничестве, в рамках которого начинается реализация проекта «Прикаспийские маршруты Л.Н. Гумилева». Планируется провести совместную российско-казахстанскую экспедицию на территории Астраханской области, Яшкульского и Черноземельского районов (Республика Калмыкия), г. Дербента, Кизлярского района (Республика Дагестан) и Атырауской области (Республика Казахстан). Целью экспедиции является: исследование археологических объектов, выявленных учёным на территории России и Казахстана, большинство из которых расположены на буграх Бэра.

Изучение научного наследия Л.Н. Гумилева-археолога поможет по-новому оценить и популяризировать вклад выдающегося ученого в исследование культурного наследия народов прикаспийских государств, поможет объединить усилия учёных этих стран в изучении и сохранении уникальных археологических объектов на всех вовлеченных и иных территориях.

Список литературы

Белевич Е.Ф., Особенности развития и строения дельты Волги // Известия АН СССР. Серия Географическая. 1991. № 3. – С. 99-103.

Викторин В.М. Тукли-Баба Шашлы-Адже – святое место астраханских мусульман // Этнографическое обозрение. № 3. 2003. – С. 50-61.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (Историко-географический этюд). – М.: Наука, 1966. – 188 с.

Гумилев Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1961 году // Архив Института Археологии Российской академии наук, ф.1, р.1. № 2326, № 2326а.

Гумилев Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 года // Архив Института Археологии Российской академии наук, ф.1, р. I, д. 2575.

Гумилев Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1963 года // Архив Института Археологии Российской академии наук, ф.1, р. 1, д. 2784-2784а.

Головачев И.В. О буграх бэра и их происхождении // Геология, география и глобальная энергия. 2017. № 4 (67). – С. 139-149.

Дремов И.И. О связи погребальных обрядов и космологических представлений племен эпохи ранней и средней бронзы // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – С. 126-127.

Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. – Новосибирск: «Наука», 1988. – 176 с.

Котеньков С.А, Котеньков И.С. К вопросу о возникновении золотоордынских городов в Астраханском крае на территории домонгольских поселений (продолжение темы) // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы VIII-й Международной научной конференции, 28 апреля 2012 г. – Астрахань, 2012. – С. 62-80.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском р-не Астраханской области в 1991 г. // Архив Института Археологии Российской академии наук, ф.1, р. 1, д. 16126-16127.

Леонтьев О.К. Происхождение и возраст бэровских бугров / О.К. Леонтьев, Н.Н. Фотеева // Известия АН СССР. Серия Географическая. 1965. №2. – С. 90-97.

Лоция Каспийского моря. – СПб.: Главное Управление навигации и океанографии Министерства обороны РФ, 1997. – 69 с.

Недашковский Л.Н. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М.: «Восточная литература», 2010. – 351 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: «Наука», 1988. – 608 с.

Свиточ А.А., Клювиткина Т.С. К вопросу о происхождении бэровских бугров Северного Прикаспия // Аридные экосистемы. том 13. № 33-34. 2007. – С. 24-39.

Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 181 с., [3] с., ил.

Эрдейи Иштван. Отчет о работе Астраханской археологической экспедиции в 1959 г. // Архив Института Археологии Российской академии наук, ф.1, р. 1, д. 2012.

И.Л. Кызласов
Институт археологии Российской академии наук
Москва, Россия
I.L. Kyzlasov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
kyzlasovil@mail.ru

ДВЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА АЛТАЙСКОМ РУЧЬЕ КАРБАН. К ПОЗНАНИЮ НЕРАСШИФРОВАННОГО ПИСЬМА (ИЗ РАБОТ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЙ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Аннотация. Среди руноподобных надписей Казахстана есть две до сих пор не расшифрованные письменные системы: одна представлена древними письменами на чаше из кургана Иссык, другая – шестью средневековыми надписями ачикташского алфавита, встреченных в городах Средней Сырдарьи и на близлежащих землях Узбекистана и Кыргызстана. В нескольких случаях родственное им по облику руни ческих знаков нерасшифрованное южноенисейское письмо Южной Сибири и Монголии оказалось применено среди молитвенных наскальных надписей, начертанных классическим енисейским алфавитом. Благодаря этому установлена ее религиозная принадлежность. Она оказалась одной из письменностей сибирско-тюркского манихейства. Южноенисейское руническое письмо имеет западное для Сибири происхождение и пришло на Саяно-Алтайское нагорье, скорее всего, в IX, а, может быть, и в X в.

Ключевые слова: нерасшифрованные письменности, курган Иссык, ачикташский и южноенисейский алфавиты, сибирско-тюркское манихейство.

Карбан Алтай өзеніндегі екі руна жазуы. Сыры ашылмаған жазбаны тану (Қазақстандық-Ресейлік эпиграфиялық экспедиция жұмыстарынан)

Түйін. Қазақстанның рунатәріздес жазуларының арасында әлі күнге сыры ашылмаған екі жазу жүйесі бар: бірі Есік қорғанынан табылған тостағандағы көне жазу, екіншісі – Өзбекстан мен Қырғызстанға жақын орналасқан Орта Сырдария қалаларында кездесетін ашықтас әліппесінің алты ортағасырлық жазбалары. Бірнеше жағдайларда бұларға руникалық белгілерінің түрі жағынан ұқсас түсініктемесі берілмеген Оңтүстік Сібір мен Моңғолияның оңтүстікенисейлік жазбасы классикалық енисейлік әліппемен сызылған ғибадаттық жартас жазбаларының ішінде қолданылған болды. Осыған орай оның дінге қатысы анықталды. Ол сібір-түрік манихейлік жазбаларының бірі болып шықты. Оңтүстікенисейлік руникалық жазу Сібір үшін шығу тегі батыстық болып табылады және Саян-Алтай таулы өлкесіне шамамен IX ғ., не X ғ. келуі мүмкін.

Түйін сөздер: сыры ашылмаған жазбалар, Есік қорғаны, ашықтас және оңтүстік Енисей әліппесі, сібір-түркілік манихейлік.

Two runic inscriptions on the Carban stream (Altai). To knowledge of not deciphered writings (from works of Kazakhstan-Russia epigrafic expedition)

Annotation. Among the runiform inscriptions of Kazakhstan there are two still not deciphered written systems: one is presented by ancient letters on a bowl from the barrow Issyk, another – six medieval inscriptions of the Achiktash alphabet, met in the cities of the Central Syr-Darya and on the nearby lands of Uzbekistan and Kyrgyzstan. In several cases related on shape of runic signs not deciphered South Yenisei letter of Southern Siberia and Mongolia was applied by it among the prayful rock inscription traced by the classical Yenisei alphabet. Thanks to it circumstance the South Yenisei writings's religious accessory is established. It appeared one of writings of Siberian-Turkic Manichaeism. The South Yenisei runic letter has the origin, western for Siberia, and came to Sayan-Altai uplands most likely in the IXth, and, maybe, in the Xth century.

Keywords: not deciphered writings, a barrow Issyk, achiktashsky and South Yenisei alphabets, Siberian-Turkic Manichaeism.

Пятьдесят лет назад, в 1969 г., Кемаль Акишевич Акишев начал и через год закончил раскопки кургана Иссык. Они привели, как хорошо известно, не только к знаменитым находкам редкостного по художественному совершенству обрядового убранства Золотого человека, но и, к обнаружению таинственного письменного памятника – граффити на серебряной чаше (Акишев, 1971).

Недешифрованные надписи Казахстана

Прочтение двух свободно размещенных на фиале резных строк поныне загадочно. Лучшая публикация надписи (Акишев, 1978, с. 54, 55, фото 70) показывает, что в прорисовку исследователями нередко включаются царапины, не относящиеся к письменным знакам. Помимо того сравнительное палеографическое изучение показывает, что иссыкские знаки не имеют системного сходства с письменами, известными как тюркские руноподобные алфавиты. Ошибочно основывать прочтение любой надписи на поверхностном сходстве отдельных элементов ее букв с орхонскими или енисейскими рунами. Безнадежность подбора внешних аналогий для прочтения неизвестных письменных знаков доказана долгим и бесплодным периодом дешифровки самих енисейских рунических надписей, длившимся более 170 лет, – с 1721 по 1893 г. Лишь когда В. Томсен и В.В. Радлов занялись постижением внутренних особенностей азиатских рунических текстов, было понято звуковое назначение их знаков.

Согласно приведенному Кималем Акишевичем коллективному мнению ленинградских востоковедов И.М. Дьяконова, В.А. Лившица и С.Г. Кляшторного (Акишев, 1978, с. 59, 60) в конце 1970-х гг. было ясно, что надпись иссыкской чаши принадлежит к архаичной форме неизвестного письма. К тому времени было известно не менее шести выполненных этим алфавитом надписей. По данным В.А. Лившица, оно было распространено на территории современных Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана вплоть до VI-VII вв.н.э. и некогда служило одной из трех официальных письменностей Кушанского царства (Лившиц, 1976, с. 165, 166, прим. 14; 1978, с. 84-87; ср.: Дьяконов, 1979, с. 224, прим. 73а). Мне уже приходилось обращать внимание исследователей на эти данные, предоставляя древнейшие свидетельства применения тюркскими народами рунической письменности (Кызласов, 1998, с. 71, 72).

К началу нового века наука знала уже около 30 образцов неизвестной письменности, некогда входившей «в многоалфавитное пространство древней Бактрии». Изучение явления привело В.В. Вертоградову к выдвижению новой дисциплины, изучающей роль разных письменных систем в жизни одного общества, и тем выявляющей историко-культурную информативность конкретного, пусть и недешифрованного письма. Эта научная область получила весьма удачное наименование социоскрипторики. Не имея намерения останавливаться здесь на всех проблемах, связанных с иссыкской надписью, отсылаю читателей к основным трудам Виктории Викторовны и приводимой ею библиографии (Вертоградова, 1995; 2002; 2018).

Захватывая 8-10 вв. непрерывного развития (общая ныне принятая дата: IV-III в. до н.э. – V-VI в. н.э.), приведшего к поэтапному бытованию трех ее алфавитных разновидностей, эта загадочная письменность в Кушанской империи занимала место и во внутренней сакральной практике буддийских монастырей, и в государственной сфере, одно время выступая на равных с двумя иными алфавитными системами – бактрийской и кхароштхи. Сам факт использования в обеих указанных областях («скриптопорождающих центрах») первично чуждого для древней Бактрии письма указывает на его высокий социальный и религиозный авторитет в обществе изначального применения. Таковые конкретные культурные обстоятельства, выраженные в сосуществовании и социальном соподчинении применявшихся алфавитов, ныне склонили исследовательницу к мнению о кочевнической, юэчжийской сословной принадлежности неизвестного письма, – мысли, высказанной Э.В. Ртвеладзе в 1998 г. и соотносимой с историческими и лингвистическими аргументами Ю.Н. Рериха (1963 г.) и Вяч. Вс. Иванова (1967 г.) в пользу вхождения в юэчжийскую общность и в верхи кушанского общества тохарского компонента (Вертоградова, 2002). Полагают, что графические истоки неизвестного письма могут быть арамейскими.

Для методики работы с любыми недешифрованными письменностями исключительно важно установление социальной позиции и культурного контекста окружающих их читаемых письменных памятников, как это было сделано В.В. Вертоградовой для поздних образцов «иссыкского алфавита». Его применение встречено как на дву- и трехязыких (двух- и трехалфавитных) государственных памятниках, так и тех, что были найдены вместе и, следовательно, в идеологическом единстве с индийскими надписями в буддийских монастырях Термеза. Среди последних, в частности, встречена двухалфавитная (неизвестное письмо и кхароштхи) надпись вотивного содержания.

Этот опыт, полученный при изучении надписи на иссыкской чаше, весьма полезен при изучении ряда недешифрованных письмен, немногочисленные памятники которых ныне известны науке лишь в пределах средневекового тюркоязычного мира. Они относятся к западному евроазиатскому классу руноподобных письмен и в ряде случаев соседствуют с читаемыми надписями, одновременно составленными на других, в том числе классических азиатских рунических алфавитах. В Южном Казахстане и на соседних землях Узбекистана, Кыргызстана и таковыми являются поныне загадочные строки, нанесенные так называемым ачикташским письмом на специальную письменную палочку, трижды на глиняные сосуды и дважды на скалы. Археологические даты всех шести памятников, во многом предположительно укладываются в конец VII – VIII и IX-X вв. Особо показательно, что наиболее поздняя часть из них,

начертанная на керамике, несомненно, принадлежит к развитой городской культуре (Кызласов, 2013а).

Вместе с тем эпиграфистам Казахстана с некоторых пор стали доступны и оставленные в условиях открытого ландшафта Южной Сибири и Монголии лаконичные камнеписные начертания, выполненные палеографически родственным ачикташкому и также нерасшифрованным южноенисейским руническим письмом.

Надписи на ручье Карбан

В полевой сезон 2006 г. на Саяно-Алтайском нагорье работала совместная Казахстано-Российская эпиграфическая экспедиция, которая была организована и финансировалась казахскими коллегами. Полевые работы проходили в течение двух месяцев, с 17 июня по 6 августа, и проводились под совместным руководством заведующего Лабораторией эпиграфики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Каржаубая Сарткожаулы и автора этих строк (Кызласов, Сартхожаулы, 2009, с. 602-603). Экспедиционная группа состояла из четырех человек, включая заведующую Методическим кабинетом Государственного Исторического музея (г. Москва) Людмилу Петровну Мылтыгашеву (Мылтыгашева, 2007; 2008) и студента 4 курса ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Жантегина Каржаубайулы (он же – водитель экспедиции). Работы носили маршрутный характер и охватывали пять южносибирских субъектов Российской Федерации: части Алтайского и Красноярского краев, Республики Алтай, Тыва и Хакасия.

Казахские ученые планировали издание атласа рунических надписей Южной Сибири в продолжение начатой ими серии эпиграфических исследований. Первый ее том был посвящен памятникам тюркских каганатов VII-VIII вв., найденных на землях Монголии (Жолдасбеков, Сартқожаұлы, 2005; Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006). В 2006 г. перед нами стояла задача ознакомить коллег с памятниками трех рунических письменностей, применявшихся в VIII-XIII вв. на Саяно-Алтайском нагорье: енисейской (классической и двумя ее палеографическими вариантами: алтайским и тувинским), орхонской и южноенисейской. Две первые системы письма давно известны и достоверно читаются, третья выделена в 1987 г., представлена лаконичными надписями и до сих пор не расшифрована.

Экспедиция вела сбор эпиграфического материала, поиск новых и изучение известных рунических надписей, расположенных в местах их создания: на скалах и стелах в долинах Саяно-Алтайского нагорья. В Республике Алтай успеху предприятия весьма способствовало привлечение к работам археолога Виктора Александровича Кочеева (г. Горно-Алтайск, Национальный музей Республики Алтай), которому приношу глубокую благодарность.

Представленные в этой статье надписи на ручье Карбан указаны нам В.А. Кочеевым 24 июня 2006 г. Памятник был открыт задолго до этого, в 1988 г., В.Н. Елиным и В.И. Соёновым (1990, с. 167-168, рис. 16, *2*; упоминание об этом см. в материалах Маргулановских чтений: Елин, 1989, с. 225). Исследователи опубликовали прорисовку граффити, отметив две строки надписей. Материалы были ими переданы для изучения С.Г. Кляшторному. В том же 1988 г. скала была обследована Е.П. Маточкиным (1990, с. 153), также обнаружившим обе рунические надписи. Описание и прорисовка были опубликованы этим исследователем совместно с С.Г. Кляшторным, предпринявшим и попытку прочтения (Кляшторный, Маточкин, 1991).

Вскоре длинная строка (Карбан I) получила палеографическое определение в качестве первой надписи южноенисейского алфавита, обнаруженной на Алтае, и была наделена соответствующим индексом Ю 18 (Кызласов, 1994, с. 316-318). Не имея тогда возможности изучения подлинников, я указал на историю открытия памятника и его библиографию, а также издал обе прорисовки, опубликованные первооткрывателями, убрав с них не относившиеся к делу детали (историю обнаружения письменного памятника см. также: Кубарев, 1990, с. 11; Кочеев, 2006, с. 7, №1 – учтена только длинная строка). В июне 2006 г. мне довелось обследовать подлинник, в том числе убедиться в существовании на скале второй рунической надписи (Карбан II), в чем не позволяли увериться издания предшественников.

Российско-германская группа тюркологов, организованная для составления электронного свода рунических надписей Алтая, также исследовала граффити Карбана на месте. Когда это было сделано, точно не сообщается. Вероятно, памятник изучался при основных работах группы в 2006-2008 гг., поскольку разработанный ею сайт www.altay.uni-frankfurt.de был представлен в Горно-Алтайске в 2009 г. Как и в других случаях, надписи Карбана, получившие региональный каталожный индекс А 50, представлены на сайте в кратком описании, графической прорисовке и хорошем фотоснимке (http://www.altay.uni-frankfurt.de/A50/KARBAN_F.JPG). Материалы сопровождаются транслитерацией обеих строк и транскрипцией, предложенной лишь для четырех последних знаков южноенисейской надписи, для которых выбрано прочтение <…>ok(ï)yu-a «<…> зовя / читая».

Со времени нашей поездки 2006 г., кроме указанного сайта, были изданы два крупных атласа рунических надписей Горного Алтая. Говоря здесь лишь об отдельно взятом местонахождении на рч. Карбан, отмечу, что оба они не учли мое издание 1994 г. и, имея по преимуществу регистрационный характер, не устранили необходимости введения в науку результатов наших полевых наблюдений. Составители обоих сводов, как во всех иных случаях, не придают значения, не фиксируют и не описывают природные условия размещения этой наскальной надписи, тем самым, сводя лишь к палеографической и филологической сторонам возможности ее понимания. Однако вместе с естественной средою, поныне окружающей письменный памятник, при таком подходе к исследованию исключается социально-культурный взгляд на причину нанесения граффити, на деле во всех случаях определяющую содержательную сторону такой надписи.

В 2012 г. две соседствующие на скале строки были опубликованы в построенном по германскому сайту печатном каталоге Л.Н. Тыбыковой, И.А. Невской и М. Эрдала (Тыбыкова и др., 2012, с. 144-145, илл. 174, 175) в хорошей фотографии, с которой можно работать. Точнее предшественников выполнена здесь и графическая прорисовка. В книге приведены прежние комментарии С.Г. Кляшторного, хотя авторы признают невозможность прочтения надписи из-за наличия в ней не-орхоно-енисейских знаков. Палеографического определения граффито Карбан I не дано, хотя моя книга 1994 г. указана в списке использованной литературы, а знакомый исследователям по этому и другим моим изданиям термин «южноенисейский», применяется в каталоге в отношении рунических знаков (Тыбыкова и др., 2012, с. 25). Две разнородных по алфавиту надписи Карбана восприняты авторами как единый текст и, вопреки изучению на месте и верному воспроизведению вертикальных строк на прориси и фото подлинника в атла-

се, отчего-то именуются, как и на сайте, нижней и верхней. По-прежнему приведено и прочтение конечных знаков строки недешифрованного южноенисейского письма.

Д.Д. Васильев (2013, с. 205-207) поступает так, как до́лжно ученому, самому не видевшему надписей, – переиздает известные ему прорисовки очевидцев. Приводя прочтения С.Г. Кляшторного и (фрагментарное) авторов каталога 2012 г., исследователь также отмечает наличие знаков с неизвестным значением. К сожалению, в этом корпусе нет указания на вертикальность строк надписей, а воспроизводящие их прориси, вопреки реальности, даны в горизонтальном положении, что вводит в заблуждение читателя. В сопровождаемом описании допущены ошибки в указании года открытия памятника и авторстве одной из его прорисовок.

Интересующий нас письменный памятник расположен на левом берегу Катуни, против правобережной д. Куюс Чемальского района Республики Алтай (рис. 1, 2). Утес с граффити находится метрах в 60 от левого берега ручья Карбан, на юго-восточной щеке крайней сопки южного отрога высокой горы, примерно в 150 м от берега Катуни (рис. 3). Высота скалы с надписями 17-18 м (рис. 4). Выход серого сланца, несущий надписи, уходит внутрь горы низкой треугольной расщелиной (рис. 5). Камень с рунами образует правую северо-восточную внешнюю сторону у входа в нишу (рис. 6). Поверхность с двумя вырезанными строками смотрит на ЮЗ и имеет высоту 160 см при длине в 230 см. Порода сильно осыпается. Надписи расположены низко (рис. 7), обе они были нанесены коленноприклоненными людьми. Поверхность камня несет большое число резных рисунков, выполненных тонкими бороздами. Часть из них явно позднее рунических начертаний. Таковы антропоморфные фигуры и трижды вырезанный вертикальный зигзаг из 4-х колен (снятый мною с прорисовки) (рис. 8).

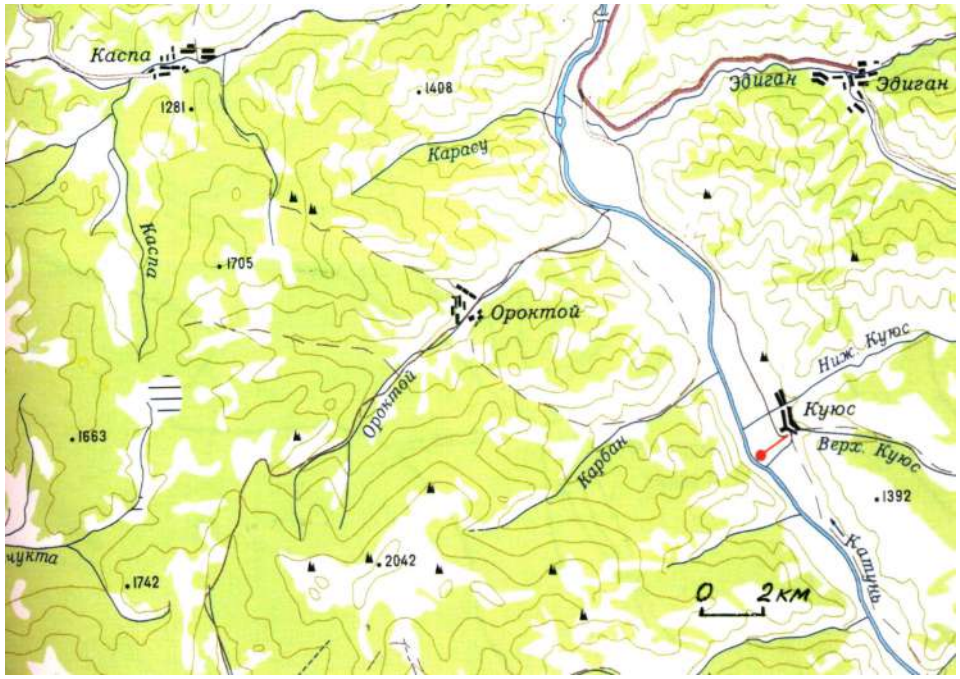


Рис. 1. Местонахождение ручья Карбан на карте

Рис. 2. Катунь близ д. Куюс. За правой скалой – устье рч. Карбан. Вид с севера. Здесь и далее фото автора, 2006 г.

Рис. 3. Устье рч. Карбан. Скала с надписями. Вид с берега Катуни

Рис. 4. Скала с надписями на камне у треугольной расщелины (в центре). Вид с юго-востока от ручья Карбан (течет в кустарнике на первом плане)

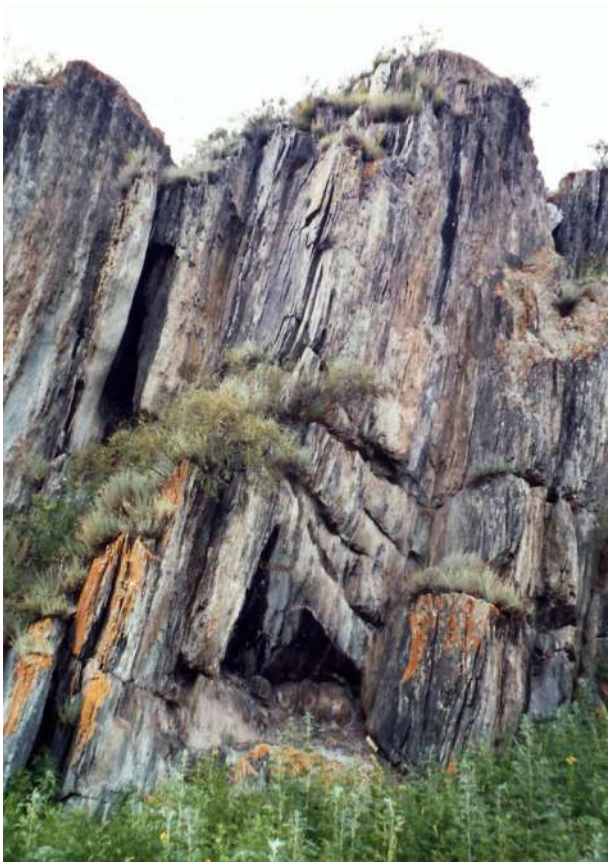


Рис. 5. Общий вид ниши и камня с надписями (справа)

Рис. 6. Камень с надписью. У основания линейка в 25 см. Вид с юга

Рис. 7. Археолог В.А. Кочеев рассматривает надписи Карбана

Обе надписи в устье ручья Карбан представляют собою самостоятельные эпиграфические памятники. Они выполнены двумя разными алфавитными системами (южноенисейской и енисейской), разным инструментом и вырезаны в разной письменной манере. Материалы 2006 г. позволяют ныне представить условия размещения надписей, их точные прорисовки и прочтение строки енисейского письма.

Левее надписи Карбан II можно было бы подозревать существование еще одной надписи из трех резных знаков (последний из которых имеет вид округлой арки) (рис. 8, 9). Однако от этого предположения следует отказаться, поскольку два нижних реза – простые прямые линии, а в этом месте все перекрыто более поздними чертами, и первая из этих борозд расположена далеко от двух остальных.

Рис. 8. Общий вид плоскости с надписями и изображениями. Точкой отмечены осыпавшиеся участки, лёгким пунктиром – поздние борозды и рисунки. Прорисовка автора

Рис. 9. Рунические надписи Карбан I и II. Прорисовка автора

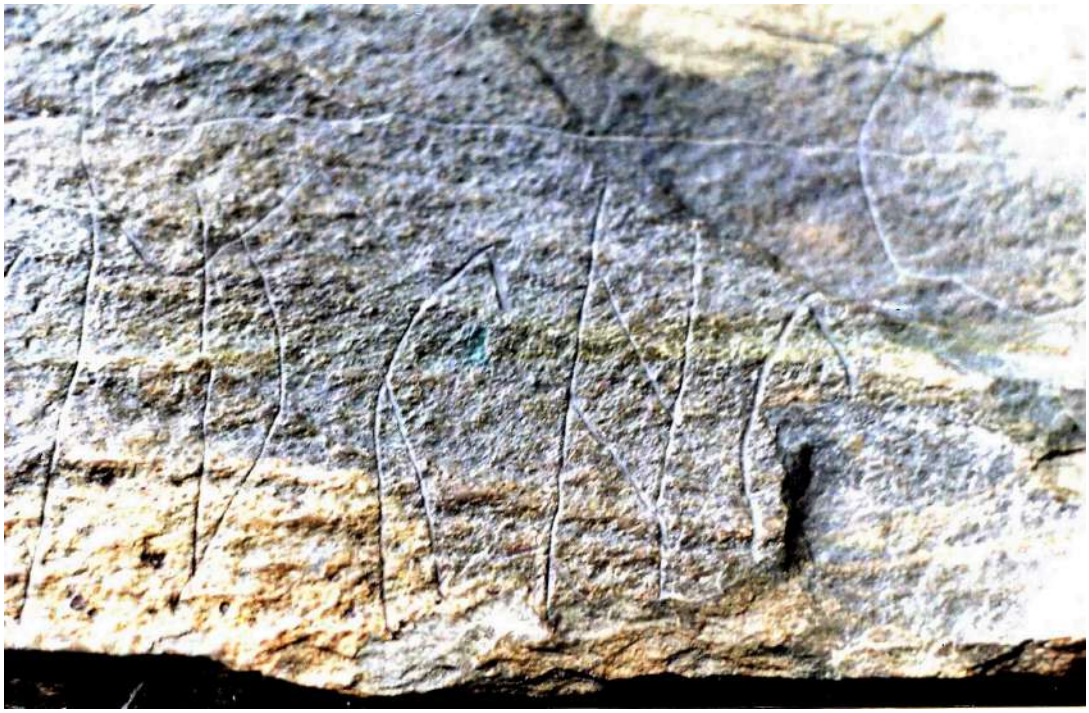


Рис. 10. Надпись Карбан I. Знаки 1-5. Для удобства восприятия здесь и далее строка размещена горизонтально

Рис. 11. Надпись Карбан I. Знаки 3-8

Рис. 12. Надпись Карбан I. Знаки 6-10

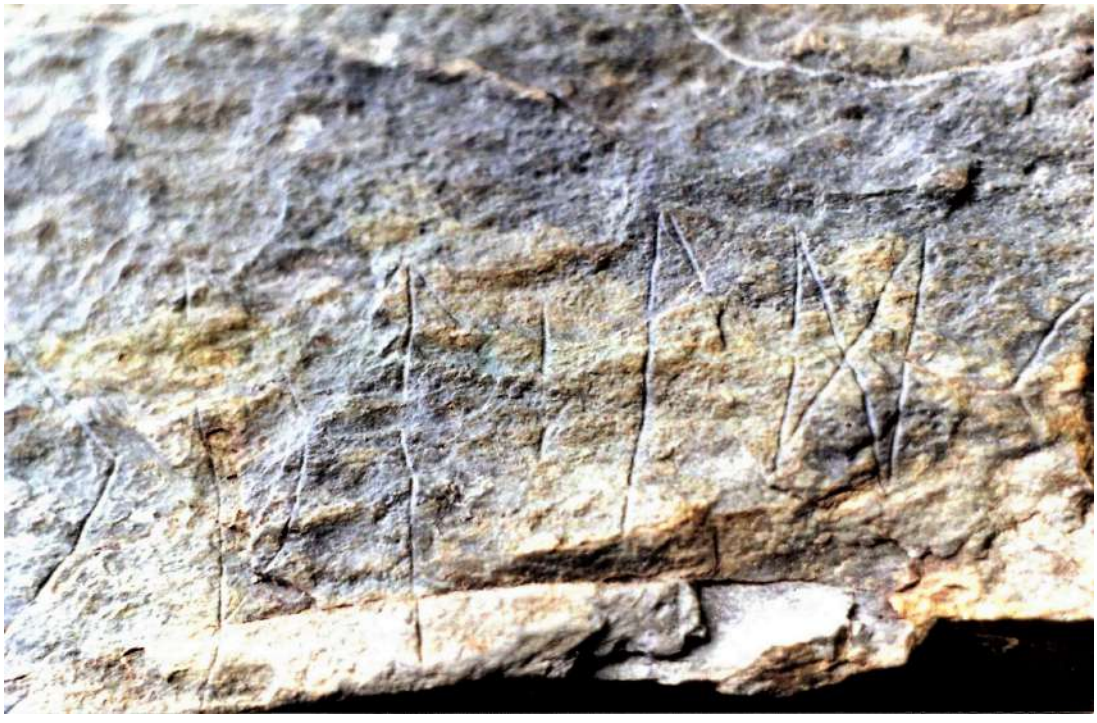


Рис. 13. Надпись Карбан I. Знаки 9-15

Рис. 14. Надпись Карбан I. Знаки 7-18

Надпись Карбан I (Ю 18, рис. 9-14)

Строка Карбан I вертикальна, нанесена снизу вверх. Первый знак расположен в 31,7 см от основания камня. Надпись состоит из 18 знаков, два из которых – словоразделители. Общая длина строки 21 см, высота букв – от 2,9-3,2 до 1,8-1,4 см, в основном – 2,6-2,5см. При нанесении надписи инструмент резчика шел с наклоном направо, иногда сильным. В этих случаях (знаки 1 и 3) видно, что лезвие было плоским (рис. 10). По разной длине штрихов-словоразделов ясно, что инструмент не был специально предназначен для письма (рис. 13, 14). Возможно, это был нож с тонким лезвием. Борозды, образующие буквы, наносились справа налево, что особенно ясно видно в облике 4-го знака строки (рис. 12). Резчик намеренно использовал имеющийся вертикальный выкол поверхности, располагая строку вдоль его края (рис. 9, 10-14).

С.Г. Кляшторный с оговорками о сходстве двух букв с руноподобными письменами Восточной Европы прочел длинную строку как орхоно-енисейскую надпись: oküz… jaladïŋ qaŋ… (?) quj… «Быка… ты прижёг (тавром)! (Его) кровь… проливай (? ты пролил?)». Сложности такого истолкования текста тюрколог напрасно объяснял плохой сохранностью и даже небрежностью исполнения надписи (Кляшторный, Маточкин, 1991, с. 66). На деле рунические знаки сохранились хорошо и различаются ясно. Опубликованные обнаружившими надпись исследователями прорисовки отличались в передаче письменных знаков (и были переизданы при палеографическом определении надписи: Кызласов, 1994, с. 316-318; ср. аналогичный подход: Васильев, 2013, с. 205-207). Произошло это прежде всего потому, что форма самих букв была тогда незнакома ученым – надпись Карбан I оказалась выполнена южноенисейской письменностью. При выделении этой письменной системы в сводной палеографической работе надпись получила соответствующий индекс – Ю 18. Прочитать этот краткий текст при современном уровне знаний невозможно.

Надпись Карбан II (рис. 8, 9)

Вертикальная строка второй надписи начинается в 35,4 см от основания скальной поверхности, на уровне пятого знака первой строки, и размещена левее ее на 2,5 см.

Она вырезана на ином слое каменной поверхности в 55 см от левого края плоскости. Надпись короткая, длиной всего 5,2 см. Ее образуют четыре буквы енисейского письма, высотой от 4,4 до 3,2 см. Строка представляет самостоятельный письменный памятник, ее знаки нанесены другой рукой, чем надпись Карбан I. Иным был и порядок образования букв, каждая из них выстраивалась слева направо. Вместе с тем, строка в целом писалась справа налево, о чем свидетельствует перекрывание правым нижним отводком четвертой руны основания дуги предшествующего третьего знака.

По опубликованным воспроизведениям 1988 г. понять надпись было невозможно: предшественникам, как затем и российско-германской группе, не удалось в полной мере выделить рунические знаки из окружающих и перекрывающих их начертаний. Наиболее точно надпись приведена в прорисовке Е.П. Маточкина (Кляшторный, Маточкин, 1991), недавно воспроизведенной и Д.Д. Васильевым (2013, с. 206). Копия коллективного каталога очищает буквы от посторонних резов, но передает лишь часть третьего письменного знака, что вызвало у авторов неуверенность восприятия граффито (Тыбыкова и др., 2012, с. 146, илл. 175). Не относящиеся к надписи черты в прориси Е.П. Маточкина не позволили С.Г. Кляшторному правильно понять две последние руны строки. Приняв их за буквы à «a» и Ð «r[1]», тюрколог домыслил еще и ошибку резчика, якобы не дописавшего слова. В итоге было предложено прочтение: üläŋ ar(ïŋ) «Разделите! Отделите!». Такая сентенция не позволяет понять смысл самого факта ее нанесения на скалу. Одно то, что предложенное восприятие надписи содержит лишь глаголы в повелительном наклонении, позволяет усомниться в правильности прочтения.

Возможности надуманного прочтения по-тюркски всяких свободно взятых резов существуют реально. Ибо редкие системы письма в такой степени, как руническое (опускавшее обозначения гласных звуков во многих позициях), и редкие языки в такой степени, как тюркские (знающих множество слов, состоящих из одного слога), благоприятствуют произвольному подходу. Императив в тюркских языках обычно не имеет показателя и часто также представляет собой односложную глагольную основу, на руническом письме передаваемую единственной руной для согласного. Возникает соблазн и опасность слишком часто видеть повелительную форму глагола – в любом знаке непонятой исследователем надписи.

Изучение оригинала убеждает, что все четыре знака надписи Карбан II вырезаны ясно. Читаются они снизувверх и составляют одно слово, содержащее только буквы для мягкорядных звуков: ¸ ë ê í . Транслитерация надписи имеет вид ö/ül^{2}kn^2, поскольку начинающая ее руна ¸ передавала один из двух палатальных губных звуков – ö или ü. В обоих случаях ясно морфологическое строение слова – перед нами отглагольное образование на -kän, которое в зависимости от восприятия предстает существительным

[1]Допускаю, что исследователи не долистали книгу до конца, поскольку материалы Карбана занимают ее последние страницы, но в разделе о южноенисейском письме в ней есть нужная отсылка (Кызласов, 1994, с. 43, 76, 316-318). Характеризуя орфографию надписей Алтая (Тыбыкова и др., 2012, с. 25), авторы умалчивают о том, что заимствуют из моих работ (в том числе изданных в Горно-Алтайске при участии Л.Н. Тыбыковой – см.: Кызласов, 2002) впервые произведенное в науке разделение рунических памятников на разные орфографические типы, позволившие читать характерные надписи; однако в каталоге без отсылки применены наименования типов правописания данные мною (см.: Кызласов 1996; 1997; 1999а; 2002, с. 2, 29, 36-40, 43, 44-48). Беззастенчиво поступают авторы и с трудами других исследователей, излагая от своего имени, например, историографические наблюдения и оценки В.А. Кочеева (2006). Таких случаев в книге немало.

результата, орудия действия (здесь это маловероятно) или, что скорее, общевременным причастием.

Двоякое звуковое значение первой руны создает и две возможности прочтения глагольной основы: ölä- «учить, наставлять» или ülä- с первоначальным значением «делить, распределять» и переносным – «наделять долей)». Дополняя необходимые гласные, получаем два соответствующих прочтения, каждое из которых непросто перевести на русский с сохранением заданной грамматической формы: öl(ä)k(ä)n («наставник» или «наставляющий») либо ül(ä)k(ä)n («тот, кто делит, распределяет, наделяет долей», т.е. «наделитель» или «наделяющий (долей)»). Первое слово до сих пор встречалось только в уйгурских по языку и письму турфанских религиозных памятниках: христианском «Поклонении волхвов», неясной датировки, и буддийской сутре «Золотой блеск» X в., второе – в тексте грамматического словаря тюркских наречий Махмуда Кашгарского XI в. (Древнетюркский словарь, 1969, с. 383, 624). Встреча с ранее неизвестным в рунике словом – не первый случай, и он не может препятствовать прочтению.

Избираемый мною перевод строки Карбан II будет пространнее написанного: «(О,) Тот, Кто Наделяет (жизненной долей) (услышь меня!)». На выбор влияют два обстоятельства. Во-первых, в отличие от малопродуктивной основы ölä- корень ülä- стал источником многих слов как в раннесредневековых, так и в живых тюркских языках: от него образованы старые ülgi / ülüg «часть, доля», ülgü «величина, мера, размер», ülüš «часть, доля, мера» и т.п. (Древнетюркский словарь, 1969, с. 624, 625), также как и современные формы от үле- в значении «наделять», «удел, надел» и другое (Севортян, 1974, с. 627-629). Во-вторых, получаемое понятие отвечает внутреннему содержанию многих наскальных надписей.

Понять смысл надписи можно, только исходя из историко-культурного контекста, который создается как целое всем известным массивом наскальных начертаний Саяно-Алтая. Давно установлено преимущественно молитвенное их назначение. Какое бы из двух указанных слов мы ни избрали – перед нами в равной мере предстает определение основного божества манихейской религии. Само отсутствие его имени есть характерная особенность именно этой веры, уже засвидетельствованная енисейскими надписями Алтая (Кызласов, 1999б, с. 108-115; 2001а, с. 248, 252). В одной из орхонских надписей края (на роговой пластине из Купчегеня) встречается и подобная карбанской граффито манера прозвания бога словом-определением, выраженным причастием: uγan «всемогущий» (Кызласов, 2000, с. 97-101). Оба понятия, возможные для надписи Карбан II, вполне соответствуют манихейской божественной характеристике: в ней высшая сила предстает и обладателем и подателем Истины (т.е. учителем, наставником) (см., например, содержание надписи Устюгю-Сары-Кобы: Кочеев, Кызласов, 2007), также как и наделяющие жизненной долей. Вероятно, последнее свойство божества отражают наскальные надписи, молящие о жизненной силе Ê î Ò / ó Ò qut (Кызласов, 1994, с. 148, 149, 188, рис. 13, *2*).

Камнеписные надписи в сибирско-тюркском манихействе создавались после произведенных у скал молений. Наскальные граффити енисейского письма отмечают не только акт нанесение текста (á ò ä ì b(i)t(i)d(i)m «(это) я написал» – Алтай, Бичикту-Бом VI), но и предшествующее ему произнесение молитвенного слова: á í á ò ä ì á ø ë à ê ð ã ¸ b(e)n b(i)t(i)d(i)m b(e)š (i)lä k(i)rgü «<…> я напи-

сал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)» (Алтай, Ялбак-Таш II); è ñ è ü Ê î Ë á è ò ì è ø ñ í isiz qul bitmiš (e)s(ä)n «Недостойный раб (Божий) написал (это) и (стал) здоров» (Тува, Хая-Бажи X, E 24/10); ò Ú ð è Ê î Ë è : á è ò ä ì t(ä) hri qulï bit(i)d(i)m «Я, раб божий, написал (это)» (Монголия, Гурвалжин-ула). Именно так, полагаю, следует понимать строки типа ñ ¸ ë õ þ ã õ ß á í ò ä ì ß sül(ä) n j(e)g(ä)n b(e)n t(e)d(i)m «Я, Сюлен Йеген, сказал (благое слово) (о чем и написал)» (Алтай, Ялбак-Таш X) и â í ò ä Â b(e)n t(e)d(i)m «Я произнёс (молитву) (о чем и написал)» (Алтай, Текпенек).

Будучи лаконичными письменными отметками произведенных у скал молений, наскальные надписи, согласно манихейской доктрине, не позволявшей знать имя бога, никогда его не содержат, обращаясь к божеству иносказательно: ò Ú ð è ê í è é à t(ä) hrik(ä)n ijä «Божественный Владыка» (Хакасия, Тепсей, пещера), ò Ú è ð è Ê Í ì >…< t(ä)hiri q(a)n(ï)m <…> «Мой Небесный (~ Божественный) Повелитель <…>» (Монголия, Дэл-ула I), <…>1) Ê Ð ß ê ð ê ¸ ò Ú ð ê õ) q(a)ra k(e)rkü t(ä)hr(i)k(ä)n <…> «(1) Божественный (Владыка), который должен преградить (дорогу) Тьме <…>» (Монголия, Хутук-ула I). Судя по надписям, в Южной Сибири той поры существовали и благие пастыри, коим поклонялись верующие – однажды на скале начертано: Ð ö ì à¸(a) rz(ï)m «Мой Святой (~ отшельник)!» (Алтай, Ялбак-Таш VIII).

Смысл таких надписей раскрывают несколько более пространные начертания, содержащие прямые призывы: ò Ú ð ì ÷ ¸ ê á è ú ê à t(ä)hr(i)m čök bizkä «Мой Боже, снизойди до нас!» (Хакасия, Туба II, E 36/2);>…< ò Ú ð ì à ÷ ¸ ê à é ð ì … t(ä) hr(i)m čök j(e)rk[ä]… «<…> Мой Бог, снизойди на земл[ю]!» (Хакасия, Тепсей VI, E 116); ò Ú ð ì ÷ ¸ ê …> <…>t(ä)hr(i)m čök «Мой Бог, снизойди (до меня)!» (Хакасия, Тепсей); ò ã í à Ò ì à í Ú à t(e)g(g)(ä)n (a)t(a)m (e)n(i)h «Обретённый мой Отец, снизойдите (до меня)!» (Алтай, Ялбак-Таш V); Á Ð ì ÷ î Ð Û b(a)rm (i) č ur(u)h «Вложите совершенную душу (букв. нутро)!» (Хакасия, Крес-хая, E 137); 1) (1) õ ð ã ¸ ð ß (2) á ò ä Â ß ß¸ (e)n (e)r(i)g ör (2) b(i)t(i)d(i)m «(1) (Мой Бог,) предстань перед грешным мужем! (2) (Это) я написал» (Алтай, Бичикту-Бом II/1) и здесь же иной рукою – ê è ø è î Ã Ú ã kiši ogl(ï)h(ï)g «(И) твоему сыну человеческому (явись)!» (Бичикту-Бом II/2) (Кызласов, 2001a).

Помимо сказанного, краткая надпись Карбан II представляет и палеографический интерес. Судя по характерному дугообразному облику ее 3-го знака для мягкорядного ê k (рис. 9), она принадлежит к алтайскому варианту енисейского письма (Кызласов, 1991, рис. 2, № 7; 1994, табл. XXIV, № 7), т.е. нанесена местным писцом.

Историко-культурные выводы (социоскрипторика)

Итак, на одной скальной плоскости на речке Карбан соседствуют две надписи, выполненные разными руническими алфавитами – надежно читаемым енисейским и все еще недешифрованным южноенисейским. При этом енисейская надпись принадлежит к сакральным отметкам сибирско-тюркского манихейства, широко распространившимся в Южной Сибири, Центральной и горностепной части Средней Азии.

Это не первый случай такого разноалфавитного присутствия в одном молитвенном месте. На Горном Алтае расположение загадочного южноенисейского граффито среди целого ряда манихейских религиозных надписей отмечено на скале Бичикту-Бом на реке Кара-Коле. На каменистой оконечности той горы мне известно восемь надписей,

трехалфавитными начертаниями демонстрирующих равно вершившееся здесь поклонение приверженцев разных письменных традиций: енисейской (шесть надписей ее алтайского варианта: ББ I, II /1-2, III, IV, VI), орхонской (ББ V – не тюркского, а позднейшего уйгурского варианта этого письма) и южноенисейской (ББ VII) (Кызласов, 2004, с. 112-118). Нет сомнения, что здесь стоял монастырь, к которому в течение длительного времени сходились паломники нескольких манихейских течений – неслучайно надпись Бичикту-бом III призывает к миссионерским странствиям (Кызласов, 2001б). Граффито Бичикту-Бом I впервые в сибирской истории называет даже имя здешнего манихейского пристанища – на скале начертаноñ Ú ð : Ê É â è s(e)ŋ(i)r q(a)j(a) (e)bi – «Обитель Выступающей Скалы» (Кызласов, 2004, с. 112-115, рис. 1-3). Монастырь на Кара-Коле, согласно палеографическим признакам наскальных надписей, возник не ранее последней трети VIII в. и действовал по крайней мере по X в.

Перечисление случаев схождения на одной скальной плоскости надписей двух разных алфавитов продолжает утес на р. Хар-Салаа на Монгольском Алтае, где отмечены четыре южноенисейских и, вероятно, одна неясная по изданной прорисовке енисейская строка (Кубарев, 2009. с. 163, рис. 444), а также Туранская на Среднем Енисее (Миклашевич, 2018, с. 29, рис. 2, 1, 3, 2) и Сулекская писаница в Хакасии. На нее в связи с уже бывшими с VIII в. петроглифами в IX-X вв. были нанесены две енисейских (Сулек I и II, E 39 / 1-2) и четыре южноенисейских строки (Ю1-Ю4) (Кызласов, 1994, с. 186, 289-299, рис. 18, 39-43). Обе енисейские надписи в литературной и местной диалектной форме утверждают одно: á Ú ê ¸ Ê Ý à b(e)ŋkü q(a)ja и ì Ú ê ¸ Ê Ý à m(e)ŋkü q(a)ja «Вечная скала», т.е. по представлениям того времени, почитаемая гора возникла с началом мира.

Приведенные материалы позволяют постичь ряд весьма существенных культурно-исторических, социоскрипторных особенностей все еще недешифрованного южноенисейского письма. Археологические памятники, с которыми связаны надписи этого алфавита (вторично использованные ими камни курганов культуры чаатас VIII – начала IX вв. и тюркских поминальных оградок VI-VIII вв., дополненные ими писаницы VIII в., размещение их на погребальном инвентаре тюрков IX-X вв.) (Кызласов, 2018, с. 29), датируют его появление и бытование второй половиной IX – X вв., может быть, не ранее X в. Расположение 23 известных ныне пунктов с почти 30 южноенисейскими строками на землях Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин, на Горном Алтае, в Северо-Западной и Центральной Монголии подтверждает распространение этого письма в пределах Древнехакасского государства в пору его политического, экономического и культурного расцвета. Однако южноенисейский алфавит был на Саяно-Алтае пришлым, поскольку по палеографическому определению он принадлежит к западной евроазиатской группе рун (Кызласов, 1987; 1988; 1990; 1994). Социальный статус его в сибирской державе был невысок – в противовес енисейскому письму для составления официальных надписей этот алфавит не использовали. Область его применения была иная.

Согласно показанному культовому соседству южноенисейских и енисейских строк, недишифрованное письмо принадлежало к той же религиозной среде, что и енисейские надписи на скалах, т.е. к сибирско-тюркскому манихейству. Более того, иноземцы, носители неизвестного алфавита, восприняли местный для Южной Сибири культ гор. Мало распространенный в схожих формах на сопредельных землях, он сохранился с

приходом книжного вероучения Света, заменив древнюю традицию наскальных изображений нанесением на горные плоскости ритуальных надписей (Кызласов, 2008, с. 452-458; 2013б; Kyzlasov, 2016). В этой обрядовой форме его и соблюдали пришельцы, приверженные южноенисейскому руническому письму. Возникший на Енисее, такой религиозный обряд оказался настолько присущ сибирско-тюркскому манихейству, что вместе с последующим продвижением вероучения и его енисейского рунического письма на запад распространился по землям Казахстана и Кыргызстана (Кызласов, 2005а; 2005б; 2012). На Саяно-Алтае знатоки южноенисейского алфавита, как и носители енисейского письма, почитали не только горные, но и местные курганные и поминальные святыни предшествующего времени (Кызласов, 2018).

При учете всего сказанного допустимо предполагать тюркоязычность нечитаемых ныне южноенисейских надписей.

Надо надеяться, что будущие находки письменных памятников позволят узнать, где сложилась, стала основным видом местных манихейских писаний и откуда затем пришла в Южную Сибирь эта разновидность руноподобных алфавитов степной зоны.

Список литературы

Акишев К.А. Раскопки Иссыкского кургана // Археологические открытия 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 408.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: Prosper Print, 2013. – 268 с.

Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе. Проблемы дешифровки и интерпретации. – М.: Восточная литература, 1995. – 160 с.

Вертоградова В.В. Неизвестное письмо в многоалфавитном пространстве древней Бактрии // Петербургский Рериховский сборник. Вып. 5. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2002. – С. 129-148.

Вертоградова В.В. Миграции в регионы древней Бактрии с IV в. до н.э. по IV в. н.э. и социокультурная дистрибуция алфавитов (к проблеме социоскрипторики) // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. – С. 237-244.

Древнетюркский словарь / Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: «Наука», 1969. – XXXVIII + 676 с.

Дьяконов И.М. Комментарии // И. Фридрих. История письма. – М.: «Наука», 1979. – С. 211-229.

Елин В.Н. Некоторые результаты археологических исследований в районе строительства Катунской ГЭС на Алтае // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С. 224-225.

Елин В.Н., Соёнов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 161-177.

Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы. – Астана: Күлтегін, 2005. – 360 б.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы. К. Атлас орхонских памятников. – Астана: Күлтегін, 2006. – 360 с.

Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П. Руническая надпись Карбана // Известия Сиб. Отд. АН СССР. История, философия и филология, 1991, № 1. – С. 65-67.

Кочеев В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. –Горно-Алтайск: Агентство по культ.-ист. наследию Республики Алтай, 2006. – 52 с.

Кочеев В.А., Кызласов И.Л. Философский лаконизм наскальной надписи // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 102-105.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 7-22.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кызласов И.Л. Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. – М., 1987. – С. 142-143.

Кызласов И.Л. Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 108-140.

Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. – М., 1990. – 179 с.

Кызласов И.Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // СА. 1991. № 4. – С. 62-85.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: «Наука», 1994. 327 с.

Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфогра¬фии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 124-136.

Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфогра¬фии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. T. L., fasc. 1-3. – С. 163-184.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998, №1. – С. 71-83.

Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – Вып. IV. – М., 1999а.– С. 85-112.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. 1999б. №4. – С. 99-117.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая, № 5. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – С. 82-112.

Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Восточная литература РАН, 2001а. – С. 243-270.

Кызласов И.Л. «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. – Воронеж: ВГУ, 2001б. – С. 111-129.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Учебное пособие / Отв. за выпуск Л.Н. Тыбыкова. – Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002. – 164 с.

Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М.: Русаки, 2004. – С. 111-129.

Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // РА. 2005а. №2. – С. 46-55.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. – Бишкек, 2005б. – С. 54-67.

Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 451-463.

Кызласов И.Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (В кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практического семинара. – Алматы: Service Press, 2012. – С. 40-44.

Кызласов И.Л. Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук, 2013а, № 3. – С. 164-173.

Кызласов И.Л. Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. – Самарканд, 2013б. – С. 116-121.

Кызласов И.Л. Надписи на стеле Копёнского чаатаса (Хакасия) // Урало-алтайские исследования. 2018. №1. – С. 23-32.

Кызласов И.Л., Сартхожаулы Х. Российско-Казахстанская эпиграфическая экспедиция // Археологические открытия 2006 года. – М.: «Наука», 2009. – С. 602-603.

Лившиц В.А. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. – М.: Наука, 1976. – С. 163-169.

Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология, 1978, № 4. – С. 84-98.

Маточкин Е.П. Граффити Карбана // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 150-160.

Миклашевич Е.А. Наскальные изображения горы Туран на Среднем Енисее // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2018. – №1. – С. 24-39.

Мылтыгашева Л.П. Музеи Саяно-Алтая: наблюдения 2006 года // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. – Горно-Алтайск: Агентство по культ.-ист. наследию Республики Алтай, 2007. – С. 174-189.

Мылтыгашева Л.П. Поход за рунами // Мир музея. 2008. №7. – С. 26-30.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: «Наука», 1974. – 768 с.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 152 с.

Kyzlasov I. Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazarhstan // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. – Paris: Vendémiaire, 2016. – P. 301-307.

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябинина
Курганский государственный университет
Курган, Россия
D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinina
Kurgan State University
Kurgan, Russia
denmas13@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII-XIV ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ: ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме выделения памятников золотоордынского времени на территории лесостепного Притоболья. Археологический контекст эпохи на северо-восточной периферии владений Шибана и его потомков не изучен, что связано с отсутствием маркеров ордынского времени. При этом среди случайных находок, в том числе из частных коллекций, достаточно уверено выявляются такие потенциальные маркеры этого времени как зеркала, монеты и наконечники стрел. Их соотнесение с конкретными памятниками археологии и корреляция с керамическим материалом может позволить выявить памятники ордынского периода.

Ключевые слова: Лесостепное Притоболье, золотоордынский период, маркеры памятников.

Орманды-далалы Тобыл маңы аймағындағы XIII-XIV ғғ. археологиялық ескерткіштері: анықтау мәселелері

Түйін. Мақала орманды-далалы Тобыл маңы аймағындағы алтын орда кезеңінің ескерткіштерін анықтау мәселелеріне арналған. Шибанның солтүстік-шығыс шалғайдағы иеліктерінің және оның ұрпақтарының дәуірі археологиялық контексті зерттелмеген, бұл алтын орда кезеңінің белгілерінің жоқтығымен байланысты. Кездейсоқ оның ішінде жеке коллекция табылмалары айналар, тиындар және жебе ұштары сияқты әлеуетті белгілері анық байқалады. Оларды археологиялық нақты ескерткіштерге жатқызу және керамикалық материалмен арақатынасы алтын орда кезеңінің ескерткіштерін анықтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: орманды-далалы Тобыл маңы, алтын орда кезеңі, ескерткіштердің белгілері.

Archaeological sites of the XIII-XIV centuries on the territory of forest-steppe Tobol region: questions of identification

Annotation. The article is devoted to the selection of the archaeological sites of the Golden Horde period in the territory of forest-steppe of the Tobol. The archaeological context of the era in the North-Eastern periphery of the possessions of Shiban and his descendants have not been studied, because of the lack of markers Horde time. Moreover, among the random finds,

including from private collections, pretty confidently identify such potential markers of this time as mirrors, coins and arrowheads. Their correlation with specific archaeological sites and correlation with ceramic material may allow to identify the sites of the Golden Horde period.

Keywords: Forest-steppe of the Tobol, Golden Horde period, markers of the archaeological sites.

В первой четверти XIII в. Среднее или Лесостепное Притоболье, как и вся Юго-Западная Сибирь, стало частью Улуса Джучи Монгольской империи. После Западного похода монголов в 1241-1242 г. по Яику и его притокам были определены места для летовок брата Бату Шибана, заложившего основу для будущей правящей династии Шибанидов, последние представители которой (т.н. Кучумовичи) фиксируются на этой же территории еще в 1660-х гг. Вопрос о том, насколько далеко к северу и востоку простирались владения этих династов в период Золотой Орды не имеет однозначного решения, в силу отсутствия указаний на это в письменных источниках и почти полного отсутствия археологических памятников этого времени на юге Западной Сибири. В правление хана Узбека «область Сибирь», границы которой в это время не совсем понятны, находилась под управлением назначаемых в Сарае судей (Аннинский, 1940, с. 91).

С учетом особенностей формирования Улуса Джучи в составе Монгольской империи, а затем после Таласского курултая и выделения на его основе политического независимого владения Джучидов, за которым в литературе закрепилось позднее название «Золотая Орда», периферийные территории, к которым относилась и лесостепь Западной Сибири, должна была быть вписана в единое политическое и экономическое пространство. При этом вместе с Джучидами здесь появились представители кочевых племен, отданных им в управлении, что должно было изменить состав местного угорского населения. В результате взаимодействия и заимствования традиций материальной и духовной культуры пришедших тюркских и монгольских племен местным населением, иногда в археологической литературе именуемых заимствованным из лингвистики понятием «тюркизации», произошло формирование тех кланов и племен, которые стали основой для этногенеза тюркских групп населения юга Западной Сибири. Сложность исследуемого процесса заключается в том, что мы не представляем себе, как он проходил и какое имел археологическое отражение. Вопрос существования и специфики археологических памятников золотоордынского времени лесостепной полосы Среднего Притоболья, как и впрочем и соседних регионов юга Западной Сибири, на данный момент не имеет однозначного ответа, в том числе и по той причине, что на протяжении предшествующих десятилетий исследователями чаще всего не ставилась сама такая проблема, а, следовательно, и не выявлены маркеры памятников этого времени. Яркими исключениями из этого правила являются лишь работы В.П. Костюкова для территории Южного Зауралья (Костюков, 2010) и А.А. Адамова для Тобольского Прииртышья (Адамов, 2017, с.43-44).

Еще в 1987 г., подводя итоги предшествующих трех десятилетий археологических раскопок, В.А. Могильников указывал, что к XIII в. могут быть отнесены памятники бакальской и юдинской культур, в том числе в ее позднем т.н. «макушинском» варианте. На протяжении XIII-XIV вв. угорские носители этих культур в результате притока

тюркских кочевников подверглись процессу тюркизации, что привело либо к продвижению их потомков на север в таежную зону, либо к формированию на их основе различных групп сибирских татар (Финно-угры и балты, 1987, с.176-177, 182-183). Г.Н. Гарустович выявил по Миассу и Исети группу могильников, которые по погребальному обряду были им соотнесены с позднечияликским этапом XIII-XIV вв., памятники которого близки к макушинским. Носителей этой культуры он также считал уграми, многие из которых уже были похоронены по мусульманскому канону (Гарустович, 2015, с.182-183, 188-191).

Однако, проведенные под руководством С.Г. Боталова работы по радиоуглеродному датированию, показали, что большинство памятников бакальской культуры относятся к периоду I-VI вв. н.э. с возможным доживанием до рубежа VII-VIII вв. (Археология Южного Урала, 2016, с. 47-57). Группа тюменских археологов под руководством Н.П. Матвеевой в целом также поддержала удревнение памятников бакальской культуры, хотя и указала, что на Коловском городище на Исети было два этапа обживания бакальским населением – VI-VII вв. и IX – начало XI вв. (Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 173). Тем самым, отдельные группы бакальского населения гипотетически могли дожить до монгольского завоевания этой территории, но в целом их памятники относятся к более раннему времени, отчасти синхронизируясь с мадьярскими древностями кушнаренковских коллективов. Сформировавшиеся еще в VII в. юдинские коллективы, с IX в. начинают играть все большую роль в исторических процессах на севере Среднего Притоболья (например, на Коловском городище их пребывание относится к началу XI – XIII вв.) (Матвеева, Орлова, Рафикова, 2009, с.145-146, 150). Скорее всего, именно представители юдинской культуры встречали войска Монгольской империи и потом вошли в состав Улуса Джучи (Золотой Орды). Ситуация усложняется тем, что керамика схожая по ряду признаков с бакальской найдена при исследованиях Царева городища (Чимги-Тура), где соответствующий слой памятника датирован в рамках середины XI-XV вв. (Матвеева, Орлова, Рафикова, 2009, с.147). Возникает резонный вопрос о том, каким образом носители одной культуры сохраняли свои керамические традиции в условиях контактной лесостепной зоны и крайне сложной политической ситуации в прилегающих степях с IV по XV в.? К сожалению, в отличие от бакальских и юдинских древностей, датировка памятников позднечияликского этапа основана только на традиционных принципах типологии без проверки радиоуглеродным анализом.

Кроме того, сложность обсуждения хронологии усугубляется тем, что на памятниках этих культур в рассматриваемом регионе нет каких-либо артефактов, которые указывали бы на однозначную связь с синхронными золотоордынскими памятниками степной зоны. При этом очевидно, что объединение различных регионов и народов в начале в рамках политико-экономического пространства Монгольской империи, а потом Золотой Орды должно было привести и к унификации определенных форм материальной культуры. Вовлеченность в экономику Золотой Орды подтверждается и находками монет этого времени (Пачкалов, 2011, с. 41; Маслюженко, Чореф, 2017, с.175-189). Они относятся не только ко времени максимального укрепления Улуса Джучи в правление Узбека и Джанибека, но и к периоду Великой Замятни и правлению Токтамыша, когда Шибаниды были активно вовлечены в ордынскую политику. К этому же времени относится первое упоминание на карте братьев Пицигани (1367 г.) Чимги-туры, буду-

щей столицы Узбекского и Тюменского ханств, что свидетельствует и о увеличении ее роли в торговых отношениях этого времени. Связи сохранялись и в XV в., что видно по находкам монет Улу-Мухаммеда, Деулет-Берди, и в конечном итоге они привели к денежной эмиссии тюменского хана Ибрахима. Кстати, это ставит довольно важный вопрос о том, каковы будут отличия в маркерах археологических памятников XV в. при сохранении большинства групп предшествующего времени, а также доминирующих направлений политических и экономических связей. Весьма возможно, что некоторые вещи, которые датируются в рамках ордынской эпохи вполне могли сохраняться и в т.н. «постордынское» или «позднезолотоордынское» время. Ограничение их существования в степной и лесостепной зоне XIV в., скорее, дань историографической традиции и еще более слабой изученности памятников позднего средневековья.

При этом большинство памятников бакальской, юдинской культур и позднечияликского этапа расположено по Исети и в северной части Среднего Притоболья. Это ставит перспективную задачу поиска объектов золотоордынского времени на юге исследуемого региона, ближе к границам степной зоны. При этом, несомненно, был прав В.П. Костюков: «учитывая малую степень изученности средневековых памятников на территории Курганской области, трудности датировки и другие археологические проблемы можно не сомневаться, что понадобятся многие и многие годы целенаправленных раскопок, прежде чем появятся основания» для каких-либо выводов об археологической составляющей монгольской и ордынской эпохи в регионе (Костюков, 2009, с. 254), однако для самих раскопок в начале необходимо выявить потенциальные объекты.

На данный момент в результате обработки всех доступных нам коллекций выявлено несколько категорий предметов второй половины XIII – XIV вв.: монеты, зеркала, наконечники стрел, также чугунные и железные котлы и котелки, которые возможно, постепенно вытесняли местную керамическую традицию. Однако, случайность обнаружения большинства известных нам артефактов не всегда позволяет их соотнести с какими-либо памятниками археологии, даже при точной локализации находки в месте ее обнаружения чаще всего не выявлен культурный слой (возможно, это места кочевых стоянок) или же обнаруженные рядом с ней фрагменты керамики относятся к более раннему времени (многослойные памятники).

Проведенная работа по картографированию этих находок показывает, что они чаще всего концентрируются по р. Исеть, р. Тобол от впадения в него р. Исеть до р. Ик, отдельные артефакты встречаются в т.н. «озерном краю» Тоболо-Ишимского междуречья. При этом интересно то, что находок, кроме одного клада зеркал и двух монет, практически не встречается по Тоболу выше Ика. Такое распределение артефактов можно сравнить с более поздней ситуацией выявления границ татарских волостей XVII в., которое фиксирует племенные территории периода Сибирского ханства. Основные территории волостей фиксируются в регионе именно по Исети. Земли Притоболья для исетских тюрков выступали в качестве вотчинных и оброчных охотничьих угодий, особенно это характерно для крупных боров (например, Илецко-Иковского или Илет Карагай в документах XVII в.). Таким образом, в XVII в. берега Тобола осваивались только в хозяйственном плане, но не заселялись на постоянной основе. Письменные источники свидетельствуют, что в Среднем Притоболье могли быть расположены также ханские кочевья, что фиксируется для Кучума и возможно его деда Ибрахима (Маслюженко, Самигулов, 2017). Такое распределение довольно сильно совпадает с закономерностями

локализации артефактов и может свидетельствовать о традиционности подобной схемы освоения региона с XIII по XVI вв. Понятно, что это лишь рабочее предположение, которое может быть связано и с недостатками самой источниковой базы.

Наибольшее число этих предметов являются зеркалами. В целом, это довольно стандартный артефакт для большинства территорий Улуса Джучи, хотя в Западной Сибири небольшое число зеркал было опубликовано лишь с территории Искера, Новосибирского и Томского Приобья (Адамов, 2000, с. 54-55; Адамов и др., 2008, рис. 26-14, рис. 28-24, 25, 26; Плетнева, 1997, рис. 119-1). На данный момент в лесостепном Притоболье известно об обнаружении восьми целых, одного крупного фрагмента (около 50% поверхности) и одного фрагмента внешней части зеркал этого времени. Кроме одного зеркала с нечеткой двенадцатилепестковой розеткой, характерного для кочевого мира, остальные близки к находкам на территории Золотой Орды, где традиционно датируются второй половиной XIII – первой половиной XIV в. Однако, насыщенность именно мусульманскими или в целом центральноазиатскими сюжетами (арабская надпись почерком насх вокруг центральной орнаментальной розетки; арабографичная надпись, разделенной на 16 секторов; две или три плывущих рыбы (карпа?), «дерево Вак-вак», аль-бораки, «гон зверей») свидетельствует в большей степени о XIV в., когда увеличивается роль ислама в культуре и среднеазиатских купцов в торговле. При этом ценность данных артефактов могла приводить к их передаче по наследству и сохранении традиции использования в последующее столетие.

Подобные предметы являются одним из маркеров памятников золотоордынского (зеркала с мусульманскими сюжетами) времени на территории лесостепного Притоболья. Сами ордынские зеркала часто были репликами с аналогичных предметов иных культурных традиций, в частности набирающей силу в Улусе Джучи с начала XIV в. мусульманской. Обращает на себя внимание, что большинство зеркал исследуемого региона являются в свою очередь репликами с других реплик, артефакты не очень высокого качества с точки зрения проливки орнамента и надписей. К сожалению, в силу происхождения значительной части артефактов из частных собраний во многих случаях не удалось выяснить их точное местонахождение, а в ряде случаев памятники в этих местах (у Белого Яра) полностью уничтожены застройкой (Маслюженко, Ханов, 2016, с. 69-76).

Иногда вместе с зеркалами и монетами обнаружены фрагменты стенок железных котелков, которые с XIII в. постепенно начинают вытеснять керамическую посуду. В тех случаях, когда она все же фиксируется в разведочных сборах, это фрагменты груболепленной неорнаментированной посуды, открытых плоскодонных чаш, тонкостенной посуды плоскодонных и круглодонных сосудов с раздутым туловом, короткой шейкой, орнаментированными под венчиком одним или двумя рядами жемчужин, ямок или угловых вдавлений. В.А. Могильников связывал посуду подобного облика с тюркским группами населения (Могильников, 1992, с. 133), которые активно осваивают регион в золотоордынское время. Подобная керамика имеется на поселении Вавилон в Белозерском районе, а также на поселении, непосредственно примыкающем к т.н. «Могилевским дюнам», где Ю.П. Аргентовским была найдена монета хана Ибрахима. В то же время А.А. Адамов, обсуждая подобную ситуацию для Новосибирского Приобья, отмечает, что при различиях степени орнаментированности посуды ее форма сохраняет значительное сходство с комплексами предшествующего времени и говорит в пользу

сохранения местных групп населения (Адамов, 2002, с. 16). Этот вывод вполне допустим и для лесостепного Притоболья. По всей видимости, керамика как маркер памятников золотоордынского времени на данный момент требует более подробного изучения, возможного только при получении значительной ее коллекции в ходе раскопок.

Наиболее интересный комплекс вещей золотоордынского времени зафиксирован на нескольких объектах близ с. Дианово. Здесь расположен большой оборонительный комплекс периода Гражданской войны, который был построен инженерами армии адмирала Колчака и использовался во время т.н. «битвы за Тобол» в 1919 г. для отражения ударов Красной армии. На протяжении более чем 10 лет он, как и вся тобольская оборонительная линия, обследуется группой курганских краеведов. Еще в 2012 г. среди предметов Гражданской войны были найдены два наконечника, в том числе фигурный наконечник типа BXIII по Г.А. Федорову-Давыдову, аналоги которых увязываются со второй половиной XIII – XIV вв. (Адамов, 2002, с. 15; Федоров-Давыдов, 1966, с. 27-28). После этой находки на месте обнаружения работала археологическая разведка, которая констатировала почти полную разрушенность культурного слоя предшествующего времени в результате строительства 1918 г. Археологические объекты использовались при строительстве оборонительных элементов (например, по группе курганов раннего железного века была проложена линия с пулеметными гнездами на их вершинах). Проведенная шурфовка показала наличие в нескольких местах небольшого (до 3 см) слоя, насыщенного следами ремонта железных предметов, который может быть отнесен к золотоордынскому времени. Согласно устной консультации тобольского археолога А.А. Адамова, аналогичный культурный слой характерен для памятников этого времени в Прииртышье. На данный момент с территории этого укрепрайона в археологическую лабораторию КГУ курганским краеведом Е.В. Усачевым передано два найденных здесь стремени, более десяти наконечников стрел разной формы, железный вток, фрагменты железных котелков и редких для Западной Сибири чугунных котлов. Большая часть этих предметов довольно уверенно датируется XIV в., хотя весь комплекс еще находится во процессе обработки. Совпадение в двух местах находок бытовых предметов (посуды) и наконечников стрел разной формы может свидетельствовать о военном нападении на стоянки местных кочевников. Однако, указанное выше разрушение культурного слоя и переотложенность находок на данный момент не позволяют более точно локализовать территорию самих археологических памятников.

Таким образом, представленный комплекс находок позволяет говорить о том, что артефакты монгольского и в большей степени ордынского времени достаточно широко представлены на территории лесостепного Притоболья, то есть северо-восточной периферии общего ордынского пространства. Отчасти они могут выступать маркерами памятников этого времени, связанными с проживанием кочевых и полукочевых групп северо-восточной части владений Шибана и его потомков.

Список литературы

Адамов А.А.Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000.

Адамов А.А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. – С. 12-16.

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. – 114 с.

Адамов А.А. Этнокультурная ситуация в Тобольском Прииртышье в XII-XIV вв. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. – Барнаул: АлтГУ, 2017. – С. 43-44.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т.III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 71-112.

Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. – 586 с.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып.15. – С. 181-198.

Костюков В.П. В защиту доброкачественности (о монографии Д.Н. Маслюженко Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. – Курган: Изд-во Курганского гос.университета, 2008. – 168 с.). // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Фэн» РТ, 2009. – С. 251-257.

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 200 с.

Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. – С. 57-72.

Маслюженко Д.Н., Ханов С.А. Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (Курган, 8 декабря 2016 г.). – Курган: Курганский государственный университет, 2016. – С. 69-76.

Маслюженко Д.Н., Чореф М.Ю. Новые находки монет золотоордынского времени на территории Курганской области // Поволжская археология. № 4 (22). 2017. – С. 175-189.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. – Новосибирск: Наука, 2008. – 240 с.

Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. – С.140-151.

Могильников В.А. Керамика из тюркских памятников юга Западной Сибири // Материалы по археологии Южного Урала. – Уфа: БашГУ, 1992. – С.132-136.

Пачкалов А.В. Новые находки средневековых мусульманских монет в Сибири и на Урале // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции (Курган, 22-23 апреля 2011 г.). / Ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. – Курган: КГУ, 2011. – С. 39-41.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997. – 350 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 275 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв.ред. В.В. Седов. – М.: Наука, 1987. – 512 с.

Л.Ә. Махамбетова
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті
«Археология және этнография» ғылыми-зерттеу орталығы
Қызылорда, Қазақстан
L.A. Makhambetova
Korkyt Ata Kyzylorda State University
Kyzylorda, Kazakhstan
layla.makhambetova@mail.ru

СЫР ӨҢІРІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАШЫҚТАРДАН ТАБЫЛҒАН СҮЙЕКТЕН ЖАСАЛҒАН БҰЙЫМДАР (ЖАҢА МАТЕРИАЛДАР НЕГІЗІНДЕ)

Түйін. Мақалада Сыр өңіріндегі ортағасырлық Шіркейлі Қос-асар, Сортөбе, Жанкент қалашықтарына жүргізілген қазба нәтижесінде табылған сүйектен жасалған бұйымдарға сипаттама беріледі. Мақалада Шіркейлі Қос-асар (қазба №1,№2, №3), Сортөбе (қазба №1, №2), Жанкент (қазба №1) қалашықтарының тұрғын-жайларынан табылған археологиялық материалдар пайдаланылды. Сүйектен жасалған бұйымдар тұрмыстық (біз, ұршықтың басы, шүмек), ғұрыптық (жапсырмалар, қабанның азу тістері, жыртқыш құстың тырнағы, бойтұмар, асықтар) және ойын бұйымдары (асықтар) деп бөлінген. Мақаланың соңында сүйектен жасалған бұйымдардың суреттері берілген.

Түйін сөздер: Шіркейлі Қос-Асар, Сортөбе, Жанкент, қалашық, сүйектен жасалған бұйымдар.

Костяные изделия из средневековых городищ низовьев Сырдарьи (на основе новых археологических материалов)

Аннотация. В статье дается описание костяных изделии, найденных в ходе археологических исследовании на средневековых городищах: Ширкейли Кос-асар, Сортобе, Джанкент. Археологические материалы, использованные в статье, были обнаружены в жилых слоях городища Ширкейли Кос-асар (Раскопы №1, №2, №3), городища Сортобе (Раскопы №1, №2), городища Джанкент (Раскоп №1). Найденные изделия из кости представленны такими категориями как предметы быта (проколки (шилья), пряслица, шумек), культа (накладки, коготь дикой хищной птицы, астрагалы, клык кабана, амулет) и игровые (астрагалы) предметы. В конце статьи прилагаются фотографии костяных предметов.

Ключевые слова: Ширкейли Кос-асар, Сортобе, Джанкент, городище, костяные изделия.

Bone articles from medieval settlements of the lowers of Syrdarya (on the basis of new archaeological materials)

Annotation. The article describes the bone products found during archaeological research in medieval settlements: Shirkeili Kos-asar, Sortobe, Jankent. The archaeological materials

used in the article were found in the residential layers of the Shirkeili Kos-asar ancient settlement (Excavations № 1, № 2, № 3), Sortobe Settlements (Excavations № 1, № 2), the ancient settlement Jankent (Excavation № 1). Found bone products are represented by such categories as household items (punctures (awl), spinner, noise), worship (patches, claws of wild birds of prey, astragalus, boar tusk, amulet) and play (astragalus) objects. At the end of the article attached photographs of bone objects.

Keywords: Shirkeily Kos-asar, Sortobe, Jankent, settlement, bone objects.

Мақала ҚР Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландырумен «Сырдарияның төменгі ағысындағы қалалық мәдениеттің қалыптасу барысында түркі-оғыздардың Арал маңының отырықшы-егінші тайпаларымен этномәдени байланысы (б.з.І мыңжылдығы)» жобасы негізінде орындалды.

Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің «Археология және этнография» ғылыми-зерттеу орталығы Сыр өңіріндегі ортағасырлық Шіркейлі Қос-Асар (2015-2017 жж.), Сортөбе (2017-2018 жж.), Жанкент (2005-2018 жж.) қалашықтарында ҚР Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландырумен, Қызылорда облыстық тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау жөніндегі мемлекеттік мекемесі тапсырысы бойынша және Тюбинген университетімен біріккен халықаралық жобалар бойынша археологиялық қазба жұмыстарын жүргізіп келеді. Аталған қалашықтарда жүргізілген қазба барысында негізінен керамикалық материалдар, сүйектен, металлдан, шыныдан жасалған бұйымдар және мыс тиындар табылды.

Бұл мақалада сүйектен жасалған бұйымдарға сипаттама беріліп отыр.

Сыр өңіріндегі ортағасырлық қалашықтардан табылған сүйектен жасалған бұйымдарды мүйізден жасалған, тұрмыстық, ғұрыптық бұйымдар деп бөлуге болады. Тұрмыстық бұйымдарға: біз, ұршықтың басы, шүмек, керамиканы өңдеп, тегістеп, өрнек салуға арналған құралдар.

Ғұрыптық бұйымдарға: жапсырмалар, қабанның азу тістері, жыртқыш құстың тырнағы, бойтұмар, асықтар т.б.

Мүйізден жасалған бұйымдар: Шіркейлі Қос-асар қалашығы №1 қазба және №3 қазбадан бұғы мүйіздері табылды. Мүйіздердің кейбір фрагменттерінде өңдеу іздері байқалады (сур. 1, 1-4, 9).

Осы қалашықтан №1 қазбаның солтүстік-батыс бөлігі IУ құрылыс қабатынан және №2 қазбадан ірі қара мал мен ұсақ малдың өңделген мүйіздері мен сүйектері шықты (сур. 1, 5-8).

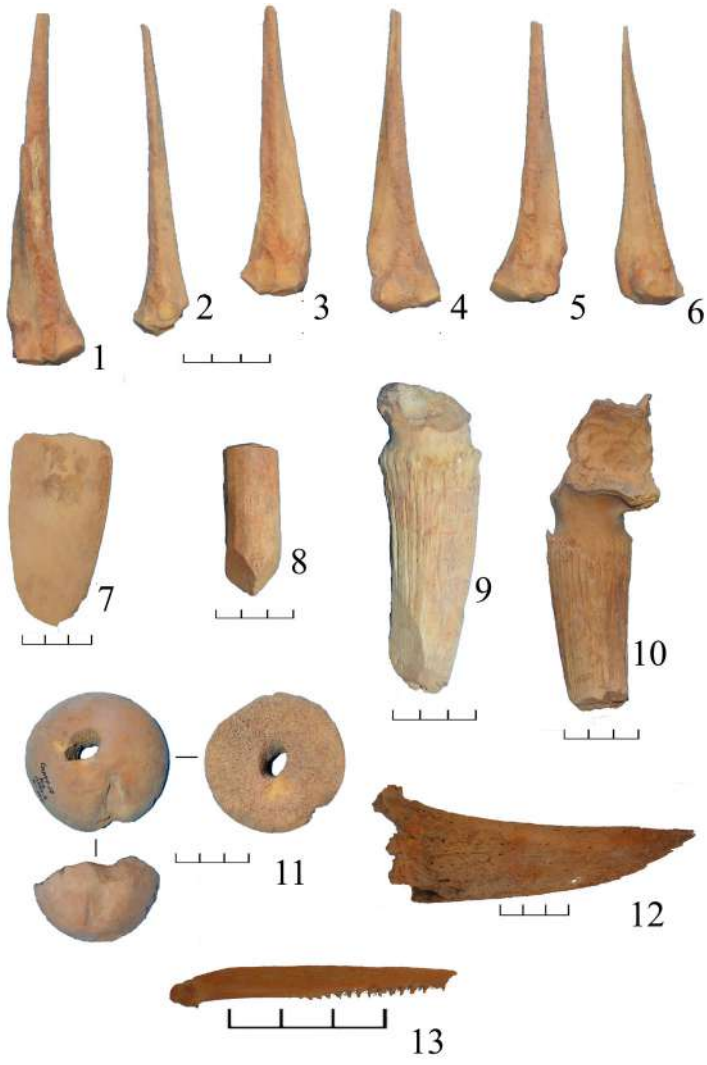
Сортөбе қалашығынан өңделген мүйіздер №1 қазбадан табылды. Бұл ірі қара малдың мүйіздері. Мүйіздердің беткі жағы өңделіп, қалған бөлігі өңделмеген. Мүйіздердің салмағы ауыр, өңдеуге дайындалған мүйіздер болуы мүмкін (сур. 2, 9-10) .

Сүйектен жасалған тұрмыстық бұйымдар: Шіркейлі Қос-асар қалашығы №2 қазба 1 құрылыс қабатынан балалардың бесігіне арналған сүйектен жасалған шүмек табылды. Шүмек қойдың сүйегінен жасалған. Ұзындығы – 13,5 см, диаметрі – 1,8-2,3 см. Сыртқы беті жылтыратылған, түсі қоңырқай, шүмек жасалу кезінде тұзды ерітіндіге салынуы мүмкін. Түтік тәрізді сүйектің ортаңғы бөлігінде диаметрі – 1,2 см-ге дейін сопақша тесік жасалған (сур. 1, 13).

Дәл осыған ұқсас шүмектер Жанкент қалашығынан да табылған болатын.

Сур. 1. Шіркейлі Қос-асар қалашығынан табылған сүйектен жасалған бұйымдар

Сортөбе қалашығы №1 қазбадан өңделген сүйектен жасалған 6 дана біз табылды. Бұл фрагменттер жіңішке ірі қара малдың сүйегінен түтікше тәріздес түрінде жасалынған. Бұйымның бір жағы үшкір, екінші жағы дөңгелек болып келген. Біздердің ұзындығы 10-нан 13,3 см-ге дейін. Бұйымның салмағы ауыр, оған арнайы қоспа сіңдірілген болуы мүмкін (сур. 2, 1-6).



Сур. 2. Сортөбе қалашығынан табылған сүйектен жасалған бұйымдар

Сортөбе қалашығы №2 қазба №3 тұрғын-жайдан өтпелі тесік жасалған жарты шар түріндегі сүйектен жасалған ұршықтың басы табылды. Биіктігі – 2,6 см, тесігінің диаметрі – 1,5 см (сур. 2, 11).

Сортөбедегі №1, №2 қазбалардан сүйектен жасалған бұйым табылды. Бұйым ірі қара мал сүйегінен жасалған, бойлай кесілген өңдеу іздері анық байқалады. Бір ұшы көл-

денең кесілген, екінші ұшы үшбұрыш түрінде үшкірленген. Бұйымға арнайы ерітінді сіңдірілген, өйткені бұйымның салмағы ауыр. Керамикаға бедер салуға арналған бұйым болуы мүмкін (сур. 2, 8). Сонымен қатар, бір жағы сопақ түрде, қарама-қарсы жағы кесе-көлденең кесілген сүйектен жасалған бұйым табылды. Бір бүйірінде үйкелген іздер анық байқалады. Ірі қара малдың қабырға сүйегінен жасалған. Бұл керамикалық бұйымның бетін тегістеу үшін арналған қалақша болуы мүмкін (сур. 2, 7).

Осы қазбадан ұсақ құстың сүйегінен жасалған үшкір таяқша табылды, үшкір бөлігінде тісшелер ойылып жасалған. Бұйымның ұзындығы – 5,5 см. Бұл керамика маманының шикі керамикаға өрнек салатын құралы болуы мүмкін (сур. 2, 13). Ірі қара малдың сүйегінен пышақ тәрізді бір жағы кесілген және ұшталған сүйектен жасалған бұйым шықты. Бұйымның диаметрі – 14 см (сур. 2, 12).

Ғұрыптық бұйымдар: Шіркейлі Қос-асар қалашығы №1 қазбадан 2-ші құрылыс қабатының ортасында тесігі бар асық табылды (сур. 1, 10). Осы қазбадан 1-ші тұрғын-жайдан тасбақаның бұғана сүйегінен, қасқырдың азу тісінен, қой сүйегінен жасалған ғұрыптық бұйым (бойтұмар) табылды (сур. 1, 14). Қалашықтың ішкі қабырғасының қимасынан, 3-ші құрылыс қабатынан қабанның азу тісі табылды. Бұйымның ішкі жағы жылтыратылған, ал сүйектің түсі ақшыл, ұзындығы – 9 см, ені – 3 см (сур. 1, 11). Осы деңгейде жабайы жыртқыш құстың тырнағы табылды (сур. 1, 12).

Жанкент қалашығы №1 қазбадағы суфадан сүйектен ойып жасалған зооморфты жапсырмалар табылды. Біреуінде барыстың қырынан салынған басы, екіншісінде бір-біріне қарама-қарсы қараған екі барыстың басы бейнеленген. Жануарлардың мойнында пальметкалар ойылған (Момынбаев, 2010, 71 б.). Жапсырманың ұзындығы – 20 см (сур. 3, 1-2).

Сур. 3. Жанкент қалашығынан табылған сүйектен жасалған бұйымдар

Осы қазбадан зооморфты және антропоморфты бейнедегі сүйек жапсырма табылды. Түтікше тәрізді ірі сүйектен ойылып жасалған. Жапсырманың төменгі бөлігі сынған, сақталған бөлігінің ұзындығы – 18,3 см, ені төменге қарай тарылған – 4 см, жоғары бөлігі – 8 см. Жапсырманың жоғары жиегінде бір-біріне қараған грифон (басы бүркіт,

денесі арыстан бейнесіндегі құс), орталарында адам бейнеленген. Адамның қолдары екі жаққа жайылған, аяқтары жинап қойылған. Басы сақталмаған. Қолдары білекке дейін, екі жақтан грифонның алқымынан ұстап тұр. Адам денесінде белге дейін киімі анық байқалады. Жағасы үшбұрышты V- түрінде, оң жағында бес түймесі және қарама-қарсы бес қысқа ойылған сызық, бұл қадайтын ілгектер болуы мүмкін. Төменірек кесе-көлденең қиғаш сызықтар түскен жалпақ белдік ойылып салынған. Грифондардың басы анық көрінеді. Аузы ашылған, ірі тістері көрінеді. Мойнында сызықтар қатарласа салынған. Сондай-ақ, жапсырманың беткі бөлігінде бекіту үшін төрт тесік жасалған (сурет 3, 3).

Л.Л. Гайдученко 2009-2012 жылдар аралығында Жанкент қалашығындағы қазбалардан табылған остеозоологиялық материалдарға зерттеу жүргізген болатын.

Зерттеулер нәтижесінде Жанкент қалашығы тұрғындары негізінен төрт түрлі үй жануарларының етін пайдаланғандығын атап көрсеткен, олар: жылқы, ірі қара мал, түйе және қой.

Жабайы жануарлардан: киік пен ақбөкен, қоян, аққу мен балық (сом және сазан) еттері пайдаланылған (Аржанцева, 2014, с.164-165).

Мал шаруашылығымен, аңшылықпен айналысқан қазақ халқы жануарлардың сүйектерін де түрлі қажеттеріне жарата білген. Үй жиһаздарын, саз аспаптарын, т.б. әзірлегенде оларды әшекейлеп безендіру үшін мүйіз бен сүйекті кеңінен пайдаланған. Ол үшін үй жануарлары мен түз тағыларының мүйізі мен сүйегі, тұяғын қолданған. Атап айтқанда: еліктің, бұғының, бұланның, арқардың, қарақұйрық пен бөкеннің (киіктің) мүйіздері мен ірі қараның қабырға сүйектері, жақ, жауырын сүйектері жарамды. Аталған қалашықтардың барлығында дерлік асықтар кездеседі.

Асықтарды тіл-көзден сақтау үшін де пайдаланған. Бұл тотемдік түсініктерден: қой культімен және оның магиялық күші қазақ халқының ауызша-поэтикалық шығармашылығында, халықтық ғұрып пен сенімдерде көрініс табады (Тохтабаева, 1991, с.92). Неолит кезеңінде сүйектен, тістерден, аңдардың азу тістері мен әртүрлі каури қабыршағынан жасалған әшекейлер пайда болған. Олар өз иелеріне күш, аңның ептілігін беріп, әртүрлі шабуылдар мен бәледен қорғаған (Тохтабаева, 2001, с.374).

Осындай әр түрлі сүйектен жасалған бұйымдардың табылуы Сыр өңіріндегі ортағасырлық қалашықтың тұрғындары сүйектерді шикізат ретінде бұйым жасауға дайындап, өңдеп, әртүрлі тұрмысқа қажетті бұйымдар мен ғұрыптық бұйымдарды жасағандығын көрсетеді.

Әдебиеттер тізімі

Гайдученко Л.Л. Остеологические материалы из раскопок городища Джанкент (2009-2012 гг.) // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А.Тажекеев. – Алматы: Арыс, 2014. – 320 с.

Ежелгі қала – Жанкент – Қызылорда, 2010, -110 бет.

Тохтабаева Ш.Ж. Обряды и обычаи казахов, связанные с произведениями прикладного искусства // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Сборник статей. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2001. С. 373-386.

Тохтабаева Ш.Ж. Семантика казахских украшении // СЭ. 1991. №1. – С. 90-101.

А.А. Нуржанов, Д.О. Гимранов
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
A.A. Nurzhanov, D.O. Gimranov
Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan
Almaty, Kazakhstan
arnabai@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГОРОДИЩА КАСТЕК

Аннотация. Изучены костные остатки животных из археологического памятника средневековья городища Кастек. Археозоологический материал данного памятника описывается впервые, в связи с чем, представляет определенный интерес. Изучено 206 костей млекопитающих и птиц, среди которых 200 (97%) определены до вида. Основную часть определимых остатков составляют кости домашних копытных животных. Доминирующим по количеству остатков видом является лошадь, затем следует корова и МРС. В материалах памятника отмечены кости собаки, верблюда, осла, архара, кулана и косули. Имеющийся материал не достаточен для сравнительного анализа с зоологическими коллекциями синхронных памятников Казахстана и близлежащих территорий.

Ключевые слова: средневековье, Кастек, кости животных, КРС, лошадь, МРС, скотоводство.

Қастек ортағасырлық қалашығы археологиялық ескерткішінің мал сүйектері қалдықтарына жүргізілген зерттеулер

Түйін: Ортағасырылық Қастек қаласынан табылған мал сүйектерінен талдау жасалған. Қалада шыққан мал сүйектері өте қызығушылық туғызаннан кейін бірінші рет археозоологялық талдау жасалдында. Екі жүзден астан жануарлармен құстардың сүектеріне талдау жасалды оның 97 пайызы толық анықталды. Талдау жасалған жануарлардың көпшілігі тұяқты үй жануарлады Олардың ішінде көпшілігі жылқы, одан кейін сиыр және қой мен ешкі сүйектері. Сонымен қатар қалада иттердің, түенің, есектің, құланның және еректің сұйектері кездесті. Бұл талдау алғашқы болып отығандықтан басқа ескерткіштермен салыстыруға келмейді.

Түйін сөздер: орта ғасыр, Қастек, мал сүйектері, сиыр, жылқы, қой, ешкі, мал шаруашылығы.

Studying animal bones from archaeological sites Middle Ages city Kastek

Annotation. In this paper, we report the bone remains of animals from the archaeological site of the Medieval city of Kastek were studied. Archaeozoological material is first described from this settlement, and therefore, is of interest. Studied 206 bones of mammals and birds, among which 200 (97%) are definitely up to the species. The main part of detectable bone

residues are the bones of domestic animals. The dominant species is a horse, then follows a cow and a small cattle. Bones of a dog, camel, donkey, argali, onager and roe deer are marked in the materials of the settlement. The available material is not sufficient for comparison with that of other synchronous site of Kazakhstan and nearby territories.

Keywords: Medieval period, Kastek, animal bones, cattle, horses, small cattle, livestock

Образование и развитие тюркских городов Средней Азии и Казахстана, при всех общих закономерностях, не было шаблонным, имело свои особенности. Структура средневековых городов также не была единой и зависела от объективных условий процесса градообразования. Этот вывод особенно важен и справедлив для средневекового Казахстана, где формирование городских центров происходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения, что сказалось на топографии и типах городов, своеобразии городской культуры. В известных древнетюркских «рунических» памятниках на р. Орхон (эпитафии Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука) употреблены собственно тюркские термины: «балык» – город, «балык- дакы» – горожане, «барк» – здание.

В первые десятилетия VII в. на трассе Великого Шелкового пути переместившегося в Южный Казахстан и Жетысу, появились города. Некоторые из них сформировались как ставки тюркских каганатов, другие были основаны согдийцами как торговые фактории. Доля оседлого и городского населения увеличивалась вплоть до начала XIII в. То есть, на протяжении шести-семи столетий для таких государств, как Тюркский, Западно-Тюркский, Тюргешский, Карлукский, Караханидский каганаты характерно сочетание скотоводства и земледелия, сопровождающееся ростом и расширением последнего, появлением селений и городов.

Жетысу занимает Шу-Балхашский бассейн, средняя высота которого колеблется в пределах 300-400 м над уровнем моря, наиболее низкое место – низовья Шу. Продольная ось Шу-Балхашского междуречья проходит через низовья Шу-Балхаш, Алаколь и через Жонгарские ворота уходит в Западный Китай, к озеру Эби-Нор.

К югу от реки Иле начинается Илейский/Заилийский Алатау. Западная часть между правым берегом р. Шу и песками, окаймляющими нижнее течение р. Иле называется Шу-Илейскими горами, отдельные части которых носят название Кульжабасы, Хантау, Козыбасы. Они имеют многочисленные перевалы, удобные для колесного транспорта. Через Кордайский перевал проходит дорога, соединяющая Илейскую и Шуйскую долины. Еще один путь проходит через перевал Кастек, соединяя долину Иле с котловиной Иссык-Куля и долиной Шу.

Шу-Илейская долина на протяжении нескольких столетий была центром городской культуры тюркских государств. Последнее доказывается топонимическими и гидронимическими наименованиями, сохранившими трансформированное звучание имен первых каганов (ататюрков) – основателей древнетюркского государства. Так, имя первого кагана – Бумыня (кит. Тумыня) сохранилось в гидрониме реки Или, протекающей ныне по территории Западного Китая и Казахстана и впадающей в озеро Балхаш. Этот гидроним, несомненно, реконструируется как «эль-эли» или «иль-или» рунических надписей в смысле «племя», союз племен, государство. Более того, Н.Я. Бичурин имя Или Бумыня напрямую связывает с названием семиреченской реки и комментирует это так:

Или-хан – значит «хан с реки Или» (Бичурин, 1950, с. 227). После смерти Бумыня в 552 г. престол тюркского эля занимает его сын Коло, правивший всего год (ум. в 553 г.), но успевший принять имя Исиги-хана (Бичурин, 1950, с. 28, прим. 4), лакаб (престольное имя) связываем с гидронимом Исик-Есик (оз. Иссык). От следующего гидронима, реки Кеген происходит лакаб Мукан-хана (время правления 553-572 гг.) – младшего брата Есиги-хана. Его имя известно как Муюй (Мухан)-хан Кигин (Бичурин, 1950, с. 227-228).

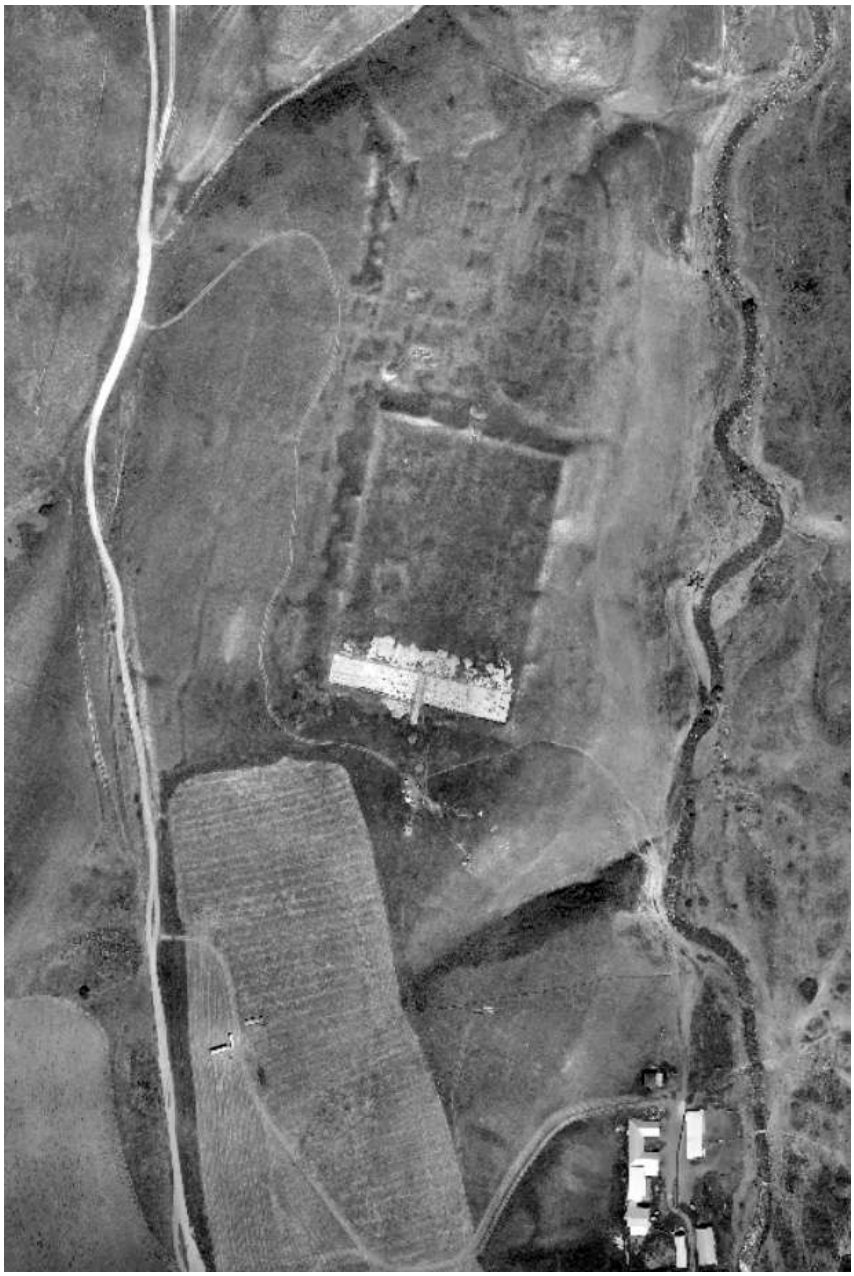


Рис. 1. Аэрофотосьемка городища Кастек

Перевал Кастек издревле служил для связи долин Шу и Иле. Упоминание об этом перевале сохранилось в источниках XV в., описывающих поход Тимура. В 1375 г. армия Тимура из долины Иле шла в Атбаш через перевал Кара-Касман (Кастек).

Средневековое городище Кастек-1 находится в 2,5 км от с. Кастек, на левом побережье реки Кастек у подножья горы Суык-Тобе. Географические координаты: 43º03’03,54» С.Ш., 75º59’09,11» В.Д., на высоте 1296 м над уровнем моря. Перевал Кастек издревле служил для связи долин Шу и Иле Городище расположено на месте выхода горной речки из горных теснин на относительно широкую часть возвышенных прилавков, образующих возвышенное плато. Центральная часть памятника представляет собой возвышение подчетырехугольной формы, ориентированное углами по сторонам света (рис. 1). Размер по линии С-Ю – 210 м, В-З – 150 м, что составляет 4 га. Он обнесен крепостной стеной, которая выглядит как оплывший вал толщиной до 15 м, высотой до 4 м. Общая площадь раскопа составила 5000 м2 (рис. 2). Раскопано два тюрко-карлукских слоя, относящихся ко второй половине VII – первой половине X в., а также три строительных горизонта, относящихся к Караханидскому периоду (вторая половина X – первая половина XIII вв. В ходе раскопок собран остеологический материал, который был обнаружен на площади размером 22,5×18,7 м городища Кастек на различной глубине от одного до 10 м от дневной поверхности.

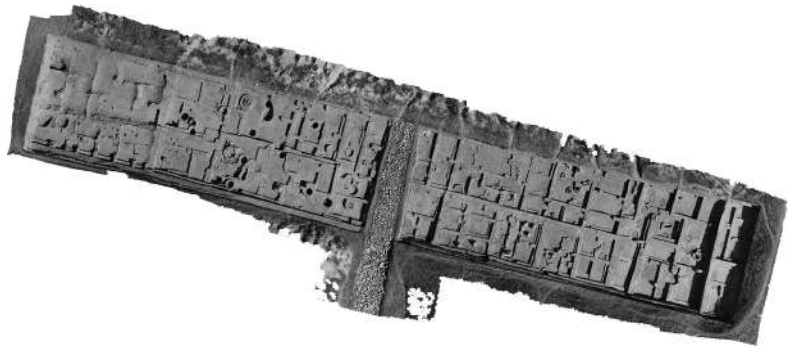


Рис. 2. Аэрофотосьемка раскопа

Изучено 206 костей млекопитающих и птиц, среди которых 200 (97%) определено до вида (табл. 1). Кроме костей домашних животных, которые составляют большую часть (93%), обнаружены кости архара, косули и кулана. Также обнаружены две кости птицы, кости рыб в исследуемых материалах не зафиксированы. Стоит также отметить два фрагмента человеческих костей, обнаруженных вместе с костями животных. Размерный анализ фрагментированного костного материала показывает сильное преобладание крупных фрагментов над мелкими. Это обстоятельство не характерно для памятников подобного типа (городища и поселения). Обычна ситуация, когда в палеозоологических коллекциях, собранных на поселениях, имеется высокий процент неопределимых костей, который связан с большой долей мелких костных фрагментов (Косинцев, 1988; Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992; Гайдученко, Ломан, 2015; Бейсенов и др., 2018).

Таблица 1

Видовой состав костных остатков с городища Кастек

Виды	Количество костей/особей	Количество костей в %
Крупный рогатый скот – *Bos taurus*	49/3	23,3
Мелкий рогатый скот – *Capra* et *Ovis*	79/31	37,6
Лошадь – *Equus caballus*	60/3	28,6
Собака – *Canis familiaris*	2/2	1,0
Осел – *Equus asinus*	3/2	1,4
Верблюд – *Camelus bactrianus*	3/1	1,4
Косуля – *Capreolus pygargus*	7/3	2,9
Кулан – *Equus hemionus*	1/1	0,5
Архар – *Ovis ammon*	1/1	0,5
Птица – *Aves*	2/1	1,0
Млекопитающие, не определимые	4	1,9
Всего:	206	100

Крупный рогатый скот. Корове принадлежит 49 костей, минимально от трех особей (табл. 1). Как видно из таблицы 2, кости большей частью раздроблены (69%). Среди отделов скелета преобладают кости черепа (табл. 3). Возрастной состав забиваемых животных определялся по состоянию зубной системы и прирастанию эпифизов на трубчатых костях. Из таблицы 4 видно, что в основном происходил забой взрослых животных (62%). Это свидетельствует о разведении крупного рогатого скота для получения в первую очередь молочных продуктов. Десять костей КРС имеют следы погрызов собакой.

Таблица 2

Состав элементов скелета крупного рогатого скота, лошади и мелкого рогатого скота

Название кости	Крупный рогатый скот		Лошадь		Мелкий рогатый скот	
	Ц*	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф
Рог	1				1	
Череп		6		8		2
Нижняя челюсть	1	6		9	1	2
Зубы	3		4			
Атлант	1	1	1			
Позвонки		1	1	4		1
Эпистрофей		1				
Ребро		3				
Лопатка		2		6	2	1
Плечевая		4		2		1
Лучевая				3		
Метаподия	2	4	2	3		
Таз		3		6		

Бедренная		2	1	2		
Большеберцовая		1	2	3		
Таранная	6			1	68	
Фаланга 1				1		
Фаланга 2	1			1		
ВСЕГО экз.:	15	34	11	49	72	7
ВСЕГО %:	31	69	18	82	91	9

*Ц – целые и условно целые кости; Ф – фрагменты.

Лошадь. Этому виду принадлежит 60 костей, от трех особей (табл. 1). Степень раздробленности высокая и составляет 82% (табл. 2). Среди отделов скелета преобладают кости верхних отделов конечностей и головы (табл. 3). Возрастной состав, определялся по состоянию зубной системы и прирастанию эпифизов трубчатых костей. Из таблицы 4 видно, что в основном происходил забой взрослых животных (75%). Скорее всего, лошадей использовали в первую очередь, как рабочую силу, а потом уже, как источник питания. Следы покусов собакой зафиксированы на шести костях.

Таблица 3

Соотношение отделов скелета крупного рогатого скота, лошади и мелкого рогатого скота

Отдел скелета	Крупный рогатый скот		Лошадь		Мелкий рогатый скот	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Голова	17	35	21	35	6	8
Туловище	7	14	6	10	1	1
Верхний отдел конечностей	12	24	25	42	4	5
Нижний отдел конечностей	13	27	8	13	68	86

Мелкий рогатый скот. Этой группе животных принадлежит наибольшее число костей – 79 экземпляров. Минимальное количество особей МРС, от которых происходят кости составляет 31 животное (табл. 1). Такое несоответствие в количестве костей и особей связано с тем, что при раскопках обнаружено большое количество альчиков или таранных костей. Многие из них несут следы залощенности, т.е. могли использоваться как игральные кости. С этим же обстоятельством связана низкая фрагментированность костей МРС (табл. 2), а также преобладание костей нижнего отдела конечностей (табл. 3). Если не рассматривать таранные кости МРС вместе с другими костями, то доля МРС становится очень низкой и занимает 8% от общего числа костей. В этом случае определение возраста мелкого рогатого скота становится некорректной задачей. Нужно отметить, что часть таранных костей принадлежит овце (52 экз.), другая часть этих костей принадлежит козе (15 экз.). Также козе принадлежит один отрубленный рог и череп больших размеров. По-видимому, овцеводство играло второстепенную роль в скотоводческой практике древнего населения городища Кастек.

Таблица 4

Возрастной состав крупного рогатого скота и лошади (%)

Возраст	Вид
	Крупный рогатый скот
Старые особи	0,0
Взрослые особи	62,0
Полувзрослые и молодые особи	31,0
Новорожденные	6,0
	Лошадь
Старые особи	12,5
Взрослые особи	75,0
Полувзрослые и молодые особи	12,5
Новорожденные	0,0

Собака. Этому виду принадлежат два целых черепа (табл. 1). Один из черепов принадлежит взрослой особи, другой принадлежит достаточно старой особи, о чем свидетельствует изношенность зубов и аблитирированность швов. Черепа принадлежат собакам небольших размеров.

Осел. Этому животному принадлежат тазовые кости от двух особей, а также целая большеберцовая кость (табл. 1). В одном случае левая и правая половины таза целые и хорошо срослись, что говорит о взрослом возрасте животного. Наименьшая высота подвздошной кости равна 26,9 мм (SH), длина симфиза составляет 84,5 мм (LS), внутренняя длина запирательного отверстия равна 43,2 мм (LFo), длина вертлужной впадины составляет 39,2 мм (LAR). Аббревиатура промеров соответствует таковой в работе Driesch (1976).

Верблюд. Этому виду принадлежат фрагменты правой и левой ветвей нижней челюсти. Остатки принадлежат взрослому животному. Также имеется фрагмент черепа старого животного. Определить одной или более особям принадлежат кости не представляется возможным. Скорее всего, все костные остатки верблюда, обнаруженные при раскопках, принадлежат домашней форме.

Косуля. Этому дикому копытному животному принадлежат пять рогов, три рога несут следы рубки. два рога скорее всего, отпали при жизни. Два рога целые, три рога сломаны в основании. Также косуле принадлежат две таранные кости, одна правая, другая левая. Одна таранная кость залощена. Подобный набор костей может свидетельствовать скорее о ритуальном или сакральном использовании остатков этого животного, чем о пищевом объекте. С сохранившихся частей рогов были сняты промеры (табл. 5). Средние значения двух промеров достаточно близки с таковыми у современных косуль, обитающих в Казахстане, Урале, Алтае и на Саянах (Киселев, 1980).

Таблица 5

Размеры рогов косули из городища Кастек

Название промера	№ образца					Среднее значение
	1	2	3	4	5	
Диаметр основного стержня	27,8	24,2	25,6	-	30,6	27,1
Диаметр «пенька» рога	25,4	28,7	29,9	27,9	-	28,0

Кулан. Кулану принадлежит один рубленный череп. Степень зарастания швов свидетельствует о том, что животное было взрослым.

Архар. К этому виду мы отнесли очень массивный рог, размеры основания которого выходят за пределы изменчивости рогов домашнего барана. Рог принадлежит взрослой особи. Следов рубки на роге не обнаружено.

Птица. Найдено две трубчатые кости птицы, возможно, они были предназначены для изготовления изделий. Повреждений на костях не зафиксировано. По размерам костей можно судить о размере птиц, которые, скорее всего, были не больше курицы.

Основную часть определимых костных остатков составляют кости домашних копытных животных. Среди них большую часть занимают кости лошади (42,3%). Второе место по количеству костей занимает крупный рогатый скот (34,5%). Эти данные пересчитаны с учетом того, что мелкий рогатый скот в изученном материале должен занимать не более 8% от общего числа костей. Связано это с тем, что обнаруженные таранные кости МРС, которые являются многочисленной группой, представляют собой остатки игрального набора, а не связаны с хозяйственной деятельностью древнего населения. Видимо, крупный рогатый скот разводили для получения молочных продуктов чем свидетельствуют данные возрастного состава животных. Лошадь, вероятно, использовалась, как тягловое или верховое животное и играло второстепенную роль в питании людей. Имеющегося материала не достаточно, чтобы сделать однозначные выводы о скотоводческих традициях населения оставившего данный памятник. В культурном слое памятника обнаружено очень мало мелких (неопределимых) фрагментов костей. Данное обстоятельство мы связываем с методикой сбора костного материала из грунта при раскопках. По этой же причине, в имеющейся коллекции, может быть занижено число костей мелкого рогатого скота.

Сравнивая состав костных остатков животных с синхронным памятником Приаралья – городищем Жанкент (Гайдученко, 2014) мы можем наблюдать некоторое сходство в видовом составе животных, но совершенно разное соотношение долей домашних видов. В обоих памятниках зафиксированы остатки КРС, лошади, МРС, верблюда, овцы, козы, осла, собаки, кулана и птицы. Но Приаралье доминирует группа МРС, на втором месте находится КРС, на третьем лошадь. Мы считаем, что корректное сравнение полученных нами результатов с результатами, опубликованными по другим подобным памятникам средневековья пока преждевременно, из-за малого количества анализируемых костных остатков. Несомненную отдельную ценность имеет описание костных остатков таких редких видов, как осел, косуля и архар. На данном этапе исследование, это сообщение имеет предварительный характер.

Список литературы

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 218 с.

Бейсенов А.З., Гимранов Д.О., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Поселение сакского времени Абылай в Центральном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – Т. 22. – №2. – С. 157-178.

Гайдученко Л.Л. Остеологические материалы из раскопок городища Джанкент (2009-2012 гг.) / Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. – Алматы: «Арыс», 2014. – С. 161-177.

Гайдученко Л.Л., Ломан В.Г. Фаунистический комплекс поселения Донгал в Центральном Казахстане // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. –Барнаул, 2015. – С. 200-204.

Бичурин (Иакинф) Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. // Т. I. М.-Л.: 1950. 382 с.

Киселев А.А. Рост, строение и изменчивость рогов косули на Урале // Внутри и межпопуляционная изменчивость млекопитающих Урала. – Свердловск, 1980. – С. 109-121.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск: УрО РАН СССР, 1988. – С. 32-51.

Von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Mus. Bull. 1976. N 1. – P. 1-136.

Я.В. Пилипчук
Институт востоковедения НАН Украины
Киев, Украина
Ya.V. Pilipchuk
Institute of Oriental studies of Ukraine's Academy of sciences
Ukraine, Kyiv
pylypchuk.yaroslav@gmail.com

КЕМ БЫЛИ БУРТАСЫ?

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу этничности буртасов. Буртасы это перовоначально ираноязычное население. Они происходили от степных аланских, а не кавказских аланских групп населения. Буртасы не были аборигенами Среднего Поволжья, а были ираноязычными мигрантами из степей и лесостепей. Буртасы поддерживали союзнические отношения с хазарами и вероятно помогали им поддерживать власть Хазарского каганата над народами Среднего Поволжья. Относительно их первоначальной языковой принадлежности, то можно говорить об их иранском языке близком языку аланов. Буртасы активно взаимодействовали с своими тюркскими соседями и подвергались тюркизации. Уже в раннем средневековье буртасы это гетерогеное население, включающее как иранцев, так и волжских финнов. Иранцы занимали доминирующее положение, мордвины же находились под их властью. Во время позднего средневековья ээтническая группа называемая буртасы была уже тюркоязычной. Буртасы передали завоеваным мордвинам Посурья свой этноним.

Ключевые слова: буртасы, Среднее Поволжье, волжские булгары, идентичность, мордва, иранцы.

Буртастар кім болды?

Түйін. Бұл мақала буртастардың этникалық мәселесіне арналған. Буртастар – бұл алғашында иран тілді халық. Олар халықтардың кавказдық алан емес далалық алан топтарынан шықты. Буртастар Орта Волга бойының жергілікті тұрғындары болған жоқ, иран тілді дала мен орманды-далада мигранттары болды. Буртастар хазарлармен одақтық қатынастарды ұстап тұрды және Орта Волга бойының халықтарына Хазар қағандығының билігін жүргізіп тұруға көмектесуі ықтимал. Алғашқы тілдік қатыстылық жайында олардың алан тіліне жақын иран тілі туралы айтуға болады. Буртастар өздерінің түркі көршілерімен белсенді қарым-қатынысты болды және түркіленуге ұшырады. Ерте ортағасырда буртастар – бұл ирандықтар, волгалық финдер сияқты халықтар кіретін гетерогенді халық болды. Ирандықтар басым жағдайға ие болды, мордвалықтар олардың ықпалында болды. Кейінгі ортағасырда буртас деп аталатын этникалық топ түркі тілді болды. Буртастар басып алған Посурье мордвалықтарға өз этнонимін берді.

Түйін сөздер: буртастар, Орта Волга бойы, волгалық бұлғарлар, бірегейлік, мордва, ирандықтар.

Who were Burtases?

Annotation. This paper is devoted to the question of ethnicity Burtases. Burtasy was originaly Iranian-speaking population. They came to Middle Volga region from the steppe and forest-steppe regions of Eastern Europe. Burtases were not natives of Middle Volga region. Burtasy make alliances with the Khazars and helped them to installed the power of the Khazar Khanate over the finnish nations of the Middle Volga. Burtases actively cooperated with its Turkic neighbors and subjected Turkization. Burtases was heterogeneous population already in the Early Middle Ages, including Iranians and Volga Finns. Iranians occupied a dominant position. During the Late Middle Ages ethnic group called Burtases was already Turkic people.

Keywords: Burtases, Middle Volga Region, Volga Bulgars, identity, Mordva, Iranians.

Вопрос этнической принадлежности буртасов очень интересовал исследователей. В историографии существует ряд статей посвященных буртасам. В частности это публикации А. Халикова, Г. Афанасьева, П. Голдена, В. Ставицкого, М. Полесских, Б. Васильева, С. Андреева, О. Бубенка, Г. Белорыбкина (Халиков, 1985, с. 161-164; Халиков, 1990, с. 88-97; Афанасьев, 1993; Афанасьев, 1988; Афанасьев, 2007, с. 74-79; Афанасьев, 2009, с. 7-17; Golden, 1990; Golden, 2011, p. 98-102; Ставицкий, 2013, с. 8-16; Ставицкий, 2014, с. 84-91; Полесских, 1981, с. 56-68; Васильев, 1960, с. 180-210; Андреев, 2011, с. 241-248; Полубояров, 2010; Бубенок, Радівілов, 2009, с. 18-34; Бубенок, 2012; Белорыбкин, 1988, с. 82-87; Белорыбкин, 2003; Белорыбкин, 2001, с. 75-76; Белорыбкин, 2011). В них представлены разные, часто взаимоисключающие точки зрения на проблему этнической идентичности буртасов. До сих пор интерпретация археологических материалов и сведений письменных источников касательно буртасов является проблематичной. Для нас важно не только ответить на вопрос кем первоначально были буртасы, но и показать как изменялась их этничность со временем.

Касательно происхождения буртасов, то учеными было высказано несколько гипотез. Многие авторитетные востоковеды пришлого и современности высказались в пользу их волжско-финнской принадлежности. П. Савельев, Й. Маркварт, В. Бартольд, В. Минорский считали их частью мордвы. Персидский хронист Рашид ад-Дин упоминал буртасов рядом с мухшей (мокшанами) и арджанами (эрзянами). Археологические памятники буртасов находили на территориях расселения мордвы. Однако они отличались от мордовских. В ряде исследований конца XX в. гипотеза о их принадлежности была несколько подкорректирована, в частности А. Новосельцев считал буртасов вымершим финским народом Поволжья. Среди ученых было также принято считать буртасов тюрками (И. Смирнов, С. Середонин, Ф. Чекалин, В. Вестберг, А. Халиков, М. Сафаргалиев, Ш. Бахтиев, С. Ромашов, Г. Белорыбкин, М. Полесских). Это было основано на помещении Тахиром ал-Марвази и Гардизи буртасов в главу о тюрках, а также сведения о том, что религия буртасов похожа на религию огузов. Г. Белорыбкин считает буртасов предками чувашей, татар-мишарей и части башкир. М. Полесских отождествлял с буртасами поселения с красно-коричневой керамикой. В некотором отношении она похожа и на булгарскую. Он отмечал, что буртасы появились на территории будущей Пензенской области после разгрома Святославом Хазарского каганата. Буртасы жили чересполосно с мордвинами и булгарами. П. Голдэн на данный момент затруд-

няется ответить каким было происхождение буртасов, хотя раньше считал их вымершим финнским народом. А. Халиков не считал буртасов коренным народом и предполагал, что они прийшли в Поволжье из региона между Уралом и Эмбой. С буртасскими древностями он связывал некоторые похожие черты кердерской культуры Приаралья, носители которой в IX в. были потеснены токуз-огузами. Он считает, что описание погребального обряда Армиевского могильника соответствует описанию в арабских источниках, по которым одна часть буртасов сжигает своих умерших, вторая хоронит. В. Ставицкий однако отмечал намного более сложную погребальную обрядность населения оставившего могильник и считает, что А. Халиков существенно преуменьшил долю мордвинов среди местного населения. Материалы Армиевского могильника демонстрируют седентаризацию группы кочевников, но вместе с тем там присутствувало и местное оседлое поволжское финнское население. Армиевское население с тюрками отождествлял Г. Белорыбкин. По его мнению, буртасы подчинили в Посурье местных мордвинов. Буртасам принадлежали Юловское и Золотаревское городища. Золотаревское городище мордовский ученый сопоставляет с городом Буртас у Ибн Саида.

Теорию угорского происхождения буртасов поддерживали Б. Васильев, П. Степанов, П. Черменский, А. Расторопов. Б. Васильев отождествлял буртасов с мажарами/можерянами. Нужно отметить, что он указывал на некоторые связи буртасов с огузами. Однако погребальный обряд буртасов описаный у Ибн Русте кореным образом отличается от погребального обряда огузов описаного Ибн Фадланом. На данный момент угорской теории придерживается И. Андреев, который считал буртасов частью мадьяр, которые впоследствии были булгаризованы в Пензенском крае. Буртасия была частью Волжской Булгарии. С буртасами он связывает топонимы с формантом –ис. И. Андреев считал, что буртасы также занимали район Верхнего Посурья и связывал их с мердас упоминаемых Гильомом де Рубруком. Он считал, что степные группы буртасов попали в зависимость от кыпчаков, а лесные – от волжских булгар.

Наиболее поздно появилась гипотеза об иранской идентичности буртасов. Эту теорию выдвинули О. Прицак, И.Добродомов и Г. Афанасьев, а поддержали ее О. Бубенок, Т. Левицкий, В. Напольских, Р. Кузеев, В. Петрухин, Д. Раевский, Е. Казаков. В археологическом отношении памятники буртасов относяться к салтовскому ареалу, впрочем как и памятники булгар. Кроме того, заметен ряд осетино-мордовских паралелей в погребальной обрядности и костюме. Сами этниконы мордва и удмурт в русском языке указывают на происхождение этих этниконов от иранцев. Говорить о иранской этнической принадлежности буртасов позволяют памятники лесостепного варианта салтовской культуры. Гипотеза И. Добродомова касательно происхождения названия Казань от осетинского къадзонаег вряд ли возможна. Миграции печенегов, а потом кыпчаков вынудили буртасов из лесостепей отступить в земли волжских булгар. С буртасами С. Алихова отождествляет переселение салтовцев расколовших надвое массив мордовских племен. Она считает, что обряд сокращенного погребения женщин (с подогнутыми ногами) в цнинской группе памятников был принесен аланами пришедшими из лесостепного Подонья в земли мокшан. Временем прибытия этих переселенцнв назван VIII в. Первые сочинения, где были упомянуты буртасы, датированы X веком. Сама миграция не была запечатлена, а буртасов хронисты и географы уже фиксировали как народ на Волге. В более позднее время, а точнее во время существования Волжской

Булгарии буртасы ощутили влияние со стороны булгар и были тюркизованы. Керамика Золоторевского городища похожа на керамику аланов, а конструкция домов похожа на булгарские. Е. Казаков отмечал, что предки буртасов были связаны с именьковскими и турбаслинскими племенами, которые были вытеснены кушнаренковскими (венграми) кочевниками на правобережье Волги в Саратово-Самарском регионе. Булгары продвигаясь в земли буртас принесли туда ряд древнетюркских традиций. Он считает, что бирутальность погребального обряда буртасов, ряд особенностей культуры и религии мордвы обусловлен влиянием сарматского мира, который впрочем был разнообразным и включал как кочевые, так и оседлые племена.

Однако есть ряд проблематичных моментов. В антропологическом отношении буртасы относились к понтийскому антропологическому типу. Касательно памятников на Армиевском курганно-грунтовом могильнике, то А. Халиковым отмечено присутствие нескольких компонентов, а не только буртасов. Е. Казаков отрицал булгаризацию буртасов, поскольку в Посурье, где присутствовали буртасы в случае булгаризации должны были появится мусульманские памятники, а они отсутствуют. Впрочем в арабо-персидских источниках напрямую не говорится, что буртасы мусульмане. Об этом сказано в весьма расплывчатой форме Юлианом и Гильомом де Рубруком, Джиованни де Плано Карпини же относил брутахиев вообще к иудаистам. В «Слове о погибели Русской земли» не указана религия буртасов. Мы можем говорить об исламизации буртасов, но они вероятно были не так тверды в вере как булгары. Кроме того, владимиро-суздальский летописец говоря о Ясыне и Амбале не указывал, что они мусульмане. Буртасы вероятно были поликонфесиональны. А. Расторопов же указывал, что выделять археологическую культуру буртасов пока рано. В. Ставицкий же указывал на ряд слабых мест в разных точках зрения. Для алан были характерны раннеклассовые отношения, а буртасы находились на стадии племенной разобщености. Комплекс вооружения буртасов и алан отличается. То, чем они вооружены, скорее соответствует комплексу вооружения мордвинов. Буртасы по описаниям арабов скорее лесной народ, который промышлял охотой. Однако это не исключало коневдства. Впрочем, он не исключал, что пришедшие с юга пришельцы могли дать этноним буртас местному финнскому населению. Название буртасы ученый считал возникшим в аланской среде, которое распространилось потом и на финнское население, а с XVI в. обозначало тюркское население Западного Поволжья. В частности синонимом буртасов был термин посопные татары (Халиков, 1985, с. 161-164; Халиков, 1990, с. 88-97; Афанасьев, 1993; Афанасьев, 1988; Афанасьев, 2007, с. 74-79; Афанасьев, 2009, с. 7-17; Golden, 1990, p. 248-249; Golden, 2011, p. 98-102; Ставицкий, 2013, 8-16; Ставицкий, 2014, с. 84-91; Полесских, 1981, с. 56-68; Васильев, 1960, с. 180-210; Андреев, 2011, с. 241-248; Полубояров, 2010; Бубенок, Радівілов, 2009, с. 18-34; Бубенок, 2012, с. 303-304; Белорыбкин, 1988, с. 82-87; Белорыбкин, 2003; Белорыбкин, 2001, с. 75-76; Константин Багрянородный, 1991, Главы 37, 42; Казаков, 2015, с. 102-106; Бубенок, 2008, с. 5-10).

Ал-Масуди характеризовал буртасов как тех, кто вместе с булгарами и хазарами разгромили русов, которые до того воевали против мусульман на Каспийском море. Ибн Русте, Гардизи, Тахир ал-Марвази указывали, что буртасы враждуют с булгарами и печенегами, то есть были врагами явным и неявным противникам хазар. Ибн Хаукаль, ал-Истахри, Йакут указывали, что буртасы соседи хазар. Ибн Хаукаль указывал, что

буртасы не народ, а народы. Вероятно, буртасы были опорой хазарской власти в Поволжье. В «Худуд ал-Алам» упоминалось две группы буртасов. Первая из них находилась в районе Волго-Донской переволоки и находилась под непосредственной властью хазар, а вторая находилась выше по течению Волги (Гаркави, 1870; ал-Бекри, 1878; Хвольсон, 1869; Ибн Русте, 2006, с. 702; Марвази, 2006, с. 708; Бубенок, 1997, с. 67-77, 125-130; Каплун, 2008, с. 42-44; Гардизи, 1973; Коковцов, 1932; Hudud al-Alam, 1937, Главы 51-52; Анікәәв, 2009, с. 9).

Константин Багрянородный упоминал страну Мордия как соседа печенегов. Г. Литаврин и А. Новосельцев отождествляли Мордию с мордвой. Однако, если сравнить данные Константина Багрянородного со сведениями арабских и персидских источников, то на месте Мордии окажуться буртасы, которые указаны как враги печенегов и подданые хазар. Анонимный персидский географ указывал, что буртасы исповедуют веру гузов и сжигают своих умерших, у них два правителя. Они подвластны хазарам. На юг от них жили хазары, к северу тюркские печенеги, к западу – в.н.н.др. Главное их багатство мех. Гардизи указывал, что буртасы нападают на печенегов и булгар каждый год. Вся их страна равнина с деревьями и источниками. Они вооружены стрелами с луком и топором. У них нет кольчуг и панцирей, а кони есть только у самых богатых. Ибн Русте отмечал, что земля буртасов находилась между булгарами и хазарами. Буртасы подчиняються хазарам, а управляються одним или двумя старейшинами в поселении. Они выставляют 10 тыс. всадников. Вера буртасов похожа на веру гузов. Одни буртасы сжигают своих мертвых, а иные хоронят. У них существовала кровная месть. Женщины у них пользуються свободой воли. Буртасы земледельцы и главное их богатство в мехах. Также у них много скота, есть мед. Страна в ширину простирается на 17 дней. Ал-Бекри сообщал, что между фрдасами и хазарами 15 дней пути. Вера фрдасов похожа на веру гузов, между страной блкан и фрдас 3 дня пути. У них девушки пользуются свободой. Всадников у них 10 тыс. Главное богатство фрдасов мех, есть пашни и скот. У фрдасов много торговых мест и их страна вширь на протяжении 1,5 месяца. Тахир ал-Марвази указывал, что территория буртас была частью хазарского государства. Буртасов он относил к тюркам. Они поддерживали хазар конницей в 10 тыс. всадников. Каждое их поселение управлялось старейшиной. Их страна равнина, где были леса. Они нападали на булгар и печенегов. Буртасы разводили свиней и добывали мед. Буртасы состоят из двух групп, одна из которых сжигает своих мертвых, а вторая погребает. Их женщины пользуються свободой (Константин Багрянородный, 1991, Глава 37; Hudud al-Alam, 1937, Главы 51-52; Minorsky, 1942, p. 33-34; ал-Бекри, 1878; Хвольсон, 1869; Ибн Русте, 2006, с. 702; Марвази, 2006, с. 708). Ал-Истахри писал, что буртасы соседи хазар. Буртас имя страны, а буртасы разбросаны вдоль реки Атиль. Ал-Балхи сообщал о том же (Бубенок, Радівілов, 2009, с. 19). Низами Гянджеви упоминал о буртасах как о врагах Искандера зу-л-Карнайна (Александра Македонского), что конечно являеться вымыслом поэта (Низами). Ал-Масуди сообщал, что из страны буртас поступают шкурки черных и красных лисиц. Одна шкурка ценой в 100 дирхемов была дороже шкурки соболя и была престижным товаром. Буртасов хронист относил к тюркам и отмечал, что они в 913 г. разбили русов (Минорский, 1963; Прицак, Голб, 2003).

Касательно буртасов, то в русских источниках они почти не упоминаются. Так, в «Слове о Погибели Русской земли» они названы среди финноязычных соседей Руси.

В русских летописях они упомянуты среди населения Золотой Орды. В частности в Устюжской летописи они упомянуты в войске Мамая, в Никоновской летописи под 1396 г. они упомянуты в соседстве с Пермью. Шихаб ад-Дин Марджани говорил, что буртасы были мусульманами. Страну буртасов обычно мусульманские ученые локализировали в двенадцати или семнадцати днях пути, то есть в Среднем Поволжье. Реку Буртас П. Голдэн идентифицирует с рекой Самара. Есть несколько рек с названием Буртас в Поволжье. Нужно отметить, что к сожалению Ибн Фадлан ничего не говорил о буртасах, в то время как его современники оставили описания этого народа. Однако это народ присутствует в хазаро-еврейской переписке как народ б-р-т-с, который подчиняется хазарам. К сожалению, от языка буртасов ничего не осталось. Этноним буртас реконструируется в форме fard-as (асы-перевозчики) сторонниками их иранской идентичности. Нужно отметить, что в арабских источниках отмечено, что язык буртасов отличается от булгарского и хазарского. То есть можно определенно говорить, что в IX-X вв. буртасы не были тюрками. Археологические памятники XIII в. указывают на тюркизацию буртасов. Буртасы упоминались в русских документах XVI и XVII вв. Буртасская топонимия присутствует в землях мордвинов и Мещерской земли, на западе бывшей Волжской Булгарии. В Позднем Средневековье буртасы должны были быть уже однозначно тюркоязычными, поскольку жили среди мусульман и исповедовали ислам. Среди проблем касательно идентификации буртасов стоит упомянуть, что в отличии от кавказских алан в погребениях буртасов трупоположения совершались по обряду кремации и в могилах присутствовали лошади, то есть было некоторое идеологическое влияние со стороны тюрок. У кавказских аланов погребали своих умерших по обряду ингумации в катакомбах. Если буртасы были связаны с аланами, то явно не с Северного Кавказа, а из лесостепных и степных пространств Восточной Европы. По мнению А. Халикова буртасы пришли на Среднюю Волгу вместе с ранними булгарами, то есть в VII в. (Golden, 2011, p. 98-101; Коковцев, 1932; Слово о погибели русской земли).

Они были подданными хазар и воевали против их врагов – булгар и печенегов. Отмечен их оседлый образ жизни и то, что они не жили в степи. Особо оговаривалась самостоятельность женщин. В постхазарское время об их судьбе сообщалось мало. Причиной тому, что буртасы перестали играть значительную роль в истории Восточной Европы, были нападения кочевников. По мнению Д. Расовского, из района Хопра и Медведицы их вытеснили кыпчаки. О. Бубенок указывал, что давление на буртасов оказывали еще печенеги. Из скупых упоминаний есть сведения Ибн Саида ал-Магриби и Абу-л-Фиды о городе Буртас. Ал-Идриси упоминал о земле Буртас. Юлиан сообщал о городе Бундаз в стране сарацинов Вела. Йакут ал-Хамави также отмечал, что Буртас это город. Рашид ад-Дин упоминал о буртасах как о народе соседящим с мухшой и арджанами. Джиованни де Плано Карпини упоминал о каких-то брутахиев исповедующих иудаизм, однако эти сведения не подтверждены сведениями мусульманских источников. Гильом Рубрук сообщал о народе мердас, который исповедует ислам. Сведения о нем противоречит сведениям о эрзянах и вероятно его можно отождествить с буртасами, которые вероятно ощутили на себе влияние волжских булгар. С городом Буртас Г. Белорыбкин сопоставляет Золотаревское городище. Поселение этого города было полиэтничным и естественно среди него были буртасы. В предмонгольское время кочевники вытеснили буртасов из лесостепей и буртасы вынуждены были переселиться

в Волжскую Булгарию и в качестве федератов сражаться против врагов булгар. В Лаврентьевской летописи сказано Анбале Ясине. Среди некоторых ученых была популярна идея о еврейском следе в его происхождении. Однако в таком случае его бы в летописи назвали жидовином. Также о мусульманском его вероисповедании не сказано. Это может быть объяснено тем, что буртасов было несколько групп, которые исповедовали разные религии и имели разное происхождение. Этноним буртас впервые в русских источниках упомянут в «Слове о погибели Русской земли». Древнерусский автор локализировал их между булгарами и черемисами (марийцами). Кроме того о них упоминают поздние русские источники, отмечая, что в Мещере они чужаки. Этноним буртасы к этому времени теряет свое первоначальное значение (Тизенгаузен, 1941, с. 36; Коновалова, 2006, с. 120; Коновалова, 2009, с. 32, 114; Аннинский, 1940, с. 80; Расовский, 1937, с. 81; Рубрук, 1957; Афанасьев, 1988; Слово о погибели русской земли; Бубенок, 2012, с. 307; Белорыбкин, 2003; Белорыбкин, 2011; Бубенок, 1997, с. 74-78, 122-124).

Г. Афанасьев отметил сложность локализации владений буртасов указывая, что есть 64 вариантов локализации. Буртасы были оседлым животноводческим и земледельческим населением. Их нишей должна была быть лесостепь. К западу от Волги граница со степью проходила по линии Балаклея – Валуйки – Россошь – Новохоперск и далее к Самарской луке. Буртасы жили западнее Волги в бассейне Дона в лесостепной зоне в 375-500 км. от хазар. Они были соседями славянских племен вятичей и северян. Буртасам соответствуют археологические памятники аланского лесостепного варианта салтовской культуры. Г. Афанасьев связывал с буртасами гидроним Оскол. Про аланское происхождение племени аскел высказался И. Добродомов. О. Бубенок видел в аскелах-эсэгэлах этническую группу финно-угорского, но не венгерсого происхождения. Д. Хвольсон видел в аскелах секеев, этническую группу венгерского происхождения. С. Кляшторный считал их чигилями. Последнее более вероятно. Поход Святослава против хазар в 965 г. нанес серьезный удар по буртасам, однако буртасы как народ сохранились на Среднем Дону. Часть из них уйшла на северо-восток в Среднее Поволжье принеся с собой туда свой иранский язык. Г. Афанасьев пришел к мнению, что сведения ал-Исхари, Ибн Хаукаля отражали реалии VIII – начала IX в. Украинские ученные О. Бубенок и Д. Радивилов предполагают существование двух групп буртасов. А. Тортика локализировал буртасов в Поволжье (Афанасьев, 1993; Афанасьев, 2009, 7-17; Афанасьев, 2007, с. 74-79; Афанасьев, 1988, с. 75-76; Бубенок, Радівілов, 2009, с. 18-34; Бубенок, 2012, с. 295-297).

Таким образом, проведя исследование мы пришли к следующим выводам. Буртасы это перовоначально ираноязычное население. Они происходили от степных аланских, а не кавказских аланских групп населения. Буртасы Среднего Поволжья находились в зоне влияния сначала хазар, а потом волжских булгар. Уже в Раннем Средневековье буртасы это гетерогеное население, включающее как иранцев, так и волжских финнов. Иранцы занимали доминирующее положение. Буртасы должны были ощущать тюркское влияние на протяжении всего Средневековья. Буртасы также должны были плотно взаимодействовать с волжскими финнами и передать завоеваной среднецнинской мордве свой этноним. Во время Позднего Средневековья этническая группа называемая буртасы была уже тюркоязычной.

Список литературы

Алихова А.Е. Материальная культура среднецинской мордвы VIII-XI вв. – Саранск Мордовское книжное издательство, 1969. – 129 с.

Андреев С.И. К исторической интерпретации буртасов // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 10. Т. 102. Гуманитарные науки. – С. 241-248.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т.III. – С. 71-112. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ungarn/XIII/12201240/Izv_veng_missioner/text1.phtml?id=3949;

Анікәәв Д.О. Міграція і розселення печенігів за повідомленнями вченних Арабського халіфату IX-X ст. // Сходознавство. 2009. № 48. – С. 3-13.

Афанасьев Г.Е. Буртасы // Исчезнувшие народы. – М.: «Наука», 1988. – С. 85-96 http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/history/burtas/burtas.htm

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асско-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М.: «Наука», 1993. – 183 с.

Афанасьев Г.Е. Поиск страны фурт-ас // Достояние поколений. 2007. № 1 (2). – С. 74-79

Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации Хазарии и Фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум Идель-Алтай. Тезисы докладов. – Казань, Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. – С. 7-17.

Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. // Записки Императорской Академии Наук. Т. 32. № 2. СПб., 1878. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Bekri/frametext.htm

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризованных буртасов // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань: Институт языка, литературы и истории, 1988. – С. 82-87.

Белорыбкин Г.Н. Буртасы // Пензенская энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001. – С. 75-76.

Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века / Г. Н. Белорыбкин. – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2003. – 200 с.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб.: ИИМК РАН, 2011. – 190 с.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). – Киев: Логос, 1997. – 224 с.

Бубенок О.Б. Проблема походження буртасів у дослідженнях О. Пріцака і східноєвропейських дослідників другої половини XX ст. // Східний світ. 2008. № 4. – С. 5-10

Бубенок О.Б. Від Аттіли до Чингіз-хана. Алани і тюркомовні номади Євразії. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2012. – 508 с.

Бубенок О.Б., Радівілов Д.А. Свідчення ал-Масуді та Худуд ал-Алам про дві групи буртасів // Східний світ. 2009. №3. – С. 18-34.

Васильев, Б. А. Буртасы и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа. 1960. – Т. 63. – Вып. 1. – С. 180-210.

Гардизи – Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Академик В.В.

Бартольд. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. – М.: «Наука», 1973 http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века). – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1870. VIII, 308 С. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/8.htm

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/9.htm

Джиованни де Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. с лат. А.И. Малеина. Ред., вступит. ст. и примеч Н.П. Шастиной. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – 270 с. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/carpini.htm http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm

Ибн Русте. Книга драгоценных ожерелий // История татар. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: РухИЛ, Институт истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 699-706.

Казаков Е.П. Хронологические этапы взаимодействия сармат с поволжскими финнами // Вестник Казанского государственного педагогического университета культуры и искусств. № 4-2. 2015. – С. 102-106.

Каплун Н.М. Арабські та перські джерела про печенігів IX-XI ст. // Актуальні питання вітчизняної, світової історії та історії науки: пошуки, роздуми, знахідки. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Ч. 1. – Луганськ, 2008. – С. 42-44.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1932. – 134 с. http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504b.htm

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: «Восточная литература», 2006. – 328 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII-XIV вв.: текст, перевод, комментарий. – М.: «Восточная литература», 2009. – 226 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: «Наука». 1991. – 496 с. http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text37.phtml?id=6396 ; http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/frametext42.htm

Тахир Марвази. Природа животных // История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2006. – С. 707-709.

Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента/ Пер. С.Г. Микаэлян. – М.: «Восточная литература», 1963. – 265 с. http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/pril3.phtml?id=1900

Низами Гянджеви. Касыды. Газели. Хамсе (поэмы). http://azeribooks.narod.ru/poezia/nizami/poemy.htm

Полесских М. Р. О культуре и некоторых ремеслах оболгаризированных буртас // Из истории ранних болгар. – Казань, 1981. –С. 56-68.

Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики: – М. Издательство ЗАО «ФОН», 2010. – 224 с. http://dl.liblermont.ru/DL/Poluboyarov/Drevnosti_Penzenskogo_kraya.pdf/download

Прицак О., Голб Н. Хазарско-еврейские документы X века. – Москва-Иерусалим: Мосты Культуры — Гешарим, 2003. – 240 с. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chaz_evr_dok_X/frametext7.htm

Расовский Д.А. Половцы. III. Пределы «поля половецкаго» // Seminarium Kondakovianum/Анналы института им. Н.П. Кондакова. 1937. Вып. 9. С. 71-85.

Слово о погибели русской земли. https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE_%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D0%B8/%D0%94%D0%9E

Ставицкий В. В. Еще раз о мордве и буртасах // Центр и периферия. 2013. № 2. –С. 8-16.

Ставицкий В.В. Истриография буртасской проблемы второй половины XX – начала XXI вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). – С. 84-91 http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/istoriografiya-burtasskoy-problemy-vtoroy-poloviny-hh-nachala-hhi-v.pdf

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузеном и обработ. А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. – 308 с.

Халиков А. Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X в. // СЭ. 1985. № 5. – С. 161-164.

Халиков А.Х. Буртасы и их историко-археологическое определение // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов: тезисы к межобластной науч. конф. (23–27 января 1990 г.). – Пенза, 1990. – С. 88-97.

Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах, русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1869. – 199 с. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Chwolson_Dast/text4.htm

Golden P.B. The peoples of the Russian forest belt // The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge UK.: Cambridge University Press, 1990. – P. 229-255.

Golden P.B. Burtas // Encyclopedia of Islam. 2011. – P. 98-101.

Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A H. — 982 A. D. /Tr. and expl. by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold. – London: Luzac & co., 1937. – [VII]-XX p.,1 l., 524 p. http://odnapl1yazyk.narod.ru/bulkar.htm

Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and –London: Royal Asiatic Society, 1942. 170, 53 p.

К.А. Руденко
Казанский государственный институт культуры
Казань, Россия
K.A. Rudenko
State Institute of Culture
Kazan, Russia
murziha@mail.ru

О СВЯЗЯХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В XI-XIV ВВ. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением связей Центральной Азии со Среднем Поволжьем, значительная часть которого входила в X – начале XIII в. в состав государства Волжская Булгария, а во второй половине XIII – XIV в. в Булгарскую область Золотой Орды. Автор утверждает, что эти связи носили не только регулярный, но и системный характер. В отдельные периоды они, определяли ключевые моменты истории региона. Например, это можно отнести к принятию ислама частью волжских булгар в IX в, а также к началу активных процессов урбанизации в Волжской Булгарии в начале XI столетия. Выходцы из Средней Азии жили в столичных булгарских городах, особенно в Биляре и Булгаре. Они оказали существенное влияние на городскую культуру Волжской Булгарии. В первую очередь это касалось художественных вкусов элиты страны, но они повлияли и на средние слои горожан и конечно на городское ремесленное производство.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Центральная Азия, сфероконус, каменные котлы, материальная культура, торговля.

Орта Повольжьенің Орталық Азиямен XI-XIV ғғ. байланыстары туралы (археологиялық материалдар негізінде)

Түйін. Мақалада Орталық Азияның X-XIII ғ. басында Волғалық Булгария мемлекетінің құрамына, ал XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғасырда Алтын Орданың Бұлғар облысына кірген Орта Повольжьемен байланыстарын зерттеумен байланысты мәселелер қарастырылады. Автор бұл байланыстар тұрақты ғана емес жүйелі сипатта болды дейді. Жекелеген кезеңдерде олар аймақ тарихының шешуші сәттерін де айқындады. Мысалы, бұларды IX ғасырда волғалық бұлғарлардың бір бөлігінің исламды қабылдауына, сонымен қатар XI ғасырдың басында Волғалық Бұлғарияның белсенді урбанизация процестерінің басталуына жатқызуға болады. Орталық Азиядан шыққандар орталық бұлғарлық қалаларда, әсіресе Биляр мен Бұлғарда тұрды. Олар Волғалық Бұлғарияның қалалық мәдениетіне әлеулі үлес қосты. Бірінші кезекте елдің беткеұстарларының көркемдік талғампаздығына едәуір әсер еткенмен, қаланың орта тап өкілдеріне және қаланың қолөнеріне де де әсерін тигізді.

Түйін сөздер: Волғалық Бұлғария, Орталық Азия, сфероконус, тас қазандар, материалдық мәдениет, сауда.

About ties of the Middle Volga area with Central Asia in XI-XIV centuries (on archaeological materials)

Annotation. The article deals with issues related to the study of relations of Central Asia with the Middle Volga area, much of which was part of the 10th – early 13th century Volga Bulgaria state, and in the second half of the 13th – 14th centuries the Bulgar region of the Golden Horde. The author claims that these connections were not only regular, but also systemic. In some periods, they identified key points in the history of the region. For example, this can be attributed to the adoption of Islam by part of the Volga Bulgars in the 9th century, as well as to the beginning of the active processes of urbanization in Volga Bulgaria at the beginning of the 11th century. Natives of Central Asia lived in the capital Bulgarian cities, especially in Bilyar and Bulgar. They had a significant impact on the urban culture of the Volga Bulgaria. First of all, it concerned the artistic tastes of the country's elite, but they influenced the middle strata of the townspeople and, of course, the urban handicraft industry.

Keywords: Volga Bulgaria, Central Asia, sphero-conical vessel, stone boilers, material culture, trade.

Волжская Булгария – государство, существовавшее в Восточной Европе в X – начале XIII в., было своего рода воротами на Восток, связующим звеном между странами ислама и Европой, включая как пояс степей, так и земли оседлых народов, которые непосредственно граничили с булгарами, так и взаимодействовали с ними опосредовано. Само географическое расположение этого государства в среднем течении Волги при впадении в нее Камы в месте пресечения как речных, так и сухопутных путей из Азии в Европу естественным образом способствовало именно этому развитию событий. Были и другие причины которые сыграли в росте роли Волжской Булгарии в международных отношениях, среди них – активизация деятельности варягов в Восточной Европе в VIII-IX вв. (Лебедев, 2005, с. 35-59) – ставших началом глобального противостояния формирующейся западной цивилизации и мир-системы хазарского мира, объединившего в себе традиции государственности кочевых империй и военный опыт Византии, востребованный хазарами в длительном противоборстве с арабами, прорывавшимся в VIII в. через Кавказ в восточноевропейские степи (Артамонов, 1962). Кульминацией начального периода этого процесса, открывшего новую систему международных отношений в Европе стал политический коллапс Хазарии в 965 г. и последовавшее утверждение на международной арене двух государств – Волжской Булгарии и Киевской Руси во второй половине X в.

В любом случае, именно через Булгар в IX – X вв. шел транзит различных товаров, технологий и идей, нашедших отражение в предметах различного назначения, обнаруженных на огромных территориях от южнорусских степей и до Скандинавии. Этот факт был зафиксирован еще современниками, например, в описанном Ибн Фадланом, – арабом из Багдада, – своем путешествии к волжским булгарам в начале X в., где он упоминает остановку в Бухаре и ремесленников-иноземцев, работавших в ставке булгарского эльтебера (Ковалевский, 1956, с. 123; Фрай, 2016, с. 73). О Волжской Булгарии были информированы арабо-персидские ученые IX-XIV вв., многие из которых жили в Центральной Азии, причем некоторые из них сами посещали Поволжье (Старр, 2017, с. 167-185). Мощным стимулом, способствовавшим развитию сношений этих регионов,

была работорговля, в том числе и из Булгара (Большаков, 1986, с. 443; Мишин, 2002; Мец, 1966, с. 138-139; Калинина, 2015, с. 197).

В XX в. данные о разносторонней торговле Среднего Поволжья с восточными странами в эпоху средневековья нашли подтверждение в археологических находках, обобщение которых позволило выявить прочные и разнообразные связи волжских булгар с государствами Центральной Азии в X-XIII вв. (Валеев, 1995, с. 61-67). Также данные археологии позволили установить, что предметы торевтики поступали в Предуралье по Каме еще в IX в. из Трансоксианы, Согда и Приаралья (Останина, 2015; Иванов, 1997, с. 127-131, 136-137, рис. 43-2; 44-1,2; 45-2; Маршак, 1962; Даркевич, 1976, с. 85-108; Руденко, 2015, с. 500-501, кат. №№ 397-399; 2017, с. 96-100).

Посредниками в поступлении этих изделий в IX в. были родственные булгарам тюрко- и угроязычные кочевники Предуралья, обосновавшиеся на северо-восточных землях Хазарии, в материальной культуре которых имеются тому свидетельства (История, 2016, с. 33-38; Руденко, 2016, с. 63-82; Путешествие…, 2016, с. 341-343, кат. №№254-256). Однако, сводить связи Среднего Поволжья с Центральной Азией в XI в. и особенно в XII-XIII вв. только к торговле будет ошибочно. Во время существования Волжской Булгарии они были более разнообразными и основательными. Их можно разделить на несколько направлений. Первое – непосредственный перенос культуры Центральной Азии в булгарскую среду в результате миграции части городского населения, прежде всего ремесленников из-за вооруженных внутренних и внешних конфликтов в регионе, результатом чего стало активизация в XI в. урбанизационных процессов в крупных булгарских городах, прежде всего в столичном Великом городе (Билярском городище). Это проявляется как в материальной культуре, так и в характерных для Средней Азии приемах возведения кирпичных зданий в некоторых булгарских городах, например, выявленных при раскопках в центральной части Билярского городища (Халиков, 1979, с. 11, 18-19).

Второе направление связей – включение булгарских земель в область «вольного ремесленничества», когда профессиональные ремесленники высокой квалификации отправлялись на заработки в отдаленную от крупных центров восточной цивилизации землю булгар. Это относится, например, к началу производства высокотехнологичных изделий в филигранной технике из золота, не имевшего истоков в местном ремесле (Руденко, 2018а, с. 18-19).

Третье направление – заимствование технологий производства массовых бытовых изделий, например, в изготовлении металлической посуды, – медных котлов, ковшей, чаш, где использовалась технология холодной сварки «в зубец», широко распространенной в ремесле Центральной Азии в X-XIV вв. и описание которой сохранилось в трактатах Ибн Сины и Бируни (Руденко, 2000, с. 15-17). В XII в. булгарами была заимствована и освоена технология получения стекла. Четвертое направление – культурное влияние касавшееся прежде всего религии – ислама, и связанными с ней традициями (Давлетшин, 1990, с. 78, 80). К последнему можно отнести и арабографичную письменность, которая фиксируется не позднее XI в. на разных артефактах, найденных на территории Волжской Булгарии (Путешествие…, 2016, с. 394, кат. №308; Малов, 1927, с. 158). Достаточно большое число надписей на арабском и персидском языках встречаются на импортных металлических изделиях XII – начала XV в. (Руденко, 2001, с. 104-

105, рис.1, *2, 8*; 2015, с. 488-491, кат. № 373-378; Музей, 2016а, с. 91-95, кат. №№17.14-17.13). Арабицей выполнены надписи на надгробных памятниках на территории Булгарской области Золотой Орды конца XIII – 60-х гг. XIV в. (Мухаметшин, 2008; Музей, 2016, с. 82, кат. № 6.11). Помимо этого, к четвертому направлению культурных связей относится и появление в Волжской Булгарии новых образов и сюжетов в декоративно-прикладном искусстве, например, фантастических существ – сфинксов, симургов, популярных в искусстве Средней Азии (Хакимов, 1983, с. 90-111).

Пятое направление – транзит ценных ресурсов и редкого сырья, например, цветных металлов (олово, свинец), в том числе и монетный металл (среднеазиатские серебряные дирхемы), минералов или природных материалов (кораллы, раковины каури, лазурит). Известны промежуточные пункты, где зафиксированы такие артефакты, это городища, расположенные на торговых путях, шедших, в том числе и из Центральной Азии в Поволжье (Смагулов, 2011, с. 273, рис. 43).

Активность этих направлений в сторону Среднего Поволжья напрямую связаны с политическими событиями, происходившими в Центральной Азии (Агаджанов, 1991; Старр, 2017). Не останавливаясь на этих аспектах данной темы, рассмотрим характерные археологические комплексы известные в булгарских древностях и их особенности. Они представлены непосредственно импортом, в основном посудой и украшениями, включая и ряд бытовых поделок, а также изделиями, которые были сделаны по подобию или под влиянием центральноазиатских образцов.

Среднеазиатским импортом для булгарских древностей являются каменные котлы. В домонгольский период эти находки встречаются практически только на Билярском городище (более 80 фрагментов[1]: Хузин, Дроздова, 1986, с. 84-93), в ордынское время большая часть находок происходит с Булгарского городища, в основном в постройках состоятельных горожан (около 60 фрагментов[2]: Полубояринова, 2008, с. 54-56, рис. 4). Встречаются такие изделия и на золотоордынских городищах, например, Селитренном. На Среднюю Волгу котлы, по мнению большинства исследователей, привозили из Хорезма, в первую очередь Мерва, Нисы, а также из Хорасана. Формы их были достаточно стандартны: плоскодонные сосуды баночной или чашевидной формы с вертикальными или чуть сужающимися к верху стенками без оформленного венчика или с утолщением. Диаметр венчика 18-40 см, высота 13-30 см; в Булгаре они почти тех же размеров: диаметр венчика – 17-30 см (Хузин, Дроздова, 1986, с. 87; Полубояринова, 2008, с. 56). Ручки у них (по четыре на каждом котле) в виде кубических выступов с отверстиями, фигурных многогранников без отверстий[3], полочковидных выступов. Для домонгольских сосудов более характерны гладкие стенки или декор, образованный чередующимися участками горизонтальных и вертикальных желобков в верхней части тулова. Для ордынских каменных котлов характерны различные декоративные элементы и нередко сплошное «панцирное» оформлением поверхности. Типология котлов, найденных на Средней Волге строится по форме венчиков фрагментов, так как целые сосуды отсутствуют, а по фрагментам можно реконструировать небольшое количество. В Биляре

[1] Собрание БГИАПМЗ, НМ РТ (КП -15080) (Хузин, Дроздова, 1986, с.85-86, табл. А).

[2] Собрание НМ РТ (КП-7719, 5363), БГИАМЗ.

[3] Такие котлы, если судить по памятникам в Южном Казахстане, бытовали в XII в. (Смагулов, 2011, с. 254). В Булгаре они встречаются и в XIII в. (Музей, 2016а, 137, кат. №19.4.10).

и Булгаре каменные котлы использовались по назначению – как кухонная посуда, поскольку на внешних стенках их встречается нагар и копоть.

Ценность и редкость таких изделий[1] приводила к тому, что они многократно ремонтировались, о чем свидетельствуют просверленные на краях стенок отверстия иногда с металлическими скобочками[2]. Более того, вышедшие из употребления котлы распиливалось, а из фрагментов стенок, реже донной части, делали литейные формы, которых известно более десятка из раскопок и сборов с Булгарского городища[3] (Музей, 2016а, с.185, кат.№№22.2.54; 22.2.56). Эта практика имела широкое распространение в ордынское время. Для домонгольского времени литейных форм из стенок каменных котлов практически не известно.

В этой связи стоит вспомнить и о керамических котлах из булгарских памятников X-XIV вв. Генезис их не столь очевиден, как в случае с каменными котлами, поскольку аналогичные формы бытовали здесь и ранее и более того были характерны для прикамских финнов. Часть из них изготавливавшаяся в Прикамье и в Волжской Булгарии в XI-XII вв., очевидно, копировала медные булгарские котлы (Булгарское городище, городище и могильник Телячий Брод в Пермском крае), причем прикамские сосуды, кстати, распространившиеся и у самих булгар в начале XIII в., имели примесь в тесте толченой раковины.

Котлы керамические из Билярского городища, датированные не ранее XI в. (Кокорина, 2002, с. 44-45) с выступающими кубическими ручками явно являются подражанием каменным котлам, правда форма многих из них редко совпадает с формой каменных сосудов, и чаще всего они напоминают глубокую миску (Кокорина, 2002, с. 270, рис. 17-*1-3;* 2004, с. 34-45). Впрочем, есть и практически полные реплики с каменных центральноазиатских изделий (Кокорина, 2002, с. 270, рис. 17-*4,5*).

Керамические котлы с горизонтальными ручками немногочисленны и скорее всего не являются копиями или подражаниями каменным котлам. Больше оснований сопоставлять их с керамическими котлами Хорезма, в частности Джигербента (Вишневская, 2001, с.34-35, рис.11-1). Т.А. Хлебникова отмечала, что керамические котлы с полусферическим туловом и отогнутыми практически горизонтальными ручками соотносятся с аналогичными изделиями из Южного Казахстана и Средней Сырдарьи (Хлебникова, 1984, с. 118, рис. 44-15).

Чаще встречаются керамические котлы с вертикальными ушками, выступающими над верхним краем котла, иногда у таких котлов профилированный венчик (Музей, 2016а, с. 232, кат. №22.5.11). Н.А. Кокорина, утверждает, что форма их была заимствована у кочевников-кипчаков или гузов в XI-XII вв. проживавших в районах Южного и Центрального Казахстана, а также в Семиречье (Кокорина, 2002, с. 45, 47). Впрочем, соотносить все эти сосуды с котлами гузов, вряд ли есть основания, если судить по коллекции таких изделий с Самосдельского городища, за исключением, пожалуй, только сосудов с выступающими над венчиком вертикальными баранковидными ручками (По-

---

[1]Помимо каменных котлов с Булгарского городища известна одна (!) каменная сковородка (Полубояринова, 2008, с. 56).

[2] Следы ремонта встречаются достаточно часто на каменных котлах (Смагулов, 2011, с.252-253, рис.15-3).

[3] Собрание НМ РТ, КП 7719; 5363.

пов, 2009, с. 168, рис. 8, тип II). Не противоречит этому тезису и материалы с городища Сауран в Южном Казахстане (Смагулов, 2011, с. 370-371, рис. 57).

Не имели булгарские керамические котлы с вертикальными ручками и связи с котлами салтово-маяцкой культуры чаще всего горшковидной формы с внутренними горизонтальными ручками-ушками, которые ранее связывали в первую очередь с приазовскими болгарами, но в последнее время такая однозначная их интерпретация ставится под сомнение (Афанасьев, 2013, с. 13-25). На булгарских поселениях домонгольского времени котлы с внутренними ручками крайне малочисленны – известно несколько фрагментов от таких сосудов с Измерского селища (Казаков, 1991, с. 172,174, рис. 54-11), однако и они отличаются от тех, что известны на большинстве салтовских памятников, хотя отдельные экземпляры напоминают грузо-печенежские котловидные сосуда, найденные в Саркеле (Кочевники, 2012, с. 214-215, кат. №593).

Среднеазиатский импульс в изготовлении керамических котлов вновь проявляется в золотоордынском Булгаре в котлах XIX этнокультурной группы по классификации Хлебниковой-Кокориной из Булгарского городища происходящих из слоев золотоордынского времени (IV поздний слой – XIV – начало XV в.). Они представлены котловидными формами со своеобразными «трехпалыми» ручками (Хлебникова, 1988, с. 38-42, рис. 23-26). Встречаются фрагменты таких котлов также на поселениях ближайшей округи Булгара: III Коминтерновское, Первомайское, V Семеновское селища. Стоит сказать, что формы таких керамических котлов во многом повторяют форму бытовых медных котлов с кольцевидными ручками (тип М-12 по К.А. Руденко: (Руденко, 2000, с. 36)), а также литых бронзовых парадных котлов XIV в., популярных в исламском мире той эпохи (Айни, 1980, кат. 167). такие котлы чаще всего были местного производства и бытовали в разных вариантах. В последних случаях на них иногда делались рисунки, например, фигурка барса (?) (Музей, 2016а, 132, кат. №19.2.3).

Традиция копирования металлических котлов в ордынскую эпоху повторилась и в отношении чугунных котлов: их уменьшенные копии в глине найдены в одном из объектов Булгарского городища (раскоп CXXXIII, сооружение 2) (Музей, 2016а, с.232, кат. №22.5.10). Это уже местный опыт, поскольку производство чугунных котлов практиковалось в Булгарской области Золотой Орды.

Завершая тему котлов отметим, что в булгарских древностях XII в. встречаются бронзовые котлы и тазы, фрагменты которых найдены на Билярском городище (НМ РТ, КП-5427). У них были характерные массивные ручки, выполненные в виде дуги с изображением объемной головы хищника. Аналогии им встречены на городищах Будрач и Лямган в Узбекистане и Таджикистане соответственно (Руденко, 2000, с. 84, рис. 29-2, 6; Айни, 1980, кат. 67). Кстати, также из Хорезма в домонгольское время привозились к булгарам небольшие бронзовые косметические сосудики-усмадоны в виде миниатюрных чашечек на ножках (Руденко, 2000, с. 131, рис. 29-10; Путешествие…, 2016, с. 180, кат. №123).

Интересной категорией находок являются керамические сосуды сфероконической формы, обнаруженные в основном на Билярском и Булгарском городищ[1]. На них об-

[1] Встречаются они и на других булгарских памятниках: городищах Суварском, Кашан I и Муромский городок. Глиняные сфероконусы найдены на средневековых памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья (Руденко, 1999, с.127, рис. 9-39,47; Иконников, 2009, с. 18).

ращали внимание ученые с конца XIX в. и на протяжении всего XX в. в той или иной степени привлекали их в своих исследованиях. Обобщающие статьи по находкам из Билярского городища принадлежат З.З. Виноградову и А.Х. Халикову (Виноградов, 1922, с. 75-119; Халиков, 1986, с. 72-83). Сфероконусы имеют чаще всего серый или серо-зеленый, реже серо-оливковый цвет, а также достаточно часто своеобразный декор. Для материальной культуры Волжской Булгарии эти изделия безусловно инородны и подавляющая часть их в домонгольское время была импортной.

Скорее всего доставка сфероконусов осуществлялась для потребностей какого-либо производства, поскольку они чаще встречаются в виде скоплений, на производственных объектах, например, на II Билярском селище в районе ремесленного комплекса, где сохранились остатки нескольких металлургических горнов. Причем здесь же в культурном слое и в хозяйственных объектах обнаружены импортные предметы, включавшие керамику, бусы, датированные в рамках конца X – XI вв., а также серебряные дирхемы, – целый и обрезанный конца X – начала XI в. (Беговатов, 2002, с. 56-59; Шакиров, 2002, с. 172-174). Также скопление сфероконусов (22 экз.) зафиксировано при раскопках в центре Билярского городища в районе усадьбы металлургов XII – начала XIII в. (раскоп V) (Халиков, 1976, с. 69, рис. 25).

Типы их практически не отличаются от аналогичных изделий из Средней Азии и целесообразно использовать разработанные типологии таких сосудов из этого региона. Если следовать типологии сфероконусов Средней Азии и Казахстана, разработанной З.С. Галиевой (Галиева, 2000; 2014), то они в основном относятся к «классическим» типам 1 и 2 составляющих первую группу этих изделий (Галиева, 2000, с. 53, рис. 1). Встречаются на Билярском городище изделия других типов со сложно-профилированной верхней частью, но в меньшем количестве. Единичными фрагментами представлены глазурованные сфероконусы, покрытые глухой бирюзовой поливой. Очевидно, что импорт этих сосудов с разной степенью интенсивности не прекращался на протяжении XI-XII вв. Определить конкретные места их производства затруднительно, учитывая, как длительность их импорта, так и периодическое расширение или сужение областей-импортеров. Кроме того, существовала и внутрирегиональная торговля сфероконусами в рамках Центральной Азии (Галиева, 2000, с. 54).

Отметим, что на некоторых сфероконусах сохранились выбитые знаки, буквы, тамги. Чаще всего это некие геометрические рисунки, но встречаются и обозначения напоминающие буквы. Причем, некоторые надписи и знаки наносились таким образом, что распознать их можно было глядя со стороны головки, то есть в перевернутом виде (когда сосуды лежали на боку, это особого неудобства не доставляло). Для геометрических знаков, видимо, это значение не имело. Назначение их как считают большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, – знаки собственности или отметки о содержимом (Джанполадян, 1982, с. 23).

Близкие знаки встречены на сфероконусах из Ани и Двина (Джанполадян, 1982, с. 22, табл. XX). На двух сосудах из Билярского городища были прочитаны имена – «Дауд/Давид» и «Адам» (Виноградов, 1922, с. 104, табл. 3- 26,33; Халиков, 1986, с. 83, рис. 4-42). Однако большая часть таких арабографических знаков нечитаемая или угадывается с трудом, что, впрочем, характерно и для надписей на сфероконусах из Закавказья (Джанполадян, 1982, с. 21). Некоторые из знаков на сфероконусах из Билярского горо-

дища могли быть руническими[1]. По крайней мере тюркские руны зафиксированы на фрагментах сосудов из Ферганской долины (Кызласов, 1990, с. 144-145, рис. 39, 40) и напоминают ряд знаков на билярских сфероконусах.

В золотоордынское время сфероконусы из Среднего Поволжья вероятно в немалом количестве местного производства, сформованные из красной глины, но иных типов (Михальченко, 1974, с. 47, рис. 1-1). Т.А. Хлебникова выделила три типа этих сосудов отличающиеся пропорциями и деталями формы (Хлебникова, 1988, с. 92-93, рис.70; 71-*1-10*). Эти изделия обладали определенной ценностью, если судить по их нахождению в своего рода кладах, где встречаются как обычные артефакты, так и глазурованные (Болгарское городище, раскоп CLXV, 2011 г.) (Музей, 2016а, 224-225, кат. №№ 22.4.241-22.4.247). Более того, они встречены и в монументальных постройках, даже высокого статуса, например, предположительно в ханском дворце (раскоп CXXIII, 2003 г.) (Музей, 2016, с. 62, кат. №№ 4.11, 4.12). На сфероконусах ордынского времени из Булгара знаки немногочисленны – как правило в виде тамг (Музей, 2016а, 82-83, кат. №№16.14-16).

Импортом из Средней и Центральной Азии являлись сфероконусы со штампованным орнаментом, а также изделия с глазурованной поверхностью, чаще всего с глухой бирюзового цвета поливой. Они являются своеобразным маркером торговых маршрутов, особенно внутри булгарского государства, что хорошо определяется находками, например, на городище Кашан I, где несколько фрагментов сфероконусов с рельефным штампованным орнаментом были найдены вместе с весовыми гирьками и коромыслом от весов для мелких взвешиваний (Руденко, 1999, с. 125, рис. 8-11-14; 9-39,47). В Булгаре встречались и импортные керамические сфероконусы с кольчужным (чешуйчатым) орнаментом, произведенные вероятно в Мерве (Полубояринова, 2008, с. 86, рис. 16-4).

Из украшений в Волжскую Булгарию и Булгарскую область Золотой Орды из Средней Азии привозились керамические кашинные бусины. По сравнению со стеклянными бусинами их немного. Чаще всего они круглые, шаровидные диаметром 1 см, покрытые глухой бирюзовой глазурью. Встречаются и плоские дисковидные поделки со сквозными отверстиями. Они встречены на Билярском и Булгарском городищах и датируются в широких рамках XII-XIV вв. Встречаются и ребристые керамические бусины также с бирюзовой глазурью. Верхнюю дату их изготовления, – XII в., – определяют находки из Джигербента (Вишневская, 2001, с. 103). Импортировались из Центральной Азии каменные бусины – сердоликовые битрапецоидные (тип III) и четырнадцатигранные («плиточные», тип V), эллипсоидные хрустальные (тип III) (Путешествие…, 2016, с. 182, кат.№126), представленные на Булгарском и Билярском городищах (Полубояринова, 1991, с. 28,29,34). Они встречаются и на других булгарских памятниках. Так сердоликовая бусина с росписью найдена на Остолоповском селище в Татарстане (Руденко, 2012, с. 133, рис. 7-13).

В Волжскую Булгарию, а затем в Булгарскую область Золотой Орды с XI и до XIV в., с перерывом в 1230-1280-х гг. импортировалась глазурованная керамика в том числе и

[1] В начале 1980-х гг. на ручке керамического сосуда, найденного на раскопе XXVIII на Билярском городище (Татарстан), была обнаружена руническая надпись (Кочкина, 1985, с. 54-80). И.Л. Кызласовым она отнесена к кубанскому руническому письму, достаточно широко распространенному в степной полосе Восточной Европы (Кызласов, 1994, с. 274-275; 2000, с. 5-18; Кравченко, 2016, с. 223-238).

из Средней Азии. Она подробно изучена М.Д. Полубояриновой (Полубояринов, 2008, с. 60-70, рис. 5-10) и здесь мы ее не рассматриваем. Отметим только что чаще всего привозили чаши, блюда и кувшины из Мерва, Пайкенда, Отрара (Музей, 2016а, 136-137, кат. №№19.4.1-5; 19.4.11). Ранний пласт импорта из Центральной Азии относится к рубежу X – X I и XI в. Она известна на II Билярском и Остолоповском селищах (Руденко, 2012, с. 132, рис. 6-4-6,8), где зафиксирована в слоях XI в. Имеющиеся фрагменты близки керамике Шаша этого времени (Ильясова и др., 2016). В ордынское время из Хорезма в Булгар привозились майоликовые изразцы для внутренней отделки мавзолеев. Не исключено что хорезмийские мастера непосредственно участвовали в строительных работах (Носкова, 2001, с. 305).

Под влиянием косторезного искусства среднеазиатских мастеров в Булгарии стали выпускать своеобразные костяные пуговицы, аналогичные тем, что известны в Центральной Азии, в частности на некоторых среднеазиатских городищах, например, в Пайкенде и Джигербенте, а также на средневековых памятниках в Южном Казахстане (Вишневская, 2001, с. 105-108; Смагулов, 2011, с. 250, рис. 13-1-7; Путешествие…, 2016, с. 183-184, кат.№№127-133).

Таким образом, Центральную Азию и Волжскую Булгарию, как и позже, Булгарскую область Золотой Орды связывали разнообразные и многоуровневые отношения, во многом продолжавшие традиции более ранней эпохи. Из Хорезма к булгарам пришел ислам, с которым они познакомились в конце IX в. а вместе с ним и письменность на основе арабской графики, которая стала важной частью культуры булгар в XI-XIV вв.; среднеазиатские монетные штемпели стали образцом для выпуска первых булгарских монет в X в.; ремесло Средней Азии стало фундаментом для формирования и дальнейшего развития булгарского городского производства в первой половине XI в. и в конечном итоге способствовало интенсивным темпам булгарской урбанизации в течение этого столетия. Через Центральную Азию на протяжении почти пяти столетий по торговым путям шел на Среднюю Волгу поток транзитных товаров – от китайских тканей, металлических зеркал и керамики (особенно в XIII-XIV вв.) часть из которых в дальнейшем попадала даже в Европу и на Русь, и до инновационных технологий, например, в массовом производстве медной бытовой посуды. В крупных булгарских городах были диаспоры выходцев из Средней Азии, особенно из Хорезма, через которых проникали в булгарскую среду художественные предпочтения и формировалась своеобразная синкретичная культура, причем не только на уровне элиты, бывшей потребителем и заказчиком дорогих и редких товаров, но и на бытовом уровне жителей столичных булгарских городов.

Список литературы

Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. – М.: «Наука», 1991. – 303 с.

Айни Л. Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. – Душанбе: Изд-во «Ирфон», 1980. – 200 с.

Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во ГЭ, 1962. – 523 с.

Афанасьев Г.Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – э тномаркирующий признак? // РА, 2013. № 3. – С. 13-25.

Беговатов Е.А. Исследования ремесленного комплекса Билярского II селища // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. – Казань, 2002. – С. 56-59.

Большаков О.Г. Рабство в странах Халифата // Рабство в странах Востока в средние века. – М.: «Наука», 1986. – С.424-449.

Валеев Р.М. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. – Казань, Изд-во «Фест», 1995. – 157 с.

Виноградов З. Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. – С. 75-119.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. – начало XIII в. н.э.). – М.: «Вост. лит-ра» РАН, 2001. – 175 с.

Галиева З.С. Сфероконические сосуды Средней Азии: к вопросу о типологии и хронологии // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Мат-лы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. – М., 2001. – С. 52-61.

Галиева З.С. Новые материалы по археологии Средней Азии: типология керамических сфероконусов Средней Азии // РА. 2014. №1. – С. 75-87.

Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (Домонгольский период X – начало XIII вв.). – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1990. – 192 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока. VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. – 49 с., 19 л. илл. (Археол. памятники Армении. Средневековые памятники. Вып. 4).

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.

Иконников Д.С. Материальная культура Верхнего Посурья и Примокшанья XI-XIV вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2009. – 24 с.

Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я., Имамбердыев Р.А., Исхакова Е.А. «Нет блага в богатстве…». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX-XII вв. – М.: Фонд Марджани, 2016. – 596 с.

История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 464 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 176 с.

Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 288 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. — Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та им. А. М. Горького, 1956. – 345 с.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). – Казань: Институт истории, 2002. – 383 с.

Кокорина Н.А. Керамические котлы Волжской Булгарии X-XIII вв. // КСИА. 2004. Вып. 217. – С. 34-45.

Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа. – СПб.: Славия, 2012. – 272 с.

Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. № 4. – С. 54-80.

Кравченко Э.Е. Предмет с рунами с Новоселовского городища (среднее течение Северского Донца) // Степи Восточной Европы в средние века. – М.: Изд-во «Авторская книга», 2016. – С. 223-238.

Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии (Опыт палеографического анализа). – М.: ИА РАН, 1990. – 180 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: «Восточная лит-ра», 1994. – 327 с.

Кызласов И.Л. Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. 2000. № 1-2 (6-7). – С. 5-18.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.

Малов С.Е. Бронзовый замок из Билярска с арабской надписью // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. – Т. II. – Вып. 1. – Л., 1927. – С. 158.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М. Наука, 1971. – 191 с.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М.: «Наука», 1966. – 458 с.

Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. – М.: Институт востоковедения РАН, 2002. – 368 с.

Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140. – С. 46-50.

Музей Болгарской цивилизации. Т.1. Древний Болгар: жизнь города. – Казань: Главдизайн, 2016. – 267 с.

Музей Болгарской цивилизации. Т.2. История тюрко-болгарской цивилизации. Каталог. – Казань: Главдизайн, 2016а. – 254 с.

Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. – Казань: ИИ АН РТ, 2008. – 132 с. (Археология европейских степей. Вып. 6).

Носкова Л.М. Строительная керамика из Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 295-310.

Останина Т.И. Лесагуртский клад IX в. в бассейне Чепцы: каталог археологической коллекции. – Ижевск: Монпоражён, 2015. – 56 с.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М.: ИА АН СССР, 1991. – 112 с.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / отв. ред. П.Н. Старостин. – М.: Наука, 2008. – С. 27-107.

Попов П.В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. – Донецк: Изд-во , 2009. – С. 153-187.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. – М.: Издат. дом Ш. Марджани, 2016. – 560 с.

Руденко К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума / отв. ред. М. Г. Иванова. – Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 111-134.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII-XIV вв. – Казань: «Репер», 2000. – 155 с.

Руденко К.А. Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея РТ (к вопросу о булгарской торевтике эпохи Золотой Орды) // Татарская археология. 2001. №1-2 (8-9). – С. 104-132.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. №2. – С. 123 – 145.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.:

Руденко К.А. Редкие находки эпохи хазарского каганата (заметки о хазарско-венгерском искусстве) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). – С.63-82. DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-05

Руденко К.А. Новые находки художественных серебряных сосудов VIII — IX вв. н.э. из Предуралья и их место в средневековой торевтике Востока // Вестник КазГИК. 2017. №3. – С. 96-100.

Руденко К.А. Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении // Народы и религии Евразии. 2018а. №3 (16). – С.7-21. DOI: 10.14258/nreur (2018) 3-01.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. – 436 с.

Старр С.Ф. Утраченное Просвещение. Золотой век Центральной Азии: от арабского завоевания до времен Тамерлана / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 574 с.

Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX-XIII в. – Ташкент: Издат. лит. и искусства, 1983. – С. 90-111.

Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города – М.: Наука, 1976. – С. 64-74.

Халиков А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища). – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. – С.11- 20.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984. – 240 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: «Наука», 1988. – С. 7-102.

Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. – С. 84-93, 142-146.

Шакиров З.Г. Склад сфероконусов с Билярского II селища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. – Казань: ИИ АН РТ, 2002. – С. 172–174.

Фрай Р.Н. Бухара в Средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры / Пер. с англ. О.И. Лапиковой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. – 223 с.

Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. – С. 72–83, 138–141.

С.К. Самашев
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті
Астана, Қазақстан
S.K. Samashev
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
samashevsamat81@mail.ru

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТАҢБАЛАРДЫҢ ЭТНОӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ МАҢЫЗЫ

Түйін. Орта ғасырлардағы Қазақстан аумағы күрделі этникалық-саяси үдерістер орын алған және түрлі тайпалық одақтар мен мемлекеттер құрылып-ыдырау үстінде болған жер болғандықтан, одан табылған таңбалар мен таңба тәріздес белгілер ғалымдар үшін перспективалы зерттеу алаңы. Таңбалар – ортағасырлық Қазақстан халықтарының этникалық мәдениетінің бір белгісі, белгілі бір этноәлеуметтік-мәдени ортаның қатынас құралы. Олар вербалды емес қатынаста да қолданылған. Таңбалардың қызмет ету аясы кең және бойына жасырған әлдебір интеллектуалдық мазмұны бар. Бұл бағыттағы жаңа зерттеулер көбіне ғылымда бар болжамдар мен салыстыруларды нақтылау немесе жоққа шығару төңірегінде болып келеді де, алынған нәтижелерді жинақтап аралық қорытынды жасау мәселесі назардан тыс қалып келеді. Мақалада көне түркі, түргеш, оғыз, қарлұқ, ерте қарахан сынды бірнеше кезеңдердің таңбаларын зерттеп жүрген ғалымдардың жұмыстары сарапқа салынған.

Түйін сөздер: таңба, нышан, белгі, таңбатану, орта ғасырлар, көне түркілер.

Этносоциокультурное значение тамг средневекового Казахстана

Аннотация. Тамги и тамгообразные знаки средневекового Казахстана, где происходили сложные этнополитические процессы – как образование и распад различных государств и племенных союзов является очень перспективным полем для ученых. Тамги, являясь маркером этнической культуры средневековых народов Казахстана, обладали множеством функциональных значений, служили средством коммуникации определенной этносоциокультурной среды, в том числе их невербального общения и имели определенное интеллектуальное содержание. Новые исследования в данном направлении в основном выполняются в целях утверждения или отвержения существующих в науке гипотез и сопоставлений, и при этом практически не делается промежуточный свод полученных результатов для составления целостной картины. В статье проанализированы работы современных исследователей, изучающих тамги нескольких периодов: древнетюркского, тюргешского, огузского, карлукского и раннекараханидского.

Ключевые слова: тамга, символ, знак, тамговедение, средневековье, древние тюрки.

Ethnosocio-cultural value of tamgas of medieval Kazakhstan

Annotation. Tamgas and signs rsembling tamgas of medieval Kazakhstan, where complex ethnopolitical processes took place, such as the establishment and disintegration of numerous

states and tribal unions, draw scholars' attention. Tamgas, acting as a marker of the ethnic culture of the medieval peoples of Kazakhstan, carried a lot of functional meanings. They were used as a means of communication for a certain ethnosocial and cultural environment, including non-verbal communication. Tamgas communicated a certain intellectual meaning . New researches in this direction are mainly carried out in order to approve or reject hypotheses and comparisons functioning in science, and at the same time no intermediate set of the results gathered to compile a holistic picture is available. The works of modern researchers studying several periods of tamgas are analyzed in the article: Old Turkic, Turgesh, Oguz, Karluk, and Early Karakhanid.

Keywords: tamga, symbol, sign, tamgovedenie, middle ages, ancient Turks.

Қазақ даласының ортағасырлық таңба-белгілері қазіргі уақытта кеңінен қарастырылуда. Бұл тақырып жекелеген ғалымдардың жүйелі зерттеу нысанына айналды десе де болады. Соның нәтижесінде соңғы жылдары ортағасырлық таңба-белгілер тақырыбында жазылған еңбектер саны күрт артты (Рогожинский, 2012, 91 б.). Тіпті осы еңбектерді талдап, негізгі қателік-кемшіліктерін көрсеткен мақала да жарық көріп үлгерді (Рогожинский, 2013, 227 б.). Мұндай еңбектердің көптігі сондай, отандық таңбатану ғылымында «Қазақ даласының ортағасырлық таңбаларының зерттелуі» деген тақырыпта жеке мәселе көтеріп, осы сала бойынша қалыптасып үлгерген түрлі болжамдар мен пікірлерді бір ізге түсіретін уақыт та таяп қалды.

Жалпы, Ұлы дала белдеуін мекен еткен халықтардан қалған таңба-белгілер қазіргі уақытта еліміздің түкпір-түкпірінен үздіксіз анықталуда және нақты саны мен түрлерін есепке алу әзірше мүмкін болмай отыр. Сондай-ақ, ел аумағындағы археологиялық ескерткіштердің біркелкі зерттелмеуі, жазба деректердің түпнұсқадан дұрыс аударылмауы және қарастырылып отырған кезең тарихында ақтаңдақ беттердің көп болуы ортағасырлық таңба-белгілердің шығу тегі, қызметі, ішкі мәні, этноәлеуметтік-мәдени маңызы мәселелерін топтастырып, бір жүйеге келтірілмеуіне себеп болуда.

Дегенмен, қазіргі уақытта зерттеу нәтижелері әжептәуір қордаланып қалғандықтан аралық қорытынды жасауға мүмкіндік туды. Айналымға енгізілген ғылыми деректерді сарапқа салу – ортағасырлық таңба белгілерді көне түркі, түргеш, оғыз, қарлұқ және ерте қарахан кезеңдері таңбалары деп ірі этникалық бірлестіктердің атауына қарай бөлуге болатынын байқатты.

Қазақ даласындағы таңбалардың түп-тамыры тас дәуіріне дейін жеткенімен, белгілер жүйесі ретінде қалыптаса бастаған уақыты қола дәуірі (Самашев, Базылхан, Самашев, 2010, 7 б.). Соңғы зерттеулер Ұлы дала белдеуіндегі ортағасырлық таңба-белгілердің шығу тегі түркі-монғолдық екендігін көрсетіп отыр. (Ольховский, 2001, 100 б., Тулумбаев, 2001, 7-8 бб.; Tezcan, 2010, 375-378 бб., Samashev, Bazylkhan. 2010, 313-314 бб.; Базылхан, 2014, 195-196 бб.; Qurbanov, 2013, 22-25 бб.; Aksoy, 2014, 86-88 бб.). Бірақ бұл тұжырыммен келіспейтін зерттеушілердің қатары да күн санап артып келе жатқаны байқалады. Олар түрлі жазба деректеріне сүйене отырып таңбаның шығу тегін қазіргі Қытай аумағымен байланыстыруға талпыныстар жасауда (Яценко, 2001, 108 б.; Osawa, 2010, 194 б., Тишин, 2018, 105-106 бб.).

Дәл осындай пікірталас қызып тұрған шақта, Тишин В.В. көне түркі дәуіріне тән таңба-белгілерге анықтама беретін терминдер деп, онысын түрлі жазба деректерімен

дәлелдеп, бес түрлі атау ұсынды (Тишин, 2018, 107 б.). Бұл ендігі жерде осы мәселеге жаңа қырынан қарау қажет дегенді білдіреді.

Ортағасырлық таңбаларды зерттеу әдістемесін қалыптастыру да әлі күнге толық шешімін таппаған мәселелердің бірі. Әзірше тек таңба-петроглифтерді зерттеу әдістемелері ғана белгілі (Рогожинский, 2012, 91 б.; Новоженов, 2012, 117-118 бб.).

Ортағасырлық Қазақстан халықтарына тән таңба-белгілер еліміздің әр аумағынан табылатынын жоғарыда атап өттік. Олардың ішінде жақсы зерттелгендері – Жетісу, Оңтүстік, Шығыс және Батыс Қазақстанның таулы жерлерінен табылған жартастардағы таңбалар (Рогожинский, 2011, 217-225 бб.), тұрақты ескерткіштерден табылған таңбалар, қыш бұйымдарға салынған таңбалар және теңгелердегі таңбалар. А.Е. Рогожинский тек жартасқа салынған таңба үлгілерінің өзі 500-ден асатынын, 200-ге жуық жерден анықталып отырғанын және негізгі тұрпаты 40-тай болатынын және олардың кейбіреуінен бірнеше туынды таңбалар жасалғанын айтады. Сондай-ақ, оларды көне түркі (VI–VII ғғ.), түргеш (VIII ғ. I жартысы), қарлұқ және ерте қарахан (VIII ғ. II жартысы – XI ғ. басы), оғыз (VIII ғ. ортасы – XI ғ.) кезеңдеріне жататын таңбалар деп мерзімдейді (Рогожинский, 2016, 54 б.).

Солардың ішінде көне түркі дәуіріне жататындары – «он оқ бұдын» тайпаларына тән таңба-белгілер (Досымбаева, Бондарев, 2016, 112 б.).

Н. Базылхан көне түркі таңбаларын қызметіне қарай: рудың, тайпаның, этносаяси бірлестіктің, әулеттің, жанұяның, мемлекет басқарушысының таңбалары деп алтыға бөледі (Базылхан, 2014, 196 б.).

Келесі, түргеш таңбаларының ең жиі кездесетін жері – теңгелер. Олардың анықталуы мен зерттелуі 1939 жылы ежелгі Сарыға қала орнын қазу барысында табылған мыстан жасалған төрт түргеш теңгесін А.Н. Бернштамның оқуынан бастау алады (Бернштам, 1951, 67 б.). Ал О.И. Смирнова болса түргеш теңгесіндегі таңбаның көне түркі әліпбиіндегі *ат* әрпіне сәйкес келетіндігін анықтаған (Рогожинский, Тишин, 2018, 81 б.). Сондай-ақ, түргеш таңбалы теңгелер Отырар шұратында VIII ғ. 30-шы жылдарынан бастап қолданыста болған (Досымбаева, Бондарев, 2016,113 б.).

А.Е. Рогожинский басқа таңба-петроглифтердің арасынан түргеш таңбаларын теңгелердегі таңбаларға ұқсату арқылы ажыратқан (Рогожинский, 2016, 60 б.).

Қазіргі уақытта Жетісу жерінен анықталып отырған қарлұқ таңбаларының таралу аймағы кең: Монғолияның оңтүстік-шығыс, оңтүстік-батыс және орталығынан бастау алып Алтай мен Оңтүстік Қазақстан аумағына дейін жетеді (Кубарев, 2018, 36 б.). А.Е. Рогожинский қарлұқ таңбалары қазақ жерінде 745 жылдан соң, яғни Жетісуға қарлұқ тайпаларының қоныс аударуы себепті пайда болғандығын келтіреді (Рогожинский, 2016, 170 б.). Қарлұқ теңгелеріндегі таңбалар туралы П.Б. Лурьенің еңбегінде баяндалады (Лурье, 2010, 280-282 бб.).

Ерте қарахан дәуіріне тән таңба тәріздес белгілер Талас жазығы ескерткіштерінен анықталған және оларға ұқсас таңбалар Қырғыз және Талас Алатауының петроглифтерінен, түргеш кезеңінен кейінгі теңгелерден және қыш бұйымдардан белгілі (Рогожинский, 2016, 61 б.).

Оғыз таңбалары туралы ортағасырлық жазба деректерінде келтіріледі. Махмұд Қашғаридың «Диуани лұғат ат-түрік» еңбегінде олардың 22 ру таңбасы, Рашид ад-Дин-

нің «Жылнамалар жинағы» еңбегінде 24 ру таңбасы бар екендігі айтылса, Әбілғазы Баһадүр ханның «Түрік шежіресі» еңбегінен және Өтеміс қажының «Шыңғыснама» еңбегінде осыған ұқсас мәліметтер келтіріледі (Базылхан, 2014, 198 б.).

А.Е. Рогожинский оғыз таңбалары Қазақстанның батыс және оңтүстік бөлігінде көптеп кездесетінін жазады (Рогожинский, 2016, 61 б.).

Арал-Каспий бойының мемориалдық ескерткіштерін зерттеумен айналысып жүрген ғалым-этнограф С. Әжіғали өңір таңбаларын үш топқа бөліп қарастырады. Оғыз кезеңінің ерте тобына Махмұд Қашғари еңбегінде кездесетін оғыз ру-тайпаларының таңбаларын жатқызады. Бұл таңбалар ерте кезеңнің ескерткіштерінде жүйелі түрде сақталмағанымен, осы аймақта көне түркі кезеңінен, яғни VI–VII ғғ. бастап қолданыла бастаған деп санайды. Орта топқа Арал-Каспий өңірінде X–XI ғғ., яғни монғол алды кезеңінен белгілі таңбаларды кіргізеді. Ал соңғы топқа Каспий бойын орта ғасыр және кейінгі орта ғасыр кезеңдерінде, яғни XIII–XVII ғғ. мекен еткен оғыз-түркімен тайпаларының таңбаларын қосады (Хегай, 2017, 5 б.).

Сонымен байқап отырғанымыздай Ұлы дала белдеуінің ортағасырлық тұрғындарының тұрмыс-тіршілігіндегі этноәлеуметтік-мәдени үдерістердің өзегінде тұрған «таңба» – олардың қоныстану шекараларынан бастап (Досымбаева, 2011, 280 б.), дүниетанымдары, наным-сенімдері, туыстық және қоғамдық қатынастары, ішкі-сыртқы саясаты, саяси-экономикалық әлеуеті мен бағдарынан хабар беретін құнды дерек болып табылады. Осы тұрғыдан алғанда маңызды екі мәселе бар. Біріншісі, таңбаларды заманауи ғылыми әдістермен жан-жақты зерттеп толыққанды деректер қатарына қосу. Екіншісі, соны пайдалана отырып бүгінде қазақ халқы ие болып отырған территориялық және этникалық тұтастықтың тамыры тереңде жатқанын дәлелдеу.

Әдебиеттер тізімі

Базылхан Н. Реконструкция и этимология некторых названий тамг тюрко-монгольских этносов VIII–XIV вв. // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. научн. конф., – Алматы: Издательство EVO PRESS, 2014. – С. 195-282.

Бернштам А.Н. Новый тип тюргешских монет // Тюркологический сборник. – М.-Л., 1951. – С. 67-72.

Досымбаева А. Тюркское наследие Казахстана как источник по истории тюркских народов Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – С. 274-282.

Досымбаева А., Бондарев М. Тамги – маркеры этнической культуры и символы тюркского государства // Материалы международной научно-практической конференции «IX Дулатовские чтения» на тему: «М.Х. Дулати и тюркский мир», посвященный 25-летию Независимости Республики Казахстан. – Тараз: Тараз университеті, 2016. – С. 112-120.

Кубарев Г.В. Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2018. – С. 33-39.

Лурье П. Б. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб.: «Инфо-ол», 2010. С. 279-284.

Новоженов В.А. К вопросу об идентификации тамгообразных знаков в петроглифах Центральной Азии (методологический аспект) // Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура». – Алматы: «Service Press», 2012. – С.117-122.

Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. – Армавир-Москва, 2001. – С. 100-109.

Рогожинский А.Е. Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы межд. науч. конф. Т. 2. Кемерово. 2011. Труды САИПИ. Вып. VIII. – С. 217-225.

Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура». – Алматы: «Service Press», 2012. – С. 91-104ё

Рогожинский А.Е. Проблемы изучения удостоверительных знаков средневековых кочевников Казахстана // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. 2013. №3. – С. 226-240.

Рогожинский А.Е. Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 53-63.

Рогожинский А.Е. Тамги тамгалы // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. – Алматы, 2016. – С. 161-174.

Рогожинский А.Е., Тишин В.В. Комплекс рунических надписей и тамга-петроглифов долины Алмалы в Семиречье // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 8. – Кемерово, 2018. – С. 77-91.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. – Алматы, 2010. – 168 с.

Тишин В.В. Некоторые вопросы изучения тамг кочевников Центральной Азии древнетюркского времени // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7. Тюркские кочевники в Азии и Европе (Цивилизационные аспекты истории и культуры). – М., 2018. – С. 10-113.

Тулумбаев В.З. Башкирские тамги и их названия (лингвистическое исследование): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа, 2001. – 25 с.

Хегай М. Ученый раскрыл загадки происхождения казахской тамги // Газета «Караван». Выпуск №27, 21.07.2017.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 190 с.

Aksoy M. Tarihin sessiz dili damgalar. – İstanbul, 2014. – S. 440.

Osawa T. (2010). On Functional Changes of Tamga and Nishan-signs in the Old Turkic Period // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. London & Dover: Dunkling Books, pp. 341-372.

Qurbanov A. Damğalar, rəmzlər... mənimsəmələr. Baki, 2013. – S. 328.

Samashev Z., Bazylkhan N. (2010). Ancient Turkic Tamga-Signs // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. London & Dover: Dunkling Books, pp. 313-314.

Tezcan M. (2010). Tamgas among the Turks in the Middle Ages: Their Role as Legal Signs, and Some Related Terms // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. London & Dover: Dunkling Books, pp. 373-394.

Е.А.Смагулов[1], А.А.Ержигитова[2]
[1]Институт археологии им.А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
[2]Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей
Шымкент, Казахстан
E.A. Smagulov[1], A.A. Erzhigitova [2]
[1]Institute of Archaeology named after A. Margulan
Almaty, Kazakhstan
[2]Southern Kazakhstan Regional local history Museum
Shymkent, Kazakhstan
az_sultan2015@mail.ru, aisulu6767@mail.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ШАВГАРА (ТУРКЕСТАНСКИЙ ОАЗИС)

Работы проводятся в рамках проекта AP05133405 МОН РК «Археология Туркестана: от древности до Ходжа Ахмеда Ясави».

Аннотация. Публикуются материалы нового цикла исследования городища Шой-тобе, традиционно отождествляемого с городом Шавгар, бывшем в X-XIII вв. культурным и политическим центром оазиса. Рассматривается гипотеза о локализации Шавгара на ином городище. Новые материалы опровергают выдвигаемые в ее обоснование аргументы. Вскрытие верхних слоев городища и находки на дневной поверхности в разы увеличили коллекцию нумизматического материала. Его анализ со всей убедительностью показал, что верхний строительный горизонт шахристана датируется второй половиной XIII – началом XIV в. Раскоп на месте предполагавшейся общественной бани показывает, что это скорее баня при большом архитектурном сооружении с сырцовыми стенами.

Ключевые слова: культурный слой, шахристан, глазурованная керамика, нумизматика, топография, городище.

Ортағасыр шауғар мәдениетінің тарихына байланысты жаңа деректер (Түркістан оазисі)

Түйін. X-XIII ғғ. Түркістан оазисінің мәдени және саяси орталығы болған Шауғар қаласымен баламаланатын Шойтөбе қалашығын зерттеу барысында табылған жаңа материалдары жарияланады. Шауғарды басқа қалашықта оқшаулау туралы гипотеза қарастырылады. Жаңа материалдар оның негіздемесінде ұсынылған дәлелдерді жоққа шығарады. Қалашықтың үстіңгі қабаттарында және жер бетінде табылған тиындар нумизматикалық материалдар кешенін толықтырды. Олардың талдауы, шахристанның үстіңгі құрылыс қабаты XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. басымен мерзімделетігін дәлелдейді. Қоғамдық монша деп болмаждалған жерде салынған қазба нәтижесі – бұл жерде сазбалшықтан тұрғызылған үлкен сәулет ғимаратының моншасы болғандығын дәлелдейді.

Түйін сөздер: мәдени қабат, шахристан, сырлы ыдыстар, нумизматика, топография, қалашық.

New data to the history of culture of medieval Shavgar (Turkestan oasis)

Materials that comes from new cycle of a research of the Medieval site of Shoy-tobe which is traditionally identified with the Medieval city of Shavgar, being in the 10-13th centuries the cultural and political center of the cultural oasis are published. The hypothesis of Shavgar's city localization on other ancient settlement is considered. New materials disprove the arguments which were put forward in its justification. The archaeological opening of the top layers of the Medieval city and a find on a day surface many times increased a collection of numismatic material. Its analysis with all persuasiveness showed that the top construction horizon of the shakhristan is dated back to the second half of the 13 –the beginning of the 14th centuries. The excavation on the place of the assumed public bath shows that it is rather a bath at a big architectural construction with adobe walls.

Keywords: occupation layer, shakhristan, glazed ceramics, numismatics, topography, medieval city/settlement.

Одним из крупнейших археологических памятников Туркестанского оазиса является городище Шой-тобе (координаты: $43^{0}14`33.272``$; $68^{0}17`45.568``$). Городище расположено в 6 км к ЮВ от мавзолея Ходжа Ахмета Ясави. Со времен работ ЮКАЭ (под руководством А.Н. Бернштама) в 50-х годах прошлого века, здесь вполне аргументированно локализуется исторический город Шавгар, отождествляемый со столицей округа/вилаята, центром общественно-политической жизни в этом регионе. В связи с разработкой нового генплана города Туркестан у Шойтобе есть перспектива со временем стать его оригинальной достопримечательностью, или же быть стертым с лица земли строительной техникой. В связи с этим Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ) ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК начаты стационарные археологические исследования этого памятника.

По сведениям арабо-персидских средневековых письменных источников столицей округа, расположенного между Отраром и Саураном, был город Шавгар. При его локализации обычно приводят сведения географа X века Аль-Истахри, который писал: «… от Кадара [главный город округа Фараб – СЕА] до Шавагара день пути. От Шавагара до Сабрана [Саурана – СЕА] легкий дневной переход» (Агеева, Пацевич, 1958, с.94).

Известно несколько отождествлений этого города с реальными памятниками. Незнакомый с реальной топографией Туркестанского района В.В. Бартольд, был очень осторожен в своих предположениях – «примерно где нынешний Туркестан». Но М.Е. Массон, первый археолог реально изучавший Туркестан в 1928 году, усомнился в этом. Он локализовал на территории к югу от мавзолея поселение Ясы, «упоминаемое в исторической литературе с эпохи монгольского завоевания» (Массон, 1929, с.40; Умняков, 1929, с. 32) и, тем самым, не оставил места для локализации вблизи мавзолея другого города. Так что для исторического Шавгара надо было искать другое место локализации.

Первые сплошные археологические обследования Туркестанского района, проведенные Южно-Казахстанской археологической экспедицией (ЮКАЭ), позволили бо-

лее конкретно локализовать Шавгар письменных источников. В шести километрах к юго-востоку от городища Туркестан было обнаружено городище Шой-тобе (рис.1). Ряд топографических признаков и отсутствие на поверхности памятника массовых находок, датируемых XIII – XIVвв., т.е. временем, когда упоминания о Шавгаре исчезают со страниц письменных источников, дали основание отождествить это городище с остатками исторического города Шавгар. А.Н.Бернштам вполне обоснованно и конкретно помещал Шавгар на городище Шой-тобе. Он писал по этому поводу: «Чуй-тобе [Шой-тобе – С.Е.А.] имеет большее право претендовать на родство с Шавгаром-Ясы и по характеру подъемного материала, и по плану сравнительно с городищем, где стоит мавзолей [т.е. с городищем Ески Туркестан – С.Е.А.]. Последнее следует рассматривать в связи с монголо-тимуридским Туркестаном» (Бернштам, 1950, с.81). Эту локализацию поддержали Агеева Е.И., Пацевич Г.И. (Агева, Пацевич, 1958, с. 94-95) и первоначально Байпаков К.М. (Байпаков, 1994, с.293-294).

Рис.1. Аэрофото городища Шойтобе

Как и следовало ожидать, исторические судьбы и историография этих исторических городов – Ясы, Шавгар, Туркестан – оказались столь тесно переплетены, что надежная локализация одного из них влекла локализацию и остальных (Смагулов, 1999, с.71-82). Естественно, что основные аргументы в разрешении этой проблемы могли дать только систематические археологические исследования.

Проведенные в начале 80-х годов стратиграфические исследования холма Куль-тобе, в 300 м к югу от мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, вскрыли толщу культурных наслоений,

датируемых от середины 1 тыс.н.э. до начала XIV в. Тем самым окончательно было установлено, что город Ясы-Туркестан имел самостоятельную историческую судьбу и его древнему и раннему этапу соответствует археологический комплекс слоев под холмом Куль-тобе на юго-восточной окраине городища позднесредневекового Туркестана (Смагулов, 1994, с. 268-273). В последние годы здесь изучается застройка древней цитадели. Уже вскрыты здание замка и часть крепостной стены древней цитадели, получен комплекс древнейших находок, среди них и кушанские монеты. Тем самым нижняя граница стратиграфической шкалы Куль-тобе «отодвинута» в I-II вв н.э. (или же II-I вв. до н.э.?). Верхнюю хронологическую границу Древней цитадели можно связать с находками кушанских монет середины II в.н.э. (Смагулов, 2013; Смагулов, Ержигитова, 2013).

Естественно, что теперь не остается сомнений в локализации города Шавгар на городище Шой-тобе, поскольку в районе нет другого археологического памятника, подходящего на роль «столичного» города. Имевшиеся археологические материалы и наблюдения не противоречат этому предположению, а новые усиливают аргументацию этой локализации.

Прежние представления о хронологии городища основывались на анализе подъемного материала который датировался в рамках VII-XII вв. (Байпаков, 1986, с. 294). Однако К.М. Байпаков впоследствии изменил ранее принятую им точку зрения и, опровергая А.Н.Бернштама, предложил локализовать Шавгар на месте городища Торткуль 1 на реке Карачик (Байпаков, 2004, с.40-43). При этом автор считал, что городище Торткуль 1 по основным размерам более значительно, чем городище Шой-тобе. Но это ошибочное представление, о чем говорит простое сопоставление параметров этих двух памятников (Свод памятников…,1994, с.293). А если упомянуть руины бани обнаруженной у основания «цитадели», то шансы Шой-тобе оказаться «столичным» городищем становятся еще более предпочтительнее (рис. 2).

Рис.2. Расчистка канализационного трубопровода шойтобинской бани

Почему-то у К.М. Байпакова сформировалось мнение, что слой IX – XII вв. здесь практический отсутствует, а топография памятника и облик материальной культуры верхнего слоя «аналогичны городищу Кок-Мардан в Отрарском оазисе и Жуантобе на средней Арыси» (Байпаков, 2004, с.41). Тем самым вопреки археологическим реалиям им удревняется верхний рубеж существования города. Однако, опубликованные ранее археологические материалы и наблюдения, противоречат этим выводам, а новые исследования умножают аргументы в пользу Шой-тобе.

В настоящее время городище представляет собой двухъярусный бугор неправильной овальной формы, вытянутый длинной осью с запада на восток, размерами 360 х 275 м (рис.1). Нижняя площадка охватывает основной холм/цитадель городища с востока, севера и запада. Более плотная застройка наблюдается на восточной части, здесь ее высота 3,0-3,5 м, площадь 170×150 м. Т.е. здесь более мощные культурные отложения. С севера и запада вокруг цитадели пониженная территория, заливаемая ныне вешними талыми и дождевыми водами. Далее расположены участки с массивами застройки и по всему внешнему периметру просматриваются развалы крепостных стен с регулярно расположенными небольшими холмиками, вероятно, руинами крепостных башен (по традиции будем называть эту часть городища «шахристаном»). С наружной стороны крепостной стены устроен крепостной ров. Следы его хорошо фиксируются в топографии памятника. Примерно в середине южной стороны возвышенности шахристана поднимается мощный бугор цитадели городища. Он также несколько вытянут по оси с запада на восток и имеет площадь в основании 180×90 м, высотой до 12 м. Верхняя площадка плоская, диаметром около 60 м.

Обследование окрестностей Шой-тобе и анализ крупномасштабных аэрофотоснимков местности показал, что городище расположено между широкими саями – руслами древних рек. С северной и северо-восточной стороны к стенам шахристана примыкают возвышенные участки неправильной формы со следами застройки. Они прослеживаются на расстояние 200-400 м к северо-востоку от стен шахристана. Эта территория, по всей видимости, не имела самостоятельной системы укреплений. В 600 м и 1500 м к востоку от центра цитадели Шой-тобе эти возвышенности более выражены. На них можно поднять редкие здесь фрагменты керамики. Значительно больше подъемной керамики на местности в 500 м к северо-востоку от городища. Здесь на участке четырехугольной формы размерами 400×380 м. наблюдается скопление разновысоких и разноплановых по конфигурации холмов явно искусственного происхождения Высота их от 1,0 до 3,0 м. На этой территории есть пониженные участки, явно, некогда свободные от плотной застройки.

Первоначально, около 20 лет назад, мы характеризовали этот участок как «городище Шой-тобе II», полагая, что только здесь локализуются слои XIII – XIV вв. Теперь же, после проведенных дополнительных наземных обследований, использования дрона для детальной аэро-фото фиксации и анализа доступной космосъемки мы убеждаемся, что площадь застройки вокруг всего шахристана Шой-тобе была в несколько раз обширней и охватывала основное городище практически со всех сторон, занимая площадь примерно в один километр квадратный (!) (рис. 3).

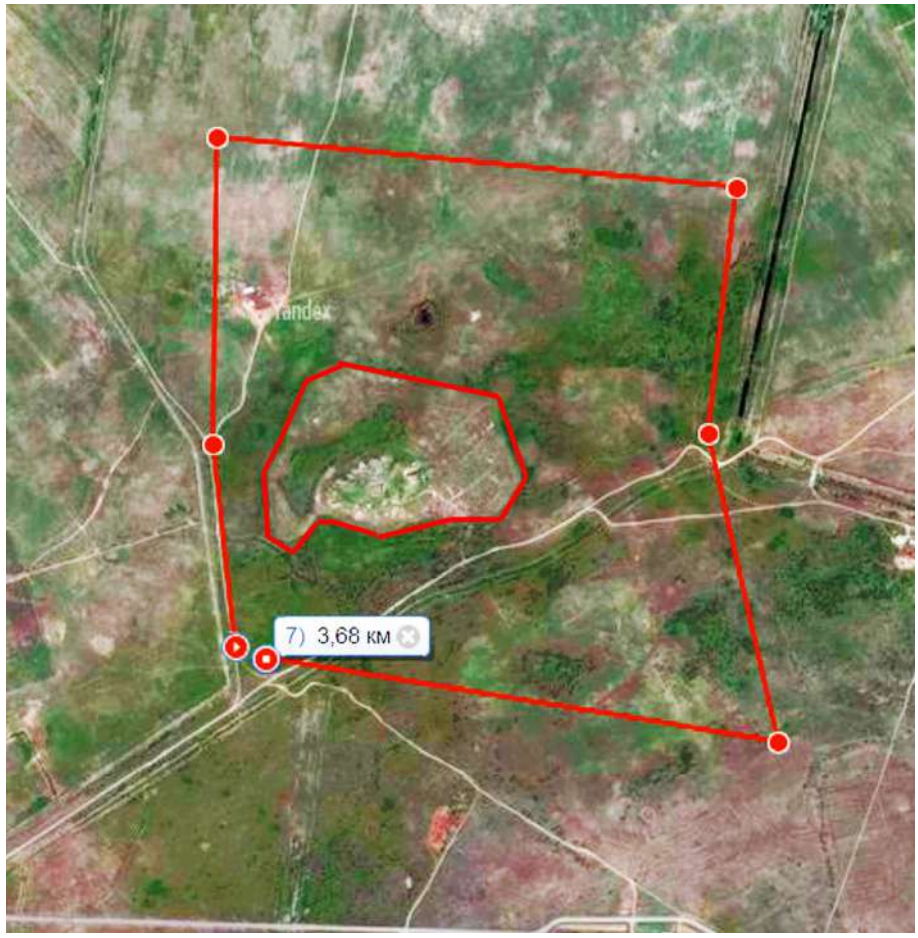


Рис.3. Космоснимок окрестностей Шойтобе с примерными границами городища XIII-XIV вв.

Нами была предложена рабочая гипотеза, что после разгрома города (Хорезмшахом?) и последовавшего монгольского завоевания региона жизнь в городе возобновилась лишь местами на шахристане, а выселившиеся жители основали новое поселение рядом с развалинами старого города. Это поселение просуществовало недолго в рамках XIII – начала XIV вв., а потом, в условиях обострившейся политической обстановки, жители переселились в быстро росший в это время (XIV в.) город Ясы (Туркестан). Как известно, некоторое время после монгольского завоевания города Средней Азии не имели крепостных стен. Что мы и видим на данном поселении. По требованию монгольских правителей в покоренных странах разрушались крепостные стены городов, так как это облегчало управление «взнузданными народами».

Проверить эту гипотезу о возникновении застройки XIII-XIV вв вокруг старого города можно только с помощью нового цикла археологических исследований. Для этого нами на восточной окраине шахристана разбит раскоп №4. Общая площадь его 400 м^2. Он расположен так, что охватывает склон холма до основания и участок 15×15 м вну-

тренней застройки. При снятии первого штыка были зафиксированы следы оснований двух тандыров. Еще два тандыра и слабо выраженные глинобитные и сырцовые стены 6-7 помещений зафиксированы при снятии второго штыка. Сохранность стен и внутренних конструкций в помещениях, ограниченность площади раскопа, не позволяют полностью и в деталях представить планировку застройки на этом «пристенном» участке городища по уровню ВСГ. Однако совершенно ясно, что здесь мы имеем застройку вполне ординарными жилыми комплексами (жилищами) из 2-3 помещений, вплотную пристроенных к крепостной стене. Основным помещением в них было центральное жилое с обширной суфой, занимавшей большую часть помещения и с тандыром без дымохода в ней. Внутри, у входа в помещение устраивалась площадка, зачастую вымощенная целыми или обломками жженных квадратных кирпичей. Под вымосткой в центре площадки делался ташнау – небольшой колодец с устьем перекрытым кирпичом для слива грязной воды. Тандыр (диаметр по основанию 0,60-0,75 м) устраивался так, что один его бок был у края суфы и в нем делалось или круглое отверстие-поддувало, или же небольшая топка в виде арочного отверстия на уровне пола. Топились они «по черному»; признаки дымоходов в суфах отсутствуют. Стенки тандыров были высотой до 0,5-0,6 м. и изнутри они «украшены» врезанными гребенкой линиями. Вход в это жилое помещение вел через небольшую прихожую, которая использовалась для хранения дров и всяких хозяйственного инструментария. Здесь же устраивались ямы-хранилища, закрома. Другая кладовка обычна за задней стеной жилой комнаты.

При расчистке помещений была получена небольшая коллекция изделий из бронзы, кости, керамики (рис. 4). Самой массовой категорией находок были фрагменты разнообразных бытовых керамических сосудов. При его упорядочивании мы взяли за основу принципы и подходы систематизации массового керамического материала, разработанные и апробированные Н.М. Булатовым и Г.А. Федоровым-Давыдовым на материалах Нижнего Поволжья (Булатов, 1968, с. 95-109; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 195) и примененные Г.В.Шишкиной в классификации глазурованной керамики Согда (Шишкина, 1979). Вся полученная из ВСГ Шойтобе керамика относится по составу основы черепка к классу лессово-глиняной или красноглиняной. Кашинные черепки нами не встречены в достаточном количестве, чтобы говорить о заметном присутствии в керамическом комплексе этого класса посуды. Хотя свидетельств местного производства красноглиняной глазурованной посуды уже получено предостаточно.

По форме, глазурованные сосуды – это блюда, различного типа чаши и тарелки, кувшины, светильники. Сосуды покрывались прозрачной свинцовой поливой. Окраска свинцовых полив, как известно, достигалась примесями главным образом окислов меди и железа, добавляемых в разных пропорциях и сочетаниях с другими веществами. По цвету глазури выделяются колористические отделы, а по технике исполнения декора/орнаментации характеризуются различные декоративные группы (или семейства). Тот или иной цвет красок и глазури достигался, использованием в разных пропорциях особых минеральных красителей.

У нас есть основания предполагать, что придание сосуду того или иного цвета, что достигалось окрашиванием прежде всего глазури (желтый, зеленый, красноватый, белый), было обусловлено стремлением помимо придания им повышенных потребительских свойств, еще и сделать глиняные керамические сосуды хотя бы по внешнему

Рис.4. Некоторые их находок 2018 г. раскопа 4 Шойтобе. ВСГ

виду похожими на дорогую посуду из драгоценных металлов (золото, серебро), полудрагоценных минералов (нефрит, хрусталь, малахит и т.п.) и драгоценного фарфора. Городское население разного статуса и достатка стремилось и в этом подражать социальным верхам, которым были доступны аутентичные предметы роскоши, индикаторы социального статуса. Глазуровались в основном сосуды столового назначения – блюда, блюдца, разного рода чашечки, кувшины и светильники.

Традиционно в Средней Азии производство глазурованной посуды и в послемонгольское время оставалось в сфере ближневосточной гончарной традиции, хотя в это время все сильнее стало проявляться влияние китайских ремесленных центров. Это относится как к технологической стороне, так и к художественному оформлению сосудов. Интересно, что в это время в обиходе одной семьи могли быть сосуды, изготовленные в разных художественно-технологических традициях, в которых глазурь и орнамент решен в различных цветовых гаммах.

В практически синхронных комплексах на сосудах открытых форм (блюда, чаши) можно различать две разные орнаментальные композиции – «зонная» и «концентрическая». В первом случае рисунок орнамента располагается в секторальных зонах, как бы расходящихся из центра дна. Концентрическая композиция предполагает небольшую круглую орнаментальную розетку в центре и 2-3 концентрических орнаментальных пояса/ленты вокруг нее. Такое разнообразие в художественно-декоративном облике массовой глазурованной керамики, естественно, говорит о многочисленности гончарных мастерских и разнообразии гончарных традиций, в которых они работали.

Наиболее многочисленна и выразительна группа керамики с гравировкой по белому ангобу и с подглазурной росписью коричневым и зеленым цветом. Прозрачная глазурь при этом может быть различных желтоватых или зеленоватых оттенков. Для этой группы сосудов наиболее характерна, если не исключительна, концентрическая композиция орнамента внутренней поверхности. Наиболее показательно большое археологически целое блюдо (32 см в диаметре) (рис. 5). Оно на дисковидном поддоне и снаружи белый ангоб покрывает одну треть борта. На внутренней поверхности в центре небольшая круглая розетка с четырех-лучевой фигурой вокруг которой «чешуйчатое» заполнение. Ее окружает почти гладкая лента. Лишь посередине неё обозначена «перевитая веревочка». Эту ленту окаймляет узкая гладкая полоска, которая отделяет от нее основную широкую орнаментальную ленту, плотно заполненную растительными завитками. Они в «ритме ислими» образуют подобие чередующихся медальонов с заштрихованным листом в центре. Внешняя орнаментальная лента также отделена узкой гладкой полоской и заполнена ритмично чередующимися овальными фигурами на заштрихованном фоне.

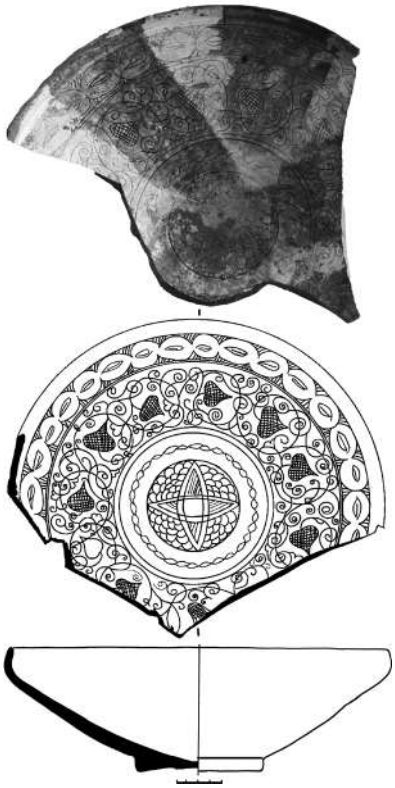


Рис.5. Глазурованное блюдо из ВСГ Шойтобе

Четырехсторонность круглому орнаментальному полю этого блюда придает крест, который широкими нарочито небрежными зелеными полосами «перечеркивает» всю поверхность блюда. Этот же мотив как бы намечен еще и широкими желто-коричневатыми полосами в четырех секторах креста. Нельзя не отметить, что эта «крестовая» цветная орнаментальная тема как бы противоречит «растительной» теме главного концентрического пояса и всей прочерченной концентрической композиции. Но их объединяет четырех-лучевая фигура в центре всей орнаментальной композиции гравированного узора (рис. 6). Нельзя не заметить, что эта центральная орнаментальная фигура состоит из двух наложенных друг на друга заостренно-листовидных/вытянуто-овальных элементов (рис. 7). Подобный элемент очень распространен в центральных розетках многих декоративных групп глазурованной керамики ВСГ Шой-тобе (XII-XIII вв.) и преимущественно в гравированных по ангобу орнаментах. Но, например, на керамике из ВСГ Каратобе он практически не известен (Смагулов, 2011, с. 379-386, рис.70-80), как и в керамике Чача (Брусенко, 1986, с. 74). А на глазурованной керамике Согда этот мотив присутствует, но в иных композициях, и трактуется исследователями как изображение передающее образ рыбы (Шишкина, 1979, с. 60). Здесь изображение рыбы уже в X в. предельно схематизируется и превращается в вытянутый заостренный с обеих концов овал, в линзовидную фигуру (Шишкина, 1979, табл. LXVIII: *4, 5, 6*).

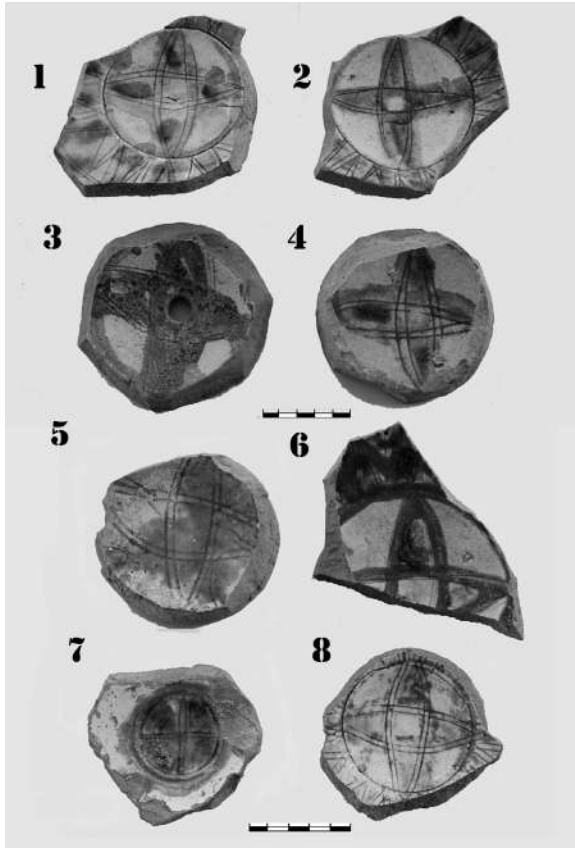


Рис.6. Донца с крестообразным мотивом из ВСГ

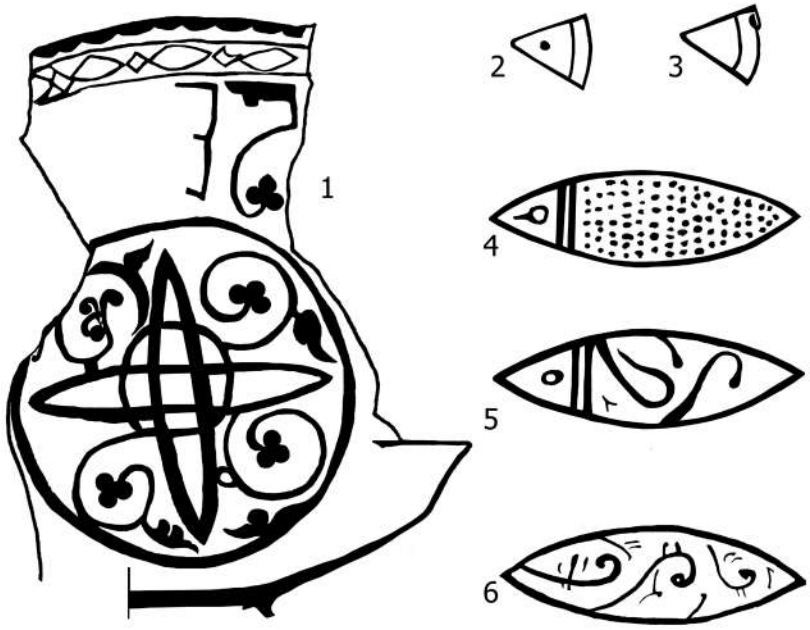


Рис.7. Изображения рыб на керамике Согда (по: Шишкина, 1979)

В связи с публикацией оригинального блюда с рыбами из собрания ГМИНВ (г. Москва) семантику и иконографию этого образа достаточно подробно рассматривала Н.Ю. Вишневская (Вишневская, 2009, с. 338-341). В частности, автор рассматривает сюжет двух рыб головами в противоположные стороны на блюде (в круге) как устоявшуюся и широко распространенную иконографическую схему. Изображения двух рыб в средневековом декоративном искусстве традиционно трактуется как раннехристианский символ. Общеизвестно, что образы рыб встречаются в обширном регионе распространения христианских идей и связаны с евангельскими сюжетами евхаристических трапез. Причем изображение рыб ожидаемо эволюционирует от вполне реального до предельно стилизованного (Вишневская, 2009, с. 338-339). При этом упоминается мнение Г.В.Шишкиной, что уже с X в. в керамическом декоре Средней Азии вытянутые остроконечные листовидные фигуры по сути это предельно стилизованное изображение рыб (Шишкина, 1979, с. 60).

Керамические технологии Шой-тобе, как наиболее продвинутая отрасль художественного ремесла, не была в стороне от общерегиональных трендов. И здесь мы встречаем стилизованные изображения рыб, но в другой весьма популярной композиции: четыре рыбки крестообразно головами к центру. Композиция образует в декоре чаши центральную розетку, прочерченную по белому ангобу под желтой глазурью (рис. 8, *3*). Здесь розетка близка реконструируемой Н.Ю. Вишневской (Вишневская, 2009, с. 31, рис. 15, *1, 2*). По ее предположению, иконографические схемы с рыбами и связанные с ней идеи «могли быть привнесены в такие крупные среднеазиатские центры ремесла и торговли как Самарканд, Бинкент (Ташкент), Мерв и др.» (Вишневская, 2009, с. 238). Но также вполне возможно, что «христианские сюжеты» в среднеазиатской орнаменти-

ке могли вырабатываться и широко распространятся на местной почве, подготовленной веками доисламской культуры в которой был не малый христианский акцент (Буряков и др., 1998, с. 9-10). Исходя из вышеприведенных наблюдений и соображений, можно обосновать предположение, что крестообразный символ из двух наложенных листовидных элементов в декоре глазурованной керамики Шой-тобе это одна из предельно стилизованных иконографических схем «с рыбами». Тогда широкое распространение крестообразной розетки из двух листовидных элементов в керамическом декоре Шой-тобе можно трактовать как местный специфический символ в контексте общехристианской семантики. Широкое использование этого элемента в такой предельно схематизированной форме предполагает, что смысл этого символа, скорее всего, уже давно был забыт не только населением, но и мастерами, расписывающими керамику. А учитывая чрезвычайную его распространенность в предельно стилизованной форме в местной керамике, можно считать этот символ сугубо местным «изобретением», предававшим керамике местную специфику.

Рис.8. Рыбы в центре дна на глазурованной керамике. 1, 2 – керамика из городища Ески Туркестан, XV в; 3 – чаша из ВСГ Шойтобе, конец XIII в.

Другим привнесенным элементом саманидской эпохи в среднеазиатское орнаментальное наследие считается присутствие «птичьих сюжетов» в декоре глазурованной керамики. В этой связи в глазурованной керамике Шой-тобе особый интерес представляет фрагмент дна чаши на кольцевом поддоне, внутренняя поверхность которой была покрыта белым ангобом, по которому тонкими черными линиями было нанесено изображение стоящей птицы в профиль (рис. 9, *5*). Рисунок сохранился почти полностью. Одно крыло показано отходящим от спины, над головой изображен хохолок, ножки оканчиваются тремя коготками... Птичка слегка окрашена зеленовато-коричневым цветом и, похоже, на этом донце она была не одна. Рядом, ниже, возможно был рисунок другой птички.

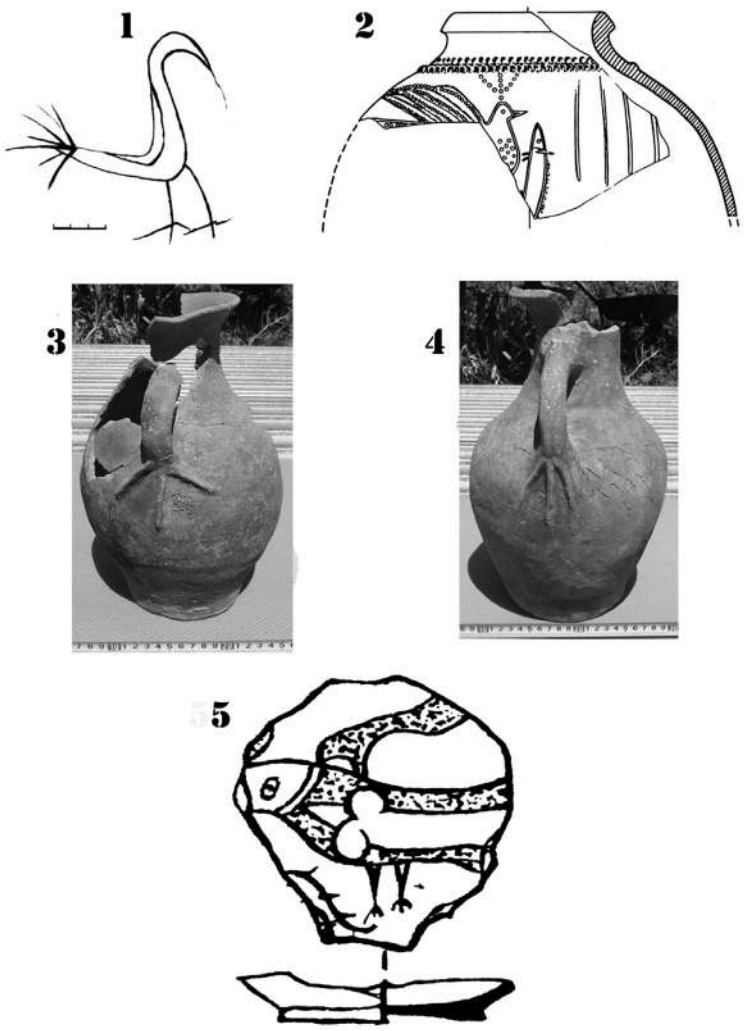


Рис. 9. Мотив птицы на керамике Туркестанского оазиса. 1, 2 – граффити на хумах городища Сидак, VIII в.; птичьи лапы на керамике могильника Шага, V-VII вв.; 3 – птица на донце чаши из ВСГ Шойтобе, XIII в.

Аналогии такому изображению птицы в оформлении среднеазиатских средневековых глазурованных сосудов нам не известны. Считать этот сюжет «привнесенным» в X-XII вв. в репертуар художников-керамистов, значит не учитывать глубину местных художественных традиции. Нам известны местные изображения птиц на керамике доисламского периода. И если их не всегда можно воспринимать как элементы декора, то они, во всяком случае, свидетельствуют об особой семантической насыщенности этого образа в идеологии местного населения (рис. 9, *1-4*). Отсюда один шаг до того, чтобы образ птицы, в разных вариациях, появился в IX-X вв. на местной глазурованной керамике. Изображения птицы в различных вариациях многочисленны в декоре глазурованной керамики Чача (Ташкентская область) X – XII вв. Только в публикации Л.Г. Брусенко приводится более десятка таких рисунков (Брусенко, 1986, табл. 45-46). В то время как изображения рыб здесь, видимо, редки. В ее публикации упомянуты два случая изображения рыб, но не приведено не одного четкого рисунка.

Другой массовой группой керамики являются изделия, чаще это небольшие блюда, с желтой прозрачной поливой и гравировкой под ней. Техника нанесения орнамента подобна вышеописанной на керамике с зеленой поливой. Характерна зонная компоновка – центральная розетка, широкая средняя полоса и более узкая по краю. Центральная розетка чаще все та же крестообразная фигура из листовидных элементов, средняя полоса пуста, а крайняя лента заполнена поперечными косыми штрихами. Глазурь расцвечена зелеными, коричневыми пятнами. Здесь нет буйства растительных элементов, завитков, листьев, цветков… Все достаточно строго и сухо… Художественный эффект достигался за счет мерцания и переливов желтого цвета в зеленый и светло коричневый.

Многочисленна красноглиняная керамика с зеленой свинцовой поливой, в которой различается несколько подвидов по типу глазури и способу нанесения орнамента.

Керамика с зеленой поливой с подглазурной росписью ангобом. Рисунок на этой посуде наносился ангобом, толщина слоя которого образует невысокий рельеф под тонким слоем поливы. Там, где прозрачная зеленая полива ложится на красное тесто, она приобретает коричневый цвет; там, где полива приходится на светлый ангоб, она дает зеленый, порой почти травянистый оттенок.

Своеобразны сосуды, а это опять же, сосуды открытых форм с красновато-коричневым фоном и росписью белыми, зеленым ангобными красками. За счет толщины накладываемого слоя линий рисунок получался слегка выпуклым, что придавало узору особую глубину.

Раскопы, начатые на жилых массивах, расположенных за древними крепостными стенами, дали керамику совершенно аналогичную комплексу ВСГ шахристана Шой-тобе.

По особенностям декоративного оформления глазурованную керамику, собранную на холмах окружающих шахристан Шой-тобе, можно отнести к XIII-XIV вв. Именно этим временем датируется на средней Сырдарье керамика с аналогичными морфологическими и декоративными признаками (Акишев и др., 1987; Смагулов, 2011, с. 378-386).

Другой категорией массового материала, полученного при исследовании Шой-тобе является нумизматическая коллекция. Она распадается на две части – монеты, получен-

ные при расчистке слоя в раскопе №4 (12 экз.), и подъемный материал, собранный как на шахристане городища, так и на окружающих шахристан холмах (18 экз.). Условия нахождения монет как из раскопа, так и с дневной поверхности городища позволяют отнести их к верхнему строительному горизонту, самому последнему этапу интенсивной жизни города на этом месте

Из 30 экземпляров, переданных П.Н. Петрову, ему удалось атрибутировать 27 шт., т.е. ~75%. Самой ранней находкой является саманидский (?) фалс, точная атрибуция которого невозможна. Шесть медных посеребренных дирхамов Отрара времени правления Мунгка хана и чуть позднее (до 662/1264 г.) маркируют определенный период монгольского владычества. Среди монет с медной основой обнаружился один серебряный дирхам – фракция, битый на монетном дворе Отрар в 670/1268 г. Следующими по времени чеканки монетами оказались медные фалсы Отрара, битые в 684-690/1285-1291гг. Длительность их нахождения в обращении не известна, однако, судя по совместным находкам этих фалсов с более поздними монетами, они обращались и в начале XIV в. Младшей по времени выпуска находкой оказались медные посеребренные дирхамы Отрара 707/1307-1308 г. с наследной тамгой Дувы. Значительные изменения в постановке знаков собственности на монетах произошли примерно в 707-708/1307-1309 годах, т.е. лишь после смерти хана Дувы (706/1306-07 г.). С этого года практически все монетные дворы выпускают монету теперь уже только с наследной тамгой Дувы, тамга же Кайду практически полностью исчезает с монет.

В верхнем строительном горизонте (ВСГ) Шой-тобе следует отметить практически исключительное присутствие монет Чагатаидского ханства с небольшой примесью медных посеребренных дирхамов Отрара середины XIII века – продукции монетного двора Великой Монгольской империи. По мнению П.Н. Петрова, это означает, что и присутствие целых отрарских дирхамов Мунгка хана в верхнем строительном горизонте может быть связано не только с их тезаврацией в процессе обращения. Такие монеты чеканились в очень значительных количествах, их тезаврация была обусловлена нападением Алгу на Отрарский оазис вначале 660-х гг.х., поэтому находки отдельных монет и кладов населением спустя 10-30 лет после трагических событий начала 660-х гг.х. могли были быть обычным явлением. В то же время, нельзя исключать возможность утраты этих монет в ходе их обращения, т.е. в середине XIII века, что вполне вероятно, учитывая географическую близость Отрара. В целом, присутствие в нашей коллекции исключительно чагатаидских монет говорит о принадлежности земель Туркестанского оазиса к Чагатаидскому улусу[1].

Таким образом, верхний строительный горизонт городища Шой-тобе насыщен монетами середины XIII – первого десятилетия XIV в., что однозначно указывает на существование этого населенного пункта в период монгольского владычества. Представляется естественным доминирование среди находок продукции отрарского монетного двора (17 монет Отрара из 30 найденных, т.е. ~57 %), тем не менее, этот факт следует отметить особо. Отсутствие монет других регионов более поздних периодов (после 707 г.х.) означает, что примерно в период с 707 по 710/ с 1306-07 по 1309-10 гг. данный населенный пункт перестал существовать. Был ли он отстроен на новой территории

[1]Пользуемся возможностью поблагодарить П.Н. Петрова за оперативное определение нумизматических находок.

с сохранением прежнего названия, как это не редко практиковалось монголами, нам пока неизвестно. Скорее всего, в результате военно-политических перипетий первых десятилетий XIVв. жители покинули остатки города Шавгар (городище Шой-тобе) и переселились большей частью в бурно развивающийся в это время на новом месте г.Ясы/Туркестан. Слои пожара на городище Отрар и, вероятно, синхронный ему, пожар на древней цитадели города Ясы (городище Культобе) ранее отмечался нами как разрушительное следствие агрессивных действий потомков Дувы в первом десятилетии XIV в. (Смагулов, 1997, с. 168). В ряду уничтоженных населенных пунктов, судя по полученным нами новым данным, стоит и город, находившийся на месте археологического памятника Шойтобе – старая столица вилайята, город Шавгар.

Список литературы

Агеева Е.И., Пацевич В.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз.ССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. – Алма-Ата: Наука, 1987.

Байпаков К.М. Городище Чуйтобе // Свод памятников истории и культуры. Южно-Казахстанская область. – Алматы, 1994.

Байпаков К.М. О локализации средневекового города Шавгара // Transoxiana. History and culture. – Ташкент: изд-во Р. Элинина, 2004.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата: Наука, 1986.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, №67, серия археолог., вып. 2, 1950.

Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. – Ташкент: Фан. 1986. – 122 с.

Булатов Н. М. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 4. 1968. – С. 95-109.

Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И., Проскурин В.Н. К истории христианства в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии. – Ташкент, 1998.

Вишневская Н.Ю. Глазурованная керамика Средней Азии конца VIII – начала XIII века в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции / отв.ред Е.С. Ермакова. – М., 2018.

Вишневская Н.Ю. Глазурованное блюдо X в. из Самарканда с изображением рыб // ARHEOLOGIA ABRAHAMICA. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. Ред. Л.А.Беляев. – М: «Индрик», 2009. – 456 с.

Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в г.Туркестане // Известия Среднеаз.геогр.общества. Т.Х1Х, 1929.

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы, 1994.

Смагулов Е.А. Городище Куль-тобе // Свод памятников истории и культуры Казахстана.Южно-Казахстанская область. – Алматы,1994.

Смагулов Е.А. Городище Шойтобе // Города Туркестана. – Алматы. 1999.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. – 436 с.

Смагулов Е.А. Из истории кангюйской архитектуры: здания крестообразной планировки // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. –Челябинск, 2013.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Архитектурно-археологический комплекс цитадели древнего Ясы (Туркестан) // Археология Узбекистана, №1(6), 2013.

Смагулов Е.А. Находки импортных вещей в послемонгольском Отраре // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997.

Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация 1920-1928 гг. – Ташкент, 1929.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища //Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М.: «Наука», 1989. – С. 133-248.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. – Ташкент: Фан, 1979.

М.К. Хабдулина, Д.Т. Тлеугабулов
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
mk_khabdulina@mail.ru, danchito@mail.ru

К ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЕ СТЕПИ

Выполнено по проекту AP05133813 «Сакральный ландшафт Сарыарки в археологическом контексте: генезис, типология, семантика»

Аннотация. В статье приведена краткая характеристика архитектуры жилищ от эпохи энеолита до нового времени. Указано, что по сравнению с историей домостроительства древних эпох практически неизвестной остается гражданская архитектура степного средневековья. Первые материалы по жилой архитектуре раннего средневековья получены благодаря масштабным раскопкам бозокского археологического микрорайона. В центре северного квартала открыто основание наземного юртообразного жилища. На основании археологических данных предложена реконструкция облика жилища, конструкция стен, кровли. Отмечено, что основным строительным материалом средневековой эпохи являлась глина. Размеры и монументальность постройки относят ее к категории жилищ общественного, культового характера.

Ключевые слова. Бозок, степь, Казахстан, жилая архитектура, юртообразное жилище, раннее средневековье.

Даланың көне түркілік тұрғын үй сәулет құрылысы

Түйін. Мақалада энеолит дәуірінен жаңа заманға дейінгі архитектураның қысқаша сипаттамасы берілген. Ежелгі дәуірлердің үй құрылысымен салыстырғанда далалық ортағасырлық қоғамдық сәулет құрылыс архитектурасы ашылмаған күйде қалуда. Ерте ортағасырлық тұрғын үй архитектурасы бойынша алғашқы материалдар Бозоқ археологиялық ықшам ауданында кең көлемде қазба жүргізу нәтижесінде алынды. Солтүстік кварталдың орталығында жерүсті киіз үй тәріздес тұрғын үйдің іргетасы ашылды. Археологиялық деректер негізінде тұрғын үйдің көрінісінің, қабырғаларының конструкциясының, төбесінің жабынының реконструкциясы ұсынылды. Ортағасырдың негізгі құрылыс материалы топырақ болды деп көрсетілді. Құрылыстың көлемдері мен биіктігіне байланысты оны қоғамдық, ғұрыптық құрылыстар санатына жатады.

Түйін сөздер: Бозок, дала, Қазақстан, тұрғын үй архитектурасы, киіз үй тәріздес тұрғын үй, ерте ортағасыр.

To ancient turkic residential architecture of the steppe

Annotation. The article presents a brief description of the architecture of dwellings from the Eneolithic to the new time. Compared with the history of the house-building of ancient eras, the civil architecture of the steppe in middle ages remains practically unknown. The first materials on the residential architecture of the early Middle Ages were obtained thanks

to large-scale excavations of the Bozok archeological microdistrict. A yurt-shaped dwelling was opened in the center of the northern quarter. The authors propose a reconstruction of the appearance of the dwelling, the construction of walls and roofs on the basis of archaeological data.It is indicated that the main building material of the medieval era was clay. The size and monumentality of the building attribute it to the category of dwellings of a public, cult character.

Keywords: Bozok, steppe, Kazakhstan, residential architecture, yurt-shaped dwelling, early middle ages.

Археология Казахстана в настоящее время располагает материалами о развитии жилой архитектуры от эпохи энеолита (ботайская археологическая культура IV-III тыс. до н.э.) до нового времени (казахские *қыстау, құзеу* XVIII-XIX вв.). И на примере археологических памятников степной зоны Казахстана мы можем проследить развитие строительного дела на протяжении пяти тысяч лет. В зависимости от природных условий в ландшафтах степи основным строительным материалом выступали глина, дерево и камень.

Поселенческая архитектура степи ведет начало с ботайской археологической культуры. Это был первый этап формирования обитаемого культурного ландшафта. Жилища Ботая органично вписаны в открытое пространство междуречий и берегов мелких степных речек. За десятилетия археологических работ на поселениях ботайской культуры исследовано около 100 жилищ и получены достоверные сведения по архитектуре и конструкции жилых и хозяйственных сооружений. Энеолитические дома представлены полуземлянками округло-многоугольной формы площадью 20-65 кв.м. Стены наземной части на высоту 08-1,0 м строили из глины. Сверху укладывали многоугольную бревенчатую крышу шатровой формы. В центре жилища находился очаг. Общая высота внутри дома равнялась 3-3,5 м (Зайберт, 2009, с. 70-226, 237).

Масштабно исследована поселенческая архитектура бронзового века. Археологические исследования предоставили огромное количество источников для детальной реконструкции жилых строений эпохи бронзы. Домостроительство бронзового века представлено наземными домами срубного типа и полуземляночными жилищами каркасно-столбовой конструкции (Кузьмина, 1994, с. 67-105).

В настоящее время известна и жилая архитектура раннего железного века. На территории Северного и Центрального Казахстана открыто более 50 поселений раннесакского времени (Хабдулина, 2003, с.190; Бейсенов Шульга, Ломан, 2017, с. 7-8). Преобладают дома наземного типа. Характерны небольшие по площади поселения. По данным А.З. Бейсенова самое крупное поселение Сарыбуйрат имеет площадь 10000 м^2 (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 18).

Дома Северного Казахстана наземные, срубные (Кеноткель Х) (Хабдулина, 2003, с. 191). В районах мелкосопочника фундаменты домов сложены из камня (Едирей, Сарыбуйрат, Таскора) (Хабдулина, 2003 с. 203-204; Бейсенов, Шульга, Ломан 2017, с. 8, 45). Жилища раннего железного века наземного типа прямоугольной и круглой формы. Они стоят как одиночно, так и входят в состав крупных и сложных по структуре домохозяйств (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 41-42). По жилищам Центрального Казахста-

на получена серия радиоуглеродных дат, которые укладывается в интервал VIII-V вв. до н.э. (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 17).

По материалам раскопанных поселений раннесакского времени, с привлечением обширного круга этнографических источников А.З. Бейсенов выполнил модели жилищ раннего железного века (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с.146, рис. 12). Конструкция стен, кровли обоснованы характеристикой природных условий, определявших основные принципы домостроительства и подкреплена соотношением метрических показателей фундаментов домов с законами архитектурных пропорций. Привлечены материалы казахских *кстау* нового времени, описание которых сохранились в свидетельствах этнографов и чиновников царской России XIX в.

Полученный анализ позволяет сделать вывод, что домостроительные традиции, сформировавшиеся в раннесакское время, существовали до нового времени. Это подтверждается конструкцией жилищ поздних саков (Бутакты I, II), древних усуней (Актасты, Кызылбулак), исследованных в Жетысу и предгорных долинах Алатау (Горячев, Мотов, 2018, с. 48-76; Акишев, 1969 с. 29-40), и архитектурой строений казахских *кыстау, кузеу*. Исследование казахских *кыстау* в настоящее время стало одним из направлений поселенческой археологии степного региона (Дукомбайев, Тлеугабулов, Сапарова, 2018, с. 593).

По сравнению с историей домостроительства древних эпох, жилая архитектура степного средневековья остается практически неизвестной. Первые материалы получены в результате масштабных раскопок территории бозокского археологического микрорайона, известного по публикациям как средневековое городище Бозок. Название бозокский археологический микрорайон является более уместным, т.к. памятник имеет длительную историю развития (VIII-XV вв.), сложную планиграфию, состоит из разновозрастных, разнородных и полифункциональных компонентов, расположен на ограниченной по площади территории в 40 га.

На территории бозокского археологического микрорайона (VIII-XV вв.) открыто несколько типов жилищ, которые относятся к разным хронологическим периодам истории памятника. Они делятся на две группы: наземные и земляночные. Наземные жилища исследованы на внутренней площадке северного квартала и одно обособленно стоящее жилище раскопано на северной периферии микрорайона. Жилища земляночного типа датируются X-XII вв. По внутреннему интерьеру они повторяют жилища городов Великого шелкового пути (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 54-55).

В результате раскопок Бозока впервые для степной полосы Казахстана получены материалы по жилой архитектуре раннего средневековья. Речь идет о юртообразном жилище, раскопанном в центре северного квартала, входящего в состав самой древней структуры культурного пространства Бозока. Жилище археологическими и естественнонаучными методами датируется VIII-IX вв.

К VIII-IX вв. относятся три квадратной формы площадки, обнесенные рвом и валом общей площадью 12636 м^2. Площадки условно были названы нами кварталами. Композиционно они размещены в виде трехлепестковой розетки. Каждый квартал автономно обнесен внутренним рвом и внешним валом. В настоящее время вал оплыл и окружил все три квартала единой лентой. Кварталы имеют входы в виде перемычек во рву. Внутренние размеры площадок примерно одинаковы: 35х35 м. Размерами выделяется северный квартал (63×63 м). Он имеет один вход с южной стороны.

Этот комплекс древних строений с оборонительной архитектурой трактуется нами как культовый центр древнетюркского времени (VIII-IX вв.) (M.Khabdulina, D.Tleugabulov, Z.Orazbayeva., 2016, p. 57-64).

До раскопок на всей территории памятника была осуществлена инструментальная съемка с нанесением высотных отметок рельефа сооружений. Пробиты две линии север-юг с пошаговым интервалом 9 м. Эти точки, взятые с одного репера, служили в дальнейшем контрольными привязками высотных уровней для последующих раскопов. Сравнением замеров поверхностей трех кварталов выявлено, что северный квартал имеет наибольшую мощность напластований. Его поверхность на 60 см выше поверхности восточного квартала. Как выяснилось в процессе раскопок, это оказалось следствием неоднократных перестроек, приведших к формированию двух строительных горизонтов, разделенных «стерильной» прослойкой толщиной 10-20 см. Общая мощность культурного слоя 0,6-0,7 м. Культурные слои строительных горизонтов имеют разную окраску. Верхние 30 см – это коричневый суглинок, похожий на материк. В первые годы именно на этот уровень и были выведены квадраты северного квартала. Основание этого слоя было принято за материк.

Фиксация каких-либо очертаний затруднялась смещением верхних 20-25 см современной распашкой (70-е гг. XX в.). В северном квартале распашка прошла по диагонали от СЗ угла к ЮВ и захватила всю восточную половину квартала. (В последующие годы такие линии распашки были обнаружены на всей территории бозокского археологического микрорайона). Поэтому лишь в западной половине квартала были выявлены следы конструкций в виде столбовых ямок, аморфных очертаний. По ним и сочетанию планов и профилей реконструированы основания наземных домов (6) прямоугольной формы (рис. 1). Отсутствие находок затрудняет определение даты этих строений. Возможно, их развал сформировал массив верхнего горизонта.

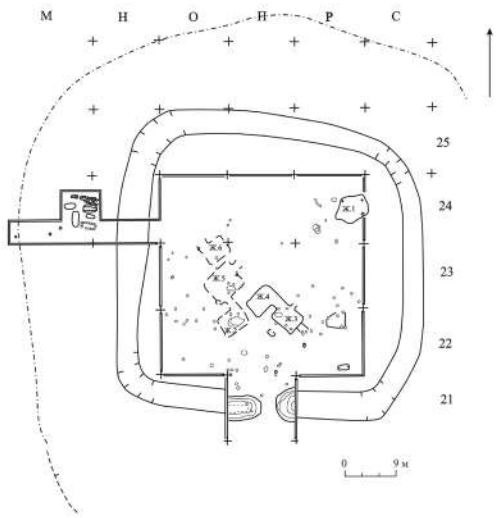


Рис. 1. Городище Бозок. Северный квартал. Конструкции верхнего строительного горизонта

Конструкции нижнего строительного горизонта были обнаружены случайно в 2001 г. при углубленной зачистке квадрата 22/Р с целью зарисовать восточный профиль бровки. При зачистке под бровкой появились очертания и столбовые ямки с остатками дерева. Так был открыт нижний строительный горизонт. И вся поверхность северного квартала была опущена до глубины 60-70 см. На этом уровне в центре северного квартала открыто основание раннесредневекового жилища (квадраты 23-24/П) (рис. 2).

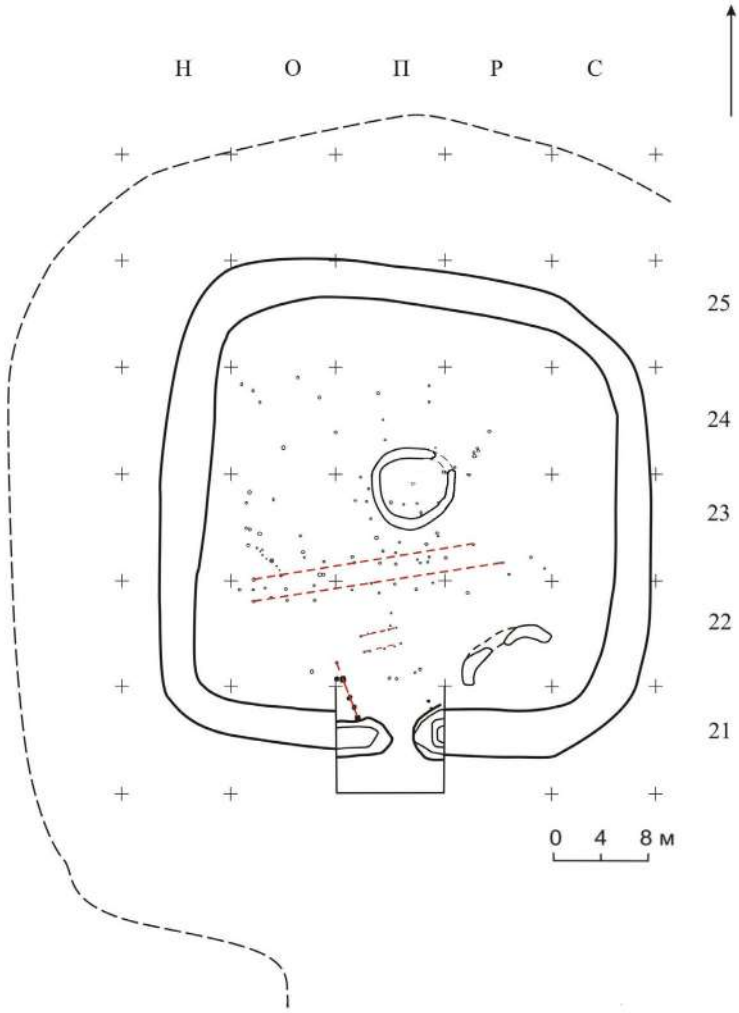


Рис.2. Городище Бозок. Северный квартал. Конструкции нижнего строительного горизонта

Основание жилища представлено округло-овальной канавкой диаметром 7×6,6 м. Верхние очертания канавки шириной 0,5-0,7 м появились на глубине 0,4 м. С этого уровня культурный слой приобрел белесый цвет, состоит из жесткой комковатой по структуре глины.

По мере углубления канавка приобрела ширину 0,7-1,0 м, внутренний диаметр 5-5,5 м. Глубина канавки 20 см. С северо-восточной стороны в очертании канавки фиксируется разрыв входа шириной более метра. Проем входа обозначен двумя парами столбовых ямок завершающих с двух сторон торцы круглой канавки.

По контуру канавки снаружи и внутри расчищены редкие столбовые ямки диаметром 15-20 см, глубиной 10-20 см. Один из столбов прямоугольной формы зафиксирован в центре внутреннего пространства Столб был вкопан на глубину 20 см. Во внутреннем пространстве также расчищены ямки столбов. В южной половине три столбовые ямки расположены в ряд по линии запад-восток. Эти столбы дают представление об архитектуре и интерьере жилища. Следы очага не обнаружены.

С запада и юга канавка дополнительно обведена линией столбовых ямок, стоящих в 1 м от ее внешнего контура. В 2 м восточнее входа зафиксировано основание столба, вкопанного в материк на 0,5 м. Столб имел диаметр 0,4 м и был дополнительно окружен еще четырьмя неглубокими столбиками, вкопанными при ремонте. Верхние очертания этих столбовых ямок слились и были зафиксированы в виде аморфного пятна на глубине 0,4 м. Судя по разрезу, глубине и дополнительным ремонтным работам, здесь могло быть вкопано основание деревянного изваяния.

Элементы реконструкции основаны на форме, ширине канавки, и расположении столбовых ямок. Значительная ширина канавки (0,7-1 м) позволяет утверждать, что это была довольно прочная и долговременно существовавшая постройка. Стены ее были построены из глины. Возможно, это была комбинация из двух рядов турлучной стены, внутреннее пространство которых засыпалось глиной. Центральный столб мог служить опорой для возведения деревянной крыши конической формы. В северо-восточной стене жилище имело вход шириной 1,2 м. В 2 м от входа стояло деревянное изваяние.

Юртообразное жилище городища Бозок выделяется крупными размерами среди аналогичных конструкций, открытых на раннесредневековых памятниках Восточной Европы. Сводка их приведена В.С. Флеровым (Флеров, 1996). По его классификации стандартный диаметр юртообразных жилищ – 3,15 м (Флеров, 1996, с. 11). Выделены жилища наземные и углубленные в грунт. По таким показателям как наземная конструкция, крупные размеры, жилище Бозока сопоставимо с так называемой «ханской юртой» Правобережного Цимлянского городища и представительской юртой городища Плиски (Плетнева 1967, с. 52-58; Рашев, 1993, с.186-187). По сочетанию канавки и столбовых ямок наше жилище близко юртообразному жилищу № 8 поселения Стецовка (Среднее Поднепровье) (Флеров, 1996, с. 35). Оба они имеют диаметр – 7 м. Приведенные аналогии датируются VIII- первой половиной IX в. и относятся к стадиально ранним видам юртообразных жилищ (Флеров, 1996, с. 59].

Круглые основания юрт, вымощенные каменной плиткой или глиной, открыты на средневековом городище Талгар (Жетысу) (Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 64). Диаметры их 2,4 – 5,2 м. Эти постройка входят в планировочную структуру городских усадеб XI-XII вв. и, по мнению, исследователей, могли использоваться в летний период (Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 67).

Юртообразное строение городища Бозок имеет параллели в структуре поминального храма Сарыг-Булун, исследованного в Туве в 1955 г. (Кызласов, 1969, с. 33). Поминальный храм представлял собой четырехугольную площадку, окруженную валом

и внутренним рвом. Размеры площадки 36х29 м. С запада внутренняя насыпь имела выступ, на поверхности которого были раскопаны остатки деревянного «храма» в виде восьмиугольной юрты. Основу юрты составляли 13 столбов, глубоко вкопанных в землю. Вход с восточной стороны. Юрта-святилище предназначалась для поминальных обрядов, и благодаря сожжению, оказалась законсервированной. Восточнее юрты в центре площадки найдены разрозненные предметы, основание столба и кувшин среднеазиатского облика. Сарыг-Булун датируется VII-VIII вв. (Кызласов, 1969, с. 33-35).

Возведение круглых в плане жилищ, некоторые строительные приемы перекликаются с деталями конструкций, раскопанных на нижнем строительном горизонте столицы Дунайской Болгарии – города Плиски. По письменным источникам город Плиски был основан в конце VII начале VIII в. И первоначально состоял из юртообразных жилищ, позднее перекрытых каменными зданиями. При описании опорных столбов юрты № 2 археолог Рашев Р. отмечает, что многие из них укреплялись по дну кусками кирпичей, принесенных с позднеантичной крепости, расположенной в 6 км от Плиски (Рашев, 1993, с. 186). Аналогичный прием закрепления столбов встречен и на городище Бозок. Только здесь для этого использовались крупные кости животных (лопатки, ребра лошади, трубчатые кости овцы). Ими закреплены основания столбов юртообразного жилища, раскопанного нами в центре северной площадки.

Из истории древнего и средневекового домостроительства явствует, что юртообразными были постройки как жилого, так и представительского характера. Конструкция круглоплановых домов известна с поздней бронзы (пос. Чаглинка) (Оразбаев, 1970, с. 143-144). Широко использовалась в архитектуре как жилых, так и культовых строений от раннего железного века до нового времени (Таскора, Туйетас, Нуркен, кург.1, Бутакты 1, *шошала, дынгек*) (Хабдулина, 2003, с. 192; Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017, с. 146, рис.12, *б*; Горячев, Мотов, 2008, с. 75-76; Оразбаев, 1970, с. 143 рис.8).

Круглая форма и архитектурный облик связывают жилище Бозока с доисламскими поминальными храмами, известными в степи под названием *дынг, дынгек*. Это башнеобразные каменные и сырцовые пирамиды с округлым или квадратным основанием. Они полые внутри, имеют вход с северо-восточной стороны. А.Х. Маргулан отнес их к типу доисламских архитектурных сооружений и датировал VIII-X вв. В степной Сарыарке башнеобразные храмы строили из плитняка, в Приаралье из сырцового кирпича. Они имели толстые прочные стены. Внутри их нет захоронений (Маргулан, 1950, с. 119). Это огузо-кипчакская разновидность культовых мемориалов аналогичных поминальным храмам каганов и знати Второго Восточнотюркского каганата. Возникли в степях Казахстана VII-VIII вв. и существовали до распространения мавзолейной архитектуры.

Юртообразное жилище городища Бозок относится к постройке общественного назначения. В центре его оказалась могильная яма, содержавшая скорченное на правом боку, погребение человека с отрубленными и перемещенными кистями рук. Анализ назначения жилища позволяет выйти на определение статуса городища Бозок. Архитектура и содержание жилища, как и планировочная структура нижнего горизонта, отражают использование северного квартала как особой сакральной территории, предназначенной для отправления каких-то обрядов.

Городище Бозок – первый, достаточно хорошо исследованный объект древнетюркской архитектуры, расширяющий и уточняющий наши знания по строительному делу раннего средневековья степной зоны. Мы имеем возможность проследить как многовековой опыт использования глины, который был накоплен степным населением Сарыарки, сочетается в конструкциях городища Бозок с архитектурными приемами древних тюрков.

Список литературы

Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР, серия общесв.наук, 1969, №1. – С. 29-46

Акишев К.А., Варфоломеев В.В. Жилища городища Бозок// Бозок в панораме средневековых жилищ Евразии: Материалы международного полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилев, 2008 – с. 41-55

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. – Алматы, 2005. – 188 с, вклейка

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Монография. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – 208 с.

Горячев А.А., Мотов Ю.А. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2007 году // Известия НАН РК, 2008. № 1. – С. 67-82

Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты I. – Алматы: ТОО «KazBookTrade», 2018. – 264 с.

Дукомбайев А.Т., Тлеугабулов Д.Т., Сапарова К.С. Археологические исследования поселения Саркырама // Сборник материалов XV международного Евразийского научного форума «Актуальные вопросы изучения историко–культурного наследия народов Евразии». – Астана, 25 октября 2018 г. – С. 593-606.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – 464 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: МГУ, 1969. – 211 с.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. –122 с.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1970. – С. 129-146

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: «Наука». 1967. – 198 с.

Рашев Р. К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае// Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара: «Артефакт», 1993. – С. 184-191

Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996. – 100 с.

Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана: KULTEGIN, 2003. Т.1. Древние эпохи. – С. 189-214.

M.Khabdulina, D.Tleugabulov, Z.Orazbayeva. Bozok the Turkic Cult Center in Central Kazakhstan // Anthropologist, 2016, 26, (1, 2): P. 57-64.

А.А.Тажекеев[1], С.Б. Болелов[2], Р.Т. Дарменов[1], С.У. Билалов[3]
[1]Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата
Кызылорда, Казахстан
[2]Государственный музей искусства народов Востока
Москва, Россия
[3]Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан
Tajekeev A.A.[1], S.B. Bolelov[2], Darmenov R.T.[1], Bilalov S.U.
[1]Kyzylorda State University named after Korkyt Ata
Kyzylorda, Kazakhstan
[2]State Museum of Oriental Art
Moscow, Russia
[3]Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ СОРТОБЕ

Аннотация. В статье представлены результаты комплексных археологических исследовании Сортобинского отряда Жанкентской археологической экспедиции на средневековом городище Сортобе в 2017-2018 гг. По результатам археологических исследовании городище Сортобе можно квалифицировать как один из огузских городов-крепостей существовавших в VIII-IX вв. на нижнем течении Сырдарьи. Начальник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, академик С.П. Толстов обозначил которых как отдельную археологическую культуру «болотные городища». Однако, в свете последних археологических изысканий на «болотных городищах», выдвигается гипотеза что их основали представители джетыасарской культуры. Анализ выявленных строительных конструкции в ходе археологических раскопок, аналогию которым мы встречаем в раннесредневековых поселениях хорезмского оазиса, дает возможность реконструировать средневековое внутриродовые, общинные отношения племен, населявших низовья Сырдарьи.

Ключевые слова: археология, история, огузы, городище, Сырдарья, Приаралье, средневековое жилище.

Archeological research of the medieval settlement Sortobe

Annotation. The article presents the results of a comprehensive archaeological study Sortbe squad of Jarkent archaeological expedition to the medieval settlement Sortobe in 2017-2018. According to the results of archaeological research of the hillfort Sortobe can be described as one of the Oghuz towns-fortresses existed in the VIII-IX centuries on the lower reaches of the Syrdarya. Head of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition, academician S.P. Tolstov identified them as separate archaeological culture «marsh settlement». However, in light of recent archaeological surveys on the «marsh settlement», the hypothesis that the «marsh settlement» was founded by representatives djetyasar culture. Analysis of the identified building structures in the course of archaeological excavations, the analogy which we find

in the early medieval settlements of Khorezm oasis, gives the opportunity to reconstruct the medieval intrapartum, community relations of the tribes inhabiting the lower reaches of the Syrdarya.

Keywords: archeology, history, Oguzes, settlement, Syrdarya, the Aral Sea region, medieval houses.

Ортағасырлық Сортөбе қалашығындағы археологиялық зерттеулер

Түйін. Мақалада Жанкент археологиялық экспедициясы, Сортөбе тобының 2017-2018 жылы ортағасырлық Сортөбе қалашығында жүргізген кешенді археологиялық зерттеулерінің нәтижесі жайлы баяндалады. Сортөбе қалашығын археологиялық зерттеулер нәтижесі бойынша Сырдың төменгі ағысында VIII-IX ғасырларда тіршілік еткен оғыз тайпаларының қала-қамалдарының бірі ретінде қарастыруға болады. Өткен ғасырыдың 50-ші жылдары ашылған бұл қалаларды Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының жетекшісі, академик С.П. Толстов – «батпақтағы қалашықтар» деп аталатын жеке археологиялық мәдениет ретінде қарастырған. Алайда, «батпақтағы қалашықтарда» жүргізілген соңғы археологиялық зерттеулер қорытындылары нәтижесінде, олардың негізін жетіасар мәдениетінің өкілдері қалаған деген болжам ұсынылып жүр. Археологиялық қазба жұмыстары барысында аршылған құрылыс конструкцияларын талдау нәтижесінде Сырдың төменгі ағысын мекендеген ортағасырлық тайпалардың руішілік, қауымішілік қарым-қатынастарын қайта қалпына келтіруге жаңа мүмкіндік туды. Бұл құрылыс конструкцияларына ұқсас құрылыстарды көршілес жатқан Хорезм оазисіндегі ертеортағасырлық қоныстардан көреміз.

Түйін сөздер: археология, тарих, оғыздар, қалашық, Сырдария, Арал өңірі, ортағасырлық үй-жай.

В VII в. н.э. на территории Приаралья по археологическим данным выделяются несколько культурных регионов; Южный Хорезм – афригидская культура с ее влиянием и взаимоотношением с северо-восточными кочевыми племенами. Северный Хорезм (правый берег низовья Амударьи) – Кердерская культура и два культурных региона в Восточном Приаралье – на древних руслах Куандарьи и Ескидариялык – Джетыасарская культура и культура «Болотных городищ» на современном русле Сырдарьи. Взаимоотношение между этими регионами происходило не только на уровне материальной культуры. Как можно предполагать, между этими областями были интенсивные культурные и этнические связи.

Низовья Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры являлись местом сложения своеобразной культуры – Джетыасарской. В период Джетыасар I и II (в первой половине I тысячелетия) происходит интенсивное взаимодействие с культурами среднего течения Сырдарьи (Отраро-Каратауской, Каунчинской). Благоприятный климат и обилие вод в низовьях Сырдарьи повлияло на увеличение населения, что привело к переселению некоторой части его на вновь обводнённые территории на правом берегу Амударьи и в районы нижней дельты реки. На основании археологических исследований установлено, что в период Джетыасар III (VI-VII вв.) на многих памятниках Джетыасарского урочища жизнь прекращается (Левина, 1996, с. 5-9; Левина, 1997, с. 3-14).

В конце третьего периода сток воды (Куандарьи) по урочищу Джетыасар полностью прекращается, и население покидает этот район. Однако научные изыскания показывают, что в конце VIII – возможно IX в. н.э. в восточной части Джетыасарского урочища (Жалагашском и Сырдарьинском районах), в северной части урочища и на современном русле Сырдарьи *(восточные группы Асаров, городища Сортобе I и II)* жизнь на памятниках продолжается. В это же время в восточной части дельты в прибрежной дельтовой зоне возникают города «гузов» – Жанкент, Кескен-куюк-кала и Куюк-кала.

По всей видимости, какая-та часть населения джетыасарцев совместно с огузскими племенами передвинулись в районы от окрестностей Жусалы до современного города Кызылорды, где современное русло реки Сырдарьи делает меандр и создает большое урочище, с большим обилием пресных озер.

Среди них особо отличается урочище, которое у местного населения называется «Ордазы». Расстояние между урочищами Джетыасары и Ордазы не более 30 км.

На городище Сортобе I в 2007 г. отдельным разведочным отрядом Чирикрабатской археологической экспедиции под руководством Ж. Курманкулова (нач. отряда А.А. Тажекеев) и международным научным центром «Археолог» (директор М. Елеуов) были проведены совместные работы: были сделаны обмеры, собран подъемный материал и установлено, что памятник находится в аварийном состоянии.

Размеры памятника составляла по западной стороне 80 м, южной – 70 м, высота 3,5-4 м, северная и восточная часть памятника размыта рекой Сырдарьей. Длина памятника по линии обрыва, ориентированного по линии ЮВ-СЗ составляет 120 м, а высота от береговой линии Сырдарьи – 3,5-4 м.

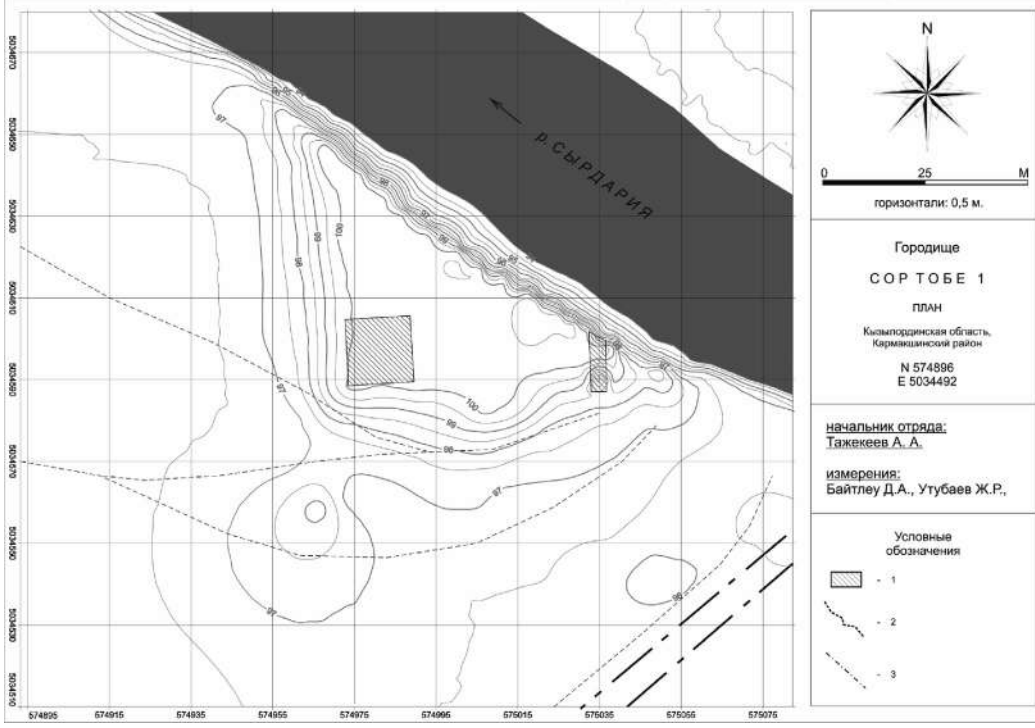


Рис. 1. Топографический план городища Сортобе

Керамический комплекс городище Сортобе очень представителен, тут встречаются и красноангобированая керамика периода Джетыасар III. Также встречаются здесь керамика схожая с посудой из городища Жанкент – орнаментированные крышки, различные сосуды, ритуальные подставки в виде протом баранов (қошқар)[1], развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе, которые датируются не раннее IX-X вв.

В 2017-2018 гг. при поддержке акимата Кызылординской области проводился комплексное археологическое исследования памятника Сортобе I. Было заложено два археологических раскопа.

Раскоп №1. Разрез (далее Р-1) был разбит на восточном склоне холма на южной стене. Раскоп был заложен с целью, выявить структуру стен и полную стратиграфию культурных наслоений памятника на этом участке.

Р-1 размером 12х4 м ориентирован по линии С-Ю и разделен на квадраты 4х4 м. Нумерация квадратов сквозная и начинается с севера.

В трех местах раскоп был доведен до материка, который зафиксирован на отметках -410 -420 см от ▼ (рис. 2).

Рис. 2. Раскопки на городище Сортобе. Раскоп 1

После снятия верхнего слоя или надувного лесса и деструктированных строительных остатков в квадратах 1 и 2, на глубине -40 -50 см от основного репера (далее ▼) были выявлены кладки из сырцовых кирпичей и пахсовых[2] блоков. Немного ниже на глубине -50, -60 см от ▼ на этом же участке раскопа были вскрыты поздние строительные конструкции, стены которых были выложены из пахсовых блоков.

В кв. 1, 2, 3 на Р-1 на глубине от -60, до -140 см от ▼ частично вскрыты 4 помещения верхнего и второго строительного горизонтов.

В кв. 2 ближе к западному профилю раскопа, в помещении №3 in situ обнаружен хум. Сосуд сформован вручную, качество обжига неудовлетворительное. На внешней поверхности четко прослеживается прочерченный до обжига характерный волнообразный орнамент. В верхней части хума сохранились две противоположно расположенные вертикальные ручки, верхним концом прикрепленные к горловине сосуда. Некоторые декоративные детали оформления этих ручек свидетельствуют о том, что хум изготавливался в подражание сосудам из металла.

В верхних слоях также часто встречаются фрагменты каменных жерновов. Среди индивидуальных находок можно отметить керамический светильник (чирак), костяные шило и булавку, фрагмент керамического сосуда с антропоморфным изображением, фрагмент керамического дастархана с необычной орнаментацией.

Прямоугольные в плане помещения №№ 1, 2, относящиеся ко 2-му строительному горизонту в западной части раскопа, были расчищены до уровня полов, которые зафиксированы на отметках -150 см от ▼. Размеры помещений полностью определить не представляется возможным, так как в раскоп шириной 4 м попала только часть всех четырех помещений, относящихся к этому периоду жизни памятника.

Стены помещений второго строительного горизонта выложены из пахсовых блоков, размерами 60×60×80 см. то есть толщина стен достигает 60-63 см. Длина помещения №1 в направления север-юг достигает 5,3 м. В этом же помещении выявлена стена, относящаяся, по всей видимости, к позднему периоду 2-го строительного горизонта. Она была пристроена к восточной стене помещения с внутренней стороны, параллельно пахсовой стене. Она сложена из кирпича и сохранилась на высоту в 4 ряда, размеры кирпичей 30×20×6 см. Поздняя стена была построена на забутовке, которая построена на слое забутовки, представляющем собой слой комьев мокрой глины).

В юго-восточном углу помещения 1 был проход в помещение №3, который на позднем этапе был заложен сырцовыми кирпичами размером 33х20х6 см.

Помещение №3 прямоугольное в плане помещение шириной от 130 до 140 см снизу. Стены сохранились на высоту до 60-65 см. Уровень полов верхнего строительного горизонта на глубине -120, -130 см от ▼. С восточной стороны к помещению №3 примыкает помещение №4.

В целях выяснения характера культурных наслоений нижних строительных горизонтов в помещении №4, раскоп был доведен до нижнего уровня 3-го строительного горизонта, до отметки -243 см от ▼.

В результате этих работ установлено, что пахсовые стены 2-го строительного горизонта были возведены на плотном слое глины – слой светло-желтого цвета толщиной до 12-14 см, который прослеживается по всему периметру пом.4, а также по всему периметру Р-1. Глубина залегания нивелировочного слоя -170 см от ▼. Однако, ближе к внешним стенам слой поднимается на 20-25 см (-155 см от ▼).

Скорее всего, слой глины уложен поверх слоя забутовки, разделявшим второй и третий строительный горизонт. Толщина этого слоя, который представляет собой сероватый суглинок колеблется от 35 до 50 см. Нижняя его граница зафиксирована на отметке -220 см ▼.

В восточном профиле помещения №4 отчетливо прослеживается характер залегания слоев 2-го и 3-го строительного горизонта. Основание пахсовых стен этого помещения отмечено на глубине -170см от ▼, тогда как внутрений фас внешних стен продолжает идти вниз. Вероятнее всего стены позднего верхнего и второго строительного горизонта были выложены на основании отневилированном мокрой глиной.

Толщина культурных слоев верхнего и второго строительных горизонтов варьирует от 30 до 40 см. Ниже на глубине от -190 до -240 см от ▼ идут слои суглинка с высоким содержанием золы, соответствующие третьему периоду обживания памятника (3-ий строительный горизонт). На этой глубине раскопки пом.4 были остановлены. Работы будут продолжены в следующих полевых сезонах.

Вероятно, помещения №№3,4 являются частью общего стрелкового коридора или галереи, который, во всей видимости, охватывал весь внутренний периметр городища по линии оборонительных стен. Надо полагать, вдоль крепостных стен городища был построен узкий коридор или узкая галерея, шириной от 130 до 180 см, который был разделен на отсеки. Это предположение подтверждается наличием узких прямоугольных помещений расположенных вдоль внутреннего фаса внешних стен вскрытые на раскопе №2, в центральной части памятника, о которых будет сказано ниже.

Аналогичная ситуация отмечена в близлежащих памятниках джетыасарской культуры, в частности на городищах Бидайык-асар, Томпак-асар (Левина, 1996, с. 18-45).

В ходе археологических работ в кв.3 Р-1 на глубине -250, -270 см от ▼ ближе к западному профилю была обнаружена «Г- образная кладка из сырцовых кирпичей в один ряд, вероятно край суфы. Размеры кирпичей 42×22×6 см. Длина выявленного участка суфы – 80 см, ширина – 70 см.

Эта строительная конструкция обнаружена на участке раскопа, примыкающем к оборонительной стене с внешней стороны. Культурные слои на этом участке раскопа, начиная от верхнего строительного горизонта вплотную примыкают к обводной стене крепости с внешней стороны. Эти слои насыщены бытовым мусором, это, в частности, кости домашних животных и фрагменты керамики. Наличие бытовых отходов с внешней стороны крепости свидетельствует о бытований хозяйства или домовладений во времена существования памятника на территории, которая примыкала к оборонительной стене городища снаружи.

В квадрате 4 вскрыта часть оборонительной стены, толщина которой достигает 4 м. Высота вскрытой части стены от дневной поверхности достигает 220 см. Внешняя обводная стена представляет собой сплошной глиняный массив из пахсы, который в течение времени постоянно ремонтировался и наращивался. Так, верхняя часть стены, соответствующая позднему периоду существования памятника, представляет собой кладку из комков сырой глины (гуваляков). Материк на этом участке раскопа зафиксирован на отметках -405, -410 см от ▼

В северной части раскопа по линии обрыва, длина которого по береговой линии достигает 120 м, был зачищен небольшой участок длиной немногим менее 4 м. Здесь материковый слой выявлен на отметке -406 см от ▼. Работы на данном этапе были приостановлены и будут продолжены в следующих полевых сезонах, вскрытые участки раскопа были законсервированы мокрой глиной и саманом для защиты от природных осадков.

Раскоп 2 (далее Р2) – основной исследуемый объект на городище Сортобе, был заложен в юго-западной части памятника на стыке двух стен – южной и западной. Здесь мы имеем не тронутый участок городища, который «не потревожен» рекой Сырдарья.

Площадь Р2 – 16×16 м. Он ориентирован по сторонам света. Для удобства фиксации находок раскоп был разбит на квадраты 4×4 м и имеет как цифровые, так и буквенные обозначения. В ходе работ на площади раскопа выявлены следы городской застройки. Здесь было открыто 10 помещений и выявлено несколько строительных периодов. Нумерация помещений дана по порядку вскрытия; нумерация строительных периодов, на современном этапе исследования памятника дается сверху вниз. В настоящее время раскоп остановлен на глубине – 238 см от репера.

После снятия верхнего рыхлого слоя толщиной 50 см, состоявшего из песка и остатков саксаула по всей площади раскопа, были выявлены остатки верхнего строительного горизонта, которые перекрыты плотным слоем темно-серо-зеленоватого грунта с известняковыми прослойками.

Верхний строительный горизонт фиксируется только в помещениях №6 и 7, где мы видим остатки жизнедеятельности населения, в других квадратах они выявляются только в бровках. К этому периоду обживания памятника относятся выявленные хозяйственные ямы, спущенные до уровня третьего строительного горизонта.

Между первым и вторым, более ранним, периодом обживания городища фиксируется значительный временной разрыв. По всей видимости, жители более раннего поселения покинули его в конце второго периода, а затем, спустя определенный период времени вновь вернулись уже на частично разрушенное поселение. Как показывают раскопки – это случается неоднократно. Происходит вырубка или закладка более ранних стен второго строительного горизонта. Местами в ранних стенах устраиваются очаги для обогрева. Так как, слой сохранности первого строительного горизонта слишком сильно потревожен и размыт, говорить об его интерьере и строительной технологии затруднительно. Полученный керамический комплекс позволяет говорить о том, что памятник доживает до середины IX в.

Ниже залегают культурные слои второго строительного горизонта. На этом уровне выявлены мощные несущие стены и наличие больших жилых помещений. Стены сложены из сырцовых кирпичей, размером 34×36×20×22×10 см. Капитальные стены имели толщину от 80-85 до 100 см.

На уровне – 106 см от репера в юго-западной части раскопа выявлены стены помещения №1. Это небольшое помещение, размером 1,80×5,6 м. Расчистка показала, что возведение помещения относиться к третьему строительному горизонту. В интерьере помещения не выявлено, каких либо остатков жизнедеятельности населения второго строительного горизонта. К этому времени единственное изменение фиксируется нами на северной стене помещения – это закладка сводчатого прохода и вырубка тут же на северной стене нового прохода рядом с ним. Причиной закладки сводчатого прохода является ремонт стены ориентированный по оси юг-север, которая разделяла три помещения №№1,2 и 3.

На глубине 287 см от репера выявлен пол обживания, который относиться к третьему строительному горизонту. В этот период помещение использовали для хозяйственных назначений, в южном углу помещения выявлена обкладка из природного камня

(фрагменты или бракованные части жерновов), вероятно, образовала короб для хранения продуктов. В западной стороне помещения выявлен выступ, сложенный из сырцовых кирпичей возможно суфа (?), в углу которого сделана квадратная обкладка из поставленных на торец сырцовых кирпичей, на дне которого выложен камень. Размер выступа 180×150 см. В этом помещении выявлены гнезда для бревен перекрывающих помещение. Диаметр различный от 30 до 50 см.

Помещение №2 – находиться к северу от помещения № 1, и соединено с ним проходом, который расположен в центре комнаты. Помещение № 2, как и № 1 во второй период существования городища не использовались как жилые.

Помещение №3 – здесь, в отличие от помещений №1 и 2, четко фиксируются следы обживания, по стратиграфическим данным определенно относящиеся ко второму периоду. Это довольно крупное жилое помещение квадратной формы с Г-образным входным тамбуром с северной стороны. В южной части помещения впритык к внешней оборонительной стене приставлен прямоугольный очаг-тагдыр, который представляет собой большой лепной хум без дна, обложенный сырцовыми, размерами 120×80 см. Эта конструкция сооружена на уровне пола второго периода, который четко прослеживается на глубине – 125 см от уровня репера. Пол представляет собой плотную глиняную обмазку со значительными примесями органики (самана). В слоях этого периода, в этом помещении, найдено большое количество керамики. Явно преобладают открытые формы и кухонная посуда.

Помещение №4 очень сильно потревожено поздними перекопами. Уровень второго строительного горизонта выявлен здесь в северо-восточном углу, где открыт прямой входной тамбур перед проходом, ведущем в пом. № 6. Входной проем тамбура был оформлен деревянной конструкцией (возможно дверная коробка), Об этом можно судить по столбовым ямкам диаметром 25-30 см в углах прохода. Стена входного тамбура как бы является границей между культурным слоем второго и третьего строительного горизонта и заполнением огромной ямы с восточной стороны.

Помещение №6 – это прямоугольное помещение, ориентированое по оси запад-восток. Пол помещения в виде плотной глиняной обмазки с примесью органики зафиксирован на уровне – 143 см от репера. На восточной стене помещения зафиксированы следы горения, причем in situ сохранилась сгоревшая деревяная конструкция, которая падала на юг, в сторону входа в тамбур. На уровне пола этого помещения в большом количестве обнаружены разбитые сосуды. Стены помещения сильно потревожены ямами позднего периода. Диаметр их варьируется от 1 до 1,5 см. В западной части помещения выявлен второй проход, соединяющий его с помещением №7.

Помещение №7 – это такое же прямоугольное помещение, что №6 и ориентировано оно по оси запад-восток, размерами 5,1×3,1 м. Даное помещение сильно пострадало от вспускных ям позднего периода. Здесь насчитываеться три крупные ямы, которые прорезают культурные слои раннего периода и стены помещения. Однако сохранились некоторые детали интерьера раннего периода – это фрагмент очажной подставки в виде ритуальные подставки в виде протом баранов, развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе, которая была приставлена к южной стене. Возможно, на северной стене была суфа, которую прорезала хозяйственная яма. Пол в этой части помещения был выявлен на уровне -151 см от репера.

Помещение №8 и 9 – раскопаны не полностью, выявлены только остатки стен второго строительного горизонта. На данном участке археологические работы будут продолжены в следующем полевом сезоне.

К третьему строительному горизонту по стратиграфическим данным относится помещение №3. Это обширное почти квадратное помещение – 6×5,5 м. В этом помещении, на глубине – 188 см от репера, расчищена П-образная суфа, которая была устроена вдоль южной, восточной и западной стен (западная часть суфы была срезанна в поздний период, при ремонте жилой стены помещения). Ширина различных отрезков суфы колебалась от 100 до 110 см; высота суфы от уровня пола -36-40 см. Перед суфой был небольшой подиум высотой 10 см от уровня пола, сделаный из плотной глины, для опоры ног.

К северо-восточному углу восточного отрезка суфы была пристроена массивная стена или скорее, тумба из сырца размером 70×70 см. В результате чего в северо-восточном углу образовался тамбур (1,8×0,8 м).

Пол в помещения №3 представлял сосбой слой плотной хорошо отмученой глины. В центре комнаты находился очаг Х-образной формы, который напоминает растянутую шкуру барана. Он был вытянут в широтном навравлении и имел размеры 80×60 см. Очаг сформован из крупного пахсового блока, который, по всей видимости, был смоделирован в указанной выше форме. Снаружи, с южной стороны платформы Х-образного очага, находилась площадка из прокаленной до красна глины размерамом 100×90 см. На ней была поставлена ритуальная подставка в виде «кочкара». Ритуальные подставки в виде протом баранов, развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе выполнена в класическом виде, декоротивное тулово с отогнутыми двумя головами по сторонам. Размером 45×15 см. После зачистки прокаленой площадки, установлено, что здесь была ямка диаметром 20 см для установки горшка (рис. 3).

Рис. 3. Помещение № 3 – III строительный горизонт. Городище Сортобе

В культурных слоях третьего периода найдено большое количество целых форм керамических сосудов закрытого типа, кувшинов, стаканов и т.п. Слой обживания не потревожен, лежит в in situ. Однако, можно утверждать, что какой-то период помещение находилось в запустении, и туда проникала дождевая вода вследствие чего произошло обрушение стен (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент очажной подставки. Помещение №3. Городище Сортобе

В южной части комнаты в ходе зачистки стены, выявлены остатки арочного прохода, ведущего в помещение №5.

Помещение №5 – это небольшая комната, прямоугольной формы размером 5,5×1,5 м, по всей видимости хозяйственного назначения. Комната идет вдоль внешней оборонительной стены. Вдоль южной стены были устроены три неглубокие ниши. Ширина их по фронту была 1 м, а высота – 80 см. Данные ниши, по нашему мнению, могли быть местом складирования постельных принадлежностей.

Другим помещением, открытым до уровня третьего строительного горизонта является помещение №4, как отмечалось, данное помещение в поздний период подверглось перекопу, в силу чего здесь не сохранились верхние слои. Яма позднего периода прошла вдоль восточной стены, затронув 1/3 часть комнаты. Комната квадратной формы размером 4,5×4,2 м.

Внутренний интерьер помещения состоит из суфы которая идет вдоль северной стены и, возможно, была еще западная часть, которая осталась за пределами раскопа. Ширина суфы – 1,5 м. К северо-восточному углу суфы была представлена стена защищающая комнату от сквозняков, создавая небольшой коридорчик, длиной 2 м. Причем вход в этот небольшой коридор был обрамлен дверным проемом. Тут выявлены остатки столбовых ям. В центре комнаты был устроен ритуальный очаг-подставка. Подставка также как и в помещение №3 имеет Х-образную форму. Размерам 1×0,8 м. Х-образная

платформа имеет радиальную направленность, с запада к ней приставлена ритуальная подставка в виде протом баранов, развернутых в противоположные стороны на плоской, прямоугольной в сечении основе. Подставка также оформлена геометрическим декором с двумя головами баранов смотрящих разные стороны. Нижняя часть сохранилась размером – 40 см. Головы баранов расположены к югу от подставок (рис. 5). Перед ритуальной подставкой стоит углубленный в уровень горшок, сильно прокаленный.

Рис. 5. Реставрация очажной подставки с городища Сортобе
(реставратор А. Ж. Назаров)

У южной стены выявлен очаг, который сложен из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро, в площадь которого был поставлен хум. Однако, зачистка, показала, что хум был поставлен в более поздний период, во время ремонта, по всей видимости. Очаг в раннее время был углублен в южную стену до 50 см. Здесь стена сильно прокалена, что привело к ремонту. К западу от очага в расстояние 50 см на южной стене устроена ритуальная ниша. Ниша размером 50 см в ширину и 50 см высоту. Пол помещения представляет собой плотный слой глины серо-коричневого цвета. На уровне пола помещения найдены фрагменты керамики, обработанных костей, стеклянной посуды и т.п. Здесь, в отличие от других помещений, встречаются хозяйственные ямы, которые были спущены еще в третий период, то во время бытования помещения. Яма №1 диаметром 1,5 м вырублена на северной суфе. Дно выявлено на глубине -259 см от репера. Яма №2 – также затронула северную суфу, только на стыке ее со стеной коридора. Каких-либо находок в яме не выявлено. Как показывает зачистка, данные ямы были заложены в скором времени.

Полученные из раскопок материалы позволяют сделать некоторые предварительные выводы об объемно-пространственных формах раскопанного участка застройки памятника, но не позволяют представить реальную планировочную структуру всего городища. В процессе раскопок вскрыта небольшая часть сплошной жилой застройки

Сортобе. Как можно предполагать, в площадь раскопа попала часть двух или трех домовладений, которые состояли, может быть из трех, помещений, расположенных в ряд на одной оси, то есть анфиладой. Можно также предполагать, что входы в эти домовладения были с улицы или из переулка, которые пока не раскопаны. Подобная планировка и организация селитебного пространства известна на территории Хорезма (Неразик, 2013, рис. 17).

Верхние слои памятника, на основании многочисленных аналогий, датируются VIII-IX вв**.** и его жизнедеятельность была связана с рекой Сырдарья. В это время вдоль всего присырдарьинского региона шло ответвление Великого Шелкового пути, по которому помимо торговли, проходили этнические, культурные процессы, затронувшие как кочевые, так и земледельческие племена и народы. Городище Сортобе лежало на одном из путей, соединявшем степные районы Казахстана и земледельческие оазисы Средней Азии.

Археологические исследования на городище Сортобе, которые только начались, как представляется, могут значительно расширить наши представления процессах урбанизации и становлении городской культуры на территории Казахстана в эпоху раннего средневековья. Археологический комплекс из верхних слоев городища Сортобе датируются не позднее IX в. н.э. Благодаря раскопкам на Сортобе мы можем в какой-то мере представить себе материальную культуру огузского периода, воссоздать интерьер жилища.

[1]Қошқар (кошкар) – баран-производитель.

[2]Пахса – плотно утрамбованная глина, уложенная в мокром виде в опалубки разных размеров. В Средней Азии с глубокой древности пахса в основном использовалась в строительстве внешних стен, оснований и несущих стен зданий.

Список литературы

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). – М., 1996.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // ЭО. 1997. №2.

Неразик Е.Е. Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи. – М., 2013.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Э. Ананьевская
Вильнюсский Университет
Вильнюс, Литва
E. Ananyevskaya
Vilnius University
Vilnius, Lithuania
E-mail: elina_ananyevskaya@hotmail.com

ИЗМЕНЕНИЯ В ПИТАНИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА С БРОНЗОВОГО ПО СРЕДНИЕ ВЕКА (С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНАЛИЗА СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ)

Аннотация. Анализ стабильных изотопов уже становится регулярной археологической практикой, выполняемой при работе с материалом, собранным во время исследований. Изотопные данные с памятников бронзового и Железного века, расположенных в Северном, Центральном и Южном Казахстане были опубликованы в международных изданиях. Однако данные из других регионов еще не были изучены. Новые изотопные данные, представленные в данной работе, включают в себя прежде неизученные материалы Средневековья, а также данные из памятников Арало-Каспийского региона и Западного Казахстана. Сравнительный анализ, выполненный с использованием методов статистики и компьютерных программ, позволил сделать новые выводы на основе полученных и ранее опубликованных данных. Анализ стабильных изотопов показал, что спектр потребляемых ресурсов варьировался в Бронзовом, Железном веке и Средневековье. Потребление проса также было замечено во многих регионах Казахстана, однако изотопный сигнал от проса появляется в этих регионах в разное время.

Ключевые слова: изотопы, диета, питание, просо.

Changes in the diet amongst human populations of Kazakhstan from bronze to Middle Ages (based on the stable isotope analysis of human and animal bone collagen)

Annotation. Stable isotope analysis is becaming a regular practice in archaeology, which is often carried out during the post-excavation work. Isotopic data from Bronze and Iron Age sites located in northern, central and southern Kazakhstan have been published in international journals. However, data from the other regions have not been published yet. New isotopic values discussed in this paper include previously unpublished results from the Middle Ages as well as data from the sites of the Aral-Caspian region and western Kazakhstan. Comparative analysis carried out using statistical methods and computer software allowed driving new conclusions based on the recently analyzed and previously published data. Stable isotope

analysis has indicated that the spectrum of consumed resources varied in the Bronze Age, Iron Age, and Middle Ages. Dietary intake of millet has also been spotted in many regions of Kazakhstan. However, the isotopic signal suggestive of millet consumption appears in these regions at a different time.

Keywords: isotopes, diet, subsistence, millet.

Қазақстанның қола дәуірінен бастап орта ғасырға дейін (тамырлы изотоптарды талдаудың көрінісінен) тамақтануындағы өзгерістер

Түйін. Тұрақты изотоптарды талдау, зерттеу барысында жиналған материалдармен жұмыс істеу кезінде орындалған археологиялық тәжірибеге айналады. Солтүстік, Орталық және Оңтүстік Қазақстанда орналасқан қола және темір дәуірінің ескерткіштерінен алынған изотоптық деректер халықаралық басылымдарда жарияланды. Алайда, басқа өңірлердегі деректер әлі зерттелмеген. Бұл жұмыста ұсынылған жаңа изотоптық деректер Орта ғасырдан бұрын зерттелмеген материалдарды, сондай-ақ Арал-Каспий және Батыс Қазақстан ескерткіштерінің деректерін қамтиды. Статистикалық әдістер мен компьютерлік бағдарламалар көмегімен жүргізілген салыстырмалы талдау алынған және бұрын жарияланған деректер негізінде жаңа қорытындылар жасауға мүмкіндік берді. Тұрақты изотоптардың талдауы тұтынылған ресурстар спектрі Қола дәуірінде, Темір дәуірінде және Орта ғасырда өзгергенін көрсетті. Тұтыну тұтыну Қазақстанның көптеген аймақтарында да байқалды, бірақ әр түрлі аймақтарда бұл аймақта изотоптық сигнал пайда болады.

Түйін сөздер: изотоптар, диеталар, тамақтану, тары.

База археологических знаний в Казахстане в последнее время растет достаточно быстро. В наше время коллекция археологических фактов пополняется научными данными, полученными в ходе использования лабораторных методов на древних материалах. Анализ стабильных изотопов также был применен к большому количеству археологических образцов из памятников Казахстана и близлежащих регионов. Однако до недавнего времени полученные данные ограничивались определенными регионами Центральной Азии, которые привлекали больше внимания археологов.

С целью проанализировать стратегии питания в различных регионах Казахстана, автор собрал образцы для изотопного анализа из прежде неизученных археологических памятников Казахстана. Результаты анализа в данный момент готовятся к публикации в зарубежном издании, поэтому здесь будут представлены лишь общие выводы и заключения. Полученная база изотопных данных включает в себя результаты из Западного Казахстана (Таксай, Таскала и др.), Арало-Каспийского региона (Чирик рабат), Северного и Центрального Казахстана (Шагалалы, Каратомар, Каратугай, Актогай и др.)

Помимо полученных результатов, ранее опубликованные изотопные данные были также проанализированы, чтобы установить изменения в питании в различные эпохи. Анализ результатов был выполнен с использованием методов статистики, моделирования изотопных ниш (SIBER), и анализа компонентов питания (FRUITS). Эти методы позволяют сделать больше выводов из полученных данных. Моделирование изотопных ниш помогает установить разнообразие ресурсов, потребляемых в пищу и сравнить насколько больше ресурсов потребляла одна из групп по сравнению с другими группами.

Использование компьютерной программы FRUITS для анализа компонентов питания, потребляемого разными группами населения, помогает определить продукты, которые были более востребованы по сравнению с другими в ту или иную эпоху.

Начало бронзового века в степях и лесостепях Евразии ассоциируется с переходом населения с охоты, собирательства и рыбалки на животноводство (Anthony, 2007; Frachetti, 2008; Koryakova, Epimakhov, 2007). Зооархеологические данные из памятников средней бронзы в Северном и Центральном Казахстане говорят о животноводстве, сосредоточенном на содержании КРС, тогда как МРС и лошадь содержались в меньшем количестве (Koryakova, Epimakhov, 2007; Косинцев, 2000). Однако, на памятниках финальной бронзы, количество лошадей возрастает, а КРС уменьшается (Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Гайдученко, Ломан, 2015; Outram et al., 2012). Анализ фауны с поселения Кент, расположенного в Центральном Казахстане, продемонстрировал, что КРС содержался в качестве мясной продукции, в то время как МРС использовался для производства молока (Haruda, 2018). Анализ остатков жиров на керамике, проведенный на материалах с поселений поздней бронзы, показал, что конское мясо, скорее всего, потреблялось по особому поводу – во время проведения ритуалов или праздников, тогда как мясо КРС и МРС составляло часть повседневного питания (Outram et al., 2011). Данные из памятников Южного Казахстана говорят о преобладании МРС в бронзовом и раннем железном веках (Frachetti, Benecke, 2009; Benecke, 2003; Chang et al., 2003; Haruda, 2007).

Использование культивированных растений началось в Южном Казахстане еще в раннем бронзовом веке, судя по находкам зерен пшеницы и проса на поселенческих памятниках (Chang et al., 2003; Doumani et al., 2015; Frachetti et al., 2010; Rosen, 2001; Spengler et al., 2013). Кроме Южного Казахстана, зерна пшеницы также были найдены на археологическом комплексе Алексеевское, расположенном в Северном Казахстане (Кривцова-Гракова, 1948; Shishlina et al., 2018). Макро-ботанические исследования в Хорезмском оазисе указывают на присутствие проса и пшеницы начиная с V века до н.э. (Brite et al., 2017). Однако на многих изученных памятниках растительные находки не были найдены. Единственным косвенным доказательством сельскохозяйственной деятельности могут являться следы от ирригационных каналов (Brite, 2016). Однако они могли использоваться для поставки достаточного количества воды животным (Brite et al. 2017).

Анализ стабильных изотопов был также проведен на большом количестве памятников Казахстана. Во времена средней и поздней Бронзы в Северном и Центральном Казахстане люди в основном питались мясом и молочными продуктами с возможным потреблением рыбы (Lightfoot et al., 2015; Motuzaite Matuzeviciute et al. 2015; Ventresca Miller et al., 2014). Потребление проса в Центральном Казахстане становится заметно по показателям из памятников финальной бронзы и РЖВ (Ananyevskaya et al., 2017; Lightfoot et al., 2015; Святко, Бейсенов, 2017). Однако большая часть населения питается в основном мясными и молочными продуктами, а также рыбой. Изотопные исследования на памятниках Южного Казахстана показали высокие уровни потребления проса уже в бронзовом веке (Motuzaite Matuzeviciute et al., 2015; Мотузайте Матузевичуте, 2016). Материалы РЖВ демонстрируют, что просо составляло основу питания для большой части населения в Южном Казахстане.

Как упоминалось выше, анализ стабильных изотопов уже был выполнен на большом количестве образцов, полученных из памятников Казахстана (рис. 1). Методология и принцип работы анализа были неоднократно описаны в опубликованных источниках, в том числе и на русском языке (Мотузайте Матузевичуте, 2016; Святко, 2016).

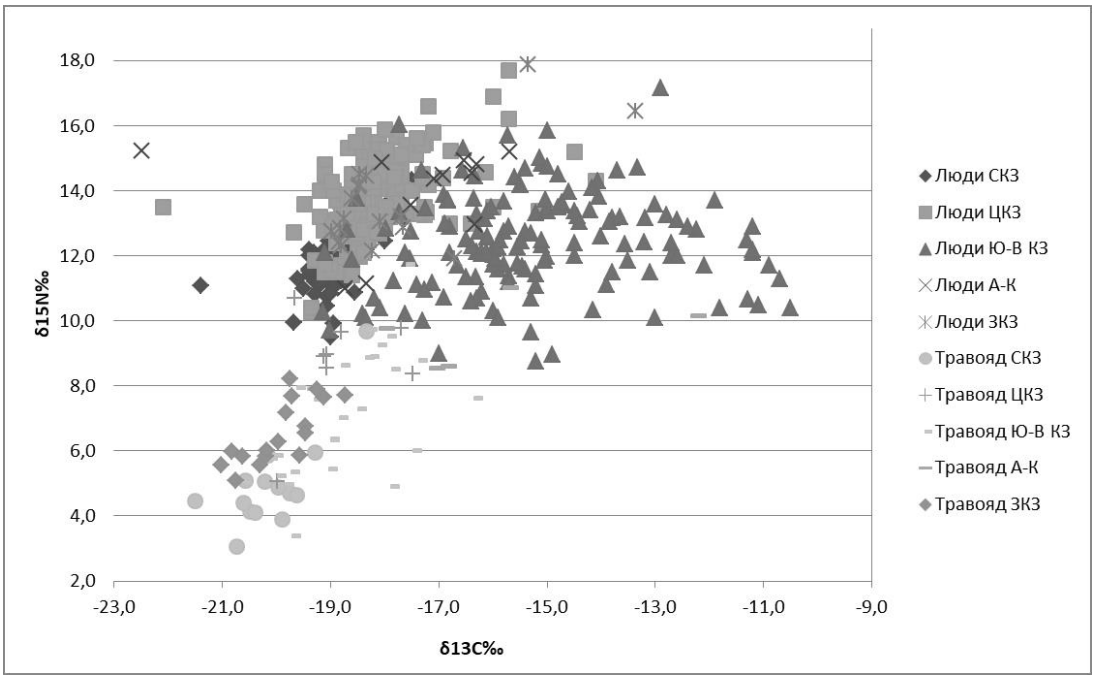


Рис. 1. Изотопные данные людей и животных из бронзового, раннего железного века и средневековья, разделенные на группы по территориям – СКЗ – Северный Казахстан, ЦКЗ – Центральный Казахстан, Ю-В КЗ – Юго-Восточный Казахстан, А-К – Арало-Каспийский регион, ЗКЗ – Западный Казахстан, Травояд – травоядные. График включает в себя ранее опубликованные данные (Ananyevskaya et al., 2017; Lightfoot et al., 2015; Motuzaite Matuzeviciute et al. 2015; Ventresca Miller et al., 2014; Святко, Бейсенов, 2017)

Согласно статистическим тестам, изотопные результаты из памятников бронзового века и раннего железного века отличаются друг от друга, как по показателям углерода, так и по показателям азота. Моделирование изотопных ниш (SIBER) говорит о том, что в раннем железном веке люди потребляли большее количество ресурсов по сравнению с бронзовым веком. Анализ компонентов питания (FRUITS), потенциально входящих в рацион людей из могильников бронзового века Бестамак и Лисаковск, расположенных в Северном Казахстане, показал, что люди потребляли рыбу в большей мере, чем мясо и молоко животных или растительную пищу. Данные из курганов и захоронений раннего железного века также указывают на высокое потребление рыбы, однако роль растений класса C_3 (пшеница, овес) заметно возрастает.

Данные из Центрального Казахстана, датируемые бронзовым и ранним железным веком, также различаются статистически в показателях углерода и азота, в то время

как показатели групп раннего железного века и средневековья статистически неразличимы. Моделирование изотопных ниш (SIBER) показало, что спектр потребляемых продуктов расширялся с течением времени – в раннем железном веке люди потребляли чуть больше различных ресурсов по сравнению с бронзовым веком. А в средние века, разнообразие продуктов было еще выше. Данные компонентов питания (FRUITS) из памятников бронзового (мог. Кайран) и раннего железного (мог. Акбеит) веков показывают большую долю (50-60%) мясных и молочных продуктов в диете.

Изотопные показатели из Юго-Восточного Казахстана демонстрируют статистически неразличимые значения азота в группах бронзового и раннего железного века и углерода в группах бронзового века и средневековья. Моделирование изотопных ниш (SIBER) показало, что люди в целом потребляли одни и те же ресурсы в бронзовом, раннем железном веке и в средневековье. Однако изотопная ниша населения бронзового века была больше, что означает, что в бронзовом веке спектр продуктов был шире, по сравнению с более поздним временем. Анализ компонентов питания (FRUITS) показал, что в бронзовом (мог. Ой-Джайлау) и железном (мог. Шатыркуль) веке люди питались в основном мясо-молочной продукцией и злаками класса C_4 (просо). Потребление проса возрастает с бронзового по ранний железный век с ~24% до ~36%.

Статистические тесты результатов, полученных из Арало-Каспийского региона, показали, что группы раннего железного века и средневековья сильно отличаются друг от друга в показателях азота и углерода. Моделирование изотопных ниш (SIBER) показало, что люди потребляли разные продукты в раннем железном веке и средние века. Более того, спектр ресурсов в бронзовом веке был шире. Анализ компонентов питания (FRUITS) показал высокий уровень потребления мяса и молока (54%) в железном веке (мог. Ширик рабат), остальные компоненты (рыба, C_3 и C_4), по-видимому, составляли от 10 до 20% питания каждый.

Данных из Западного Казахстана пока что недостаточно для межгруппового сравнения. Однако анализ компонентов питания (FRUITS) показал, что и в бронзовом и в раннем железном веке основу питания составляла рыба (мог. Таскала, Таксай).

Проведенные статистические анализы позволили сравнить изотопные показатели разных эпох. Стало понятно, что народы, населяющие Северный Казахстан, не потребляли просо с бронзового по средние века. Среди результатов из памятников северного региона нет ни одного показателя δC^{13} выше – 17γ, что говорило бы о явном присутствии злаков C_4 в питании. Однако в Северном Казахстане есть доказательства присутствия пшеницы (Кривцова-Гракова, 1948; Shishlina et al., 2018) – злака класса C_3, потребление которого не так заметно в результатах изотопного анализа. Вполне вероятно, что население Северного Казахстана потребляло пшеницу в качестве растительного компонента питания.

В Центральном Казахстане ситуация более интересная. На большом количестве памятников РЖВ были выявлены показатели углерода, свидетельствующие о высоком содержании проса в диете. Однако памятники с заметным потреблением проса у большей части населения отсутствуют. Как было замечено ранее, многие из потребителей проса в Центральном Казахстане были также людьми высокого статуса при жизни (Святко и Бейсенов, 2017; Ананьевская, 2018). Возможно, в Центральном Казахстане просо было доступно ограниченному кругу лиц, например, людям, совершавшим путешествия в

дальние регионы. Анализ компонентов питания показал, что в основном население питалось мясной и молочной продукцией, что сходится и с другими археологическими доказательствами.

В южном регионе исследования показали, что спектр востребованных ресурсов в бронзовом веке был шире, чем в железном веке или средневековье. Это может объясняться постепенным переходом от кочевого животноводства к оседлому земледелию. Во время кочевых переходов разнообразие продуктов бывает больше из-за потребления дичи и рыбы. Однако, при успешном занятии земледелием, необходимости в дополнительных источниках пищи может и не быть.

Результаты из Арало-Каспийского региона крайне малочисленны. Для реконструкции стратегий питания необходимо изучить больше данных. В данный момент изотопные исследования показывают, что животные потребляли растительность класса C_4. Повышенные показатели δC^{13} у людей могут объясняться как содержанием проса в питании, так и получением изотопного сигнала от потребления мяса и молока животных, питавшихся просом.

Данные из Западного Казахстана говорят о высоком содержании рыбы в диете, как в бронзовом, так и в раннем железном веке. Изотопные данные из памятников РЖВ (мог. Таксай), однако, содержат несколько высоких показателей углерода, что говорит о потреблении злаков C_4. Антропологические наблюдения говорят, что весь скелетный материал с подобными показателями принадлежал маленьким детям (1-3 года). Ни одного индикатора потребления проса не было получено с костей подростков или взрослых людей. В данном случае, высокие показатели углерода у детей могут быть вызваны потреблением молока матери (Jenkins et al., 2001). С каждым шагом в пищевой цепочке изотопные сигналы углерода и азота вырастают на несколько промилле. При грудном вскармливании ребенок получает изотопный сигнал матери, который во время пищеварительных процессов приобретает еще несколько промилле.

Список литературы

Ананьевская Э. О. Роль анализа стабильных изотопов в реконструкции древнего образа жизни в Центральном Казахстане // IX Оразбаевские чтения. – Алматы: Казахский Национальный университет им. аль Фараби, 2018. – С. 411-416.

Гайдученко Л.Л., Ломан В.Г. Фаунистический комплекс поселения Донгал в Центральном Казахстане // Археология Западной Сибири и Алтая: Опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Алтайский университет, 2015. – С. 200-203.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во Караганд. ун-та, 2002.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. – Челябинск, 2000. – С. 17-44.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. (17), 1948. – С. 57-172.

Мотузайте Матузевичуйте Г. Рацион питания населения Каратумы, определенный с помощью анализа костного коллагена // Байпаков К.М. Воякин Д.А., Заха-

ров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. – Алматы, 2016. – С. 623-633.

Святко С.В. Анализ стабильных изотопов: основы метода и обзор исследований в Сибири и Евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. № 44(2), 2016. – С. 47-55.

Святко С.В., Бейсенов А.З. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры // Самарский научный вестник. № 6, 3 (20), 2017. – С 223-227.

Ananyevskaya E., Aytqaly A.K., Beisenov A.Z., Dmitriev E.A., Garbaras A., Kukushkin I.A., Loman V.G., Sapolaite J., Usmanova E.R., Varfolomeev V.V., Voyakin D.A., Zhuniskhanov A.S., Motuzaite-Matuzeviciute G. Early indicators to C4 plant consumption in central Kazakhstan during the Final Bronze Age and Early Iron Age based on stable isotope analysis of human and animal bone collagen // Archaeological Research in Asia 15, 2017. – C. 157-173.

Anthony D.W. The horse, the wheel, and language. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 2007.

Benecke N. Iron age economy of the inner Asian steppe. A bioarchaeological perspective from the Talgar region in the Ily River Valley (southeastern Kazakhstan) // Eurasia Antiqua 9 (6), 2003. – C. 63-85.

Brite E. B. Irrigation in the Khoresm oasis, past and present: a political ecology perspective // Journal of Political Ecology 23, 2016. – C. 1-25.

Brite E.B., Kidd F.J., Betts A., Cleary N. M. Millet cultivation in Central Asia: A response to Miller et al. // The Holocene, 27(9), 2017. – C. 1415-1422.

Chang C., Benecke N., Grigoriev F.P., Rosen A.M., Tourtellotte P.A.. Iron age society and chronology in South-east Kazakhstan // Antiquity 77 (296), 2003. – C. 298-312.

Doumani P.N., Frachetti M.D., Beardmore R., Schmaus T.M., Spengler R.N., Mar'yashev A.N., Burial ritual, agriculture, and craft production among bronze age pastoralists at Tasbas (Kazakhstan) // Archaeological Research in Asia 1, 2015. – C. 17-32.

Frachetti M.D. Pastoralist landscapes and social interactions in Bronze Age Eurasia. – Berkeley: University of California Press, 2008.

Frachetti M.D., Benecke N., From sheep to (some) horses: 4500 years of herd structure at the pastoralist settlement of Begash (south-eastern Kazakhstan // Antiquity 83 (322), 2009. – C. 1023-1037.

Frachetti M.D., Spengler R.N., Fritz G.J., Mar'yashev A.N. Earliest direct evidence for broomcorn millet and wheat in the central Eurasian steppe region // Antiquity 84 (326), 2010. – C. 993-1010.

Jenkins S. G., Partridge S. T., Stephenson T. R., Farley S. D. & Robbins C.T. Nitrogen and carbon isotope fractionation between mothers, neonates, and nursing offspring // Oecologia, 129, 2001. – C. 336-341.

Haruda A. Nomadism or Not? An Examination of the Use of Animals in the Talgar Alluvial Fan, Kazakhstan, Through the Iron Age, 800 BC–200 AD. Unpublished doctoral thesis. Institute of Archaeology. 2007.

Haruda A. Regional pastoral practice in central and southeastern Kazakhstan in the Final Bronze Age (1300-900 BCE) // Archaeological Research in Asia 15, 2017. – C. 146-156.

Outram A.K., Stear N.A., Kasparov A., Usmanova E., Varfolomeev V., Evershed R.P. Horses for the dead: funerary foodways in Bronze Age Kazakhstan // Antiquity 85 (327), 2011. – C. 116-128.

Outram A.K., Kasparov A., Stear N.A., Varfolomeev V., Usmanova E., Evershed R.P. Patterns of pastoralism in later Bronze Age Kazakhstan: new evidence from faunal and lipid residue analyses // Journal of Archaeological Science 39 (7), 2012. – C. 2424-2435.

Lightfoot E., Motuzaite Matuzeviciute G., O'Connell T.C., Kukushkin I.A., Loman V., Varfolomeev V., Jones M.K. How 'pastoral' is pastoralism? Dietary diversity in Bronze Age communities in the central Kazakhstan steppes // Archaeometry 57 (S1), 2015. – C. 232-249.

Motuzaite Matuzeviciute G., Lightfoot E., O'Connell T.C., Voyakin D., Liu X., Loman V., Jones M.K. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen // Journal of Archaeological Science 59, 2015. – C. 23-34.

Koryakova L.V., Epimakhov A. V. The Urals and western Siberia in the Bronze and Iron ages. Cambridge University Press, 2007.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Rosenmeier M. Subsistence and social change in central Eurasia: stable isotope analysis of populations spanning the Bronze Age transition // Journal of Archaeological Science 42, 2014. – C. 525-538.

Rosen A.M. Phytolith evidence for agro-pastoral economies in the Scythian period of southern Kazakhstan. // The Phytoliths: Applications in Earth Science and Human History – A.A. Balkema Publisher, Leiden, 2001. – C. 183-198.

Shishlina N., Sevastyanov V. & Kuznetsova O. Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain based on the isotope data of modern and archaeological animal bones and plants // Journal of Archaeological Science: Reports, 21, 2018. – C. 1247-1258.

Spengler R.N., Chang C., Tourtellotte P.A. Agricultural production in the Central Asian mountains: Tuzusai, Kazakhstan (410-150 BC) // Journal of Field Archaeology 38 (1), 2013. – C. 68-85.

Қ.М. Асылбеков
Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі
Қазақстан, Астана
National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
Aslkalibek@mail.ru

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ НЫСАНДАРДЫ ЗЕРТТЕУ, ҚОРҒАУ МЕН МОНИТОРИНГ ЖҮРГІЗУДЕ ГЕОАҚПАРАТТЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІ ЖӘНЕ ЖЕРДІ ҚАШЫҚТАН ЗОНДТАУ МӘЛІМЕТТЕРІН ҚОЛДАНУ

BR05236868 Мақала «Сарыарқаның мәдени мұрасын зерттеу, сақтау және дәріптеу» ғылыми-зертеу жобасы бойынша дайындалды.

Түйін. Мақалада археологиялық нысандарды есепке алу және тіркеудің қазіргі жай-күйі мен оларды тіркеу және жүйелеудің заманауи тәсілдері қарастырылады. GPS және геоақпараттық жүйелерді (ГАЖ) тарихи-мәдени мұраларды жинау, талдау және басқару құралы ретінде қолдану мүмкіншіліктері. Сондай-ақ жерді қашықтықтан зондтау деректерін қолдану мүмкіндігі қарастырылған.

Түйін сөздер: мәдени мұра, ескерткіштерді қорғау, геоақпараттық жүйелер, GPS, жерді қашықтан зондтау мәліметтері.

Применение геоинформационных систем (ГИС) и данных дистанционного зондирования (ДЗЗ) в исследовании, охране и мониторинге археологических памятников

Аннотация. В статье анализируется современное состояние учета и фиксации археологических объектов. Рассматривается способы учета и систематизации объектов историко-культурных объектов. Применение GPS и геоинформационных систем (ГИС) как средств сбора, анализа и управление историко-культурным наследием. Также рассмотрена возможности применения данных дистанционного зондирования земли.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана памятников, геоинформационные системы, GPS, данные дистанционного зондирования.

Application of geographic information systems (GIS) and remote sensing data (RSD) in the study, protection and monitoring of archaeological sites

Annotation. The article analyzes the current state of accounting and fixing archaeological objects. The ways of accounting and systematization of objects of historical and cultural objects are considered. The use of GPS and geographic information systems (GIS) as a means of collecting, analyzing and managing historical and cultural heritage. Also considered the possibility of using data from remote sensing of the earth.

Keywords: cultural heritage, monuments protection, geoinformation systems, GPS, remote sensing data.

Тарихи-мәдени мұраны зерттеу, қорғау және сақтап қалу мәселесі жаһандану жағдайында көптеген мемлекеттерге, әсіресе, Қазақстан сынды дамушы елдер үшін ұлттық және өңірлік саясаттың басым бағыттарының бірі болуы тиіс. Мәдени мұраны құрметтеу дегеніміз Мемлекет басшысының «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» атты мақаласында көрсетілгендей, қоғамның өзінің тамыры тарихын, тереңінен бастау алатын рухани кодын сақтау (Назарбаев, 2017). Мемлекеттің негізі болып табылатын халықтың өз тарихы және мәдениетімен эмоцияналды байланысы елдің рухани қуатын құрайды. Оған өз елі мен тарихына, дәстүрі мен салтына, діні мен тіліне деген сезімдер мен білімдер кіреді. Халықтың рухани қуаты төмен болса, тарих та мәдениет те жайына қалып, ұлттың сақталып қалуына қауіп төнеді.

Қазірде сол мәдени мұраның материалдық бөлігіне жататын археологиялық және тарихи нысандарды зерттеу мен қорғау мәселесі бірнеше факторға байланысты өзінің тиісті шешімін табу керек бірнеше мәселерді тізбектеп айтуға болады.

1972 жылы ЮНЕСКО әлемдік мәдени және табиғи мұра туралы конвенцияны қабылдаған болатын (Конвенция, 1 б.). Оны қазіргі таңда әлемнің 120 елі мен Қазақстан да ратификацияланған. Қазақстанда мәдени мұра нысандарының мәртебесі заңнамалық тұрғыда келесі заңдармен реттеледі: «Тарихи-мәдени мұра объектілерін қорғау және пайдалану туралы» Қазақстан Республикасының 1992 жылғы 2 шілдедегі N 1488-XII Заңы (Заң, adilet.zan.kz), «Мәдениет туралы» Қазақстан Республикасының 2006 жылғы 15 желтоқсандағы N 207 Заңы, «Ұлттық мұрағат қоры және мұрағаттар туралы» Қазақстан Республикасының 1998 жылғы 22 желтоқсандағы N 326-I Заңы, «Қазақстан Республикасындағы Сәулет және қала құрылысы туралы» 2001.07.16. N 243 Заңы, «Ерекше қорғалатын табиғи аумақтар туралы» Қазақстан Республикасының 2006.07.07. N 175 Заңы.

Оның заңнамалық негізі бүгінде халықаралық және республикалық деңгейде реттелгенімен, оларды атқару мәселесінің тетіктері мұра нысандарын қорғау, сақтау және пайдалану жағын толық қамтылмағанын, ескерткіштердің көптеп антропогендік және табиғи факторлардың әсерінен бүліну фактілерінің жиі тіркелуін көрсетеді. Қалыптасқан жағдайды талдау оның бірнеше себептер бар екенін көрсетті. Біріншіден, өңірілік ескерткіштерді қорғау және пайдаланумен айналысатын өкілетті органдарда, кәсіби мамандардың жетіспеушілігі, ал кейбір облыстарда ондай мекеменің жоқтығы. Ведомствааралық байланыстың әлсіздігі, осы салада құқық қорғау органдары мен жергілікті билік өкілдерінің құқық бұзушылықтың алдын алу, күресу және жазалау механиздерінің жүйесіздігі. Ескерткіштерді қорғау мен пайдалану бойынша жергілікті тұрғындар арасында насихат және ақпараттандыру жұмыстарының жеткіліксіздігі. Ескерткіштерді бақылау мен мониторинг жүргізуде заманауи тәжірибелер мен ғылыми-техникалық құрылғыларды қолдану деңгейінің төмендігі.

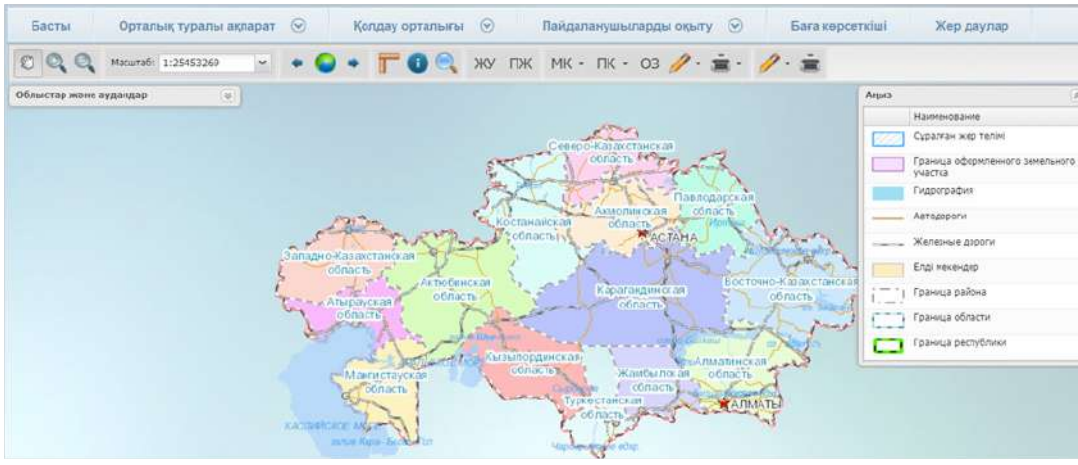
Мәдени мұра ескерткіштерін Қазақстан сияқты адам тығыздығы төмен, климаттық жағдайы қатал, территориясы ауқымды елде дәстүрлі түрде мониторинг жүргізу әдістері арқылы ескерткіштерді қорғауды қамтамасыз ету шынымен күрделі мәселе. Археологиялық барлау және қазба жұмыстарын тіркеу жүйесі реттелмегендіктен, өңірлерде бұрын ашылып қойылған нысандарды қайта ашу фактілері жиі кездесіп жатады. Осының салдарынан ескерткіштер санын нақты анықтау мүмкін болмай отыр. Оған

қоса ескерткіштерді қорғау сақтау саласына жауапты жергілікті атқарушы органдардың жұмыс жасауына да айтарлықтай жағдай жасалмаған. Мәселен, көпшілік өңірлерде нысандарды ғаламдық позициялау (GPS) мәліметтері негізінде тіркеу құрылғылармен де қамтымаған.

Ескерткіштерді географиялық координаталарына сәйкес ретке келтіру, оларда электрондық картада визуализациялау, ескерткішке қатысты керекті ақпаратты тіркеуді бүгінгі күні геоақпараттық жүйелер (ГАЖ) арқылы шешуге болады. Аталмыш жүйе көптеген елдерде мәдени мұраға қатысты мәліметтерді жіктеу, есепке алу, басқару саласында кеңінен пайдаланып келе жатқан тиімді құрал.

Геоақпараттық жүйелер (ГАЖ) – бұл географиялық мәліметтерді кіріктіру арқылы кеңістікті – уақытты мәліметтерді өңдеудің автоматтандырылған жүйесі. ГАЖ көмегімен түрлі ежелгі карталарды талдауға болады. Алдымен ол үшін ескі карта сканерленіп, цифрлау арқылы векторлық форматқа өткізілгенен кейін, жаңа электронды карта негізінде координаттар жүйесіне тіркеледі. Белгілі нысандардың екі картада да анықталғанан кейін, ескі карта ГАЖ координатты жүйеге тікеледі. Бір координаттық жүйеге тіркелген түрлі қабаттағы карталарды өзара салыстырмалы талдау арқылы жергілікті ландшафтының динамикасын көруге болады (Круглова, 2009. с. 48). Ол ескерткіштердің орналасуы заңдылығын көруге мүмкіндік береді.

Тарихи-археологиялық мұраны қорғау жүйесін нысандардың дәл координатасы негізінде құрылған геоақпараттық базасы, жерге орналастыру карталарымен интеграция жасау арқылы болашақта қорғау аймағын электронды карталарда нақты анықтап, қорғау және пайдалану шараларының деңгейін көтеруге болады. Ондай түрлі геоақпараттық базаларды интеграциялау Мемлекеттік жер кадастрының автоматтандырылған ақпараттық жүйесі және техникалық қамтамасыз ету басқармасында сәтті іске асқан (сур. 1). Онда бүкіл Қазақстанның жер участкелері, пайдалы жерлер, геоботаникалық контурлар, топырақ контурлары, әкімшілік аудандар мен елді мекендер, жердің кадастрлық бағалануы сияқты картографиялық ақпарат бір геоақпараттық жүйеде берілгілген. Оны кез келген адам сол ұйымның сайтынында мультимасштабты веб-картадан көре алады.



Сур. 1. Мемлекеттік жер кадастрының автоматтандырылған ақпараттық жүйесі және техникалық қамтамасыз ету басқармасы сайты парақшасы

Осы қалыптасқан жүйеге тарихи-археологиялық нысандарды кіріктіре отырып, қорғау мен пайдалану аймағын анықтауға мүмкіндік береді. Ортақ базаға енгізу арқылы мемлекеттік заңнамаға сәйкес тіркеп, құқықтық статусын нақтылай аламыз. Ескерткіштерге мониторинг жасауда тағы бір қолдануға болатын заманауи құралға жоғары рұқсат ету шамасы бар ғарыштық түсірілімдер мен аэрофотоларды пайдалануды айтуға болады. Бұл әсіресе елді мекендер мен жолдардан қашықта орналасқан нысандарға мониторинг жасағанда аса тиімді. Әрине, аталған түсірілімдер ескерткіштер туралы геоақпараттық базаға енгізілуі тиіс. Жоғары рұқсат ету шамасы бар ғарыштық түсірілімдер нарықта қымбат тұрады (кесте 1).

Кесте 1

Жоғары рұқсат ету шамасы бар ғарыштық түсірілімдердің бағасы (мақсатты түсірілім)

Ғарыштық түсірілім түрі	Жоғары рұқсат ету шамасы бар оптикалық жерді қашықтан зондтау аппараттары (www.landinfo.com)					
	World-View-1	World View-2 Worl-dView-3	QuickBird (60см)	GE-1/ WV-4	IKONOS (80см)	Pléiades 1A/1B
Панхроматты	$24	$24	а/к	$24	а/к	$21,5
3-каналды паншарпен	а/к[?]	$27,50[2]	а/к	$27,50	а/к	$21,5
4-каналды паншарпен	а/к	$27,50	а/к	$27,50	а/к	$21,5
Панхроматты+4 каналды мультиспектралды жиынтық	а/к	$27,50	а/к	$27,50	а/к	$21,5
8-каналды мультиспектралды	а/к	$ 29.00	а/к	а/к	а/к	а/к
8-каналды панхроматты+мультиспектралды жиынтық	а/к	$ 29. 00	а/к	а/к	а/к	а/к

Жоғарыда көрсетілген кестедегі баға 1 км^2 жерді алдын ала тапсырыспен түсіру бойынша берілген. Ғарыштық түсірілімдермен айналысатын компаниялар ғарыштан түсіру аумағының минималды ауданын 100 км^2 бастайды. Мұндай қаржылық шығындарды кез келген мемлекеттік орган немесе жеке компанияның қалтасы көтере бермейді. Дегенмен, осы ғарыштық түсірілімдерді өз қызметі үшін ауыл шаруашылығы, қорғаныс және төтенше жағдайлар министрлігі сатып алып тұратын. 2014 жылдан Қазақстанның мемлекеттік органдарын ғарыштық түсірілімдермен қамтамасыз етуінде айтарлықтай өзгеріс болды. Жер орбитасына отандық жерді қашықтау зондтау (ЖҚЗ) KazEOSat-1 (жоғарғы кеңістіктік рұқсат ету шамасымен), KazEOSat-2 (орташа кеңістіктік рұқсат ету шамасы) жердің жасанды серіктерінің (ЖҚС) шығарылуы түрлі мемлекеттік ұйымдарға тегін түсірілімдер алу мүмкіндігін ашты. ЖҚЗ мәліметтерін тарихи-археологиялық нысандарды мониторинг жүргізуде, ескерткіш аймағында рұқсатсыз құрылыс жұмыстарын, қазба жүргізу сияқты фактілерді анықтауға көмектесе алады. ЖҚЗ арқылы археологиялық қазба жұмыстарының жүргізілу барысын қашықтан қадағалауға да болады. Мысалы қазақстандық KazEOSat-1 жер серігінің кеңістіктік рұқсат ету шамасы 1

м. Оның түсірілімдері арқылы ірі археологиялық ескерткіштерге (қоныстар, ірі қорғандар, қалашықтар) қашықтан мониторинг жасауға болады. ЖҚЗ мәліметтері негізінде жасалған жер бедерінің цифрлы моделін геоақпараттық жүйелер көмегімен моделдеу арқасында АҚШ-та «қызыл жалаулар» деп аталатын археологиялық ескерткіштерді іздеудің болжамдық математикалық моделі XX ғасырдың 80 жылдарынан қолданылып келеді (Афанасьев, 2004, 21 б.). Сол уақыттан бері ЖҚЗ мәліметтерінің кеңістіктік рұқсат ету шамасы әлдеқайда жоғарлады. Тіпті қазір жер бетінің көптеген жерлерін Google және Bing ашық картографиялық веб-карталарынан жоғарғы сапада көруге болады.

ЖҚЗ мәліметтері мен жердің табиғи-географиялық ерекшеліктерін, сондай-ақ, адамдардың белгілі бір тарихи кезеңдерде қоныстану ерекшеліктерін бұдан бұрын осыған ұқсас жерлерде жүргізілгін зерттеулер негізіне сүйеніп, ескерткіштердің ықтималды орналасу болжамды моделін көпдеңгейлі ГАЖ талдау әдісі арқылы құруға болады.

Осылайша, ГАЖ және ЖҚЗ қолдану, бүкіл Қазақстанды қамтитын археологиялық ескерткіштерді қорғау, мониторинг және сараптама жасаудың ортақ жүйесін құруға жол ашады.

Бұл дегеніміз жоғарыда аталған ескерткіштердің орналасқан жері мен санын нақты анықтауға және мемлекеттік бақылау жүйесін жетілдіруге айтарлықтай пайдасын тигізері сөзсіз.

Әдебиеттер тізімі

Афанасьев Г.Е. Основные направления применения ГИС- и ДЗ-технологий в археологии [Электронный ресурс] / Г.Е. Афанасьев. – Электрон. мәлімет // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апр. 2003 г.): Сб. докл. / сост. Д.С. Коробов. – М., 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия URL: http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf

Круглова А.С. Применение ГИС-технологий в археологии. Историко-культурное наследие и информационно-коммуникационные технологии: сохранение и исследование: Материалы научной конференции (Пермь, 13-14 ноября 2009 г.). – Пермь, 2009.

Назарбаев Н.Ә. «Болашаққа Бағдар: рухани жаңғыру» http://www.akorda.kz/kz/events/akorda_news/press_conferences/memleket-basshysynyn-bolashakka-bagdar-ruhani-zhangyru-atty-makalasy.

Тарихи-мәдени мұра объектілерін қорғау және пайдалану туралы Қазақстан Республикасының 1992 жылғы 2 шілдедегі N 1488-XII Заңы. URL http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z920002900_.

Buying Satellite Imagery: Pricing Information for High Resolution Satellite Imagery // Интернет-ресурс. http://www.landinfo.com/satellite-imagery-pricing.html.

К.М. Асылбеков
Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
K.M. Assylbekov
National Museum of the Republic of Kazakhstan
Astana, Kazakhstan
Aslkalibek@mail.ru

ЦИФРОВАЯ 3D-ФИКСАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ САРЫАРКИ

Аннотация. В статье рассматриваются значение и способы создания цифровых 3D моделей историко-культурных объектов в полевых условиях. Также рассмотрен этапы цифровой 3D-фиксации методом фотограмметрии.

Ключевые слова: 3D модель, историко-культурные объекты, 3D фиксация, фотограмметрия, сканирование.

Сарыарқаның мәдени мұра нысандарың цифрлы 3D фиксациялау

Түйін. Мақалада тарихи және мәдени нысандарды далалық жағдайда цифрлы 3D сканерлеу және фиксациялаудың маңызы мен іске асыру жолдары қарастырылған. Мақалада сонымен қатар цифрлы 3D фиксация жасаудың кезеңдері мен түрлері сараланған.

Түйін сөздер: 3D модель, тарихи-мәдени мұра нысандары, 3D фиксация, фотограмметрия, сканирование.

Digital 3D fixation of Saryarka's cultural heritage sites

Annotation. The article discusses the importance and ways of creating digital 3D models of historical and cultural objects in the field. There also considered the stage of digital 3D fixation.

Keywords: 3D model, historical and cultural objects, 3D fixation, photogrammetry, scanning.

В настоящее время создание и использование трехмерных цифровых моделей и копии объектов (3D-моделей) становится важной частью деятельности, связанной с государственной охраной, сохранением, использованием и популяризацией объектов историко-культурного наследия.

Создание и визуализация культурных объектов – перспективное направление в музейном деле и для развития туризма, имеющая практическую значимость при организации образовательной и просветительской деятельности в вопросах истории регионов Казахстана.

Если традиционные двухмерные чертежи могут быть понятны только профессионалам, то трехмерные реалистичные модели весьма наглядны, что делает их привлекательными для самого широкого круга общественности. Интерактивные же трехмерные

модели позволяют увидеть их любому заинтересованному человеку такими, какими видел их исследователь в момент открытия.

Использование 3D моделей объектов в музеях позволит перейти на новый уровень восприятия информации посетителями музея, появится возможность организовать работу музея на качественно ином уровне. Созданные трехмерные объекты позволяют визуализировать археологический объект и представить его макет, модель на экспозиции в музее, на сайте в интернете, в электронном учебнике по краеведению (Черненко, 2016, с. 106).

Трехмерное сканирование – это процесс создания в виртуальной компьютерной среде объемной модели поверхности материальных предметов. Модель содержит точную информацию о геометрии объекта и текстуре его поверхности. Виртуальная 3D модель сохраняет пространственные характеристики объекта (геометрию, текстуру, структуру) в некоторой трехмерной системе координат, связанной с объектом.

В этом состоит ее качественное отличие от фото- и киносъемки, сохраняющих лишь двухмерные изображения объекта. Технологии 3D фиксации создают надежную основу для реконструкций.

В настоящее время при полевой 3D фиксации активно используются две альтернативные технологии – трехмерное сканирование и наземная фотограмметрия, демонстрирующие прекрасные результаты в сотнях научных проектов по всему миру (Зайцева, 2014, с. 13).

В нашем исследовании выбор пал на метод фотограмметрии. Данный метод более доступный и менее дорогостоящий и в тоже время ничем не уступает по точности, особенно когда касается создания 3Д моделей крупных и сложный объектов. При сравнении трехмерных моделей, полученных с помощью фотограмметрии и LiDAR, мы выяснили, что фотограмметрия является подходящим методом для выполнения исследований и подготовки документации. Облако точек LiDAR служит основой точных моделей, но для формирования облака требуется больше времени, необходимо сложное в эксплуатации и очень недешевое оборудование (Новел, 2016, с. 105).

Фотограмметрическая реконструкция позволяет достичь точности, аналогичной той, что обеспечивают облака точек. Она делает возможным быстрый сбор данных и облегчает обработку. Также фотограмметрия создает фотографическую текстурированную и наглядную сетку. Такие сетки проще анализировать и обрабатывать с помощью приложений САПР и ГИС, так как они содержат реальную форму и информацию о существующих условиях.

Фотограмметрия (photogrammetry) – научно-техническая дисциплина, занимающаяся определением размеров, формы и пространственного положения объектов по результатам измерения их фотографических изображений (Баранов,199, с.87).

Существует два основных направления в фотограмметрии: создание карт и планов Земли (и других космических объектов) по снимкам (фототопография), и решение прикладных задач в архитектуре, строительстве, медицине, криминалистике. (наземная, прикладная фотограмметрия). Фотограмметрия появилась в середине XIX века, практически одновременно с появлением самой фотографии. Применять фотографии для создания топографических карт впервые предложил французский геодезист Доминик Ф. Араго примерно в 1840 г. (http://integral-russia.ru).

Специальный алгоритм съемки и последующая компьютерная обработка позволяют создавать трехмерные модели на основе серии двухмерных снимков. Для проведения 3D фиксации с помощью фотограмметрии необходимо иметь цифровой фотоаппарат, если объект больших размеров (большие курганы, городища и др.) произвести аэрофотосъемку.

В рамках данной программы для создания 3Д моделей памятников были выбраны разные памятники разных эпох. При выборе кроме исторической ценности памятника учитывалась презентабельность памятника и уникальность. Это: Курган Саба, мавзолей Ботагай, Тюркский культовый комплекс Косбатыр и Сарыаркинская пирамида в Карагандинской области.

Метод 3D фиксации использовался при раскопке кургана раннее железного века Саба на территории Кустанайской области в рамках. Раскопки которого были запланированы по данной программе в 2018 г.

Курганная группа Саба 3 локализована в 200 мюжнее курганной группы Саба 2. Состоит из четырех курганов различного типа. Из них три кургана (№2;3;4) среднего размера – диаметром не более 25 м, последний самый крупный (№1) достигает 37 м. Самый габаритный курган – это так называемый «курган с усами», у других дополнительные элементы в виде каменных гряд, отходящих от насыпи на восток, отсутствуют.

Мавзолей Ботагай (Бытыгай, Татигай) является памятником архитектуры эпохи средневековья XI-XII вв. Находится на левом берегу Нуры в Коргалжынском районе Акмолинской области. Является средневековым дверно-купольным мавзолеем, единственным в своем роде, получившим характеристику и описание охарактеризованного в 1831-1856 гг. В 1862 г. мавзолей Ботагай нарисовал великий ученый, этнограф казахского народа Ч. Валиханов. По описаниям и чертежам многих путешественников, относится к видным образцам архитектурного искусства в Казахстане (Свод…, 2009, с. 451).

«Сарыаркинская пирамида» – сооружение типа мавзолея пирамидально-ступенчатой формы бегазы-дандыбаевской культуры, примерно XIV-XII вв. до н.э. Вероятно, что захоронение принадлежит представителю родовой знати того времени. Он был раскопан в 2016 г. и реконструирован в 2017 г. (www.zakon.kz).

Тюркский культовый комплекс Косбатыр представляет собой памятник, состоящий из двух прямоугольных в плане оград, которые сооружены рядом. Ограды ориентированы с юга на север. Стенки ограды сооружены из плоских каменных плит, поставленных на ребро.

При съемке объектов с воздуха использовался квадракоптер DJI Phantom 3 Professional 4k. Это самая продвинутая модель Phantom третьей серии. Оснащен 12-мегапиксельной камерой и подвесом. Это базовый квадрокоптер, который предлагает прямую трансляцию через приложение DJI на смартфон или планшет. Время полета квадракоптера до 30 минут.

Технология съемки проще, чем при трехмерном сканировании: съемка объекта производится со всех сторон под разными углами. Зоны фотографирования на каждом последующем снимке должны перекрываться не менее чем на 70%. Правила съемки для создания 3Д моделей с технологии фотограмметрии указаны в инструкциях фотограмметрических программ (рис. 1).

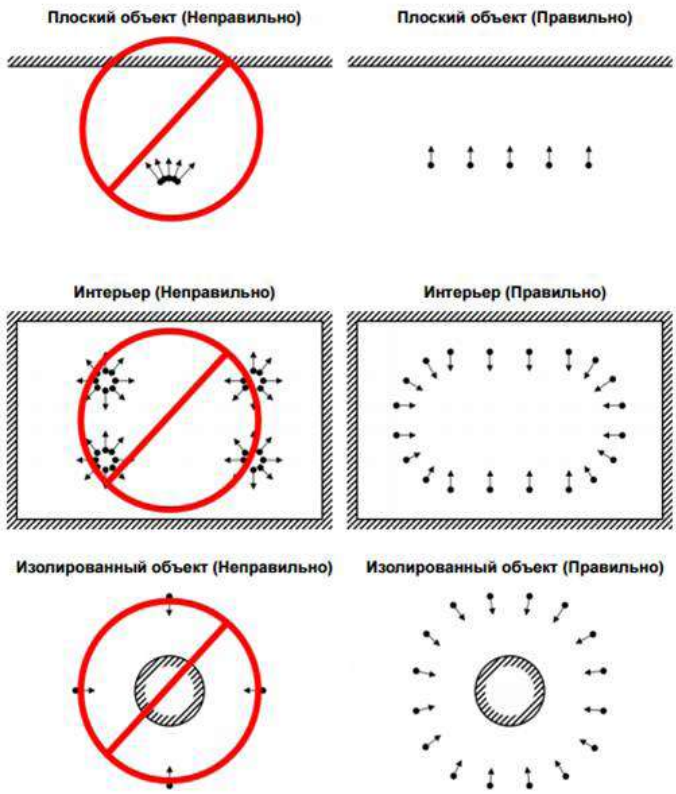


Рис.1. Техника правильного фотографирование для создания 3Д моделей объектов

В полевых условиях лучшее время при солнечной погоде между 11.00-16.00 часами дня. Почти идеальным условием для съемки считается облачная погода с равномерным освещением окружающей среды. Количество фотографии для создания 3D по фотографиям зависит от высоты, сложности геометрии и площади объекта. Тут работает принцип, чем больше снимков, тем лучше. Однако это приводит к тому, что компьютерная программа больше затрачивает время на обработку снимков. В статье рассмотрена создание цифровой 3D копии культурного наследия на примере тюркского культового комплекса Косбатыр.

Поученные снимки с перекрытием не менее 70% заружаются в программу с функцией «добавление». В следующем шаге необходимо провести «выравнивание», где программа автоматический определяет похожие точки на всех фотографиях и восстановит позиции камеры в трехмерном пространстве (рис. 2).

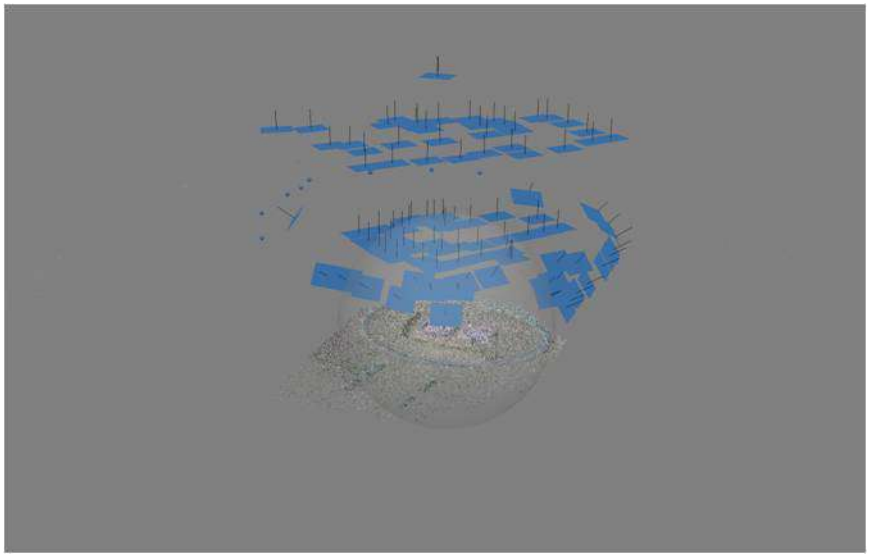


Рис.2. Процесс выравнивания фотографии

Затем в специальных программах происходит сопоставление полученных фотографий, выявляются общие точки, создается трехмерная поверхность (рис. 3).

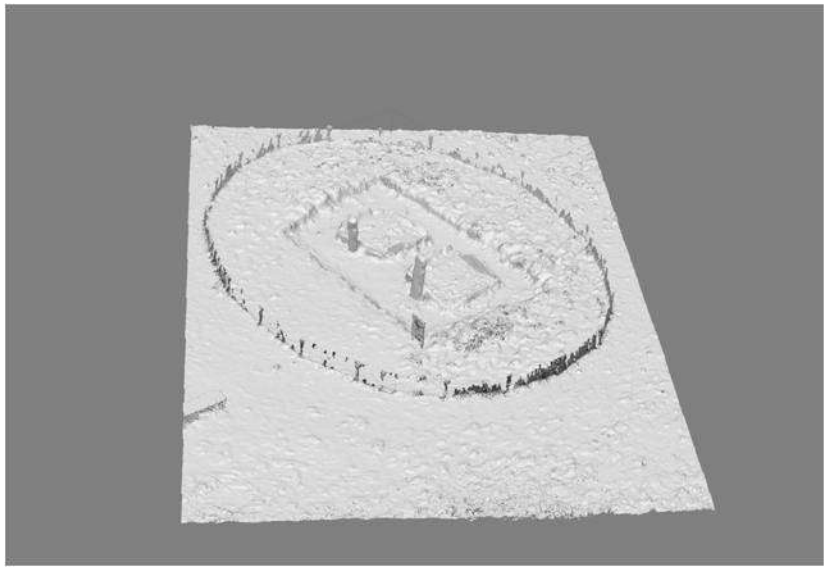


Рис.3. Облако точек объекта

В следующем шаге можно будет произвести текстурирование объекта наложение на облако точек фотографии поверхности объекта (рис. 4).

Рис. 4. 3D объект после текстурирования

Таким образом, были созданы 3D виртуальные модели остальных отобранных объектов в рамках программы (рис. 5-6).

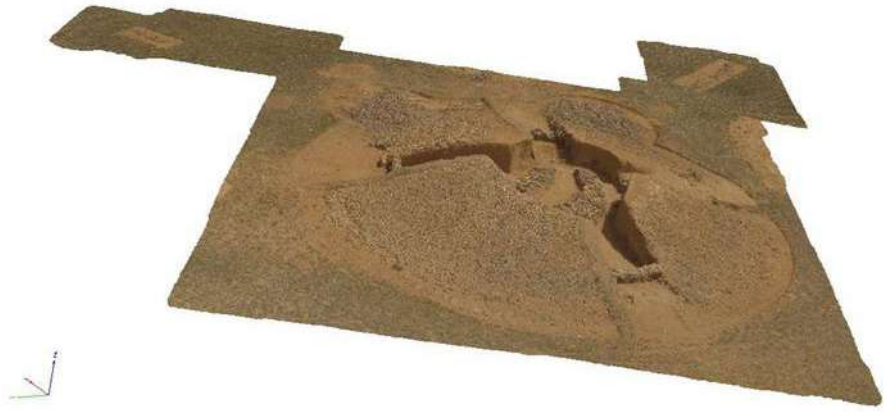


Рис. 5. Цифровая 3D модель кургана Саба 3

Рис. 6. Цифровая 3D модель мавзолея Ботагай

Список литературы

Баранов Ю.Б., Берлянт А.М., Капралов Е.Г., Кошкарев А.В., Серапинас Б.Б., Филиппов Ю.А. Геоинформатика: толковый словарь основных терминов / Под ред. А.М. Берлянта и А.В. Кошкарева. – М.: ГИС-Ассоциация, 1999. – 204 с.

Зайцева О. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе //Сибирские исторические исследования. 2014. № 4.

Новел С. и др. Сравнение методов аэрофотограмметрии и трехмерного лазерного сканирования для создания трехмерных моделей сложных объектов // Журнал CADmaster № 2(84), 2016.

Создание 3D-моделей с помощью дронов и фотограмметрии//интернет русурс- http://integral-russia.ru/2017/10/22/sozdanie-3d-modelej-s-pomoshhyu-dronov-i-fotogrammetrii-urok-professionala/

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область. – Алматы: Аруна, 2009. – 568 с.

Интернет ресурс // https://www.zakon.kz/4811621-unikalnuju-piramidu-raskopali.html.

Черненко Е.А. Моделирование и реконструкция археологических памятников Республики Хакасия // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург. № 9 (51). 2016.

М.В. Бедельбаева
Карагандинский государственный университет
им. Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан
M. Bedelbayeva
E.A. Buketov Karaganda State University
Karaganda, Kazakhstan
bmv_1967@mail.ru

ОБРАЗЫ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ИЗУЧЕНИЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ МЕСТНОСТИ ТАЙАТКАН-ШУНАК)

Аннотация. В статье анализируются образы и основные аспекты организации сакрального пространства на примере природных и исторических памятников местности Тайаткан-Шунак (Центральный Казахстан). Ландшафтно-мифологическая граница, маркирующая «свое пространство» нередко обозначалась петроглифами. Центром сакрализованного пространства Тайаткан-Шунак является местонахождение наскальных изображений, самые ранние из которых датируются эпохой бронзы. Рисунки отражают мировоззренческие компоненты традиционного мифо-ритуального комплекса населения и являлись частью сложных обрядов. Древнейшие мифологические мотивы органично вплелись в существование мусульманского культового комплекса – поклонения мавзолею Агыбай-батыра, что связано с исламскими традициями, но имеет и более древний контекст – культ мертвых. Освященные этими историческими памятниками элементы ландшафта способствуют сакрализации пространства и времени, олицетворенного в непрерывной культурной связи с предшествующими поколениями.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, сакральное пространство, горы Тайаткан-Шунак, эпоха бронзы, петроглифы.

Қасиетті кеңістік бейнелері: зерттеу, тарихи шындық, заманауи мифологизация (Тайатқан-Шунақ өңірі ескерткіштері мысалында)

Түйін. Мақалада Тайатқан-Шұнақ (Орталық Қазақстан) аймағындағы табиғи және тарихи ескерткіштердің мысалында сакралды кеңістік ұйымдастырудың бейнелері және негізгі аспектілері талданады. «Өз кеңістігі» болып таңбаланатын, ландшафт-мифологиялық шекара жиі петроглифтермен белгіленді. Тайатқан-Шұнақ сакрализацияланған кеңістігінің орталығы жартастағы бейнелердің орны болып табылады, олардың ең ертегілері қола дәуіріне жатады. Суреттер халықтың дәстүрлі аңыз-рәсімдік кешенінің дүниетанымдық компоненттерін бейнелейді және күрделі салт-жоралардың бір бөлігі болып табылады. Ең ежелгі мифологиялық сарындар мұсылмандардың діни кешендерінің өмір сүруіне араласқан – мұсылман дәстүрлерімен байланысы бар Ағыбай батыр кесенесіне ғибадат ету, сонымен бірге көне контекст

– өлгендерге табынушылықта бар. Осы тарихи ескерткіштермен безендірілген ландшафт элементтері бұрынғы ұрпақтармен үздіксіз мәдени байланыста бейнеленген кеңістік пен уақытты сакрализациялауға ықпал етеді.

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, сакралды кеңістік, Тайатқан-Шұнақ таулары, қола дәуірі, петроглифтер.

Sacral space images: study, historical reality, modern mythologization (by example of monuments of Tayatkan-Shunak area)

Annotation. The article analyzes images and basic aspects of the organization of sacral space by the example of natural and historical monuments of Tayatcan-Shunak area (Central Kazakhstan). Landscape and mythological border marking «its space» was often denoted by petroglyphs. The core of a sacral space of Tayatkan-Shunak is the location of petroglyphs, the earliest of which date back to the Bronze Age. The drawings reflect the worldview components of the traditional myth and ritual mix of the population and were part of complex rituals. The oldest mythological motifs intertwined organically with the existence of the Muslim cult complex – the worship of the mausoleum of Agybai Batyr, which is associated with Islamic traditions but has a more ancient context, viz. the cult of the dead. The landscape elements sanctified by these historical monuments contribute to the sacralization of space and time personified in a continuous cultural connection with previous generations.

Keywords: Central Kazakshstan, sacral space, Tayatkan-Shunak mountains, Bronze Age, petroglyphs.

Все социокультурные феномены традиционных обществ древности в той или иной степени связаны с присутствием и тесным переплетением в социальном пространстве двух начал: сакрального (иррационального, мистического) и профанного (рационального, обыденного). При этом сакрализация как процесс наделения предметов, объектов, людей особо значимым, иррациональным духовным содержанием (от лат. sacrum – «священное») и создания тем самым сакрального пространства является системообразующим для организации жизнедеятельности таких обществ. Поэтому изучение закономерностей данного процесса имеет принципиальное значение для адекватного отражения духовной культуры, мировосприятия и миропонимания древних насельников Великой Степи.

Вместе с тем, проблема формирования и бытования сакрального пространства и соответствующих духовных практик как житийной основы идентичности социума и базового условия его интеграции в границах определённой территории имеет в некотором смысле универсальный, внетемпоральный характер и приобретает актуальное звучание в контексте задачи модернизации общественного сознания на современном этапе развития Республики Казахстан. Материальные памятники, органично встроенные в духовную жизнь населения предшествующих эпох в качестве почитаемых сакральных объектов, должны быть реанимированы в исторической памяти народа, восстанавливая утраченные, обретая новые смыслы и занимая достойное место в актуализированном видении сакрального пространства Казахстана.

Среди объектов, отобранных экспертным сообществом в рамках проекта «Сакральная география Казахстана», в качестве символов духовного обновления и националь-

ного единства, имеющих непреходящую ценность в исторической памяти народа, представлен и ряд памятников наскального искусства: из 279 памятников сакральной географии общенационального значения 27 (10%) составляют местонахождения петроглифов, чаще представленные в составе археологических ландшафтов (Сакральные объекты…, 2018). Это уникальные шедевры древнего искусства, которые характеризуются исключительной иконографией изображений и датируются различными периодами, начиная с эпохи неолита вплоть до этнографического времени, демонстрируя долговременную традицию их создания. Несмотря на то, что данные памятники имеют длительную историю изучения, достаточно хорошо известны отечественным и зарубежным учёным, однако, последовательное и прочное закрепление их в массовом сознании казахстанцев в качестве общепризнанных символов нашей идентичности ещё впереди. Необходимы дальнейшие научные изыскания в целях реконструкции бытия наскальных образов в сакральном пространстве предшествующих эпох, дешифровке заключённой в них сакральной и иной семантики, и, на этой основе, придание нового импульса определению места петроглифов в целостной картине основ национальной и духовной идентичности в общественном сознании современного казахстанского социума.

Так как концепт «сакрального» в современном обществе трактуется максимально широко, фактически превращаясь в синоним «духовного», то, определяя предмет исследования, автор счёл необходимым обозначить пределы толкования понятий «сакральный» и «сакральное пространство».

Понятие «сакральный» рассматривается нами как отражение в мифологическом, а затем и в религиозном сознании наличия в жизни природы и социума в качестве организующего начала иррациональных, мистических, особо почитаемых сил. При этом под сакральным пространством мы понимаем особым образом организованную жизнедеятельность социума на определённой территории, освоенной утилитарно, семантически и символически, на которой расположены возникшие в природе естественным образом, а также искусственно созданные объекты-символы (включая рукотворные и нерукотворные образы), наделённые в процессе сакрализации иррациональными, мистическими смыслами в рамках миропонимания данного социума.

Подчеркнём, что помимо соответствующего миропонимания сфера сакрального предполагает определённые действия – духовные практики – мотивированные данным миропониманием. В узком смысле слова к числу данных практик следует относить только те, которые напрямую связаны с ритуальными, мистическими, культовыми действиями и взаимодействием с объектами-символами. Именно такие духовные практики играют ключевую роль в конструировании сакрального пространства. Вместе с тем, следует помнить, что в архаичных обществах с ритуалом связано практически любое направление предметно-практической деятельности. В них нет чёткого разграничения мифа, веры как области духовного, и реалий повседневной жизни. Иными словами, в них практически нет секулярных сфер, а, значит, и профанное во многом сливается с сакральным.

Значимую роль в процессе освоения и создания такого синкретического жизненного пространства играли наскальные изображения, которые получили достаточно широкое распространение в ландшафтах Великой Степи, что, на наш взгляд, не случайно.

Представляется, что создание петроглифов являлось органичной и, в некотором смысле, предопределённой процессом сакрализации формой предметно-практической деятельности и, возможно, одной из духовных практик.

В настоящей статье анализ наскальных изображений в рамках концепта «сакральное пространство» рассмотрен автором на примере петроглифов, расположенных в Центральном Казахстане, в районе гор Тайаткан-Шунак на границе Сарыарки и Бетпакдалы (Шетский район Карагандинской области).

Начало научного изучения петроглифов Шунак, как и многих других древних памятников Казахстана, положил академик А.Х. Маргулан. По итогам работы Центрально-Казахстанской экспедиции петроглифы Шунак были зафиксированы и опубликованы под названием «Батпаксу» (Маргулан, 2003, рис. 88-147). В трудах А.Х. Маргулана был разработан методологический подход к дешифровке семантики петроглифов, как отражения мифологического восприятия окружающего мира людьми: «Творения древних художников сравнимы с поэтическими мифами и являются своеобразным проявлением мироощущения, мировосприятия древнего человека, населявшего территорию Казахстана» (Маргулан, 1997, с. 5). Исходя из данного подхода, А.Х. Маргулан интерпретировал ряд изображений Шунака как мифологические сюжеты, увидев в них сцены жертвоприношения и поклонения небесным светилам, и даже дал изображениям соответствующие названия – «Небесные светила», «Символ единения», «Поклонение солнцу», «Баксы, обряд жертвоприношения небесным светилам», «Радость бытия» и др. Обратил внимание А.Х. Маргулан и на особенности мифологического мышления в период создания основного массива петроглифов Казахстана (бронзовый век). Дешифруя многие изображения как следствие широкого распространения тотемизма, учёный, с одной стороны, относил тотемические представления к наиболее архаичным, фундаментальным мифам, с другой стороны, характеризовал тотемный стиль мышления как первоначальный, «предпосылочный» по отношению к развитому мифологическому мышлению, обращённому к исторической ретроспективе (Маргулан, 2003, с. 14).

Исследование петроглифов Шунак было продолжено и получило поддержку в рамках различных программ республиканского и регионального уровня на этапе государственного строительства независимой Республики Казахстан. Так, в августе 2013 года петроглифы Шунак стали объектом исследования археографической экспедиции Национального архива Республики Казахстан во главе с директором данного учреждения М. О. Абсеметовым. В составе экспедиции работал доктор исторических наук А. Н. Марьяшев – ученый, стоявший у истоков казахстанской петроглифистики, и принимавший в своё время активное участие в исследованиях А.Х. Маргулана, будучи молодым аспирантом. Итоги экспедиции были представлены в двух статьях (Жапсымбетова, 2013, с. 155-160; Марьяшев, Гумирова, 2016, с. 183-191). В частности, был сделан вывод о том, что основная часть петроглифов данной местности была создана в эпоху бронзы, о чем свидетельствует традиционный для этого периода сюжетный ряд – адоранты, солярные знаки, быки-туры, колесницы, лошади с челками, «звездное небо» и др. В сочетании с примитивными астрономическими знаниями они являли собой в древности «культово-информационный комплекс» и семантически могут быть разделены на такие группы, как изображения тотемов, сцен из жизни (включая ритуальные практики), изображения, отражающие солярные и астральные культы. Анализ репертуара петроглифов и

научная интерпретация позволила исследователям провести аналогии с крупнейшим в Казахстане местонахождением наскальных рисунков Тамгалы, расположенным южнее, отмечая сходство с тамгалинским стилем в изображении антропоморфных (Марьяшев, Гумирова, 2016, с. 186).

Материалы памятника частично были презентованы в коллективной монографии, которая была издана после обследования и мониторинга состояния памятников наскальной живописи в Карагандинской области (Бедельбаева, Новоженов, Новоженова, 2015, с. 180-187). Были зафиксированы, документированы и описаны 30 плоскостей с изображениями. Для копирования петроглифов со скал применялся бесконтактный метод фотографического сканирования с последующей графической обработкой изображений (там же, рис. 56-76).

Летом 2018 г. были проведены полевые исследования в местности Тайаткан-Шунак (В.А. Новоженов – РГКП «Государственный музей «Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО», М.В. Бедельбаева – КарГУ им. Е.А. Букетова). Работы включали в себя обследование петроглифов и анализ связей с окружающим ландшафтом, способствующий складыванию сакрального пространства. В составленном каталоге содержится детальное описание петроглифов местонахождения Шунак, включающее более 150 плит и 600 рисунков от одиночных изображений до многофигурных композиций с уточнением их ландшафтных и историко-культурных характеристик.

Петроглифы выбиты на береговых скалах реки Сарыбулак, протянувшихся на расстояние менее километра. Выбор места основывался на природных особенностях топографии этих скальных выходов, которые можно считать семантической доминантой окружающего ландшафта. Рисунки нанесены на относительно ровных плоскостях скальных выходов желтовато-коричневого цвета, обращенных к реке, с южной или юго-восточной экспозицией. Основная часть изображений находится на правом берегу и включает в себя пять компактных локальных групп, которые условно были выделены при проведении документации памятника. Осыпающаяся порода скал, зернистость, слабая патинизация не позволили детализировать все изображения. Учтен не весь комплекс изображений, поскольку многие рисунки едва заметны и фиксируются лишь при определенном освещении. Поэтому работы по изучению петроглифов Шунак будут продолжены.

Развивая обозначенные ведущими учеными представления о выполнении петроглифами особых культовых функций в рамках социума, обладающего мифологическим мышлением, рассмотрим в рамках концептов «сакрализации» и «сакрального пространства» вопросы локализации наскальных изобразительных образов в местности Тайаткан-Шунак, их репертуар, семантику и назначение в контексте мифологического миропонимания.

Самые выразительные многофигурные композиции расположены в центральной группе – эта часть комплекса выделяется самой плотной концентрацией петроглифов и плит с лунками, что, вероятно, указывает на предназначение этого места для жертвоприношений. Можно предположить, что эти рисунки являлись частью сложных ритуалов, проходивших в этом святилище. Так, алтарную плоскость с уникальным изобразительным содержанием и сложностью композиции А.Х. Маргулан назвал «Таинственный ритуал шаманов» (Маргулан, 2003, рис. 106, 107). Сцена расположена на

вертикальной поверхности скального выхода с округлыми краями желто-коричневого цвета с южной экспозицией и в сочетании с соседними скалами напоминает страницу открытой книги. Изображения выполнены в технике мелкой точечной выбивки с прошлифовкой и выдержаны в одном изящном стиле. Наблюдательность и мастерство древнего художника проявились в продуманном и рациональном расположении фигур на каменной плоскости, использовании разных и необычных ракурсов в рамках одной композиции, которая включает более 60 персонажей (Бедельбаева, Новоженов, Новоженова, 2015, с. 187-188). Это крупные быки, архары, антилопы, лошади, птицы и двенадцать антропоморфных персонажей. Доминирующее положение принадлежит «солнцеголовому» – представителю Верхнего мира, расположенному на вершине композиции, под «патронажем» которого и происходит некий цикл ритуальных действий. Справа от него помещена эротическая сцена, вероятно, символизирующая «священный брак». Шесть антропоморфных изображений, рассредоточенных по всей плоскости, показаны с поднятыми руками (в позе адорации) и обращены в сторону «солнцеголового». Изображения этих людей реалистичны и максимально детализированы: круглые головы, прически или головные уборы, носы в форме крючка, загнутого вверх, по две ноги, ступни, ладони с пальцами, фаллосы. В центре плиты изображен поединок двух человек, показанных в профиль. Расположенные друг против друга, в руках они держат скрещенные в бою палицы. Фигуры участников поединка отличаются особой экспрессией и динамизмом. По обе стороны от них изображены ещё два палиценосца, один из которых держит палицу высоко над головой, второй – перед собой. Еще одна фигура человека прорисована вверх ногами (повержен?). Сюжет с похожим содержанием представлен на Тамгалах (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с.40, рис. 14, 15) и, по всей видимости, хорошо знаком древнему художнику, о чем свидетельствует и особое изобразительное мастерство. Такое «концептуальное» родство, достаточно очевидное при сравнении, свидетельствует об общераспространенном характере сюжета, включающего персонификацию верховного божества, противопоставление Нижнего и Верхнего мира, идею реинкарнации как условие обеспечения жизнедеятельности и благополучия. Возможно, парность фигур и сам поединок могли отражать один из сюжетов мифа о соперниках братьях-близнецах Ашвинах, характерный для многих древних культур Центральной Азии и Переднего Востока (Новоженов, 2014, с. 208-236). Мотив борьбы являлся, скорее всего, одним из архетипов в древнем сознании и обусловлен не только элементарным сосуществованием с представителями других социумов, но и дуалистическим представлением об окружающем мире (Shvets, 2012, s. 171-190).

Можно констатировать, что смысловое значение композиции может быть определено как отражение неизвестного нам обряда или мировоззренческой компоненты традиционного мифо-ритуального комплекса, отражающего архаичные мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос. Эта сцена на странице «открытой книги» Шунака составляет одну из самых интересных смысловых загадок комплекса петроглифов и на данный момент не имеет бесспорной дешифровки.

Достаточно распространенным в архаических обществах являлось представление о трх составляющих мироздания: Верхнем мире (небе), Среднем мире (земле) и Нижнем мире (подземном). В упрощенной биполярной картине были представлены два центра – земной Нижний мир и небесный Верхний мир.

Мифологическое мышление, воспринимая окружающее жизненное пространство как Средний мир, выявляло его неразрывную связь с иными мирами, и наполняло эти миры объектами и субъектами, проецируя их из Среднего мира при помощи метаморфоз, аллегорий, аналогий. При этом обязательно осуществлялась посредством мифологического мышления и обратная проекция – проникновение и присутствие в Среднем мире сущностей и образов из иных миров, прежде всего из Верхнего мира. Так, жизненное пространство Среднего мира получало сакральное содержание, конструировалось как единое жизненное пространство профанного и сакрального. В таком пространстве любая повседневная деятельность (обустройство жилища, охота, скотоводство и др.) включала в себя элементы духовных практик, имеющих сакральное содержание, и позитивный результат деятельности рассматривался как благо, добытое, благодаря правильному (должному) взаимодействию с Верхним миром и его проекциями в Среднем мире.

Процесс сакрализации жизненного пространства проявлялся в том, что в границах занятой социумом территории, постулируемой как Средний мир, мифологическим сознанием определялись различные географические объекты, представители растительного и животного мира, наделяемые особыми духовными свойствами и функциями. Получившие особое духовное, иррациональное содержание объекты и субъекты соединялись в единое целое с Верхним миром не только в сознании, но и в повседневной бытийности ритуалов. Так, в процессе сакрализации создавалась своеобразная система духовных координат («скреп идентичности»), которая позволяла обеспечить базовые потребности в самоидентификации (маркер «свой/чужой»), безопасности, обеспечении ресурсами и воспроизводстве социума. Элементы данной системы связывались воедино различными духовными практиками, к числу которых мы можем отнести не только ритуалы, моделирующие основные жизненные процессы, но и саму предметно-практическую преобразующую деятельность человека, в том числе наскальное искусство.

Изображение, рисунок – это язык образов, знаков и символов, которые в совокупности передают определённую информацию. Если эта информация имеет сущностное значение, важное для обеспечения идентичности и жизнедеятельности социума, то её локализация и трансляция должны соответствовать двум критериям – быть заметными и быть не подвластными времени. Горы, скальные выходы в степи, возвышенности – это уже само по себе заметное место, а камень – прочный и «вечный» материал для фиксации любой информации, а тем более информации, связанной с культом, ритуалами и верованиями. Известно, что и сами камни являются объектами поклонения у многих народов, в том числе у тюрков.

Наряду с этими вполне рациональными критериями выбора скальных выходов как места для размещения изображения, полагаем вполне вероятным и присутствие иррационального, мистического критерия – место должно быть способным обеспечить максимально прочный контакт Верхнего и Среднего мира. Иными словами, это такое место, где эти миры с точки зрения мифологического сознания и мистических знаний могут быть максимально близки, а, значит, может напрямую и максимально быстро транслироваться и приниматься информация из одного мира в другой. Размещение рисунка в таком месте, на наш взгляд, следует интерпретировать как акт взаимодействия

Среднего и Верхнего миров, обеспечения встречных проекций, взаимопроникновения, обмена информацией между мирами.

В петроглифах Шунак зафиксированы несколько изображений сакского времени, выполненные в скелетном стиле, например, крупная фигура пантеры (рис. 1).

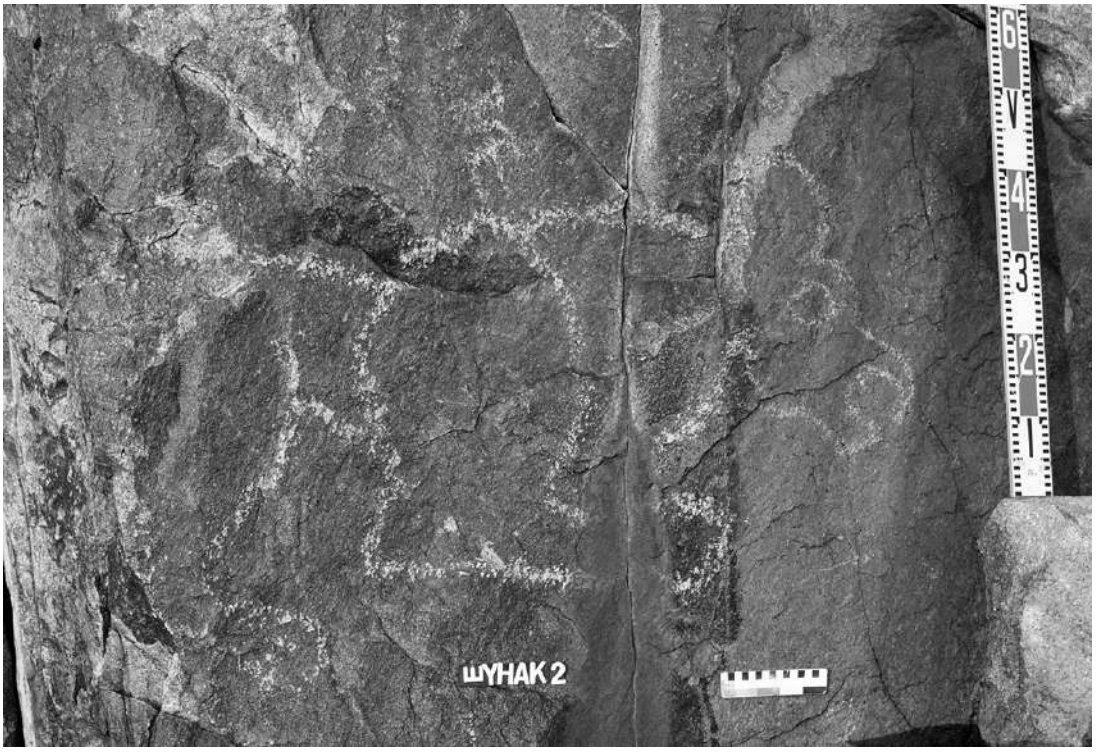


Рис. 1. Петроглифы Шунак. Изображение пантеры в сакском стиле. Фото автора

Из более поздних петроглифов в отдельную группу выделены тамги (рис. 2). 6 таких знаков выбиты на единой скальной плоскости в непосредственной близости друг от друга, расположены компактно, вкруговую, одинаковы по размеру – длина основной части составляет 7-10 см. Графика этих знаков демонстрирует значительную стилистическую близость с современными родовыми тамгами казахов. Так, определённо, одна из них тамга-бакан принадлежит роду найман-баганалы. Широкое распространение традиции использования тамг в различных сферах жизнедеятельности: для маркировки территориальных владений, в качестве опознавательных знаков родовой принадлежности по принципу «свой-чужой», являлось одним из главных признаков, характеризующих своеобразие традиционной культуры казахов. Все это доказывает, что петроглифы Шунак наносились на протяжении многих столетий.

Это подтверждается и археологическим окружением – неподалеку от петроглифов расположены могильник эпохи бронзы Ельшибек, курганы ранних кочевников, остатки ирригационных сооружений и арыков, свидетельствующие о сочетании кочевого и полукочевого образа жизни обитавшего здесь населения.

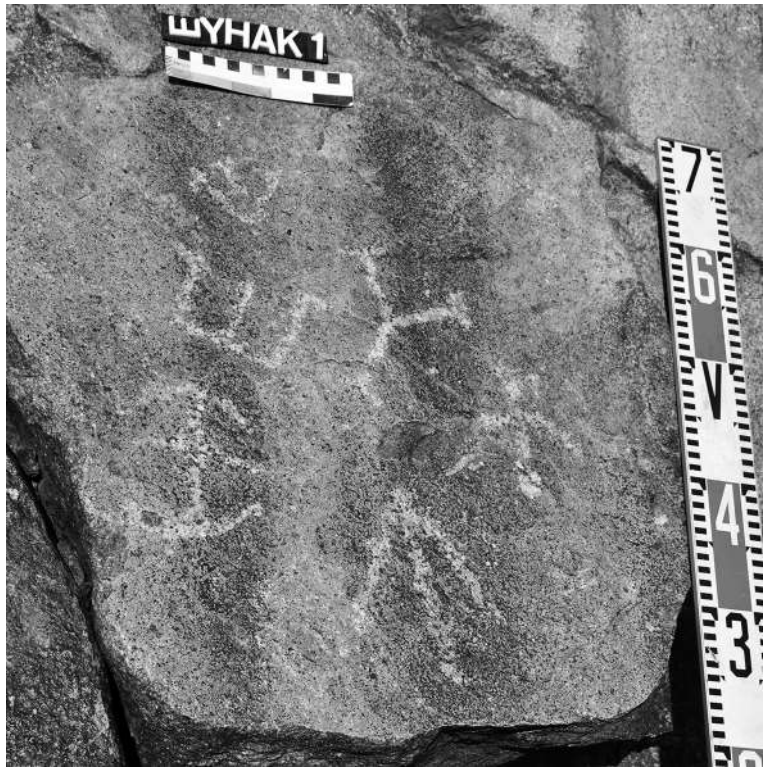


Рис. 2. Петроглифы Шунак. Изображение родовых тамг. Фото автора

Такая интерпретация выбора локации петроглифов может быть соотнесена с наличием в различных регионах Казахстана традиций, связанных с поклонением пещерам и иным природным объектам, то есть памятникам нерелигиозного характера. Паломники, верующие мусульмане, не случайно именно в таких местах обращаются к Аллаху – считается, что они будут услышаны, потому что место выступает проводником к Богу. Примером такого сакрального места, например, выступает святилище Теректыаулие в Карагандинской области (Бедельбаева, 2011, с. 83-88). Очевидно, что такие представления являются реликтами миропонимания, возникшего до появления ислама, и мистических представлений об особой энергетике таких объектов.

Полагаем, что и в древности могли существовать поверья об особой энергетике местности Тайаткан-Шунак. Косвенным подтверждением этого является убеждённость сторонников современных эзотерических учений о парапсихологической энергетической функции этого места, основанная на факте геологического исследования существующего здесь древнего метеоритного кратера, который в два раза больше и глубже метеоритного кратера в Аризоне (США), широко известного во всём мире. Дорога туда включает посещение целебного источника и целый цикл физических и эмоциональных действий (подъем на высоту, связанный с преодолением сложностей и тягот; омовение в нишах-бассейнах, наполненных чудодейственной водой; прикосновение к стенам кратера, как способ приобщения к сверхъестественной силе и энергии космоса,

усиливающий иммунитет человека и др.), воспринимаемых как непременная часть паломнического посещения этого сакрального места.

В пользу представлений об особой мистической и духовной энергии данной местности может свидетельствовать захоронение здесь в конце XIX века Агыбай батыра (1802-1885 гг.) – славного полководца хана Кенесары. По легенде перед смертью Агыбай батыр указал на место недалеко от гор Тайаткан и Шунак, и, несмотря на то, что его потомки добивались у властей разрешения захоронить его прах близ мавзолея Ходжа Ахмеда Яссави в Туркестане, он был похоронен здесь. Мистические события, с которыми согласно легендам были связаны обстоятельства захоронения, являются важной составляющей веры паломников в сакральный характер данной местности.

Углубленные полевые исследования показали, что в рамках сакрального пространства Тайаткан-Шунак сформировался сложный комплекс сакральных объектов (комбинация природного окружения с историко-культурным наследием), в которые в зависимости от времени их создания была заложена сумма мировоззренческих, философских, эстетических, астрономических знаний, тогда как разные его участки имели различное сакральное наполнение и функциональное назначение. По сути, сакральное пространство этого места – это не только видимые, овеществленные памятники (кратер метеорита, местонахождение петроглифов, археологические объекты, мавзолеи), сколько сложный социально-религиозный институт, состоящий из целого ряда компонентов: ритуал коллективного паломничества, имеющий целью благодарение, прошение, покаяние и дарующий долголетие и исполнение желаний; мистические переживания; духовное очищение; жертвоприношение; молитва; общая трапеза; общение с шыракшы – хранителем. Беседы с паломниками показали, что посещение этого сакрального пространства интерпретируются многими как своеобразная демонстрация национальной принадлежности и показатель патриотизма. Они не оценивают и не ранжируют сакральные объекты, акцентируя внимание на ощущениях, эмоциях, удивлении, познании нового.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что выбор места размещения петроглифов весьма вероятно был связан с представлениями о сакральном характере местности, а их создание явилось процессом визуализации сакрального обмена информацией между Средним и Верхним миром, допускаемого в мифологической картине. Об этом свидетельствует репертуар изображений.

Вместе с тем, не имея возможности точно дешифровать детали, всё же, на наш взгляд, можно заключить, что и индивидуальные, и композиционные изображения являются отражениями, прочтениями базовых архетипов – коллективных подсознательных мифоподобных символов, выражающих основы потребностей и жизненных циклов социума. Архетипы отражаются в виде конкретных образов, приближённых по стилистике и технике изображения к реальным объектам, что, на наш взгляд, не отменяет их символизм. Эти символы можно сгруппировать по нескольким архетипам:

1. Изобилие и достаток – изображения охоты и животных, выступающих в качестве основных жизненных ресурсов. Полагаем, что такие животные могут рассматриваться в качестве тотемных, но допускаем, что возможно их почитание вне тотемического мышления.

2. Продолжение рода – изображения эротических сцен, гендерных признаков.

3. Безопасность и борьба – изображения палиценосцев, «поверженных», двойственные (зеркальные) композиции.

4. Идентичность и духовные практики – изображения ритуалов, шаманов, адорантов, ряженых, «солнцеголовых» (как шаманов).

5. Пределы, границы и взаимодействие миров (картина мироздания) – изображения «солнцеголовых» (как сущностей Верхнего мира), солярных знаков «очковидной» формы и в виде кругов с крестами внутри, линий (возможно, границ), лунок.

Данная группировка изображений не является закрытым перечнем и не может считаться исчерпывающей. Вместе с тем, она охватывает основы мифологического миропонимания и объемлет большинство изображений местности Тайаткан-Шунак, созданных в бронзовом веке.

Не все изображения, как отмечалось, поддаются бесспорной дешифровке. В частности, у автора нет однозначного ответа на вопрос кто такие «солнцеголовые». Возможно, изображение «солнцеголового» – это символ присутствия Верхнего мира в Среднем мире. Однако, мистическая составляющая ритуала предполагает, что шаман и сущности Верхнего мира сливаются в единую сущность во время духовной (ритуальной) практики шаманизма. Поэтому изображена ли высшая сущность или символ духовной практики взаимодействия с ней – на наш взгляд, нельзя утверждать однозначно. Исходя из двойственности обозначенного нами толкования, мы отнесли изображения «солнцеголовых» сразу к двум группам.

Проанализировав локализацию, репертуар и семантику наскальных изображений мы выяснили их связь с мистическим и иррациональным. И вплотную подошли к ответу на вопрос о назначении петроглифов в реконструируемом нами сакральном пространстве.

По сути изображения несут в себе соединение пространственного и временного континуумов, преодоление «прерывистости», «конечности», «изменчивости» происходящего в социуме и постулирование «вечного жизненного цикла» в единстве Среднего и Верхнего мира посредством их взаимопроникновения и встречных проекций в ходе духовных (ритуальных) практик. Это передача информации не только соплеменникам и иноплеменникам, но и Верхнему миру, и обеспечение тем самым освещения желаемого порядка вещей и его вечной репродукции.

В контексте данного дискурса сам процесс создания изображений, на наш взгляд, становится ритуалом и одной из важных духовных практик, обеспечивающих идентичность социума. Это не художественное творчество и не единовременное создание завершённой совокупности образов, подчинённой единому сюжету и внутренней логике. Это действо по сакрализации пространства. Действо протяжённое во времени, возможно, циклическое, допускающее появление с определённой периодичностью новых фигур и сюжетов, восходящих, однако, к перечисленным выше основным архетипам. Именно в этих архетипах («символах символов») и заключается интегрирующее все изображения единство.

Единожды сформированное сакральное пространство проживает жизнь вместе с создавшим его социумом и не исчезает полностью с изменением идеологем, определяющих его развитие, оставляя как материальные, так и духовные следы в форме актуализированных представлений о сакральном ландшафте и его использовании в новых целях. В наше время мы наблюдаем возрождающийся интерес народа Казах-

стана к историческому прошлому, в ходе которого происходит переосмысление роли и значения сакральных объектов прошлого, в том числе петроглифов, что мотивирует учёных продолжать исследования и вносить свой вклад в модернизацию общественного сознания.

Список литературы

Бедельбаева М.В. Святилище Теректи Аулие как объект неоязыческого культа // Религия в истории народов России и Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. – С. 83-88.

Бедельбаева М.В., Новоженов В.А., Новоженова Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. – Караганда: САИ, 2015. – 252 с.

Жапсымбетова Г. Археографическая экспедиция по изучению петроглифов в Шетском районе Карагандинской области // Қазақстан мұрағаттары. № 4 (28). 2013. – С. 155-160.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: «Өнер», 1985. – 143 с.

Маргулан А.Х. Петролифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – Т. 3-4. – 246 с.

Маргулан А.Х. Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты. // Мир казаха. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. – С. 5-14.

Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н. Новые петроглифы в горах Шунак // Актуальные проблемы археологии Евразии. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2016. – С. 183-191.

Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. – Астана: Фолиант, 2018. – 496 с.

Новоженов В.А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. – Алматы: Остров Крым, 2014. – С. 18-267.

Shvets I. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd.1. – Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern, 2012. – 267 s., 151 tafel.

Д.А. Гаврилов
Институт почвоведения и агрохимии СО РАН
Новосибирск, Россия
D.A. Gavrilov
Institute of Soil Science and Agrochemistry SB RAS
Novosibirsk, Russia
gavrilov@issa-siberia.ru

ДРЕВНЕОРОШАЕМЫЕ ПОЧВЫ КАК ОБЪЕКТ СОВМЕСТНОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ И ПОЧВОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В работе представлены результаты изучения древнеорошаемых почв Бозокского археологического района (XI–XII вв.). Микробиомофрная фракция древнеорошаемых почв характеризуется повышенной концентрацией микробиоморф, среди которых диагностами искусственного полива являются диатомовые водоросли и фитолиты тростника. Кроме того, при катенарном изучении почв была выявлена пространственная дифференциация микробиморф, связанная с их транспортировкой при поливе вниз по склону. В статье раскрываются новые возможности по диагностике древнеорошаемых почв с определением интенсивности и длительности орошения при изучении археологических памятников с помощью микробиоморфологического изучения почв и УМС-датирования фитолитов.

Ключевые слова: древнеорошаемые почвы, фитолиты, микробиоморфный анализ, УМС-датирование.

Ежелде суарылған топырақтар археология мен топырақтанудың бірлесе зерттеу нысаны ретінде

Түйін. Бұл жұмыста Бозоқ археологиялық ауданының (XI-XII ғг.) ежелде суарылған топырақтарды зерттеу нәтижелері ұсынылған. Ежелде суарылған топырақтардың микробиоморфты фракциясы микробиоморфтардың жоғары концентрациясымен сипатталады, олардың ішінде қолдан суарудың белгі берушілері диатом балдырлары мен қамыс фитолиттері болып табылады. Сонымен қатар, топырақты катенарлы зерттеу кезінде еңіске қарай суару кезінде оларды тасымалдаумен байланысты микробиоморфтардың кеңістікті дифференциациясы анықталды. Мақалада ежелде суарылған топырақтарды археологиялық ескерткіштерді зерттеу кезінде топырақты микробиоморфологиялық зерттеу және фитолиттерді УМС-мерзімдеудің көмегімен анықтау бойынша жаңа мүмкіндіктер ашылады.

Түйін сөздер: ежелде суарылған топырақ, фитолиттер, микробиоморфты талдау, УМС-мерзімдеу.

Ancient irrigated soils as objects study by archeology and soil science

Annotation. The study of the Bozock archeological site (XI–XII centuries), where irrigation was carried out in those times, revealed that the soil microbiomorph fraction had increased abundance of the microbiomophs indicative of the irrigation, namely diatoms and reed

phytoliths. The soil microbiomorph distribution along a catena showed catenary pattern, suggesting the microbiomorph transportation downhill by irrigation water flow. The obtained results demonstrate novel approaches to diagnose the intensity and longevity of ancient irrigation during investigation of archaeological sites by employing soil microbiomorph analysis and phytolith AMS-dating.

Keywords: ancient irrigated soils, phytholits, microbiomorphology analysis, AMS-dating.

В археологии традиционно вопрос развития и распространения земледелия является одним из самых актуальных и давно исследуемых. Несмотря на устоявшиеся взгляды на определение основных очагов и направления становления земледелия, появляются все новые факты, позволяющие пересмотреть моноцентрическую картину доместикации некоторых видом злаков и несколько удревнить время начало этого процесса.

Изученные археологами памятники орошаемого земледелия в аридных регионах Центральной Азии являются свидетельствами широкого распространения этой формы адаптации традиционных обществ к необходимости получения стабильного урожая в условиях нехватки источников воды (Гулямов, 1957; Лисицына, 1965; Адрианов, 1968; Грошева, 1996; Сунгчугашев, 1990; и др.). Но несмотря построенные схемы этапности развития орошаемого земледелия, вопросы динамики земледелия на конкретном памятнике до конца еще не решены, что в частности связано сложностью привязки оросительных систем к определенному стационарному памятнику, этапу его развития (например, аркаимская оросительная система или оросительные системы Хакасии, Тувы и Горного Алтая (Уманский, 1959; Кубарев, 2002; Вдовина, 2004; Прудникова, 2017; и т.д.) и не до конца отработанной методике изучения.

В работах 60-80-х гг. прошлого столетия часто можно встретить упоминание о необходимости комплексного изучения оросительных систем с привлечением специалистов почвоведов (Лисицына, 1965; Адрианов, 1969). Такие работы проводились на древнеорошаемых почвах Туркменистана в рамках Всесоюзной программы по новому основанию древнеорошаемых земель (Минашина, 1962), но к сожалению, они не приняли систематический характер. Причины этого кроется в развитии почвенной мысли во второй половины XX века – становление концепции «памяти почв», разработка и распространение метода радиоуглеродного датирования почв, понимание необходимости изучения антропогенно-преобразованных почв как самостоятельных объектов.

На сегодняшний день укоренение концепции «памяти почв» и появление новых методов изучения почв позволяют по-новому взглянуть на почву как системообразующую единицу древних оросительных систем.

В работе делается попытка на примере древнеорошаемых почв Бозокского археологического микрорайона показать возможности комплексного изучения оросительных систем прошлого.

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

Объекты исследования представляют собой дневные и погребенные почвы на территории, прилегающей к городищу Бозок (г. Астана, Казахстан). Время проведения оросительных работ определены периодом XI-XII вв. (Гаврилов, Хабдулина, 2018).

Заложения мест разрезов были определены после предварительной подробной топографической съемки оросительной системы и привязаны к функциональным частям системы согласно их катенарному положению (т.е. по склону) (рис.1А). Древнеорошаемые почвы представлены двумя группами почв: 1) погребенный *агроаброзём текстурно-карбонатный засоленный* и 2) дневные *агроабразёмы солонцовые гидрометаморфизованные засоленные* почвы валов, грядок, магистральных каналов и арыков (рис.1А, Б) (Классификация …, 2004). В качестве фона выбран *чернозём текстурно-карбонатный*, погребенный под валом городища в VII-VIII вв.

При выявлении признаков древнего орошения в почвах была использована концепция «памяти почв» (в частности, «микробиоморфная память почв (Гольева, 2008)) (Память почв, 2008), которая основана на возможности почв записывать в своей твердой фазе условия своего формирования и отражать их в качественных и количественных характеристиках микробиоморфной фракции.

В качестве метода были применены морфолого-генетический и микробиморфный анализы (Гольева, 2008).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

При изучении микробиоморфного состава гумусового и подгумусовых горизонтов почв особое внимание было уделено признакам обводнения (диатомовые водоросли, спикулы губок, фитолиты тростника) и вспашки (регрессивно-аккумулятивное распределение микробиоморф) (рис. 1В).

Изучение микробиоморфного комплекса фонового *чернозема текстурно-карбонатного* VII-VIII вв. было проведено в образцах из гумусового горизонта. В поверхностном образце (0-1 см) микробиоморфная фракция характеризуется средним содержанием аморфной органики, низким детрита и пыльцы. Фитолитов много, единично встречены спикулы губок. Ниже на глубине 4-5 см концентрация микробиоморф возрастает. В фитолитном спектре значительную долю занимают фитолиты степных злаков. Спикулы губок единичны. В нижней части гумусового горизонта (9-10 см) содержание микробиоморф резко уменьшается. Фитолитный спектр отражает формирование степного фитоценоза.

Таким образом, относительно среднее содержание фитолитов в верхнем образце и присутствие в нем пыльцы, а также более повышенное содержание аморфной органики позволяет сказать, что степной фитоценоз на момент погребения почвы был сильно деградирован. Возможно, человек использовал этот участок для выпаса скота, что могло привести к деградации растительного покрова. Малая мощность гумусового горизонта (10 см) подтверждает сильную эродированность поверхности почвы. Признаков вспашки и дополнительного переувлажнения почвы не выявлено.

В поверхностном образце (0-1 см) погребенного *агрозема текстурно-дифференцированного* отмечается сильное обогащение микробиоморфной фракции. Обнаружено много целых спикул губок и несколько экземпляров диатомовых водорослей. В фитолитном спектре представлены фитолиты степных злаков и фитолиты тростника. Небольшая их доля обуглена.

На глубине 4-5 см микробиоморфная фракция по характеристикам близка к предыдущему образцу. Но отличает его большее обогащение образца диатомовыми водорос-

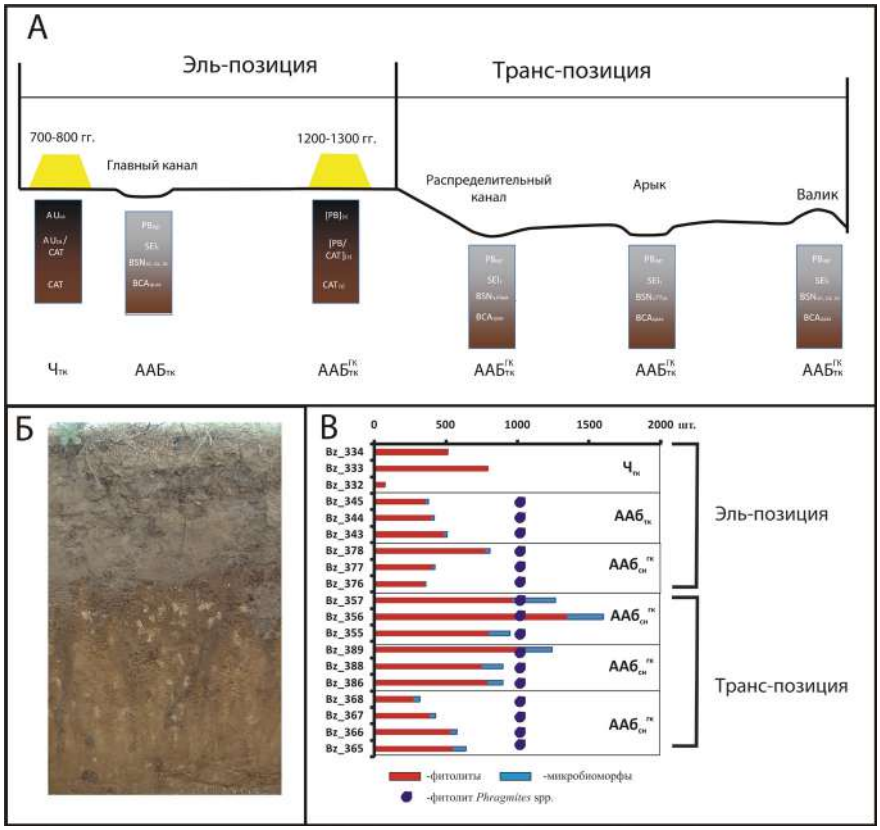


Рис. 1 Почвенная катена бозокской оросительной системы/
А – Схема заложение разрезов и типов почв: ***фон***:
$Ч_{тк}$ (Bz_{-333} – Bz_{-342}) – погребенный *чернозём текстурно-карбонатный*;
древнеорошаемые почвы:
$ААб_{тк}$ – погребенный *агроаброзём текстурно-карбонатный* (Bz_{-343} – Bz_{-345});
$ААб_{сн}^{гк}$ – дневные *агроабразёмы солонцовые гидрометаморфизованные*:
Bz_{-355} – Bz_{-357} – распределительный канал второго порядка,
Bz_{-376} – Bz_{-378} – магистральный канал; Bz_{-386} – Bz_{-389} – арык, Bz_{-368} – Bz_{-365} – валик.
Б – Агроабразём солонцовый гидрометаморфизованный (древнеорошаемая почва).
В – Концентрация и состав микробиоморфной фракции

лями и микроугольками. Содержание фитолитов в образце несколько понижено относительно вышележащего образца.

В нижележащем образце (9-10 см) состав микробиоморной фракции близок образцам из верхних слоев. Но содержание фитолитов, спикул губок и диатомовых водорослей выше.

Таким образом, данный почвенный профиль испытывал дополнительное увлажнение водами из мелководного водоема, свидетельством чего являются диатомовые водоросли, спикулы губок и фитолиты тростника. Кроме того, регрессивно-аккумулятивное распределение фитолитов по профилю позволяет подтвердить факт дополнительной

механической обработки почвы при сельскохозяйственных работах (Свирида, Гольева, 2017).

Микробиоморфный состав образца *агроаброзёма солонцового гидрометаморфизованого засоленного* (магистральный канал) на глубине 4-5 см сильно обогащен микробиморфной фракцией относительно погребенной древнеорошаемой почвы (рис.1 В). Много обломков спикул губок и целых диатомовых водорослей. В фитолитном спектре доминируют фитолиты степных злаков, но, кроме того, обнаружено относительно большое количество фитолитов тростника и сорной растительности. Аморфной органики и детрита много. Кутикулы растительной ткани единичны.

На глубинах 9-10 и 14-15 см образцы так же сильно обогащены микробиоморфной фракцией. Много обломков спикул губок и целых диатомовых водорослей. Фитолитные спектры идентичны спектру вышележащего образца: фитолитный комплекс степного фитоценоза и фитолиты тростника.

В транзитной позиции катены были изучены *агроаброзёмы солонцовые гидрометаморфизованые* распределительного канала, арыка (канал, орошаемое поле) и валика.

В поверхностных образцах (4-5 см) каналов отмечена большая концентрация микробиоморф относительно почв валика и почв, расположенных вверх по катене. Образец сильно обогащен микробиморфной фракцией. Обнаружено много спикул губок и диатомовых водорослей, причем, среди последних преобладают целые экземпляры. В фитолитном спектре доминируют фитолиты степных злаков, но, кроме того, обнаружено относительно большое количество фитолитов тростника и сорной растительности. Аморфной органики и детрита много. Кутикулы растительной ткани единичны.

Вниз по профилю на глубине 9-10 см количество микробиоморф выше относительно вышележащего образца. В образце много микробиморф: спикул губок, диатомовых водорослей и фитолитов. Фитолитный комплекс степного фитоценоза и фитолиты тростника. Кутикулы растительной ткани единичны.

В нижней части гумусово-элювиального горизонта также наблюдается увеличение концентрации фитолитов, спикул губок и диатомовых водорослей, которое резко снижается уже на глубине 19-20 см.

При общей схожести состава и профильного распределения микробиоморф образцов валика концентрация микробиорфной фракции в четыре раза ниже относительно каналов и орошаемого поля, что связано с тем, что валики не затапливались водой, которая и переносила вниз по катене мелкодисперсные частицы и микробиоморфы.

Таким образом, в изученных образцах зафиксировано довольно большое содержание микробиоморф, среди которых присутствуют диагносты переувлажнения почв: диатомовые водоросли, спикулы губок и фитолиты тростника. Появление в микробиоморфном комплексе автоморфных почв индикаторов переувлажнения почв может быть связано только использованием вод, взятых из озера Бузыкты, что тем самым и доказывает орошением почв в древности.

Кроме того, в изученных древнеорошаемых почвах малое количество аморфной органики и пыльцы в образцах из нижней части гумусового и солонцового горизонтов относительно вышележащих образцов соответствует общей логике аккумулятивного распределения веществ по профилю почвы. Но большое содержание фитолитов и диа-

томовых водорослей в нижних образцах гумусово-солонцовой части почвы находится в противоречии с логикой профильного распределения других биоморф. Данный факт следует объяснить постоянным накоплением в этой части профиля фитолитов и диатомовых водорослей при периодическом перепахивании слоя, что приводило к снижению их концентрации в верхней части почвы и аккумуляции их внизу (Свирида, Гольева, 2017).

При орошении происходила пространственная дифференциация микробиоморф – из почв, расположенных в верхних позициях катены (Эль-позиция) в почвы каналов и орошаемых полей, расположенных ниже.

Кроме того, почти 900-летний период постмелиоративного этапа функционирования земель привел к новому накоплению микробиоморф, которое послужило причиной для относительно аккумулятивного распределения микробиоморф в отличие от орошаемых почв, находившихся в погребенном состоянии, в которых сохранилось регрессивно-аккумулятивное распределение микробиоморф (см. рис.1В).

Реконструируемая схема использования земель бозокской оросительной системы представлена на рис. 2.

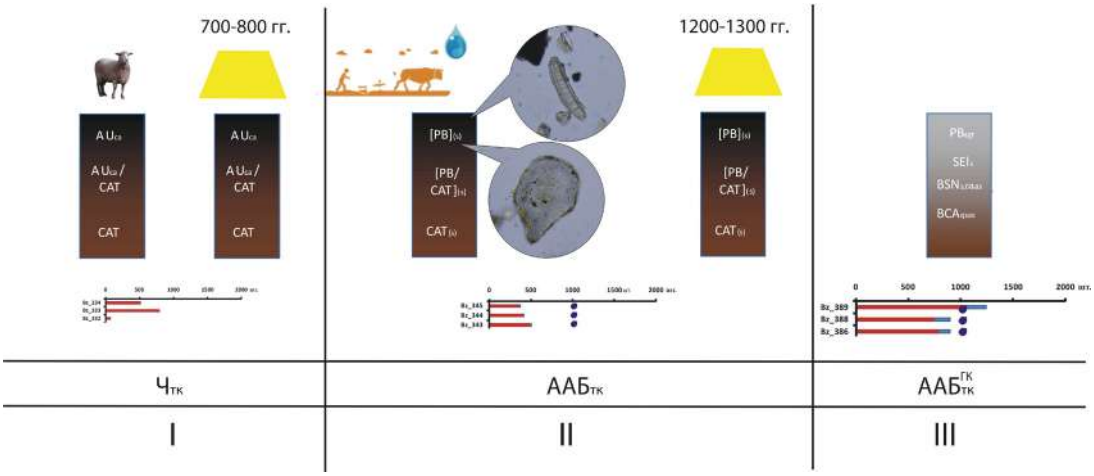


Рис. 2. Схема эволюции древнеорошаемых почв: I – черноземы текстурно-карбонатные; интенсивный выпас скота, эрозия почвы; строительства валов городища; II – вспашка и орошение окружающих земель городища, формирование агроаброземов текстурно-дифференцированных; обогащение микробиоморфной фракции диатомовыми водорослями и фитолитами тростника; III – постмелиоративный этап, формирование агроаброзёма солонцового гидрометаморфизованого засоленного

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕОРОШАЕМЫХ ПОЧВ

Формирование профиля древнеорошаемых почв связано не только с эрозией, как показано выше, но и с постоянным поступлением нового минерального материала из мутных оросительных вод, что приводит к постепенному росту почв «вверх»[1]. Таким

[1] Так, например, при орошении водами Хуанхэ агроирригационный горизонт прирастает на 1,0-1,5 мм/год, а в районе Хотана (провинция Синьцзян, Китай) до 205-2,8 мм/год (Гон Житон и др., 2004).

образом, формируется мощный агроирригационный горизонт, в котором подробно записаны условия формирования почв (в частности, орошение). Часто в этом горизонте можно встретить включения (микроугольки, керамику и другие органосодержащие материалы, связанные с деятельностью человека), которые могут послужить материалом для проведения радиоуглеродного анализа. Кроме того, разработка методов получения микропрепаратов концентратов фитолитов для радиоуглеродного датирования расширяет арсенал материалов (Zuo et al., 2016), по которым можно получить более детальную временную запись об использовании данного участка земли под орошения с выявлением динамики и интенсивности. Появлением установки по ускорительной масс-спектрометрии (УМС) в ЦКП «Геохронологии кайнозоя» (г. Новосибирск, Россия) позволяет на массовом материале проводить подобные исследования.

Поэтому региональные работы по выявлению динамики и интенсивности древнего орошения могут получить новые материалы для качественно иного осмысления древнеземледельческой практики населения Центральной Азии.

Список литературы

Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). – М.: Наука, 1969. – 253 с.

Вдовина Т.А. Изучение оросительных система в Горном Алтае в 2003 г. // Археология и этнография Алтая. 2004. Вып. 2. – С. 119-120.

Гаврилов Д.А., Хабдулина М.К. Древнеорошаемые почвы Бозокского археологического микрорайона в Северном Казахстане (XI–XII века) //Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Том 46. №4. – С.83-93.doi: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.083-093

Гольева А.А. Микробиоморфная память почв // Память почв (Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий). Отв. ред. В.О. Таргульян, С.В. Горячкин. – М. ЛКИ. 2008. – С. 500-530.

Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. – М.: УРСС, 2008. – 256 с.

Гон Ж., Жан Г., Чен Ж., Юан Д., Руан К. Генезис и классификация орошаемых почв Китая (Ирриагриковых Антропосолей) // Почвы, биогеохимические циклы и биосфера. Развитие идей В.А. Ковды. – М, 2004. – С. 239-253.

Грошев В.А. Древняя ирригация юга Казахстана. – Алматы: Гылым, 1996. – 357 с.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957. – 313 с.

Классификация и диагностика почв России / Авторы и составители: Л.Л. Шишов, В.Д. Тонконогов, И.И. Лебедева, М.И. Герасимова. – Смоленск: Ойкумена, 2004. 342 с.

Кубарев В.Д. «Савроматы» на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. –2002. №2(10). – С. 127-129.

Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. – М., 1965. – 167 с.

Минашина Н.Г. Древнеорошаемые почвы Мургабского оазиса // Почвоведение. 1962. №2. – С. 24–35

Память почв (Почва как память биосферно-геосферно-антропосферных взаимодействий). Отв. ред. В.О. Таргульян, С.В. Горячкин. – М. ЛКИ. 2008. – 687 с.

Прудникова Т.Н. К вопросу о древнем земледелии на аридных территориях Центральной Азии: земледелие в Убсунурской котловине // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Том 46. №1. – С.66-75. doi: 10.17746/1563-0102.2018.46.1.066-075

Свирида Н.М., Гольева А.А. Диагностика средневековой распашки при помощи фитолитного анализа на примере археологических памятников Кукарки и Княжич Московской области // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. 2016. Т. 7. № 1 (13). – С. 116-131.

Сунчугашев Я.И. Памятники орошаемого земледелия средневековой Хакасии. – Абакан: Хак. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1990 – 96 с.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая – Барнаул, 1959.

Zuo, X., Lu, H., Zhang, J., Wang, C., Sun, G., and Zheng, Y. Radiocarbon dating of prehistoric phytoliths: a preliminary study of archaeological sites in China // Scientific Reports. 2016. 6. article number 26769. doi:10.1038/srep26769

А.А. Хохлов[1], Е.П. Китов[2]
[1]Самарский государственный
социально-педагогический университет
Самара, Россия
[2]Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия
A. Khokhlov, Ye. Kitov
[1]Samara state
social and pedagogical University
Samara, Russia
[2]Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Moscow, Russia

ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ СТЕПЕЙ КАЗАХСТАНА: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ С НАСЕЛЕНИЕМ НАЧАЛА ПОЗДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА РЕГИОНА

Работа выполнена при поддержке проекта РНФ №18-18-00137.

Аннотация. Анализ палеоантропологических материалов ранних периодов с территории современного Казахстана позволяет отразить смешение антропологически разных групп населения. В настоящее время все больше появляется данных палеогенетики, которая также подтверждает появление на исторической арене в ранние периоды от неолита до ранней бронзы генетически разных групп, которые влияют на формирование антропологического покрова на территории степной полосы Евразии. Для более полного понимания процессов необходимо увеличение источниковой базы, но основные их направления уже выявлены и подтверждаются данными физической антропологии и палеогенетики.

Ключевые слова: антропология, палеогенетика, неолит, энеолит, эпоха ранней бронзы, ботайская культура, ямная культура, афанасьевская культура.

Қазақстан далаларының ежелгі антропологиялық кешендері: аймақтың кейінгі қола дәуірі тұрғындарымен генетикалық байланыс мәселесіне

Түйін. Қазіргі Қазақстан жерінен ежелгі кезеңнің палеоантропологиялық материалдарын талдау антропологиялық әртүрлі топтардың араласуын көрсетуге мүмкіндік береді. Бүгінгі күні палеогенетика деректері көптеп пайда болуда, бұл да ежелгі кезеңде неолиттен ерте қола дәуіріне дейін тарих сахнасында Еуразияның далалық аймағының антропологиялық топтарының қалыптасуына әсер ететін әртүрлі генетикалық топтардың пайда болуын растайды. Процестерді толығырақ түсіну үшін деректер базасын кеңейту қажет, бірақ олардың негізгі бағыттары анықталды және физикалық антропология мен палеогенетика деректерімен расталады.

Түйін сөздер: антропология, палеогенетика, неолит, энеолит, ерте қола дәуірі, ботай мәдениеті, көнешұңқыр мәдениеті, афанасьев мәдениеті.

The ancient anthropological complexes of the Kazakhstan steppes: on the problem of genetic relationship with the population of the beginning of the late Bronze AGe of the region

Annotation. Analysis of paleoanthropological materials of early periods from the territory of modern Kazakhstan allows to reflect the mixing of anthropologically different groups of the population. At present, more and more paleogenetic data is emerging, which also confirms the emergence on the historical arena genetically different groups that influence the formation of anthropological cover in the territory of the Eurasian steppe belt from the Neolithic to early Bronze. For a more complete understanding of the processes, an increase in the source base is necessary, but their main directions have already been identified and confirmed by the data of physical anthropology and paleogenetics.

Keywords: anthropology, paleogenetics, Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age, Botay culture, Yamnaya culture, Afanasyevo culture.

В настоящее время мы располагаем некоторыми, пока еще немногочисленными, находками неолита – ранней бронзы с территории Казахстана. К ним относятся разрозненные материалы, в основном краниологические, из местонахождений Железинка и Шидерты, датируемых новокаменным веком, энеолитического поселения Ботай, из курганов ранней бронзы ямной культуры (Жиренкопа, Шоктыбай III, Кумсай) и ямно-афанасьевского времени восточной части региона (Григорьевка II, Усть-Нарымское, Черновая II, Карагаш).

Большинство из черепов оценивалось как принадлежащие протоевропейскому типу, и как будто, находящими сходство с объектами афанасьевской культуры (Гинзбург, 1956, 1963; Алексеев, Гохман, 1984, Зайберт, Рыкушина, 1984; Исмагулова, 1989 и др.). На основе таких параллелей антропологами довольно рано была изложена точка зрения о генетической связи носителей афанасьевской культуры Алтае-Саянского нагорья и ямной Восточной Европы (Дебец, 1948; Алексеев, 1961 и др.). Эта точка зрения, уже с позиций анализа более масштабных краниологических материалов, поддерживается и в наше время (Солодовников, 2005, 2009; Козинцев, 2009; Хохлов и др., 2016 и др.). Весомое подкрепление она получила и в генетических работах при обнаружении и у тех, и других большой представительности мужской гаплогруппы «R1b» (Haak et al., Allentoft et al., 2015).

Следует все же отметить, что так называемый протоевропейский/палеоевропеоидный краниологический тип вовсе не единый по своей структуре, а некоторыми исследователями были представлены также и другие древние морфологические варианты Казахстана. Например, череп стоянки Шидерты Павлодарской области является носителем уралоидного краниологического типа (Яблонский, 1998). На черепах поселения Ботай отмечались в одном случае экваториальные черты (Зайберт, Рыкушина, 1984), а также наличие уралоидных признаков (Хохлов, 2000).

Сравнительно недавно был произведен более подробный пересмотр и переоценка казахстанских находок (Хохлов, Китов, 2015). Древняя краниология этой территории

все же отличается от классического палеоевропеоидного типа, в первую очередь, нередким проявлением умеренной профилировки лица. Высказано предположение, что в степной части Азии в нео-энеолитический период складывался особый антропологический тип, морфологически альтернативный гиперморфным европеоидам Восточной Европы. Условно его можно было бы именовать как «степной казахстанский» вариант. Это наблюдение, в определенной мере, нашло подтверждение в данных генетики. Три образца костной ткани ботайских скелетов дали гаплогруппы, в целом отличные от ямных и афанасьевских (Narasimhan et al., 2018). Один, правда, показал мужскую «R1b».

Имеющиеся материалы ямной культуры Казахстана неоднородны. Было сформулировано положение, согласно которому некоторые ее популяции, в частности Западного Казахстана, формировались в результате влияния проникавших на эти территории палеоевропеоидов Восточной Европы, ассимиляции ими представителей местных постэнеолитических групп и контактами с другими синхронными ямными группами (Хохлов, Китов, 2012, 2018). В целом эти процессы обусловили особенность популяции долины реки Уил, морфологически суммарно выделяющуюся среди других ямных групп Восточной Европы и Казахстана. И здесь, на основании выделенных ДНК из могильника ямной культуры Кумсай (Narasimhan et al., 2018) была показана гетерогенность популяции, оставившей данный памятник. Четыре образца дали ДНК, не сопоставимую ни с данными предшествующих им носителей ботайской археологической культуры, ни с синхронными им ямной культуры. Один из них, принадлежавший мужчине (к. 4, п. 1, ск. 2) показал гаплогруппы, как мужскую, так и женскую, сходные с ДНК северных палеоуралоидных популяций. К сожалению, мы не можем пока сопоставить данные морфологического анализа материалов памятника Кумсай с данными генетического. Лишь один скелет, женский (к. 1, п. 2) был изучен с обеих сторон. Морфологически, по нашей оценке, он в целом уралоидного облика, а по генетической линии он является носителем митохондриальной группы «H6a». Здесь можно лишь сказать, что такая генетическая комбинация зафиксирована в материалах ямного и полтавкинского времени Самарского Поволжья (могильники у с. Кутулук), афанасьевской культуры (Алтай, мог. Усть-Ишим), и в материалах окуневской культуры.

Население начала позднебронзового века уже традиционно связывается с носителями синташтинской и петровской культур. С территории Казахстана мы пока располагаем материалами могильников Танаберген II и Восточно-Курайлинский Западного Казахстана, а также могильников Халвай и Бестамак северной части республики. Анализ скелетов показал наличие в составе синташтинской культуры, как этих, так и других известных памятников, наличие разных морфологических компонентов. Чаще называются три: европеоидный гиперморфный; европеоидный мезоморфный, долихокранный; уралоидный (Хохлов, Китов, 2014; Солодовников, Колбина, 2018). Морфологическая картина еще более сложная, чем в предшествующие эпохи. Чаще звучали выводы, что население потаповско-синташтинского круга складывалось на основе поволжско-казахстанских гиперморфных форм, известным нам по носителям степных культур ямной, полтавкинской, тамаруткульской, а также ботайской с вовлечением в процесс представителей окружающих популяций уралоидного и даже сибирского облика, связанными в сумме, видимо, с абашевской, вольско-лбищенской, турбино-сейминской культурами (Хохлов и др., 2016; Китов и др., 2018, Хохлов,

2017). Костные образцы казахстанских могильников еще только находятся в стадии начальной генетической обработки. Пока можно только осветить, что такие образцы других могильников потаповско-синташтинского круга, а именно Самарской (Потаповка I, Утевка VI), Оренбургской (Буланово) и Челябинской (Большекараганский, Кривое Озеро и др.) областей показали гетерогенность населения. И здесь также выделяются разные генетические компоненты. Один (восточные степные ранней и средней бронзы (по: Narasimhan et al., 2018), связан с потомками носителей ямной культуры Восточной Европы и культуры шнуровой керамики Европы. Второй (центральный ранней и средней степной бронзы (там же), в который входят местные племена Казахстана, так называемые «восточносибирские охотники-собиратели», в том числе представители ботайской культуры. Третий компонент (восточноевропейские охотники-собиратели (там же) пока точно не определен – имеет разных претендентов. Отмечается, что в могильниках Синташты, к примеру, Каменный Амбар, были захоронены одновременно люди с разной родословной.

Все это, по крайней мере, для классической палеоантропологии, как было изложено выше, далеко не ново, и неоднократно публиковалось в многочисленных работах авторов данной статьи. Из недосказанного, пожалуй, нужно подчеркнуть, что с точки зрения археологии, разумеется, на роль представителей – потомков шнуровой керамики, в первую очередь, подходят абашевцы. Формирование любой культуры древности не всегда происходило под диктовку численно превалирующей группы. Это слишком прямолинейно. Палеоантропология демонстрирует – в основе сложения потапово-синташты видятся формы именно степного поволжско-казахстанского происхождения, а остальные компоненты, пусть даже и количественно доминирующие, в этот процесс были лишь вовлечены.

Следует сказать, что в настоящее время, по наличию единичных и разрозненных данных, как с морфологической стороны, так и генетической, сложно выстроить какую-либо стройную генеалогическую картину для палеопопуляций степных просторов Казахстана. Причем, при реконструктивных подходах, всегда следует учитывать, что фенотипические особенности населения зависят не только от половых групп 23-ей пары хромосом, но и от аутосомных генов (оставшиеся 22 пары). То есть, морфогенез намного тоньше и к тому же зависит от большего числа внешних факторов, чем представляемые генеалогические схемы, построенные исключительно на основе изучения половых хромосом. Несомненно, со временем и при условии тесного сотрудничества разных специалистов, работающих в этой области истории, мы будем иметь более полноценную картину этногенеза разных доисторических популяций Евразии.

Список литературы

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. – ТИЭ. – Т. 71. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 107-206.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. – М., Наука, 1984. – 208 с.

Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Т. 1. Археология. – Алма-Ата, 1956. – С. 159-171.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. – Т. XXI. – 1963. – С. 297-337.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. – Т.4. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с.

Зайберт В.Ф., Рыкушина Г.В. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башкирский университет, 1984. – С. 121-137.

Исмагулова А.О. Энеолитический череп из Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С.75-78.

Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С. Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) // Европа на пороге IV тысячелетия: время трансформаций. Stratum plus. № 2. Археология и культурная антропология. Спб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2018. С. 225-243.

Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. №4 (40). С. 125-136.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры / Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: Могильник Сальдяр-1. Приложение 1. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 120-154.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: К проблеме происхождения // Вестник антропологии. Вып.17. М.: Проект-Ф, 2009. С. 117-135.

Солодовников К.Н., Колбина А.В. Материалы к антропологии населения синташтинской культуры Тургайского прогиба // XXI Уральское археологическое совещание: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Предс. редкол. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 167-169.

Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья / Хохлов А.А. // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Центр «Интеграция», 2000. С. 309-332.

Хохлов А.А., Китов Е.П. К антропологии раннего этапа бронзового века Западного Казахстана // ВААЭ. – Тюмень: Изд-во Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2012. № 1. С. 64-71.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): Материалы Международной научной конференции 12-14 мая 2014 г. – Самара: Изд-во ПГСГА, 2014. – С. 131-142.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана // Казахское ханство в потоке истории. Сб. материалов Международной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. – Алматы, 2015. – С. 437-445.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВААЭ. Тюмень, 2016. №3(34). С. 86-106.

Хохлов А.А., Китов Е.П., Нечвалода А.И. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) // Европа на пороге IV тысячелетия: время трансформаций. Stratum plus. №2. Археология и культурная антропология. Спб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2016. С. 277-284.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). – Самара: СГСПУ, 2017. – 368 с.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Краниологические материалы раннебронзового века долины р. Уил Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 20, № 3(2). 2018. С. 510-516.

Яблонский Л.Т. Ареал «протоуралоидов» (к постановке вопроса) // «Раса: миф или реальность?»: 1-ая Международная конференция. Тезисы. – М., «Старый сад», 1998. – С. 95-96.

Wolfgang Haak et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. The international weekly journal of sciens. 11 June 2015. Vol.522. №7555. C. 207-211.

Allentoft et al. Population genomics of Bronse Age Eurasia // Nature. The international weekly journal of sciens. 11 June 2015. Vol.522. №7555. C. 167-172.

Narasimhan et al. The genomic formation of South and Central Asia. bioRxiv. doi: dx.doi.org/10.1101/292581. 2018.

Д.Ө. Мұстапаева
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық
қазақ-түрік университеті
Түркістан, Қазақстан
D.U. Mustapayeva
K.A. Yasawi International Kazakh-Turkish University
Turkestan, Kazakhstan
Mdilda@mail.ru

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДЕ ЗЕРДЕЛЕНГЕН ҚАСИЕТТІ ОРЫНДАР ТУРАЛЫ

Түйін. Мақалада археологиялық зерттеулер нәтижесінде ғалымдар қол жеткізген киелі орындарға қатысты зерттеулер туралы баяндалады. Атап айтқанда Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының,Түркістан археологиялық экспедициясының,Тұран археологиялық экспедициясының, ғалымдардың көптеген жылдар бойы жүргізген зерттеулері, еңбектері, олардың елдің қасиеттелген орындарын ғылыми айқындаудағы орны туралы айтылады. Түркістандағы, Қожа Ахмет Ясауи кесенесі жанындағы елдің қастерлеген орны болып табылған нысаналардың зерттелуі қамтылады. Ғалымдар К.А. Ақышев, К.М. Байпақов, Л.Б. Ерзакович,Т.Н. Сенигова, М. Елеуов, Е.А. Смағұлов, Ф.П. Григорьев, А.О. Итенов, М.Тұяқбаев т.б. археологиялық зерттеу нәтижелері, есептері, ғылыми монографиялары, мақалаларында зерттелген, елдің аңыздары мен өткен тарихында ерекше орын алған қастерлі орындар қылует, кіші қылует, әулие Құмшық ата, Жәудір мешіті, кесенелер, діни рәсімдер орындалған жерлер туралы баяндалады.

Түйін сөздер: Түркістан, қылует, кесене, мазар, Құмшық ата, Жәудір, қазба.

Археологическое изучение саркальных мест

Аннотация. В статье повествуется о результатах, достигнутых учеными в результате проведенных археологических исследований святых мест. В частности, приводятся результаты археологических исследований Южно-Казахстанской археологической экспедиции, Туркестанской археологической экспедиции, Туранской археологической экспедиции, многолетние исследования и труды ученых, а также их роль в научном отображении народных святынь. Рассказывается о сакральных обьектах расположенных возле мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Охватываются результаты археологических исследований, расчеты, научные монографии и статьи ученых-археологов К.А. Акышева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича, Т.Н. Сениговой, М. Елеуова, Е.А.Смагулова, Ф.П. Григорьева, А.О. Итенова, М. Туякбаева и др. Повествуется о сакральных местах, почитаемым в народе объектах, находящимся близ мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави и в окрестностях Туркестана.

Ключевые слова: Туркестан, хилвет, мавзолей, могила, Кумчук ата, Жаудыр, раскопки.

About sacral places studied in archaeological researches

Annotation. The article describes the results achieved by scientists based on archaeological researches of holy sites. In particular, the results of archaeological research of the South Kazakhstan Archeological Expedition, the Turkestan Archeological Expedition, the Turan Archeological Expedition, long-term studies and the works of scientists, as well as their role in the scientific display of folk shrines are presented herein. Article tells about the sacred objects located near the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. The article covers the of archaeological researches, calculations, scientific monographs and articles by archaeological scientists K.A. Akyshev, K.M. Baypakov, L.B. Erzakovich, T.N. Senigov, M. Eleuov, E.A.Smagulov, F.P. Grigoriev, A.O. Itenov, M. Tuyakbaev and others. It tells of the sacred places, the objects revered by the people, located near the mausoleum of Khoja Ahmed Yasavi and in the vicinity of Turkestan.

Keywords: Turkestan, hiluet, mayusoleum, grave, Kumshk Ata, Jaudir, excavations.

Археологиялық зерттеулерде, тарихи-мәдени ескерткіштер тізіміне енген көптеген қастерлі орындар бар. Мазарлар, қорымдар, кесенелер т.б. ғасырлар бойы сақталып, соңғы кезеңге дейін археологиялық нысаналар, төбелер, қоныс, кесенелер т.б. ретінде жетті. Көбі уақыт өте ескіріп, немесе адамдардың іс-әрекеттерінен қирағандары да кездеседі. Қазіргі кезде солардың сақталып қалғандары зерделенген, қайта жөнделуде.

Көптеген тарихи, археологиялық нысаналар кезінде өткен тұлғалармен, оқиғалармен байланыста және ел арасында сақталған аңыз-әңгімелер, қиссалар т.б. ретінде көрініс береді.

Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Оңтүстік Қазақстандағы археологиялық нысаналарды зерттеудегі еңбегі ерекше екені белгілі. Түркістан аумағы, Отырар аумағындағы сақталып қалған археологиялық, тарихи-сәулет ескерткіштерінің қалдықтарын саралап, зерттеген, ғылыми айналымға енгізген. Қазіргі кезге дейін сақталған нысаналардың қасиетті орын, мекендер ретіндегі орнын айқындай түсетін ғылыми мұндай зерттеулердің орны ерекше. Кезінде ғалымдар зерттеген төбелер, ескерткіштер, мазарлар аттары елдің рухани өмірінде ерекше орын алған оқиғалармен байланыста қалыптасып дамыды.Түркістан аумағын алып қарағанда тарихи ескерткіштер қатарына енген мазарлар, кесенелердің бірқатарын атап өтуге болады. Шобанақ ауылында орналасқан имам Марғұзи мазарын айтуға болады, бұл тұлғаның есімі Қожа Ахмет Ясауимен байланысты. Бұл жайында елдің аңыз-әпсаналары терең сыр шертеді. Мазар күйдірілген кірпіштен қаланған,ескі қабірстанда орналасқан. Дәстүрлі Орта Азиялық сәулет мектебінің үлгісінде салынған, қас бетті, күмбезді құрылыс (Свод памятников истории и культуры Казахстана: Южно-Казахстанская область,1994, с.291). Мазардың төрт бұрышты бөлмесі күмбезбен жабылған. Бұл мазар Қожа Ахмет Ясауи шәкірті имам Марғұзидің жерленген жері.

Ол кезінде қырық күн, қырық түн Қожа Ахмет Ясауимен айтысып, жеңіліске ұшырайды. Ахмет Ясауи ілімін мойындап, шәкірті болып өле-өлгенше Қожа Ахмет Ясауиге қызмет етеді. Түркістан қаласынан маңындағы Шобанақ деген жерде жерленген. «Көк тонды атанықі» деген екі бөлмелі, күмбезі бар ескерткіші қазіргі кезде тұр (Қожа Ахмет Ясауи есімімен байланысты аңыз, әпсана, хикаялар, 2009, 83 бет).

Қожа Ахмет Ясауидің шежіресі «Насаб-нама» нұсқаларында аталған шәкірттерінің бірі – Ғашық Жүсіп Ата. Жүсіп Атаның қабірі Түркістаннан жиырма шақырым жердегі Иқан қыстағында тұр .

Мазар XIV ғасырдағы ескі қала аумағында орналасқан. Негізгі кіретін қас беті солтүстік-батысқа, Қожа Ахмет Ясауи кесенесіне бағытталды (Бейсембаева, 2006. 118-бет). Жүсіп ата Қожа Ахмет Ясауидің шәкірттерінің бірі болған. Түркістан маңындағы Иқан ауылындағы Жүсіп ата кесенесінің мәрмәрден жасалған бағана бөлшектері қазіргі кезде Мемлекеттік «Әзірет Сұлтан» тарихи-мәдени қорық музей қорында сақтаулы. Бұл бағана, яғни ұстын бөлшектер саны үшеу. Бағаналар ұзындығы -2,41см, ені 31 см, 1,31 см, ені 31 см, ұзындығы 66см, ені 27 см. болып келген. Үшеуінің де түсі қоңыр түсті тастан жасалған. Сегіз қырлы етіп, қоңыр тастан жасалған ұстын-тіреудің (241×31 см) жоғарғы жағы үлкен, төменгі бөлігіне қарай кішірейе түседі. Жоғарғы бөлігіне тасқа қашалып өсімдік сипатындағы өрнек, төменгі бөлігіне араб әріптерімен жазулар түсірілген («Әзірет Сұлтан» Мемлекеттік тарихи-мәдени қорық музейі. Сақтау қоры. Эсми кк-127, 128, 129, КК 27. КК291). XIIғ. Жүсіп ата кесенесінің ұстынын жасауда екі түрлі тас материалдар қолданылған. Иқандағы бұзылып кеткен Жүсіп ата ескерткішінен қалған заттай деректер осылар деуге болады.

Құс баптап, құсшылықпен айналысқан шәкіртіне Ахмет Ясауи дүниеден өтер кезінде Түркістанның шығысындағы жеті бұлақ аққан тамаша жерді мекен етіп, ілімін таратуды, кәсібін жалғастыруды аманат еткен екен (Қожа Ахмет Ясауи есімімен байланысты аңыз, әпсана, хикаялар , 2009, 109-бет). Ел Әзірет Сұлтанның шәкіртін құрметтеп «Құсшы ата» деп атады. Дүниеден өткен соң, ел оны әулие тұтып қадірлеген. Қазіргі кезеңде осы мекенді, бұлақты ел «Құсшы ата» деп атайды.

Жүсіп ата, Баба Мәшін, Құсшы ата, Имам Мәрғұзи мазарлары Түркістан аумағында орналасқан.

Түркістанда орналасқан Бала би мазары (Тамабай) қаланың оңтүстік-шығыс тұсында ескі қабірстанда орналасқан. XIX ғ. соңымен мерзімделген мазар күйдірілген кірпіштен қаланған. Дәстүрлі Оңтүстік Қазақстанға тән кіші-гірім күмбезді құрылыс (Свод памятников истории и культуры Казахстана: Южно-Казахстанская область, 1994, с.291). Бұл мазар елдің рухани өмірінде ерекше орын алған тұлғаның кесенесі деуге болады.

Түркістанда,аумағында археологиялық экспедициялар зерттеулерін, қазба жұмыстарын жүргізген көптеген нысаналар Ахмет Ясауидің өмірі, іліміне қатысты жерлер, тұлғалар өмір сүрген, немесе жерленген орындар болды. Елдің шежіре, деректеріндегі, аңыз-әңгімелеріндегі көптеген ұрпақ беделінде айтылып келген деректерді археологиялық экспедициялардың зерттеу нәтижелері мен тапқан материалдары дәлелдейді. Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедицияларының көптеген жылдарға созылған зерттеу жұмыстары, еңбектері, Түркістан археологиялық экспедициясының, Тұран археологиялық экспедициясының зерттеулері көнеден сақталған археологиялық, тарихи деректерді ашып зерделеген, ғылыми айналымға енгізген ғылыми ашылымдардың көзі болды. Осы көптеген жылдарға созылған зерттеулерде ғалымдар Жүсіп, Баб Араб, Имам Мәрғаузи, Үндемес ата, Жеті ата, әулие Құмшық ата, үлкен қылует, кіші қылует, Әли Қожа ата, Құсшы ата, Гаухар ана, Жәудір мешіті, медіресесі тағы басқа көптеген

нысаналарды зерттеп, археологиялық зерттеулер жүргізді. Бұл зерттеулердің нәтижесі елдің рухани мұраларын жан-жақты зерттеудегі, танып-білудегі орны ерекше.

Құмшық ата, үлкен қылует, кіші қылует орындары, ортағасырлық Қарнақ қаласындағы Ғартөбе Қожа Ахмет Ясауи ілімімен, елдің рухани өмірімен байланысты, белгілі бір рәсімдер жасалған орындар.Археолог- ғалымдар осы орындарды зерттеп ғылыми зерделеген. Атап айтқанда Ғартөбе қонысын 1980 ж. К.А.Акишев басқарған Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы зерттеген. Мұнда екі қабатты төбе, көне суландыру жүйесі байқалған (Акишев, 1981, с.304). Отырар-Қаратау мәдениеті ескерткіштеріне жататыны тұжырымдалды. Қарауылтөбе, Ғартөбе, Жалау төбе т.б. аттарының олардың өмір сүру кезеңдері мен атқарған қызметі туралы берер деректері көп. Ғалымдар қазба жұмыстарын жүргізіп, зерттеген төбелер аттарының ел аңыздары мен деректерінде баяндалуының өзі де бұл орындардың ерекше мәнін көрсетеді. Атап айтқанда Пышақшы төбе, Келін төбе,Абыз төбе, Құйрық төбе, Алтын төбе, т.б. аттары белгілі бір оқиғалармен байланысты аталса керек. Мысалы, Пышақшы төбеде темірден түйін түйген ұсталар, Құйрық төбеде малды сойған кәсіп иелері-қасапшылар, Алтын төбеде зергерлер тұрғаны туралы айтылады. Бұл әрбір кәсіп иелерінің кәсіпке маманданғанын, белгілі бір өнім өндіріп, кәсіп жасағанын көрсеткендей (Акишев, 1972. с.215). Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының көптеген жылдарға созылған зерттеу жұмыстарының нәтижелері ғылыми жариялымдар, монографиялар т.б. зерттеулер ретінде жарық көріп, үлкен ғылыми жетістіктерге қол жеткізгені белгілі.

Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы зерттеулерінің негізінде заттай мәдениет қоныстар мен қалалар, жерлеу орындары сияқты көптеген мәселелер сарапталған (Акишев, 1981, с.7).

1973-1974 жылдары Қожа Ахмет Ясауи кесенесі жанында орналасқан ескерткіштерді археологиялық қазу барысында екі діни құрылыс зерттелген. Бұл екі діни құрылыс Әулие Құмшық Ата және Қылует туралы ел арасында аңыздар бар, олар нақты елдің өмірімен үндесіп сақталып жеткен. Әулие Құмшық ата төрт бұрышты дөңгелек бөлмемен жалғасқан діни құрылыс. Бұл құрылысты 1973 ж. археолог Т.Н.Сенигова басқарған археологиялық экспедиция зерттеді.Дөңгелек бөлменің диаметрі 3,10 см. болған. Бөлме күмбезбен жабылған (Сенигова , 1976. с. 106). Жер асты жолы болған, ол жол түзу емес, иреленденген сипатта жасалған. Құрылыстың жалпы ұзындығы 14 м, 35 см. Археологиялық қазба жұмыстары жүргізілген діни құрылыста, Құмшық атада, діни рәсімдер жасалған. Елде Құмшық ата туралы аңыздар бар. Құмшық ата Қожа Ахмет Ясауи өмір сүрген кезеңде болған. Ескерткіш өзінің діни қастерлі мәнін XIII-XIX ғғ. да жоғалтпаған. Бұл ғимаратта жер асты орнында оңашаланып, қылует рәсімін өткізген. Ахмет Ясауи кесенесі жанындағы үлкен Қылует өз құрылымы бойынша діни құрылыс болды (Сенигова, 1977. 145). 1996 ж. ғалымдар бұл жерді зерттеуді жалғастырды. Бұл орын Ахмет Ясауидің 63 жасқа келгенде жер астына түскен жері, ол туралы Ясауи хикметтерінде баяндалады. Археологтар зерттеуі Үлкен Қылует алғашында шикі кесектен қаланып, кейін (XVI ғ. шамасы) күйдірілген кірпіштермен қайта құрылғанын көрсетті (Туякбаев, 2009. С.21). Кіші Қылует те Әулие Құмшық ата секілді тәсілмен салынған. Дөңгелек сипатта, төбесі дөңгелек шатырмен салынған. Сыртында тахаратхана, ұзын дәліз секілді құрылыс жалғасқан. Олар бөлмелерге бөлінген. Кезінде бұл діни құрылыс болған. Үлкен Қылует, Ғар бөлмелерін зерттеген археолог ғалымдар, Е.Смағұлов Ғар

бөлмесінде шырақ қою үшін кіші-гірім ойықтар қойылғанын, құрылыстың оңтүстік батыс қабырғасында, бөлмеде михраб ойығы болғанын айтады (Смагулов,1998,с.139). XX ғ.басында, 1920 жылдардың ортасында Әзірет Сұлтан кесенесінің батыс тұсындағы жер асты мешітінде, ораза айында ел қылуетке түскен. Қылует кезінде нәпсіге тиісті қалау, ниеттер жанып жоқ болған. Оңашаланған орын – Қылует-оңашалау Ясауи тарихатының ерекшелігі.

Түркістанда XX ғасырдың бірінші жартысында жұмыс істеп, ел жадында қалған көптеген мешіттердің бірі – Жәудір мешіті болды. Жәудір мешіті, медіресесі туралы деректер елдің аузында қалып, атадан бабаға берген деректер негізінде айтылып келеді. Жоңғарларға, қалмақтарға қарсы қол бастап соғысқан,елін,жерін қорғаған батырлардың бірі Қара Қағай батырдың шөбересі Жәудір ана 1840-1914 жж. Түркістанда мешіт, медіресені басқарып, дәріс беріп, елді емдеп қызмет еткен. Н.Абдуллаев дерегі бойынша Хан көшенің бір жақ шетінде Жәудір мешіті орналасқаны айтылады. «Жәудір мешіті биік, зәулім, шошақ етіп салынған. Мешіті, медіресе Әзірет Сұлтан алдында күншығысқа таман орналасқан» деп баяндайды деректер (Байдәулетов, 2000,123-бет). Жәудір ана өзінің 60 жылдан аса ғұмырын Әзірет Сұлтан ғимаратының жанында өткізді. Мешітті ұстап, дәріс беріп, емшілік жасайды. Жәудір мешіттің жұмыс істеп, медіресесінде шәкірттердің дәріс алуына ықпал еткен. Мешіт 1914 туылған, осы медреседе оқыған Е.Сүлейменовтың дерегінде «Жәудір Әжі Ахмет» мешіті деп аталған. Осы деректерге сүйенгенде мешіт 1929-1930 жылдарға дейін жұмыс істеген.Үш-төрт бөлмелі,керемет нақышты, өте биік мұнаралы, биіктігі екі үйдей, едені күйдірілген кірпішпен жалтыратылған, төбесі ағашпен өрнектелген мешіт болған екен. Жанында алыстан келіп, оқыған шәкірттер үшін жатақханасы болған.2008-2013 жылдары Жәудір мешітінің орнында жүргізген археологиялық жүгізген қазба жұмыстарының негізінде Шырақшының үйі, 2. Михраб, 3.Мұнара орындары табылған (Тұяқбаев М., Мұсабаев Қ. Жәудір мешітінің орнында 2013 жылдың сәуір-мамыр айларында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының есебі, 2013).

Мешіт эстетикасына тән ғимараттың төрт ұстынға тірелген күмбезі болған. Жергілікті жердің сәулет ерекшелігіне сай күмбез ағашпен жасалып, қаңылтырмен қапталаған. Мұнарасыныңы биіктігін осы мешіт-медіреседе оқып, дәріс алған Ерханбет қари «салтанаты зәулім сарайдай мұнаралы» деген. Қазба жұмыстарының негізінде XIVғасыр, XVII ғасыр, XX ғасыр құрылыс қабаттары табылды, осы жерде XIVғасырда екі мұнаралы мешіт болғанын айғақтайды. Мешіт бөлмесіндегі михраб,қабырғалар геометрияланған өрнектермен нақышталған. Кезінде өте көркем нақыштармен әрленгені байқалады. Михрабтың көлемі 1,5-2 м. (Тұяқбаев М., Мұсабаев Қ. Жәудір мешітінің орнында 2013 жылдың сәуір-мамыр айларында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының есебі. «Әзірет Сұлтан»қорық мұражайының архиві»).

Ел арасындағы деректерде Жәудір мешітінің 1930 жылдарда қиратылғаны айтылады (Байдәулетов, 2000, 123-бет). Жәудір ана Әжі Ахмет мешітінде сауатын ашып, құшныш атанған дейді деректер. Телеу тайпасының Әжі Ахмет руы Қостанай уезінде көп қоныстанған екен. Ол тарихта «Ту ұстаған Толысбай батыр» деген атпен белгілі,Кеңесары Қасымұлының көтерілісінде бас қолбасшының бірі ретінде ту ұстау құрметіне ие болған Толысбай батырдың ауылында 1918 жылы дүние салады.100-ден асқан шағында қайтыс болған Жәудір ана Әзім әулиенің жанына қойылған.Себебі, 1918 жылдардағы

саяси – экономикалық т.б. жағдайлар Жәудір ананы Түркістанға алып келіп жерлеуге мүмкіндік бермеген болуы керек. Жәудір ананың Қамыстыда салдырған мешіті, мазары 1932 жылға дейін Қамысты ауданында болған.

Қаратау аймағы ежелден келе жатқан көптеген тарихи оқиғалар мен саяси-әлеуметтік даму кезеңдерін өткізген аумақ. Бұл жер тамаша табиғатымен, жануарлар, өсімдіктер дүниесімен әйгілі орын. Адамзат тарихының дамуының бастан кешкен кезеңдерінің куәсі ретінде көптеген заттай ескерткіштер сақталған.

XX ғ. 80-ші жылдары көне қалалар, қоныс, мекендер, бекіністерді зерттеу Оңтүстік Қазақстан кешенді экспедициясының жүргізген зерттеуімен байланысты болды. Ол кезде де Қаратау аумағындағы қамалдар зерттеліп, зерделенді. 2004 жылы Тұран археологиялық экспедициясы Қаратаудың Қызылата, Қызылсай өзені шатқалында археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, Қызылсайдың сол жақ жағасындағы биікте орналасқан Қырыққыз, Балақорған бекіністерін, Қызылата қорымын ашты (Елеуов, 2007,15,25-беттер). 193 оба, елді мекен, Қырыққыз, Балақорған қамалдарын зерттеген. Осы нысаналар елдің өткен тарихи оқиғаларының куәсі болған орындар екені анық.

XIV-XVI ғғ. мерзімделген Хантағы ауылынан солтүстік-шығыста, Хантағы өзенінің сол жағасындағы биік төбенің үстінде орналасқан Қыз қамал бекінісі де кезінде аса маңызды қызмет атқарған бекініс болған. Бекіністе қазба жүргізілмеген, оның үстінен және жан-жағындағы құздың етегінен барлау нәтижесінде 14-16 ғғ. ыдыс бояулы және бояусыз ыдыс сынықтарын тапқан. XV-XVIғғ.мерзімделген Ұлқорған бекінісі Хантағы ауылынан үш шақырым солтүстік-шығыста, Хантағы өзенінің оң жағындағы тау жотасының биік төбесінде, өзен деңгейінен жетпіс метр биіктікте орналасқан. Бұл айтылып отырған орындар кезінде ел аузындағы аңыз, өткен тарихи оқиғалардың куәсі, заттай деректері деуге болады. Ел жадында қалған өнегелі өмір, белгілі бір кезеңнің өмір сүру үрдісі, сипаты, аңызға айналған тұлғалар өмірі туралы баяндайды. Сол кезеңдердегі саяси-мәдени жағдай, шаруашылық түрі, өмір сүру салты т.б. туралы мәлімет береді. Археолог ғалымдар зерттеуіндегі тұжырымдарға қарағанда ортағасырлық қалалар мен елді мекендердің қорғаныс жүйесіндегі қарауыл мұнаралар, қарауыл төбелер, бекіністер маңызды орын алған. Кесектен, тастан қаланған мұнаралар мен топырақтан,тастан, тас пен топырақтан үйілген қарауыл төбелер ортағасырлық қаланың, қала аймағының биік жерінде, қалалардың айналасындағы биікте, қаланы не қала аймағын қоршап тұрған төбелердің, тау-жоталарының биік жерінде, тарихи-географиялық аймақтардың арасындағы биіктерге салынған (Елеуов, 2011,106 б).

Елдің саяси-әскери, мәдени, рухани өмірінде ерекше орын алған, өмір сүру ерекшелігімен ұштасқан, аңыз болып айтылып келген, қастерлі орындарға айналған нысаналардың, жерлердің саны өте көп. Олар болашақта әлі де зерделене беретіні анық.

Әдебиеттер тізімі

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. АН. Казахской ССр. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1972. – 214 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв). –Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1981 – 341с.

«Әзірет Сұлтан»Мемлекеттік тарихи-мәдени қорық музейі. Сақтау қоры. Жұма мешіт. Түркістан тарихы экспозициясы. / Қор. Этнография бөлімі. Эсми кк-127, 128, 129, КК 27. КК29.

Байдәулетов С. Алтын киімді Ханзада ұранды қарт қазақтар.-Алматы,2000, -291 бет.

Бейсембаева Л.С. Архитектурные особенности мавзолея Жунус –Ата //Тұран-Түркістан: тарихи-мәдени сабақтастық мәселелері. Ежелгі дәуір және ортағасырлар. Түркістан археологиялық экспедициясының 10 жылдығына арналған ғылыми конференция материалдары. –Түркістан, 2006. -118-121 беттер.

Елеуов М. Түркістан оазисіндегі археологиялық ескерткіштердің ашылу тарихы. Жоғарғы оқу орны студенттеріне арналған көмекші оқу құралы. –Түркістан: Тұран баспасы, 2007. – 37 бет.

Қожа Ахмет Ясауи есімімен байланысты аңыз, әпсана, хикаялар . –Алматы: «Эффект», 2009. -152 б.

Свод памятников истории и культуры Казахстана: Южно-Казахстанская область/ Академия наук Республики Казахстан.-Алматы, 1994. -368 с.

Сенигова Т.Н. Уникальное культовое сооружение аулие Кумчук –Ата в районе г. Туркестане//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. –Алма-Ата: «Наука» Каз ССР, 1976. -236 с.

Сенигова Т.Н. Культовое сооружение около мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави//Археологические исследованияв Отраре.-Алма-Ата: Наука, 1977.-145 с.

Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П., Итенов А.О. Средневековая археология города Туркестана.-Туркестан: Мирас, 1998. -228с.

Тұяқбаев М., Мұсабаев Қ. Жәудір мешітінің орнында 2013 жылдың сәуір-мамыр айларында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының есебі.// «Әзірет Сұлтан» қорық мұражайының архиві». Археологиялық есебтер.

Туякбаев М. Историческая топография и развития городов и поселений Туркестанского оазиса (XII-XIX вв). –Алматы: ТОО «Эффект», 2009. – 208 с.

Г.Ж. Примкулова
Международный казахско-турецкий университет
им.Х.А.Ясави Туркестан, Казахстан
G. Primkulova
International Kazakh-Turkish University after Khoja Ahmed Yasawi
Turkestan, Kazakhstan
gauhar-0068@mail.ru

ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ АЙМАҚТЫҚ-ҰЛТТЫҚ ДӘСТҮРЛЕРДІ ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Түйін. Этникалық мәдениеттің дәстүрлі элементтері, жекелеген бөліктері ұзақ сақталады. Оларды этникалық көрініс қасиеттері арқылы зерттеу өте маңызды. Бұл заттар мен құбылыстар кәсіби мамандарға өзгермегендігімен ғана емес, тұрғындардың өзіне қатыстылығы мен пайдалылығымен де көкейтесті. Бұл тұрғыда, маңызды аспектілердің біріне этностың тарихи-этнографиялық аймақтар шеңберінде ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтау ғана емес, сонымен қатар олардың этникалық дәстүріне байланысты отбасылардың материалдық-қаржылық мүмкіндігіне, діни наным-сеніміне және әдет-ғұрыптарға т.б. факторларға тәуелділігін анықтау да жатады. Аталған факторлардың әрқайсысы дәстүрлі-тұрмыстық мәдениеттің аймақтық-ұлттық бөліктерінің сақталуына, өзгеруіне немесе ауысуына жекелей, немесе жинақты мағынада шешушіне ықпал ете алады. Этникалық мәдениет бөліктерінің ерекшеліктері қазақ этносы шоғырланып орналасқан Оңтүстік Қазақстан, Жетісу, Батыс және Шығыс Қазақстанның көпшілік өңірлері мен аудандарында жақсы байқалады. Бұл мақалада, аталған факторларды ескере отырып, ұлттық дәстүр үлгілерін сақтап, ұрпақтан ұрпаққа жеткізу жолдарын жетілдіру маңыздылығы көрсетіледі.

Түйін сөздер: этникалық мәдениет, тарихи-этнографиялық аймақ, дәстүр, әдет-ғұрып, этнос, этникалық белгілер.

Проблемы изучения и сохранения регионально-национальных традиций в этнической культуре казахов

Аннотация. Традиционные элементы этнической культуры, особенно некоторые из них, сохраняются долго. Их изучение важно через призму этнических свойств, которые имеют устойчивую тенденцию сохранения, как в целом, так и в отдельных ее компонентах. Эти предметы и явления интересны профессиональным исследователям не сами по себе, как нечто застывшее или неизменное, а в их отношении и полезности к самим индивидам. Одним из важных аспектов представляется на наш взгляд не только выяснение сходств и различий конкретно взятого этноса в рамках одной или нескольких историко-этнографических областей, но и их зависимость от этнических традиций, от материально-финансовых возможностей семьи, от религиозных верований и обрядов и т.д. Каждый из перечисленных факторов по отдельности или сум-

марно могут оказывать решающее воздействие на сохранении, изменении или к смене упомянутых компонентов традиционно-бытовой культуры. В таких регионах, как Южный Казахстан, Жетысу, Западный и Восточный Казахстан в духовной, религиозной жизни, общественном быте, семейно-брачных отношениях и т.д в наибольшей степени сохранились этнические черты. В этой статье, на основе указанных факторов, раскрываются необходимость усовершенствования путей сохранения и передачи поколениям образцов народных традиции.

Ключевые слова; этническая культура, историко-этнографический регион, традиции, обычаи, этнос, этнические признаки.

Problems of studying and preserving the regional national traditions in the ethnic culture of the kazakhs

Annotation. Traditional elements of ethnic culture, especially some of them, persist for a long time. Their study is important through the prism of ethnic properties, which have a steady tendency to preserve, both in general and in its individual components. These objects and phenomena are interesting to professional researchers not by themselves, as something frozen or unchanging, but in their attitude and usefulness to the individuals themselves. In our opinion, one of the important aspects is not only to clarify the similarities and differences of a particular ethnos within one or several historical and ethnographic areas, but also their dependence on ethnic traditions, on the material and financial capabilities of a family, on religious beliefs and rituals, and so on. Each of these factors, individually or cumulatively, can have a decisive impact on the preservation, change or change of the mentioned components of the traditional household culture. In such regions as South Kazakhstan, Zhetysu, Western and Eastern Kazakhstan in the spiritual, religious life, social life, family and marriage relations, etc., ethnic features are preserved to the greatest extent. This article, on the basis of these factors, reveals the need to improve the ways of preserving and passing on samples of folk traditions to generations.

Keywords: ethnic culture, historical and ethnographic region, traditions, customs, ethnos, ethnic characteristics.

Әр ұлттың мәдениеті оның жеріне, географиясына, ортасына, әлеуметтік және қоғамдық дамуына, дәстүріне, өзіндік сана-сезім өрістеріне қарай ерекшеленеді. Қазақ халқының мәдениеті өзінің кәсібі мен шаруашылығының заңдылықтарына қарай өркендеп дамыды. Этникалық мәдениет ықылым заманнан жинақталған мәдени тоғындардың сұрыпталып, заман өзгерістеріне қарай ұшталып отыруымен қалады.

Қазіргі ғылымда ұлт дәстүрін зерттеу негіздері этностың рухани мәдениетін күрделі жүйе ретінде тұтас қарастырумен байланысты. Этнос өмірінде дәстүр жүйелі түрде қызмет ету тұрғысынан адамзат тіршілігінің тәжірибелі үлгілерін сақтай отырып, ұрпақтан ұрпаққа жеткізіп, қоғамдық қатынастарды реттеп, мәдениеттің сабақтастығы мен әлеуметтік жүйенің тұрақтылығын қамтамасыз етеді.

Дәстүрлі мәдениет өзінің аймақтық сипатымен, ерекшелігімен әлеуметтік жүйенің дамуының және қызмет етуінің алғышарты болып келеді. Тәжірибе көрсеткендей әртүрлі этноаймақтарда ұлттық дәстүрдің қайта жаңғыруы, дамуы өзіндік бағыттарда іске асады.

Ұлттық салт-дәстүрлер жүйесі – халықтың ғасырлар бойы қалыптасқан тәлім-тәрбиесі, моральдық құндылықтар нәтижесі. Осы жүйе арқылы әр бір ұлт өзін, өзінің рухани мәдениетін, мінез-құлқын, психологиясын қалыптастырып, жаңғыртады. Салт-дәстүрлер жүйесінің заңдылықтарын зерттеу қазіргі қоғамның тұғырлы тенденцияларын және өмір салтын түсінуде, ғылыми тұрғыда оны дамытуда, жетілдіруде негіздеме болады. Ұлттық дәстүр біртұтас жүйе ретінде қарастырыла отырып, өзіндік аймақтық, діни, моральдық, отбасы-жанұялық т.б. ерекшеліктерімен сипатталады (Брижатова С.Б., 1991, с. 16).

Рухани мәдениетті қайта жаңғырту процесі салт-жораларды, ана тіл мен музыканы, әдебиетті, өміршең салттарды, этникалық дәстүрлерді білу, түсіну, сақтау және қолдану арқылы ұлттық және рухани мәдениеттің этникалық бірегейлігін сақтауды, ұлттық сананы өзгертуді, ұлттық рухты қалыптастыруды көздейді.

Кез келген этностың рухани және материалдық мәдениетіне әсер ететін негізгі факторларға ұлттық ерекшеліктің сипаты, қоршаған орта – табиғи және географиялық жағдайы әсер ететіні, ұлттық тарих пен мәдениет – елдің әлеуметтік-экономикалық, саяси және мәдени жағдайлардың синтезі болып келеді. Сондықтан, біз еліміздің, аймақтың, ауданның, ауылдың және айналадағы жерлердің барлық аймақтарында таралған салт-дәстүрімізді немесе орналасқан ұлттық рухани объектілері мен ескерткіштерді кешенді зерттеу мен зерделеу арқылы біліп, мақтана аламыз.

Қазақ халқының этникалық мәдениетін зерттеу белгілі табиғи аймақта, тарихта, мәдениетте, дәстүрлерге, өнердің діни нанымына, әдеби және басқа да ескерткіштерге әлемдік және ұлттық дамудың ерекше кезеңі болып табылатын және нормативтік құбылыстарға айналған ерекше көзқарас ретінде көрсететін әлеуметтік өлшемге негізделеді.

Ежелден еліміздің аумағында халықтың салт-дәстүрімен қатар, далалық, жазықтық, көшпелі, әскери-демократиялық, ауыл шаруашылық, қалалық өркениеттің түрлері болып бірегей қазақ өркениеті қалыптасқан. Ыңғайлы географиялық орналасуы, бай табиғи байлығы, сауда-керуен жолдары, бірегей дәстүрлі материалдық және рухани мәдениет ерекшелігі қазақ өркениетінің дамуына ықпал еткен. Қазақстан аумағының дала өркениетін зерттеу объектілеріне қазақ этносы тарихындағы, мәдениетіндегі, діни көзқарастарында рухани әлем мен жеке басын бейнелейтін ескерткіштер, символдық мәні бар салт-дәстүрлер мен жоралғылар, елеулі белгілер мен киелі, сакралды орындары жатады.

Дәстүр тұрақтылығы – мәдениетті сақтау әдістерінің бірі болып, оның қатарына бірге құралған бірнеше компоненттер жиынтығы жатады. Сонымен қатар, қазіргі таңда дәстүрді сақтау және тарату механизмі ғылыми тұрғыда сауатты зерттеуді қажет етеді. Дәстүрдің әлеуметтік, көркемдік мәдени қабаттарын аймақтық, ұлттық, кәсіби-салалық формада өз қызметіне және жаратылысына қарай сәйкестендіру маңызды. Бұл бағытта дәстүрді сақтау үрдісі мәдениеттің ұлттық нақышта этникалық сипатын нығайту арқылы, тасымалдаушы ретінде болашақ ұрпақты дәстүрге бейімдеуге ықпал етеді. Бұл механизм дәстүрді зерттеу мен жаңғыртуды, оның дәстүрлі элементтеріне жаңа компоненттерді біріктіруді, күнделікті өмір салтында дәстүрдің кейбір өміршең бөліктерін қолдануды көздейді. Өкініштісі, дәстүрді зерттеу мен жаңғырту механизмі басым және

жасанды түрде фольклор, көркемдік сипатта салт-дәстүрді көрсету, мұражай экспонаттары арқылы іске асады (Ромах О.В., 2007, с. 63).

Күнделікті өмір салтында дәстүрдің кейбір бөліктерін қолдану тұрмыс-тіршілік барлық салаларында жаңа компоненттермен ұштасып, әсіресе күнделікті ауызша сөйлеу, әдеттер арқылы көрініс табады. Дәстүрді өзгермеген, өзгеріске ұшырамаған түрде сақтап қалу қиын процесс.

Қарастырып отырған мәселеге байланысты қазақтардың салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары, көптеген халықтарда сияқты, бірнеше жүйелі бөліктерден тұрады. Мысалы, ғасырлар сынынан өткен дәстүр үлгілері қазіргі жаңа тұрғын үй құрылысын жүргізуге мүмкіндік береді. Дәстүрдің жаңа компоненттермен толығып, ұштасу процесін анық байқауға болады. Қазақтар арасында үй құрылысын жүргізуде асарды жасау дәстүрі көрші елдерде сияқты, тамырымен терең тарихқа кетеді. Оған шартты түрде көмек ретінде жақын туыстары, руластары, көршілері мен бір ауылда тұратындарды шақырған. Ол күш сабан кірпішті құю, қабырға қалау, үй төбесін жабу кезінде, жалпы көп адамды қажет ететін жұмыстарды жүргізу кезінде пайдаланылады. Осындай дәстүр Орта Азия республикаларының халықтарында да кеңінен тараған (Абрамзон С.М., Антипина К.И., Махова Е.Н., Сулейманов Д., 1958, с. 156; Аттакуров С., 1998, с. 111; Писарчик А.К., 1970, с. 47).

Мұнда ауыр жұмыстарды жас және орта буын өкілдері атқарып, ал жасы үлкен адамдар өздерінің кеңестерін беріп отырған. Әйелдер сылау, әктеу, сырлау сияқты жеңіл жұмыстарды атқарған. Асарды көп жағдайда үлкен күш пен көп қолды қажет ететін ауыр жұмыс атқарылғанда жақындарының немесе көрші-қолаңдардың, ал соңғы кезде көптеген жағдайда жора-жолдастарының көрсеткен көмектері арқылы жүргізеді. Мысалы, жол салу, арық қазу және арық тазалау. Мұндай дәстүрлі көмек өрт, су тасқыны, жер сілкінісі сияқты табиғи апаттар кезінде туыстары немесе ауылдастары үйінен, шаруашылық құрылыстарынан, малынан айырылғанда жиі қолданылған. Асар жасайтын жұмыс иелері бір күнді белгілеп, ақылдасып, алдын ала көмектесушілерді шақырады. Көмекке келген асаршыларға ақы төленбейді. Жұмыс иелері жұмысшыларға жақсылап дастарқан жайып, құрметпен қызмет көрсетеді. Асарға келген адамдарға қойды құрбандыққа шалып, дәмді тағамдар пісіріліп, құран оқылған. Бұндай асар бір-бірін сыйлауды, жанашырлықты, бірлікті, туысқандықты, достықты білдіреді. Әйелдер жағы асаршыларға ас дайындайды. Дастарқан басында әңгіме-думан құрып, жасалған істің нәтижесіне баға беріп, ән айтылады. Асарға жас балаларда қатысады. Үлкендер оларға жеңіл-желпі жұмыстарды тапсырады. «Жұмыла көтерген жүк жеңіл» демекші қазақ халқы, осындай асар туысқандар мен жора-жолдастар арасындағы қарым-қатынасты нығайтады.

Соңғы кезде асарлатып көмек көрсету дәстүрі әйелдер арасында да ұйымдастырылады. Көптеген жағдайда мұндай асар ұзатылған қыздың киімін және көрпе-төсегін жасауға арналады. Үйдің жақын абысындары мен келіндері, құдағилары, көрші әйелдері жиналып, көрпе мен көрпеше көктеп, жастық тігіп, қызға арнап алған ыдыстар мен киімдерін қарап, жасауын реттейді. Жұмыстың соңында шай, тамақ ұйымдастырылып, әйелдер қыздың жасауына өз ақыл-кеңестерін, пікірлерін айтып кетеді.

Дәстүр тұрақтылығы көп қырлы мәселе болып, өз құрамына жаңұя мүшелерінің жыныс және жасаралық ерекшеліктеріне, жаңұядағы жағдайына, әлеуметтік т.б.

аспектілерге байланысты салт-дәстүрлерді қамтиды. Бұл салт-дәстүрлер киім жүйесінде жалпы түрде ғана емес, сонымен қатар, оның жеке немесе құрамдас бөліктерін, әшекей бұйымдары мен қорғау қызметін атқаратын белгілер арқылы сипатталады. Қазіргі таңда халық арасында үкі қанаттары қадалған алуан түрлі тіл-көзден сақтайтын бойтұмарлар мен қара-ақ көзмоншақтар, Құран сүрелері жазылған тері қаптамаларға салынған тұмарлар кеңінен қолданылады. Сонымен бірге, аталған тіл-көзден қорғайтын заттарды, әсіресе тұмар мен көзмоншақтарды бесіктегі, кіші, мектеп жасындағы балалар ғана емес, ересек балалар да тағады, жұқа былғарыға қапталған тұмарларды мойынға, ал көзмоншақтарды жүзік, білезік түрінде тағады.

Күнделікті өмір салтында дәстүрдің кейбір өміршең бөліктерін қолдану үрдісін қайтыс болған адамның киімдерін тарату, тәбәрік тарату дәстүрі және оның құрметіне жыртыс үйлестіруде байқауға болады. Оңтүстік аймақ мысалында алғанда, өлген адамның киімдерін жақындарына және сүйекке түскендерге үйлестіру кең орын алады – сырт киімдері, костюмдері, бас киімі, аяқ киімі т.б. Ежелгі салт-дәстүр бойынша жаназаға немесе жетісіне қатысқан туыстары мен басқа да ру өкілдеріне ата жолы салтын өткізеді (Ажигали С.Е., 2001, с. 74). Ол бойынша көп жасаған қарт абыройлы адамның киімдерін, шапанын, мата жыртысын жақын туыстары мен құда-жекжатқа, жаназасына келген көпшілікке таратады. Жасы ұлғайған, жүзге келіп немесе сол жасқа жақындап өлген қарттардың тірі кездерінде тұтынған заттарын да тәбәрік деп бөлісіп алады. Ол бізге де жұғысты болсын немесе бізде сондай жасқа жете берейік деген тілекті білдіреді. Тәбәрікке әжелердің жиған зергерлік бұйымдары, киген киімдері, аталардың қамшылары, ер тоқымы, бас киімдері және жеке тұтынған заттары жатады.

Қайтыс болған адамды қабірге, зиратқа жерлеген кезде, оның жасы мен жыныс ерекшелігіне қарамастан барлық қатысқан адамдарға дәстүрлі жыртыс таратылады. Ол үшін бет орамалдар, қол орамалдар, сонымен қатар мата жыртысы (пүліш, барқыт) үлестіріледі. Бұл дәстүр өлген адам жағынан рахымдылық, құрбандық символын білдіреді (Ажигали С.Е., 2001, с. 79). Мата жыртысын алдын-ала жыртып дайындап, жаназаға, жеті күндік асына, бейсенбілігіне келгендерге таратады.

Қазақтарда қазіргі уақытқа дейін біртұтас салт-дәстүрлер мен наным-сенімдердің кешеніне, оның ішінде ғұрыптық тағам түрлеріне ерекше көңіл бөлінеді. Оларды төрт категорияға бөліп көрсетуге болады: достық немесе туыстықты білдіру іс-әрекеттері; достық пен туыстық қарым-қатынастарды қалыптастыру іс-әрекеттері; ризашылық және тілектестік ниетін білдіру іс-әрекеттері; қорғаныс және сақтандыру іс-әрекеттері. Ас жеудің, тамақтанудың алдында немесе сол кезеңде арнайы әдет-ғұрыптар, халықтық дәстүр және шариғат шарттарына сай болады. Мысалы, ас келер алдында және астан кейін келгендер қолын, ауызын сумен шайып, сүлгімен сүртеді. Жасы келген үлкен адам немесе үйдің иесі ас батасын береді. Міндетті түрде «Бісмілләні» айтқаннан кейін тағамды жеуге кіріседі. Бұл қағида «айтылмай желінген ас адал емес, арам, ұшындырады деп есептелінеді» (Абдуллина А.Т., 1997, 79 б.).

Дәстүр ретінде сақталып келген «соғымға» құдалар, туыстар, жақын достар, көршілер шақырылады. Соғымға шақыру кезінде адамдардың санына қарай ет асылады, сыйлы табақ жасалады. Қазіргі кезде туыстарға, жолдастары мен жаңа қоңсыларына дәм татқызу дәстүріне айналып кеткен. Осы категорияға да қайтыс болған құда-жек-

жат пен ағайындардың туыстарын, жас жұбайлары мен олардың бауырларын қонаққа шақыру дәстүрі жатады.

Қазақтар арасында кездейсоқ апаттан сақтанып жүру үшін, мектеп, жоғары оқу орындарын бітірсе, қатты аурудан жазылып тұрса, бәле-жаладан сақтану үшін Аллаға ризашылық білдіру ретінде құрбандық шалады. Сондай-ақ, қазіргі кезде ұзақ жолға шықпас бұрын жолаяқ жасау кәдесі де сақталған. Жолаяққа келгендер жолдың жеңіл және ақ болуын, іс сапарының сәтті аяқталуын тілейді. Үлкендердің баталарын алады. Мысалы, Оңтүстік аймақтың көптеген жерлерінде кең тараған дәстүрдің бірі болып тәтті шай саналады. Үйлену тойынан кейін екі жақты құдалық өткізіп болғаннан кейін құдалар бірін-бірі тәтті шайға шақырады. Екі жақтың жақындары жиналады. Бұл шақырудың мақсаты туысқан болғандықты білдіреді. Дастарқан басынан бірге дәм татып, бір-бірімен жақын танысып, тіпті сырласып отырады. Мұндай кездесулерде киіт беру т.б. кәделер жасалмайды. Екі жақ бірін-бірі осылай шақыруға ұмтылады. Қонақтарға дастарқаннан сарқыт салып береді. Құдасын құдайдай сыйлайтын қазақ халқы осындай кездесулерде жақындығын көрсетеді. Жағдайы келетін жанұялар тәтті шайды арнайы тойханаларда жасап, қонақ күтуге тырысады.

Сыбаға беру халқымыздың бірін-бірі сыйлағанын білдіретін кәделердің бірі. Жиын тойға келмеген қадірлі қонақтарына, жақын туыстарына немесе соғым сойғанда арнайы жақындарына бөлінген мүшелерді сыбаға дейді. Оны не шикідей не піскен еттен, дәмді тағамдардан, тәттілерден береді. Қара шаңырақтағы жасы үлкен жақындарына мүшелі етті арнайы атап беріп жібереді. Берілген сыбаға оларды ескеріп, сыйлағандықтарын білдіреді. Қазақтарда туған-туыстың бір-біріне сәлемдеме беріп жіберу сыйластықтың белгісі ретінде түсіндіріледі. Ұзақ уақыт бойы көріспеген алыстағы ағайындарға туыстары сәлемдеме ретінде сыйлықтармен қатар соғымнан сақталған етті, шайға тәттілер береді.

«Той тамағы – тәтті» дегендей той-думан дастарқанынан тәтті тағамдарды тойға келмеген туыстары арнайы беріп жібереді. Ысырап болып қалмас үшін той жасаған үй көршілеріне, тойда қызмет жасағандарға тағамдарды, тәттілерді тойдан сарқыт деп таратып береді. Тойға келген әжелер мен әйелдер немерелері мен балаларына «тойдан тобықтай» деп қалталарына дастарқаннан салып алады. Көп жағдайда сарқытты «Біз де осындай тойға, жақсылыққа жете берейік» деген тілекпен алады. Той иелері қонақтарының арнайы келіп, қуаныштарымен бөліскендеріне ризашылықтарын білдіріп, сарқыттарын салып береді. Сарқытты тойдың қызығын естуге келген адамдарға «Сарқыттан ауыз тиіңдер» деп дастарқан жасағанда алдарына салады.

Сақталып келген дәстүрлер қатарына аруақтарға табынуға байланысты тағам жүйесіндегі тиымдар мен ырымдар жатады. Ауылды жерлерде әлі де келеңсіз жағдайларға ұшырамау үшін сойылған малдың белгілі бір мүшесін жеуге байланысты тиымдар сақталады. Мысалы, ата-аналары тірі жастар мен балаларға малдың бас сүйегін ұстауға болмайды. Қазақтар арасында әлі де аруақтардың қорғайтын және сақтайтын күшіне сеніп, оларға табынушылықпен байланысты сенімдер сақталуда. Аруақтарды еске алуға байланысты жыл бойы әр бейсенбі немесе жұма күндері, Құрбан, Рамазан айттар алдында құрбандық шелпектер мен бауырсақ пісіріліп, иіс шығарады. Бұл дәстүр ежелгілер қатарына жатпай, отқа май құюмен байланысып, мағыналары бір болып келеді: аруақтарға тие берсін деп, олардан қолдау тілейді (Абрамзон, 1971, с. 33).

Этникалық мәдениет құндылықтарын зерттеудің әлеуметтік-мәдени қызметі мен мәні ерекше. Ол арқылы жеке адамның сана-сезіміне ықпал етуде, ұрпақтар сабақтастығын жалғастыруда тарихи дәуір, салт-дәстүр, мәдениет пен тұлғалар бейнесін көрсетуде маңызды.

Әдебиеттер тізімі

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971. – 403 с.

Абдуллина А.Т. Современные этнокультурные процессы в среде сельского населения Жетысу: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1997. – 25с.

Абрамзон С.М., Антипина К.И., Махова Е.Н., Сулейманов Д. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан // Труды НЭ АНССР. – Т. 37. – М., 1958. – С. 3-272.

Ажигали С.Е. Религиозность и обрядность сельчан Казахстана в ближайщей ретроспективе: Жетысу, середина 80-х // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Сборник статей. – Алматы, 2001. – С. 35-96.

Аттакуров С. Қырғыз этнографиясы. – Бишкек: Қырғыз ун-ти, 1998. – 200 с.

Брижатова С.Б. Формирование культурной среды средствами культурно-просветительных учреждений. Автореферат дисс. ... канд. пед. наук/. -Московский гос. ин-т культуры. 1991. -16 с.

Писарчик А.К. Жилище // Таджики Каратегина и Дарбаза. –Душанбе, 1970. – Вып.2. – С. 19-115.

Ромах О.В. Национальные традиции: механизмы сохранения и трансляции // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 4. – С. 63-64.

Б.А. Сиражева
Государственный историко-культурный заповедник-музей «Берел»
Астана, Казахстан
B.A. Sirazheva
State historical and cultural reserve-museum «Berel»
Astana, Kazakhstan
E-mail: bulbul81@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ИНСТРУМЕНТАРИИ ОБРАБОТКИ КОСТИ КАЗАХСКИХ МАСТЕРОВ

Аннотация. Косторезное дело казахов находит свое отражение, в исследованиях отечественных ученых, начиная со второй половины XX в. Однако, до сегодняшнего дня, косторезное искусство казахов не изучалось в контексте эволюционного развития и преемственности технологических особенностей, что оставило множество пробелов в изучении данного направления. В связи с этим, по-новому осмыслен ряд материалов, представленных в трудах А.Х. Маргулана, Э.А. Масанова, М.С. Муканова, Н.А. Оразбаевой, Х. Аргынбаева, А. Тажимуратова, С. Касиманова, Г.А. Щербик и других авторов, исследовавших эту тему. Сделана попытка определить уровень обработки костяного и рогового сырья, технологические приемы изготовления предметов и необходимый набор инструментов. Рассмотрены методы обработки сырья и выделены основные орнаменты, используемые казахскими мастерами.

Ключевые слова: косторезное дело, кость, рог, казахи, технология.

Қазақ шеберлерінің сүйекті өңдеудің технологиялық жүйесі мен құралдары

Түйін. Қазақтардың сүйек өңдеу ісі отандық зерттеушілердің еңбектерінде XX ғ. екінші жартысынан бастап көрініс таба бастады. Алайда, бүгінгі күнге дейін қазақтардың сүйек өңдеу өнері технологиялық ерекшеліктерінің эволюциялық дамуы және ұрпақтан ұрпаққа жалғасуы контексінде зерттелген жоқ, бұл осы бағытты зерттеуде ақтаңдақтар қалдырды. Осыған орай, бұл тақырыпты зерттеген Ә.Х. Марғұланның, Е.А. Масановтың, М.С. Мұқановтың, Н.А. Оразбаеваның, Х. Арғынбаевтың, А. Тажимуратовтың, С. Касимановтың, Г.А. Щербиктің және т.б. авторлардың еңбектерінде ұсынылған бірқатар материалдардың мәні жаңаша түсіндірілді. Сүйек және мүйіз шикізатын өңдеу деңгейін, заттарды жасаудың технологиялық әдістері мен қажетті құралдар жиынтығын анықтауға талпыныс жасалды. Қазақ шеберлері пайдаланылатын шикізатты өңдеу әдістері қарастырылып, негізгі өрнек түрлері бөлініп көрсетілді.

Түйін сөздер: сүйек өңдеу ісі, сүйек, мүйіз, қазақтар, технология.

Technological system and tools of bone processing of kazakh masters

Annotation. Kazakh bone carving has been reflected in the researches of domestic scientists since the second half of the twentieth century. However, Kazakh bone carving art has not been studied in the context of the evolutionary development and continuity of technological

features until today, due what there are many gaps in the studies of this field. In this regard, a number of materials was presented in the works of A.Kh. Margulan, E.A. Masanova, M.S. Mukanova, N.A. Orazbaeva, Kh. Argynbaeva, A. Tazhimuratova, S. Kasimanova, G.A. Scherbik and other authors who have studied this theme. There was an attempt to determine the level of bone and horny raw materials processing, technological methods of processing objects and necessary sets of tools. Raw materials processing methnods are considered and the main patterns used by Kazakh masters are distinguished.

Keywords: bone carving, bone, horn, the Kazakhs, technology.

Косторезное дело у казахов было значительно развитым по сравнению с предшественниками, населявшими данную территорию (Масанов, 1963, с. 105). Об этом свидетельствуют широкий ассортимент изделий, сложная орнаментация этих предметов и наличие особо тонких работ, требующих достаточно высокой техники исполнения.

Как пишет Н.А. Оразбаева, косторезное дело в XIX в. носило черты профессионального ремесленного производства, и этой работой занимались только мужчины (Оразбаева, 1959, с. 145). Э.А. Масанов утверждает, что обработкой кости занимались профессиональные мастера-косторезы (сүйекші), а также частично резчики по дереву, серебряники, кузнецы и седельщики. Занятие косторезным делом другими категориями ремесленников он объясняет слабым развитием общественного разделения труда в казахском обществе (Масанов, 1963, с. 105).

В косторезном деле в основном использовалось скотоводческое сырье, охотничьи трофеи, а также такой импортный материал, как слоновая кость. Г.А. Щербик пишет, что кость и рог привлекают мастеров-косторезов своей твердостью, пластичностью, блеском и тонкими цветовыми оттенками (Щербик, 2008, с. 106). Первое качество позволяло мастерам применять ажурную резьбу, второе давало возможность достигать мягкой моделировки рельефных и структурных форм, третье придавало особую красоту создаваемым вещам (Там же, 110).

После осмысления ряда материалов, представленных в трудах А.Х. Маргулана, Э.А. Масанова, М.С. Муканова, Н.А. Оразбаевой, Х. Аргынбаева, А. Тажимуратова, С. Касиманова, Г.А. Щербик и других, мы убедились в скудости сведений относительно технологической системы косторезного дела казахов. Информация о материалах, инструментариях и о технических приемах косторезного дела в трудах указанных авторов часто перекликается. В основном косторезное дело рассматривают в контексте деревообработки, камнерезного и ювелирного ремесла. Из авторов только Н.А. Оразбаева и С. Касиманов сделали успешные попытки специального описания косторезного дела, отделив его от других видов ремесла.

В связи со сжатостью информации, как уже было отмечено, приводим обобщающие выводы касательно технологической системы казахского косторезного дела, основываясь на трудах вышеуказанных этнографов.

Оразбаева Н.А. и Щербик Г.А. пишут, что материалы для своей работы мастера-косторезы выбирали в сезон массового заготовливания мяса (называемого у казахов «соғым»), проводимого в конце осени или в начале каждой зимы в зависимости от природных и погодных условий. Для этого мастер-косторез заранее договаривался с зажиточными семьями, чтобы отобрать более подходящие кости (Оразбаева, 1959, с.

145; Щербик, 2008, с. 110). А.Х. Маргулан же указывает, что материал накапливался в течение зимы (Маргулан, 1986, с. 192). Мы больше склоняемся к мнению А.Х. Маргулана, поскольку в казахской пищевой традиции разные части туши скота имеют разную пищевую и кулинарную ценность, каждая часть распределялась и береглась для индивидуального гостя соответствующего ранга. В любом случае мясо и кости должны были использовать в качестве пищи. Но, учитывая авторитет мастеров-косторезов, допускаем возможность того, что для них могли делать исключения либо могли резать скот специально для выполнения индивуального заказа какого-нибудь зажиточного человека. В основном для дела отбирались лопатки, голень, ребра, челюсти упитанного скота, отличающиеся от основной массы своей эластичностью, прочностью и приятным желтоватым оттенком, схожим с цветом слоновой кости (Щербик, 2008, с. 110). Часто в работу шли нижние челюсти и ребра лошадей и верблюдов.

Оразбаева Н.А. пишет, что отобранный материал вываривали в котле в течение нескольких часов, затем каждую кость разрезали на отдельные, в зависимости от размеров поделки, куски, которые, в свою очередь, рассекали вдоль так, что из куска ребра или челюсти получались две неровные, слегка выпуклые пластинки (Оразбаева, 1959, с. 146). Эти пластинки распаривали, затем крепко сжимали в тисках между двумя железными рамками, а после остывания вынимали из тисков совершенно прямыми. Г.А. Щербик аналогичную процедуру описывает более детально: «Кость варили, разделяли, помещали между дощечками, стягивали сыромятными ремешками, накрывали тяжелым камышом, позднее зажимали в тиски. В результате кость выпрямлялась, резалась на пластины и была готова к работе» (Щербик, 2008, с. 110).

Обработка рогового материала происходила несколько по-другому. Э.А. Масанов приводит информацию, полученную от серебряника А. Тубекова из Акмолинской области, о том, что рога шли в дело сразу же после того, как были сняты с животных, и особо не обратывались (Масанов, 1963, с. 105). Н.А. Оразбаева пишет, что обработка рога аналогична процедуре отделки костяного материала, только без предварительного вываривания. Однако роговой материал уплощали с помощью подогрева на огне, перекладывая на разные стороны время от времени, чтобы обеспечить равномерное распрямление (Оразбаева, 1959, с. 146).

Остывшую кость мастер разделывал на различные пластины. Эти пластины затем покрывались узором и накладывались на поверхность украшаемого предмета с помощью гвоздей со шляпкой (Там же).

Оразбаева Н.А. пишет, что в изделия конца XIX – начала XX в. под орнаментированные костяные пластинки подкладывали разноцветную ткань, чаще всего красное или черное сукно, и отмечает, что при этом страдали художественное качество и прочность изделий. Она приводит в пример музейные коллекции, в которых от разноцветных тканей под костью в большинстве случаев сохранились только остатки неопределенного цвета, так как ткани быстро выцветали и разрушались от воздействия сырости, яркого солнца и различных насекомых-вредителей (Там же).

Косторезное дело требует терпения, внимательности и высокого мастерства. Трудности данного ремесла мастер Б. Божжигитулы объясняет следующим образом: «Например, чтобы украшать один купол юрты требуются кости нескольких крупных верблюдов, коров или лошадей. После извлечения кости до превращения его в орнаментиро-

ванную пластину проводятся несколько процедур. Из костей снимаем шкуру и извлекаем костный мозг. Затем их отмываем различными растворами и заливаем специальные смеси и оставляем на 24 часа. После сушим и продолжаем обрабатывать, как бы то ни было, это очень сложная работа» (Бозжігітұлы, 1998, с. 4).

Иногда для получения идеальной белизны кость оставляли на солнцепеке. Насколько нам известно, такое испытание выдерживали только верблюжьи кости. В процессе высыхания обычные кости начинают стягиваться, трескаться или покрываться коркой.

При обработке костей и рога применялись самые примитивные инструменты, которых мы перечислим в последующем пункте.

Основные орнаменты, используемые в косторезном деле казахов. Касательно орнаментации изделий из кости в 20-е гг. XX в. Ш. Кутхуджин и Е.Р. Шнейдер писали: «По содержанию орнаментальных сюжетов значительно проще резьбы по дереву» (Кутхуджин, 1950, с. 58; Шнейдер, 1927, с. 144). А группа ученых во главе с С.М. Дудином считала, что орнаменты на косторезных изделиях казахов бывают только геометрическими (Дудин, 1925, с. 170). Но точку зрения указанных ученых можно оспорить следующей информацией, содержащейся в труде Э.А. Масанова: «Ажурный и гравированный орнамент на костяных изделях состоял из элементов космогонического, геометрического, растительного и зооморфного характера. Космогонические и зооморфные элементы рисунка наносили на кость обычно гравировкой. К первым из них относились: мотив солнца, переданный концентрическими кругами и встречающийся почти на всех изделиях из кости, мотив звезды, изображение месяца. Из зооморфных элементов чаще встречались полные и неполные симметричные спирали, известные как изображения бараньего рога, сердцевидные узоры, s-образные элементы, символизирующие бараньи рога. Растительный орнамент был в виде трилистников, тюльпанов, лотосообразных цветков, стеблей растений, листьев в разнообразных композиционных сочетаниях. На предметах из кости также изображали оружие, части юрты, посуду» (Масанов, 1963, с. 107-108). К тому же Э.А. Масанов, анализируя часто встречаемый на костяных изделях орнамент в виде «перевернутой запятой», пишет, что этот узор является составной частью казахского орнамента «туйетабан», то есть «верблюжй след» (Там же, с. 108), и ссылается на Т.К. Басенова, который рассматривает данный узор как «продукт творческой переработки и синтеза зооморфного и растительного орнаментов (Басенов, 1958, с. 61). Это еще раз подчеркивает то, что мастера-косторезы не только владели сложной техникой орнаментирования, но и постоянно совершенствовали свои навыки.

Мастера-косторезы. В толковом словаре казахского языка определение «мастер-косторез» разъясняют как «сүйекші» (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1985, с. 406). Также Э.А. Масанов отмечает, что человека, занимающегося косторезным делом, казахи называли сүйекші (Масанов, 1963, с. 105). Группа ученых во главе с А.Х. Маргуланом, такие как Х. Аргынбаев, А. Тажимуратов, У. Жанибеков (Маргулан, 1986, с. 191; Арғынбаев, 1987, с. 41; Тәжімұратов, 1977, с. с. 74-75; Жанибеков, 1982, с. 71), называет таких специалистов просто мастерами, а С. Касиманов (Қасиманов, 1995, с. 101) назвал «сүйек ұқсатушы зергерлер» (ювелиры косторезного дела).

На основе изученных этнографических и музейных материалов можно делать выводы о том, что профессиональные мастера-косторезы, практикующиеся только на этом

виде материала, на казахстанской территории были немногочисленны. Например, Н.А. Оразбаева приводит имена всего трех мастеров: это мастер Азмагамбет, живший в Семипалатинской области, мастер Мукан из Павлодарской области и мастер Касымов (автором приведен без имени) из Кокшетау (Оразбаева, 1959, с.147, 149-150).

Масанов Э.А. оставил нам данные только одного мастера – А. Тубекова из Целиноградской (ныне Акмолинской) области (Масанов, 1963, с. 107).

Маргуланом А.Х. отмечены работы мастеров Д. Шокпарулы, Ж. Умбетова, М. Мусаева (Маргулан, 1986, с. 221), а Х. Аргынбаев пишет, что на территории Актюбинской области в 1910–1915 гг. мастер по имени Шырын делал седла, инкрустированные костью (Арғынбаев, 1987, с. 26).

У А. Тажимуратов имеется информация, полученная во время экспедиции в Мангыстаускую область в 1970 г., где озвучены данные таких мастеров, как Сахи Байтенизов, Кулмырза Утегенов, Ырзахан Утешов, Шаншар Енсеев, Тапен Конуров (Тәжімұратов, 1977, с. 74).

Еще в 1959 г. Н. Оразбаева писала о необходимости выявления народных мастеров-косторезов и об объединении их в артели, чтобы они смогли передать свой богатый опыт и высокое мастерство молодежи (Оразбаева, 1959, с. 158). Уже через три года, в 1962 г., С. Касиманов отмечает, что имеются народные мастера, которые развивают косторезное дело, занимаются обучением молодежи этому непростому ремеслу, и в его посмертно переизданной книге (в 1995 г.) приводятся в пример коллективы Шымкентского, Алматинского и Семипалатинского мясокомбинатов, получившие признание на I–XI республиканских выставках и занимавшие призовые места. Также пишет, что в колхозах и совхозах имеются довольно известные мастера-косторезы, часто побеждающие на выставках республиканского и областного масштаба (Қасиманов, 1995, с. 103-104).

Сейчас уже трудно установить связь такого заметного продвижения в данном деле с предложением Н.А. Оразбаевой, не знаем, «услышали» ее или нет. Хотя не исключаем такой возможности, так как первая выставка достижений народного хозяйства Казахстана, на которой демонстрировались изделия косторезов, состоялась в Алма-Ате 18 июня 1961 г. Вполне возможно, что замечания видного ученого были учтены.

Касиманов С. также указывает имена отличившихся мастеров на вышеуказанных выставках: это мастер из Жамбылского района Алматинской области Н. Сейдахметов, алмаатинец Л. Емуранов, жители села Байганин Актюбинской области К. Камысбаев и К. Оразбаев, мастер из Западного Казахстана Х. Молдашев, из Атырау – К. Билибаев, карагандинец А. Кошкарбергенов (согласно информации автора, данный мастер в 1957 г. на выставке представил уникальный асадал, украшенный 40 костяными пластинами), мастера А. Абылаев и А. Алдабергенов, кызылординец Б. Ибраев, мастера из Усть-Каменогорска А. Есков и Л. Панченко, мастер с юга – А. Есалиев, павлодарцы А. Абишев, Б. Куржикеев, А. Нурымов (Там же). Вышеуказанные мастера, по словам С. Касиманова, являются неоднократными призерами республиканских выставок ремесленников. Как мы понимаем из трудов С. Касиманова, с 1961 г. на фоне зарождения традиции проведения ВДНХ (за историю ВДНХ Казахской ССР проведено всего 15 выставок) возобновилось косторезное дело, выявлены имена народных мастеров, в некоторых местах были образованы своеобразные школы мастеров-косторезов. Однако нам непонятно,

куда делось все это изобилие косторезных экспонатов, созданных во второй половине XX в. Их мы в музейных коллекциях не встретили. Пожалуй, потребуется организация целой этнографической экспедиции для обнаружения этих работ.

По сообщению С. Касиманова, среди известных мастеров есть имя отца Шамши Калдаякова, автора современного гимна Республики Казахстан, – это Калдаяк Домбаев, однако его указывают в качестве мастера-универсала, как косторeза, деревообработчика, кузнеца и ювелира.

Также А.Х. Маргуланом отмечен Даркембай Шокпарулы как молодой мастер, подающий большие надежды (Маргулан, 1986, с. 220); через года он стал не только известным мастером-универсалом, но и оставил заметный след в казахской этнографии, в изучении традиционного казахского ремесла. Сегодня эту традицию продолжает его сын Даулет Шокпарулы, ныне проживающий в селе Акши Алматинской области и организовавший «шеберлер ауылы», то есть деревню мастеров.

В настоящее время косторезное дело, как и везде, переходит в сферу сувенирной продукции, и все меньше людей занимаются данной трудозатратной деятельностью. Некоторые мастера-современники уходят из жизни, так и не научив никого своему делу. Например, известный мастер-универсал Бакыт Бозжигитулы прославился в Казахстане своими юртами в полном убранстве. Однако, как утверждает его супруга, за всю жизнь он ни разу не брал ни помощников, ни учеников.

Современные народные мастера, такие как Алдаберген Тиленбаев из Актау, Ергали Саткенов из Петропавловска, Абилкайыр Ералиев из Кызылординской области, Пахриддин Садыков из Туркестана, семья Нарботановых из Алматинской области, занимающиеся косторезным делом, работают преподавателями технологии в школах и колледжах. Благодаря им казахское косторезное дело продолжает существовать и развиваться уже по новым методам и технологиям в связи с расширением технических возможностей мастеров.

Инструментарий казахских мастеров. Касательно инструментария казахских мастеров существуют различные мнения. Н.А. Оразбаева пишет: «Ни одной этнографической экспедиции, работавшей в Казахстане, не удалось встретить набора инструментов для обработки кости. Музей, который заинтересован в их приобретении, тоже не имеет сведений о мастере, располагающем таковыми» (Оразбаев, 1959, с. 158). Наоборот, в работах Э.А. Масанова имеется информация об инструментах казахских мастеров-косторезов; он отмечает: «Казахские косторезы всегда работали вручную и не имели каких-либо станков или сложных приспособлений. Их инструмент был очень прост. Это прежде всего – шот, стамески и рашпили, напильники с мелкой насечкой, молоточки, столярные лобзики для выпиливания ажура, пилы, резцы, казахские сверла (бұрғы). Обычно кость закрепляли на дереве в специальных гнездышках роговыми гвоздиками или медными заклепками, часто с серебряными шляпками» (Масанов, 1963, с. 105).

Маргулан А.Х. в свою очередь ссылается на работу Э.А. Масанова следующим образом: «Инструменты, которыми пользовались казахские плотники, токари и резчики, подробно описаны Э.А. Масановым» (Маргулан, 1986, с. 190).

Простоту и ограниченность ассортимента орудий у мастеров-косторезов Х. Аргынбаев объясняет тем, что мастера обычно были выходцами из очень бедных семей, в связи с этим не могли себе позволить оснащенную мастерскую, и к тому же от них требовались минимализм и мобильность при перекочевке (Арғынбаев, 1987, с. 5).

Касиманов С. перечисляет следующие виды инструментов казахских косторезов: жылан тіл пышқы (лобзик в виде языка змея), напильники разных размеров, шапашот (топорик в виде мотыги), асыл ыңғыру (кривой нож из благородного металла), қайқы пышақ (нож с изогнутым клинком), үскіы (сверло, толстое шило), майда шарық (мелкие точила), түрпі қағаз (наждачная бумага) (Қасиманов, 1995, с. 100-108).

В мастерской Д. Шокпарулы помимо вышеуказанных имелись следующие виды инструментов: түрпі (рашпиль, терпуг), кескіш (резец, зубило), ара (пила), іскеңже (тиски), бәрбі (иногда пәрбі – ручная дрель), ақсақ темір (самодельный циркуль) (Шоқпарұлы, 2005, с. 195).

В заключение нужно отметить, что, все попытки выявить специфический инструментарий мастеров-косторезов пока безрезультатны. Возможно, в среде кочевников мастера были универсалами и, по-видимому, у них был общий инструментарий для кузнечного, камнерезного, ювелирного, косторезного дела и для деревообработки.

Список литературы

Арғынбаев Х. Қазақ халқының қолөнері. – Алматы: Өнер, 1987. – 281 б.

Басенов Т.К. Прикладное искусство Казахстана. – Алма-Ата: Худож.лит., 1958. – 46 с.

Бозжігітұлы Б. Қазағымның қастерлі құтханасы. // «Маңғыстау» газеті. 21 наурыз 1998 жыл. – Б. 4

Дудин С.М. Киргизский орнамент // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 5. – М.-Л., 1925. – С. 164-183

Жанибеков У. Культура казахского ремесла. – Алматы, 1982. – 213 с.

Кутхуджин Ш. Казахская орнаментика // Изв. Акад. Наук Казах. ССР. Сер. искусствоведения. – 1950. – № 78, вып. 1. – С. 51-60

Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. П-Т (планетарий – тандыру). – Алматы: Ғылым, 1985. 8-том, – 591 б.

Қасиманов С. Қазақ халқының қол өнері. – Алматы: Қазақстан, 1995. – 240 б

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. – Алма-Ата: Онер. Т. 1. 1986. – 256 с.

Масанов Э. А. Заметки о резьбе по кости и камню у казахов (вторая половина XIX – начало XX века) // Труды института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. – Алма-Ата, 1963. Т. 18. – С. 103-121

Оразбаева Н.А. Искусство резьбы по кости у казахов // Труды института истории, археологии и этнографии АН Каз ССР. Т.6. 1959, – С. 144-158

Тәжімұратов Ә. Шебердің қолы ортақ. – Алматы: Қазақстан, 1977. – 96 с.

Шнейдер Е.Р. Казакская орнаментика//Казаки. Антропологическиеочерки под ред. С.И.Руденко (Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Серия казакстанская). – Л., 1927. – С. 135-171

Шоқпарұлы Д. Қазақтың қолөнері: альбом. – Алматы: «Өнер», 2005. – 176 б.

Щербик Г.А. Очерки народного искусства Восточного Казахстана (XIX – начало XX вв.): Произведения из коллекций областного историко-краеведческого музея/Управление культуры Восточно-Казахстанской области, Восточно-Казахстанаский областной историко-краеведческий музей. – Усть-Каменогорск, 2008. – 288 с.

Э.Р. Усманова[1], И.А. Семьян[2], В.Н. Лукашов[3], Е.С. Лукашова[3], Е.Н. Лукашов[4]
[1]Карагандинский государственный университет
им. Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан
emmadervish2004@mail.ru
[2]Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Россия
[3]Общественное объединение «Молодежный клуб
историко-ролевого моделирования «Легион»
Петропавловск, Казахстан
[4]Астана, Казахстан
E.R. Usmanova[1], I.A. Semyan[2], V.N. Lukashov[3], C.S. Lukashova[3], Ye.N. Lukashov[4]
[1]Buketov Karaganda State University
Karaganda, Kazakhstan
emmadervish2004@mail.ru
[2]South Ural State University
Chelyabinsk, Russia
iohann_yarl@mail.ru
[3]Public Association «Youth Club of Historical and Role Modeling «Legion»
Petropavlovsk, Kazakhstan
vitaly_lukashov@mail.ru
[4]Astana, Kazakhstan
87051148562a@gmail.com

ФЕСТИВАЛЬ «ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ» КАК СПОСОБ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Аннотация. В статье раскрывается концепция, цель и задачи, просветительный смысл первого в Казахстане Международного фестиваля древних технологий и культурных коммуникаций «Desht-Thor» памяти Тура Хейердала (г. Лисаковск, 4-5 августа 2018 г.). Фестиваль рассматривается как культурный бренд Казахстана, способ представления технологических достижений эпохи бронзы и кочевников степной Евразии в контексте мировых коммуникаций. Фестиваль носит комбинированный характер, сочетая экспериментальную археологию, ресурсы археологического и этнографического свойства. В ходе его проведения соблюдался комплексный подход в организации площадок, связанный с показом процесса литья, изготовления орудий труда и керамики, ткацких технологий эпохи бронзы. Демонстрация реплик костюмов, изготовленных на основе материальных свидетельств древней одежды степных сообществ дополнила технологические тренды эпохи бронзы и средневековья. Фестиваль объединил реконструкторов из Казахстана и России с целью представления и популяризации историко-культурного наследия Великой степи в контексте концепции древних коммуникаций и развития технологий, с применением археологического эксперимента.

Ключевые слова: фестиваль, технологии эпохи бронзы, археологический эксперимент, коммуникации, Великая степь.

Ұлы даланың мәдени мұрасын қайта құру тәсілі ретінде «Ежелгі технологиялар мен мәдени коммуникациялар» фестивалі

Түйін. Мақалада Тур Хейердалды еске алуға арналған Қазақстандағы алғашқы «Desht-Thor» ежелгі технологиялар мен мәдени коммуникациялар Халықаралық фестивалінің тұжырымдамасы, мақсаты мен міндеттері, ағартушылық мәні ашылады(Лисаковск қ., 2018 жылдың 4-5 тамызы). Фестиваль Қазақстанның мәдени және туристік бренді, қола дәуірінің және Еуразия даласындағы көшпенділернің технологиялық жетістіктерін әлемдік байланыс мәнмәтінін ұсыну тәсілі ретінде қарастырылады. Фестиваль археологиялық ғылыми тәжірибені, археологиялық және этнографиялық қасиеттерді ұштастыра отырып, құрамдастырылған сипатқа ие. Оны жүргізу барысында қола дәуіріндегі құю, еңбек және керамика құралдарын, тоқыма технологияларын жасау барысын көрсетумен байланысты алаңдарды ұйымдастырудағы кешенді тәсіл орындалды. Дала қоғамдастықтарының ежелгі киімдерінің материалдық куәліктері негізінде дайындалған костюмдердің көшірмесін көрсету қола және орта ғасыр дәуірінің технологиялық трендтерін толықтыра түсті.Фестиваль Ұлы даланың тарихи-мәдени мұрасын ежелгі коммуникациялар тұжырымдамасы мен технологияларын дамыту мәнмәтінінде, археологиялық ғылыми тәжірибені қолдану арқылы көрсету және таныту мақсатында Қазақстан мен Ресейдің қайта құрастырушыларын біріктірді.

Түйін сөздер: фестиваль, қола дәуірінің технологиясы, археологиялық ғылыми тәжірибе, коммуникация, Ұлы дала.

Festival of «Ancient technologies and cultural communications» as a way of reconstruction of cultural heritage of the Great steppe

Annotation. The article reveals the concept, goal and objectives, the enlightenmental meaning of the First International Festival of Ancient Technologies and Cultural Communications «Desht-Thor» in memory of Thor Heyerdahl, held in Kazakhstan, Lisakovsk on August 4-5, 2018. The festival is viewed as a cultural brand and a way of presenting the technological achievements of the Bronze Age and nomads of the steppe Eurasia in the context of world communications. The festival combined experimental archeology, resources of archaeological and ethnographic evidences. Experimental platforms presented an integrated approach of the casting process, the manufacture of tools and ceramics, and the weaving technologies of the Bronze Age. The festival united reconstructors from Kazakhstan and Russia with the aim of presenting and popularizing the historical heritage of the Great Steppe in the context of the concept of ancient communications and the development of technologies, using an archaeological experiment.

Keywords: festival, Bronze Age 's technology, archaeological experiment, communication, Great Steppe.

Предтеча. Рождение идеи Фестиваля. Костанайская область в контексте древней истории Великой степи – это замечательное собрание памятников эпохи палеометалла,

эпохи бронзы, ранних и средневековых кочевников. Исторически и культурно все обозначено в этой части Евразийской степи, в пограничье между степью и лесом, которое объединило памятники во всем их многообразии и великолепии. Всемирно известный комплекс Алексеевский, открывший культурные достижения эпохи бронзы. Роскошный энеолит Кумкешу, Терсека обозначил проблемы доместикации лошади в хозяйстве древнего человека. Поселение Конезавод на окраине города Костаная – еще один оригинальный пазл в истории бронзового века. Погребения Бестамака, Халвайский и Лисаковский комплексы – неповторимые открытия степной бронзы времени миграций и становления культур и технологий бронзового века. И конечно загадочные ритуальные геометрические комплексы Тургая («геоглифы») – одно из самых интересных открытий XXI в.

В последнее время возросла популярность палеогенетических исследований, которые предоставили возможность в новом ракурсе взглянуть на проблемы древних миграций и культурных коммуникаций. Материалы костанайских памятников эпохи бронзы: Бестамак, Халвай, Лисаковский, Новоильиновский, участвуют в глобальном европейском проекте по изучению палео-ДНК и реконструкции древних миграций (Centre for GeoGenetics of University of Copenhagen). В 2015 г. команда скандинавских исследователей (Peter Damgaard, Sturla Ellingvag) работала с археологами из научно-исследовательских центров Караганды, Костаная, Павлодара, Алматы. В команде была дочь знаменитого путешественника Тура Хейердала –. Helene Elisabeth Heyerdahl. Известный путешественник, исследователь Тур Хейердал был поклонником глобальных коммуникаций и рассматривал степь как одно из звеньев миграций и ярких культурных импульсов в древности. И как результат сотрудничества казахстанских археологов в соавторстве с мировыми учеными – три публикации в мае 2018 г. в топовых научных журналах современности: Nature, Science. Это большой успех нашей казахстанской археологии Биологи, археологи и антропологи построили «генетическую карту» кочевников, населявших евразийские степи в древности и в средние века (https://nplus1.ru/news/2018/05/09/genetic-map). Ученые описали генетические связи между степными народами, а также пути распространения по Евразии некоторых заболеваний.

Открытия будут продолжаться. Новая статья готовится по миграциям древнего населения в эпоху бронзы. Степь открывает свои тайны. В продолжение темы глобальных коммуникаций и распространения технологий Лисаковской археологической экспедицией совместно с Центром экспериментальной археологии «Археос» (Челябинск, Россия), Молодежным клубом историко-ролевого моделирования «Легион» (Петропавловск) был задуман и осуществлен *Первый международный фестиваль древних технологий и культурных коммуникаций «Desht-Thor» памяти Тура Хейердала.*

Desht – это ключевое слово от Дешт-и-Кипча́к, исторического региона Евразии, представляющий собой Великую Степь от низовий Дуная до Иртыша и озера Балхаш. *Thor* – это имя Тура Хейердала, одного из первых реконструкторов, основателя теории древних коммуникаций и влияния степных культур на культуры Западной Европы в древности (рис. 1). Семья великого путешественника дала разрешение на использование его имени для фестиваля. Это является для нас большой честью, и придает фестивалю мировой акцент. Название нашего фестиваля соединило Восток и Запад. Тема фестиваля: «Древняя история технологий Великой степи в контексте мировых культур-

ных коммуникаций». Логотипом фестиваля выбран образ золотой бляшки, найденной в погребении эпохи бронзы в комплексе Новоильиновский, Тарановский р-он, Костанайская обл. Автор логотипа Э. Алтынбекова, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым». Бляшка по форме очень напоминает лодку, ладью, являясь замечательным примером древних контактов в степном пространстве. Слоган Фестиваля: *Реконструкторы всех стран, объединяйтесь в Великой степи!*

Рис. 1. Плакат «Международный фестиваль древних технологий и культурных коммуникаций «Desht-Thor» памяти Тура Хейердала». Автор В. Лукашов

Социально-культурный смысл Фестиваля. Распространенной на сегодняшний день практикой является создание популярных культурных стереотипов о древней истории с помощью обращения к историческим достижениям далеких территорий, древ-

них государств и цивилизаций. В этой модели истории родной страны и краю остается место культурной периферии, имеющей лишь вторичные признаки величия центров цивилизации. Однако изучение археологических памятников Великой степи доказывает, что она являлась территорией ярких исторических процессов, древних культурных коммуникаций, глобализации технологических идей, одним из центров формирования индоевропейского и тюркского миров.

Создание комбинированных мероприятий внутреннего туризма, посвященных экспериментальной археологии и живой истории древности является прогрессивной мировой тенденцией. Комплексный подход в создании площадок фестиваля и грамотная музеефикация местных достопримечательностей способствуют развитию интенсивного внутреннего и международного туризма, а также реализует в лучшей форме функции просвещения патриотического и экологического воспитания населения. Концепция подразумевает принципиально новую модель экспонирования археологического наследия. Принимаются решения для формирования интерактивной составляющей познавательного и развлекательного процессов. Фестиваль становится объектом познавательного (просветительского туризма) для детей и взрослых, а также оборудованным полигоном для взаимодействия специалистов-археологов и клубов исторической реконструкции.

Концепция Фестиваля. Фестиваль древних технологий и культурных коммуникаций памяти Тура Хейердала является уникальным культурным событием для Казахстана. Впервые главным критерием мероприятия становится воссоздание материальной культуры древнего населения края на основе реконструкции главных технологических открытий эпохи бронзы и средневековья. Фестиваль освещает историю места и гения места, становится живым краеведческим музеем, демонстрируя мировое культурное значение этого места.

Популяризация научного знания особенно необходима в современной ситуации упадка научно-популярной сферы. Расцвет псевдонауки, придуманных «мифологических» схем сегодня носит беспрецедентный масштаб, способствует снижению уровня грамотности и образованности населения. Приобщение гостей фестиваля к научно-достоверной и при этом захватывающе, увлекательно представленной информации об истории является прямым продолжением идей Тур Хейердала.

Фестиваль проводится в районе археологических исследований памятников Лисаковской округи (г. Лисаковск, Тарановский р-он, п. Новоильиновка), которые широко отражают взаимодействие культур, людей и технологий бронзового века. Реконструкция технологических достижений позволяет представить историю края в максимально яркой и доступной форме. Результаты многолетних научных экспериментов участников фестиваля позволят вблизи реальных археологических памятников продемонстрировать особенности жизни древних народов, отдельные элементы их быта, военного дела и духовной культуры.

Глобальные процессы распространения колеса, лошади, металла и передовых технологий металлургии и ткачества являются эффектными культурными маркерами эпохи бронзы. Появление и использование колесницы в степных культурах Центральной Евразии позволило древним людям стать мобильными, распространять на дальние расстояния идеи, культуры, технологии. В археологических памятниках степей Северного Казахстана эти процессы отражены весьма емко.

Цель Фестиваля «Древних технологий и культурных коммуникаций»: представление историко-культурного наследия Великой степи в контексте концепции древних коммуникаций и развития технологий, на основе археологического эксперимента.

Задачи Фестиваля:

– почтение памяти великого путешественника, антрополога и археолога-экспериментатора Тура Хейердала, развитие его наследия;

– проведение эксперимента как формы показа технологий эпохи бронзы и кочевых культур;

– демонстрация исторических костюмов и реплик, созданных на основе археологических свидетельств;

– обмен опытом и знаниями между исследователями и реконструкторами разных стран;

– проверка научных гипотез методом экспериментального исследования;

– приобщение участников и аудитории Фестиваля к историко-культурному наследию Великой Степи в рамках программы «Рұхани Жанғыру»;

– популяризация исторической реконструкцию как формы молодежной досуговой деятельности;

– развитие экспериментальных инновационных форм изучения исторического наследия;

– прививание молодому поколению навыков межкультурного взаимодействия;

– создание условий для привлечения населения к изучению исторических материалов и воссозданию элементов исторического комплекса (сооружения, быт, ремесло и военное дело);

– популяризация археологических исследований памятников Верхнего Притоболья;

– развитие событийного регионального туризма и семейного отдыха в Костанайской области.

Создание комбинированных мероприятий внутреннего туризма, посвященных экспериментальной археологии и живой истории древности является прогрессивной мировой тенденцией. Комплексный подход в создании площадок фестиваля и грамотная музеефикация местных достопримечательностей способствует развитию интенсивного внутреннего и международного туризма, а также реализует в лучшей форме функции просвещения и патриотического и экологического воспитания населения.

Значение Фестиваля. Разработка для Казахстана нового культурно-туристического бренда экспонирования историко-культурного наследия Великой степи, его популяризация с помощью археологического эксперимента и исторической реконструкции.

Место и даты проведения Фестиваля: 4-5 августа 2018 г. Участники: Лисаковская археологическая экспедиция (Лисаковск-Караганда), Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (Алматы), Национальный историко-культурный природный заповедник заповедник-музей «Улытау», Клуб исторической реконструкции «Легион» (Петропавловск), Turgay Discovery (Костанай), Научно-образовательный центр евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, Центр экспериментальной археологии «Археос» (Челябинск, Россия), Клуб исторической реконструкции «Северный ветер» (Екатеринбург, Россия).

Фестиваль состоялся в городе Лисаковске в сотрудничестве с Лисаковским музеем истории и культуры. В районе Верхнего Притоболья сейчас сосредоточены основные работы по исследованию памятников эпохи бронзы.

События Фестиваля. *1-й день* – научно-практический семинар «Музей и историческая реконструкция» с участием музейных работников Костанайской области и спикеров (Э.Р. Усманова, А.В. Колбина. А.С. Суслов, Н.Е. Жиляева, С.В. Каратаева, Д.Б. Дей, В.Н. Лукашов – Казахстан, А.В. Епимахов, И.А. Семьян – Россия).

2-й день – организация и работа экспериментальных площадок:

– реконструкция-фантазия на основе текстов Ригведы андроновского обряда «Поклонение Солнцу»;

– технология изготовления каменных орудий труда;

– археометаллургия эпохи бронзы, плавка и изготовление предметов;

– лепка глиняных сосудов;

– ткацкие технологии, плетение, валяние войлока;

– парад-демонстрация реплик исторических костюмов;

– показательный бой средневековых воинов.

В рамках Фестиваля были организованы выставки: «Великий реконструктор современности Тур Хейердал»; «Один предмет в истории древних коммуникаций». При оформлении площадок фестиваля соблюдалось основное правило: демонстрация наиболее ярко выраженных технологических достижений в рамках трех эпох (каменный век, бронзовый век, железный век) с применением свидетельств археологического свойства. История места и предмета была представлена в качестве яркого и наглядного действа.

Особенность Фестиваля – это сопряженность археологического эксперимента и материальных свидетельств культур эпохи бронзы и кочевников в реальности музейного пространства, в котором они соединяются в просветительский пазл. Эксперимент и модель на площадке, реальный артефакт в экспозиции.

Создание открытых площадок экспериментальной археологии является прогрессивной мировой тенденцией с глубокой традицией. Формат комбинированных объектов внутреннего туризма и научного изучения является всеобъемлющей практикой в развитых странах, для Европы и США начиная с 50-х гг. XX в. С 70-х гг. практически любая административная единица страны на в Западной Европе имеет туристический объект с развитым интерактивным сегментом в формате (AOAM (Archaeological Open Air Museum). В то же время подобная структура выступает масштабным экспериментальным полигоном для специалистов, местом проведения международных конференций, форумов, мастер-классов и полноценного обмена опытом.

Одним из главных критериев научности подобных реконструкций является наглядное экспонирование наиболее ярких культурно-хронологических и технологических явлений краевой истории. Это популяризация местного исторического наследия. Полигон выступает промежуточным звеном между научным сообществом и общественностью и важной достопримечательностью в рамках менеджмента культурного наследия города. Руководствуясь данными принципами в рамках фестивального мероприятия мы про-

демонстрировали моделирование древних технологических процессов на уровне стандарта EXARC (Всемирная организация экспериментальной археологии), официальным представителем которой является научный сотрудник НОЦ Евразийских исследований ЮУрГУ и руководитель Центра «Археос» Иван Семьян (Россия, Челябинск).

Краткое описание деятельности площадок. *Технология изготовления каменных и бронзовых наконечников стрел. Археометаллургия. И.А. Семьян (Россия, Челябинск)*. Демонстрация изготовления каменных наконечников стрел из кремневого сырья. Сооружение действующей модели наземной печи эпохи бронзы из глины. Огонь в печи поддувался мехами примерно до температуры 1200 градусов, которой достаточно для расплавки бронзового слитка. Расплавленный металл был разлит в литейную форму и после остывания металлического массы, наконечник был изъят из формы. Процесс эксперимента по плавке и литью бронзового втульчатого наконечника стрела занял около трех часов.

Технология изготовления древней керамики. М. Демешко (Россия, Челябинск). Демонстрация принципов изготовления глиняных сосудов эпохи бронзы, вручную, ленточным способом из заранее приготовленного керамического теста. Сосуды обжигу не подвергались из-за отсутствия времени. Только сушка на воздухе. Перед сушкой при помощи гребенчатого штампа на поверхность сосуда наносился геометрический орнамент.

Мастер-класс по валянию войлока. С.В. Каратаева (член Союза художников РК, Лисаковск, Казахстан). Войлок – нетканое полотно, один из традиционных материалов верхней одежды, начиная с эпохи палеометалла. Шерсть сбивалась древнейшим способом создания нетканого материала – мокрым валянием. Процесс занял около часа. Из ткацких технологий продемонстрировано плетение тесьмы из шерстяной нити вручную и на дощечках. Во время эксперимента показаны общие принципы кроя и шитья элементов одежды из плетеного текстиля и войлока.

Парад-демонстрация реплик исторических костюмов. Авторы-исполнители костюмов. Андроновский женский костюм, реплика – Е. Калинкина, Т. Кунина, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (Казахстан). Половецкий конный воин, реплика – В. Лукашов, Е. Лукашова (Казахстан), А. Карелин, С. Ларютин (Россия), В. Шленчак (Украина). Костюм женщины эпохи викингов, реплика – А. Косинцева (Россия). Модели мужского и женского костюмов времен Золотой Орды – Е. Лукашов, А. Лукашова, В. Копьяк (Казахстан).

Реконструкция *андроновского женского костюма* основывается на археологических находках (фрагменты текстиля, ювелирные гарнитуры) из погребений Лисаковской округи, с использованием типологических параллелей из области этнографии (Усманова, 2010). Экспериментальная модель головного убора была сшита из плетеной вручную шерстяной тесьмы красного цвета. Плетеная шапка была декорирована накосным и подвесными украшениями (копии из металла – имитация бронзовых деталей ювелирного гарнитура андроновского времени середины II тыс. до н.э.). Платье туникообразного покроя, рукава втачные, сшито из конопляной ткани серого природного цвета ручного ткачества, полотняного переплетения (рис. 2).

Рис. 2. Площадка археометаллургии и участники Фестиваля в костюмах эпохи бронзы: И. Семьян, М. Демешко, Е. Калинкина (слева направо)

Половецкий (кыпчакский) конный воин (XII–XIV вв.). Реконструкция костюма осуществлена на основе материальных свидетельств из однокультурных и одновременных могильников Липовца, Ковали, Каирки (Киевская, Херсонская обл., Украина). Включает в себя шатровый шлем с личиной, ламеллярный доспех, наручи, поножи, стеганая поддоспешная одежда, сабля (рис. 3). Материал – сталь, вес доспехов около 30 кг (Горелик, 2002; Соловьев, 2003; Макушников, Лупиненко, 2004).

Рис. 3. Половецкий (кыпчакский) воин: В. Лукашов

Повседневная одежда женщины эпохи викингов из Швеции (X в.). Платье туникообразного покроя из серой некрашеной шерстяной ткани репсового переплетения. Пояс соткан на дощечках. В качестве украшений – нитка бус из стекла ручной работы с одной серебряной бусиной. Другие элементы одежды: платок из тонкой шерсти саржевого переплетения (диагональ), кожаная обувь ручного изготовления. Аксессуар – сумка с деревянной планкой из шерстяной ткани саржевого переплетения, окрашена индиго.

Модели тюркского мужского и славянского женского костюмов времен Золотой Орды – сшиты из современных тканей, с учетом главных особенностей элементов одежды того времени: оформление застежки, покрой штанов – шаровары, женский жилет, крой втачных рукавов (https://kitabhona.org.ua/rec_costum/planmanzo/pl07.jpg).

Согласно идее оформления экспериментальной площадки технологий эпохи бронзы, исполнители были одеты в костюмы андроновского времени, с сохранением стиля одежды эпохи бронзы. Мужской костюм – рубаха из домотканой шерсти серого цвета, головной убор из войлока, кожаная обувь без каблуков и сумка из кожи головы оленя. Женский – платье красного цвета из фабричного льна, кожаный головной убор, украшенный металлическими деталями, кожаная обувь без каблуков.

Fashion Фестиваля, символично названный «Мода сквозь века» и постановочный поединок половецкого воина и городского жителя времен Золотой Орды явились зрелищной и заключительной частью всего мероприятия.

Во время проведения Фестиваля установился экспериментально-творческий контакт между участниками и зрителями, которые участвовали в некоторых моментах проведения эксперимента.

Продолжение следует. Авторы идеи и устроители Фестиваля намерены продолжить проведения этого яркого и зрелищного мероприятия, именно в провинции, отдаленной от мегаполисов и больших городов. Это, прежде всего, просветительская миссия Фестиваля, на котором языком археологического эксперимента и реконструкций рассказывается современным жителям степи и ее гостям о жизни, о технологических открытиях, о духовных принципах, о коммуникациях Великой Степи, существовавших в древности.

Отзывы о Фестивале. *«Нам фестиваль исторической реконструкции очень понравился. Спасибо всем организаторам. Атмосфера на фестивале была очень искренней, не заорганизованной, интеллектуальной. На фестивале витал дух свободы и творчества. И люди.... Какие люди! На организаторов, участников и зрителей фестиваля просто смотреть – уже благодать. Их лица – это лица увлеченных и духовных людей. Фестиваль способствует тому, чтобы такая «порода» людей не исчезала, а наоборот приумножалась».* И. А. Балышева (Костанай).

«Фестиваль открывался реконструкцией-фантазией на тему «Андроновское поклонение Солнцу». Возможно, фантазии здесь было больше, чем реконструкции, потому что все действо навевало ассоциации с романами в стиле фэнтези. Ведь никто не может доподлинно знать, как происходили подобные обряды, и многое приходится дорисовывать. Интересно – вот ключевое слово, которым можно описать фестиваль в Лисаковске. Не было на фестивале много народа, но и лишних людей не было. Пришли только те, кому в самом деле было интересно. Пришли понимающие. Были зрители, приехавшие специально из Костаная. И все ушли довольными и воодушевленными <…>

Ведь те самые, любознательные зрители ждут второго фестиваля». Елена Пикельная, журналист (Костанай).

Список литературы

Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М.: ИД «Техника-молодежи»; ООО «Восточный горизонт», 2002. – 88 с.: ил.

Макушников О.А., Лупиненко Ю.М. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле). – Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2004. – № 18.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. – Новосибирск «Инфолио-пресс», 2003.

Усманова Э.Р. Костюм эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. – Караганда-Лисаковск, 2010. – 176 с.

https://nplus1.ru/news/2018/05/09/genetic-map.Ученые построили «генетическую карту» евразийских степных народов. Дата обращения 17. 11. 2018

https://kitabhona.org.ua/rec_costum/planmanzo/pl07.jpg. Мужской костюм Золотой Орды XIV в. Дата обращения 17. 11. 2018

Д.В. Шарапов
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
D.V. Sharapov
Tyumen State University
Tyumen, Russia
d.v.sharapov@utmn.edu

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЯХ: ОБЗОР МЕТОДИК

Аннотация. Данная работа представляет собой сравнительный анализ существующих методик, применяющихся в археологии евразийских степей с целью региональных демографических реконструкций. А именно, сравниваются результаты аэрофотосъемки, систематических подъемных сборов, стандартных шурфов 1×1 м и лопатных шурфов (40×40 см). Основываясь на результатах применения всех вышеупомянутых методик одновременно на территории в 40 км², сделан вывод о том, что лопатные шурфы являются наиболее эффективным методом для анализа систем расселения древнего человека в евразийских степях.

Ключевые слова: Синташта, палеодемография, лопатные шурфы, Южный Урал, разведка.

Еуразиялық даласында орналасудың аймақтық жүйесі: әдістемелерді шолу

Түйін. Бұл жұмыс Еуразия даласында аймақтық демографиялық реконструкция мақсатында пайдаланылатын әдістер салыстырмалы талдау болып табылады. Нақтырақ айтсақ аэрофототүсірілім, жүйелі жердің бетінен табылған заттарды жинау, стандартты шурфтар 1×1 м және күректік шурфтар (40×40 см) нәтижелері салыстырылады. 40 шаршы км ауданда біруақытта жоғарыда көрсетілген әдістердің барлығын қолдану нәтижелеріне сүйене отырып, Еуразия даласындағы ежелгі адамдардың қоныстану жүйесін анықтау үшін тиімдірек әдіс күректік шурф болып табылады деген тұжырым жасалды.

Түйін сөздер: Сынтасты, палеодемография, күректік шурф, Оңтүстік Орал, барлау.

Regional settlement patterns in the Eurasian steppes: a methodological overview

Annotation. This paper compares four methods used in regional settlement pattern studies in the Eurasian steppes: aerial photography, systematic surface collections, excavation of test pits 1×1 m, and systematic shovel probing. Based on the results of a regional 40 sq. km survey, in the course of which all of the above methods were used simultaneously, the shovel probe method proved to be most effective in regional settlement pattern reconstructions.

Keywords: Sintashta, paleodemography, shovel tests, Southern Urals, survey.

Методики региональных реконструкций. Проблема, которую я хотел бы затронуть, заключается в том, что на данный момент нет специальных полевых методик для

создания палеодемографических реконструкций на региональном уровне в степной зоне Зауралья и Северного Казахстана (под словом «демография» в данной статье имеется в виду численность населения). Данное утверждение основано на данных Зауралья эпохи бронзы, но, думаю, проблема эта в той или иной степени применима ко всей степной зоне Северной Евразии. Методики для региональных исследований в России и Казахстане, несомненно, существуют (в первую очередь речь идет об археологических разведках). Но, методики эти нацелены на то, чтобы выявлять памятники для последующих раскопок. Другими словами, методики эти не могут выступать в качестве самостоятельного инструментария, используемого с целью создания региональных палеодемографических реконструкций.

С 1950-х гг. в Северной Америке существует направление под названием «региональные системы расселения» (Sanders et al. 1979; Willey 1953). Археологи, придерживающиеся данного направления, изучают прошлое через понимание того, как люди населяли ландшафт на региональном уровне. Зная, сколько людей и где проживало, можно ответить на ряд вопросов, касающихся политической организации, структуры человеческих сообществ, военной составляющей и т.д. Более того, на некоторые исследовательские вопросы можно ответить *только* с помощью региональных реконструкций.

Итак, какой же должна быть полевая методика, которую можно использовать в исследованиях региональных систем расселения? Во-первых, она должна быть способной обнаруживать поселения. Во-вторых, она должна продуцировать некий демографический индекс (т.е. количественный показатель), который может быть переведен в количество людей. Например, в качестве демографического индекса могут использоваться: количество построек, площадь поселения, плотность артефактов и т.д.

Существует ли на данный момент методика, позволяющая воссоздать палеодемографическую картину в некоем регионе в течение одного-двух полевых сезонов (под регионом здесь подразумевается район с площадью в десятки или даже сотни км^2)? Сначала стоит обратиться к методикам, которые уже применяются на вышеупомянутых территориях. Первая из них – это методика региональной пешей разведки с визуальным инспектированием поверхности. Согласно этой методике, выбирается некий маршрут (обычно привязанный к водным объектам, например, рекам). Разведочный отряд проходит этот маршрут и визуально инспектирует поверхность на присутствие/отсутствие артефактов или археологических объектов (жилищных впадин, рвов, валов). На площадках, где обнаружен археологический материал, бьются шурфы (обычно в количестве одного или двух, размером 1×1 м), дабы подтвердить присутствие культурного слоя и продатировать памятник (Мартынов, Шер, 1989; Положение ... , 2013).

Проблема состоит в том, что такой способ разведки не систематичен. Во-первых, процедуры инспектирования не выписаны детально, поэтому степень тщательности осмотра может варьировать. Например, одна команда может искать поселения на расстоянии 20 м от русла реки, тогда как другая – на расстоянии 50 м. Или одна разведочная команда может идти более скученно и, соответственно, инспектировать данную территорию более тщательно чем другая. Причем степень тщательности осмотра может варьировать внутри одной и той же разведочной команды день ото дня. В итоге, может получиться, что в каком-то районе было обнаружено больше поселений только потому, что он более тщательно исследовался, а не потому, что там жило больше людей.

Хотя степень тщательности осмотра может варьировать случайно, как правило варьирует она в зависимости от того, какие участки руководитель археологической разведки считает более пригодными для заселения древними людьми. То есть, если руководитель разведки считает первые речные террасы более пригодными для заселения, то первые речные террасы инспектируются чаще и/или более тщательно чем другие ландшафтные зоны. Экстремальный пример такого подхода заключается в том, что инспектируются только первые речные террасы. В первом случае мы сделаем вывод, что люди более часто заселяли речные террасы, а во втором – что люди заселяли только речные террасы. Может быть, так оно и было, но также может быть, что мы стали жертвами статистической предвзятости и просто воспроизвели свои собственные ожидания.

В данном контексте, отсутствие статистической предвзятости можно констатировать, когда каждый пригодный для жизни участок на исследуемой территории инспектируется одинаково (одним методом, с одинаковой интенсивностью). В этой связи встает вопрос: «какие участки считать пригодными или не пригодными для жизни и почему?» Этот момент должен обговариваться автором исследования, желательно, основываясь на палеореконструкциях окружающей среды.

Переходим к следующему методу, используемому в региональных реконструкциях – аэрофотосъемке. Заключается он в том, что выявляются рукотворные конструкции (рвы, жилищные впадины, валы), которые потом инспектируются с помощью пешей разведки, как правило сопряженной с закладкой шурфов (Зданович и др., 2003; Казахстан…, 2014). Проблема с данным методом состоит в том, что далеко не все поселения видны с воздуха. Также, существует ряд примеров, когда количество жилищных впадин нельзя напрямую ассоциировать с количеством древних жилищ (табл. 1).

Табл. 1.

Сравнение эффективности четырех методов региональной разведки

Метод	*Критерии эффективности метода:*	
	1) Обнаружение (указано количество обнаруженных поселений)	2) Продуцирование демографического индекса
Систематическое визуальное инспектирование поверхности	11	Количественные показатели (площадь и плотность) ограничены эродированными участками (рис. 2).
Шурфы 1×1 м или больше	–	Шурфы информируют нас только о каких-то частях поселения (рис. 3).
Аэрофотосъемка	20	1. Есть жилища, никак не ассоциированные со впадинами (рис. 4) 2. Есть впадины, никак не ассоциированные с жилищами (Sharapov, 2017) 3. Есть впадины, ассоциированные с частями нескольких жилищ (Малютина и др., 2006)
Лопатная шурфовка	23	Четко определяется площадь поселения и плотность керамики внутри этой площади

Тогда как вышеперечисленные примеры касались методов разработанных местными (российскими и казахстанскими) археологами, последнее время появляются примеры разведок, проведенных иностранными археологами. В первую очередь речь идет о систематических пеших разведках с визуальным инспектированием поверхности и подъемными сборами артефактов (Johnson, 2014). Археологи прочесывают регион на определенном расстоянии друг от друга (например, 50 м). Расстояние между археологами сужается (например, до расстояния вытянутых рук), когда находится артефакт или археологический объект. Затем, местонахождение инспектируется более тщательно. Помимо задернованности ряда территорий, проблема с данным методом состоит в том, что древние артефакты скрыты под почвенным слоем, сформировавшимся в результате естественных геоморфологических процессов. В частности, средняя скорость прироста гумусового профиля чернозёмных почв (разных типов) в евразийских степях в позднем голоцене варьирует от 7,5 до 30 см за 1000 лет (Александровский, Александровская, 2005; Валдайских и др., 2015; Геннадиев, 1990; Драчева, 2002; Иванов, 1992).

Стоит отметить, что существует масса нерегиональных методов исследования, которые не рассматриваются в данной работе. Например, тогда как раскопки или геофизические исследования являются эффективными методами для выявления численности населения на отдельных памятниках, методы эти не могут использоваться в региональном масштабе.

Альтернативная методика. Ниже описывается альтернативная методика, которая учитывает недостатки предыдущих методов, изложенных выше. Речь идет о методе систематической лопатной шурфовки. Стоит упомянуть, что лопатная шурфовка довольно широко применяется в ряде стран мира, таких как США, Великобритания, Монголия, Мексика, Колумбия и и т.д. Методика, приведенная ниже, являясь оригинальной, в то же время представляет собой вариацию общих принципов лопатной шурфовки, применяемой в вышеперечисленных странах.

Данная методика была выработана в ходе регионального исследования, проходившего в Кизильском районе Челябинской области в 2014-2015 гг. Данное исследование изучало демографические процессы эпохи бронзы. В частности, была восстановлена микро-региональная палеодемографическая картина синташтинского и срубно-алакульского периодов (2100-1400 ВС).

Итак, сначала регион разбивался на сетку 40×40 м. Затем, в каждой «узловой точке» сетки копался лопатный шурф размером (40×40×40 см). Расстояние в 40 м позволяло не пропускать даже мелкие поселения, характерные для эпохи бронзы в Зауралье. Глубина же шурфов позволяла фиксировать присутствие культурного слоя эпохи поздней бронзы, скрытого травяным покровом и слоем почвы, накопившемся в течение нескольких тысяч лет. Для Южного Урала, такой слой почвы в среднем составлял 20-30 см (Левит, 2005, с. 63). Если один из лопатных шурфов был позитивным (содержал культурный материал), то сетка уплотнялась и 12 дополнительных шурфов закладывалось с интервалом в 10 м, в направлениях света. Если какие-то из 12-ти шурфов, в свою очередь, были позитивными, то еще 12 шурфов копались в направлениях СВ, СЗ, ЮВ, ЮЗ. Шурфы продолжались копаться по такой схеме во всех направлениях пока мы не встречали два негативных (пустых) шурфа подряд. Только в таком случае шурфы в этом направлении переставали копаться. В общем, если это был плотно заселенный гектар,

то плотность могла доходить до 96 шурфов на га (рис. 1). Шурфы не копались поверх видимых археологических объектов, таких как жилищные впадины.

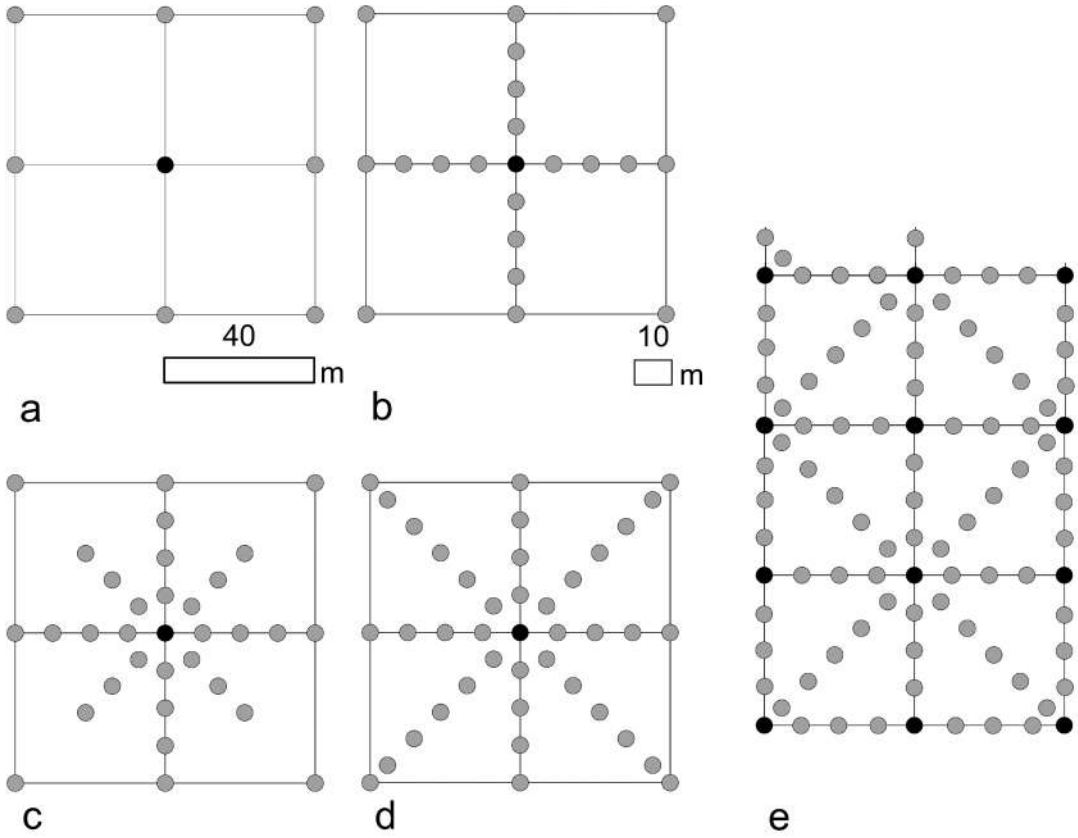


Рис. 1. Метод лопатной шурфовки. Кружки символизируют шурфы. Черные кружки символизируют изначальные позитивные шурфы. a,b,c,d – учащение интервала шурфовки в связи с обнаружением позитивных шурфов; e – максимальное количество шурфов в 1 га

Такое большое количество шурфов было обусловлено статистическими принципами. Дело в том, что только некоторые из шурфов (~20%) содержали керамику. Из тех шурфов, которые содержали керамику, подавляющее большинство содержало только один фрагмент. Многие из памятников многослойны, и дабы получить статистически репрезентативную выборку для целей датирования (хотя бы 20 фрагментов с га), было необходимо выкопать соответствующее количество шурфов.

Данные, которые были получены таким путем, были использованы в демографических реконструкциях следующим образом. Весь район исследования подразделялся на блоки сбора (1 га или меньше). Для каждого блока сбора вычислялся некий индекс, который включал в себя площадь распространения и плотность материала (*площадь*×-*плотность*). Логика данного подхода заключается в том, что чем больше людей живет в одном месте и чем дольше они там живут, тем больше мусора (включая керамику) они

оставляют после себя. Соответственно, чем больше индекс площади-плотности, тем больше людей проживало в данной зоне обитания и/или тем дольше они там проживали. Данный индекс и служил тем количественным эквивалентом, который переводился в количество людей для каждого периода. Этот вычислительный процесс описан более подробно в заключительной части данной работы.

Сравнение эффективности методов. В нашем исследовании мы сравнили четыре метода которые одновременно применялись на территории в 40 км^2. Методы включали: стандартную шурфовку (1×1 м или более по площади), аэрофотосъемку, систематические подъемные сборы и лопатные шурфы. Сравнивались вышеперечисленные методы согласно двум параметрам: 1) выявление/обнаружение поселений и 2) продуцирование некоего демографического показателя, который можно бы было перевести в количество людей. Результаты сравнения сведены в табл. 1.

Здесь стоит отметить что понятия того, что именно стоит считать «поселением» разнятся и зависят от конкретных исследовательских задач. Например, в традиционно земледельческих, более густонаселенных регионах, эфемерные, сезонные зоны обитания людей скорее будут фиксироваться как стоянки или местонахождения, нежели чем как поселения. Но, если исследуются общества мобильных скотоводов, то сезонные стоянки, как правило, учитываются как некие эквиваленты поселений. В нашем случае, за поселения принимались зоны обитания, то есть некие площадки на которых жили люди (даже если они там жили сезонно или на протяжении короткого промежутка времени).

В частности, из анализа исключались участки с низкой плотностью артефактов (≤5 фрагментов керамики), которые не были сопряжены с жилищными впадинами или с другими типами арте-/эко- фактов (обожженными костями, фрагментами шлака, каменными сколами, обожженной глиной, т.д.). Все другие блоки сбора, обнаруженные в ходе разведки, считались поселениями, включая блоки сбора, ассоциированные с низкой плотностью артефактов (которые могли, например, заселяться сезонно). Рассмотрим один блок сбора, который содержал лишь два фрагмента керамики в лопатных шурфах. Тем не менее, этот блок сбора считался поселением, так как он включал в себя жилищную впадину, а также другие типы арте-/эко- фактов, говорящих о довольно широком спектре человеческой активности. В дополнение, шурф размером 1×1 м, заложенный нами в вышеупомянутом блоке сбора, также содержал керамику эпохи бронзы.

Подъемные сборы. Подъемные сборы осуществлялись систематически, следуя такой же сетке, что и лопатные шурфы описанные выше (т.е. 40×40 м, и на расстоянии вытянутых рук после обнаружения первого артефакта). Сравнительный анализ указывает на то, что если бы мы полагались только на систематические подъемные сборы, то из 23-х поселений мы бы обнаружили всего 11 (табл. 1). Продуцирование же каких-либо количественных демографических индексов (площади поселения, плотности находок) было бы ограничено нарушенными участками (дорогами, обрывами, распашкой) (рис. 2). В итоге, можно сказать, что в нашем случае подъемные сборы продуцировали скорее карту нарушенных участков поверхности, нежели чем карту расселения древнего человека.

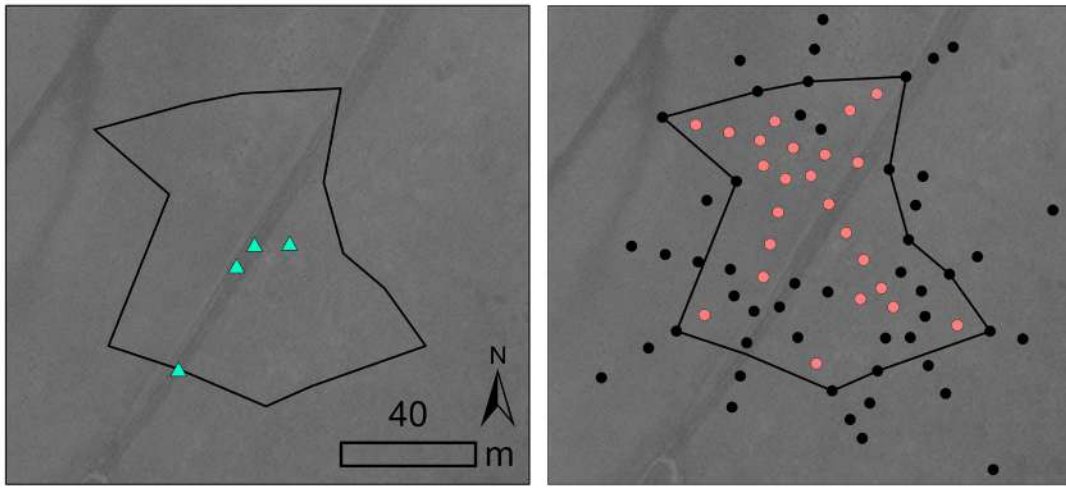


Рис. 2. Блок сбора №5 на фоне космоснимка. Слева – результат систематических подъемных сборов (треугольники символизируют находки). Справа – результат лопатной шурфовки (черные кружки – пустые шурфы, красные кружки – шуфры содержащие арте-/эко- факты)

Стандартные шурфы. Сравнивая лопатные шурфы с «обычными» шурфами (1×1 м или более) стоит отметить, что обычные шурфы вряд ли могут сами по себе использоваться как поисковая методика (напротив, они обычно копаются на площадках, которые уже были выделены другими методами). В нашем случае, наряду с лопатными шурфами, мы копали стандартные шурфы в каждом блоке сбора: минимум по одному в местах самой плотной концентрации керамики или в местах, где встречалась разновременная керамика. Так как объем земли, извлеченный лопатными шурфами из среднего блока сбора, был, как правило, больше, чем объем земли извлеченный обычными шурфами, то для сравнения, объемы эти уравнивались следующим образом. Например, в некоем блоке сбора был выкопан стандартный шурф 1×1×1 м. Так как 1 м^3 эквивалентен общему объему 16-ти лопатных шурфов, то из общего количества лопатных шурфов в данном блоке сбора случайно выбиралось 16. Затем, только эти 16 использовались в сравнении. Рис. 3 демонстрирует сравнение блоков сбора, в которых хотя бы один хронологический период был пропущен одним из методов (лопатной или обычной шурфовкой). Данная иллюстрация указывает на то, что в ряде случаев, стандартные шурфы не смогли уловить целые периоды заселения жилищных площадок. Данное наблюдение демонстрирует «локальность» стандартных шурфов (т.е. они информируют нас об одной, очень маленькой части памятника, тогда как лопатные шурфы информируют нас обо всем памятнике).

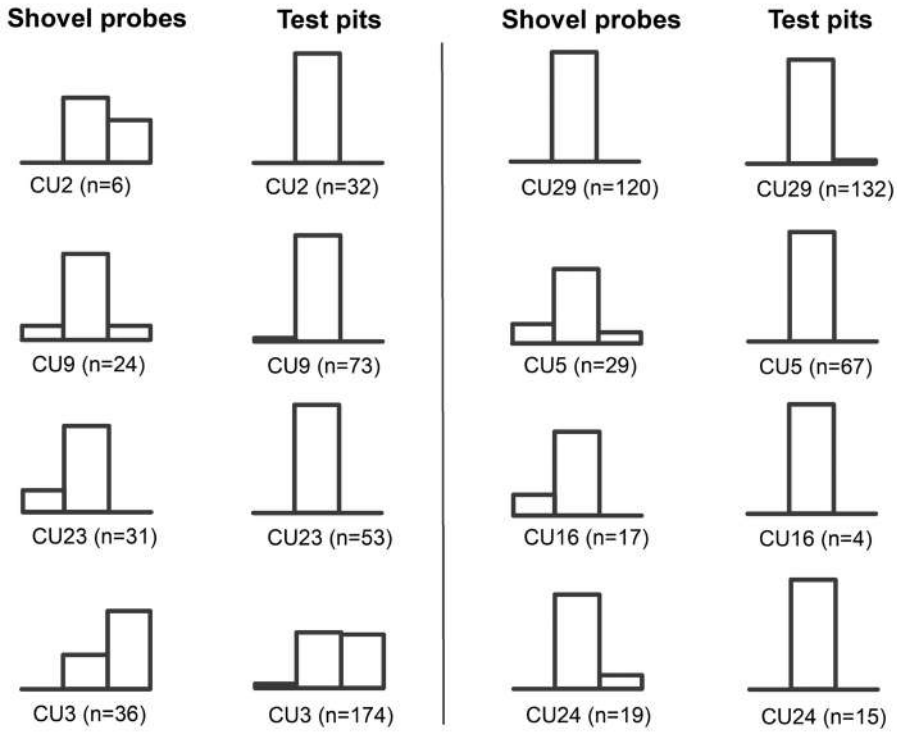


Рис. 3. Проценты керамики средней, поздней и финальной бронзы (слева направо в каждом графике). Показаны восемь блоков сбора (CU) в которых хотя бы один хронологический период был пропущен одним из методов (лопатной [shovel probes] или обычной [test pits] шурфовкой). n – общее число фрагментов керамики

Аэрофотосъемка. Сравнивая лопатную шурфовку с результатами аэрофотосъемки, стоит отметить, что лопатная шурфовка зафиксировала присутствие трех дополнительных поселений на территории в 40 км^2, которая до того исследовалась многократно с помощью систематического анализа результатов сплошной аэрофотосъемки, сопряженного с пешими разведками (Гутков, 1988; Епимахов, 1984; Зданович и др., 2003; Сляднев, 2013). Два из трех новообнаруженных зон обитания были сопряжены с жилищными впадинами, тогда как на третьем жилищных впадин обнаружено не было. Тем не менее, это (третье) местонахождение было зафиксировано как поселение, так как оно было сопряжено с разными типами арте- и эко- фактов (сколы, керамика, кости животных, обожженная глина) и занимало площадь в 0,88 га. Данные наблюдения указывают на более высокую эффективность лопатной шурфовки в плане обнаружения зон обитания древнего человека. В дополнение, в ходе нашего регионального исследования были зафиксированы случаи: 1) жилищ, никак не ассоциированных со впадинами (рис. 4); и 2) «жилищных» впадин никак не ассоциированных с зонами обитания (Sharapov, 2017). Также, в региональной литературе известен по крайней мере один случай, когда одна впадина была ассоциирована с частями нескольких жилищ (Малютина и др.,

2006). Таким образом, жилищные впадины не могут являться эффективным палеодемографическим индексом, тем более учитывая то, что они не могут быть датированы точнее, чем «эпоха бронзы» без дополнительных раскопок.

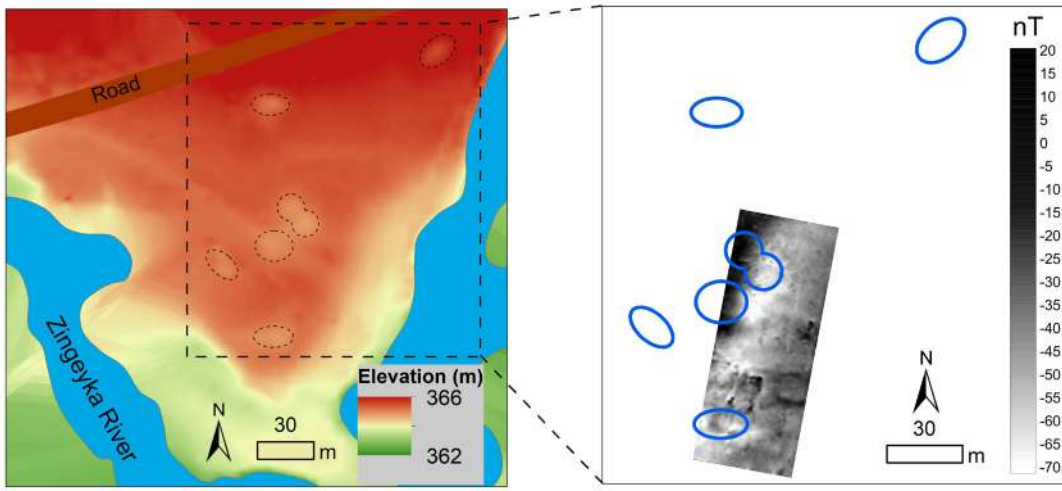


Рис. 4. Поселение Лебяжье-6. Слева – жилищные впадины идентифицированные с помощью сплошной тахеометрической съемки (шаг 2 м). Справа – план геофизической съемки, показывающий присутствие двух структур не ассоциированных с впадинами

Заключение. Итак, эмпирические данные приведенные выше продемонстрировали, что метод систематической лопатной шурфовки оказался более эффективным, чем систематические подъемные сборы, аэрофотосъемка или стандартные шурфы (1×1 м или более). Эффективность всех четырех методов определялась согласно двум критериям: 1) обнаружение зон обитания древнего человека и 2) продуцирование количественного демографического индекса для каждой зоны обитания. Преимущества лопатной шуфровки состоят в том, что этот метод может довольно четко очерчивать зоны распространения культурного слоя в пространстве, а также продуцировать показатель плотности артефактов для каждой из таких зон. Последний момент немаловажен в демографических реконструкциях, так как археологи для данных целей зачастую используют площадь поселений без учета того, как интенсивно (как плотно или как продолжительно) она заселялась в рамках некоей хронологической эпохи.

В заключение стоит лишь кратко отметить схему конвертирования индекса *площади-плотности* в количество людей. Более подробно этот алгоритм изложен в другой публикации, имеющейся в открытом доступе, наряду с сопутствующими полевыми данными (Sharapov, 2017; 2018). Итак, у нас есть диапазон плотности керамики с территории разведки (фрагмент/га). У нас также есть диапазон плотности населения (чел/га). Второй показатель основан на поселениях, которые были раскопаны на территориях Южного Урала и Северного Казахстана большими площадями или были исследованы большими площадями с помощью геофизики. Два показателя плотности приведенные выше были сопоставлены и затем было вычислено некое число, умножив на которое

плотность керамики (фрагмент/га) можно получить плотность людей (человек/га). В моем случае, умножая индекс *площади-плотности* (= [площадь в га] × [плотность в фрагментах/кв.м] ÷ [длительность периода в веках]) для каждого блока сбора на 188, я получал среднее количество людей, которые населяли данную зону обитания, на протяжении всего периода. Под «средним количеством людей на протяжении всего периода» здесь имеется ввиду следующее. Если для определенного блока сбора реконструируемое количество людей равнялось 100, а период о котором идет речь длился 100 лет, то может быть на этом участке проживало 200 человек на протяжении 50 лет. Также может быть, что на этом участке проживало 300 человек на протяжении всего 33 лет. Все три сценария выше произвели бы равные индексы *площади-плотности*.

Схема вычислений, приведенная выше, основана на двух допущениях: 1) диапазон плотности населения (человек/га) варьировал на территории разведки также, как и во всем регионе; 2) чем больше людей живет на данной территории и чем дольше они там живут, тем больше мусора они оставляют после себя. Второе допущение приемлемо только на региональном уровне.

Список литературы

Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. – Москва: Наука, 2005. – 223 с.

Валдайских В.В., Махонина Г.И., Карпухин М.Ю. Оценка скорости формирования гумусовых горизонтов черноземных почв Зауралья // Аграрный вестник Урала. 2015. No 4 (134). – С. 19-22.

Геннадиев А.Н. Почвы и время. Модели развития. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 232 с.

Гутков А.И. Разведочные работы в долине р. Зингейка в 1988 г.: отчет // Архив музея-заповедника Аркаим, Челябинск. – 60 с.

Епимахов А.В. Разведочное обследование р. Зингейка в Карталинском районе и в Кизильском районе Челябинской области в 1984 г.: отчет // Архив ЧелГУ, Челябинск. – 30 с.

Драчева Н.А. Голоценовая эволюция почв речных террас западной части Заволжской лесостепи и степи: дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2002. – 273 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А. Археологический атлас Челябинской области / Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 240 с.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. – М.: «Наука», 1992. – 145 с.

Казахстан. Национальная энциклопедия: в 5-ти т. / ред. Б. Г. Аяган. – Т. 1. – Алматы: гл. ред-я «Қазақ энциклопедиясы», 2004 – 561 с.

Левит А.И. Южный Урал: География, экология, природопользование. Учебное пособие. – Челябинск: Юж. -Урал. кн. изд-во, 2005. – 246 с.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 153-172.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Высш. шк., 1989. – 223 с.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. – М.: Росс. акад. наук, 2013. – № 17. – 32 с.

Сляднев А.М. Отчет об археологических исследованиях в Кизильском, Брединском и Варненском районах Челябинской области в 2013 г. // Архив ГНПЦ Челябинской области. – 350 с.

Johnson, J., 2014. Community Matters? Investigating Social Complexity through Centralization and Differentiation in Bronze Age Pastoral Societies of the Southern Urals, Russian Federation, 2100-900 BC. Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of Pittsburgh.

Sanders, W. T., Parsons, J. R., and R.S. Santley. 1979. The Basin of Mexico: ecological processes in the evolution of a civilization. New York: Academic Press.

Sharapov, D.V., 2017. Bronze Age settlement patterns and the development of complex societies in the Southern Urals steppes (3500 – 1400 BC). Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of Pittsburgh. http://d-scholarship.pitt.edu/32421/

Sharapov, D.V., 2018. Zingeyka River Valley settlement dataset. Comparative Archaeology Database, University of Pittsburgh. http://www.cadb.pitt.edu.

Willey, G.R., 1953. Prehistoric Settlement Patterns in the Viru Valley, Peru. Bureau of American Ethnology Bulletin 155. Washington, D.C.: Smithsonian Institution.

Шілдебаева Ж.М.
«Ежелгі Тараз ескерткіштері» тарихи-мәдени
қорық-музейі
Тараз, Қазақстан
Shildebaeva Zh.M.
The historical and cultural
reserve-museum
«Ancient Monuments of Taraz»
Taraz, Kazakhstan
E-mail:zhazik_sh@mail.ru

ЖАМБЫЛ ОБЛЫСЫНЫҢ САКРАЛДЫ НЫСАНДАРЫ

Түйін. Мақалада Елбасы Н.Ә.Назарбаевтың «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» атты мақаласындағы ұсынған «Киелі жерлер географиясының» тізіміне еңген тарихы терең Тараз жерінде шоғырланған, Қазақстанның мақтанышына айналған тарихи-мәдени ескеркіштердің тарихы жайлы кеңінен жазылған.
Түйін сөздер: Рухани жаңғыру, Ақыртас, Ежелгі Тараз, Қарахан, Айша Бибі.

Сакральные объекты Жамбылской области

Аннотация. В статье подробно описана история историко-культурных памятников, расположенных в Жамбылской области, которые вошли в список «Сакральная география» в рамках статьи Лидера Нации Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: духовная модернизация».
Ключевые слова: духовная модернизация, Акыртас, древний Тараз, Карахан, Айша Биби.

The sacral objects of Jambul region

Annotation. History of the monuments located in Zhambyl area and being property histories and cultures of Kazakhstan is examined in the article. These historical monuments entered a list «Sacral geography of Kazakhstan», that was pulled out by country's Leader N.Nazarbaev in the program article «A Look In the future: modernization of public consciousness».
Keywords: Rukhani jangyru, Akirtas, Ancient Taraz, Karakhan, Aisha bibi.

Елбасы Н.Ә.Назарбаевтың «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» атты мақаласында: *«Ата-бабаларымыздан мұра болып қалған кең байтақ жерімізді, тарихи-мәдени құндылықтарымызды, тарихымызды, ізгі қасиеттерімізді сақтап және де жаңғыртуымыз қажет. Өйткені ұрпақ санасында ұлттық рух мәңгі қалуға тиіс»*- деп жазылған. Бұл бағдарлама біздің халқымызға керек, бұл — рухани дамуымыздың бағдарламасына айналғаны сөзсіз. Осы бағдарлама аясында, Елбасы Н.Ә.Назарбаев «Қазақстанның киелі жерлерінің географиясын» дайындауды Қазақстан Республикасының Мәдениет және спорт министрлігіне тапсырған болатын. Жүктелген міндет орындалды, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі жанынан құрылған «Қасиетті Қазақстан» ғылы-

ми-зерттеу орталығы «Қазақстанның жалпыұлттық киелі орындары» жобасының 100 нысанының тізімін ұсынған болатын.

Сараптаудан өткен тізімде – «Ерекше қорғалатын табиғи мұра ескерткіштері» санаты бойынша тізімге 9 орын, «Діни және ғибадат орындары» болып табылатын 32 орын, «Ірі ортағасырлық қалалық орталықтар және Қазақ хандығының астаналары» санатымен 13 орын, «Археологиялық және архитектуралық ескерткіштер» бойынша 11 орын және де, саяси, тарихи оқиғаларға байланысты 15 орын «Қазақстанның киелі жерлерінің географиясы» тізіміне енуге лайық танылып, бекітілді. (https:/www. Inform. kz/, 2017, 1б.).

Осы жобаға сәйкес, әр өңір өзінің ерекше қасиетті мекендерінің тізімін ұсынды. Біздің қорық-музей мекемемізге қарасты республикалық маңызы бар ескерткіштердің санатында тұрған 21 тарихи-мәдени нысандарды ұсынған болатын. Жоғарыда құралған комиссия шешіміне сәйкес Әулиеата өңірінен «Ақыртас» сарай кешені, «Ежелгі Тараз қалашығы», «Айша бибі мен Бабаджа Хатун» кесенелері, «Қарахан» кесенесі, «Тектұрмас» кешені, «Байзақ Датқа» кесенесі және «Меркі-Жайсан» түркі ғұрыптық ғибадатханасы «Қазақстанның 100 киелі жерлер» картасына кіріп отыр. Осы жобаға кіріп отырған аталмыш нысандарымыздың киелі, қасиетті, тарихи мәні бар жерлер екені даусыз. Қазақстанның мәдени туризімін дамытатын осы киелі жерлердің тарихын қысқаша жазып өтуді де жөн көрдім.

Тылсым сырларға толы **Ақыртас сарай-кешені VII-VIII ғғ.** мерзімделінеді. Нысан Тараз қаласынан шығысқа қарай 40 шақырым жерде, Ақшолақ темір жол станциясынан 6 шақырым оңтүстікте, Қырғыз Алатауының етегінде орналасқан.

Ақыртас құрылысы туралы алғашқы мәліметтермен әлем тарихшылары сүйенетін басты дерек көздері қытай қолжазбаларында кездеседі. 13 ғасырдың басында Чин-Чуненің Ақыртас туралы мәліметінде: «Жол бойында тастан тұрғызылған қалаға тап болдық. Қызыл түсті тастан қаланыпты. Ежелгі әскери қоныс мекенінің белгілері байқалады» деп жазады.

1864 жылы М. С. Знаменский алғаш салған суреті сол кезеңдегі құрылыстың толық келбетін, тау етегіндегі жазық жердің төсінде шашылып жатқан тас блоктарды және текшеленіп қаланған ірге тастардың жанындағы адамдарды тамаша кескіндеп берді. Міне содан бері жүз жылдан астам уақыт бойы Ақыртас құрылысының өткен тарихына, ғайып болған заманға саяхаттауға ғалымдардың, шетелдік мамандардың, әуесқой зерттеушілердің қызығушылығы толастаған емес. Ғылым академиясының алғашқы толқын зерттеушілері П.И.Лерх, В.В.Бартольд, А.Н.Бернштам, Т.Қ.Басеновтың ізденістері мен жаңалықтары, даналық тұжырымдары мен адасулары ғылыми ортаны осы уақытқа дейін толғандыруда. (Молдақынов, 2016, 2б.).

Несториан немесе будда монастыры деген пікірлердің бет-бейнесін өзгертіп жоққа шығаратын 1996 жылғы зерттеулер барысындағы көп колонналы болып салынбақшы болған мешіт орнының табылуы, зерттеушілердің ізденістерін Ақыртас құрылысының шынайы келбетін ашып көрсететін мол тақырыппен байытты. Кең жазира киелі даламызға ислам дінінің 8 ғасырдың ортасынан бастап ене бастағанын негізге ала отырып, бұл құрылыстың сол дәуірдің туындысы екендігіне көз жеткізуге болатынын ғалымдарымыз растайды. 6-8 ғасырлардағы Тараз ыдыстарына тән қыш құмыралар сынығының Ақыртастан табылуы да құрылыстың салыну уақытын анықтауға жағдай тудырды.

Т.Қ.Басенов Ақыртас құрылысын 8-9 ғасырлардағы қамал-сарай деген болатын. Жоқ бұл ежелгі Касрибас қаласы, енді біреулері бұл керуен-сарай деп болжам айтқандар да болды. Академик К.М.Байпақов болса Ақыртасты 8 ғасырдың ортасындағы қарлұқ билеушілерінің резиденциясы деген тоқтамға келіп отыр. Қазба жұмыстары барысында бірнеше нысандар анықталды, олар – «Хан ордасы», «Шеберлер ауылы», «Тас кеніші», «Қарауыл төбе».

Бұл құпиясы мол алып құрылысты сумен қамтамасыз ету үшін 3-4 шақырым қашықтықта орналасқан тау шатқалындағы бұлақтардан, ұзындығы 50-60 см болатын қыш-құбырлар тізбегі тартылған. Осы күрделі жүйе арқылы аққан су хауздарға, тұрғын үйлерге жеткізілген. Көлемі 205-185 шаршы метр болатын құрылысқа қажетті өңделген тастар жанындағы биіктерге шығарылып, сол жерден керегінше алынып отырған. (Бернштам, 2006, 5б.).

Ал Ақыртас деп атаудың шығу тегіне ой жүгіртер болсақ, құрылыс тасының бір-бірімен ыңғайлы отырғызылуы үшін ортасы ойылып ақырға ұқсатылған келбеті осы жердің атауына себеп болғанын меңзейтіндей. Ақыр сөзімен байланыстырылатын басқа да болжамдар бар.

Ақыртас кешеніне «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында археологиялық қазба жұмыстары жасалып, 2008 жылы кешеннің жанынан сапар орталығы салынды.

«Ежелгі Тараз қалашығы» I-XIX ғ.ғ. мерзімделінеді. Қазақстан аумағындағы ежелгі қалардың бірі саналады. 2000 жылдық тарихы бар Тараз қаласының тарихы өте терең, XX ғасырдың 30-шы жылдарынан бастау алған археологиялық қазба жұмыстары әлі күнге дейін жалғасын табуда.

Тасын түртсе тарихы көрінетін көне шаһардың өткенінен сыр шертетін «Ежелгі Тараз» қалашығында республикадағы тұңғыш қадам – нақты бір қаланың ежелгі тарихына арналған музей – «Ежелгі Тараз» музейі 2015 жылдың қазан айының 8 жұлдызында «Қазақ хандығының 550 жылдық» мерейтойы қарсанында Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың қатысуымен ашылды. Қазіргі таңда, «Ежелгі Тараз» тарихи-мәдени орталығы облыс орталығындағы ең көрікті орындардың біріне айналып отыр. Мұнда «Көне Тараз» музейі, «Ашық аспан» астындағы Археологиялық парк, шолу мұнарасы, «Мыңбұлақ» сквері және «Достық үйі» орналасқан.

«Ежелгі Тараз» қалашығынан, археологиялық қазба жұмыстары барысында археологтар Ежелгі Тараз қаласының «Шахристан» деп аталатын бөлігін және қала ішін бойлай аққан Талас өзенінің қос бірдей арнасын ашты. Сол өзенді бойлай тастан қаланып салынған жол, VI-XII ғасырларға жатқызылатын шамамен 3,5 мың артефакт, ортағасырлық қамал, VIII-IX ғасырлардағы мешіт, төрт бөлмеден тұратын XI-XII ғасырлармен мерзімделінетін монша-хамам, Қоқан хандығына жататын зыңдан, су жинайтын –хауз және тұрғын үй құрылыстарының іргетастарын ашып, қазба барысында көптеген тарихи құнды жәдігерлер табылып отыр. Олардың барлығы да ежелгі Тараз мәдениетінен сыр шертеді. Атап айтар болсақ, тас кірпіштер, құмыралар, тұрмысқа пайдаланылған ыдыс-аяқ қалдықтары, қоладан жасалған түрлі бұйымдар, керамикалық заттар, құмандар, шырағдандар, хұмдар, диірмен тастар, жұмыртастар, қазандардың түрлі сынықтары. Осы уақыт аясында, табылған құнды жәдігерлер қатарына 2015-2017 жылдары табылған зергер көмбелері жатқызамыз, бірінші көмбеден 97 түрлі қараханид дәуіріне жататын алтын және күміс әшекей бұйымдар табылса, екінші көмбеден 24

түрлі алтын мен күмістен жасалған түрлі жапсырмалар мен әшекей бұйымдартабылды. Музейіміздің мақтанышына айналған тағы бір жәдігерлеріміздің бірі, осы жылдың мамыр айында Берікқара қорымынан табылған – үйсін дәуіріне жататын қоладан жасалған айна, білезік, шашқа қадайтын түйреуіш және қыштан жасалған ыдыс-аяқтар. Табылған заттардан біз, шаһарда қолөнер технологиясының жоғары дамығандығын көреміз. Қарахан, түргеш және қоқанд кезеніне және де XIXғасырға жататын мыстан жасалған қытай теңгелері де табылды. Осы табылған теңгелерден біз Тараз қаласының экономикасы дамыған қалардың бірі екендігін білеміз.

Міне, осы бай қазынамызды халыққа танытып, ұмыт болған тарихымыздың кейбір тұстарын қайта жаңғырту үшін, тарихты зерттеу – зерделеу жұмыстары, жаңа музей мен археологиялық саябақты дамыту жұмыстары «Ежелгі Тараз ескерткіштері» тарихи-мәдени қорық-музейінің мамандарының қажыр-қайраты арқасында өз жалғасын табуда. Жақында күрделі құрылыс жұмыстары жасалған «Ежелгі Тараз» музейі, қазіргі таңда қала тұрғындарына, келуші қонақтар мен туристерге есігін айқара ашып отыр. Музейге қойылған жәдігерлердің барлығы археологиялық қазба жұмыстары барысында «Ежелгі Тараз» қалашығынан табылған құнды жәдігерлер.

Қаламыздың орталығында орналасқан **Қарахан кесенесі XI-XII ғғ.** мерзімделінеді. Мазар ежелгі қараханилер дәуіріндегі (X-XII ғғ.) әулие тұлға – Әулие ата – Қарахан жер бесігінің үстіне тұрғызылған. XX ғ-дың бас кезінде мазар тұтастай бұзылды, жазба тарихи мәліметтер табылған жоқ. 1905-1906 жж. кесенені ишан Саид Бекхасов ал, кейбір мәліметтер бойынша Тараздық меценат Қали Жүніс өз қаржысына қайта жаңғыртқан.

1906 жылға дейін жартылай бұзылып жеткен кесененің алғашқы нұсқасы Айша бибі кесенесіндегідей түрлі-түсті ою-өрнектермен көмкерілген қыш кірпіштерден тұрғызылғанын сол жылдардағы тарихи суреттерден байқауға болады.

Қазір бұл жер бесік орналасқан орталық залы, үш бұрышында үш худжра бөлмелері бар порталды-күмбезді құрылыс. Қарахан кесенесінің қабырғалары күйдірілген кірпіштерімен өрілген. Күмбезі мен аркалық ойықтары ғана XI ғасырдағы кірпіш-плиткалармен салынған. Кіре беріс маңдайшасында: «Алладан басқа құдай жоқ, Мұхаммед оның елшісі»- деген Құран сөздері өрнектелген (Энциклопедия, 2003, 72б.).

Соңғы қайта жаңғырту жұмыстарын Тараз қаласының 2000 жылдық мерекесіне орай 2002 жылы республикалық «Қазқайтажаңғырту» мекемесі жүргізді.

Таразымдың жауһарының біріне айналған **Айша бибі кесенесі XI-XII ғасырларымен** мерзімделетін сәулет өнерінің үздік нұсқасы. Кесене Тараз қаласынан 17 шақырым жерде Жамбыл ауданының Айша бибі ауылында орналасқан.

Кесене жобасы шаршы формалы бұрыштарында коллоналары бар құрылыс. Кесене қабырғаларының сыртқы жағы қолдан ойылған ою-өрнектері бар 62 түрлі терракот қыш тақталармен көмкерілген. Әр қилы үйлесім мен нұсқалардан тұратын, түрлі өсімдік гүлдері мен геометриялық түрлер сарынындағы өрнектерге бай. Бұл орталық Азия мен Қазақстандағы өнбойы ою-өрнектермен көмкерілген жалғыз ескерткіш.

Сондықтан да Айша бибі кесенесі қазақ халқының ежелгі ою-өрнегін сақтаған мұражай іспетті. Қабырғаларының ортасында жебе бейнелі иіндермен көмкерілген терең қуыстар бар. Колонналардың жоғарғы жағы ваза түрінде жасалған. Бұрыш колонналары, жоғары қарай сүйірлене жасалған белдеушелері өсімдік гүлді оюлармен өрне-

ктелген терракот қыш тақталардың 18-ші қаланымында (3,4 м биікте) арабтың куфа әріптерімен оюланған «Күз...бұлттар...жер ғажайып...» деген тылсым сөздер жазылған. Кесененің ішкі жағында жер бесік тұр.

Кесене құрылысына антисейсмикалық мақсатта арша ағашы пайдаланылған. (Әбілдаұлы, 2002, 24 б.).

Жерленген адам туралы тек аңыздар ғана сақталған. Аңыздардың бірінде Тараз билеушісі Қараханды іңкәрлік сапары кезінде жылан шағып, қайтыс болғаны, Зеңгі баба мен Ануар бегімнің ару қызы Айша бибі туралы айтылады. Аңыз бойынша – Қарахан өзінің сүйіктісіне арнап керемет кесене салдырған.

Біздің ғажап өлкемізге аяқ басқан әрбір адам мұсылман әлемі құрмет тұтатын, «әулие орын» деп аталған ортағасырлық сәулет өнерінің інжу-маржаны Айша бибі кесенесіне ат басын бұрмай өтпейді.

Ал, жастар болса, Айша бибі кесенесіне мәңгілік махабаттың, таза сезімнің, пәктіктің символына айналған киелі орын ретінде, мінәжат етіп келіп-кетіп жатады.

Ғасырлар тереңінен біздің заманымызға дейін кесененің батыс жақ қабырғасы мен оған жапсарлас қабырғаларының қалдықтары ғана жеткен. Қаншама жылдар бойы археологтар, сәулетшілер, жаңғыртушы-реставраторлар кесенені қайта жаңғырту туралы пікірталас жүргізді. XXI ғасырдың басында ол уақытта келіп жетті. Бұл жұмысты республикалық «Қазқайтажаңғырту» мекемесінің Түркістан филиалындағы мамандары үш жыл ішінде, 2002-2005 жылдар аралығында аяқтап шықты. 2005 жылдың көктем айында кесене өзінің алғашқы қайталанбас көз қуантарлық ғажап келбетіне енді (Молдақынов, 2016, 7б.).

Жамбыл облысының аумағында орналасқан, өте қарапайым кесене саналатын **Бабаджа Хатун кесенесі XI ғ.** мерзімделінеді. Кесене Айша бибі кесенесінің маңында орналасқан. Кесене өзінің композициясы мен құрылымы жағынан өте қарапайым да қатаң. Құрылыс күйдірілген кірпіштен салынған. Қабырғаларында сәндік безендірулер жоқ, бірақ сәулеттік құрылыстың жинақы әрі қарапайым ою-өрнектері үйлесім тапқан.

Кесенеге көркемдік пен сымбаттылық беретін призмалық барабанда орналасқан 16 қырлы конус жабыны – Қазақстан күмбездерінің ішіндегі ең ерекшесі. Қасбетінде: «Бұл Бабаджа Хатун қабірі... Оны салушы» деген жазулар бөлігі сақталған. Шебердің аты-жөні сақталмаған.

Аңыз бойынша, кесене Айша арудың күтушісі болған, кейіннен бибісі өмірден өткен соң жас қабірдің өмір бойғы шырақшысы міндетін атқарған парыз адамы – Бабаджа Хатунның жер бесігі үстіне орнатылған (Молдақынов, 2007, 22 б.).

Талас өзенінің оң жағалауында орналасқан XI-XII ғасырлармен мерзімделінетін **Тектұрмас кесенесі** діни орындардың бірі саналады.Осы төбенің басында зорастризм, христиандық, мұсылмандық рәсімдегі зираттар орналасқан.Төбенің етек жағында ежелгі жерасты жолы және Талас өзені арқылы өтетен тас көпір болған. XX ғасырдың 30-шы жылдарындағы атеистердің дінге қарсы саясаты кезінде көптеген тарихи-мәдени ескерткіштер толықтай немесе жартылай кирады. Сонын ішінде Тектұрмас кесенесі де бар. Тектұрмас кесенесінің алғашқы нұсқасын 19 ғасырдың 80 жылдарындағы түсірілген фотосуреттен қарап көре аламыз. Суретте кесене өте қарапайым. 2001 жылы археолог А.Итенов археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді. 2002 жылы кесенен-

нің алғашқы орнына жаңадан кесене тұрғызылды. Кесене жергілікті халыққа Тектұрмас атымен және Сұлтан-Махмудхан жерленген орын ретіндеде белгілі. Ал Тектұрмас сөзінің өзі түрікше « тынымсыз немесе, жайсыз орын» деген мағынаны білдіреді (Мұхтаров, 2017, 3 б.).

«Байзақ Датқа» кесенесі Жамбыл облысы, Байзақ ауданы, Сарыкемер ауылының маңында орналасқан. Кесене XX ғасырда күйдірілмеген кірпішпен соғылып толығымен құлап қалған, 2000 жылы кесене орнына монолитті бетоннан сәулетінде жергілікті дәстүрдің табынушылық сәулет өнері қолданылған мавзолей соғылды. Біркүмбезді, көлемі алтықырлы, орталықтанған композиция, жоғары барабаны сферикалық күмбезбен жабылған. Күмбездің ұшы шағын күмбезшемен және жарты аймен айқындалған. Басты фасады кең емес аркалық кіру тамбурлы порталмен бөлінген. Ішкі қабырғалары ашық хорезм кірпішімен қаланған. Мавзолейде ескі жерлеудің кірпіштері қолданылған және мәрмәр тасты қабір бар (Ескерткіштер жиынтығы, 2002, 104 б.).

Байзақ Мәмбетұлы (1789-1864 жж.) өмір сүрген Қазақстанның оңтүстік өңірінде Қоқан хандығына және Ресей империясына қарсы ұлт-азаттық күресті ұйымдастырушы батыр, Тараз аймағында елді отырықшыландыруға көп күш жұмсаған. Шыққан тегі: Ұлы жүз құрамындағы Дулат тайпасы, Шымыр руынан.

Байзақ батыр туған өлкесі Қоқан хандығына да, Ресейге де қарамай тұрған тәуелсіз кезде ер жетіп, ел басшысы ретінде қалыптасқан. Оңтүстік өңірді Қоқан хандығы басып алғаннан кейін, ағасы Байтерекпен бірге сұлтан Рүстем Асфендиярұлы бастаған көтеріліске (1821) қатынасады. Көтерілісшілер қатты жазаланса да, Байзақ Мәмбетұлы беделді адам ретінде, өз руластарына датқа болып тағайындалады. Байзақ Мәмбетұлы датқа Қоқан отаршыларының айтқанына көнбей, қазақтардың мүддесін қорғай отырып, тәуелсіз саясат жүргізуге ұмтылады. Отаршыларға қарсы күресте Кенесары Қасымұлының сенімді серігі ретінде әйгілі болады. Оның сарбаздары Кенесары қолына қосылып, Қоқанның бірнеше бекінісін алды (1841), Созақ аймағын азат етуге қатысты. Қазақтар мен қырғыздардың Қоқан хандығына қарсы көтерілісіне басшылық жасады (1858). Патша генералы Колпаковскийдің әскеріне қарсы Алматыға жақын Ұзынағашта болған соғыс қимылдарына өз қолымен келіп қатысқан. Әкесі Мәмбет пен Абылай ханның өсиетін ұстап, қазақтың «арқасын тамға, аузын нанға сүйеу» жолында өмір бойы еңбек етті. Жергілікті халықты егіншілік кәсіпке үйрету үшін кезінде 160 км канал қаздырған. Оның игілігін Әулиеата (қазіргі Тараз) төңірегіндегі халық күні бүгінге дейін көріп отыр. Байзақ Мәмбетұлы датқа Қоқан хандығының әкімі Әлімқұлдың бұйрығымен зеңбірек аузына байланып атылды. Оның быт-шыты шыққан денесінен қалған екі саусағы Талас өзенніің жағасындағы Сарыкемер ауылының маңына жерленді (Даланың дара ділмарлары, 2001, 592 б.).

«Меркі-Жайсан» түркі ғұрыптық ғибадатханасы- Жамбыл облысы, Шу өзенінің аңғарында VII-VIII ғасырларда Батыс Түрік қағанатының орталықтары болған, түркі дәуірінен бізге жеткен, бай мәдени-тарихи мұралар – Жайсан және Мерке түрік ғибадатханалары.

Ата-бабаларымыздың тарихын бұрмаламай, қаз-қалпында бүгінгі ұрпаққа жеткізу тарихшы-археологтардың, этнографтардың алдында тұрған жауапкершілігі зор, үлкен міндет. Көптеген жылдар бойына Ә. Марғұлан атындағы Археология институтының кешенді археологиялық экспедициясы Мерке өңірі мен Жайсан даласына археолог Ай-

ман Досымбаеваның басшылығымен зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді. Осы киелі өңірдің ескерткіштерін арнайы зерттеудің өзіндік үлкен себебі бар. Ортағасырлық жазба мәліметтерге сүйенсек, дәл осы аймақ Батыс Түрік қағанатының орталығы болған. Барлық түркі тайпалары он тайпа немесе он оқ тайпасына бөлінген.

Мерке түрік ғибадатханасы – ортағасырлық түркілердің мәдени-ғұрыптық кешені. Бұл аймақтағы кешенді ескерткіштер тобын – жерлеу орындары – қорғандар, қорғандардың маңында кездесетін ғұрыптық қоршаулар, тас мүсіндер, балбал тастар, жартастардағы суреттер мен рулық таңбалар және қойтастарда кездесетін ойма жазулар құрайды.

Мерке ғибадатханасындағы әйел адамдарына арналған тас мүсіндердің орналасуы, бейнелену ерекшеліктері көшпелі түрік қоғамында әйелдің ерлермен теңдей дәрежеде болғандығын аңғартады. Сонымен бірге мұнда түркілердің еркектік бастаумен бірге, Ананы – ұрпақ жалғастырушы ретінде тану сияқты, терең тамырлы көшпелілердің идеологиясы жатыр.

Мерке ғибадатханасының солтүстік жағында **Жайсан ғибадатханасы** орналасқан. Бұл ортағасырлық түріктерден қалған мәдени – ғұрыптық кешен. Ғибадатханадағы ескерткіштерді зерттеу және сақтау жұмыстары 2001 жылдан бастап қолға алынған. Мұнда ескерткіштердің негізгі бөлігі орналасуына қарай бір заңдылыққа негізделген. Яғни, жерлеу құрылыстары кешеннің батыс бөлігінде орналасса, ғұрыптық құрылымдар кешеннің шығыс бөлігіне шоғырланған. Тек сирек жағдайда ғана қоршаулар қорғандардың ортасында немесе культтік кешендердің батыс бөлігінде орналасқан. Жайсан ғибадатханасының құрамдас бөлігі болып табылатын түріктердің өнер туындылары мемориалдың оңтүстік батысына жақын аралыққа шоғырланған. Мұндай өнер туындыларына тас мүсіндерде және стелаларда, сондай-ақ жартастарда кездесетін рулық таңбалар, петроглифтер т.б. жатады.

Ғибадатханалардағы кездесетін көптеген айырмашылықтарды талдап, зерттеудің нәтижесінде, Мерке ғибадатханасы бұрыннан қазақ даласында орналасқан батыс түріктердің ерекше ғұрыптық кешені, ал Жайсан ғибадатханасын Батыс Түрік қағанаты құрылғаннан кейін жүз жыл өткен соң, VIII ғасыр көлемінде батыс түрік тайпаларының жеріне келген шығыс түріктері құрғандығын көрсетіп отыр. (Кәдірімбетова, 2010, 6б.).

Барша қазақстандықтардың көз қуанышына айналған, тарихи-мәдени ескерткіштеріміз халық жадында мәңгі сақталып, ұрпақтан ұрпаққа қаз-қалпында жетеді деген сеніммен мақаламды аяқтаймын.

Әдебиеттер тізімі

Б.Әбілдаұлы. Талас, Айша Бибі, Қарахан. – Алматы: Санат, 2002. – 24 б.

А.Н. Бернштам. «Талас алқабының ежелгі ескерткіштері». – Алматы: 2006. – 5 б.

Даланың дара ділмарлары. – Алматы: ЖШС Қазақстан, 2001. – 592 б.

Н. Кәдірімбетова, Б. Есбергенова. «Егемен Қазақстан» газеті. № 90-93 (25939), 12 наурыз, 2010. – 6 б.

«Қазақстанның киелі орындарының географиясы» анықталды // https:/www. Inform. kz/ 17 тамыз, 2017. – 1б.

Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштер жиынтығы. – Алматы: 2002. – 104 б.

Т. Молдақынов. Аңыз мекен аясындағы Ақыртас. // https:/www. Inform.kz/ 6 мамыр, 2016. – 2 б.

Т. Молдақынов. Жамбыл өңірі туристерді тарихи жәдігерлермен баурайды. – Тараз: Облыстық «Ақ жол» газеті, №78 (18272) , 5 шілде, 2016. – 7 б.

Т. Молдақынов. Ежелгі Тараз ескерткіштері (1 том). – Тараз: Сенім, 2007. – 22б.

А. Мұхтаров. Құтты құндылықтар. – Тараз: «Арай» газеті. №33 (617), 24 тамыз, 2017. – 3 б.

Тараз Жамбыл облысы. Энциклопедия. – Алматы, 2003. – 72 б.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДІУ – Археологія і давняя історія України

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия в СССР

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник

ВИНИТИ РАН – Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук

ВолГУ – Волгоградский государственный университет

ГЭ – Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ДБ – Древности Боспора

ИА – Институт археологии

ИАА – Историко-археологический альманах

ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

ИАК – Известия археологической комиссии

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук, Москва

ИГН – Институт геологических наук

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

ИЭИА – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

КазНПУ им. Абая – Казахский национальный педагогический университет имени Абая

КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

МГТУ – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НГУ – Новосибирский государственный университет

НМ РТ - Национальный музей Республики Татарстан

НТШ – Наукове товариство ім. Т. Шевченка

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

РАН – Институт археологии Российской академии наук. Москва

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников, Москва

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет

ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской Академии наук

ПАМЯТИ К.М. БАЙПАКОВА
(1940-2018 гг.)

В 2018 г. казахстанская археология понесла невосполнимую утрату. На 79 году жизни 23 ноября 2018 г. умер выдающийся ученый, археолог, доктор исторических наук, академик НАН РК, заслуженный деятель науки и техники Республики Казахстан Карл Молдахметович Байпаков.

К.М. Байпаков родился 17 ноября 1940 г. в городе Талгар Алматинской области, в 1963 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета (кафедра археологии). Его путь в археологию был прямым и стремительным. Еще в студенческие годы Карл Байпаков принимает участие в раскопках средневековых городов на территории Туркменистана и Семиречья. Это определило его научную специализацию. В 1966 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Средневековые города и поселения Семиречья (VII-XII вв.)». Новым в работе было открытие большого числа городищ в Северо-восточном Жетысу, на основе которых К.М. Байпаков разработал типологию средневековых оседлых памятников.

В течение последующих 20 лет расширяется география его научных работ. Он участвует в раскопках Отрара и городов Отрарского оазиса. Сравнение процессов урбанизации двух историко-географических районов легло в основу докторской диссертации К.М. Байпакова, которую он защитил в 1986 г. по теме «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI - начале XII в. (динамика и основные этапы развития)».

Успешной была его служебная деятельность. С 1991 по 2010 год К.М. Байпаков возглавлял Институт археологии имени Маргулана МОН РК. С 2011 года – председатель Казахстанского археологического общества. Последние годы К.М. Байпаков возглавлял РКГП «Государственный музей «Центр сближения культур» при Министерстве культуры и спорта. Карл Молдахметович воспитал десятки кандидатов (40) и докторов (7) наук.

Карл Молдахметович Байпаков был известным специалистом в области средневековой археологии Казахстана и Центральной Азии. Его полномасштабные исследования таких памятников, как Отрар, городище Куйрыктобе, некрополь Костобе, буддийский храм в городище Койлык и многие другие расширили и обогатили источниковую и методологическую базу изучения древней и средневековой истории Казахстана. В монографиях К.М. Байпакова процессы урбанизации прослежены на протяжении четырех тысяч лет от эпохи бронзы до нового времени. Конкретный археологический материал использован им в разработке актуальных для мировой истории и археологии проблем: политогенез и этапы государственности, признаки города, концепция степной цивилизации. Методологической основой изучаемых проблем стала теория неразрывного единства оседлой и кочевой культуры.

В результате научной деятельности К.М. Байпаков создал новую концепцию национальной истории, основанной на полувековом развитии отечественной археологии, и показал этим вклад населения Казахстана в мировую историю.

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2019

Көрнекті қазақстандық археолог К.А. Ақышевтың
95 жылдығына арналған Халықаралық археологиялық
ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

Материалы Международной археологической
научно-практической конференции, посвященной 95-летию
со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева

Подписано к печати 09.04.2019.
Формат 70*100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л. 57,2. Тираж 200 экз. Заказ №2.

Отпечатанно в ИПТКА «Глобус»
г. Астана, пр. Б.Момышулы, д.12
тел. 8(7172) 51-27-29, 8 776 532 09 05
email: globus.ast@mail.ru